

БИБЛИОТЕКА
ОФИЦЕРА

Ф. ЭНГЕЛЬС
ИЗБРАННЫЕ
ВОЕННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Ф. ЭНГЕЛЬС

ИЗБРАННЫЕ ВОЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1957

F. Engels

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В сборник «Избранные военные произведения» Ф. Энгельса включены его важнейшие работы по военным вопросам. Работы и статьи Ф. Энгельса печатаются в основном в хронологическом порядке, по датам их написания. Материал сборника сгруппирован по разделам в соответствии с тематикой военных произведений Ф. Энгельса в различные периоды его научной и политической деятельности, начиная с периода революции 1848—1849 гг. до 90-х годов XIX в. В начале сборника, вне хронологии, публикуются три главы из книги Ф. Энгельса «Анти-Дюринг» (1877—1878 гг.), в которых содержатся обобщающие теоретические положения марксизма, относящиеся ко всем основным проблемам сборника. В дополнительном разделе «Из рукописного наследия Ф. Энгельса» даны некоторые не публиковавшиеся при жизни автора незаконченные рукописи, имеющие большое военно-теоретическое значение. В издание включен также ряд писем К. Маркса и Ф. Энгельса по военным вопросам.

Тексты, вошедшие в настоящий сборник, публикуются по последним изданиям Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. второе; Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, 1953; К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, 1955; К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953 и другие издания).

Работы и статьи Энгельса, а также письма Маркса и Энгельса, не вошедшие в издания, выпущенные Институтом марксизма-ленинизма в последние годы, печатаются по тексту первого издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса и сборников избранных военных произведений Энгельса, изданных Военным Издательством до Великой Отечественной войны (Ф. Энгельс. Избранные военные произведения, т. I, 1941; Ф. Энгельс. Избранные военные произведения, т. II, 1938). В переводы этих работ по указанию Института марксизма-ленинизма внесены некоторые уточнения. Пояснительные тексты в квадратных скобках и редакционные сноски под строкой даны в соответствии с изданиями, служившими источниками для составления данного сборника. В отдельных случаях сделаны дополнительные сноски, облегчающие понимание текста. Транскрипция имен собственных и географических названий в работах, не публиковавшихся в послевоенный период, приведена в соответствии с транскрипцией, принятой в последних изданиях Института марксизма-ленинизма.

Сборник снабжен справочными примечаниями, указателем имен и указателем географических названий.

Настоящее издание печатается в основном с матриц издания Избранных военных произведений Ф. Энгельса, выпущенного Военным Издательством в 1956 г. Заменены лишь тексты тех работ, которые были опубликованы в исправленном переводе в вышедших за это время томах второго издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Кроме того, учтены, поскольку это позволяли объем издания и условия печати, пожелания рецензентов относительно включения в сборник дополнительно некоторых работ и писем Ф. Энгельса, а также сделаны некоторые дополнения и уточнения в аппарате.

Ф. ЭНГЕЛЬС — ВЕЛИКИЙ ЗНАТОК ВОЕННОГО ДЕЛА

Великие основоположники научного коммунизма Карл Маркс и Фридрих Энгельс всесторонне и глубоко занимались изучением и разработкой проблем войны и военного дела в интересах пролетарской революции. Маркс и Энгельс видели в военной теории могучее оружие пролетариата в его борьбе с буржуазией.

Теоретическое наследство К. Маркса и Ф. Энгельса по вопросам войны, армии и военного дела неопределимо; оно является прочной основой для глубокого понимания современных войн и современной военной науки. Особенно много военными вопросами занимался Энгельс. «После своего участия в баденской кампании (1849 г.— А. С.) Энгельс сделал изучение военных вопросов своей специальностью»,— писал Маркс Лассалю в 1859 г.¹

Фридрих Энгельс был гениальным мыслителем и борцом, новатором и революционером в науке. Теоретическое наследство Энгельса огромно и охватывает важнейшие отрасли знания. Он вместе с Марксом совершил целый переворот в понимании такого общественного явления, как война, в понимании вооруженных сил и военного искусства. Фридрих Энгельс был первым военным теоретиком пролетариата, ему принадлежит заслуга и в создании научной истории военного искусства. Многочисленные военные работы Энгельса служат непревзойденными образцами распространения диалектического материализма на область военных явлений.

К. Маркс и В. И. Ленин высоко оценивали военные работы Энгельса. В. И. Ленин называл Энгельса великим знатоком военного дела.

Военно-теоретические работы Энгельса охватывают учение о войне и армии, о их происхождении и классовой сущности,

¹ См. настоящее издание, стр. 683. В дальнейшем при цитировании отдельных мест из произведений, вошедших в сборник, страницы указываются в самом тексте.

военную науку, занимающуюся вопросами подготовки и ведения войны, и историю военного искусства.

* * *

К. Маркс и Ф. Энгельс являются основоположниками пролетарского учения о войне и армии. Подлинно научное объяснение природы и сущности войны и армии они дали на основе открытых ими законов общественного развития. Они установили классовую природу войны и армии, исходя из конкретных условий общественной жизни, из экономической и политической структуры общества, исходя из того, что «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»¹.

Идеологи господствующих эксплуататорских классов создали немало всевозможных теорий о войне и причинах ее возникновения, объявлявших войны результатом действий вечных законов природы, проявлением закона борьбы за существование, извечно присущих человеку инстинктов и т. п. Своим учением о войне и армии Маркс и Энгельс нанесли сокрушительный удар по этим теориям, показали, что подлинной целью таких теорий является оправдание захватнических, грабительских войн. Они разоблачили теорию английских мальтузианцев. Известно, что ныне эта теория используется реакционными идеологами империализма в качестве одного из средств идеологической обработки народа с целью подготовки его к агрессивным войнам.

Фридрих Энгельс в своем гениальном произведении «Анти-Дюринг», в котором сформулированы многие положения пролетарского учения о войне и армии, обрушивается против Дюринга, объявившего, что насилие и, следовательно, война как орудие насилия являются главной движущей силой общественного развития, «источником жизни», причиной всех социальных революций и переворотов. Разоблачая лживость этой теории, увековечивающей войны, Энгельс решительно выступил против преувеличения роли насилия, роли войны и доказал, что насилие является результатом определенно сложившихся экономических отношений, способа производства материальных благ. Однако, выступая против преувеличения роли насилия и показывая зависимость его от определенно сложившихся экономических отношений, Энгельс предупреждал также о вредности недооценки роли насилия. Маркс и Энгельс неоднократно указывали, что насилие играет революционную роль, когда оно служит целям революционного преобразования общества и используется передовым классом для преодоления сопротивления

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, 1955, стр. 322.

реакционных сил. По словам Маркса, насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым, тем орудием, посредством которого общественное движение пролагает себе дорогу и ломает окаменевшие, омертвевшие политические формы (см. стр. 28—29). Рабочий класс — творец нового, коммунистического общества — не может отказаться от применения революционного насилия в различных формах, вплоть до вооруженного восстания, с целью установления диктатуры пролетариата, слома эксплуататорской государственной машины, ликвидации капиталистического строя. После завоевания власти рабочему классу приходится отстаивать свою диктатуру от бешеных наскоков контрреволюционной буржуазии. Все это требует, подчеркивали Маркс и Энгельс, от авангарда пролетариата — пролетарской партии — знания законов и правил вооруженного восстания, законов вооруженной борьбы. Указывая, что рабочий класс должен прибегать к вооруженному насилию по необходимости, из-за сопротивления буржуазии, Маркс и Энгельс допускали при этом возможность в отдельных случаях, при определенных, благоприятных для рабочего класса условиях (как, например, в Англии в середине XIX в.) мирного перехода власти в руки пролетариата. Формы, методы, масштабы применения революционного насилия пролетариатом по отношению к эксплуататорским классам, отмечали классики марксизма, не могут быть одинаковыми во всех странах и во все времена: они зависят от конкретных исторических условий и характера соотношения классовых сил.

Война есть явление общественное, конкретно историческое. Войны возникают с появлением частной собственности на средства производства, с расколом общества на антагонистические классы. При первобытно-общинном строе не было войн, не было и специальных отрядов вооруженных людей. Вооруженные столкновения между отдельными родами и племенами, иногда происходившие при первобытно-общинном строе, не могут быть названы войнами, так как они не вытекали из самого характера общественных отношений. По своей природе эти военные столкновения принципиально отличаются от войн, присущих антагонистическим классовым формациям. Только в классовом обществе появляются войны, которые ведутся господствующими классами с целью завоевания чужих земель, грабежа и порабощения других народов, а также войны между классами одного и того же государства. После ликвидации классов, уничтожения эксплуатации и эксплуататорского строя не будет и войн.

Много места в своих работах Энгельс отводил армии, ее происхождению, природе, назначению и истории развития. Армия классовых обществ, определял он, это — «великое орудие угнетения» (стр. 613). На большом фактическом материале

Энгельс разоблачал буржуазных военных деятелей, маскировавших сущность капиталистической армии, и показывал ее подлинное, классовое назначение — обеспечивать господство эксплуататоров и вести в их интересах внутренние и внешние войны.

Капиталистические государства, писал Энгельс в «Анти-Дюринге», ведя между собой войны, из года в год тратят все больше средств на армию, флот, пушки. Ввиду этого все более возрастает милитаризм, который «таит в себе зародыш собственной гибели». Капиталистические страны принуждены все в большей мере применять всеобщую воинскую повинность и тем самым обучать владеть оружием весь народ, который приобретает возможность в известный момент осуществить свою волю вопреки командному составу армии. «И этот момент наступит, как только народная масса — деревенские и городские рабочие, а также крестьяне — *будет иметь свою волю*» (стр. 15).

В письме в редакцию газеты «Le Socialiste» «К 20-й годовщине Парижской Коммуны» Энгельс указывал, что армия начинает все больше отражать настроения и мысли народа, становится все менее надежной как орудие угнетения. «...Если уже и в армии занимается заря, значит конец старого мира уже не за горами» (стр. 614).

В своих военных произведениях Энгельс большое внимание уделял организационной структуре армии, родам войск, вооружению армии, ее обучению и воспитанию. Обобщая опыт действий волонтерских армий в гражданской войне в США (1861—1865 гг.), Энгельс писал: «Никакая армия, заново организованная из штатских людей, никогда не сможет существовать в действительном состоянии до тех пор, пока она не будет обучена и поддержана огромными интеллектуальными и материальными ресурсами, которые имеются в распоряжении соответственно сильной регулярной армии, и главным образом — той организацией, которая образует основную силу регулярной армии» (стр. 428). Более быстрое обучение (как это практиковалось во Франции при Наполеоне) вновь набранных солдат возможно, когда батальон свежих рекрутов получит достаточное количество опытных офицеров и унтер-офицеров, каждая рота — несколько старых солдат, а в день боя молодые рекруты будут драться в общих бригадах с ветеранами (см. стр. 432). Нельзя волонтеров заставить соперничать с линейными войсками в совершенстве строевого обучения, но волонтеры должны быть обученными и при том так, чтобы общее одновременное действие стало механическим, естественным для них, чтобы их движения и действия происходили устойчиво, одновременно и с необходимой выправкой. Обобщая опыт обучения волонтеров, Ф. Энгельс связывал его с задачами военной подготовки бойцов пролетарской революции.

Исследуя состояние обучения в армиях разных государств, Энгельс бичевал парадную муштру. «В Германии не может быть никакого прогресса в военном деле, пока в высших сферах не хотят расстаться с мыслью, будто армии созданы для парадов, а не для боя» (стр. 375). Прусского короля Вильгельма I Энгельс называл плацпарадным героем (стр. 448). Следовательно, обучать войска нужно для боя, для войны, а не для парадов. И в этой связи Энгельс придавал исключительное значение ценному боевому опыту (см. стр. 371).

Боеспособность армии зависит от ее морального состояния, от обучения и железной дисциплины. Причем моральное состояние армии Энгельс не отрывал от морального состояния народа страны и от характера самой войны. Во время сражения «моральный элемент... сразу преобразуется в материальную силу...» (стр. 226). Войска с высоким боевым духом будут атаковать противника с величайшим самообладанием, решимостью, быстротой и сплоченностью. Грабеж и мародерство приводят к разложению армии. Армия, деморализованная грабежом, изменается навсегда, ее не могут вернуть в прежнее состояние никакие голоса команды и никакой авторитет генерала.

Придавая огромное значение моральному духу войск, Энгельс в то же время указывал, что французская армия в час испытания (франко-прусская война) не могла противопоставить противнику ничего, кроме славных традиций и храбрости солдат, «а этого одного недостаточно для того, чтобы армия продолжала оставаться первоклассной» (стр. 518).

В ведении справедливых национально-освободительных войн Энгельс отводил огромную роль народным массам, партизанским отрядам. «Народ, который хочет завоевать себе независимость, не должен ограничиваться *обычными* способами ведения войны. Массовое восстание, революционная война, партизанские отряды повсюду — вот единственный способ, при помощи которого малый народ может одолеть большой, при помощи которого менее сильная армия может противостоять более сильной и лучше организованной»¹. Когда прусские войска во время франко-прусской войны вторглись во Францию, подошли к Парижу и даже тогда, когда Париж капитулировал, Энгельс считал, что Франция может сопротивляться и развернуть народную войну. В огне народной войны с течением времени может быть уничтожена по частям самая сильная армия. Прусская армия разбилась бы о Париж, если население столицы было вооружено. Но пойти на это, говорил Маркс в «Гражданской войне во Франции», означало бы вооружить революцию, поэтому французское «правительство национальной обороны» решило капитулировать, сдав Париж врагу.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. второе, т. 6, стр. 416.

Маркс и Энгельс раскрыли соотношение и взаимосвязь политики и экономики, войны и политики, показали роль народа и различных классов в войнах. Великий Ленин, определявший войны как продолжение классовой политики насильственными средствами, писал, что Маркс и Энгельс *каждую* войну рассматривали как *«продолжение политики данных, заинтересованных держав — и разных классов внутри них — в данное время»*¹.

Исходя из оценки характера войны, К. Маркс и Ф. Энгельс подразделяли войны на оборонительные и завоевательные, обычно понимая под оборонительными войнами исторически прогрессивные — национально-освободительные войны и войны угнетенных классов против поработителей, а под завоевательными — грабительские, реакционные войны. В. И. Ленин, говоря об «оборонительной» войне, указывал, что «социалисты всегда понимали под «оборонительной» войной *«справедливую»* в этом смысле войну...»²

Маркс и Энгельс объяснили характер многих войн и главным образом войн, современниками которых они были. Фридрихом Энгельсом широко дан политический и военный анализ Крымской войны 1853—1856 гг., колониальных войн и восстания в Индии в 1857—1859 гг., итальянской войны 1859 г., гражданской войны в США 1861—1865 гг., австро-прусской войны 1866 г. и франко-прусской войны 1870—1871 гг. Все эти войны получают всестороннюю оценку, освещаются с экономической, политической и военной точек зрения.

Энгельс показал каждую войну в связи с «тем политическим строем, из которого она вытекает», вскрыл классовую природу и дал оценку политических последствий этих войн. Исход войны, победы и поражения обуславливаются многими факторами. То государство сильнее в военном отношении, которое имеет более развитую экономику, хорошо обученную и хорошо вооруженную армию. Исход войны во многом зависит от морального духа войск. «...Вся организация и боевой метод армий, а вместе с ними победы и поражения, — пишет Энгельс в «Анти-Дюринге», — оказываются зависящими от материальных, т. е. экономических, условий: от человеческого материала и от оружия, следовательно — от качества и количества населения и от техники» (стр. 15).

В самом начале гражданской войны в США (1861—1865 гг.) Маркс и Энгельс правильно определили ее характер и предсказали ее исход. Борьба между Югом и Севером рассматривалась ими как борьба двух социальных систем — системы рабства и системы свободного труда. Маркс и Энгельс указывали,

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 195.

² Там же, стр. 272.

что победить должна более передовая социальная система, а именно — северные штаты. Энгельс подчеркивал огромное значение для будущего развития США гражданской войны, которая должна была взорвать рабство — «это величайшее препятствие, сковывающее политическое и социальное развитие Соединенных Штатов» (стр. 696). И действительно, после гражданской войны США в сравнительно короткое время стали развитой капиталистической страной.

Ф. Энгельс правильно предвидел исход франко-прусской войны 1870—1871 гг. В первые дни войны в письме к Марксу от 22 июля (война была объявлена 15 июля 1870 г., а военные действия начались 2 августа) он писал: «С конца следующей недели немцы могут наступать и бросить во Францию армию, которая должна опрокинуть все, что противопоставит ей Б[она-парт], хотя и после нескольких жестоких боев. Исходя из того, как обстоят теперь дела, я считаю невозможным для Бонапарта счастливый исход кампании»¹. В другом письме Марксу Энгельс пишет: «Окончательный результат — что в конце концов победят немцы — для меня вне всякого сомнения...»² Глубокое знание экономических и политических особенностей обоих противников позволило Энгельсу сделать правильное предвидение исхода войны.

Великие идеологи пролетариата постоянно разоблачали захватнические войны капиталистических стран, колониальные войны, которые велись Англией, США, Францией и другими государствами с целью грабежа и закабаления отсталых стран. Ф. Энгельс написал ряд статей о начавшейся в 1856 г. второй опиумной войне в Китае и о вспыхнувшем в 1857 году восстании сипаев в Индии. Войну в Китае против англо-французских, а также американских колонизаторов Энгельс определял как войну прогрессивную, народную, ради сохранения китайской национальности (см. стр. 110). В статье «Персия и Китай» он пишет об активном участии китайских народных масс южных провинций в войне против иностранных захватчиков (см. стр. 109). В заключении статьи Энгельс заявляет: «Несомненно одно: смертный час старого Китая приближается быстрыми шагами. Гражданская война уже разделила юг и север империи... Самый фанатизм южных китайцев в их борьбе против иностранцев довольно красноречиво говорит о сознании огромной опасности, грозящей старому Китаю; пройдет немного лет, и мы будем свидетелями предсмертной борьбы самой древней империи мира и вместе с тем зари новой эры для всей Азии» (стр. 111).

В статьях об Индии Энгельс разоблачал хищническую политику английской буржуазии и зверства, совершаемые англий-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 358.

² Там же, стр. 365.

ской армией, каждое новое продвижение которой сопровождалось грабежом и опустошением. Фактически нигде в мире «нет такой звероподобной армии, как британская. Грабеж, насилие, убийство... являются издавна установленной привилегией, узаконенным правом британского солдата. Гнусности, совершенные англичанами после штурма Бадахоса и Сан-Себастьяна в испанской войне, не имеют параллелей в летописях других наций со времени Французской революции» (стр. 121).

Ф. Энгельсом обобщен опыт кампании Гарибальди в Сицилии и Южной Италии (1860 г.), испанской революции, начавшейся в 1868 г. (см. статью «Бакунисты за работой», стр. 581—598).

Маркс и Энгельс рассматривали ту или иную войну прежде всего как вожди и теоретики пролетариата. Изучая характер войны, они определяли отношение к ней пролетариата и устанавливали, способствует она развитию революции или не способствует. Свое учение о войне и армии Маркс и Энгельс подчиняли задачам пролетарской революции, диктатуры пролетариата, рассматривали его как руководство к действию. Они учили рабочий класс вооруженной борьбе против буржуазии, готовили его к выполнению исторической миссии могильщика капитализма.

Великие основоположники научного коммунизма занимались разработкой искусства вооруженного восстания пролетариата как составной части теории пролетарской революции и диктатуры пролетариата. Первые статьи Маркса и Энгельса по вопросам вооруженного восстания и вооруженных сил революции были помещены в «Новой Рейнской газете» (ее редактировал Маркс с 1 июня 1848 г. по 19 мая 1849 г.). Статьи освещали важнейшие события революции 1848—1849 гг.; в них закладывались теоретические основы политики, стратегии и тактики пролетариата. Уроки революции 1848—1849 гг. в Германии и Франции обобщены в работах К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» и Ф. Энгельса — «Крестьянская война в Германии», «Революция и контрреволюция в Германии». В перечисленных трудах дается глубокий анализ предпосылок, движущих сил и уроков революции. В них получает дальнейшее развитие учение о государстве и диктатуре пролетариата.

Большой интерес представляет «Обращение Центрального Комитета к Союзу коммунистов», написанное Марксом и Энгельсом (март 1850 г.). В «Обращении» ставятся многие вопросы, связанные с борьбой пролетариата, с созданием и деятельностью рабочей партии, и в том числе такие, как вооружение всего пролетариата ружьями, карабинами, орудиями и боевыми припасами. «...Рабочие должны сделать попытку организовать в виде самостоятельной пролетарской гвардии,

с командирами и собственным генеральным штабом, избранными ими же самими, и поступить в распоряжение... созданных рабочими революционных общинных советов»¹.

В работе «Революция и контрреволюция в Германии» дано классическое определение восстания как искусства. «Восстание есть искусство, точно так же как и война, как и другие виды искусства. Оно подчинено известным правилам, забвение которых ведет к гибели партии, оказавшейся виновной в их несоблюдении» (стр. 53). И здесь же дается формулировка правил вооруженного восстания.

«Во-первых, никогда не следует играть с восстанием, если нет решимости идти до конца... Боевые силы, против которых приходится действовать, имеют всецело на своей стороне преимущество организации, дисциплины и традиционного авторитета; если восставшие не могут собрать больших сил против своего противника, то их разобьют и уничтожат. Во-вторых, раз восстание начато, тогда надо действовать с величайшей решительностью и переходить в наступление. Оборона есть смерть всякого вооруженного восстания; при обороне оно гибнет, раньше еще чем померилось силами с неприятелем. Надо захватить противника врасплох, пока его войска еще разрознены; надо ежедневно добиваться новых, хотя бы и небольших, успехов; надо удерживать моральный перевес, который дало тебе первое успешное движение восстающих; надо привлекать к себе те колеблющиеся элементы, которые всегда идут за более сильным и всегда становятся на более надежную сторону; надо принудить неприятеля к отступлению, раньше чем он мог собрать свои войска против тебя; одним словом, действуй по словам величайшего из известных до сих пор мастера революционной тактики, Дантона: *de l'audace, de l'audace, encore de l'audace!* [смелость, смелость и еще раз смелость!]" (стр. 53—54).

В ходе вооруженного восстания нельзя допускать раздробленности и разрозненности революционных сил, позволяющих правительственным войскам подавлять одно восстание за другим (см. стр. 593). В. И. Ленин, говоря о взглядах Энгельса на проведение восстания, на организацию революции, указывал, что «Энгельс во главу угла ставил наступательный образ действий и централизацию революционных сил»².

Эти правила вооруженного восстания были восприняты Лениным, Коммунистической партией, обогащены опытом борьбы пролетариата в новых исторических условиях и превращены в жизнь.

Маркс и Энгельс раскрыли всемирно-историческое значение Парижской Коммуны, которая была в истории челове-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. второе, т. 7, стр. 264.

² В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 446.

ства первым государством пролетариата, первым опытом диктатуры пролетариата.

Основоположники научного коммунизма Маркс и Энгельс жили в период промышленного капитализма. Они создали учение, явившееся величайшим открытием, однако некоторые положения, которые были совершенно правильными для XIX века, оказались несоответствующими новым историческим условиям эпохи империализма. Маркс и Энгельс предполагали, что пролетарская революция победит одновременно во всех или в большинстве цивилизованных стран. Но когда капитализм из домонополистического перерос в монополистический, В. И. Ленин на основе всестороннего анализа империализма открыл закон неравномерности экономического и политического развития капитализма в эпоху империализма и пришел к выводу, что в новых условиях развития социализм вполне может победить в одной, отдельно взятой, стране, что одновременная победа социалистической революции во всех странах или в большинстве цивилизованных стран невозможна ввиду неравномерности вызревания революции в этих странах.

К. Маркс и Ф. Энгельс, исходя из теории возможности победы пролетарской революции одновременно во всех или в большинстве цивилизованных стран, естественно, не могли направлять внимание на вопросы защиты страны победившего социализма от внешней интервенции. «В коммунистическом обществе,— говорил Энгельс,— никто не станет и думать о постоянном войске»¹. С победой революции «войско монарха превращается в народное войско, машина отказывается служить, и милитаризм погибает в силу собственного диалектического развития... А это означает взрыв милитаризма и вместе с ним всех постоянных армий *изнутри*» (стр. 15). При всем этом Маркс и Энгельс отнюдь не считали, что пролетарская революция будет кратковременной и что установление и укрепление власти пролетариата произойдет в результате одного удара. Они представляли себе пролетарскую революцию, как «15, 20, 50 лет гражданских войн и международных столкновений...»² Такая постановка вопроса не исключала, а, наоборот, предполагала вывод: о возможности и даже неизбежности войн между пролетарскими и непролетарскими государствами, а также войн гражданских, о необходимости пролетарских армий.

В незаконченной работе «Возможности и перспективы войны Священного союза против Франции в 1852 г.» Энгельс указывал, что победивший пролетариат создаст новую армию, которая будет обладать неслыханно страшной силой, и войны ее

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. второе, т. 2, стр. 539.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. второе, т. 8, стр. 431.

будут сильнее, искуснее и интеллигентнее, он создаст и новую военную науку и новый способ ведения войны (см. стр. 635, 637). Основой этой новой системы ведения войны явится действительное освобождение пролетариата, полное устранение всех классовых различий и полное обобществление средств производства, которые к тому же должны возрасти по крайней мере вдвое. «...Новая военная наука будет в такой же мере необходимым продуктом новых общественных отношений, в какой военная наука, созданная революцией и Наполеоном, явилась неизбежным результатом новых отношений, порожденных революцией» (стр. 635).

Гениальный теоретик пролетариата предвидел неизбежность мировых войн. В 1887 г., за 27 лет до первой мировой войны 1914—1918 гг., в своей работе «Из введения к брошюре Боркгейма «На память ура-патриотам 1806—1807 гг.» Энгельс писал, что «для Пруссии-Германии невозможна уже теперь никакая иная война, кроме всемирной войны. И это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы. От восьми до десяти миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени дочиства, как никогда еще не объедали тучи саранчи» (стр. 611). В этой войне абсолютно несомненным результатом явится «всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса» (стр. 612).

Энгельс, предвидя неизбежность революции в связи с будущей мировой войной, считал, что уничтожение капитализма и, следовательно, милитаризма произойдет в результате обострения классовых противоречий, победы пролетарской революции.

«Такова перспектива, если доведенная до крайности система взаимной конкуренции в военных вооружениях принесет, наконец, свои неизбежные плоды. Вот куда, господа короли и государственные мужи, привела ваша мудрость старую Европу. И если вам ничего больше не остается, как открыть последний великий военный танец, то мы не заплачем. Пусть война даже отбросит, может быть, нас на время на задний план, пусть отнимет у нас некоторые уже завоеванные позиции. Но если вы разнуздаете силы, с которыми вам потом уже не под силу будет справиться, то, как бы там дела ни пошли, в конце трагедии вы будете развалиной, и победа пролетариата будет либо уже завоевана, либо все-ж-таки неизбежна» (стр. 612).

В. И. Ленин назвал это великое предвидение гениальным пророчеством. «Какое гениальное пророчество! И как бесконечно богата мыслями каждая фраза этого точного, ясного, краткого, научного классового анализа!»¹

Ф. Энгельс предвидел также, что Германия, стремившаяся

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 456

развязать войну, потерпит крах и «это произойдет, вероятно, в войне с Россией,— в войне, которая может длиться четыре года и доставит Пруссии только недуги и простреленные кости» (стр. 650).

Маркс и Энгельс, начиная с 70-х годов, все более обращались к России как стране назревавшей революции, правильно полагая, что революция в России явится поворотным пунктом в мировой истории.

* * *

К. Маркс и Ф. Энгельс придавали огромное значение военной науке, т. е. вопросам, связанным непосредственно с подготовкой и ведением войны. Фридрих Энгельс был первым марксистом, работавшим над созданием подлинно научной военной теории. В исследовании военно-теоретических вопросов Энгельс опирался на созданный Марксом и им диалектический и исторический материализм, на научное объяснение происхождения, классовой природы и сущности войны и вооруженных сил. Разработанное Марксом и Энгельсом учение о войне и армии непосредственно связано с военной наукой. Оно является теоретической основой военной науки. Только правильно разобравшись в войне как общественном явлении, в ее социальной природе, можно понять закономерности вооруженной борьбы (ведения войны). Фридрих Энгельс дал глубокий анализ современных ему способов ведения войны, стратегии и тактики вооруженного восстания пролетариата.

Военно-теоретические взгляды Энгельса изложены в многочисленных работах. Во время войн, происходивших при его жизни, Энгельс, сотрудничая в различных редакциях, писал десятки статей, многие из которых имели «единственную цель дать исключительно с точки зрения военной совершенно беспристрастное объяснение текущим военным событиям, а также, по мере возможности, высказать их вероятное влияние на предстоящие операции» (стр. 447). При подготовке статей к печати приходилось учитывать существовавшие цензурные условия.

Энгельсом написан ряд весьма ценных статей для «Новой американской энциклопедии», издававшейся американским издателем Чарльзом Дана, таких, например, как «Армия», «Пехота», «Кавалерия», «Артиллерия», «Фортификация», «Флот», «Сражение», «Атака». Как эти статьи, так и другие работы Энгельса, написанные на основе изучения многочисленной военной литературы или анализа происходивших в его время военных событий, служат образцами действительно научного обобщения военно-исторических и военно-теоретических вопросов. Военные произведения Ф. Энгельса преследовали цель вооружить пролетариат военными знаниями, они тесно связаны с задачами революционного движения, с задачами вооруженного восстания рабочего класса.

Фридрих Энгельс показал зависимость способов ведения войны от экономического базиса, от развития производства. «Ничто так не зависит от экономических условий, как именно армия и флот. Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в данный момент ступени производства и от средств сообщения. Не «свободное творчество ума» гениальных полководцев действовало здесь революционизирующим образом, а изобретение лучшего оружия и изменение живого солдатского материала; влияние гениальных полководцев в лучшем случае ограничивалось тем, что они приспособляли способ борьбы к новому оружию и к новым бойцам» (стр. 11).

Открытие этого закона, лежащего в основе развития военного искусства, знаменовало целый переворот в военной теории. Энгельс не сводил влияние способа производства (производительных сил и производственных отношений) на военное искусство к одной только материально-технической базе, военной технике. Способ производства определяет характер общественного строя, его идеи, политические учреждения. Каков способ производства, таково в основном и само общество. Влияние способа производства на военное искусство Энгельс связывал с производственными отношениями людей, с людскими массами, с их социальными качествами, с определенным типом армии (рабовладельческой, феодальной, капиталистической) и со средствами борьбы, с военной техникой.

Влияние производства, производительных сил на военное искусство огромное и в конечном счете решающее, но влияние это осуществляется через отношения людей. Нельзя выводить военное искусство непосредственно из производства. Тип военного искусства, а следовательно, и его основные особенности, складываются под влиянием общественного строя, в основе которого лежит определенный способ производства.

Заслуга Наполеона, указывал Энгельс, заключается в том, что он «нашел единственно правильное тактическое и стратегическое применение колоссальных вооруженных масс, появление которых стало возможно лишь благодаря революции» (стр. 638). Французская буржуазная революция, совершив смену общественного строя, создала новую, буржуазную армию взамен феодальной и новые, буржуазные способы ведения войны.

Энгельс показывает на целом ряде примеров происходившие изменения в способах ведения войны и боя (в военном искусстве) под влиянием появившегося нового оружия. Появление и усовершенствование огнестрельного оружия вызвало появление линейной тактики, линейного строя, а введение на вооружение нарезного оружия вызвало появление рассыпного строя. Описывая австро-прусскую войну 1866 г., Энгельс отмечал

большое преимущество прусской армии, имевшей нарезные ружья, заряжавшиеся с казенной части, позволявшие вести прицельный огонь и делать не менее четырех выстрелов в минуту.

На военное искусство влияет экономический строй, производство, а также надстройки, из которых важнейшей является государство. Энгельс учитывал влияние на военное искусство характера войны, боевого духа армии, боевого опыта армии, деятельности полководца. На военное искусство оказывают огромное влияние конкретно-исторические условия развития тех или иных стран.

Ф. Энгельс впервые обосновал, что развитие военного искусства совершается по определенным закономерностям. Закономерности военного искусства нельзя выводить из мышления выдающихся деятелей — полководцев, они присущи вооруженной борьбе в силу определенных социально-экономических, конкретно-исторических условий. «...Принципы не исходный пункт исследования, а его заключительный результат; эти принципы не применяются к природе и к человеческой истории, а абстрагируются из них; не природа, не человечество сообразуется с принципами, а, наоборот, принципы верны лишь постольку, поскольку они соответствуют природе и истории»¹.

Новой, капиталистической общественно-экономической формации присущи особые законы вооруженной борьбы. Если, например, во Франции до буржуазной революции тактика сводилась к фронтальным столкновениям равномерно расположенных сил, то во времена буржуазной революции и затем при Наполеоне основой тактики стал смелый и глубокий маневр, сочетание огня и удара. Характер боя принципиально изменился. В основе изменений лежали новые закономерности, присущие вооруженной борьбе капиталистического общества. Во Франции до буржуазной революции бой был закономерно связан с линейной тактикой. После буржуазной революции столь же закономерным стало применение ударной тактики, которая безраздельно господствовала до второй половины XIX века. Игнорирование этой закономерности приводило к поражению на поле боя.

Фридрих Энгельс разоблачал представителей буржуазной военной науки, проповедывавших точку зрения абсолютной случайности, согласно которой все сводится к случайному — удачному или неудачному стечению обстоятельств. В то время наиболее ярким выразителем этой точки зрения был буржуазный военный идеолог Клаузевиц, объявивший, что война является областью случайностей и что «талант и гений действуют вне закона»².

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1953, стр. 34.

² Клаузевиц. О войне, Воениздат, 1934, стр. 81.

Буржуазные теоретики, идеалистически рассматривая общественное развитие, сводят исторический процесс (и вооруженную борьбу) к борьбе тех или иных идей, к действиям выдающихся деятелей, полководцев. Маркс и Энгельс высоко оценивали роль великих личностей, полководцев, но рассматривали их деятельность в связи с борьбой классов, в связи с определенно сложившимися социально-экономическими условиями. Деятельность полководцев исторически обусловлена. Объективной основой этой деятельности является развитие материальной жизни общества, изменения в способе производства материальных благ. В объективных условиях заложена возможность исхода войны, сами по себе они не могут привести к победе. Победа является результатом совокупного действия объективных и субъективных факторов.

Наряду с другими факторами, определяющими победу на войне, деятельность полководца, его искусство руководить войсками имеет исключительное значение. Велик тот полководец, который служит интересам народа, нации, передовым классам и в своей полководческой деятельности использует условия материальной жизни общества, объективные закономерности. Действия по произволу, вопреки исторической закономерности, обречены на провал.

Важное значение для практической деятельности людей, в какой бы то ни было области, имеет вопрос о возможности и действительности. Нужно строго различать разницу между имеющимися возможностями и использованием этих возможностей, превращением этих возможностей в действительность. Одной возможности для достижения победы недостаточно. Энгельс приводит примеры, когда на стороне одного противника были экономические, военные возможности для достижения победы, однако он не умел использовать их, т. е. превратить возможность в действительность. Нельзя также отрывать возможность от действительности и отождествлять с нею. В военном искусстве отрыв возможности от действительности приводит к авантюризму.

Фридрих Энгельс, выступая против утверждения буржуазных военных теоретиков о вечности и неизменности принципов военного искусства, показал их историчность. Он показал, что военное искусство непрерывно развивается и изменяется, что отмирают старые способы ведения войны и боя и появляются новые. Военное искусство, непрерывно развиваясь, все более совершенствуется и усложняется. Все военные явления находятся в связи и взаимозависимости. Всесторонне изучая армию, Энгельс всегда подчеркивал связь, взаимозависимость, взаимодействие различных родов войск, а в военном искусстве — связь и взаимозависимость стратегии и тактики.

Глубоко и всесторонне характеризует Энгельс буржуазное

военное искусство — способы ведения войны и боя (стратегию и тактику). «Современная система ведения войны является необходимым продуктом французской революции...», военным выражением эмансипации буржуазии и крестьянства (стр. 631).

Свои взгляды на стратегию Энгельс выразил во многих произведениях и в том числе в таком, как «Революция и контрреволюция в Германии» в связи с освещением искусства вооруженного восстания. Большое место Энгельс отводил определению сил, необходимых для победоносного ведения войны. Ход и исход войны во многом зависят от выбора направления главного удара, от правильного планирования войны. Главный удар должен наноситься сосредоточенными силами. В ходе самой войны по необходимости нужно жертвовать «всеми мелкими операциями» с целью усиления армии, действующей на решающем направлении (см. стр. 438—439). Критикуя французскую систему ведения Крымской войны, Энгельс писал, что Франция сконцентрировала силы «на второстепенном театре войны, где и величайшие успехи не имеют решающего значения» (стр. 80). Если Наполеон нападал на самое сердце тех государств, которые он завоевывал, то «нынешняя Франция напала на *cul de sac* [закоулок] России» (стр. 77). Для характеристики взглядов Энгельса на стратегию могут служить его многочисленные статьи, в которых даются обзоры франко-прусской войны. Энгельс, пользуясь методом материалистической диалектики, разгадал прусский план ведения войны и на основе хода военных действий предвидел важнейшее событие войны — поражение французов при Седане. План Мак-Магона Энгельс называл планом «не стратега, а «алжирца», привыкшего сражаться против иррегулярных войск, план не солдата, а политического и военного авантюриста, какие господствовали во Франции в течение последних девятнадцати лет» (стр. 501). Авантюризм плана заключался в недооценке противника, в неправильной оценке сложившейся обстановки; создавалось впечатление, что «пытаются что-то сделать, идти на какой-то риск, прежде чем дать Парижу возможность полностью осознать действительное положение вещей» (стр. 501).

Нужно правильно исходить из объективной оценки своих сил и сил противника и сложившейся обстановки, выбирать способы и формы вооруженной борьбы и добиваться их искусного сочетания и применения. Стратегия должна быть пронизана «величайшей решительностью», наступательные действия должны вестись исключительно активно и характеризоваться быстротой маневра и внезапностью нападения. Энгельс придавал большое значение такому фактору, как внезапность, чтобы «захватить противника врасплох», и критиковал кордонную стратегию, разбрасывающую силы. Анализируя гражданскую войну в США, он критиковал план так называемого «удавного»

(Anaconda) окружения армии южан. «Согласно этой теории, огромная линия армий должна окружить мятежников, все более и более стягивать свои звенья и в конце концов задушить противника. Это — чистое ребячество. Это — возрождение изобретенной в Австрии около 1770 г. так называемой «кордонной системы», которая с таким большим упрямством и всегда так неудачно применялась в 1792—1797 гг. против французов... Французы рассекали «удава» пополам, ударяя в одном пункте, где они сосредоточивали превосходящие силы. Затем отдельные части «удава» разрубались по очереди» (стр. 437). Энгельс высоко ценил стратегическое искусство Наполеона, который в отдельных кампаниях, будучи в целом более слабым, чем противник, умел оказываться сильнее его и обычно побеждал в избранном пункте атаки (стр. 301).

Являясь сторонником решительных военных действий, Энгельс осуждал такую стратегию, когда полевые сражения заменяются боевыми действиями только вокруг крепостей. Подобная война «является поводом для проволок и уклонения от боя» (стр. 441).

В статье «Горная война прежде и теперь» Энгельс показывает несостоятельность взглядов «о неприступности так называемой швейцарской горной крепости» (стр. 95) и на основе изучения горных походов указывает стратегические и тактические способы и формы ведения горной войны. «Даже на самых высоких хребтах Альп нет ни одного горного прохода, который нельзя было бы обойти» (стр. 98). Возможность обойти неприятеля с фланга «нейтрализует с избытком силу оборонительных позиций, против которых фронтальная атака часто является совершенным безумием» (стр. 98).

Со стратегической точки зрения «в горной войне положение нападающего имеет решительное превосходство над положением обороняющегося» (стр. 98). Однако здесь же Энгельс ставит вопрос: «Значит ли это, что оборона горной страны — вещь совершенно бесполезная? Конечно, нет. Это значит лишь, что оборона не должна быть только пассивной и что она должна черпать свою силу в подвижности и всюду, где представляется случай, действовать наступательно» (стр. 99). Именно так поступал А. В. Суворов, которому пришлось вести свою армию по пастушьим тропинкам, в то время как по его пятам следовал Леккурб, лучший французский генерал в горной войне (см. стр. 98).

В своих военных произведениях Энгельс разбирает многочисленные сражения, происходившие как в его время, так и в предшествующие эпохи, делает теоретические обобщения о тактическом искусстве, показывает изменения способов и форм борьбы под влиянием изменений в способе производства, в средствах борьбы, возрастание размаха сражений, активности и маневренности войск на поле боя. Он подвергает кри-

тике нерешительные, пассивно ведущиеся сражения. Энгельс отдавал должное тактике уличных боев, указывал на ее «боевые приемы». Описывая боевые действия франко-прусской войны, Энгельс считал, что оборону Парижа следует вести активно, а не пассивно. Действия осажденных должны отличаться «активностью, смелостью и энергией в вылазках» (стр. 569). В достижении победы большое значение имеет преследование. «Чем энергичнее преследование, тем решительнее победа» (стр. 337). Ф. Энгельс занимался тактикой отдельных родов войск. Он высмеивает немецкого военного деятеля Мольтке, который объявил новой тактикой артиллерии выдвижение орудий на передовые линии. Такие требования к артиллерии, указывал Энгельс, предъявлялись задолго до Мольтке. «Одно лишь человеколюбие может побудить заняться осмеянием и посрамлением столь же наивных, сколь старчески-претенциозных оракульских изречений Мольтке и его лакеев, изречений, с которыми они дерзают выступать в книгах, газетах, речах и письмах» (стр. 601).

В некоторых своих работах Энгельс говорит о русской армии и русском военном искусстве. Он правильно считал, что развитие русского военного искусства тормозится отсталыми социально-экономическими отношениями царской России, крепостным правом, отставанием в развитии техники. Однако Энгельс, пользуясь недостоверным историческим материалом, принадлежавшим западноевропейским исследователям, давал иногда неточные оценки русской армии, русскому военному искусству. В то же время, когда Энгельс разбирал фактический материал военной истории, например, о швейцарском походе русских войск под командованием А. В. Суворова, то он приходил к выводу, что суворовский переход через Альпы был «самым выдающимся из всех современных альпийских переходов»¹. В ряде статей Энгельс отмечал героизм и воинское мастерство защитников Севастополя, стойкость русской пехоты, храбрость солдат русской армии.

Фридрих Энгельс является первым создателем научной марксистской истории военного искусства. Великий пролетарский теоретик, исходя из задач борьбы за пролетарскую революцию, за диктатуру пролетариата, взялся за изучение и обобщение истории военного искусства с целью глубокого познания современного ему военного искусства. На основе знания истории военного искусства и особенно опыта войн XIX столетия стало возможным раскрыть закономерности вооруженной борьбы и получить правильное представление о дальнейшем направлении военного искусства.

В работах «Происхождение семьи, частной собственности

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. II, стр. 13. См. также примечание 36 к настоящему изданию (стр. 741—742).

и государства», «Анти-Дюринг», «Заметки о войне», в статьях «Армия», «Пехота», «Кавалерия», «Артиллерия», «Фортификация», «Флот», «Сражение», «Атака» и др. Энгельс устанавливает этапы развития военного искусства; он показывает историю строительства и организации армии, отдельных родов войск, способов ведения войны и боя (стратегии и тактики), системы воспитания и обучения войск, показывает историю развития флота—гребных, парусных и паровых судов, историю фортификационных сооружений и различного оружия (см., например, статьи «О нарезной пушке», «История винтовки»). Ф. Энгельс определяет место выдающихся полководцев в истории войн и в развитии военного искусства и дает им высокие оценки. Говоря, например, о полководцах рабовладельческого общества, он высоко оценивает Эпаминонда, отказавшегося от равномерного распределения войск по фронту и создавшего ударный кулак на решающем участке боевого построения; Александра Македонского, превратившего конницу в ударное средство разгрома врага; Ганнибала, применившего сложную тактику — окружение; Юлия Цезаря, превратившего резерв в решительное средство разгрома врага.

В своих трудах Энгельс критически переработал и обобщил то, что было создано военно-теоретической мыслью на протяжении многих столетий, начиная от древних военных теоретиков. В его многочисленных работах богато представлена история строительства английской, французской, австрийской, прусской армий XIX века.

Военно-исторические работы Энгельса являются образцом глубокого и всестороннего марксистского исследования истории военного искусства.

*
*
*

Великие вожди и теоретики пролетариата К. Маркс и Ф. Энгельс научно обосновали всемирно-историческую роль пролетариата как могильщика капитализма, созидателя нового бесклассового общества. Их учение неотделимо от революционной практической деятельности, от рабочего движения и создания пролетарской партии. С целью разработки стратегии и тактики вооруженной борьбы пролетариата, подготовки и проведения вооруженного восстания они обобщали революционные события и занимались военно-теоретическими и военно-историческими вопросами.

Учение основоположников марксизма о войне и армии, о вооруженном восстании как искусстве имеет жизненно важное значение в борьбе против империалистических агрессоров, за демократию, за социализм.

Фридрих Энгельс разрабатывал военно-теоретические вопросы, т. е. вопросы, непосредственно относящиеся к подго-

товке и ведению войны, к способам ведения войны и боя, создал научную марксистскую историю военного искусства. При всем колоссальном значении военно-теоретического наследства Энгельса нельзя забывать, что Маркс и Энгельс жили в условиях домонополистического капитализма, обобщали опыт войн доимпериалистической эпохи. Исходя из возможности победы социалистической революции одновременно во всех или в большинстве цивилизованных стран, они не разрабатывали конкретных вопросов защиты страны победившего социализма от империалистических агрессоров.

Теория о возможности победы социализма в одной стране, созданная В. И. Лениным, потребовала научного обоснования необходимости вооруженной защиты и укрепления обороноспособности социалистического государства.

Вопрос о строительстве Советской Армии, указывал В. И. Ленин, был совершенно новым, он не ставился раньше даже теоретически. «Я не помню, чтобы прежние учителя социализма, которые очень многое предвидели в грядущей социалистической революции и очень многое наметили в ней,— я не помню, чтобы они высказывались по этому вопросу. Он для них не существовал, потому что он встал только тогда, когда мы взялись за строительство Красной Армии»¹.

Рабочий класс России под руководством великого Ленина, Коммунистической партии первым в истории осуществил социалистическую революцию и создал Советскую Армию — армию нового типа.

С именем великого Ленина связана разработка учения о войнах периода империализма и пролетарских революций, о тактике пролетариата и коммунистической партии в различных войнах, учения о войнах и вооруженных силах победившего пролетариата. В. И. Ленин разработал принципы строительства вооруженных сил социалистического государства, находившегося в капиталистическом окружении и вынужденного вести вооруженную борьбу против иностранных интервентов и внутренней контрреволюции.

Коммунистическая партия, В. И. Ленин, его ученики и соратники создали советскую военную науку — науку о закономерностях вооруженной борьбы, о способах подготовки и победоносного ведения войны в защиту социалистического Отечества.

Советская военная наука полностью отвечает объективным требованиям современных войн и соответствует богатейшим возможностям социалистического строя.

Полковник А. СТРОКОВ,
доктор исторических наук

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 133—134.

ИЗ КНИГИ
„АНТИ-ДЮРИНГ“

ТЕОРИЯ НАСИЛИЯ¹

«Отношение общей политики к формам хозяйственного права определено в моей системе столь решительно и вместе с тем *столь своеобразно*, что будет нелишним сделать специальное указание на него с целью облегчить изучение этого вопроса. Форма *политических* отношений есть *исторически фундаментальное*, *хозяйственные* же зависимости представляют собой только *действие* или частный случай, а потому всегда являются *фактами второго порядка*. Некоторые из новейших социалистических систем выставляют руководящим принципом бросающуюся в глаза видимость совершенно обратного соотношения: они утверждают, что формы политического подчинения как бы вырастают из экономического состояния. Конечно, эти действия второго порядка существуют как таковые и в настоящее время особенно дают себя чувствовать; но *первичное* все-таки следует искать в *непосредственном политическом насилии*, а не в косвенной экономической мощи». То же говорится и в другом месте, где г. Дюринг «исходит из того, что политический строй является решающей причиной хозяйственного положения и что обратное отношение представляет лишь отраженное действие второго порядка... До тех пор, пока люди будут рассматривать политическую группировку не как самодовлеющий исходный пункт, а исключительно как *средство в целях насыщения желудка*, — до тех пор во взглядах людей будет скрываться изрядная доза реакционности, какими бы радикально-социалистическими и революционными эти взгляды ни казались».

Такова теория г. Дюринга. И здесь, и во многих других местах г. Дюринг просто провозглашает ее, — так сказать, декларирует. Нигде во всех трех толстых томах мы не находим ни малейшей попытки доказать ее или опровергнуть противоположный взгляд. И если бы даже доказательства были дешевле грибов, то и тогда г. Дюринг не представил бы ни единого. Ведь вопрос уже решен знаменитым грехопадением Робинзона, который поработил Пятницу. Это был акт насилия,

стало быть — акт политический. А так как это порабощение, образуя исходный пункт, основной факт всей истории до наших дней, заразило ее первородным грехом несправедливости, и в такой именно степени, что в позднейшие периоды истории это порабощение было лишь смягчено, «превратившись в более косвенные формы экономической зависимости»; так как на этом же первом акте порабощения покоится также вся господствующая до сих пор «насильственная собственность», — то ясно, что все экономические явления подлежат объяснению политическими причинами, а именно — насилием. Кто не удовлетворяется этим объяснением, тот — скрытый реакционер.

Заметим прежде всего, что надо обладать самовлюбленностью г. Дюринга, чтобы считать это воззрение столь «своеобразным», — каким оно вовсе не является. Представление, будто громкие государственные политические деяния есть решающее в истории, является столь же древним, как и сама историография. Это представление было главной причиной того, что у нас сохранилось так мало сведений о развитии народов, которое происходит в тиши, на заднем плане этих шумных выступлений, между тем как оно действительно является движущей силой. Это представление господствовало во всем прежнем понимании истории и впервые было поколеблено французскими буржуазными историками времен реставрации; «своеобразно» в данном случае лишь то, что г. Дюринг опять-таки ничего не знает обо всем этом.

Далее, допустим даже на минуту, что г. Дюринг прав и что вся история до наших дней сводится действительно к порабощению человека человеком; это все-таки далеко еще не разъясняет нам сущности дела. Ведь прежде всего возникает вопрос: зачем же Робинзону нужно было порабощать Пятницу? Просто ради удовольствия? Конечно, нет. Напротив, мы видим, что Пятница «принуждается к хозяйственной службе как раб или простое орудие, и его содержат именно только как орудие». Робинзон порабощает Пятницу только для того, чтобы Пятница работал в пользу Робинзона. А каким путем Робинзон может извлечь для себя пользу из труда Пятницы? Только тем путем, что Пятница производит своим трудом большее количество жизненных средств, чем то, какое Робинзон принужден отдавать ему для того, чтобы Пятница сохранил свою трудоспособность. Следовательно, вопреки прямому предписанию г. Дюринга, Робинзон рассматривает созданную порабощением Пятницы «политическую группировку не как самодовлеющий исходный пункт, а исключительно как *средство в целях насыщения желудка*», и пусть он теперь сам подумает, как ему уладить дело со своим господином и учителем Дюрингом.

Таким образом, детский пример, измышленный г. Дюрингом специально для доказательства «исторически фундаментального» характера насилия, доказывает лишь, что насилие есть только средство, целью же является, напротив, экономическая выгода. Насколько цель «фундаментальнее» средства, примененного для ее достижения, настолько же экономическая сторона отношений является в истории более фундаментальной, чем сторона политическая. Следовательно, приведенный пример доказывает как раз противоположное тому, что он должен был доказать. И точно так же, как в примере с Робинзоном и Пятницей, обстоит дело во всех случаях господства и порабощения, которые имели место до сих пор. Порабощение всегда было, употребляя изящное выражение г. Дюринга, «средством в целях насыщения желудка» (понимая эти цели в самом широком смысле слова), но никогда и нигде оно не являлось политической группировкой, введенной «ради нее самой». Надо быть г. Дюрингом, чтобы вообразить, будто налоги представляют в государстве только «действия второго порядка», или что современная политическая группировка, состоящая из господствующей буржуазии и угнетенного пролетариата, существует «ради нее самой», а не ради «целей насыщения желудка» господствующих буржуа, именно ради выжимания прибылей и накопления капитала.

Возвратимся, однако, вновь к нашим двум мужам. Робинзон «со шпагой в руке» обращает Пятницу в своего раба. Но чтобы справиться с этим делом, Робинзон нуждается еще кое в чем кроме шпаги. Не всякому раб приносит пользу. Чтобы быть в состоянии извлечь из него пользу, нужно располагать вещами двоякого рода: во-первых, орудиями и предметами труда и, во-вторых, средствами для скудного пропитания раба. Следовательно, прежде чем рабство становится возможным, должна быть уже достигнута известная ступень в развитии производства и известная ступень неравенства в распределении. А для того, чтобы рабский труд стал господствующим способом производства во всем обществе, требуется еще гораздо более значительное повышение уровня производства, торговли и накопления богатств. В первобытных общинах, с общей собственностью на землю, рабство либо вовсе не существовало, либо играло лишь весьма подчиненную роль. Так было и в первоначально крестьянском городе Рима; когда же он стал «мировым городом» и италийское землевладение все более и более сосредоточивалось в руках малочисленного класса чрезвычайно богатых собственников, — тогда крестьянское население было вытеснено населением, состоявшим из рабов. Если во времена персидских войн число рабов в Коринфе достигало 460 000, а в Эгине — 470 000 и на каждую

душу свободного населения приходилось 10 рабов, то для этого требовалось нечто большее, чем «насилие», а именно — высокоразвитая художественная и ремесленная промышленность и обширная торговля. Рабство в американских Соединенных Штатах поддерживалось гораздо меньше насилием, чем английской хлопчатобумажной промышленностью; в местностях, где не произрастал хлопок, или же в тех местностях, которые не занимались, подобно пограничным штатам, разведением рабов для продажи в хлопководческие штаты, рабство вымерло само собой, без применения насилия, просто потому, что оно не окупалось.

Г-н Дюринг, стало быть, перевертывает вверх дном действительное отношение, называя современную собственность насильственной собственностью и определяя ее как «такую форму господства, в основе которой лежит не только отстранение ближнего от пользования естественными средствами, необходимыми для существования, но, что еще важнее, порабощение человека и принуждение его к подневольной службе». При всяком принуждении людей к подневольному труду, во всех его формах, необходимо предположить, что тот, кто принуждает, предварительно запасся орудиями труда, с помощью которых он только и может использовать порабощенного, а при существовании рабства — сверх того — жизненными средствами, необходимыми для прокормления раба. Во всех случаях предполагается, таким образом, обладание известным имуществом, превышающим средний уровень. Откуда же взялось оно? Ясно, во всяком случае, что оно, хотя и могло быть нагреблено, следовательно, могло основываться на *насилии*, но что это вовсе не является необходимостью. Оно могло быть добыто также трудом, украдено, нажито торговлей, обманом. Оно вообще должно быть сперва добыто трудом, а уж после можно отнять его грабежом.

Вообще возникновение частной собственности в истории ни в каком случае не является результатом грабежа и насилия. Напротив, она существует уже в древней, первобытной общине всех культурных народов, хотя и распространяется только на некоторые предметы. Уже внутри этой общины частная собственность развивается в форму товара, сначала в обмене с чужестранцами. Чем больше продукты общины принимают товарную форму, т. е. чем меньшая часть их производится для собственного потребления производителя и чем большая для целей обмена, чем больше обмен вытесняет и внутри общины первоначальное, стихийно сложившееся разделение труда, — тем более неравным становится также имущественное положение отдельных членов общины, тем глубже подрывается старое общинное землевладение, тем быстрее община идет на-

встречу своему разложению, превращаясь в деревню мелких собственников-крестьян. Восточный деспотизм и господство смеявшихся друг друга завоевателей-кочевников в течение тысячелетий ничего не могли поделать с этими древними общинами; между тем постепенное разрушение их стихийно сложившейся домашней промышленности, вследствие конкуренции продуктов крупной индустрии, все более и более разлагает эти общины. О насилии здесь так же мало можно говорить, как и при ныне еще происходящем разделе общинных угодий в так называемых «Gehöferschaften» [«подворных общинах»] на Мозеле и в Гохвальде: крестьяне просто считают выгодной для себя замену общинной земельной собственности частной. Даже образование, на почве общинного землевладения, первобытной родовой аристократии, — как это было у кельтов, германцев и в индийском Пенджабе, — опирается вначале вовсе не на насилие, а на добровольное подчинение и привычку. Частная собственность образуется повсюду в результате изменившихся отношений производства и обмена, в интересах повышения производства и развития сношений, следовательно, по экономическим причинам. Насилие не играет при этом никакой роли. Ведь ясно, что институт частной собственности должен уже существовать, прежде чем грабитель может присвоить себе чужое добро, что, следовательно, насилие, хотя и может сменить владельца имущества, но не может создать частную собственность как таковую.

Но мы также не можем ссылаться на насилие или на насильственную собственность для объяснения «порабощения человека и принуждения его к подневольной службе» в их самой современной форме, в форме наемного труда. Мы уже упомянули, какую роль играет при разложении древних общин, следовательно, при прямом или косвенном всеобщем распространении частной собственности, превращение продуктов труда в товары, т. е. производство их не для собственного потребления, а для обмена. Между тем Маркс в «Капитале» как нельзя яснее доказал, — и г. Дюринг остерегается хотя бы словечком заикнуться об этом, — что товарное производство на известной стадии развития превращается в капиталистическое производство и что на этой ступени «закон присвоения, или закон частной собственности, покоящийся на товарном производстве и товарном обращении, превращается путем собственной, внутренней, неустранимой диалектики в свою прямую противоположность. Обмен эквивалентов, в котором, как казалось, состояла первоначальная операция, претерпел такие изменения, что в результате он оказывается лишь внешней видимостью; в самом деле, часть капитала, обмененная на рабочую силу, во-первых, сама является лишь частью продукта чужого труда,

присвоенного без эквивалента; во-вторых, она должна быть не только возмещена создавшим ее рабочим, но возмещена с новым избытком... Первоначально право собственности выступало перед нами как право, основанное на собственном труде... Теперь же (в конце марксова анализа) оказывается, что собственность для капиталиста есть право присваивать чужой неоплаченный труд или его продукт, для рабочего — невозможность присвоить себе свой собственный продукт. Отделение собственности от труда становится необходимым следствием закона, исходным пунктом которого было, повидимому, их тождество* . Другими словами, если даже исключить возможность всякого грабежа, насилия и обмана, если даже допустить, что всякая частная собственность первоначально была основана на личном труде собственника и что во всем дальнейшем ходе вещей обменивались друг на друга только равные стоимости, — то мы и тогда при дальнейшем развитии производства и обмена неизбежно придем к современному капиталистическому способу производства, к монополизации средств производства и жизненных средств в руках одного малочисленного класса, к низведению другого класса, составляющего громадное большинство, до положения неимущих пролетариев, к периодической смене спекулятивной производственной горячки и торговых кризисов и ко всей нынешней анархии производства. Весь процесс объяснен чисто экономическими причинами, причем ни разу не было необходимости прибегать к ссылке на грабеж, насилие, государственное или какое-либо иное политическое вмешательство. «Насильственная собственность» оказывается и в этом случае просто громкой фразой, которая должна прикрыть недостаток понимания действительного хода вещей.

Этот процесс, выраженный исторически, есть история развития буржуазии. Если «политический строй является решающей причиной хозяйственного положения», то современная буржуазия должна была бы развиваться не в борьбе с феодализмом, а быть его добровольным порождением, его любимым детищем. Всякий знает, однако, что дело происходило как раз наоборот. Первоначально представляя из себя угнетенное сословие, обязанное платить оброк господствующему феодальному дворянству и пополнявшее свои ряды выходцами из зависимых и крепостных всякого рода, буржуазия отвоевала в непрерывной борьбе с дворянством одну позицию за другой, пока, наконец, не стала в наиболее развитых странах господствующим вместо него классом; причем во Франции она прямо низвергла дворянство, а в Англии постепенно обуржуазила его и вклю-

* См. «Капитал», т. I, 1955, стр. 588—589. *Ред.*

чила в свой состав в качестве декоративной верхушки. А каким образом буржуазия достигла этого? Только путем изменения «хозяйственного положения», за которым, рано или поздно, добровольно или в результате борьбы, последовало также изменение политического строя. Борьба буржуазии с феодальным дворянством есть борьба города против деревни, промышленности против землевладения, денежного хозяйства против натурального, а решающим оружием буржуазии в этой борьбе были находившиеся в ее распоряжении средства *экономической* мощи, которые непрерывно возрастали вследствие развития промышленности, сначала ремесленной, позднее развившейся в мануфактуру, и вследствие расширения торговли. В течение всей этой борьбы политическая сила была на стороне дворянства, за исключением одного периода, когда королевская власть в своей борьбе с дворянством пользовалась буржуазией, чтобы сдерживать одно сословие с помощью другого; однако с того момента, как все еще политически бессильная буржуазия начала благодаря росту своего экономического могущества становиться опасной, королевская власть вновь вступила в союз с дворянством и вызвала этим, сначала в Англии, а потом во Франции, буржуазную революцию. «Политический строй» оставался во Франции неизменным, между тем как «хозяйственное положение» переросло этот строй. По политическому положению дворянство было всем, буржуа — ничем; по социальному положению буржуазия была теперь важнейшим классом в государстве, тогда как дворянство утратило все свои социальные функции и продолжало только получать доходы в качестве вознаграждения за эти исчезнувшие функции. Мало того, все буржуазное производство оставалось втиснутым в феодальные политические формы средневековья, которые это производство — не только мануфактура, но даже и ремесло — давно уже переросло; его развитие стеснялось бесчисленными цеховыми привилегиями, обратившимися в источник придирок и в путы для производства, стеснялось местными и провинциальными таможенными рогатками.

Буржуазная революция положила этому конец, но не путем приспособления хозяйственного положения к политическому строю, согласно принципу г. Дюринга, — именно это тщетно пытались сделать в течение долгого времени дворянство и королевская власть, — а наоборот, отбросив старый, гнилой политический хлам и создав такой политический строй, в условиях которого могло существовать и развиваться новое «хозяйственное положение». И в этой новой, подходящей для него политической и правовой атмосфере «хозяйственное положение» блистательно развилось, — столь блистательно, что

буржуазия уже недалеко теперь от того положения, которое дворянство занимало в 1789 г.: она становится не только все более и более социально-излишней, но и прямой социальной помехой, она все более и более отходит от производственной деятельности и — как в свое время дворянство — становится классом, только получающим доходы. И этот переворот в своем собственном положении, как и создание нового класса, пролетариата, буржуазия осуществила без какого-либо насильственного фокуса, чисто экономическим путем. Более того, буржуазия отнюдь не желала такого результата своей собственной деятельности, напротив: результат этот проложил себе путь с непреодолимой силой, против воли буржуазии и вопреки ее намерениям; ее собственные производительные силы переросли ее руководство и как бы с естественной необходимостью гонят все буржуазное общество навстречу — либо гибели, либо перевороту. И если буржуа апеллируют теперь к насилию, чтобы охранить от крушения разваливающегося «хозяйственное положение», то они лишь доказывают этим, что находятся во власти того же заблуждения, что и г. Дюринг, будто «политический строй является решающей причиной хозяйственного положения». Точь в точь как г. Дюринг, они воображают, что при помощи «первичного фактора», «непосредственного политического насилия», они могут переделать эти «факты второго порядка», т. е. хозяйственное положение и его неотвратимое развитие; что они могут, следовательно, выстрелами из крупновских пушек и маузеровских ружей стереть с лица земли экономические результаты паровой машины и всей совокупности приводимых ею в движение современных механизмов, стереть с лица земли результаты мировой торговли и развития современных банков и кредита.

ТЕОРИЯ НАСИЛИЯ

(Продолжение)

Присмотримся, однако, несколько ближе к этому всемогущему «насилию» г. Дюринга. Робинзон «со шпагой в руке» поработает Пятницу. Откуда же он взял шпагу? Даже на фантастических островах робинзонад шпаги до сих пор не растут на деревьях, и у г. Дюринга не находится никакого ответа на этот вопрос. Если Робинзон мог достать себе шпагу, то с таким же основанием можно представить себе, что в одно прекрасное утро Пятница является с заряженным револьвером в руке, и тогда все соотношение «насилия» становится обратным: Пятница командует, а Робинзон вынужден работать из всех сил. Мы просим у читателя извинения за постоянные возвращения к истории Робинзона и Пятницы, которой в сущности место в детской, а не в науке. Но что же делать? Мы вы-

нуждены добросовестно применять аксиоматический метод г. Дюринга, и не наша вина, если мы при этом постоянно враждаемся в сфере чистейшего ребячества. Итак, револьвер одерживает победу над шпагой, и в таком случае самому наивному приверженцу аксиоматики должно стать ясным, что насилие не есть просто волевой акт, но требует весьма реальных предпосылок для своего осуществления, а именно — известных *орудий*, из которых более совершенное одерживает верх над менее совершенным; далее, что эти орудия должны быть произведены и что уже вследствие этого производитель более совершенных орудий насилия, или попросту — оружия, побеждает производителя менее совершенных орудий; одним словом, что победа насилия основывается на производстве оружия, а производство оружия, в свою очередь, основывается на производстве вообще, следовательно — на «экономической мощи», на «хозяйственном положении», на *материальных средствах*, находящихся в распоряжении насилия.

Насилие — это в настоящее время армия и военный флот, а то и другое, как мы все, к нашему прискорбию, знаем, стоит «чертовски много денег». Но насилие само по себе не в состоянии делать деньги, а в лучшем случае может лишь отнимать сделанные деньги, да и от этого не всегда бывает много толку, как мы опять-таки, к нашему прискорбию, знаем по опыту с французскими миллиардами. Следовательно, деньги должны быть в конце концов добыты посредством экономического производства; значит, насилие опять-таки определяется хозяйственным положением, доставляющим ему средства для приобретения и сохранения его орудий. Но это еще не все. Ничто так не зависит от экономических условий, как именно армия и флот. Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в данный момент ступени производства и от средств сообщения. Не «свободное творчество ума» гениальных полководцев действовало здесь революционизирующим образом, а изобретение лучшего оружия и изменение живого солдатского материала; влияние гениальных полководцев в лучшем случае ограничивалось тем, что они приспособляли способ борьбы к новому оружию и к новым бойцам.

В начале XIV века западноевропейскими народами был заимствован у арабов порох и, как известно всякому школьнику, он произвел полный переворот во всем военном деле. Но введение пороха и огнестрельного оружия не было во всяком случае актом насилия, а представляло собой промышленный, стало быть, хозяйственный, прогресс. Промышленность остается промышленностью, будет ли она направлена на производство предметов или на их разрушение. Распространение огнестрель-

ного оружия повлияло революционизирующим образом не только на самое ведение войны, но и на политические отношения господства и угнетения. Чтобы добыть порох и огнестрельное оружие, нужны были промышленность и деньги, а тем и другим владели горожане. Огнестрельное оружие было поэтому с самого начала оружием городов и возвышающейся монархии, которая в своей борьбе против феодального дворянства опиралась на города. Непрístupные до тех пор каменные стены рыцарских замков не устояли перед пушками горожан; пули бюргерских ружей пробили рыцарские панцири. Вместе с закованной в броню дворянской кавалерией рухнуло также господство дворянства; с развитием бюргерства пехота и артиллерия все больше становятся решающими видами вооруженной силы; под давлением требований артиллерии военное ремесло вынуждено было присоединить к себе новую, чисто промышленную отрасль — инженерное дело.

Усовершенствование огнестрельного оружия подвигалось очень медленно. Пушки долгое время оставались неуклюжими, а ружья, несмотря на многие частичные усовершенствования, — грубыми. Прошло более 300 лет, пока явилось ружье, годное для вооружения всей пехоты. Только в начале XVIII века кремневое ружье со штыком окончательно вытеснило пику из вооружения пехоты. Тогдашняя пехота состояла из хорошо вымуштрованных, но совершенно ненадежных княжеских солдат, на вербованных из самых испорченных элементов общества, которых только палка держала в повиновении; часто эта пехота составлялась из враждебных, насильно зачисленных в армию военнопленных; единственной формой борьбы, в которой эти солдаты могли применять новое оружие, была линейная тактика, достигшая высшего совершенства при Фридрихе II. Вся пехота армии выстраивалась в три линии, в виде очень длинного и пустого внутри четырехугольника, и двигалась в боевом порядке только как одно целое; лишь в крайнем случае одному из двух флангов позволялось выдвинуться несколько вперед или отступить назад. Эта неуклюжая масса могла подвигаться в порядке лишь по совершенно ровной местности, да и то крайне медленно (75 шагов в минуту); изменение боевого порядка во время сражения было невозможно, и как только пехота вступала в бой, победа и поражение решались в короткое время одним ударом.

Против этих неуклюжих шеренг выступили в американской войне за независимость² отряды повстанцев, которые не умели, правда, маршировать, но зато отлично стреляли из своих карабинов; сражаясь за свои самые кровные интересы, они не дезертировали, как на вербованные войска. Они не доставляли англичанам удовольствия — выступать против них в линейном

боевом порядке на ровном месте, а нападали рассыпанными подвижными отрядами стрелков в лесах, служивших им прикрытием. Линейный строй был здесь бессилен и потерпел поражение в борьбе с невидимыми и недоступными противниками. Таким образом, был вновь изобретен рассыпной стрелковый строй — новый способ борьбы как следствие изменившегося солдатского материала.

Дело, начатое американской революцией, завершила французская, — также и в военной области. Против хорошо обученных наемных войск коалиции она также могла выставить только плохо обученные, но многочисленные массы, ополчение всего народа³. Но с этими массами приходилось защищать Париж, следовательно, прикрывать определенную местность, а этого нельзя было достичь без победы в открытом массовом бою. Одних стрелковых отрядов было уже недостаточно; нужно было найти подходящую форму также и для применения масс, и эта форма была найдена в *колонне*. Построение колоннами позволяло даже мало обученным войскам двигаться в некотором порядке, и притом даже более ускоренным маршем (100 и более шагов в минуту); оно давало возможность прорывать неповоротливые формы старого линейного строя, сражаться в любой местности, следовательно, и в самой неблагоприятной для линейного строя, группировать войска любым, соответствующим обстановке образом и, в сочетании с действиями рассыпанных стрелков, сдерживать, отвлекать, утомлять неприятельские линии, — пока не наступит момент, когда их можно будет прорвать в решающем пункте позиции при помощи сохраняемых в резерве масс. Этот новый способ ведения боя, основанный на соединении стрелков с колоннами пехоты и на разделении армии на самостоятельные, составленные из всех родов оружия дивизии или армейские корпуса, был полностью разработан Наполеоном как со стороны тактики, так и со стороны стратегии. Но необходимость его была создана, прежде всего, французской революцией, изменившей свойства людского состава армии. Однако для нового способа нужны были еще две очень важные технические предпосылки: во-первых, сконструированные Грибовалем более легкие лафеты полевых орудий позволили передвигать их с требуемой теперь быстротой, во-вторых, введенная во Франции в 1777 г. и заимствованная у охотничьего ружья изогнутость ружейного приклада, представлявшего раньше прямое продолжение ствола, сделала возможным целить в определенного человека, не делая непременно промахов. Без этих успехов нельзя было бы при помощи старого оружия применять стрельбу в рассыпном строю.

Революционная система вооружения всего народа была

скоро ограничена принудительным набором (с правом заместительства путем выкупа — для людей состоятельных), и в этой форме воинская повинность была принята большинством крупных государств континента. Только Пруссия пыталась своей системой ландвера привлечь на службу военную силу нации в более значительных размерах. Пруссия к тому же была первым государством, которое вооружило всю свою пехоту новейшим оружием: заряжающейся с казенной части винтовкой, после того как сыграло свою кратковременную роль между 1830 и 1860 годами годное для войны заряжающееся с дула нарезное ружье. Обоим этим нововведениям Пруссия обязана была своими успехами в 1866 г.

Во франко-прусской войне впервые выступили друг против друга две армии, обе вооруженные винтовками, заряжающимися с казенной части, и притом обе, по существу, с тем самым боевым построением, какое было в ходу в период старого гладкоствольного кремневого ружья; разница была лишь в том, что пруссаки сделали попытку в ротной колонне найти боевую форму, более подходящую к новому вооружению. Но когда 18 августа, при Сен-Прива, прусская гвардия попробовала серьезно применить эту ротную колонну, то пять полков, принимавших наибольшее участие в этом сражении, потеряли в каких-нибудь два часа более трети своего состава (176 офицеров и 5114 рядовых), и с тех пор ротная колонна была окончательно осуждена, так же как и применение батальонных колонн и линейного строя. Всякая попытка подставлять впредь под неприятельский ружейный огонь какие-либо сомкнутые отряды была оставлена, и затем бой со стороны немцев велся только теми густыми стрелковыми цепями, на которые уже и прежде колонна обыкновенно сама рассыпалась под градом неприятельских пуль, несмотря на то, что высший командный состав боролся с этим как с нарушением порядка. Точно так же в сфере действия неприятельского ружейного огня единственной формой передвижения сделалась *перебежка*. Солдат опять-таки оказался толковее офицера: именно он, солдат, инстинктивно нашел единственную боевую форму, которая оправдывала себя до сих пор под огнем ружей, заряжаемых с казенной части, и он с успехом отстоял ее вопреки противодействию начальства.

Франко-прусская война отмечает собой поворотный пункт, имеющий совершенно иное значение, чем все предыдущие. Во-первых, оружие теперь так усовершенствовано, что новый прогресс, который имел бы значение какого-либо переворота, больше невозможен. Когда есть пушки, из которых можно попадать в батальон, насколько глаз различает его, когда есть ружья, из которых с таким же успехом можно целить и попа-

дать в отдельного человека, причем для заряда требуется меньше времени, чем для прицела, — то все дальнейшие усовершенствования для полевой войны более или менее безразличны. Таким образом, в этом направлении эра развития в существенных чертах закончена¹. Во-вторых, эта война заставила все континентальные великие державы ввести у себя усиленную прусскую систему ландвера и тем самым взвалить на себя военное бремя, под тяжестью которого они через немногие годы должны рухнуть. Армия стала главной целью государства, она стала самоцелью; народы существуют только для того, чтобы поставлять и кормить солдат. Militarизм господствует над Европой и пожирает ее. Но этот militarизм таит в себе зародыш собственной гибели. Соперничество между отдельными государствами принуждает их, с одной стороны, с каждым годом затрачивать все больше денег на армию, флот, пушки и т. д., следовательно — все более приближать финансовую катастрофу; с другой стороны, оно заставляет их все серьезнее применять всеобщую воинскую повинность и тем самым обучать в конце концов весь народ владеть оружием, так что последний приобретает возможность в известный момент осуществить свою волю вопреки командующему военному начальству. И этот момент наступит, как только народная масса — деревенские и городские рабочие, а также крестьяне — *будет иметь* свою волю. На этой ступени войско монарха превращается в народное войско, машина отказывается служить, и militarизм погибает в силу собственного диалектического развития. То, что оказалось не по силам буржуазной демократии 1848 г., как раз потому, что она была *буржуазной*, а не пролетарской, — значит потому, что ей было не по силам дать трудящимся массам волю, содержание которой соответствовало бы их классовому положению, — непременно совершит социализм. А это означает взрыв militarизма и вместе с ним всех постоянных армий *изнутри*.

Такова первая мораль нашей истории современной пехоты. Другая мораль, снова возвращающая нас к г. Дюрингу, состоит в том, что вся организация и боевой метод армий, а вместе с ними победы и поражения, оказываются зависящими от материальных, т. е. экономических, условий: от человеческого материала и от оружия, следовательно — от качества и количества населения и от техники. Только такой охотничий народ, как американцы, мог вновь изобрести стрелковый строй, а охотниками они были по чисто экономическим причинам, точно так, как теперь те же янки старых Штатов превратились по чисто экономическим причинам в земледельцев, промышленников, моряков и купцов, которые уже

не занимаются охотой в девственных лесах, но зато тем лучше подвизаются на поле спекуляции, где они тоже далеко подвинули искусство пользоваться массами. — Только такая революция, как французская, экономически раскрепостившая буржуа и особенно крестьянина, могла изобрести форму массовых армий и в то же время найти для них свободные формы движения, о которые разбились старые, неповоротливые линии, отражавшие в военном деле защищаемый ими абсолютизм. Мы уже проследили шаг за шагом, каким образом успехи техники, едва они становились применимыми и фактически применялись к военным целям, тотчас же — почти насильственно, часто к тому же против воли военного командования — вызвали перемены и даже перевороты в способе ведения боя. В какой степени ведение войны зависит, сверх того, от производительных сил и средств сообщения как собственного тыла, так и театра военных действий, на этот счет может просветить в наши дни г. Дюринга всякий старательный унтер-офицер. Одним словом, везде и всегда «насилию» помогали одерживать победу экономические условия и ресурсы, без которых оно перестает быть силой, и кто захотел бы реформировать военное дело, руководствуясь противоположной точкой зрения, соответствующей принципам г. Дюринга, тот не мог бы пожать ничего кроме туманов *.

Если мы от суши перейдем к морю, то даже только за последние 20 лет здесь можно констатировать еще гораздо более решительный переворот. Боевым судном в Крымскую войну был деревянный двух- и трехпалубный корабль, имевший от 60 до 100 орудий; он передвигался главным образом при посредстве парусов и имел слабую паровую машину только для вспомогательной работы. Его вооружение состояло преимущественно из 32-фунтовых орудий, весом в 50 центнеров, и лишь немногих 68-фунтовых, весом в 95 центнеров. К концу войны появились пловучие панцырные батареи, неповоротливые, почти неподвижные, но при тогдашней артиллерии — неуязвимые чудовища. Вскоре броня была перенесена и на боевые суда; вначале она была тонка: броня 4-дюймовой толщины считалась очень тяжелой. Но прогресс артиллерии скоро перегнал броню; для брони любой толщины, возмужавшей в известной градации, находили новое, более тяжелое орудие, которое легко пробивало ее. Таким образом, мы уже дошли, с одной стороны, до 10, 12, 14 и 24-дюймовой брони

* В прусском генеральном штабе это тоже уже хорошо знают. «Основой военного дела является прежде всего хозяйственный строй жизни народов», — замечает в одном научном докладе капитан генерального штаба Макс Иенс («Kölnische Zeitung» [«Кельнская газета». Ред.], 20 апреля 1876 г., третий лист). [Примечание Энгельса.]

(Италия намерена построить судно с броней в 3 фута толщины), а с другой стороны — до нарезных орудий в 25, 35, 80 и даже 100 тонн (считая тонну за 20 центнеров *) веса, выбрасывающих на неслыханные прежде дистанции снаряды в 300, 400, 1700 и до 2000 фунтов. Нынешнее боевое судно представляет собой гигантский броненосный винтовой пароход в 8000—9000 тонн водоизмещения и 6000—8000 лошадиных сил, с вращающимися башнями и с четырьмя, максимум — шестью, тяжелыми орудиями и с выступающим в его носовой части, ниже ватерлинии, тараном для пробивания неприятельских судов. Это судно вообще представляет собой одну огромную машину, где пар не только сообщает броненосцу быстрое движение вперед, но и управляет рулем, поднимает и опускает якорь, поворачивает башни, направляет и заряжает орудия, выкачивает воду, поднимает и спускает лодки, которые отчасти также приводятся в движение паром, и т. д. Соперничество между броневой защитой и силой орудий еще так далеко от завершения, что в настоящее время военное судно сплошь и рядом не удовлетворяет больше требованиям, становится устарелым еще раньше, чем его успели спустить на воду. Современное боевое судно есть не только продукт крупной промышленности, но в то же время и образец ее, пловучая фабрика — фабрика, где, правда, преимущественно производится растрата денег. Страна с наиболее развитой крупной промышленностью пользуется почти монополией постройки этих судов: все турецкие, почти все русские и большинство германских броненосцев построены в Англии⁵; сколько-нибудь пригодная броня изготовляется почти исключительно в Шеффилде; из трех железоделательных заводов Европы, которые одни в состоянии изготовлять самые тяжелые орудия, два (в Вульвиче и Эльсвике) находятся в Англии, а третий (Круппа) — в Германии. Этот пример показывает с полной наглядностью, что «непосредственное политическое насилие», которое, по г. Дюрингу, является «решающей причиной хозяйственного положения», напротив того, совершенно подчинено хозяйственному положению; что не только постройка морского орудия насилия — боевого судна, — но и управление им само сделалось отраслью современной крупной промышленности. Оттого, что дело приняло такой оборот, никому не пришлось так солоно, как именно «насилию», государству, которому в настоящее время одно судно стоит столько же, сколько прежде стоил целый небольшой флот; причем ему приходится видеть своими глазами,

* Здесь имеется в виду немецкий центнер (в 50 кг), составляющий половину метрического центнера. *Ред.*

как эти дорогие суда, еще раньше чем они спущены на воду, становятся уже устарелыми и, следовательно, обесцениваются; и государство — наверно не меньше г. Дюринга — испытывает недовольство по поводу того, что человек «хозяйственного положения», инженер, имеет ныне большее значение на борту корабля, чем человек «непосредственного насилия» — командир. Напротив, мы, со своей стороны, не имеем никакого основания огорчаться, когда видим, что в состязании между броней и орудием боевое судно доведено до той грани изощренного совершенства, когда оно становится в той же мере недоступным по цене, как и непригодным для войны *, и что благодаря этому же состязанию раскрываются также и на поприще морской войны те внутренние законы диалектического движения, согласно которым милитаризм, как и всякое другое историческое явление, гибнет от последствий своего собственного развития.

Таким образом, и здесь ясно как день, что «искать первичное в непосредственном политическом насилии, а не в косвенной экономической мощи» — невозможно. Как раз напротив. В самом деле, что оказалось «первичным» в самом насилии? Экономическая мощь, обладание мощными средствами современной промышленности. Политическая сила на море, опирающаяся на современные военные суда, оказывается вовсе не «непосредственной», а как раз наоборот — она *опосредствована* экономической силой, высоким развитием металлургии, возможностью распоряжаться искусными техниками и богатыми угольными копями.

Однако к чему все это? Пусть в ближайшей морской войне передадут высшее командование г. Дюрингу, и он без всяких торпед и прочих ухищрений, просто своим «непосредственным насилием», уничтожит все броненосные флоты, находящиеся в рабской зависимости от «хозяйственного положения».

ТЕОРИЯ НАСИЛИЯ

(Окончание)

«Весьма важным обстоятельством является то, что фактически господство над *природой* произошло (господство произошло!) только благодаря господству над *человеком* вообще (1). Хозяйственное использование земельной собственности на зна-

* Усовершенствование самодвижущейся торпеды, последнего изделия крупной промышленности, работающей для военно-морского дела, повидимому, призвано это осуществить: самый маленький торпедный катер окажется в таком случае сильнее громаднейшего броненосца. (Впрочем, пусть читатель вспомнит, что это написано в 1878 г.) [Примечание Энгельса.]

чительных пространствах никогда и нигде не осуществлялось без предшествующего порабощения человека и принуждения его к тому или иному виду рабского или барщинного труда. Установление экономического господства над вещами имело своей предпосылкой политическое, социальное и экономическое господство человека над человеком. Можно ли представить себе крупного землевладельца без господства его над рабами, крепостными или косвенно несвободными? Что могла значить для ведения земледелия в крупных размерах в прошлом или настоящем сила одного человека, располагающего в лучшем случае вспомогательной силой членов семьи? Эксплуатация земли, — или расширение экономического господства над землей в размерах, превышающих естественные силы отдельного человека, — была возможна до сих пор в истории только потому, что до установления господства над землей или одновременно с ним было проведено необходимое для этого порабощение человека. В позднейшие периоды развития это порабощение было смягчено... Теперешней его формой в более развитых государствах является наемный труд, в большей или меньшей степени руководимый полицейским господством. На наемном труде основывается, следовательно, практическая возможность той разновидности современного богатства, которая проявляется в обширном земельном господстве и (!) крупном землевладении. Само собой разумеется, все другие виды распределительного богатства должны быть исторически объясняемы подобным же образом, и косвенная зависимость человека от человека, образующая в настоящее время основную черту наиболее развитого в экономическом отношении строя, не может быть понята и объяснена сама из себя, а только как несколько видоизмененное наследие прежнего прямого подчинения и экспроприации». Так утверждает г. Дюринг.

Тезис: Господство (человека) над природой предполагает господство (человека) над человеком.

Доказательство: Хозяйственное использование земельной собственности на значительных пространствах никогда и нигде не производилось иначе, как трудом порабощенных людей.

Доказательство доказательства: Как могут существовать крупные землевладельцы без порабощенных людей? Ведь крупный землевладелец со своей семьей мог бы обработать без порабощенных всего лишь ничтожную часть своих владений.

Итак, чтобы доказать, что человек для подчинения себе природы должен был предварительно поработить другого человека, г. Дюринг превращает без дальнейших околичностей «природу» в «земельную собственность на значительных

пространствах», а эту земельную собственность — неизвестно чью — он обращает тотчас же в собственность крупного землевладельца, который, разумеется, не может обрабатывать свою землю без помощи поработанных людей.

Но, во-первых, «господство над природой» и «хозяйственное использование земельной собственности» — вовсе не одно и то же. Господство над природой осуществляется в крупной промышленности в неизмеримо большем масштабе, чем в земледелии, которое до сих пор вынуждено подчиняться погоде, вместо того чтобы подчинять ее себе.

Во-вторых, если мы ограничиваемся хозяйственным использованием земельной собственности на значительных пространствах, то вопрос состоит в том, кому принадлежит эта земельная собственность, и тут мы находим в начале истории всех культурных народов не «крупного землевладельца», которого подсовывает нам здесь г. Дюринг со своей обычно фокуснической манерой, именуемой им «естественной диалектикой», — а родовые и сельские общины с общинным землевладением. От Индии и до Ирландии обработка земельной собственности на больших пространствах производилась первоначально такими именно родовыми и сельскими общинами, причем пашня либо обрабатывалась сообща за счет общины, либо делилась на отдельные участки земли, отводимые общиной на известный срок отдельным семьям, при постоянном общем пользовании лесом и пастбищами. И опять-таки характерно для «углубленнейших специальных занятий» г. Дюринга «в области политических и юридических наук», что он ничего не знает обо всем этом, что все его сочинения свидетельствуют о полном незнакомстве с составившими эпоху в науке трудами Маурера о первобытном строе германской марки, этой основы всего германского права; точно так же свидетельствуют они о полном незнакомстве с постоянно возрастающей литературой, которая — под влиянием главным образом трудов Маурера — устанавливает наличие первобытного общинного землевладения у всех европейских и азиатских культурных народов и исследует различные формы его существования и разложения. Подобно тому, как г. Дюринг «самому себе обязан всем своим невежеством» в области французского и английского права, — а невежество это весьма значительное, — подобно этому он «самому себе обязан» своим еще гораздо большим невежеством в области германского права. Человек, столь сильно негодующий на ограниченность горизонта университетских профессоров, еще и поныне в области германского права стоит, в лучшем случае, на том уровне, на каком профессора стояли 20 лет тому назад.

Чистым «продуктом свободного творчества и воображе-

ния» г. Дюринга является его утверждение, будто для ведения хозяйства на больших земельных пространствах требовались помещики и порабощенные люди. На всем Востоке, где земельным собственником является община или государство, в языке отсутствует самое слово «помещик», — о чем г. Дюринг может справиться у английских юристов, которые в Индии так же тщетно бились над вопросом: «Кто здесь земельный собственник?», как тщетно ломал себе голову блаженной памяти принц Генрих LXXII Рейсс-Грейц-Шлейц-Лобенштейн-Эберсвальде над вопросом: «Кто здесь ночной сторож?». Только турки впервые ввели на Востоке в завоеванных ими странах нечто вроде помещичьего феодализма. Греция уже в героический период вступает в историю расчлененной на сословия, что, в свою очередь, было только очевидным результатом более или менее долгой, неизвестной нам предшествующей истории. Но и тут земля обрабатывалась преимущественно самостоятельными крестьянами; более крупные поместья знати и родовых вождей составляли исключение и к тому же скоро исчезли. В Италии земля была освоена для земледелия преимущественно крестьянами; когда в последние времена Римской республики крупные группы имений — латифундии — вытеснили мелких крестьян и заменили их рабами, то они заменили одновременно земледелие скотоводством и, как это знал уже Плиний, привели Италию к гибели (*latifundia Italiam perdidere*). В средние века во всей Европе господствует (особенно при распашке пустошей) крестьянская обработка, причем для рассматриваемого сейчас вопроса безразлично, приходилось ли этим крестьянам платить оброк — и какой именно — тому или иному феодалу. Фризские, нижнесаксонские, фламандские и нижнерейнские колонисты, которые предприняли обработку отнятых у славян земель на востоке от Эльбы, делали это в качестве вольных крестьян, плативших очень льготную подать, но отнюдь не на условиях «того или иного вида барщины».

В Северной Америке значительнейшая часть земельной площади была приведена в культурное состояние трудом свободных крестьян, тогда как крупные помещики Юга со своими рабами и своей хищнической системой хозяйства истощили землю до того, что на ней стали расти только ели, и культура хлопка должна была передвигаться все дальше на запад. В Австралии и Новой Зеландии все попытки английского правительства искусственно создать земельную аристократию потерпели неудачу. Коротко говоря, за исключением тропических и субтропических колоний, где климат не позволяет европейцу заниматься земледелием, крупный землевладелец, который подчиняет природу своему господству и проводит рас-

чистку земли под пашню посредством труда рабов или несущих барщину крепостных, оказывается чистейшим плодом фантазии. Напротив, там, где в древние времена появлялся крупный землевладелец, как, например, в Италии, он не пустыри превращал в возделанные поля, а, наоборот, обработанные крестьянские земли он превращал в пастбища, сгоняя людей и разоряя целые страны. Только в новейшее время, с тех пор как большая плотность населения подняла стоимость земли, а особенно с тех пор, как развитие агрономии сделало более пригодной для обработки плохую землю, только с этого момента крупные землевладельцы начинают принимать в обширных размерах участие в распашке пустошей и пастбищ, преимущественно путем расхищения крестьянских общинных земель как в Англии, так и в Германии. Однако и тут дело не обошлось без противоположного процесса: на каждый акр общинной земли, расчищенной под пашню крупными землевладельцами в Англии, приходилось в Шотландии по меньшей мере три акра пахотной земли, которые были превращены ими в пастбища для овец, а под конец даже просто в охотничьи парки для крупной дичи.

Здесь мы имеем дело только с утверждением г. Дюринга, что освоение для земледелия значительных пространств земли, т. е. в сущности почти всей культурной земледельческой площади, «никогда и нигде» не совершалось иначе, как крупными землевладельцами при помощи поработанных людей, — с утверждением, «имеющим своей предпосылкой», как мы видели, поистине неслыханное незнакомство с историей. Поэтому нам нет необходимости выяснять здесь, в какой мере в различные периоды земельные пространства, уже совершенно или большей частью освоенные, обрабатывались рабами (как в период расцвета Греции) или крепостными (крестьянские тяглые дворы со времени средних веков); нам нет также надобности исследовать, какова была общественная функция крупных землевладельцев в разные эпохи.

Развернув перед нами эту великолепную фантастическую картину, в которой не знаешь, чему больше удивляться, фокусничеству ли дедукции или фальсификации истории, — г. Дюринг торжествующе восклицает: «Само собой разумеется, все другие виды распределительного богатства должны быть исторически объясняемы подобным же образом!». Этим он, конечно, избавляет себя от труда проронить хоть словечко о возникновении, например, капитала.

Г-н Дюринг утверждает, что господство человека над человеком является предпосылкой господства человека над природой. Если этим он вообще хочет сказать лишь то, что весь наш современный экономический строй, достигнутая ныне

ступень развития земледелия и промышленности, есть результат истории общества, развертывающейся в классовых противоположностях, в отношениях господства и порабощения, — то он говорит нечто такое, что со времени Коммунистического Манифеста давно стало общим местом. Но дело именно в том, чтобы объяснить возникновение классов и отношений господства, и если у г. Дюринга имеется для этого всегда про запас одно единственное слово — «насилие», то такое объяснение ни на шаг не подвигает нас вперед. Уже тот простой факт, что угнетенные и эксплуатируемые были во все времена гораздо многочисленнее угнетателей и эксплуататоров и что, следовательно, действительная сила всегда была на стороне первых, — уже один этот факт достаточно показывает нелепость всей теории насилия. Значит, необходимо еще найти объяснение для отношений господства и порабощения.

Они возникли двояким путем.

Какими люди первоначально выделились из животного (в более узком смысле слова) царства, такими они и вступили в историю: еще как полуживотные, еще дикие, беспомощные перед силами природы, не осознавшие еще своих собственных сил; поэтому они были бедны, как животные, и не намного выше их по своей производительности. Здесь господствует известное равенство уровня жизни, а для глав семейств — также своего рода равенство общественного положения, по крайней мере отсутствие общественных классов, которое наблюдается еще и в первобытных земледельческих общинах позднейших культурных народов. В каждой такой общине существуют с самого начала известные общие интересы, охрану которых приходится возлагать на отдельных лиц, хотя и под надзором всего общества: таковы — разрешение споров; репрессии против лиц, превышающих свои права; надзор за орошением, особенно в жарких странах; наконец, на ступени первобытно-дикого состояния — некоторые религиозные функции. Подобные должности встречаются в первобытных общинах во все времена, — так, например, в древнейших германских марках и еще теперь в Индии. Они облечены, понятно, известной полнотой власти и представляют собой зачатки государственной власти. Постепенно производительные силы растут; увеличение плотности населения создает в одних случаях общность, в других — столкновение интересов между отдельными общинами; группировка общин в более крупное целое вызывает опять-таки новое разделение труда и установление новых органов для охраны общих и для подавления противообщественных интересов. Эти органы, которые в качестве представителей общих интересов целой группы занимают уже по отношению

к каждой отдельной общине особое, при известных обстоятельствах даже антагонистическое, положение, становятся вскоре еще более самостоятельными, отчасти благодаря наследственности общественных должностей, которая устанавливается почти сама собой в мире, где все происходит стихийно, отчасти же благодаря растущей необходимости в таких органах при учащающихся конфликтах с другими группами. Нам нет надобности выяснять здесь, каким образом эта все возрастающая самостоятельность общественных функций по отношению к обществу могла со временем вырасти в господство над обществом; каким образом первоначальный слуга общества, при благоприятных условиях, постепенно превращался в господина над ним; как господин этот выступал, смотря по обстоятельствам, то как восточный деспот или сатрап, то как греческий родовой вождь, то как кельтский глава клана и т. д.; в какой мере он при этом превращении применял также насилие и как, наконец, отдельные господствующие лица сплотились в господствующий класс. Нам важно только установить здесь, что в основе политического господства повсюду лежало отправление какой-либо общественной должностной функции и что политическое господство оказывалось длительным лишь в том случае, когда оно эту общественную должностную функцию выполняло. Сколько ни было в Персии и Индии деспотий, последовательно расцветавших, а потом погибавших, — каждая из них знала очень хорошо, что она прежде всего — совокупный предприниматель в деле орошения речных долин, без чего там невозможно было и самое земледелие. Только просвещенные англичане сумели проглядеть это обстоятельство в Индии; они запустили оросительные каналы и шлюзы, и лишь теперь, благодаря регулярно повторяющимся голодовкам, они начинают, наконец, соображать, что пренебрегли единственной деятельностью, которая могла бы сделать их господство в Индии правомерным, хотя бы в такой степени, в какой было правомерно господство их предшественников.

Но наряду с этим процессом образования классов совершался еще и другой. Стихийно сложившееся разделение труда внутри земледельческой семьи давало на известной ступени благосостояния возможность присоединить к семье одну или несколько рабочих сил со стороны. Это имело место особенно в таких странах, где старое общинное владение землей уже распалось или где, по крайней мере, прежняя совместная обработка земли уступила место обработке земельных наделов отдельными семьями. Производство развилось уже настолько, что человеческая рабочая сила могла произвести теперь больше, чем требовалось для простого поддер-

жания ее; средства для содержания большего количества рабочих сил имелись налицо, имелись также средства для применения этих сил; рабочая сила приобрела *стоимость*. Но сама община и союз, к которому принадлежала эта община, еще не выделяли из своей среды свободных, излишних рабочих сил. Зато их доставляла война, а война так же стара, как и одновременное существование по соседству нескольких общинных групп. До того времени не знали, что делать с военнопленными, и потому их попросту убивали, а еще раньше съедали. Но на достигнутой теперь ступени «хозяйственного положения» военнопленные приобрели известную стоимость; их начали поэтому оставлять в живых и стали пользоваться их трудом. Таким образом, насилие, вместо того чтобы господствовать над хозяйственным положением, было *вынуждено*, наоборот, служить ему. *Рабство* было открыто. Оно скоро сделалось господствующей формой производства у всех народов, которые в своем развитии пошли дальше древней общины, но в конце концов оно стало также одной из главных причин их упадка. Только рабство сделало возможным в более крупном масштабе разделение труда между земледелием и промышленностью и таким путем создало условия для расцвета культуры древнего мира — для греческой культуры. Без рабства не было бы греческого государства, греческого искусства и науки; без рабства не было бы и римского государства. А без того фундамента, который был заложен Грецией и Римом, не было бы и современной Европы. Нам никогда не следовало бы забывать, что все наше экономическое, политическое и интеллектуальное развитие имело своей предпосылкой такой строй, в котором рабство было в такой же мере необходимо, в какой и общепризнано. В этом смысле мы вправе сказать: без античного рабства не было бы и современного социализма.

Нет ничего легче, как раздражаться целым потоком общих фраз по поводу рабства и т. п., изливая свой высоконравственный гнев на такие позорные явления. К сожалению, это негодование выражает лишь то, что известно всякому, а именно, — что эти античные учреждения не отвечают больше нашим современным условиям и нашим чувствам, определяемым этими условиями. Но при этом мы равным счетом ничего не узнаем относительно того, как возникли эти порядки, почему они существовали и какую роль они сыграли в истории. И раз мы уже заговорили об этом, то должны сказать, — каким бы противоречием и ересью это ни казалось, — что введение рабства при тогдашних условиях было большим шагом вперед. Ведь нельзя отрицать того факта, что человек, бывший вначале зверем, нуждался для своего

развития в варварских, почти зверских средствах, чтобы развиваться из варварского состояния. Древние общины там, где они продолжали существовать, составляли в течение тысячелетий основу самой грубой государственной формы, восточного деспотизма, от Индии до России. Только там, где они разложились, народы двинулись собственными силами вперед по пути развития, и ближайший экономический прогресс их состоял в увеличении и дальнейшем развитии производства посредством рабского труда. Ясно одно: пока человеческий труд был еще так мало производителен, что давал только ничтожный излишек над необходимыми жизненными средствами, до тех пор рост производительных сил, расширение сношений, развитие государства и права, создание искусств и наук — все это было возможно лишь при помощи усиленного разделения труда, имевшего своей основой крупное разделение труда между массой, занятой простым физическим трудом, и немногими привилегированными, которые руководят работами, занимаются торговлей, государственными делами, а позднее также наукой и искусством. Простейшей, совершенно стихийно сложившейся формой этого разделения труда и было именно рабство. При исторических предпосылках древнего, в частности греческого, мира переход к основанному на классовых противоположностях обществу мог совершиться только в форме рабства. Даже для самих рабов это было прогрессом: военнопленные, из которых вербовалась масса рабов, оставались теперь, по крайней мере, в живых, между тем как прежде их убивали, а еще раньше даже поедали.

Заметим кстати, что все существовавшие до сих пор исторические противоположности между эксплуатирующими и эксплуатируемыми, господствующими и угнетенными классами находят свое объяснение в той же относительно неразвитой производительности человеческого труда. Пока действительно трудящееся население настолько поглощено своим необходимым трудом, что у него не остается времени для имеющих общее значение общественных дел — для руководства работами, государственными делами, для отправления правосудия, занятия искусствами, наукой и т. д., — до тех пор неизбежно было существование особого класса, свободного от действительного труда. Этот класс заведывал общественными делами, но при этом никогда не упускал случая, чтобы, во имя своих собственных выгод, все более и более взваливать на трудящиеся массы бремя труда. Только громадный рост производительных сил, достигнутый крупной промышленностью, позволяет распределить труд между всеми без исключения членами общества и таким путем сократить

рабочее время каждого так, чтобы у всех оставалось достаточно свободного времени для участия в делах, касающихся всего общества, как теоретических, так и практических. Следовательно, лишь теперь стал излишним всякий господствующий и эксплуатирующий класс, более того: он стал прямым препятствием для общественного развития; только теперь он будет неумолимо устранен, каким бы «непосредственным насилием» он ни располагал.

Следовательно, строя презрительную мину по поводу того, что греческий мир был основан на рабстве, г. Дюринг с таким же правом может поставить в упрек грекам, что они не имели паровых машин и электрического телеграфа. А когда он утверждает, что наше современное наемное рабство представляет лишь несколько видоизмененное и смягченное наследие прежнего рабства и не может быть объяснено из себя самого (т. е. из экономических законов современного общества), то это либо означает, что наемный труд, как и рабство, представляет собой, как это известно каждому ребенку, формы подчинения и классового господства, — либо же это утверждение неверно. Ведь с таким же правом мы могли бы сказать, что наемный труд может быть объяснен только как смягченная форма людоедства, которое, как в настоящее время установлено, было везде первоначальным способом использования побежденных врагов.

Отсюда ясно, какую роль играет в истории насилие по отношению к экономическому развитию. Во-первых, всякая политическая власть основывается первоначально на какой-нибудь экономической, общественной функции и возрастает по мере того, как члены общества вследствие разложения первобытных общин превращаются в частных производителей и, следовательно, еще больше увеличивается отчужденность между ними и носителями общих, общественных функций. Во-вторых, после того как политическая власть стала самостоятельной по отношению к обществу и из его слуги стала его господином, она может действовать в двояком направлении. Либо она действует в духе и направлении закономерного экономического развития. Тогда между ней и этим развитием не возникает никакого конфликта, и экономическое развитие ускоряется. Либо же политическая власть действует наперекор этому развитию, и тогда, за немногими исключениями, она, как правило, падает под давлением экономического развития. Этими немногими исключениями являются те единичные случаи завоеваний, когда менее культурные завоеватели истребляли или изгоняли население известной страны и уничтожали его производительные силы или же давали им заглухнуть, не умея их использовать. Так

поступили, например, христиане в мавританской Испании с большей частью оросительных сооружений, которым мавры обязаны были своим высокоразвитым хлебопашеством и садоводством. Каждый раз, когда победителем является менее культурный народ, нарушается, как само собой понятно, ход экономического развития и подвергается уничтожению масса производительных сил. Но при длительном завоевании менее культурный завоеватель вынужден в громадном большинстве случаев приспособиться к более высокому «хозяйственному положению» завоеванной страны в том виде, каким оно оказывается после завоевания; он ассимилируется покоренным народом и большей частью усваивает даже его язык. Там же, где внутренняя государственная власть какой-либо страны,— если отвлечься от случаев завоевания,— вступала в антагонизм с ее экономическим развитием, как это до сих пор на известной ступени развития случалось почти со всякой политической властью,— там борьба всякий раз оканчивалась ниспровержением политической власти. Неумолимо, не допуская исключений, экономическое развитие пролагало себе путь; о последнем, наиболее разительном примере в этом отношении мы уже упоминали: это великая французская революция. Если бы «хозяйственное положение», а вместе с ним и экономический строй какой-либо страны попросту зависели, в согласии с учением г. Дюринга, от политического насилия, то нельзя понять, почему Фридриху-Вильгельму IV не удалось после 1848 г., несмотря на все его «доблестное войско», привить средневековое цеховое устройство и прочие романтические причуды железнодорожному делу, паровым машинам и начавшей как раз в это время развиваться крупной промышленности своей страны; или почему русский царь, который действует еще гораздо более насильственными средствами, не только не в состоянии уплатить свои долги, но не может даже удержать свое «насилие» иначе, как непрерывно делая займы у «хозяйственного положения» Западной Европы.

Для г. Дюринга насилие есть нечто абсолютно злое. Первый акт насилия был, по его мнению, грехопадением. Вся его доктрина есть нытье по поводу того, что этот акт насилия запятнал первородным грехом всю историю вплоть до настоящего времени, что все законы природы и законы социальные позорно извращены этим орудием дьявола — насилием. Что насилие играет также в истории другую роль, именно революционную роль, что оно, по словам Маркса, является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым, что насилие является тем орудием, посредством которого общественное движение пролагает себе дорогу и ло-

мают окаменевшие, омертвевшие политические формы,— обо всем этом ни слова у г. Дюринга. Лишь со вздохами и стонами допускает он возможность того, что для ниспровержения эксплуататорского хозяйничанья понадобится, может быть, насилие — к сожалению, изволите видеть! ибо всякое применение насилия деморализует, дескать, того, кто его применяет. И это говорится, несмотря на тот высокий нравственный и идейный подъем, который бывал следствием всякой победоносной революции! И это говорится в Германии, где насильственное столкновение, которое ведь может быть навязано народу, имело бы по меньшей мере то преимущество, что вытравило бы дух холопства, проникший в национальное сознание из унижения Тридцатилетней войны⁶. И это тусклое, дряблкое, бессильное поповское мышление смеет предлагать себя самой революционной партии, какую только знает история?

Написано Ф. Энгельсом на немецком языке.
Впервые напечатано в виде статей в газете
«Vorwärts», Лейпциг, 1877—1878 гг.

Первое отдельное издание вышло в 1878 г. в Лейпциге.

Фридрих Энгельс. «Анти-Дюринг», 1953,
отдел II, гл. II, III, IV.

РЕВОЛЮЦИИ

1848—1849 гг.

ИЮНЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ (ХОД ВОССТАНИЯ В ПАРИЖЕ)

I

Постепенно перед нами вырисовывается вся совокупность событий июньской революции. Сообщения поступают в более полном виде, создается возможность отделить факты от слухов и от лжи, все яснее становится характер восстания. И чем более удастся уловить внутреннюю связь событий четырех июньских дней⁷, тем большее изумление вызывают колоссальные размеры восстания, героическое мужество, быстро импровизированная организация, единодушие инсургентов.

План военных действий рабочих, составленный, как говорят, Керсози, другом Распайля и бывшим офицером, сводился к следующему.

Инсургенты должны были наступать концентрически четырьмя колоннами в направлении ратуши.

Первая колонна, операционной базой которой были пригороды Монмартр, Ла-Шапель и Ла-Виллет, должна была двигаться от застав Пуассоньер, Рошшуар, Сен-Дени и Ла-Виллет на юг, занять бульвары и подойти к ратуше через улицы Монторгёй, Сен-Дени и Сен-Мартен.

Вторая колонна, базой которой были населенные почти исключительно рабочими и защищенные каналом Сен-Мартен предместья Тампль и Сент-Антуан, должна была двигаться к тому же центру по улицам Тампль и Сент-Антуан и по набережным северного берега Сены, а также по всем параллельным улицам лежащих между ними кварталов.

Третья колонна, опиравшаяся на предместье Сен-Марсо, должна была продвигаться по улице Сен-Виктор и по набережным южного берега Сены достичь острова Сите.

Четвертая колонна, опиравшаяся на предместье Сен-Жак и на район Медицинской школы, должна была двигаться по

улице Сен-Жак и также достичь Сите. Отсюда обе колонны, соединившись, должны были наступать по правому берегу Сены и охватить ратушу с тыла и с флангов.

План, таким образом, совершенно правильно опирался на населенные исключительно рабочими части города, которые охватывают полукругом всю восточную половину Парижа и расширяются по направлению к востоку. Предполагалось сперва полностью очистить от врагов восточную часть Парижа и лишь затем двинуться по обоим берегам Сены на западную часть и ее центры — Тюильри и Национальное собрание.

Эти колонны должны были получать поддержку со стороны множества летучих отрядов, самостоятельно действующих на их флангах и между ними, воздвигающих баррикады, занимающих небольшие улицы и осуществляющих связь между колоннами.

На случай отступления операционные базы были сильно укреплены и превращены по всем правилам военного искусства в сильные крепости. Такие укрепления воздвигнуты были в Кло-Сен-Лазар, в предместье и квартале Сент-Антуан и в предместье Сен-Жак.

Если этот план имел слабую сторону, то она состояла в том, что он в начале операций оставлял без всякого внимания западную часть Парижа. Здесь, по обеим сторонам улицы Сент-Оноре, у Центрального рынка и у Пале-Националь, расположен ряд чрезвычайно удобных для повстанческих действий кварталов, имеющих очень узкие и кривые улицы и населенных преимущественно рабочими. Было чрезвычайно важно заложить здесь пятый очаг восстания и тем самым, с одной стороны, отрезать ратушу, а с другой — задержать у этого выступающего вперед укрепленного пункта значительную часть войск. Успех восстания зависел от того, удастся ли как можно более быстро продвинуться в центр Парижа и обеспечить захват ратуши. Мы не знаем, в какой мере Керсози был лишен возможности организовать в этом районе повстанческие действия. Но известно, что ни одно восстание не имело успеха, если повстанцам с самого начала не удавалось овладеть этим центром Парижа, примыкающим к Тюильри. Напомним лишь о восстании во время похорон генерала Ламарка *, когда повстанцы также успели продвинуться вплоть до улицы Мон-торгёй, но затем были оттеснены.

Инсургенты повели наступление, следуя своему плану. Они немедленно стали отделять свою территорию, рабочий Париж, от Парижа буржуазии с помощью двух главных укреплений:

* Имеется в виду восстание в Париже 5—6 июня 1832 г., поднятое республиканской партией и тайными обществами. *Ред.*

баррикад у ворот Сен-Дени и баррикад на Сите. Из первого укрепления они были выбиты, второе же им удалось удержать. Первый день, 23 июня, был лишь прологом. План инсургентов вырисовывался вполне отчетливо уже после первых авангардных боев утром этого дня (его вполне правильно поняла с самого начала «*Neue Rheinische Zeitung*»^{*}, см. экстренное приложение к № 26 *). Бульвар Сен-Мартен, пересекающий операционную линию первой колонны, стал ареной ожесточенных боев, которые закончились там победой защитников «порядка», обусловленной отчасти характером местности.

Подступы к Сите были защищены справа летучим отрядом, который засел на улице Планш-Мибре, слева — третьей и четвертой колоннами, занявшими и укрепившими три южных моста Сите. Здесь также развернулся чрезвычайно ожесточенный бой. Защитникам «порядка» удалось овладеть мостом Сен-Мишель и продвинуться вперед вплоть до улицы Сен-Жак. Они льстили себя надеждой, что к вечеру восстание будет подавлено.

Если план инсургентов обрисовался уже отчетливо, то в еще большей степени это можно сказать о плане защитников «порядка». Их план вначале сводился лишь к тому, чтобы любыми средствами подавить восстание. Об этом намерении они возвестили инсургентам пушечными ядрами и картечью.

Однако правительство полагало, что имеет дело с неорганизованной бандой обыкновенных, действующих без всякого плана мятежников. Очистив к вечеру главные улицы, оно заявило, что мятеж подавлен, и заняло завоеванные части города лишь весьма незначительным количеством войск.

Инсургенты сумели великолепно воспользоваться этим упущением, начав после авангардных боев 23 июня решительное сражение. Вообще поразительно, как быстро рабочие усвоили план военных действий, как планомерно они поддерживали друг друга, как искусно они сумели использовать столь сложные условия местности. Это было бы просто необъяснимо, если бы рабочие не были организованы в значительной степени на военный лад уже в национальных мастерских, где они были разбиты на роты, так что им оставалось только применить свою промышленную организацию к области военных действий, чтобы тотчас же образовать хорошо организованную армию.

Утром 24 июня не только была целиком отвоевана потерянная территория, но и занята новая. Правда, линия бульваров вплоть до бульвара Тампль оставалась занятой войсками, и

* Имеется в виду статья Энгельса «Подробности событий 23 июня» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. второе, т. 5, стр. 117—120).
Ред.

тем самым первая колонна оказалась отрезанной от центра; зато вторая колонна из квартала Сент-Антуан продвинулась так далеко вперед, что почти окружила ратушу. Она расположила свой командный пункт в церкви Сен-Жерве, в 300 шагах от ратуши, захватила церковь Сен-Мери и прилегающие улицы; она продвинулась далеко за ратушу и вместе с колоннами, занявшими Сите, почти совершенно отрезала ее. Оставался открытым только один подступ: набережные правого берега. На юге было вновь целиком занято предместье Сен-Жак, восстановлена связь с Сите, туда были посланы подкрепления и подготовлен переход на правый берег.

Теперь-то уж, во всяком случае, нельзя было терять времени; ратуша, революционный центр Парижа, оказалась под угрозой и должна была бы пасть, если бы не были приняты самые решительные меры.

II

Перепуганное Национальное собрание назначило Кавеньяка диктатором, а тот, еще со времен Алжира привыкший к «энергичным» расправам⁹, уж знал, что нужно делать.

Тотчас же по широкой Ке-де-л'Эколь к ратуше двинулось 10 батальонов. Они отрезали от правого берега инсургентов, утвердившихся на острове Сите, обезопасили ратушу и даже сделали возможными атаки на окружавшие ее баррикады.

Улица Планш-Мибре и ее продолжение, улица Сен-Мартен, были заняты войсками и прочно удерживались кавалерией. Расположенный напротив мост Нотр-Дам, который ведет на Сите, был очищен снарядами тяжелых орудий, и тогда Кавеньяк двинулся прямо на Сите, чтобы произвести там «энергичную» расправу. Главный опорный пункт инсургентов, магазин «Бель жардиньер», сперва был разрушен артиллерийскими снарядами, а затем подожжен ракетами; улица Сите также была захвачена при помощи артиллерийского обстрела; три моста, ведущие на левый берег, были взяты штурмом, и инсургенты на левом берегу были решительно отброшены. В то же время стоявшие на Гревской площади и на набережных 14 батальонов освободили осажденную уже ратушу, и церковь Сен-Жерве из командного пункта инсургентов превратилась в их отрезанный форпост.

Улица Сен-Жак не только подверглась артиллерийскому обстрелу со стороны Сите, но и была атакована с фланга со стороны левого берега. Генерал Дамем пробился вдоль Люксембургского сада к Сорбонне, захватил Латинский квартал и направил свои колонны против Пантеона. Площадь Пантеона была превращена в грозную крепость. Улица Сен-Жак давно

уже была взята, а здесь защитники «порядка» все еще стояли перед неприступной твердыней. Орудийный огонь и штыковые атаки не давали никаких результатов, пока, наконец, утомление, недостаток боевых припасов и угроза поджога со стороны буржуазии не принудили окруженных со всех сторон 1 500 рабочих сдаться. В то же время после долгой и мужественной обороны в руках защитников «порядка» оказалась площадь Мобер, и инсургенты, вытесненные из своих наиболее укрепленных позиций, принуждены были очистить весь левый берег Сены.

Между тем позиции войок и отрядов национальной гвардии на бульварах правого берега Сены были также использованы, чтобы действовать в обоих направлениях. Ламорисьер, который командовал этими частями, приказал обстрелом из тяжелых орудий и стремительными атаками войск очистить улицы предместий Сен-Дени и Сен-Мартен, бульвар Тампль и половину улицы Тампль. К вечеру он мог похвалиться блестящими успехами: первую колонну он отрезал и наполовину окружил в Кло-Сен-Лазар, вторую оттеснил назад и своим продвижением вдоль бульваров вбил в нее клин.

Каким же образом Кавеньяк добился этих успехов?

Во-первых, посредством громадного перевеса сил, которые он мог двинуть против инсургентов. 24-го в его распоряжении было не только 20 тысяч солдат парижского гарнизона, от 20 до 25 тысяч солдат мобильной гвардии и от 60 до 80 тысяч человек национальной гвардии, которой он мог располагать, но также национальная гвардия всех окрестностей Парижа и некоторых более отдаленных городов (от 20 до 30 тысяч человек) и, сверх того, от 20 до 30 тысяч солдат, спешно вызванных из соседних гарнизонов. Утром 24-го в его распоряжении было уже гораздо больше 100 тысяч человек, а к вечеру число это еще увеличилось наполовину. Между тем инсургенты насчитывали, самое большее, 40—50 тысяч человек!

Во-вторых, посредством жестоких мер, которые он пустил в ход. До тех пор на улицах Парижа лишь однажды стреляли из пушек — в вандемьере 1795 г., когда Наполеон картечью разгонял восставших на улице Сент-Оноре¹⁰. Но против баррикад, против домов никогда еще не применялась артиллерия, а тем более гранаты и зажигательные ракеты. Народ еще не был к этому подготовлен; он оказался совершенно безоружным против таких средств борьбы, а единственный способ противодействия — поджоги — противоречил его благородным чувствам. Народ до сих пор не имел ни малейшего представления о таком алжирском способе ведения войны на улицах Парижа. Поэтому он отступил, и его первое отступление предопределило его поражение.

25-го Кавеньяк повел наступление еще более крупными силами. В руках инсургентов оставался всего лишь один район — предместья Сент-Антуан и Тамплъ; кроме того, у них было еще два форпоста — Кло-Сен-Лазар и часть Сент-Антуанского квартала до моста Дамьет.

Кавеньяк, который получил новое подкрепление в 20—30 тысяч человек со значительным артиллерийским парком, приказал прежде всего атаковать изолированные форпосты инсургентов, в частности, Кло-Сен-Лазар. Здесь инсургенты укрепились, как в крепости. После 12-часового артиллерийского обстрела и метания гранат Ламорисьеру удалось, в конце концов, выбить инсургентов из их позиций и занять Кло-Сен-Лазар; это ему удалось, однако, лишь после того, как он обеспечил себе возможность фланговой атаки со стороны улиц Рошшуар и Пуассоньер, и лишь после того как баррикады были разрушены обстрелом — в первый день из 40, во второй — из еще большего числа орудий.

Другая часть его колонны продвинулась через предместье Сен-Мартен в предместье Тамплъ, но не достигла больших успехов; третья наступала вниз по бульварам к Бастилии, но тоже продвинулась недалеко, так как здесь ряд самых мощных баррикад после длительного сопротивления сдался лишь в результате ожесточенной канонады. Дома были здесь подвергнуты страшному разрушению.

Колонна Дювивье, которая наступала от ратуши, непрерывным артиллерийским огнем все дальше оттесняла инсургентов. Церковь Сен-Жерве была взята, очищена большая часть улицы Сент-Антуан со стороны ратуши, и несколькими колоннами, наступавшими по набережной и параллельным ей улицам, был взят мост Дамьет, связывавший инсургентов квартала Сент-Антуан с инсургентами островов Сен-Луи и Сите. Квартал Сент-Антуан был обойден с фланга, и инсургентам оставалась только возможность отступления в предместье, что они и сделали, ведя ожесточенные бои с колонной, наступавшей вдоль набережных до устья канала Сен-Мартен и оттуда вдоль канала по бульвару Бурдон. Немногие отрезанные инсургенты были перебиты, совсем немногие — взяты в плен.

В результате этой операции были заняты квартал Сент-Антуан и площадь Бастилии. К вечеру колонне Ламорисьера удалось целиком захватить бульвар Бомарше и соединиться на площади Бастилии с войсками Дювивье.

Занятие моста Дамьет дало возможность Дювивье вытеснить инсургентов с острова Сен-Луи и прежнего острова Лувье *.

* Остров Лувье, отделенный от правого берега Сены узким рукавом, был в 1844 г. соединен с сушей. *Ред.*

Он сделал это, проявив с особым размахом алжирское варварство. В немногих частях города огонь тяжелых орудий произвел такие опустошения, как здесь, на острове Сен-Луи. Но кому было до этого дело? Зато инсургенты были оттеснены или перебиты, и «порядок» восторжествовал на залитых кровью развалинах.

На левом берегу Сены оставалось захватить еще один пункт. Аустерлицкий мост, который к востоку от канала Сен-Мартен соединяет предместье Сент-Антуан с левым берегом Сены, был сильно забаррикадирован, а на левом берегу, там, где мост примыкает к площади Валуа, перед Ботаническим садом, было сооружено сильное предмостное укрепление. Это предмостное укрепление, последнее укрепление инсургентов на левом берегу после падения Пантеона и площади Мобер, было взято после упорного сопротивления.

Таким образом, на следующий день, 26-го в руках инсургентов остается только их последний оплот — предместье Сент-Антуан и часть предместья Тампль. Оба предместья не совсем удобны для уличных боев; улицы там довольно широкие и почти совершенно прямые, дающие большой простор для действий артиллерии. С западной стороны они хорошо защищены каналом Сен-Мартен, с севера же, напротив, совершенно открыты. С этой стороны пять или шесть совершенно прямых и широких улиц ведут прямо к центру предместья Сент-Антуан.

Главные укрепления были сооружены у площади Бастилии и на важнейшей улице всего района — на улице Фобур-Сент-Антуан. Здесь были воздвигнуты баррикады изумительной мощи, одни — из крупных плит мостовой, другие — из бревен. Они образовали входящий угол, частью для того, чтобы ослабить действие пушечных ядер, частью, чтобы удлинить линию обороны и сделать возможным перекрестный огонь. Брандмауеры домов были проломлены; таким образом целые ряды домов были соединены между собой, и инсургенты могли, смотря по необходимости, то открывать ружейный огонь по войскам, то укрываться за баррикадами. Мосты и набережные канала, равно как и параллельные каналу улицы, также были сильно укреплены. Короче говоря, оба еще занятые инсургентами предместья напоминали настоящую крепость, в которой войска должны были брать с бою каждую пядь земли.

С утра 26-го снова должен был начаться бой. Однако Кавеньяк не имел особенного желания бросать свои войска в эту сеть баррикад. Он угрожал бомбардировкой. Были подвезены мортиры и гаубицы. Завязались переговоры. В это время Кавеньяк приказал начать подкоп под ближайшие дома — что, впрочем, было возможно лишь в очень ограниченных размерах за недостатком времени, а также из-за прикрывавшего

баррикады с одной стороны канала; он приказал также установить внутренние сообщения с примыкающими домами из ранее захваченных домов через проломы в брандмауерах.

Переговоры были прерваны; бой возобновился. Кавеньяк приказал генералу Перро вести наступление из предместья Тампл, а генералу Ламорисьеру — с площади Бастилии. Из обоих пунктов по баррикадам был открыт сильный артиллерийский огонь. Перро продвигался довольно быстро, захватил остальную часть предместья Тампл и даже вклинился местами в предместье Сент-Антуан. Ламорисьер продвигался медленнее. Первые баррикады устояли под огнем его пушек, хотя первые дома предместья были подожжены его гранатами. Он еще раз начал переговоры. С часами в руке ждал он той минуты, когда будет иметь удовольствие сравнить с землей огнем своей артиллерии наиболее густо населенный район Парижа. Тогда часть инсургентов, наконец, капитулировала, между тем как другая, атакованная с флангов, после короткого боя отступила за пределы города.

Это был конец июньских баррикадных боев. За пределами города происходила еще ружейная перестрелка, но она не имела уже никакого значения. Бежавшие инсургенты были рассеяны по окрестностям и поодиночке захвачены кавалерией.

Мы дали это чисто военное описание борьбы, чтобы показать нашим читателям, с каким геройским мужеством, с каким единодушием, с какой дисциплиной и с каким военным искусством сражались парижские рабочие. Сорок тысяч рабочих сражались четыре дня с противником, превосходившим их вчетверо, и были на волосок от победы. Еще немного — и они закрепились бы в центре Парижа, взяли бы ратушу, учредили бы временное правительство и удвоили бы свою численность как за счет населения захваченных частей города, так и за счет мобильной гвардии, которой нужен был тогда лишь толчок, чтобы перейти на сторону рабочих.

Немецкие газеты утверждают, что это было решающее сражение между красной и трехцветной республикой, между рабочими и буржуа. Мы убеждены, что это сражение ничего не решает и не приведет ни к чему, кроме внутреннего раскола среди самих победителей. В остальном, даже с чисто военной точки зрения, весь ход событий доказывает, что в недалеком будущем рабочие должны будут победить. Если 40 000 парижских рабочих могли достигнуть таких огромных результатов в борьбе с противником, вчетверо превосходившим их численно, то что сможет совершить вся масса парижских рабочих, если она будет действовать единодушно и согласованно!

Керсози схвачен и в настоящий момент, вероятно, уже расстрелян¹¹. Буржуа могут его расстрелять, но не могут отнять

у него той славы, что *он впервые организовал уличные бои*. Они могут его расстрелять, но никакая сила в мире не сможет помешать тому, что его боевые приемы будут применяться в будущем во всех уличных боях. Они могут его расстрелять, но не могут помешать тому, что его имя войдет в историю как имя *первого баррикадного полководца*.

Написано Ф. Энгельсом на немецком языке
30 июня — 1 июля 1848 г.

Впервые напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» 1 и 2 июля 1848 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. второе, т. 5.

25 ИЮНЯ

С каждым днем борьба становилась все более напряженной, ожесточенной и яростной. Буржуазия с тем большим озлоблением выступала против инсургентов, чем яснее становилось, что ее жестокости не приводят немедленно к цели, чем больше она сама уставала от боев, ночных караулов и бивуаков, чем ближе подходил час ее окончательной победы.

Буржуазия объявила рабочих не просто врагами, которых следует победить, а *врагами общества*, которых следует уничтожить. Она распространяла абсурдную клевету, будто рабочие, которых она сама же насилием спровоцировала на восстание, думают только о грабежах, поджогах и убийствах, что рабочие — это шайка разбойников, которых следует пристрелить как диких зверей. Между тем инсургенты, которые в течение 3 дней держали в своих руках значительную часть города, вели себя в высшей степени благородно. Если бы они пустили в ход такие же жестокие средства, как предводительствуемые Кавеньяком буржуа и их холопы, Париж был бы превращен в груды развалин, но восставшие одержали бы победу.

Какое варварство проявила буржуазия в этой борьбе, видно из всех подробностей восстания. О картечи, гранатах и зажигательных ракетах нечего и говорить; твердо установлено, что *на большинстве захваченных баррикад побежденным не давали никакой пощады*. Буржуа убивали всех без исключения, кто попадался им под руку. 24-го вечером на улице Обсерваторий было без суда и следствия расстреляно свыше 50 захваченных в плен инсургентов. «Это истребительная война», — восклицает корреспондент «*Indépendance belge*», которая сама является буржуазной газетой. На всех баррикадах царила уверенность, что всех инсургентов без исключения прикончат на месте. Когда Ларошжаклен заявил в Национальном собрании, что необходимо как-то рассеять это убеждение, буржуа не дали ему даже договорить и подняли такой шум, что председатель вынужден был надеть свой головной убор и прервать заседание. Когда потом сам г-н Сенар (см. ниже сообщение о заседании Собрания) захотел сказать несколько лицемерных слов

о милосердии и примирении, снова поднялся такой же шум. Буржуа и слышать не хотели о пощаде. Несмотря на опасность потерять из-за бомбардировки часть своей собственности, они твердо решили раз и навсегда покончить с врагами порядка, с грабителями, разбойниками, поджигателями и коммунистами.

При этом они отнюдь не проявили того героизма, который всячески стараются им приписать буржуазные газеты. Из сегодняшнего сообщения о заседании Национального собрания явствует, что в начале восстания национальная гвардия была парализована страхом; из сообщений всех газет самых разнообразных направлений, несмотря на все напыщенные фразы, видно, что в первый день восстания национальная гвардия явилась на сбор в очень небольшом количестве, что на второй и на третий день Кавеньяк вынужден был стаскивать национальных гвардейцев с постелей и с помощью ефрейтора и четырех солдат отправлять их в бой. Несмотря на фанатическую ненависть к восставшим рабочим, буржуа не могли побороть свою природную трусость.

Рабочие, напротив, сражались с невиданной храбростью. Несмотря на то, что им все труднее становилось возмещать свои потери, что их все больше теснили превосходящие силы противника, они ни на миг не поддавались усталости. Уже утром 25-го они должны были увидеть, что шансы на победу решительно оборачивались против них. Отовсюду в большом количестве прибывали все новые войска; в Париж стягивались крупные части национальной гвардии из пригородов и из более отдаленных городов. Линейных войск, участвовавших в сражении 25-го, было на 40 000 человек больше обычного состава гарнизона; мобильная гвардия выставила от 20 до 25 тысяч человек; к этому надо добавить национальную гвардию Парижа и других городов, а также еще несколько тысяч человек республиканской гвардии. Общая численность вооруженных сил, которые выступили против восставших, составляла 25-го не менее 150—200 тысяч человек. Силы рабочих едва достигали одной четверти этого количества; кроме того, у рабочих было меньше боевых припасов, не было никакого военного руководства и ни одной пригодной пушки. Но они молча, с отчаянной храбростью сражались против врага, обладавшего колоссальным перевесом сил. Все новые и новые массы солдат устремлялись в бреши, пробитые тяжелыми орудиями в баррикадах; рабочие встречали их молча; они всюду сражались до последнего человека, и тогда только баррикада переходила в руки буржуа. На Монмартре инсургенты заявили населению: либо они нас уничтожат, либо мы их уничтожим, но мы не отступим, и молитесь бога, чтобы мы победили, так как в про-

тивном случае мы сожжем весь Монмартр. Эта угроза, так и не приведенная в исполнение, изображается, конечно, как «гнусный план», тогда как гранаты и зажигательные ракеты Кавеньяка признаются «удачными военными мероприятиями, вызвавшими всеобщее восхищение»!

25-го утром инсургенты занимали следующие позиции: Кло-Сен-Лазар, предместья Сент-Антуан и Тамплъ, Маре и квартал Сент-Антуан.

Кло-Сен-Лазар (бывшее монастырское владение) представляет собой большой земельный участок, частично застроенный, частично занятый недостроенными домами, намеченными к прокладке улицами и т. д. В самой середине этого участка находится Северный вокзал. В этом квартале, где находится множество беспорядочно разбросанных зданий и имеется, кроме того, большое количество строительных материалов, инсургенты соорудили мощную крепость. Центром ее стала строящаяся больница Луи-Филиппа; они возвели огромные баррикады, которые, по словам очевидцев, являлись совершенно неприступными. За баррикадами находилась отрезанная и занятая инсургентами крепостная стена города. Отсюда их укрепления доходили до улицы Рошшуар или до района застав. Заставы Монмартра были сильно укреплены, Монмартр был целиком занят восставшими. Сорок пушек, которые в течение 2 дней обстреливали их, еще не смогли их сломить.

Снова целый день по этим укреплениям стреляли из 40 пушек; в конце концов, в 6 часов вечера две баррикады на улице Рошшуар были взяты, а вскоре после этого был захвачен и Кло-Сен-Лазар.

На бульваре Тамплъ мобильная гвардия в 10 часов утра захватила несколько домов, откуда инсургенты обстреливали наступавшие войска. «Защитники порядка» продвинулись примерно до бульвара Фий-дю-Кальвер. Между тем инсургентов в предместье Тамплъ оттесняли все дальше, канал Сен-Мартен был местами занят, и более широкие и прямые улицы были подвергнуты сильному артиллерийскому обстрелу со стороны канала и со стороны бульвара. Бой был исключительно ожесточенным. Рабочие прекрасно сознавали, что враг нападает здесь на самый центр их позиций. Они яростно защищались. Им удавалось даже снова занимать потерянные ими ранее баррикады. Но после долгой борьбы они были разбиты противником, превосходившим их численностью и вооружением. Баррикады захватывались одна за другой; с наступлением ночи было взято не только предместье Тамплъ; продвигаясь по бульвару и каналу, враг овладел также подступами к предместью Сент-Антуан и несколькими баррикадами в этом предместье.

У ратуши медленно, но упорно наступал генерал Дювивье. Со стороны набережных он охватил с флангов баррикады улицы Сент-Антуан и одновременно обстреливал из тяжелых орудий остров Сен-Луи и прежний остров Лувье. Здесь также происходил чрезвычайно ожесточенный бой, подробности которого, однако, неизвестны; имеются лишь сведения о том, что в четыре часа были взяты мэрия девятого округа и прилегающие к ней улицы, что баррикады на улице Сент-Антуан одна за другой брались штурмом и что был взят мост Дамьет, который является подступом к острову Сен-Луи. С наступлением ночи инсургенты в этом районе были отовсюду отеснены и все подступы к площади Бастилии очищены.

Таким образом, инсургенты были выбиты из всех районов города, за исключением Сент-Антуанского предместья. Это была самая сильная их позиция. Многочисленные подступы к этому предместью — подлинному очагу всех парижских восстаний — были особенно искусно укреплены. Баррикады, построенные под углом друг к другу, так что одна прикрывала другую, поддерживаемые вдобавок перекрестным огнем из домов, представляли собой мощное препятствие для наступающих. Штурм этих баррикад должен был стоить огромного количества жертв.

Перед этими укреплениями расположились лагерьм буржуа, или, вернее, их холопы. Сама национальная гвардия в этот день почти бездействовала. Действовали главным образом линейные войска и мобильная гвардия; национальная гвардия занимала опокойные и уже ранее захваченные части города.

Хуже всех вели себя республиканская и мобильная гвардия. Республиканская гвардия, реорганизованная и подвергнутая чистке, с большим ожесточением расправлялась с рабочими, в борьбе против которых она завоевывала себе славу республиканской муниципальной гвардии*.

Мобильная гвардия, набранная главным образом из среды парижского люмпен-пролетариата, за короткое время своего существования, благодаря хорошей оплате, уже успела превратиться в настоящую преторианскую гвардию, выступавшую всякий раз на стороне того, в чьих руках была власть. Организованный люмпен-пролетариат выступил против неорганизованного занятого трудом пролетариата. Как и следовало ожидать, люмпен-пролетариат предоставил себя в распоряжение буржуазии, подобно тому, как лаццарони в Неаполе предоставили себя в распоряжение Фердинанда¹². Только те части мо-

* Намек на монархическую муниципальную гвардию, которая защищала трон Луи-Филиппа во время восстания в Париже в феврале 1848 г. После победы восстания была распушена. *Ред.*

бийной гвардии, которые состояли из *настоящих* рабочих, перешли на сторону восставших.

Какое же гнусное впечатление производит все то, что происходит теперь в Париже! Недавних нищих, бродяг, жуликов, уличных мальчишек и карманных воров, ныне составляющих мобильную гвардию,—людей, которых в марте и апреле каждый буржуа считал более нетерпимой бандой воров и разбойников, способной на любые преступления,—эту банду разбойников теперь балуют, превозносят, осыпают деньгами и наградами за то, что эти «юные герои», эти «дети Парижа», храбрость которых не поддается-де описанию, с необычайным мужеством взбирались на баррикады и т. д.; за то, что эти люди, которые не задумываясь сражались на баррикадах в феврале, теперь так же не задумываясь стреляли в пролетариев, как раньше в солдат; за то, что они были подкуплены и за тридцать су в день согласились расстреливать своих братьев! Хвала этим продажным бродягам, ибо за тридцать су в день они расстреливали лучшую, наиболее революционную часть парижских рабочих!

Храбрость, с которой сражались рабочие, поистине изумительна. От тридцати до сорока тысяч рабочих целых три дня держались против более восьмидесяти тысяч солдат и ста тысяч национальных гвардейцев, против картечи, гранат и зажигательных ракет, против «благородного» военного опыта генералов, не брезгавших применением алжирских методов! Рабочие разбиты, и значительная их часть зверски уничтожена. Их павшим борцам не будут оказаны такие почести, как жертвам июля и февраля¹⁸; но история отведет им совершенно особое место, как жертвам первой решительной битвы пролетариата.

Написано Ф. Энгельсом на немецком языке
28 июня 1848 г.

Впервые напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» 29 июня 1848 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. второе, т. 5.

СТАТЬИ ИЗ СЕРИИ „РЕВОЛЮЦИЯ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ В ГЕРМАНИИ“

ХІІІ. ПРУССКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ. НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ*

1 ноября пала Вена ¹⁴, а 9-го числа того же месяца роспуск Учредительного собрания в Берлине показал, насколько это событие подняло во всей Германии дух контрреволюционной партии и привело к ее усилению.

О событиях лета 1848 г. в Пруссии рассказать недолго. Учредительное собрание, или, вернее, «Собрание, избранное с целью достигнуть соглашения с короной относительно конституции», и его большинство, состоявшее из представителей буржуазии, давным-давно лишились всякого уважения в глазах общества, так как из страха перед более энергичными элементами населения это Собрание потворствовало всем интригам двора. Оно подтвердило или, вернее, восстановило ненавистные феодальные привилегии и таким образом предало свободу и интересы крестьянства. Оно оказалось неспособным ни выработать конституцию, ни хотя бы несколько улучшить общее законодательство. Оно занималось почти исключительно тонкими теоретическими определениями, пустыми формальностями и вопросами конституционного этикета. Собрание по существу было скорее школой парламентской *savoir vivre* [житейской мудрости] для его членов, чем учреждением, которое могло бы хоть сколько-нибудь отвечать интересам народа. Кроме того, в Собрании не было сколько-нибудь устойчивого большинства и перевес почти всегда зависел от нерешительного «центра», который своими колебаниями то влево, то вправо сверт сначала министерство Кампгаузена, а потом министерство Ауэрсвальда — Ганземана. Но в то время как либералы здесь, как и повсюду, упускали из рук представлявшиеся им возможности, двор реорганизовал свои силы, со-

* Заглавия статей были даны дочерью Маркса Элеонорой Маркс в подготовленном ею первом отдельном издании работы «Революция и контрреволюция в Германии», вышедшем в Лондоне в 1896 г. *Ред.*

стоявшие из дворянства и наиболее отсталой части сельского населения, а также из армии и бюрократии. После падения Ганземана было образовано министерство из бюрократов и военных, сплошь заядлых реакционеров, которое, однако, делало вид, что готово считаться с требованиями парламента. А Собрание, которое держалось удобного принципа, гласившего, что «важны мероприятия, а не люди», позволило настолько себя одурачить, что аплодировало этому министерству; при этом оно, разумеется, не обращало никакого внимания на то, как это самое министерство почти открыто сосредоточивало и организовывало контрреволюционные силы. Наконец, когда падение Вены послужило сигналом, король сместил этих министров и заменил их «людьми дела» во главе с теперешним министром-президентом Мантёйфелем. Тогда сонное Собрание вдруг пробудилось перед лицом опасности. Оно вынесло кабинуету вотум недоверия, в ответ на который немедленно был издан указ, переносивший заседания палаты из Берлина, где она в случае конфликта могла бы рассчитывать на поддержку масс, в Бранденбург, маленький провинциальный городок, находившийся целиком во власти правительства. Собрание заявило, однако, что без его собственного согласия нельзя ни отсрочить его заседаний, ни перевести его в другое место, ни распустить. Тем временем в Берлин вступил генерал Врангель во главе почти сорокатысячного войска. Собрание городских властей и офицеров национальной гвардии постановило не оказывать сопротивления. И вот теперь, после того как Учредительное собрание и стоявшая за ним либеральная буржуазия позволили объединенной реакционной партии овладеть всеми важными позициями и дали вырвать из оных рук почти все средства обороны, началась великая комедия «пассивного и легального сопротивления», которое по мысли ее инициаторов должно было превратиться в славное подражание примеру Гемпдена и первым действиям американцев во времена войны за независимость¹⁵. Берлин был объявлен на осадном положении, и все-таки Берлин остался спокойным; правительствопустило национальную гвардию, и она с величайшей пунктуальностью сдала свое оружие. Собрание в течение двух недель гоняли с одного места заседаний на другое и всюду разгоняли при помощи войск, а депутаты Собрания умоляли граждан сохранять спокойствие. Наконец, когда правительство объявило Собрание распущенным, Собрание постановило объявить взимание налогов незаконным, и члены его рассеялись по стране, чтобы организовать отказ от уплаты налогов. Но оказалось, что они жестоко ошиблись в выборе средств. После нескольких тревожных недель, за которыми последовали суровые меры правительства против оппозиции, все оставили мысль об отказе

от уплаты налогов в угоду этому приказавшему долго жить Собранию, у которого не хватило мужества даже для самообороны.

Было ли в начале ноября 1848 г. слишком поздно прибегать к вооруженному сопротивлению или же, напротив, часть армии, встретив серьезное противодействие, перешла бы на сторону Собрания и таким образом решила бы дело в его пользу, — это вопрос, который, вероятно, никогда не будет решен. Но в революции, как и на войне, всегда необходимо смело встречать врага лицом к лицу и нападающий всегда оказывается в более выгодном положении; в революции, как и на войне, в высшей степени необходимо в решающий момент все поставить на карту, каковы бы ни были шансы. История не знает ни одной успешной революции, которая не подтверждала бы правильности этих аксиом. В ноябре 1848 г. для прусской революции как раз наступил решающий момент; прусское Учредительное собрание, которое официально стояло во главе всего революционного движения, не только не дало энергичного отпора врагу, но, наоборот, отступало при каждом его продвижении; еще меньше способно было оно к нападению, ибо оно предпочитало даже не обороняться. И вот когда настал решающий момент, когда Врангель во главе сорока тысяч солдат постучал в ворота Берлина, он совершенно неожиданно для себя и своих офицеров увидел не перегороженные баррикадами улицы и не превращенные в бойницы окна, а открытые ворота, и на улицах, в качестве единственной помехи движению, мирных берлинских бюргеров, радующихся шутке, которую они с ним сыграли, выдав себя связанными по рукам и ногам изумленным солдатам. Правда, если бы Собрание и народ оказали сопротивление, они могли бы быть разбиты; Берлин могли бы подвергнуть бомбардировке, не одна сотня людей поплатилась бы жизнью, не предотвратив этим конечного торжества королевской партии. Но это еще не было основанием для того, чтобы немедленно сложить оружие. Поражение после упорного боя — факт не меньшего революционного значения, чем легко выигранная победа. Поражения — парижское в июне и венское в октябре 1848 г. — во всяком случае сделали несравненно больше для революционизирования умов народа в этих двух городах, чем февральская и мартовская победы. Возможно, что Учредительное собрание и население Берлина разделили бы судьбу двух упомянутых городов, но они пали бы со славой и оставили бы после себя в сознании оставшихся в живых жажду мести, которая в революционные времена является одним из самых могучих стимулов к энергичной и страстной деятельности. Бесспорно, во всякой борьбе тот, кто поднимает перчатку, рискует быть побежденным, но

разве это основание для того, чтобы с самого начала объявить себя разбитым и покориться ярму, не обнажив меча?

В революции всякий, кто, занимая решающую позицию, сдает ее, вместо того чтобы заставить врага отважиться на приступ, всегда заслуживает того, чтобы к нему относились как к изменнику.

Тот самый указ прусского короля, которым распускалось Учредительное собрание, возвестил и новую конституцию, в основе которой лежал проект, составленный комиссией Собрания. Но конституция эта в одних пунктах расширяла полномочия короны, а в других делала сомнительными полномочия парламента. Согласно этой конституции учреждались две палаты, которые должны были быть созваны в непродолжительном времени для того, чтобы рассмотреть ее и утвердить.

Едва ли стоит поднимать вопрос о том, где же было германское Национальное собрание¹⁶ во время «легальной и мирной» борьбы прусских конституционалистов. Оно, как это было заведено во Франкфурте, занималось тем, что принимало весьма кроткие резолюции, осуждающие действия прусского правительства, и выражало свое восхищение «величественным зрелищем пассивного, легального и единодушного сопротивления грубой силе, оказываемого целым народом». Центральное правительство отправило в Берлин комиссаров, которые должны были выступить в роли посредников между министерством и Собранием. Но их постигла та же судьба, что и их предшественников в Ольмюце: их вежливо выпроводили. Левая Национального собрания, т. е. так называемая радикальная партия, тоже послала своих комиссаров, но последние, достаточно убедившись в полной беспомощности Берлинского собрания и расписавшись в своей собственной не меньшей беспомощности, возвратились во Франкфурт, чтобы доложить о своих успехах и засвидетельствовать достойное восхищения мирное поведение берлинцев. Мало того, когда г-н Бассерман, один из комиссаров центрального правительства, сообщил, что недавние суровые меры прусских министров были приняты не без основания, так как в последнее время на улицах Берлина бродили разные личности свирепого вида, какие всегда появляются накануне анархических движений (с того времени они так и называются «бассермановскими личностями»), тогда эти достойные депутаты левой и энергичные защитники революции тотчас же поднялись со своих мест, чтобы клятвенно засвидетельствовать, что ничего подобного не было! Таким образом, за два месяца было воочию доказано полное бессилие Франкфуртского собрания. Нельзя было бы придумать более яркого доказательства, что этому учреждению совершенно не по плечу возложенная на него задача, что оно даже не имеет ни малей-

шего представления о том, в чем на самом деле эта задача состоит. Одного факта, что судьба революции была решена в Вене и Берлине, что наиболее важные и наиболее жизненные вопросы разрешились в этих двух столицах так, как будто бы Собрания во Франкфурте вовсе и не существовало,— одного этого факта достаточно для подтверждения того, что Собрание это было просто дискуссионным клубом, состоявшим из сборища легковверных простофиль. Они позволили правительствам использовать себя в качестве парламентских марионеток, выставляемых напоказ с целью позабавить лавочников и мелких ремесленников в мелких государствах и мелких городах, пока правительства находили нужным отвлекать внимание этой публики. До какой поры последние считали нужным это делать, мы скоро увидим. Но заслуживает внимания тот факт, что из всех «выдающихся» людей этого Собрания не нашлось ни одного, у кого было хотя бы малейшее представление о роли, которую их заставили играть, и что даже до настоящего дня бывшие члены франкфуртского клуба сохранили в неизменном виде овойственные лишь им органы исторического восприятия.

XVII. ВОССТАНИЕ

Неизбежный конфликт между франкфуртским Национальным собранием и правительствами немецких государств разразился, наконец, в форме открытых враждебных действий в первых числах мая 1849 года¹⁷. Австрийские депутаты, отозванные своим правительством, уже покинули Собрание и возвратились домой, за исключением немногих членов левой, или демократической партии. Подавляющая масса консервативных депутатов, видя, какой оборот принимает дело, ушла из Собрания даже раньше, чем этого потребовали их правительства. Таким образом, независимо от указанных уже в предыдущих статьях причин, усиливавших влияние левой, одного дезертирства правых депутатов было достаточно для того, чтобы превратить прежнее меньшинство в большинство Собрания. Представители нового большинства, которому никогда до сих пор такое счастье и во сне не снилось, пользовались раньше своим положением на скамьях оппозиции, чтобы разглагольствовать о слабости, нерешительности, инертности старого большинства и его имперского правительства. Теперь же *им самим* вдруг пришлось занять место этого старого большинства. Теперь *они* должны были показать, на что они сами способны. *Их* деятельность, разумеется, должна быть воплощением энергии, решительности, активности. *Они*, цвет Германии, быстро сумеют подтолкнуть дряхлого имперского регента и его

нерешительных министров, а если это окажется невозможным, тогда — кто смеет сомневаться в этом! — используя силу народного суверенитета, они низложат это неспособное правительство и заменят его деятельной, неутомимой исполнительной властью, которая обеспечит спасение Германии. Бедняги! Их правление — если вообще можно говорить о правлении, когда никто не подчиняется ему, — оказалось даже еще более смехотворным, чем правление их предшественников.

Новое большинство объявило, что, несмотря на все препятствия, имперскую конституцию следует провести в жизнь и притом *немедленно*, что 15 июля народ должен избрать депутатов в новую палату представителей и что эта палата должна будет собраться 22 августа во Франкфурте. Это было уже прямым объявлением войны тем правительствам, которые не признали имперской конституции, и прежде всего Пруссии, Австрии, Баварии, включавшим больше чем три четверти всего населения Германии, — объявлением войны, немедленно принятым правительствами. Пруссия и Бавария тоже отозвали депутатов, посланных во Франкфурт от их территорий, и ускорили свои военные приготовления против Национального собрания. С другой стороны, демонстрации демократической партии (вне парламента) в пользу имперской конституции и Национального собрания приобретали все более бурный и энергичный характер, и масса рабочих, руководимая сторонниками крайней партии, обнаруживала готовность взяться за оружие в защиту дела, которое, правда, не было собственным делом рабочих, но, по крайней мере, освобождая Германию от ее старых монархических оков, открывало перед ними возможность несколько приблизиться к осуществлению своих целей. Таким образом, повсюду на этой почве народ и правительства оказались в острейшем конфликте друг с другом; взрыв был неминуем; мина была заряжена, и одной искры было достаточно, чтобы она взорвалась. Роспуск палат в Саксонии, призыв ландвера (военного резерва) в Пруссии, прямое противодействие правительств имперской конституции явились этой искрой; она упала, и вся страна тотчас же была охвачена пламенем. В Дрездене народ 4 мая победоносно овладел городом и изгнал короля*; все соседние округа послали подкрепления восставшим. В Рейнской Пруссии и Вестфалии ландвер отказался выступить, захватил арсеналы и вооружился на защиту имперской конституции. В Пфальце народ арестовал баварских правительственных чиновников, захватил казначейство и учредил Комитет обороны, который объявил провинцию под защитой Национального собрания. В Бюртемберге

* Фридриха-Августа II. Ред.

народ заставил короля * признать имперскую конституцию, а в Бадене армия в союзе с народом принудила великого герцога ** к бегству и создала временное правительство. В других частях Германии народ дожидался только решающего сигнала от Национального собрания, чтобы воостать с оружием в руках и предоставить себя в его распоряжение.

Положение Национального собрания было гораздо благоприятнее, чем можно было бы ожидать после его бесславного прошлого. Западная половина Германии взялась за оружие для защиты Собрания; войска повсюду колебались; в мелких государствах они явно склонялись на сторону движения. Австрия была доведена до крайности победоносным наступлением венгров, а Россия, этот резервный оплот немецких правительств, напрягала все свои силы, чтобы поддержать Австрию против мадьярских войск. Оставалось только справиться с Пруссией, а при наличии в этой стране революционных симпатий достижение такой цели было несомненно возможным. Словом, все зависело от поведения Собрания.

Воостание есть искусство, точно так же как и война, как и другие виды искусства. Оно подчинено известным правилам, забвение которых ведет к гибели партии, оказавшейся виновной в их несоблюдении. Эти правила, будучи логическим следствием из сущности партий, из сущности тех условий, с которыми в подобном случае приходится иметь дело, так ясны и просты, что короткий опыт 1848 г. достаточно ознакомил с ними немцев. Во-первых, никогда не следует играть с восстанием, если нет решимости идти до конца. Восстание есть уравнение с величинами в высшей степени неопределенными, ценность которых может изменяться каждый день. Боевые силы, против которых приходится действовать, имеют всецело на своей стороне преимущество организации, дисциплины и традиционного авторитета; если восставшие не могут собрать больших сил против своего противника, то их разобьют и уничтожат. Во-вторых, раз восстание начато, тогда надо действовать с величайшей решительностью и переходить в наступление. Оборона есть смерть всякого вооруженного восстания; при обороне оно гибнет, раньше еще чем померялось силами с неприятелем. Надо захватить противника врасплох, пока его войска еще разрознены; надо ежедневно добиваться новых, хотя бы и небольших, успехов; надо удерживать моральный перевес, который дало тебе первое успешное движение восстающих; надо привлекать к себе те колеблющиеся элементы, которые всегда идут за более сильным и всегда становятся на

* Вильгельма I. *Ред.*

** Леопольда. *Ред.*

более надежную сторону; надо принудить неприятеля к отступлению, раньше чем он мог собрать свои войска против тебя; одним словом, действуй по словам величайшего из известных до сих пор мастера революционной тактики, Дантона: *de l'audace, de l'audace, encore de l'audace!* [смелость, смелость и еще раз смелость!] ¹⁸.

Итак, что же следовало делать франкфуртскому Национальному собранию, чтобы избежать неминуемо угрожавшей ему гибели? Оно должно было, прежде всего, отчетливо уяснить себе положение и убедиться в том, что теперь перед ним нет иного выбора, как или безоговорочно подчиниться правительствам или же, решительно, отбросив всякие колебания, примкнуть к вооруженному восстанию. Во-вторых, оно должно было открыто признать все уже вспыхнувшие восстания, призвать народ повсеместно взяться за оружие для защиты национального представительства и объявить вне закона всех монархов, министров и других лиц, которые посмели бы противиться суверенному народу, представленному своими уполномоченными. В-третьих, оно должно было немедленно сместить германского имперского регента *, создать сильную, деятельную, *ни перед чем не отступающую* исполнительную власть, призвать во Франкфурт для своей непосредственной защиты вооруженные силы восставших, создавая тем самым одновременно законный повод для распространения восстания, организовать в одно оплоченное целое все имеющиеся в его распоряжении боевые силы — словом, быстро и без колебания использовать все возможные средства, чтобы укрепить свою позицию и ослабить позицию своих врагов.

Добродетельные демократы Франкфуртского собрания поступили во всем как раз наоборот. Не довольствуясь тем, что они предоставили дело его собственному течению, эти достойные господа дошли до того, что своим противодействием прямо-таки душили все подготовлявшиеся повстанческие движения. Так поступил, например, г-н Карл Фогт в Нюрнберге. Они допустили подавление восстаний в Саксонии, Рейнской Пруссии, Вестфалии, не оказав им никакой другой помощи, кроме сентиментального протеста, после их гибели, против бесчувственной жестокости прусского правительства. Тайно они поддерживали дипломатические сношения с южногерманскими восстаниями, но ни разу не поддерживали их посредством открытого признания. Они знали, что имперский регент стоит на стороне правительств, и тем не менее они призывали его — на что тот не обращал никакого внимания — противодействовать интригам этих правительств. Имперские министры, старые консер-

* Эрцгерцога Иоганна. *Ред.*

ваторы, на каждом заседании осыпали насмешками это беспомощное Собрание, и оно мирилось с этим. А когда Вильгельм Вольф, силезский депутат и один из редакторов «*Neue Rheinische Zeitung*», потребовал, чтобы Собрание объявило вне закона имперского регента, который, как справедливо указывал Вольф, был первым и величайшим предателем империи, его заглушил единодушный крик добродетельного негодования этих демократических революционеров! Короче говоря, они продолжали болтать, протестовать, возвещать, провозглашать, но им никогда не хватало ни мужества, ни ума, чтобы действовать, между тем как враждебные войска правительств подходили все ближе, а их собственная исполнительная власть — имперский регент — усердно строила им козни, подготавливая совместно с немецкими государями их быстрое уничтожение. Таким образом, это презренное Собрание растеряло последние остатки своего престижа; участников восстания, которые поднялись на его защиту, перестала заботить его судьба, а когда, как мы увидим в дальнейшем, дело, наконец, пришло к позорному концу и Собрание это испустило дух, никто и внимания не обратил на его бесславное исчезновение.

XVIII. МЕЛКАЯ БУРЖУАЗИЯ

В нашей последней статье мы показали, как борьба между немецкими правительствами, с одной стороны, и Франкфуртским парламентом — с другой, в конце концов достигла такой степени ожесточения, что в первые дни мая в значительной части Германии вспыхнули открытые восстания: оначала в Дрездене, потом в баварском Пфальце, в части Рейнской Пруссии и, наконец, в Бадене.

Во всех случаях *подлинные боевые* силы повстанцев состояли из *городских рабочих*, которые первыми брались за оружие и вступали в сражение с войсками. Часть беднейших слоев сельского населения — батраки и мелкие крестьяне — присоединялась к рабочим, как правило, уже после того, как вспыхивал конфликт. Большинство молодых людей из всех классов, стоящих ниже класса капиталистов, по крайней мере временно находилось в рядах повстанческих армий, но эта довольно пестрая толпа молодежи быстро поредела, как только дело приняло более серьезный оборот. В частности, студенты, эти «представители интеллекта», как они любили себя называть, первыми покидали свои знамена, если только их не удавалось удерживать производством в офицеры, для чего они, разумеется, лишь в самых редких случаях обладали необходимыми данными.

Рабочий класс принял участие в этом восстании, как принял бы его во всяком другом, от которого можно было бы ждать, что оно либо устранит некоторые препятствия на его пути к политическому господству и социальной революции, либо, по крайней мере, заставит более влиятельные, но менее смелые общественные классы придерживаться более решительного и революционного курса, чем тот, которого они придерживались до сих пор. Рабочий класс взялся за оружие с полным сознанием того, что по своим непосредственным целям это не его собственная борьба. Но он следовал единственно правильной для него тактике: ни одному классу, поднявшемуся на его плечах (как это сделала буржуазия в 1848 г.), он не хотел позволить укрепить свое классовое господство, если тот не предоставлял рабочему классу, по крайней мере, свободного поля для борьбы за его собственные интересы. Во всяком случае, рабочий класс стремился довести дело до кризиса, который или решительно и бесповоротно увлек бы нацию на революционный путь, или же привел бы к возможно более полному восстановлению дореволюционного status quo [существующего порядка] и таким образом сделал бы неизбежной новую революцию. И в том и в другом случае рабочий класс представлял действительные и правильно понятые интересы всей нации в целом: он по мере сил укорял ход революции, которая стала теперь исторической необходимостью для старых обществ цивилизованной Европы и без которой ни одно из них не может помышлять о дальнейшем более спокойном и регулярном развитии своих сил.

Что касается присоединившегося к восстанию сельского населения, то оно, в основном, бросилось в объятия революционной партии частью из-за непомерного бремени налогов, частью же из-за тяготевших над ним феодальных повинностей. Лишенное какой бы то ни было собственной инициативы, оно шло в хвосте других классов, вовлеченных в восстание, колеблясь между рабочими и классом мелких ремесленников и торговцев. Почти всегда личное социальное положение каждого в отдельности решало, к какой стороне он примыкал. Сельский батрак обычно присоединялся к городским рабочим; мелкий крестьянин-собственник обнаруживал склонность идти рука об руку с мелким буржуа.

Этот класс мелких буржуа, на большое значение и влияние которого мы уже неоднократно указывали, можно считать руководящим классом майского восстания 1849 года. Так как на этот раз среди центров движения не было ни одного из крупных городов Германии, то мелкой буржуазии, которая всегда преобладает в средних и мелких городах, удалось захватить в свои руки руководство движением. Мы видели, кроме того,

что в борьбе за имперскую конституцию и за права германского парламента интересы именно этого класса были поставлены на карту. Во всех временных правительствах, которые организовались в восставших областях, большинство составляли представители именно этой части народа, поэтому по масштабам их деятельности можно как раз судить, на что вообще способна немецкая мелкая буржуазия. Как мы увидим, она способна лишь на то, чтобы погубить всякое движение, которое вверяется ее руководству.

Мелкая буржуазия, великая в хвастовстве, совершенно не способна к действию и трусливо избегает рисковать чем бы то ни было. Мелочная природа ее торговых сделок и кредитных операций как нельзя более способна наложить отпечаток на весь ее характер, лишая его энергии и предприимчивости; поэтому следовало ожидать, что такими же свойствами будет отличаться и ее политическая деятельность. И действительно, мелкая буржуазия поощряла восстание высокопарными фразами и неумеренным прославлением подвигов, которые она собиралась совершить; она жадно спешила захватить власть, как только восстание — совершенно вопреки ее желанию — вспыхнуло; но этой властью она пользовалась только для того, чтобы свести к нулю успехи восстания. Повсюду, где вооруженное столкновение приводило к серьезному кризису, мелких буржуа охватывал величайший ужас перед создавшимся для них опасным положением: ужас перед народом, который всерьез принимал их хвастливые призыв к оружию; ужас перед властью, которая теперь попала им в руки; и прежде всего ужас перед последствиями той политики, в которую им пришлось ввязаться, — последствиями как лично для них самих, так и для их общественного положения и для их собственности. Не ожидали ли от них, что они действительно будут рисковать «жизнью и имуществом», как они обычно говорили, ради дела восстания? Не вынуждены ли они были занять официальное положение в восстании и, следовательно, в случае поражения не рисковали ли они потерять свои капиталы? И какая иная перспектива была у них в случае победы, как не уверенность, что победоносные пролетарии, составлявшие главную массу их боевых сил, прогонят их с постов и коренным образом изменят их политику? Поставленная таким образом между противоположными опасностями, окружавшими ее со всех сторон, мелкая буржуазия сумела воспользоваться своей властью лишь для того, чтобы бросить все на произвол судьбы, в силу чего были, разумеется, утрачены те небольшие шансы на успех, на которые еще можно было рассчитывать, и восстание окончательно обрекалось на крушение. Тактика мелкой буржуазии, или, вернее, полное отсутствие всякой тактики, повсюду была

одна и та же, и потому восстания в мае 1849 г. во всех частях Германии оказались как бы выкроенными по одному образцу.

В Дрездене уличная борьба продолжалась четыре дня. Мелкие буржуа Дрездена, «городская гвардия», не только не принимали участия в борьбе, но во многих случаях поддерживали действия войск против восставших. Последние опять-таки состояли почти исключительно из рабочих окрестных промышленных округов. Они нашли *способного и хладнокровного командира в лице русского эмигранта Михаила Бакунина*, который впоследствии был взят в плен и в настоящее время находится в заточении в крепости Мункач в Венгрии. В результате вмешательства многочисленных прусских войск это восстание было подавлено.

В Рейнской Пруссии дело дошло лишь до незначительных схваток. Так как все крупные города были крепостями, над которыми господствовали цитадели, то действия восставших должны были ограничиться лишь отдельными стычками. Как только было сосредоточено достаточное количество войск, изооруженному сопротивлению был положен конец.

В Пфальце и Бадене, наоборот, восставшие овладели богатой, плодородной областью, а также целым государством. Здесь было все под рукой: деньги, оружие, солдаты, военные запасы. Солдаты регулярной армии сами присоединились к восставшим; более того, в Бадене они были даже в первых рядах. Восстания в Саксонии и Рейнской Пруссии принесли себя в жертву, чтобы дать время для организации южногерманского движения. Никогда еще не было таких благоприятных обстоятельств для местного, в масштабах провинции, восстания, как в данном случае. В Париже ожидалась революция; венгры стояли у ворот Вены; во всех государствах центральной Германии не только народ, но и войска решительно склонялись на сторону восстания и ждали только удобного случая, чтобы открыто присоединиться к нему. И все же движение, попав в руки мелкой буржуазии, с самого начала было обречено на гибель. Мелкобуржуазные правители, в особенности в Бадене — и во главе их г-н Брентано, — никак не могли забыть, что узурпацией поста и прерогатив «законного» суверена, великого герцога, они совершают государственную измену. Они сидели в своих министерских креслах, в душе считая себя преступниками. Чего же было ждать от таких трусов? Они не только предоставили восстание его собственному стихийному ходу, оставив его децентрализованным, а потому и безрезультатным, но делали все, что было в их силах, чтобы отнять у движения всякую энергию, обессилить и погубить его. И им это удалось благодаря ревностной поддержке того разряда глубокомысленных политиков, тех «демократических» героев

мелкой буржуазии, которые были всерьез убеждены, что «спа-
сают отечество», предоставляя водить себя за нос нескольким
более ловким субъектам, вроде Брентано.

Что касается военной стороны дела, то никогда еще боевые
операции не велись столь небрежно и столь бестолково,
как под руководством баденского главнокомандующего Зигеля,
бывшего лейтенанта регулярной армии. Все пришло в беспор-
ядок, упущены были все благоприятные случаи, все дра-
гоценные моменты были потрачены на измышление гран-
диозных, но невыполнимых планов, и когда, наконец, коман-
дование взял на себя даровитый поляк Мерославский, армия
была дезорганизована, разбита, плохо снабжена, пала духом
и стояла перед вчетверо превосходившим ее численностью про-
тивником. Мерославскому не оставалось ничего иного, как
только дать при Вагхёйзеле славное, но окончившееся неудачей
сражение, совершить искусное отступление, вступить в послед-
ний безнадежный бой под стенами Раштатта и сложить с себя
командование. В этой, как и во всякой повстанческой войне,
в которой войска представляют собой смесь опытных солдат
и необученных новобранцев, революционная армия проявила
много героизма, но, вместе с тем, и много раз поддавалась
несвойственной солдатам и часто прямо-таки непостижимой
панике. Но при всем своем неизбежном несовершенстве эта
армия вправе считать себя удовлетворенной хотя бы уже тем,
что четырехкратный численный перевес показался противнику
недостаточным, чтобы разбить ее наголову, и что во время кам-
пании сто тысяч регулярных войск обнаруживали в военном
отношении такую почтительность перед двадцатью тысячами
повстанцев, словно перед ними была старая гвардия Напо-
леона.

В мае восстание вспыхнуло, в середине июля 1849 г. оно
было полностью подавлено. Первая германская революция
закончилась.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке
в марте и в августе — сентябре 1852 г.

При отправке в редакцию газеты «Нью-Йорк-
ская Трибуна» статьи просматривались К. Марк-
сом.

Впервые напечатано в «New-York Daily Tri-
bune» 17 апреля, 18 сентября и 2 октября 1852 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд.
второе, т. 8.

КРЫМСКАЯ ВОЙНА

1853—1856 гг.

КАМПАНИЯ В КРЫМУ ¹⁹

Наши читатели будут, несомненно, поражены тем новым настроением, которым веет от известий с поля военных действий в Крыму, полученных вчера Балтийским агентством и публикуемых сегодня на наших столбцах. До сих пор высокомерная и надменная самоуверенность была отличительной чертой комментариев британской прессы и отчетов британских и французских корреспондентов о ходе и перспективах войны. Теперь это сменилось состоянием тревоги и даже смятения. Со всех сторон поступают признания, что такого превосходства союзных армий над их противниками, какое провозглашалось, не существует. Севастополь, оказывается, сильнее, Меншиков — более способный генерал, и его армия — гораздо значительнее, чем предполагалось. Вместо верной и решительной победы, французы и англичане стоят теперь перед опасностью возможного неуспеха и провала. Таково настроение, которое рисует наш ливерпульский корреспондент — сам англичанин, проникнутый всеми патриотическими чаяниями и предубеждениями своей страны, и это же настроение проявляется в весьма энергичных действиях обоих правительств, французского и английского. Делаются отчаянные усилия ускорить переброску подкреплений к Севастополю. Соединенное королевство мобилизовало уже всех солдат до последнего: много пароходов отдано под транспорт. 50 000-я французская армия уже отправлена в надежде, что она прибудет на поле военных действий еще во-время, для того чтобы принять участие в последнем, решительном сражении.

В субботу мы опубликовали большое количество документов, относившихся, главным образом, к более ранним стадиям осады и отчасти успешному, но все же жалкому сотрудничеству флотов; теперь мы добавляем официальные сообщения об убийственной атаке Липранди, произведенной им на союзников под Балаклавой ²⁰, и прочие сведения о последующем ходе операций, — сообщения, должны признаться, все весьма неблагоприятные для союзников. Тщательное ознакомление

с этими документами приводит нас к выводу, что положение, как мы уже это не раз высказывали, хотя и затруднительно и даже вызывает опасения, все же едва ли настолько тяжело, как это представляется нашему ливерпульскому корреспонденту. Мы не думаем, что вырисовывается опасность, более грозной неудачи, чем вынужденное отступление и посадка на корабли. С другой же стороны, все еще представляется возможность, что город будет взят отчаянным кровопролитным приступом. Но хотя это и возможно, это должно, по нашему мнению, решиться задолго до того, как подкрепления, отправленные из Франции и Англии, могут прибыть в Крым. Кампания, повидимому, подошла к поворотному моменту; совершены такие движения, ошибки и упущения, которые уже определили ее характер и предопределили ее исход.

Мы располагаем достоверной, неоспоримой информацией об основных событиях; на основании ее мы предлагаем сжатый, краткий обзор всего хода борьбы.

Теперь установлено, что ко времени высадки союзников у Старого форта в поле под командой Меншикова находилось всего сорок два батальона и два полка кавалерии, не считая известного количества казаков; гарнизон же Севастополя состоял из флотских солдат и матросов. Это были сорок два батальона 12-й, 16-й и 17-й пехотных дивизий. Допуская, что каждый батальон имел полный состав в 700 человек, мы получим в общем 29 400 человек пехоты; с 2000 гусаров, казаками, артиллерией, саперами и минерами это составит в общем 32 000 человек в поле. С такими силами Меншиков не мог воспрепятствовать высадке союзников, не подставив своих войск, без достаточного резерва, под огонь союзных флотов. Сильная армия, имеющая возможность пожертвовать частью своей силы, может выделить отряд для малой войны набегов и ночных атак против вражеского десанта; русские же в данном случае нуждались в каждом солдате для предстоящего генерального сражения. Кроме того, русский пехотинец менее всего приспособлен к операциям малой войны; его сила — в действиях колоннами в сомкнутом строю. Что касается казаков, их способ военной борьбы — слишком партизанский и годится лишь для более или менее удачных захватнических набегов. Помимо этого, Крымская кампания, повидимому, показывает, что регуляризация казаков, постепенно проведенная в течение последних тридцати лет, сломала их личную инициативу и поставила их в подчиненное положение, при котором они уже менее годны для нерегулярной службы и еще недостаточно приспособлены для службы регулярной. Они, кажется, теперь одинаково неспособны как к службе на аванпостах или в отдельных отрядах, так и к атаке неприятеля в строю²¹. Русские

поэтому были совершенно правы, приберегая каждую саблю и штык для битвы при Альме.

На берегах этой реки 32 000 русских были атакованы 55 000 союзников. Соотношение сил было почти один на два. Когда около 30 000 союзников уже были введены в действие, Меншиков дал приказ об отступлении. Русских к тому времени было занято не более 20 000. Дальнейшие попытки удержать за собой позиции превратили бы русское отступление в настоящее бегство, ибо они потребовали бы введения в действие всех русских резервов. Так как успех союзников, при их огромном численном превосходстве, был с несомненностью обеспечен, Меншиков прекратил сражение, прикрыл отступление своими резервами и, одолев первое замешательство, вызванное на его левом фланге обходным движением Бооке, оставил поле сражения «в блестящем порядке», не преследуемый и не тревожимый. Союзники ссылались на отсутствие кавалерии для преследования; но так как мы знаем, что русские имели всего два полка гусаров, — во всяком случае меньше, чем союзники, — этот довод отпадает. Как и в Цорндорфе, в Эйлау, в Бородине²², русская пехота, хотя и разбитая, оправдала характеристику, данную ей генералом Кеткартом, командовавшим против нее дивизией и назвавшим ее «не поддающейся панике».

Но если русская пехота сохранила присутствие духа и опокорение, сам Меншиков поддался панике. Большое количественное превосходство союзников, в соединении с неожиданно проявленными ими решительностью и стремительностью в атаке, на время расстроило все его планы. Он оставил мысль об отступлении во внутреннюю область Крыма и двинулся к югу от Севастополя, с целью удержать за собой линию Черной. Это было крупной, непростительной ошибкой. Обозревая с высот Альмы все позиции союзников, он имел полную возможность определить силу своих противников с точностью до 5000 человек. Он должен был знать, что, несмотря на все их превосходство над его войсками, они не были настолько сильны, чтобы, последовав за ним внутрь Крыма, быть в состоянии оставить армию для наблюдения за Севастополем. Он должен был знать, что если на морском побережье союзники стояли к нему в отношении двух к одному, то у Симферополя он мог бы выставить против них силу, превосходящую их вдвое. И все-таки, согласно его собственному признанию, он двинулся к южной стороне Севастополя. Но совершив этот отход, без малейшего препятствия со стороны союзников, и дав своей армии передохнуть день-два на холмах за Черной, Меншиков решил исправить свою ошибку. Сделал он это путем рискованного флангового движения от Черной к Бахчисарю.

Это противоречило одному из основных правил стратегии, но обещало значительные результаты. Допустив однажды промах в стратегии, вы редко можете избежать его последствий. Вопрос при этом заключается лишь в том, является ли менее неблагоприятным подчиниться им, или же попытаться ускользнуть от них посредством второго, но уже сознательно неправильного движения. Мы думаем, что в данном случае Меншиков был совершенно прав, отваживаясь на фланговый марш в черте досягаемости противника, с целью выйти из овоей нелепо «сконцентрированной» вокруг Севастополя позиции.

Но в этой борьбе между стратегическими посредственностями и пропитанными рутинной генералами движения вражеских армий приняли формы, не виданные до сих пор в военной практике. Страсть к фланговым маршам, подобно эпидемии холеры, охватила оба лагеря. Одновременно с решением Меншикова предпринять фланговый марш от Севастополя к Бахчисараю Сент-Арно и Раглану пришла в голову мысль двинуться от р. Качи к Балаклаве. Русский арьергард и британский авангард встретились у фермы Мажензи (названной по имени одного шотландца, позднее адмирала русской службы), и, что в порядке вещей, авангард разбил арьергард. Так как мы уже подвергли критическому рассмотрению в «Трибуне»²³ общий стратегический характер флангового марша союзников, нам нет надобности теперь возвращаться к нему.

2 и 3 октября Севастополь был обложен, и союзники заняли те самые позиции, которые только что очистил Меншиков. С этого момента началась знаменитая осада Севастополя, а вместе с нею и новая стадия кампании. До того времени союзникам, при их неоспоримом превосходстве, были открыты все пути. Их флоты, господствуя на море, обеспечили их высадку. После высадки их численное превосходство и несомненно также более высокие штурмовые качества предопределили победу при Альме. Но теперь начало устанавливаться то равновесие сил, к которому рано или поздно они должны были притти, действуя оторванно от своей базы в неприятельской стране. Правда, армия Меншикова до сих пор не показывалась, но она сделала необходимым помещение резерва на Черной с фронтом на восток. Благодаря этому собственно осаждающая армия оказалась значительно ослабленной и лишь слегка превосходящей по численности гарнизон.

Недостаток энергии, отсутствие системы, особенно в отношении сотрудничества различных групп британских сухопутных и морских сил, затруднения, обусловливаемые поверхностью почвы, и, главное, непреодолимый дух рутины, врожденный, кажется, британским административным и научным ведомствам, задержали начало действительных осадных опера-

ний до 9 октября. В этот день, наконец, траншеи были развернуты на огромном расстоянии в 1600—2500 ярдов * от русских укреплений. Ничего подобного мы никогда не видели и не слышали ни в одной из прошлых осад. Это доказывает, что русские все еще были в состоянии отстаивать поле вокруг крепости на расстоянии, по крайней мере, одной мили, и они действительно удерживали его за собой до 17-го. К утру этого дня осадные работы достаточно подвинулись, чтобы позволить союзникам открыть огонь. Весьма вероятно, что это было бы отложено еще на несколько дней, так как союзники в тот день отнюдь не были готовы к успешному выполнению подобных операций, если бы их не подтолкнуло прибытие горделивых сообщений, что вся Англия и Франция торжествуют по поводу предстоящего 25 октября взятия Севастополя. Эти сообщения, разумеется, возбудили негодование в армиях, и, чтобы их успокоить, пришлось открыть огонь. Но в итоге получилось, что союзники выставили 126 орудий против 200 или 250. Правда, великая аксиома Вобана, которую англо-французы все вновь и вновь пускают в ход для успокоения общественного мнения, гласит, «что осада является операцией с математически точным расчетом на успех, простым делом времени, при отсутствии вмешательства со стороны». Эта великая аксиома основана на другой аксиоме того же инженера, что «при осаде огонь нападения может быть доведен до превосходства над огнем обороны». Здесь же, у Севастополя, мы имеем как раз обратное: огонь нападения при его открытии решительно уступал огню обороны. Последствия не замедлили сказаться: в несколько часов русские заставили замолчать огонь французских батарей и в течение всего дня вели почти равный бой с английскими батареями. Чтобы вызвать диверсию, была предпринята морская атака. Но она велась не лучше и имела не больше успеха. Французские корабли, атаковав Карантинный и Александровский форты, поддержали сухопутную атаку на них; без помощи последней французы встретили бы, несомненно, гораздо более жесткий прием. Английские корабли атаковали северную часть порта, включая Константиновский форт и Телеграфную батарею, а также временную батарею, воздвигнутую к северо-востоку от Константиновского форта. Адмирал Дендас, человек осторожный, дал приказ своим кораблям бросить якорь на расстоянии 1200 ярдов от фортов, — он, очевидно, сторонник системы стрельбы на дальние расстояния. Но уже давно установлен факт, что в сражении между кораблями и береговыми батареями корабли терпят поражение, если они не могут вступить в бой на расстоя-

* 1 ярд равен 0,914 метра. *Ред.*

нии 200 ярдов и менее от батарей, так чтобы их огонь имел верность попадания и производил наибольший эффект. Ввиду этого Дендас вовлек свои корабли в ужасную переделку и потерпел бы изрядное поражение, если бы на помощь ему не пришел сэр Эдмунд Лайонс, который, повидимому, самовольно, не выполнив распоряжений, приблизился, насколько мог, с тремя линейными кораблями к Константиновскому форту и нанес ему некоторый урон, понеся, в свою очередь, урон от него. Однако, так как донесения британских и французских адмиралов до сих пор ни словом не упомянули о фактическом ущербе, нанесенном фортам, приходится заключить, что и здесь, подобно Бомарзунду²⁴, «Монталамберовский берег» — форты и батареи с казематами — показал двойное превосходство орудий по сравнению с находящимися на борту кораблей. Это тем более замечательно, что открытая каменная кладка этих фортов, как это отчасти было испытано у Бомарзунда, не может выдерживать ураганный огонь тяжелых судовых орудий, установленных на берегу, более двадцати четырех часов.

Французы затем почти совершенно молчали в течение нескольких дней. Англичане, расположив свои батареи на большом расстоянии от русских окопов и располагая более крупными калибрами, чем их союзники, были в состоянии поддерживать огонь и привести к молчанию верхний ряд пушек в одном из каменных редутов. Морская атака не возобновлялась, — лучшее доказательство уважения, внушенного фортами с казематами. Защита русских сильно отрезвила победителей при Альме. На место каждого сбитого орудия в дело вводилось новое. Каждая амбразура, разрушенная в течение дня неприятельским огнем, восстанавливалась за ночь. В отношении земляных работ положение у обеих сторон было почти равным, пока не были приняты меры к доставлению превосходства союзникам. «Комичный приказ лорда Раглана «щадить город» был отменен и открыта бомбардировка, которая своим сконцентрированным действием на скопившиеся массы войск и своим опустошительным характером должна нанести большой вред гарнизону. Кроме того, впереди батарей были высланы стрелки, чтобы с какой-либо прикрытой позиции взять на прицел русских канониров. Как и при Бомарзунде, винтовки Минье работали хорошо. За несколько дней действия орудий и этих винтовок русские артиллеристы были в большинстве случаев выведены из строя. Это были флотские моряки, часть гарнизона, наиболее обученная обращению с тяжелыми орудиями. Пришлось прибегнуть к обычному средству осажденных гарнизонов: пехота была поставлена на обслуживание орудий под наблюдением оставшихся артиллеристов. Но их огонь, как можно себе представить, не давал почти ника-

кого эффекта, и осаждающие получили, таким образом, возможность продвигать свои траншеи все ближе и ближе к крепости. Они заложили, как установлено, третью параллель на расстоянии 300 ярдов от внешних укреплений. Мы не знаем еще, какие батареи они воздвигли в этой третьей параллели; мы можем только констатировать, что в правильных осадах *третья* параллель всегда проводится у подошвы гласиса атакующих укреплений, то есть на расстоянии около 50 или 60 ярдов от рва. Если эта дистанция была увеличена перед Севастополем, мы можем усмотреть в этом факте лишь подтверждение сообщения, содержащегося в некоторых британских газетах, что неправильность линий защиты, вместо того чтобы дать британским инженерам полный простор в применении их изобретательных способностей, лишь сбивала с толку этих джентльменов, обладающих возможностью сломить по всем правилам искусства фронт правильных бастионов, но попадающих в большое затруднение, как только неприятель отступает от правила, предписанного по этому предмету лучшими авторитетами.

Раз было принято решение произвести атаку с южной стороны, нужно было направить параллель и ее батареи на один или, в крайнем случае, на два точно определенных фронта обороны. Два внешних форта, близко расположенных один от другого, — или три у самого края, — нужно было атаковать сомкнутыми силами; в случае их разрушения все остальные наружные укрепления сделались бы бесполезными. Таким путем союзники, сосредоточив действие всей своей артиллерии на одном пункте, сразу легко достигли бы сильного превосходства огня и значительно сократили бы осаду. Насколько можно судить по планам и картам, фронт, идущий от Карантинного форта до самого края внутреннего порта, т. е. фронт, против которого французы направляют теперь свои усилия, был бы наиболее подходящим для атаки, так как разрушение его обнажило бы совершенно самый город. Сто тридцать орудий, имеющихся у союзников, сразу могли бы обеспечить им превосходство огня на этом ограниченном участке. Вместо этого, желание предоставить каждой армии полную свободу действий независимо от другой привело к такому, не имеющему прецедента способу осады, при котором весь вал, длиною свыше трех миль, одновременно подвергается обстрелу на всем его протяжении. Это нечто до сих пор невиданное. Кто слышал когда-либо о нападении, позволяющем обороне одновременно ввести в действие, — в обычных бастионных укреплениях и lunettes, — огромное количество — двести пятьдесят — орудий? Один бастионный фронт едва ли может вместить более двадцати орудий, и в обыкновенной осаде принимать участие

в обороне могут не более трех или четырех фронтов. Если союзные инженеры не смогут впоследствии привести весьма веские доводы в пользу своего странного образа действий, мы должны притти к выводу, что они не были в состоянии найти наиболее слабые пункты обороны, и поэтому, чтобы не пропустить их, открыли сильный огонь по всей линии.

Между тем обе стороны получили подкрепления. Стремительные и частично увенчавшиеся успехом атаки Липранди на аванпосты союзников обнаружили наличие более крупных русских сил по сравнению с отведенным Меншиковым к Бахчисараю. До сих пор, однако, они не являются достаточно сильными для победоносного сражения. Принимая во внимание успехи, достигнутые осаждающими, принимая во внимание, что вред, наносимый обороне, увеличивается в геометрической пропорции с приближением осаждающих к валу, принимая во внимание, что наружные укрепления все еще держатся, внутренние же стена кажется слабой, — можно ожидать решительного исхода между 9 и 15 ноября: либо южная сторона крепости падет, либо же союзники потерпят решительное поражение и будут вынуждены снять осаду. Но нужно иметь в виду, что все подобные предсказания зависят от обстоятельств, которые не могут быть вполне предусмотрены на таком расстоянии от места действия.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке
около 9 ноября 1854 г.

Впервые напечатано в «New-York Daily Tribune», 27 ноября 1854 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. X.

ВОЕННОЕ ДЕЛО В АНГЛИИ

I

Кто несет ответственность за состояние английской армии в Крыму? Достаточно бросить взгляд на удивительный механизм английского военного управления, чтобы увидеть, что ответственность так искусно распределена между различными его органами, что она всех их касается, но ни на один из них не ложится полностью. Во главе английской армии стоит верховный главнокомандующий («Commander in Chief»), своего рода конетабль*, ранг, во всех прочих цивилизованных армиях уже упраздненный. Из Horseguards — так называется канцелярия верховного главнокомандующего, так как она помещается в казарме «конной гвардии», — исходят почти все военные назначения. Было бы, однако, заблуждением предположить, что этот главнокомандующий действительно чем-либо командует. Если ему и предоставлен некоторый контроль над кавалерией и пехотой, то зато артиллерия, инженерная часть, саперы и минеры всецело находятся вне сферы его влияния. Если он и пользуется некоторым суверенитетом над брюками, куртками и галстуками, то уж на шинели его влияние не распространяется. Он может определить, сколько патронов должен иметь при себе пехотинец, но он не может его снабдить ни одним ружьем. Он может привлечь к суду всех своих людей и приказать их основательно высечь, но он не может двинуть их вперед даже и на один дюйм. Передвижение находится всецело вне его компетенции, а что касается содержания его войск, то это дело его совершенно не касается. Затем идет «Master general of the ordnance», генерал-фельдцейхмейстер [начальник артиллерии]. Это — печальная реликвия той эпохи, когда наука казалась недостойным солдата делом, и все научные части, как артиллерия и инженерное дело, состояли не из солдат, а составляли трудно определимый коллектив не то

* Конетабль — главнокомандующий во французской армии до буржуазной революции конца XVIII века. *Ред.*

ученых, не то ремесленников, объединенных в особую гильдию или корпорацию под командой «Master general». Этому генерал-фельдцейхмейстеру подведомственны, кроме артиллерии и инженерной части, шинели и мелкое оружие всей армии. Без него невозможна поэтому абсолютно ни одна военная операция. Его участие неизбежно. Следующий по порядку — «Secretary at war», военный министр, но опять, собственно, не военный министр, а представитель военного министерства в палате общин, хотя и вполне самостоятельная инстанция. Этот военный министр не может ничего приказать ни одной части армии, но он может любой части армии помешать что-либо сделать. Так как он — начальник военных финансов, и так как всякий военный акт стоит денег, то если бы он отказал в предоставлении средств, это было бы равносильно абсолютному veto по отношению ко всем операциям. Но как бы он ни хотел открыть свою кассу, он все же не может привести армию в движение, так как он не может ее кормить. Это выходит из пределов его компетенции. Органом, который кормит армию и в случае передвижения обязан предоставить ей транспортные средства, является Commissariat [интендантство], находящийся под контролем казначейства. Таким образом, премьер-министр — первый лорд казначейства — прикосновенен к каждой военной операции и может по своему произволу ускорить ее, замедлить или остановить. Каждый знает, что комиссариат имеет такое же значение для армии, как и сами солдаты, и именно поэтому коллективная мудрость старой Англии признала нужным сделать комиссариат совершенно независимым от армии и поставить его под контроль по существу антивоенного департамента. Но кто же приводит армию в движение? Прежде министр колоний, теперь министр войны (Minister für den Krieg), номинальный глава военного министерства. Он приказывает войскам отправиться из Англии в Китай и из Индии в Канаду. Но сам по себе он так же бессилен, как и четыре названные выше военные инстанции, так как для того, чтобы осуществить даже самое незначительное движение, необходимо сотрудничество всех пятерых. Каждая из этих пяти сил имеет собственную бюрократию со своей собственной рутинной, и каждая из них действует на свою ответственность.

Происхождение этой системы покоится, очевидно, на конституционных мерах предосторожности против постоянного войска. Вместо *разделения труда*, которое дало бы армии наибольшую эластичность, — *разделение властей*, сводящее к минимуму ее способность к передвижению. Но сохранена была эта система отнюдь не из парламентских или конституционных соображений, а лишь потому, что одновременно с проведением

отвечающей требованиям современности реформы военного управления было бы сломлено, по крайней мере в этой области, влияние олигархии. На предыдущем заседании парламента министры отказались допустить какое-либо новшество, кроме разделения военного министерства и министерства колоний. Веллингтон упорно сохранял эту систему с 1815 г. до своей смерти, хотя он очень хорошо знал, что при этой системе он никогда не довел бы Пиренейской войны до успешного конца, если бы случайно в министерстве не сидел его брат, маркиз Уэлсли²⁵. В 1832 и 1836 гг. перед комитетами, образованными парламентом по вопросу о реформе старой системы, Веллингтон безоговорочно отстаивал старые порядки. Не боялся ли он облегчить своим преемникам путь к славе?

II

Мы ознакомились с системой английского военного управления, под руководством которого началась война. Едва лишь войска прибыли в Галлиполи, как из сопоставления с французской армией сейчас же выяснились неудовлетворительная постановка у англичан военного дела и беспомощность английских офицеров и чиновников. А здесь задача была еще сравнительно легка. О прибытии войск было сообщено много раньше, и число высадившихся было невелико. И все-таки все шло через пень-колоду. Корабельный груз портился на берегу на местах первоначальной выгрузки; недостаток места принудил послать часть войск в Скутари и т. д. Обнаружились несомненные признаки хаоса, но так как война только начиналась, то надеялись, что накопление опыта принесет улучшение. Затем войска прибыли в Варну. Возрастала их отдаленность от дома, возрастало их число, возрастал беспорядок в управлении. Пять департаментов, образующих военное управление и ответственных каждый перед другим министерством, действуя независимо друг от друга, создавали неизбежные коллизии. В лагере царил хаос, между тем как гарнизон Варны наслаждался всяческим комфортом. Комиссариат не спеша собирал в близлежащих местностях кое-какие транспортные средства; но так как старший генерал не распорядился о назначении конвоя для этих повозок, то болгарские возчики исчезали быстрее, чем их удавалось собрать. Затем в Константинополе был образован центральный склад, что-то в роде первой операционной базы. Это привело лишь к созданию еще одного очага затруднений, отсрочек, споров о компетенции, ссор между армией, командованием, казначейской частью, комиссариатом и военным министерством. Но в Галлиполи, Скутари и Варне армия находилась еще более

или менее на мирном положении. И только в Крыму британская администрация получила полную возможность развернуть во всю ширь свой дезорганизаторский талант. Действительно, из числа более чем 60 000 человек, отправленных после февраля на восток, способны носить оружие сейчас не более 17 000. Из них ежедневно умирает от 60 до 80 человек и приблизительно 200—250 человек выбывают из строя по болезням, между тем как лишь изредка кто-либо возвращается из госпиталей в строй. И из 43 000 умерших или раненых на совести русских нет даже и 7 000 человек. Когда в Англию пришли первые сообщения, что армия лишена в Крыму и пищи, и одежды, и крова, что нет ни медикаментов, ни хирургического инвентаря, что больные и раненые либо должны лежать на холодной и мокрой земле, подвергаясь действию непогоды, либо скучиваться на палубах судов, без ухода, без самого необходимого для выздоровления; когда было сообщено, что сотни солдат умирают из-за недостатка в предметах первой необходимости, то каждый подумал, что правительство запоздало с посылкой на театр военных действий необходимых припасов. Действительно, подтвердилось, что подозрение это для первого времени не было лишено основания. Впоследствии, однако, выяснилось, что посылали-то все, кое-что даже сверх потребности, но, по несчастью, все приходило не туда, куда надо, и не во-время. Медицинский материал лежал в Варне, а раненые оставались в Крыму или в Скутари. Обмундирование и продовольствие прибывали на глазах у всех в Крым, но некому было их выгружать. Что случайно было выгружено, могло спокойно сгнить на берегу. Необходимое участие флота внесло новый элемент раздора, новую ответственную инстанцию, которая требовала, чтобы и с ней считались в лагере Аграманта. Бездарность, прикрытая *правилами* рутины мирного времени, господствовала безраздельно. В одном из богатейших уголков Европы, на берегу, под защитой которого стояли на якоре сотни транспортных судов, груженных запасами, английская армия жила на половинном пайке. Окруженная бесчисленными стадами скота, она страдала от цынги, так как должна была ограничиваться солониной. При наличии большого количества дров и угля на судах, армия так мало имела от них прока на суше, что должна была есть мясо *сырым* и никогда не могла просушить платье, промокшее от дождя. Если прибывало кофе, оно оказывалось не только не молотым, но даже *не поджаренным*. Имелись огромные количества продовольствия, напитков, одежды, палаток, упакованных на судах, почти касавшихся скал, на которых был разбит лагерь; и все же, подобно Танталу, английские войска не могли достать их. Все сознавали

зло, все с проклятиями металось с места на место и обвиняли всех и каждого в нарушении долга. Но у всех и каждого имелось множество инструкций, тщательно составленных, утвержденных компетентной властью и ясно устанавливающих, что то, что должно было быть сделано, не относится к кругу *его обязанностей*, и что он, с другой стороны, не имеет полномочий привести дела в порядок. Прибавьте к этому усиливающуюся суровость погоды и ливни, период которых только еще начался, чтобы превратить весь Гераклеийский Херсонес в сплошное болото, где грязь стоит выше колен; солдат, которые из четырех ночей проводят не меньше двух в окопах, остальные же две ночи спят промокшие и забрызганные грязью, лежа на сырой земле, не имея под собой даже досок, и едва прикрытые палатками; постоянные тревожные сигналы; судороги, поносы и пр., вызванные сыростью, холодом и пр.; распыленность без того немногочисленного медицинского персонала по всему лагерю; госпитальные палатки с 3 000 больных, лежащих почти под открытым небом и на сырой земле; госпитальные суда и госпитали в Скутари и Константинополе — прибавьте все это, и вы легко поймете, что британская армия в Крыму находится в процессе полного разложения и что солдаты приветствуют русскую пулю, освобождающую их от всех этих бедствий.

Написано Ф. Энгельсом на немецком языке
5—6 января 1855 г.

Впервые напечатано в «Neue Oder-Zeitung»,
8 и 9 января 1855 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. X.

КРИТИКА ФРАНЦУЗСКОЙ СИСТЕМЫ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

После того как памфлет Жерома Бонапарта (младшего) разоблачил, что крымская экспедиция является оригинальным изобретением Луи-Наполеона, что он сам разработал ее в деталях без привлечения третьих лиц, что он в рукописи послал свой проект в Константинополь, чтобы избежать возражений маршала Вайяна, — после того как все это стало известным, значительная часть грубейших военных ошибок этой экспедиции находит себе объяснение в династических потребностях ее автора. В военном совете в Варне экспедиция была навязана присутствовавшим генералам и адмиралам путем прямой апелляции Сент-Арно к авторитету «императора», который, с своей стороны, открыто заклеил мнения своих противников как «робкие советы». Будучи уже в Крыму, Раглан подал действительно «робкий совет» продвигнуться к Балаклаве, горячо принятый Сент-Арно, так как этот совет вел если не прямо в Севастополь, то, по крайней мере, к его воротам. Лихорадочная поспешность форсировать осаду, хотя и без достаточных для этого средств; жажда открыть огонь, которая заставила французов в такой степени пренебречь солидностью своих укреплений, что их батареи были приведены неприятелем к молчанию через несколько часов; чрезмерное напряжение солдат в траншеях, которое, как уже доказано, в такой же мере содействовало гибели английской армии, как и комиссариат *, транспортная служба, медицинский отдел и т. д.; недуманная и бесполезная бомбардировка от 17 октября до 5 ноября; пренебрежительное отношение к оборонительным укреплениям — все это получило теперь достаточное объяснение. Династия Бонапартов нуждалась в занятии Севастополя в кратчайший срок; союзная армия должна была привести это в исполнение. Канробер, в случае успеха, сделался бы маршалом Франции, графом, герцогом, князем, всем, чем захотел бы, с неограниченными полномочиями в области финансов. В случае неудачи, его карьера была кончена. Раглан был в доста-

* Интендантство. *Ред.*

точной степени старой бабой, чтобы уступить своему лично заинтересованному коллеге.

Но это, конечно, не самые важные последствия империалистского плана операций. В это безнадежное дело втянуто девять французских дивизий, или 81 батальон. А дело признано почти что безнадежным; самые большие усилия, самые расточительные жертвы не привели ни к какому результату; Севастополь сильнее прежнего; французские траншеи, как мы знаем из достоверного источника, находятся на расстоянии 400 ярдов от русских укреплений, британские вдвое дальше. Генерал Ниэль, посланный Бонапартом для осмотра осадных работ, заявил, что о штурме не может быть и речи; главный пункт нападения он отодвинул с французской стороны на английскую и этим не только вызвал отсрочку в осаде, но и направил главный удар на предместье, которое, даже и будучи взято, все же отделяется от города внутренней гаванью. Короче говоря, один проект за другим, одна хитрость за другой, и все это для того, чтобы поддержать не надежду, а только одну видимость надежды на успех. И в то время, когда дела приняли такой оборот, когда на континенте предстоит всеобщая война, когда в Балтийское море снаряжается новая экспедиция, — экспедиция, которая на этот раз будет действительно что-то делать и поэтому скоро потребует больше десантных войск, чем в 1854 г., — в такой момент Бонапарт посылает новых пять дивизий пехоты в крымскую трясины, где люди исчезают и полки пропадают, как по волшебству. Да, он решил сам туда отправиться, и он туда отправится, если мало вероятный мир или серьезные события на польской границе не вынудят другого решения. Такова ситуация, до которой довел первый стратегический эксперимент Бонапарта его самого и «императорскую» Францию. Но не только одно упрямство толкает его туда, а и фаталистическое чутье, что судьба французской империи решится в севастопольских траншеях. До сих пор ни одно Маренго не оправдало второго издания 18 брюмера²⁶.

Можно считать иронией истории то обстоятельство, что реставрированная империя, как мучительно она ни старается подражать своему прообразу, вынуждена всюду делать противоположное тому, что делал Наполеон. Наполеон нападал на самое сердце тех государств, которые он завоевывал; нынешняя Франция напала на *cul de sac* [закоулок] России. Расчет строился не на крупных военных операциях, а на неожиданном ударе, на желании захватить врасплох, на авантюре. В этих различных намерениях заключается вся разница между первой и второй французскими империями и их обоими представителями. Наполеон имел обыкновение вступать побе-

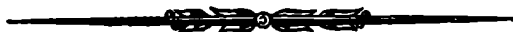
дителем в столицы *современной* Европы. Его преемник под различными предлогами — защиты папы, защиты султана, защиты короля эллинов — разместил французские гарнизоны по столицам *античной* Европы — в Риме, в Константинополе и в Афинах; в результате — никакого усиления могущества, а одно только раздробление сил. Искусство Наполеона заключалось в концентрации, искусство его преемника — в распылении. Когда Наполеон видел себя вынужденным вести войну на двух различных театрах, как в своих войнах против Австрии, он концентрировал сразу самую значительную часть своих боевых сил на имеющей решающее значение операционной линии (в войнах с Австрией линия Страсбург — Вена), оставив относительно незначительные силы на второстепенном театре военных действий (Италия), уверенный в том, что даже в случае поражения его войск на второстепенном театре его собственные успехи на главной линии вернее задержат продвижение вражеской армии, чем непосредственное сопротивление на второстепенной линии. Его преемник, напротив, рассеивает военные силы Франции по многим пунктам, а часть их концентрирует в том пункте, где малейший, да и вообще всякий успех должен быть куплен ценою величайших жертв. Кроме войск в Риме, Афинах, Константинополе, Крыму, предстоит еще послать вспомогательную армию в Австрию, к польской границе, и другую — в Балтийское море. Таким образом, французская армия должна была бы действовать на трех театрах военных действий, отделенных один от другого расстоянием самое меньшее в 1000 миль. В соответствии с этим планом были отданы распоряжения относительно французских военных сил в целом еще до того, как война серьезно началась в Европе. Когда Наполеон считал какое-нибудь свое предприятие нерациональным (как, например, у Асперна²⁷), он, вместо того, чтобы настаивать на нем, умел сейчас же найти какой-нибудь новый ход, незаметно перебросить свои войска к новому пункту нападения и часто, при помощи блестящего удачного маневра, выставить частичное поражение как необходимый шаг к окончательной победе. Только в дни своего падения, когда он потерял после 1812 г.²⁸ веру в самого себя, энергия его воли превратилась в ослепленное упрямство, заставлявшее его удерживать позиции (как у Лейпцига²⁹), которые отвергались его же собственным суждением как стратега. А его преемник *вынужден* начать с того, чем кончил его предшественник. То, что у одного было результатом необъяснимых поражений, у другого являлось следствием необъяснимых счастливых случаев. У одного звездой, в которую он верил, был собственный гений; у другого вера в свою звезду должна была заметить гений. Один победил действительную революцию, так как

он был единственным человеком, способным ее довершить; другой победил вновь ожившее воспоминание о прошедшей революционной эпохе, ибо он носил имя этого единственного человека, т. е. был сам одним лишь воспоминанием. Можно было бы легко доказать, что во внутреннем управлении второй империи находит свое отражение претенциозная посредственность его системы ведения войны, что и здесь иллюзия стала на место подлинной сущности и что «экономические» походы ни в коем случае не были успешнее походов военных.

Написано Ф. Энгельсом на немецком языке
17 марта 1855 г.

Впервые напечатано в «Neue Oder-Zeitung»,
20 марта 1855 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. X.

ПОСЛЕДНИЕ СОБЫТИЯ В КРЫМУ

В то время как в Вене ведутся мирные переговоры ³⁰, во Франции идут приготовления к войне. К тем десяти дивизиям, которые сейчас находятся в Крыму, посылаются еще четыре дивизии, из которых две должны образовать в начале кампании резервную армию в Константинополе; одна из этих дивизий будет состоять из императорской гвардии, другая — из объединенных отборных рот (гренадеры и стрелки отборной пехоты парижской армии). Остальные две дивизии (11-я и 12-я) грузятся в настоящее время на пароходы и концентрируются в Тулоне и Алжире. Эти свежие подкрепления доведут численность французских войск в Крыму до 100 000—110 000 человек, а к концу апреля придут 15 000 пьемонтцев и значительные английские подкрепления. Помимо всех трудностей чисто местного характера, главным возражением против такого метода войны является то обстоятельство, что почти четверть всех военных сил Франции концентрируется на второстепенном театре войны, где и величайшие успехи не имеют решающего значения. Фиктивное значение, придаваемое успехам и поражениям в Крыму, с удвоенной силой задевает автора схемы. Севастополь, далекий от того, чтобы олицетворять для Александра II Россию, стал Францией для Бонапарта.

Что касается местных затруднений, то ясно, что Херсонес, являющийся в настоящий момент могилой для многих тысяч людей и животных, при первых лучах весеннего солнца превратится в рассадник чумных болезней. Если союзники доведут свою армию до 150 000 человек, то продовольственный вопрос в Крыму, в котором русские уже скопили траву и который беден хлебом, будет тем труднее разрешить, что русские не преминут угнать скот в нужный момент и перед самым своим отступлением.

Что касается тех препятствий, с которыми осада Севастополя встретится со стороны русских инженеров (часть их — французы), то в этом отношении дает поучительный материал дело у Малахова кургана. Уже почти месяц, как осада Севастополя совсем затихла, но прибытие трех французских бригад (одна бригада 8-й и две бригады 9-й дивизии) позволило освободить часть английской пехоты и усилить защиту траншей. В то же время прибытие генералов Низля и Джонса, — пер-

ного из состава французского, второго из состава английского инженерного корпуса, — внесло в осадные операции некоторое оживление. Эти генералы попытались исправить ошибки, обусловленные упрямством французского генерала Бизо и численной слабостью английской пехоты. Были сделаны новые подступы, в особенности на английской стороне, где еще одна параллельная линия была проведена на расстоянии почти трехсот ярдов от русских укреплений на Малаховом кургане. Некоторые из построенных батарей были продвинуты так далеко по направлению к Инкерману, что они зашли бы части русских батарей в тыл или обстреливали их с флангов, как только начали бы действовать. Русские линии, как видно на любой карте, тянутся полукругом от Карантинной бухты до внутренней Военной гавани и отсюда до Корабельной бухты. На западной стороне последней находится ряд высот, занятых русскими. Самой важной из этих высот является Малахов курган, который, благодаря своему господствующему положению, образует ключ всего русского правого крыла. На восточной стороне упомянутой бухты находилось другое возвышение, которое, будучи под защитой русских батарей, было недостижимо для огня союзников, пока последние не смогли окончательно уничтожить сообщение между Севастополем и Инкерманом, — сообщение, в свою очередь, защищаемое огнем форта и батареями северной стороны гавани. Но с тех пор, как союзникам удалось найти позиции для своих батарей к востоку и юго-востоку от Малахова кургана, угрожавших русским линиям с тыла и флангов, этот нейтральный курган получил особое значение. Поэтому русские в ночь на 21 февраля послали партию рабочих возвести там редут. На следующее утро союзники могли ясно различить длинный ров и начало бруствера. Они, повидимому, не понимали значения русских работ. По крайней мере, они не мешали их продвижению вперед. На следующий день редут был готов в своих очертаниях, хотя глубина рва и прочность бруствера были еще недостаточны. Только теперь союзники открыли, какое замечательное положение занимало это укрепление для того, чтобы взять под фланговый обстрел их собственные, приноровленные к фланговому обстрелу батареи и тем самым сделать их почти бесполезными. Инженеры заявили, что это сооружение надо взять во что бы то ни стало. Канробер организовал под величайшим секретом штурмовую колонну, состоявшую приблизительно из тысячи зуавов и трех тысяч морских солдат. Так как приказ о нападении мог быть отдан лишь очень поздно и был неожидан, прошло некоторое время, пока солдаты собрались в условленном месте. Было уже два часа утра (24 февраля), когда войска, с зуавами во главе, смогли пойти в атаку. После не-

большого перехода они очутились в 20 ярдах от рва. Как и всегда при такого рода атаках, нельзя было произвести ни одного выстрела. Солдаты должны были снять с ружей ударные замки, чтобы избежать бесполезных выстрелов. Внезапно раздалась русская команда. Сильный русский отряд внутри редута поднялся, положил свои ружья на бруствер и залпом выстрелил по нападающей колонне. Зуавы, чуть задержанные покатыми боками незаконченного рва и вала, в одно мгновение очутились в редуте и бросились в штыки на врага. Завязалась страшная рукопашная схватка. Через некоторое время зуавы завладели половиной редута, а позже он был целиком оставлен русскими. Между тем морские солдаты, следовавшие за зуавами на небольшом расстоянии, или потеряли дорогу, или по какой-либо другой причине остановились на краю холма. Здесь они на обоих флангах подверглись нападению русских колонн, которые после отчаянного сопротивления согнали их с холма. Между тем рассвело. Русские быстро ушли с холма и оставили редут в руках зуавов, на которых обрушилась огнем вся артиллерия, бывшая в состоянии обстреливать этот пункт. Зуавы одно время припали к земле, а стрелки, их сопровождавшие, влезли на Малахов курган, чтобы стрелять в русских канониров через бойницы. Но артиллерийский огонь был слишком силен, и зуавы были вынуждены отступить к Инкерману, где они были защищены от огня батарей. Они утверждают, что забрали с собой всех своих раненых. Русские сооружения были так удачно построены, что французы заявляют, что весь их план наступления был выдан русским. Атака русских на морских солдат кончилась для них блестящим успехом, тогда как отступление из недоконченного редута подвергло зуавов, не получивших поддержки, сильному огню, который должен был молчать, пока длился бой внутри редута. Генерала Форэ открыто обвиняли во французском лагере в том, что он сообщил неприятелю тайное решение военного совета. Русские закрепили за собой редут и с тех пор напряженно работают над его окончанием. Эта позиция имеет большое значение. Она обеспечивает сообщение с Инкерманом и прибытие обозов с этой стороны. Она, кроме того, является угрозой для всех осадных сооружений союзников. И, наконец, занятием этого редута русские перешли от обороны к нападению³¹.

Написано Ф. Энгельсом на немецком языке
23 марта 1855 г.

Впервые напечатано в «Neue Oder-Zeitung»,
26 марта 1855 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. X.

О ПОЛОЖЕНИИ В КРЫМУ

Известия о ходе мирных переговоров каждый день меняют свой характер. Сегодня несомненен мир, завтра — война. Пальмерстон в своей газете «Post» грозит пушками и мечом, — доказательство, что он в любой момент готов заключить мир. Наполеон приказал своей прессе воспевать пальму мира, — вернейшее доказательство, что он хочет продолжать войну. Ход дел в Крыму меньше всего позволяет говорить о близком падении Севастополя. Омер-паша прочно сидит в Евпатории, на сухопутной стороне. Пользуясь своим превосходством в кавалерии, русские могут подводить свои пикеты и наблюдательные посты до самого города, могут обшаривать всю местность патрулями, которые отрезают подвоз провианта и, в случае серьезной вылазки, могут вернуться к находящейся немного дальше пехоте. Как мы и предполагали, русским с вдвое или даже втрое меньшими силами удастся держать под угрозой превосходящую их турецкую армию. Вылазка, которую турецкая кавалерия предприняла под начальством Искандер-бега (поляк Ильинский, прославившийся под Калафатом), была отбита одновременным нападением трех русских отрядов, выступивших из трех различных пунктов. Как и всякая плохо обученная и неустойчивая кавалерия, турки, вместо того, чтобы с саблей наголо броситься на русских, остановились на почтительном расстоянии и начали стрелять из карабинов. Это недвусмысленное доказательство их нерешительности побудило русских перейти в наступление. Искандер-бег пытался врезаться со своим эскадроном, но был оставлен всеми своими, кроме башибузуков, и вынужден был затем пробиваться сквозь стену русских. Омер-паша ждет прибытия кавалерийских подкреплений, а пока он отправился в англо-французский лагерь возвестить союзникам, что он в настоящий момент ничего не может сделать и что было бы очень желательно подкрепление в 10 000 французских солдат. Последнее несомненно, но не менее желательна эта поддержка была бы и для Канробера, который сделал открытие, что у него одновременно и слишком много, и слишком мало войск. Слишком много для осады Севастополя по старому методу и для защиты реки Черной; слишком мало для того,

чтобы форсировать реку, загнать русских в глубь страны и охватить городскую часть. Отправка 10 000 человек в Евпаторию все же не дала бы туркам возможности выступить в бой и в то же время ослабила бы операции французской армии в открытом поле. Осада Севастополя становится каждый день все более рискованным предприятием для осаждающих.

Мы видели, что русские 29 февраля владели редутом на Сапунской горе (у Малахова кургана). Этот редут они сейчас увеличили, укрепили, установили на нем пушки и отсюда предприняли возведение контр-аппрошей. Точно так же и на другом месте, на фронте Корниловского бастиона, возведен ряд редутов на триста ярдов дальше старых русских крепостных укреплений. Для читателей «Times'a» последнее должно быть непонятно, так как, по словам этой газеты, союзники уже давно провели свои траншеи на незначительном расстоянии от русских линий.

Теперь, наконец, — например в своем письме от 16 марта, корреспондент «Times'a» признает, что и в самое последнее время английские траншеи находились на расстоянии 600—800 ярдов от русских укреплений и что *те батареи, которые должны действовать против врага, это те же батареи, которые открыли свой огонь 17 октября*. Таковы, следовательно, успехи осады; таково продвижение вперед траншей, стоившее жизни и здоровья двум третям английской армии! При таких условиях в промежутке между двумя линиями батарей оказалось достаточно места для возведения новых русских укреплений. Эти укрепления могут рассматриваться как новая параллельная линия против осаждающих на расстоянии 300—400 ярдов от их укреплений или как контр-аппрош на самом большом террасовидном выступе по направлению к охватывающей ее армии. Таким образом, последняя очутилась в состоянии обороны, тогда как первое существенное условие осады заключается в том, чтобы осаждающие поставили осажденных в положение обороняющихся.

Как в лагере у Севастополя, так и в самой Англии начинают понимать, что нет никаких шансов взять Севастополь штурмом. В этом затруднительном положении «Times» обратился к «высоко-авторитетному военному специалисту». От него он узнал, что «необходимо перейти в наступление или путем перехода через Черную и соединения с турками под начальством Омера-паши — до или после сражения с русской наблюдательной армией, — или путем диверсии по направлению к Кафе *, что вынудило бы русских разбить свои силы. Так

* Кафа — средневековое название Феодосии, употреблявшееся до начала XIX века. *Ред.*

как союзная армия насчитывает от 110 до 120 тысяч человек, то такие операции должны быть ей под силу». Так полагает «Times».

На самом деле никто не знает так хорошо, как Раглан и Канробер, насколько было бы желательно соединение с армией Омера-паши, но, к сожалению, союзники имеют на высотах у Севастополя не 110—120 тысяч человек, а всего от 80 до 90 тысяч человек, способных носить оружие. Что же касается экспедиции в Кафу, то русские ничего лучшего не могли бы и ждать. Разбросать союзные войска по трем различным пунктам, на расстоянии от 60 до 150 миль от главного пункта, и это в то время, когда ни в одном из пунктов, где они сейчас находятся, союзники не сильны настолько, чтобы разрешить стоящую перед ними задачу! Не заимствовал ли «Times» свой совет у «русских» военных специалистов?

Так как 11-я и 12-я французские дивизии находятся уже в дороге, по крайней мере часть их, а остаток их вместе с 13-й, 14-й и двумя пьемонтскими дивизиями готов за ними последовать, то к концу мая союзная армия достигнет такой силы, которая даст ей возможность и заставит ее сдвинуться с своих оборонительных позиций на реке Черной. Войска соберутся в Константинополе и, вероятнее всего, будут одновременно посажены на корабли, так что им придется возможно меньше времени провести на роковом Херсонесе. Эта мера связана с некоторым замедлением, но обеспечивает большие выгоды. Подкрепления, которые до сих пор все время посылались небольшими отрядами в Крым, хотя и образуют вместе целую армию, не настолько усилили экспедиционный корпус, чтобы дать ему возможность перейти в наступление.

Написано Ф. Энгельсом на немецком языке
30 марта 1855 г.

Впервые напечатано в «Neue Oder-Zeltung»,
2 апреля 1855 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. X

ВОЙНА В АЗИИ

Мало-помалу мы узнаем о подробностях падения Карса ³²; и до сих пор они полностью подтверждают все, что мы не раз говорили о положении турецкой армии в Малой Азии. Теперь уже никак нельзя отрицать, что эта армия систематически уничтожалась нерадивостью турецкого правительства и безграничным господством турецкой лени, фатализма и тупости. Более того, обнаруженные теперь факты делают крайне вероятным предположение, что даже прямая измена, как это обычно бывает в Турции, сыграла свою роль в падении Карса.

Еще в самом начале прошлогодней кампании нам пришлось беседовать с нашими читателями об отчаянном положении турецкой армии в Эрзеруме и Карсе и о тех бесстыдных хищениях, которыми это положение было вызвано. Для обороны армянского нагорья было сосредоточено два армейских корпуса, мало-азиатский и месопотамский, и кроме того, часть сирийского корпуса. Эти войска были усилены своими запасными батальонами и составляли ядро многочисленной армии из курдских и бедуинских иррегулярных частей. Но четыре или пять неудачных сражений в 1853 и 1854 гг., в районе между Ахалцихом и Баязетом, сломали спайку и боевую энергию этих войск, а отсутствие одежды и продовольствия в зимние месяцы окончательно разложило их. Пестрая компания венгерских и польских эмигрантов, среди которых были и авантюристы и вполне достойные люди, собралась в главном штабе этой армии, где они, впрочем, не занимали никаких официальных постов. В глазах невежественных, завистливых и интригующих пашей авантюристы могли сойти за первоклассных деятелей, а с действительно полезными людьми из числа находившихся при штабе эмигрантов обращались, как с авантюристами; в результате поднялась настоящая свистопляска тщеславия и интриг, подорвавшая кредит эмигрантов в целом и уничтожившая почти всякие следы их влияния. Затем появились английские офицеры, встреченные с глубоким уважением, как того требовал долг вежливости по отношению к союзному правительству и как это было естественно при крайней беспо-

мощности турецких командиров. Но и им не удалось вдохнуть хоть сколько-нибудь бодрости в разложившуюся армию. Своими усилиями они могли пробудить на минуту того или другого пашу от тупоумной спячки, добиться сооружения наиболее необходимых укреплений в Карсе, предупредить иной раз какое-нибудь особенно вопиющее хищение государственного имущества или даже тайный сговор с неприятелем, — но это все. Когда прошлой весной ген. Вильямс выбивался из сил, чтобы добыть для Карса самые необходимые продовольственные запасы, он все время наталкивался на препятствия. Турецкое интендантство не учло возможности осады и не обзавелось лошадьми для подвоза снабжения. Когда выяснилось, что имеется достаточное количество ослов, оно нашло оскорбительным для чести султана перевозить его грузы на ослах, и так далее. И в конце концов Карс, этот оплот Армении, расположенный на расстоянии всего двух переходов от русской крепости Гумри, остался совсем без всякого продовольствия и должен был сам добывать себе корм в окрестностях. Так же обстояло дело с военными припасами. После атаки, произведенной русскими 29 сентября, артиллерийских припасов осталось только дня на три, хотя настоящей осады вовсе не было, — 29 сентября произошло единственное сражение за все время блокады. Присланные в Карс ящики с лечебными принадлежностями заключали в себе всякую дрянь, а врачи снабжались из Константинополя родовспомогательными инструментами, которыми им и пришлось зондировать раны и производить ампутации.

Таково было положение в Карсе. И если гарнизон, состоящий из деморализованных анатолийских войск, мог с такими скудными средствами оказать столь отчаянное сопротивление 29 сентября и так долго держаться после, несмотря на голод, то это одно из тех положительных явлений турецкой истории, которыми так изобилует настоящая война. Тот же фатализм, который ввергает в апатическое бездействие начальствующую верхушку, порождает это упорное сопротивление в массах. Это последние остатки того воинственного духа, который пронес когда-то знамя ислама от Мекки до Испании и был остановлен только под Пуатье. Его наступательный натиск пропал, но следы его оборонительной мощи сохранились. Это упорство сопротивления за крепостными стенами является типично турецким; было бы грубой ошибкой объяснять его присутствием европейских офицеров. Если последние и были в Карсе и Силистрии в 1855 и 1854 гг., то их не было в Варне, в Браилове, в Силистрии в 1829 г.^{3а}, когда совершались такие же чудеса храбрости. Европейские офицеры могли в этих условиях только исправлять ошибки, укреплять редуты, вносить единство в си-

стему обороны, предупреждать прямую измену. Но личная храбрость солдат была всегда одинакова, независимо от присутствия или отсутствия европейцев; не было в ней недостатка и в Карсе даже среди дезорганизованных войск почти совершенно разложившейся анатолийской армии.

И тут мы должны отметить заслуги английских офицеров, сыгравших видную роль в обороне Карса и находящихся сейчас в качестве военнопленных в Тифлисе. Что ими было сделано очень много для организации средств сопротивления, что они старательно укрепили город и снабдили его всем, чем только было возможно, что они разогнали сонную апатию пашей и руководили обороной 29 сентября, — все это не подлежит никакому сомнению. Но нелепо приписывать им, как это делает сейчас английская печать, всю честь 29 сентября и обороны крепости вообще и изображать их в виде горсти героев, покинутых в минуту опасности трусливыми турками, ради которых они жертвовали собой. Что во время штурма они были в первых рядах бойцов — этого мы не думаем отрицать: англичанин так драчлив по натуре, что английский офицер больше всего и чаще всего грешит в бою именно тем, что забывает о своих обязанностях командира и сражается как простой солдат. Ведь он знает, что ему вполне обеспечены восторженные похвалы его соотечественников, между тем как во всякой другой армии он рисковал бы в этом случае быть разжалованным за потерю самообладания. Но, с другой стороны, турецкий солдат настолько привык видеть своих собственных офицеров ударающими от опасности, что в пылу боевого воодушевления он меньше всего думает о каких-то командирах, а оражается там, где его застала битва; и он уж во всяком случае не обратит внимания и тем более не воодушевится от того, что рядом с ним полдюжины англичан стараются показать свое мужество. Что план укреплений Карса был задуман совершенно неправильно — мы подробно показали на другой же день после получения известия о штурме 29 сентября, и высказанное нами тогда суждение было полностью подтверждено официальной картой этих укреплений, опубликованной британским правительством. В конце концов заслуги английских офицеров в Карсе приходится, таким образом, расценивать согласно французской поговорке: «в царстве слепых кривой становится царем». Иной человек, неспособный приобрести достаточное количество знаний, чтобы выдержать экзамен на подпоручика во Франции, мог бы сойти за крупного генерала среди индокитайцев; и если английские офицеры славятся у себя в стране полной некомпетентностью в вопросах своей профессии, то едва ли они могли внезапно озариться светом знаний и военных талантов,

приехав в Турцию. Мы лично считаем, что у Кметі столько же заслуг, как у любого участника обороны Карса.

Пока все это происходило в Карсе, каково было положение в Эрзеруме? Около дюжины престарелых пашей проводили там время, покуривая свои чубуки, совершенно не сознавая, что на них лежит какая-то ответственность, что Карс находится под ударом и что неприятель стоит на расстоянии нескольких переходов, по ту сторону холмов Деве-Бойуна. Несколько тысяч регулярных войск, с прибавкой кое-каких нерегулярных частей, двигались взад и вперед, ни разу не рискуя напасть на неприятеля и отступая при первом обнаружении его передовых постов. У Эрзерумской армии не было ни сил, ни мужества для освобождения Карса, и пока он погибал от голода, она едва решалась на демонстративные диверсии для его поддержки. Генерал Вильямс не мог не знать, что ему не на что рассчитывать с этой стороны. Что же касается тех донесений и обещаний, которые он получал в связи с передвижениями Омера-паши, то об этом мы ничего не знаем. Ходили слухи, что в последнюю минуту Вильямс решил прорваться с гарнизоном оквозь русскую армию; но мы не думаем, чтобы такой план мог быть задуман серьезно. Холмистая местность, с очень немногими проходами, открывающими путь к Эрзеруму, предоставляла все выгоды русским; заняв несколько ущелий, они легко помешали бы осуществлению этого плана. К тому же передвижения войск становятся к концу октября почти невозможными в области, которая расположена на возвышенности в 5—8 тысяч футов над уровнем моря и в которой зима наступает очень рано и продолжается от 6 до 9 месяцев. Если Карс мог продержаться до зимы, то потеря гарнизона в 6000 человек регулярных войск была пустяком по сравнению с выигрышем времени. Эрзерум, главный центр всех турецких запасов в Армении, был лишен почти всяких укреплений, и выигрыш времени обеспечивал ему безопасность до мая 1856 г.; конечный же успех русских сводился к фактическому овладению селениями, расположенными на реках Карс-чае и верхнем Араксе, которые не могли бы быть отняты у них, даже если бы гарнизону Карса удалось пробиться к Эрзеруму. Последний почти вовсе не был укреплен, и если бы гарнизон Карса успел дойти до него к середине октября, все равно не было бы достаточных сил для его защиты. В неукрепленном виде можно было бы защищать только Деве-Бойуна, дав сражение перед городом, в ущелье. Эрзерум был, таким образом, спасен выдержкой карсского гарнизона.

С другой стороны, задаются вопросом, не мог ли бы Омер-паша спасти Карс, и почти каждый европейский корреспондент на Востоке отвечает на это по-своему. Теперь пытаются

даже свалить всю вину за падение Карса на Омера-пашу и пытаются как раз те круги, которые еще недавно всячески превозносили его. По этому поводу надо прежде всего сказать, что Омера-пашу так долго задерживали против его воли в Крыму, что едва ли он успел бы предпринять до зимы какие-нибудь крупные операции. Когда он затем прибыл в Константинополь, чтобы провести там свой план военных действий, ему пришлось тратить время на борьбу со всевозможными интригами. И когда, наконец, уже все было готово, обещанных английских транспортов не оказалось на месте; когда турецкая армия была сконцентрирована около Батума, и позднее близ Сухум-Кале, она оказалась без продовольствия, без военных припасов и транспортных средств. Как мог бы Омер-паша при таких обстоятельствах двинуться прямо на помощь Карсу, — понять довольно трудно. Мы видели, что во время своего мингрельского похода он ни разу не рискнул удалиться от побережья больше, чем на расстояние двух или трех дней пути, а между тем он шел тогда по хорошим русским военным дорогам. В Карс же, все равно, пошел ли бы он через Эрзерум или через Ардаган, он должен был бы идти на расстоянии двадцати или двенадцати дней пути от берега, двигаясь по руслам рек и по гористым тропинкам, по которым можно провести в качестве обоза только вычную лошадь. Караваны из Трапезунда в Эрзерум не имеют в своем распоряжении других дорог, и то обстоятельство, что они никогда не везут с собой телег, лучше всего показывает, по какой местности им приходится двигаться. А между тем это единственный проложенный путь, какой вообще имеется; что касается так называемых дорог из Батума в глубь страны, то их существование весьма проблематично, во всяком случае по ним не происходит сколько-нибудь значительного движения. Мудрым военным критикам, упрекающим Омера-пашу в том, что он не пошел прямо на Карс, следовало бы сначала ознакомиться с сообщениями лиц, которые путешествовали по этим местам, — например, с описаниями Кергона или Боденштадта. По поводу же замечания лондонского «Times», что генерал Вильямс предложил Омеру-паше идти на Карс прямо из Батума, мы можем только сказать, что Вильямс слишком хорошо знает Армению, в которой он прожил много лет, чтобы давать подобные советы.

При существующих условиях самое лучшее, что мог сделать Омер-паша, это угрожать коммуникационной линии русских перед Карсом. Насколько успешно он мог это делать, зависело от подвижности его собственной армии и от противостоящих ей русских сил. Отложив рассмотрение первого из этих пунктов до того времени, когда он выяснится на деле, мы с самого начала заявили, что, по всей вероятности, русские

окажутся слишком крупной силой для нападающей армии Омера-паши. Наш первый и, как выяснилось, совершенно правильный подсчет имеющихся у Бебутова сил показал, что даже в Кутансе русские могли бы, с небольшими перегруппировками, выставить против турок превосходные силы. Так они и сделали. Даже при полной свободе маневрирования Омер-паша не мог бы с имеющейся в его распоряжении армией форсировать переправу через Рион. Но, помимо того, медленность и неаккуратность, с какой ему доставлялись припасы, затрудняли все его операции с самого начала. После каждых двух-трех переходов ему приходилось останавливаться чуть ли не на неделю, чтобы достать самое необходимое; и когда он продвинулся, наконец, на расстояние трех дней пути от Редут-Кале в глубь страны, он оказался совершенно парализованным. Видя в то же время перед собой более сильную армию, он мог только отступить к побережью, куда русские последовали за ним, тревожа его тыл очень серьезно. Сейчас турецкая армия, жестоко пострадавшая от неприятельских действий и болезней, отдыхает на побережье и перевозится в Батум, Трапезунд и другие места. Мингрелия, за исключением береговых фортов, снова в руках русских.

Этим заканчивается третья удачная кампания русских в Азии: Карс и его округ завоеваны; Мингрелия освобождена от неприятеля; последний еще оставшийся боеспособным отряд турецких войск — армия Омера-паши — значительно обеспокоен численно и морально. Это немаловажные результаты в стране, подобной юго-западному Кавказу, где все операции неизбежно замедляются характером местности и недостатком дорог. И если сопоставить эти успехи и завоевания с тем фактом, что союзники заняли южную часть Севастополя, Керчь, Кинбурн, Евпаторию и несколько фортов в Черкесии, то станет ясно, что достижения союзников далеко не так огромны, чтобы оправдать бахвальство английской печати. Интересно, что парижский «*Constitutionnel*» в статье, инспирированной французским двором, прямо обвиняет лорда Редклиффа в том, что он — главный виновник азиатских неудач, ибо он не только мешал Порте получить ассигнованные ей союзниками средства, но и заставлял ее задерживать как можно дольше подкрепления, предназначавшиеся для этого театра военных действий.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке
в январе 1856 г.

Впервые напечатано в «*New-York Daily Tribune*», 25 января 1856 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. X.

СТАТЬИ ПО ВОЕННЫМ ВОПРОСАМ
1857—1858 гг.
КОЛОНИАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ АНГЛИИ.
ВОССТАНИЕ В ИНДИИ

•

ГОРНАЯ ВОЙНА ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

Недавняя и еще не вполне исчезнувшая возможность вторжения в Швейцарию ³⁴ естественно вызвала у наших читателей интерес не только к оборонительным средствам этой горной республики, но и к условиям горной войны вообще. Публика обычно склонна считать Швейцарию неприступной страной и приравнивать наступающую на нее армию к тем римским гладиаторам, прощальный возглас которых: «Ave Caesar, morituri te salutant!», «Да здравствует Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя!», получил такую широкую известность. Припоминают Земпах и Моргартен, Морат * и Грансон ³⁵ и замечают, что неприятельской армии, возможно, было бы довольно легко проникнуть в Швейцарию, но зато, как сказал шут Альберта Австрийского, выбраться оттуда ей было бы трудно. Даже военные охотно перечисляют дюжину горных проходов и ущелий, в которых горсть людей без труда могла бы противостоять тысяче-другой лучших солдат.

Это традиционное представление о неприступности так называемой швейцарской горной крепости дошло до нас от эпохи войн Швейцарии с Австрией и Бургундией в XIV и XV веках. В войне с Австрией главным родом оружия нападающих была закованная в латы рыцарская конница; ее сила заключалась в сокрушительной атаке против армий, не имевших для защиты огнестрельного оружия. Но этот вид атаки был невозможен в такой стране, как Швейцария, где кавалерия, за исключением самой легкой, и притом в небольшом числе, даже и теперь неприменима. Во сколько же раз бессильнее были рыцари XIV века, таскавшие на себе по три пуда железа! Им приходилось спешиваться и драться в пешем строю. Таким образом они теряли последние остатки своей подвижности, из нападающих превращались в обороняющихся, а будучи захвачены в ущельи, оказывались беззащитными даже против ду-

* Французское название швейцарского города Муртен. *Ред.*

бин и палиц. Во времена бургундских войн более важное место в войсках заняла пехота, вооруженная копьями; кроме того, было введено огнестрельное оружие; тем не менее пехота все еще была стеснена тяжестью своих оборонительных доспехов, пушки тоже были тяжелые, а ручное оружие было неудобно и сравнительно мало пригодно. Все снаряжение войск было еще настолько громоздко, что делало их совершенно непригодными для горной войны, особенно в те времена, когда дорог, можно сказать, почти не существовало. В результате, всякий раз, когда эти малоподвижные армии попадали в трудно проходимую местность, они основательно застревали в ней, и легко вооруженные швейцарские крестьяне имели полную возможность наступать, обходить противника, окружать и в конце концов разбивать его.

В течение трех столетий после бургундских войн Швейцария ни разу не подвергалась серьезному нашествию. Непобедимость швейцарцев стала легендой, и оставалась легендой, пока Французская революция, — великое событие, разбившее вдребезги так много почтенных легенд, — не разрушила и ее, по крайней мере в глазах людей, знакомых с военной историей. Времена изменились. Закованная в железо конница и неповоротливые копейщики исчезли, тактика прошла целый ряд революций, главным качеством армий стала их подвижность, линейная тактика Мальборо, Евгения Савойского и Фридриха Великого была опрокинута колоннами и стрелками революционных армий, и в тот день, когда в 1796 г. генерал Бонапарт перешел Альпы у Коль де Кадибон и, бросившись между разбросанными колоннами австрийцев и сардинцев, разбил их с фронта, одновременно отрезав им пути отступления в тесных долинах Приморских Альп и захватив в плен большую часть их состава, — в тот день родилась новая наука горной войны, положившая конец неприступности Швейцарии.

В период линейной тактики, который непосредственно предшествовал периоду современной войны, оба противника старательно избегали трудной для движения местности. Чем более гладкой была равнина, тем лучшим полем сражения она считалась, лишь бы только на ней было какое-нибудь препятствие, обеспечивавшее один или оба фланга. Но французские революционные армии ввели другую систему. Для обороны старались найти позицию с препятствием перед фронтом, которое могло бы служить укрытием для стрелков, равно как и для резервов. В целом революционные армии оказывали предпочтение пересеченной местности; их войска были гораздо подвижнее, и их боевые порядки — рассыпной строй и колонны — не только допускали быстрое передвижение в любом направ-

лении, но и использовали прикрытия, предоставляемые пересеченной местностью, тогда как их противник на ней совершенно терялся. Таким образом, термин «трудная местность» был фактически вычеркнут из военной терминологии.

Это и пришлось почувствовать швейцарцам в 1798 г., когда четыре французских дивизии, невзирая на упорное сопротивление со стороны местного населения и на трехкратное восстание старых лесных кантонов, завладели страной, которая на ближайшие три года стала одним из важнейших театров войны между Французской республикой и коалицией. Как мало пугали французов недоступные горы и ущелья Швейцарии, они показали еще в марте 1798 г., когда Массена сразу предпринял наступление на самый дикий и гористый кантон, Граубинден, занятый тогда австрийцами. Последние держали в своих руках долину верхнего Рейна. Концентрическими колоннами войска Массена вторглись в эту долину через горные перевалы, едва проходимые для лошадей, заняли все выходы из нее и после непродолжительного сопротивления принудили австрийцев сложить оружие. Однако австрийцы быстро использовали этот урок; под командой генерала Котце, который достиг большого искусства в горной войне, они снова перешли в наступление, повторили тот же маневр и выбили французов. Затем последовало отступление Массена к оборонительным позициям у Цюриха, где он разбил русский корпус Корсакова, затем вторжение Суворова в Швейцарию через Сен-Готард и его полное суровых испытаний отступление³⁶ и, наконец, новое продвижение французов через Граубинден в Тироль, где Макдональд глубокой зимой перевалил через три горных хребта, считавшихся тогда трудно проходимыми даже для идущих гуськом. Последовавшие за этим большие кампании Наполеона разыгрались уже в просторных бассейнах рек Дуная и По, так как грандиозные стратегические замыслы, лежавшие в основе их, строились на том, чтобы отрезать неприятельские армии от центра их снабжения, разбить их и потом захватить самый центр, а для этого требовалось менее пересеченная местность и сосредоточение масс для решительных битв, невозможное в альпийских местностях. Однако, вся история войн от первой альпийской кампании Наполеона в 1796 г. и его похода через Юлийские Альпы на Вену в 1797 г. до 1801 г.³⁷ указывает, что альпийские хребты и долины совершенно перестали пугать современные армии; точно так же с тех пор и до 1815 г. Альпы не дали ни французам, ни коалиции ни одной хоть сколько-нибудь серьезной оборонительной позиции.

Проходя по любой из глубоких ложбин, вдоль которых, извиваясь, поднимаются дороги, ведущие от северных склонов

Альп к их южному спаду, вы на каждом повороте дороги встретите отличнейшие оборонительные позиции. Возьмите, например, хорошо известную Виа Мала. Не найдется офицера, который не вызвался бы с одним батальоном удержать это ущелье против неприятеля, при условии, что его не обходят с тыла. Но в этом-то и заключается все дело. Даже на самых высоких хребтах Альп нет ни одного горного прохода, который нельзя было бы обойти. Правилом Наполеона в горной войне было: «Где может пройти козел, там может пройти человек; где пройдет человек, пройдет батальон, а где батальон, там армия». Так Суворов и был вынужден поступить, когда он оказался запертым в долине Рейсса: ему пришлось вести свою армию по пастушьим тропинкам, недостаточно широким даже для двоих, в то время как по его пятам следовал Лекурб, лучший французский генерал в горной войне!

Вот эта-то возможность обойти неприятеля с фланга и нейтрализует с избытком силу оборонительных позиций, против которых фронтальная атака часто является совершенным безумием. Охрана всех путей, по которым можно обойти оборонительные позиции, означала бы для обороняющейся стороны такое распыление сил, что поражение было бы неминуемо. В лучшем случае эти пути можно только держать под наблюдением, и отражение обхода должно зависеть от правильного использования резервов и от сообразительности и энергии командиров отдельных частей. Все же, если из трех или четырех обходящих колонн хотя бы одна добьется успеха, то обороняющаяся сторона попадет в такое же трудное положение, как и в случае успеха всех колонн. Таким образом, со стратегической точки зрения в горной войне положение нападающего имеет решительное превосходство над положением обороняющегося.

Тот же вывод получается при рассмотрении вопроса с чисто тактической точки зрения. Оборонительными позициями всегда будут служить тесные горные ущелья, занятые сильными колоннами в долине и прикрытые стрелками на соседних высотах. Эти позиции можно обойти либо с фронта, когда группы стрелков взбираются по склонам долины и обходят стрелков обороняющейся стороны, либо послав войска по хребтам, где это возможно, или по параллельным долинам, причем обходящие используют какой-нибудь горный проход для нападения на обороняющихся с фланга или тыла. Во всех этих случаях обходящие части имеют на своей стороне преимущества командующего положения; они занимают более возвышенные участки местности и стоят над долиной, занятой их противником. Они могут скатывать на него камни и деревья,

ибо в настоящее время нет такого отряда, который вступил бы в глубокое ущелье, не очистив предварительно его стен; таким образом, этот еще недавно излюбленный способ обороны обращается теперь против обороняющегося. Другим невыгодным условием для обороны является то, что огнестрельное оружие, на которое она, главным образом, опирается, в горной местности теряет большую долю своей эффективности. Артиллерия либо бесполезна, либо, если ею пользуются всерьез, ее приходится бросать при отступлении. Так называемая горная артиллерия, состоящая из легких гаубиц, перевозимых выюком на мулах, дает весьма незначительный результат, как это в достаточной мере доказывает опыт французов в Алжире. Что же касается использования ружья и прочего ручного огнестрельного оружия, то укрытия, которые повсюду имеются в горах, лишают оборону весьма большого преимущества, а именно наличия перед оборонительной позицией открытого пространства, которое неприятель должен пройти под огнем. Таким образом, и с тактической, и со стратегической точек зрения мы приходим к выводу, сделанному эрцгерцогом Карлом Австрийским, одним из лучших генералов горной войны и одним из классических теоретиков этого вопроса, — а именно, что в войне этого типа наступление имеет огромные преимущества перед обороной.

Значит ли это, что оборона горной страны — вещь совершенно бесполезная? Конечно, нет. Это значит лишь, что оборона не должна быть только пассивной и что она должна черпать свою силу в подвижности и всюду, где представляется случай, действовать наступательно. В альпийских странах почти невозможны серьезные бои; вся война представляет собой непрерывную цепь мелких стычек, попыток нападающей стороны там или тут вогнать клин в расположение противника и затем продвигаться вперед. По необходимости обе армии разбросаны; обе на каждом шагу рискуют попасть под удачный удар; обеим приходится полагаться на случай. Таким образом, единственное преимущество, которое может получить обороняющаяся армия, заключается в том, чтобы найти уязвимое место неприятеля и броситься между его разобщенными колоннами. В этом случае сильные оборонительные позиции, на которые только и полагалась бы чисто пассивная оборона, могут сыграть для неприятеля роль ловушек, куда его можно завлечь для фронтальной атаки *, в то время как главные усилия защиты будут направлены против обходящих колонн, каждая из которых может в свою очередь оказаться обойденной и

* Буквально: «побудив его предпринять попытку прямо взять быка за рога» («taking the bull by the horns»). *Ред.*

попасть в то самое безнадежное положение, в которое она собиралась поставить обороняющуюся сторону. Совершенно ясно, однако, что такая активная оборона требует особенно энергичных, опытных и искусных генералов, в высшей степени дисциплинированных и подвижных войск и в первую очередь очень искусных и надежных командиров бригад, батальонов и даже рот, ибо в этих случаях все зависит от быстрого и осмозрительного действия отдельных частей.

Существует еще другая форма оборонительной горной войны, которая приобрела в наше время широкую известность: это национальные восстания и партизанская война, для которой требуется, по крайней мере в Европе, наличие горной местности. Мы имеем четыре примера такой войны: тирольское восстание, испанская партизанская война против Наполеона³⁸, баскское карлистское восстание и война кавказских племен против России³⁹. Хотя все они причиняли завоевателям большие неприятности, ни одна из них, сама по себе, не увенчалась успехом. Тирольское восстание было опасно лишь в 1809 г., пока его поддерживали австрийские регулярные войска. Испанские партизаны, хотя и имели на своей стороне огромное преимущество обширных пространств, могли оказать длительное сопротивление лишь благодаря англо-португальской армии, против которой французам приходилось постоянно направлять свои главные усилия. Продолжительность карлистской войны объясняется упадком, в который пришла к тому времени испанская регулярная армия, и нескончаемыми переговорами между карлистами и генералами Христины; поэтому она и не является подходящим примером. Наконец, возьмем борьбу на Кавказе, которая из всех войн этого типа покрыла горцев наибольшей славой; их относительные успехи объясняются наступательной тактикой, которой они по преимуществу держались при обороне своей территории. Всякий раз как русские войска, которые наряду с британскими менее всего пригодны для ведения горной войны, нападали на кавказцев, последние терпели поражение, их аулы подвергались разрушению, и русские закрепляли за собой горные проходы при помощи сторожевых фортов. Сила кавказских горцев заключалась в их непрерывных вылазках из своих гор на равнины, во внезапных нападениях на русские позиции и аванпосты, в быстрых набегах в глубокий тыл русских передовых линий, в засадах на пути русских колонн. Иначе говоря, горцы были легче и подвижнее, нежели русские, и они полностью использовали это преимущество. Фактически, во всех случаях даже временно успешных восстаний горцев эти успехи, таким образом, были результатом наступательной тактики. В этом отношении эти восстания в корне отличаются от швейцарских восстаний 1798

и 1799 гг., когда восставшие занимали какую-нибудь сильную на первый взгляд оборонительную позицию и ожидали французов, которые неизменно разбивали их наголову.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке в январе 1857 г.

Впервые напечатано в «New-York Daily Tribune», 27 января 1857 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XI, ч. I.

НОВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ АНГЛИЧАН В КИТАЙ

Если ссора с китайцами, для которой англичанам удалось найти повод, будет доведена до крайности, то можно ожидать, что она кончится новой военно-морской экспедицией, вроде той, которая была предпринята в 1841—1842 гг. в связи со спорами из-за опиума ⁴⁰. Легкий успех, с каким англичане тогда вынудили у китайцев огромную сумму серебра, способен вовлечь в новый эксперимент такого же рода народ, который, при всем своем негодовании на наши * корсарские склонности, не меньше, чем мы, сохранил порядочную дозу того хищнического, пиратского духа, который отличал общих наших предков XVI и XVII столетий. Однако значительные изменения, происшедшие в положении вещей в Китае со времени последнего удачного грабительского набега в интересах торговли опиумом, заставляют очень сомневаться, даст ли подобная экспедиция в настоящее время сколько-нибудь подобный результат. Новая экспедиция, как и первая в 1841—1842 гг., несомненно, будет иметь своим исходным пунктом остров Гонконг. Первая экспедиция была предпринята эскадрой из 2 семидесятичетырехпушечных кораблей, 8 фрегатов, большого числа корветов и бригов, 12 пароходов и 40 транспортов, с военным отрядом численностью, включая морскую пехоту, в 15 тысяч человек. Новая экспедиция будет предпринята едва ли с меньшими силами; некоторые соображения, которые мы намерены изложить, указывают даже на то, что ее собираются предпринять с силами гораздо более крупными.

Экспедиция 1841—1842 гг. отплыла из Гонконга 21 августа 1841 г.; сначала она завладела Амоем, а затем 1 октября — островом Чжушань, который она превратила в базу для дальнейших операций. Эти операции имели целью проникнуть в великую центральную реку Янцзы и подняться по ней вверх до города Нанкина, в расстоянии около двухсот миль от устья.

* Статья предназначалась для американского читателя и была напечатана в «New-York Daily Tribune» в качестве передовой, без подписи. *Ред.*

Река Янцзы делит Китай на две совершенно различные части — север и юг. Приблизительно на 40 миль ниже Нанкина входит в великую реку, пересекая ее, Императорский канал, который является средством для торговых сношений между северными и южными провинциями. Кампания была построена на той теории, что захват этого важного пути будет для Пекина роковым и принудит императора немедленно заключить мир. 13 июня 1842 г. английские военные силы, под командой сэра Генри Поттингера, появились под Усуном у входа в маленькую реку того же имени. Эта река течет с юга и вливается в устье Янцзы близ ее впадения в Желтое море. Устье реки Усуна образует гавань Шанхая, расположенного немного выше. Берега Усуна были прикрыты батареями, которые, однако, без труда были взяты приступом. Затем одна колонна атакующих направилась к Шанхаю, который сдался без всякого сопротивления. От мирных и робких обитателей берегов Янцзы, которые после долгого, почти двухсотлетнего мира переживали теперь свой первый опыт войны, англичанам почти не пришлось встретить сопротивления, зато устье реки и подступы к ней с моря, как оказалось, представили огромные трудности. Широкое устье Янцзы вливается в море между берегами, наполовину покрытыми илом; его едва можно различить, так как море, на протяжении нескольких лиг, имеет мутно-желтый цвет, откуда и происходит его название. Корабли, намеревающиеся проникнуть в Янцзы, должны осторожно продвигаться вдоль южного берега, все время измеряя глубину лотом, чтобы избежать больших отмелей, загораживающих подступы. Эти отмели тянутся вдоль устья вверх по течению до оконечности большого острова Цзунмин, лежащего посреди устья и разделяющего его на два канала. Выше этого острова, имеющего около 30 миль в длину, берега начинают подниматься над водой, но русло реки становится очень извилистым. Прилив достигает Чженьцзян приблизительно в полпути от Нанкина, и то, что до сих пор представляло широкое устье или залив моря, здесь впервые, для поднимающихся вверх по течению судов, принимает характер реки. Прежде чем достигнуть этого пункта, английскому флоту пришлось встретиться с серьезными препятствиями. Потребовалось 15 дней, чтобы пройти расстояние в 80 миль от якорной стоянки в Чжушань. Близ острова Цзунмин несколько больших кораблей сели на мель, однако им удалось сняться с нее благодаря поднявшемуся приливу. Преодолев эти препятствия и подходя к городу Чженьцзяну, англичанам пришлось убедиться, что татарско-китайские солдаты, хотя и не обладали военным искусством, однако далеко не были лишены храбрости и воодушевления. Эти татарские солдаты, в числе всего

1½ тысяч человек, сражались с мужеством отчаяния и были перебиты все до одного. Перед тем как идти в битву, они, словно предчувствуя ее исход, передушили или перетопили своих жен и детей; множество их трупов было впоследствии извлечено из колодцев, в которые они были брошены. Главного командующий, видя, что битва проиграна, поджег свой дом и сам погиб в пламени. Англичане потеряли в атаке 185 человек; и за эту потерю отомстили ужасными зверствами при разграблении города, ибо война велась англичанами с зверской жестокостью, вполне соответствовавшей породившей ее контрабандистской жадности. Если бы нападающие встретили подобное же сопротивление повсюду, они не добрались бы до Нанкина. Но этого не случилось. Город Гуачжоу, на противоположной стороне реки, сдался и уплатил выкуп в 3 млн. долл., которые английские пираты, конечно, с полным удовлетворением положили в карман.

Выше этого пункта канал реки имеет глубину в 40 шести-футовых сажен, и русло становится легким для плавания, но кое-где течение очень быстрое, не менее 6 и 7 миль в час. Однако ничто не могло остановить продвижение линейных кораблей вверх по течению к Нанкину, под стенами которого 9 августа англичане бросили, наконец, якорь. Достигнутый результат вполне отвечал ожиданиям. Страх заставил императора подписать договор 29 августа; нарушение якобы этого договора и выставляется теперь, как предлог для новых требований, грозящих новой войной.

Если эта война действительно начнется ⁴¹, ее будут вести, вероятно, по образцу первой. Однако по ряду причин англичане не могут ожидать такого же легкого успеха. Опыт прошлой войны не пропал даром для китайцев. В недавних военных операциях на реке Кантон они обнаружили столь повышенную технику в артиллерийской стрельбе и в искусстве обороны, что возникает подозрение, не имеются ли среди них европейцы. Во всех практических делах, — а война есть по преимуществу практическое дело, — китайцы далеко превосходят все восточные народы, и нет сомнения, что в военном деле англичане найдут в них способных учеников. Далее, англичане при продвижении вверх по Янцзы, по всей вероятности, встретят искусственные препятствия, каких им, повидимому, не пришлось встретить в прошлый раз. Но, кроме того, — и это самое серьезное соображение — вторичное занятие Нанкина едва ли внушит прежний ужас и тревогу императорскому двору в Пекине. В течение вот уж ряда лет Нанкин и значительная часть его области находится в руках повстанцев ⁴² и даже один или несколько из их вождей имеют в нем даже свои главные квартиры; при таких условиях его занятие англи-

чанами может оказаться скорее приятным, чем неугодным, императору. Они скорее окажут ему услугу, прогнав повстанцев из города, удерживать который для них самих будет делом трудным, беспокойным и опасным, и, как недавний опыт показал, он может быть удержан неприятельской силой и без того, чтобы создавать непосредственно роковые последствия для Пекина или императорской власти.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке
в начале апреля 1857 г.

Впервые напечатано в «New-York Daily Tribune», 17 апреля 1857 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения,
т. XI, ч. I.

ПЕРСИЯ И КИТАЙ

Англичане только что закончили одну войну в Азии ⁴³ и начинают другую. Сопротивление, оказанное персами, и то, которое оказывают до сих пор британскому вторжению китайцы, представляет контраст, достойный нашего внимания. В Персии европейская система военной организации была привита к азиатскому варварству; в Китае разлагающаяся полумодернизация древнейшего государства в мире борется с европейцами со своими собственными средствами. Персия была разбита наголову, тогда как расстроенный, полуразвалившийся Китай сумел найти систему сопротивления, которая, будучи проведена последовательно до конца, сделает невозможным повторение триумфального шествия первой англо-китайской войны.

Персия находилась в состоянии, аналогичном Турции во время войны с Россией 1828—1829 годов. Английские, французские, русские офицеры поочередно пытались организовать персидскую армию. Одна система сменяла другую, и каждая поочередно срывалась благодаря зависти, интригам, невежеству, жадности и подкупности восточных людей, которых эти системы должны были превратить в европейских офицеров и солдат. Новой регулярной армии ни разу не представился случай испытать свою организацию и мощь на поле битвы. Все ее подвиги ограничивались несколькими походами против курдов, туркмен и афганцев, во время которых она служила ядром или резервом для многочисленной периодической иррегулярной кавалерии. Сражалась главным образом эта последняя; регулярные же отряды должны были действовать на неприятеля демонстративным эффектом своего по внешности страшного боевого порядка. Но вот, наконец, разразилась война с Англией.

Англичане напали на Бушир и натолкнулись на храброе, но безуспешное сопротивление. Однако в Бушире сражались иррегулярные отряды; они были составлены из иррегулярных рекрутских наборов персов и арабов, обитателей побережья.

Регулярные отряды находились еще только в процессе концентрации в расстоянии приблизительно 60 миль, в гористой местности. Наконец, они двинулись вперед. Англо-индийская армия встретила их на полдороге, и, хотя персы использовали свою артиллерию с большой уверенностью и построили каре по всем правилам искусства, атака всего лишь одного индийского кавалерийского полка смела с поля сражения всю персидскую армию, как гвардию, так и линейные полки. Чтобы понять, какую ценность придают этой индийской регулярной кавалерии в собственной индийской армии, достаточно сослаться на посвященную этой теме книгу капитана Нолана. Среди англо-индийских офицеров индийскую регулярную кавалерию считают более чем бесполезной и стоящей гораздо ниже англо-индийской иррегулярной кавалерии. Капитан Нолан не может привести ни одного боя, в котором она показала бы себя на высоте. И, тем не менее, 600 таких солдат погнались перед собой 10 тысяч персов. Страх, охвативший персидские регулярные отряды, был таков, что с тех пор они ни разу нигде не оказали сопротивления англичанам, за исключением одной артиллерии. У Мохаммеры они держались вдали от опасности, предоставив артиллерии защищать береговые батареи, и удалились, как только последние были приведены к молчанию; а когда англичане во время одной рекогносцировки высадили 300 стрелков и 50 иррегулярных всадников, вся персидская рать отступила, бросив обоз, запасы провианта и пушки на произвол — не победителей, каковыми их нельзя назвать, а завоевателей.

Впрочем, все это еще не дает основания клеймить персов как нацию трусов и не свидетельствует о невозможности научить восточные народы европейской тактике. Русско-турецкие войны 1806—1812 и 1828—1829 гг.⁴¹ представляют множество таких примеров. Главное сопротивление русским было оказано иррегулярными отрядами, набранными в укрепленных городах и горных провинциях; регулярные же отряды, где бы они ни появлялись в открытом поле, сразу терпели поражение и очень часто обращались в бегство при первом же выстреле. Между тем, какая-нибудь одна рота иррегулярных арнаутов в ущельи у Варны в течение целых недель с успехом сопротивлялась осадным операциям русских. Однако в последней войне * регулярная турецкая армия уже разбивала русских в каждом отдельном сражении, от Ольтеницы и Четати до Карса и Ингура⁴⁵.

Дело в том, что введение европейской военной организации у варварских народов еще далеко нельзя считать законченным,

* Т. е. в Крымской войне. *Ред.*

после того как новая армия разделена, снаряжена и вымуштрована по европейскому образцу. Все это представляет только первый шаг. Недостаточно также ввести какой-нибудь европейский военный устав; он не более гарантирует создание европейской дисциплины, чем свод правил европейской муштры, который приведет сам собой к европейской тактике и стратегии. Главным делом и в то же время главной трудностью является создание корпуса офицеров и унтер-офицеров, воспитанных по новейшей европейской системе, вполне освободившихся от национальных предрассудков и пережитков военного дела и способных вдохнуть жизнь в новые формирования. Все это требует долгого времени и наверное натолкнется на самое упорное сопротивление со стороны восточного невежества, невыдержки, предрассудков, превратностей судьбы и фаворитизма, присущих восточным дворам. Султаны и шахи слишком склонны считать свои армии подготовленными ко всему на свете, коль скоро солдаты умеют продефилировать на параде, делать повороты и развертывания, строиться в колонны, не производя безнадежной путаницы. Что же касается военных школ, то даваемые ими плоды созревают столь медленно, что при неустойчивости восточных правительств едва ли можно ожидать, что эти плоды когда-либо созреют. Даже в Турции количество обученных офицеров очень ничтожно, и турецкая армия в последней войне не смогла бы ничего сделать без многочисленных ренегатов* и европейских офицеров в ее рядах.

Единственный род оружия, повсюду составляющий исключение, есть артиллерия. Тут восточные народы настолько сдают, настолько беспомощны, что им приходится передавать руководство ею всецело в руки своих европейских инструкторов. В результате, как в Турции, так и в Персии артиллерия стоит неизмеримо выше пехоты и кавалерии.

Совершенно естественно, что при таких обстоятельствах англо-индийская армия, старейшая из всех восточных армий, организованных по-европейски, единственная из всех, подчиненная не восточному, а чисто европейскому правительству, стоящая под командой почти исключительно европейских офицеров, — что эта армия, при поддержке сильного резерва из британских частей и мощного флота, должна была с легкостью рассеять персидские регулярные войска. Это поражение принесет персам большую пользу пропорционально его значительности. Они увидят теперь, как уже увидели турки, что европейский мундир и парадная муштровка сами по себе не являются еще талисманами, и может случиться, что через два-

* Ренегатами в Турции назывались подданные султана из бывших христиан, перешедших в магометанство. *Ред.*

дцать лет персы окажутся такими же признанными солдатами, какими турки проявили себя в своих последних победах.

Военные части, взявшие Бушир и Мохаммеру, как говорят, предназначены к немедленной отправке в Китай. Там они встретят иного противника. Им будут противопоставлены не попытки военных маневрирования на европейский лад, но иррегулярные азиатские полчища. Несомненно, с такими войсками они справятся легко; но что, если китайцы начнут против них национальную войну и если варварство не поколеблется пустить в ход единственное оружие, которым оно умеет владеть?

Повидимому, настроение китайцев в настоящее время совсем иное, чем в войне 1840—1842 годов. Тогда народ оставался спокоен; он предоставлял императорским солдатам сражаться с завоевателями и после поражения подчинился с восточным фатализмом силе неприятеля. Но теперь, по крайней мере в южных провинциях, территорией которых до сих пор ограничивались столкновения, народная масса принимает активное, — более того, фанатическое участие в борьбе против чужеземцев. Китайцы совершенно хладнокровно и преднамеренно отравляют большое количество хлеба в европейском квартале Гонконга. (Несколько хлебов были посланы Либику для анализа. Он обнаружил большое количество мышьяка, пропитавшее все частицы хлеба, что свидетельствует о том, что мышьяк был впущен уже в тесто. Однако доза была настолько сильна, что должна была действовать, как рвотное, и, таким образом, парализовать действие яда.) Китайцы со спрятанным оружием являются на торговые пароходы, во время плавания избивают команду, пассажиров-европейцев и захватывают судно. Они похищают и убивают каждого европейца, который подвергается им под руку. Даже кули, эмигрирующие в чужие страны, словно по уговору, устраивают мятежи на каждом эмигрантском корабле, дерутся за овладение им и предпочитают пойти вместе с ним ко дну или погибнуть в его пламени, чем сдаваться. Даже за пределами своей родины китайские колонисты, донныне самые покорные и кроткие подданные, устраивают заговоры и внезапно поднимают ночные восстания, как это было в Сараваке или Сингапуре, и их можно держать в покорности только физической силой, при помощи большой бдительности. Это возмущение китайцев против всех чужеземцев было вызвано пиратской политикой британского правительства, которая придала ему характер войны на истребление.

Что может сделать армия против народа, прибегающего к таким способам войны? Где и насколько должна она проникнуть в неприятельскую страну и как ей продержаться там?

Культуртрегеры, которые бросают каленые ядра в незащитные города и к убийствам прибавляют изнасилования, назовут эту систему трусливой, варварской, жестокой⁴⁶; но что за дело до этого китайцу, если она ведет к успеху? Если британцы обращаются с китайцами, как с варварами, то они не могут отказать им в праве на все преимущества, вытекающие из их варварства. Если похищения, нападения врасплох, ночные избиения принято считать у нас трусостью, то культуртрегеры не должны забывать, что они сами же признали, что китайцы не могут устоять против европейских средств разрушения при помощи нормальных способов войны.

Короче говоря, вместо того, чтобы прелаяваться нравственному негодованию по поводу ужасных жестокостей китайцев, как делает рыцарственная английская пресса, было бы лучше, если бы мы признали, что это — война *pro aris et focis* [за алтари и очаги], что это — народная война за сохранение китайской национальности, сопровождаемая, если хотите, высокими предубеждениями, глупостью, ученым невежеством и педантичным варварством, но все же — настоящая народная война. А в народной войне средства, применяемые восставшей нацией, надо оценивать не с точки зрения общепризнанных правил регулярного ведения войны или какого-либо другого абстрактного критерия, а лишь с точки зрения той степени цивилизации, которой достиг восставший народ.

На этот раз англичане попали в трудное положение. До сих пор национальный китайский фанатизм, повидимому, распространяется только в тех южных провинциях, которые не примыкали к великому восстанию. Ограничится ли война этими провинциями? В таком случае она наверное не приведет ни к какому результату, так как все жизненные центры империи останутся вне угрозы. В то же время война станет для англичан чрезвычайно опасна, если фанатизм охватит также население внутренних областей. Можно до основания разрушить Кантон и во всевозможных пунктах бомбардировать берега, но и любых сил, которые англичане смогут собрать, будет недостаточно, чтобы завоевать и удержать за собой две провинции — Гуандун и Гуанси. Что же в таком случае могут они сделать в дальнейшем? Страна к северу от Кантона до Шанхая и Нанкина находится в руках китайских повстанцев, восстановить которых против себя было бы политической ошибкой, а к северу от Нанкина единственным пунктом, нападение на который дало бы решительный результат, является Пекин. Но где взять армию для создания укрепленной и снабженной гарнизоном оперативной базы на берегу, для преодоления каждого препятствия по пути, для обеспечения сообщений с берегом при помощи особых частей и для

того, чтобы появиться под стенами города, величиною с Лондон и в расстоянии ста миль от береговой базы, со сколько-нибудь солидными силами? С другой стороны, удачная демонстрация против столицы может глубоко потрясти самое существование Китайской империи, ускорить падение династии Цин и проложить дорогу не английскому, а русскому продвижению.

Новая англо-китайская война сулит так много осложнений, что положительно немислимо угадать ее возможный оборот. В течение нескольких месяцев недостаток войск, а еще дольше — недостаток решительности, более или менее обрекут англичан на бездействие, за исключением, пожалуй, нескольких неважных пунктов, к которым при нынешних обстоятельствах можно причислить Кантон.

Несомненно одно: смертный час старого Китая приближается быстрыми шагами. Гражданская война уже разделила юг и север империи, и вождь повстанцев, сидя у себя в Нанкине, повидимому, чувствует себя в такой же безопасности от императорских войск (если не от интриг своих собственных сторонников), в какой сам небесный император пребывает от повстанцев в своем Пекине. До сих пор Кантон вел нечто в роде самостоятельной войны с англичанами и вообще с иностранцами; но пока британские и французские флоты и войска собираются к Гонконгу, сибирские линейные казаки медленно, но неуклонно продвигают свои станицы от Даурских гор к берегам Амура, а русская морская пехота окружает укреплениями величолепные гавани Манчжурии. Самый фанатизм южных китайцев в их борьбе против иностранцев довольно красноречиво говорит о сознании огромной опасности, грозящей старому Китаю; пройдет немного лет, и мы будем свидетелями предсмертной борьбы самой древней империи мира и вместе с тем зари новой эры для всей Азии.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке
около 20 мая 1857 г.

Впервые напечатано в «New-York Daily Tribune», 5 июня 1857 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения,
т. XI, ч. I.

ВОССТАНИЕ В ИНДИИ⁴⁷

У нас нет охоты присоединяться к хору голосов в Великобритании, который до небес превозносит храбрость войск, взявших штурмом Дели. Ни один народ, даже французы, не могут сравниться с англичанами в способности к самопрославлению — особенно, когда дело идет о храбрости. А между тем героизм к весьма банальным размерам, и каждого нормального человека должно отталкивать это старание извлечь ба-рыши из чужой храбрости, посредством которого любой английский папаша, сидя за печкой, вдали от всего, что хоть сколько-нибудь грозит боевой славой, пытается приобщить себя к несомненным, но все же не таким уж необыкновенным подвигам, совершенным при штурме Дели.

Если сравнивать Дели с Севастополем, то придется, конечно, признать, что сипай — не чета русским, что ни одна из их вылазок против британского расположения не может и отдаленно сравниться с Инкерманом⁴⁸, что в Дели не было Тотлебена и что, как ни храбро в большинстве случаев сражался каждый сипай и каждая рота в отдельности, их батальоны — не говоря уже о бригадах и дивизиях — оставались без руководства; поэтому у них согласованность действий не шла дальше роты и вовсе отсутствовала военная наука, без которой в настоящее время армия является беспомощной, а защита города безнадежной. Тем не менее неравенство в числе и в средствах действия, превосходство сипаев над европейцами в смысле приспособленности к климату, чрезвычайная численная слабость, к которой временами сводился корпус, осаждавший Дели, — все это выравнивает многие различия и делает возможным без натяжек сравнивать обе осады (если только операции под Дели можно назвать осадой). Опять же мы не считаем штурм Дели актом какой-то исключительной, сверхгероической храбрости, хотя и в нем, как во всякой битве, отдельные подвиги необычайного мужества, без сомнения, совершались с обеих сторон; тем не менее мы утверждаем, что

англо-индийская армия перед Дели проявила больше настойчивости и силы характера, больше рассудительности и искусства, нежели английская армия в выпавшем на ее долю испытании между Севастополем и Балаклавой, которая после Инкермана совсем уже собралась садиться обратно на суда и, несомненно, так бы и сделала, если бы не французы. Между тем армия перед Дели, которую побуждали к отступлению время года и связанные с ним губительные болезни, перерыв сообщений и отсутствие всякой надежды на быстрые подкрепления вместе с общим положением в Верхней Индии, взвешивала, правда, целесообразность такого шага, но, несмотря на это, до конца оставалась на своем посту.

Когда восстание достигло высшего пункта, то первое, в чем нуждались англичане, это — подвижная колонна в Верхней Индии. Были только две военные силы, пригодные для этой цели, — маленький отряд Хевлока, который, впрочем, скоро оказался недостаточным, и армия у Дели. Не может быть и спора о том, что при тогдашних обстоятельствах стоять перед Дели, растрачивая наличные силы в бесполезных боях с неуязвимым противником, было с военной точки зрения ошибкой, что в движении армия была бы вчетверо ценнее, нежели стоя на месте, что она могла бы очистить Верхнюю Индию, за исключением Дели, восстановить сообщения, свести на-нет все попытки повстанцев сосредоточить свои силы и что тогда следовало бы падение Дели, как естественное и легко достижимое следствие всего этого. Однако, политические соображения не позволяли снять осаду Дели. Порицания заслуживают умники из главной квартиры, распорядившиеся отправить армию для осады Дели, а не настойчивость этой армии, которая, однажды начав осаду, осталась там стоять. Вместе с тем следует упомянуть, что влияние на армию дождливого времени года оказалось гораздо слабее, чем можно было ожидать, и что если бы болезни, связанные с активными военными операциями в это время года, хоть сколько-нибудь достигли своей обычной нормы, то отход армии или ее развал стали бы неизбежными. Армия находилась в опасности до августа. После этого стали прибывать подкрепления, в то время как внутренние раздоры продолжали ослаблять лагерь повстанцев. В начале сентября прибыл осадный парк, и от обороны англичане перешли к наступлению. 7 сентября первая батарея открыла огонь, а вечером 13-го были пробиты две годные для прохода бреши.

Рассмотрим теперь, какие события имели место в течение этого промежутка времени.

Если бы для этой цели нам пришлось полагаться на официальные сообщения генерала Вильсона, то мы были бы

в очень плохом положении. Эти доклады так же путаны, как были путаны сообщения английской главной квартиры во время Крымской кампании. Никто в мире не мог бы на основании этих докладов определить положение двух брешей, а также соответствующие позиции и порядок штурмующих колонн. Что же касается частных сообщений, то они, конечно, еще более путанные. К счастью, один из тех искусных и образованных офицеров, из состава бенгальских саперов и артиллеристов, которым принадлежит главная честь успеха, напечатал в «Bombay Gazette» отчет о происшедших событиях, ясный и деловой и вместе с тем простой и непритязательный. В течение всей Крымской войны не нашлось ни одного английского офицера, который был бы способен дать такое вразумительное описание, как это. К несчастью, наш автор был ранен в первый же день атаки, и на этом заканчивается его письмо. Что касается дальнейших событий, то они остаются поэтому для нас еще совершенно не выясненными.

В свое время англичане настолько усилили укрепления Дели, что они могли выдержать осаду со стороны любой азиатской армии. По современным понятиям, Дели едва ли заслуживал названия крепости: он был лишь защищен от действия полевых войск. Каменная стена в 16 футов вышины и 12 футов толщины, снабженная сверху парапетом в 3 фута толщины и 8 футов вышины, представляла собою, не считая парапета, 6 футов каменной кладки, не прикрытой гласисом, которая была подвержена непосредственному огню нападающих. Узость этого каменного вала не позволяла ставить на нем пушки иначе, как в бастионах и башнях. Последние недостаточно фланкировали куртину, и так как осадными орудиями нетрудно сбить каменный парапет в 3 фута толщины (это можно сделать даже полевыми), то привести к молчанию артиллерии защитников и в особенности орудия, фланкирующие ров, было совсем легко. Между стеной и рвом проходила широкая берма, или горизонтальная полоса, облегчавшая образование доступной для прохода брешы, и при таких обстоятельствах ров уже не представлял собою *coure-gorge* (западню) для всякого отряда, попадавшего в него, а стал местом передышки и перестройки для тех колонн, которые могли расстроить свои ряды при наступлении на гласис.

Наступление против такого пункта при помощи настоящих траншей, согласно правилам осады, было бы безумием, даже если бы в наличии было первое необходимое для этого условие, а именно военные силы, достаточно многочисленные, чтобы окружить город со всех сторон. При общем состоянии укреплений Дели, при дезорганизованности и возраставшем упадке духа защитников всякий другой способ атаки, кроме избран-

ного в действительности, был бы глубоко ошибочным. Этот способ хорошо известен военным под названием атаки живой силой (*attaque de vive force*). Когда укрепления таковы, что могут служить защитой против открытой атаки только при отсутствии тяжелых орудий, то их без дальнейших околичностей разрушают артиллерией; в это время внутренность крепости подвергается непрерывной бомбардировке, и как только бреши в стене становятся достаточно велики для прохода, войска переходят к атаке.

Атака была направлена на северную часть, как раз против английского лагеря. Этот участок состоит из двух куртин и трех бастионов, образующих слегка входящий угол у центрального (Кашмирского) бастиона. Восточная часть от Кашмирского до Водяного бастиона является более короткой и немного выступает вперед сравнительно с западной частью между Кашмирским и Морийским бастионами. Пространство перед Кашмирским и Водяным бастионами было покрыто низким кустарником, садами, постройками и пр., которые не были снесены сипаями и явились прикрытием для атакующих. (Это обстоятельство объясняет, каким образом англичане при вылазках сипаев так часто могли преследовать их до самых пушек крепости; это считалось величайшим героизмом с их стороны, на самом же деле это было мало опасным делом, поскольку англичане имели эти укрытия.) Кроме того, на расстоянии около 400 или 500 ярдов от крепости в одинаковом направлении со стеною проходила глубокая канава, которая представляла естественную параллель для атаки. Так как, сверх того, река давала прекрасную опору английскому левому флангу, то выбор в качестве главного пункта для атаки участка между Кашмирским и Водяным бастионами, с его легким выступом вперед, был очень целесообразен. Одновременно была произведена демонстративная атака против западной куртины и бастиона, причем этот маневр оказался столь удачным, что сипаи направили свои главные силы для его отражения. Они собрали сильный отряд в предместьях вне Кабульских ворот с целью угрожать правому флангу англичан. Их маневр был бы совершенно правилен и эффектен, если бы западная куртина между Морийским и Кашмирским бастионами была местом главного удара. Фланкирующая позиция сипаев была бы превосходна в качестве средства активной обороны, так как каждая колонна нападающих при ее продвижении вперед была бы сразу взята ими во фланг. Но выгоды этой позиции не могли оказать своего влияния вплоть до восточной куртины, которая находится между Кашмирским и Водяным бастионами; таким образом, это расположение отвлекло лучшую часть сил защитников от решающего пункта.

Выбор позиции для батарей, их устройство, вооружение и способы обслуживания заслуживают величайшей похвалы. У англичан было около 50 пушек и мортир, сосредоточенных в мощные батареи, укрытые за отличными, прочными парапетами. У сипаев, согласно официальным сообщениям, на атакованном участке было 55 орудий, но они были разбросаны по небольшому бастиону и башням, не могли действовать сосредоточенно и были едва прикрыты жалкими парапетами в 3 фута вышины. Вероятно, 2—3 часов оказалось достаточным, чтобы привести к молчанию артиллерию осажденных, а после этого оставалось сделать уже немного.

Восьмого числа десятиорудийная батарея № 1 открывала огонь с расстояния в 700 ярдов от стены. В течение следующей ночи канава, о которой мы говорили выше, была переделана в некоторое подобие траншеи. Девятого числа пересеченная местность и дома перед этой канавой были захвачены без сопротивления, а 10-го 2-я батарея из 8 пушек заняла позицию без укрытия. Эта батарея находилась в 500 или 600 ярдах от стены. Одиннадцатого числа батарея № 3, с большой отвагой и искусством поставленная в 200 ярдах от Водяного бастиона на довольно пересеченной местности, открывала огонь из 6 орудий, в то же время 10 тяжелых мортир громили город. Вечером 13-го числа пришло донесение, что бреши — одна в куртине, примыкающей к правому фланку Кашмирского бастиона, другая — в левом фасе и фланке Водяного бастиона — достаточно широки для штурма, и тогда был отдан приказ для атаки. Одиннадцатого числа сипаи соорудили контрапроши в гласисе между двумя угрожаемыми бастионами и прорыли траншею для стрелков на расстоянии около 350 ярдов от фронта английских батарей. Кроме того, от позиции вне Кабульских ворот они продвинулись вперед для фланговых атак. Но эти попытки активной защиты выполнялись без общего плана, без взаимной связи и без подъема и не привели ни к какому результату.

На рассвете 14-го числа 5 британских колонн двинулись в атаку. Одна из них, на правом фланге, должна была завязать бой с отрядом сипаев вне Кабульских ворот и в случае успеха, атаковать Лагорские ворота. Против каждой бреши было направлено по одной колонне, одна была направлена против Кашмирских ворот с задачей взорвать их, а другая должна была служить резервом. За исключением первой колонны, действия всех увенчались успехом. Осажденные лишь слабо защищали бреши, зато сопротивление в соседних со стеною домах было очень упорным. Благодаря героизму одного саперного офицера и трех сержантов (ибо на этот раз действительно совершались акты героизма) удалось посредством

изрыва открыть Кашмирские ворота, и, таким образом, эта колонна тоже проникла в город. К вечеру весь северный участок находился в руках англичан. Однако, здесь генерал Вильсон оделал остановку. Беспорядочный штурм был прекращен, подвезли пушки и направили их против каждой сильной позиции в пределах города. За исключением штурма оклада, повидимому, было очень мало действительной борьбы. Восставшие пали духом и стали массами покидать город. Вильсон начал осторожно продвигаться внутрь города, после 17-го числа уже почти не встречал сопротивления и занял город полностью 20-го числа.

Мы высказали наше мнение о действиях атакующих. Что касается защитников, то попытка наступательных контрдвижений, фланкирующая позиция у Кабульских ворот, контр-апроши, окопы для стрелков показывают, что кое-какие понятия об искусстве ведения войны уже проникли в среду сипаев; но эти понятия были либо недостаточно им ясны, либо они недостаточно владели ими, и поэтому они не в состоянии были их осуществить со сколько-нибудь значительным эффектом. Трудно решить, исходили ли эти понятия от самих индусов или от нескольких европейцев, действовавших заодно с ними. Наверное можно сказать лишь одно, что как бы ни были несовершенны эти попытки, в своих основах они обнаруживают близкое сходство с активной защитой Севастополя, и их выполнение заставляет предполагать, что какой-то европейский офицер составил для сипаев правильный план, но они не были в состоянии уяснить себе вполне его идею, а дезорганизация и отсутствие единого командования превращали практические проекты в слабые и бессильные попытки.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке в ноябре 1857 г.

Впервые напечатано в «New-York Daily Tribune», 5 декабря 1857 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XI, ч. I.

ВЗЯТИЕ ЛАКНАУ

Мы располагаем, наконец, подробными сведениями об атаке на Лакнау и его падении. Правда, главный источник информации с военной точки зрения, депеша сэра Колина Кемпбелла, до сих пор не опубликованы, но сообщений британской прессы, и особенно писем г. Рассела в лондонском «Times», из которых наиболее важные выдержки уже были сообщены нашим читателям, совершенно достаточно, чтобы дать общее представление о действиях нападающей стороны.

Заключение, к которому мы пришли на основании телеграфных сообщений, о невежестве и трусости, проявленных при обороне, больше чем подтверждается подробными отчетами. Укрепления, воздвигнутые индусами, грозные по внешности, в действительности имели не больше значения, чем огненные драконы и «страшные маски», которые изображаются китайскими «храбрецами» на своих щитах или на стенах их городов. Каждое отдельное укрепление представляло, казалось, неприступную позицию — всюду одни бойницы, стены с амбразурами, парапеты, всякого рода препятствия на подступах, всюду пушки и ружья. Но это только с фронта. Фланги же и тыл каждой позиции были совершенно забыты, о взаимной поддержке различных укреплений никто никогда не думал и даже пространство между укреплениями и перед укреплениями не было очищено, так что фронтовые и фланговые атаки можно было подготовить, не боясь, что защитники об этом узнают; враг мог подойти к парапетам под превосходным укрытием на расстояние нескольких ярдов. Это был как раз такой комплекс укреплений, какого можно было ожидать от группы рядовых саперов, лишившихся своих офицеров и служащих в армии, где господствует невежество и недисциплинированность. Укрепления вокруг Лакнау были лишь переводом сипайского метода ведения войны на язык глиняных стен и земляных парпетов. Механическая сторона европейского военного искусства частично им была втолкована, они знали ружейные приемы и взводную муштру достаточно хо-

рошо; они могли также построить батарею и бойницы в стене, но как сочетать движения рот и батальонов при обороне позиций или как сочетать батареи с бойницами в зданиях и стенах, чтобы устроить укрепленный лагерь, способный оказать сопротивление, — всего этого они совершенно не знали. Так, например, они ослабили крепкие каменные стены своих дворцов, наделав в них чрезмерное количество отверстий для стрельбы, нагромодили целые ярусы бойниц и амбразур один над другим, поместили батареи, защищенные парапетами, на их крышах, и все это совершенно без пользы, потому что все это можно было обойти с флангов удобным образом. Подобным же образом, сознавая свою тактическую слабость в сравнении с врагом, повстанцы старались компенсировать ее тем, что набивали каждый пост возможно большим количеством людей, добившись этим лишь того, что английская артиллерия получила возможность действовать с ужасающим эффектом и что как только атакующие колонны напали на эту разношерстную толпу с неожиданной стороны — спокойная и планомерная оборона стала невозможной. И даже когда англичанам приходилось в силу каких-либо обстоятельств вести фронтальную атаку на укрепления, последние оказывались настолько неправильно построенными, что к ним можно было подойти, пробить брешь и штурмовать почти без всякого риска. Так именно было с Имамбарра. На расстоянии нескольких ярдов от постройки находилась стена из необтесанного кирпича. К этой стене англичане подвели короткую сапу, достаточное доказательство того, что амбразуры и бойницы в верхней части постройки не давали возможности вести отвесный огонь сверху на территорию, лежащую непосредственно перед укреплением, и затем использовали эту стену для осадной батареи, приготовленной для них самими же индусами. Они поставили за эту стену две 68-фунтовые судовые пушки. Самая легкая 68-фунтовая английская пушка весит без лафета 87 центнеров, но, предполагая даже, что речь шла о 8-дюймовой пушке, то все же самая легкая из этой категории весит 50 центнеров, а с лафетом, по меньшей мере, 3 тонны. То, что такие пушки могли быть вообще подвезены так близко к дворцу, имеющему несколько этажей высоты, да еще с батареей на крыше, показывает такое игнорирование командной позиции и такое невежество в военно-инженерном деле, каких не мог бы проявить ни один рядовой сапер какой-либо цивилизованной армии.

Так обстоит дело с уровнем военных знаний противника, с которым англичанам пришлось бороться. Что же касается его мужества и упорства обороны, то они также блистали своим отсутствием. От Мартиньера до Мусабага туземные войска вели себя одинаково единодушно: они стремительно убегали,

как только колонна врага двигалась на них в атаку. Во всей серии этих столкновений не было ничего, что можно было бы даже отдаленно сравнить с побоищем, ибо боем его назвать нельзя. В Секундрабаге во время освобождения резиденции Кемпбеллом, как только атакующие части начинали наступать, у повстанцев начиналось повальное беспорядочное бегство, и если в тылу оказывалось лишь несколько узких выходов, составляющих сгрудившуюся толпу остановиться, то повстанцы без сопротивления и в свалку падали под залпами и штыками наступающих англичан. Работа британского штыка в любой из этих атак на охваченных паникой туземцев была основательнее, чем во всех английских войнах в Европе и Америке, вместе взятых. На Востоке такие штыковые бои, в которых одна сторона действует, а другая работает пассивно — обычное явление во время войны: палисады в Бирме давали всякий раз живой пример этому. По словам м-ра Рассела, главные потери англичан были причинены индусами, отрезанными от отступления и забаррикадировавшимися в комнатах дворца, откуда они стреляли через окна по офицерам, находящимся во дворах и садах.

При штурме Имамбарра и Кайсарбага индусы так стремительно бежали, что дворец не был даже взят силой, а в него просто вошли. Но самая интересная сцена только началась, ибо, как невозмутимо замечает Рассел, захват Кайсарбага был настолько неожидан, что не было даже времени принять меры против беззастенчивого грабежа. Это наверное был веселый спектакль для истинно свободолюбивого Джона Булля, наблюдавшего, как его британские гренадеры свободно распоряжались драгоценностями, дорогим оружием, одеждами и прочим домашним скарбом его величества короля Ауда. Сикхи, гуркасы и лагерная челядь были вполне готовы подражать им, и последовавшая сцена грабежа и разрушения, очевидно, превзошла даже изобразительный талант г. Рассела. Каждое новое продвижение сопровождалось грабежом и опустошением. Кайсарбаг пал 14-го, а спустя полчаса в войсках исчезла всякая дисциплина, и офицеры потеряли над своими людьми всякий контроль. Семнадцатого марта генерал Кемпбелл был вынужден поставить посты, чтобы прекратить грабеж и приостановить всякие действия «до тех пор, пока своеволие не прекратится». Было очевидно, что войска совершенно отбились от рук. Восемнадцатого мы узнаем, что наиболее разнузданные формы грабежа прекратились, но опустошение все же продолжается свободно. В центре города, в то время как авангард дрался с туземцами, стрелявшими из домов, арьергард грабил и разрушал в свое удовольствие. Вечером появляется другой приказ против грабежа: о высылке сильных от-

рядов из каждого полка, чтобы заставить своих людей вернуться в полк и не выпускать слуг из расположения части; никому не разрешается оставить лагерь, кроме как по службе. Двадцатого повторение той же картины. В тот же день два британских «офицера и джентльмена», лейтенанты Кейп и Таксел, пошли в город *пограбить* и были убиты в одном доме, а 26-го положение было все еще так плохо, что были изданы самые строгие приказы для прекращения грабежа и насилий, были установлены ежечасные переключки солдат, всем солдатам строго запрещено входить в город, лагерная челядь, появившаяся в городе с оружием, подлежала повешению, солдаты должны носить оружие только на службе, все не имеющие отношения к военной службе должны быть разоружены. Чтобы придать вес этим приказам, на «соответствующих местах» было устроено известное количество треугольников для порки.

Это действительно милое состояние вещей в цивилизованной армии XIX века, и если бы другие войска где-либо совершили одну десятую этих эксцессов, каким бы позором заклеимила их негодующая британская пресса! Но это дела британской армии, и поэтому нам говорят, что они являются только нормальными последствиями войны. Британские офицеры и джентльмены могут без стеснения присваивать себе серебряные ложки, осыпанные бриллиантами браслеты и другие маленькие сувениры, какие им попадутся на месте славы. А если Кемпбелл вынужден разоружить свою собственную армию в разгаре войны, чтобы приостановить всеобщий грабеж и насилия, то наверное для этого были и военные соображения, и ничто, конечно, не пожалеет, что бедным ларьям дали недельку отдыха и небольшую возможность пошалить после стольких трудов и лишений!

Фактически ни в Европе, ни в Америке нет такой звероподобной армии, как британская. Грабеж, насилие, убийство — вещи, которые всюду совершенно изгнаны из армии, — являются издавна установленной привилегией, узаконенным правом британского солдата. Гнусности, совершенные англичанами после штурма Бадахоса и Сан-Себастьяна в испанской войне ⁴⁹, не имеют параллелей в летописях других наций со времени Французской революции. Средневековый обычай отдачи на грабеж города, взятого штурмом, уже всюду исчезнувший, все же остается правилом у британской армии.

Наступательные военные соображения заставили сделать исключение для Дели, но армия, хотя и подкупленная дополнительной платой, все же роптала, и теперь, в Лакнау, она компенсировала себя за то, что упустила в Дели. В течение 12 дней и ночей в Лакнау была не британская армия,

а необузданная, пьяная, грубая толпа, превратившаяся в банды грабителей и притом гораздо более необузданные, неистовые и жадные, чем сипаи, которые только что были выгнаны оттуда. Разграбление Лакнау в 1858 г. остается вечным позором для британской армии.

Если разнузданная солдатчина, в своем культурническом и цивилизаторском продвижении по Индии, могла разграбить только движимую собственность туземцев, то британское правительство, которое шло по следам за нею, захватывало также и их земли. Толкуют о произведенных первой Французской революцией конфискациях земель дворянства и церкви. Толкуют о конфискации Луи-Наполеоном собственности Орлеанской династии. Но вот приходит Каннинг, британский дворянин, мягкий на словах, в манерах и в чувствах, конфискует по приказу своего начальника, виконта Пальмерстона, земли целого народа, конфискует каждую пядь, каждый клочок, каждый акр земли на пространстве десятков тысяч квадратных миль⁵⁰. Хорошенький кусочек добычи для Джона Булля! Когда лорд Элленборо от имени нового правительства выражает осуждение этой неслыханной меры, сейчас же вскакивает «Times» и куча других меньших британских газет, чтобы оправдать массовый грабеж и ломать копы за право Джона Булля конфисковать все, что ему заблагорассудится. Но, конечно, Джон исключительное существо, и то, что для других было бы позором, для него, согласно «Times», является добродетелью.

Тем временем, благодаря полному распаду британской армии из-за грабежа, повстанцы, никем не преследуемые, скрылись в разных местах. Они сосредоточились в Рохилканде, а в то же время часть их начала малую войну в Ауде, а другая часть беглецов направилась на Бундельканд. Между тем быстро приближается знойное и дождливое время, и нельзя ожидать, что погода будет столь же благоприятна для европейцев, как это было в прошлом году. Тогда большая часть европейских войск была более или менее акклиматизирована, а в этом году большинство из них только что прибыло в Индию. Нет никакого сомнения, что кампания в июне, июле и августе будет стоять британцам огромного количества жизней, и при необходимости держать в каждом завоеванном городе гарнизоны действующая армия быстро растает. Уже теперь нам сообщают, что ежемесячных пополнений в 1 тысячу человек едва ли будет достаточно, чтобы сохранить за армией ее наличную силу, а что касается гарнизонов, то один Лакнау требует, по меньшей мере, 8 тысяч человек, т. е. выше одной трети армии Кемпбелла. Нам сообщают также, что среди британских офицеров крепнет убеждение, что партизанская война, которая неизбежно последует за распылением крупных по-

встанческих отрядов, будет больше истощать и губить жизнь англичан, чем нынешняя война с ее боями и осадами. Накопец, и сикхи начинают уже разговаривать языком, который не предвещает для англичан ничего хорошего. Они понимают, что без их помощи британцы едва ли смогли бы удержать Индию, и если бы они присоединились к восстанию, то Индостан был бы, по крайней мере на время, потерян для Англии. Они говорят об этом громко и, конечно, по-восточному преувеличивают это. Для них англичане уже более не кажутся той высшей расой, которая была их при Мудки, Фирузпуре и Аливале⁶¹. От такого настроения до открытой враждебности у восточных народов только один шаг: искра может вызвать пламя.

В общем взятие Лакнау так же мало покончило с восстанием, как и взятие Дели. Летняя кампания может привести к таким результатам, что британцам придется ближайшей зимой по существу проходить снова по тем же территориям и, может быть, даже снова завоевывать Пенджаб. Но и при самых лучших обстоятельствах перед нами стоит длительная и утомительная партизанская война, — под солнцем Индии вещь, отнюдь не завидная для европейцев.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке
около 7 мая 1858 г.

Впервые напечатано в «New-York Daily Tribune», 25 мая 1858 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения,
т. XI, ч. I.

ВОССТАНИЕ В ИНДИИ

Несмотря на крупные военные операции англичан при взятии сначала Дели, а затем Лакнау, городов, последовательно служивших главными центрами восстания сипаев, умиротворение Индии еще далеко не закончено. Фактически можно почти даже сказать, что настоящие трудности здесь только еще начинаются. Пока восставшие сипаи держались вместе крупными массами, пока война состояла из осад и правильных сражений в большом масштабе, огромное превосходство английских войск в такого рода операциях давало им все преимущества. Но при том новом характере, какой в настоящее время принимает война, эти преимущества в значительной степени будут, вероятно, утрачены. Взятие Лакнау еще не влечет за собой добровольного подчинения Ауда, и даже добровольное подчинение последнего не приведет к умиротворению Индии. Все королевство Ауд усеяно крепостями большего или меньшего значения, и хотя, быть может, ни одна из них не в состоянии будет долго держаться против правильной атаки, взятие в одиночку одну за другой этих крепостей не только будет весьма утомительным процессом, но и повлечет за собой пропорционально гораздо большие потери, нежели операции против таких крупных городов, как Дели и Лакнау.

Но не одно только королевство Ауд придется завоевывать и умиротворять. Разбитые сипаи, вытесненные из Лакнау, рассеялись и бежали во всех направлениях. Большое число их нашло себе убежище в холмистых округах на севере Рохилканда, который все еще целиком остается во власти повстанцев. Другие бежали в Горакпур, округ на востоке, который британские отряды проходили, уже направляясь к Лакнау, но который ныне приходится завоевывать вторично; многим удалось пробраться также на юг, в Бундельканд.

Фактически же спорят о том, как лучше действовать, и не целесообразнее ли было бы в свое время подчинить сначала все районы на периферии, которые могли дать повстанцам убежище, и потом уже направить операции против их глав-

ных сил, собравшихся в Лакнау. Таков, говорят, и был план операций, который предпочитали военные. Однако, трудно понять, каким образом можно было с тем ограниченным числом войск, которое находилось в распоряжении англичан, так эффективно занять эти окружающие районы, чтобы не дать возможности бежавшим сипаям, по окончательном вытеснении их из Лакнау, проникнуть туда и чтобы не надо было завоевывать их снова, как, например, Горакпур.

Со времени взятия Лакнау главные силы повстанцев, повидимому, отступили на Барелли. Передают, что и Нана Саиб находился там. Было признано необходимым предпринять летний поход на этот город и округ, находящиеся в расстоянии свыше 100 миль к северо-востоку от Лакнау, и, по последним сообщениям, туда отправился сам сэр Колин Кемпбелл.

Между тем партизанская война распространяется, повидимому, в различных направлениях. В то время как войска оттягиваются к северу, отдельные партии восставших солдат переправляются через Ганг в Доаб, прерывая сообщение с Калькуттой и своими опустошениями лишая земледельцев возможности уплачивать поземельный налог или, по крайней мере, создавая для них предлог не вносить его.

Даже взятие Барелли не только не явится средством против этих бедствий, но скорее, пожалуй, еще увеличит их. Преимущество сипаев заключается именно в этом беспорядочном способе ведения войны. Они могут побить английские войска в передвижении, точно так же как англичане могут побить их в боях. Английская колонна не в состоянии передвигаться со скоростью двадцать миль в день, а отряд сипаев может делать 40, а при большом усилии и 60 миль в день. Эта быстрота движения и составляет главную ценность сипайских войск, что, в соединении с их способностью переносить климат и сравнительной легкостью их продовольствования, делает их незаметными для войны в Индии. Убыль английских войск в походах и особенно во время летних кампаний огромна. Уже теперь остро чувствуется недостаток в людях. Быть может, придется преследовать бегущих повстанцев с одного конца Индии до другого. Для этой цели европейские войска едва ли окажутся пригодными, в то же время соприкосновение бродящих всюду повстанцев с туземными полками Бомбея и Мадраса, которые до сих пор оставались верными, может привести к новым восстаниям.

Но и без присоединения новых повстанцев в стране все еще имеется не менее 150 тысяч вооруженных людей, а безоружное население не оказывает англичанам помощи и не дает им сведений.

Кроме того, отсутствие дождя в Бенгалии грозит голодом — бедствием, не известным в нынешнем столетии, хотя в прошлом и даже после занятия Индии англичанами оно являлось источником страшных страданий.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке в конце мая — начале июня 1858 г.

Впервые напечатано в «New-York Daily Tribune», 15 июня 1858 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XI, ч. I.

ВОССТАНИЕ В ИНДИИ

Во время жарких и дождливых месяцев боевые действия в Индии почти совершенно приостановились. Сэр Колин Кемпбелл, обеспечив энергичными действиями в начале лета все важные позиции в Ауде и Рохилканде, весьма благоразумно расположил свои войска по квартирам, оставив открытую местность во власти повстанцев и сосредоточив свои усилия на поддержании коммуникации. За этот период в Ауде произошел лишь один заслуживающий внимания эпизод; это — экспедиция сэра Хоуп Гранта в Шахджунж для выручки туземного вождя Маун Синга, который после долгих уверток и колебаний, наконец, помирился с англичанами и был теперь блокирован своими бывшими союзниками-туземцами. Экспедиция оказалась простой военной прогулкой, хотя она, вероятно, причинила англичанам большие потери от солнечных ударов и холеры. Туземцы рассеялись, не приняв боя, и Маун Синг соединился с англичанами. Хотя легкий успех этой экспедиции и не может служить показателем того, что легко будет покорить также весь Ауд, но он все же свидетельствует, что повстанцы совершенно пали духом. Если в интересах англичан было важно отдохнуть на время жаркой погоды, то для повстанцев было важно тревожить их как можно больше. Но вместо того, чтобы организовать активные партизанские действия, прервать сообщение между городами, находящимися в руках неприятеля, подстерегать мелкие отряды, мешать фуражировке и прервать подвоз продовольствия, без которого не мог бы жить ни один большой город, занятый англичанами, туземцы ограничились сбором налога и наслаждались досугом, предоставленным им неприятелем. Более того, они, повидимому, даже стали ссориться друг с другом. Они, повидимому, также не воспользовались этими несколькими неделями перерыва в военных действиях для реорганизации своих сил, для пополнения боевых припасов и восстановления своей потерянной артиллерии. Их бегство при Шахджунже, более чем какое-либо прежнее поражение, показывает, что им не-

достаёт уверенности в своих силах и в своих вождах. Тем временем между большинством их вождей и британским правительством ведется тайная переписка; последнее в конце концов признало нецелесообразным присваивать все земли Ауда и готово предоставить их прежним владельцам на приемлемых условиях. Таким образом, поскольку окончательный успех англичан ныне не подлежит сомнению, восстание в Ауде обещает постепенно замереть, не проходя через стадию активной партизанской войны. Как только большинство землевладельцев заключит соглашение с англичанами, отряды повстанцев распадутся, и те из них, которые имеют слишком много оснований бояться правительства, превратятся в бандитов (дакотов), в поимке которых крестьянство будет охотно принимать участие.

Юго-западная часть Ауда, джугдиспурские джунгли создают, повидимому, центр для сосредоточения этих бандитов. Эти непроходимые бамбуковые леса с кустарниковыми зарослями заняты отрядом повстанцев под командой Оммар Синга, который проявляет несколько больше активности и знаний в ведении партизанской войны; во всяком случае, вместо пассивного выжидания он сам атакует англичан, где только может. Есть опасения, что часть аудских повстанцев соединится с ним раньше, чем его удастся выгнать из этого убежища; в этом случае англичан ожидает более трудная задача, чем та, которую они имели перед собой в последнее время. Эти джунгли уже около 8 месяцев служат убежищем для повстанческих отрядов, которые сделали чрезвычайно опасным движение по большой дороге из Калькутты в Аллахабад, главной коммуникации англичан.

В Западной Индии генерал Робертс и полковник Холмс все еще заняты преследованием гвалиороких повстанцев. Во время взятия Гвалиора весьма важное значение имел вопрос о том, какое направление изберет отступающая армия, ибо вся страна маратов и часть Раджпутаны были, повидимому, готовы восстать, как только там появится достаточно сильный отряд регулярных войск, который мог бы образовать ядро для повстанцев. Отступление гвалиорского отряда в юго-западном направлении казалось тогда наиболее подходящим маневром для осуществления такого плана. Однако, повстанцы по мотивам, угадать которые на основании имеющихся у нас донесений мы не можем, избрали северо-западное направление. Они направились на Джейпур, а оттуда повернули на юг к Удейпуру, пытаясь достигнуть дороги в сторону маратов. Но это движение круглым путем дало Робертсу возможность настигнуть их и без больших усилий нанести им поражение. Остатки этого отряда без пушек, без боевых припасов и без

известных массам вождей не способны вызвать новые восстания. Наоборот, огромное количество награбленного добра, которое они таскают за собой и которое тормозит все их движения, повидимому, возбудило уже алчность крестьян. Они убивают каждого отставшего от своих войск сипая и забирают себе его запас золотых могуров *. Если дело дошло до этого, то генерал Робертс может спокойно предоставить окончательное рассеивание этих сипаев сельскому населению. Разграбление сокровищ Синдии его войсками спасает англичан от нового восстания в области, более опасной, чем Индостан, ибо восстание в стране маратов подвергло бы бомбейскую армию крайне тяжелому испытанию.

В окрестностях Гвалиора возникло новое восстание. Мелкий вассал Синдии Маун Синг (его не надо смешивать с аудским Маун Сингом) присоединился к повстанцам и завладел небольшой крепостью Паори, которая, впрочем, уже осаждена англичанами и вскоре должна сдаться.

Тем временем постепенно усмиряют завоеванные округа. Передают, что сэр Джон Лоуренс водворил полное спокойствие в окрестностях Дели, так что европейцы могут путешествовать там в полной безопасности, без оружия и охраны. Секрет заключается в том, что все население каждой деревни коллективно отвечает за всякое преступление или насилие, совершенное на его земле; далее — в том, что англичанами организована военная полиция, и особенно в том, что ускоренная судебная процедура полевых судов, которая столь действует на воображение восточных людей, повсюду находится в полном ходу. Все же этот успех представляется нам исключением, ибо ничего подобного мы не слышали из других округов. Полное успокоение Рохилканда и Ауда, Бундельканда и многих других крупных провинций потребует еще долгого времени и доставит немало дела британским войскам и полевым судам.

В то время как восстание в Индостане постепенно сокращается до размеров, которые лишают его почти всякого интереса с военной точки зрения, на отдаленных границах Афганистана произошли события, которые могут привести в будущем к большим затруднениям. Среди нескольких сикхских полков в Дер-Измаил-Хане был открыт заговор, ставивший задачу перебить офицеров и восстать против англичан. Мы не можем сказать, как далеко простирались разветвления этого заговора. Быть может, это было чисто местное дело, возникшее среди отдельной группы сикхов, однако, определенно мы не можем это утверждать. Во всяком случае, это в высшей степени опасный симптом. На британской службе состоит ныне около

* Индийская золотая монета. *Ред.*

100 тысяч сикхов, и мы уже знаем, какой дерзостью они отличаются; сегодня, по их словам, они сражаются на стороне англичан, а завтра, быть может, они станут сражаться против них, как богу будет угодно. Храбрые, вспыльчивые, непостоянные, они еще скорее, чем прочие восточные племена, поддаются внезапным и неудержимым порывам. Если среди них начнется серьезное восстание, то англичанам будет очень трудно сохранить свое положение. Среди туземцев Индии сикхи всегда были самыми грозными противниками англичан; в прошлом они представляли сравнительно могущественное государство; они принадлежат к особой секте браминизма и одинаково ненавидят и мусульман и индусов. Теперь им пришлось увидеть британское владычество в состоянии крайней опасности; они значительно содействовали его восстановлению и даже уверены, что их роль в этом деле была решающей. Не будет ли вполне естественным, если у них зародится идея, что наступило время, когда британское владычество должно быть заменено владычеством сикхов, и что император-сикх должен управлять страной, имея столицей Дели или Калькутту? Возможно, что эта идея еще далеко не созрела среди сикхов, возможно, что они так искусно распределены в войсках, что их значение уравнивается европейцами и их восстание может быть легко подавлено; однако, то, что эта идея существует среди них, должно быть очевидно для всякого, кто читал сообщения о поведении сикхов после Дели и Лакнау.

Но пока что англичане снова завоевали Индию. Великое восстание, начавшееся бунтом бенгальской армии, повидимому, действительно утихает. Но это вторичное завоевание не усилило власти Англии над умами индийского народа. Жестокие репрессии со стороны английских войск, подстрекаемых преувеличенными и ложными рассказами о зверствах, якобы совершенных туземцами, и попытка оптом и в розницу конфисковать королевство Ауд явно не создали особой симпатии к победителям. Напротив, они сами признают, что как среди индусов, так и среди мусульман наследственная ненависть к незванным пришельцам-христианам теперь сильнее, чем когда-либо. Как ни бессильна эта ненависть в настоящее время, она не лишена важности и значения, пока грозное облако висит над сикхским Пенджабом. Но это еще не все. Две великие азиатские державы, Россия и Англия, в настоящее время обе держатся за один, лежащий между Сибирью и Индией пункт, где русские и английские интересы должны притти в непосредственное столкновение. Этот пункт — Пекин. В непродолжительном времени от этого пункта протянется на запад через весь азиатский континент линия, на которой постоянно будут происходить столкновения этих соперничающих интере-

сов. И, может быть, не так уж далеко то время, когда «сипай и казаки встретятся на равнинах Аму-Дарьи», и если это действительно случится, то антибританский гнев 150 тысяч индийских туземцев даст пищу для серьезных размышлений.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке
в середине сентября 1858 г.

Впервые напечатано в «New-York Daily Tribune», 1 октября 1858 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения,
т. XI, ч. I.

СТАТЬИ
ИЗ „НОВОЙ АМЕРИКАНСКОЙ
ЭНЦИКЛОПЕДИИ“

АРМИЯ⁵²

Армия — организованное объединение вооруженных людей, содержимое государством в целях наступательной или оборонительной войны. Из армий древнего мира первой, о которой мы имеем некоторые достоверные сведения, является армия Египта. Великая эпоха ее славы совпадает с царствованием Рамзеса II (Сезостриса), и рисунки и надписи на многочисленных памятниках его царствования, повествующие об ее подвигах, составляют главный источник наших сведений о постановке военного дела у египтян. Военная каста Египта делилась на два класса — «хермотибов» (*hermotybii*) и «каласиров» (*calasirii*); первый в лучшие времена насчитывал 160 000 человек, второй — 250 000. Эти два класса, повидимому, отличались друг от друга исключительно возрастом или продолжительностью службы, так что каласиры после определенного числа лет переходили в класс хермотибов, или в запас. Вся армия расселялась в виде военных поселений, причем каждый воин получал обширный участок земли в качестве вознаграждения за свою службу. Поселения эти были расположены, главным образом, в нижней части страны*, где можно было ожидать нападения со стороны соседних азиатских государств; лишь несколько поселений было основано по верхнему Нилу, так как эфиопы не являлись очень серьезным противником. Сила армии была в ее пехоте, в особенности — в ее лучниках. Помимо последних в ней имелись отряды пехотинцев, различно вооруженных и распределенных по батальонам в зависимости от вооружения: копейщики, прашники, воины, вооруженные мечом, воины, вооруженные палицей, и т. д. Пехота поддерживалась многочисленными боевыми колесницами, с двумя воинами на каждой; один был возницей, другой стрелял из лука. Конница на памятниках не встречается. Единичный рисунок, изображающий человека верхом на лошади, относят к римской эпохе, и, повидимому, правильно предпо-

* Т. е. в Северном Египте, в низовьях Нила. *Ред.*

жение, что применение лошади для верховой езды и конницы стало известно египтянам только благодаря их азиатским соседям. Единодушные сообщения древних историков по этому вопросу делают несомненным, что в позднейший период египтяне обладали многочисленной конницей, которая действовала, как и всякая вообще конница в древние времена, на флангах пехоты. Защитное вооружение египтян состояло из щитов, шлемов, нагрудников или кольчуг из различного материала. Их способ атаки укрепленной позиции обнаруживает многие из приемов и ухищрений, известных грекам и римлянам. Они имели черепаху * (*testudo*), таран, виною ** (*vinea*) и штурмовую лестницу; но утверждение сэра Г. Уилькинсона, что они также были знакомы с употреблением подвижных башен и умели вести подкопы стен, является простой гипотезой. Со времен Псамметиха египтяне содержали отряд греческих наемников, которые тоже были поселены в Нижнем Египте.

Ассирия дает нам самый ранний образец тех азиатских армий, которые свыше тысячи лет боролись за обладание странами между Средиземным морем и Индом. Здесь, как и в Египте, главным источником наших сведений служат памятники. Пехота изображается вооруженной подобно египетской, хотя лук, повидимому, имел меньшее значение, а оборонительное и наступательное оружие отличалось лучшей выделкой и более изящным внешним видом. Кроме того, здесь было больше разнообразия в вооружении ввиду большего протяжения империи. Копье, лук, меч и кинжал являются главным оружием. Ассирийцы в армии Ксеркса изображены также с окованными железом палицами. Защитное вооружение состояло из шлема (часто сделанного с большим вкусом), войлочной или кожаной кольчуги и щита. Боевые колесницы все еще составляли важную часть армии; в колеснице помещалось два человека, причем возница должен был покрывать щитом лучника. Многие из бойцов на колесницах изображены в длинных кольчугах. Кроме того, существовала и конница, с которой мы тут встречаемся впервые. На более ранних скульптурных памятниках всадник сидит на неоседланной лошади; позднее вводится нечто вроде подушки, а на одной скульптуре изображено высокое седло, схожее с употребляемым ныне на Востоке. Конница вряд ли значительно отличалась от конницы персов и позднейших восточных народов. Это была легкая, иррегулярная кавалерия, атакующая беспорядочными группами, легко отражаемая хорошо вооруженной стойкой пехотой, но

* Род навеса или крыши из щитов для защиты при осадных работах. *Ред.*

** Низкий навес при осадных работах из виноградных ветвей, покрытый дерном или влажными кожами. *Ред.*

грозная для приведенной в расстройство или разбитой армии. В соответствии с этим она изображалась в строю позади колесниц, бойцы которых, повидимому, составляли аристократический род войск. В тактике пехоты были сделаны, повидимому, некоторые успехи в смысле правильности движений и построения рядов. Лучники или сражались впереди, и тогда каждого из них прикрывал щитonosец, или же стояли в заднем ряду, и тогда первый и второй ряды, вооруженные копьями, пагубались или становились на колени, чтобы лучники могли стрелять. При осадах ассирийцы несомненно были знакомы с употреблением подвижных башен и ведением подкопов; а из одного места у пророка Езекиила можно, пожалуй, заключить, что они делали нечто вроде валов или искусственных холмов для того, чтобы господствовать над стенами осаждаемого города, — грубый зачаток римского *agger* (вала). Их передвижные и неподвижные башни подымались до уровня осаждаемой стены и выше, чтобы господствовать над нею. Они употребляли равным образом тараны и винеи, а так как их армии были многочисленны, то они отводили целые рукава рек в новое русло, чтобы получить доступ к слабому участку атакуемого места или воспользоваться сухим ложем реки, как проходом в осаждаемую крепость. Армии вавилонян были, повидимому, подобны ассирийским, но специальные подробности о них отсутствуют.

Персидская империя обязана своим величием своим основателям, — воинственным кочевникам нынешнего Фарсистана, народу наездников, у которого конница сразу заняла то преобладающее положение, которое она с тех пор занимала во всех восточных армиях вплоть до недавнего введения в них современного европейского обучения. Дарий Гистасп организовал постоянную армию, чтобы держать в повиновении завоеванные области, а также предупреждать частые восстания сатрапов, или гражданских губернаторов. В каждой провинции был, таким образом, свой гарнизон под отдельным командованием; укрепленные города занимались, кроме того, особыми отрядами. Расходы по содержанию этих войск должны были нести провинции. В эту постоянную армию входила также гвардия царя, 10 000 человек отборной пехоты («бессмертные», *athanatoi*), блиставшие золотом, сопровождаемые в походе длинными обозами повозок с гаремами и слугами, а также верблюдов с припасами; в царскую гвардию входило, кроме того, 1000 алебардистов, 1000 человек конной гвардии и многочисленные боевые колесницы, причем некоторые из них были вооружены косами. Для больших походов эти вооруженные силы признавались недостаточными, и производился общий набор во всех провинциях государства. Масса этих различных

отрядов образовывала подлинно восточную армию, составленную из самых разнообразных частей, которые отличались одна от другой вооружением и приемами боя; ее сопровождал громадный хозяйственный обоз и бесчисленное количество нестроевых. Присутствием этих последних мы должны объяснить громадную численность персидских армий, о которой говорят греки. Воины, в зависимости от своей национальности, были вооружены луками, дротиками, копьями, мечами, палицами, кинжалами, пращами и т. п. Контингент каждой провинции имел отдельного командира; эти контингенты, согласно Геродоту, повидимому, подразделялись на десятки, сотни, тысячи и пр., с офицерами во главе каждого десятичного подразделения. Командование крупными объединениями или крыльями армии обыкновенно предоставлялось членам царской семьи. В составе пехоты персы и другие арийские народы (мидяне и бактрыне) образовывали *élite* (отборную часть). Они были вооружены луками, копьями средних размеров и короткими мечами; голова прикрывалась чем-то вроде тюрбана, туловище защищалось одеждой, покрытой железными пластинками; щит большей частью был плетеный из ивовых прутьев. Однако эти *élite* (отборные), как и остальная персидская пехота, терпели полное поражение всякий раз, когда им приходилось иметь дело даже с самыми немногочисленными отрядами греков; ее неповоротливые и беспорядочные толпы были способны только к пассивному сопротивлению против зарождающейся фаланги Спарты и Афин; доказательством тому могут служить Марафон, Платея, Микале и Фермопилы⁵³. Боевые колесницы, которые в персидской армии появляются в последний раз в истории, могли быть полезны на совершенно ровной поверхности против такой пестрой толпы, какою была сама персидская пехота, но против плотной массы копейщиков, которую образовывали греки, или против легких войск, пользовавшихся неровностями местности, они были более чем бесполезны, так как малейшее препятствие останавливало их. Во время сражения лошади пугались и, не слушаясь возниц, топтали собственную пехоту. Что касается кавалерии, то более ранние периоды империи дают нам мало доказательств ее превосходства над пехотой. На Марафонской равнине, — удобной для кавалерии местности, — было 10 000 всадников, однако они не смогли прорвать ряды афинян. В позднейшую эпоху конница отличилась в сражении при Гранике⁵⁴, где, построенная в одну линию, она напала на головы македонских колонн, когда те поднимались на берег после перехода реки вброд, и опрокинула их прежде, чем они могли развернуться. Она также успешно противостояла в течение долгого времени авангарду Александра, находившемуся под командованием Птолемея, пока не подошли

главные силы и легкие войска не появились на ее флангах, после чего ей пришлось отступить ввиду отсутствия второй линии или резерва. Но в этот период персидская армия была усилена включением в нее греческого элемента в виде греческих наемников, которых, вскоре после Ксеркса, цари стали нанимать на службу, и кавалерийская тактика, примененная Мемноном в сражении при Гранике, отличается столь не-азиатским характером, что мы можем, даже при отсутствии достоверных сведений, смело приписать ее греческому влиянию.

Греческие армии являются первыми, об организации которых мы имеем обширные и точные сведения. Можно сказать, что вместе с ними начинается история тактики, в особенности тактики пехоты. Не останавливаясь на описании военной системы героического периода Греции, как она изображена Гомером, когда кавалерия была еще неизвестна, когда знать и вожди сражались на боевых колесницах или сходили с них для поединка с одинаково знатным противником и когда пехота, повидимому, была немногим лучше азиатской пехоты, — мы сразу перейдем к военным силам Афин в эпоху их наибольшего величия. В Афинах каждый свободнорожденный мужчина был обязан военной службой. Только лица, занимавшие определенные общественные должности, а в более ранний период — и четвертый, или беднейший, класс свободных, были изъяты из этой повинности. Это была система милиции в обществе, основанном на рабовладении. Каждый юноша по достижении 18 лет обязан был отбывать военную службу в течение двух лет, особенно по охране границ. В течение этого времени он полностью проходил военное обучение и в дальнейшем оставался военнороботным вплоть до 60 лет. В случае войны собрание граждан устанавливало число людей, подлежащих призыву; только в крайних случаях прибегали к *levée en masse* (*panstratia*) (всеобщее ополчение). Стратеги (*strategi*), в количестве десяти, ежегодно избиравшиеся народом, должны были производить набор этих войск и организовывать их, причем члены каждого племени составляли отряд под командой особого филарха (*phylarchos*). Филархи, так же как и таксиархи (*taxiarchi*) или командиры рот, тоже избирались народом. Все призванные составляли тяжело вооруженную пехоту — гоплитов (*hoplitae*), предназначенную для образования фаланги или глубокого линейного построения копейщиков, которые первоначально составляли всю вооруженную силу, а затем, после добавления легко вооруженных войск и кавалерии, оставались ее основным стержнем — частью, решавшей исход битвы. Фаланга строилась различной глубины; мы встречаем упоминания о фалангах глубиной в 8, 12, 25 шеренг. Вооружение гоплитов состояло из нагрудника или лат, щлема, овального щита, копья

и короткого меча. Сильной стороной афинской фаланги была атака; она славилась своим бешеным натиском, в особенности после того, как Мильтиад в сражении при Марафоне ввел такое ускорение шага во время наступления, что пехота устремлялась на врага бегом. Но в обороне афинскую фалангу превосходила спартанская, более массивная и более сомкнутая. Тогда как при Марафоне все войско афинян состояло из тяжело вооруженной фаланги в 10 000 гоплитов, при Платее они имели, кроме 8000 гоплитов, такое же число легко вооруженной пехоты. Громадная опасность персидских вторжений вызывала необходимость в расширении круга лиц, на которых распространялась воинская повинность; в списки был внесен беднейший класс тетов. Из последних формировались легко вооруженные войска — гимнеты (*gymnetae*), псилы (*psili*); они совсем не имели защитного вооружения или же имели один только щит и были снабжены копьем и дротиками. С расширением власти Афин их легко вооруженные войска были усилены контингентами союзников и даже наемными войсками. В армию были включены жители Акарнании, Этолии и Крита, славившиеся как стрелки из лука и прашники. Был сформирован промежуточный — между легко вооруженными и гоплитами — класс войск, пельтасты (*peltastae*), вооруженный подобно легкой пехоте, но способный захватывать и отстаивать позиции. Однако этот род войск получил значение только после Пелопоннесской войны⁵⁵, когда Ификрат реорганизовал его. Легко вооруженные войска афинян пользовались высокой репутацией за свою сообразительность и быстроту как в принятии боевых решений, так и в их исполнении. В некоторых случаях, — вероятно на пересеченной местности, — они с успехом противостояли даже спартанской фаланге. Афинская кавалерия была введена в то время, когда республика была уже богата и могущественна. Гористая поверхность Аттики была неблагоприятна для этого рода войск, но соседство Фессалии и Беотии, областей, богатых лошадьми и, следовательно, первых создавших конницу, скоро повело к введению ее и в других государствах Греции. Афинская конница, сперва насчитывавшая 300, затем 600 и даже 1000 всадников, составлялась из богатейших граждан и являлась постоянной частью даже в мирное время. Это был весьма полезный отряд, чрезвычайно бдительный, сообразительный и предприимчивый. Во время сражения конница, как и легко вооруженная пехота, обыкновенно помещалась на крыльях фаланги. В позднейшее время афиняне содержали также наемный отряд в 200 конных лучников — гиппотоксотов (*hippotoxotae*). Афинский воин до эпохи Перикла не получал никакой платы. Позже он стал получать 2 обола (кроме того, еще 2 обола на питание, которое воин

должен был сам добывать), а иногда даже гоплиты получали не больше 2 драхм. Командиры получали двойную плату; воины-кавалеристы — тройную, а старшие командиры — вчетверо большую. Одна только тяжело вооруженная конница обходилась в 40 талантов (40 000 долларов) в год в мирное время, а во время войны — значительно дороже. Боевое построение и способ борьбы были чрезвычайно просты; фаланга образовывала центр, причем воины выдвигали свои копья и прикрывали весь фронт рядом своих щитов. Они атаковывали вражескую фалангу параллельным фронтом. Если первому натиску не удавалось расстроить боевой порядок противника, то борьба врукопашную решала битву. В то же время легко вооруженные войска и кавалерия или атаковывали соответствующие войска противника, или старались действовать на фланге и в тылу фаланги противника и использовать малейшее замешательство, обнаруженное в ее рядах. В случае победы они предпринимали преследование, в случае поражения, по возможности, прикрывали отступление. Они употреблялись также для разведки и набегов, беспокоили врага в походе, в особенности когда ему приходилось проходить через ущелья, и пытались перехватывать его обозы и отставших. Таким образом, боевой порядок был чрезвычайно прост; фаланга всегда действовала как одно целое; ее подразделения на более мелкие группы не имели тактического значения; начальникам этих подразделений приходилось только наблюдать за тем, чтобы не нарушался порядок фаланги или чтобы он, по крайней мере, был быстро восстанавливаем. Выше на немногих примерах мы показали, какова была сила афинских армий во время персидских войн. В начале Пелопоннесской войны армия насчитывала 13 000 гоплитов для полевой службы, 61 000 (из самых молодых и самых старых солдат) для гарнизонной службы, 1200 всадников и 1600 лучников. Согласно подсчетам Бека, войско, посланное против Сиракуз, насчитывало 38 560 человек, отправленные затем подкрепления доходили до 26 000 человек, а всего было около 65 000. После полной неудачи этой экспедиции Афины были истощены не меньше, чем Франция после ее русской кампании 1812 г.

Из других государств Греции Спарта была *par excellence* (наиболее) военным государством. Если общее физическое воспитание афинян развивало ловкость вместе с физической силой, то спартанцы направляли свое внимание преимущественно на развитие силы, выносливости и смелости. Они выше ценили стойкость в рядах и чувство военной чести, чем сообразительность. Афинянин воспитывался так, как если бы ему предстояло сражаться среди легко вооруженных войск, хотя и в строго определенном месте; но он оказывался вполне при-

годным и в тяжелой фаланге; спартанец, напротив, воспитывался только для службы в фаланге. Отсюда очевидно, что пока фаланга решала исход боя, спартанец в конечном счете одерживал верх. В Спарте каждый свободный гражданин числился в списках армии с 20 до 60 лет. Эфоры (ephoroi) определяли число подлежащих призыву, которые обыкновенно набирались из людей среднего возраста, от 30 до 40 лет. Как и в Афинах, люди одного и того же племени или одной и той же местности зачислялись в одну и ту же часть войск. Организация армии основывалась на братствах (enomotiae), введенных Ликургом; два братства составляли пентекостис, два пентекостиса соединялись в лох (lochos), а 8 пентекостисов, или 4 лоха, составляли мору (мога). Такова была организация во время Ксенофонта; в предыдущие периоды она, повидимому, была иной. Численность моры определяют различно, от 400 до 900 человек; одно время она доходила, как утверждают, до 600 человек. Эти различные отряды свободных спартанцев составляли фалангу; образовывавшие ее гоплиты были вооружены копьем, коротким мечом и щитом, прикрепленным к шее. Позднее Клеомен ввел в употребление широкий карийский щит, закрепленный повязкой у локтя левой руки и оставлявший обе руки воина свободными. Спартанцы считали позорным для своих воинов возвращение после поражения без щита; сохранение щита служило доказательством того, что отступление было совершено в полном порядке и сплоченной фалангой, тогда как отдельные беглецы, спасая бегством свою жизнь, конечно, должны были бросать свои неуклюжие щиты. Спартанская фаланга обыкновенно имела восемь рядов в глубину, но иногда глубина ее удваивалась размещением одного крыла позади другого. Воины умели, повидимому, двигаться в ногу; применялись также некоторые простейшие перестроения, как, например, перемена фронта назад полуоборотом каждого воина, выдвижение или оттягивание одного из крыльев посредством захождения плечом и т. д., но, повидимому, они были введены только в позднейший период. В свои лучшие времена спартанская фаланга, как и афинская, знала только атаку параллельным фронтом. Дистанции между шеренгами фаланги поддерживались следующие: в походе 6 футов, во время атаки 3 фута, а при принятии атаки врага $1\frac{1}{2}$ фута. Армия находилась под командой одного из царей, который вместе со своей свитой (damosia) занимал место в центре фаланги. Впоследствии, когда число свободных спартанцев значительно уменьшилось, сила фаланги поддерживалась путем отбора из числа покоренных периеков (periaeokoi). Конница никогда не превышала 600 человек, разделенных на отряды по 50 человек (ulami). Она только прикрывала крылья фаланги.

Кроме того, был отряд в 300 всадников отборной спартанской молодежи, но в бою они спешивались и образовывали нечто вроде тяжело вооруженных телохранителей царя. Из легко вооруженных войск у спартанцев были скириты (*skiritae*) — жители горной местности вблизи Аркадии, которые обыкновенно прикрывали левое крыло фаланги; кроме того, гоплиты фаланги имели слуг — илотов, которые должны были играть роль зачинщиков боя; так, в сражении при Платее 5000 гоплитов привели с собою 35 000 легко вооруженных илотов, но в истории мы не находим никаких сведений об их действиях.

После Пелопоннесской войны простая тактика греков подверглась значительным изменениям. В сражении при Левктрах⁶⁶ Эпаминонду с небольшими силами фиванцев пришлось иметь дело с гораздо более многочисленной и дотоле непобедимой спартанской фалангой. Простая параллельная фронтальная атака здесь означала бы верное поражение, ибо оба крыла Эпаминонда подверглись бы охвату со стороны более длинного по фронту противника. Эпаминонд вместо того, чтобы наступать в линию, построил свою армию в глубокую колонну и двинулся против одного из крыльев спартанской фаланги, где помещался царь. Ему удалось прорвать линию спартанцев в этом решающем пункте; затем он завернул плечом свое войско и, двигаясь в обе стороны от прорыва, обошел прорванную линию фаланги, которая не могла образовать нового фронта, не расстраивая своего тактического порядка.

В сражении при Мантинее⁶⁷ спартанцы придали своей фаланге более глубокое построение, но фиванская колонна все-таки снова прорвала ее. Агезилай в Спарте, Тимофей, Ификрат, Хабриас в Афинах тоже ввели изменения в пехотную тактику. Ификрат улучшил пельтастов (*peltastae*), род легкой пехоты, способной, однако, в случае нужды сражаться в линейном строю. Они были вооружены небольшим круглым щитом, плотным полотняным нагрудником и длинным деревянным копьем. Когда фаланга находилась в положении обороны, Хабриас заставлял первые ряды ее становиться на колено для встречи неприятельской атаки. Были введены в употребление полные каре, а также другие колонны и т. п., и в соответствии с этим различные способы развертывания стали составной частью элементарной тактики. В то же время стали уделять больше внимания легко вооруженной пехоте всех видов; у варварских и полуварварских соседей греки заимствовали различные виды оружия, ввели конных и пеших лучников, пращников и др. Большинство воинов этого периода состояло из наемников. Богатые граждане, вместо того, чтобы самим выполнять свою повинность, считали для себя более удобным платить за заместителя. Характер фаланги, как преимущественно нацио-

нальной части армии, в которую допускались только свободные граждане государства, таким образом, изменился к худшему из-за этой примеси наемников, не имевших права гражданства. Незадолго до македонской эпохи Греция и ее колонии, подобно Швейцарии XVII и XVIII веков, являлись рынком для воинов-авантюристов и наемников. Египетские фараоны еще в раннюю эпоху сформировали отряд греческих войск. Впоследствии персидский царь придал своей армии известную устойчивость, включив в нее отряд греческих наемников. Вожди этих отрядов являлись настоящими кондотьерами, подобно кондотьерам Италии XVI века.

В течение этого периода были введены в употребление, особенно афинянами, различные военные машины для метания камней, дротиков и зажигательных снарядов. Уже Перикл пользовался некоторыми из таких машин при осаде Самоса⁶⁸. Осады велись посредством устройства вокруг осажденного города линии валов со рвами, брустверами, — линии, параллельной стенам города; при этом стремились разместить военные машины на господствующей позиции вблизи стен. Для разрушения стен обыкновенно прибегали к подкопам. При штурме колонна составляла синаспизм (*synaspismus*), т. е. наружные ряды держали щиты перед собою, а внутренние — над головами, образуя, таким образом, крышу для защиты от снарядов противника (у римлян это построение называлось *testudo* [черепаха]).

В то время как греческое военное искусство, таким образом, устремилось, главным образом, в сторону создания из гибкого материала наемных отрядов разного рода новых и искусственных формирований и в сторону усвоения или изобретения новых разновидностей легко вооруженных войск, в ущерб древней дорической тяжело вооруженной фаланге, которая в данную эпоху одна могла решить исход сражений, — выросла монархия, которая, усвоив все действительные улучшения, создала из тяжело вооруженной пехоты войско таких громадных размеров, что ни одна армия, с которой это войско сталкивалось, не могла противостоять его натиску. Филипп Македонский сформировал постоянную армию, состоявшую из 30 000 пехоты и 3000 кавалерии. Главную часть армии составляла громадная фаланга в 16 000 или 18 000 человек, построенная по принципу спартанской фаланги, но лучше вооруженная. Небольшой греческий щит был заменен длинным продолговатым карийским щитом, а копье средних размеров — македонской пикой (*sarissa*) в 24 фута длиною. Глубина этой фаланги колебалась при Филиппе от 8 до 10, 12, 24 рядов. При чрезвычайной длине пик каждая из шести передних шеренг, опуская пики, могла выдвигать их острия впереди первого

ряда. Стройное движение такого длинного фронта в 1000—2000 человек предполагает большое совершенство элементарного обучения, которым действительно непрерывно и занимались. Александр усовершенствовал эту организацию. Его фаланга обычно насчитывала 16 384 человека и состояла из 16 рядов в глубину, по 1024 человека в каждом; ряд из 16 человек назывался лохом (*lochos*) и находился под командой лохагоса, который стоял в переднем ряду. Два таких ряда составляли дилох, два дилоха — тетрарх, два тетрарха — таксиарх, два таксиарха — ксенагу, или синтагму, т. е. построение, имевшее 16 человек по фронту и 16 в глубину. Это была единица для перестроений; войска маршировали в колоннах по ксенагам, имея по фронту 16 человек. 16 ксенаг (составлявшие восемь пентекозиарх, или четыре хилиарха, или два теларха) составляли малую фалангу; две малых фаланги составляли дифалангарх, а четыре — тетрафалангарх, или собственно так называемую фалангу. Каждое из этих подразделений имело своего командира. Дифалангарх правого крыла называли головой, дифалангарх левого крыла — хвостом, или тылом. Всякий раз, когда требовалась чрезвычайная устойчивость, левое крыло занимало место позади правого, составляя фронт в 512 человек и 32 в глубину. С другой стороны, разворачиванием восьми задних шеренг влево от передних можно было удвоить протяжение линии фронта, уменьшив глубину до восьми шеренг. Промежутки между воинами были те же, что и у спартанцев, но сомкнутый строй был так плотен, что внутри фаланги отдельный воин не мог повернуться. Во время сражения интервалы между подразделениями фаланги не допускались: фаланга образовывала одну непрерывную линию, которая атаковывала врага *en tigeaille* (стеной). Фалангу составляли исключительно македонские добровольцы, хотя после завоевания Греции греки тоже могли входить в нее. Все воины состояли из тяжело вооруженных гоплитов. Кроме щита и пика они носили шлем и меч, хотя после атаки этого леса пик необходимость в рукопашном бое с помощью меча встречалась не очень часто. Но когда фаланге пришлось встретиться с римским легионом, положение оказалось совсем иным. Вся фаланговая система, с ранней дорической эпохи вплоть до падения Македонской империи, страдала одним крупным недостатком: ей не хватало гибкости. Если сражение разыгрывалось не на ровной и открытой местности, то эти длинные и глубокие линии не могли передвигаться в порядке и с точностью. Каждое встречное препятствие заставляло фалангу строиться в колонну, но в этом построении она не была пригодна к действию. Кроме того, фаланга не имела второй линии или резерва. Поэтому, если ей приходилось встречаться с армией, подразделе-

ленной на более мелкие части, приспособленной к обходу местных препятствий без нарушения своего боевого порядка и построенной в несколько линий, поддерживающих одна другую, — фаланга оказывалась беспомощной на неровной местности, где ее новый противник совершенно уничтожал ее. Но для таких противников, каких Александр имел перед собою в сражении при Арбелах⁶⁹, его две большие фаланги должны были казаться непобедимыми. Кроме тяжело вооруженной линейной пехоты, Александр располагал гвардией в 6000 гираспистов (*hygaspistae*), еще более тяжело вооруженных, имевших еще более крупные щиты и более длинные пики. Его легко вооруженная пехота состояла из аргираспидов (*argyraspidae*), с небольшими окованными серебром щитами, и многочисленных пельтастов; оба рода войск были организованы в полуфаланги, нормально численностью в 8192 человека; они могли сражаться либо в растянутом строю, либо в линейном, подобно гоплитам; их фаланга часто имела такой же успех. Македонская конница состояла из македонской и фессалийской знатной молодежи с добавлением позднее отряда всадников из собственно Греции. Она разделялась на эскадроны (*ilaе*), которых одна лишь македонская знать давала восемь. Конница эта представляла собою то, что мы назвали бы тяжелой кавалерией; она носила шлемы, латы с набедренниками из железных пластинок для защиты ног и была вооружена длинным мечом и пикой. Лошадь тоже носила железные налобники. Этот род кавалерии, катафракты (*cataphractae*), пользовался большим вниманием Филиппа и Александра; последний воспользовался ею для своего решающего маневра в сражении при Арбелах, когда он сперва разбил и подверг преследованию одно крыло персов, а затем, обойдя их центр, напал на тыл другого крыла. Конница эта производила атаку в различных строях: в линию, в обыкновенной прямоугольной колонне, в ромбовидной или клинообразной колонне. Легкая кавалерия не имела защитного вооружения, она была снабжена дротиками и легкими короткими копьями; существовал еще в македонском войске отряд акробалистов (*acrobalistae*), или конных лучников. Этот род войск служил для аванпостной службы, для патрулирования, разведки и вообще для иррегулярных военных действий. Он комплектовался из фракийских и иллирийских племен, которые, кроме того, давали несколько тысяч человек иррегулярной пехоты. Новым родом войск, изобретенным Александром и привлекающим наше внимание в силу того обстоятельства, что в новую эпоху он нашел подражание, были димахи (*dimachae*), конные войска, которые предназначались к бою как в конном, так и в пешем строю. Драгуны XVI и последующих столетий являются точной копией этих войск, как мы увидим в даль-

нейшем. Мы, однако, не располагаем никакими данными о том, что эта античная помесь кавалерии с пехотой удачнее справлялась со своей двойной задачей, чем современные драгуны.

Таков был состав армии, с помощью которой Александр завоевал страну между Средиземным морем, Оксусом * и Сет-леджем. Что касается ее численности, то в сражении при Арбелах она состояла из двух больших фаланг гоплитов (около 30 000 человек), двух полуфаланг пельтастов (16 000), 4000 конницы и 6000 иррегулярных войск, — в общем всего около 56 000 человек. В сражении при Гранике его войско всех родов оружия насчитывало 35 000 человек, в том числе 5000 конницы.

О карфагенской армии мы не знаем подробностей; споры вызывает даже количество сил, с которыми Ганнибал перешел через Альпы. Во внутреннем строении армий преемников Александра не было никаких улучшений; введение в дело слонов практиковалось лишь короткое время, так как, пугаясь огня, эти животные оказывались более опасными собственным войскам, чем врагу.

Позднейшие греческие армии (при Ахейской лиге ⁶⁰) были организованы частью по македонскому, частью по римскому образцу.

Римская армия представляет самую совершенную систему пехотной тактики, изобретенную в течение эпохи, не знавшей употребления пороха. Она сохраняет преобладание тяжело вооруженной пехоты в компактных соединениях, но добавляет к ней: подвижность отдельных небольших единиц, возможность сражаться на неровной местности, расположение нескольких линий одна за другой, отчасти для поддержки и отчасти в качестве сильного резерва, и, наконец, систему обучения каждого отдельного воина, еще более целесообразную, чем спартанская. Благодаря этому римляне побеждали любую вооруженную силу, выступавшую против них — как македонскую фалангу, так и нумидийскую конницу.

В Риме каждый гражданин, в возрасте от 17 до 45 или 50 лет, обязан был отбывать военную службу, если только он не принадлежал к самому низшему классу или не участвовал уже в 20 кампаниях пехотинцем или в 10 кампаниях кавалеристом. Но обыкновенно в войска отбирались только более молодые люди. Обучение воина было очень суровым и было рассчитано на развитие в нем всеми возможными способами физической силы. Бег, прыганье, скачки, лазанье, борьба, плавание — сперва без одежды, потом в полном вооружении — широко практиковались помимо регулярного обучения обра-
ще-

* Оксус — древнее название реки Аму-Дарья. Ред.

нию с оружием и различным движениям. Продолжительные марши в тяжелом походном порядке, причем каждый воин нес на себе от 40 до 60 фунтов, совершались с быстротой 4 миль в час. В военное обучение входило также обращение с окопным инструментом и быстрое устройство укрепленного лагеря. И не только новобранцы, но и легионы ветеранов должны были заниматься всеми этими упражнениями, чтобы сохранять телесную свежесть и гибкость и оставаться привычным к усталости и лишениям. Такие воины действительно были способны покорить мир.

В лучшие времена республики существовали две консульские армии, причем каждая состояла из двух легионов и из отрядов союзников Рима * (пехота той же численности, что и римская, конница — в двойном числе). Набор войск производился на общем собрании граждан в Капитолии или на Марсовом поле; из каждой трибы брали одинаковое число людей; эти рекруты поровну распределялись по четырем легионам, до полного их комплекта. Весьма часто в армию вновь вступали добровольцами граждане, освобожденные от службы по своему возрасту или в силу многочисленности сделанных ими кампаний. Рекруты приводились к присяге и отпускались до вызова. Когда их созывали, самых молодых и беднейших зачисляли в разряд велитов (*velites* [легко вооруженные]), следующая группа по возрасту и имущественному положению попадала в разряд хастатов (*hastati* [копейщики]) и принципов (*principes* [занимавшие когда-то первый ряд]), самые старшие и самые богатые назначались в разряд триариев (*triarii* [занимавшие третий ряд]). Каждый легион насчитывал 1200 велитов, 1200 хастатов, 1200 принципов, 600 триариев и 300 всадников, всего 4500 человек. Хастаты, принципы и триарии, каждый в отдельности, подразделялись на 10 манипулов, или рот, к каждому манипулу добавлялось одинаковое число велитов. Велиты (*corarii*, *accensi*, *ferentarii*) составляли легко вооруженную пехоту легиона и стояли на его крыльях, рядом с конницей. Хастаты образовывали первую, принципы — вторую линию; первоначально они были вооружены копьями. Триарии составляли резерв и были вооружены пилумом (*pilum*), коротким, но чрезвычайно тяжелым и опасным копьем, которое они бросали в передние ряды врага, непосредственно перед тем, как напасть на него с мечом в руке. Каждый манипул находился под командой центуриона, имевшего второго центуриона в качестве помощника. Старшинство центурионов опре-

* Римские союзники, или федераты, — часть населения древней Италии, подчиненная гегемонии Рима и находившаяся с ним в договорных отношениях. *Ред.*

делялось их положением в легионе; самым младшим был второй центурион последнего, или десятого, манипула хастатов, а самым старшим первый центурион первого манипула триариев (*primus pilus*), который в отсутствие командира легиона принимал на себя командование всем легионом. Обыкновенно *primus pilus* командовал всеми триариями, точно так же как *primus principis* (первый центурион первого манипула принципов) — всеми принципами, а *primus hastatus* — всеми хастатами легиона. В более раннюю эпоху легионом командовали по очереди его шесть военных трибунов; каждый из них в течение двух месяцев. После первой гражданской войны ⁶¹ во главе каждого легиона постоянными его начальниками были назначены легаты; трибуны теперь стали большей частью лицами, на которых возложены были штабные или административные обязанности. Различие в вооружении трех линий исчезло перед эпохой Мария. Пилум был дан всем трем линиям легиона и стал отныне национальным оружием римлян. Качественное различие между тремя линиями, поскольку оно раньше вызывалось возрастами и продолжительностью службы, вскоре тоже исчезло. В сражении Метелла против Югурты, согласно Саллюстию, в последний раз появились хастаты, принципы, триарии. Марий свел 30 манипулов легиона в 10 когорт и расположил их в две линии, по пять когорт в каждой. В то же самое время нормальная численность когорты была увеличена до 600 человек; первая когорта, находящаяся под командой *primus pilus*, несла «орла» легиона. Конница оставалась сгруппированной в турмы (*turmae*), по 30 воинов и по три декуриона в каждой, причем первый из них командовал турмой. Вооружение римской пехоты состояло из щита полуцилиндрической формы 4 футов длиною и 2½ шириною, сделанного из дерева, обтянутого кожей и укрепленного железными скрепами; в середине его была выпуклость (*umbo*) для парирования ударов копья. Шлем был медный, обыкновенно с удлинением назад для защиты шеи; укреплялся он на голове кожаными ремнями, покрытыми железными пластинками. Латы размером около квадратного фута были укреплены на кожном нагруднике чешуйчатыми ремнями, проходившими над плечом; у центурионов они состояли из кольчуги, покрытой медными пластинками. Правая нога, подверженная ударам меча при выдвигании ее вперед, защищалась медной пластиной. Кроме короткого меча, которым больше пользовались для того, чтобы колоть, чем рубить, солдаты имели пилум, тяжелое деревянное копьё 4½ футов длиною, с железным наконечником в 1½ фута, всего, следовательно, длиною около 6 футов, при 2½ квадратных дюймах в поперечнике деревянной части и около 10 или 11 фунтов весом. Брошенное на расстоянии

10—15 шагов, оно часто пробивало щиты и латы и почти всегда повергало противника. Велиты, легко вооруженные, имели легкие короткие дротики. В позднейший период республики, когда роль легко вооруженных войск перешла к вспомогательным войскам варваров, этот род войск исчез совершенно. Кавалерия была снабжена таким же защитным оружием, как пехота, — копьем и более длинным мечом. Но римская национальная конница была недостаточно хороша и предпочитала сражаться в пешем строю. В позднейшее время она была совсем упразднена, и ее заменили нумидийские, испанские, галльские всадники.

Тактическое расположение римских войск допускало значительную подвижность. Манипулы при построении отделялись друг от друга расстоянием, равным протяжению их фронта, глубина их колебалась от 5—6 до 10 рядов. Манипулы второй линии располагались за промежутками первой линии: триарии стояли еще дальше в тылу, но сплошным фронтом. Смотря по обстоятельствам, манипулы каждой линии могли сомкнуться и образовать сплошную линию, или манипулы второй линии могли продвинуться вперед и занять промежутки в первой линии, или, наконец, когда нужна была большая глубина, каждый из манипулов принципов примыкал к тылу соответствующего манипула хастатов, удваивая его глубину. Когда пришлось иметь дело со слонами Пирра, все три линии строились с промежутками, причем каждый манипул стоял в затылок другому, так что для животных оставался свободный проход через все боевое построение. Это построение во всех отношениях превосходило неуклюжую фалангу. Легион мог двигаться и маневрировать, не нарушая своего боевого порядка в такой местности, где фаланга не могла на это отважиться, не подвергаясь крайнему риску. Один или два манипула должны были иногда сокращать свой фронт, чтобы пройти мимо препятствия; но в несколько минут фронт мог быть восстановлен. Легион мог прикрыть весь свой фронт легко вооруженными войсками, так как последние могли отойти назад через промежутки между манипулами при продвижении вперед линии фронта. Но главное преимущество состояло в расположении войск в несколько линий, вводимых в дело одна вслед за другой, в зависимости от требований момента. В фаланге один удар решал дело, в резерве не было свежих войск, вводимых в бой в случае неудачи, — фактически такая возможность даже не предусматривалась. Легион мог завязать борьбу с противником по всему его фронту, пустив в ход свои легко вооруженные войска и кавалерию; он мог противопоставить движению его фаланги свою первую линию хастатов, которых не так-то легко было разбить, ибо надо было сперва разбить

поодиночке, по меньшей мере, 6 из 10 манипулов; он мог истощить противника, выдвинув принцип, и окончательно решить победу с помощью триариев. Таким образом войска и ход сражения оставались в руках полководца, тогда как фаланга, раз вступив в бой, оказывалась безвозвратно втянутой в него всеми своими силами и должна была выдерживать бой до конца. Если римский полководец хотел прервать сражение, то легионная организация позволяла ему занять позицию резервами, после чего ведущие бой войска могли отойти через промежутки и в свою очередь занять позицию. При всех обстоятельствах часть войск всегда находилась в полном порядке, ибо если даже триарии оказывались отброшенными, то две первые линии перестраивались за ними. Когда легионы Фламинина встретились на равнинах Фессалии с фалангой Филиппа, их первая атака была сначала отражена; но атака за атакой утомили македонян и ослабили сплоченность их построений; и всюду, где только стали обнаруживаться признаки расстройств, появлялся римский манипул, пытавшийся прорваться в неуклюжую массу. Наконец, когда 20 манипулов атаковали фалангу с флангов и с тыла, не стало возможности поддерживать тактическую связь; глубокое построение распалось на кучки беглецов, и сражение было проиграно.

Против конницы легион строился в *orbis* (круг), т. е. в своего рода каре, с обозом в центре. На походе, когда можно было ожидать атаки, легион строился в *legio quadrata* (четыреугольник), образуя удлиненную колонну с широким фронтом и с обозом в центре. Это было осуществимо, конечно, лишь на открытой равнине и притом только тогда, когда движение могло совершаться по открытой местности.

Во времена Цезаря легионы пополнялись по большей части добровольцами из Италии. После союзнической войны⁶² право гражданства, а вместе с ним и обязанность отбывать воинскую повинность были распространены на всю Италию, — и потому людей, пригодных для армии, теперь оказывалось гораздо больше, чем требовалось. Жалованье равнялось приблизительно заработку рабочего; рекруты поэтому являлись в изобилии, так что не было даже нужды прибегать к принудительному набору (*conscriptio*). Только в исключительных случаях легионы вербовались в провинциях; так, например, свой пятый легион Цезарь набрал в романской Галлии*, но впоследствии он *en masse* (целиком) получил право римского гражданства. Легионы далеко не достигали своей нормальной

* Т. е. в части Галлии (Транспаданская и Нарбоннская Галлия — северная Ломбардия и южная Франция), завоеванной римлянами еще до Цезаря. *Ред.*

численности в 4500 человек; так, легионы Цезаря редко насчитывали больше 3000. Предпочитали формировать из рекрутов новые легионы новобранцев (*legiones tironum*), нежели смешивать их с ветеранами в старых легионах; эти новые легионы на первых порах не допускались к сражению в открытом поле, и их употребляли, главным образом, для охраны лагеря. Легион делился на 10 когорт, по три манипула в каждой. Названия хастатов, принципов, триариев сохранилось, поскольку это было необходимо для обозначения ранга командиров согласно указанной выше системе; что же касается рядовых воинов, то для них эти наименования утратили всякое значение. Шесть центурионов первой когорты каждого легиона имели право участвовать в заседаниях военного совета. Центурионы назначались из рядовых солдат и редко получали права высшего командования; школой для высших офицеров служил личный штаб полководца, состоящий из молодых образованных людей, которые быстро повышались до чина военного трибуна (*tribunus militum*), а затем и до чина легата (*legatus*). Вооружение воина осталось прежнее — копье и меч. Помимо своего снаряжения, воин нес на себе личный багаж весом от 35 до 60 фунтов. Приспособление для ношения его было так неуклюже, что воин, чтобы быть готовым к бою, должен был сперва сложить свой багаж на землю. Лагерные принадлежности армии перевозились на лошадях и мулах, которых требовалось на легион до 500. Каждый легион имел своего орла, а каждая когорта свои знамена. Для легкой пехоты Цезарь отбирал из своих легионов определенное число людей (*antesignani*), одинаково пригодных как для службы в легких войсках, так и для боя в сомкнутом строю. Кроме них он имел свои провинциальные вспомогательные войска, критских лучников, балеарских пращников, галльские и нумидийские части и германских наемников. Конница его состояла частью из галльских, частью из германских войск. Римские велиты и конница исчезли за некоторое время до этого.

Штаб армии состоял из легатов (*legati*), назначаемых сенатом; они были помощниками полководца, который их использовал для командования отдельными соединениями или боевыми участками. Цезарь первый дал каждому легиону особого легата в качестве постоянного командира. Если нехватало легатов, то команду над легионом принимал на себя квестор (*quaestor*). Он собственно являлся казначеем армии и главою интендантства, и в этой должности ему помогали многочисленные чиновники и ординарцы. К штабу были прикомандированы военные трибуны (*tribuni militum*) и молодые добровольцы, упомянутые выше (*contubernales*, *comites praetorii* [состоящие в свите, сопровождающие штаб]), исполняющие обязанности

адъютантов, дежурных офицеров; но во время битвы они сражались в строю, наравне с простыми воинами, в рядах преторской когорты (*cohortes praetoriae*), состоявшей из ликторов, чиновников, слуг, лазутчиков (*speculatores*) и ординарцев (*apparitores*) главной квартиры. Полководец, сверх того, имел нечто вроде личной охраны, состоявшей из ветеранов, которые добровольно снова вступали в армию по призыву своего прежнего начальника. Этот отряд, в походе — на лошадях, но сражавшийся в пешем строю, считался отборной частью армии; он носил и охранял *vexillum* (отличительное знамя) * всей армии. Цезарь для боя строил армию обыкновенно в три линии: четыре когорты каждого легиона стояли в первой линии и по три когорты во второй и третьей линиях; при этом когорты второй линии становились за промежутками первой линии. Вторая линия должна была поддерживать первую; третья линия составляла общий резерв для решительных маневров против фронта или фланга противника и для отражения его решительного удара. Если случалось, что противник обходил фланги и вызывал этим необходимость удлинения линии фронта, то армия располагалась лишь в две линии. К построению в одну линию (*acies simplex*) прибегали лишь в случае крайней необходимости, и тогда не оставляли промежутков между когортами; при защите лагеря, однако, такое построение было общим правилом, так как линия все еще оставалась глубиною в 8—10 рядов и могла образовать резерв из людей, которые не могли поместиться на бруствере.

Август закончил дело превращения римских вооруженных сил в постоянную регулярную армию. Он распределил 25 легионов по всей империи, причем восемь были расположены по Рейну, — они считались «главной силой» (*praecipuum robur*) армии, три — в Испании, два — в Африке, два — в Египте, четыре — в Сирии и Малой Азии, шесть — в Дунайских странах. В Италии были расположены гарнизонами отборные войска, рекрутировавшиеся исключительно в самой Италии и составлявшие императорскую гвардию; последняя сначала состояла из 12, позднее из 14 когорт; кроме того, город Рим имел семь когорт муниципальной гвардии (*vigiles*), формировавшейся первоначально из освобожденных рабов. Кроме этой регулярной армии, провинции должны были попрежнему доставлять свои легко вооруженные вспомогательные войска, теперь большей частью сведенные к роли милиции для гарнизонной и полицейской службы. Но на находящихся под угрозой нападения границах пользовались для боевой службы не только этими вспомогательными войсками, но и иностранными наемниками.

* Небольшой штандарт с орлом и надписью. *Ред.*

Количество легионов возросло при Траяне до 30, при Септимиусе Севере — до 33. Легионы, кроме своих номеров, носили особые названия по месту своего расположения (*L. Germanica*, *L. Italica*), или по имени императора (*L. Augusta*), или по имени богов (*L. Primigenia*, *L. Appollinaris*), или присвоенные им как почетное отличие (*L. fidelis*, *L. pia*, *L. invicta*). Организация легиона подверглась некоторым изменениям. Командир его назывался теперь префектом. Первая когорта численно была удвоена (*cohors milliaria* [тысячная]), а нормальная численность легиона повышена до 6 100 человек пехоты и 726 человек конницы; это считалось минимумом, и в случае нужды к легиону добавлялась одна или более *cohortes milliariae*, т. е. когорт двойной численности. Эти *cohortes milliariae* находились под командой военного трибуна, остальные когорты — под командой трибунов или *praepositi* (начальников); чин *centurio* (центуриона), таким образом, стал теперь чином младших командиров. Общим правилом сделалось допущение в легионы рабов и вольноотпущенников, уроженцев провинций и вообще людей разного рода; римское гражданство требовалось только для преторианцев в Италии, но даже и здесь в дальнейшем отказались от этого требования. Таким образом, римская национальность в армии весьма скоро потонула в потоке варварских и полуварварских, романизованных и нероманизованных элементов; одни только командиры попрежнему были римского происхождения. Это ухудшение элементов, составлявших армию, весьма скоро отразилось на ее вооружении и тактике. Тяжелые латы и копье были отброшены; утомительная система обучения, создавшая победителей мира, пришла в упадок; лагерная прислуга и роскошь сделались для армии необходимыми; обоз (*impedimenta*) увеличивался параллельно с уменьшением силы и выносливости армии. Как и в Греции, упадок характеризовался пренебрежением к тяжело вооруженной линейной пехоте, нелепым придумыванием всякого рода легкого вооружения и заимствованием вооружения и тактики у варваров. Возникли бесчисленные виды легко вооруженных войск (*auxiliatores*, *exculcatores*, *jaculatores*, *excursatores*, *praecursatores*, *scutati*, *funditores*, *balistarii*, *tragularii*), вооруженные всевозможным метательным оружием, а Вегеций сообщает нам, что конница была улучшена в подражание готам, аланам и гуннам. В конце концов исчезло всякое различие в снаряжении и вооружении между римлянами и варварами, и германцы, физически и морально стоявшие выше, перешагнули через тела дероманизованных легионов. Таким образом, завоеванию Запада германцами противостоял лишь жалкий остаток, смутная традиция древней римской тактики; но даже и этот жалкий остаток был теперь уничтожен.

В отношении развития тактики все средневековые являются совершенно бесплодным периодом, каким оно было и для всех других наук. Феодальная система, будучи по самому своему происхождению военной организацией, тем не менее по существу своему была враждебна всякой дисциплине. Обычным явлением были восстания и отложения крупных вассалов вместе с их вооруженными силами. Отдача приказаний военачальникам превращалась обыкновенно в шумный военный совет, который делал невозможными какие бы то ни было широкие операции. Война поэтому редко сосредоточивалась на решающих пунктах; борьба за обладание одним каким-нибудь пунктом заполняла целые кампании. За весь этот период (не считая смутное время от VI до XII столетия) единственными крупными операциями являются экспедиции германских императоров против Италии и крестовые походы⁶³, причем как те, так и другие были одинаково безрезультатны.

Средневековая пехота, комплектовавшаяся из феодальной челяди и частью из крестьянства, состояла, главным образом, из копейщиков и большею частью ни на что не годилась. У рыцарей, покрытых с ног до головы железом, было любимым спортом въезжать поодиночке в эту незащищенную толпу и беспрепятственно ее уничтожить. Часть пехоты на континенте Европы была вооружена самострелами (арбалетами), тогда как в Англии национальным оружием крестьянства сделался длинный лук. Этот длинный лук был очень грозным оружием и обеспечил превосходство англичан над французами при Креон, Пуатье и Азинкуре⁶⁴. Легко защищаемый от дождя, который делал самострел на время непригодным, этот лук метал стрелу на расстояние свыше 200 ярдов, т. е. немногим меньше, чем дальность действия старого гладкоствольного мушкета. Стрела пробивала доску в дюйм толщиной и проходила даже сквозь латы. Благодаря этому длинный лук долго еще удерживал свое место даже против первого ручного огнестрельного оружия, тем более, что можно было выпустить шесть стрел за время, пока мушкет этой эпохи заряжался и производил один выстрел; и даже еще в конце XVI столетия королева Елизавета пыталась вновь ввести в качестве боевого вооружения национальный длинный лук. Он был особенно пригоден против кавалерии, стрелы, если даже вооружение всадников защищало от них, ранили или убивали лошадей, а спешенные рыцари оказывались неспособными к бою и обыкновенно захватывались в плен. Лучники действовали или в рассыпном, или в линейном строю. В средние века кавалерия являлась решающим родом войск. Сплошь покрытые доспехами рыцари, атакующие в правильном строю, были первым видом тяжело вооруженной кавалерии, какую мы встречаем в истории, так

как катафракты Александра, хотя они и решили исход боя при Арбелах, настолько были исключением, что после этого дня мы ни разу о них больше не слышим, и в течение всего остального периода древней истории пехота сохраняет на поле сражения свое преобладание. Единственный прогресс, таким образом, переданный нам средними веками, состоит в создании кавалерии, от которой по прямой линии происходит наша конница. И, однако, насколько неповоротлива была эта кавалерия, доказывает тот факт, что в течение всего средневековья кавалерия являлась тяжелым, медленно движущимся родом войск, тогда как вся легкая служба и быстрые движения выполнялись пехотой. Рыцари, впрочем, не всегда сражались сомкнутым строем. Они предпочитали вступать в боевые поединки один на один или же гнать своих лошадей в гущу вражеской пехоты; таким образом, способ ведения боя возвратился к гомеровским временам. Выступая сомкнутым строем, кавалерия атаковала или линейным фронтом (рыцари — в первом ряду, более легко вооруженные оруженосцы — во втором), или глубокой колонной. Подобная атака предпринималась, как правило, только против рыцарей неприятельской армии; против пехоты она была бы бесполезной растратой сил. Лошади, обремененные своей броней и броней своего всадника, могли двигаться лишь медленно и только на небольшие расстояния. Поэтому во время крестовых походов и в войнах с монголами в Польше и Силезии эта малоподвижная кавалерия все время находилась в состоянии крайнего утомления и в конце концов ее побеждала подвижная легкая конница Востока. В австрийской и бургундской войнах против Швейцарии рыцарям, попавшим в затруднительное положение в неудобной местности, приходилось спешиваться и образовывать фалангу, еще более неподвижную, чем македонская; в горных ущельях на них сбрасывали сверху обломки скал и стволы деревьев, в результате чего фаланга теряла свой тактический порядок и рассеивалась решительной атакой.

К XIV столетию был введен род более легкой кавалерии, и часть лучников, чтобы облегчить их маневрирование, была посажена на лошадей; но эти и подобные им изменения скоро сделались бесполезными, были оставлены или превратились в отрицательные черты благодаря введению того нового элемента, которому предстояло изменить всю систему ведения войны, — пороха.

От арабов, живших в Испании, знакомство с выработкой и употреблением пороха распространилось на Францию и на остальную Европу; сами арабы получили его от народов Дальнего Востока, которые, в свою очередь, заимствовали его от первоначальных изобретателей — китайцев. В первой половине

XIV столетия пушка была впервые введена в европейских армиях; это были тяжелые неповоротливые артиллерийские орудия, бросавшие каменные ядра и пригодные только для осадной войны. Однако скоро изобретено было мелкое огнестрельное оружие. Город Перуджия в Италии обзавелся в 1364 г. 500 штук ручного огнестрельного оружия, ствол которых был не более 8 дюймов в длину; они затем дали толчок производству пистолетов (названных так по городу Пистойя в Тоскане). Немного спустя стали выделять более длинное и более тяжелое ручное огнестрельное оружие — аркебузы (*arquebuses*), соответствующие нашему современному мушкету; но, имея короткий и тяжелый ствол, они стреляли лишь на ограниченное расстояние, а фитильный запал служил почти непреодолимым препятствием для точного прицеливания; кроме того, они отличались и всевозможными другими недостатками. К концу XVI столетия в Западной Европе уже не существовало войск, не имевших своей артиллерии и частей, вооруженных аркебузами. Но влияние нового оружия на общую тактику было весьма мало заметно. Как крупное, так и мелкое огнестрельное оружие требовало очень много времени для заряжания, а по своей неуклюжести и дороговизне не имело никаких преимуществ перед самострелом даже около 1450 г.

Между тем общее крушение феодальной системы и рост городов привели к изменениям в составе армий. Более крупные вассалы либо были подчинены центральной властью, как во Франции, либо превратились в якобы независимых суверенов, как в Германии и Италии. Сила более мелкой знати была сломлена центральной властью, действовавшей в союзе с городами. Феодальные армии перестали существовать, стали формироваться новые армии из многочисленных наемников, которым разложение феодализма дало свободу служить тому, кто будет им платить. Так возникло нечто подобное постоянным армиям; но эти наемники, люди всевозможных наций, которых трудно было держать в порядке и которым платили не очень аккуратно, совершали весьма большие бесчинства. Поэтому во Франции король Карл VII создал постоянные войска из местных уроженцев. В 1445 г. он произвел набор 15 ордонансовых рот* (*compagnies d'ordonnance*), по 600 человек в каждой, а всего 9000 кавалеристов, расположенных в городах королевства и аккуратно получавших жалованье. Каждая рота делилась на 100 пик (*lances*); пика состояла из латника, трех лучников, одного оруженосца и одного пажа. Таким образом, они образовывали соединение тяжелой кавалерии с верховыми

* Т. е. рот определенного штатного состава, согласно ордонансу, (указу) короля. *Ред.*

лучниками, причем оба эти рода оружия, разумеется, действовали в сражении отдельно. В 1448 г. он добавил 16 000 вольных лучников под командой четырех капитан-генералов, каждому из которых были подчинены восемь рот по 500 человек. Все лучники были вооружены самострелами. Они набирались и вооружались приходами и освобождались от всех налогов. Эти войска можно считать первой постоянной армией нового времени.

К концу этого первого периода развития современной тактики, в том ее виде, как она возникла из средневекового беспорядка, положение вещей сводилось приблизительно к следующему. Главная масса пехоты, состоявшая из наемников, была вооружена пиками и мечами, латами и шлемом. Сражалась она густыми, сомкнутыми массами, но, будучи лучше вооружена и обучена, чем феодальная пехота, проявляла в бою большую стойкость и порядок. Рекруты, набираемые путем регулярного набора, и наемники, бывшие профессиональными солдатами, стояли, понятно, выше случайно набранных рекрутов и беспорядочных толп феодальной челяди. Тяжело вооруженная кавалерия теперь иногда находила необходимым атаковать пехоту сомкнутым строем. Легко вооруженная пехота все еще состояла, главным образом, из лучников, но ружья стали применяться в схватках все больше. Конница все еще оставалась главным родом оружия; тяжелая кавалерия — всадники, закованные в железо, — уже не состояла обязательно из дворян и должна была перейти от своего прежнего рыцарского и гомеровского способа борьбы к более прозаическим атакам сомкнутым строем. Но неповоротливость такой кавалерии всеми теперь признавалась, и придумывалось много различных проектов создания более подвижного вида конницы. Конные лучники, как было упомянуто, должны были отчасти восполнить этот пробел; в Италии и соседних странах стали находить себе службу страдиоты (*stradioti*) — легкая кавалерия турецкого типа, состоявшая из боснийских и албанских наемников, — род башибузуков; ее очень боялись, особенно во время преследования. Польша и Венгрия, кроме тяжелой кавалерии, заимствованной у Запада, сохранили свою национальную легкую конницу. Артиллерия была еще в младенчестве. Тяжелые пушки того времени вывозились, правда, на поле сражения, но они не могли оставлять раз занятую позицию; порох был плохой, заряжались пушки с трудом и медленно, а каменные ядра выбрасывались лишь на короткое расстояние.

Конец XV и начало XVI столетий отмечены двойным прогрессом: французы усовершенствовали артиллерию, а испанцы придали новый характер пехоте. Карл VIII французский сде-

лал свои пушки настолько подвижными, что не только мог брать их с собой на поле сражения, но и менять их позицию во время боя и вести их за остальными войсками во время их передвижения, которое, впрочем, совершалось не очень быстро. Таким образом, Карл VIII явился основателем полевой артиллерии. Его пушки, поставленные на колесные лафеты и перевозимые большим количеством лошадей, неизмеримо превосходили старомодную неуклюжую артиллерию итальянцев (перевозимую быками) и производили такое опустошение в густых колоннах итальянской пехоты, что Макиавелли написал свое «Искусство войны», главным образом, для того, чтобы предложить строй, могущий уменьшить потери пехоты от действия такой артиллерии на пехоту. В сражении при Мариньяно⁶⁵ Франциск I французский разбил швейцарских пикейщиков благодаря действенному огню и подвижности этой артиллерии, которая с фланговых позиций стреляла вдоль по швейцарскому строю. Но господству пики в пехоте приходил конец. Испанцы улучшили обычное в то время ружье (arquebuse) и ввели его для регулярной тяжелой пехоты. Их мушкет (arquebutte) представлял собою тяжелое, длинноствольное оружие, с дулом для пуль в 2 унца весом, из которого стреляли с подставки, образуемой вилкообразным шестом. Пули мушкета пробивали самые толстые латы, а потому он приобрел решающее значение против тяжелой кавалерии, которая приходила в замешательство, как только всадники начинали падать. 10—15 мушкетеров присоединялись к каждой роте пикейщиков, и действие их огня при Павии⁶⁶ изумило как союзников, так и врагов. Фрундсберг передает, что в этом сражении один выстрел из мушкета выбивал из строя несколько человек и лошадей. С этого времени начинается превосходство испанской пехоты, длившееся свыше ста лет.

Война, вызванная восстанием Нидерландов⁶⁷, имела большое влияние на формирование армий. Испанцы и голландцы значительно улучшили все виды войск. До той поры каждый желавший вступить в наемную армию должен был являться вполне экипированным, вооруженным и умеющим пользоваться своим оружием. Но в этой длительной войне, продолжавшейся 40 лет, в небольшой стране скоро стало нехватать подходящих рекрутов этого рода. Голландцам приходилось довольствоваться теми физически годными добровольцами, которых они могли добыть, и правительство было поставлено перед необходимостью озаботиться их обучением. Мориц Нассауский составил первый строевой устав нового времени и этим заложил основы единообразного обучения целой армии. Пехота снова начала маршировать в ногу; она много приобрела в смысле однородности и сплоченности. Теперь она была сформирована в более

мелкие подразделения; роты, дотоле насчитывавшие от 400 до 500 человек, были уменьшены теперь до 150—200 человек, причем 10 рот составляли полк. Усовершенствованный мушкет вытеснил пикку; треть всей пехоты состояла из мушкетеров, соединенных в каждой роте с пикейщиками. Эти последние, нужные только для рукопашного боя, сохранили свои шлемы, латы и стальные рукавицы; мушкетеры освободились от всякого защитного вооружения. Пикейщики строились обыкновенно в два ряда, мушкетеры в 5—8 рядов; произведя залп, первый ряд отходил назад, чтобы снова зарядить свои мушкеты. Еще большие перемены имели место в тяжелой кавалерии, и здесь Мориц Нассауский сыграл такую же руководящую роль. Ввиду невозможности создать тяжелую кавалерию из одетых в броню всадников, он организовал легкую конницу, которую набрал в Германии, вооружив ее шлемом, кирасой, медными наручниками, стальными рукавицами и высокими сапогами; а так как, имея только копье, она не могла бы померяться с тяжело вооруженной испанской кавалерией, то он дал ей меч и длинные пистолеты. Этот новый вид кавалеристов, близкий нашим современным кирасирам, скоро доказал свое превосходство над значительно менее многочисленной и менее подвижной испанской тяжелой кавалерией, лошадей которой новая конница успевала пристрелить прежде, чем эта медленная масса успевала на нее обрушиться. Мориц Нассауский так же хорошо обучал своих кирасиров, как и пехоту; он достиг в этом таких успехов, что мог отважиться в сражении на перемену фронта и на другие движения мелкими и крупными частями. Альба тоже вскоре нашел необходимым улучшить свою легкую конницу; до того она была пригодна лишь для борьбы врассыпную и для единоборства, но под его руководством она скоро выучилась атаковать целыми частями, наподобие тяжелой кавалерии. Построение кавалерии оставалось попрежнему в 5—8 рядов. Около этого времени французский король Генрих IV ввел новый вид кавалерии — драгунов, т. е. вначале — род пехоты, посаженной на лошадей, исключительно в целях более быстрого передвижения; но уже через несколько лет после их введения ими стали пользоваться так же, как настоящей кавалерией, снабдив их соответственным снаряжением для этой двойной роли. Они не имели ни защитного вооружения, ни высоких сапог, но были снабжены кавалерийским мечом (палашом), а иногда и копьем; кроме того, они носили пехотные мушкеты или более короткие карабины. Войска эти, однако, не оправдали ожиданий, связанных с их сформированием; они скоро сделались частью регулярной кавалерии и перестали сражаться в качестве пехоты. Император Николай в России пытался возродить первоначальных

драгунов, сформировав корпус в 16 000 человек, пригодный для конной и пешей службы; но им ни разу не пришлось спешиться в бою, они всегда сражались как кавалерия, и корпус этот теперь расформирован и присоединен в качестве конных драгунов к остальной русской кавалерии.) В артиллерии французы сохранили достигнутое ими превосходство. Около этого времени ими был изобретен удлинитель (prolonge) *, а Генрих IV ввел картечь. Испанцы и голландцы тоже упростили и сделали более легкой свою артиллерию, но она все же осталась неповоротливой, и легкие подвижные пушки достаточного калибра, стреляющие на достаточную дистанцию, были еще неизвестны.

С Тридцатилетней войны⁶⁸ начинается период Густава-Адольфа, великого военного реформатора XVII столетия. Его пехотные полки состояли на две трети из мушкетеров и на одну треть из пикейщиков, а несколько полков состояли из одних только мушкетеров. Мушкеты делались настолько облегченными, что подставка при стрельбе из них стала излишней. Густав-Адольф ввел также бумажные патроны, которые значительно облегчили зарядание. Глубокое построение было упразднено; его пикейщики строились в шесть рядов, а мушкетеры только в три ряда. Эти последние обучались стрельбе повзводно и рядами. Неповоротливые полки в 2 000 или 3 000 человек были сведены к 1 300 или 1 400 человек, в составе восьми рот, причем два полка составляли бригаду. При помощи такого построения он побеждал густые массы своих противников, построенные часто в колонну или в каре, глубиной в 30 шеренг, причем его артиллерия производила среди них страшные опустошения. Кавалерия была реорганизована на тех же началах. Всадники в броне совсем были упразднены. Кирасиры были лишены медных наручников и других бесполезных частей своего защитного вооружения, что сделало их значительно более легкими и подвижными. Его драгуны сражались почти всегда как кавалеристы. И кирасиры и драгуны строились лишь в три шеренги, и им строго приказывалось не терять времени на стрельбу, а сразу атаковать с палашом в руке. Они были подразделены на эскадроны по 125 человек. Артиллерия была улучшена придачей ей легких пушек. Одно время прославились кожаные пушки Густава-Адольфа, но они удержались недолго. Они были заменены литыми чугунными 4-фунтовыми пушками, столь легкими, что их могли тащить две лошади; эти пушки были в состоянии

* *Prolonge* (пролонг) — канат с крюком и коленчатым рычажным соединением; употреблялся для перетаскивания лафета или для соединения его с передком. *Ред.*

давать шесть выстрелов в то время, пока мушкетер делал два выстрела; каждый полк пехоты получил по две таких пушки. Так было установлено деление полевой артиллерии на легкую и тяжелую; легкие пушки сопровождали пехоту, тогда как тяжелые оставались в резерве или занимали позицию на все время сражения. Армии этого времени начинают обнаруживать все возрастающее преобладание пехоты над кавалерией. В сражении при Лейпциге в 1631 г. Густав-Адольф имел 19 000 пехоты и 11 000 кавалерии, Тилли — 31 000 пехоты и 13 000 кавалерии. В сражении при Люцене у Валленштейна было 24 000 пехоты и 16 000 кавалерии (в 170 эскадронах). Число пушек также увеличилось с введением легких орудий; у шведов часто было от 5 до 12 орудий на каждую тысячу солдат; а в сражении на Лехе Густав-Адольф форсировал переправу через эту реку под прикрытием огня 72 тяжелых орудий⁶⁹.

В течение второй половины XVII и первой половины XVIII столетий, с введением во всеобщее употребление штыка, в пехоте были окончательно упразднены пики и всякое защитное вооружение. Это оружие, изобретенное в 1640 г. во Франции, должно было бороться против пики в течение 80 лет. Австрийцы первыми приняли его для всей своей пехоты, за ними пруссаки; французы удерживали пику до 1703 г., а русские — до 1721 г.⁷⁰ Кремневый замок к ружью, изобретенный во Франции около того же времени, что и штык, был к 1700 г. тоже постепенно введен в большинстве армий. Он существенно сокращал процедуру заряжания, защищал до известной степени порох на полке от дождя и этим много содействовал упразднению пики. Однако стрельба все еще производилась так медленно, что солдат за все сражение обыкновенно мог израсходовать не более 24—36 патронов; только во второй половине этого периода улучшение военных уставов, лучшее обучение и дальнейшее усовершенствование в конструкции ручного огнестрельного оружия (особенно железный шомпол, впервые введенный в Пруссии) позволили солдату стрелять с значительной быстротой. Это сделало необходимым дальнейшее уменьшение глубины построения, и пехота теперь стала строиться лишь в 4 шеренги. Был создан род отборной пехоты в виде гренадерских рот, первоначально предназначенных для бросания ручных гранат, прежде чем вступить в рукопашный бой, но скоро они стали сражаться с одними лишь мушкетами. В некоторых германских армиях уже во время Тридцатилетней войны были сформированы стрелки, вооруженные нарезными ружьями. Нарезное ружье было изобретено в Лейпциге в 1498 г. Этим оружием теперь пользовались наряду с мушкетом; им вооружались

лучшие стрелки в каждой роте; но вне Германии это оружие не пользовалось успехом. Австрийцы тоже создали род легкой пехоты, носившей название пандуров (pandours). Это были хорватские и сербские иррегулярные войска с турецкой военной границы, полезные при партизанской борьбе и преследовании, но бесполезные в сражении с точки зрения тактики того времени в силу абсолютного отсутствия у них выучки. Французы и голландцы создали для тех же целей иррегулярную пехоту, получившую название вольных рот (compagnies franches). Кавалерия тоже получила во всех армиях более легкое вооружение. Исчезли бронированные всадники; кирасиры сохранили лишь нагрудник (кирасы) и шлем; во Франции и Швеции были упразднены даже и кирасы. Все возрастающая действенность и скорость пехотного огня говорили против применения кавалерии. Вскоре было признано совершенно бесполезным для этого рода войск атаковать пехоту с палашом в руке; мнение о непреодолимости огневой линии стало настолько преобладающим, что считали и для кавалерии необходимым полагаться больше на карабин, чем на палаш. Таким образом, в течение этого периода часто случалось, что две линии кавалерии вели между собой огневой бой, точно пехота; считалось большой смелостью подбегать к врагу на 20 ярдов, давать залп и атаковать рысью. Однако Карл XII держался правил своего великого предшественника *. Его кавалерия никогда не останавливалась для стрельбы: она всегда атаковывала с палашом в руке, кто бы ни находился против нее — кавалерия, пехота, батареи и траншеи, — и всегда успешно. Французы тоже отказались от новой системы и полагались на один лишь палаш. Глубина построения кавалерии была снова уменьшена — с четырех до трех рядов. В артиллерии стало теперь общим явлением уменьшение веса орудий, пользование патронами и картечью. Другая крупная перемена состояла во включении этого рода войск в состав армии. До той поры хотя пушки и принадлежали государству, но люди, обслуживающие их, не были собственно солдатами, а составляли род гильдии, и артиллерия признавалась не особым родом войск, а ремеслом. Ее офицеры не имели соответственного чина в армии, и их считали более близкими к мастерам — портным и столярам, — чем к джентльменам с офицерским патентом в кармане. Однако около этого времени артиллерия была сделана составной частью армии и подразделена на роты и батальоны; артиллерийская прислуга превращена в постоянных солдат, а офицеры получили те же чины, что в пехоте и в кавалерии.

* Т. е. Густава-Адольфа. *Ред.*

Вызванные этой реформой централизация и устойчивость личного состава артиллерии проложили путь артиллерийской науке, которая при старой системе не могла развиваться.

Переход от глубокого построения к линейному, от пик к мушкету, от преобладания кавалерии к преобладанию пехоты постепенно завершился к тому времени, когда Фридрих Великий начал свои кампании и вместе с ними открыл классическую эру линейной тактики. Он строил свою пехоту в три шеренги и довел ее стрельбу до пяти выстрелов в минуту. В самых первых боях его при Мольвице⁷¹ эта пехота развернулась в линию и отразила беглым огнем все атаки австрийской кавалерии, которая только что привела в полное расстройство прусскую конницу; покончив с кавалерией, прусская пехота атаковала австрийскую, разбила ее и, таким образом, выиграла сражение. К построению в каре против кавалерии в крупных сражениях никогда не прибегали или пользовались лишь в тех случаях, когда пехота оказывалась застигнутой врасплох кавалерией на марше. В сражении крайние крылья пехоты, находясь под угрозой кавалерии, растягивались и погибали в форме буквы Г (*en potence*), и обычно это признавалось достаточным. В противовес австрийским пандурам Фридрих сформировал подобные же иррегулярные войска — пехоту и кавалерию, но никогда не полагался на них в боях, в которых они редко принимали участие. Медленное продвижение огневой линии решало его сражения. Кавалерия, бывшая в пренебрежении при его предшественнике*, ныне пережила полную революцию. Она строилась лишь в две шеренги, и стрельба была строго запрещена, кроме случаев преследования врага. Искусство верховой езды, которому до сих пор придавали мало значения, стало теперь культивироваться с величайшим вниманием. Все перестроения должны были производиться на полном ходу, и от солдат требовалась при этом крепкая посадка. Усилиями Зейдлица кавалерия Фридриха достигла совершенства, не превзойденного ни одной кавалерией, существовавшей в то время или когда бы то ни было раньше: ее лихой галоп, стройный порядок, стремительная атака и быстрота восстановления порядка не имеют себе равных и в кавалерии последующих времен. Артиллерия была настолько значительно облегчена, что некоторые из пушек крупного калибра не могли выдерживать полного заряда, и их пришлось впоследствии упразднить. Однако тяжелая артиллерия оставалась все еще весьма медлительной и неповоротливой в своих движениях, в силу своих плохих,

* Имеется в виду отец Фридриха II — прусский король Фридрих-Вильгельм I. *Ред.*

тяжелых лафетов и несовершенства организации. В сражении она сразу занимала свою позицию, а иногда меняла ее на другую, впереди, но никакого маневрирования не практиковалось. Легкая артиллерия — полковые пушки, присоединенные к пехоте, — размещалась впереди пехотной линии, в 50 шагах перед интервалами, образуемыми батальонами; она продвигалась вперед вместе с пехотой, причем пушки перетаскивались солдатами и открывали огонь картечью на дистанцию в 300 ярдов; количество орудий было очень значительно: от трех до шести пушек на каждую тысячу солдат.

Пехота, как и кавалерия, была подразделена на бригады и дивизии; но так как после завязки сражения войска почти совсем не маневрировали и каждый батальон должен был оставаться на своем месте в общей линии, то эти подразделения не имели тактического значения; что касается кавалерии, то бригадный генерал во время атаки мог в том или ином случае действовать под своей личной ответственностью; но в пехоте такие случаи не могли иметь места. Линейное построение — в центре пехота в две линии, на флангах кавалерия в две или три линии — представляло собой значительный прогресс сравнительно с глубоким построением прежних дней; такое построение развивало полную мощь пехотного огня, равно как и полный эффект кавалерийской атаки, позволяя одновременно действовать максимуму количеству людей; но самое его совершенство в этом отношении связывало армию в целом, как смиренная рубашка. Каждый эскадрон, батальон и орудие имели свое определенное место в боевом порядке, который не мог быть нарушен или в каком-либо отношении расстроен без того, чтобы это не отразилось на боеспособности целого. Поэтому в походе приходилось так все организовывать, чтобы при развертывании фронта армии для расположения лагерем или для боя каждое подразделение попадало бы точно на предназначенное ему место. Поэтому, если нужно было выполнить какой-либо маневр, то приходилось выполнять его всей армией целиком; выделять часть ее для фланговой атаки или создавать особый резерв для атаки слабого пункта подавляющими силами было бы невыполнимым и ошибочным со столь медлительными войсками, пригодными лишь для боя в линейном строю, и при таком негибком боевом построении. Движение вперед таких длинных линий совершалось в сражении с значительной медленностью, чтобы не нарушать равнения. Палатки всегда следовали за армией и разбивались каждую ночь; лагерь слегка окапывался. Войска снабжались продовольствием из складов, походные пекарни двигались по возможности следом за армией. Одним словом, багаж и весь вообще обоз армии был громад-

ный и затруднял ее движения в степени, неизвестной в настоящее время. Однако при всех этих недостатках военная организация Фридриха Великого была наилучшей для своего времени, и все остальные европейские правительства ревностно перенимали ее. Вербовка в войска почти всегда производилась путем добровольной записи, частично восполняемой насильственным уводом; и только после очень тяжелых потерь Фридрих прибег к принудительному набору в своих провинциях.

Когда началась война коалиции против Французской республики, французская армия была дезорганизована потерей своих офицеров и насчитывала менее 150 000 человек. Число врагов было значительно больше; возникла необходимость в новых наборах, которые и производились в громадных размерах в форме национальных волонтеров, число батальонов которых в 1793 г. было, по меньшей мере, 500. Войска эти не были обучены, да и не было времени обучать их сложной системе линейной тактики и до той степени совершенства, какая требовалась движением в линейных построениях. Все попытки померяться с противником в линейном построении оканчивались полным поражением, несмотря на численное превосходство французов. Стала необходимой новая система тактики. Американская революция показала, какие преимущества можно извлечь даже с плохо обученными войсками из рассыпного строя и при стрельбе из стрелковой цепи. Французы усвоили этот способ и поддерживали стрелковую цепь глубокими колоннами, в которых небольшой беспорядок приносил не так много вреда, пока масса держалась сплоченно. В таком построении французы бросали свои превосходящие численностью войска на противника и оказывались обыкновенно победителями. Это новое построение и отсутствие опытности у войск побуждали их сражаться на пересеченной местности, в деревнях и лесах, где они находили прикрытие от неприятельского огня и где линейное построение противника неизменно приходило в беспорядок; отсутствие у французов палаток, полевых пекарен и т. п. заставляло их располагаться бивуаком под открытым небом и жить тем, что давала им окружающая местность. Таким путем они достигали подвижности, неизвестной их противникам, обремененным палатками и всякого рода обозами. Когда революционная война создала, в лице Наполеона, человека, который превратил этот новый способ ведения войны в регулярную систему, сочетав ее с тем, что оставалось еще полезным в старой системе, и сразу довел новый метод до той степени совершенства, какую Фридрих придал линейной тактике, — тогда французы стали почти непобедимыми, пока их противники не научились у них

организовывать свои армии по новому образцу⁷². Основные черты новой системы оводились к следующему: восстановление старого принципа, что каждый гражданин, в случае нужды, подлежит призыву для защиты страны, и вытекающее отсюда формирование армии путем в большей или меньшей степени принудительного набора со всего населения, — это было изменение, которое сразу втрое увеличило среднюю численность армий сравнительно с эпохой Фридриха, причем в случае необходимости эта численность могла быть увеличена еще в большей степени; затем отказ от лагерных приспособлений и интендантских складов для питания войск, введение в практику бивуаков и принятие за правило, что война кормит войну. Быстрота действий и самостоятельность армии были, таким образом, увеличены в не меньшей степени, чем ее численность, благодаря всеобщей воинской повинности. В тактической организации сделалось правилом сочетание пехоты, кавалерии и артиллерии в подразделениях армии — в корпусах и дивизиях. Каждая дивизия сделалась, таким образом, маленькой армией, способной действовать самостоятельно и обладающей значительной силой сопротивления даже против численно превосходящего противника. Боевой порядок основывался теперь на применении колонны; колонна служила источником, из которого выделялись цепи стрелков и в которую они возвращались; она являлась компактной клинообразной массой, которую бросали против определенного пункта неприятельской линии; она служила формой приближения к противнику и последующего затем развертывания, если местность и обстановка боя делали желательным противопоставление противнику стрелковых линий. Взаимная поддержка трех родов войск была доведена до максимума сочетанием этих родов войск в небольшие отряды, а сочетание трех форм боя — в рассыпном строю, в линейном построении и в колонне — составило великое тактическое превосходство современных армий. Благодаря этому любая местность сделалась теперь пригодна для боя; и от полководца теперь, в первую очередь, требовалась способность быстро схватывать все выгоды и неудобства местности и соответственно им быстро располагать свои войска. И эти свойства, вместе с общей способностью к самостоятельному командованию, сделались ныне необходимыми не только для главнокомандующего, но и для подчиненных офицеров. Корпуса, дивизии, бригады, отдельные отряды постоянно попадали в положения, при которых их начальникам приходилось действовать под своей личной ответственностью; поле сражения уже не представляло собою длинных непрерывных линий пехоты, расположенной на обширной равнине, с кавалерией на флангах; теперь отдельные

корпуса и дивизии, построенные колоннами, стояли скрытыми за деревьями, дорогами или холмами, отделенные друг от друга значительными интервалами, тогда как лишь небольшая часть войск участвовала активно в завязке боя и в артиллерийском состязании, пока не наступал решительный момент. Линии боя растягивались с увеличением численности армий и с усвоением этого построения; отныне уже не было необходимости заполнять каждый промежуток в боевом распорядке линий войск, видимой противнику, ибо войска были под рукой и могли занять нужное место, когда это потребуется. Обход флангов сделался теперь обычной стратегической операцией; более сильная армия целиком вклинивалась между слабейшей армией и ее коммуникациями, так что одно поражение могло уничтожить всю армию и решить судьбу кампании. Излюбленным тактическим маневром был прорыв свежими войсками центра противника, как только положение дел обнаруживало, что он ввел в бой свои последние резервы. Резервы, которые при линейной тактике были бы неуместны и лишь ослабляли бы в решительный момент боевую силу армии, теперь превратились в главное средство для решения боя. Боевой порядок, растянутый по фронту, растягивался также в глубину: от стрелковой линии до позиции резервов было часто 2 мили и больше. Одним словом, если новая система требовала меньшей муштровки и парадной точности, то она делала необходимыми большую быстроту, большее напряжение сил, большую сообразительность от каждого, начиная с главнокомандующего и кончая рядовым стрелком в цепи; и каждое новое улучшение системы, производившееся со времени Наполеона, действовало в том же направлении.

Изменения в *matériel* (материальном снабжении) армий были за этот период незначительны; постоянные войны оставляли мало времени для таких улучшений, введение которых требует времени. Два весьма важных нововведения имели место во французской армии незадолго до революции: введение нового образца ружья уменьшенного калибра и с меньшим зазором*, а также изогнутого приклада вместо прямого, до сих пор бывшего в употреблении. Это оружие, выделявшееся с большою тщательностью, немало способствовало превосходству французских стрелков и оставалось образцом, по которому, с ничтожными отступлениями, выделялись ружья, бывшие в употреблении во всех других армиях, вплоть до введения замка с ударным приспособлением. Вторым нововведением было упрощение и улучшение артиллерии, произве-

* *Зазор* — разница между диаметром канала пушки или ружья и диаметром пули или снаряда. *Ред.*

денное Грибовалем. Французская артиллерия при Людовике XV находилась в полном пренебрежении: пушки были самых различных калибров, лафеты устарелые, а образцы, по которым они строились, не были однообразны. Грибовалю, который во время Семилетней войны⁷⁸ служил в австрийской армии и видел там лучшие образцы, удалось уменьшить число калибров, сделать более однообразными и улучшить образцы и значительно упростить всю систему. Свои войны Наполеон вел с его пушками и лафетами. Английская артиллерия, бывшая в наихудшем состоянии в то время, когда вспыхнула война с Францией, значительно улучшалась, хотя постепенно и медленно; в ней впервые появились однобрусные лафетные тележки, принятые потом во многих континентальных армиях, а также приспособление для посадки пеших артиллеристов на лафетных передках и зарядных ящиках. Конная артиллерия, введенная Фридрихом Великим, вызывала большое к себе внимание в течение всей наполеоновской эпохи, в особенности же со стороны самого Наполеона; и тогда же впервые была выработана свойственная ей тактика. Когда война закончилась, то оказалось, что англичане были сильнее всего в этом роде оружия. Из всех крупных европейских армий одна лишь австрийская заменила конную артиллерию батареями, в которых люди помещаются на повозках, предназначенных для этой цели.

Германские армии все еще сохраняли особый вид пехоты, вооруженной нарезными ружьями, и новая система боя в рассыпном строю давала этому оружию новое преимущество. Это оружие получило особенное распространение, и в 1836 г. его переняли французы, которые нуждались в дальнобойном ружье для Алжира. Сначала были сформированы венсенские стрелки (*tirailleurs de Vincennes*), а затем — пешие егеря (*chasseurs à pied*); оба рода войск были доведены до небывалого совершенства. Их создание послужило толчком для значительных усовершенствований нарезного ружья, благодаря которым в необычайной степени возросли как дальнобойность, так и точность стрельбы. Эти успехи прославили имена Дельвина, Тувенена, Минье. Для всей пехоты замок с ударным приспособлением был введен в большинстве армий между 1830—1840 гг., по обыкновению последними оказались англичане и русские. В то же время в различных странах делались большие усилия еще больше усовершенствовать мелкое огнестрельное оружие и создать еще более дальнобойное ружье, которым можно было бы вооружить всю пехоту. Пруссак ввели игольчатое нарезное ружье, заряжавшееся с казенной части и способное к очень скорой стрельбе, притом отличающееся дальнобойностью; изобретение это, первоначально сде-

ланное в Бельгии, было ими значительно усовершенствовано. Это ружье было дано на вооружение всех легких батальонов прусской армии; остальная часть пехоты незадолго до того была снабжена своими старыми ружьями, превращенными при помощи легкой переделки в винтовки системы Минье. Англичане оказались на этот раз впереди, снабдив всю свою пехоту усовершенствованными ружьями, т. е. винтовками Энфильда, представлявшими собою небольшое изменение модели Минье; их превосходство было вполне доказано в Крыму и спасло англичан при Инкермане.

В тактической системе никаких значительных изменений для пехоты и кавалерии сделано не было, если не считать крупного улучшения в тактике легкой пехоты у французов введением *chasseurs* (егерей) и новой прусской системы ротных колонн, каковое построение, может быть, с некоторыми изменениями, скоро, без сомнения, станет общепринятым в силу своих больших тактических преимуществ. Русские и австрийцы сохраняют еще построение в три шеренги, англичане еще со времен Наполеона строились в две; пруссаки строятся в походе в три шеренги, но сражаются большей частью в две, в то время как третья образует стрелковую цепь и ее поддержку; французы, до сих пор строившиеся в три шеренги, в Крыму сражались в две, и это построение ныне вводится во всей армии. Что касается кавалерии, то русский опыт восстановления драгунов XVII века и его неуспех уже упомянуты выше.

В артиллерии во всех армиях имели место значительные улучшения в деталях и в упрощении калибров, образцов колес, лафетов и т. д. Артиллерийская наука значительно подвинулась вперед. Однако никаких серьезных перемен не произошло. Большинство континентальных армий снабжены 6- и 12-фунтовыми орудиями; пьемонтская — 8- и 16-фунтовыми, испанская — 8- и 12-фунтовыми; французская армия, до сих пор имевшая 8- и 12-фунтовые пушки, теперь вводит так называемую гаубицу Луи-Наполеона, простое легкое 12-фунтовое орудие, могущее стрелять также и небольшими гранатами и предназначенное заменить все другие виды полевых орудий. Британская армия имеет в своих колониях 3- и 6-фунтовые орудия, но в войсках, отправляемых из Англии, теперь употребляются только 9-, 12- и 18-фунтовые. В Крыму англичане имели даже полевую батарею 32-фунтовых орудий, но она всегда вязла в земле.

Организация современных армий всех стран весьма сходна. За исключением британской и американской, они комплектуются принудительным набором; при этом существуют две системы: одна, основанная на конскрипции (*conscription*),

состоит в том, что взятые в армию, отслужив в ней определенный срок, отпускаются на всю жизнь; другая, основанная на системе резервов, состоит в том, что срок действительной службы короток, но уволенные в запас подлежат в дальнейшем опять призыву под знамена на известный срок. Франция представляет собою наиболее яркий пример первой системы, Пруссия — второй. Даже в Англии, где как регулярные войска, так и милиция обычно пополняются добровольцами, принудительный набор (*conscription*), или жеребьевка (*ballot*), предписывается законом для милиции в том случае, если не хватает добровольцев. В Швейцарии совсем нет постоянной армии; вся вооруженная сила ее состоит из милиции, обучающейся лишь короткое время. Вербовка иностранных наемников до сих пор еще остается правилом в некоторых странах; Неаполь и папа и поныне имеют свои швейцарские полки, французы — иностранный легион, и Англия в случае серьезной войны обычно вынуждена прибегать к этому средству. Срок действительной службы весьма различен; продолжаясь от нескольких недель у швейцарцев, от 18 месяцев до 2 лет в небольших германских государствах, до 3 лет в Пруссии, он доходит до 5—6 лет во Франции, 12 лет — в Англии и 15—25 лет — в России. Офицеры комплектуются различными способами. В большинстве армий в настоящее время не существует никаких юридических препятствий к производству в офицеры из рядовых, но на практике таких препятствий очень много. Во Франции и Австрии часть офицеров должна назначаться из сержантов; в России отсутствие достаточного количества образованных кандидатов делает это необходимым. В Пруссии экзамен, требующийся в мирное время для получения офицерского чина, служит преградой для людей, не получивших соответствующего образования; в Англии повышение в офицерский чин из рядовых является редким исключением. Для остальной части офицеров в большинстве стран существуют военные школы, хотя, за исключением Франции, проходить их не обязательно. В отношении военного образования идут впереди французы, в отношении образования общего — пруссаки; англичане и русские в том и другом отношении стоят ниже всех.

Что касается необходимых для армий лошадей, то, как нам кажется, Пруссия представляет собою единственную страну, в которой конский состав тоже подлежит принудительному набору, причем владельцы лошадей получают за них определенную плату.

За указанными выше исключениями, вооружение и снаряжение современных армий в настоящее время повсюду почти одинаковы. Существует, разумеется, большое различие в ка-

честве и отделке материальной части армии. В этом отношении русские стоят на последнем месте, а англичане, поскольку ими действительно использованы преимущества развитой индустрии, стоят выше всех. Пехота во всех армиях разделяется на пехоту линейную и легкую. Теперь правилом является первая и составляет основную массу пехоты; настоящая легкая пехота всюду является исключением. Французская легкая пехота в настоящее время является лучшей по качеству и наиболее многочисленной; она насчитывает 21 батальон егерей, 9 — зуавов и 6 — алжирских туземных стрелков. Австрийская легкая пехота, особенно карабинеры, тоже очень хороша; ее имеется 32 батальона. Пруссаки имеют 9 батальонов карабинеров и 40 легкой пехоты; последняя, однако, недостаточно приспособлена для своего специального назначения. У англичан нет настоящей легкой пехоты, если не считать 6 батальонов карабинеров; английская легкая пехота, как и русская, несомненно наименее пригодна для этого рода службы. О России можно сказать, что она вообще обходится без какой бы то ни было легкой пехоты, ибо ее 6 батальонов карабинеров теряются в ее громадной армии.

Кавалерия повсюду тоже подразделяется на тяжелую и легкую. Кирасиры всюду относятся к тяжелой кавалерии, гусары, конные егеря, конные стрелки всегда образуют кавалерию легкую. Драгуны и уланы в некоторых армиях считаются легкой кавалерией, в других — тяжелой, русские не имели бы совсем легкой кавалерии, не будь у них казаков. Наилучшей легкой кавалерией является, несомненно, австрийская, — национальные венгерские и польские гусары.

Такое же подразделение существует и в артиллерии, за исключением французской, где, как указано выше, имеется лишь один калибр. В других армиях до сих пор еще сохраняются легкие и тяжелые батареи в зависимости от калибра орудий, приданных им. Легкая артиллерия все еще делится на конную и пешую, причем первая предназначается для действий совместно с кавалерией. Австрийцы, как указано, не имеют конной артиллерии; английская и французская армии не знают, собственно, пешей артиллерии, так как орудийная прислуга посажена на передки и зарядные ящики.

Пехота формируется в роты, батальоны, полки. Батальон является тактической единицей; он служит формой, в которой войска ведут бой, если не считать немногих исключительных случаев. Поэтому батальон не должен быть настолько велик, чтобы это затрудняло его командиру управление голосом и сигналами, и не настолько малочисленным, чтобы это не позволяло ему действовать в бою в качестве самостоятельной части, даже после потерь, понесенных в течение кампании. По-

этому численность батальона колеблется от 600 до 1 400 человек; в среднем он включает 800—1 000 человек. Подразделение батальона на роты имеет целью закрепление его маневренных подразделений, лучшее обучение солдат и более удобное хозяйственное управление. На практике роты играют роль самостоятельных единиц только в стычках, а у пруссаков — при построении в ротные колонны, когда каждая из четырех рот образует колонну в три взвода; это построение предполагает наличие больших рот, и в Пруссии они действительно насчитывают 250 человек. Количество рот в батальоне колеблется, как и их численность. Английский батальон имеет 10 рот, по 90—120 человек, русский и прусский батальоны — 4 роты по 250 человек, французский и австрийский — 6 рот различной численности. Батальоны сводятся в полки, больше в административных и дисциплинарных целях, а также для обеспечения единообразия обучения, чем с тактической целью; поэтому в военное время батальоны одного и того же полка часто отделяются друг от друга. В России и Австрии в каждом полку имеется 4, в Пруссии — 3, во Франции — 2 строевых батальона, не считая запасного батальона (*dépôts*) для каждого полка; в Англии большинство полков в мирное время состоит лишь из одного батальона. Кавалерия разделена на эскадроны и полки. Эскадрон, численностью от 100 до 200 человек, составляет тактическую и административную единицу; одни лишь англичане подразделяют эскадрон в административных целях на два взвода (*troops*). В полку обычно насчитывается от 3 до 10 строевых эскадронов; у англичан в мирное время в полку имеется 3 эскадрона по 120 лошадей в каждом, в прусской армии — 4 эскадрона по 150 лошадей, во французской — 5 эскадронов по 180—200 лошадей, в Австрии — 6 или 8 по 200 лошадей, в России — от 6 до 10 по 150—170 лошадей. В кавалерии полк имеет определенное тактическое значение, ибо он представляет средство для самостоятельной атаки, причем эскадроны поддерживают друг друга, и потому он формируется достаточной силы, в составе, например, от 500 до 1 600 лошадей. Только у англичан полки так слабы численностью, что они оказываются вынужденными соединять четыре или пять таких полков в одну бригаду; с другой стороны, австрийские и русские полки во многих случаях столь же сильны численно, как бригада среднего состава. Французы имеют номинально очень сильные полки, но они появлялись до сих пор на поле сражения в значительно меньшем составе, что объясняется недостатком у них лошадей.

Артиллерия формируется в батареи; формирование в полки или бригады практикуется для этого рода оружия только в мирное время, ибо в военное время батареи почти во всех

случаях оказываются отделенными друг от друга и используются именно таким способом. Наименьшее количество орудий в батарее — 4, но у австрийцев оно доходит до 8, французы и англичане имеют по 6 орудий на батарее.

Карабинеры и острая, действительно легкая, пехота организованы обычно только в батальоны и роты, а не в полки; характер этого рода войск препятствует их объединению в большие части. То же самое относится и к саперам, и к инженерным войскам, которые составляют вдобавок лишь весьма незначительную часть армии. Одни французы представляют в данном случае исключение; но их 3 полка саперов и минеров насчитывают всего лишь 6 батальонов.

В мирное время в большинстве армий обычно высшей единицей считается полк. Более крупные соединения — бригады, дивизии, армейские корпуса — организуются, в большинстве случаев, когда вспыхивает война. Только русская и прусская армии вполне организованы, и в них все высшие командные посты заняты, как во время войны. Но в Пруссии это имеет чисто формальное значение до тех пор, пока не произведена мобилизация, по крайней мере, целого армейского корпуса, что предполагает призыв ландвера целой провинции; и если в России крупные войсковые части действительно имеют полный комплект полков, то все же последняя война обнаружила, что первоначальные дивизии и корпуса весьма скоро оказывались перемешанными, так что выгоды такой организации сказывались скорее для мирного, чем для военного времени.

Во время войны несколько батальонов или эскадронов соединяются в бригаду — от 4 до 8 батальонов в пехоте и от 6 до 20 эскадронов в кавалерии. Там, где существуют крупные кавалерийские полки, последние легко могут заменять бригаду; но обыкновенно их численность уменьшается выделением частей для дивизий. Легкая и линейная пехота могут быть с некоторой выгодой соединены в одной бригаде, но этого нельзя сделать в отношении легкой и тяжелой кавалерии. Австрийцы почти всегда придают каждой бригаде по одной батарее. Несколько бригад образуют дивизию. В большинстве армий дивизия состоит из всех трех родов оружия, например: из 2 бригад пехоты, из 4—6 эскадронов кавалерии и 1—3 батарей. Французы и русские совсем не вводят кавалерию в состав своих дивизий, англичане формируют их исключительно из пехоты. Поэтому, если эти нации не хотят вести борьбу в невыгодных для себя условиях, они вынуждены во время военных действий присоединять кавалерию (и соответственно артиллерию) к дивизиям, а это легко может быть упущено или бывает часто неудобно или невозможно выполнить. Пропорция дивизионной кавалерии, однако, повсюду не-

значительна, а потому остальная часть этого рода войск формируется в кавалерийские дивизии, в составе двух бригад каждая, с целью иметь кавалерийский резерв.

Две или три дивизии, иногда четыре, составляют в более крупных армиях армейский корпус. Такой корпус всегда имеет свою кавалерию и артиллерию, даже тогда, когда дивизии их не имеют; а в тех случаях, когда последние представляют собою смешанные формирования, все же оставляется резерв из кавалерии и артиллерии, находящийся в распоряжении командующего корпусом. Наполеон первый создал такой корпусный резерв и, не довольствуясь этим, организовал всю оставшуюся кавалерию в резервный кавалерийский корпус, из двух или пяти дивизий кавалерии с придачей конной артиллерии. Русские сохранили такую же организацию для резервной кавалерии; остальные армии, повидимому, вновь усвоят ее в случае серьезной войны, хотя эффект, достигнутый этой организацией, никогда еще не соответствовал той громадной массе всадников, которая таким образом сосредоточивалась в одном месте.

Такова современная организация боевой части армии. Но, несмотря на упразднение палаток, полевых пекарен и провиантских фургонов, армию все еще сопровождает большой обоз из нестроевых и повозок, необходимый для обеспечения боевой силы армии во время кампании. Для того, чтобы дать об этом некоторое представление, мы укажем здесь, какой обоз, согласно существующим уставам, требуется для одного армейского корпуса прусской армии.

Артиллерийский парк: 6 парковых колонн по 30 повозок, 1 лаборатория на 6 повозках.

Понтонный парк: 34 понтонных повозки, 5 повозок с инструментами, 1 кузница.

Пехотный обоз: 116 повозок, 108 запряжек лошадей.

Врачебный обоз: 50 повозок (на 1 600 или 2 000 больных).

Резервный интендантский обоз: 159 повозок.

Резервный обоз: 1 повозка, 75 запасных лошадей.

Всего 402 повозки, 1 791 лошадь, 3 000 человек.

Чтобы дать возможность командующим армиями, армейскими корпусами и дивизиями руководить, каждому в его офицере, вверенными им войсками, во всех армиях, кроме британской, сформирован особый корпус, состоящий исключительно из офицеров и называемый штабом. В задачу этих офицеров входит разведка и съемка местности, по которой совершается или может совершаться передвижение армии; помощь в выработке плана операций и такой детальной его разработке, чтобы войска не теряли времени, чтобы не возникало беспорядка, не происходило ненужного утомления войск. Эти

офицеры, таким образом, занимают весьма важное положение и должны обладать вполне законченным военным образованием, с полным знанием того, на что способен каждый род войск в походе и в бою. Поэтому во всех странах они набираются из числа наиболее способных лиц и тщательно обучаются в высших военных школах. Только англичане воображают, что любой младший армейский офицер пригоден для такой должности; в результате этого английские штабы стоят на низком уровне, армия же способна выполнять лишь самые медленные и простые маневры, между тем как командир, если он отличается вообще добросовестностью, вынужден сам проделывать всю штабную работу. Дивизия редко может располагать более чем одним штабным офицером; армейский корпус имеет свой собственный штаб под управлением старшего или штабного офицера, а армия располагает целым штабом с несколькими генералами, находящимися под управлением особого начальника, который в случаях необходимости отдает приказания именем командующего армией. В британской армии начальнику штаба подчинены генерал-адъютант и генерал-квартирмейстер; в других армиях генерал-адъютант является в то же время начальником штаба. Во Франции начальник штаба соединяет в своем лице обе эти должности и для каждой из них имеет в своем ведении особое управление. Генерал-адъютант является начальником *personnel* (личного состава) армии; он получает отчеты от всех подчиненных отделов и армейских частей и ведает всеми делами, относящимися к дисциплине, обучению, формированию, снаряжению, вооружению и т. п. Все подчиненные лица сносятся с командующим армией через его посредство. Если он совмещает и должность начальника штаба, то вместе с командующим армией составляет и разрабатывает план операций и движений армии. Дальнейшая разработка последних в деталях относится к обязанностям генерал-квартирмейстера: им готовятся все подробности маршей, расквартирования, лагерей. К главной квартире прикомандировано достаточное количество штабных офицеров для разведки местности, для составления проектов обороны или атаки позиций и т. п. Кроме того, существуют еще должности главного начальника артиллерии и старшего инженерного офицера; затем имеется несколько помощников начальника штаба, представляющих начальника штаба в различных пунктах поля сражения, и некоторое количество адъютантов и ординарцев для передачи приказов и депеш.

К главной квартире прикомандировывается также начальник интендантства с его чиновниками, казначей армии, начальник врачебно-санитарной части и главный прокурор или

начальник военно-судебной части. Штабы армейских корпусов и дивизий формируются по этому же образцу, но значительно проще и с меньшим количеством personnel (личного состава); штабы бригад и полков еще менее многочисленны, а штаб батальона может состоять лишь из командира батальона, его адъютанта, одного офицера, выполняющего обязанности казначея, сержанта в качестве писаря, барабанщика или горниста.

Для поддержания в полной готовности вооруженных сил крупной нации требуются многочисленные учреждения, кроме уже названных. Существуют чиновники для производства наборов и ремонта лошадей, причем эти чиновники часто связаны с управлением государственными учреждениями коннозаводства; военные школы для офицеров и унтер-офицеров, учебные батальоны, эскадроны и батареи, школы верховой езды и школы для ветеринарных врачей. В большинстве стран существуют государственные литейные мастерские и фабрики для выделки ружей и пороха; имеются различные казармы, арсеналы, склады, крепости, вполне оборудованные и со своим штабом офицеров, начальствующих над ними; наконец, имеется главное интендантство и генеральный штаб, которые, обслуживая вооруженные силы страны, гораздо более многочисленны и должны выполнять гораздо более разнообразные функции, чем штаб и интендантство отдельной действующей армии. На штабе в особенности лежат весьма важные обязанности. Он делится обыкновенно на исторический отдел (собрание материалов по истории войн, по формированию армий и пр. в прошлом и настоящем), топографический отдел (на который возложено составление карт и топографическая съемка всей страны), статистический отдел и т. п. Во главе всех этих учреждений, как и всех вооруженных сил, стоит военное министерство, в различных странах различно организованное, но охватывающее, как должно быть видно из предыдущих замечаний, весьма широкий круг деятельности. В качестве примера приведем организацию французского военного министерства. Оно состоит из семи управлений, или отделений: 1) personnel (личного состава), 2) артиллерийского, 3) инженерного и крепостного, 4) административного, 5) по делам Алжира, 6) военного депо (состоящего из исторического, топографического и прочих отделов штаба), 7) военное-финансового. Непосредственно при министерстве находятся следующие совещательные комиссии, составленные из генералов, штаб-офицеров и специалистов: комитеты по личному составу — пехотный, кавалерийский, артиллерийский, по крепостным сооружениям, комитет врачебный, ветеринарная комиссия и комиссия по казенным военным заводам. Таков тот сложный

механизм, который создан для комплектования, ремонта, питания, управления и постоянного воспроизводства современной первоклассной армии.

Такая сложность аппарата соответствует количеству собранных в армиях людей. Хотя громадная наполеоновская армия 1812 г., — когда он имел 200 000 в Испании, 200 000 во Франции, Италии, Германии и Польше и когда он вторгся в Россию с 450 000 человек и 1 300 пушек ⁷⁴, — никогда еще не была превзойдена; хотя, по всей вероятности, мы никогда не увидим снова такую армию в 450 000 человек, объединенную для одной только операции, все-таки всякое крупное континентальное государство, в том числе и Пруссия, может набрать, обучить и вооружить армию в 500 000 человек и даже больше; и хотя подобные армии составляют не больше чем $1\frac{1}{2}$ —3% всего их населения, все же никогда прежде в истории армии не достигали таких размеров.

Военная система Соединенных Штатов строит защиту страны в основном на милиции отдельных штатов и на армиях добровольцев, собираемых, когда этого требуют обстоятельства; постоянная военная сила, употребляемая, главным образом, для сохранения порядка среди индейских племен Запада, состоит, согласно отчету военного министерства за 1857 г., из 18 000 человек.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке в августе — сентябре 1857 г.

Впервые напечатано в «New American Cyclopaedia», т. II, 1858 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XI, ч. II.

ПЕХОТА

Пехота — пешие солдаты армии. За исключением кочевых племен, у всех народов главная масса армии, если не вся армия целиком, всегда состояла из пеших солдат. Так, даже в первых азиатских армиях — у ассирийцев, вавилонян и персов — пехота составляла, по крайней мере по численности, главную часть войск. У греков сначала вся армия состояла из пехоты. Как мало мы знаем о составе, организации и тактике древней азиатской пехоты, было уже констатировано в статье «Армия», к которой мы отсылаем читателя за разъяснениями многочисленных подробностей, повторять которые здесь было бы бесполезным. В настоящей статье мы ограничимся лишь описанием самых главных тактических черт в истории этого рода войск; поэтому мы начнем с греков.

1. *Греческая пехота.* Создателями греческой тактики были дорийцы; из дорийцев спартанцы довели до совершенства древний дорический боевой строй. Первоначально все классы, составлявшие дорийскую общину, подлежали военной службе, — не только полноправные граждане, которые составляли аристократию, но также и неполноправные перизки (*periaeci*) и даже рабы. Все они образовывали одну и ту же фалангу, но каждый класс занимал в ней особое место. Полноправные граждане должны были являться тяжело вооруженными, с защитным вооружением, со шлемом, нагрудными латами, медными ножными латами, с большим деревянным щитом, обтянутым кожей, достаточно большим, чтобы закрыть собой человека во весь рост, с копьем и мечом. Они образовывали, в зависимости от их численности, первый или два первых ряда фаланги. За ними стояли неполноправные граждане и рабы, так что каждый благородный спартанец имел позади себя своих слуг; последние не имели дорого стоящего защитного вооружения, полагаясь на защиту, оказываемую им передними рядами, а также на свои щиты. Наступательным оружием им служили пращи, дротики, ножи, кинжалы и палицы. Таким образом, дорическая фаланга образовывала глубокую линию, имея впе-

реди гоплитов, или тяжелую пехоту, а гимнетов (*gymnetae*), или легкую пехоту, в задних рядах. Гоплиты должны были опрокидывать врага, атакуя его при помощи своих копий; оказавшись среди неприятельской части, они выхватывали свои короткие мечи и пробивали себе путь вперед, схватываясь с врагом врукопашную, в то время как гимнеты, которые первоначально подготовляли атаку, бросая камни и дротики через головы первых рядов, теперь помогали натиску гоплитов, направляясь с ранеными и сражающимися врагами. Таким образом, тактика этого рода войск была очень проста; едва ли тут было какое-либо тактическое маневрирование; мужество, стойкость, физическая сила и индивидуальная ловкость и искусство воинов, в особенности гоплитов, являлись решающими для исхода дела. Этот патриархальный союз всех классов нации в одной и той же фаланге исчез вскоре после персидских войн, главным образом в силу политических причин; последствием этого явилось то, что отныне фаланга стала формироваться исключительно из гоплитов и что легкая пехота, где она еще продолжала существовать или где была создана новая легкая пехота, сражалась отдельно рассыпным строем (*as skirmishers*). В Спарте полноправные граждане вместе с перизками (*periecae*) образовывали тяжело вооруженную фалангу, илоты же следовали сзади, с обозом или в качестве щитоносцев (*hyraspistae*).

Некоторое время эта фаланга удовлетворяла всем боевым требованиям; но вскоре наличие у афинян в Пелопоннесской войне войск, сражавшихся рассыпным строем, принудило спартанцев завести у себя войска такого же рода.

Они, однако, не формировали самостоятельных отрядов гимнетов, но высылали наиболее молодых из своих воинов для исполнения обязанностей застрельщиков боя. Когда же к концу этой войны число граждан и даже перизков сильно уменьшилось, спартанцы принуждены были образовывать фаланги из тяжело вооруженных рабов под командой граждан.

Афиняне, исключив из фаланги гимнетов, которые набирались из более бедных граждан, слуг и рабов, создали специальные части легкой пехоты, состоявшие из гимнетов или псил (*psiles*) и предназначенные для того, чтобы начинать бой; они были вооружены исключительно для борьбы на расстоянии и состояли из пращников (*sphendonetae*), лучников (*toxotae*) и метальщиков дротиков (*akontistae*); последних называли также пельтастами (*peltastae*) по маленькому щиту (*pelta*), который только они одни и носили.

Этот новый вид легкой пехоты, первоначально набиравшейся из более бедных граждан Афин, очень скоро стал формироваться почти исключительно из наемников и из союзников

Афин. С того момента, как были введены эти застрельщики, неуклюжая дорическая фаланга оказалась уже более не приспособленной одной действовать в бою. К тому же и тот материал, из которого она пополнялась, постоянно ухудшался: в Спарте — от постепенного угасания воинственной аристократии, в других городах — под влиянием торговли и богатств, которые постепенно подтачивали прежнее презрение к смерти. Таким образом, фаланга, формируясь из не очень героического контингента, потеряла большую часть своего прежнего значения. Она образовывала задний ряд, резервы боевой линии, впереди которой дрались застрельщики и за которую они отступали под натиском неприятеля, но от которой едва ли можно было ожидать, что она сойдется с противником врукопашную. Там, где фаланга формировалась из наемников, она по существу была немногим лучше. Ее неповоротливость делала ее непригодной к маневрированию, даже на слегка пересеченной местности, и вся польза от нее заключалась в ее пассивном сопротивлении. Это повело к двум попыткам реформы, проведенной Ификратом, вождем наемников. Этот греческий *condottiere* (кондотьер) заменил старые короткие копья гоплитов (имевшие от 8 до 10 футов длины) значительно более длинными, так что при сомкнутых рядах копья третьего и четвертого рядов выдавались впереди фронта и ими можно было действовать против врага; таким путем оборонительная способность фаланги была значительно усилена. С другой стороны, чтобы создать силу, способную решать исход сражений стремительной атакой в сомкнутом строю, он вооружил своих пельтастов легким защитным вооружением, хорошим мечом, и обучил их движениям фаланги. Получив приказ атаковать, они двигались шагом, недоступным фаланге гоплитов, на расстоянии 10 или 20 ярдов пускали тучу дротиков и бросались на врага с мечом в руке.

Простота древней дорической фаланги уступила, таким образом, место гораздо более сложному боевому строю; деятельность командующего стала важным условием победы, и стали возможными тактические движения.

Эпаминонд первый открыл великий тактический принцип, который вплоть до наших дней решает почти все регулярные сражения: неравномерное распределение войск по фронту в целях сосредоточения сил для главного удара на решающем пункте. До сих пор греки давали сражения в параллельном боевом строю; сила фронтовой линии была одинаковой во всех ее точках; если одна армия превосходила численностью противную, то она или образовывала более глубокий боевой строй, или охватывала армию противника с обоих флангов. Эпаминонд, наоборот, предназначил один из своих флангов для

атаки, а другой — для обороны; атакующее крыло состояло из его лучших войск, из массы его гоплитов, построенных в глубокую колонну, за которой следовала легкая пехота и конница. Другое крыло, естественно, было значительно слабее и держалось позади, в то время как атакующее крыло прорывалось сквозь строй неприятеля, и колонна, развертываясь в линию или заворачивая плечом, отбрасывала врага назад с помощью легкой пехоты и конницы.

Усовершенствования, введенные Ификратом и Эпаминондом, подверглись дальнейшему развитию, когда Македония получила гегемонию над эллинской расой и повела ее против Персии. Длинные копья гоплитов стали еще более длинными в македонской сариссе (*sarissa*). Пельтасты (*peltastae*) Ификрата опять появляются в усовершенствованной форме в лице гипаспистов (*hypaspistae*) Александра Македонского. Наконец, экономия сил, в том виде, как она была осуществлена в боевом строю Эпаминондом, была доведена Александром до такого комбинированного применения различных родов войск, какого Греция, с ее ничтожной конницей, никогда не могла бы достигнуть. Пехота Александра состояла из фаланг гоплитов, которые представляли оборонительную силу боевого строя, из легкой пехоты, действовавшей рассыпным строем, вступавших в бой с неприятелем вдоль всего фронта, а также способствовавших завершению победы, и из гипаспистов, к которым принадлежали его телохранители, хотя и легко снаряженные, но способные все же на правильное движение фалангою и представлявшие собой тот вид средне вооруженной пехоты, которая является более или менее приспособленной как к действиям в сомкнутом, так и в разомкнутом строю. Однако ни Греция, ни Македония не создали подвижной пехоты, на которую можно было бы положиться в случае столкновения с сильной фалангой. Именно для этого Александр и ввел свою конницу. Атакующее крыло состояло из массы тяжелой кавалерии, набиравшейся из македонской знати; совместно с нею действовали гипасписты; они следовали за атакующей конницей и бросались в прорыв, образованный ею, упрочивая достигнутый успех и утверждаясь в центре неприятельской позиции. После завоевания средней части Персидской империи Александр использовал гоплитов, главным образом, в качестве гарнизонов в завоеванных городах. Они вскоре совсем исчезли из армии, которая в итоге своих смелых и стремительных походов покорила племена Азии вплоть до Инда и Яксарта*. Эта армия состояла большей частью из конницы, гипаспистов и легкой пехоты; фаланга, которая не была в состоянии следо-

* Древнее название Сыр-Дарьи. *Ред.*

вать за армией в таких походах, сделалась в то же самое время излишней благодаря свойствам противника, которого надо было победить. При преемниках Александра его пехота, равно как его конница и его тактика, быстро пришли в полный упадок. Оба крыла боевого строя стали формировать исключительно из конницы, а центр — из пехоты, но последняя была так мало надежна, что ее стали прикрывать слонами. В Азии вскоре стал преобладать азиатский элемент, и это сделало армии Селевкидов почти ни на что негодными⁷⁵. В Европе македонская и греческая пехота вновь приобрела некоторую устойчивость, но с нею вернулась и прежняя исключительная тактика фаланг. Легкая пехота и конница больше уже не поднимались на прежнюю высоту, хотя много труда и искусства было потрачено на тщетные попытки придать фаланге ту подвижность, которой она по самой своей природе никогда не могла достигнуть, пока, наконец, римский легион не положил конца всей системе в целом.

Тактическая организация и маневрирование фаланги были довольно просты. Линия в 16 человек по фронту и обыкновенно по 16 в глубину (при Александре) составляла полный квадрат, и эта так называемая синтагма (*syntagma*) представляла собою единицу для перестроений; 16 синтагм, или 256 рядов, образовывали фалангарх из 4 096 человек; четыре фалангарха, в свою очередь, должны были образовывать полную фалангу. Фалангарх в боевом строю представлял собою построение глубиной в 16 рядов; он перестраивался в походный порядок поворотом направо или налево или захождением плечом синтагмами, образуя в каждом случае сомкнутую колонну в 16 человек по фронту. Когда фаланга находилась в линии, то глубина ее могла быть увеличена, а фронт уменьшен вздваиванием рядов, причем четные ряды становились за нечетными; противоположное же движение совершалось удвоенными шеренгами, что уменьшало глубину построения с 16 до 8 человек. Захождение кругом рядами применялось тогда, когда неприятель неожиданно появлялся в тылу фаланги; порядок, нарушенный этим перестроением (когда каждый ряд оказывался не на своем месте в своем отделении или синтагме), иногда восстанавливался захождением кругом шеренгами в каждом отделении. Если прибавим к этому умение обращаться с копьем, то мы исчерпаем, таким образом, все элементы военного обучения древних гоплитов. Само собою разумеется, что легкие войска, хотя и не предназначавшиеся сражаться в сомкнутом строю, все же должны были упражняться в движениях фаланги.

II. *Римская пехота.* Латинское слово *legio* употреблялось сперва для обозначения всего количества людей, ото-

бранных для полевой военной службы, и, таким образом, являлось синонимом армии. Затем, когда расширение римской территории и сила врагов республики потребовали большей армии, последняя была разделена на несколько легионов, из коих каждый равнялся по своей силе первоначальной римской армии. Вплоть до времен Мариа каждый легион состоял как из пехоты, так и из конницы, причем численность последней равнялась $\frac{1}{10}$ первой. Первоначально пехота римского легиона была, повидимому, организована наподобие древней дорической фаланги, она сражалась в глубоком построении, причем патриции и более богатые граждане в тяжелых доспехах составляли передние шеренги, а более бедные и легче вооруженные плебеи находились позади них. Но приблизительно ко времени Самнитских войн ⁷⁶ легион начал подвергаться организационным изменениям, которые вскоре сделали его полной противоположностью греческой фаланги. Подробное описание организации легиона, достигшего своего полного развития во время Пунических войн ⁷⁷, дает нам Полибий. Каждый легион — их набирали для каждой отдельной кампании обычно четыре — состоял отныне из четырех классов пехоты: велитов (*velites*), хастатов (*hastati*), принципов (*principes*), триариев (*triarii*). Первые, набравшиеся из рекрутов, представляли собою легкую пехоту; триарии — ветераны — являлись резервом армии; два других класса пехоты, образуя собою главную боевую силу или линейную пехоту, составляли остальную часть армии и отличались друг от друга тем, что принципы набирались из людей, которые после триариев были наиболее опытными в военном деле. Велиты носили кожаные головные уборы, легкие круглые щиты в качестве защитного вооружения, а также имели мечи и некоторое количество легких дротиков; остальные три класса пехоты имели медные шлемы, кожаный нагрудник, покрытый медными пластинками, и ножные медные латы. Хастаты и принципы, кроме короткого меча, носили два копья — одно легкое, другое очень тяжелое (*pila*), последнее являлось специфическим оружием римской пехоты во время атаки. Оно было сделано из крепкого тяжелого дерева, с длинным железным наконечником, весило, по крайней мере, 10 фунтов и достигало с наконечником почти 7 футов длины. Его можно было бросать только на короткое расстояние, примерно на 8 или 12 ярдов; но благодаря его весу оно для легкого защитного вооружения того времени было страшным по своему действию. Триарии, кроме меча, были вооружены вместо *pila* легкими копьями. Каждый легион состоял из 1200 хастатов, разделенных на 10 манипулов (*manipuli*), или рот, по 120 человек каждая, из такого же числа принципсов, разделенных подобным же образом, из 600 триариев в 10 манипулах, по 60 в каждом,

и из 1200 велитов, которые по 40 человек были присоединены к каждому из 30 манипулов и образовывали задние шеренги, если только не употреблялись для других целей.

Хастаты образовывали первую линию, причем каждый манипул был развернут в линию, повидимому, в шесть человек глубиною, с интервалом между отдельными манипулами, равным его фронту. Так как на каждого человека в шеренге давалось пространство в 6 футов, то длина фронта манипула равнялась приблизительно 120 футам, а длина всего фронта легиона достигала, таким образом, 2 400 футов. Позади хастатов, во второй линии, находились 10 манипулов принципов, прикрывавших интервалы между манипулами первой линии; позади принципов стояли триарии; каждая линия располагалась на соответствующей дистанции от впереди стоящей. Велиты вели бой в рассыпном строю перед фронтом и флангами. Путем удваивания рядов длина боевого построения могла быть уменьшена до половины своей первоначальной величины, т. е. до 1200 футов. Весь этот боевой строй был рассчитан на атаку. Способный сражаться почти на всякой местности, благодаря небольшому размеру своих тактических единиц и вытекавшей отсюда большой свободе передвижения, римский легион стоял несравненно выше греческой фаланги, которая требовала ровной местности и вскоре была низведена, благодаря своей неуклюжести, до строя, приспособленного исключительно для обороны.

Когда легион наступал, хастаты, вероятно удваивавшие в случае нужды свои ряды, на расстоянии 8 или 12 ярдов от противника метали свои тяжелые копья (pila) в фалангу, тогда как копья фаланги еще не могли достигнуть римлян, и, построив, таким образом, сомкнутый строй воинов фаланги, обрушивались на них с мечом в руке. Если отдельный манипул приходил в беспорядок, то это не распространялось на соседние части; если сражение продолжалось, не приводя к быстрой развязке, принципы вступали в интервалы, метали свои копья и кидались на врага с мечом, давая, таким образом, хастатам возможность выйти из боя и вновь построиться позади триариев. В крайнем случае эти последние наступали для того, чтобы или окончательно решить победу, или же обеспечить отступление в порядке. Велиты, совместно с конницей, несли службу охранения, вовлекали противника в бой, нападая в рассыпном строю на него, и помогали в преследовании. Повидимому, легкое копье хастатов и принципов употреблялось, главным образом, при обороне в целях создания беспорядка в рядах наступающего врага, прежде чем последний успевал приблизиться на расстояние, когда можно было употребить тяжелое копье.

Движение легиона вперед начиналось с любого фланга; сначала шел первый манипул хастатов, за которым следовали соответствующие первые манипулы принципов и триариев, затем три вторых манипула и так далее в таком же порядке; движение флангом совершалось тремя колоннами, причем каждая колонна состояла из трех классов пехоты; обоз двигался на стороне, более удаленной от неприятеля. Если последний появлялся со стороны, где находились триарии, то армия оставалась и повертывалась лицом к неприятелю; принципы и хастаты проходили через интервалы манипулов триариев и становились на свои места.

После второй Пунической войны, когда продолжительные войны и обширные завоевания римлян, в сочетании с важными социальными переменами в Риме и вообще в Италии, сделали всеобщую воинскую повинность почти неприменимой, римская армия начала постепенно комплектоваться добровольцами из более бедных классов, образуя, таким образом, армию профессиональных солдат вместо прежней милиции, в которую включались все граждане. Благодаря этому армия совершенно изменила свой характер, а так как элементы, входившие в ее состав, все ухудшались, то необходимость новой организации становилась все более и более настоятельной. Эту новую организацию осуществил Марий. Римская конница перестала существовать. То немногое, что осталось от нее, состояло из варваров-наемников или из союзников Рима. Исчезло также и разделение пехоты на четыре класса. Велиты были заменены союзными контингентами или варварами, а остальная часть легиона формировалась из одного и того же вида линейной пехоты, вооруженной подобно хастатам или принципам, но без легкого копья. Манипул, как тактическая единица, был заменен когортой, состоявшей в среднем из 360 человек и образовавшейся первоначально из слияния трех манипулов в один; таким образом, легион был теперь разделен на 10 когорт, которые располагались обыкновенно в три линии (4, 3 и 3 когорты соответственно). Когорта строилась в 10 человек в глубину, имея от 3 до 4 футов по фронту для каждого ряда воинов, так что общее протяжение фронта легиона стало значительно меньше (около 1 000 футов). Таким образом, не только упростились тактические движения, но и влияние командира легиона сделалось гораздо более непосредственным и сильным. Вооружение и снаряжение каждого солдата было облегчено, но, с другой стороны, большую часть своего багажа он должен был нести на деревянных вилах, изобретенных для этой цели Марием (*mulī Mariāni*); обоз армии (*impedimenta*), таким образом, значительно уменьшился. С другой стороны, соединение трех манипулов в одну когортку могло только уменьшить

свободу маневрирования на пересеченной местности; отсутствие легкого копья уменьшало обороноспособность, а упразднение велитов, не всегда полностью заменявшихся чужеземными вспомогательными силами или наемниками (*antesignani*) (это были воины, выделенные Цезарем из легиона для несения службы легкой пехоты, но не имевшие оружия, предназначенного для боя на расстоянии), уменьшало шансы успешного поддержания завязавшегося боя и возможность уклониться от решающей развязки. Единственной формой боя, пригодной для этих легионов, сделалась быстрая и решительная атака. Но римская пехота все еще состояла из римлян или в крайнем случае из италийцев и, несмотря на упадок империи в эпоху цезарей, поддерживала свою древнюю славу до тех пор, пока оставался нетронутым ее национальный характер. Но как только римское гражданство перестало являться неременным условием для доступа в легион, армия быстро потеряла свою устойчивость. Ко времени Траяна варвары частью из римских провинций, частью из независимых стран составляли главную силу легионов, и с этого момента исчезли характерные особенности римской пехоты. Тяжелые доспехи были отброшены, тяжелое копье было заменено легким; легион, организованный в когорты, снова стал походить на неповоротливую фалангу, а так как характерной чертой пехоты этого периода являлось общее нежелание доходить до рукопашной схватки с неприятелем, то лук и дротики стали употребляться теперь не только для боя в рассыпном строю, но также и линейной пехотой в сомкнутом боевом построении.

III. *Пехота в средние века.* Упадок, который переживала римская пехота, продолжался и в византийской пехоте. Своего рода принудительный набор в армию еще сохранялся, но он служил для формирования самых плохих частей армии. Вспомогательные войска из варваров и наемников составляли ее лучшие части, но даже и они были невысокого качества. Иерархическая и административная организация войск была доведена почти до состояния идеального бюрократизма, но с тем же результатом, какой мы видим сейчас в России: доведенной до совершенства организации мошенничеств и растрат государственных средств, причем армия, стоящая огромных сумм, существует частью лишь на бумаге. Соприкосновение с иррегулярной конницей Востока все более и более сводило на-нет как значение, так и качество пехоты. Конные лучники сделались любимым родом войск; если и не вся пехота, то большая часть ее была снабжена, кроме копья и меча, луком. Таким образом, обычным стал бой на расстоянии, а рукопашная схватка рассматривалась как нечто устаревшее. На пехоту смотрели как на хлам и намеренно держали ее вдали от поля

сражения, употребляя ее, главным образом, для несения гарнизонной службы; в большинстве сражений Велизария дралась исключительно конница, и когда пехота принимала в них участие, она неизменно обращалась в бегство. Тактика Велизария целиком базировалась на принципе: избегать рукопашной схватки и брать противника измором. Если он с успехом сражался против готов, у которых совсем не было оружия, действующего на расстоянии, тем, что выбирал пересеченную местность, на которой их фаланги не могли действовать, то он терпел поражение от франков, пехота которых в своей манере сражаться имела кое-что общее с пехотой древних римлян, а равно терпел поражение и от персов, конница которых была несомненно выше его конницы.

Военные силы германцев, вторгнувшихся в Римскую империю, первоначально состояли, главным образом, из пехоты и сражались в своего рода дорической фаланге, имея вождей и более богатых в передних шеренгах, а других — позади них. Их оружием были меч и копье. Однако франки имели короткие, обоюдоострые боевые топоры, которые они бросали в неприятельскую войсковую массу, подобно римскому тяжелому копью, непосредственно перед тем, как броситься в атаку с мечом в руке. Они и саксы сохранили в течение некоторого времени хорошую и достойную уважения пехоту, но постепенно сами тевтонские завоеватели повсюду перешли на конную службу, а обязанности пехотинцев возложили на покоренных римских провинциалов. Таким образом, служба в пехоте стала презираться как атрибут рабов и крепостных, а поэтому неизбежно понизилось в соответственной степени и качество пехотинца. К концу X столетия кавалерия была единственным родом войск, который повсюду в Европе действительно решал участь сражения; пехота же, гораздо более многочисленная в каждой армии, чем кавалерия, являлась не чем иным, как плохо вооруженной толпой, организовать которую почти не делалось никаких попыток. Пехотинец даже не считался воином; слово *miles* (воин) сделалось синонимом конного воина. Единственная возможность поддерживать существование солидной пехоты имела у городов, особенно в Италии и Фландрии. Они имели собственную милицию, которая по необходимости формировалась из пехоты; а так как ее служба по обороне городов, среди нескончаемых раздоров между окружающим дворянством, являлась постоянной, то вскоре было признано более удобным иметь вооруженную силу из платных наемников, вместо милиции, составленной из граждан; последняя же была сохранена на случай чрезвычайных обстоятельств. Но и тут мы не видим, чтобы городская пехота имела какое-либо заметное превосходство над толпой пехотинцев, со-

бранных дворянами и оставляемых для охраны обоза. Так было, по крайней мере, в классический период рыцарства⁷⁹. В кавалерии этого времени каждый рыцарь являлся вооруженным с головы до ног, весь покрытый доспехами и сидящий верхом на коне, точно так же покрытом доспехами. Его сопровождал оруженосец, значительно легче вооруженный, и разные другие верховые без доспехов и вооруженные луками. В босвом строю эти силы располагались по принципу, похожему на тот, по которому строилась древняя дорическая фаланга, — тяжело вооруженные рыцари в первом ряду, оруженосцы — во втором, конные лучники — позади них. Эти последние, в силу характера их вооружения, стали вскоре употребляться для боя в пешем строю, что все более и более становилось для них правилом, так что их лошади применялись главным образом для передвижения, но не для атаки. Английские лучники, вооруженные длинными луками, — в то время как в Южной Европе употребляли самострелы, — особенно отличались этим способом борьбы в пешем строю, и очень возможно, что именно это обстоятельство вскоре и повело к широкому применению среди лучников боя в спешенном строю. Несомненно, что за время длительных походов во Франции лошади тяжело вооруженных рыцарей быстро изнурялись и делались пригодными лишь в качестве средства передвижения. Было вполне естественным, что при таком плачевном положении *gendarmes* (конные латники), имевшие наиболее плохих лошадей, должны были спешиваться и образовывать фалангу копейщиков, которая дополнялась лучшей частью пехоты (особенно валлийцами); в то же время те, кто имел еще годных для атаки лошадей, стали составлять настоящую боевую конницу. Такой порядок оказался очень хорошо приспособленным к оборонительным боям, и все бои Черного Принца* базировались на нем, и, как хорошо известно, с громадным успехом. Новый способ ведения боя был вскоре принят французами и другими нациями и для XIV и XV веков может считаться почти нормальной системой. Таким образом, через 1700 лет мы вернулись почти что к тактике Александра, с той лишь разницей, что конница Александра была вновь введенным родом войск, который должен был усилить пришедшую в упадок тяжелую пехоту, тогда как в данном случае тяжелая пехота, образованная из спешенной конницы, являлась живым доказательством того, что кавалерия приходила в упадок и что для пехоты занималась новая заря.

* Прозвище сына английского короля Эдуарда I, принца Эдуарда, командовавшего английским войском во Франции во время Столетней войны. *Ред.*

IV. *Возрождение пехоты.* Из фламандских городов, в то время первых промышленных округов мира, и из швейцарских гор появились первые войска, которые, после целых столетий упадка, снова заслуживали названия пехоты. Французское рыцарство не устояло против ткачей и суконщиков, кузнецов и кожевников бельгийских городов, как не устояло бургундское и австрийское дворянство против крестьян и пастухов Швейцарии. Главную роль здесь сыграли хорошо защищенные позиции и легкое вооружение, усиленные, как это было у фламандцев, многочисленным огнестрельным оружием, а у швейцарцев — самой местностью, почти недоступной для тяжело вооруженных рыцарей того времени. У швейцарцев были, главным образом, короткие алебарды, которыми можно было одинаково хорошо и колоть и рубить и которые не были слишком длинны и для рукопашного боя; позже у них были также пики, самострелы и огнестрельное оружие, но в одной из своих знаменитейших битв, при Лаупене (1339 г.)⁷⁹, у них не было никакого другого оружия для боя на расстоянии, кроме камней. От оборонительных стычек в своих неприступных горах они вскоре перешли к наступательным боям на равнине, а вместе с тем и к более регулярной тактике. Они сражались глубокой фалангой; их оборонительные доспехи были легки, и имелись они обыкновенно только в передних и боковых рядах, внутренние ряды фаланги состояли из людей, не имевших доспехов; швейцарская фаланга тем не менее состояла из трех, отличных друг от друга, частей — авангарда, главных сил и арьергарда, — что и обеспечивало ей большую подвижность и возможность разнообразных тактических построений. Швейцарцы вскоре сделались знатоками в умении пользоваться местностью, что в связи с улучшением огнестрельного оружия защищало их против налетов кавалерии; против пехоты же, вооруженной длинными копьями, они изобрели много опособов, чтобы прокладывать себе доступ к ней через леса копий, после чего их короткие тяжелые алебарды давали им громадное преимущество даже над воинами, закованными в броню. Они очень скоро выучились, в особенности при поддержке артиллерией и ручным огнестрельным оружием, держаться в каре или крестообразном построении против атак кавалерии; и как только пехота снова сделалась способной на это, — дни кавалерии были сочтены. Около середины XV столетия борьба городов против феодального дворянства была подхвачена князьями более обширных, отныне крепнувших монархий, следствием чего явилось формирование последними армий из наемников, как в целях разгрома феодальной знати, так и в целях проведения независимой внешней политики. Кроме швейцарцев, германцы, а вскоре за ними и большинство европейских

наций начали поставлять большие контингенты наемников, набравшихся при помощи добровольной записи и продававших свои услуги тому, кто давал самую высокую плату, независимо от его национальности. Эти отряды в тактическом отношении формировались по тому же принципу, как и швейцарские; они были вооружены по преимуществу пиками и сражались в больших батальонных каре с одинаковым количеством людей как в глубину, так и по фронту. Однако им приходилось сражаться при других обстоятельствах, чем швейцарцам, защищавшим свои горы; они должны были как наступать, так и держаться на оборонительных позициях; им приходилось сражаться с неприятелем не только на равнинах Италии и Франции, но и на холмистой местности. Вскоре они стали лицом к лицу с быстро улучшающимся ручным огнестрельным оружием. Эти обстоятельства вызвали некоторые отклонения от старой швейцарской тактики, отклонения, бывшие различными у разных национальностей; но общей для всех оставалась главная характерная черта — построение в три глубокие колонны, названия которых постоянно фигурировали, но которые не всегда существовали в действительности, а именно, авангард, главные силы, и арьергард, или резерв. Швейцарцы сохраняли свое превосходство до битвы при Павии, после которой германские *Landsknechte* (ландскнехты), которые уже с некоторого времени сделались если не всецело, то почти равными им, стали считаться первой пехотой Европы. Французы, пехота которых до тех пор была всегда никуда негодной, пытались очень упорно в этот период образовать боеспособную национальную пехоту, но это им удалось лишь с уроженцами двух провинций — Пикардии и Гаскони. Итальянская пехота этого периода никуда не годилась. Испанцы же, среди которых Гонсальво де-Кордова во время войн с гренадскими маврами первый ввел швейцарскую тактику и швейцарское вооружение, очень скоро приобрели довольно высокую репутацию и со второй половины XVI столетия стали считаться лучшей пехотой Европы. В то время как итальянцы, а за ними французы и германцы довели длину своей пики с 10 до 18 футов, испанцы сохранили короткие, более удобные копья, а их подвижность делала их грозными в рукопашном бою с мечом и кинжалом. Эту репутацию они поддерживали в Западной Европе — по крайней мере во Франции, Италии и Нидерландах — до конца XVII столетия.

Презрение швейцарцев к оборонительным доспехам, основанное на традициях другого времени, не разделялось копейщиками XVI столетия. Как только сформировалась та европейская пехота, в которой армии различных стран становились все более и более равными друг другу по своим военным качествам, то система построения такой фаланги, в которой лишь

немногие воины были защищены нагрудниками и шлемами, оказалась недостаточной. Если швейцарцы находили такую фалангу неуязвимой, то это было только до тех пор, пока она не встретилась с другой фалангой, вполне себе равной. В этом случае некоторое количество оборонительных доспехов приобретало известное значение; поскольку оно не слишком препятствовало подвижности войск, оно являлось решительным преимуществом. Так как испанцы никогда не разделяли этого презрения к нагрудникам, то с испанцами стали больше считаться. Таким образом, нагрудники, шлемы, ножные латы, ручные латы, латные рукавицы снова стали составлять часть обычного снаряжения каждого копейщика. К этому прибавился меч, более короткий у немцев и более длинный у швейцарцев, а иногда появлялся и кинжал.

V. *Пехота XVI и XVII столетий.* Длинный лук уже некоторое время тому назад исчез с континента Европы, за исключением Турции; самострел появился в последний раз среди французов-гасконцев в первой четверти XVI столетия. Он был повсюду заменен фитильным мушкетом, который, в разной степени совершенства или вернее несовершенства, отныне сделался вторым оружием пехоты. Фитильные мушкеты XVI века — неуклюжие и плохо сконструированные машины — были очень крупного калибра, чтобы они могли обеспечить, кроме дальноточности, по крайней мере некоторую меткость и силу для пробивания нагрудника копейщика. Общепространенным видом огнестрельного оружия около 1530 г. являлся тяжелый мушкет, стрельба из которого велась с вилки, так как без такой подпорки стрелок не мог бы прицелиться. Мушкетеры носили меч, но не имели оборонительных доспехов и употреблялись или для боя в рассыпном строю, или в особом разомкнутом построении для удержания оборонительных позиций, или для подготовки атаки копейщиков на такого рода позиции. Вскоре они сделались очень многочисленными сравнительно с копейщиками; в битвах Франсиска I в Италии они были значительно малочисленней по сравнению с копейщиками, но спустя 30 лет они по меньшей мере сравнялись с ними по количеству. Это увеличение числа мушкетеров побудило к изобретению некоторых тактических приемов, чтобы предоставить им постоянное место в боевом порядке. Это и было сделано в тактической системе, называемой Венгерским регламентом, созданным имперскими войсками* в течение их войн с турками в Венгрии. Мушкетеры, неспособные защищаться в рукопашном бою, всегда располагались таким образом,

* Т. е. войсками так называемой Священной римской империи германской нации (впоследствии Австрийской империи). *Ред.*

чтобы иметь возможность отступить за копейщиков. Таким образом, их ставили иногда на каждом фланге, иногда же по четырем углам флангов; очень часто весь квадрат или колонна копейщиков окружалась рядом мушкетеров, которые, таким образом, находились под защитой пик солдат, стоявших позади них. В конце концов план, по которому мушкетеры располагались на флангах копейщиков, одержал верх в новой тактической системе, введенной голландцами в войне за свою независимость. Отличительной чертой этой системы явилось подразделение всякой армии на три большие фаланги, соответственно швейцарской и венгерской тактике. Каждая из этих фаланг состояла из трех линий; средняя из них, в свою очередь, подразделялась на правое и левое крыло, отделенное одно от другого дистанцией, равной по крайней мере протяжению фронта первой линии. Вся армия была организована в полуполки, которые мы будем называть батальонами; каждый батальон имел своих копейщиков в центре, а мушкетеров на флангах. Авангард армии, имея в своем составе три полка, обыкновенно строился следующим образом: два полуполка непрерывным фронтом в первой линии; за каждым из ее флангов — другой полуполк; далее в тыл, поддерживая первую линию, становились остальные два полуполка также непрерывным фронтом. Главные силы и арьергард помещались или на фланге, или позади авангарда, но строились обыкновенно по тому же самому плану. Здесь мы имеем до известной степени возврат к старому римскому строю в три линии и к отдельным небольшим частям. Имперцы, а с ними и испанцы, сочли необходимым разделить свои большие армии более чем на три вышеуказанные части; но их батальоны или тактические единицы были гораздо крупнее голландских, сражались не в линейном построении, а колонной или четырехугольником, и не имели регламентированных форм для построения боевого порядка до тех пор, пока в войне Нидерландов за независимость испанцы не стали располагать свои войска в боевые построения, известные под названием испанских бригад. Четыре больших батальона, из которых каждый состоял из нескольких полков, строились четырехугольником; этот четырехугольник окружался одним или двумя шеренгами мушкетеров и имел на своих углах особые фланги из мушкетеров, которые располагались на определенном интервале от этих четырех углов квадрата; один из углов был обращен в сторону противника. Если армия была слишком велика, чтобы быть соединенной в одну бригаду, можно было формировать две, и, таким образом, получались три линии, имевшие два батальона в первой, четыре (иногда только три) во второй и два — в третьей линии. Мы находим здесь, как и в голландской системе,

попытку возвратиться к старой римской системе трех линий.

Другая значительная перемена произошла на протяжении XVI столетия; тяжелая рыцарская кавалерия распалась и была заменена кавалерией из наемников, вооруженной, наподобие наших современных кирасиров, кирасой, шлемом, палахом и пистолетами. Эта кавалерия, значительно превосходившая подвижностью свою предшественницу, сделалась поэтому более грозной и для пехоты; но все же копейщики того времени никогда ее не боялись. Благодаря такой перемене кавалерия стала однородным родом войск и вошла в состав армии в значительно большей пропорции, особенно в период, который нам предстоит рассмотреть, а именно в Тридцатилетнюю войну. В это время система наемных войск являлась общей для всей Европы; образовался класс людей, который жил войной и для войны; и хотя тактика от этого, может быть, выигрывала, но зато характер людей, материал, из которого составлялись армии, точно так же как и их *moale* (моральные качества), от этого, конечно, пострадали. Центральная Европа была наводнена всевозможными *condottieri* (кондотьерами), для которых религиозные и политические распри служили предлогом к тому, чтобы грабить и опустошать всю страну. Характер солдата подвергся деградации, продолжавшей расти, пока, наконец, французская революция не смела эту систему наемных войск. Имперцы применяли в своих сражениях систему испанских бригад, развертывая четыре или более бригад и образуя, таким образом, три линии. Шведы при Густаве-Адольфе строились в шведские бригады, состоявшие каждая из трех батальонов, одного впереди и двух несколько позади, развернутых в линию и имевших в центре копейщиков, а на флангах мушкетеров. Они так располагались (оба рода войск были представлены в равном числе), что путем образования непрерывной линии каждый из них мог прикрывать другой. Предположим, что был дан приказ образовать непрерывную линию мушкетеров, — тогда оба крыла этого рода войск в центральном или фронтальном батальоне прикрыли бы собой копейщиков, став перед ними, в то время как мушкетеры двух других батальонов выдвинулись бы на соответствующем фланге и стали бы в линию с первыми. Если ожидалась атака кавалерии, то все мушкетеры отступали за копейщиков, в то время как оба фланга этих последних выступали вперед и строились в одну линию с центром и, таким образом, образовывали непрерывную линию копейщиков. Боевой строй состоял из двух линий таких бригад, составляя центр армии, в то время как многочисленная кавалерия располагалась на обоих флангах, попеременно с небольшими частями мушкетеров. Характерною чертой этой

шведской системы являлось то, что копейщики, которые в XVI столетии представляли собою большую наступательную силу, теперь потеряли всякую способность к атаке. Они стали лишь средством обороны, и их назначением было прикрывать мушкетеров от атаки кавалерии; этому последнему роду войск снова пришлось выполнять всю работу по наступлению. Таким образом, пехота потеряла, а кавалерия восстановила свое положение. Но впоследствии Густав-Адольф положил конец стрельбе, которая сделалась любимым способом борьбы кавалерии, и требовал от своей конницы во всех случаях атаки на всем скаку с саблей в руке; и с этого времени, вплоть до возобновления сражений на пересеченной местности, кавалерия, придерживавшаяся этой тактики, могла похвалиться большими успехами над пехотой. Для наемной пехоты XVII и XVIII веков не может быть более сурового приговора, чем это обстоятельство, и все же в отношении выполнения всех боевых задач она была самой дисциплинированной пехотой всех времен. Общим результатом Тридцатилетней войны для европейской тактики было то, что шведская и испанская бригады исчезли, и армии стали располагаться теперь в две линии, причем кавалерия образовывала фланги, а пехота — центр. Артиллерия помещалась перед фронтом или в интервалах между другими войсками. Иногда оставлялся резерв, состоявший из кавалерии или из кавалерии и пехоты. Пехота развешивалась в линию по шесть человек в глубину; мушкеты были настолько облегчены, что можно было обходиться без вилки; повсюду были введены патроны и патронташи. Соединение мушкетеров и копейщиков в одних и тех же пехотных батальонах способствовало возникновению наисложнейших тактических движений, основанных всецело на необходимости образования так называемых оборонительных батальонов, или, как мы сказали бы, каре, против кавалерии. Даже при построении в простое каре было не шуткой так растянуть шесть шеренг копейщиков центра, чтобы они могли окружить со всех сторон мушкетеров, которые, конечно, были беззащитны против кавалерии; но как было образовать из батальона подобным же образом крест, восьмиугольник или какие-нибудь другие причудливые формы! Таким образом, получилось, что система военного обучения этого периода была более сложной, чем когда-либо, и никому, кроме служившего всю жизнь солдата, не удалось бы достичь при ней хотя бы малейшего успеха. В то же время очевидно, что все эти попытки на виду у неприятеля построить порядок, способный к сопротивлению кавалерии, являлись совершенно бесполезными; каждая приличная кавалерия находилась бы уже давно в середине такого батальона, прежде чем была бы проделана четвертая часть всех этих движений.

В течение второй половины XVII столетия число копейщиков значительно уменьшилось по сравнению с числом мушкетеров, так как с того момента, когда копейщики потеряли всю свою наступательную силу, мушкетеры сделались действительно активной частью пехоты. Более того, обнаружилось, что турецкая кавалерия, наиболее грозная конница того времени, очень часто врзалась в каре копейщиков, в то время как она не менее часто отбрасывалась метким огнем линии мушкетеров. Следствием этого явилось то, что имперцы упразднили копьа в венгерской армии и стали заменять их иногда так называемыми *chevaux de frise* (рогатками), сборка которых выполнялась в поле, причем мушкетеры носили острия от них как часть своего обычного снаряжения. В других странах также случалось, что армии посылались в бой без единого копейщика, причем мушкетеры полагались только на действие своего огня и поддержку своей конницы, когда им угрожала конная атака. Но все-таки потребовались два изобретения, чтобы можно было окончательно упразднить копейщиков: штык, изобретенный во Франции около 1640 г. и усовершенствованный в 1699 г. настолько, чтобы стать удобным оружием, применяемым теперь, и кремневый замок, изобретенный около 1670 г. Штык, хотя, конечно, и несовершенный заместитель пики, давал до известной степени мушкетеру возможность защиты, которую, предполагалось, он находил до тех пор у копейщиков; кремневый замок, упрощая процесс заряжания, позволял при помощи частой стрельбы не только возмещать несовершенство штыка, но достигать еще гораздо больших результатов.

VI. Пехота XVIII века. Вместе с уничтожением копьа исчезли все виды оборонительных доспехов из снаряжения пехоты, и отныне этот род войск стал состоять только из одного вида солдат, вооруженных кремневыми мушкетами и штыками. Эта перемена завершилась в первые годы войны за испанское наследство, совпадая как раз с первыми годами XVIII столетия. В то же время мы повсюду находим постоянные армии значительной численности, комплектуемые по возможности посредством добровольной записи, дополняемой принудительным уводом, а в случае необходимости и посредством принудительных конскрипций. Эти армии были теперь правильно организованы в батальоны от 500 до 700 человек, бывшие тактическими единицами; батальон подразделялся для специальных целей на роты; несколько батальонов составляли полк. Таким образом, организация пехоты начала теперь принимать устойчивую и определенную форму. Применение кремневого ружья требовало гораздо меньшего пространства, чем старое фитильное ружье, а потому прежний разомкнутый бое-

вой строй был оставлен и ряды тесно сомкнуты, для того чтобы иметь как можно больше стрелков на данном участке. По той же причине интервалы в боевой линии между различными батальонами были максимально уменьшены, так что весь фронт образовывал одну негибкую непрерывную линию с двумя линиями пехоты в центре и с кавалерией на флангах. Стрельба, производившаяся ранее шеренгами, причем каждая шеренга после выстрела уходила в тыл для того, чтобы перезарядить ружье, теперь велась взводами или ротами, причем три передних шеренги каждого взвода стреляли одновременно после поданной команды. Таким образом, каждый батальон мог поддерживать непрерывный огонь по находящемуся перед ним неприятелю. Каждый батальон имел свое определенное место в этой длинной линии, и строй, дававший каждому свое место, стал называться боевым строем. Большой трудностью стало организовывать походный порядок армии с таким расчетом, чтобы она всегда с легкостью могла переходить от походного порядка к боевому и чтобы каждая часть линии могла быстро занять надлежащее место. Расположение лагерем, в случае нахождения его в пределах досягаемости противника, производилось, имея в виду ту же цель. Таким образом, искусство передвижения армии и расположения ее лагерем сделало в эту эпоху большие успехи, но все же негибкость и неуклюжесть боевого строя являлись тяжелыми путами для всех движений армии. В то же время формализм этого порядка, возможность применить такую линию только на очень ровной местности еще более сокращали выбор места для сражения; но до тех пор, пока обе борющиеся стороны были связаны одними и теми же путами, это обстоятельство не являлось ущербом ни для одной из них. Со времени Мальплаке⁸⁰ и до начала французской революции дорога, деревня, ферма являлись для пехоты запретными местами; даже канава или забор рассматривались почти как препятствие для тех, кто должен был защищать их. Прусская пехота является классической пехотой XVIII века. Она была создана, главным образом, принцем Леопольдом Дессауским. Во время войны за испанское наследство глубина пехотной линии была уменьшена от шести до четырех шеренг. Леопольд уничтожил четвертую шеренгу и построил пруссаков в три. Он ввел также железный шомпол, который давал возможность его войскам заряжать и стрелять пять раз в минуту, тогда как другие армии делали едва три выстрела в минуту. В то же время его войска обучались стрелять во время наступления; но так как они должны были останавливаться для производства выстрела и так как надо было поддерживать равнение по всей длинной линии, то шаг их был медленным; это и был так называемый гусиный шаг. Стрельба

открывалась с 200 ярдов от неприятеля; линия наступала гусиным шагом; чем ближе подходила она к неприятелю, тем короче становился ее шаг и усиленной огонь, пока неприятель или начинал отступать, или приходил в такое расстройство, что кавалерийская атака с флангов и штыковая атака пехоты выбивали его с позиции. Армия всегда была построена в две линии; но так как в первой линии почти не имелось интервалов, то для второй было очень трудно притти на помощь первой в случае нужды. Такова была армия и такова была тактика, которые Фридрих II Прусский получил в свое распоряжение при своем восшествии на престол. Было очень мало шансов для гениального человека улучшить что-либо в этой системе, разве только предварительно разрушив ее совсем, чего Фридрих, в его положении и с тем материалом, который он имел для подготовки солдат, сделать не мог. Но все же он изобрел свой способ наступления и организовал свою армию таким образом, что был в состоянии, с ресурсами королевства, меньшего теперешней Сардинии, и со скудной денежной поддержкой Англии, вести войну почти против всей Европы. Секрет объясняется легко. До сих пор все сражения XVIII века представляли собой параллельные сражения, причем обе армии разворачивались линиями, параллельными одна другой, и боролись в открытом бою прямо, без всяких военных хитростей и ухищрений; единственное преимущество, которое могла иметь более сильная сторона, заключалось в том, что ее фланги охватывали фланги противника. Фридрих же применил к линейному боевому строю систему косою атаки, изобретенную Эпаминондом. Он выбирал для первой атаки один из флангов неприятеля и направлял против него один из своих флангов, охватывая фланг противника и держа в то же время остальную часть своих войск позади. Таким образом, он не только получал преимущество, вытекающее из охвата фланга противника, но и мог разгромить превосходными силами неприятельские войска, подвергшиеся атаке. Остальные неприятельские силы не имели возможности притти на помощь атакованным, ибо они не только были прикованы к своему месту во фронтовой линии, но и, в случае успеха атаки на одном фланге, остальная часть атакующей армии выдвигалась в линию и завязывала бой с неприятельским центром, в то время как начавший атаку фланг после разгрома крыла обрушивался на фланг неприятельского центра. Это был действительно единственно мыслимый метод, при помощи которого возможно было, сохраняя линейную систему, бросить превосходные силы на любую часть неприятельской боевой линии. Таким образом, все зависело от состава атакующего крыла, и в той мере, в какой негибкость боевого строя это позволяла, Фридрих всегда

усиливал это крыло. Он очень часто ставил впереди первой пехотной линии атакующего крыла передовую линию, образованную из его гренадеров или из отборных войск, чтобы обеспечить максимальный успех при первом же натиске. Вторым средством, которое применил Фридрих для улучшения своей армии, была реорганизация его кавалерии. Уроки Густава-Адольфа были забыты; кавалерия вместо того, чтобы положиться на саблю и стремительность атаки, вернулась, за немногими исключениями, к ведению боя при помощи пистолетов и карабинов. Таким образом, войны начала XVIII века не были богаты удачными кавалерийскими атаками; в Пруссии кавалерия находилась в особенном пренебрежении. Но Фридрих возвратился к старому способу атаки полным галопом с палашем в руке и создал кавалерию, равной которой не было в истории. Этой кавалерии он и был обязан очень значительной частью своих успехов. Когда его армия сделалась в Европе образцовой, Фридрих, чтобы запутать военных специалистов других наций, начал поразительно усложнять систему тактических движений, ни одно из которых не было пригодно для действительной войны и которые были придуманы только для того, чтобы скрыть простоту средств, при помощи которых он достигал победы. Ему удалось сделать это так хорошо, что никто не был этим ослеплен больше его собственных подчиненных, которые действительно поверили, что эти сложные методы построения линий были настоящим существом его тактики: таким образом, Фридрих положил основание тому педантизму и муштре, которыми с этих пор отличались пруссаки, и этим действительно подготовил их к беспримерному позору Иены и Ауэрштедта⁸¹.

Кроме линейной пехоты, которую мы до сих пор описывали и которая всегда сражалась в сомкнутом строю, существовал еще особый вид легкой пехоты, не появлявшейся в больших сражениях. Задачей этой пехоты была партизанская война; для нее были изумительно приспособлены австрийские хорваты, между тем как для всех других целей они являлись бесполезными. По образцу этих полудикарей с военной турецкой границы сформировали свою легкую пехоту и остальные европейские государства. Но бой в рассыпном порядке в больших сражениях, в том виде, как это практиковалось легкой пехотой в древности и в средние века почти вплоть до XVII столетия, исчез совершенно. Только одни пруссаки, а за ними австрийцы сформировали один-два батальона стрелков, состоявших из лесных сторожей и егерей, как исключительно метких стрелков, которые в сражениях распределялись по всему фронту и стреляли по офицерам; но их было так мало, что едва ли они имели значение. Возрождение боя в рассыпном строю яв-

ляется результатом американской войны за независимость. В то время как солдатам европейских армий, которых удавалось держать компактно только при помощи принуждения и сурового обращения, нельзя было доверять боя в разомкнутом строю, в Америке солдатам приходилось бороться с населением, которое, не проходя регулярного обучения линейных солдат, было хорошими стрелками и хорошо знакомо с винтовкой. Характер местности благоприятствовал им; вместо того чтобы пытаться выполнить специальные движения, на которые они вначале не были способны, они бессознательно перешли к бою в рассыпном порядке. Таким образом, бой при Лексингтоне и Конкорде ⁸² отмечает целую эпоху в истории пехоты.

VII. *Пехота эпохи французской революции и XIX столетия.* Когда европейская коалиция вторглась в революционную Францию, французы находились в таком же положении, в каком были американцы незадолго перед тем, с той лишь разницей, что у них не было таких же преимуществ местности. Для того чтобы сражаться в старом линейном порядке с многочисленными армиями, вторгшимися или грозившими вторгнуться в страну, французам потребовались бы хорошо обученные люди, а таких было немного, в то время как необученных волонтеров было вдоволь. Поскольку позволяло время, волонтеры упражнялись в элементарных движениях линейной тактики, но как только они попадали под огонь неприятеля, их батальоны, развернутые в линию, стихийно распадались, образуя густые толпы стрелков, ищущих защиты от огня во всех неровностях местности; в то же время вторая линия, которая составляла своего рода резерв, довольно часто втягивалась в бой с самого начала. Кроме того, французские армии были организованы весьма отлично от армий противника. Они формировались не из однообразных, негибких линий батальонов, а из армейских дивизий, из которых каждая состояла из артиллерии, кавалерии и пехоты. Сразу был вновь открыт великий факт, что для исхода боя важно не то, сражается ли батальон на «правильном» месте в боевом строю, а то, чтобы он вступал по приказанию в боевую линию и хорошо сражался. Так как французское правительство было бедно, то палатки и громадный обоз XVIII столетия были упразднены; был введен бивуак; офицерский багаж, который в других армиях составлял значительную часть всего обоза, был сведен к небольшому количеству вещей, которые офицеры могли нести на спине. Армия, вместо того чтобы кормиться из складов, должна была рассчитывать на реквизиции в той местности, через которую она проходила. Таким образом, французы достигли подвижности и легкости при построении боевого порядка, совершенно неизвестных их противникам. Потерпев поражение, они через

несколько часов были вне преследования, при наступлении же могли появляться в неожиданных пунктах на флангах противника, прежде чем тот мог их заметить. Эта подвижность французов, а с другой стороны, взаимное недоброжелательство среди вождей коалиции дали первым некоторую передышку, чтобы обучить своих волонтеров и выработать ту новую тактическую систему, которая стала создаваться у них.

Начиная с 1795 г., мы находим, что эта новая система уже принимает определенную форму, представлявшую собой сочетание рассыпного строя с густыми колоннами. Впоследствии сюда прибавилось построение в линию, хотя и не для всей армии, как это было до сих пор, а лишь для отдельных батальонов, которые развертывались в линию, как только обстановка, казалось, требовала этого. Очевидно, что этот маневр, требовавший более солидного обучения, был последним из усвоенных нерегулярными отрядами французской революции.

Три батальона составляли полубригаду, шесть — бригаду, две или три пехотные бригады — дивизию, к которой присоединялись две артиллерийских батареи и некоторое количество кавалерии; несколько таких дивизий составляли армию. Когда дивизия встречалась с неприятелем, стрелковые цепи авангарда занимали оборонительную позицию, а авангард служил для них резервом, пока не подходила дивизия. Затем бригады образовывали по две линии, а также резерв, находившиеся друг от друга на неопределенных интервалах, имея все батальоны в колонне; для противодействия прорывам боевого строя имелись кавалерия и резерв. Боевая линия не должна была быть, как прежде, обязательно прямой и непрерывной; она могла изгибаться по всем направлениям, как того требовала местность, так как теперь не выбирали больше обнаженных гладких равнин для поля сражения; наоборот, французы предпочитали пересеченную местность, и их стрелки, образуя цепь впереди всей боевой линии, устремлялись в каждую деревушку, ферму или рожицу, которой они могли овладеть. Если батальоны первой линии развертывались, то обычно они скоро превращались в стрелковые цепи; батальоны же второй линии всегда оставались в колоннах и обыкновенно с большим успехом атакывали в таком строю тонкие линии противника. Таким образом, тактическое боевое построение французской армии постепенно свелось к двум линиям, каждая из которых состояла из батальонов в сомкнутых колоннах, расположенных en échiquier (в шахматном порядке) со стрелковыми цепями впереди и компактным резервом в тылу. В этой стадии развития и застал тактику французской революции Наполеон. Как только его приход к политической власти позволил

ему сделать это, он начал развивать эту систему еще дальше. Он сконцентрировал свою армию в Булонском лагере⁸³ и здесь дал ей регулярный курс обучения. В особенности упражнял он своих солдат в образовании компактных резервных масс на небольшом пространстве и в быстром развертывании этих масс для вступления в линию. Он создал из двух или трех дивизий армейский корпус, чтобы упростить командование. Он изобрел и довел до высшего совершенства новый походный порядок, который состоял в растягивании войск на таком по величине пространстве, чтобы они могли существовать за счет находившихся там запасов и в то же время держаться настолько сосредоточенно, чтобы их можно было соединить в любом пункте, прежде чем атакованная часть могла быть раздавлена неприятелем. Начиная с кампании 1809 г.⁸⁴, Наполеон стал изобретать новые тактические построения, как, например, глубокие колонны из целых бригад и дивизий, которые оказались, однако, весьма неудачными и никогда больше не возрождались. После 1813 г. новая французская система сделалась общим достоянием всех наций европейского континента. Старая линейная система и система набора наемников были окончательно оставлены. Повсюду была признана обязанность каждого гражданина отбывать воинскую повинность, и повсюду была введена новая тактика. В Пруссии и Швейцарии действительно каждый должен был служить, а в других государствах была введена конскрипция, причем молодые люди тянули жребий, определявший, кто должен служить. Повсюду была введена система запаса путем увольнения домой части уже обученных людей, с тем чтобы при небольших расходах в мирное время на случай войны иметь в своем распоряжении большое число обученных людей.

С этого времени в вооружении и организации пехоты произошли некоторые перемены, вызванные частью успехом производства ручного оружия, частью столкновением французской пехоты с арабами Алжира. Германцы, всегда любившие карабин, увеличили свои батальоны легких стрелков; французы, побуждаемые необходимостью иметь в Алжире более дальнобойное оружие, создали, наконец, в 1840 г., батальон стрелков, вооруженных усовершенствованными карабинами большой меткости и дальнобойности. Солдаты этого батальона, обученные выполнять все свои движения и даже совершать большие переходы особого рода рысью (*pas gymnastique*), скоро показали себя настолько боеспособными, что были сформированы новые батальоны. Таким образом, была создана новая легкая пехота, но уже не из спортсменов — стрелков и егерей, а из наиболее сильных и ловких людей; меткость и дальнобойность огня были соединены с ловкостью и выносливостью, и, таким обра-

зом, была создана сила, которая, до поры до времени, бесспорно превосходила всякую существовавшую тогда пехоту. В то же время *pas gymnastique* был введен в линейной пехоте, и то, что даже Наполеон считал бы верхом сумасшествия, а именно бег, применяется теперь в каждой армии как одна из важных сторон пехотного обучения. Успех новой винтовки (Дельвинь-Поншара) способствовал ее дальнейшим улучшениям. Была введена коническая пуля для нарезного ружья. Минье, Лоренцом и Вилькинсоном были придуманы новые способы, посредством которых пуля легко скользила по стволу и, очутившись внизу, расширялась настолько, что заполняла своим свинцом нарезы и, таким образом, получала боковое вращение и силу, от которых зависели результаты стрельбы из ружья; с другой стороны, Дрейзе изобрел игольчатое ружье, которое заряжалось с казны и не требовало отдельного запала. Все эти ружья обладали способностью поражать на 1000 ярдов и так же легко заряжались, как гладкоствольный мушкет. Затем возникла мысль вооружить такими винтовками всю пехоту. Англия первая осуществила эту мысль. Пруссия, еще задолго до того готовившаяся к этому шагу, последовала за ней, затем Австрия и мелкие германские государства и, наконец, Франция. Россия, а также итальянские и скандинавские государства до сих пор отстают. Новое вооружение совершенно изменило характер ведения войны, но не в том отношении, в каком ожидали теоретики тактики; и это по очень простой математической причине. Можно легко доказать, начертив траектории этих пуль, что ошибка в 20 или 30 ярдов при определении расстояния до цели уничтожает все шансы на попадание за пределами 300 или 350 ярдов. Далее, в то время как на учебном плацу все расстояния известны, на поле сражения они неизвестны, к тому же они ежеминутно меняются. Пехота, расположенная на оборонительной позиции и имеющая время измерить расстояния до наиболее заметных предметов перед фронтом, будет, таким образом, иметь на расстоянии от 1000 до 300 ярдов громадное преимущество над атакующими ее силами. Это можно предотвратить лишь быстрым продвижением вперед, без стрельбы и полной рысью, до расстояния в 300 ярдов, где огонь обеих сторон будет одинаково действительным. На этом расстоянии стрельба между двумя хорошо расположенными цепями стрелков будет настолько убийственной и столько пуль будет попадать в пикеты и резервы, что смелая пехота ничего не сможет сделать лучшего, как при первом же удобном случае броситься на противника, дав залп на расстоянии в 40 или 50 ярдов. Эти правила, впервые теоретически разработанные прусским майором Трота, с большим успехом были затем практически применены французами в их последней

войне с австрийцами *. Поэтому они составят неотъемлемую часть современной пехотной тактики, в особенности если они смогут дать такие же хорошие результаты при применении их против такого быстро заряжающегося оружия, как прусское игольчатое ружье. Вооружение всей пехоты нарезным ружьем одного и того же образца приведет к уничтожению все еще существующего различия между легкой и линейной пехотой и к образованию единой пехоты, способной к любой службе. В этом, видимо, и будет заключаться дальнейшее усовершенствование этого рода войск.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке в октябре 1859 г.

Впервые напечатано в «New American Cyclopaedia», т. IX, 1860 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XI, ч. II.

* В итальянской войне 1859 г. Франции и Пьемонта против Австрии. *Ред.*

КАВАЛЕРИЯ

Кавалерия (французское *cavalerie*, от *cavalier* — всадник, от *cheval* — лошадь) есть организованное объединение верховых воинов. Пользование лошадью для езды верхом и введение в армии отрядов всадников, естественно, зародились в странах, где искони водились лошади и где климат и растительный покров почвы благоприятствовали развитию всех их физических качеств. В то время как лошадь в Европе и тропической Азии скоро выродилась в неуклюжее животное или малого размера пони, — лошади Аравии, Персии и Малой Азии, Египта и северного берега Африки достигли большой красоты, быстроты, понятливости и выносливости. Но, повидимому, вначале лошадью пользовались только для запряжки; по крайней мере в военной истории боевая колесница задолго предшествует вооруженному всаднику. Египетские памятники показывают нам множество боевых колесниц, но за единственным исключением мы не видим на них ни одного всадника; да и это исключение, повидимому, относится к римскому периоду. Тем не менее несомненно, что, по крайней мере, столетия за два до завоевания страны персами египтяне обладали многочисленной конницей, и командующий этим родом войск неоднократно упоминается среди самых важных придворных сановников. Весьма вероятно, что египтяне познакомились с конницей во время своей войны с ассирийцами, ибо на ассирийских памятниках часто изображаются всадники, и их использование на войне в ассирийских армиях в весьма ранний период установлено вне всякого сомнения; равным образом седло впервые, повидимому, появилось у них же. На более старых скульптурных памятниках воин сидит на голой спине животного; в позднейшую эпоху мы встречаем род подстилки или подушки и, наконец, высокое седло, подобное употребляемому в настоящее время повсюду на Востоке. Персы и мидяне в момент своего появления в истории были народом всадников. Хотя они и сохранили боевую колесницу и даже оставили за ней ее прежнее преимущественное положение сравнительно с более молодым родом войск — конницей, все же значительная численность конных воинов придала коннице такое значе-

ние, каким она не пользовалась ни в одной из прежних армий. Конница ассирийцев, египтян и персов была иррегулярной конницей, т. е. такой, какая и поныне преобладает на Востоке и какая только и существовала до самого недавнего времени в Северной Африке, Азии и Восточной Европе. Но лишь только греки улучшили породу своих лошадей, путем окрещивания с восточной лошастью, настолько, что она стала пригодной для использования в коннице, они немедленно же приступили к организации этого рода войск по новому принципу. Они являются создателями как регулярной пехоты, так и регулярной конницы. Они формировали массы бойцов в отдельные отряды, вооружали и снаряжали их соответственно цели, для которой они предназначались, обучали их действовать согласованно, двигаться в строю, сохранять определенное тактическое построение, чтобы таким путем бросать всю тяжесть их сосредоточенной и двигающейся массы на определенный пункт вражеского фронта. Организованные таким образом, они повсюду оказывались выше необученных, неповоротливых и беспорядочных толп, выставляемых против них азиатами. Мы не имеем примера сражения греческой конницы против персидских всадников до того времени, пока сами персы не создали конных отрядов более регулярного типа; но не может быть сомнения, что результат был бы таким же, какой получился при встрече на поле битвы пехоты этих народов. Конница была организована сначала только в тех областях Греции, которые разводили лошадей, как, например, в Фессалии и Беотии; но очень скоро после этого афиняне создали отряд тяжелой конницы, помимо конных лучников, которые предназначались для сторожевой службы и боя в рассыпном строю. Спартанцы тоже организовывали *élite* (избранную часть) своего юношества в отряд конных телохранителей; но они не верили в конницу и заставляли ее спешиваться в бою и сражаться подобно пехоте. У греков Малой Азии, а равно и у греческих наемников, служивших в их армии, персы научились организации регулярной конницы, и не подлежит сомнению, что значительная часть персидской конницы, сражавшейся против Александра Великого, была более или менее обучена действиям компактными отрядами по образцу регулярной конницы. Однако они не могли соперничать с македонянами. У этого народа верховая езда была обязательной частью воспитания знатной молодежи, и конница занимала почетное место в их армии. Конница Филиппа и Александра состояла из македонской и фессалийской знати и небольшого количества эскадронов, набиравшихся в собственно Греции. Она состояла из тяжело вооруженных всадников — *cataphractae*, имевших шлем и нагрудник, набедренники и длинное копье. Она обыкновенно атаковала ком-

пактной массой, продолговатой или клинообразной колонной, а иногда также и в линию. Легкая конница, состоявшая из вспомогательных войск, была в большей или меньшей степени иррегулярного типа и служила, подобно современным казакам, для строевой службы и боя в рассыпном строю.

Сражение при Гранике (334 г. до нашей эры) представляет собою первый пример боя, когда конница сыграла решающую роль. Персидская конница была расположена на дистанцию атаки от бродов через реку. Как только головы колонн македонской пехоты перешли реку и до того, как они успели развернуться, персидская конница атаковала их и отбросила за реку. Этот маневр, повторенный несколько раз с полным успехом, сразу показывает, что персы противопоставили македонцам регулярную конницу. Напасть врасплох на пехоту как раз в момент ее максимальной слабости, а именно при переходе из одного тактического построения в другое, возможно только при наличии дисциплинированной и хорошо управляемой конницы. Иррегулярная конница неспособна на это. Птоломей, командовавший авангардом армии Александра, не мог продвинуться вперед, пока македонские конные латники не перешли реку и не атаковали персов с фланга. Последовал продолжительный бой; но так как персидские всадники были расположены в одну линию без резервов, а азиатские греки, бывшие в их армии, покинули их, то они были в конце концов разбиты. Сражение при Арбелах (331 г. до нашей эры) было наиболее славным для македонской конницы. Александр лично вел в бой македонскую конницу, которая образовала крайнее правое крыло его боевого построения, тогда как фессалийская конница составляла левое крыло. Персы пытались обойти его с фланга, но в решительный момент Александр выдвинул свежие силы из тыла, чтобы в свою очередь обойти персов; в то же время персы оставили промежуток между своим левым крылом и центром. Александр немедленно устремился в этот промежуток, отделил левое крыло от остальной части армии, разбил его и преследовал на значительное расстояние. Затем, когда к нему обратился за помощью его собственный находившийся под угрозой левый фланг, он быстро привел в порядок свою конницу и, пройдя позади центра противника, атаковал с тыла его правое крыло. Сражение было, таким образом, выиграно, и Александр с той поры признается одним из лучших кавалерийских начальников всех времен. В довершение дела его конница преследовала бегущего врага с таким пылом, что ее авангард оказался на следующий день в 75 милях от поля сражения. Весьма любопытно видеть, что общие принципы кавалерийской тактики в ту эпоху понимались столь же хорошо, как и в настоящее время. Нападать на пехоту на марше или

во время ее перестроения, атаковать кавалерию преимущественно во фланг, пользоваться каждой щелью в линии противника, чтобы, устремившись в нее и заходя плечом направо и налево, брать во фланг и в тыл войска, расположенные около этого прорыва, использовать победу быстрым и беспощадным преследованием сломленного противника, — таковы первые и главнейшие правила, какие должен заучить каждый современный кавалерийский офицер.

После смерти Александра мы уже больше не слышим об этой блестящей греческой и македонской коннице. В Греции снова получила преобладание пехота, а в Азии и Египте конница быстро выродилась.

Римляне никогда не были наездниками. Та немногочисленная конница, которая была в их легионах, предпочитала сражаться спешенной. Их лошади были плохой породы, а воины не умели ездить верхом. Но на южном берегу Средиземного моря была создана конница, не только соперничавшая, но и превзошедшая конницу Александра. Карфагенские полководцы Гамилькар и Ганнибал сумели организовать, помимо своей нумидийской иррегулярной конницы, отряд первоклассной регулярной конницы и, таким образом, создали род войск, который почти во всех случаях обеспечивал им победу. Берберы Северной Африки и по настоящее время являются народом наездников, по крайней мере в равнинных местностях, а превосходная берберийская лошадь, которая несла всадников Ганнибала в густые массы римской пехоты с неизвестной ранее быстротой и стремительностью, до сих пор еще обслуживает самые лучшие полки французской кавалерии — *chasseurs d'Afrique* (африканских конных егерей) и признается ими лучшей из существующих строевых лошадей.

Карфагенская пехота была много хуже римской, даже после того, как она продолжительное время тренировалась двумя своими великими вождями; она не имела бы ни малейшего шанса на успех против римских легионов, если бы не пользовалась помощью кавалерии, которая одна сделала для Ганнибала возможным продержаться в Италии 16 лет; и когда эта кавалерия уменьшилась в силу лишений в течение столь многочисленных кампаний — но отнюдь не благодаря оружию врага, — Ганнибалу пришлось очистить Италию.

Сражения Ганнибала имеют то общее со сражениями Фридриха Великого, что большинство из них было одержано конницей над первоклассной пехотой; и действительно, никогда конница не совершала столь славных дел, как под командой этих двух великих полководцев. Из какого народа и на каких тактических принципах Гамилькар и Ганнибал сформировали свою регулярную кавалерию, мы в точности не

знаем. Но так как их нумидийская легкая конница всегда ясно различалась (в исторических памятниках) от тяжеловесной или регулярной конницы, мы можем заключить, что последняя не состояла из берберийских племен. В ней было, весьма вероятно, много иностранных наемников, некоторое количество карфагенян; однако главная масса, по всей вероятности, состояла из испанцев, так как она была сформирована в их стране и так как даже во времена Цезаря испанские всадники включались в состав большинства римских армий. Поскольку Ганнибал был хорошо знаком с греческой цивилизацией и поскольку греческие наемники и искатели приключений еще до него служили под карфагенскими знаменами, вряд ли придется сомневаться в том, что организация греческой и македонской тяжело вооруженной конницы послужила образцом при организации конницы карфагенской. Первое же столкновение в Италии решило вопрос о превосходстве карфагенской конницы. При Тицино (218 г. до нашей эры) римский консул Публий Сципион, производивший разведку своими кавалерией и легко вооруженной пехотой, встретился с карфагенской конницей под предводительством Ганнибала, выполнявшей такую же задачу. Ганнибал сразу атаковал римлян. Римская легко вооруженная пехота стояла в первой линии, конница была во второй. Карфагенская тяжело вооруженная конница атаковала пехоту, рассеяла ее и затем немедленно атаковала римскую конницу с фронта, тогда как нумидийская иррегулярная конница напала на ее фланг и тыл. Сражение было коротким. Римляне сражались мужественно, но у них не было ни малейшего шанса на успех. Они не умели ездить верхом; свои же собственные лошади победили их; напуганные римскими пехотинцами, которые бежали прямо на римскую конницу и искали убежища в ее рядах, многие лошади сбросили с себя всадников и привели строй в беспорядок. Другие солдаты, не доверяя своему уменью ездить верхом, спешились и пытались сражаться как пехота, но карфагенские латники были уже среди них, тогда как вездесущие нумидийцы скакали вокруг приведенной в беспорядок массы, поражая каждого беглеца, который отделялся от нее. Потери римлян были значительны, и сам Публий Сципион оказался раненым. При Требии⁸⁵ Ганнибалу удалось побудить римлян переправиться через эту реку, так что им предстояло сражаться, имея это препятствие в своем тылу. Как только это было выполнено, он перешел в наступление всеми своими силами и принудил римлян принять сражение. Римляне, подобно карфагенянам, имели пехоту в центре, но против обоих крыльев римлян, составленных из конницы, Ганнибал поместил слонов, используя конницу для обхода и охвата обоих крыльев противника. В самом начале сражения

римская конница, будучи, таким образом, обойдена численно превосходным противником, потерпела полное поражение, но римская пехота оттеснила карфагенокий центр и продвинулась вперед. Тогда победоносная карфагенская конница атаковала ее с фронта и с фланга; она принудила ее приостановить свое движение, но сломить ее не могла. Однако Ганнибал, зная стойкость римского легиона, послал в обход в тыл 1000 всадников и 1000 отборных пехотинцев под командой своего брата Маго. Эти свежие войска теперь напали на римлян, и им удалось сломить вторую линию; но первая линия, в числе 10 000 человек, сомкнулась и компактной массой пробилась через ряды противника, а затем двинулась вдоль реки к Плаценте, где беспрепятственно переправилась через реку. В сражении при Каннах (216 г. до нашей эры)⁸⁶ римляне имели 80 000 пехоты и 6000 конницы, карфагеняне — 40 000 пехоты и 10 000 конницы. Конница Лациума составляла правое крыло римлян, опиравшееся на реку Ауфид; конница итальянских союзников стояла на левом крыле, тогда как пехота занимала центр. Ганнибал тоже поместил свою пехоту в центре, причем кельтские и испанские отряды снова составляли крылья, тогда как между ними, несколько позади, стояла его африканская пехота, вооруженная и организованная теперь по римской системе. Что касается конницы, то он расположил нумидийцев на правом крыле, где открытая равнина позволяла им, благодаря их большей подвижности и скорости, уклоняться от атак итальянской тяжелой вооруженной конницы, выдвинутой против них, тогда как вся масса тяжелой вооруженной конницы под командой Газдрубала была помещена на левом крыле, у самой реки. На левом крыле римлян нумидийцы задали итальянской коннице вдоволь работы, но по самой своей природе, как конница иррегулярная, они правильными атаками не могли сломить ее сомкнутый строй. В центре римская пехота быстро отбросила кельтов и испанцев и затем построилась в клинообразную колонну, чтобы атаковать африканскую пехоту. Последняя, однако, сделала поворот плечом внутрь и, атаковав эту неповоротливую массу, выстроенную в линию, сломала ее натяком, после чего началось регулярное сражение. Но тяжело вооруженная конница Газдрубала подготовила тем временем поражение римлян. Бешено атаковав римскую конницу на правом крыле, она рассеяла ее после упорного сопротивления, прошла, подобно Александру при Арбелах, позади римского центра, напала на тыл итальянской конницы, совершенно разбила ее и, оставив ее в качестве легкой добычи нумидийцам, построилась для большой атаки на фланги и тыл римской пехоты. Это решило исход сражения. Неповоротливая масса, атакованная со всех сторон, дрогнула, расстроилась, была про-

рвана и не устояла. Никогда еще не было такого полного разгрома целой армии. Римляне потеряли 70 000 человек; из их конницы избегло гибели только 70 человек. Карфагеняне потеряли менее 6000 человек, из которых две трети принадлежали к кельтским контингентам, которым пришлось вынести всю тяжесть первой атаки легионов. Из 6000 регулярной конницы Газдрубала, выигравшей все сражение, было убито и ранено не более 200 человек.

Римская конница в позднейшие времена была немногим лучше, чем во время Пунических войн. Она включалась небольшими отрядами в состав легионов, никогда не образуя самостоятельного рода войск. Кроме этой легионной конницы, во времена Цезаря существовала еще испанская, кельтская и германская конница, более или менее иррегулярная. У римлян конница ни разу не совершила чего-нибудь заслуживающего упоминания; этот род войск находился в таком пренебрежении и был так мало боеспособен, что парфянская иррегулярная конница Хорасана оставалась для римских армий весьма грозной. Однако в восточной части империи сохранилась издревле страсть к лошадям и наездничеству, и Византия оставалась до самого завоевания ее турками великим конным рынком и школой верховой езды для всей Европы. В соответствии с этим мы видим, что во время кратковременного возрождения Византийской империи при Юстиниане ее конница стояла на сравнительно приличной высоте, и в сражении при Капуе, в 552 г. нашей эры, евнух Нарсес, как говорят источники, нанес поражение вторгшимся в Италию тевтонцам главным образом при помощи этого рода войск.

Утверждение во всех странах Западной Европы победоносной аристократии тевтонского происхождения положило начало новой эре в истории кавалерии. Знать повсюду поступала на кавалерийскую службу, образуя, под названием латников (*gens d'armes*), максимально тяжело вооруженную конницу, в которой не только всадники, но и лошади были покрыты оборонительными доспехами из металла. Первое сражение, в котором появилась такая конница, было сражение при Пуатье, где Карл Мартелл в 732 г. отбил поток арабского вторжения. Франкские рыцари под предводительством Эда, герцога Аквитанского, прорвались через ряды мавров и овладели их лагерем. Но такого рода войско не было пригодным для преследования; поэтому арабы, под прикрытием своей неутомимой иррегулярной конницы, отступили невредимыми в Испанию. С этого времени начинается серия войн, в которых массивная, но неповоротливая регулярная кавалерия Запада с переменным успехом сражалась с подвижной иррегулярной конницей Востока. Германское рыцарство скрещивало мечи

в течение почти всего X столетия с дикой венгерской конницей и совершенно разбило ее своим сомкнутым строем при Мерзебурге в 933 г. и при Лехе в 955 г. Испанское рыцарство в течение нескольких столетий сражалось со вторгшимися в их страну маврами и в конце концов покорило их. Но во время крестовых походов, когда западные «тяжеловесные рыцари» перенесли арену военных действий на родину своих восточных врагов, они, в свою очередь, терпели поражение, и в большинстве случаев их совершенно уничтожали; ни они сами, ни их лошади не были в состоянии выдержать климата, невероятно длинных маршей и отсутствия подходящей пищи и фуража. Вслед за крестовыми походами последовало новое вторжение восточных наездников в Европу, а именно вторжение монголов. Наводнив Россию и области Польши, они в 1241 г. встретились при Вальштате в Силезии с соединенной польско-германской армией. После долгой борьбы азиаты разбили утомленных, закованных в сталь рыцарей, но победа была куплена столь дорогой ценой, что она сломила силу кочевников. Монголы не двинулись дальше и вскоре, вследствие раздоров в овоей среде, перестали быть опасными и были отброшены. В течение всего средневекового периода кавалерия оставалась главным родом войск во всех армиях; у восточных народов это место всегда занимала легкая иррегулярная конница; у народов Западной Европы тяжело вооруженная регулярная кавалерия, формировавшаяся из рыцарства, являлась в этот период тем родом войск, который решал исход каждого сражения. Это преобладание конницы было обусловлено не столько ее собственными достоинствами, — ибо иррегулярная конница Востока была неспособна к правильному бою, а регулярная кавалерия Запада была невероятно неповоротлива в своих движениях, — сколько плохим качеством пехоты. Азиаты, равно как и европейцы, презрительно относились к пехоте; она состояла из тех, кто не имел средств явиться на коне, — главным образом, из рабов или крепостных. У нее не было надлежащей организации; без оборонительных доспехов, имея единственным оружием пику и меч, она могла от случая к случаю противостоять бешеным, но беспорядочным атакам восточных наездников благодаря своему глубокому построению; но ее прямо растапывали, не встречая с ее стороны сколько-нибудь серьезного сопротивления, неуязвимые латники Запада. Единственное исключение составляла английская пехота, которая черпала свою силу в своем страшном оружии — длинном луке. Количество европейской кавалерии этих времен по отношению к остальной армии было, несомненно, не столь значительным, как немногими столетиями позднее или даже в настоящее время. Рыцари не были очень многочисленны, и мы

находим, что во многих крупных сражениях участвовало не более 800 или 1 000 рыцарей. Но обыкновенно их было более чем достаточно для того, чтобы справиться с любым количеством пехоты, раз только им удавалось прогнать с поля сражения латников противника. Обычным способом борьбы этих латников было линейное построение в один ряд, задний же ряд образовывали оруженосцы, которые, говоря вообще, имели менее полное и менее тяжелое вооружение. Эти линии, очутившись в гуще противника, скоро распадались на отдельных бойцов и заканчивали сражение простым рукопашным боем. Впоследствии, когда начало входить в употребление огнестрельное оружие, стали создаваться глубокие массовые построения, обыкновенно четырехугольники; но именно тогда дни рыцарства были сочтены. В течение XV столетия не только появилась на поле сражения артиллерия, а часть пехоты — стрелки того времени — была вооружена мушкетами, но и в самом характере пехоты произошла общая перемена. Этот род войск стал формироваться вербовкой наемников, которые делали из военной службы профессию. Германские *Landsknechte* (ландскнехты) и швейцарцы были такими профессиональными солдатами, и они весьма скоро ввели более регулярные построения и тактические движения. В известном смысле была возрождена древняя дорическая и македонская фаланга; шлем и нагрудник до некоторой степени защищали солдат от копья и меча кавалерии; и когда при Новаре (1513 г.)⁸⁷ швейцарская пехота фактически прогнала с поля сражения французских рыцарей, то такого рода храбрые, но неповоротливые всадники стали в дальнейшем бесполезными. В силу этого после восстания Нидерландов против Испании мы встречаем новый вид кавалерии — германских *Reiter* (рейтаров), (французских *gêitres*), набравшихся, как и пехота, в порядке добровольной вербовки и вооруженных шлемом и нагрудником, мечом и пистолетами. Они были столь же тяжеловесными, как современные кирасиры, но много легче, чем рыцари. Они скоро доказали свое превосходство над тяжело вооруженными латниками. Последние отныне исчезают, а вместе с ними исчезает и копьё; меч и короткое огнестрельное оружие становятся обычным вооружением кавалерии. Около того же времени (конец XVI века) сперва во Франции, потом и в других странах Европы был введен смешанный род войск — драгуны. Вооруженные мушкетами, они должны были сражаться, смотря по обстоятельствам, то как пехота, то как кавалерия. Подобный род войск был создан Александром Великим под названием *dímachae*, но не встретил подражания. Драгуны XVI века существовали продолжительное время, но к середине XVIII столетия они повсюду, хотя и сохранив на-

звание, утратили свой смешанный характер и применялись обыкновенно в качестве кавалерии. Самой важной отличительной чертой их было то, что они представляли собой первый вид кавалерии, совершенно лишенной оборонительных доспехов. Создание драгунов, как действительно смешанного рода войск, было испробовано еще раз в широких размерах русским императором Николаем; но скоро выяснилось, что перед лицом врага ими всегда приходилось пользоваться как кавалерией, и потому Александр II скоро преобразовал их в обыкновенные кавалерийские части, рассчитанные на пехотную службу не более, чем гусары или кирасиры. Великий голландский полководец Морис Оранский впервые создал для своих Reiter (рейтаров) организацию, похожую до известной степени на современную тактическую организацию. Он обучал их производить атаки и движения отдельными отрядами, эскадронами и взводами и более чем в одну линию, заворачивать плечом, вздваивать ряды, строить колонну и линию, менять фронт, не нарушая порядка. Таким образом, кавалерийский бой стал решаться уже не одной атакой всей массы, а последовательными атаками отдельных эскадронов и линий, поддерживающих друг друга. Его кавалерия строилась обыкновенно глубиной в пять рядов. В других армиях она сражалась в густых строях, и там, где было принято линейное построение, оно все еще было глубиной в 5—8 рядов. XVII столетие, совершенно покончив с дорогостоящими латниками, увеличило численность кавалерии до невероятных размеров. Ни один другой период не знал такой крупной пропорции этого рода войск в каждой армии. В Тридцатилетнюю войну от $\frac{2}{5}$ до $\frac{1}{2}$ каждой армии состояло обыкновенно из кавалерии; в отдельных случаях на одного пехотинца приходилось два всадника. Самым выдающимся из кавалерийских начальников этого периода был Густав-Адольф. Его конница состояла из кирасиров и драгунов, причем последние почти всегда сражались как кавалеристы. Его кирасиры тоже были легче кирасиров императора и скоро доказали свое неоспоримое превосходство. Шведская кавалерия строилась в три ряда; ее правилом было, в противоположность кирасирам большинства армий, главным оружием которых был пистолет, не терять время на стрельбу, а атаковать врага с палашом в руке. В этот период кавалерия, которая в течение средних веков обыкновенно помещалась в центре, стала снова располагаться, как в древности, на флангах армии, где она строилась в две линии.

В Англии гражданская война породила двух замечательных кавалерийских начальников. Принц Руперт, на стороне роялистов, отличался «порывистостью», нужной для всякого

кавалерийского генерала, но обыкновенно он слишком увлекался, утрачивая руководство своей кавалерией, и настолько бывал поглощен тем, что непосредственно происходило перед ним, что «смелый драгун» всегда преобладал в нем над генералом. Кромвель, с другой стороны, будучи столь же смелым, когда это требовалось, являлся гораздо лучшим генералом; он держал своих солдат в руках, всегда имел резерв на случай непредвиденных обстоятельств и для решительных движений, умел маневрировать и, таким образом, обычно оказывался победителем над своим опрометчивым противником. Он выиграл сражение при Марстон-Муре и Нэзби⁸⁸ только благодаря своей кавалерии.

В большинстве армий, за исключением шведской и английской, употребление огнестрельного оружия все еще оставалось основным способом действий кавалерии в бою. Во Франции, Пруссии и Австрии кавалерия обучалась действовать карабином точно так же, как пехота мушкетом. Стрельба велась с лошади рядами, взводами, шеренгами и т. д., причем движение в это время останавливалось; если выполнялось сближение для атаки, то линия двигалась рысью; на небольшом расстоянии от противника движение приостанавливалось, давался залп, вынимались палаши и затем следовала атака. Действенность огня длинных линий пехоты подорвала всякое доверие к атаке кавалерии, которая уже более не была защищена оборонительными доспехами; вследствие этого верховой ездой стали пренебрегать, никаких движений не умели выполнять на быстрых аллюрах, и даже на малых аллюрах несчастные случаи с людьми и лошадьми насчитывались десятками. Обучение происходило в большинстве случаев в спешенном виде, а офицеры не имели ни малейшего представления об употреблении кавалерии в бою. Французы, правда, иногда атаковали с палашами наголо, а Карл XII Шведский, верный своей национальной традиции, всегда атаковывая галопом и не стреляя, рассеивал кавалерию и пехоту и иногда даже овладевал полевыми укреплениями легкого профиля. Но лишь Фридриху Великому и его великому кавалерийскому начальнику Зейдлицу выпало на долю революционизировать конницу и поднять ее до кульминационного пункта славы. Прусская кавалерия в том виде, в каком отец Фридриха оставил ее своему сыну, т. е. состоявшая из тяжело вооруженных солдат и неповоротливых лошадей и обученная только стрельбе, была моментально разбита при Мольвице (1741 г.). Но как только первая Силезская война⁸⁹ была доведена до конца, Фридрих сейчас же совершенно реорганизовал свою кавалерию. Стрельба и обучение в спешенных построениях были отодвинуты на задний план; внимание было обращено на верховую езду.

«Все движения должны производиться с величайшей быстротой, все повороты надлежит совершать легким галопом. Кавалерийские офицеры должны в первую очередь вырабатывать из своих солдат совершенных всадников; кирасиры должны быть столь же искусны и опытны в верховой езде, как и гусары, и хорошо обучены пользованию палашом».

Солдаты должны были ездить верхом ежедневно. Основными видами обучения были езда по пересеченной местности, преодоление препятствий и фехтование с лошади. Во время атаки стрельба не допускалась до тех пор, пока первая и вторая линии противника не оказывались совершенно сломленными.

«Каждый эскадрон,двигающийся в атаку, должен атаковать противника с палашом в руке, и ни один командир под угрозой позорного разжалования не должен позволять своей части стрелять; бригадные генералы должны отвечать за это. При сближении для атаки войска двигаются сперва быстрой рысью и переходят, наконец, в полный галоп, сохраняя, однако, сомкнутый строй; и если они будут атаковать таким образом, его величество уверен, что враг всегда будет сломлен». «Каждому кавалерийскому офицеру следует всегда помнить, что для разгрома врага требуется выполнение двух условий: 1) атаковать его с максимально возможной быстротой и силой и 2) обойти его с фланга».

Эти отрывки из инструкций Фридриха в достаточной степени отражают полную революцию, произведенную им в кавалерийской тактике. Ему превосходно помогал Зейдлиц, который всегда командовал его кирасирами и драгунами и сделал из них такие войска, что по стремительности и порядку атаки, быстрой перестроений, готовности к фланговым атакам, быстрой восстановления порядка и перегруппировки после атаки ни одна кавалерия не могла сравниться с прусской кавалерией периода Семилетней войны. Результаты вскоре стали очевидными. При Гогенфридберге⁹⁰ байрейтский драгунский полк в 10 эскадронов опрокинул целое левое крыло австрийской пехоты, разбил 21 батальон, захватил 66 знамен, 5 пушек и 4000 пленных. При Цорндорфе⁹¹, когда прусская пехота вынуждена была отступить, Зейдлиц с 36 эскадронами прогнал с поля сражения победоносную русскую кавалерию и затем обрушился на русскую пехоту, нанеся ей полное поражение и причинив тяжелые потери. Победами при Россбахе, Штригау, Кессельдорфе, Лейтене⁹² и в десяти других сражениях Фридрих был обязан своей блестящей кавалерии. Когда разразилась французская революционная война, австрийцы усвоили прусскую систему, но французы этого не сделали. Старая французская кавалерия была сильно дезорганизована революцией, а новые формирования в начале войны оказались почти непригодными. Когда их новые пехотные наборы встречались с хорошей кавалерией англичан, пруссаков и австрийцев, они в течение 1792 и 1793 гг. почти всегда терпели поражение. Кавалерия, совершенно не опоспособная состязаться с такими противниками, всегда держалась

в резерве, пока несколько лет походной жизни не улучшили ее. С 1796 г. каждая пехотная дивизия имела в качестве поддержки кавалерийскую часть; все же при Вюрцбурге вся французская кавалерия была разбита 59 австрийскими эскадронами (1796 г.)⁹³. Когда Наполеон взял в свои руки управление Францией, он употребил все усилия для того, чтобы улучшить кавалерию. Он застал наихудший материал, какой только мог быть. Как нация, французы являются безусловно наиболее плохими наездниками в Европе, а их лошади, хорошие для упряжи, мало пригодны под седло. Сам Наполеон не особенно любил ездить верхом и недооценивал верховой езды вообще. Тем не менее он произвел большие улучшения, и после обучения в Булонском лагере его кавалерия, пользовавшаяся большей частью германскими и итальянскими лошадьми, стала довольно серьезным противником. Кампании 1805 и 1806—1807 гг.⁹⁴ позволили его кавалерии поглотить почти весь конский состав австрийской и прусской армий и, кроме того, усилили наполеоновскую армию превосходной кавалерией Рейнской конфедерации* и великого герцогства Варшавского. Таким образом, были сформированы те громадные конные массы, с которыми Наполеон действовал в 1809, 1812 и во вторую половину 1813 г.; эти массы, хотя и называемые обыкновенно французскими, в значительной своей части состояли из немцев и поляков. Кирасы, упраздненные во французской армии незадолго до революции, были частично восстановлены Наполеоном в тяжелой кавалерии. В остальном организация и вооружение остались почти теми же оаыми, если не считать того, что вместе с польскими вспомогательными войсками он получил несколько полков легкой кавалерии, вооруженных пиками, форма одежды и вооружение которых вкоре были переняты другими армиями. Но в тактическом применении кавалерии Наполеон произвел полную перемену. В соответствии с системой формирования дивизий и армейских корпусов из всех трех родов войск он присоединил к каждой дивизии или корпусу по некоторому количеству легкой кавалерии, но основная масса этого рода войск, и в особенности вся тяжелая кавалерия, держалась в резерве для нанесения в благоприятный момент решительного удара или, в случае необходимости, для прикрытия отступления армии. Эти массы кавалерии, внезапно появлявшиеся в определенном пункте поля сражения, часто играли решающую роль; все же они никогда не достигали столь блестящих успехов, как кавалеристы Фридриха Великого. Причину этого

* Имеется в виду Рейнский союз (1806—1813), основанный Наполеоном из 14 вассальных государств Западной Германии. *Ред.*

следует видеть отчасти в измененной тактике пехоты, которая выбирала для своих действий преимущественно пересеченную местность и всегда встречала кавалерию построением в каре; это сделало для кавалерии более трудным достижение таких крупных побед, какие одерживала прусская конница над растянутыми, тонкими пехотными линиями своих противников. Но несомненно также, что кавалерия Наполеона была ниже по качеству кавалерии Фридриха Великого и что тактика наполеоновской кавалерии далеко не во всех отношениях была шагом вперед по сравнению с тактикой Фридриха. Неумелая верховая езда французов заставляла их атаковать сравнительно медленным аллюром — рысью или легким галопом; лишь в немногих случаях французская кавалерия атаковала на полном галопе. Большая храбрость французов и сомкнутость строя возмещали иногда ослабленную стремительность, но все же их атака не была такой, какую можно было бы признать хорошей в настоящее время. Во многих случаях старая система — встречать неприятельскую кавалерию стоя на месте, с карабином в руке — сохранялась французской кавалерией, и во всех этих случаях она терпела поражение. Последний пример этого рода имел место при Данигкове (5 апреля 1813 г.), когда около 1200 французских кавалеристов поджидали, таким образом, атаку 400 пруссаков и, несмотря на свое численное превосходство, потерпели полное поражение. Что касается тактики Наполеона, то употребление больших кавалерийских масс сделалось при нем настолько твердо установившимся правилом, что не только дивизионная кавалерия была настолько ослаблена, что стала совершенно бесполезной, но и при использовании конных масс он часто также пренебрегал последовательным введением в бой своих сил, что является одним из главнейших правил современной тактики и применимо к кавалерии даже в большей мере, чем к пехоте. Он ввел кавалерийскую атаку колоннами и даже выстраивал целый кавалерийский корпус в одну чудовищную колонну; построение колонны было таково, что выделение одного эскадрона или полка становилось почти невозможным и о какой бы то ни было попытке развертывания не могло быть и речи. Его кавалерийские генералы тоже не стояли на должной высоте, и даже самый блестящий из них, Мюрат, выглядел бы жалкой фигурой, если бы противопоставить его Зейдлицу. Во время войн 1813, 1814 и 1815 гг.⁹⁶ кавалерийская тактика значительно улучшилась на стороне противников Наполеона, хотя они в значительной мере следовали наполеоновской системе держать большие кавалерийские массы в резерве, благодаря чему более крупная часть конницы очень часто лишалась возможности принять участие в бою; но все же во многих случаях

они делали попытки вернуться к тактике Фридриха. В прусской армии ожил старый дух. Блюхер первый стал более смело пользоваться своей кавалерией, и обыкновенно с успехом. Засада при Гайнау (1813 г.), где 20 прусских эскадронов разбили 8 французских батальонов и захватили 18 пушек, отмечает поворотный момент в современной истории кавалерии; она является выгодным контрастом тактике при Люцене⁹⁶, где союзники держали 18 000 конницы в резерве до проигрыша сражения, хотя трудно было бы найти местность, более благоприятную для действий кавалерии.

Англичане никогда не применяли систему формирования больших кавалерийских масс и потому достигли значительных успехов, хотя сам Непир признает, что их кавалерия в то время не была столь хороша, как французская. При Ватерлоо⁹⁷ (где, кстати сказать, французские кирасиры сразу атаковали на полном галопе) английская кавалерия удивительно хорошо управлялась и вообще имела успех, за исключением тех случаев, когда поддавалась своей национальной слабости действовать беспорядочно. Со времени мира 1815 г. наполеоновская тактика, хотя и сохранившаяся в уставах большинства армий, уступила место тактике Фридриха. На верховую езду стали обращать больше внимания, хотя все еще не в той степени, в какой следовало бы. Идея встречи противника с карабином в руках была отвергнута; всюду было восстановлено фридриховское правило, согласно которому подлежал разжалованию всякий кавалерийский начальник, допустивший атаковать себя, вместо того чтобы самому атаковать противника. Галоп снова стал аллюром атаки; атака колонною уступила место атакам последовательными линиями; стали применяться построения, обеспечивающие проведение фланговой атаки и возможность маневрирования отдельными частями во время атаки. Однако еще многое оставалось сделать. Больше внимание к верховой езде, особенно в полевых условиях, большее приближение седла и посадки к охотничьим и, самое главное, уменьшение груза, какой приходилось нести лошади,— таковы были улучшения, необходимые для всех армий без исключения.

От истории кавалерии обратимся теперь к ее современной организации и тактике. Комплектование кавалерии, поскольку дело касается солдат, производится в общем тем же порядком, как и комплектование других родов войск данной страны. Однако в некоторых государствах для этой службы предназначаются уроженцы определенных районов: так, например, в России — малороссы (уроженцы Малой России), в Пруссии — поляки. В Австрии тяжелая кавалерия рекрутируется в Германии и Богемии, гусары исключительно в Венгрии, уланы главным образом в польских провинциях. Комплек-

тование лошадами заслуживает, однако, специального упоминания. В Англии, где вся кавалерия во время войны не требует более 10 000 лошадей, правительство не встречает затруднений при их покупке; но для того чтобы обеспечить армии преимущественное пользование лошадьми, не работавшими приблизительно до пятилетнего возраста, закупаются трехлетние жеребцы большей частью иоркширской породы, и содержатся за счет правительства в депо, пока они не становятся пригодными для службы. Цена, уплачиваемая за жеребцов (20—25 ф. ст.), и обилие в стране хороших лошадей делают британскую кавалерию несомненно обладательницей лучшего конского состава во всем мире. В России существует такое же обилие лошадей, хотя качеством они ниже английских. Ремонтные офицеры закупают лошадей оптом в южных и западных провинциях империи, большею частью у посредников-евреев; затем они перепродают непригодных лошадей и передают остальных лошадей различным полкам соответственно масти их конского состава (в русском полку все лошади подбираются под одну масть). Командир полка считается как бы собственником всех лошадей своего полка; за определенную выплачиваемую ему сумму он должен содержать в порядке конский состав полка. Служба лошадей рассчитана на восемь лет. Первоначально лошади получались с больших конских заводов Волыни и Украины, где они держались в совершенно диком состоянии; но приучение их к кавалерийской службе было настолько затруднительным, что пришлось отказаться от этого. В Австрии часть лошадей закупается; основная же масса лошадей поставлялась в последнее время государственными конскими заводами, которые могут давать ежегодно свыше 5000 пятилетних кавалерийских лошадей. В случае чрезвычайной надобности страна, столь богатая лошадьми, как Австрия, может рассчитывать на внутренние рынки. Пруссии 60 лет тому назад приходилось покупать за границей почти всех нужных ей лошадей, но в настоящее время она в состоянии снабжать лошадьми всю свою кавалерию, как линейную, так и ландверную, за счет ресурсов внутри страны. Лошади для линейной конницы покупаются в возрасте трех лет ремонтными комиссарами и посылаются в депо, где и содержатся до возраста, пригодного для службы; ежегодно требуются 3500 лошадей. При мобилизации ландверной кавалерии все лошади в стране, подобно мужчинам, подлежат отбыванию службы; однако за взятую лошадь выплачивается возмещение в размере от 40 до 70 долларов. В стране имеется налицо втрое более годных к службе лошадей, чем может потребоваться. Франция в отношении лошадей находится в худшем положении сравнительно со всеми осталь-

ными европейскими государствами. Ее породы, часто хорошие и даже отличные для упряжи, в общем непригодны под седло. Давно уже были созданы государственные конные заводы (*haras*), но не с таким успехом, как в других странах; в 1838 г. эти заводы вместе со связанными с ними ремонтными депо не могли поставить для армии даже 1000 лошадей, закупленных ими или взращенных на правительственных заводах. Генерал Ларош-Эмон полагал, что во всей Франции нет даже 20 000 лошадей в возрасте между 4 и 7 годами, пригодных для кавалерийской службы. Хотя депо и заводы в последнее время были значительно улучшены, все же их еще недостаточно, чтобы вполне удовлетворить потребности армии. Алжир поставляет блестящую породу кавалерийских лошадей, и лучшие полки армии — *chasseurs d'Afrique* (африканские егеря) — снабжены исключительно ими, но другие полки почти не получают этих лошадей. Таким образом, в случае мобилизации Франция принуждена покупать лошадей за границей, иногда в Англии, но большей частью в Северной Германии, где она получает не самых лучших лошадей, хотя каждая лошадь обходится ей, примерно, в 100 долларов. Многие бракованные лошади германских кавалерийских полков оказываются в рядах французской армии, и вообще французская кавалерия, за исключением *chasseurs d'Afrique* (африканских егерей), имеет наиболее плохой конский состав в Европе.

Кавалерия по существу бывает двух родов: тяжелая и легкая. Их действительное различие лежит в качествах их лошадей. Крупные и сильные лошади не могут хорошо работать вместе с небольшими, подвижными и быстрыми лошадьми. Первые во время атаки действуют менее быстро, но с большей силой удара; легкие же лошади действуют больше быстротой и стремительностью атаки, и сверх того, они более приспособлены для одиночного боя и боя в рассыпном строю, для чего тяжелые или крупные лошади не являются ни достаточно поворотливыми, ни достаточно смывленными. Такое деление конницы является действительно необходимым; но мода, фантазия и подражание национальным костюмам создали многочисленные и разнообразные виды конницы, останавливаться на которых в подробностях не представило бы интереса. Тяжелая кавалерия, по крайней мере частью, снабжена в большинстве стран кирасами, которые, однако, являются далеко не непроницаемыми для пуль; в Сардинии ее первый ряд имеет пики. Легкая кавалерия вооружена частью саблями и карабинами, частью пиками. Карабин бывает гладкоствольный и нарезной. В большинстве случаев к вооружению кавалериста добавляются пистолеты; только кавалерия Соединенных Штатов снабжена револьверами. Сабля бывает или пря-

мой или в большей или меньшей степени изогнутой; первая предпочтительнее для того, чтобы колоть, вторая — чтобы рубить. Вопрос о преимуществах пики над саблей до сих пор еще составляет предмет спора. Для рукопашного боя сабля несомненно предпочтительнее; во время атаки едва ли можно действовать пикой, разве только очень длинной и тяжелой и потому неудобной, но при преследовании разбитой кавалерии пика показала себя в высшей степени действительным средством. Почти все народы-наездники полагаются на саблю; даже казаки оставляют свою пику, когда им приходится иметь дело с опытными бойцами на саблях — черкесами. Пистолеты бесполезны, если не считать употребления их для сигнального выстрела; карабин не очень действителен, даже если он нарезной, и он никогда не будет приносить реальной пользы, пока не будет введено зарядание с казенной части; револьвер в искусных руках — серьезное оружие при встрече с противником в упор; все же на первом месте среди кавалерийского оружия стоит хорошая, острая, удобная сабля.

Кроме седла, сбруи и вооруженного всадника, кавалерийская лошадь должна нести на себе тюк с запасной одеждой, лагерными принадлежностями, равно как и принадлежностями для ухода за самой лошастью, а во время кампании — также и пищу для всадника и фураж для себя самой. Общий вес тяжелого походного груза в различных армиях и видах кавалерии колеблется между 250 и 300 фунтами; этот вес представляется громадным по сравнению с тем, что приходится носить на себе гражданским верховым лошадям. Эта чрезмерная перегрузка лошадей является самым слабым местом всякой кавалерии. В этом отношении везде требуются крупные реформы. Вес солдат и походного снаряжения может и должен быть уменьшен; но пока существует современная система, эта помеха движению лошадей всегда должна приниматься во внимание при суждении о работоспособности и выносливости кавалерии. Тяжелая кавалерия, состоящая из сильных, но по возможности легковесных солдат, на крепких лошадях, должна действовать, главным образом, силой сомкнутого массивного удара. Это предполагает определенную силу, выносливость, известный физический вес, хотя и не столь значительный, чтобы сделать кавалерию неповоротливой. Движения кавалерии должны быть быстрыми, не превышая, однако, того предела, какой совместим с величайшей степенью порядка. Раз построенная для атаки, она должна двигаться прямо вперед, сметая все попадающееся ей на пути. Всадники, каждый в отдельности, не должны быть такими хорошими наездниками, как в легкой кавалерии; но они должны вполне хорошо управлять своими лошадьми и быть приученными дви-

гаться сомкнутой массой. Их лошади поэтому должны быть менее чувствительными к шенкелю и не слишком подбирать под себя ноги; они должны хорошо бежать рысью и быть приучены хорошо держаться вместе при продолжительном легком галопе. Легкая кавалерия, напротив, с более ловкими солдатами и более быстрыми лошадьми, должна действовать своей быстротой и вездесущием. То, что нехватает ей в весе, должно быть возмещено быстротой и активностью. Она атакует с величайшей стремительностью; но когда выгодно, она делает вид, что уходит, чтобы затем, внезапно переменяв фронт, напасть на фланг противника. Ее большая быстрота и пригодность для одиночного боя делают ее особенно приспособленной для преследования. От ее вождей требуется более быстрый глазомер и большее присутствие духа, чем это нужно командирам тяжелой кавалерии. Солдаты должны быть каждый в отдельности хорошими наездниками; они должны в совершенстве владеть своими лошадьми, уметь брать с места полным галопом, а также останавливаться на всем скаку, быстро поворачиваться и хорошо переосакивать через препятствия; лошади должны быть смелыми и быстрыми, мягокоуздыми, чуткими к шенкелю, поворотливыми и специально выезженными для легкого галопы с хорошим подбором под себя ног. Помимо стремительных фланговых и тыловых атак, засад и преследования, легкая кавалерия должна выполнять большую часть сторожевой и патрульной службы для всей армии; приспособленность для одиночного боя, основой которого является хорошая верховая езда, требуется поэтому от нее в первую очередь. В линии солдаты окажут на увеличенных интервалах, чтобы быть всегда готовыми к перемене фронта и другим движениям.

Англичане имеют номинально 13 легких и 13 тяжелых полков (драгуны, гусары, уланы, только два полка лейб-гвардии являются кирасирами); но в действительности вся их кавалерия по своему составу и выучке представляет собой тяжелую кавалерию; в ней мало различий в отношении размеров солдат и лошадей. Для действительно легкой кавалерийской службы они всегда пользовались иностранными войсками: германцами — в Европе, туземными иррегулярными войсками — в Индии. Французы обладают кавалерией трех видов: легкой кавалерией — гусары и егеря — всего 174 эскадрона; линейной кавалерией — уланы и драгуны — 120 эскадронов; резервной кавалерией — кирасиры и карабинеры — 78 эскадронов. Австрия имеет 96 эскадронов тяжелой кавалерии — драгунов и кирасиров — и 192 эскадрона легкой кавалерии — гусаров и уланов. Пруссия обладает в действительной армии 80 эскадронами тяжелой конницы — кирасиров и уланов, и 72 эскадро-

нами легкой конницы — драгунов и гусаров; к этому количеству в случае войны могут быть добавлены 136 эскадронов уланов ландвера первой очереди. Вторая очередь кавалерийского ландвера вряд ли когда-нибудь будет сформирована в самостоятельные единицы. Русская кавалерия состоит из 160 эскадронов тяжелой кавалерии — кирасиров и драгунов — и 304 легких эскадронов — гусаров и уланов. Формирование драгунских частей, одинаково пригодных для несения конной и пешей службы, теперь оставлено, и драгуны включены в состав тяжелой кавалерии. Однако настоящей легкой кавалерией у русских являются казаки, которых у них более чем достаточно для несения сторожевой, разведывательной и вспомогательной службы в армии. В армии Соединенных Штатов имеется два полка драгунов, один полк конных стрелков и два чисто кавалерийских полка; все эти полки предлагалось называть кавалерийскими полками. В действительности же кавалерия Соединенных Штатов представляет собой пехоту, посаженную на лошадей.

Тактической единицей в кавалерии является эскадрон, включающий в свой состав такое количество солдат, каким можно руководить во время его перестроений голосом и непосредственным воздействием одного командира. Сила эскадрона колеблется от 100 человек (Англия) до 200 (Франция); в других армиях численность эскадрона держится в этих же пределах. 4, 6, 8 и 10 эскадронов составляют полк. Самые слабые полки — английские (от 400 до 480 человек), самые сильные полки — австрийской легкой кавалерии (1600 человек). Очень большие полки становятся неповоротливыми, слишком малочисленные — очень скоро тают во время войны. Так, например, британская бригада легкой кавалерии при Балаклав⁹⁸ еще до истечения двух месяцев от начала кампании насчитывала в пяти полках двухэскадронного состава едва лишь 700 человек, или ровно столько, сколько имел один русский гусарский полк по штату военного времени. Особыми формированиями являются у англичан — взвод или полужэскадрон, а у австрийцев — дивизион или двойной эскадрон, являющийся промежуточным звеном, который только и позволяет командиру руководить своим большим кавалерийским полком.

До Фридриха Великого вся кавалерия строилась глубиной не меньше, чем в три ряда. Он первый построил своих гусаров в 1743 г. в два ряда, а в сражении при Россбахе была построена таким же образом и его тяжелая кавалерия. После Семилетней войны это построение было увоено всеми другими армиями и является единственно применяющимся в настоящее время. Для тактических перестроений эскадрон делится на четыре отделения; построение из линии в открытую

колонну по отделениям и обратно в линию из колонны представляет собою главное и основное перестроение всякого кавалерийского маневра. Большинство других перестроений приноровлено или только к маршу (фланговый марш по три и др.), или для исключительных случаев (сомкнутая колонна по отделениям или эскадронам). Действия кавалерии в бою сводятся преимущественно к рукопашному бою; ее огонь имеет лишь второстепенное значение; сталь — сабля или пика — ее главное оружие; вся деятельность кавалерии концентрируется на атаке. Таким образом, атака является критерием всех движений, перестроений и позиций кавалерии. Все, что препятствует легкости атаки, является ошибочным. Сила атаки обуславливается сосредоточением максимального усилия солдат и лошадей в ее завершительный момент, в момент фактического соприкосновения с противником. Для достижения этого необходимо приближаться к противнику с постепенно возрастающей скоростью, так что лошади пускаются во весь опор только на близком расстоянии от противника. Между тем выполнение такой атаки является труднейшей из задач, какие только можно требовать от кавалерии. Чрезвычайно трудно сохранять полный порядок и сплоченность при движении вперед с возрастающей быстротой, в особенности если приходится скакать по неровной местности. Здесь обнаруживаются трудность и важность соблюдения прямого направления при галопе, ибо если каждый всадник не скачет вперед по прямой линии, то в рядах начинается давка, которая скоро передается из центра к флангам, а с флангов к центру; лошади возбуждаются и чувствуют себя неловко, проявляется разница в их скорости и темпераменте, и вся линия скоро превращается во что угодно, только не в прямолинейную шеренгу, утрачивает ту сплоченность, которая только и может обеспечить успех. Затем очевидно, что, подскакав вплотную к противнику, лошади сделают попытку откатиться врезаться в стоящую неподвижно или движущуюся массу противника и что всадники не должны допускать их до этого; в противном случае атака, несомненно, окажется безуспешной. Всадник поэтому не только должен проникнуться твердой решимостью врезаться в ряды противника, но и быть полным господином своей лошади. Уставы различных армий дают различные правила относительно способа движения атакующей кавалерии, но все они сходятся на том, что линия по возможности начинает движение шагом, затем переходит в рысь, с расстояния 300—150 ярдов от противника — в легкий галоп, постепенно доводя скорость движения до полного галопы, а на расстоянии 20—30 ярдов от противника — во весь опор. Применение этих правил на практике встречается со многими исключениями;

в каждом отдельном случае приходится принимать во внимание характер местности, погоду, состояние лошадей и т. п. Если во время атаки кавалерии против кавалерии происходит действительное столкновение сторон, что является весьма редким в кавалерийских боях, то в момент непосредственного столкновения сабли имеют очень мало значения. В этот момент одна масса опрокидывает и рассеивает другую. Моральный элемент, храбрость, здесь сразу преобразуется в материальную силу; наиболее храбрый эскадрон будет скакать с величайшим самообладанием, решимостью, быстротой, *ensemble* (сплоченностью) и дружностью. Ввиду этого кавалерия может совершать великие дела только в том случае, если она охвачена «порывом». Но как только сломлены ряды одной стороны, на сцену выступает сабля, а вместе с нею и индивидуальное искусство в верховой езде. По меньшей мере части победоносной конницы приходится отказаться от сохранения своего тактического построения, чтобы саблями снять жатву победы. Таким образом, удачная атака сразу решает судьбу столкновения; но если она не сопровождается преследованием и рукопашным боем, то победа остается сравнительно бесплодной. Только громадное преимущество стороны, сохранившей свою тактическую сплоченность и строй, сравнительно со стороной, утратившей их, и объясняет невозможность для иррегулярной кавалерии, как бы хороша и многочисленна она ни была, разбить регулярную конницу. Не подлежит сомнению, что в отношении индивидуального совершенства в верховой езде и в действии саблей никакая регулярная кавалерия никогда не могла сравниться с иррегулярной конницей народов Востока, привыкших к военным действиям на коне; и, однако, самая плохая регулярная кавалерия Европы всегда разбивала такую иррегулярную конницу в открытом бою. Со времени поражения гуннов при Шалоне (451 г. данной эры)⁹⁰ до восстания сипаев в 1857 г. нельзя найти ни одного примера того, чтобы блестящие, но иррегулярные наездники Востока сломали атакой хотя бы один полк регулярной кавалерии. Их беспорядочные толпы, атакующие не согласованно и не сплоченно, не могут произвести ни малейшего впечатления на солидную, стремительно движущуюся массу. Их превосходство может проявиться только в том случае, когда приведено в расстройство тактическое построение регулярной конницы и наступает черед рукопашного боя; но дикая скачка иррегулярной конницы прямо на врага не может дать такого результата. Только тогда, когда регулярная кавалерия, преследуя врага, оставляла свое линейное построение и завязывала рукопашный бой, иррегулярная конница, внезапно повернув кругом и использовав благоприятный момент, наносила ей поражение.

Действительно, эта военная хитрость чуть ли не со времен войн парфян и римлян составляла почти всю сущность тактики иррегулярной конницы против регулярной. Нет лучшего примера этого, как то, что наполеоновские драгуны в Египте, являвшиеся, без сомнения, самой плохой регулярной конницей того времени, всегда наносили поражение самым блестящим иррегулярным наездникам — мамелюкам. Наполеон сказал о них, что 2 мамелюка решительно превосходят 3 французов, 100 французов равны 100 мамелюкам, 300 французов обыкновенно разбивают 300 мамелюков, 1 000 французов во всех случаях разбивают 1 500 мамелюков.

Как ни велико превосходство при атаке той кавалерийской части, которая лучше сохранила свой тактический порядок, все же ясно, что даже и такая часть должна притти в сравнительный беспорядок после успешной атаки. Успех атаки не бывает одинаково решительным на всех пунктах; многие бойцы неизбежно оказываются втянутыми в одиночный бой или преследование, и только сравнительно небольшая часть, преимущественно из второй шеренги, остается в строю, похожем на линейный. Это — самый опасный момент для кавалерии; весьма небольшой отряд свежих войск, брошенный на нее, может вырвать победу из ее рук. Поэтому умение быстро восстанавливать порядок после атаки является критерием действительно хорошей кавалерии, и как раз в этом отношении не только молодые, но и опытные и храбрые войска оказываются не на высоте положения. Британская кавалерия, с ее наиболее горячими лошадьми, особенно легко приходит в расстройство; почти везде ей приходилось тяжело страдать от этого (например, при Ватерлоо и Балаклаве). После сигнала для сбора преследование обыкновенно предоставляется нескольким дивизионам или эскадронам, предназначенным для этой цели специальными или общими распоряжениями; основная масса конницы восстанавливает в это время порядок, чтобы быть готовой ко всем случайностям. Ввиду дезорганизованного состояния после атаки даже и победителя, настоятельно необходимо иметь под рукой резерв, который в первую очередь может быть пущен в дело в случае неудачи; поэтому основным правилом кавалерийской тактики всегда было пускать в дело только часть сил, имеющихся в распоряжении в каждый данный момент. Такое применение резервов объясняет изменчивый характер крупных кавалерийских боев, когда волна победы то приливает, то отливает и когда обе стороны оказываются по очереди побежденными, пока последние наличные резервы не обрушиваются силой своих ненарушенных рядов на пришедшую в расстройство и ослабленную массу противника и не решают исхода боя. Другим весьма важным

фактором является местность. Ни один род войск не зависит в такой степени от местности, как кавалерия. Тяжелая рыхлая почва превращает карьер в медленный галоп; препятствие, через которое отдельный всадник перескочил бы, не глядя на него, может нарушить порядок и сплоченность фронта; препятствие, легко преодолимое неутомленными лошадьми, может привести к падению лошадей, которые с раннего утра без пищи шли рысью и галопом. В свою очередь, непредвиденное препятствие, задержав продвижение и вызвав перемену фронта и строя, может подставить свою линию под фланговые атаки противника. Примером того, как не следует производить кавалерийские атаки, служит известная атака Мюрата в Лейпцигском сражении¹⁰⁰. Он построил 14 000 кавалеристов глубокой массой и бросил их на русскую пехоту, только что отбитую при атаке на деревню Вахау. Французская кавалерия приближалась рысью; на расстоянии около 600 или 800 ярдов от пехоты союзников она пошла легким галопом; на рыхлой почве лошади скоро утомились, и стремительность атаки ослабела к тому времени, когда они достигли каре. Лишь немногие сильно пострадавшие батальоны были опрокинуты. Обойдя другие каре, кавалерия проскакала через вторую линию пехоты, не причинив ей никакого вреда, и, наконец, достигла линии прудов и болот, которые остановили ее продвижение. Лошади совершенно выбились из сил, солдаты были в беспорядке, полки ошеломились и не слушались команды; при таком состоянии конницы Мюрата два прусских полка и гвардейские казаки, общей численностью не более 2 000 человек, напали врасплох на ее фланги и отбросили ее в беспорядке. В данном случае не было ни резерва для непредвиденных случайностей, ни надлежащего внимания к аллюру и дистанции; в результате получилось поражение.

Атака может производиться в различных построениях. Тактики различают атаку *en muraille* (стеной), когда между эскадронами атакующей линии нет совсем или имеются очень маленькие интервалы; затем атаку с интервалами, когда между эскадронами оставляется расстояние от 10 до 20 ярдов; атаку *en échelon* (ступенями, уступами), когда эскадроны идут в атаку один после другого, начиная с одного из флангов, так что они достигают противника не одновременно, а последовательно; последняя форма атаки может быть значительно усилена помещением эскадрона, построенного в открытую колонну, за наружным флангом эскадрона, составляющего первый *échelon* (эшелон); наконец, атаку колонной. Последний вид атаки существенно отличается от других перечисленных видов ее, представляющих собою лишь видоизменения линейной атаки. Построение в линию до Наполеона было общепри-

нятой и основной формой кавалерийской атаки. За все XVIII столетие мы встречаем кавалерийскую атаку колонной только в одном случае, а именно, когда приходилось прорываться через окружающего противника. Но Наполеон, кавалерия которого состояла из храбрых людей, но плохих наездников, вынужден был возместить тактические недочеты своей конницы каким-либо новым приемом. Он начал посылать свою кавалерию в атаку густыми колоннами, вынуждая, таким образом, передние ряды скакать вперед и сразу бросая на избранный пункт атаки гораздо большее число всадников, чем это могло бы быть сделано при линейной атаке. Желание действовать массами сделалось у Наполеона в течение кампаний, последовавших за кампанией 1807 г., своего рода манией. Он придумал чудовищные построения в колонны, которых, в силу их случайного успеха в 1809 г., он упорно придерживался в позднейших кампаниях, хотя они и помогли ему проиграть не одно сражение. Он составлял колонны из целых дивизий пехоты или кавалерии, располагая развернутые батальоны и полки один за другим. С кавалерией это впервые было испытано при Экмюле в 1809 г., когда 10 полков кирасиров атаковали колонной, причем в первой линии было развернуто два полка, а сзади за ними следовали четыре такие же линии на расстоянии около 60 ярдов одна за другой. При Ваграме¹⁰¹ были сформированы колонны из целых пехотных дивизий, причем один батальон развертывался за другим. Подобный маневр мог быть неопасен против медлительных и методичных австрийцев того времени, но в позднейших кампаниях и в борьбе с более активными противниками он приводил к поражению. Мы уже видели, к какому плачевному концу привела большая атака Мюрата при Вахау, произведенная в таком построении. Гибельный исход большой пехотной атаки д'Эрлона при Ватерлоо был вызван тем же построением. В применении к кавалерии огромная колонна представляется особенно ошибочной, ибо она превращает наиболее ценные ресурсы в одну неуклюжую массу, которая, будучи пущена в дело, не поддается в дальнейшем управлению, и какой бы успех ни был достигнут ею на передней линии, она всегда оказывается во власти более мелких хорошо управляемых частей противника, бросаемых на ее фланги. Из материала, служащего для построения такой колонны, можно было бы создать вторую линию и один или два резерва, атаки которых могли бы и не произвести особого эффекта сразу, но несомненно, при своем повторении, дали бы в конце концов более крупные результаты с меньшими потерями. И действительно, в большинстве армий атака колонной оставлена или сохранилась лишь в виде теоретического курьеза, тогда как для всех

практических целей большие отряды кавалерии строятся в несколько линий на дистанции атаки между ними, причем каждая линия поддерживает и подкрепляет другую в течение затянувшейся схватки. Наполеон впервые также стал формировать свою кавалерию в массы, состоявшие из нескольких дивизий и получившие название кавалерийских корпусов. В качестве средства упростить передачу приказаний в большой армии подобная организация резервной кавалерии в высшей степени необходима; но сохранение ее на поле сражения, когда эти корпуса должны были действовать как самостоятельное целое, никогда не приносило положительных результатов. Действительно, это было одной из главнейших причин того, что построение чудовищных колонн, о которых мы уже упоминали, было признано ошибочным. В современных европейских армиях кавалерийские корпуса в общем сохранены; в прусской, австрийской и русской армиях даже установлены нормальные построения и общие правила для действия таких корпусов на поле сражения; все эти правила в основном сводятся к построению первой и второй линии и резерва, а также к указаниям относительно размещения приданной им конной артиллерии.

До сих пор мы говорили о действиях кавалерии лишь постольку, поскольку это относилось к действиям кавалерии против кавалерии. Но одной из главных целей, с которой применяется в сражении этот род войска, а в настоящее время фактически главной целью, являются его действия против пехоты. Мы видели, что в XVIII столетии пехота в сражении почти никогда не строила даже каре против кавалерии. Она встречала атаку, оставаясь в линии; если же атака направлялась во фланг, то несколько рот выполняли захождение назад и выстраивались en potence (в виде буквы Г) для противодействия атаке. Фридрих Великий советовал своей пехоте никогда не строиться в каре, исключая те случаи, когда изолированный батальон окажется застигнутым кавалерией врасплох; и если в таком случае было построено каре, «оно должно было двинуться прямо на вражескую конницу, отбить ее и, не обращая никакого внимания на ее атаки, продолжать движение по своему назначению». Тонкие линии пехоты того времени встречали кавалерийскую атаку с полной уверенностью в действенности своего огня и действительно достаточно часто отбивали ее; но в случае прорыва их разгром оказывался неизбежным, как это было при Гогенфридберге и Цорндорфе. В настоящее время, когда в очень многих случаях колонна заменила линейное построение, принято за общее правило, что пехота всегда, когда это выполнимо, строится для встречи кавалерии в каре. Правда, в современных войнах имеется достаточно примеров, когда хорошая кавалерия застигала врас-

плох пехоту, построенную в линию, и все же должна была бежать от ее огня; но эти случаи представляют собою исключение. Однако возникает вопрос, имеет ли кавалерия достаточные шансы, чтобы прорвать каре пехоты. Мнения на этот счет расходятся; но, повидимому, общепризнанным является положение, что в обычных условиях хорошая свежая пехота, не расстроенная артиллерийским огнем, имеет все шансы устоять против атаки кавалерии, тогда как над молодыми пехотинцами, потерявшими свою энергию и устойчивость вследствие тяжелого боя в течение дня, больших потерь и продолжительного пребывания под обстрелом, решительная кавалерия одерживает верх. Бывают и исключения, как, например, атака германских драгунов при Гарсиа-Гернандес (1812 г.), где каждый из трех эскадронов разбил свежее французское каре; но, как общее правило, кавалерийский начальник не сочтет благоразумным бросать своих людей на такую пехоту. При Ватерлоо большие атаки Нея массами французской резервной кавалерии на центр Веллингтона не могли прорвать английские и германские каре, потому что атакуемые войска, укрытые в течение продолжительного времени за гребнем холма, весьма мало пострадали от предшествовавшей канонады и были почти совсем свежими. Такие атаки поэтому применимы только в последней стадии сражения, когда пехота в значительной мере потрепана и истощена активным участием в бою и пассивным пребыванием под концентрированным артиллерийским огнем. И в таких случаях они имеют решающее значение, как это было при Бородине и Линьи¹⁰², в особенности если атака поддерживается пехотными резервами, как это было в обоих указанных сражениях.

Мы не можем здесь останавливаться на различного рода обязанностях, какие могут возлагаться на кавалерию в сторожевой службе, при патрулировании, сопровождении транспортов и пр. Однако здесь уместно сказать несколько слов об общих положениях кавалерийской тактики. Поскольку пехота все более и более становится главной силой сражения, маневрирование конницы должно быть по необходимости более или менее подчинено маневрированию пехоты. И так как современная тактика основана на совместных действиях и взаимной поддержке трех родов войск, то отсюда следует, что, по крайней мере, для части кавалерии не может быть и речи о самостоятельных действиях. В соответствии с этим кавалерия, входящая в состав армии, всегда подразделяется на две различные части: дивизионную кавалерию и резервную кавалерию. Первая состоит из конницы, присоединяемой к различным пехотным дивизиям и корпусам и подчиненной вместе с пехотой одному и тому же командованию. Во время боя

служба ее состоит или в использовании всех благоприятных моментов, какие могут представиться для достижения успеха, или в вырубке собственной пехоты, если она атакована превосходными силами. Действия ее, естественно, являются ограниченными, а сила ее недостаточной для того, чтобы действовать самостоятельно. Резервная кавалерия, составляющая основную массу кавалерии, входящей в состав армии, действует в той же подчиненной роли по отношению ко всей пехоте данной армии, как и дивизионная кавалерия по отношению к пехотной дивизии, к которой она принадлежит. Соответственно этому резервная кавалерия должна держаться в готовности, пока не представится благоприятный момент для нанесения сокрушительного удара или для отражения общей пехотной или кавалерийской атаки противника, или для проведения собственной решительной атаки. Из установленного выше очевидно, что резервную кавалерию целесообразнее всего применять в течение последних стадий крупного сражения, когда она может иметь и часто имела решающее значение. Такие громадные успехи, каких достигал Зейдлиц своей кавалерией, теперь совершенно немыслимы; однако исход большинства крупных сражений новейшего времени был в значительной степени обусловлен той ролью, какую в них играла кавалерия. Но огромное значение имеет кавалерия при преследовании. Пехота, поддерживаемая артиллерией, не имеет основания отчаиваться в борьбе против кавалерии, пока она сохраняет порядок и устойчивость; но, придя в расстройство по какой бы то ни было причине, она становится добычей кавалеристов, брошенных на нее. От лошадей нельзя убежать; хорошие кавалеристы могут пробираться даже по трудно доступной местности; энергичное преследование разбитой армии кавалерией всегда является лучшим и единственным способом обеспечить полностью плоды победы. Таким образом, несмотря на преобладающую роль пехоты в сражениях, кавалерия все же остается необходимым родом войск и всегда останется таковым; и в настоящее время, как и прежде, ни одна армия не может начать боевые действия с надеждою на успех, если она не имеет кавалерии, умеющей хорошо ездить верхом и сражаться.

Написано: Ф. Энгельсом на английском языке
в июне 1858 г.

Впервые напечатано в «New American Cyclo-
paedia», т. IV, 1859 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения,
т. XI, ч. II.

АРТИЛЛЕРИЯ

В настоящее время почти общепризнано, что изобретение пороха и применение его для бросания тяжелых тел в определенном направлении — восточного происхождения. В Китае и Индии селитра самопроизвольно выделяется из почвы, и вполне естественно, что население быстро ознакомилось с ее свойствами. Огнестрельные припасы, изготовляемые из смеси этой соли с другими горючими веществами, выделялись в Китае в весьма ранний период и употреблялись, как для военных целей, так и при общественных торжествах. Мы не имеем сведений, когда именно сделалась известна особая смесь селитры, серы и древесного угля, взрывчатые свойства которой придали ей такое громадное значение. Согласно некоторым китайским хроникам, упоминаемым г. Параве (Paravey) в его докладе Французской академии в 1850 г., пушки были известны уже в 618 г. до нашей эры; в других древних китайских рукописях описываются зажигательные ядра, выбрасываемые из бамбуковых труб, и нечто вроде взрывающихся снарядов. Во всяком случае употребление пороха и пушек для военных целей, повидимому, не развилось надлежащим образом в ранние периоды китайской истории, так как первый достоверный случай их широкого применения относится лишь к 1232 г. нашей эры, когда китайцы, осажденные монголами в Кай-Фэнг-Фу, защищались посредством пушек, стрелявших каменными ядрами, и употребляли разрывные бомбы, петарды и другие огнестрельные припасы, имевшие в своем составе порох.

Индусы, по свидетельству греческих писателей Элиана, Ктезиаса, Филострата и Темистия, повидимому, обладали какими-то военными огнестрельными припасами уже во времена Александра Великого. Это, однако, безусловно был не порох, хотя селитра в значительных размерах, вероятно, входила в их состав. В индусских законах имеются, повидимому, указания на какое-то огнестрельное оружие; порох безусловно упоминается в них, а, согласно проф. А. Н. Вильсону, состав

его описывается в древних индусских медицинских сочинениях. Однако первое упоминание о пушке почти точно совпадает по времени с древнейшей положительно установленной датой ее существования в Китае. Стихотворения Хазеда, относящиеся к 1200 г., говорят об огневых машинах, бросающих ядра, свист которых был слышен на расстоянии в 10 косс (1500 ярдов). Около 1258 г. мы читаем об огневых приборах на повозках, принадлежащих властителю Дели. Спустя 100 лет артиллерия вошла в Индии во всеобщее употребление, и когда в 1498 г. прибыли туда португальцы, они нашли, что индусы в употреблении огнестрельного оружия так же далеко продвинулись вперед, как и они сами.

Арабы получили селитру и огнестрельные припасы от китайцев и индусов. Два из арабских наименований селитры означают китайская соль и китайский снег. Древними арабскими авторами упоминается китайский красный и белый огонь. Зажигательные снаряды по времени тоже относятся к моменту великого вторжения арабов в Азию и Африку. Не говоря уже о *maujanitz* — почти мифическом огнестрельном оружии, которое, как говорят, было известно магометанам и употреблялось ими, представляется несомненным тот факт, что византийские греки впервые познакомились с огнестрельными припасами (впоследствии развившимися в греческий огонь) у своих врагов, арабов. Марк Грах, писатель IX века, приводит рецепт смеси — 6 частей селитры, 2 части серы, 1 часть угля, — которая весьма близка к действительному составу пороха. Последний установлен с достаточной точностью раньше всех других европейских писателей Роджером Бэконом около 1216 г. в его «*Liber de Nullitate Magiae*» [«Книге о несостоятельности магии»], но все еще целые 100 лет западным народам оставалось неизвестным его употребление. Однако арабы, повидимому, скоро усовершенствовали знания, полученные ими от китайцев. Согласно написанной Конде истории мавров в Испании, пушки употреблялись при осаде Сарагоссы в 1118 г., а в 1132 г. в Испании отливались, в числе других пушек, и кулеврины 4-фунтового калибра¹⁰³. Известно, что в 1156 г. Абд-эль-Мумен взял Мохаддию, недалеко от Боны в Алжире, при помощи огнестрельного оружия, а в следующем году удалось защитить в Испании город Ниблу от кастильцев при посредстве огнестрельных машин, бросавших стрелы и камни. Если остается еще неустановленным характер машин, какие употреблялись арабами в XII столетии, то совершенно несомненно, что в 1280 г. артиллерия была применена против Кордовы и что в начале XIV столетия знакомство с нею перешло от арабов к испанцам. Фердинанд IV взял в 1308 г. Гибралтар с помощью пу-

шек. База в 1312 и 1323 гг., Мартос в 1326 г., Аликанте в 1331 г. были бомбардированы артиллерией, и при некоторых из этих осад пушки стреляли зажигательными снарядами. От испанцев употребление артиллерии перешло к остальным европейским народам. Французы во время осады Пуи-Гийома в 1338 г. имели пушки, и в том же году немецкие рыцари употребляли их в Пруссии. Около 1350 г. огнестрельное оружие было распространено во всех странах Западной, Южной и Центральной Европы¹⁰⁴. Что артиллерия — восточного происхождения, это доказывается также способом выделки самых старых европейских орудий. Пушка делалась из полос кованого железа, сваренных вместе в длину и скрепленных с помощью набитых на них тяжелых железных обручей. Она состояла из нескольких частей, причем подвижная казенная часть закреплялась для стрельбы только после заряжания. Древнейшие китайские и индийские пушки были сделаны совершенно так же, и они относятся к столь же давнему времени или еще более давнему, чем самые старые европейские пушки. Как европейская, так и азиатская пушка около XIV века была весьма несовершенной конструкции, овидетельствовавшей о том, что артиллерия переживала еще свое детство. Таким образом, если остается неустановленным, когда был изобретен порох и применен в огнестрельном оружии, то мы можем, по крайней мере, определить период, когда он впервые стал играть крупную роль в военном деле; самая неуклюжесть пушек XIV века всюду, где они встречаются, доказывает недавность появления их как постоянного военного оружия. Европейские пушки XIV века представляли собою нечто весьма неуклюжее. Орудия большого калибра можно было перевозить, только разобрав их предварительно на части, причем каждая часть занимала целую повозку. Даже орудия малого калибра были чрезвычайно тяжелы, ибо тогда не было еще установлено надлежащей пропорциональности между весом пушки и снаряда, а также между весом снаряда и заряда. Когда эти орудия устанавливали на позиции, для каждой пушки сооружалось нечто вроде деревянного сруба или помоста, с которого и производилась стрельба. Город Гент имел пушку, которая вместе со срубом занимала в длину 50 футов. Пушечные лафеты были еще неизвестны. Пушки в большинстве случаев стреляли с очень большим углом возвышения, как наши мортиры, — поэтому до введения бомб стрельба ядрами была мало действительна. Стреляли обыкновенно круглыми каменными ядрами, а пушки малого калибра заряжались иногда кусками железа. Однако, несмотря на все эти недостатки, пушки употреблялись не только при осаде и обороне городов, но и в открытом поле и на борту военных ко-

раблей. Уже в 1386 г. англичане захватили два французских судна, вооруженных пушками. Если принять за образец пушки, поднятые с «Марии-Розы» (затонувшей в 1545 г.), то окажется, что эти первые морские орудия просто вставлялись и закреплялись в деревянной колоде, выдолбленной для этой цели, а потому не могли действовать под разными углами возышения.

В течение XV столетия были сделаны значительные усовершенствования как в конструкции, так и в применении артиллерии. Пушки стали отливать из железа, меди или бронзы. Подвижная казенная часть стала выходить из употребления, всю пушку теперь отливали целиком. Лучшие пушечные литейные заводы были во Франции и в Германии. Во Франции были сделаны также первые попытки во время осад подвозить пушки и устанавливать их под прикрытием. Около 1450 г. стали устраивать нечто вроде траншей, а вскоре после того братья Бюро соорудили первые батареи орудий с затворами; с помощью этих батарей французский король Карл VII взял обратно за один год все те города и крепости, которые захватили у него англичане. Но наиболее крупные улучшения были произведены французским королем Карлом VIII. Он окончательно отказался от подвижной задней части ствола, стал отливать свои пушки из бронзы, и притом целиком, ввел цапфы и лафеты на колесах и стрелял только чугунными снарядами. Он упростил также калибры и обыкновенно брал в поле более легкие. Из последних двойное орудие помещалось на четырехколесном лафете, возимом 35 лошадьми; остальные калибры имели двухколесные лафеты, с запряжкой от 24 вплоть до 2 лошадей, причем концы лафетов волочились по земле. К каждому орудью была приставлена группа артиллеристов, и обслуживание было так организовано, что образовался первый особый корпус полевой артиллерии. Самые легкие калибры были достаточно подвижны для того, чтобы передвигаться во время сражения вместе с другими войсками и даже не отставать от кавалерии. Именно этот новый род войск доставил Карлу VIII его удивительные успехи в Италии. Итальянские орудия все еще передвигались при помощи волов, пушки все еще составлялись из нескольких частей, после выбора позиции их все еще надо было устанавливать на орубах; стреляли они каменными ядрами и были, вообще говоря, так неповоротливы, что французы в один час делали из своей пушки больше выстрелов, чем итальянцы за целый день. Сражение при Форново (1495 г.)¹⁰⁵, выигранное французской полевой артиллерией, распространило ужас по всей Италии, и новое оружие было признано неотразимым. Сочинение Макиавелли «*Arte della Guerra*» («Искусство войны») было на-

писано специально с той целью, чтобы указать средства, как парализовать его действие искусным расположением пехоты и кавалерии. Преемники Карла VIII, Людовик XII и Франциск I, продолжали улучшать и делать более легкой свою полевую артиллерию. Франциск организовал артиллерию как особую часть армии, подчинив ее главному начальнику артиллерии. Его полевые пушки сломили непобедимые до того массы швейцарских пикейщиков в сражении при Мариньяно (1515 г.); быстро передвигаясь с одной фланговой позиции на другую, они таким образом решили исход битвы.

Китайцы и арабы были знакомы с употреблением и изготовлением бомб, и возможно, что это умение перешло от последних к европейским народам. Тем не менее этот снаряд и мортира, из которой им ныне стреляют, стали применяться в Европе не раньше второй половины XV - столетия, причем введение их обычно приписывается Пандольфо Малатеста, князю Римини. Первые бомбы представляли собою два свинченых вместе полых полушария; способ лить их полыми целиком был изобретен лишь впоследствии.

Император Карл V не отставал от своих французских соперников в деле усовершенствования полевых пушек. Он ввел лафетные передки, превратив, таким образом, двухколесное орудие, на время его передвижения, в четырехколесную тележку, могущую двигаться более быстрым аллюром и преодолевать неровности почвы. Таким образом, в сражении при Реми в 1554 г. эти легкие пушки могли двигаться галопом.

Первые теоретические исследования относительно пушек и полета снарядов тоже относятся к этому периоду. Говорят, что итальянец Тарталья открыл тот факт, что угол возвышения в 45° дает *in vacuo* (в безвоздушном пространстве) максимальную дальность полета. Испанцы Колладо и Уфано тоже занимались подобными исследованиями. Так были заложены теоретические основы артиллерийской науки. Около того же времени исследования Ваноччи Бирингоччо об искусстве литья (1540 г.) повели к значительному прогрессу в изготовлении пушек, тогда как изобретение Гартманом калибровой шкалы, при помощи которой измерялась каждая часть пушки по ее отношению к диаметру дула, дало устойчивый образец для конструкции орудий и проложило путь для установления определенных теоретических принципов и общих эмпирических правил.

Одним из первых результатов усовершенствования артиллерии был полный переворот в искусстве фортификации. Со времени ассирийской и вавилонской монархий искусство это подвинулось вперед очень мало. Но теперь новое огнестрельное оружие всюду делало бреши в каменных стенах старой

системы, и приходилось изобретать новую систему укрепления. Стены надо было сооружать таким образом, чтобы непосредственному огню осаждающего была открыта возможно меньшая поверхность каменных сооружений и чтобы сильная артиллерия могла быть размещена на валах. Старая каменная стена стала заменяться земляным валом, лишь облицованным камнем, а небольшая боковая башня превратилась в большой пятиугольный бастион. Постепенно все каменные части укреплений стали прикрываться против непосредственного действия огня внешними земляными сооружениями, и в середине XVII столетия оборона крепостей опять стала относительно сильнее, чем атака, пока Вобан снова не дал преобладания последней.

До этой поры операция заряжания производилась непосредственным засыпанием пороха в пушку. Около 1600 г. были введены картузы* из холщевых мешков, содержащих установленные количества пороха, что значительно сократило время, необходимое для заряжания, и обеспечило большую точность огня благодаря большему единообразию зарядов. Около того же времени было сделано важное изобретение, а именно — изобретение вязаной картечи и простой картечи. Производство полевых орудий, приспособленных для стрельбы полыми снарядами, тоже относится к этому периоду. Многочисленные осады, имевшие место во время войны Испании против Нидерландов, весьма сильно содействовали усовершенствованию артиллерии, употребляемой при обороне и при атаке крепостей, особенно в применении мортир и гаубиц, бомб, каркасных снарядов, каленых ядер и в деле приготовления запальных трубок и других огнестрельных припасов. В начале XVII столетия все еще применялись калибры всех размеров — начиная от 48-фунтовых орудий до самых малых фальконетов с дулом лишь для полуфунтовых пуль. Несмотря на все улучшения, полевая артиллерия оставалась все еще настолько несовершенной, что требовалось все описанное разнообразие калибров, чтобы получить результат, достигаемый нами ныне немногими пушками среднего калибра, 6—12-фунтовыми. Малые калибры в ту эпоху были подвижны, но производили ничтожное действие; крупные калибры давали достаточный эффект, но были мало подвижны; пушки же средних калибров как по своему действию, так и в отношении подвижности не могли в достаточной мере удовлетворить всем требованиям. Вследствие этого сохранялись все калибры, и вдобавок разные орудия соединялись в одну общую массу, так что каждая батарея состояла обыкновенно из настоящего

* *Картуз* — особый мешок для артиллерийского заряда. *Ред.*

ассортимента всех орудий. Угол возвышения устанавливался подъемным клином. Лафеты оставались попрежнему неуклюжими, и для каждого калибра, конечно, требовалась особая модель, поэтому становилось почти невозможным брать на поле сражения запасные колеса и лафеты. Оси были деревянные и разных размеров, соответственно калибру. Вдобавок размеры орудия и лафета не были одинаковы даже для одного и того же калибра, так как повсюду сохранилось еще очень много пушек старой конструкции и существовали большие различия в конструкциях у различных заводов одной и той же страны. Картузы все еще применялись только для крепостных орудий; на поле сражения пушка заряжалась рассыпным порохом, вводимым в пушку посредством лопатки, после чего в нее забивался пыж и снаряд. Порох всыпался также в запал, и весь процесс отличался вообще чрезвычайной медленностью. Пушкари не считались регулярными солдатами, они составляли особую гильдию, пополняясь учениками, и приносили присягу не разглашать тайн своего ремесла. Когда возникала война, воюющие стороны набирали себе на службу артиллеристов, сколько могли, сверх числа, положенного в мирное время. Каждый из этих пушкарей или бомбардиров получал в свое командование одну пушку, имел в своем распоряжении верховую лошадь, ученика и столько помощников-профессионалов, сколько он требовал, не считая определенного числа людей, нужных для передвижения тяжелых орудий. Оплачивались они в четыре раза дороже, чем солдаты. Артиллерийские лошади, когда возникала война, брались от подрядчиков, подрядчик поставлял также упряжь и ездовых. В сражении орудия размещались в ряд, впереди линии, причем они снимались с передков; лошади отпрягались. Когда получался приказ о продвижении вперед, лошадей впрягали и пушки брались на передки; иногда более мелкие калибры передвигались на короткие расстояния солдатами. Порох и снаряды возились на отдельных повозках; передки еще не имели ящиков для боевых припасов. Маневрирование, зарядание, затравка, прицеливание и самая стрельба — все это производилось крайне медленно с точки зрения современных понятий, и число попаданий при таком несовершенстве орудий, при почти полном отсутствии артиллерийской науки, должно было быть действительно незначительным. Появление Густава-Адольфа в Германии во время Тридцатилетней войны отмечается громадным прогрессом в артиллерийском деле. Этот великий полководец упразднил чрезмерно мелкие калибры, заменив их сперва так называемыми кожаными пушками, т. е. легкими коваными железными трубами, покрытыми кожей. Эти пушки предназначались только для стрельбы

вязаной картечью, которая, таким образом, была впервые введена в полевую войну. До сих пор употребление ее ограничивалось защитой крепостных рвов. Наряду с вязаной и простой картечью он ввел также в полевой артиллерии патроны. Кожаные пушки, оказавшиеся недостаточно прочными, были заменены легкими чугунными 4-фунтовыми орудиями, длиной в 16 калибров, весом вместе с повозкой в 6 центнеров и перевозимыми двумя лошадьми. Каждый полк пехоты был снабжен двумя такими орудиями. Таким образом, возникла полковая артиллерия, сохранившаяся во многих армиях вплоть до начала настоящего столетия и заменившая старые пушки малого калибра, но сравнительно неповоротливые; она первоначально предназначалась только для стрельбы картечью, но очень скоро ее приспособили и для стрельбы ядрами. Тяжелые орудия держались отдельно и формировались в сильные батареи, занимавшие выгодную позицию на флангах или впереди центра армии. Так отделением легкой артиллерии от тяжелой и формированием батарей были заложены основы артиллерийской тактики. Генерал-инспектор шведской артиллерии, генерал Торстенсон, более всего содействовал этим нововведениям, благодаря которым полевая артиллерия отныне впервые стала самостоятельным родом оружия, подчиненным своим правилам применения в бою. Около того же времени были сделаны два дальнейших важных изобретения: около 1650 г. был изобретен горизонтальный подъемный винт, который употреблялся до времен Грибовалля, и около 1697 г. введены трубки, наполненные порохом, для затравки, вместо насыпания пороха в запал. Благодаря этому были значительно облегчены прицеливание и зарядание. Другим важным улучшением явилось изобретение пролонга, особого удлинителя, для передвижения пушек на короткие расстояния. Количество орудий, вывозившихся на поле сражения в течение XVII столетия, было весьма значительно. В сражении при Грейфенгагене Густав-Адольф имел 80 орудий на 20 000 солдат, а при Франкфурте-на-Одере — 200 орудий на 18 000 человек¹⁰⁸. Во время войн Людовика XIV артиллерийские парки в 100—200 орудий были обычным явлением. В сражении при Мальплаке каждая из сторон располагала приблизительно 300 орудиями; это было максимальное количество артиллерии, сосредоточенной до сих пор на одном поле сражения. Мортиры в эту эпоху обыкновенно вывозились на поле сражения. Французы в области артиллерии все еще сохраняли свое превосходство. Они первые покончили со старой гильдейской системой и стали зачислять пушкарей в армию как регулярных солдат, образовав в 1671 г. артиллерийский полк и учредив различные офицерские должности

и чины. Таким образом, эта часть армии была признана самостоятельным родом войск, и обучение офицеров и солдат была взято государством в свои руки. В 1690 г. во Франции была учреждена артиллерийская школа, существовавшая, по крайней мере, в течение 50 лет как единственная в мире. В 1697 г. Сен-Реми издал справочник артиллерийской науки, очень хороший для своего времени. И все же «тайна», окружавшая артиллерийское дело, была столь велика, что многие усовершенствования, принятые в других странах, были еще неизвестны во Франции, а конструкция и состав артиллерии каждой страны значительно различались друг от друга. Так, французы еще не ввели у себя гаубицы, изобретенной в Голландии и до 1700 г. введенной в большинстве армий. Ящики для амуниции на лафетных передках, впервые введенные Морицем Нассауским, были неизвестны во Франции и мало где приняты. Пушка, лафет и передок были слишком тяжелы для того, чтобы перегружать их еще добавочным весом снарядов. Самые малые калибры, вплоть до 3 фунтов, были действительно упрямлены, но легкая полковая артиллерия была во Франции неизвестна. Заряды, употреблявшиеся в артиллерии рассматриваемого периода, были обыкновенно очень тяжелы; первоначально они весили столько же, сколько ядро. Хотя порох был плохого качества, заряды эти производили все же гораздо более сильное действие, чем употребляемые ныне, так что это обстоятельство было одной из главных причин страшной тяжести пушки. Для того чтобы выдержать такие заряды, вес бронзовой пушки часто в 250—400 раз превосходил вес снаряда. Однако необходимость сделать пушки более легкими заставила постепенно уменьшить заряд, и к началу XVIII столетия последний составлял обыкновенно лишь половину веса снаряда. Для мортир и гаубиц заряд регулировался в зависимости от дистанции и обычно был незначителен. Конец XVII и начало XVIII столетия были периодом, когда артиллерия в большинстве стран была окончательно введена в состав армий, лишена своего средневекового цехового характера, признана особым родом войск и благодаря всему этому сделалась способной к нормальному и быстрому развитию. Результатом был почти немедленный и весьма заметный прогресс. Стали очевидными беспорядочность и разнообразие калибров и моделей, неопределенность всех существующих эмпирических правил, полное отсутствие прочно установленных принципов; все это терпеть далее стало невозможным. Ввиду этого всюду стали производить в широких размерах опыты, с целью выяснить действие калибров, отношение калибра к заряду, к длине и весу пушки, распределение металла в пушке, дальность выстрела, действие отдачи на лафеты

и т. п. В течение 1730—1740 гг. Белидор руководил такими опытами в Ла-Фер, во Франции, Робинус — в Англии и Папачино д'Антони — в Турине. Результатом явилось большое упрощение калибров, лучшее распределение металла в пушке и очень заметное уменьшение заряда, который теперь достигал от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ веса снарядов. Вровень с этими усовершенствованиями шел и прогресс научной артиллерии. Галилеем было положено начало теории параболы, его ученик Торичелли, Андерсон, Ньютон, Блондель, Бернулли, Вольф и Эйлер занимались дальнейшим изучением полета снарядов, сопротивления воздуха и причин отклонения снарядов. Вышеназванные артиллеристы-экспериментаторы тоже существенно содействовали развитию математической стороны артиллерии.

При Фридрихе Великом прусская артиллерия опять была сделана значительно более легкой. Короткие легкие полковые пушки, длиною не более 14, 16, 18 калибров и весившие в 80—150 раз больше веса снаряда, были признаны достаточными по дальности своего огня для боев того времени, решавшихся, главным образом, огнем пехоты. В соответствии с этим король переплавил все свои 12-фунтовые пушки в орудия соответственной длины и веса. Австрийцы в 1753 г. последовали этому примеру, так же как и большинство других государств; но сам Фридрих, в последнюю часть своего царствования, опять снабдил свою резервную артиллерию длинными мощными пушками, ибо опыт при Лейтене убедил его в их превосходном действии. Фридрих Великий ввел новый род войск, посадив на лошадей артиллеристов некоторых из своих пехотных батарей и создав, таким образом, конную артиллерию, предназначенную оказывать кавалерии такую же поддержку, какую пешая артиллерия оказывала пехоте. Новый род оружия оказался чрезвычайно действительным и весьма скоро был принят в большинстве армий; некоторые армии, как, например, австрийская, вместо этого сажали артиллеристов на особые повозки¹⁰⁷. Количество пушек по отношению к численности армий было в XVIII столетии еще весьма значительно. Фридрих Великий в 1756 г. имел на 70 000 солдат 206 орудий, в 1762 г. — на 67 000 человек 275 орудий, в 1778 г. — на армию в 180 000 человек 811 орудий. Эти орудия, за исключением полковых, которые следовали за своими батальонами, были организованы в батареи различного состава, от 6 до 20 орудий каждая. Полковые пушки двигались вместе с пехотой, тогда как батареи стреляли с избранных заранее позиций и иногда продвигались вперед на вторую позицию, но здесь они обыкновенно ожидали исхода сражения. В отношении подвижности они все еще оставляли желать очень многого, и сражение при Кунерсдорфе¹⁰⁸ было проиграно из-за невозможности

подвести в решительную минуту артиллерию. Прусский генерал Темпельгоф ввел также батареи полевых мортир, причем легкие мортиры перевозились на спинах мулов; но они были упразднены вскоре после того, как была доказана их бесполезность в войне 1792 и 1793 гг. Научная сторона артиллерийского дела в течение этого периода получила особенное развитие в Германии. Струэнзе и Темпельгоф написали полезные сочинения в этой области, но первым артиллеристом своего времени был Шарнгорст. Его справочная книга по артиллерии является первым значительным, действительно научным трактатом в этой области, тогда как его справочник для офицеров, изданный уже в 1787 г., содержит в себе первое научное изложение тактики полевой артиллерии. Его сочинения, хотя и устаревшие во многих отношениях, все же остаются классическими и доныне. В австрийской армии генерал Вела, в испанской — генерал Морла, в прусской — Гойер и Рувруа сделали ценные вклады в литературу по артиллерии. Французы реорганизовали в 1732 г. свою артиллерию в соответствии с системой Вальера; они сохранили 24-, 16-, 12-, 8- и 4-фунтовые орудия и ввели 8-дюймовую гаубицу. Но у них все же сохранилось значительное разнообразие типов конструкций; пушки были длиною от 22 до 26 калибров и имели вес, приблизительно в 250 раз превышавший вес соответственного снаряда. Наконец, в 1774 г. генерал Грибоваль, который служил в австрийской армии во время Семилетней войны и знал превосходство новой прусской и австрийской артиллерии, добился введения своей новой системы. Осадная артиллерия была окончательно отделена от полевой. Она была сформирована из всех орудий тяжелее 12-фунтовых и из всех старых тяжелых 12-фунтовых пушек. Полевая артиллерия была составлена из 12-, 8- и 4-фунтовых орудий, все длиною 18 калибров, весящих в 150 раз больше своего снаряда, и из 6-дюймовых гаубиц. Заряд для пушек был окончательно установлен в $\frac{1}{3}$ веса снаряда, был введен отвесный подъемный винт, и каждая часть пушки или лафета стала выделяться согласно точно установленной модели, так что ее можно было легко заменить со складов. Семи типов колес и трех типов осей хватало для всех разнообразных лафетов и передков, бывших в ходу во французской артиллерии. Хотя употребление ящиков для снарядов на передках большинству артиллеристов было известно, но Грибоваль не ввел их во Франции. 4-фунтовые орудия были даны пехоте, причем каждый батальон получил по два таких орудия; 8- и 12-фунтовые пушки были распределены по отдельным батареям, в качестве артиллерийского резерва, с полевой кузницей при каждой батарее. Были организованы обоз и роты специалистов-рабо-

чих, и вообще артиллерия Грибовала была первым формированием этого рода, поставленным на современную ногу. Она доказала свое превосходство над артиллерией всех других армий в отношении пропорций, которыми регулировалась конструкция ее пушек, в отношении материала и в отношении своей организации и служила образцом в течение многих лет. Благодаря произведенным Грибовалем улучшениям французская артиллерия во время революционных войн стояла выше артиллерии других стран и скоро сделалась в руках Наполеона оружием неслыханной до того силы. В ней не было произведено никаких изменений, если не считать того, что в 1799 г. окончательно отказались от системы полковых пушек и что с захватом во всех частях Европы громадного количества 6- и 3-фунтовых пушек эти калибры тоже были введены в действующую артиллерию. Вся полевая артиллерия была организована в батарею по шесть орудий каждая, из которых одно было, обыкновенно, гаубицей. Но если не произошло никаких или почти никаких изменений в материальной части, то в артиллерийской тактике имели место громадные перемены. Хотя число пушек несколько уменьшилось в результате упразднения полковых орудий, но действие артиллерии в бою усилилось благодаря искусному ее применению. Наполеон пускал в ход некоторое количество легких орудий, присоединенных к пехотным дивизиям, для того, чтобы завязать бой, заставить противника обнаружить свою силу и т. п., тогда как масса артиллерии удерживалась в резерве до тех пор, пока не определялся решительный пункт атаки, — тогда сразу формировались громадные батареи, действовавшие совместно против этого пункта и подготовлявшие, таким образом, своей страшной канонадой окончательную атаку пехотными резервами. В сражении при Фридланде ¹⁰⁹ 70 орудий, при Ваграме — 100 орудий были таким способом построены в ряд; в Бородинской битве батарея из 80 орудий подготовила атаку Нея на Семеновское. С другой стороны, значительные массы кавалерийского резерва, формировавшиеся Наполеоном, требовали для своей поддержки соответствующей силы в виде конной артиллерии, которая снова стала пользоваться усиленным вниманием и была очень многочисленна во французских армиях, где впервые практически было установлено свойственное ей тактическое применение. Без произведенных Грибовалем улучшений это новое применение артиллерии было бы невозможно, и так как изменение тактики было необходимостью, то эти усовершенствования постепенно и с небольшими изменениями проложили себе путь во все континентальные армии.

Британская артиллерия к началу французских революционных войн находилась в крайнем пренебрежении и намного от-

ставала от артиллерии других наций. Англичане имели по два полковых орудия в каждом батальоне, но совсем не имели резервной артиллерии. Лошади впрягались в пушечные повозки цугом, причем погонщики с длинными бичами шли рядом. Лошади и погонщики были наемные. Matériel (материальная часть) отличалась весьма устарелой конструкцией, и орудия, за исключением очень коротких расстояний, могли передвигаться только шагом. Конная артиллерия была неизвестна. Однако, после 1800 г., когда опыт показал непригодность подобной системы, артиллерия была основательно реорганизована майором Спирманом. Передки были приспособлены для парной запряжки, пушки соединены в батареи из шести орудий, и вообще были введены те усовершенствования, которые применялись уже некоторое время на континенте. Перед расходами не останавливались, а потому британская артиллерия вскоре оказалась более шеголеватой, солидной и роскошно снабженной, чем какая-либо иная. Большое внимание уделялось только что созданной конной артиллерии, которая скоро стала выделяться своей отвагой, быстротой и точностью маневрирования. Что касается новых улучшений в matériel (материальной части), то они ограничились конструкцией повозок. Лафет с однобрусным хвостом и зарядный ящик с передком были затем приняты в большинстве стран континента.

Пропорция артиллерии к остальным составным частям армии в течение этого периода сделалась несколько более устойчивой. Наибольшая пропорция артиллерии была в прусской армии в сражении при Пирмазенсе¹¹⁰ — 7 орудий на 1 000 человек. Наполеон считал совершенно достаточным 3 орудия на 1 000 человек, и эта пропорция сделалась общим правилом. Было также установлено количество зарядов, каким должна быть снабжена каждая пушка, а именно — не менее 200 на орудие, причем из этого количества $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{6}$ должна была приходиться на картечь. Во время мира, последовавшего за падением Наполеона, артиллерия всех европейских держав подверглась постепенным улучшениям. Легкие калибры 3- и 4-фунтовых орудий были повсюду упразднены, в большинстве стран были приняты улучшенные лафеты и зарядные ящики английской артиллерии. Вес заряда был почти всюду установлен в $\frac{1}{3}$ веса снаряда, а вес металла пушки не должен был превосходить последний более, чем в 150 раз; длина орудия была установлена в 16—18 калибров. Французы реорганизовали свою артиллерию в 1827 г. Для полевых пушек были установлены следующие нормы: 8- и 12-фунтовый калибр, длина 18 калибров, заряд $\frac{1}{3}$ веса снаряда, вес металла пушки приравнен увеличенному в 150 раз весу снаряда. Приняты

были английские лафеты и зарядные ящики; ящики на передках были впервые введены во французской армии. Два типа гаубиц, с дулом в 15 и 16 сантиметров, были присоединены соответственно к 8- и 12-фунтовым батареям. Эта новая система полевой артиллерии отличалась значительной простотой. Для всех пушечных повозок, применявшихся во французских полевых батареях, существовало всего два размера лафетов, один размер передков, один размер колес и два размера осей. Кроме того, была введена особая горная артиллерия, состоявшая из гаубиц дулом в 12 сантиметров в диаметре.

Английская полевая артиллерия в настоящее время состоит почти исключительно из 9-фунтовых орудий, длиною 17 калибров, весом в 1,5 центнера на 1 фунт веса снаряда, с зарядом в $\frac{1}{3}$ веса снаряда. В каждой батарее имеются две 24-фунтовые $5\frac{1}{2}$ -дюймовые гаубицы. 6- и 12-фунтовые пушки совсем не отправлялись на театр военных действий в последнюю войну с Россией*. Употребляются два размера колес. Как в английской, так и во французской пешей артиллерии артиллеристы во время маневрирования помещаются на передках и зарядных ящиках.

Прусская армия имеет 6- и 12-фунтовые орудия длиною в 18 калибров, весом в 145 раз больше веса снаряда, при заряде в $\frac{1}{3}$ веса снаряда; гаубицы употребляются калибром в $5\frac{1}{2}$ и $6\frac{1}{2}$ дюймов. Каждая батарея имеет шесть пушек и две гаубицы. Существует два типа колес и осей, один тип передка. Орудийные лафеты — образца Грибовала. В пешей артиллерии, в целях более быстрого маневрирования, пять артиллеристов, — число, достаточное для обслуживания пушки, — помещаются на ящиках передков и на правых лошадях, остальные трое следуют за орудием по мере возможности. Зарядные ящики поэтому не присоединены к орудиям, как во французской и британской армиях, а образуют особую колонну и во время сражения держатся вне обстрела со стороны противника. Улучшенные английские снарядные повозки приняты в 1842 г.

Австрийская артиллерия имеет 6- и 12-фунтовые орудия, длиною 16 калибров, весом в 135 раз больше веса снаряда, с зарядом в $\frac{1}{4}$ веса снаряда. Гаубицы сходны с употребляемыми в прусской артиллерии. Шесть пушек и две гаубицы составляют батарею.

Русская артиллерия имеет пушки 6- и 12-фунтовые, длиною 18 калибров, весом в 150 раз больше веса снаряда, при заряде в $\frac{1}{3}$ веса снаряда. Гаубицы имеют калибр в 5 и 6 дюймов. В зависимости от калибра и назначения, батарея состоит

* Имеется в виду Крымская война. *Ред.*

из 8 или 12 орудий, наполовину из пушек и наполовину из гаубиц.

Сардинская армия имеет 8- и 16-фунтовые пушки и гаубицы соответствующего размера. Армии мелких германских государств все имеют 6- и 12-фунтовые орудия; испанцы — 8- и 12-фунтовые; португальцы, шведы, датчане, бельгийцы, голландцы и неаполитанцы — 6- и 12-фунтовые.

Толчок, данный британской артиллерии реорганизацией, произведенной майором Спирманом, вместе с пробужденным им в артиллерийской среде интересом к дальнейшему усовершенствованию, а равно как и обширные возможности для прогресса артиллерии, создаваемые громадной морской артиллерией Великобритании, — все это содействовало многим важным изобретениям. Британские пиротехнические составы, равно как и британский порох, стоят выше других, а точность британских дистанционных трубок не знает себе равной. Главное изобретение, недавно сделанное в британской артиллерии, это — шрапнельные бомбы (shrapnel shells), — полный снаряд, наполненный мушкетными пулями и разрывающийся во время полета, благодаря чему действительная дистанция картечного огня сравнялась с дальностью действия ядра. Французы, при всем своем искусстве в качестве конструкторов и организаторов, лишь одни не ввели еще у себя этого нового и страшного снаряда, так как они не сумели произвести нужного для дистанционной трубки состава, от чего зависит все дело.

Новая система полевой артиллерии была предложена Луи-Наполеоном и, повидимому, принимается ныне во Франции. Все четыре калибра ныне употребляющихся пушек и гаубиц должны быть заменены легкой 12-фунтовой пушкой, длиною в $15\frac{1}{2}$ калибров, весом в 110 раз больше веса снаряда и с зарядом в $\frac{1}{4}$ веса ядра. При уменьшенном заряде эта же пушка должна стрелять 12-сантиметровым снарядом (ныне употребляемым в горной артиллерии), заменяя, таким образом, гаубицы в специальной стрельбе полыми снарядами. Опыты, сделанные в четырех артиллерийских школах Франции, были весьма успешны, и утверждают, что эти пушки обнаружили заметное превосходство в Крыму над русскими пушками, большей частью 6-фунтовыми. Англичане, впрочем, утверждают, что их длинная 9-фунтовая пушка превосходит дальностью и точностью эту новую пушку, и надо заметить при этом, что они первые ввели, но очень скоро снова упразднили легкую 12-фунтовую пушку с зарядом в $\frac{1}{4}$ веса снаряда, которая, очевидно, послужила Луи-Наполеону образцом. Стрельба бомбами (shells) из обыкновенных пушек заимствована из прусской армии, где при осадах прибегают к стрельбе для определенных целей бомбами из 24-фунтовых пушек. Тем

не менее достоинства пушки Луи-Наполеона должны быть еще проверены опытом, и поскольку ничего не было опубликовано специально о действии ее в последней войне, мы здесь, разумеется, не можем высказать окончательного суждения о ее преимуществах.

Законы и установленные экспериментально правила для стрельбы массивными, полыми или иного рода снарядами, найденные соотношения между дальностью полета, углом возвышения, весом заряда, влиянием зазора и других причин, вызывающих отклонения, вероятность попадания в цель и прочие обстоятельства, могущие иметь место во время войны, составляют науку артиллерии. Хотя факт, что тяжелое тело, брошенное *in vacuo* (в безвоздушном пространстве) в любом неперпендикулярном направлении, опишет в своем полете параболу, составляет основной принцип этой науки, — однако сопротивление воздуха, возрастающее по мере возрастания скорости движущегося тела, весьма существенно видоизменяет применение параболической теории в артиллерийской практике. Так, например, для пушек, выбрасывающих свой снаряд с первоначальной скоростью от 1400 до 1700 футов в секунду, линия полета настолько значительно расходится с теоретической параболой, что у них максимальное расстояние полета достигается при угле возвышения приблизительно только в 20° , тогда как согласно параболической теории этот угол должен был бы равняться 45° . Практические опыты определили с известной степенью точности эти отклонения и таким путем установили надлежащий угол возвышения для каждого рода пушек, для данного заряда и дистанции. Но на полет снаряда влияет и ряд других условий. Прежде всего существует зазор или разница между диаметром снаряда и диаметром канала артиллерийского ствола, облегчающая зарядание. Этот зазор обуславливает прежде всего утечку газа во время взрыва заряда, другими словами — уменьшение силы, и, во-вторых, неправильности в направлении снаряда, вызывая отклонения в вертикальном и горизонтальном направлении. Затем существует неустраняемая неодинаковость в весе заряда или в его качествах в момент использования, эксцентричность снаряда, центр тяжести которого не совпадает с геометрическим центром его шаровой поверхности, что вызывает отклонения, варьирующие в зависимости от относительного положения центров в момент стрельбы; существует много других причин, вызывающих различие результатов при одинаковых, повидимому, условиях полета. Мы уже видели, что для полевых пушек почти везде принят заряд в $\frac{1}{3}$ веса снаряда, а длина в 16—18 калибров. При таких зарядах, при угле возвышения, равном нулю, т. е. при горизонтальном положении пушки

(the point-blank range), снаряд коснется земли на расстоянии приблизительно в 300 ярдов, а путем увеличения угла возвышения пушки это расстояние может быть увеличено до 3 000 или 4 000 ярдов. Но при такой дистанции утрачивается всякая вероятность попадания в цель, и для действительной и успешной практики дистанция для стрельбы полевых пушек не превышает 1 400 или 1 500 ярдов, причем и на таком расстоянии едва можно рассчитывать на одно попадание в цель из шести или восьми выстрелов. Решающими дистанциями, на которых пушка только и может содействовать исходу сражения, являются для ядер и бомб дистанции между 600 и 1 100 ярдами, и при этих дистанциях вероятность попадания в цель действительно гораздо более значительна. Так, высчитано, что на расстоянии в 700 ярдов около 50%, в 900 ярдов около 35% и в 1 100 ярдов около 25% всех выстрелов из 6-фунтовой пушки попадает в продолговатую мишень, изображающую фронт батальона, построенного в колонну для атаки (34 ярда в длину при 2 ярдах в высоту); 9- и 12-фунтовые пушки дают несколько лучшие результаты. Во время опытов, произведенных во Франции в 1850 г., употреблявшиеся тогда 8- и 12-фунтовые пушки дали следующие результаты при стрельбе по мишени размером в 30 метров на 3 метра (представляющей отряд кавалерии):

Процент попадания на дистанции в метрах

	500	600	700	800	900
12-фунтовая пушка	64%	54%	43%	37%	32%
8- " "	67%	44%	40%	28%	28%

Хотя мишень была в полтора раза выше, результаты оказались ниже средней величины, приведенной выше. Для полевых гаубиц отношение веса заряда к весу снаряда ниже, чем у пушек. Причиной этого являются малая длина орудия (от 7 до 10 калибров) и необходимость стрелять из него при большом угле возвышения. Отдача при стрельбе из гаубицы, с ее большим углом возвышения, действуя вниз и назад, оказывала бы на лафетную тележку при употреблении тяжелого заряда такое давление, что после нескольких выстрелов последняя могла бы притти в негодность. По этой причине в большинстве континентальных армий употребляются для одной и той же гаубицы заряды различных размеров, что дает, таким образом, артиллеристу возможность обеспечивать нужную дистанцию различным комбинированием заряда и угла возвышения. Когда это не практикуется, как, например, в британской артиллерии, угол возвышения по необходимости весьма мал и едва превышает угол возвышения пушки; дистанционные таблицы для британской 24-фунтовой гаубицы,

при 2 $\frac{1}{2}$ -фунтовом заряде и при угле возвышения в 4°, дают дальность, не превышающую 1 050 ярдов; такой же угол возвышения для 9-фунтовой пушки дает дистанцию в 1 400 ярдов. В большинстве германских армий употребляется особый короткий тип гаубицы, допускающей угол возвышения от 16 до 20° и действующей, таким образом, наподобие мортиры; ее заряд по необходимости мал. Этот тип гаубицы имеет то преимущество перед обычной длинной гаубицей, что ее бомбы могут попадать в укрытые позиции, лежащие позади неровностей местности, и т. п. Однако преимущество это становится сомнительным, когда стрельба направляется против движущихся объектов, например, войск, хотя и сохраняет большое значение, когда предмет, укрытый от прицельного огня (direct fire), неподвижен; что же касается прицельного огня, то для него эти гаубицы совершенно непригодны ввиду своей малой длины (от 16 до 7 калибров) и незначительности заряда. Для того чтобы обеспечить различные дистанции при угле возвышения, определяемом в зависимости от рода огня (прицельного или навесного — direct firing or shelling), заряд по необходимости бывает весьма различной величины; в прусской полевой артиллерии, где эти гаубицы еще находят себе применение, практикуются заряды 12 различных размеров. Вообще гаубица представляет собою весьма несовершенное оружие, и чем скорее она будет заменена хорошо действующей полевой бомбовой (field shell gun) пушкой, тем лучше.

Тяжелые пушки, употребляемые в крепостях, при осадах и на кораблях, бывают различных типов. До самой последней войны с Россией (Крымской) не было в обычае употреблять при осадах более тяжелые орудия, чем 24-фунтовые или в крайнем случае 32-фунтовые. Однако со времени осады Севастополя осадные пушки сравнялись с корабельными, или, вернее, действие тяжелых корабельных орудий против траншей и земляных укреплений неожиданно оказалось столь превосходящим действие обыкновенных легких осадных пушек, что осадная война отныне будет в значительной мере решаться такой тяжелой корабельной пушкой. В осадной и морской артиллерии обыкновенно встречаются различные типы пушек для одного и того же калибра. Существуют легкие и короткие пушки, а также длинные и тяжелые. Так как в данном случае меньшее внимание обращается на подвижность, то нередко для специальных целей делаются орудия в 22—25 калибров длиной, и некоторые из них, благодаря этой большой их длине, столь же точны в своем действии, как и винтовки. Одной из лучших в этой группе пушек является прусская бронзовая 24-фунтовая пушка в 10 футов 4 дюйма или 22 калибра длиной, весом 60 центнеров; ни одна пушка не может

сравниться с нею в осадах при стрельбе, рассчитанной на то, чтобы подбить орудия противника. Но для большей части задач длина в 16—20 калибров признана совершенно достаточной, и так как в среднем предпочитается калибр, дающий наибольшую точность, то масса в 60 центнеров чугуна или другого пушечного металла, как правило, найдет себе наиболее полезное применение в тяжелом 32-фунтовом орудии длиной в 16—17 калибров. Новое длинное чугунное 32-фунтовое орудие, одно из лучших орудий британского флота, длиной в 9 футов, весом в 50 центнеров, имеет всего 16½ калибров. Длинная 68-фунтовая, в 112 центнеров весом, вращающаяся пушка (pivot gun) на всех больших винтовых 131-пушечных военных кораблях имеет в длину 10 футов 10 дюймов или немного больше 16 калибров; другой тип длиной 56-фунтовой вращающейся пушки весом в 98 центнеров имеет в длину 11 футов или 17½ калибров. До настоящего времени в состав корабельного вооружения все еще входит значительное количество менее сильных орудий, как, например, высверленные (bored up guns) пушки, имеющие лишь 11 или 12 калибров, и карронады в 7—8 калибров. Однако 35 лет тому назад генералом Пексаном был введен другой вид морской пушки, который приобрел с тех пор громадное значение, — бомбовая (shell gun) пушка. Это орудие подверглось значительным усовершенствованиям, и французская бомбовая пушка все еще ближе всего подходит к пушке, сконструированной изобретателем: она сохранила цилиндрическую камеру для заряда. У англичан или совсем нет камеры, или же камера представляет собою короткий усеченный конус, незначительно уменьшающий диаметр канала; орудие это имеет в длину от 10 до 13 калибров и предназначено исключительно для стрельбы полыми снарядами; но вышеупомянутые длинные 68- и 56-фунтовые пушки стреляют — безразлично — ядрами или бомбами. Во флоте Соединенных Штатов капитан Дальгрэн предложил новую систему бомбовых пушек, а именно короткие пушки очень большого калибра (диаметр канала 11 и 9 дюймов), которая и принята, частично, при вооружении нескольких новых фрегатов. Преимущества этой системы должны быть еще проверены на опыте, который выяснит, можно ли обеспечить страшное действие этих громадных бомб, не жертвуя точностью, которая не может не пострадать от большого угла возвышения, необходимого для больших расстояний. В осадной и морской артиллерии заряды столь же различны, как и конструкции самих пушек, в соответствии с различием целей, которые должны быть достигнуты. Наиболее тяжелые заряды употребляются при пробивании бреши в каменных сооружениях, и для некоторых весьма тяжелых и крупных орудий

они достигают половины веса снаряда. Но вообще средний заряд для осадных целей можно принять в $\frac{1}{4}$ веса снаряда, с возрастанием иногда до $\frac{1}{3}$ и уменьшением в других случаях до $\frac{1}{6}$ веса снаряда. На кораблях применяются обычно для каждой пушки заряды трех размеров: большой заряд для значительных дистанций, при преследовании врага и пр., средний заряд — для средних дистанций обычных морских боев и уменьшенный заряд — в абордажном бою и при стрельбе цепными ядрами. У длинного 32-фунтового орудия заряды бывают в $\frac{5}{16}$, $\frac{1}{4}$ и $\frac{3}{16}$ веса снаряда. Для коротких легких и бомбовых пушек эти пропорции, конечно, еще больше уменьшены; но у последних вес полого снаряда не достигает веса сплошного. Кроме обыкновенных пушек и бомбовых пушек, в состав осадной и морской артиллерии входят также тяжелые гаубицы и мортиры. Гаубицы представляют собою короткие орудия, предназначенные для стрельбы под углом возвышения от 12 до 30° и укрепляемые на лафетах; мортиры — это еще более короткие орудия, прикрепляемые к подставкам, для стрельбы под углом возвышения, превышающем обыкновенно 20° и доходящем даже до 60°. Те и другие представляют собою камерные орудия, т. е. камера или та часть канала, в которую закладывается заряд, имеет меньший диаметр, чем весь канал. Гаубицы редко имеют калибр более 8 дюймов, но мортиры имеют калибр в 13, 15 и больше дюймов. Полет бомбы из мортиры, ввиду незначительности заряда (от $\frac{1}{20}$ до $\frac{1}{40}$ веса бомбы) и значительности угла возвышения, испытывает меньшее сопротивление воздуха, и здесь параболическая теория может применяться в артиллерийских вычислениях без значительного отступления от практических результатов. Мортирные бомбы предназначаются либо для разрывного действия, либо в качестве каркасов, т. е. для зажигания воспламеняющихся предметов, путем выбрасывания струи огня из запала, либо же действуют своим весом, пробивая сводчатые и иным образом укрепленные крыши; в последнем случае предпочитается больший угол возвышения, ибо это обеспечивает более высокий полет и наивысшую скорость падения. Гаубичные бомбы должны действовать сначала ударом, а затем взрывом. Благодаря большому углу возвышения, малой первоначальной скорости снаряда и обусловленному этим небольшому сопротивлению воздуха мортира посылает свой снаряд дальше, чем какое бы то ни было другое орудие; поскольку стрельба производится вообще по целому городу, то не требуется большой точности, и в силу этого бывает, что полезная дистанция при стрельбе тяжелых мортир достигает 4 000 ярдов и более дистанции, с которой англо-французские мортирные канонерки бомбардировали Свеаборг.

Вопрос о применении этих различного рода пушек, снарядов и зарядов во время осадных действий относится к статье «Осада»; применение морской артиллерии составляет почти всю боевую часть элементарной морской тактики и потому не относится к нашей теме; таким образом, здесь нам остается сделать лишь несколько замечаний о применении и тактике полевой артиллерии.

Артиллерия не имеет оружия для рукопашного боя, все ее силы сосредоточены на действии ее огня на расстоянии. Кроме того, она сохраняет свою боевую готовность только до тех пор, пока остается на позиции; как только орудия взяты на передки или закреплены удлинители для их передвижения, она на время оказывается небоеспособной. В силу этих причин из всех трех родов оружия она является родом оружия, наиболее нуждающимся в защите; действительно, ее наступательная сила весьма ограничена, ибо наступление представляет собою движение вперед, и его кульминационным пунктом является удар стали о сталь. Критическим моментом для артиллерии является поэтому выезд вперед, занятие позиции и изготовка к действию под огнем противника. Ее развертывание в линию, ее предварительные движения должны быть замаскированы или неровностями почвы, или линиями войск. Таким образом, артиллерия сперва должна достигнуть позиции, параллельной той линии, которую она должна занять, и затем двигаться на позицию прямо против неприятеля, так чтобы не подставить себя под его фланговый огонь. Выбор позиции представляет собою дело огромной важности как с точки зрения действия огня батарей по противнику, так и действия по ней огня противника. Расставить свои пушки так, чтобы их действие было возможно более ощутительно для противника, — такова первая важная задача; второй задачей является безопасность от огня противника. Хорошая позиция должна представлять твердое и ровное место для колес и хобота лафета; если колеса не стоят ровно, хорошая стрельба невозможна, и если хобот лафета закапывается в землю, то лафет будет быстро сломан силою отдачи. Кроме того, позиция должна давать беспрепятственный обзор местности, занимаемой противником, и допускать возможно большую свободу движения. Наконец почва впереди, между батареей и противником, должна быть благоприятна действию наших орудий и по возможности неблагоприятна для противника. Наиболее благоприятной почвой является твердая и ровная поверхность, которая обеспечивает выгоды рикошетного действия и ведет к тому, что снаряд, упавший близко, поразит противника после первого соприкосновения с землей. Удивительно, как сильно влияет на результаты артиллерийской

стрельбы характер поверхности. На мягкой почве снаряд, бороздя землю, отклоняется от прямой линии или делает беспорядочные скачки, если вообще не завязнет сразу в земле. Большое значение имеет направление борозд вспаханной земли, в особенности при стрельбе картечью или шрапнелью; если они идут поперечно, то большая часть снарядов зарывается в них. Если непосредственно перед нами грунт мягкий и местность имеет волнистый и пересеченный характер, а в направлении к неприятелю — местность ровная и грунт твердый, то она благоприятствует нашей стрельбе и защищает от стрельбы противника. Весьма невыгодна стрельба вниз или под уклон более 5° , или с вершины одного холма на другой. Что касается укрытия от огня противника, то его облегчают даже и весьма незначительные предметы. Редкая изгородь, едва скрывающая нашу позицию, группа кустов или высокий хлеб мешают взять правильный прицел. Небольшая обрывистая насыпь, на которой размещены наши орудия, будет перехватывать самые опасные из снарядов противника. Ров образует отличный бруствер, но лучшей защитой служит гребень, образуемый слегка волнистой местностью, прикрываясь которым мы отодвигаем наши орудия настолько назад, чтобы неприятелю были видны только дула орудий; при таком расположении позиции каждый снаряд, ударяющийся о землю впереди нее, будет перескакивать высоко через наши головы. Еще лучше, если можно выкопать для наших пушек в гребне площадку, около 2 футов глубиной, подравняв спуск к заднему откосу и обеспечив, таким образом, командование над всем передним скатом холма. Французы при Наполеоне проявляли особенное искусство в расположении своих пушек, и от них это искусство переняли все другие народы. По отношению к противнику позиция должна быть так выбрана, чтобы быть обеспеченной от его флангового или продольного огня (enfilading fire); что касается наших собственных войск, то она не должна затруднять их движения. Обычное расстояние от пушки до пушки, при расположении в линию, — 20 ярдов, но нет необходимости строго придерживаться подобных плацпарадных правил. Когда артиллерия выдвинута на позицию, передки располагаются близко позади своих орудий, тогда как зарядные ящики в некоторых артиллерийских частях остаются в укрытии. Если эти ящики употребляются также для перевозки артиллеристов, то им приходится попадать в сферу эффективно действующего огня. Батарея направляет свой огонь на ту часть неприятельских сил, которая в данный момент наиболее угрожает нашей позиции; если предстоит атака нашей пехоты, то батарея стреляет или по артиллерии неприятеля, поскольку она еще должна быть приведена к мол-

чанию, или по массам пехоты, если они оказываются под выстрелами; но если часть сил противника действительно движется в атаку, то надо направлять огонь именно в этот пункт, не обращая внимания на артиллерию неприятеля, которая ведет огонь против нас. Наш огонь против артиллерии противника будет наиболее действенен в те моменты, когда она не может отвечать, т. е. когда она берется на передки, передвигается или снимается с передков. Несколько метких выстрелов причиняют в такие моменты большое замешательство. Старое правило, согласно которому артиллерия, кроме случаев крайней необходимости, не должна приближаться к пехоте ближе 300 ярдов или на дистанцию ружейного выстрела, скоро устареет. При возрастающей дальностью современных ружей полевая артиллерия, для производства надлежащего действия, не может уже более держаться вне досягаемости ружейного огня, а орудие, с его передком, лошадьми и артиллеристами, образует достаточно большую группу, чтобы стрелки могли стрелять по ней с дистанции в 600 ярдов из винтовок Минье или Энфильда. Издавна установившийся взгляд, что те, кто желает долго прожить, должны зачисляться в артиллерию, не является ныне верным, ибо очевидно, что стрельба стрелковой цепи со значительного расстояния будет в будущем наиболее действительным способом борьбы с артиллерией; и разве есть такое поле сражения, где нельзя найти хорошее прикрытие для стрелков на дистанции в 600 ярдов от любой артиллерийской позиции?

Таким образом, артиллерия всегда имела преимущество против наступающих линий или колонн пехоты; несколько удачных залпов картечью или несколько ядер, прорывающихся через глубокую колонну, производят чрезвычайно охлаждающее действие. Чем ближе приближается атака, тем действеннее становится наша стрельба; и даже в последний момент мы легко можем увести свои пушки от столь медленно продвигающегося противника, как пехота, однако все еще остается под сомнением, не успеет ли обрушиться на нас цепь *chasseurs de Vincennes* (венсенских егерей), наступающих *pas gymnastique* (гимнастическим шагом), прежде, чем мы успеем взять пушки на передки.

В борьбе с кавалерией преимущество артиллерии дает хладнокровие. Если последняя приостанавливает стрельбу до приближения врага на дистанцию в 100 ярдов, а затем дает с хорошего прицела залп картечью, то кавалерия окажется далеко от нее к тому моменту, когда рассеется дым. Во всяком случае становится на передки и пытаться уйти — было бы самой худшей тактикой, ибо кавалерия наверное захватила бы пушки.

В бою артиллерии против артиллерии решают дело условия поверхности, калибры, число орудий с обеих сторон и степень использования их сторонами. Следует, однако, отметить, что хотя крупные калибры на больших дистанциях имеют несомненное преимущество, но более мелкие калибры по мере сокращения дистанции приближаются по своему действию к крупным и на коротких расстояниях почти сравниваются с ними. В Бородинском сражении артиллерия Наполеона состояла, главным образом, из 3- и 4-фунтовых орудий, тогда как у русских преобладали их многочисленные 12-фунтовые пушки. Однако французские маленькие пушки имели над ними решительный перевес.

Когда артиллерии нужно поддерживать пехоту или кавалерию, она всегда должна занимать позицию на их фланге. Если пехота наступает, артиллерия продвигается вперед полубатареями или взводами в линию вместе со стрелками или даже несколько впереди них; как только масса пехоты готовится к атаке в штыки, артиллерия рысью подбегает на 400 ярдов к неприятелю и подготавливает атаку беглым картечным огнем. Если атака отбита, то артиллерия возобновляет свой огонь по преследующему неприятелю, пока не принудит его отступить; но если атака оказывается успешной, ее огонь в значительной степени содействует завершению успеха, причем одна половина орудий продолжает огонь, в то время как другая продвигается вперед. Конная артиллерия, в качестве поддержки кавалерии, придающая последней тот оборонительный элемент, который у нее, вообще говоря, отсутствует, является в настоящее время одним из наиболее излюбленных родов войск и доведена до высокого совершенства во всех европейских армиях. Хотя она предназначается к действию по грунту, удобному для кавалерии, и к действию вместе с нею, все же нет на свете такой конной артиллерии, которая не могла бы идти галопом по такой местности, где ее собственная кавалерия могла бы следовать за нею, только потеряв порядок и сплоченность. Конная артиллерия всех стран представляет собою самых смелых и искусных наездников своей армии; она с особенной гордостью на любых больших маневрах скачет, не обращая внимания ни на какие препятствия, перед которыми останавливается кавалерия. Тактика конной артиллерии заключается в смелости и хладнокровии. Быстрота, внезапность появления, быстрота огня, готовность сняться с места в любой момент и двигаться по дороге, слишком трудной для кавалерии, — таковы качества хорошей конной артиллерии. Об особом выборе позиции тут не приходится говорить, ибо конная артиллерия все время меняет место; любая позиция хороша, поскольку она близка к противнику и находится

в стороне от пути движения конницы; и именно во время прилива и отлива кавалерийских схваток артиллерия, следуя за набегаящими и отливающими волнами, должна в каждый данный момент проявлять свое превосходство в верховой езде и присутствие духа, выбираясь из этого бушующего моря по всякому грунту, где не всякая кавалерия рискнет или захочет за нею следовать.

При атаке или обороне позиций тактика артиллерии та же самая. Суть дела всегда — в стрельбе по тому пункту, откуда при обороне грозит ближайшая и наиболее непосредственная опасность, а при атаке — откуда наше наступление может быть остановлено с наибольшим успехом. Разрушение материальных препятствий тоже составляет часть задач артиллерии, и здесь применяются различные калибры и виды орудий в зависимости от их природы и действия: гаубицы — для поджога зданий, тяжелые орудия — для разрушения ворот, стен и баррикад.

Все эти замечания относятся к артиллерии, которая во всех армиях присоединена к дивизиям. Но в больших и решающих сражениях самые крупные результаты достигаются при посредстве резервной артиллерии. Расположенная позади, вне поля зрения и вне пределов досягаемости огня противника в течение большей части боя, она массою выдвигается вперед к решающему пункту, лишь только наступит момент для последнего удара. Построенная полумесяцем на протяжении мили или более, она сосредоточивает свой разрушительный огонь на сравнительно небольшом пространстве. При отсутствии ответной стрельбы более или менее равносильной ей артиллерии получасовой беглый огонь решает дело. Неприятель начинает таять под градом свистящих ядер; затем выдвигаются свежие резервы пехоты, следует последняя ожесточенная кратковременная борьба, и победа одержана. Так подготовил Наполеон наступление Макдональда при Ваграме, и сопротивление было сломлено еще до того, как три наступающие в колоннах дивизии успели сделать хотя бы один выстрел или пойти в штыки. И только с этих великих дней можно говорить о существовании тактики полевой артиллерии.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке в ноябре 1857 г.

Впервые напечатано в «New American Cyclopaedia», т. II, 1858 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XI, ч. II.

ФОРТИФИКАЦИЯ

Этот предмет иногда разделяют на оборонительную фортификацию, которая дает средства сделать данную местность способной к обороне на длительное или только на короткое время, и на фортификацию наступательную, которая содержит правила ведения осады. Мы, однако, подразделим этот предмет на три отдела: на *долговременную фортификацию*, или способ привести местность в мирное время в такое состояние обороны, которое заставляет неприятеля при наступлении применять правильную осаду, на *искусство ведения осады* и на *полевую фортификацию* или создание временных укреплений для того, чтобы усилить какой-либо данный пункт вследствие временного значения, которое он может приобрести в особых условиях кампании.

I. *Долговременная фортификация.* Старейшей формой укреплений является, повидимому, частокол, который вплоть до конца XVIII столетия все еще оставался национальной системой турок (palanka) и теперь еще широко применяется на индо-китайском полуострове среди населения Бирмы. Он состоит из двойного или тройного ряда крепких деревьев, вкопанных вертикально и близко друг от друга в землю и образующих стену вокруг города или лагеря, подлежащего обороне. Дарию в своем походе против скифов, Кортесу у Табаско в Мексике и капитану Куку в Новой Зеландии — всем им пришлось встретиться с такими частоколами. Иногда пространство между рядами деревьев бывало наполнено землей; в других случаях деревья были связаны и удерживались вместе при помощи плетения. Следующим шагом было сооружение вместо частокола каменных стен. Такая система обеспечивала большую долговременность и в то же время делала нападение гораздо более затруднительным; и со времен Ниневии и Вавилона, вплоть до конца средних веков, каменные стены являлись среди более цивилизованных наций единственным средством укреплений. Стены делались столь высокими, что даже перелезание через них по лестницам было затруднительно; они

делались достаточно толстыми, чтобы иметь возможность оказывать продолжительное сопротивление таранам и позволять защитникам двигаться свободно по их верхнему краю, под прикрытием более тонкого каменного парапета с зубцами, через амбразуры которых можно было пускать в осаждающих стрелы или бросать другие метательные снаряды. Чтобы усилить оборону, парапет вокоре стал строиться нависающим над стеной, — с отверстиями между выступающими вперед камнями, на которых он покоился, — чтобы дать возможность осажденным видеть подножие стены и сверху забрасывать метательными снарядами врага, который сумел бы забраться так далеко. Несомненно, что еще в ранний период был введен также ров, окружавший всю стену и являвшийся главным препятствием для доступа к ней. Наконец, оборонительные свойства каменных стен были развиты до высшей точки прибавлением к ним, через известные интервалы, башен, которые, выступая несколько впереди стен, давали им боковую защиту при помощи метательных снарядов, выбрасываемых из них по войскам, осаждавшим пространство между двумя башнями. Будучи в большинстве случаев выше стены и отделяясь от ее вершины поперечными парапетами, они обеспечивали господство над стеной и образовывали каждая маленькую крепость, которую нужно было брать в отдельности, после того как защитники были уже оттеснены с главной стены. Если мы к этому прибавим, что в некоторых городах, особенно в Греции, имелся род цитадели на какой-нибудь командной высоте внутри стен (акрополь), образовывавшей редюит и вторую линию обороны, то мы этим укажем на самые основные черты фортификации эпохи каменных стен.

Но, начиная с XIV и до конца XVI века, введение артиллерии основательно изменило способы атаки укрепленных пунктов. С этого периода ведет начало обильная литература по фортификации, заключающая в себе бесчисленные системы и методы, часть которых нашла себе более или менее широкое практическое применение, в то время как мимо других — и не всегда наименее остроумных — прошли, как мимо простых теоретических курьезов, пока в позднейшие периоды плодотворные идеи, в них заключавшиеся, не были снова извлечены на свет более удачливыми преемниками. Такова была судьба, как мы увидим далее, того самого автора, который образует, если можно так выразиться, мост между старой системой каменных стен и новой системой земляных укреплений, облицованных камнем только в тех местах, которые невидимы для неприятеля на расстоянии. Непосредственным результатом введения артиллерии было увеличение толщины стен и диаметра башен за счет их вышины. Теперь эти башни назывались ронделями (гон-

delli) и делались настолько крупными, чтобы вместить несколько артиллерийских орудий. Чтобы дать возможность осаждаемым стрелять из пушек также и со стены, позади нее, для придания ей необходимой ширины, накидывался земляной вал. Вскоре мы увидим, как эти земляные укрепления постепенно начали вытеснять стену, чтобы в некоторых случаях целиком ее заменить. Альбрехт Дюрер, знаменитый немецкий художник, развил эту систему ронделей до ее высшего совершенства. Он сделал их совершенно независимыми фортами, расположив их на всем протяжении стены через известные интервалы с батареями, помещенными в казематах для продольного обстрела рва; его каменные парапеты остаются неприкрытыми не более чем на 3 фута в высоту (т. е. видны осаждающим и являются объектом для их прямого огня); для того же, чтобы улучшить оборону рва, он предложил капо-ниры (сароппиères), т. е. сооружения в виде казематов на дне рва, открытые от глаз осаждающих, с амбразурами на каждой стороне для продольного обстрела рва до следующего угла многоугольника. Почти все эти предложения являлись новыми изобретениями; и если ни одно из них, за исключением казематов, не было одобрено в его время, то мы увидим, что в позднейших и наиболее значительных системах фортификации все они были признаны и развиты соответственно с изменившейся обстановкой нового времени.

Около этого же времени было произведено изменение в форме расширенных башен, перемена, от которой, можно считать, берут свое начало новейшие системы фортификации. Круглая форма башни имела ту невыгоду, что ни куртина (часть стены между двумя башнями), ни ближайшие смежные башни не могли поражать своим огнем каждую точку впереди промежуточной башни: имелись небольшие углы вблизи стены, где неприятелю, раз он их уже достиг, не мог вредить огонь крепости. Чтобы избежать этого, башня была переделана в неправильный пятиугольник, одной стороной обращенный внутрь крепости, а четырьмя другими к открытой местности. Этот пятиугольник был назван бастионом. Во избежание повторений и неясностей мы немедленно приступим к описанию и номенклатуре бастионной обороны, основанной на одной из тех систем, которые сразу обнаруживают все свои существенные особенности.

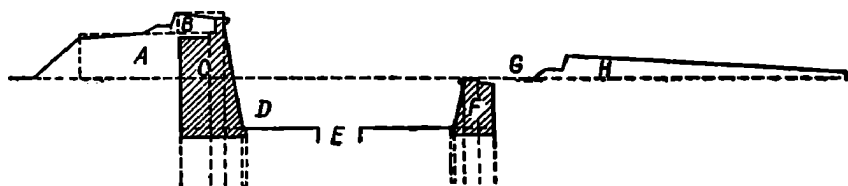
Чертеж 1 представляет три стороны шестиугольника, укрепленного согласно первой системе Вобана. Левая сторона представляет простые очертания, какие применяются в геометрическом эскизе; правая представляет детально валы, гласисы и т. д. Вся сторона $f' f''$ многоугольника не образуется непрерывным валом: на каждом конце части $d' f'$ и $e'' f''$

Прежде всего рavelин или демилюн * *k l m* — перед куртиной, треугольное сооружение с двумя сторонами *k l* и *l m*, каждая с валом и парапетом для защиты от артиллерии. Открытый тыл каждого укрепления называется горжей; таким образом, *k m* в рavelине и *d e* в бастióне являются горжами. Парапет рavelина приблизительно на 3 или 4 фута ниже парапета центральной части всего укрепления, так что последнее доминирует над рavelином, и орудия центральной части укрепления могут, в случае нужды, стрелять поверх рavelина. Между куртиной и рavelином, во рву, находится длинное, узкое отдельное укрепление, так называемый теналь *g h i* (*tenaille* [буквально — клещи]), предназначенные, главным образом, для того, чтобы прикрывать куртины от разрушительного огня; оно низко и слишком узко для артиллерии, и его парапет служит лишь для того, чтобы дать возможность пехоте в случае успешной атаки фланкировать люнет огнем из рва. За рвом находится крытый ход *n o p*, граничащий внутренней стороной со рвом, а внешней — с внутренним скатом гласиса *r r r*, который от своей высшей внутренней границы или гребня (*crête*) опускается весьма постепенно в поле. Гребень гласиса опять-таки тремя или более футами ниже рavelина, чтобы дать возможность всем орудиям крепости стрелять поверх него. Из всех скатов этих земляных укреплений наружные скаты главного укрепления и внешних укреплений во рву (эскарп), а также наружный скат самого рва (от крытого хода вниз), или контрэскарп, бывают обыкновенно обложены камнем. Выступающие и входящие углы крытого хода образуют большие, просторные и защищенные места, называемые плацдармами; они называются или выступающими (*o*) или входящими (*n, p*), сообразно тем углам, у которых они расположены. Чтобы предохранить крытый ход от продольного огня, поперек него, через интервалы, построены траверсы, или поперечные парапеты, оставляющие лишь небольшие проходы на конце, ближайшем к гласису. Иногда устраивались небольшие укрепления для того, чтобы прикрыть сообщение через ров от теналья к рavelину; они назывались капонирами (*saroppiège*) и состояли из узкого прохода, прикрытого с каждой стороны парапетом, наружные поверхности которого представляли собой постепенный скат, подобный гласису. На чертеже 1 такой капонир находится между теналем *g h i* и рavelином *k l m*.

Профиль, данный на чертеже 2, поможет сделать это описание более ясным. *A* представляет собой площадку (*terreplein*) главного укрепления, *B* — парапет, *C* — каменную одежду эскарпа, *D* — ров, *E* — люнет (*cunette*) — меньший

* — или люнет. Ред.

и более глубокий ров, прорытый на середине большого, *F* — каменную одежду контрэскарпа, *G* — крытый ход, *H* — гласис. Ступеньки, показанные позади парапета и гласиса, называются банкетами и служат возвышениями для пехоты, которая становится на них, чтобы стрелять поверх прикрывающего парапета. Чертеж 1 ясно показывает, что орудия, расположенные на флангах бастионов, обстреливают весь ров, лежащий

Черт. 2

вперед прилегающих бастионов. Таким образом, лицевая сторона *a' b'* поражается огнем фланка *c'' e''*, а лицевая сторона *a' c'* — фланка *b d*. С другой стороны, внутренние фасы двух смежных бастионов прикрывают фасы рavelина, находящегося между ними, тем, что держат ров против рavelина под своим огнем. Таким образом, нет ни одной частицы рва, которая не находилась бы под защитой флангового огня, — в этом и состоит оригинальный и большой шаг вперед, которым бастионная система открывает новую эпоху в истории фортификации.

Изобретатель бастионов неизвестен; неизвестно также точное время их возникновения; единственным достоверным фактом является то, что они были изобретены в Италии и что Сан-Микеле в 1527 г. построил два бастиона на валу Вероны. Все утверждения о более раннем существовании бастионов являются сомнительными. Системы бастионных укреплений классифицируются по их национальному происхождению; первой, о которой следует упомянуть, является, разумеется, та, которая изобрела бастионы, а именно итальянская.

Первые итальянские бастионы носили на себе отпечаток своего происхождения; они были не что иное, как многоугольные башни или рондели; они почти не изменили прежнего характера укреплений, за исключением только того, что касалось флангового огня. Оградой оставалась каменная стена, открытая прямому огню неприятеля; земляной вал, набросанный сзади стены, служил, главным образом, для того, чтобы дать место артиллерии и артиллерийской стрельбе, и его внутренний скат был так же обложен камнем, как и у старинных городских стен. Только в значительно более позднее время

парапет стал строиться как земляное укрепление, но даже и тогда весь его наружный скат, вплоть до вершины, был обложен камнем и открыт для прямого неприятельского огня. Куртины были очень длинные — от 300 до 550 ярдов. Бастионы были очень малы, величиной с большую рондель, а фланки всегда перпендикулярны куртинам. Так как в фортификации является правилом, что лучший фланговый огонь исходит от линии, перпендикулярной к линии обстрела, то очевидно, что главной целью старинного итальянского бастионного фланка было прикрытие не короткой и отдаленной лицевой стороны соседнего бастиона, а прикрытие длинной прямой линии куртины. Там, где куртина являлась слишком длинной, посередине ее строился плоский тупоугольный бастион, который назывался платформой (*plata forma*). Фланки были построены не на плечевых точках, а несколько позади валов фасов, таким образом, что плечевые точки выступали вперед и должны были служить прикрытием фланкам; каждый фланк имел две батареи — одну нижнюю и другую верхнюю, расположенную несколько позади, а иногда даже каземат в каменной стене фланка бастиона, в уровень со дном рва. Прибавьте сюда ров, и вы будете иметь все, что составляло первоначальную итальянскую систему; тут не было ни равелинов, ни теналей, ни крытого хода, ни гласиса. Но эта система вскоре была усовершенствована. Куртины были укорочены, бастионы увеличены. Длина внутренней стороны многоугольника (*f f'*, чертеж 1) была установлена от 250 до 300 ярдов. Фланки бастиона были удлинены до $\frac{1}{6}$ стороны многоугольника и $\frac{1}{4}$ длины куртины. Таким образом, хотя они оставались перпендикулярными к куртине и имели другие недостатки, но, как мы увидим, они теперь все же стали давать больше защиты фасу ближайшего бастиона. Бастионы начали делать полными и в их центре часто воздвигали кавальер, т. е. укрепление с фасадами и фланками, параллельными таковым бастиона, но с валом и парапетом настолько более высокими, чтобы с них можно было стрелять через парапет бастиона. Ров был очень широк и глубок, с контрэскарпом, идущим обыкновенно параллельно фасу бастиона; но так как это направление контрэскарпа мешало ближайшей к плечу части фланка видеть и фланкировать весь ров в целом, то оно было оставлено, и контрэскарп проводился так, чтобы его геометрическое продолжение проходило через плечевую точку следующего бастиона. Тогда уже был введен крытый ход (в первый раз в цитадели Милана во второй четверти XVI века, впервые описанный у Тарталья в 1554 г.). Он служил местом сбора и отступления для отрядов, делавших вылазки, и можно сказать, что с момента его введения берет свое начало научное и энергичное применение наступа-

тельных действий при защите крепости. Чтобы увеличить возможность использования крытого хода, были созданы плацдармы, которые предоставляли больше простора и входящие углы которых давали, таким образом, крытому ходу превосходный фланговый огонь. Чтобы сделать доступ к крытому ходу еще более затруднительным, были воздвигнуты ряды частокола на гласисе, в одном или двух ярядах от его гребня; но при таком положении они скоро разрушались неприятельским огнем, поэтому во второй половине XVII века они были перенесены, по совету француза Модена (Maudin), на крытый ход, защищенный гласисом. Ворота были в середине куртины; для их прикрытия было сооружено против них, в середине рва, укрепление в форме полумесяца; но по той же причине, по какой башни были превращены в бастионы, полумесяц (demilune) был вскоре превращен в трехугольное укрепление — теперешний рavelин. Это укрепление было сначала очень маленьким, но стало строиться больших размеров, когда было установлено, что оно служит не только предмостным укреплением для рва, но прикрывает одновременно фланки и куртины против огня неприятеля, дает перекрестный огонь впереди головной части бастионов и с большим результатом фланкирует крытый ход. Все же они делались очень малыми, так что геометрическое продолжение их фасов пересекало окружность главного укрепления в так называемой куртинной точке (в крайних точках куртины). Главные недостатки итальянского типа фортификации были следующие: 1) Плохое направление фланка. После введения рavelинов и крытого хода куртина все менее и менее становилась пунктом для атаки; теперь, главным образом, подвергались атаке фасы бастионов. Чтобы хорошо прикрыть последние, надо было, чтобы при своем геометрическом продолжении фасы упирались бы в куртину в той самой точке, где начинался фланк следующего бастиона, а этот фланк должен был бы быть перпендикулярным, или почти таковым, к этой продолженной линии (называемой линией защиты). В этом случае стал бы возможен действительный фланговый огонь вдоль всего рва и впереди бастиона. На самом же деле линия защиты не была ни перпендикулярна к фланкам и не соединялась с куртиной в точке пересечения куртины со следующим бастионом, — она пересекала куртину на четверти, трети или половине ее длины. Таким образом, прямой огонь с фланков скорее мог повредить гарнизону противоположного фланка, чем противнику, атакующему соседний бастион. 2) Прорыв пояса укреплений и успешная атака хотя бы в одном месте создавали явную угрозу недостатка продовольствия для длительной обороны. 3) Рavelины малой величины неудовлетворительно прикрывали кур-

тины и фланки, получая от них, в свою очередь, только незначительный фланговый огонь. 4) Значительная высота вала, который был весь облицован или обложен камнем, открывала прямому неприятельскому огню эту обложенную камнем поверхность, обычно высотой от 15 до 20 футов, отчего, конечно, эта каменная кладка быстро разрушалась. Мы увидим, что нужно было почти два века, чтобы искоренить этот предрассудок и убедить в преимуществе не покрытых камнем земляных укреплений, — и это после того, как Нидерланды доказали всю бесполезность каменной кладки. Лучшими инженерами и писателями, принадлежавшими к итальянской школе, были: Сан-Микеле (умер в 1559 г.), который укрепил Наполи-ди-Романья в Греции и Кандию, построил форт Лидо близ Венеции; Тарталья (около 1550 г.), Альгизи да-Карпи, Джироламо Маджи и Джакомо Кастриотто, которые около конца XVI столетия писали о фортификации. Пачотто из Урбино построил цитадели Турина и Антверпена (1560—1570 гг.). Позднейшие итальянские писатели по фортификации — Марки, Буска, Флориани, Розетти — ввели много улучшений в эту систему, но ни одно из них не было оригинальным. Все они были просто более или менее искусными плагиаторами; они заимствовали большинство своих изобретений у немца Даниэля Спекля, а остальное у нидерландцев. Все они принадлежали к XVII веку, и их совершенно затмило быстрое развитие фортификационной науки, которое в это время происходило в Германии, Нидерландах и Франции.

Недостатки итальянской системы фортификации вскоре были обнаружены в Германии. Первым лицом, указавшим на главные недостатки старой итальянской школы — малые бастионы и длинные куртины, — был германский инженер Франц, укрепивший для Карла V город Антверпен. На совете, который состоялся для рассмотрения плана этих укреплений, он настаивал на больших бастионах и более коротких куртинах, но большинство голосов все же получили герцог Альба и другие испанские генералы, верившие исключительно в рутину старой итальянской системы. Укрепления других немецких крепостей отличались тем, что там были введены казематные галереи по принципу Дюрера, как, например, в Кюстрине, укрепленном в 1537 — 1558 гг., и в Юлихе, укрепленном несколько лет спустя инженером, известным под именем мастера Иоганна. Но первый, кто совершенно вырвался из оков итальянской школы и обосновал принципы, на которых были основаны все последующие системы бастионных укреплений, был Даниэль Спекль, инженер города Страсбурга (умер в 1589 г.). Его главные принципы были следующие: 1) Крепость становится тем сильнее, чем больше сторон имеет многоугольник,

образующий опраду, так как благодаря этому разные стороны способны давать лучшую поддержку друг другу; следовательно, чем ближе очертания укреплений, требующих защиты, подходят к прямым линиям, тем лучше. Таким образом, принцип, который выставлял Кормонтэнь с большим показом математической учености, как оригинальное открытие, был прекрасно известен Спеклю на 150 лет раньше. 2) Остроугольные бастионы плохи; плохи также и тупоугольные; выступающий угол должен быть прямым. Будучи правым в своей оппозиции к острым выступающим углам (ныне самым допустимо малым выступающим углом обыкновенно считается угол в 60°), он, благодаря пристрастию своей эпохи к прямоугольным выступам, был враждебно настроен и к тупым выступам, которые являются в действительности чрезвычайно выгодными и неизбежными в многоугольниках с большим количеством сторон. В сущности, это отрицание тупых углов было, повидимому, уступкой предрассудкам своей эпохи, так как чертежи того, что он считал наиболее сильной стороной своего метода фортификации, все имеют тупоугольные бастионы. 3) Итальянские бастионы слишком малы, бастион должен быть большим. Вследствие этого бастионы Спекля больше бастионов Кормонтэня. 4) Кавальеры необходимы в каждом бастионе и на каждой куртине. Это явилось следствием способа осады в его время, при котором высокие кавальеры в траншеях играли большую роль. Но по предположению Спекля цель кавальеров была большей, чем оказание простого сопротивления; они являются настоящими купюрами (*couiriges*), которые заранее строились внутри бастионов, образуя вторую линию обороны, после того как ограда уже прорвана и взята штурмом. Таким образом, заслуга превращения кавальеров в постоянные купюры, обыкновенно приписываемая Вобану и Кормонтэню, принадлежит в действительности Спеклю. 5) По крайней мере часть фланка или — еще лучше — весь фланк бастиона в целом должен быть перпендикулярен к линии защиты, а самый фланк должен быть сооружен на месте пересечения линии обороны с куртиной. Таким образом, и этот важный принцип, открытие которого, как утверждают, составляет существеннейшую часть славы французского инженера Пагана, был открыто провозглашен за 70 лет до него. 6) Казематные галереи необходимы для защиты рва; вследствие этого Спекль располагает их и на лицевых сторонах (*faces*) и на фланках бастиона, но только для пехоты; если бы он сделал их достаточно вместительными для артиллерии, то в этом отношении достиг бы самых последних усовершенствований. 7) Чтобы стать полезным, рavelин должен быть как можно более обширным; соответственно этому рavelин Спекля является самым большим,

который когда-либо до этого времени предлагался. Усовершенствования Вобана, сравнительно с Паганом, только частью, а усовершенствования Кормонтэня, сравнительно с Вобаном, почти исключительно состоят в последовательном увеличении равелина; но равелин Спекля значительно больше даже равелина Кормонтэня. 8) Крытый ход должен быть укреплен насколько возможно больше. Спекль был первым, понявшим громадное значение крытого хода и соответственно этому его укрепившим. Гребень гласиса и контрэокарпа были устроены en crémaillère (зубчатым, наподобие лезвия пилы) для того, чтобы оделать недействительным продольный огонь. Кормонтэнь опять-таки заимствовал эту идею у Спекля, но он сохранил траверсы (короткие валы через крытый ход для защиты от продольного огня), которые отвергал Спекль. Современные инженеры обычно приходят к тому заключению, что план Спекля лучше плана Кормонтэня. Кроме того, Спекль был первым, поставившим артиллерию на плацдармы крытого хода. 9) Ни одна часть каменной кладки не должна быть открыта взору неприятеля и его прямому огню, так что его осадные орудия не могли быть установлены раньше, чем он достиг гребня гласиса. Этот наиболее важный принцип, хотя и установленный Спеклем уже в XVI веке, не был введен вплоть до Кормонтэня; даже Вобан открывает значительную часть своей каменной кладки (см. С на чертеже 2). В этом кратком обзоре идей Спекля не только содержатся, но и отчетливо выражены основные принципы всей новейшей бастионной фортификации, и его система, которая еще и теперь может дать очень хорошие оборонительные укрепления, является действительно замечательной, если принять во внимание время, в которое он жил. Нет ни одного знаменитого инженера во всей истории новейшей фортификации, про которого можно было бы оказать, что он не заимствовал некоторые из своих лучших идей из этого великого первоначального источника бастионной обороны. Практическое применение инженерного искусства Спекля выразилось в постройке крепостей Ингольштадта, Шлетштадта, Гагенау, Ульма, Кольмара, Базеля и Страсбурга — все они были укреплены под его руководством.

Приблизительно в эту же эпоху борьба Нидерландов за независимость способствовала возникновению другой школы фортификации. Голландские города, от старых каменных стен которых трудно было ожидать сопротивления при правильно организованной атаке, надо было укрепить против испанцев; однако не было ни времени, ни денег для сооружения высоких каменных бастионов и кавальеров по итальянской системе. Но характер местности предоставил здесь другие возможности. Благодаря малому возвышению страны над уровнем океана,

голландцы, сведущие в постройке каналов и плотин, смогли доверить свою защиту воде. Их система была точной копией итальянской: широкие и мелкие рвы с водой шириной от 14 до 40 ярдов; низкие валы без всякой каменной облицовки, но прикрытые еще более низким выдающимся вперед валом (*fausse-braye*) для лучшей обороны рва; многочисленные наружные укрепления во рву, — такие, как рavelины, полумес-сяцы (равелины перед выступами бастиона), горнверки (*horn-work*) и кронверки (*crown-work*) *, и, наконец, лучшее использование свойств местности, чем у итальянцев. Первым городом, полностью укрепленным посредством земляных укреплений и рвов с водою, была Бреда (1533 г.). Впоследствии голландский метод подвергся некоторым усовершенствованиям; узкая полоса эскарпов была выложена камнем, так как наполненные водою рвы, замерзая зимой, легко были переходимы неприятелем; во рву были построены плотины и шлюзы для того, чтобы можно было впустить воду в тот момент, когда неприятель начнет подбираться по сухому дну; и, наконец, были построены шлюзы и запруды для систематического наводнения местности вокруг подножия гласиса. Авторами этого старого голландского метода фортификации являются Маролуа (1627 г.), Фрейтаг (1630 г.), Фелькер (1666 г.) и Мельдер (1670 г.). Попытка применения принципов Спекля к голландской системе была сделана Шейтером, Нейбауэром, Гейдеманом и Геером (все между 1670 и 1690 гг., и все они немцы).

Из всех различных школ фортификации французская школа пользовалась наибольшей известностью; ее основные положения нашли себе большее практическое применение в существующих до сего времени крепостях, чем все принципы остальных школ, вместе взятых. И все же нет другой школы, более бедной собственными идеями. Во всей французской школе нет ни одного нового укрепления, ни одного нового принципа, который не был бы заимствован у итальянцев, голландцев или немцев. Но большой заслугой французов является

* Горнверк — это бастионный фронт, включающий два полубастиона, куртину и равелин, выдвинутый перед главным рвом и прикрытый с каждой стороны прямой линией вала и рва, которая проведена параллельно фасам главных бастионов пояса так, чтобы быть полностью фланкированной их огнем. Кронверк состоит из двух таких выдвинутых фронтов (одного бастиона с двумя полубастионами на флангах); двойной кронверк имеет три фронта. Для того чтобы главный пояс укреплений мог командовать над всеми этими укреплениями, необходимо, чтобы их вал был ниже вала главного пояса укрепления, по крайней мере настолько, насколько ниже вал равелина. Введение таких внешних укреплений — конечно, являвшихся исключениями, — указывалось самой природой местности. [*Примечание Энгельса.*]

сведение фортификационного искусства к точным математическим правилам, симметрически-пропорциональное сочетание различных линий и приспособление научной теории к разнообразным условиям местности, предназначенной к укреплению.

Эррар де Бар-ле-Дюк (1594 г.), обычно называемый отцом французской фортификации, не имеет основания так именоваться; его фланки образуют острый угол по отношению к куртине и являются еще более неудовлетворительными, чем фланки итальянцев. Более значительное имя — это Паган (1645 г.). Он был первым, который ввел во Франции и популяризовал принцип Спекля, состоящий в том, что фланки должны быть перпендикулярны к линии обороны. Его бастионы обширны, пропорции между длиной фасов, фланков и куртин очень хороши, линии защиты никогда не бывают длиннее 240 ярдов, так что весь ров в целом, за исключением крытого хода, находится в сфере мушкетного огня с фланков. Его равелин больше итальянского и имеет в своей горже редюит (*réduit*) — особое укрепление, для того, чтобы продолжать сопротивление, когда его вал уже взят. Паган прикрывает фасы бастионов отдельным узким укреплением во рву, называемым контргардом, — укреплением, которое уже применялось голландцами (немец Диллих первый, повидимому, ввел его). Его бастионы имеют двойные валы по фасам, второй из них служит купюром, но ров между двумя валами остается совершенно без флангового огня. Тот, кто поставил французскую школу на первое место в Европе, это — Вобан (1633—1707 гг.), маршал Франции. Хотя его настоящая военная слава относится к двум великим изобретениям в области осады крепостей (рикошетный огонь и параллели), тем не менее он более известен как строитель крепостей. То, что мы сказали о французской школе вообще, в полной мере относится и к методу Вобана. Мы видим в его конструкции все разнообразие форм, какое только совместимо с бастионной системой; но среди них нет ни одной оригинальной, — еще в меньшей мере имеются у него попытки принять другие формы, кроме бастионной. Но сочетание деталей, пропорции линий, профили и применение теории к постоянно меняющимся требованиям местности так искусны, что они кажутся совершенством по сравнению с работами его предшественников, и поэтому можно сказать, что научная и систематизированная фортификация берет свое начало от него. Хотя Вобан не написал ни строчки о своем методе фортификации, но из большого числа крепостей, им построенных, французские инженеры пытались вывести теоретические правила, которым он следовал, и, таким образом, были установлены три метода, называемые первой, второй и третьей системой Вобана.

Чертеж 1 (стр. 261) дает первую систему в наиболее упрощенном виде. Главные размеры были: наружная сторона многоугольника, от вершины одного бастиона до вершины другого — 300 ярдов (в среднем); посредине этой линии — перпендикуляр $а\beta$ равняется $\frac{1}{10}$ первой; от точек $а''$ и $а'$ через β проходят линии защиты $а'' d'$ и $а' e''$. $\frac{2}{7}$ линии $а'' а'$, исходящие от точек $а''$ и $а'$, но отмеренные на линиях защиты, дают лицевые стороны (фасы) $а'' c''$ и $а' b'$. От плечевых точек c'' и b' дуги с радиусом $c'' d'$ или $b' e''$, проведенные между линиями защиты, дают фланки $b' d'$ и $c'' e''$. Черта $e'' d'$ — куртина. Линия рва такова: дуга, проведенная радиусом в 30 ярдов от вершины бастиона и удлинненная при помощи касательных, проведенных к ней от плечевых точек прилежащих бастионов, дает контрэскарп. Равелин образуется так: от точки куртины e'' радиусом $e'' \gamma$ (γ — точка, которая лежит на противоположной лицевой стороне, в 11 ярдах выше плечевой точки) тянется дуга $\gamma \delta$ до тех пор, пока она не пересечет продолжение перпендикуляра $а\beta$; это и является вершиной равелина; хорда только что описанной дуги образует фас равелина; линия фаса продолжается от вершины равелина до тех пор, пока она не достигнет продолжения касательной, образуя контрэскарп главного рва; торца равелина тоже фиксируется этой линией так, что весь ров в целом остается свободным для флангового огня. Впереди куртины — и только здесь — Вобан сохранил голландский *fausse-braye* (выдвинутый вперед вал); это было уже сделано до него итальянцем Флориани, и это новое укрепление было названо теналем (*tenaille*). Его фасы шли по линии защиты. Ров впереди равелина был шириной в 24 ярда; контрэскарп был параллелен фасам равелина, а вершина закруглена. Этим путем Вобан достиг того, что его бастионы были обширны и хорошо держали фланковые выпуклые углы в сфере мушкетного огня; но простота этих бастионов делает защиту всей крепости невозможной, коль скоро разбита лицевая сторона одного бастиона. Его фланки не так хороши, как у Спекля или Пагана, образуя острый угол с линией обороны; но он устраняет второй и третий ярус неприкрытых орудий, которые фигурируют на большинстве итальянских и более ранних французских фланках и которые никогда не были особенно полезны. Теналь предназначен для усиления обороны рва пехотным огнем и для прикрытия куртины от прямого разрушительного огня с гребня гласиса; но это было сделано очень неудовлетворительно, так как перед осадными батареями неприятеля, помещенными во вдающихся плацдармах (п, чертеж 1), вполне открывается вид на часть куртины, ближайшей к фланку e . Это является большой слабостью, так как прорыв в этом месте дает возможность обойти все купюры,

приготовленные в бастионе в качестве второй линии обороны. Это происходит от того, что равелин все еще слишком мал. Крытый ход, построенный без зубцов (*crémaillères*), но с траверсами, гораздо слабее, чем у Спекля: траверсы мешают не только неприятелю обстреливать крытый ход продольным огнем, но также и защитникам. Сообщения между различными укреплениями в общем хороши, но все же недостаточны для энергичных вылазок. Профили — такого размера, который до сих пор принят повсеместно. Но Вобан все еще держался системы облицовки всей наружной стороны вала камнем, так что эта каменная кладка была открыта, по крайней мере, на 15 футов в высоту. Эта ошибка повторяется во многих крепостях Вобана, и, однажды допущенная, может быть исправлена только путем огромных затрат, путем расширения рва перед фасадами бастионов и построения земляных сооружений в виде контргардов для прикрытия каменной кладки. В продолжение большей части своей жизни Вобан следовал своему первому методу; но после 1680 г. он ввел два других метода, целью которых было дать возможность продолжать защиту уже после того, как в бастионе произведена брешь. Для этой цели он заимствовал идею Кастриотто, предлагавшего модернизировать старую башню и крепостную стену, соорудив отдельные изолированные бастионы во рву, против башен. С этим согласуются второй и третий методы Вобана. Равелин также делается большим, каменная кладка прикрывается несколько лучше; башни снабжаются казематами, но не в достаточном количестве; недостаток, состоящий в том, что куртина может быть разрушена на участке между бастионом и теналем, остался и отчасти делает силу изолированных бастионов просто иллюзорной.

Тем не менее Вобан считал свои второй и третий методы очень сильными. Когда он вручил Людовику XIV план укреплений Ландау (по второй системе), он сказал: «Ваше величество, вот крепость, для взятия которой будет недостаточно всего моего искусства». Но это не предохранило Ландау от трехкратного падения при жизни Вобана (1702, 1703, 1704 гг.) и еще раз вскоре после его смерти (1713 г.).

Ошибки Вобана были исправлены Кормонтэнем, метод которого может считаться совершенством бастионной системы. Кормонтэнь (1696—1752 гг.) был генералом инженерных войск. Его более обширные бастионы допускают постройку постоянных купюр и второй линии обороны; его равелины были почти так же велики, как у Спекля, и совершенно закрывали ту часть куртины, которую Вобан оставлял открытой. В многоугольниках с восемью и более сторонами его равелины так далеко выступали вперед, что их огонь достигал тыла

сооружений, построенных для осады ближайшего бастиона, как только враг достигал гребня гласиса. Для того, чтобы этого избежать, надо было взять два рavelина, прежде чем можно было разбить один бастион. Эта взаимная поддержка больших рavelинов становится тем более действительной, чем больше линия, подлежащая защите, приближается к прямой. Входящий плацдарм был усилен редюитом. Гребень гласиса имеет зубчатую форму (*en crémaillère*), как и у Спекля, но траверсы сохранились. Профили очень хороши, и каменная кладка всегда прикрыта спереди земляными укреплениями. С Кормонтэнем кончается французская школа, поскольку под ней подразумевается система бастионной защиты с наружными укреплениями во рву. Сравнение постепенного развития бастионной фортификации от 1600 до 1750 г. и ее конечных результатов, как они выражены у Кормонтэня, с принципами Спекля, изложенными выше, поможет яснее показать изумительный гений этого немецкого инженера; ибо, хотя количество внешних укреплений во рву чрезвычайно увеличилось, все же в продолжение всех этих 150 лет не было открыто еще ни одного значительного принципа, который бы не был уже ясно и отчетливо провозглашен Спеклем.

После Кормонтэня школа инженеров в Мезьере (около 1760 г.) сделала несколько легких изменений в его системе, из которых главным было возвращение к старому правилу Спекля, что фланки должны быть перпендикулярны к линиям защиты. Но главный пункт, который отличает школу Мезьера, — это то, что сторонники ее впервые строят внешние укрепления впереди крытого хода. На участках, особенно открытых для нападения, они ставят у подножия гласиса, впереди головной части бастиона, отдельный рavelин, называемый люнетом, и, таким образом, впервые приближают крепость к новейшей системе постоянных укрепленных лагерей. В начале XIX века Бусмар, французский эмигрант, служивший в Пруссии и убитый под Данцигом в 1806 г., все еще пробовал улучшить Кормонтэня; его идеи довольно сложны, и наиболее замечательным в них является то, что его рavelин, который очень велик, настолько выдвигается к подножию гласиса, что занимает в известной мере место и выполняет функции только что описанного люнета.

Голландский инженер, современник Вобана, не раз являвшийся его достойным противником в крепостной войне, барон Кугорн, дал дальнейшее развитие старому голландскому методу фортификации. Его система дает более сильную оборону, даже по сравнению с системой Кормонтэня, благодаря искусному сочетанию сухих и наполненных водой рвов, большей возможности для вылазок, благодаря превосходным сообще-

ниям между отдельными укреплениями, искусным редюитам и купюрам в равелинах и бастионах. Кугорн, большой поклонник Спекля, является единственным значительным инженером, достаточно честным для того, чтобы признаться, чем он обязан последнему.

Мы видели, что уже до введения бастионов Альбрехт Дюрер применял капониры, чтобы уюилить фланговый огонь. В своем укрепленном четырехугольнике он защиту рва возлагает целиком на эти капониры; по углам форта нет башен, это — гладкий четырехугольник, лишь с выступающими углами.

Создателем так называемой многоугольной фортификации надо считать Дюрера. Она состоит в таком устройстве оградаы многоугольника, чтобы она (ограда) совершенно совпадала с его геометрическими очертаниями, чтобы крепость имела только выпуклые углы и ни одного входящего и чтобы ров был фланкирован капонирами. С другой стороны, ограда в форме звезды, в которой выпуклые углы последовательно чередуются с входящими и в которой каждая линия является в одно и то же время и фланком и лицевой стороной, фланкирующей ров следующей линии в части, прилежащей к входящему углу, и командующей над полем в части, ближайшей к исходящему углу, — такое очертание создает тенальную фортификацию. Эту форму предлагали итальянцы старой школы и часть старых представителей немецкой школы, но развилась она лишь много лет спустя. Система Георга Римплера (инженер на службе у германского императора, был убит при защите Вены против турок в 1683 г.) является промежуточной между бастионной и тенальной системой. То, что он называет промежуточными бастионами, составляет в действительности превосходную линию теналей. Он энергично выступал против открытых батарей, имеющих впереди лишь простую земляную насыпь, и настаивал на том, чтобы батареи, всюду, где это возможно, помещались в казематах, особенно — на фланках, где два или три ряда хорошо прикрытых орудий имели бы, таким образом, гораздо больший эффект, чем два или три ряда орудий на открытых фланковых батареях, никогда не имеющих возможности действовать одновременно. Он также настаивал на устройстве батарей, т. е. *réduits* (редюитов), на плацдармах крытого хода, что и приняли Кугорн и Кормонтень, и особенно на двойной и тройной линии обороны позади выступающих углов оградаы. В этой части его система является замечательной, как опередившая свое время; весь его пояс состоит из отдельных фортов, каждый из которых приходится брать совершенно отдельно, а большие защитные казематы используются им способом, кото-

рый напоминает нам почти до деталей применение их в совсем недавних сооружениях в Германии. Нет никакого сомнения, что Монталамбер настолько же обязан Римплеру, насколько бастионная система XVII и XVIII веков обязана Спеклю. Автором, который вполне доказал преимущества теналей перед бастионной системой, был Ландсберг (1712 г.); но мы зашли бы слишком далеко, если бы стали разбираться в его аргументах или описывать его фортификационную схему. Из длинной серии искусных немецких инженеров, которые следовали за Римплером и Ландсбергом, мы можем назвать мекленбургского полковника Буггенгагена (1720 г.), изобретателя блокадных траверсов или траверсов, полых внутри и приспособленных для казематного мушкетного огня, затем вюртембергского майора Герборта (1734 г.), изобретателя защитных барачков, т. е. больших барачков, расположенных в горже выдвинутых вперед укреплений и укрытых от навесного огня, с казематами, снабженными бойницами в сторону ограды, а в сторону города — помещениями и складами. Оба эти сооружения применяются теперь очень широко.

Таким образом, мы видим, что немецкая школа, почти за единственным исключением — Спекля, была с начала своего возникновения противницей бастионов, замены которых она искала, главным образом, в теналях, и что в то же время она пыталась ввести лучшую систему внутренней обороны, главным образом путем применения казематных галлерей, которые опять-таки считались верхом абсурда французскими инженерными авторитетами. Однако один из величайших инженеров, которых когда-либо имела Франция, маркиз де-Монталамбер (1713—1799 гг.), генерал-майор от кавалерии, перешел с барабанным боем и развевающимися знаменами в лагерь немецкой школы, к величайшему ужасу всего французского инженерного корпуса, который вплоть до настоящего времени порицает каждое написанное им слово. Монталамбер жестоко раскритиковал недостатки бастионной системы: неудовлетворительность ее флангового огня, почти полную верооятность для противника того, что если его снаряды не попали в намеченную первую линию, то они произведут разрушения в одной из других линий; недостаточную защиту от навесного огня, полную бесполезность куртины в отношении ведения огня, невозможность иметь хорошие большие купюры в горжах бастионов, доказанную тем фактом, что ни одна крепость того времени не имела тех разнообразных постоянных купюр, которые предлагались теоретиками этой школы, и, наконец, слабость, плохую связь и недостаток взаимной поддержки внешних укреплений. Поэтому Монталамбер предпочитал или систему теналей, или многоугольников. В обоих слу-

чаях главная часть крепости состояла из ряда казематов, с одним или двумя рядами орудий; каменная кладка казематов была прикрыта от прямого огня контргардом или земляным кувр-фасом (*couvre-face*), идущим вокруг и имеющим впереди второй ров; этот ров фланкировался казематами, находящимися во входящих углах кувр-фаса, прикрытыми парпетом редюита или люнета во вдающемся плацдарме. Вся система базировалась на принципе создания, при помощи расположенных в казематах орудий, такого сильного огня по неприятелю в тот момент, когда он достиг гребня гласиса или кувр-фаса, чтобы он при всем желании не мог установить свои брешь-батареи. Он утверждал вопреки единодушному отрицательному мнению французских инженеров, что казематы могли бы выполнить это, и впоследствии даже скомбинировал системы крутовой и тенальной фортификаций, в которых были отвергнуты все земляные укрепления и вся защита была вверена высоким казематам, в которых батареи были расположены в 4—5 этажей; каменная кладка этих казематов должна была защищаться только огнем их батарей. Таким путем он в своей круговой системе пытается сосредоточить огонь 348 орудий на любом пункте, лежащем на расстоянии 500 ярдов от крепости, и рассчитывает, что такое громадное превосходство огня исключает вопрос о возможности установления противником осадных батарей. Однако в этом он не нашел себе последователей, за исключением случаев постройки той стороны береговых фортов, которая обращена к морю; невозможность разбить с судов сильные валы с казематами была отлично продемонстрирована при бомбардировке Севастополя. Превосходные форты Севастополя, Кронштадта, Шербурга и новые батареи при входе в Портсмутскую гавань (Англия), а также почти все современные форты, защищающие гавани против флота, построены по принципу Монталамбера. Частично неприкрытая каменная кладка максимилиановских башен в Линце (Австрия) и редюитов отдельных фортов Кёльна является подражанием менее удачным проектам Монталамбера. При укреплении крутых высот (например, Эренбрейштейн в Пруссии) иногда допускаются не покрытые землей каменные форты, но какое сопротивление они в состоянии будут оказать, — это выяснится на основании действительного опыта.

Тенальная система никогда, поскольку мы, по крайней мере, знаем, не находила себе практического применения, но система многоугольников (политональная) находится в большом почете в Германии и была применена там к большинству современных сооружений, в то время как французы упорно цепляются за кормонтэневские бастионы. Ограда в системе

многоугольника представляет собой гладкий земляной вал с обложенным камнем эскарпом и контрэскарпом, с большими капонирами посередине водоемов и с большими оборонительными бараками за валом, прикрытыми им для того, чтобы служить купюрами. Подобные же оборонительные бараки сооружались также в качестве купюр и во многих бастионных укреплениях, чтобы закрыть горжи бастионов, причем вал служил контргардом, защищающим каменную кладку от дальнего огня. Однако из всех предложений Монталамбера система отдельных фортов имела наибольший успех и открывала новую эру не только в фортификации, но также и в способах нападения на крепость, в ее обороне и даже в общей стратегии. Монталамбер предложил окружать большие крепости, лежащие в важных пунктах, одиночной или двойной цепью малых фортов, расположенных на командующих высотах, — фортов, которые, будучи внешне изолированными, могли бы поддерживать друг друга при помощи своего огня и, при той легкости, которую они представляли для больших вылазок, сделали бы бомбардировку самой крепости невозможной, а в случае нужды могли бы образовать укрепленный лагерь для войск. Вобан уже ввел постоянные укрепленные лагеря под защитой крепостных орудий, но их укрепления состояли из длинных непрерывных линий, которые, будучи прорваны в одном пункте, целиком попадали во власть неприятеля. Но укрепленные лагеря Монталамбера были способны на гораздо большее сопротивление, так как каждый форт нужно было брать в отдельности, и прежде чем, по крайней мере, три или четыре из них не были взяты, противник не мог начать осадные работы против самой крепости. Кроме того, осада каждого из этих фортов могла быть прервана в любое время гарнизоном или, вернее, армией, расположенной лагерем позади фортов, и, таким образом, обеспечивалось сочетание активной полевой войны с регулярной крепостной, что должно было еще более усилить оборону. После того как Наполеон водил свои армии за сотни миль по неприятельским странам, никогда не обращая внимания на крепости, которые все были построены по старой системе, и после того как, в свою очередь, союзники (1814—1815 гг.) прошли прямо на Париж, оставив почти без внимания в тылу у себя тройной пояс крепостей, которыми Вобан наделил Францию, — тогда стало очевидно, что система фортификации, которая ограничивала свои внешние укрепления теми, которые находились в главном рву, или в лучшем случае доводила их только до подножия гласиса, устарела. Такие крепости уже потеряли свою притягательную силу для больших армий новейших времен. Их вредоносное действие не простиралось дальше пределов действия их пу-

шек. Таким образом, стало необходимым найти новые способы, чтобы сломить стремительное продвижение современных вторгающихся армий, и здесь стала широко применяться система отдельных фортов Монталамбера. В частности, Жёльн, Кобленц, Мец, Раштадт, Ульм, Кенигсберг, Познань, Линц, Пескьера и Верона были превращены в большие укрепленные лагеря, способные вместить от 60 000 до 100 000 человек, но могущие обороняться, в случае необходимости, и гораздо меньшими гарнизонами. В то же время тактические преимущества укрепляемой местности оттеснялись на задний план стратегическими соображениями, которые отныне решали вопрос о месте постройки крепости. Укреплялись лишь такие места, которые могли прямо или косвенно остановить наступление победоносной армии и которые, будучи сами по себе значительными городами, давали большие преимущества армии, являясь центром материальных ресурсов целых провинций. Выбиралось по преимуществу местоположение на больших реках, в особенности — при слиянии двух значительных рек, так как это принуждало наступающую армию разделять свои силы. Ограда была максимально упрощена, а наружные укрепления рва почти совершенно уничтожены; считалось достаточным иметь ограду, способную выдержать случайные атаки. Основное поле для сражения лежало вокруг отдельных фортов, а они защищались не столько огнем со своих валов, сколько при помощи вылазок гарнизона самой крепости. Самой большой крепостью, построенной по этому плану, является Париж; он имеет простую бастионную ограду с бастионными фортами, которые почти все четырехугольные; во всей его фортификации нет наружных укреплений, нет даже ни одного равелина. Несомненно, что оборонительная сила Франции выиграла на 30% благодаря этому новому огромному укрепленному лагерю, достаточно вместительному, чтобы дать убежище даже трем разбитым армиям. Благодаря этому усовершенствованию различные методы фортификации много потеряли в своем значении; наиболее дешевый способ будет теперь наилучшим, так как оборона базируется ныне не на пассивной системе выжидания за стенами, пока неприятель не начнет вести осадные работы, чтобы затем открыть по ним канонаду, но на активной системе путем собственного перехода в наступление при помощи сконцентрированной силы гарнизона против разделенных по необходимости сил осаждающего.

II. *Осада.* Искусство ведения осады было доведено до известного совершенства греками и римлянами. Они пытались разбивать стены крепостей при помощи таранов и приближались к стенам под защитой хорошо укрытых сверху галлерей,

а в некоторых случаях при помощи высокого сооружения, которое превосходило своей высотой стены и башни и давало возможность безопасного подхода штурмующим колоннам. Введение пороха покончило с этими изобретениями; так как крепости имели отныне более низкие валы, но зато дальний обстрел, то подступ велся при помощи траншей, шедших зигзагами или по кривой линии: в направлении к гласису; при этом в различных местах устанавливали батареи, для того чтобы по возможности заставить замолчать орудия осаждаемых и разрушить их каменные сооружения. Как только осаждающие достигали гребня гласиса, то сооружали высокий окопный кавальер, чтобы командовать над бастионами и их кавальерами, а затем разрушительным огнем закончить пролом и подготовить приступ. Обыкновенно атакуемым пунктом являлась куртина. Однако в этом способе атаки не было определенной системы, пока Вобан не ввел свои параллели рикошетного огня и не систематизировал процесс осады по способу, который применяется даже теперь и все еще именуется вобановской атакой. Осаждающий, обложив крепость со всех сторон достаточными силами и выбрав участок, подлежащий атаке, ночью начинает копать первую параллель (все осадные работы производятся преимущественно ночью) на расстоянии 600 ярдов от крепости. Траншея, параллельная сторонам осажденного многоугольника, ведется, по крайней мере, вокруг трех из этих сторон и фронтов; земля, выбрасываемая в сторону неприятеля и подпираемая по сторонам рва при помощи габионов (корзины из ивняка, наполненные землею), образует род парапета против огня из крепости. В этой первой параллели устанавливаются рикошетные батареи для стрельбы вдоль длинных линий атакуемых фронтов. Если предметом осады является бастионный шестиугольник, то нужны рикошетные батареи для обстрела продольным огнем фасов двух бастионов и трех рavelинов, в общем — по батарее на каждый фас. Эти батареи стреляют так, чтобы перебросить снаряды через парапет укреплений вдоль всего протяжения фасов, беря их во фланг, поражая людей и орудия. Подобные же батареи устанавливаются для продольного обстрела отдельных участков крытого хода, а мортиры и гаубицы — для поражения бомбами внутренней части бастионов и рavelинов. Все эти батареи находятся под прикрытием земляных парапетов. В то же самое время, в двух или более местах, роют зигзагообразные окопы по направлению к крепости, стараясь избежать продольного огня со стороны города; и как только появляются признаки ослабления крепостного огня, начинают вести вторую параллель, на расстоянии приблизительно 350 ярдов от укреплений. Здесь устанавливаются батареи для подбития пушек

крепости. Они служат для того, чтобы совершенно разрушить артиллерию и амбразуры на фасах крепости; таким образом, получается восемь фасов для атаки (два бастиона и их рavelин и внутренние фасы примыкающих рavelинов), для каждого из которых имеется по батарее, установленной параллельно атакуемым фасам, а каждая амбразура устраивается как раз напротив амбразур крепости. От второй параллели протягиваются по направлению к городу новые зигзаги; в 200 ярдах строится полупараллель, образуя новые ответвления зигзагов, вооруженных мортирными батареями, и, наконец, у подножия гласиса образуется третья параллель. Она снабжается тяжелыми мортирными батареями. К этому времени огонь со стороны крепости почти совершенно замолкает, и начинают вестись к гребню гласиса подходы (approaches) по кривым или ломаным линиям, чтобы избежать рикошетного огня; эти аппроши выходят против вершины двух бастионов и рavelина. В выступающем плацдарме устраивают затем ложемент, или окоп с насыпью, чтобы иметь возможность обстрела рва огнем пехоты. Если противник активен и смел в своих вылазках, то появляется необходимость в создании четвертой параллели, соединяющей все выступающие плацдармы по гласису. В противном случае подкоп ведется от третьей параллели к входящим плацдармам и венцу гласиса или заканчивается прорытие траншей на гребне гласиса вдоль всего крытого хода. Затем в этом союппемент (венке) ставятся контрбатареи для того, чтобы заставить замолчать огонь фланков, который действует вдоль рва, а затем — брешь-батареи против вершины и фасов бастионов и рavelина. Против пунктов, подлежащих разрушению, строится минная галлерея, которая идет из траншей через гласис и контрэскарп в ров; контрэскарп взрывается, и сооружается новый окоп через ров к подножию пролома, прикрытый парпетом с той стороны, откуда угрожает продольный огонь. Как только закончены пролом и проход во рву, начинается штурм. Это — в том случае, если ров сухой; через ров с водой строится плотина из fascин, также прикрытая парпетом со стороны фланка смежного бастиона. Если после взятия бастиона обнаружится в тылу новый ретраншмент или купюра, то устраивается ложемент, устанавливаются новые батареи у пролома, и производятся новый пролом, спуск и переход рва и снова штурм. В среднем сопротивление бастионного шестиугольника, построенного по первому методу Вобана, против такой осады рассчитано на срок от 19 до 22 дней, если нет купюров, и от 27 до 28 дней, если крепость снабжена ими. Укрепление, построенное по способу Кормонтэня, могло продержаться 25 или, соответственно, от 35 до 37 дней.

III. *Полевая фортификация.* Устройство полевых укреплений так же старо, как и существование армий. Древние армии были даже большими знатоками этого искусства, чем современные. Римские легионы, будучи вблизи неприятеля, укрепляли свой лагерь каждую ночь. В течение XVII и XVIII веков мы также видим очень широкое применение полевых укреплений, а в войнах Фридриха Великого пикеты на аванпостах обычно устраивали редан с легким профилем. И все же даже тогда, — а теперь в еще большей степени, — возведение полевых укреплений ограничивалось усилением некоторых, заранее выбранных позиций, исходя из определенных возможностей во время кампании. Таковы лагерь Фридриха Великого в Бунцельвице, веллингтоновские линии у Торрес-Ведрас, французские линии у Вейсенбурга и австрийские укрепления перед Вероной в 1848 г.¹¹¹ При таких условиях полевые укрепления могут оказывать значительное влияние на исход кампании, давая возможность более слабой армии с успехом противостоять превосходящему ее противнику. Первоначально укрепленные линии были непрерывными, как, например, в вобановских долговременных укрепленных лагерях. Но в силу недостатка, заключающегося в том, что в случае прорыва и захвата линии в одном пункте вся она оказывалась бесполезной, лагеря теперь повсеместно состоят из одной или большего числа линий отдельных редутов, которые фланкируют друг друга своим огнем и дают возможность войскам напасть на неприятеля через промежутки, как только огонь с редутов ослабил напор его атаки. Это — главное применение полевых укреплений; но они применяются также самостоятельно, как передовые укрепления, чтобы защищать подступы к мосту или преграждать важные проходы небольшим частям неприятеля. Опуская все более причудливые формы укреплений, которые теперь являются устаревшими, заметим, что подобного рода укрепления должны состоять из укреплений открытых или закрытых в горже. Первыми будет или редан (два парапета, составляющих угол по направлению к неприятелю со рвом впереди), или люнет (редан с короткими флангами). Последний может быть закрыт в горже частоколом. Главным закрытым полевым укреплением, ныне применяющимся, является четырехугольный редут, представляющий правильный или неправильный четырехугольник, обнесенный вокруг рвом и парапетом. Парапет делается такой же высоты, как и в постоянных укреплениях (7—8 футов), но не такой толстый, так как он рассчитан только на сопротивление полевой артиллерии. Так как ни одно из этих укреплений не имеет само по себе флангового огня, то они должны быть так расположены, чтобы фланкировать друг друга ружейным огнем. Для того чтобы

сделать фланговый огонь более действительным и усилить всю линию, повсюду принята схема, заключающаяся в том, что образуется укрепленный лагерь при помощи ряда четырехугольных редутов, фланкирующих друг друга, а также линии простых реданов, расположенных впереди интервалов между двумя редутами. Такой лагерь был создан у Коморна¹¹², южнее Дуная, в 1849 г. и оборонялся венгерцами в продолжение двух дней против значительно превосходившей их армии.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке в начале июня 1859 г.

Впервые напечатано в «New American Cyclopaedia», т. VII, 1859 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XI, ч. II.

ФЛОТ

Флот (Navy) — собирательный термин для военных судов, принадлежащих какому-либо государю или нации. Военные флоты древних народов, хотя часто и многочисленные, были все же незначительными, по сравнению с теперешними, в отношении размера судов, их двигательной силы и наступательных качеств. Мореходные суда Финикии и Карфагена, Греции и Рима были плоскодонными баржами, не способными выдерживать шторм; морские просторы во время шквала были гибельны для них; они ползли вдоль берега, бросая на ночь якорь в какой-либо бухте или заливе. Переплывать непосредственно из Греции в Италию или из Африки в Сицилию было для них опасным делом. Корабли не могли выдерживать напор парусов, к которым приспособлен наш современный военный корабль, и были снабжены лишь небольшими парусами; весла годились лишь для медленного передвижения по волнам. Компас еще не был изобретен; понятия широты и долготы были еще неизвестны; единственными путеводителями в навигации были в то время береговые вехи да Полярная звезда. Вооружение для наступательного боя было также недостаточным. Лук и стрелы, дротики и неуклюжие метательные машины (ballistae) и катапульты были единственным оружием, которое могло служить для боя на расстоянии. Нельзя было причинить никакого серьезного вреда неприятелю на море до тех пор, пока оба сражающихся корабля непосредственно не сходились друг с другом. Таким образом, существовало только два возможных способа морского боя: маневрировать таким образом, чтобы острый, крепкий железный конец носовой части корабля со всей силой нанес на ходу удар в борт неприятельского корабля и пустил его ко дну; или же сойтись с противником вплотную бортами и взять его таким образом на абордаж.

После первой Пунической войны, которая уничтожила морское могущество Карфагена, не было ни одной морской схватки в древней истории, представляющей хотя бы малей-

ший профессиональный интерес. Римское владычество положило конец всякой возможности дальнейших морских столкновений в Средиземном море.

Настоящей родиной наших современных флотов является Северное море. Около того времени, когда вся громадная масса тевтонских племен Центральной Европы поднялась, чтобы растоптать разлагавшуюся Римскую империю и возродить Западную Европу, их братья на северных берегах — фризы, саксы, англй, датчане и норманны — начали устремляться в море. Их суда были сильными, прочными морскими ладьями, с выдающимся килем, с острыми очертаниями, рассчитанные преимущественно на одни паруса и не боявшиеся встретить шторм среди сурового Северного моря. Именно на судах подобного рода англо-саксы плавали от устьев Эльбы и Одера к берегам Британии, а норманны предпринимали свои грабительские набеги до Константинополя — в одном направлении и до Америки — в другом. Постройка кораблей, которые осмеливались пересекать Атлантический океан, произвела в навигации полную революцию, и прежде чем окончилась эпоха средних веков, новые остродонные (килевые) морские суда были введены на всем побережье Европы. Суда, на которых норманны делали свои переезды, были, вероятно, не очень большого размера, не превосходя ни в коем случае 100 тонн водоизмещения, имели одну или, самое большее, две оснащенных мачты — переднюю и заднюю¹¹³.

Долгое время как кораблестроение, так и навигация, повидимому, не прогрессировали. В продолжение всего средневековья суда были небольших размеров, а смелый дух норманнов и фризов исчез. Те улучшения, которые были введены в кораблестроении, были обязаны итальянцам и португальцам, которые теперь стали самыми смелыми моряками. Португальцы открыли морской путь в Индию, два итальянца на иностранной службе, Колумб и Кабот, были со времен норманна Лейфа первыми, переплывшими Атлантический океан. Далекие морские путешествия сделались теперь необходимою и требовали больших кораблей. В то же время необходимость вооружить тяжелой артиллерией военные и даже торговые суда точно так же требовала увеличения размеров и тоннажа судов. Те же причины, которые вызвали появление постоянных армий на суше, вызвали к существованию постоянный военный флот на море, и только с этого времени мы можем говорить о военном флоте как таковом. Эра колониальных предприятий, которая теперь открылась перед всеми морскими нациями, также свидетельствовала о необходимости постройки больших военных флотов для защиты их торговли и новых колоний. С этого времени начинается период, более

богатым морскими сражениями и развитием морских вооружений, чем какой-либо из предыдущих.

Основание британского флота было положено Генрихом VII, который построил первый корабль, названный «Великий Гарри». Преемник Генриха VII* создал регулярный, постоянный флот, являвшийся собственностью государства, самый большой корабль которого был назван «Henry Grâce de Dieu» («Генрих милостью божьей»). Этот корабль, величайший из всех построенных до того времени, имел 80 пушек, расположенных частью на двух обычных плоских орудийных палубах, частью на добавочных платформах, находившихся в носовой части корабля и на корме. Он был снабжен четырьмя мачтами, его тоннаж исчисляется различно — от 1000 до 1500 тонн.

Весь британский флот к моменту смерти Генриха VII состоял приблизительно из 50 парусных судов, общим водоизмещением в 12 000 тонн, с экипажем около 8000 матросов и морской пехоты. Большие корабли этого периода являлись неуклюжими сооружениями, имевшими высокую надводную часть, т. е. снабженные высокими носовыми и кормовыми надстройками, что создавало чрезвычайный перевес верхней части.

Следующий большой корабль, о котором мы имеем сведения, это — «Sovereign of the Seas» («Властитель морей»), впоследствии названный «Royal Sovereign» («Королевский властелин»). Он был построен в 1637 г. Этот корабль является первым судном, о вооружении которого мы имеем почти точный отчет. Он имел три сплошных палубы, бак, шканцы, ют и рубку; на нижней палубе он имел 30 орудий 42- и 32-фунтовых; на средней — 30 орудий 18- и 9-фунтовых; на верхней палубе — 26 легких орудий, вероятно, 6- или 3-фунтовых. Кроме того, он имел 20 погонных орудий (chase guns) и 26 орудий на баке и на шканцах. Но в мирное время это вооружение уменьшалось до 100 орудий, так как полное вооружение было, видимо, слишком велико для судна. Что касается судов меньшего размера, то тут наши сведения являются крайне скудными. В 1651 г. военный флот был подразделен на шесть разрядов. Но, кроме них, продолжали существовать многочисленные классы внеградных кораблей, например шалупы, понтоны (hulks), а позднее — бомбардирские суда, корветы, брандеры и яхты. В 1677 г. мы находим список судов всего английского флота, по которому самый большой, перворазрядный трехпалубник имел 26 — 42-фунтовых пушек, 28 — 24-фунтовых, 28 — 9-фунтовых, 14 — 6-фунтовых и 4 — 3-фунтовых, а самый маленький двухпалубник (пятого разряда) имел 18 — 18-фунтовых, 8 — 6-фунтовых и

* Король Генрих VIII. *Ред.*

4 — 4-фунтовых, т. е. 30 орудий всего. Весь флот состоял из 129 судов. В 1714 г. мы находим 198 судов, в 1727 г. — 178 и в 1744 г. — 128.

Впоследствии, по мере того как увеличивается число судов, увеличивается также и размер их, а тяжесть вооружения увеличивается вместе с тоннажем.

Первый английский корабль, соответствующий нашему современному фрегату, был построен сэром Робертом Дедли в конце XVI столетия. Но лишь по прошествии полных 80 лет этот класс кораблей, сперва вошедший в употребление у южно-европейских наций, был введен в английском флоте. Особые, быстроходные качества фрегатов некоторое время плохо понимались в Англии. Британские корабли были, как общее правило, перегружены орудиями, так что их нижние порты * были лишь на 3 фута выше уровня воды, и их нельзя было открывать в бурную погоду. Этим мореходные качества судов были также сильно ухудшены. Испанцы и французы допускали несколько больший тоннаж, чем это требовало число орудий; вследствие этого их корабли могли выдерживать орудие более тяжелого калибра и имели большее количество запасов, большую пловучесть и были более быстроходными. Английские фрегаты первой половины XVIII столетия имели не меньше сорока четырех 9—12-фунтовых орудий и несколько орудий 18-фунтовых, при тоннаже около 710 тонн. Около 1780 г. были построены фрегаты с 38 орудиями (большую часть 18-фунтовыми) и водоизмещением в 946 тонн. Здесь мы видим явное улучшение. Французские фрегаты той же эпохи, с таким же вооружением, имели в среднем водоизмещение на 100 тонн больше. Около этого же времени (середина XVIII столетия) малые военные корабли были более точно подразделены, по современному способу, на корветы, бриги, бригантины и шхуны.

В 1779 г. было изобретено новое артиллерийское орудие (вероятно, британским генералом Мельвилем), которое сильно изменило вооружение большинства флотов. Это было очень короткое орудие большого калибра, приближавшееся по своей форме к гаубице, но рассчитанное на то, чтобы выбрасывать при помощи малых зарядов ядра на короткие дистанции. Орудия эти, впервые изготовленные железодельной компанией Каррон в Шотландии, были названы карронадами. Выстрел из такого орудия, будучи бесполезным на дальнее расстояние, имел ужасные последствия для деревянных частей корабля на близком расстоянии. Благодаря своей уменьшенной скорости

* Отверстия в бортах, открываемые для стрельбы из орудий, но обычно закрытые. *Ред.*

(в оилу уменьшенного заряда) снаряд этого орудия производил более значительную пробойну, сильнее расшатывал деревянные части и производил большое количество особенно опасных трещин. К тому же сравнительная легкость орудий давала возможность найти для нескольких из них место на юте и баке корабля. К 1781 г. в британском флоте имелось 429 кораблей, снабженных 6—10 карронадами сверх обычного количества орудий. Читая отчеты о морских столкновениях во время французской и американской войн, нужно иметь в виду, что британцы никогда не включали карронады в число орудий, считающихся вооружением корабля, так что, например, британский фрегат, числящийся 36-орудийным фрегатом, мог в действительности иметь 42 и более орудий, если включить в их число карронады. Большой вес — благодаря карронадам — металла, выбрасываемого бортами британских судов, помог решить не один бой на близком расстоянии во время войн французской революции. Но 80 лет тому назад карронады в конце концов были лишь средством увеличить силу военных кораблей сравнительно малого размера. Как только размер кораблей каждого разряда был увеличен, от карронад стали снова отказываться, и в настоящее время они в значительной мере изъяты. В отношении постройки военных кораблей французы и испанцы шли решительно впереди англичан. Их корабли были больше и с лучшими очертаниями, чем британские; их фрегаты в особенности превосходили английские объемом и мореходными качествами. В течение многих лет английские фрегаты копировались с французского фрегата «Геба», захваченного в плен в 1782 г. В той мере, как увеличивалась длина кораблей, высокие надстройки на носу и корме, на баке, юте уменьшались, благодаря чему увеличивались мореходные качества кораблей. Таким образом, постепенно вводились в строй сравнительно изящные по очертаниям и быстроходные военные корабли настоящего времени. Вместо того чтобы увеличивать число орудий на этих, уже более значительного размера, кораблях, был увеличен их калибр, а следовательно, вес и длина орудий, чтобы дать возможность употреблять полные заряды и получать максимальную дистанцию при прямом выстреле, что позволяло открывать огонь на большие дистанции. Малые калибры, ниже 24 фунтов, исчезли с больших кораблей, а оставшиеся калибры были упрощены и доведены до двух, максимум трех, на борту одного судна. Так как на линейных кораблях нижняя палуба была наиболее прочной, то она была вооружена орудиями того же калибра, что и верхние палубы, но большей длины и веса, с тем чтобы получить хотя бы один ряд орудий для стрельбы на возможно большие расстояния.

Около 1820 г. французский генерал Пексан сделал очень важное изобретение, которое приобрело очень большое значение для вооружения флота. Он сконструировал орудие большого калибра, снабженное небольшой камерой в казенной части для помещения пороха, и начал стрелять из этих «бомбовых орудий» (*canons obusiers*) пустотелыми снарядами при небольших углах возвышения¹¹⁴. До сих пор стреляли пустотелыми снарядами против кораблей только из гаубиц береговых батарей; правда, в Германии давно уже практиковалась против укреплений стрельба бомбами прицельным огнем из коротких 24-фунтовых и даже 12-фунтовых орудий. Разрушительное действие бомб на деревянные части корабля было хорошо известно Наполеону, который в Булони вооружил большинство своих канонерских лодок, предназначенных для экспедиции в Англию, гаубицами и считал правилом, что корабли должны быть атакованы такими снарядами, которые взрываются после попадания. Теперь бомбовое орудие Пексана дало возможность вооружать корабли пушками, которые, выбрасывая бомбы насколько возможно горизонтально, могли применяться на море, при схватках с кораблем, почти с такою же вероятностью попадания, как и старые орудия, стрелявшие ядрами. Новое орудие было скоро введено во все флоты и, подвергшись различным усовершенствованиям, составляет ныне важнейшую часть вооружения каждого большого военного корабля.

Вскоре затем была сделана первая попытка применить пар для приведения в движение военных судов, как это было уже сделано Фультоном для торговых судов. Переход от речных пароходов к каботажным и постепенно к океанским был медленный; в той же мере отставало и развитие военных судов. Поскольку единственными тогда пароходами были колесные, это запаздывание становится понятным. Лопасти колес и часть машины были открыты для неприятельского обстрела и могли быть приведены в негодность одним удачным попаданием; они занимали самую лучшую часть борта корабля; кроме того, вес машины, лопастей колес и каменного угля настолько уменьшали тоннаж корабля, что вооружение их большим количеством тяжелых, длинных орудий было невозможно. Поэтому колесный пароход никогда не мог стать линейным кораблем, но большая его быстроходность позволяла ему конкурировать с фрегатами, которые обычно действуют на флангах неприятеля, используя плоды победы или прикрывая отступление. Теперь фрегат обладает такой величиной и вооружением, которые дают ему возможность смело отправиться для самостоятельного крейсерского действия, и в то же время его превосходные мореходные качества позволяют ему во-время уйти из боя при неравных условиях. Однако быстроходность фрегата была

далеко превзойдена пароходом, но без хорошего вооружения пароход не смог бы выполнить своего назначения. Сила его залпа не могла идти в сравнение с залпом фрегата; число орудий парового колесного корабля, за неимением места, всегда было ниже числа орудий парусного фрегата. Здесь, как нигде, было на своем месте бомбовое орудие. Уменьшение числа орудий на борту парового фрегата было уравновешено весом и калибром бомбовых орудий. Первоначально эти орудия предназначались только для стрельбы бомбами, но вскоре они стали выделяться такими тяжелыми — в особенности погонные орудия (*chase guns*) на носу и корме судна, — что при полном заряде они могли стрелять крупными снарядами на значительные расстояния. Кроме того, уменьшение числа орудий допускает устройство на палубе вращающихся платформ и рельсовых путей, проложенных на палубе, при помощи которых все орудия или большинство их могут передвигаться для стрельбы в любом направлении. При этом приспособлении сила парового фрегата при атаке почти удваивается, и 20-пушечный паровой фрегат может вводить в действие, по крайней мере, столько же орудий, сколько 40-пушечный парусный фрегат, но имеющий только 18 действующих пушек на каждом борту. Таким образом, большой современный колесно-паровой фрегат является грозным кораблем. Превосходство в калибре и дальности его орудий, дополненное быстротой хода, позволяет ему сокрушать противника на таком расстоянии, на котором парусное судно едва ли сможет ему отвечать. В то же время вес выбрасываемого им металла большой разрушительной силы приходит ему на помощь в том случае, если ему выгодно форсировать сражение. Все же остается и отрицательная сторона колесного парохода, состоящая в том, что его двигательные механизмы открыты прямому огню и представляют собою крупную мишень для прицела. Для судов меньшего размера, как то: корветов, посыльных и других легких судов, не имеющих значения в морском сражении, но очень полезных в течение кампании, пар сразу же дал значительные преимущества, и такого рода колесных судов было построено очень большое количество почти во всех военных флотах. То же самое произошло и с транспортными судами. Там, где предполагались высадки, пароходы не только сокращали до минимума время для переезда, но давали возможность с известной точностью рассчитать время прибытия к назначенному месту. Транспортирование войсковых частей сделалось теперь делом весьма простым, в особенности если страна имела большой паровой коммерческий флот, к которому могла обратиться в случае нужды в транспортных судах. Вот на этих-то основаниях принц де-Жуанвиль в своем

известном памфлете пытался утверждать, что пар до такой степени изменил условия морской войны, что вторжение Франции в Англию перестало быть невозможностью. Все же до тех пор, пока корабли, предназначенные для решающих действий, т. е. линейные корабли, оставались исключительно парусными, введение пара не могло произвести большой перемены в условиях, в которых происходили крупные морские бои. С изобретением винтового двигателя последнему было суждено стать тем средством, которое повело к полному революционизированию морской войны и к превращению всех военных флотов в паровые. Прошло, однако, целых 13 лет после изобретения винта, прежде чем в этом направлении был сделан первый шаг. Французы, имевшие всегда превосходство над англичанами в отношении военно-морских изобретений и конструкций, были первыми, которые сделали этот шаг. Наконец, в 1849 г. французский инженер Дюпюи-Делом построил первый винтовой линейный стопушечный корабль «Наполеон» в 600 лошадиных сил. Этот корабль не был рассчитан исключительно на пар; в противоположность колесам винт позволял кораблю сохранить все очертания и оснастку парусного судна и двигаться по желанию при помощи одного только пара, или только парусов, или тех и других вместе. Поэтому корабль всегда мог оберечь свой уголь, прибегнув, в крайнем случае, к парусам; он, следовательно, гораздо менее зависел от близости угольных станций, чем старый колесный пароход. В силу пользования им паром и парусами, а также в силу того, что его паровая сила была еще слишком слаба, чтобы дать ему полную скорость колесного парохода, «Наполеон» и другие суда этого же типа назывались вспомогательными паровыми судами. С тех пор, однако, построены такие линейные корабли, которые имеют достаточную паровую силу, чтобы придать им всю скорость, которую только способен развить винт. Успех «Наполеона» побудил как Францию, так и Англию к постройке винтовых линейных кораблей. Русская война (1853—1855 гг.) дала новый толчок этой радикальной перемене в строительстве флота. Когда было установлено, что большая часть хорошо построенных линейных кораблей может, без больших затруднений, быть снабжена винтом и машинами, — превращение всех флотов в паровые стало лишь делом времени. Ни одна большая морская держава ныне и не думает о постройке больших парусных судов. Почти все корабли, недавно спущенные на воду, — винтовые пароходы, за исключением немногих колесных пароходов, которые все еще нужны для некоторых целей. Несомненно, что уже к 1870 г. парусные военные суда настолько же устареют, как ныне — прялка и гладкоствольный мушкет.

Крымская война вызвала к существованию две новых конструкции судов. Первая из них — паровая канонерская лодка, или монитор, первоначально построенная англичанами для предполагаемой атаки Кронштадта. Это — маленькое судно, с осадкой от 4 до 7 футов, вооруженное одним или двумя дальнобойными орудиями или тяжелой мортирой — первыми для пользования в мелких, трудно проходимых водах, второй — для бомбардировки с дальних дистанций укрепленных морских арсеналов. Лодки эти чрезвычайно хорошо отвечали своему назначению и, несомненно, будут играть важную роль в будущих морских кампаниях. Монитор, как это доказано в Свеаборге, целиком изменяет соотношение нападения и защиты между крепостью и кораблем тем, что дает кораблям ту силу огня для безнаказанной бомбардировки крепости, которою корабли раньше никогда не обладали. На расстоянии в 3000 ярдов, с которого бомбы мониторов могут попадать в такую большую цель, как город, они сами находятся в полной безопасности благодаря малой величине своей поверхности. Наоборот, канонерские лодки, действуя совместно с береговыми батареями, усилят оборону и дадут морской войне те легкие боевые единицы, в которых до сих пор так нуждался флот.

Вторым нововведением были окованные железом, не пробиваемые снарядами пловучие батареи, впервые построенные французами, для атаки береговых укреплений. Они были испытаны лишь под Кинбурном, и их успех, даже против слабых парапетов и ржавых пушек этого маленького укрепления, не был особо значительным. Тем не менее французы были, видимо, настолько ими удовлетворены, что продолжают производить дальнейшие опыты. Они построили канонерские лодки с особого рода непроницаемым для снарядов стальным парапетом на баке, защищающим орудие и экипаж. Но если пловучие батареи были неуклюжи и их приходилось буксировать, то эти стальные канонерки всегда настолько погружались носом в воду, что были вовсе непригодны к плаванию. Французы тем не менее построили покрытый стальными листами паровой фрегат, названный «La Gloire» («Слава»), который, говорят, непроницаем для снарядов, очень быстроходен и вполне способен выдержать бурю. О нем даются самые преувеличенные отзывы в том смысле, что подобные бронированные фрегаты наверно создадут революцию в морской войне. Говорят, что линейные корабли устарели и что способность решать большие морские сражения перешла к этим фрегатам с одной батареей пушек, укрытых от выстрелов со всех сторон броней, против которых не устоит ни один деревянный трехпалубный корабль. Здесь не место ди-

скутировать по этим вопросам, но мы можем заметить, что гораздо легче изобрести и поставить на борт корабля нарезные пушки, достаточно мощные, чтобы разбить железную или стальную броню, чем построить судно, заключенное, как в чехол, в достаточно толстый металл, делающий его способным противостоять ядрам или бомбам из этих орудий. Что касается «Gloire», то в конце концов с достоверностью еще неизвестно, может ли этот корабль выдержать бурю; затем говорят, что, вследствие своей непригодности вмещать достаточное количество угля, он не может держаться под парами в море более трех дней. На что способен его британский соперник «Waggon» («Воин»), мы увидим в будущем. Несомненно, что, уменьшив вооружение и необходимый запас угля и изменив конструкцию корабля, можно будет иметь корабль, вполне защищенный от снарядов при стрельбе с больших и средних дистанций и в то же время являющийся хорошим пароходом. Но в век, когда артиллерийская наука делает столь быстрые шаги, весьма сомнительно, следует ли строить в дальнейшем подобные корабли.

Переворот в артиллерии, который в настоящее время происходит в связи с изобретением нарезного орудия, повидимому, является гораздо более важным для морской войны, чем влияние, оказываемое броненосными судами. Каждое нарезное орудие, заслуживающее этого названия, придает стрельбе на большие расстояния такую точность, что прежняя недостаточная меткость морской стрельбы на такие расстояния, видимо, скоро станет делом прошлого. Кроме того, нарезная пушка, допуская применение продолговатого снаряда и уменьшенного заряда, дает возможность значительного уменьшения калибра и веса палубных орудий, а в случае, если ствол остается таким же, дает гораздо лучшие результаты. Продолговатый снаряд из 56-центнеровой нарезной 32-фунтовой пушки превзойдет круглый снаряд из 113-центнерового гладкоствольного 10-дюймового орудия не только весом, но и пробивной способностью, дальностью и меткостью. Наступательная сила каждого корабля, по крайней мере, утраивается, если он вооружен нарезными орудиями. К тому же всегда всячески стремились к тому, чтобы изобрести хороший снаряд ударного действия, который взрывался бы в самый момент проникновения в борт судна. Вращение круглого снаряда делало это невыполнимым: ударная трубка не всегда находилась в надлежащем положении в момент попадания бомбы и поэтому не давала разрыва. Но продолговатый снаряд из нарезной пушки, вращаясь вокруг своей продольной оси, всегда должен удариться своей головной частью, и простой ударный пистон в трубке головки снаряда разрывает

снаряд в момент его проникновения в борт корабля. Вряд ли возможно, чтобы любой из покрытых сталью кораблей, до сих пор изобретенных, мог бы безнаказанно пренебречь двумя такими бортовыми залпами с двухпалубного судна, не говоря уже о бомбах, которые, проникнув через порты, взрываются между палубами. Нарезные орудия должны в значительной степени положить конец сражениям на очень близких дистанциях, для которых были пригодны карронады; маневрирование снова приобретает большое значение, а так как пар делает сражающиеся суда независимыми от ветра и течения, то в будущем морская война еще больше приблизится к методу и тактике сухопутных сражений.

Военные суда, из которых состоят современные флоты, разделяются на шесть разрядов. Но так как эти разряды меняются и являются произвольными, то лучше классифицировать корабли обычным путем — на линейные корабли, фрегаты, корветы, бриги, шхуны и т. д. Линейные корабли — это самые большие военные корабли, предназначенные для того, чтобы в главном бою образовать боевую линию и решать борьбу весом металла, брошенного в неприятельские корабли. Они бывают трехпалубными или двухпалубными, другими словами — они имеют три или две крытые палубы, вооруженные орудиями. Эти палубы называются нижней, средней и главной, или верхней, палубой. Верхняя палуба, которая первоначально была покрыта только на юте и на баке, теперь покрыта сплошной открытой палубой от носа до кормы. Эта открытая палуба, части которой все еще называются ютом и баком (место в середине корабля называется шкафутом), имеет также артиллерию, главным образом карронады, так что в действительности двухпалубник имеет три, а трехпалубник — четыре этажа пушек. Самые тяжелые орудия, конечно, расположены на нижней палубе. По мере того как батареи все более возвышаются над водой, вес их орудий становится пропорционально легче. Обычно их калибр остается без изменений; это достигается уменьшением веса самого орудия, вследствие чего орудия на верхних палубах могут выдерживать только уменьшенные заряды и, следовательно, применяться лишь для стрельбы на более короткие дистанции. Единственное исключение из этого правила составляют погонные орудия, которые расположены на носу и корме корабля и которые, если даже они расположены на баке или на юте, делаются насколько возможно более длинными и тяжелыми, так как они рассчитаны для действия на максимальные дистанции. Таким образом, носовые и кормовые орудия английских линейных кораблей являются или 8- или 10-дюймовыми бомбовыми орудиями, или 56-фунтовыми (канал ствола диаметром

7,7 дюйма), или 68-фунтовыми (канал ствола 8,13 дюйма), стреляющими ядрами артиллерийскими орудиями, одно из которых установлено на баке на вращающейся платформе. В английском флоте обыкновенно имеется шесть кормовых и пять носовых орудий первого разряда.

Остальное вооружение такого корабля следующее:

Место расположения орудий	Тип орудий	Вес (фунты)	Длина	Число орудий
Нижняя палуба	8-дюймовые бомбовые орудия	65	9 ф 0 дм	4
" "	32-фунтовые бомбовые орудия	56	9 " 6 "	28
Средняя палуба	8-дюймовые бомбовые орудия	65	9 " 0 "	2
	32-фунтовые орудия	50	9 " 0 "	32
Верхняя палуба	32 " "	42	8 " 0 "	34
Бак и ют	32 " "	45	8 " 6 "	6
	32-фунтовые карронады	17	4 " 0 "	14
Итого . . .				120

Вооружение линейных кораблей меньшего размера строится по тому же принципу. Для сравнения мы даем вооружение французского перворазрядного корабля: нижняя палуба — 32 длинных 30-фунтовых орудия; средняя палуба — четыре 80-фунтовых бомбовых орудия и 30 коротких 30-фунтовых орудий; верхняя палуба — 34 30-фунтовых бомбовых орудия; бак и ют — четыре 30-фунтовых бомбовых орудия и шестнадцать 30-фунтовых карронад, итого 120 орудий. Французское 80-фунтовое бомбовое орудие имеет ширину дула на 0,8 дюйма больше, чем 8-дюймовое английское; 30-фунтовое бомбовое орудие и 30-фунтовое ядровое орудие имеют немного большее дуло, чем английское 32-фунтовое, так что преимущество в весе металла на стороне французов. Самый малый линейный корабль имеет теперь 72 орудия; самый большой фрегат — 61.

Фрегат представляет собою корабль только с одной крытой палубой, имеющей на себе орудия, и другой открытой палубой над ней (бак и ют), которая также снабжена орудиями. Вооружение его в английском флоте состоит обыкновенно из 30 орудий (или все орудия бомбовые или часть бомбовые, а часть длинные ядровые 32-фунтовики) на верхней

палубе; 30 коротких 32-фунтовиков — на баке и юте и одного тяжелого вращающегося орудия на подвижной платформе на носу. Так как фрегаты несут большей частью службу в одиночку и могут столкнуться один на один с неприятельскими фрегатами, посланными с такими же отдельными заданиями, то важнейшей заботой большинства морских наций было сделать фрегаты как можно больше и сильнее. Ни в одном разряде кораблей стремление к увеличению объема не было так заметно, как в разряде фрегатов. Так как Соединенным Штатам требовался флот дешевый, но достаточно сильный для того, чтобы внушить к себе уважение, то они были первым государством, обратившим внимание на ту большую выгоду, которую можно было извлечь из флота больших фрегатов, каждый из которых превосходил бы фрегаты, выставленные против них другими нациями. Превосходство американских судостроителей в производстве быстроходных судов давало им, таким образом, преимущество, и последняя война с Англией (1812—1814 гг.) показала, благодаря многим, хорошо проведенным боям, какими грозными противниками были эти американские фрегаты. Вплоть до настоящего времени фрегаты Соединенных Штатов считаются образцом этого типа кораблей, хотя разница в их объеме, по сравнению с другими флотами, не так уж значительна, как была 30 или 40 лет тому назад.

Следующий класс военных кораблей называется корветами. Они имеют лишь один ряд орудий, размещенный на открытой палубе. Но тот же тип, лишь несколько большего размера, снабжен баком и ютом (не соединенными, однако, непрерывной палубой посредине), где имеется еще несколько орудий. Такие корветы поэтому почти соответствуют тому, чем был фрегат 80 лет тому назад, прежде чем обе возвышающиеся крайние части корабля были соединены между собой ровной палубой. Эти корветы достаточно сильны для того, чтобы нести орудия того же калибра, что и корабли большего размера. Они также имеют три мачты, все вооруженные четырехугольными парусами. Более мелкие суда — бриги и шхуны — имеют от 20 до 6 орудий. На них только 2 мачты с четырехугольными парусами у бригов, тогда как шхуны оснащены только частично на передней и задней мачтах. Калибр их орудий по необходимости является меньшим, чем калибр больших кораблей, и обыкновенно не превышает 18- и 24-фунтовиков, уменьшаясь до 12- и 9-фунтовиков. Суда такой незначительной наступательной силы не могут посылаться туда, где предвидится серьезное сопротивление. В европейских водах их ныне обыкновенно заменяют малыми пароходами; они могут быть действительно полезны только у таких берегов, как бе-

рега Южной Америки, Китая и т. д., где они могут встретиться со слабым противником и где они служат просто для того, чтобы представлять флаг могущественной нации.

Вышеперечисленное вооружение является ныне принятым во флоте, но оно, несомненно, изменится во всех отношениях в продолжение ближайших десяти лет благодаря повсеместному введению нарезного орудия.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке
в ноябре 1860 г.

Впервые напечатано в «New American Cyclo-
paedia», т. XII, 1861 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения,
т. XI, ч. II.

СРАЖЕНИЕ

Столкновение двух враждебных войсковых объединений называется сражением, когда эти объединения составляют главные армии обеих сторон, или, по меньшей мере, действуют независимо на своем особом театре войны. До введения пороха сражения решались рукопашной борьбой. У греков и македонян дело решала атака ошетилившейся копьями сомкнутой фаланги с последующей непродолжительной схваткой мечами. У римлян наступление легиона, выстроенного в три линии, допускало возобновление атаки при помощи второй линии и решающего движения третьей. Римская линия подходила к неприятелю на расстояние 10 или 15 ярдов, метала в него свои *pila*, т. е. очень тяжелые копья, а затем схватывалась с ним с мечом в руке. Если первая линия бывала остановлена, то через промежутки в ней наступала вторая, а если и тогда сопротивление не было сломлено, то третья линия, или резерв, врывалась в центр противника или обрушивалась на одно из его крыльев. В средние века значительные боевые действия решались атакой закованной в сталь рыцарской конницы, пока введение артиллерии и огнестрельного оружия мелкого калибра не вернуло преобладания пехоте. С этих пор превосходство в числе и в конструкции огнестрельного оружия у той или другой армии являлось главным элементом в сражении, пока в XVIII столетии все армии Европы не снабдили свою пехоту мушкетами и приблизительно не сравнялись друг с другом в смысле качества огнестрельного оружия. Теперь решающим элементом сделалось число выстрелов в данный промежуток времени, при наличии известной средней меткости. Пехота стала выстраиваться в три длинных линии; ее обучали с величайшей мелочностью, для того чтобы обеспечить непрерывность и быстроту огня, доходившую до пяти выстрелов в минуту. Длинные линии медленно наступали друг на друга, все время ведя огонь, при поддержке артиллерии, стрелявшей картечью; в конце концов потери, понесенные одной из сторон, заставляли ее дрогнуть, и тут другая сторона пользовалась

моментом, чтобы броситься в штыки, чем обычно и решалось дело. Если одна из двух армий заняла свою позицию еще до начала сражения, то другая обычно пыталась атаковать ее под косым углом так, чтобы напасть с фланга и затем окружить одно из ее крыльев; это крыло вместе с ближайшей частью центра приводилось, таким образом, в беспорядок превосходящими силами нападающих и по этим густым массам нападающие били своей тяжелой артиллерией. Это был любимый маневр Фридриха Великого, особенно успешно примененный им при Лейтене. Кроме того, на дрогнувшую неприятельскую пехоту иногда выпускалась кавалерия и, в большинстве случаев, с значительным успехом; однако в общем решение достигалось быстрым огнем линейной пехоты, и этот огонь был столь действенен, что делал сражения этого периода самыми кровопролитными сражениями нового времени. При Колине¹¹⁵ Фридрих Великий потерял 12 000 человек из 18 000, а при Кунерсдорфе 17 000 из 30 000, между тем как в самом кровопролитном сражении из всех кампаний Наполеона, при Бородине, русские потеряли меньше половины своих войск убитыми и ранеными. Французская революция и Наполеон полностью изменили вид сражения. Армия была организована в дивизии, численностью приблизительно в 10 000 человек, смешанного состава — из пехоты, кавалерии и артиллерии; она уже не сражалась исключительно в линейном строю, но также в колоннах и в рассыпном строю. Теперь уже не было необходимости выбирать для поля сражения только открытые равнины; леса, деревни, фермы, любая пересеченная местность рассматривались как наиболее подходящие для боя. С тех пор как этот новый строй был принят всеми армиями, сражение сделалось совершенно иным, нежели в XVIII столетии. Тогда, хотя армия обычно и выстраивалась в три линии, судьба боя решалась одной атакой или, самое большее, двумя или тремя, быстро следовавшими одна за другой; теперь же сражение может длиться целый день и даже два или три дня, причем все время следуют друг за другом с различным успехом атаки, контратаки и маневры. В настоящее время сражение обычно завязывается авангардом атакующей стороны, который высылает вперед стрелковые цепи, все время их поддерживая. Как только последние встретят серьезное сопротивление, что обычно случается в местности, благоприятной для обороны, легкая артиллерия, под прикрытием пехоты в рассыпном строю и мелких отрядов кавалерии, выступает вперед, а главные силы авангарда занимают позицию. Затем следует канонада, и расходуется известное число боевых припасов с целью облегчить разведку и заставить неприятеля обнаружить свои силы. Тем временем одна дивизия за другой появляются на поле сраже-

ния и занимают боевую позицию в том или другом пункте, сообразно полученным до сих пор сведениям о принятых неприятелем мерах. В удобные для атаки пункты высылаются вперед стрелковые цепи при поддержке, в нужных местах, пехотой в линейном строю и артиллерией; готовятся атаки на флангах; войска сосредоточиваются для атаки важных пунктов на фронте главной позиции неприятеля, который тоже принимает соответствующие меры. Выполняются маневры с целью поставить под угрозу оборонительные позиции или встретить грозящую атаку контратакой. Постепенно армия подходит ближе к неприятелю, пункты атаки окончательно определяются, и массы наступают с укрытых позиций, которые они занимали до тех пор. В этой стадии боя преобладает огонь линейной пехоты и артиллерии, направленный на подлежащие атаке пункты; затем следует наступление войск, предназначенных для атаки, причем в промежутках могут происходить атаки небольшими отрядами кавалерии. Теперь завязывается борьба за важные пункты; они переходят из рук в руки, причем обе стороны поочередно высылают новые войска. Промежутки между такими пунктами становятся теперь полем сражения для развернутых линий пехоты, а при случае и для штыковых ударов, которые, впрочем, редко превращаются в настоящую рукопашную схватку, тогда как в деревнях, на фермах, в окопах и т. д. штык пускается в ход довольно часто. В этой открытой местности кавалерия устремляется вперед, как только представляется удобный случай, между тем как артиллерия продолжает огонь и продвигается на новые позиции. В то время как сражение, таким образом, колеблется то в ту, то в другую сторону, постепенно начинают выясняться намерения, расположение и особенно силы обеих сражающихся армий, в сражение вводится все большее количество войск, и вскоре выясняется, какая сторона располагает более сильными резервами нетронутых сил для окончательной и решительной атаки. Если атакующая сторона до сих пор имела успех, то теперь она может отважиться на то, чтобы бросить свои резервы на центр или фланг обороняющейся стороны; если же атака до сих пор была отражена и не может быть поддержана свежими силами, то обороняющаяся сторона может двинуть вперед свои резервы и мощной атакой превратить отражение противника в его разгром. В большинстве случаев решительная атака направляется против какой-либо части неприятельского фронта с целью прорвать его линию. На выбранном для этого пункте сосредоточивается как можно больше артиллерии, пехота наступает густыми массами, и как только ее атака окажется успешной, кавалерия устремляется в образовавшийся, таким образом, прорыв, разворачиваясь на-

право и налево, берет неприятельские линии во фланг и в тыл, — так сказать, окатывая их в направлении к их обоим крыльям. Однако, чтобы такая атака действительно могла стать решающей, ее необходимо предпринимать со значительными силами и не раньше, чем неприятель введет в дело свои последние резервы; иначе понесенные потери окажутся совершенно не соответствующими весьма ничтожным результатам и могут даже явиться причиной проигрыша сражения. В большинстве случаев полководец предпочтет прервать сражение, принимающее явно неблагоприятный оборот, нежели вводить в дело свои последние резервы и ждать решительной атаки противника; при современной организации и тактике это, в большинстве случаев, может быть сделано с сравнительно небольшими потерями, так как в упорном сражении неприятель обычно тоже приходит в сильное расстройство. Тогда резервы и артиллерия занимают новые позиции в тылу, под прикрытием которых войсковые части последовательно выводятся из сражения и отступают. В таких случаях от быстроты преследования зависит, совершится ли отступление в надлежащем порядке или нет. Неприятель вышлет свою кавалерию против войск, пытающихся выйти из сражения, и потому для поддержки последних должна быть наготове кавалерия. Но если кавалерия отступающей стороны будет опрокинута, а пехота настигнута раньше, чем она окажется вне пределов досягаемости, то в таком случае расстройство становится общим, и арьергарду, как это обычно бывает, на его новой оборонительной позиции приходится очень трудно, пока не наступит ночь. Таков обычный шаблон современного сражения, предполагая, что стороны приблизительно равны по численности и по качеству командования; при решительном превосходстве одной стороны дело значительно сокращается, и бывают возможны комбинации, варианты которых неисчислимы; однако при всех обстоятельствах современное сражение между армиями цивилизованных народов носит в целом описанный выше характер.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке в сентябре 1857 г.

Впервые напечатано в «New American Cyclopaedia», т. II, 1858 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XI, ч. II.

АТАКА

Атака в общем стратегическом смысле обозначает захват инициативы в любой отдельной стычке, схватке, в бою или в правильном сражении; всегда одна сторона необходимо должна начать с наступательных операций, а другая — с оборонительных. Обычно считается, что атака обеспечивает больший успех, и потому армии, действующие оборонительно, т. е. в войнах строго оборонительного характера, часто предпринимают наступательные кампании и даже в оборонительных кампаниях проделывают наступательные операции. В первом случае обороняющаяся армия имеет своей задачей передвинуть местонахождение и театр военных действий, расстроить расчеты неприятеля, удалить его от операционной базы и принудить сражаться в такие моменты и в таких местах, которые совершенно не соответствуют его ожиданиям и которые могут быть для него положительно невыгодны. Два самых замечательных примера наступательных операций и прямых атак, применявшихся в строго оборонительных кампаниях, имели место в двух замечательных походах Наполеона — в походе 1814 г., который закончился его ссылкой на Эльбу, и в походе 1815 г., который окончился поражением при Ватерлоо и сдачей Парижа. В обеих этих необычных кампаниях полководец, действовавший исключительно в целях обороны подвергшейся нашествию страны, атаковывал своих противников во всех пунктах и при всяком удобном случае; всегда будучи в целом значительно более слабым, нежели противник, он каждый раз умел оказываться сильнее его и обычно побеждал в данном пункте атаки. Неудачный результат обеих этих кампаний несколько не умаляет достоинства их общего замысла и выполнения деталей. Обе они были проиграны по причинам, совершенно не зависевшим от их плана или его выполнения, по причинам как политического, так и стратегического характера, главной из которых было огромное превосходство всех средств союзников и невозможность для одной нации, истощенной вой-

нами в течение четверти столетия, сопротивляться нападению всего вооружившегося против нее мира.

Существует взгляд, что когда две армии встречаются лицом к лицу на поле сражения, то та армия, которая захватывает инициативу или, другими словами, атакует, получает решительное преимущество. Однако те, которые придерживаются такого взгляда, повидимому, находятся под неотразимым впечатлением блестящих подвигов немногих великих полководцев и одной или двух великих военных наций, которые были обязаны своими успехами атакам в самом широком масштабе. Это мнение, повидимому, нуждается в значительных поправках. Эпаминонд, Александр, Ганнибал, Цезарь и, последний по времени, но не по значению, Наполеон I были по преимуществу полководцами, прибегавшими к атаке; они одерживали все свои великие победы и, в большинстве случаев, терпели все свои крупные неудачи в действиях, в которых они сами захватывали инициативу. Всеми своими преимуществами французы обязаны бурному порыву своего почти неодолимого натиска и быстрой сообразительности, с которой они развивают свой успех и превращают поражение противника в непоправимый разгром. Но в обороне французы далеко не стоят на такой же высоте. История величайших сражений мира, повидимому, показывает, что в тех случаях, когда атакуемая армия обладает стойкой и упорной выдержкой, достаточной, чтобы обеспечить ее непрерывное сопротивление, пока огонь нападающих не начнет ослабевать и истощение и реакция не начнут овладевать ими, а затем сможет предпринять наступление и атаковать в свою очередь, — что в таких случаях оборонительный способ действий является самым надежным. Однако существует мало армий или наций, которым можно было бы посоветовать действовать в сражении таким образом. Даже римляне, великолепные солдаты в обороне укрепленных городов и изумительные в наступательных полевых операциях, ни разу не прославили себя оборонительным способом войны; в их истории нет ни одной битвы, в которой, после борьбы с переменным успехом в течение целого дня и находясь в обороне, они под конец перешли бы в атаку и выиграли сражение. То же самое в общем можно сказать и о французских армиях и об их полководцах. Напротив, греки провели многие из своих самых удачных битв, как, например, при Марафоне, Фермопилах, Платее, и много других, но в особенности последнюю из названных, по следующему плану: сначала выдерживать нападение противника, пока оно не ослабеет, а затем самим атаковать полуистощенных и пораженных неожиданностью нападающих. Такова же была английская и в значительной мере швейцарская и германская система в тече-

ние многих веков, и в большинстве случаев она оказывалась успешной для войок этих стран, так же как это в последнее время было и с американцами. Сражения при Креси, Пуатье, Азинкуре, Ватерлоо, Асперне и Эсслинге, а также многие другие, слишком многочисленные, чтобы их здесь перечислять, были проведены в точности по тому же самому принципу; можно еще упомянуть о том, что в войне 1812—1814 гг.¹¹⁶ американцы успешно отражали англичан, которые почти неизменно атаковывали их, и притом — вопреки своему обычному способу — в колонне, т. е. способом, оказавшимся столь действительным против французов и недавно проверенным ими также против русских.

Когда две армии расположены в поле друг против друга, причем обе намерены сразиться, то обычные способы атаки бывают следующие. Во-первых, самый простой способ — непосредственная параллельная атака, когда нападающие завязывают сражение одновременно вдоль всего фронта от одного крыла до другого и решают сражение простой силой. Во-вторых, атака на флангах, либо на обоих одновременно, либо последовательно, сначала на одном, а затем на другом, причем центр держится отодвинутым назад. Это был любимый способ боя Наполеона — заставить неприятеля ослабить свой центр с целью усилить крылья; сам он держал собственный центр отодвинутым, усиливая его огромными резервами кавалерии, и в конце концов устремлялся на ослабленный центр противника и оканчивал дело уничтожающим ударом. В-третьих, атака центром, причем крылья отодвигают назад и держат в резерве. Из всех способов атаки последний является наиболее ошибочным; он применялся очень редко и, как принято думать, никогда не давал успеха. Если армия принудительно попадает в такое положение, она обычно бывает окружена и уничтожена, как это было с римской армией в ее атаке при Каннах. Наоборот, такое положение является великолепной позицией для обороны. Четвертый способ — косая атака, изобретенная Эпаминондом и с блестящим успехом примененная им при Левктрах и Мантинее. Она состоит в том, что атакуется одно крыло неприятеля, причем одно собственное крыло тайно и последовательно получает подкрепления, а центр и другое крыло отодвигаются назад, но маневрируют таким образом, что непрерывно угрожают неприятелю атакой и не позволяют ему усилить свой собственный слабый пункт до тех пор, пока это не будет уже слишком поздно. Таков был любимый способ австрийца Клерфе, с помощью которого он постоянно разбивал турок, и Фридриха Великого, который обычно говорил, что в своих самых блестящих победах «он только снова разыгрывал сражения Эпаминонда». Заслужи-

ваит внимания, что греки, обычно французы, а равно русские и австрийцы выигрывали свои лучшие сражения посредством атаки колоннами; последние, если их не задерживали и не останавливали, прорывали центр и сносили все перед собою. Римляне, англичане и американцы почти неизменно, в атаке или в обороне, сражались и продолжают сражаться в линию; в этом строю они всегда оказывались способны сопротивляться и задерживать своим центром нападающую колонну, пока наступлением своих крыльев они не оказывались в состоянии охватить фланги неприятеля и раздавить его. Замечательно, что всякий раз, когда англичане отступали от этого, так сказать, национального способа атаки линией в два ряда и атакывали в колонне, как при Фонтенуа и Чипеуа, они терпели поражение¹¹⁷. Почти неопровержимым является вывод, что атака центра колонной представляет коренную ошибку, когда она направляется против стойких войск, хотя она наверное может дать успех против неприятеля с невысокими физическими качествами и дисциплиной, в особенности, когда дух его бывает деморализован.

При атаке редута или полевых укреплений, защищаемых только пехотой, нападающие могут идти в атаку немедленно; если же они защищаются также и артиллерией, то необходимо, чтобы сначала артиллерия нападающих привела к молчанию артиллерию защищающихся. Артиллерийский огонь надо вести таким образом, чтобы разрушить палисады, подбить пушки и скрыть парпет и, таким образом, заставить обороняющуюся сторону убрать свои пушки во внутрь укрепления. После того как артиллерия атакующих окажет свое действие, легкая пехота, главным образом стрелки, окружает часть укрепления и направляет свой огонь на гребень парпета, чтобы заставить защитников либо вовсе не показываться, либо стрелять наспех. Постепенно стрелки приближаются и сосредоточиваются в намеченном пункте атаки, в то же время формируются атакующие колонны, во главе которых идут люди, вооруженные топорами и несущие лестницы. Люди в первом ряду могут быть снабжены также фашинами, которые служат одновременно в качестве щитов и для заполнения рва. Пушки, защищающие укрепление, теперь отвозятся назад и направляются против идущей на приступ колонны, а атакующие стрелки усиливают свой огонь, целясь в особенности по артиллеристам защиты, которые могут пытаться снова зарядить свои орудия. Если нападающим удастся достигнуть рва, то существенно важно, чтобы во время приступа они действовали совместно и сразу бросились на укрепления со всех сторон. Поэтому они некоторое время задерживаются на краю рва, чтобы дожидаться условного сигнала; когда они подни-

маются на парашют, их встречают бомбами из гаубиц, катящимися камнями и бревнами, а на вершине защитники принимают их в штыки и прикладами ружей. Преимущества позиции все еще на стороне защитников, однако одушевление, вызываемое атакой, дает нападающим большое моральное превосходство; и если укрепление не защищается другими укреплениями с флангов, то обычно трудно отразить нападение, хотя и бывали случаи отражения сильного приступа даже в таком пункте. Временные укрепления можно атаковать посредством внезапного нападения или открытой силой, и в обоих случаях первая обязанность начальника заключается в том, чтобы с помощью лазутчиков или разведки получить возможно полную информацию касательно характера укрепления, его гарнизона, защиты и вообще всех ресурсов. В атаке пехота часто бывает предоставлена своим собственным средствам, когда людям приходится полагаться на свою собственную сообразительность, поджигать засеки с помощью горящих пучков прутьев, заполнять небольшие рвы вязанками сена, влезать на палисады с помощью лестниц под прикрытием своих стрелков, взрывать забаррикадированные двери и окна посредством мешков с порохом; с помощью таких средств, применяемых решительно и смело, пехота обычно бывает способна преодолеть любое из обычных препятствий.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке в конце июля — начале августа 1857 г.

Впервые напечатано в «New American Cyclopaedia», т. II, 1858 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XI, ч. II.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ВОЙНА 1859 г.
КАМПАНИЯ ГАРИБАЛЬДИ
В СИЦИЛИИ
И ЮЖНОЙ ИТАЛИИ (1860 г.)

КАК АВСТРИЯ ДЕРЖИТ В СВОИХ РУКАХ ИТАЛИЮ

Когда в 1796 г. генерал Бонапарт спустился с Приморских Альп, то оказалось достаточным одной великой недели сражений при Дего, Миллезимо, Монтенотте и Мондови, чтобы завоевать весь Пьемонт и Ломбардию ¹¹⁸. Его колонны, не встречая сопротивления, продвигались вперед, пока они не достигли Минчио. Но тут положение изменилось. Стены Мантуи остановили его, и для величайшего полководца своего века потребовалось девять месяцев, чтобы преодолеть это препятствие. Вся вторая половина первой итальянской кампании вращается вокруг завоевания Мантуи. Риволи, Кастильоне, Арколе и поход через долину Brentы — все подчинено этой великой цели ¹¹⁹. Два раза в своей жизни Наполеон был остановлен крепостью: в первый раз Мантуей, а во второй раз Данцигом ¹²⁰. Наполеон отлично знал, что Мантуя была ключом Италии. Раз завладев ею, он уже никогда не выпускал ее из своих рук, пока не расстался со своей короной; а до тех пор его владычество над Италией никогда не подвергалось серьезной опасности.

Географическая конфигурация Италии ясно показывает, что та держава, которая может удерживать северную ее часть, так называемую Цизальпинскую Галлию римлян, будет править над всей Италией. Бассейн реки По всегда был театром больших битв, в которых решались судьбы полуострова. Начиная от Мариньяно и Павии, через Турин, Арколе, Риволи, Нови и Маренго и кончая Кустоцей и Новарой ¹²¹, — все решительные сражения за господство в Италии разыгрывались здесь. Да это и вполне естественно. Французы или немцы, кто бы из них ни вытеснял своего противника из долины По, тем самым изолировал его от растянутого в длину полуострова и изолировал этот полуостров от его союзников. Предоставленный своим собственным ресурсам, этот полуостров, являющийся наименее населенной и наименее культурной частью Италии, вкоре бывал принужден покориться. Вот

в этом-то бассейне реки По Мантуя и представляет самую центральную позицию. Она отстоит на одинаковом расстоянии от Адриатического и Средиземного морей, приблизительно в 70 милях от каждого; таким образом, эта позиция, будучи защищена полевой армией, действительно запирает всякий доступ к полуострову. К вышесказанному присоединяются огромные тактические преимущества ее положения посреди озера, с тремя предместными укреплениями для выхода войск, причем со всех сторон находится местность, пересеченная реками и способствующая изолированию друг от друга различных частей осаждающей армии; при таком положении не удивительно, что существует старинная поговорка, что кто держит в своих руках Мантую, тот господствует в Италии.

Этих немногих соображений достаточно, чтобы показать, что будет не так-то легко выгнать австрийцев из Италии, даже если в их руках будет находиться одна только Мантуя. Что потребовало от первого офицера своей эпохи девяти месяцев, с тем не справиться в такое же время бывшему офицеру швейцарской артиллерии *. Однако, в военном отношении Ломбардия чрезвычайно изменилась с 1796 и даже с 1848 г. Кампания 1848 г. в некотором роде представляет противоположность кампании 1796 г. Если 1796 г. показал, что могла сделать Мантуя в оборонительной войне, то 1848 г. показал, что могли сделать Мантуя, Пескьера, Леньяго и Верона совместно в войне наступательной; с тех пор эта великолепная позиция, едва ли не лучшая во всей Европе, была разработана и подготовлена всеми возможными способами, к тому же с любовью, тщательностью и l'ensemble (координацией всех частей), которые делают величайшую честь австрийскому штабу и австрийским военным инженерам.

Взглянем на карту. От озера Гарда до реки По течет Минчио, не очень значительная река, летом переходимая вброд во многих местах, но в целом пригодная для оборонительной позиции. Длина этой линии, которую нужно считать от Пескьеры до Боргофорте, хотя последнее место находится в стороне от реки, равняется приблизительно 30 милям, так что армия, расположенная в середине этого расстояния, может в один день пути достигнуть каждой ее конечности. Справа (с севера) прикрытая озером и Тирольскими Альпами, а слева рекой По, эта короткая линия в 30 миль представляет первую годную для обороны линию, которую австрийская армия

* Непереводимая игра слов: «captain» означает и «полководец», «первый офицер» (имеется в виду Наполеон I) и «офицер в чине капитана» (подразумевается император Наполеон III, в прошлом офицер швейцарской артиллерии). *Ред.*

может найти против наступающего с запада неприятеля. Но это является не единственным ее достоинством. Почти параллельно озеру, рекам Минчио и По, в расстоянии от 10 до 30 миль в тылу, протекает Адидже, образующая вторую и значительно более сильную оборонительную линию и во все времена года представляющая препятствие, которое можно преодолеть только с помощью мостов. Эта двойная линия, как показывает взгляд на карту, естественным образом окружает Тироль и прилегающие австрийские провинции в одно компактное целое; говоря военным языком, она представляет их необходимое дополнение; и на этом-то обстоятельстве основывается принцип австрийской политики, гласящий, что линия Минчио необходима для защиты Германии и что Рейн нужно защищать на По.

Эта позиция, сильная уже от природы, еще более была укреплена благодаря искусству. Линия Минчио разрезается на две части крепостью Мантуей. Эта крепость лежит настолько близко к устью реки, что часть ее ниже по течению можно не принимать в расчет. Таким образом, линия реки сокращается приблизительно на 7 или 8 миль; южная оконечность этой линии, усиленная первоклассной крепостью, образует предмостные укрепления по обеим сторонам реки. Другая часть реки в том месте, где она выходит из озера, защищена маленькой крепостью Пескьерой. Эта крепость, конечно, не очень сильна, и в 1848 г. пьемонтцы взяли ее; однако, она является достаточно сильной для того, чтобы сопротивляться случайным атакам, и поэтому может держаться, пока австрийцы удерживают за собою открытое поле; в то же время она позволяет им выйти на западный берег Минчио.

До 1815 г. линия Адидже находилась в пренебрежении. С 1797 по 1809 г. она составляла границу между Австрией и Италией; но с 1815 г. Австрия получила во владение оба берега этой реки. Приблизительно в 25 милях расстояния позади Мантуи на Адидже лежит небольшая крепость Леньяго; но позади Пескьеры ближайший город, Верона, не был укреплен. Однако, австрийцы не замедлили обнаружить, что для того, чтобы сделать эту позицию действительно тем, чем она должна быть, Верону надлежало укрепить. Так и было сделано. Однако, со свойственной австрийцам допотопной мешкотностью выполнение этой задачи находилось в таком пренебрежении, что в 1848 г., когда вспыхнула революция, часть укреплений на левом, или восточном, берегу реки, могущая быть обращенной против Австрии, была усилена сравнительно сносно, тогда как сторона, обращенная к неприятелю, была оставлена почти беззащитной.

Радецкий и его начальники штаба Гесс и Шонгальс, после того как революция прогнала их из Милана, немедленно принялись исправлять это упущение. Высоты, окружающие Верону на западе, были увенчаны укреплениями, которые дали валам города прикрытие от господствующего неприятельского огня. Для Австрии было счастьем, что они сделали это. Линию Минчио пришлось покинуть. Пескьеры была осаждена пьемонтцами; последние приблизились почти к самым валам редутов Вероны. Однако, здесь они были остановлены. Сражение при Санта-Лючия (6 мая 1848 г.) показало им, что каждое дальнейшее покушение на оборонительные сооружения Вероны было совершенно бесполезно.

Тем не менее, вся Верхняя Италия находилась в руках революционной армии. У Радецкого не оставалось ничего, кроме его четырех крепостей, из которых Вероной он пользовался в качестве укрепленного лагеря для своей армии. Пространство перед его фронтом и флангами, а также почти весь тыл находились во власти неприятеля, ибо даже сообщение с Тиролем находилось под угрозой и по временам прерывалось. Однако, одной дивизии под командой генерала Нугента удалось пробить себе дорогу по восставшей венецианской территории и присоединиться к Радецкому в конце мая. Тогда-то Радецкий показал, что можно сделать, располагая этой блестящей позицией, которую он только что создал для себя. Будучи не в состоянии существовать дольше в истощенных окрестностях Вероны, будучи слишком слаб для того, чтобы принять решительное сражение в поле, он смелым и искусным фланговым маршем передвинул свою армию через Леньяго к Мантуе; затем, раньше чем неприятель составил себе определенное представление о том, что происходило, Радецкий двинулся от Мантуи вперед с целью атаковать его на западном берегу Минчио; он оттеснил его линию блокады и принудил главную армию пьемонтцев отступить от Вероны. Тем не менее он не мог предупредить падения Пескьеры, и, добившись всех возможных результатов от своего похода к Мантуе, он снова собрал свои войска, направился через Леньяго к Виченце и отнял ее у итальянцев; этим он подчинил себе всю венецианскую территорию, восстановил свои сообщения и обеспечил за собою ресурсы большой и богатой области в тылу; после этого он снова отступил к своей твердыне, Вероне, из которой пьемонтцам было настолько трудно найти способ его выгнать, что они потеряли целый месяц в полном бездействии. Однако, тем временем прибыли три сильные австрийские бригады, и тогда положение в корне изменилось. В течение трех дней Радецкий очистил от пьемонтцев высоты между Адидже и Минчио, в то же самое время

обойдя их правый фланг у Мантуи, и дал им такой урок, что после этого они не выказывали никакого желания драться, пока не оказались на другом берегу Тичино.

Эта кампания Радецкого показывает, что может сделать генерал, имея более слабую армию, если он находит поддержку в хорошо защищенной системе речных линий. Безразлично, где бы ни стояли пьемонтцы или куда бы они ни обращались фронтом, они не могли атаковать австрийцев, и действия наугад, к которым сводились их военные операции в течение последних пяти недель перед их окончательным поражением, ясно показывают, в каком беспомощном оказались они положении. В чем же заключалась сила позиции Радецкого? Она заключалась попросту в том, что крепости не только прикрывали его от атаки, но что они заставляли неприятеля разделять свои силы, между тем как Радецкий под их защитой мог действовать всей совокупностью своих сил, в любом данном пункте, против той части неприятельской армии, которая могла бы оказаться перед ним. Пескьера нейтрализовала значительное количество войск; пока Радецкий находился в Вероне, Мантуя нейтрализовала другую часть войск неприятеля, и едва лишь он отправлялся к Мантуе, как Верона принуждала пьемонтцев оставлять около нее наблюдательный корпус. Более того: итальянцам приходилось действовать разрозненными корпусами по обеим сторонам рек, и ни один из этих корпусов не мог оказать быстрой поддержки другому, между тем как Радецкий, благодаря своим крепостям и предместиям укреплениям, мог по своему желанию передвигать всю свою армию с одного берега реки на другой. Виченца и Венецианская область никогда бы не пали, если бы пьемонтцы были в состоянии оказать им поддержку. При таком положении дела Радецкий овладел ими обеими, между тем как гарнизоны Вероны и Мантуи держали пьемонтцев под ударом.

Когда в Алжире французам приходится идти колонной через неприятельскую область, они образуют четыре пехотных каре и расставляют их по четырем углам ромбоида; кавалерию и артиллерию они помещают в центре. Если происходит нападение арабов, то стойкий огонь пехоты отгоняет нападающих, и как только последние приходят в расстройство, кавалерия бросается в их гущу, а артиллерия снимается с передков, чтобы послать им вдогонку свои снаряды. Если же кавалерия бывает отражена, то она находит надежную защиту позади пехотных каре. То, чем является крепкая пехота против таких иррегулярных орд, тем же является система крепостей для более слабой армии в открытом поле, в особенности если эти крепости расположены среди сети рек,

Верона, Мантуя, Пескьера, Леньяго образуют четыре угла каре, и пока по крайней мере три из них не будут взяты неприятелем, невозможно заставить более слабую армию сдать свою позицию. Но как же эти крепости могут быть взяты? Пескьера действительно всегда может легко пасть, если австрийцы не смогут удержаться в поле; но в отношении Мантуи в 1848 г. не было сделано даже попытки блокировать ее со всех сторон, а тем более осадить. Чтобы блокировать Мантую, требуются три армии: одна на западном берегу Минчио, другая на его восточном берегу, собственно для осады, и третья — для прикрытия осады со стороны австрийцев в Вероне. При искусном маневрировании посреди рек и крепостей *каждая* из этих трех армий может быть, *ad libitum* (по желанию), атакована *всеми* австрийскими силами. Как же вести осаду при таких обстоятельствах? Если Мантуя, предоставленная самой себе, потребовала девятимесячных усилий генерала Бонапарта для взятия ее голодом, то насколько сильнее станет она при поддержке армии, опирающейся на Верону, Леньяго и Пескьеру, — армии, способной маневрировать соединенными силами на обоих берегах Минчио или Адидже и для которой никогда не может быть отрезано отступление, так как она имеет две линии сообщения — одну через Тироль и другую через Венецианскую область? Мы без колебаний решаемся сказать, что эта позиция является одной из сильнейших в Европе, и так как австрийцы не только вполне ее подготовили, но и вполне поняли ее значение, то мы уверены, что 150 000 австрийцев, расположенных на ней, не должны бояться вдвое сильного противника.

Однако, предположим, что они выбиты из этой позиции. Предположим, что они потеряли Мантую, Пескьеру и Леньяго. Пока они держат в своих руках Верону и не прогнаны окончательно с открытого поля, они могут сделать чрезвычайно рискованным для всякой французской армии поход на Триест и на Вену. Удерживая Верону в качестве аванпоста, они могут отойти в Тироль, пополнить свой состав и снова принудить неприятеля разделить свои силы. Одна часть неприятеля должна будет осаждать Верону, другая защищать долину Адидже; останется ли у неприятеля достаточно сил для того, чтобы идти на Вену? Если да, то тирольская армия может обрушиться на него через ту долину Бренты, стратегическое значение которой генерал Бонапарт научил австрийцев понимать в 1796 г. посредством столь жестокого урока. Однако, подобный эксперимент оказался бы решительно ошибкой, если бы у австрийцев не было другой армии для защиты прямой дороги в Германию. Ибо если бы главные силы австрийцев

были брошены в Тирольские Альпы, то неприятель все же мог бы пройти мимо и добраться до Вены раньше, чем австрийцам удалось бы выйти из холмистой местности. Однако, при предположении, что Вена будет укреплена (что, как я полагаю, делается теперь), это соображение отпадает. Армия прибыла бы еще достаточно заблаговременно, чтобы освободить Вену от осады, и могла бы свести защиту каринтийской границы к тому, чтобы постоянно держаться в Альпах, нависая над левым флангом вторгнувшейся армии, угрожая обрушиться на нее либо у Бассано, либо у Корнельяно, и прервать ее сообщение, как только она прошла бы мимо.

Эта косвенная оборона южно-германской границы является, кстати сказать, лучшим ответом на попытки со стороны австрийцев оправдать свою оккупацию Италии тем соображением, что линия Минчио представляет естественную границу Германии на юге. Если бы это было так, то Рейн должен был бы стать естественной границей Франции. Всякий аргумент, имеющий силу в одном случае, может быть полностью применен в другом. Однако, к счастью, ни Франция не нуждается в Рейне, ни Германия — в По или Минчио. Кто обходит, тот сам бывает обойден. Если Венецианская область обходит Тироль, то Тироль обходит всю Италию. Бормийский проход ведет прямо на Милан и может послужить средством для того, чтобы приготовить новое Маренго неприятелю, нападающему на Триест и Градиску, точно так же как Большой Сен-Бернар сыграл эту роль для Меласа, атаковавшего линию Вара. В конце концов, на войне тот имеет всего больше шансов на победу, кто всего дольше и в большей мере удерживает за собой поле. Пусть Германия крепко держит в своих руках Тироль; тогда она вполне может предоставить итальянцам на равнине действовать по их усмотрению. Пока ее армии остаются боеспособны, имеет мало значения, принадлежит ли ей политически Венецианская область или нет. Говоря военным языком, альпийская граница Германии *командует* над Венецианской областью, и этого для Германии достаточно.

Это, конечно, является исключительно вопросом отношений между Италией и Германией. Коль скоро вмешивается Франция, положение меняется; и если Франция бросит всю свою тяжесть на весы, то будет естественно, что каждый из двух противников должен будет, насколько возможно, обеспечить свои позиции. Германия может согласиться покинуть линию Минчио и даже линию Адидже; но она может покинуть их, отдав их только Италии, а не какой-либо другой нации.

До сих пор мы рассматривали шансы оборонительной войны только со стороны австрийцев. Однако, если дело дойдет до войны, то их позиция такова, что она повелительно навязывает им наступательный план кампании. На эту тему мы поговорим в другой раз.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке
в середине февраля 1859 г.

Впервые напечатано в «New-York Daily Tribune», 4 марта 1859 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения,
т. XI, ч. II.

ШАНСЫ УСПЕХА В ПРЕДСТОЯЩЕЙ ВОЙНЕ

Последняя слабая надежда на сохранение мира в Европе начинает покидать самых ревностных его сторонников, и вместо обсуждения возможности мирного решения они обсуждают теперь шансы успеха будущих воюющих сторон. А потому и нам позволительно продолжать наше изучение, с военной точки зрения, долины реки По и возможностей, которые она предоставляет для маневрирования французско-сардинской и австрийской армий, противостоящих друг другу ¹²².

Мы уже описали сильную позицию австрийцев на Минчио и Адидже. Теперь обратимся к другой стороне. В своем общем течении с запада на восток река По делает значительный изгиб, протекая расстояние приблизительно в 16 миль с северо-запада на юго-восток, после чего снова принимает восточное направление. Этот изгиб находится на сардинской территории, в расстоянии около 25 миль от австрийской границы. В северном углу этого изгиба в По вливается Сезиа, текущая в южном направлении из Альп, а в южном углу — Бормида, текущая в северном направлении из Апеннин. Многочисленные реки меньшего размера вливаются в обе эти реки неподалеку от их соединения с главной рекой, так что на карте страна к западу от них дает картину обширной системы речных потоков, которые все с амфитеатра гор, окружающих Пьемонт с трех сторон, направляются к одному общему центру, подобно радиусам, проведенным от периферии окружности к ее центральному пункту. В этом и состоит сила оборонительной позиции Пьемонта, что было отлично понято уже Наполеоном; однако, оставленная в пренебрежении как им, так и сардинским правительством, которое наследовало французскому господству, она никогда не была организована для обороны вплоть до годов, последовавших за поражениями 1849 г. Но даже и тогда оборонительные сооружения возводились так медленно и скупно, что и в настоящий момент они еще не закончены, и укрепления, которые должны были бы иметь выложенные камнем эскарпы и контрэскарпы,

в настоящее время строятся как простые полевые укрепления, которые должны быть готовы для обороны весной.

Приблизительно в 4 милях выше впадения Сезии в По, на этой последней реке, расположен Казале, который укреплялся и продолжает еще укрепляться так, чтобы он мог образовать опору для северного, или левого, крыла позиции. В точке соединения Танаро и Бормиды, в 8 милях выше впадения этой последней реки в По, лежит Алессандрия, самая мощная крепость Пьемонта, которая ныне превращается в центральный пункт большого укрепленного лагеря, прикрывающего южный, или правый, фланг всей позиции. Расстояние между двумя городами равно 16 милям, и река По протекает параллельно дороге, соединяющей их, в расстоянии от 5 до 6 миль впереди нее. Левое крыло армии, расположенное на этой позиции, прикрывается, во-первых, Сезией и, во-вторых, Казале и рекой По, а правое — Алессандрией и реками Орби, Бормидой, Бельбо и Танаро, которые все соединяются у самой Алессандрии. Фронт позиции прикрыт изгибом реки По.

Если Сардиния сосредоточит свою армию, численностью от 80 до 90 000 человек, на этой позиции, то в ее распоряжении для активных операций окажется около 50 000 человек, которые смогут обрушиться на фланги любой армии, пытающейся обойти эту позицию у Нови и Акви на юге или у Верчелли на севере. Таким образом, можно считать, что Турин хорошо прикрывается этой позицией, тем более, что эта столица обладает цитаделью, для взятия которой требуется предварительная правильная осада, и ни одна армия, обходящая эту позицию, не сможет вести такую осаду, предварительно не вытеснив пьемонтскую армию из ее укрепленного лагеря. Однако, позиция Казале — Алессандрия имеет один слабый пункт: она неглубока, и ее тыл абсолютно не имеет прикрытия. Австрийцы, между Минчио и Адидже, имеют четырехугольник, прикрытый четырьмя крепостями — по одной на каждом углу; пьемонтцы же на По и Бормиде имеют линию с двумя крепостями, по одной на каждом фланге, и с хорошо защищенным фронтом, но их тыл оказывается здесь совершенно открытым. Обходить Алессандрию с юга было бы рискованно и сравнительно бесполезно; но Казале может быть обойден с севера, если не у Верчелли, то, по крайней мере, у Сесто-Календе, Новары, Биеллы, Сантиа и Крешентино; и если численно превосходная армия перейдет По выше Казале и атакует тыл пьемонтцев, то они сразу будут принуждены отказаться от преимуществ сильно укрепленной позиции и принять сражение в открытом поле. Такое положение представило бы параллель к Маренго, только на противоположном берегу Бормиды.

Итак, дав описание двух операционных баз в бассейне реки По, — австрийской базы в первой статье и франко-пьемонтской в сделанных выше замечаниях, мы перейдем теперь к рассмотрению того, для чего эти базы могут быть использованы. Взгляд на карту показывает, что вся северо-восточная часть альпийского хребта, принадлежащая Швейцарии, от Женевы до линии в пределах одной мили от Стельвийского [Штильфского] прохода в начале войны будет нейтральной территорией до тех пор, пока одна из воюющих сторон не найдет для себя удобным нарушить этот нейтралитет. Так как в настоящее время швейцарцы обладают довольно сильной армией для оборонительных целей, то едва ли есть вероятность, что это нарушение могло бы произойти в самом начале войны. Поэтому для настоящего времени мы будем рассматривать Швейцарию как действительно нейтральную и недоступную для обеих сторон страну. В таком случае у французов имеются только четыре пути, чтобы достигнуть Пьемонта. Лионская армия должна будет пройти через Савойю и Мон-Сени. Менее крупный корпус может пройти через Бриансон и Мон-Женевр; оба выйдут из гор и соединятся в Турине. Армия, сконцентрированная в Провансе, сможет частью идти из Тулона через Ниццу и Коль-ди-Тенду, частью же она может быть посажена в Тулоне на суда и в гораздо более короткое время быть доставлена в Геную. Обе части этой армии местом их сосредоточения имеют Алессандрию. Дорог здесь имеется несколько больше, но они либо непригодны для прохода крупных войсковых частей, либо сравнительно с вышеупомянутыми имеют второстепенное значение, причем ведут к тем же самым пунктам концентрации.

Диспозиция для французской армии в Италии, как мы ее можем теперь называть, была составлена уже раньше в соответствии с вышеописанным положением вещей. Двама главными пунктами сосредоточения войск являются Лион и Тулон; меньший отряд сосредоточен в долине реки Роны, между обоими этими пунктами, и готов выступить через Бриансон. С целью быстро сосредоточить сильную французскую армию в долине реки По, позади Алессандрии и Казале, является действительно необходимым использовать все названные выше дороги, причем самые сильные части пойдут через Лион и Мон-Сени, самые слабые — через Бриансон и Мон-Женевр, и, возможно, бо́льшая часть армии из Прованса должна быть перевезена в Геную морем; ибо, в то время как корпусам, идущим от Вара через Коль-ди-Тенду, понадобится свыше 10 дней на переход до Алессандрии, они могут сделать путь от Тулона до Генуи морем в 24 часа и оттуда достигнуть Алессандрии в три форсированных или четыре обычных перехода.

Теперь, предполагая, как мы должны это сделать, что Австрия объявит войну, как только хотя бы один французский батальон войдет в Пьемонт, — какого образа действий может держаться ее итальянская армия? Она может оставаться в Ломбардии и ожидать, еще не пуская в ход оружия, концентрации 200 000 французов и 50 000 пьемонтцев и затем отступить перед ними к своей операционной базе на Минчио, покинув Ломбардию. Такой образ действия привел бы австрийскую армию в уныние и воодушевил бы ее противников успехом, купленным неожиданно дешевой ценой. Или же австрийская армия может ожидать нападений французов и пьемонтцев на открытых равнинах Ломбардии. В этом случае она была бы разбита превосходным числом, имея только 120 000 человек против двойного количества неприятеля и, кроме того, будучи стесненной итальянским восстанием, которое началось бы по всей стране. Австрийская армия, правда, смогла бы добраться до своих крепостей, но эта великолепная операционная база была бы сведена к простой оборонительной, поскольку наступательная сила полевой армии была бы к этому времени уже растрочена. Великая цель, ради которой была создана эта система крепостей, а именно — служить базой для более слабой армии в ее успешном и прикрытом нападении на более сильную армию, была бы совершенно разрушена, пока из внутренних частей Австрии ей на помощь не прибыли бы подкрепления; а в течение этого времени Пескьера могла бы пасть, Леньяго мог бы пасть, и сообщения через венецианскую территорию были бы наверно утрачены. Оба рассмотренных выше способа действия были бы невыгодными и недопустимыми, действительно, только в силу крайней необходимости. Однако, у австрийской армии остается еще один способ действий.

Австрийцы могут выставить в поле, по крайней мере, 120 000 человек. Если они хорошо выберут момент, то против них окажется только 90 000 пьемонтцев, из которых лишь 50 000 смогут участвовать в полевых операциях. Французы прибывают по четырем дорогам, которые все направляются к Алессандрини. Углы, заключенные между этими четырьмя дорогами, т. е. между линией, проведенной от Мон-Сени к Алессандрини, и линией от Генуи к Алессандрини, имеют в сумме около 140 градусов; таким образом, о взаимном сотрудничестве различных французских корпусов, пока они еще не сконцентрированы, не может быть и речи. Итак, если австрийцы сумеют хорошо выбрать момент, — а мы видели в 1848 и 1849 гг., что они умеют это делать, — и направятся против пьемонтской операционной базы, либо атакуя ее с фронта, либо обходя ее с севера, то мы отваживаемся

утверждать, даже отдавая должное храбрости пьемонтской армии, что сардинцы будут иметь мало шансов устоять против превосходного числа австрийцев; а коль скоро пьемонтцы будут прогнаны с открытого поля и ограничатся пассивной обороной своих крепостей, австрийцы смогут превосходными силами атаковать поодиночке каждый французский корпус при его выходе из Альп или Апеннин; и даже если они будут принуждены к отступлению, то это отступление будет обеспечено, пока нейтралитет Швейцарии прикрывает их северный фланг, и их армия по прибытии к Мантуе будет все еще пригодна для активной наступательной защиты своей операционной базы.

Другая возможность австрийцев заключается в том, чтобы занять позицию в окрестностях Тортоны и ожидать прибытия французской колонны из Генуи на ее пути к Алессандрии, когда она должна будет подставить австрийцам свой фланг. Однако, это было бы довольно жалким способом наступления, потому что французы могли бы оставаться в Генуе до тех пор, пока другие колонны концентрировались бы в Алессандрии, а в этом последнем случае австрийцы не только совершенно лишились бы каких-либо преимуществ, но и могли бы быть отрезаны от Минчио и Адидже.

Предположим, что австрийцы были бы разбиты и должны были бы отступать к своей операционной базе; но и французы, как только они двинулись бы дальше Милана, могли бы быть обойдены. Дорога от Стельвио ведет из Тироля прямо на Милан по долине Адды; дорога Тонале идет по долине Ольо, а дорога Джудикарии по долине Кнезе. Обе последние дороги ведут в самое сердце Ломбардии и в тыл всякой армии, атакующей Минчио с запада. Через Тироль Австрия обходит всю Ломбардо-Венецианскую область, и если будут сделаны необходимые приготовления, она в любой день сможет устроить своему противнику Маренго на равнинах Ломбардии. Пока Швейцария останется нейтральной, подобная стратегия не может быть пущена в ход против Австрии, когда она будет атаковывать пьемонтцев.

Итак, при настоящем положении дел в Италии наилучшим способом действий для Австрии является наступление. Итти прямо в середину неприятельской армии, занятой процессом концентрации, является самым блестящим из тех великих маневров современного ведения войны, на который Наполеон был таким мастером. И ни против кого этот маневр он не выполнял с таким успехом, как против австрийцев; свидетелями этого являются Монтенотте, Миллезимо, Мондови и Дего, об этом же свидетельствуют Абенсберг и Экмюль¹²³. Что австрийцы научились у Наполеона этому маневру, это они блестяще

доказали при Сомма-Кампаны и Кустоцце, а прежде всего при Новаре. Поэтому такой же маневр, повидимому, больше всего соответствовал бы ныне ведению войны со стороны Австрии; и хотя это потребует большой бдительности и точного выполнения операции во времени, все же австрийцы выпустят из рук огромный шанс на успех, если они ограничатся простой обороной своей территории.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке
в конце февраля 1859 г.

Впервые напечатано в «New-York Daily Tribune», 17 марта 1859 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения,
т. XI, ч. II.

БОЙ ПРИ МОНТЕБЕЛЛО

Почта с «Африканца» мало добавляет к нашим предварительным сведениям об этой знаменитой битве, о которой бонапартистская пресса по обе стороны Атлантического океана дала такие большие отчеты.

Из донесений Дьюлая мы пока что имеем лишь краткую телеграфную выборку; что же касается многочисленных французских и сардинских сообщений, то они являются не чем иным, как туринской и парижской болтовней, и до такой степени не претендуют на точность, что даже не указывают правильно числа полков, принимавших участие в этой битве. Правда, этот недостаток отчасти восполняется донесением генерала Форэ, которое мы получили с прибытием парохода «Город Вашингтон» в понедельник вечером; но Форэ не берется определить ни численности, ни потерь австрийцев. От Барагэ д'Илье, к сожалению, мы ничего не имеем, и так как части его корпуса участвовали в этом бою в качестве подкреплений к дивизии Форэ, то его донесение, несомненно, пролило бы свет на некоторые, вызывающие сомнения, моменты. Однако, в ожидании более полных и достоверных сведений мы выскажем некоторые свои соображения, основанные на тщательном сравнении всех имеющихся у нас документов, которые все же представляют известную ценность. Австрийцы, будучи осведомлены, что предполагается движение французов к линии реки По, между Павией и Пьяченцей, навели мост через эту реку в Вакарицце, недалеко от Павии. Корпус генерала Стадиона был послан для выяснения позиции и намерений противника. Генерал Стадион занял страделльскую позицию, дефиле вблизи реки, где один из отрогов Апеннин, через который не существует проезжих дорог, подходит к реке По, и послал три бригады (15 батальонов, примерно с 18 орудиями и, быть может, с некоторым количеством конницы) по направлению к Вогере. Австрийцы, несомненно, оставив сильные отряды на пути своего следования в целях обеспечения своего отступления, встретили передовые части противника у Кастеджио и

вытеснили их из города и из деревни Монтебелло. Затем они двинулись к следующей деревне Джинестрелло; но там они натолкнулись на одну из бригад дивизии генерала Форэ (бригада Берэ, 17-й егерский батальон, 74-й и 84-й линейные полки), и линия боя остановилась. В этот период со стороны австрийцев, очевидно, участвовало немного войск, — может быть, около бригады. Французы спешно получили подкрепления в виде четырех батальонов из другой бригады генерала Форэ (Бланшара — 98-й полк и один батальон 91-го линейного полка). Это дало им численное превосходство. Бригада Берэ была построена для атаки; она захватила Джинестрелло, а затем, после упорного боя, и Монтебелло; но в Кастеджио, позади маленькой речки, на которой расположен этот город, австрийцы остановились. Повидимому, в этот момент они получили свежие подкрепления, потому что они отбросили французов в беспорядке к Монтебелло и собирались снова вступить в эту деревню, когда столкнулись с частью дивизии генерала Винуа, состоящей из 6-го егерского батальона и 52-го линейного полка. Это обстоятельство опять склонило чашку весов в пользу французов, и австрийцы отступили в полном порядке к Кастеджио, где они оставили арьергард, пока их колонны не приняли вполне походного порядка. Выполнив, таким образом, свою задачу и выяснив, где находится корпус Барагэ д'Илье (корпус этот составлял крайний правый фланг французов), они, не тревожимые врагом, отступили через По, уверенные в том, что союзники не имеют пока что намерения двигаться на Пьяченцу.

У австрийцев на поле сражения не могло быть больше двух бригад, ибо три батальона, по крайней мере, нужно было оставить на пути, а еще два потребовались для боя с двумя батальонами 91-го французского полка у Ориолы, вследствие чего только один батальон этого полка сражался при Монтебелло. Из этих двух бригад, или 10 батальонов, только часть могла участвовать в бою, ибо австрийский генерал, который использовал бы для разведки последние имеющиеся у него в резерве войска, конечно, заслуживал бы очень сурового порицания.

Со стороны французов было три полка (74-й, 84-й и 98-й) и один линейный батальон (91-го полка), а кроме того, один егерский батальон, — в общем 11 батальонов, поддержанных к концу боя двумя батальонами 52-го полка и 6-м егерским батальоном. Таким образом, в общем мы имеем 15 французских батальонов против, примерно, 10 австрийских; и хотя австрийский батальон, несомненно, крупнее французского, все же численное превосходство было на стороне французов, когда наступил переломный момент боя. Кроме того, не надо еще за-

бывать, что австрийцы сражались не столько ради победы, сколько для того, чтобы заставить противника обнаружить свою численность в данном месте; и эту задачу австрийцы выполнили целиком. Поэтому нелепо рассматривать это незначительное боевое столкновение как значительную победу. При тех гигантских армиях, которые стоят друг против друга на равнинах Италии, такая операция, как бой при Монтебелло, имеет не большее значение, чем простое столкновение аванпостов в войнах более мелкого масштаба.

И если это является победой, то где же ее плоды? Французы говорят, что они захватили 140 раненых и 60 не раненых пленных; это — не более того, что они могли бы рассчитывать захватить в результате двухчасового боя за деревню. Кроме того, они захватили один зарядный ящик и потеряли один. Не было никакого преследования. Не было попытки пожать плоды победы, несмотря на то, что у французов было вполне достаточно пьемонтской конницы. Очевидно, дав противнику последний отпор, австрийцы отошли затем в полном порядке и не беспокоимые врагом.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке
в мае 1859 г.

Напечатано в «New-York Daily Tribune»,
10 июня 1859 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения,
т. XI, ч. II.

СТРАТЕГИЯ ВОЙНЫ

Мы можем лишь немного прибавить к нашим последним замечаниям о военных действиях у Монтебелло. Из официального австрийского сообщения, которое, наконец, появилось и украсило вчера столбцы нашей газеты, становится ясным, что из трех бригад, с которыми генерал Стадион двигался на Монтебелло, некоторые части были оставлены позади, для охраны флангов линии движения. Прочие части прибыли к Кастеджио, который был занят бригадой принца Гессенского; эта бригада держала город в своих руках, между тем как две другие (неполные) бригады продвинулись вперед и заняли Монтебелло и Джинестрелло. Они выдержали всю тяжесть боя против целой дивизии Форэ и двух кавалерийских полков генерала де-Сонназа (королевский пьемонтский и монферратский полки), а когда они были, наконец, оттеснены к Кастеджио, то бригада принца Гессенского, повидимому, оказала им такую сильную поддержку, что противник не отважился атаковать, и австрийцы могли отойти в полном порядке, не тревожимые врагом. Однако, судя по полученным австрийским сообщениям, представляется весьма вероятным, что, по крайней мере, целый корпус маршала Барагэ д'Илье прибыл к месту сражения к концу боя. Этот корпус состоит из трех пехотных дивизий и одной кавалерийской, что равняется в общем 12 пехотным полкам, 3 батальонам егерей, 4 кавалерийским полкам, или 20 эскадронам, и соответствующему количеству артиллерии. Это согласуется с тем, что сообщают австрийцы о показаниях французских пленных, и с двумя сообщениями из Турина, а именно, что здесь было 12 французских пехотных полков; согласно первому из них, Форэ поддерживала дивизия Винуа, а согласно второму — дивизия Базена. Эти три дивизии вместе образуют всю пехоту Барагэ. Говорят также, что здесь была французская кавалерия и пьемонтская пехота; но это кажется менее достоверным. Результат дела представляется в таком виде: австрийцы, которые не могли иметь иной цели, кроме разведки (ибо иначе было безумием начинать атаку с тремя слабыми бригадами), полностью до-

стигли своей цели, принудив Барагэ обнаружить все свои силы. Во время сражений они бились так же хорошо, как и их противник; когда они были вытеснены из Монтебелло, им пришлось отступать перед превосходным числом, и преследование остановилось перед Кастеджио, где австрийцы даже повернули назад и отогнали преследовавшего их врага столь энергично, что тот не пытался более их тревожить, хотя в это время у французов было в поле вчетверо больше людей, нежели у австрийцев. Таким образом, если французы победу приписывают себе на том основании, что они в конечном счете удержали за собой Монтебелло, а австрийцы после боя отступили, то австрийцы могут ее приписывать себе на том основании, что они отогнали французов от Кастеджио и имели успех в конце боя, в особенности же потому, что они полностью выполнили задачу, которую имели в виду, ибо сражение было завязано с целью в конце концов наткнуться на превосходные силы, причем, конечно, имелось в виду отступить перед ними.

После Монтебелло бои происходили также в центре и на правом крыле австрийцев. Согласно известиям, полученным с «Фультоном» и опубликованным вчера, сардинцы 30 мая перешли Сезию у Верчелли, причем атаковали и захватили австрийские окопы у Палестро, Кассалино и Винуаджо. Командовал сам Виктор-Эммануил, и дело было закончено штыковой атакой. Согласно сообщению сардинцев, потери австрийцев были очень тяжелы. Из почты, доставленной «Европой» в Галифакс, мы теперь узнаем, что австрийцы дважды пытались взять обратно Палестро и один раз едва не достигли успеха, когда отряд зуавов подоспел на выручку и отбросил их. Здесь сардинцы, по их словам, взяли 1000 пленных; однако, невозможно составить себе суждение об этом деле в силу отсутствия каких-либо точных подробностей. Мы не ожидали такой упорной борьбы на аванпостах у Сезии от австрийцев, которые, как говорят, находятся в полном отступлении на ту сторону Тичино. Однако, на своем крайнем правом фланге они не проявили такой же отваги и стойкости. 25 мая Гарибальди, обойдя с своими альпийскими стрелками и некоторыми другими войсками, общим числом около 5000 человек, крайний правый фланг австрийцев, переправился через Тичино и направился к Варезе, между озерами Маджоре и Комо, и овладел этим городом. 26 мая он разбил атаковавший его австрийский отряд и с большой энергией использовал свою победу; 27-го снова разбил тот же самый отряд (подкрепленный гарнизоном Комо) и вступил в ту же ночь в этот город. Летучий корпус генерала Урбана направился против него и прогнал его в горы; однако, полученные нами этой ночью

с «Европой» самые последние сообщения рассказывают, что он вернулся, захватил австрийцев врасплох и взял обратно Варезе. Его успех вызвал восстание в городах на озере Комо и в Вальтеллине, или верхней долине Адды, в гористом районе, который в 1848 г. проявил в восстании больше энергии, нежели города ломбардской равнины. Пароходы на озере Комо находятся в руках инсургентов, и 800 человек из Вальтеллины присоединились к Гарибальди. Как говорят, несмотря на временные неудачи, восстание в этой части Ломбардии распространяется.

Это движение Гарибальди означает крупный успех союзников, австрийцы же сделали большую ошибку. Для последних не было особой беды в том, что они позволили Гарибальди захватить Варезе; однако, Комо следовало удерживать за собой сильной колонной, с которой он не посмел бы вступить в бой. Другой отряд, отправленный к Сесто-Календе, отрезал бы Гарибальди отступление, и когда он был бы, таким образом, заперт на очень тесном пространстве между озерами, энергичное наступление должно было бы принудить его либо сложить оружие, либо перейти на нейтральную швейцарскую территорию, где он был бы обезоружен. Однако, австрийцы недооценили этого человека, которого они называют атаманом разбойников; а между тем, если бы они потрудились изучить историю осады Рима и его похода из Рима в Сан-Марино¹²⁴, то они признали бы в нем человека необычайного военного таланта, выдающегося бесстрашия и весьма находчивого; вместо этого они отнеслись к его набегу так же легкомысленно, как к вторжению ломбардских добровольцев Аллеманди в 1848 г. Они совершенно просмотрели тот факт, что Гарибальди — человек строгой дисциплины и что большинство его людей находится под его командованием уже четыре месяца, — время совершенно достаточное для того, чтобы приучить их к маневрированию и к движениям партизанской войны. Возможно, что Гарибальди был отправлен в Ломбардию Луи-Наполеоном и Виктором-Эммануилом с расчетом, что он и его добровольцы там погибнут, ибо это — элемент, пожалуй, слишком революционный для этой династической войны. Такая гипотеза поразительно подтверждается тем фактом, что его поход происходил без необходимой поддержки; однако, не следует забывать, что в 1849 г. он избрал ту же самую дорогу и сумел ускользнуть. Во всяком случае он овладел мостом у Лекко и пароходами на озере, что обеспечило ему свободу движения в восточном направлении от озера Комо. Здесь находится обширная гористая полоса, простирающаяся на север до проходов Шплюген и Стельвио, на восток до озера Гарда, на юг до Бергамо и Брешии, — область, как бы нарочно при-

способленная для партизанской войны, где будет очень трудно его поймать, как в этом только что убедился генерал Урбан. Если отряда от 6000 до 8000 человек было бы достаточно для того, чтобы уничтожить его в округе Варезе, то теперь для этого может потребоваться более 16 000, так что одна бригада Гарибальди отныне будет всецело занимать три австрийских бригады. Однако, при наличии военных сил, накапливающихся в Тироле (полный армейский корпус проследовал из Богемии в Тироль по железным дорогам через Саксонию и Баварию), а также при наличии войск, удерживающих Ломбардию, мы не видим, каким образом он сможет удержаться, несмотря на свои последние успехи в Варезе, если только союзники в ближайшем будущем не одержат решительную победу над австрийцами. А это будет трудным делом. Еще один австрийский армейский корпус, 9-й, присоединился к действующей армии, доведя ее состав до шести корпусов, или, по крайней мере, до 200 000 человек; кроме того, другие корпуса находятся в пути. Однако, поскольку Луи-Наполеон не может позволить себе долго оставаться в бездействии, вскоре надо ожидать сражения; и сообщение, что он со своей главной квартирой и с гвардией перешел в Вогеру, на крайний правый фланг союзнической позиции, должно указывать, что сражение может разыгаться в окрестностях Страделлы. Если это так, то мы, весьма вероятно, увидим защиту австрийцами дефиле Страделлы с фронта и их попытку оперировать на фланге и в тылу французов, перейдя мост у Вакарлицы.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке в конце мая 1859 г.

Впервые напечатано в «New-York Daily Tribune», 15 июня 1859 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XI, ч. II.

ГЛАВА ИЗ ИСТОРИИ

Как нам кажется, мы опубликовали все важные отчеты о сражении при Мадженте, которые были сообщены всему миру вовлеченными в борьбу правительствами и важнейшими европейскими газетами. Это сражение произошло около месяца тому назад; и, даже по мнению наших строгих друзей из «Evening Post», теперь можно обсуждать это сражение в газете, без риска нарушить приличие, серьезность или порядочность; поэтому с полным сознанием ответственности мы приступаем к изложению истины в форме исторического и, если можно так выразиться, стратегического анализа этого сражения.

Утром 4 июня австрийцы закончили свое отступление через Тичино и продвигались вверх к Мадженте и Аббиате-Грассо, с целью взять во фланг французскую армию, продвигавшуюся по направлению к Милану; в то же время генерал Клам-Галлас, только что прибывший с одной дивизией 1-го корпуса из Милана, должен был загородить им дорогу с фронта своей дивизией и 2-м корпусом (Лихтенштейна), который присоединился к нему у Мадженты. В качестве резерва у него была дивизия Рейшаха из 7-го корпуса (Цобеля) в Корбетто, милях в двух позади Мадженты. Так как линия самого Тичино была оставлена как неподходящая для защиты, то эти семь или восемь австрийских бригад должны были удерживать линию Навильо-Гранде, большого канала, протекающего почти параллельно Тичино и переходимого только по мосту. Два моста, которые надо было защищать, — буффалорский и маджентский — находились на двух дорогах, которые обе вели от Мадженты к мостам Сан-Мартино через Тичино. Дивизия 1-го корпуса (под командой генерала Гордона) двигалась по дороге к Турбиго; две бригады 2-го корпуса были на мостах; 3-я бригада — в Мадженте, а дивизия Рейшаха, как мы сказали, у Корбетто.

Французы двигались вперед двумя колоннами. Первая, под номинальным командованием Луи-Наполеона, состояла из ди-

визии гвардейских гренадеров, из корпусов Канробера, Ниэля и Барагэ д'Илье, всего 9 дивизий, или 18 бригад (117 батальонов). Она двигалась по прямой дороге из Новары в Милан, через мост Сан-Мартино, и должна была взять буффалорский и маджентский мосты. Вторая колонна, под командой Мак-Магона, состояла из дивизии гвардейских стрелков, из корпуса Мак-Магона и из всей пьемонтской армии — всего 8 дивизий, или 16 бригад, заключавших 109 батальонов, ибо пьемонтские дивизии имеют одним батальоном больше, чем французские. Голова второй колонны прошла Тичино и Навильо, не встретив серьезного сопротивления у Турбиги, и должна была теперь поддержать фронтовую атаку первой колонны посредством движения во фланг австрийцев, идя прямо на Мадженту с севера. Эта колонна должна была атаковать первой, и после того как она основательно связала бы австрийцев, первая колонна должна была атаковать мосты.

Около полудня атака была начата Мак-Магоном. Превосходными силами он оттеснил дивизию Гордона, стоявшую перед ним, к Мадженте, а около двух часов гвардейские гренадеры, которые оттеснили австрийские аванпосты до самого канала, атаковали мосты. Буффалоры и Мадженты. В то время на поле сражения находились три французских бригады против австрийских сил, которые Луи-Наполеон исчисляет в 125 000 человек, но которые фактически состояли только из пяти бригад (двух 1-го корпуса и трех 2-го), или менее 30 000 человек, ибо даже две бригады Рейшаха стояли еще у Корбетто. Французы энергичным усилием завладели мостами на канале. Дьюлай, который находился в Мадженте, приказал Рейшаху двинуться вперед и отобрать маджентский мост, что тот и выполнил; но Буффалора, повидимому, осталась в руках французов. В сражении произошла остановка; корпус Мак-Магона, равно как и гренадеры, были с успехом отражены австрийцами; но у австрийцев в сражение были уже введены все наличные силы. Где же находились остальные корпуса? Они были где угодно, но только не там, где они были нужны. 2-я дивизия 1-го корпуса все еще находилась в дороге из Германии, и ожидать ее прибытия не было никаких оснований. Так как Дьюлай в своем отчете определенно говорит, что в бой были введены только три бригады 2-го корпуса, то о последней бригаде этого корпуса сведений не имеется. 2-я дивизия 7-го корпуса, под командой генерала Лиллиа, находилась в Кастеллетто, в 6 или 7 милях от Мадженты; 3-й корпус находился у Аббиате-Грассо, в 5 милях от Мадженты; 5-й корпус находился в пути к Аббиате-Грассо, причем он шел, повидимому, от Берегуардо, и когда началось сражение, он находился, по крайней мере, в 9 милях от Мад-

женты. 8-й корпус шел от Бинаско в Бестаццо и был в расстоянии 10 или 12 миль, а 9-й корпус фактически находился на По, ниже Павии, в 20 или 25 милях от места действия. Благодаря такому колоссальному распылению своих войск, Дьюлай поставил себя в невозможное положение, при котором он с семью бригадами должен был сопротивляться натиску головных частей двух французских колонн от полудня до — в некоторых местах — четырех или пяти часов пополудни, причем эти семь бригад не могли бы держаться, если бы не то обстоятельство, что французы, двигаясь огромными войсковыми массами только по двум дорогам, могли продвигаться лишь медленно.

В то время как Рейшах удерживал маджентский мост и захватил одну из новых французских нарезных пушек, Дьюлай бросился в Робекко, деревню на канале приблизительно в трех милях ниже Буффалоры, чтобы ускорить движение 3-го и 5-го корпусов и указать им направление их атаки. Четыре бригады 3-го корпуса были теперь брошены вперед — две на фронтную линию, под командованием Гартунга и Рамминга, третья с Дюрфельдом во главе в резерв, причем все три вдоль канала, а четвертая — Вецлара — вдоль Тичино. Им предстояло атаковать правый фланг французов. Но тем временем последние тоже получили подкрепления. Бригада Пикара (из дивизии Рено, корпуса Канробера) прибыла на поддержку гренадерам и оттеснила Рейшаха назад за мост. За ней следовала дивизия Винуа (корпуса Ниэля), бригада Жанена (дивизия Рено) и дивизия Трошю (корпуса Канробера). Таким образом, французы сосредоточили на этом пункте шесть бригад в дополнение к двум бригадам гренадеров, между тем как из четырех австрийских бригад 3-го корпуса только две или три были фактически введены в дело. Несмотря на столь неравные силы, австрийцы несколько раз подряд захватывали маджентский мост, но все же в конце концов он остался в руках французов.

Пока все это происходило на мостах, Мак-Магон подготовил вторую атаку против войск, расположенных против него и состоявших из четырех или пяти бригад 1-го и 2-го корпусов. Две его дивизии снова стали наступать двумя колоннами на Мадженту, сопровождаемые, во второй линии, дивизией гвардейских стрелков Камори. Так как дивизии Эспинаса и Ламотружа (корпуса Мак-Магона) были решительно остановлены австрийцами, то гвардейские стрелки подошли им на поддержку. Наступил критический момент борьбы. Первая из французских колонн прошла маджентский мост и двинулась также против деревни, на которую уже сильно нажимала колонна Мак-Магона. После того как 5-й австрийский корпус,

наконец, появился на поле сражения, бригада принца Гессенского, уже почти в сумерках, сделала новую попытку оттеснить французов назад за мост, однако, тщетно. Действительно, трудно было ожидать, чтобы малочисленная бригада (она уже сражалась при Монтебелло) могла остановить и отбросить назад тот поток войск, который хлынул через маджентский мост. Австрийцы в Мадженте, атакуемые с фронта, с флангов и с тыла, находясь без передышки под огнем с начала боя, наконец, отступили, и после ожесточенной борьбы Маджента к ночи была занята французами. Дьюлай отвел свои войска через Корбетто, тем временем занятый дивизией Лиллиа, пришедшей из Карбеллетто, и через Робекко, тоже прочно удерживавшийся 3-м корпусом, между тем как 5-й корпус стоял бивуаком между этими двумя пунктами. Дьюлай намеревался продолжать борьбу 5 июня, но, повидимому, произошла путаница в отдаче приказаний, ибо в полночь он узнал, что 1-й и 2-й корпуса, неправильно поняв данные им приказания, удалились на несколько миль от поля битвы и намеревались продолжать свой отход в 3 часа утра. Это известие побудило Дьюлая отказаться от нового сражения. Одна бригада 3-го корпуса снова атаковала Мадженту, чтобы прикрыть отступление австрийской армии, которое произошло в наилучшем порядке.

Согласно австрийскому сообщению, с австрийской стороны участвовали в сражении:

Из 1-го корпуса	дивизия Гордона		2 бригады
" 2-го "	три бригады		3 "
" 7-го "	дивизия Рейшаха		2 "
" 3-го "	три бригады		3 "
" 5-го "	поздно в сумерках		1 "

Всего — 11 бригад, равные 55 батальонам; со вспомогательными родами войск они составят около 65 000 человек.

Согласно французскому отчету, со стороны союзников в сражении участвовали:

Гвардейский корпус, две дивизии		4 бригады
Корпус Мак-Магона		4 "
Из корпуса Канробера две дивизии (Рено и Трошю)		4 "
Из корпуса Ниэля одна дивизия (Винуа)		2 "

Всего — 14 бригад, или 91 батальон, равные, по крайней мере, 80 000 человек.

Однако, французский отчет, говоря о наступлении дивизии Винуа, заявляет: «85-й линейный полк пострадал больше всего... Генерал Мартемпре был ранен, ведя свою бригаду». Однако, ни 85-й полк, ни бригада генерала Мартемпре не при-

надлежат к «дивизии Винуа корпуса Ниэля». 85-й полк входит в состав 2-й бригады, состоящей под командой генерала Ладрэ-де-ла-Шарьер, дивизии Ладмиро, а генерал Мартемпре командует 1-й бригадой той же самой дивизии, которая принадлежит не к корпусу Ниэля, но к корпусу маршала Барагэ д'Илье. Таким образом, мы имеем решающее доказательство, что в деле участвовало *больше французских войск, нежели сколько их перечислено в отчете*; и если дивизия Ладмиро, участие которой доводит число бригад до 16, число батальонов до 104, а число бойцов до 90 000, в отчете попросту оставлена без упоминания, то с полной уверенностью можно думать, что еще и другие военные части содействовали достигнутым результатам дня. Кроме того, австрийцы говорят, что они захватили пленных, принадлежащих почти к каждому полку, входящему в состав итальянской армии, и поэтому весьма вероятно, что в деле участвовали, по крайней мере, 16 бригад. Это дает французам численное превосходство, которое делает величайшую честь храбрости австрийских войск. Они были осилены самим пространством поля сражения, они взяли одну пушку и потеряли четыре, и должны были покинуть поле сражения с уверенностью, что если бы по численности они были равны, то победа оказалась бы на их стороне.

Но что должны мы сказать об их командире? Он ожидает атаку 4-го числа; в расстоянии 8 миль от поля битвы у него имеется 13 бригад (семь, введенные в дело с самого начала, две бригады Лиллиа и четыре 3-го корпуса); в 9 милях имеются еще четыре бригады 5-го корпуса; в 10 или 12 милях еще четыре бригады 8-го корпуса. Таково было положение в 8 часов 30 минут утра. Можно ли считать чрезмерным требование, чтобы в день боя все эти корпуса были сосредоточены к четырем или самое позднее к пяти часам пополудни в достаточной близости от Мадженты, так чтобы они могли принять участие в сражении? Можно ли считать чрезмерным требование, чтобы в два часа, когда сражение приняло серьезный оборот, в дело были введены не 7 бригад, а 13? Будь это сделано, позиция, которую в действительности до сумерек удерживали четыре бригады, могла бы быть без труда сохранена силами 13 бригад, и тяжелые потери, несомненно, понесенные дивизией Гордона и 2-м корпусом, были бы избегнуты. По прибытии 5-го корпуса можно было бы перейти в наступление и оттеснить французов назад за Тичино. Но старая привычка к медлительным движениям, повидимому, снова овладела австрийцами. Великий Наполеон сказал о них, что они теряли самое драгоценное время в бесполезной торжественности и излишних формальностях. Таким образом действовал и

Дьюлай, — и он отдал Луи-Наполеону победу, которая не стала легкой и решительной только благодаря храбрости австрийских войск и которую он мог бы одержать сам.

Утром, 5 числа, Дьюлай имел под своим командованием следующие свежие части, не участвовавшие в деле у Мадженты:

Одну дивизию 3-го корпуса	2 бригады
Три бригады 5-го корпуса	3 "
Одну дивизию (Лиллиа) 7-го корпуса	2 "
8-й корпус	4 "

Это составляет 11 бригад, или силу, равную той, которая сражалась накануне. Из войск, участвовавших накануне в деле, только три дивизии (1-го и 2-го корпусов) были настолько расстроены, что не могли бы сражаться, — в этом, повидимому, и заключается действительная причина их таинственного отхода ночью. Оставались годными 8 бригад, а всего 19, или свыше 100 000 человек. Им противостояли 16 французских бригад, участвовавших в деле 4-го числа; сверх того четыре дивизии французской армии, которые должны были быть готовы к сражению 5-го числа, и одна или две дивизии пьемонтцев, так как большинство последних было еще очень далеко в тылу. Таким образом, 5-го числа у Дьюлая было бы 19 бригад и, пожалуй, к концу дня 25 бригад (если бы 1-й и 2-й корпуса были возвращены обратно) против приблизительно 28 французских и пьемонтских бригад, которые, может быть, к вечеру были бы усилены еще двумя или тремя пьемонтскими бригадами. Теперь мы видим, какую грубейшую ошибку совершил Дьюлай, отправив так далеко 9-й корпус. При наличии 9-го корпуса 29 бригад Дьюлая были бы численно равны всей союзной армии, и далеко не исключена возможность, что сражение 5-го числа имело бы совсем иной результат, нежели сражение накануне.

Ошибки Дьюлая можно резюмировать следующим образом:

1. Когда Луи-Наполеон совершал фланговый марш от Верчелли к Турбиго, в пределах досягаемости австрийцев, Дьюлай не воспользовался невыгодным положением своего противника и не бросился со всеми своими силами на его подставленную для удара линию движения, благодаря чему он мог бы разрезать противника надвое и часть его оттеснить к Альпам, повторяя маневр Радецкого в 1849 г.

2. Вместо этого он удалился за Тичино и, таким образом, пошел кружным путем, для того чтобы прикрыть Милан, предоставив прямую дорогу неприятелю.

3. Он разбросал свои части во время этого отхода, который он производил с прохладцей и небрежностью, едва ли допустимыми даже на маневрах мирного времени.

4. Его 9-й корпус находился так далеко, что не мог участвовать в сосредоточении.

5. Сосредоточение даже во время самого сражения производилось с непростительной медлительностью, вследствие чего войска, вступившие в дело в первую очередь, должны были понести потери, не вызываемые необходимостью, и сражение было проиграно, вместо того чтобы быть выигранным.

Если, наделав такие ошибки, он не потерпел полного разгрома, сражаясь с самым *élite* [отборными частями] французской армии, то это следует приписать исключительно выдающейся храбрости его войск, а вовсе не качествам их командира.

Из обзора сражения станет ясно, что дезертирство из итальянских и венгерских частей, которое так сильно подчеркивали некоторые из наших друзей, было в действительности весьма незначительно и не оказало заметного влияния на конечный исход дня.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке в середине июня 1859 г.

Впервые напечатано в «New-York Daily Tribune», 2 июля 1859 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XI, ч. II.

ОТСТУПЛЕНИЕ АВСТРИЙЦЕВ НА МИНЧИО

Плоды победы пожинаются обычно при преследовании неприятеля. Чем энергичнее преследование, тем решительнее победа. Пленных, артиллерию, обоз, знамена захватывают не столько в самом сражении, сколько во время преследования после него. С другой стороны, *степень полноты* победы измеряется энергией преследования. Что можно сказать с этой точки зрения о *grande victoire* [большой победе] при Мадженте? На следующий день после сражения мы застаем французских «освободителей» «отдыхающими и занятыми реорганизацией». Ни малейшей попытки преследования! Благодаря движению на Мадженту союзники фактически сосредоточили все свои боевые силы. Напротив, у австрийцев часть войск находилась в Аббиате-Грассо, часть по дороге в Милан, еще часть у Бинаско и, наконец, часть у Бельджойозо, — сборище отдельных колонн, столь разбросанных, плетущихся настолько без всякой взаимной связи, что, казалось, они сами напрашивались на то, чтобы неприятель бросился на них, энергичным усилием разметал их во все стороны и затем преспокойно забрал в плен целые бригады и полки, которым был бы отрезан путь отступления. Наполеон, настоящий Наполеон, в подобном случае сумел бы распорядиться 15 или 16 бригадами, которые, согласно официальному французскому сообщению, накануне не принимали никакого участия в сражении. А как поступил поддельный Наполеон г. Фогта, Наполеон «Олимпийского цирка», Сент-Джемской улицы и амфитеатра Эстли? ¹²⁵ Он изволил обедать на поле сражения.

Прямая дорога на Милан была ему открыта. Театральный эффект был обеспечен. Для него этого было, конечно, достаточно. 5, 6 и 7 июня, три полных дня, дарятся австрийцам, чтобы помочь им выпутаться из своего опасного положения. Они спускаются к По и идут вдоль ее северного берега к Кремоне, двигаясь по трем параллельным дорогам. На самом северном пункте этих дорог генерал Бенедек, находившийся ближе всего к линии марша неприятельской армии, с тремя

дивизиями прикрывал это отступление. От Аббиате-Грассо, где он находился 6-го, он направился через Бинаско на Меленьяно. В этом последнем городе он оставил две бригады для удержания за собою позиции, пока обоз центральной колонны не ушел вперед на достаточное расстояние. 8 июня маршиал Барагэ д'Илье получил приказание выбить две эти бригады из их позиции, и, чтобы поручение было выполнено без всякого риска, под его команду был поставлен еще корпус Мак-Магона. Десять бригад против двух! Неподалеку от реки Ламбро корпус Мак-Магона был выделен с целью отрезать австрийцам отступление, и в то же время три дивизии Барагэ напали на Меленьяно; две бригады атаквали его с фронта, две обошли справа и две слева. Только одна австрийская бригада, генерала Редера, находилась в Меленьяно, а бригада генерала Рера находилась на другой, восточной, стороне реки Ламбро. Французы атаквали с большой стремительностью, и их в шесть раз превосходившие австрийцев силы принудили генерала Редера после упорного сопротивления очистить город и отступить под прикрытием бригады Рера, которая для этой цели заняла позицию в тылу. Выполнив свою задачу, эта бригада тоже отступила в полном порядке. В этом сражении Рер был убит. Потери одной австрийской бригады, преимущественно участвовавшей в деле, были, бесспорно, значительны, однако, приведенные декабристскими *жабами* * цифры (около 2400) совершенно фантастичны, ибо весь состав бригады перед сражением не превосходил 5000. Победа французов снова оказалась бесплодной. Ни одного трофея, ни одной захваченной пушки!

Между тем 6 июня Павия была очищена австрийцами, затем, по неизвестным нам причинам, снова занята 8-го, только для того, чтобы 9-го быть покинутой вновь; Пьяченца же была оставлена 10-го, лишь шесть дней спустя после сражения при Мадженте. Австрийцы, не торопясь, отступали вдоль По, пока не достигли Кизе. Здесь они повернули на север и пошли к Лонато, Кастильоне и Кагель-Гоффредо, где заняли оборонительную позицию, на которой они, повидимому, ожидают новой атаки «освободителей».

В продолжение этого похода австрийцев сначала на юг, от Мадженты на Бельджойозо, затем к востоку, от Пьядены к Кизе, и, наконец, снова на север, к Кастильоне, — движения по полному полукругу, «освободители» шли прямо по диаметру этого полукруга, и, следовательно, им пришлось проделать путь на одну треть меньше, чем австрийцам. Однако, они

* Имеются в виду приверженцы Наполеона III, поддержавшие его во время декабрьского государственного переворота 1851 г. Ред.

нигде не настигли австрийцев, кроме Меленьяно, да еще раз вблизи Кастенодоло, где Гарибальди имел с ними незначительную стычку. Такая беспечность в преследовании является в военной истории неслыханной. Она весьма характерна для Квазимодо, который, пародируя своего дядю (дядю, конечно, по принципу наполеонова кодекса, согласно которому «la recherche de la paternité est interdite» [«выяснение подлинного отцовства воспрещается»]), пародирует его даже в своих успехах.

В то же время, когда главная масса австрийцев заняла между 18 и 20 июня свои позиции позади Киезе, авангард союзников достиг фронта Киезе. Чтобы подтянуть сюда свои главные силы, им нужно пару дней. Поэтому, если австрийцы действительно примут бой, то второго общего сражения можно ожидать 24 или 26 июня. «Освободители» не могут долго медлить на виду у неприятеля, если они хотят поддержать в своих войсках победный порыв и не давать противнику случая бить их в мелких стычках. Позиция австрийцев очень благоприятна. От южной окраины озера Гарда у Лонато по направлению к Минчио простирается плато, граница которого со стороны ломбардской равнины определяется линией Лонато — Кастильоне — Сан-Кассиано — Кавриана — Вольта; это — превосходная позиция, чтобы поджидать врага. Это плато постепенно поднимается в направлении к озеру и представляет последовательный ряд разнообразных прекрасных позиций, причем каждая последующая позиция превосходит предшествующую своей силой и сосредоточенностью, так что овладение вершиной плато еще не означает победы, а лишь заканчивает первый акт сражения. Правый фланг позиции прикрывается озером, а левый значительно загнут назад, так что оставляет без защиты почти десять миль линии Минчио. Однако, это не является минусом позиции, но, наоборот, представляет самое выгодное ее свойство, ибо на Минчио начинается болотистая местность, которая заключена между четырьмя крепостями — Вероной, Пескьерой, Мантуей и Леньяго — и в которую неприятель не может сунуться, не имея весьма значительного численного превосходства. Так как Мантуя господствует над южной оконечностью линии Минчио, а местность по ту сторону Минчио лежит в районе действия крепостей Мантуи и Вероны, то всякая попытка, не обращая внимания на австрийцев, расположенных на плато, пройти мимо них в направлении к Минчио была бы быстро остановлена. Двигающаяся вперед армия видела бы, что ее линии сообщения уничтожаются, а сама она не могла бы угрожать линии сообщения австрийцев. К тому же по ту сторону Минчио ей некого было бы ата-

ковать (ибо об осаде при таких обстоятельствах не могло бы быть и речи), и за отсутствием объекта для нападения ей пришлось бы повернуть назад. Особая опасность такого движения заключалась бы в том, что его пришлось бы выполнять на глазах у австрийцев, находящихся на плато. Последним нужно было бы только привести в движение всю свою линию и обрушиться на неприятельскую колонну в направлении от Вольты на Гоито, от Каврианы на Гвидиццоло и Черезану, от Кастильоне на Кагель-Гоффредо и Монтекьяни. Такое сражение «освободителям» пришлось бы выдержать при страшно неблагоприятных обстоятельствах, и оно могло бы стать вторым Аустерлицем, но только с переменной ролей.

Печальный герой Мадженты, Дьюлай, устранен от командования. На его место в качестве командующего 2-й армией становится Шлик, а Вимпфен остается во главе 1-й армии. Обе армии, сосредоточенные у Лонато и Кастильоне, образуют вместе итальянскую армию австрийцев под номинальным командованием Франца-Иосифа и с Гессом в качестве начальника штаба. Шлик, судя по его прошлому в венгерской кампании, является дельным генералом средней руки. Гесс, бесспорно, самый крупный из нынешних стратегов. Опасность заключается в личном вмешательстве пресловутого Франца-Иосифа. Подобно Александру I при вторжении Наполеона в Россию, он окружил себя пестрой бандой старых, филистерских всезнаек-усачей, из которых некоторые, возможно, непосредственно оплачиваются Россией. Если бы французская армия, оставив австрийцев стоять на их позиции, прямо направилась к Минчио, то всю ее с высоты плато можно было бы видеть с поразительной отчетливостью, полк за полком. Сильное впечатление от картины врага, появившегося на дороге, ближайшей к линии отступления, легко могло бы сбить с толку такую голову, как голова Франца-Иосифа. Болтовня мрачно настроенных всезнаек в эполетах могла бы явиться для его слабых нервов благовидным предлогом отказаться от прекрасно выбранной позиции и отступить в район между крепостями *. Когда государство возглавляется глупыми юнцами, то все ставится в зависимость от состояния их нервов. Наиболее продуманные планы становятся игрушкой субъективных впечатлений, случайностей и капризов. Благодаря присутствию Франца-Иосифа в австрийской главной квартире, австрийцы едва ли имеют другую гарантию победы, чем присутствие

* Как известно, последние известия сообщают, что австрийцы действительно отступили за Минчио к сети своих крепостей. Если даже благодаря этому отходу *стратегически* ничего не потеряно, то все же он не может не оказать пагубного влияния на моральное состояние войск.
[Примечание Энгельса.]

Квазимодо в неприятельском лагере. Но этот последний, по крайней мере, закалил свои нервы у профессиональных игроков Сент-Джемской улицы, и хотя он сделан не из железа, как воображают его поклонники, то все же, по крайней мере, из гуттаперчи.

Написано Ф. Энгельсом на немецком языке
около 23 июня 1859 г.

Впервые напечатано в газете «Das Volk»,
25 июня 1859 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения,
т. XI, ч. II.

ПРАВОСУДИЕ ИСТОРИИ

Мы опубликовали теперь все полученные нами официальные отчеты о сражении при Сольферино, а также множество писем из обоих лагерей, в том числе и превосходную специальную корреспонденцию лондонского «Times»; поскольку эти документы сообщены нашим читателям, то, быть может, своевременным будет выяснить подлинные причины, в силу которых сражение было проиграно Францем-Иосифом и выиграно Наполеоном III.

Когда австрийский император снова перешел Минчио, с целью предпринять наступление, в его распоряжении находилось девять армейских корпусов, которые, за вычетом гарнизонов для крепостей, могли появиться в поле с средним составом в четыре бригады каждый, или всего в составе 36 бригад, причем средняя численность бригады колебалась от 5 000 до 6 000 человек. Таким образом, эта армия располагала для наступления приблизительно 200 000 человек пехоты. Хотя эта численность была достаточно велика, чтобы позволить наступательное движение, она все же уступала численности неприятеля или едва достигала ее, ибо союзники насчитывали 10 пьемонтских и 26 французских пехотных бригад. Однако, со времени Мадженты, французы получили значительные подкрепления отпускными солдатами и обученными рекрутами, которые были распределены по своим полкам, и их бригады были, несомненно, сильнее, нежели австрийские, подкрепления которых состояли из двух свежих армейских корпусов (10-го и 11-го), благодаря которым было увеличено общее число бригад, но не их состав. Поэтому союзную армию можно смело считать имеющей полный состав пехоты (170 000 французов, 75 000 сардинцев), что за вычетом потерь с начала кампании, скажем, в 30 000 человек, дает в остатке около 215 000 пехоты. Поскольку австрийцы рассчитывали на быстроту своего маневра и его внезапность, на горячее желание своих войск отомстить за поражение при Мадженте и

доказать, что они ничуть не уступают противнику, а также на силу позиции, которую они снова могли бы обеспечить за собой быстрым продвижением к высотам позади Кастильоне, — они, конечно, имели полное основание предпринять атаку, однако, лишь при условии, что они будут держать свои войска, насколько возможно, сосредоточенно и будут продвигаться вперед с быстротой и энергией. Ни то, ни другое условие не было ими выполнено.

Вместо того, чтобы наступать всей армией между Пескьерой и Вольтой, в целях обеспечить себе весь ряд высот до Лонато и Кастильоне, а равнину Гвидиццоло предоставить кавалерии и, может быть, еще одному корпусу пехоты, они оставили один корпус, 2-й, в Мантуе для охраны этой крепости ввиду возможности внезапного нападения корпуса принца Наполеона, который, как предполагали, находился поблизости. Но если гарнизона Мантуи было недостаточно, чтобы без поддержки дополнительного корпуса удержать сильнейшую крепость Европы против случайной атаки, то это был довольно странный гарнизон. Однако, не это, повидимому, было причиной, привязавшей 2-й корпус к Мантуе. Дело в том, что два других корпуса, 11-й и 10-й, были выделены для обхода правого фланга союзников у Азолы, города на р. Киезе, приблизительно в шести милях к юго-западу от Капель-Гоф-фредо, т. е. настолько далеко от поля сражения, что при любых условиях они должны были достигнуть его слишком поздно. Выходит почти так, что 2-й корпус был предназначен прикрывать фланг и тыл этой обходящей колонны против возможного прибытия принца Наполеона и таким образом предохранить ее от возможности быть самой обойденной. Весь этот план до такой степени выдает с головой старую австрийскую школу, он до того сложен, до того кажется смешным в глазах человека, привыкшего изучать планы сражений, что, несомненно, приходится освободить австрийский штаб от всякой ответственности за его изобретение. Никто, кроме Франца-Иосифа и его адъютанта графа Грюнне, не мог придумать подобный анахронизм. Таким образом, три корпуса были с успехом убраны с опасного пути. Остальные семь корпусов были расположены следующим образом: один, 8-й (Бенедика) — между Поццолengo и озером Гарда, с задачей удерживать позицию на холмах, центром и ключом которой был Сан-Мартино; 5-й корпус (Стадиона) занимал Сольферино; 7-й (Цобеля) — Сан-Кассиано; 1-й (Клам-Галласа) — Кавриану. К югу, на равнине, 3-й корпус (Шварценберга) наступал по большой дороге от Гонто на Кастильоне через Гвидиццоло, а 9-й (Шафготтше) — южнее к Медоле. Их крыло было выдвинуто вперед, чтобы оттеснить назад правое крыло союзни-

ков и оказать поддержку 10-му и 11-му корпусам, когда последние, если это вообще должно было случиться, прибыли бы на поле сражения.

Таким образом, шесть фактически участвовавших в сражении корпусов, составлявшие, согласно принятому плану, австрийскую сражающуюся армию, были растянуты на линии длиной в 12 миль, что дает в среднем две мили, или 3 540 ярдов, фронта на каждый корпус. Такая длинная линия не могла иметь достаточной глубины. Однако, это было не единственным серьезным ее недостатком. 3-й и 9-й корпуса наступали от Гонто, и их линия отступления также вела к этому месту; ближайшие к ним 1-й и 7-й корпуса имели свою линию отступления к Валледжио. Взгляд на карту показывает, что это представляет эксцентрическое отступление, — обстоятельство, которому, без сомнения, приходится, главным образом, приписывать слабый эффект, достигнутый действиями двух корпусов на равнине.

Эта плохая диспозиция, данная 24 бригадам, — а если предположить, что корпус Бенедика был усилен некоторым количеством войск из гарнизона Пескьеры, то и 25 или 26 австрийским бригадам, — была еще ухудшена благодаря вялости продвижения вперед. Быстрый марш австрийской армии 23 июня, когда она снова перешла Минчио, привел бы около полудня сосредоточенную австрийскую армию в соприкосновение с выдвинутыми вперед позициями союзников у Дезенцано, Лонато и Кастильоне и позволил бы ей к ночи оттеснить их к реке Кизе, так что битва началась бы при наличии предварительного успеха австрийцев. Вместо этого самым дальним пунктом, достигнутым в холмистой местности, оказался Сольферино, всего в шести милях от Минчио. На равнине передние австрийские части достигли только Капель-Гоффридо, т. е. прошли 10 миль от Минчио, тогда как, будь дано соответствующее приказание, они могли бы достигнуть реки Кизе. Затем, 24-го, вместо того чтобы выступить на рассвете, движение было назначено на девять часов утра. Таким образом, произошло то, что союзники, выступившие в два часа утра, атаковали австрийцев между пятью и шестью часами утра. Последствия, происшедшие от этого, были неизбежны. Встреча 33 сильных бригад с 25 или 26 слабыми (ибо все они уже участвовали в боях раньше и понесли тяжелые потери) могла привести только к поражению австрийцев. Один Бенедик, со своими пятью или шестью бригадами, весь день держался против пьемонтской армии, из 10 бригад которой все, кроме гвардии, участвовали в сражении; и он удержал бы за собой свою позицию, если бы общее отступление центра и левого крыла не принудило также и его к отходу. В центре

5-й и 1-й корпуса (8 бригад) удерживали Сольферино против корпуса Барагэ д'Илье (6 бригад) и гвардии (4 бригады) до третьего часа дня, в то время как четыре бригады Мак-Магона держали под угрозой 7-й корпус (4 бригады). Когда Сольферино был, наконец, взят, французская гвардия продвинулась в направлении к Сан-Кассиано и этим принудила 7-й австрийский корпус сдать свою позицию. Наконец, падение Каврианы около пяти часов пополудни решило судьбу сражения в центре и принудило австрийцев к отступлению. На левом австрийском фланге 3-й и 9-й корпуса с переменным успехом вели борьбу с корпусом Ниэля и одной дивизией (Рено) корпуса Канробера, пока несколько позднее, после полудня, не вступила в бой другая дивизия этого корпуса (Трошю) и не оттеснила австрийцев к Гоито. Хотя эти восемь австрийских бригад с самого начала имели перед собой приблизительно равные силы, они могли бы сделать гораздо больше, чем сделали в действительности. Решительным продвижением от Гвидиццо в направлении на Кастильоне они могли бы высвободить 7-й корпус у Сан-Кассиано и, таким образом, косвенно поддерживать защитников Сольферино; но так как их линия отступления лежала на Гоито, то каждый шаг вперед подверг бы ее опасности, и потому они действовали с осторожностью, совершенно неуместной в такого рода битве; однако, повинны в этом те, кто приказал им отступление на Гоито.

Со стороны союзников в сражении участвовал весь состав, за исключением трех бригад, двух — из корпуса Канробера и одной пьемонтской гвардейской. Таким образом, если понадобилось пустить в дело все резервы, кроме этих трех бригад, чтобы с трудом одержать победу, после которой не было преследования противника, то каков же был бы исход сражения, если бы Франц-Иосиф сумел воспользоваться своими тремя армейскими корпусами, бродившими в это время где-то далеко на юге? Предположим, что он дал бы один корпус Бенедекку, другой поставил бы в качестве резерва позади Сольферино и Сан-Кассиано, а третий, в качестве общего резерва, держал бы позади Каврианы, каков оказался бы тогда результат сражения? Сомнений не может быть ни на один момент. После повторных и тщетных усилий взять Сан-Мартино и Сольферино фронт пьемонтцев и французский центр были бы прорваны завершающим и энергичным наступлением всей австрийской линии, и, вместо отступления к Минчио, австрийцы кончили бы сражение на берегах Киезе. Они были разбиты не французами, а самонадеянной глупостью своего императора. Осиленные извне численным превосходством врага, ослабленные изнутри собственным жалким командова-

нием, они отошли все же не сломленные и не поддающиеся панике, подобно лучшим войскам, какие когда-либо видел мир, уступив врагу только поле битвы.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке в конце июня — начале июля 1859 г.

Впервые напечатано в «New-York Daily Tribune», 21 июля 1859 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XI, ч. II.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ВОЙНА

ОБЗОР ПРОШЛОГО

Статья III

В Дюссельдорфской академии много лет назад был один русский художник, который позже за лень и бездарность был отправлен в Сибирь. Бедняга был страстно влюблен в своего императора Николая и имел обыкновение воодушевленно рассказывать: «Император — великий человек! Император может все! Император может также писать картины. Но он не имеет времени для живописи; император покупает ландшафты и затем рисует на них солдат. Император велик! Бог велик, но император ведь еще очень молод!»

«Возвышенный» Наполеон согласен с Николаем, что ландшафты существуют только лишь для того, чтобы рисовать на них солдат. Но так как он не имеет времени даже рисовать солдат на ландшафтах, то он довольствовался тем, чтобы *позировать* для картин. Маджента, Сольферино и вся Италия являются для него только ландшафтом, только предлогом, чтобы снова выставить в «Illustration» и в «Illustrated London News» свою интересную фигуру в мелодраматической позе. Но так как это можно сделать при помощи некоторой толики денег, то это ему также удавалось. Он сказал миланцам: «Если и существуют люди, которые не понимают своего века (века рекламы и блефа), то я не принадлежу к ним». Старый Наполеон был велик, а «усовершенствованный» Наполеон уже немолод!

Вот это-то понимание того, что он уже немолод, внушило ему мысль, что, пожалуй, уже наступило время заключить мир. Всего того, что можно было достигнуть при помощи одной только своей репутации, он уже достиг. «В четырех боях и двух сражениях», с потерей свыше 50 000 человек только в боях, не считая больных, он завоевал переднюю часть страны, вплоть до австрийских крепостей, т. е. область, относительно которой сама Австрия дала понять всему миру, что,

в силу наличия у нее крепостных сооружений на Минчио и при перевесе сил у противника, она не собирается ее серьезно защищать и что на этот раз последняя все же была защищаема только для того, чтобы досадить маршалу Гессу. *Via sacra* [священная дорога], по которой «возвышенный» Наполеон до сих пор вел свою армию с таким классическим пустозвонством и с таким сомнительным успехом, вдруг оказалась прегражденной. По ту сторону лежала обетованная земля, которую не суждено увидеть не только теперешней «итальянской армии», но, может быть, даже ее внукам. Риволи и Арколе не стояли в программе. Верона и Мантуя были намерены сказать свое веское слово, и единственной крепостью, во внутрь которой пока что вступал со своей военной свитой «возвышенный» Наполеон, была крепость Гам, — и он был весьма доволен, когда он смог покинуть ее хотя бы и без всяких военных почестей. Громких успехов выпало на его долю очень мало; правда, он вел *grandes batailles* [крупные битвы], но что у него были *grandes victoires* [крупные победы], — в это не поверил даже телеграфный провод. Война за укрепленные лагеря против старого Гесса, война с переменным успехом и со все уменьшающимися шансами, война, требовавшая серьезных усилий, *настоящая война*, — это было не для Наполеона, этого героя Порт-Сен-Мартена и театра Эстли. К этому присоединяется еще то обстоятельство, что один шаг вперед с его стороны вызвал бы войну на Рейне, и тогда начались бы такие затруднения, которые сразу же положили бы конец героическим гримасам и мелодраматическим пластическим позам. Но до таких вещей «возвышенный» Наполеон не охотник, поэтому он заключил мир и съел программу.

Когда война началась, наш «возвышенный» Наполеон тотчас же воззвал к воспоминаниям об итальянских походах обыкновенного Наполеона, о «священной дороге» Монтенотто, Дего, Миллезимо, Монтебелло, Маренго, Лоди, Кастильоне, Риволи и Арколе. Сравним же копию с оригиналом.

Обыкновенный Наполеон принял командование над 30 000 полуголодных, босых и оборванных солдат в то время, когда Франция, с расстроеными финансами и не имея возможности сделать заем, не только должна была содержать две армии в Альпах, но также и две армии в Германии. Сардиния и прочие итальянские государства были не с ним, а против него. Армия, противостоявшая ему, превосходила его армию как численно, так и организационно. И несмотря на это, он повел наступление, нанес австрийцам и пьемонтцам шесть быстро следовавших один за другим ударов, каждый раз сумев удержать численный перевес на своей стороне, при-

нудил Пьемонт к миру, перешел По, форсировал переход через р. Адду у Лоди и осадил Мантую. Первую армию австрийцев, пришедшую на выручку, он разбил у Лонато и Кастильоне и при ее вторичном наступлении смелым маневром принудил ее запереться в крепости. Вторую армию, пришедшую на выручку, он остановил при Арколе и держал ее под ударом два месяца, пока она, получив подкрепление, не двинулась снова вперед, чтобы дать себя разбить при Ривولي. Затем он принудил Мантую к сдаче, а южно-итальянских князей к миру, и проник через Юлийские Альпы к подножью Земмеринга, где добился мира.

Так действовал обыкновенный Наполеон. А как поступил «возвышенный»? Он находит готовой лучшую и сильнейшую армию, какую только Франция когда-либо имела, и такое финансовое положение, которое, по меньшей мере, позволяет ему, с помощью займов, легко покрыть издержки войны. Он имеет в своем распоряжении шесть месяцев, чтобы в условиях полнейшего мира подготовиться к своей кампании. Он имеет на своей стороне Сардинию с сильными крепостями и с многочисленной превосходной армией. Он владеет Римом; Средняя Италия только и ждет от него сигнала, чтобы восстать и присоединиться к нему. Его операционная база находится не у Приморских Альп, а на среднем По, у Алессандрии и Казале. Там, где у его предшественника были горные тропинки, у него — железные дороги. И что же он делает? Он бросает в Италию пять сильных армейских корпусов, настолько многочисленных, что он вместе с сардинцами всегда численностью значительно превосходит австрийцев, превосходит настолько, что может еще выделить шестой корпус, чтобы усилить им туристскую армию своего кузена для военной прогулки. Несмотря на все железные дороги, ему нужен целый месяц, чтобы сконцентрировать свои войска. Наконец, он наступает. Бездарность Дьюлая оказывается для него подарком, благодаря которому маджентское сражение, окончившееся нерешительно, превращается в победу в силу случайных стратегических отношений обеих армий после битвы, — отношений, в которых «возвышенный» Наполеон совершенно неповинен, а ответственен один только Дьюлай. Вместо того, чтобы преследовать австрийцев, Наполеон из благодарности позволяет им уйти. При Сольферино Франц-Иосиф почти заставлял его победить, и, несмотря на это, результат получается едва ли лучшим, чем при Мадженте. Теперь, именно после Сольферино, и создается такое положение, в котором обыкновенный Наполеон развернул бы все свои возможности; война разыгрывается в такой местности, где можно сделать кое-что значительное, и принимает размеры, при которых грандиозное че-

столюбне может найти свое удовлетворение. Дойдя до места, где только и начинается «священный путь» обыкновенного Наполеона, где только и открывается грандиозная перспектива, — на этом месте *«возвышенный» Наполеон просит мира!*

Написано Ф. Энгельсом на немецком языке в начале августа 1859 г.

Впервые напечатано в газете «Das Volk», 6 августа 1859 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XI, ч. II.

ГАРИБАЛЬДИ В СИЦИЛИИ

После ряда самых противоречивых известий мы, наконец, получили, повидимому, довольно достоверные сведения относительно подробностей изумительного похода Гарибальди из Марсалы в Палермо¹²⁶. Это, поистине, один из наиболее удивительных военных подвигов нашего столетия, и он был бы почти необъясним, если бы престиж революционного генерала не предшествовал его триумфальному маршу. Успех Гарибальди доказывает, что роялистским войскам Неаполя все еще внушает ужас человек, который высоко нес знамя итальянской революции перед лицом французских, неаполитанских и австрийских батальонов, и что сицилийский народ не потерял доверия к нему и к делу национального освобождения.

6 мая два парохода покинули Генуэзское побережье, имея на борту около 1400 вооруженных людей, разбитых на семь рот, из которых каждая должна была, очевидно, стать ядром батальона, набираемого среди повстанцев. 8-го они высадились в Таламоне на Тосканском побережье и, пользуясь разными доводами, убедили начальника тамошнего форта снабдить их углем, боевыми припасами и четырьмя полевыми орудиями. 10-го они вошли в Марсальскую гавань, расположенную на крайнем западном пункте Сицилии, и высадились там со всей своей артиллерией, несмотря на прибытие двух неаполитанских военных кораблей, которые оказались бессильными в нужный момент помешать высадке; история о британском вмешательстве в пользу инсургентов оказалась лишеной всякого основания, и ее опровергают теперь даже сами неаполитанцы. 12-го этот небольшой отряд дошел до Салеми, находящегося в 18 милях от берега на пути к Палермо. Здесь, повидимому, руководители революционной партии встретились с Гарибальди, устроили с ним совещание и стянули повстанческие подкрепления, достигавшие приблизительно 4000 человек. Пока они организовывались, восстание, которое несколько

недель тому назад было подавлено, но не сокрушено, снова вспыхнуло во всех горных местностях западной Сицилии, и, как выяснилось 16-го, не без успеха. 15 мая Гарибальди со своими 1400 организованных волонтеров и 4000 вооруженных крестьян продвигался через горы к северу по направлению к Калатафими, где ведущая из Марсалы проселочная дорога соединяется с большим трактом по направлению из Трапани в Марсалу. Горные ущелья, ведущие к Калатафими через отрог величественной Монте-Черрара, называемый Монте-ди-Пианто-Романо, защищались тремя батальонами королевских войск, с кавалерией и артиллерией, под начальством генерала Ланди. Гарибальди немедленно атаковал эту позицию, которая вначале упорно защищалась; но хотя во время этой атаки Гарибальди мог выставить против 3000 или 3500 неаполитанцев только своих волонтеров и очень незначительную часть сицилийских повстанцев, роялисты были успешно вытеснены из пяти сильных позиций, потеряв одно горное орудие и большое число убитых и раненых. Потери гарибальдийцев определяются ими самими в 18 убитых и 128 раненых. Неаполитанцы уверяют, что во время этой стычки они захватили одно из гарибальдийских знамен, но так как одно знамя они нашли оставленным на борту одного из брошенных в Марсале пароходов, то вполне возможно, что они это же знамя показывали в Неаполе в качестве доказательства якобы одержанной ими победы. Однако поражение при Калатафими не заставило еще королевские войска покинуть город в тот же вечер. Они ушли из него только на следующее утро, после чего они, повидимому, не оказывали никакого сопротивления Гарибальди, пока не достигли Палермо. Палермо, правда, они достигли в состоянии полного разложения и беспорядка. Факт, что они оказались разбитыми какими-то «пиратами» и «вооруженной сволочью», сразу напомнил им страшный образ того Гарибальди, который, защищая Рим против французов, все-таки нашел время пойти на Веллецию и отбросить вправо авангард всей неаполитанской армии¹²⁷ и который после этого побеждал на склонах Альп воинов, своей выдержкой значительно превосходивших неаполитанских солдат. Поспешное отступление, не сопровождавшееся никакими попытками хотя бы малейшего сопротивления, должно было еще более усилить в их рядах отчаяние и склонность к дезертирству, которое и до этого наблюдалось; а когда они вдруг очутились в самом центре восстания, подготовленного в Салеми и затруднявшего их действия, всякая спайка совершенно исчезла; бригада Ланди, превратившаяся в беспорядочную и растерянную толпу, численно чрезвычайно уменьшившись, возвращалась в Палермо небольшими следовавшими друг за другом отрядами.

Гарибальди вступил в Калатафими в тот же самый день, в какой оставил его Ланди, — 16-го; 17-го он продвинулся до Алькамо (10 миль), 18-го — до Партенико (10 миль), а из последнего пункта направился к Палермо. 19-го непрерывный ливень помешал отряду двигаться дальше.

Тем временем Гарибальди узнал, что неаполитанцы сооружают траншеи вокруг Палермо и укрепляют старые, полуразрушенные валы города со стороны, обращенной к Партеникской дороге. Численность их достигала по меньшей мере 22 000 человек и таким образом далеко превосходила те силы, какие он мог бы выставить против них. Но они были морально подавлены; их дисциплина ослабела; многие из них начали думать о переходе на сторону инсургентов; кроме того, их генералы, как это прекрасно знали и их собственные солдаты и неприятель, были тупицы. Единственными надежными отрядами среди них были два иностранных батальона. При таком положении вещей Гарибальди не мог рискнуть на фронтальную атаку города, но и неаполитанцы не могли предпринять против него каких-либо решительных действий, даже если бы их войска были на это способны, так как они должны были оставить в городе сильный гарнизон и никогда не могли слишком далеко удаляться от него. Если бы на месте Гарибальди находился средней руки генерал, то подобное положение привело бы к ряду несвязных и нерешительных стычек, во время которых он мог бы обучить часть своих рекрутов военному делу, но зато и королевские войска очень быстро восстановили бы потерянное доверие к своим собственным силам и дисциплину, ибо в некоторых из стычек они неизбежно оказались бы победителями. Но подобный способ ведения войны не подходил бы ни для восстания, ни для Гарибальди. Смелое наступление было единственной тактикой, которую допускала революция; ошеломляющий успех, вроде освобождения Палермо, стал необходимостью, лишь только инсургенты подошли к самому городу.

Но как можно было этого достигнуть? Здесь-то Гарибальди и выказал себя блестящим генералом, способным не только к мелкой партизанской войне, но и к более значительным операциям.

20 мая и в последующие дни Гарибальди наступал на неаполитанские сторожевые заставы и позиции по соседству с Монреале и Парко на дорогах, ведущих в Палермо из Трапани и Корлеоне, и это внушило неприятелю мысль, что наступление Гарибальди направляется главным образом против юго-западной части города и что именно здесь были сосредоточены его главные силы. Умелым сочетанием наступления с притворными отступлениями Гарибальди заставил неаполи-

танского генерала посылать в этом направлении все большее и большее количество войск из города, так что 24-го около 10 000 неаполитанцев оказались вне города, в направлении Парко. Этого-то и надо было Гарибальди. Часть его сил немедленно вступила с ними в бой, постепенно отступая перед ними и увлекая их все дальше и дальше от города, и когда он довел их до Пиана, через главный горный хребет, пересекающий Сицилию и разделяющий Конка-де-Аро («Золотая Раковина» — долина Палермо) от долины Корлеоне, он немедленно перебросил главную массу своих войск через другую часть того же горного хребта в долину Мисильмери, которая выходит к морю вблизи Палермо. 25-го он перенес свою штаб-квартиру в Мисильмери, в 8 милях от столицы. Мы не знаем, что он сделал с 10 000 человек, которые застряли на единственной пересекавшей горы скверной дороге, но можно наверное сказать, что он отвлекал их внимание все новыми и новыми мнимыми победами, чтобы быть уверенным, что они не вернуться слишком рано в Палермо. Уменьшив таким образом число защитников города почти наполовину и перенеся линию наступления с Трапанской дороги на Катанскую дорогу, он мог уже приступить к общей атаке. Дошедшие до нас противоречивые депеши не дают возможности сказать, предшествовало ли восстание в городе штурму Гарибальди или оно было вызвано появлением перед городом его отрядов, но достоверно то, что утром 27-го все Палермо взялось за оружие, и Гарибальди штурмовал ворота Термини, на юго-восточной стороне города, где ни один неаполитанец его не ожидал. Остальное известно — город был постепенно очищен от войск, за исключением батарей, цитадели и королевского дворца; далее последовали бомбардировка, перемирие, капитуляция. Точных подробностей относительно всех этих событий мы еще не имеем, но главные факты уже довольно хорошо известны.

Пока что мы должны заявить, что маневры, с помощью которых Гарибальди подготовил атаку на Палермо, сразу отмечают его как превосходного генерала. До сих пор мы знали его только как очень искусного и удачливого партизанского вождя; даже во время осады Рима его способ обороны города посредством постоянных вылазок почти не давал ему удобного случая подняться над этим уровнем. Но здесь он должен был предпринять крупные стратегические операции, и из этого испытания он вышел признанным мастером своего дела. Способ, каким ему удалось провести неаполитанского главнокомандующего, выславшего половину своих отрядов на большое расстояние от города, его быстрый фланговый марш и новое появление перед Палермо с той стороны, с которой

его меньше всего ожидали, и его энергичный штурм, предпринятый в тот момент, когда гарнизон был ослаблен, — все эти операции в гораздо большей степени несут печать военного гения, чем все то, что имело место во время итальянской войны 1859 года. Сицилийское восстание нашло в его лице первоклассного вождя; будем надеяться, что политик Гарибальди, которому скоро предстоит появиться на сцене, не посрамит славы Гарибальди-генерала.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке
в начале июня 1860 г.

Впервые напечатано в «New-York Daily Tribune», 22 июня 1860 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения,
т. XII, ч. II.

ГАРИБАЛЬДИЙСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

В Южной Италии дело близится к развязке. Если верить французским и сардинским газетам, 1600 гарибальдийцев высадились на берегу Калабрии, и ожидается с часа на час прибытие самого Гарибальди. Но даже если эти известия преждевременны, невозможно сомневаться, что Гарибальди до середины августа перенесет театр войны на итальянский полуостров.

Чтобы уяснить себе движение неаполитанцев, необходимо иметь в виду, что в их армии действуют два противоположных скрытых течения: умеренная либеральная партия, официально стоящая у власти и представленная министерством; и абсолютистская камарилья, с которой связано большинство главных начальников армии. Приказы министерства парализуются тайными приказами двора и интригами генералов. Отсюда противоречивость движений и противоречивость донесений. Сегодня нам говорят, что все королевские войска должны покинуть Сицилию, завтра мы видим их среди приготовлений новой оперативной базы в Мелаццо. Таково положение дела во всех полуреволюциях; 1848 год богат подобными примерами по всей Европе.

В то время как неаполитанское министерство предложило эвакуировать остров, Боско, — как видно, единственный решительный человек в этом сборище старых баб с генеральскими эполетами, — спокойно приступил к превращению северо-восточного угла острова в укрепленную базу, из которой можно было бы предпринять обратное завоевание острова, и с этой целью он направился в Мелаццо с отборным отрядом лучших солдат, каких он мог найти в Мессине. Здесь он наткнулся на бригаду гарибальдийцев под командой Медичи. Однако он не отважился на серьезную атаку гарибальдийцев, пока не было послано за самим Гарибальди, который явился с подкреплениями. Тогда уже вождь инсургентов напал на ко-

ролевские войска и в упорном сражении, длившемся более двенадцати часов, разбил их на-голову. Силы обеих участвовавших в бою сторон были приблизительно равны, но неаполитанцы занимали очень сильную позицию. Однако ни позиция, ни солдаты не могли устоять против стремительного натиска инсургентов, которые погнали неаполитанцев прямо через город в цитадель. Здесь им оставалось только сдаться, и Гарибальди разрешил им сесть на корабли, но без оружия. После этой победы Гарибальди направился к Мессине; здесь неаполитанский генерал согласился сдать внешние форты города при условии, что его не будут трогать в цитадели. Цитадель Мессины может вместить всего несколько тысяч человек и никогда не станет серьезным препятствием дальнейшему наступлению Гарибальди; поэтому он поступил совершенно правильно, избавив город от бомбардировки, которая явилась бы неизбежным следствием штурма. Во всяком случае серия этих капитуляций, как Палермо, Мелаццо и Мессины, в большей мере должна подорвать веру королевских войск в себя и своих начальников, нежели в два раза большее количество побед. Капитулировать перед Гарибальди стало для неаполитанцев делом обычным и естественным.

С этого момента сицилийский диктатор получил возможность помышлять о высадке на континенте. Паровых судов у него, повидимому, еще недостаточно, чтобы обеспечить успех десанта далее к северу, где-либо в шести или восьми переходах от Неаполя, хотя бы в заливе Поликастро. Он, повидимому, решил переправиться через пролив в самом узком месте, т. е. в крайнем северо-восточном пункте острова, к северу от Мессины. В этом пункте он, как говорят, сосредоточил около 1000 судов, в большинстве, вероятно, рыбацких и каботажных фелюг, — обычный тип судов у этих берегов, — и если известие о высадке 1500 человек под командой Сеочо подтвердится, то надо полагать, что они составляют его авангард. Это место — не самое удобное для похода на Неаполь, ибо эта часть полуострова наиболее отдалена от столицы; но если пароходы Гарибальди не могут сразу перевезти десятки тысяч человек, то другого места ему выбирать не приходится, а в данном пункте у него есть хотя бы то преимущество, что калабрийцы немедленно присоединятся к нему. Однако, если он сумеет посадить на свои пароходы тысяч десять человек и сможет положиться на нейтралитет королевского флота (который, повидимому, решил не сражаться против итальянцев), тогда возможно, что высадка небольшого отряда в Калабрии представляет лишь демонстрацию, сам же он намерен с главными силами направиться к заливу Поликастро или даже к заливу Салерно.

Находящиеся ныне в распоряжении Гарибальди силы состоят из пяти бригад регулярной пехоты, по четыре батальона в каждой, десяти батальонов этнских стрелков, двух батальонов альпийских стрелков, представляющих отборный отряд его войск, одного иностранного (теперь итальянского) батальона под командой англичанина, полковника Денна, одного батальона саперов, одного полка и одного эскадрона кавалерии и четырех дивизионов полевой артиллерии; всего 34 батальона, 4 эскадрона и 32 пушки, с общей численностью 25 000 человек, из которых свыше половины северо-итальянцы, остальные — уроженцы прочей Италии. Почти все эти силы можно было бы использовать для наступления на Неаполь, поскольку производимых теперь новых формирований окажется вскоре достаточно для наблюдения за цитаделью Мессины и для защиты Палермо и прочих городов от нападений. Однако, если сравнить их с численностью войск, которыми располагает неаполитанское правительство на бумаге, они оказываются весьма малочисленными.

Неаполитанская армия состоит из трех полков гвардии, пятнадцати линейных полков, четырех иностранных полков, по два батальона каждый, а всего из 44 батальонов; из тринадцати батальонов стрелков, девяти кавалерийских и двух артиллерийских полков, итого из 57 батальонов и 45 эскадронов мирного состава. Включая 9000 жандармов, организованных тоже вполне по-военному, эта армия в мирном составе насчитывает 90 000 человек. Однако в течение двух последних лет она была доведена до полного боевого состава; в полках были сформированы третьи батальоны, запасные эскадроны были переведены на действительную службу, гарнизоны вполне укомплектованы, и в настоящее время эта армия насчитывает на бумаге свыше 150 000 человек.

Но что это за армия! На смотру, с точки зрения педанта, она превосходна, но в ней нет ни жизни, ни одушевления, ни патриотизма, ни верности долгу. У нее нет национальной военной традиции. Неаполитанцы, как таковые, в боях всегда бывали биты. Только идя за Наполеоном, они были когда-то участниками побед. Это не национальная армия. Это чисто королевская армия. Она была набрана и организована для специальной и исключительной цели держать в подчинении народ. Но даже для этого она, очевидно, непригодна; она содержит в себе массу антироялистских элементов, которые ныне заявляют о себе повсюду. В особенности сержанты и капралы все почти либералы. Целые полки кричат: «Viva Garibaldi!» [«Да здравствует Гарибальди!»]. Таких поражений, какие терпела эта армия, начиная от Калатафими и до Палермо, не терпела еще ни одна армия в мире; и если иностранные и некоторые неаполитанские

части хорошо дрались при Мелаццо, то надо помнить, что эти отборные отряды составляют лишь ничтожное меньшинство армии.

Таким образом, почти не может быть сомнений, что если Гарибальди высадится с силами, достаточными, чтобы добиться некоторых успехов на полуострове, то никакая массовая концентрация неаполитанцев не сможет противостоять ему с шансом на успех; и мы, возможно в ближайшем будущем, услышим, что он продолжает свое триумфальное шествие от Сциллы к Неаполю во главе 15 000 человек против вдесятеро сильнейшего противника.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке
8 августа 1860 г.

Впервые напечатано в «New-York Daily Tribune», 23 августа 1860 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения,
т. XII, ч. II.

ПРОДВИЖЕНИЕ ГАРИБАЛЬДИ

По мере того как разворачиваются события, мы получаем возможность понять тот план освобождения Южной Италии, который разработал Гарибальди, и чем ближе мы знакомимся с этим планом, тем более восхищаемся его грандиозностью. Такой план можно было задумать и проводить в жизнь только в такой стране, как Италия, где национальная партия так прекрасно организована и находится целиком под руководством человека, с таким блестящим успехом обнажившего свой меч за дело итальянского единства и независимости.

План не ограничивался только освобождением неаполитанского королевства; одновременно с этим должно было начаться наступление на Папскую область, чтобы таким образом дать работу не только войскам «короля-Бомбы»*, но и армии Ламорисьера и стоящим в Риме французам. Около 15 августа 6000 волонтеров, постепенно переведенных из Генуи в Апельсинный залив (Гольфо-дельви-Аранчи), на северо-восточном побережье острова Сардинии, должны были быть переброшены на побережье Папской области, в то время как в различных провинциях континентальной части неаполитанского королевства должно было начаться восстание, а Гарибальди должен был переехать через Мессинский пролив в Калабрию. Некоторые замечания Гарибальди о трусости неаполитанцев и полученные с последним пароходом сведения о его триумфальном вступлении в Неаполь делают вероятным, что восстание на улицах этого города, оказавшееся, впрочем, излишним вследствие бегства короля, было частью общего плана.

Высадка в Папской области, как уже известно, не состоялась, отчасти вследствие настояний Виктора-Эммануила, отчасти же, и главным образом потому, что сам Гарибальди пришел к убеждению о непригодности волонтеров для ведения самостоятельной кампании. Поэтому он взял их в Сицилию, часть из них оставил в Палермо, а остальных послал

* Неаполитанский король Фердинанд II. *Ред.*

кругом острова на двух пароходах в Таормину, где они сейчас и находятся. Тем временем в провинциальных городах Неаполя, как было решено заранее, начались восстания, показавшие, насколько хорошо была организована революционная партия и насколько созрела страна для восстания. 17 августа восстание вспыхнуло в городе Фоджа, в Апулии. Драгуны, из которых состоял городской гарнизон, присоединились к народу. Генерал Флорес, командовавший округом, послал две роты 13-го полка, которые по прибытии на место сделали то же самое. Тогда генерал Флорес прибыл на место сам в сопровождении своего штаба; но он ничего не мог сделать и вынужден был удалиться. Этот образ действий ясно показывает, что и сам Флорес не желал оказывать серьезного сопротивления революционной партии. Если бы он думал о серьезном сопротивлении, он послал бы не две роты, а два батальона и, выезжая на место лично, захватил бы с собой не нескольких адъютантов и вестовых, а такой сильный отряд, какой только он мог бы собрать. В самом деле, уже одно то обстоятельство, что инсургенты позволили ему снова оставить город, достаточно ясно показывает, что между ним и повстанцами существовало по меньшей мере какое-то молчаливое соглашение. Другое движение вспыхнуло в провинции Базиликата. Здесь повстанцы собрали свои силы в Карлетто-Пертикара, деревушке на берегу реки Ланьи (по всей вероятности, это то самое место, которое в телеграммах именуется Корлето).

Из этого гористого и отдаленного округа они направились в главный город провинции Потенцу, куда прибыли 17 августа в составе 6000 человек. Сопротивление им оказали только жандармы, в количестве около 400 человек, которые после кратковременной схватки были рассеяны, а затем один за другим сдались. От имени Гарибальди было учреждено провинциальное правительство и назначен временный диктатор. Сообщают, что этот пост занял королевский интендант (губернатор провинции), — еще один признак того, насколько безнадежным считают дело Бурбонов даже их собственные административные органы. Из Салерно были посланы четыре роты 6-го линейного полка для подавления этого восстания, но по прибытии в Аулетту, находящуюся приблизительно в 23 милях от Потенцы, они отказались идти далее и стали кричать «Viva Garibaldil» [«Да здравствует Гарибальди!»]. Это единственные выступления, о которых до нас дошли некоторые подробности. Но нам, кроме того, сообщают, что к восстанию примкнули и другие местности, как, например, Авеллино, город, отстоящий от Неаполя менее чем в 30 милях; Кампобассо, в провинции Молизе (на Адриатическом побережье), и Челенца, в Апулии, — вероятно, тот самый город, который

в телеграммах именуется Чилента; он расположен на полупути между Кампобассо и Фоджа. В настоящее время к ним присоединился и Неаполь. Пока неаполитанские провинциальные города выполняли таким образом каждый назначенную ему часть работы, Гарибальди не сидел сложа руки. Как только он вернулся из своего путешествия в Сардинию, он закончил приготовления к переезду на континент. Его армия состояла теперь из трех дивизий под командой Тюрра, Козенца и Медичи. Две последних дивизии, сосредоточенные вокруг Мессины и Фаро, были направлены к северному побережью Сицилии между Милаццо и Фаро, дабы сделать вид, что там их погрузят на суда и высадят на Калабрийском побережье, к северу от пролива, где-нибудь около Пальми или Никотары. Что касается дивизии, находившейся под начальством Тюрра, то бригада Эбера расположилась лагерем около Мессины, а бригада Биксио была отправлена во внутреннюю часть острова, в Бронте, для подавления местных беспорядков. Общим им было приказано немедленно направиться в Таормину, где вечером 18 августа бригада Биксио вместе с привезенными из Сардинии волонтерами была посажена на два парохода, «Торино» и «Франклин», и на несколько транспортных судов, взятых на буксир.

За десять дней до этого майор Миссори с 300 человек переехал через пролив и благополучно пробрался через неаполитанскую линию на высокую и пересеченную местность Аспромонте. Здесь к нему присоединились другие небольшие отряды, перебрасываемые время от времени через пролив, и калабрийские инсургенты, так что к этому времени под его командой находилось приблизительно до 2000 человек. Как только высадился его маленький отряд, неаполитанцы послали в погоню за ним около 1800 человек, но эти 1800 героев действовали таким образом, чтобы им никогда не пришлось встретиться с гарибальдийцами.

19 августа на рассвете экспедиция Гарибальди (на борту парохода находился *он сам*) высадилась между Мелитой и мысом Спартивенто, на крайней южной оконечности Калабрии.

Они не встретили никакого сопротивления. Неаполитанцы были настолько обмануты демонстративными движениями, угрожавшими высадкой десанта к северу от пролива, что совершенно не обращали внимания на южные районы. Таким образом, кроме 2000 человек, собранных Миссори, удалось перебросить на континент еще 9000 человек.

Получив эти подкрепления, Гарибальди немедленно двинулся на Реджио, который был занят четырьмя ротами линейных войск и четырьмя ротами стрелков. Но гарнизон этот, по всей вероятности, получил некоторые подкрепления, ибо,

как сообщают, в самом Реджио или около него 21 августа произошло весьма ожесточенное сражение. После того как Гарибальди взял штурмом несколько передовых укреплений, артиллерия форта Реджио отказалась поддерживать огонь, и генерал Виале капитулировал. В этом сражении был убит полковник Дефлот (республиканский депутат от Парижа во Французском законодательном собрании 1851 года).

Неаполитанская флотилия, стоявшая в проливе, отличалась тем, что ровно ничего не делала. После того как Гарибальди произвел высадку, командующий морскими силами телеграфировал в Реджио, что его корабли не могли оказать никакого сопротивления, так как у Гарибальди было 8 больших военных кораблей и 7 транспортных судов. Флотилия эта не оказала никакого сопротивления и переправе дивизии генерала Козенца, имевшей место, вероятно, 20-го или 21-го, в узком месте пролива, между Сциллой и виллой Сан-Джiovанни, в том самом месте, где было сосредоточено наибольшее количество неаполитанских судов и войск. Высадка Козенца сопровождалась чрезвычайно большим успехом. Две бригады Мелендеса и Бриганти (неаполитанцы называют бригады батальонами) и форт Пеццо (а не Пиццо, как говорится в некоторых телеграммах; это местечко расположено далеко на север за Монтелеоне) сдались ему, повидимому, без единого выстрела. Как передают, это произошло 21-го; в этот же день после небольшой стычки была занята вилла Сан-Джiovанни.

Таким образом, Гарибальди в течение трех дней овладел всем побережьем пролива, включая некоторые укрепленные пункты; несколько фортов, оставшихся еще у неаполитанцев, стали теперь для них бесполезны.

В последующие дни, повидимому, происходила перевозка остальных войск и артиллерии, — по крайней мере мы не слышим ни о каких дальнейших сражениях вплоть до 24 августа, когда, по сообщению, произошла ожесточенная стычка в пункте, который телеграммы называют Пиале, но который не значится на картах. Быть может, под этим именем известен какой-нибудь горный поток, и ущелье, им образуемое, послужило оборонительной позицией для неаполитанцев. По слухам, стычка не привела к решительным результатам. Через некоторое время гарибальдийцы предложили перемирие, и неаполитанский командующий передал это предложение своему главнокомандующему в Монтелеоне. Но прежде чем пришел ответ, неаполитанские солдаты, повидимому, пришли к заключению, что они достаточно поработали на своего короля, и рассеялись, оставив батареи без прикрытия.

Главный отряд неаполитанцев под командой Боско в течение всего этого времени стоял, повидимому, в бездействии в Монтелеоне, милях в тридцати от пролива. Должно быть войска не проявляли особого желания сражаться с вторгшимися отрядами, и потому генерал Боско поехал в Неаполь, чтобы захватить оттуда шесть батальонов стрелков, которые, наряду с гвардейцами и иностранными отрядами, являются наиболее надежными частями армии. Мы позже узнаем, были ли и эти шесть батальонов охвачены тем же духом подавленности и деморализации, который господствует в неаполитанской армии. Достоверно одно, — именно, что ни эти, ни какие-либо другие войска не смогли помешать Гарибальди победоносно и, по всей вероятности, без всяких препятствий дойти до Неаполя, после чего оказалось, что королевская семья бежала, а ворота города открылись перед торжествующим победителем.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке
около 1 сентября 1860 г.

Впервые напечатано в «New-York Daily Tribune», 21 сентября 1860 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения,
т. XII, ч. II.

ГАРИБАЛЬДИ В КАЛАБРИИ

В настоящее время мы располагаем подробными сведениями относительно завоевания Гарибальди Нижней Калабрии и полного рассеяния неаполитанских войск, которым была поручена ее защита. В этот момент своей победоносной карьеры Гарибальди показал себя не только смелым вождем и ловким стратегом, но и научно-подготовленным генералом. Наступление главными силами против цепи прибрежных фортов — это такое предприятие, которое требует не только военного таланта, но и военных знаний; можно с удовлетворением констатировать, что наш герой, который за всю свою жизнь не сдал ни одного военного экзамена и который вряд ли когда-либо служил в регулярной армии, так же хорошо справляется с этим видом войны как и со всяким другим.

Носок итальянского сапога образуется горной цепью Аспромонте, которая заканчивается вершиной Монте-Альто, высотой около 4300 футов. Отсюда воды сбегаят к побережью по множеству глубоких ущелий, расходясь из Монте-Альто, как из центра, радиусами полукруга, периферию которого образует берег. Эти ущелья вместе с руслами текущих по ним горных потоков, которые в это время года высыхают, называются *фиумаре* и образуют много удобных позиций для отступающей армии. Правда, их можно обогнуть со стороны Монте-Альто, особенно ввиду того, что на хребте каждого отрога и на хребте главной цепи Аспромонте имеются тропинки для выючных животных и пешеходов; но полное отсутствие воды на этой высокой местности сделало бы подобный маневр довольно трудным для большого отряда в летнее время года. Отроги горы спускаются к берегу и далее к морю крутыми и беспорядочно нагроможденными скалами. Форты, охраняющие пролив между Реджио и Сциллой, построены отчасти на берегу, главным же образом на низких выдающихся вперед

скалах непосредственно у берега. Вследствие этого все они доступны наблюдению с более высоких утесов, расположенных поблизости и командующих над ними; и хотя эти командные точки недоступны для артиллерии и большей частью расположены вне досягаемости старой «смуглой Бетси»* и во время постройки фортов им не придавали никакого значения, после появления современных винтовок они приобрели решающее значение; большая часть из них находится в пределах досягаемости огня винтовок, и, таким образом, они теперь действительно командуют над фортами. При этих условиях энергичное наступление на эти форты, вопреки всем правилам регулярной осады, было вполне целесообразным. Очевидно, Гарибальди собирался сделать следующее: послать одну колонну по большой дороге, выходящей вдоль берега и открытой обстрелу с фортов, делая вид, что он намеревается напасть на неаполитанские отряды с фронта, а другую колонну он должен был послать через холмы вверх по ущелью настолько высоко, насколько этого требовали характер местности или линия фронта неаполитанских оборонительных позиций. Таким образом, он имел возможность окружить и войска, и форт и занять командующее положение в любой стычке.

В соответствии с этим планом Гарибальди 21 августа послал Биксио с частью его войск вдоль берега по направлению к Реджио, а сам с небольшим отрядом и войсками Миссори, которые присоединились к нему, направился через горы. Неаполитанцы в составе восьми рот, около 1200 человек, занимали ущелье, расположенное у Реджио. Биксио, который должен был первый начать атаку, послал одну колонну по песчаному берегу на крайний левый фланг, а сам двинулся вперед по дороге. Неаполитанцы очень скоро отступили, но их левое крыло, находившееся на холмах, держалось против небольшой горсточки авангарда Гарибальди до тех пор, пока не подошел отряд Миссори и не отбросил их. Они отступили в форт, который расположен посреди города, и к маленькой батарее на берегу. Эта последняя была взята стремительной атакой трех рот Биксио, ворвавшихся через амбразуру. Затем Биксио, нашедший в этой батарее два неаполитанских тяжелых орудия и снаряды, стал бомбардировать главный форт, но это не принудило бы форт к сдаче, если бы искусные стрелки Гарибальди не заняли командующих высот, с которых они могли обозревать и расстреливать находившихся на батареях артиллеристов. Это возымело свое действие: артиллеристы покинули платформы и убежали в казематы; форт сдался, солдаты частью присоединились к Гарибальди, но большинство разо-

* Гладкоствольное ружье. Ред.

шлось по домам. Пока эти события происходили в Реджио и внимание неаполитанских пароходов было отвлечено этой битвой, разрушением севшего на мель парохода «Торино» и демонстративной погрузкой отряда Медичи в Мессине, Козенц успел переправить на 60 лодках 1500 человек из Фаро-Лагоре и высадил их на северо-западном побережье между Сциллой и Баньярой.

23 августа произошла небольшая стычка у Саличио, немного дальше Реджио, причем пятьдесят гарибальдийцев, — англичан и французов, под командой полковника Дефлота, разгромили неаполитанцев, превосходивших их по численности в четыре раза. В этой стычке погиб Дефлот. В этот же самый день генерал Бриганти, командовавший в Нижней Калабрии бригадой, входившей в состав войск Виале, имел беседу с Гарибальди относительно условий перехода в лагерь итальянцев; это свидание лишний раз показало наличие полной деморализации среди неаполитанцев. С этого момента для них не могло быть и речи о победе, речь могла идти только о сдаче. Бриганти и Мелендес, командир второй подвижной бригады Нижней Калабрии, заняли позицию неподалеку от берега, между виллой Сан-Джиованни и Сциллой, причем их левое крыло простиралось до холмов близ Фиумаре-ди-Муро. Численность их соединенных сил может быть определена приблизительно в 3600 человек.

Гарибальди, установив связь с Козенцем, который высадился в тылу этого отряда, окружил неаполитанцев со всех сторон и затем спокойно дожидался их сдачи, которая и последовала к вечеру 24-го. Он взял у них оружие и разрешил солдатам, если они пожелают, идти домой, что большинство из них и сделало. Форт Пунта-ди-Пеццо также сдался, и примеру его последовали укрепленные посты Алла-Фиумаре-Торре-дель-Кавалло и Сциллы, ибо защищавшие их отряды были совершенно деморализованы как вследствие ружейного огня с командующих высот, так и вследствие сдачи прочих фортов и линейных войск. Таким образом, не только было обеспечено полное господство над обеими сторонами пролива, но и завоевана вся Нижняя Калабрия, и менее чем в пять дней посланные на ее защиту войска были взяты в плен и распушены по домам.

Этот ряд поражений сломил у неаполитанской армии всякую способность к дальнейшему сопротивлению. Офицеры остальных батальонов Виале, в Монтелеоне, решили, чтобы сохранить внешнее приличие, защищать свою позицию в течение часа, а затем сложить оружие. Восстание в других провинциях делало быстрые успехи; целые полки отказывались выступать против инсургентов, и даже среди войск, защищав-

ших Неаполь, началось дезертирство, и таким образом герою Италии открылся, наконец, путь на Неаполь.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке
в начале сентября 1860 г.

Впервые напечатано в «New-York Daily Tri-
bune», 24 сентября 1860 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения,
т. XII, ч. II.

СТАТЬИ
ПО ВОЕННЫМ ВОПРОСАМ
1860—1861 гг.

ВОЕННАЯ РЕФОРМА В ГЕРМАНИИ

Итальянская война 1859 г., еще более, чем Крымская, установила тот факт, что французская военная организация — лучшая во всей Европе. Из всех европейских армий, исключая французскую, австрийская армия стояла, без сомнения, всех выше; тем не менее в непродолжительную кампанию 1859 г., хотя ее солдаты и покрыли себя славой, армия как целое не смогла выиграть ни одного сражения. Даже принимая во внимание низкое качество генералитета, отсутствие единства в командовании и некомпетентное вмешательство императора, все же единодушным впечатлением офицеров и солдат австрийских полков было то, что их неуспех был обязан их организации, менее приспособленной к нуждам современной войны, чем организация их противников. А если австрийская армия, всего несколько лет тому назад полностью реорганизованная, оказалась неудовлетворительной, то чего же следовало ожидать от других армий, организация которых относилась к еще более отдаленным временам?

Что французы в этом отношении стояли впереди, нет ничего удивительного. Любая обладающая некоторыми военными способностями нация, ведущая в течение двадцати пяти лет малые войны в таком колоссальном масштабе, как в Алжире, не может не развить благодаря этому способностей своих войск до высшей степени. В то время как Англия и Россия вели свои войны в Индии и на Кавказе главным образом при помощи специально предназначенных для этой цели войск, большая часть французской армии прошла алжирскую школу. Франция действительно извлекла наибольшую пользу из этой школы, которая стоила много людей и денег, но оказалась чрезвычайно эффективна и плодотворна в смысле получения ценного боевого опыта. Последовавшая затем Крымская война, другая школа более крупного масштаба, способствовала упрочению доверия солдата к самому себе, показав ему, что опыт, приобретенный им в походах против кочевых племен и иррегулярных отрядов, одинаково полезен и применим в борьбе с регулярными войсками.

Что при таких обстоятельствах нация, наделенная исключительными военными способностями, должна была довести свою боевую организацию до степени совершенства, превосходящей все достижения ее соседей,— этот факт, бесспорно доказанный при Мадженте и Сольферино, все же вызвал удивление, особенно в Германии. Военные педанты этой страны были так уверены в своем очевидном превосходстве над ветеранными, непостоянными, недисциплинированными и безнравственными французами, что разразившийся удар буквально ошеломил их. С другой стороны, более молодые и более образованные круги австрийской и прочих германских армий, всегда возражавшие против педантизма (*martinetism*), сразу подняли голос. Австрийские офицеры, под свежим впечатлением Мадженты, первые стали говорить, — и это совершенно верно, — что французы не носят на себе ранцев во время боя, не имеют ни галстуков, ни стоячих воротников, ни узких мундиров или брюк; они одеты в широкие шаровары и в просторный мундир с отложным воротником, шея и грудь у них совершенно свободны, головы их покрыты легкими кепи, а патроны они носят в карманах брюк. Куда австрийские солдаты приходят усталые и запыхавшиеся, туда французы являются свежие, с песнями, готовые к физическому напряжению. Так австрийские офицеры под свежим впечатлением сообщали в своих письмах с поля битвы; прусские, баварские и прочие офицеры вскоре заговорили в тон с ними. Страшный факт был налицо. Солдаты действительно осмелились противостать врагу, не неся с собой всей обременительной массы предметов, которые почти все служат для пышной помпы и внешнего фона войны и которые в общей сложности являются для солдата настоящими путами; несмотря на отсутствие этих пут, они вышли победителями из всех сражений. Этот факт был настолько серьезным, что даже немецкие правительства не могли закрыть на это глаза.

Таким образом, военная реформа сделалась в Германии лозунгом дня к великому ужасу всех приверженцев старой моды. Самые революционные теории, касающиеся военного дела, не только безнаказанно предлагались на обсуждение, но даже принимались во внимание правительствами. Первый пункт касался, конечно, обмундирования солдата, которое составляло самое резкое различие между обеими армиями на поле сражения. Длительность обсуждения этого проекта вполне соответствовала разнообразию вкусов. По вопросу о военной форме была проявлена масса изобретательности. Фуражки, каски, кивера, шапки, мундиры, блузы, шинели, воротники, обшлага, брюки, гетры и сапоги обсуждались с такой горячностью и красноречием, как будто только

от этих вещей зависела судьба сражения при Сольферино. Самыми экстравагантными в своих военных формах оказались австрийцы. Начав с почти точной копии французского образца (исключая цвета), они прошли через промежуточные стадии до куртки и мягкой широкополой шляпы. Представьте себе чопорного, консервативного, степенного императорско-королевского австрийского солдата в кокетливом одеянии французского шассера или, еще того хуже, в куртке и фетровой шляпе революционного германского вольного корпуса 1848 года. На австрийскую военную систему нельзя было придумать лучшей сатиры, как тот факт, что каждая из этих крайностей серьезно подвергалась обсуждению. Как это обычно бывает, спор скорее выдохся, чем пришел к какому-нибудь решению; приверженцы старых военных традиций вернули себе часть потерянных позиций и, по крайней мере в Австрии, перемены в форме будут в целом очень незначительны, да и в других армиях едва ли можно ожидать каких-либо изменений, за исключением того, что прусская каска, это излюбленное изобретение романтического Фридриха-Вильгельма IV, повидимому, обречена сойти в могилу еще раньше своего изобретателя.

Следующим встал на очередь великий вопрос о ранце. Что французы шли в сражение без ранца, было такой неосторожностью, которую можно было оправдать только их удачей и жарким временем года. Но если бы это вошло у них в обычай, первая же неудача в холодную или дождливую погоду жестоко наказала бы их за это. В самом деле, если бы это стало всеобщим обычаем, следствием явилось бы то, что в каждом сражении побежденная армия теряла бы не только артиллерию, знамена и запасы, но и весь личный багаж каждого пехотинца. В итоге несколько дождливых дней, проведенных на бивуаке, совершенно расстроили бы пехоту, ибо каждый солдат оказался бы одетым только в то, что было на нем. Впрочем, сущность вопроса заключается, повидимому, в том, каким образом можно было бы сократить до минимума личный багаж каждого солдата. Этот важный вопрос мог бы быть легко и удовлетворительно разрешен, если бы составляющие его предметы рассматривались исключительно с точки зрения их пригодности в походе; но в Германии дискуссия не разрешила этого вопроса.

Кроме вопроса об одежде и вопроса о ранце, подробному обсуждению подвергается также организация различных подразделений армии. Сколько человек должно составлять роту, сколько рот — батальон, сколько батальонов — полк, сколько полков — бригаду, сколько бригад — дивизию и т. д.? Вот еще одна тема, по поводу которой можно с самым серьезным и

важным видом наговорить кучу вздора. Во всякой армии система элементарной тактики ограничивает известными пределами численный состав и количество рот и батальонов; минимум и максимум численного состава бригад и дивизий определяются составом, принятым в соседних армиях, чтобы в случае столкновения разница между более крупными тактическими соединениями не была слишком велика. Пытаться разрешить такие вопросы не с помощью реальных условий, вытекающих из данных фактов, а выводя это решение из основных принципов — означает вздор, достойный, может быть, германских философов, но не людей практики. Увеличение числа австрийских линейных пехотных полков с 63 до 80, с уменьшением числа батальонов, не в большей мере обеспечит им «better luck next time» [лучшее счастье в следующий раз], чем введение широких шаровар и отложных воротников.

Но в то время как военные моды и мудреные расчеты о нормальной численности и составе бригады поглощают все внимание, крупные недостатки и язвы немецкой военной системы остаются без внимания. В самом деле, что мы должны подумать об офицерах, которые яростно спорят о покрое пары брюк или воротника, но которые опокорно мирятся с тем, что в германской федеральной армии* имеется около двадцати различных калибров полевой артиллерии и почти неисчислимое разнообразие калибров ручного оружия? Введение в армии винтовки, представлявшее такой прекрасный случай для унификации калибра по всей Германии, не только было выполнено безобразно небрежно, но и ухудшило дело. Стоит несколько задержаться на этой путанице калибров. Австрия, Бавария, Вюртемберг, Баден и Гессен-Дармштадт имеют один калибр — 0,53 дюйма. С тем практическим здравым смыслом, который южные немцы проявляли во многих случаях, они провели эту в высшей степени важную реформу, устанавливающую одинаковость калибра для пяти корпусов федеральной армии. Пруссия имеет два калибра: один калибр, так называемого *Zündnadelgewehr*, или игольчатого ружья, около 0,60 дюйма, и другой — старого, гладкоствольного мушкета, недавно нарезанного по принципу Минье, приблизительно 0,68 дюйма. Последний, впрочем, должен быть в самом скором времени заменен первым. Девятый армейский корпус имеет три различных калибра для винтовки и два или три различных калибра для гладкоствольных ружей. Десятый корпус имеет по крайней мере десять калибров, а в резервной дивизии калибров

* Речь идет о вооруженных силах Германского союза (основан в 1815 г.), не существовавших как единая военная организация, а состоявших из армий германских государств, входивших в этот союз. *Ред.*

почти столько же, сколько батальонов. Вообразите теперь эту пеструю армию во время активных действий. Как можно достичь того, чтобы боевые припасы, соответствующие каждому контингенту, могли быть всегда доставлены в случае нужды и чтобы, в противном случае, этот контингент не оказался беспомощным и бесполезным? За исключением Австрии, южно-германских государств и Пруссии, ни один контингент уже из-за одного этого обстоятельства не может принести никакой реальной пользы в затяжном сражении. То же самое верно и в отношении артиллерии. Вместо того, чтобы остановиться сразу на одном общем калибре, соответствующем хотя бы старой шестифунтовой пушке, который, таким образом, сделался бы со временем общим калибром для нарезных полевых орудий, пруссаки, австрийцы и баварцы льют в настоящее время нарезные пушки совершенно независимо друг от друга, что повлечет за собой только увеличение уже существующего разнообразия калибров. Армия, в которой имеются столь существенные недостатки, могла бы тратить время на что-либо более важное, чем споры о воротниках и шароварах (inexpres-sibles) и о нормальной численности бригад и батальонов.

В Германии не может быть никакого прогресса в военном деле, пока в высших сферах не хотят расстаться с мыслью, будто армии созданы для парадов, а не для боя. Педантизм, побежденный на некоторое время Аустерлицем, Ваграмом и Иеной и народным энтузиазмом 1813—1815 гг., вскоре вновь поднял голову; он безраздельно господствовал до 1848 г. и, повидимому, достиг, по крайней мере в Пруссии, своего кульминационного пункта в течение последних десяти лет. Если бы Пруссия была вовлечена в итальянскую войну, Пелисье наверное устроил бы ее армии новую Иену, и только крепости на Рейне могли бы спасти ее. До такого положения довели армию, которая по качеству своих солдат не уступает никакой другой в мире. В случае будущего конфликта между Францией и Германией мы можем с полным основанием ожидать воспроизведения характерных черт Мадженты и Сольферино.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке в январе 1860 г.

Впервые напечатано в «New-York Daily Tribune», 20 февраля 1860 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XII, ч. II.

О НАРЕЗНОЙ ПУШКЕ

I

Первые попытки увеличить дальность полета снарядов и меткость артиллерии посредством винтовой нарезки канала орудия, что придает снаряду вращательное движение вертикально линии полета, начинаются уже в XVII столетии. В Мюнхене есть маленькая нарезная пушка, изготовленная в Нюрнберге в 1694 г.; она имеет восемь нарезов, а диаметр ее канала равен приблизительно 2 дюймам. В течение всего XVIII века как в Германии, так и в Англии производились опыты с нарезной пушкой, причем некоторые пушки заряжались с казенной части. Хотя калибры были малы, достигнутые результаты оказались весьма удовлетворительными; в 1776 г. двухфунтовые английские пушки, с дальностью полета в 1300 ярдов, давали боковые отклонения только в 2 фута — степень точности, которой в то время не могло давать даже приблизительно никакое другое орудие. В том же году эти нарезные пушки были впервые применены для стрельбы удлиненными снарядами ¹²⁸.

Однако все эти опыты в течение долгого времени оставались без всяких практических результатов. В то время общая тенденция военных кругов была против нарезного оружия. Сама винтовка представляла тогда чрезвычайно громоздкий инструмент, ее зарядание являлось медленной и утомительной операцией, требующей значительной ловкости. Это оружие не подходило для широкого применения на войне в эпоху, когда главное, что требовалось в сражении, был быстрый огонь как из развернутых линий, так и из головных частей колонны и от отдельных стрелков. Наполеон не захотел иметь в своей армии винтовок; в Англии и Германии винтовкой были вооружены только немногие батальоны; лишь в Америке и Швейцарии винтовка осталась национальным оружием.

Война в Алжире дала повод снова обратить внимание на винтовку и внести в ее конструкцию усовершенствования, которые явились лишь началом той колоссальной революции во всей системе огнестрельного оружия, которая еще и теперь далека от завершения. Гладкоствольные мушкеты французов не могли соперничать с длинными эспингардами арабов; их большая длина и лучший материал, допускавший применение более тяжелого заряда, позволяли кабилам и бедуинам стрелять по французам на расстоянии, на котором мушкет казенного образца был совершенно бессилён. Герцог Орлеанский, который наблюдал прусских и австрийских стрелков и был в восторге от них, организовал по их образцу также французских шассеров, которые вскоре в смысле вооружения, снаряжения и тактики стали лучшими в мире войсками этого рода. Винтовка, которою они были вооружены, значительно превосходила старую винтовку, и вскоре она подверглась дальнейшим изменениям, которые, в конце концов, привели к общему принятию нарезных ружей в пехоте всех европейских государств.

Когда, таким образом, дальность огня пехоты была увеличена с 300 до 800 и даже до 1000 ярдов, встал вопрос, сможет ли полевая артиллерия, которая до тех пор держала под огнем все дистанции от 300 до 1500 ярдов, успешно сопротивляться новому ручному оружию. Дело в том, что огонь обычных полевых пушек был наиболее эффективен как раз на тех дистанциях, которые теперь оспаривались у них винтовкой; картечь едва ли оказывала значительное действие на дистанции свыше 600 или 700 ярдов; круглые снаряды 6- или 9-фунтовых пушек на дистанции свыше 1000 ярдов не давали особо удовлетворительных результатов, а шрапнель (круглый снаряд с картечью), чтобы оказывать свое страшное действие, требовала хладнокровия и точного вычисления расстояний, что не всегда бывает возможно произвести во время сражения при наступлении неприятеля; что же касается стрельбы гранатами по войскам из старых гаубиц, то она оказывалась совершенно неудовлетворительной. Армии, у которых самым мелким калибром являлась 9-фунтовая пушка, как, например, английская, были еще в лучшем положении; французская 8-фунтовая пушка, а тем более германская 6-фунтовая сделались почти совсем бесполезными. Чтобы избежать этого недостатка, французы, приблизительно в начале Крымской войны, ввели так называемое изобретение Луи-Наполеона, легкую 12-фунтовую пушку, *saupon obusier*, из которой можно было стрелять одинаково хорошо как ядром, при заряде в одну четверть вместо прежней трети его веса, так и гранатой. Эта пушка представляла простой плагиат легкой английской 12-фунтовой пушки, которая снова была уже

оставлена англичанами; система стрельбы гранатами из длинных пушек уже давно применялась в Германии, так что в этом так называемом усовершенствовании не было ничего нового. Тем не менее, вооружение всей французской артиллерии 12-фунтовыми пушками даже меньшей дальности дало бы ей решительное превосходство над 16- и 8-фунтовыми пушками; и чтобы противодействовать этому, прусское правительство в 1859 г. приняло решение дать тяжелые 12-фунтовые пушки всем батареям пешей артиллерии. Это был последний шаг в пользу гладкоствольных пушек; он показал, что весь вопрос был исчерпан и что защитники гладкоствольных пушек были доведены до абсурда. Действительно, не могло быть ничего более нелепого, как вооружить всю артиллерию целой армии этими промоздкими, увязывающими в грязи прусскими 12-фунтовыми пушками, притом в такое время, когда подвижность и быстрота маневрирования являются важнейшими качествами. Так как французские легкие 12-фунтовые пушки имеют относительные преимущества только сравнительно с другой артиллерией и вовсе лишены их по сравнению с новым ручным оружием, прусские же тяжелые 12-фунтовые пушки представляют очевидную нелепость,— то не оставалось ничего другого, как либо совсем отказаться от полевой артиллерии, либо перейти к нарезной пушке.

Тем временем в разных странах непрерывно производились опыты с нарезной пушкой. В Германии уже в 1816 г. баварский подполковник Рейхенбах делал опыты с небольшой нарезной пушкой и цилиндро-коническим снарядом. В смысле дальности и точности стрельбы результаты были весьма удовлетворительными, но трудности заряжания и побочные препятствия не дали довести до конца разрешение проблемы. В 1846 г. пьемонтский майор Кавалли построил заряжающуюся с казенной части нарезную пушку, которая возбудила значительный интерес. Его первая пушка была 30-фунтовая, заряжаемая цилиндро-коническим полым снарядом, весившим 64 фунта, и 5 фунтами пороха; при угле возвышения в $14\frac{3}{4}$ градусов он получал дальность (при первом измерении) в 3050 метров, или 3400 ярдов. Его опыты, продолжавшиеся до самого последнего времени частью в Швеции, частью в Пьемонте, имели тот важный результат, что благодаря им было открыто боковое отклонение всех снарядов, выбрасываемых из нарезных пушек, отклонение, вызываемое крутизной нарезов и происходящее всегда в направлении их вращения; как только это отклонение было установлено, тот же Кавалли изобрел исправление его с помощью так называемой боковой или горизонтальной тангенциальной шкалы. Результаты его опытов были в высшей степени удовлетворительны. В 1854 г.

в Турине его 30-фунтовая пушка с 8-фунтовым зарядом и 64-фунтовым снарядом дала следующие результаты:

Угол возвышения	Дальность полета	Неправильное боковое отклонение
10°	2806 метров	2,81 метра
15°	3785 "	3,21 "
20°	4511 "	3,72 "
25°	5103 метра	4,77 "

При 25 градусах возвышения дальность полета превышает 3 мили с боковым отклонением от линии прицела (по исправлении посредством горизонтальной шкалы) менее чем в 16 футов! Самые крупные французские полевые гаубицы, при дальности полета в 2400 метров, или 2650 ярдов, давали боковое отклонение, равное в среднем 47 метрам, или 155 футам, т. е. в десять раз большее, нежели отклонение у нарезных пушек при дальности вдвое большей.

Другая система нарезных пушек, возбуждая интерес вскоре после опытов Кавалли, принадлежит шведскому барону Варендорфу. Его пушка тоже заряжалась с казенной части и имела цилиндро-конический снаряд. Однако существовало различие в снаряде, заключавшееся в следующем: в то время как снаряд Кавалли был сделан из твердого металла и имел пояски, входящие в нарезы, снаряд Варендорфа был покрыт тонким слоем свинца и немного превосходил своим диаметром диаметр канала орудия в части нарезов. После введения снаряда в камеру, достаточно просторную для его вмещения, он силой взрыва проталкивался в нарезной канал, и свинец, полностью вдавливаясь в нарезы, предупреждал прорыв хотя бы незначительной доли газов, образованных взрывом. Результаты, достигнутые этими пушками в Швеции и других местах, были вполне удовлетворительны, и если пушки Кавалли были приняты на вооружение в Генуе, то пушки Варендорфа стоят теперь на укреплениях Вегхольма в Швеции, Портсмута в Англии и в некоторых прусских крепостях. Так началось практическое применение нарезных пушек,— правда, пока лишь в крепостях. Оставался еще один шаг, чтобы ввести их в полевую артиллерию, что и было сделано во Франции, а ныне делается в артиллерии всей Европы. Различные системы, по которым теперь с хорошими результатами проектируются нарезные полевые пушки, мы рассмотрим в следующей статье.

II

Мы говорили в предыдущей статье, что первыми, начавшими применять на практике нарезную пушку, были французы. Пять или шесть лет тому назад два офицера, полковник Та-

мизье и подполковник (ныне полковник) Трейль-де-Болье, по поручению правительства, производили опыты с нарезной пушкой, причем достигнутые результаты были признаны достаточно удовлетворительными, чтобы принять их в качестве основы для реорганизации французской артиллерии непосредственно перед началом последней итальянской войны. Не вдаваясь в историю этих опытов, мы сразу приступим к описанию системы, принятой ныне во французской артиллерии.

В соответствии с столь характерным для французов стремлением к единообразию они приняли только один калибр для полевой артиллерии (канал старой 4-фунтовой французской пушки в $85\frac{1}{2}$ миллиметров, или около $3\frac{1}{2}$ дюймов) и один калибр для осадной артиллерии (калибр старой 12-фунтовой пушки в 120 миллиметров, или $4\frac{3}{4}$ дюйма). Все другие орудия, кроме мортир, должны быть сняты. В качестве материала берется обычный пушечный металл, но в некоторых случаях и литая сталь. Пушки заряжаются с дула, ибо опыты французов с заряданием с казенной части не дали удовлетворительных результатов. Каждая пушка имеет шесть нарезов, в 5 миллиметров глубины и 16 миллиметров ширины, округленной формы; крутизна нарезки, повидимому, незначительна, однако детали этого неизвестны. Зазор корпуса снаряда равен приблизительно от $\frac{1}{2}$ до 1 миллиметра; зазор ailettes, или выступов, входящих в нарезы, менее 1 миллиметра. Снаряд имеет цилиндрически-стрельчатую форму, пуст внутри и, будучи наполнен, весит около 12 фунтов; он имеет шесть выступов, по одному на каждый нарез, из которых три помещаются у головки, а три у основания снаряда; они очень короткие, имеют около 15 миллиметров в длину. Полость для зажигательной трубки проходит вниз от головки снаряда и замыкается зажигательной трубкой или пистоном с ударным капсюлем для снаряда, наполненного порохом, и с железной гайкой, когда снаряд не предназначен для разрыва; в последнем случае он наполняется смесью опилок и песка с целью придать ему такой же вес, как если бы он был наполнен порохом. Длина канала пушки равна 1385 миллиметрам, в шестнадцать раз больше его диаметра. Вес бронзовой пушки равен всего 237 килограммам (518 фунтов). Для регулирования линии прицела при отклонении (боковом) снаряда в направлении нарезов, отклонении, свойственном всем снарядам, выбрасываемым из нарезных каналов, правая цапфа имеет на себе так называемую горизонтальную тангенциальную шкалу. Пушка вместе с лафетом, как передают, отличается изяществом работы и своим малым размером и шеголеватостью похожа более на модель, чем на настоящее орудие войны.

Вооруженная этой пушкой, французская артиллерия начала итальянскую кампанию; если она действительно изумила австрийцев своей дальностью, то, конечно, того же самого нельзя сказать о меткости ее огня. Очень часто, даже как правило, пушки давали перелет и представляли больше опасности для резервов, чем для первых линий, — другими словами, там, где они попадают лучше, чем обычные пушки, они попадают в людей, на которых они не направлялись. Несомненно, это является весьма спорным преимуществом, поскольку в девяти случаях из десяти это означает, что пушки не попадают в цель, в которую метят. Австрийская артиллерия, столь же неуклюжая в отношении своей материальной части, как и всякая другая в Европе, держала себя весьма прилично против французских пушек, сходилась с этим страшным противником на очень близкое расстояние (в 500 или 600 * ярдов), снимаясь с передков под его самым сильным огнем. Нет сомнения, что как ни велико превосходство новых французских пушек над старыми гладкоствольными, они ни в какой степени не оправдали возлагавшихся на них надежд. Их фактическая предельная дальность равнялась 4000 метрам (4400 ярдов), и утверждение, будто они легко могли попадать в отдельного всадника на расстоянии 3300 ярдов, было, несомненно, не чем иным, как бесстыдным преувеличением бонапартистов.

Причины этих неудовлетворительных результатов в настоящей войне очень просты. Конструкция этих пушек крайне несовершенна, и если французы примут ее окончательно, то через два-три года их артиллерия в материальной своей части окажется самой худшей в Европе. Первым принципом в нарезном оружии является *отсутствие зазора*, в противном случае снаряд, свободно катясь в канале орудия и в нарезках, будет вращаться не вокруг своей продольной оси, а по спиральной линии полета вокруг воображаемой линии, направление которой определяется случайным положением снаряда при вылете его из дула пушки, и эти спиральные круги будут увеличиваться в диаметре по мере увеличения расстояния. А французские пушки имеют значительный зазор и не могут обойтись без него, поскольку взрыв заряда должен зажечь зажигательную трубку снаряда. Это именно является одним обстоятельством, объясняющим недостаток меткости. Вторым обстоятельством является неравномерность толкающей силы, происходящая вследствие большей или меньшей утечки газа сквозь зазор во время взрыва заряда. Третьим является вызванный наличием этого зазора больший угол возвышения при

* В «Tribune» ошибочно: «900». Ред.

том же заряде; само собой разумеется, что там, где между каналом орудия и снарядом не может прорваться никакое количество газа, тот же самый заряд толкает снаряд дальше, чем в том случае, когда часть газа ускользает. Французские же нарезные пушки, повидимому, требуют не только очень большого заряда (одну пятую всего снаряда), но также и довольно большого угла возвышения. Большая дальность, получаемая нарезными каналами по сравнению с гладкоствольными, даже при меньшем заряде, достигается, главным образом, отсутствием зазора и уверенностью в том, что вся сила взрыва заряда идет на выталкивание снаряда. Допуская зазор, французы жертвуют частью толкающей силы, и им приходится возмещать ее увеличением заряда до известного предела, а за этим пределом — увеличением угла возвышения. Однако ничто в такой степени не мешает меткости на любой дистанции, как большой угол возвышения. Пока линия полета снаряда в своей высшей точке не слишком превосходит высоту цели, ошибка в вычислении расстояния не играет особенной роли, но на большой дистанции снаряд летит очень высоко и падает вниз под углом, в среднем вдвое большим, чем тот, при котором он начал свой полет (последнее, конечно, в том случае, когда возвышение бывает не больше градусов 15). Таким образом, чем больше угол возвышения, тем больше линия, на которой снаряд ударяется в землю, приближается к вертикальной, и ошибка в вычислении расстояния всего лишь в 10 или 12 ярдов может совсем исключить вероятность попадания. При расстоянии свыше даже 400 или 500 ярдов такие ошибки бывают неизбежны, результатом чего является поразительная разница между превосходной стрельбой на полигоне с измеренными дистанциями и отвратительной стрельбой на поле сражения, где расстояния неизвестны, предметы движутся, а время для сообщения очень коротко. Так обстоит дело с новыми винтовками — вероятность попадания их на дистанции свыше 300 ярдов на поле сражения очень мала, тогда как до 300 ярдов, благодаря низкому полету пули, она очень велика; вследствие этого штыковая атака становится самым действительным средством выбить неприятеля, как только нападающий отряд подойдет на такую дистанцию. Предположите, что одна армия имеет винтовки, которые на расстоянии 400 ярдов дают не более высокую траекторию, чем винтовки их противников дают при 300 ярдах; в таком случае первые будут иметь то преимущество, что начнут вести действительный огонь с расстояния на 100 ярдов дальше, и так как для атаки с расстояния в 400 ярдов требуется всего три или четыре минуты, то указанное преимущество явится немаловажным в решающий момент боя. То же самое и с пушкой. Десять лет тому назад

сэр Говард Дуглас признал самой лучшей такую пушку, которая дает наибольшую дальность при наименьшем угле возвышения. При нарезных пушках важность этого пункта еще более значительна, поскольку вероятность ошибки при вычислении дистанции увеличивается вместе с возрастанием дальности полета и поскольку на фикошет можно рассчитывать только при круглых снарядах. Это один из недостатков нарезных пушек; для того чтобы попадать в цель, они должны попадать в нее при первом же выстреле, тогда как круглый снаряд в случае недолета отскакивает и продолжает свой полет, почти не меняя первоначального направления. Таким образом, низкая траектория имеет здесь наибольшее значение, ибо каждый лишний градус угла возвышения уменьшает в возрастающей пропорции вероятность попадания с первого выстрела, и потому высокая линия полета, даваемая французскими пушками, является одним из серьезнейших их недостатков.

Однако вся совокупность недостатков этих пушек находит свое завершение и усугубление в одном дефекте, который способен окончательно скомпрометировать всю систему. Эти пушки изготовляются посредством таких же инструментов и на основании тех же принципов, которые применялись раньше при изготовлении старых гладкоствольных пушек. При наличии очень большого зазора у старых пушек и при неодинаковом весе и диаметре снарядов математическая точность в их изготовлении являлась делом второстепенным. Почти до самого последнего времени производство огнестрельного оружия представляло самую отсталую отрасль современной промышленности. В ней весьма широко применялся ручной труд и весьма мало труд механический. Для старого гладкоствольного оружия это могло быть допустимо, но когда появилась необходимость изготовлять оружие, от которого ожидали большей точности на значительных расстояниях, эта система сделалась далее невозможной. Чтобы гарантировать, что каждое ружье будет одинаково точно стрелять на расстоянии 600, 800, 1000 ярдов и каждая пушка — на расстоянии 2000, 4000, 6000 ярдов, стало необходимо, чтобы каждая часть каждой отдельной операции выполнялась самыми совершенными и автоматическими машинами, чтобы одно оружие являлось математически точной копией другого. Отклонения от математической точности, не имевшие значения при старой системе, стали теперь такими недостатками, которые делали оружие в целом непригодным. Французы не усовершенствовали своих старых машин сколько-нибудь заметным образом, и отсюда неточность в их стрельбе. Как могут пушки дать одинаковую дальность при том же угле возвышения, при всех прочих равных условиях, если ни одна из них не является тождественной с другими во всех де-

талях? Однако неточность в производстве, дающая на 800 ярдах различие дальности в 1 ярд, на 4000 ярдах даст различие в 100 ярдов. Можно ли рассчитывать на точность этих пушек при стрельбе на значительных расстояниях?

Подведем итоги: французские нарезные пушки плохи, потому что они должны иметь зазор, потому что они требуют сравнительно большого угла возвышения и потому что качество их производства далеко не соответствует требованиям нарезных дальнобойных орудий. Они должны быть вскоре заменены другими системами, иначе они сведут французскую артиллерию фактически на положение худшей в Европе.

Мы умышленно несколько подробнее рассмотрели эти орудия, ибо благодаря этому мы получили возможность изложить главные принципы нарезных пушек. В заключительной статье мы рассмотрим две предложенные системы, которые в Англии ведут теперь состязания на первенство. Обе они основаны на зарядании с казенной части, отсутствии зазора и совершенном качестве производства; я имею в виду систему Армстронга и систему Витворта.

III

Теперь мы переходим к описанию двух видов заряжающихся с казенной части нарезных пушек, которые в настоящее время оспаривают друг у друга первенство в Англии; обе пушки изобретены штатскими и своей эффективностью бесспорно превосходят все, что доньше создано профессиональными артиллеристами; я говорю о пушке Армстронга и пушке Витворта.

Пушка сэра Вильяма Армстронга имеет то преимущество, что она появилась первой и вызвала похвалу всей прессы и официального мира Англии. Она, без сомнения, представляет собой военную машину большой эффективности и значительно превосходит французскую нарезную пушку, однако сомнительно, сможет ли она взять первенство у пушки Витворта.

Сэр Вильям Армстронг изготавливает свою пушку путем спиралеобразного обматывания вокруг трубы из литой стали двух слоев кованого железа, причем верхний слой накладывается в противоположном направлении по отношению к нижнему, по примеру того, как ружейные стволы делаются из слоев проволоки. Такая система дает очень крепкий, прочный материал, хотя он и очень дорогой. Канал снабжен большим количеством узких, плотно прилегающих друг к другу нарезам, с одним оборотом по длине пушки. Продолговатый снаряд цилиндрически-стрельчатой формы сделан из литого железа, но покрыт свинцовой оболочкой, благодаря которой его диа-

метр несколько больше диаметра канала; этот снаряд вместе с зарядом вводится с казенной части в камеру, достаточно просторную для того, чтобы их вместить; взрыв проталкивает снаряд в узкий канал, где мягкий свинец втискивается в нарезы и, таким образом, совершенно уничтожает всякий зазор, сообщая в то же время снаряду спиральное вращательное движение, определяемое крутизной нарезов. Этот способ втискивания снаряда и покрытие его необходимым для этого слоем мягкого металла являются характерными чертами системы Армстронга; и если читатель примет во внимание основы нарезной пушки, как они изложены нами в предшествующих статьях, то он согласится, что в принципе система Армстронга совершенно правильна. Так как снаряд имеет больший диаметр, чем канал ствола, то пушка должна непременно заряжаться с казенной части, что кажется нам тоже необходимой чертой всякого нарезного орудия. Однако механизм затвора сам по себе не имеет никакого отношения к принципу той или другой системы нарезов, а может быть перенесен с одной системы на другую; поэтому мы оставляем его вовсе без рассмотрения.

Дальнобойность и точность попадания, достигаемые этой новой пушкой, представляют нечто удивительное. Выстрел был сделан по дальности приблизительно на 8500 ярдов, или почти на 5 миль, а точность, с которой была поражена мишень на расстоянии в 2000 и в 3000 ярдов, значительно превосходила все, что могли в этом отношении дать гладкоствольные пушки на расстоянии в три раза меньшем. Несмотря на громкую рекламу английской прессы, интересные в научном отношении детали всех этих опытов держались в тщательном секрете. Вовсе не сообщалось, при каком угле возвышения и весе заряда была получена эта дальность; не сообщались подробности о весе снаряда и самой пушки, о точном боковом отклонении и рассеивании по дальности и т. д. Теперь, наконец, после появления пушки Витворта мы узнаем некоторые подробности, по крайней мере об одной серии опытов. Военный министр Сидней Герберт заявил в парламенте, что 12-фунтовая пушка весом в 8 центнеров, с зарядом в 1 фунт 8 унций пороха, давала дальность полета 2460 ярдов при угле возвышения в 7 градусов с предельным боковым отклонением в 3 ярда и с предельным рассеиванием по дальности в 65 ярдов. При угле возвышения в 8 градусов дальность полета равнялась 2797 ярдам; при девяти — свыше 3000 ярдов, причем отклонения оставались почти те же. Однако угол возвышения от 7 до 9 градусов представляет собой нечто неслыханное в практике гладкоствольной полевой артиллерии. Так, например, официальные таблицы не идут дальше 4 градусов возвышения, при котором 12- и 9-фун-

товые пушки дают дальность в 1400 ярдов. Всякое большее возвышение в полевых пушках было бы бесполезно, ибо, давая высокую линию полета, оно чрезвычайно уменьшает вероятность попадания в цель. Однако мы располагаем некоторыми опытами (цитированными в книге сэра Говарда Дугласа «Морская артиллерия») с тяжелыми гладкоствольными морскими пушками при большом угле возвышения. Английская длинная 32-фунтовая пушка в Диле в 1839 г. при 7 градусах давала дальность от 2231 до 2318 ярдов; при 9 градусах — от 2498 до 2682 ярдов. Французская 36-фунтовая пушка в 1846 и 1847 гг. при 7 градусах давала дальность в 2270 ярдов, а при девяти — дальность в 2636 ярдов. Это показывает, что при одинаковых углах возвышения дальность нарезных пушек не намного превосходит дальность гладкоствольной пушки.

Пушка Витворта почти во всех отношениях является противоположностью пушке Армстронга. Ее канал не круглый, а шестиугольный; глубина ее нарезов почти вдвое превышает глубину нарезов пушки Армстронга; снаряд из очень твердого металла, без всякой свинцовой оболочки; и если она заряжается с казенной части, то это не вызвано необходимостью, но является делом удобства и внешней формы. Пушка изготовлена из недавно патентованного материала, называющегося «гомогенным железом», большой прочности, эластичности и сопротивляемости; снаряд с математической точностью пригнан к каналу ствола, и потому его нельзя ввести в канал, предварительно не смазав его. Для смазки употребляется смесь воска и жира, помещаемая между зарядом и снарядом, и эта смесь одновременно служит тому, чтобы уменьшить всякий остающийся зазор. Материал пушки обладает такой сопротивляемостью, что он легко выдержит 3000 выстрелов без всякого ущерба для ее канала.

Пушка Витворта была продемонстрирована публике в прошлом феврале, когда с нею был произведен ряд опытов в Соутпорте, на Ланкаширском берегу. Были продемонстрированы три пушки: 3-фунтовая, 12-фунтовая и 80-фунтовая; из длинного отчета мы выбираем в качестве иллюстрации 12-фунтовую. Эта пушка имела 7 футов 9 дюймов в длину и весила 8 центнеров. Обычная же 12-фунтовая гладкоствольная пушка для круглых снарядов имеет...* футов 6 дюймов и весит 18 центнеров. Дальности, достигнутые пушкой Витворта: при 2 градусах возвышения (при которых старая 12-фунтовая пушка дает 1000 ярдов), с зарядом в $1\frac{3}{4}$ фунта, дальность колебалась от 1208 до 1281 ярдов. При 5 градусах (при которых 32-фунтовая пушка дает 1940 ярдов) дальность была

* Пропуск в подлиннике. Ред.

от 2298 до 2342 ярдов. При 10 градусах (дальность старой 32-фунтовой пушки — 2800 ярдов) она равнялась 4000 ярдам. Для более крупных углов возвышения применялась 3-фунтовая пушка с зарядом 8 унций; при 20 градусах дальность равнялась от 6300 до 6800 ярдов, а при 33 и 35 градусах — от 9400 до 9700 ярдов. Старая 56-фунтовая гладкоствольная пушка дает при 20 градусах дальность 4381 ярд, а при 32 градусах — в 5680 ярдов. Точность попадания, достигнутая пушкой Витворта, была весьма удовлетворительна, а в смысле бокового отклонения она дала, по меньшей мере, столь же хорошие результаты, как и пушка Армстронга; что касается колебаний в рассеивании по дальности, то опыты не дают возможности сделать удовлетворительное заключение.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке
в первой половине 1860 г.

Впервые напечатано в «New-York Daily Tribune», 7 и 21 апреля и 5 мая 1860 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения,
т. XII, ч. II.

ИСТОРИЯ ВИНТОВКИ ¹²⁹

I

Винтовка является немецким изобретением, относящимся к концу XV столетия. Первые винтовки были сделаны с очевидной целью облегчить зарядание оружия почти плотно пригнанной пулей. Для этого были сделаны прямые нарезы, без каких бы то ни было винтообразных оборотов, просто лишь с целью уменьшения трения пули в дуле ружья. Сама пуля была обернута кусочком просаленной шерстяной или полотняной материи (пластырь) и, таким образом, забивалась без особой трудности. Эти винтовки, как они ни были примитивны, давали гораздо лучшие результаты стрельбы, чем гладкоствольное ружье того времени с пулями значительно меньшего диаметра, чем дуло.

Позднее характер винтовки был коренным образом видоизменен приданием нарезам винтообразной формы, которая превратила дуло ствола в своего рода винтовую гайку. Пуля, благодаря плотно прилегающему пластырю, направлялась по нарезам и, приобретая винтообразное вращение, сохраняла его во время полета. Вскоре было установлено, что этот способ, при котором пуле придавалось вращательное движение, значительно увеличивал как дальность полета, так и меткость стрельбы, и, таким образом, вскоре прямые нарезы были заменены винтообразными.

Это и был тот вид винтовки, которая оставалась в общем употреблении более двухсот лет. Если исключить курок и более тщательную внешнюю отделку, то это оружие почти не подверглось каким-либо усовершенствованиям вплоть до 1828 г. Оно в значительной мере превосходило гладкоствольный мушкет в отношении меткости, но не в смысле дальности полета пули; за пределами 400—500 ярдов рассчитывать на меткость было трудно. Вместе с тем, зарядание прежней винтовки являлось делом сравнительно трудным. Забивание пули представляло довольно утомительную операцию; порох и завернутая в пластырь пуля вкладывались в ствол отдельно, и,

в общем, можно было делать не более одного выстрела в минуту. Эти отрицательные стороны винтовки делали ее непригодной для широкого применения в армиях, особенно в такое время, как XVIII век, когда все сражения решались усиленной перестрелкой развернутых линий. При такой тактике старый гладкоствольный мушкет со всеми его очевидными недостатками считался все же более предпочтительным оружием. Поэтому винтовку главным образом предпочитали охотники за красным зверем и горными козами, в качестве же военного оружия она употреблялась лишь в виде исключения в немногих стрелковых батальонах, в тех армиях, которые имели возможность вербовать эти батальоны из достаточного числа тренированных спортсменов.

Войны американской и французской революций внесли значительные изменения в тактику военных действий. Со времени этих войн был введен определенный порядок боя: сочетание передовых стрелковых цепей с колоннами в тылу сделалось основной характерной формой современного боя. Главные силы в течение большей части дня держатся в тылу; их держат в резерве или употребляют для маневрирования с тем, чтобы сосредоточить на слабом пункте противника; их бросают только в решительные моменты, — в то время как стрелковые цепи и их непосредственные подкрепления ведут непрерывный бой на фронте. Они расходуют массу боевых припасов, а между тем объекты их огня редко превышают фронт роты; во многих случаях им приходится стрелять в отдельных бойцов, хорошо укрытых за прикрывающими предметами. И все же действие ружейного огня стрелковых цепей является существенно важным условием, так как стрелки готовят атаку и первыми встречают ее; от них ждут не только ослабления сопротивления противника, занимающего отдельные фермы и деревни, но и отражения контратаки противника. Но со старой «смуглой Бетси» («Brown Bess») ни одна из этих задач не могла быть выполнена удовлетворительно. Всякий, кто находился под огнем стрелков, вооруженных гладкоствольными мушкетами, не мог вынести иного впечатления, кроме глубокого презрения к эффективности мушкетного огня на средних дистанциях. Все же винтовка в ее старой форме была непригодна для вооружения всей массы стрелков. Старая винтовка для ускорения заряжания должна была быть короткой, настолько короткой, что она уже не подходила в качестве рукоятки для штыка. Вследствие этого стрелков старались использовать только на таких позициях, на которых они были бы обеспечены от пехотных штыковых и кавалерийских атак.

При таких обстоятельствах сама собой выдвигалась следующая проблема; изобрести оружие, которое сочетало бы

в себе дальность полета пули и меткость огня винтовки с быстротой и легкостью заряжания и длиной ствола гладкоствольного мушкета, — оружие, которое было бы одновременно огнестрельным и холодным и могло бы быть дано в руки каждому пехотинцу.

Таким образом, мы видим, что с введением стрелковых цепей в новейшую тактику возник и спрос на усовершенствованное военное оружие. В XIX столетии всякий раз, как только появлялся спрос на какой-либо предмет и дальнейшие обстоятельства его оправдывают, спрос непременно удовлетворяется. Так же был удовлетворен спрос и в данном случае. Почти все усовершенствования ручного оружия, сделанные с 1828 г., были направлены на то, чтобы удовлетворить именно эту потребность.

Однако, прежде чем попытаться дать отчет о тех усовершенствованиях, которые сделали столь большие и многочисленные перемены в нарезном огнестрельном оружии после отказа от старой системы забивания пули, мы позволим себе бросить взгляд на попытки произвести усовершенствования ружья на основе старого метода заряжания.

Винтовка с овальным дулом, известная в Англии под названием ланкастерской винтовки, была в употреблении на континенте в продолжение сорока лет. Так, например, мы находим упоминание о ней в одной немецкой военной книге, напечатанной в 1818 г. В Брауншвейге полковник Бернер усовершенствовал ее, и в 1832 г. вся пехота герцогства была вооружена такой винтовкой. Овальность была незначительная, и овальной пулей заряжали старым способом, забивая ее. Эта овальная пуля употреблялась только при одиночной стрельбе. Для стрельбы залпами солдаты были снабжены круглыми пулями меньшего калибра, которые скатывались вниз по стволу так же легко, как всякая мушкетная пуля. Все же неудобства этой системы очевидны. Мы можем отметить этот факт только как первую попытку вооружения нарезными мушкетами всей пехоты в одной из армий.

В Швейцарии гражданский инженер и пехотный офицер г. Вильд значительно усовершенствовал винтовку. Его пуля была меньше обычного размера по отношению к дулу, и плотное задвигание ее производилось только посредством пластыря; диск на зарядательном шомполе препятствовал пуле слишком глубоко проникать в дуло и плотно прилегать к заряду, чтобы исключить возможность дробления пороха; спиральность нарезов была уменьшена, и заряд увеличен. Винтовка Вильда давала очень хорошие результаты на дистанции около 500 ярдов, при весьма отлогой траектории, причем позволяла делать более чем 100 выстрелов, не загрязняясь.

Она была принята в Швейцарии, Вюртемберге и Бадене, но, конечно, в настоящее время это ружье устарело и заменено другим.

Самой современной и лучшей винтовкой, сконструированной по принципу забивания заряда, является новейшая швейцарская казенная стрелковая винтовка. Это оружие, в соответствии с американским принципом, имеет весьма малый калибр; дуло винтовки не более 10,5 миллиметра, или 0,42 дюйма; длина ствола равна 28 дюймам с восемью пологими нарезами (один оборот в 34 дюйма); шомпол снабжен диском Вильда; пуля цилиндро-стрельчатая, очень длинная, забивается посредством просаленного пластыря; заряд сравнительно сильный, с крупно-зернистым порохом. Это оружие дало изумительные результаты; при испытании различных ружей, недавно произведенном голландским правительством, его дальность, меткость и отлогость траектории были признаны непревзойденными. Действительно, при дальности стрельбы в 600 ярдов высшая точка траектории выстрела равна всего 8 футам 6 дюймам, так что при этой дальности все пространство является поражаемым для кавалерии, а последние 100 ярдов являются опасными даже для пехоты; другими словами, при определении дистанции до цели ошибка на 100 ярдов при дальности в 600 ярдов вовсе не препятствует пуле поражать предмет вышиною в 6 футов. Это — результат, далеко превосходящий тот, который дает какой бы то ни было нарезной мушкет; самый лучший из них требует возвышения, которое поднимает высшие точки траектории для 600 ярдов от 13 до 20 футов, и, следовательно, значительно уменьшает поражаемое пространство от 60 до 25 ярдов. Эта чрезвычайная отлогость траектории является результатом малого калибра оружия, дающего возможность вместить в себя стрелообразную пулю очень удлиненной формы и сравнительно сильный заряд; при небольшом калибре винтовка может действовать очень сильно, не будучи громоздкой, пуля может быть длинной, не будучи тяжелой, заряд — сильным и сравнительно без слишком большой отдачи. Ясно, что замечательная стрельба этого оружия несколько не зависит от забойного заряжания; на самом деле такое заряжание является лишь отрицательным моментом, препятствующим использованию винтовки в качестве всеобщего оружия пехоты. Швейцарцы поэтому ограничились вооружением этим ружьем лишь рот своих отборных стрелков, в руках которых оно станет, без сомнения, чрезвычайно хорошим оружием.

Ниже мы покажем, как усовершенствовалась винтовка, чтобы превратиться, наконец, в оружие, которое могло бы быть дано в руки каждого пехотинца.

II

Французский офицер Дельвинь первый сделал попытку превратить винтовку в оружие, пригодное для вооружения всей пехоты. Он ясно видел, что для достижения этого необходимо, чтобы пуля скользяла внутри ствола так же свободно, как мушкета, и чтобы она была такой формы, которая позволяла бы ей войти в нарезы.

Чтобы добиться этой цели, он сконструировал уже в 1828 г. винтовку с камерой в казенной части, т. е. крайний конец ствола в казенной части, куда вкладывается порох, был сделан значительно меньше в диаметре, чем остальная часть ствола.

Форма названной камеры была заимствована от гаубиц и мортир, имевших всегда такую конструкцию; но в то время как в артиллерии она просто служила для того, чтобы прочно удерживать маленькие заряды, употребляемые для гаубиц и мортир, в винтовке Дельвиня камера отвечала совершенно другому назначению. После того как порох всыпался в камеру, пуля меньшего диаметра, чем дуло, скатывалась вслед за ним, но, дойдя до края камеры, она не могла проходить далее и, задерживаемая ею, останавливалась, и нескольких хороших ударов шомполом было достаточно для того, чтобы вогнать мягкий свинец пули в нарезы и расширить ее диаметр настолько, чтобы плотно пригнать к стенкам ствола.

Величайшим неудобством этой системы было то, что пуля теряла свою круглую форму и делалась несколько сплюсненной, вследствие чего она имела склонность терять винтообразное вращение, приданное ей нарезами, что значительно уменьшало ее меткость. Чтобы исправить это, Дельвинь изобрел продолговатую пулю (цилиндро-коническую), и хотя опыты с подобного рода пуль во Франции не были вначале очень успешными, они оказались весьма удовлетворительными в Бельгии, Австрии и Сардинии; в последних странах винтовка Дельвиня с различными улучшениями и была введена в стрелковых батальонах вместо старого ружья. Хотя эта винтовка в настоящее время почти везде отменена, усовершенствования Дельвиня заключают в себе два величайших принципа, на которых должны были базироваться все последующие изобретатели. Во-первых, тот, что в винтовках, заряжающихся с дула, пуля должна опускаться по стволу с известным зазором для того, чтобы облегчить заряжание, и что она должна изменить свою форму, чтобы войти в нарезы только после того, как будет крепко забита; и, во-вторых, тот, что продолговатые пули являются единственными, которые следует принять

для новейших винтовок. Таким образом, Дельвинь сразу поставил вопрос на его настоящую основу и вполне заслуживает названия отца новейшей винтовки.

Преимущества продолговатой пули над круглой весьма многочисленны, поскольку обеспечено ее боковое вращение (вокруг ее продольной оси), что удовлетворительным образом выполняется почти каждой системой современной винтовки. Продолговатая пуля представляет значительно меньшее сечение пропорционально своему весу и, следовательно, встречает меньшее сопротивление атмосферы, чем круглая пуля. Ее конец может иметь такую форму, чтобы довести это сопротивление до минимума. Как дротик или стрела, она до известной степени поддерживается воздухом. Следствием этого является то, что она теряет гораздо меньше своей начальной скорости от сопротивления воздуха и что, следовательно, она достигнет своего назначения при гораздо более отлогой траектории (т. е. при линии полета, гораздо более опасной для противника), чем какая-либо круглая пуля того же диаметра.

Следующим преимуществом является то, что продолговатая пуля представляет гораздо большую поверхность соприкосновения со стенками ствола, чем круглая пуля. Это дает возможность более легкого заряжания продолговатой пулей и допускает поэтому меньшую крутизну, равно как и уменьшение глубины нарезов. Оба эти обстоятельства облегчают чистку оружия и в то же самое время позволяют пользоваться полными зарядами без увеличения отдачи ружья.

И, наконец, поскольку вес продолговатой пули значительно больше, чем круглой, самый калибр винтовки, или диаметр ствола, может быть значительно уменьшен, в то время как оружие продолжает сохранять способность стрелять снарядом, равным по весу старой круглой пуле. Теперь, если вес старого гладкоствольного мушкета и вес его пули рассматривать как стандартные величины, то винтовка с продолговатой пулей того же веса может быть сильнее старого мушкета — пропорционально тому, насколько будет уменьшено дуло, — и при этом винтовка не будет тяжелее старого мушкета. Будучи более сильным оружием, она лучше выдерживает более крупный заряд, имеет меньшую отдачу, и поэтому уменьшенный калибр винтовки допускает относительно более сильные заряды, давая большую начальную скорость пули и обеспечивая тем самым более низкую линию полета.

Следующее усовершенствование было сделано другим французским офицером, полковником Тувененом. Он ясно заметил неудобство, заключающееся в том, что пуля во время забивания шомполом в нарезы поддерживается кругообразным выступом, касающимся ее краев. Поэтому он удалил края ка-

меры, одинаково высверлив все дуло и сделав его одного диаметра, как прежде. В середине винта, закрывающего дно канала, он укрепил короткий, крепкий, стальной стержень или гвоздь, который выступал в канал и вокруг которого ложилсясыпаемый порох; пуля поддерживалась притупленной вер-хушкой стержня, а в то же время удары шомпола вводили ее в нарезы. Преимущества этой системы были значительны. Расширение пули от ударов шомпола было гораздо более правильное, чем в винтовке Дельвина. Оружие было в состоянии дать большой зазор, который облегчал зарядание. Результаты, достигнутые этим усовершенствованием, были настолько удовлетворительны, что около 1846 г. французские пешие стрелки (*chasseurs à pied*) были вооружены винтовками Ту-венена; вслед за ними были вооружены зуавы и прочая лег-кая африканская пехота; и как только было установлено, что старые гладкоствольные мушкеты могут быть при небольших расходах переделаны в винтовки Тувенена, то карабины фран-цузской пехотной артиллерии все были соответственно видоиз-менены. Прусская стрелковая пехота была вооружена винтов-ками Тувенена в 1847 г., баварская — в 1848 г., и вскоре бо́льшая часть малых государств Северной Германии последо-вала их примеру, в некоторых случаях вооружив этим вели-колепным оружием даже часть линейных войск. Во всех этих винтовках имеется, повидимому, некоторое приближение к единой системе, несмотря на все их вариации в калибре и пр.; число нарезов было уменьшено (почти до четырех), и степень крутизны их вообще была от трех четвертей оборота до одного во всю длину ствола.

Но все же винтовка Тувенена имела отрицательные сто-роны. Усилия, которые требовались для того, чтобы вогнать повторными ударами свинец пули в ствол, а потом в нарезы, встречали препятствие в длине ствола, который в обыкновен-ном мушкете линейной пехоты должен служить удобной ру-кояткой для штыка. К тому же для стрелков было очень трудно делать такие усилия для забивания пули при положе-нии лежа или с колена. Соппротивление, производимое при вы-стреле взрывчатой силой пороховых газов, надавливало на на-резы в том месте, где находился порох, что увеличивало от-дачу и вынуждало поэтому пользоваться относительно малым зарядом. Наконец, стержень всегда оставался нежелательным усложнением оружия; прочистка пространства вокруг стержня являлась очень затруднительной, и его просто невозможно было приводить в порядок.

Таким образом, принцип вдавливания пули ударами шом-пола дал в свое время весьма удовлетворительные результаты в системе Дельвина и еще лучшие результаты в системе Туве-

нена. Но пока еще невозможно было доказать превосходство винтовки как оружия, годного для вооружения всей пехоты перед старым гладкоствольным мушкетом. Для винтовки, пригодной для каждого солдата, в основу должны быть положены другие принципы.

III

Дельвинь, ружье которого мы описывали в предыдущей статье, нашел необходимым высверлить внутренность своей продолговатой пули со стороны основания, чтобы таким образом свести ее вес к весу старой круглой пули. Хотя он скоро открыл, что эта высверленная пуля была несовместима с системой механического забивания, но опыты достаточно ему доказали, что газ, развивающийся при взрыве, войдя в образованное углубление в пуле, имел тенденцию расширять стенки этой полый части пули, так что она плотно прилегала к стволу и шла по нарезам.

Это и было то открытие, которым в 1849 г. воспользовался капитан Минье. Он окончательно уничтожил стержень или гвоздь на дне ствола и возвратил винтовку к той первоначальной простоте, которой она обладала до Дельвиня и Тувенена, полагаясь исключительно на действие пороховых газов после воспламенения, расширявших полую часть пули. Его пуля была цилиндро-стрельчатая, с двумя кольцеобразными желобками * вокруг цилиндрической части и высверлена конусообразно со стороны основания; чашеобразная пустая железная втулка (*culot*) закрывала полую часть и вгонялась туда силою пороховых газов после воспламенения, расширяя, таким образом, с достаточной силой свинец. Самая пуля, обернутая в просаленный бумажный патрон, имела достаточный зазор, чтобы свободно проходить по стволу.

Теперь, наконец, мы получили винтовку и пулю, сконструированные по принципам, которые давали возможность вручить такое оружие каждому пехотинцу. Новое оружие заряжалось так же легко, как гладкоствольный мушкет, и в то же время далеко превосходило старую винтовку, с которой оно имеет одинаковую меткость, но превосходит ее по дальности полета. Винтовка с расширяющейся пулей из всех систем ружей, заряжающихся с дула, является бесспорно наилучшим оружием как для всеобщего употребления, так и для отборных стрелковых батальонов. Именно этому обстоятельству обязана она

* Эти желобки (*cannelures*) изобрел французский офицер Тамизье. Кроме уменьшения веса пули и ее трения о стенки ствола, они уравновешивали полет пули в воздухе, наподобие крыльев стрелы, и, таким образом, делали траекторию более отлогой. [*Примечание Энгельса.*]

своим громадным успехом и своим распространением в самых различных частях войок, с последующими многочисленными попытками, направленными к улучшению формы пули или нарезов. Ввиду того, что пуля Минье была полой внутри, она могла быть сделана немного тяжелее прежней круглой пули того же калибра; в силу того, что пуля свободно лежала на порохе и лишь при выстреле постепенно расширялась, проходя по стволу, отдача была гораздо меньше, чем в старых винтовках Дельвиня или Тувенена, в которых крепко забитая в ствол пуля могла быть сдвинута лишь при помощи всей силы пороховых газов; в результате этого в ружье Минье можно употреблять сравнительно сильный заряд. Нарезы делаются очень неглубокие, что облегчает чистку ствола. Длина оси, по которой проходил полный оборот нарезов, довольно велика, вследствие чего число оборотов пули и ее сопротивление воздуху (которое имеет место при всяком вращении) уменьшаются и лучше сохраняется начальная скорость. Полый конец пули у ее основания переносит центр тяжести значительно более вперед, и все эти условия, взятые вместе, дают сравнительно отлогую траекторию.

Но фактически другое обстоятельство повлекло всеобщее распространение винтовки Минье, а именно то, что при помощи весьма простой переделки все старые гладкоствольные мушкеты могли быть превращены в винтовки, пригодные для пуль Минье. В Пруссии, когда Крымская война потребовала, чтобы вся пехота немедленно была вооружена нарезными мушкетами, а достаточного числа игольчатых ружей еще не было изготовлено, у 300 000 старых мушкетов были сделаны нарезы, и они были приспособлены для пуль Минье менее чем в течение одного года.

Французское правительство первым вооружило винтовками Минье несколько батальонов; в них были сделаны прогрессивные нарезы, т. е. эти нарезы были глубже в казенной части ружья, чем в дуле, и пуля, входя в нарезы казенной части, снова сжималась при своем дальнейшем прохождении через ствол менее глубокими нарезами, в то время как изнутри на нее продолжала действовать сила пороховых газов. Таким образом, создавалось такое трение, что очень часто прочная головка пули отрывалась и вылетала из ствола, между тем как полое основание оставалось крепко сидящим в нарезах. Как этот, так и другие недостатки заставили правительство отказаться от дальнейшей попытки ввести в армию винтовку Минье.

В Англии уже в 1851 г. было изготовлено 28 000 винтовок точно такого же типа, как и во Франции; английские пули имели слегка коническую со стрелообразным кончиком форму, с круглой полой втулкой и без всяких желобков, так как пули

были рассчитаны на известное сжатие их. Результаты оказались крайне неудовлетворительными, главным образом из-за формы пули. Только в 1852 г. были произведены новые опыты, результатом которых явились, наконец, винтовка и пули Энфильд, о чем мы будем говорить дальше. Винтовка Энфильд является лишь видоизменением винтовки Минье. С 1854 г. она окончательно заменила все гладкоствольные мушкеты в британской армии.

В Бельгии винтовка Минье с легкими изменениями была введена с 1854 г. в стрелковых, а позднее также и в линейных войсках.

В Испании в 1853 г. винтовку Минье получили стрелковые, а потом, в том же году, линейные войска.

В Пруссии, как уже было сказано, в 1855—1856 гг. винтовки Минье были временно даны линейным войскам, но затем окончательно заменены игольчатыми ружьями.

В мелких германских государствах винтовка Минье была введена почти повсеместно, за очень немногими исключениями.

В Швейцарии винтовка Прелà, предназначенная для вооружения всей пехоты, за исключением стрелков, представляет собою лишь видоизменение винтовки Минье.

И, наконец, в России правительство в настоящий момент занято заменой старых гладкоствольных мушкетов винтовками Минье очень хорошего образца.

Почти в каждой из этих стран число, глубина и пологость нарезов, а также форма пули подверглись различным изменениям в деталях. Описание наиболее важных изменений составит предмет следующей главы.

IV

Мы снова вкратце повторим принципы системы Минье. Нарезное ружье с неглубокими нарезами заряжается продолговатой пулей, диаметр которой настолько меньше диаметра дула, что она свободно скользит вниз по стволу. Эта пуля высверливается со стороны основания, т. е. с конца, лежащего на порох. При выстреле быстро развивающиеся благодаря взрыву газы входят в эту полую часть и своим давлением на сравнительно тонкие стенки полую части расширяют свинец настолько, что он заполняет нарезы. Пуля, таким образом, должна направиться по оборотам этих нарезов и сохранить приданное ей винтообразное вращение, характерное для каждой нарезной ружейной пули. Это главная и самая существенная часть во всех разнообразных винтовках, стреляющих расширяющимися пулями; это общее всем им свойство. Что же

касается деталей, то разными изобретателями, конечно, сделано много различных видоизменений.

Втулку ввел сам Минье. Эта втулка представляет собой маленький, круглый, чашеобразный кусочек листового железа, вогнанный в конец отверстия полый части пули. Имелось в виду, что дальнейшее проникновение втулки в полое пространство произойдет при помощи пороховых газов и, таким образом, придаст бо́льшую вероятность расширения пули. Вскоре, однако, убедились, что эта чашеобразная втулка имела большие неудобства: она часто отделялась от пули, вылетая из дула, и благодаря неправильности линии полета иногда ранила своих же солдат, расположенных немного впереди или в стороне. Кроме того, втулка часто перевортывалась в то время, когда ее вгоняли в пулю, и являлась, таким образом, причиной неправильного расширения пули и, следовательно, отклонения полета пули от линии прицела. Когда доказали, что расширение пули может быть достигнуто без всяких втулок, то стали производить опыты для того, чтобы установить лучшую форму расширяющейся пули без втулки. Прусский капитан Нейендорф первый, кажется, предложил такую пулю (в 1852 г.). Полое пространство его пули имеет цилиндрическую форму, но расширяющуюся к основанию наподобие воронки. Эта пуля дала очень хорошие результаты как в отношении дальности своего полета, так и в отношении меткости, но вскоре обнаружили, что втулка служила, кроме расширения пули, еще и другому назначению: она предохраняла тонкие стенки полый пули от разрушения во время перевозки и при небрежной передаче из рук в руки, в то время как пули Нейендорфа деформировались во время перевозки, что имело плохой результат. Поэтому в большинстве немецких армий полая железная втулка сохранилась, но ей была придана длинная заостренная форма в виде сахарной головы, и в таком виде она вполне отвечала своему назначению: никогда не перевортывалась и почти никогда не отделялась от свинцовой пули. Пуля Энфильд, как уже известно, имеет крепкую деревянную втулку.

Тем не менее, в некоторых государствах продолжались опыты с пулями без втулок, и в ряде армий такие пули были введены в употребление. Это имело место в Бельгии, Франции, Швейцарии и Баварии. Главной целью всех этих опытов было стремление установить такую форму для полого пространства пули, которая предохраняла бы ее от разрушения, не препятствуя в то же время ее расширению. Этому полному пространству придавали вид или колокола (Тиммергауз в Бельгии), или трехсторонней призмы (Несслер во Франции) с крепкообразным сечением (Пленис в Дармштадте) и т. д. Но,

повидимому, почти невозможно соединить эти два элемента — прочность и расширяемость — в каком-либо из тех видоизменений, которым подвергалась расширяющаяся пуля без втулки, пока значительно не будет уменьшен калибр. Новая баварская пуля (майора Подевиля) с простой цилиндрической выемкой и очень прочными стенками, кажется, пока что наилучшим образом отвечает этому требованию, но баварская винтовка имеет очень небольшой калибр.

В странах, где старые гладкоствольные мушкеты были нарезаны для пуль Минье, большой калибр старого мушкета, конечно, становился обязательным. Но там, где армия снабжалась новыми ружьями, их калибр был значительно уменьшен, по соображениям, на которые мы ссылались в предыдущей статье. Английская винтовка Энфильд имеет калибр 14,68 миллиметра, южно-германская винтовка (введенная в Вюртемберге, Баварии, Бадене, Гессен-Дармштадте) — 13,9 миллиметра. Одни французы для винтовок своей гвардии сохранили калибр прежних гладкоствольных мушкетов (17,80 миллиметра).

Винтовка Энфильд представляет собою прекрасный образец системы стрельбы расширяющимися пулями. Ее калибр является настолько небольшим, что допускает стрельбу пулями, по своей длине в два раза превосходящими ее диаметр и в то же время по своему весу не более тяжелыми, чем старые круглые мушкетные пули. Винтовка эта хорошо сделана и превосходит почти все винтовки, существующие на вооружении континентальных войск. Ее пуля очень пропорциональна; правда, были возражения против деревянной втулки, указывавшие, что она может разбухать и тем самым увеличивать диаметр пули или сжиматься и выпадать, но мы полагаем, что эти возражения являются неосновательными. Если бы разбухание втулки создавало какие-либо неудобства, то это было бы обнаружено гораздо ранее; в случае же сжатия втулки наличие патрона предохраняет ее от выпадения. В общем результаты, достигнутые винтовкой Энфильд, приблизительно равняются тем результатам, которые были достигнуты лучшими континентальными винтовками, стреляющими расширяющимися пулями.

Возражения против винтовки Энфильд, как ружья с расширяющимися пулями, следующие: калибр мог бы быть еще меньше, давая возможность иметь более длинную пулю и более крепкий ствол при том же весе; было доказано, что пять нарезов лучше, чем три; длинный ствол винтовки Энфильд все же слаб для его калибра, чтобы его использовать как рукоятку для штыка; пуля, не имея кольцеобразных желобков, должна претерпевать слишком большое трение в канале и по-

этому подвергается риску, что плотный конец может оторваться, а кольцеобразная полая часть плотно заклинить в нарезках.

Изменение калибра является делом очень серьезным, но без этого очень трудно придать дульной части ствола большую прочность. Это кажется нам самым серьезным возражением. Все же остальные возражения несущественны; число нарезов и форма пули могут быть изменены во всякое время без затруднения; но даже в том виде, как она существует, винтовка Энфильд показала себя как очень полезное военное оружие.

До сих пор мы сравнивали винтовку Энфильд лишь с ружьями, которые заряжаются расширяющимися пулями; сравнение же с винтовками, сделанными по другим принципам, мы должны оставить до следующего раза, когда мы будем рассматривать другие различные конструкции, находящиеся ныне в употреблении.

V

В 1852 г. английский ружейный мастер г. Вилькинсон и австрийский артиллерийский офицер капитан Лоренц одновременно, но каждый самостоятельно, изобрели другой способ увеличивать диаметр свободно лежащей продолговатой пули силою пороховых газов, которые вгоняли ее плотно в ствол и заставляли идти по нарезам. Этот способ состоял в том, что пороховые газы компрессировали пулю в длину вместо простого расширения ее.

Возьмите мягкий, эластичный мяч, положите его на стол и сильным ударом руки заставьте его отлететь прочь. Первое действие удара, прежде чем заставить мяч отлететь, изменит его форму. Как ни мал вес мяча, он оказывает достаточно сопротивления, чтобы сплюснуться со стороны, откуда он получает удар; он сжался в одном направлении, и, следовательно, его объем должен увеличиться в другом направлении; подобное видоизменение произойдет и в том случае, если вы его совсем сплющите. Как удар действует на эластичный мяч, так взрыв пороховых газов должен действовать на *сжимающуюся пулю* Лоренца и Вилькинсона. Вес, сила инерции пули служат средством, которое своим сопротивлением силе пороховых газов компрессирует пулю в длину и этим расширяет ее в стороны. После выстрела пуля становится уже более короткой и более толстой, чем она была до выстрела.

Продолговатая массивная свинцовая пуля для того, чтобы оказать должное сопротивление и быть, таким образом, достаточно компрессированной для вхождения в нарезы, должна бы быть очень тяжелой, — другими словами, очень длинной по

отношению к своей толщине. Но даже для ружья небольшого калибра такая пуля была бы слишком тяжеловесной во время войны, так как обычный носимый запас боевых припасов переобременил бы солдат. Во избежание этого были вырезаны в цилиндрической части пули два глубоких кольцеобразных желобка. Возьмите пулю Энфильд, удалите втулку, наполните углубление расплавленным свинцом и, когда он охладится, вырежьте у плоского конца цилиндрической части пули близко друг к другу два желобка, оставив три образовавшиеся части пули укрепленными, как они и были, на общей оси плотного свинца. Пуля тогда будет состоять из двух очень плоских усеченных конусов, направленных вперед, и из тяжелого плотного острия пули; все эти части крепко соединены между собой. Эта пуля будет представлять тип сжимающейся пули. Сопротивление пороховым газам оказывает тяжелая передняя часть, или острие пули; передняя часть заднего конуса вгоняется силой пороховых газов в основание следующего конуса, а, в свою очередь, головка последнего вгоняется в основание остроконечной части пули, и таким образом, пуля, укороченная и сжатая в длину, становится настолько толще, что плотно прилегает к каналу ствола и входит в нарезы.

Из этого, очевидно, следует, что прочное острие является самой главной частью компрессирующейся пули. Чем длиннее и тяжелее пуля, тем большее она окажет сопротивление и тем вероятнее будет компрессирующее действие силы порохового взрыва. Пока калибр винтовки мал или, лучше сказать, гораздо меньше калибра винтовки Энфильд, компрессирующиеся пули возможно делать из металла не более тяжелого, чем тот, который употребляется для расширяющихся пуль. Но с калибром увеличивается поверхность основания пули или, другими словами, поверхность, подвергающаяся непосредственному действию пороховых газов; и это является причиной, почему при больших калибрах компрессирующиеся пули будут слишком тяжелы, чтобы их можно было применять с пользой; иначе говоря, сила пороховых газов, преодолев сопротивление пули, выбросит ее из ствола, прежде чем она успеет как следует сжаться. Таким образом, гладкоствольные мушкеты большого калибра могут быть переделаны в ружья с расширяющимися пулями, но ни в коем случае не в ружья для компрессирующихся пуль.

Система ружья с сжимающимися пулями при их малых калибрах и пологих нарезках дает прекрасные результаты. Расположение центра тяжести впереди является очень благоприятным для отлогой траектории. В отношении легкости и быстроты заряжания, а также незначительностью отдачи компрессирующаяся пуля имеет все преимущества перед системой

с расширяющимися пулями. Эта пуля прочна и может довольно хорошо выдерживать перевозку и достаточно грубое обращение; ее форма допускает проталкивание ее через канал ствола вместо простого выбрасывания. Единственной отрицательной стороной этой пули является лишь то, что она требует очень маленького зазора, не более чем около 0,01 дюйма, и большой точности как в отношении калибра ствола, так и пули, ибо ясно, что компрессирующее действие не увеличивает окружности пули в такой же приблизительно степени, как при расширительном действии. Таким образом, при наличии большого зазора или при прежних стволах сомнительно, получила ли бы пуля достаточное сжатие для захвата нарезов. Но этот малый зазор не является большим препятствием, так как много ружей с расширяющимися пулями не имеет большого зазора (например, винтовка Энфильд имеет зазор только в 0,01 дюйма), и теперь не представляет большой трудности изготовить ствол и пулю очень точного и правильного размера.

Австрийская армия приняла компрессирующуюся пулю для всей пехоты. Калибр ее мал: 13,9 миллиметра, или 0,546 дюйма (на 0,031 меньше пули Энфильд); ствол имеет четыре очень пологих нареза (хотя четное число нарезов для ружей с расширяющимися пулями встречает решительное возражение, но в ружьях с компрессирующимися пулями оно считается лучше, чем нечетное число) с одним оборотом приблизительно в 6 дюймов (почти так же, как у винтовки Энфильд). Пуля весит около 480 гран (на 50 гран меньше, чем у Энфильд), а заряд составляет $\frac{1}{8}$ ее веса (у Энфильд — около $\frac{1}{8}$ веса пули). Эта винтовка подверглась испытанию в итальянской кампании 1859 г., и большинство французских солдат, в особенности офицеры, которым пришлось быть под ее огнем, свидетельствуют об ее превосходных качествах. Она имеет значительно более отлогую траекторию, чем винтовка Энфильд, что является следствием пропорционально более сильного заряда, меньшего калибра, дающего возможность стрелять удлиненной пулей, а может быть, и наличия двух кольцеобразных желобков.

Саксония, Ганновер и одно или два мелких немецких государства также ввели для легкой пехоты винтовки, которые стреляют компрессирующимися пулями системы Лоренца.

В Швейцарии, кроме винтовки, употребляемой в батальонах отличных стрелков, о которой мы уже упоминали, была введена винтовка того же калибра (10,51 миллиметра, или 0,413 дюйма, на 0,164 меньше, чем винтовка Энфильд) с компрессирующейся пулей. Этой винтовкой вооружены легкие роты пехотных батальонов. Пуля системы Лоренца и боевые качества этой винтовки по отлогости траектории, дальности

полета и меткости стрельбы ставят ее на второе место после упомянутой швейцарской стрелковой винтовки, пуля которой загоняется в ствол старым способом и имеет самую отлогую траекторию из всех известных нам ружей. При стрельбе на 500 ярдов эта винтовка, заряженная швейцарской компрессирующей пулей, дает поражаемое пространство в 130 ярдов*.

Пока несомненно одно, что система компрессирующихся пуль дала лучшие результаты, чем система с расширяющимися пулями, так как она до сих пор давала безусловно самую отлогую траекторию. Тем не менее, также несомненно и то, что это последнее обстоятельство обязано не самой системе, а другим причинам, среди которых малый размер калибра является главной. При одинаково малом калибре расширяющаяся пуля может дать такую же отлогую траекторию, как и ее имевшая до сих пор больший успех соперница. Это скоро станет очевидным. Винтовки четырех южных государств Западной Германии (Бавария и пр.) имеют тот же калибр, что и австрийские, так что они в случае необходимости могут пользоваться австрийскими пулями, и наоборот. Но введя у себя одинаковый диаметр канала ствола, все эти государства в то же время приняли расширяющиеся пули; таблицы практической стрельбы обеими пулями наилучшим образом показывают достоинства каждой из них. И если, как мы того ожидаем, расширяющаяся пуля даст такие же хорошие результаты, как и ее соперница, то она заслуживает предпочтения: во-первых, наиболее вероятно, что она войдет в нарезы при всяких обстоятельствах; во-вторых, она может быть сделана легче сжимающейся пули при том же размере дула; и, в-третьих, на нее оказывает меньшее влияние раздутие ствола, имеющее место у всех ружейных стволов, которые были некоторое время в употреблении.

VI

Все винтовки, которые мы до сих пор описывали, заряжались с дула. Тем не менее, в прежнее время существовал ряд видов огнестрельного оружия, заряжавшегося с казенной части. Заряжание пушек с казны предшествовало заряжанию

* Под поражаемым пространством разумеется та часть полета пули, которая не выше человеческого роста, — скажем, шести футов. Так, например, пуля, направленная на цель вышиной 6 футов и на расстояние в 500 ярдов, попадает во всякий предмет вышиной 6 футов, находящийся на линии прицела, где-либо между 370 и 500 ярдами. Другими словами, при дистанции 500 ярдов ошибка в оценке расстояния может быть сделана в 130 ярдов, но попадание все же будет, если было правильное направление прицела. [*Примечание Энгельса*.]

с дула, и в большинстве старых арсеналов имеются ружья и пистолеты, которые насчитывают по 200—300 лет, с подвижной казенной частью, куда вкладывали заряд, не вводя его через дуло шомполом. Наибольшая трудность заключалась в таком сцеплении затвора со стволом, чтобы их легко можно было разъединить и снова соединить и чтобы самое сцепление было достаточно прочно против давления пороховых газов. Ничего нет удивительного, что при несовершенстве техники того времени оба эти требования нельзя было сочетать: или части, сцепляющие затвор со стволом, были недостаточно прочны и солидны, или самый процесс разъединения и соединения был чрезвычайно медленный. Ничего нет удивительного, что это оружие было оставлено, так как заряжание с дула являлось делом гораздо более быстрым, и поэтому шомпол продолжал занимать господствующее положение.

Когда же в новейшее время военные лица, а равно и оружейные мастера, поставили своей задачей сконструировать такое огнестрельное оружие, которое сочетало бы в себе быстроту и легкость заряжания старого мушкета с дальностью полета пули и меткостью винтовки, то, естественно, заряжание с казны снова привлекло к себе внимание. С созданием надлежащей системы сцепления в казенной части все трудности были бы преодолены. Пуля несколько большего диаметра, чем канал ствола, могла бы быть вложена вместе с зарядом в казенную часть и, направляемая вперед силою взрыва, проталкивалась бы пороховыми газами через канал ствола, где, заполнив нарезы излишком свинца, пошла бы по ним, исключив всякую возможность зазора. Единственной трудностью представлялся самый способ сцепления казенной части. Но что было невозможным в XVI и XVII столетиях, то не может считаться безнадежным в настоящее время.

Громадные преимущества заряжания с казны, считая, что эта трудность преодолена, очевидны. Время, необходимое для заряжания, значительно сокращается. Никакого вытаскивания шомпола, поворачивания его кругом и нового вкладывания обратно. Одним движением открывается затвор, другим — вкладывается патрон на свое место и третьим — затвор опять закрывается. Таким образом, частый огонь стрелков или ряд частых залпов, столь важный во многих решительных случаях, обеспечивается в такой степени, с которой никак не может сравниться оружие, заряжающееся с дула.

Во всех заряжающихся с дула ружьях способ заряжания делается еще более затруднительным, как только солдат во время перестрелки становится на колено или ложится, укрываясь за каким-либо местным предметом. Располагаясь за прикрытием, он не может держать свое ружье в вертикальном

положении, отчего бо́льшая часть заряда во время прохождения вниз по стволу пристает к его стенкам; если же он будет держать ружье прямо вверх, то он обнаружит себя. Ружье, заряжающееся с казенной части, он может заряжать в любом положении, даже не отрывая глаз от противника, так как он может заряжать, не глядя на свое ружье. В цепи он может заряжать его во время наступательного движения; давая выстрел за выстрелом во время движения вперед, он подойдет к противнику все же с ружьем, постоянно заряженным. Пуля может быть простейшей конструкции, чрезвычайно плотная, с ней не может произойти случайностей, благодаря которым она сорвалась бы с нарезов, — как это бывало с компрессирующей и расширяющейся пулей, — или чтоб она вообще подверглась другим неприятным случайностям. Чистка ружья необыкновенно облегчается. Камера, или место, куда кладутся порох и пули, являющаяся частью, всегда наиболее подверженной загрязнению, совершенно открыта; ствол, или канал, открыт с обоих концов и может быть легко просмотрен и отлично прочищен. Части, помещающиеся около казны, будучи в силу необходимости более тяжелыми, так как иначе они не могли бы выдержать давления пороховых газов, переносят центр тяжести ружья к плечу и в силу этого дают устойчивость при прицеливании.

Мы видели, что единственная трудность представляется в прочном сцеплении казенной части. Не может быть сомнения, что эта трудность теперь полностью преодолена. Число заряжающихся с казны ружей, изготовленных за последние двадцать лет, огромно и, по крайней мере, некоторые из них оправдывают все сколько-нибудь разумные ожидания как в отношении эффективности и прочности приспособления для заряжания с казны, так и в отношении легкости и быстроты, с которой казенная часть может быть соединена и разъединена. Тем не менее, в настоящее время в качестве военного оружия употребляются лишь три различных системы.

Первая — это ружья, употребляемые в настоящее время пехотой в Швеции и Норвегии. Приспособление для заряжания с казны является достаточно удобным и прочным. Заряд воспламеняется посредством капсюля, причем курок и боек находятся в *нижней* части камеры. О практическом применении этого ружья мы не могли получить каких-либо подробностей.

Вторая — это револьвер. Револьвер, так же как и винтовка, является весьма старым немецким изобретением. Столетия тому назад делались пистолеты с несколькими стволами, снабженными вращающимся приспособлением, которое после каждого выстрела поворачивало новый ствол в положение, тре-

бующееся для действия на него замка. В Америке полковник Кольт снова воспользовался этой идеей. Он отделил камеры от стволов, так что для всех вращающихся камер существовал один ствол, и сделал, таким образом, оружие заряжающимся с казны. Так как большинство из наших читателей имело дело с пистолетом Кольта, то нет необходимости описывать его; кроме того, сделать детальное описание сложной системы механизма без объяснительного чертежа не представлялось бы возможным. Заряд этого оружия воспламеняется посредством капсуля; круглая пуля, немного больше канала ствола, при вдавливании в него входит в нарезы. После того как изобретение Кольта стало известным, было сделано много изобретений ручного оружия с вращающимся приспособлением, но только Дин и Адамс действительно упростили и усовершенствовали его как военное оружие. Тем не менее, эта система является чрезвычайно сложной, и для военных целей она применима только к пистолетам. Но при некоторых усовершенствованиях этот револьвер станет необходимой принадлежностью для всей кавалерии и моряков, на случай abordage, в то время как для артиллерии он был бы значительно более полезен, чем любой карабин. В самом деле, его действие в рукопашном бою ужасно; револьверами снабжена не только американская кавалерия, они были введены в британском, американском, французском, русском и других флотах.

В шведском ружье, так же как и в револьвере, воспламенение заряда производится извне посредством обыкновенного ударного капсуля.

Третью группу ружей, заряжающихся с казны, составляет столь шумевшее прусское игольчатое ружье, которое окончательно вытесняет оружие двух первых систем; заряд его воспламеняется изнутри.

Игольчатое ружье было изобретено штатским лицом, г. Дрейзе из Заммерда, в Пруссии. После первоначального изобретения метода воспламенения заряда посредством иглы, мгновенно проникающей в взрывчатый состав, помещенный в патроне, Дрейзе около 1835 г. усовершенствовал свое изобретение, сконструировав ружье, заряжающееся с казны, снабженное прибором с иглой, воспламеняющей заряд. Прусское правительство сразу же купило секрет изобретения, который ему удалось сохранить для себя до 1848 г., когда это изобретение стало общеизвестным. В то же время прусское правительство решило в случае войны вооружить этим оружием всю свою пехоту, приступив к массовому производству игольчатых ружей. В настоящее время вся линейная пехота и большая часть ландвера вооружены ими, а вся легкая ка-

валерия вооружается теперь заряжающимися с казны игольчатыми карабинами.

Относительно заряжающегося с казны механизма мы можем только сказать то, что он, кажется, является простейшим, удобным и наиболее прочным из всех предлагавшихся до сих пор. Он подвергался испытаниям уже в течение ряда лет, и единственный недостаток его нашли лишь в том, что этот механизм быстро изнашивается и не может выдержать такого количества выстрелов, как неподвижная казенная часть ружья, заряжающегося с дула. Но этот недостаток, неизбежный во всех заряжающихся с казны механизмах, и необходимость заменять некоторые детали казенной части несколько чаще, чем в старых ружьях, ни в коем случае не могут умалять больших достоинств этого ружья.

Патрон содержит в себе пулю, порох, а также воспламеняющийся состав и вкладывается *неоткрытым* в камеру, которая несколько шире, чем нарезной ствол. Затвор закрывается простым движением руки, и в то же самое время взводится курок. Однако курок помещается не с наружной стороны. Сзади заряда, в полom железном цилиндре, лежит крепкая остроконечная стальная игла, приводимая в действие спиральной пружиной. Введение курка состоит в простом оттягивании этой пружины назад, сжатии ее и крепком удержании в этом положении; когда спусковой крючок спущен, то пружина разжимается и быстро направляет иглу вперед, прокалывает патрон и, мгновенно воспламеняя взрывчатый состав, зажигает заряд. Таким образом, зарядание и самый выстрел из этого ружья совершаются только при помощи пяти движений: открывания затвора, вкладывания в него патрона, закрывания затвора, прицеливания и выстрела. Нет ничего удивительного, что из такого ружья, при хорошем прицеливании, можно произвести пять метких выстрелов в минуту.

Пуля, первоначально употреблявшаяся для стрельбы из игольчатого ружья, была неподходящей формы, вследствие чего получалась очень высокая траектория. Неколько времени тому назад этот дефект был очень удачно исправлен. Теперешняя пуля значительно длиннее и имеет форму жолудя, вынутого из чашечки. Диаметр пули значительно меньше диаметра дула: ее основание вставлено в своего рода чашечку из мягкого металла для того, чтобы придать пуле требуемую толщину. Эта чашечка, насаженная на пулю, находясь в стволе, идет по его нарезам и, таким образом, придает пуле вращательное движение и в то же самое время значительно уменьшает трение в канале ствола и совершенно уничтожает зазор. Вследствие этого стрельба из ружья дала настолько

улучшенные результаты, что с прицелом, при котором раньше стреляли на 600 шагов (500 ярдов), теперь стреляют на 900 шагов (750 ярдов); несомненно, это — громадное понижение траектории.

Ничего нет более далекого от истины, чем утверждение, будто игольчатое ружье имеет очень сложную конструкцию. Детали, составляющие приспособление для заряжания с казны, и игольчатый замок не только значительно меньше числом, но и значительно прочнее, чем части, составляющие обыкновенный замок с ударным приспособлением, которые, конечно, никто не предполагает теперь усложнять, имея в виду войну и небрежное обращение. Кроме того, чтобы разобрать на части обыкновенный замок с ударным приспособлением, требуется значительное время и различные инструменты, между тем как игольчатый замок может быть разобран и собран в невероятно короткое время и без всяких инструментов, лишь при помощи десяти солдатских пальцев. И только одна часть замка подвержена ломке: сама игла. Но каждый солдат носит с собой запасную иглу, которую он может сразу же вставить в замок, не разбирая его на части, — и даже во время стрельбы. Нам также известно, что г. Дрейзе сделал поломку иглы редким явлением благодаря усовершенствованию замка, который отводит иглу обратно на ее прежнее место, тотчас же по воспламенении заряда.

Траектория данного прусского игольчатого ружья почти такая же, как и винтовки Энфильд; калибр его немножко больше калибра Энфильд. С уменьшением калибра до калибра австрийского ружья или, еще лучше, до швейцарской стрелковой винтовки, не может быть сомнения, что он сравняется с любым из них по дальности полета пули, меткости и отлогости траектории, между тем как другие огромные преимущества игольчатого ружья останутся за ним. Приспособление для заряжания с казны может быть сделано еще более прочным, а центр тяжести ружья может быть перенесен еще ближе к плечу прицеливающегося солдата.

Введение в армию оружия, способного к такой быстрой стрельбе, естественно, вызывает многочисленные размышления на тему о том, какие перемены произведет это оружие в тактике; особенно у народа, столь склонного к теоретизированию (*so fond of speculating*), как северо-германцы. Не было конца спорам о предполагаемой революции в тактике, которую произведет игольчатое ружье. В Пруссии большинство военных пришло наконец к выводу, что против батальона, стреляющего частыми залпами из игольчатого ружья, никакая атака невозможна и что, следовательно, со штыком покончено. Если бы эта глупая мысль восторжествовала, то игольчатое ружье

принесло бы пруссакам не мало жестоких поражений. К счастью, итальянская война доказала всем, кто способен видеть, что огонь современных винтовок не является уже столь грозной опасностью для мужественно атакующего батальона, и принц Фридрих-Карл Прусский воспользовался случаем напомнить своим коллегам, что пассивная оборона даже при наличии хорошего вооружения всегда ведет к верному поражению. Направление военного общественного мнения изменилось; опять начинают понимать, что человек, а не ружье, должен выигрывать сражения; если же новое ружье и внесет существенное изменение в тактику, то это будет возвращением к еще большему применению развернутых линий (где это позволяет местность) и даже к той атаке линиями, которая после того, как она дала выигрыш большинству сражений Фридриха Великого, сделалась почти неизвестной прусской пехоте.

VII

Сделав обзор разных систем, по которым были сконструированы различные винтовки, находящиеся в употреблении в современных европейских армиях, мы не можем закончить рассмотрение нашего предмета, не сказав несколько слов относительно винтовки, которая хотя и не введена нигде в качестве официального военного оружия, но пользуется вполне заслуженной популярностью по своей удивительной меткости и большой дальнбойности. Мы имеем в виду, конечно, винтовку Витворта.

Г-н Витворт, если мы не ошибаемся, претендует на введение им двух новых оригинальных принципов в конструкцию своего огнестрельного оружия, а именно: шестиугольного канала ствола и механического прилегания пули к каналу. Канал ствола вместо круглого имеет насквозь шестиугольное сечение и очень крутые нарезы или обороты, что видно по поверхности шестиугольных пуль. Сама пуля, сделанная из твердого металла, прилегает к каналу ствола с наивозможной плотностью, и поэтому форма ее не изменяется от давления пороховых газов, так как шесть сторон пули будут направляться по оборотам нарезов с безошибочной точностью.

Для того, чтобы предупредить зазор и сделать ствол гладким, между порохом и пулей помещается кусочек или кружочек просаленной материи; это сало, проходя вслед за пулей по направлению к дулу, растапливается от тепла при пороховом взрыве.

Несмотря на несомненно прекрасные результаты, которых достиг г. Витворт в конструкции своей винтовки, мы все же

полагаем, что этот принцип менее важен, чем принцип расширения или компрессирования пули или зарядание с казны пульей более широкого диаметра, чем дуло. То есть, мы думаем, что винтовка с расширяющейся или с компрессирующей пульей или ружье, сконструированное по системе прусского игольчатого ружья, будут иметь превосходство над винтовкой Витворта, если выделка их будет одинаково хороша, калибр одинаково мал и если будут одинаково соблюдены все прочие условия. Как бы ни было точно механическое прилегание пули г. Витворта, она все же не может прилегать с такой плотностью, как это делают пороховые газы, изменяя форму пули как во время воспламенения, так и после этого. Его винтовка с твердой пульей имеет то, чего следует вообще полностью избегать в винтовках, а именно зазор и, как следствие этого, прорыв пороховых газов; даже растопленный жир не сможет совершенно уничтожить этот зазор, особенно в ружье, ствол которого от долгого употребления сделается хотя бы незначительно шире. Существует очень точный предел для всех механических прилеганий такого рода, — другими словами, прилегание должно быть свободным настолько, чтобы пуля проходила легко и быстро вниз по каналу даже после производства нескольких десятков выстрелов. Следствием является то, что шестиугольные пули пригоняются неплотно, и хотя мы точно не знаем величины зазора, но тот факт, что пуля, обернутая бумажкой, проходит вниз по стволу легко без всякой смазки, заставляет предполагать, что зазор немногим меньше (если он вообще меньше), чем у пули Энфильда, у которой он равен 0,01 дюйма. Г-н Витворт, изобретая свою винтовку, видимо, руководствовался преимущественно двумя задачами: во-первых, уничтожить всякую возможность обременения нарезов и, во-вторых, совершенно уничтожить случайности, которые могут препятствовать цилиндрической пуле идти по наредам, — такие случайности действительно препятствуют как расширению, так и компрессированию пули, — пригонкой заранее формы канала ствола и наряда одного к другому. Засорение нарезов частицами свинца, отщепляющимися от пули, имеет место у *всех* винтовок с мягкими свинцовыми пулями; случайности, препятствующие пуле правильно идти по наредам, могут иметь место как у ружей с компрессирующей, так и с расширяющейся пулями, но не в заряжающихся с казны ружьях прусского образца. Но ни одно из этих затруднений не является настолько большим, чтобы его нельзя было преодолеть и чтобы в целях избежания этих затруднений надо было жертвовать основным принципом производства винтовки, т. е. что пуля должна проходить по наредам, не оставляя никакого зазора.

Говоря так, мы опираемся на большой авторитет, а именно на самого г. Витворта. Мы осведомлены, что г. Витворт отказался от своего принципа механического прилегания, поскольку это касалось его винтовки, и известно, что в настоящее время большинство стреляет из его винтовки не твердой, плотной шестиугольной пулей, а мягкой свинцовой цилиндрической пулей. Эта пуля — полая в своем основании, наподобие пули Энфильд, но без втулки; она очень длинна (одна — 480 гран — в три раза длиннее своего диаметра, другая — 530 гран — в три с половиной раза длиннее своего диаметра) и *вдавливается в нарезы силою пороховых газов при их воспламенении*. Итак, мы видим, что принцип *механического прилегания* пули г. Витворта совершенно оставлен во имя принципа *расширения*, и винтовка Витворта заняла подчиненное положение, превратившись в род винтовки Минье, совершенно так же, как это когда-то было с винтовкой Энфильд. Остается шестиугольный ствол; насколько он будет пригоден для ружья с расширяющейся пулей?

Шестиугольный канал ствола имеет, конечно, шесть нарезов, и мы видели, что четное число нарезов было признано для расширяющихся пуль не настолько отвечающим их цели, как нечетное число нарезов, так как нежелательно, чтобы два нареза были диаметрально противоположны друг другу. Затем нарезы у большинства ружей с расширяющимися пулями очень мелки; так, у Энфильд они, например, едва заметны. В шестиугольнике разница между диаметром внутреннего круга (представляющего канал вообще) и диаметром внешнего круга (проведенного через шесть углов) равна около двух тринадцатых или немного менее, чем одна шестая часть внутреннего круга; или, другими словами, оwinец должен затратить около одной шестой своего диаметра перед тем, как он сможет надлежащим образом войти в углы нарезав шестиугольного ствола. Из этого должно бы вытекать то, что шестиугольный ствол хотя и чрезвычайно остроумен для системы механического прилегания пули, но, казалось бы, не должен удовлетворять системе с расширяющейся пулей.

Но все же он является до известной степени удовлетворительным, как показывают результаты испытания почти каждой винтовки. Как же случилось, что г. Витворт, отказавшись от важнейшего пункта своего принципа, теперь применяет принцип, из-за которого его винтовка не принята?

Прежде всего, это — превосходство выделки. Хорошо известно, что по точности в большинстве мельчайших и даже микрометрических деталей г. Витворт не имеет соперников. Как его инженерные инструменты, так и его винтовки являются превосходными образцами по конструкции своих дета-

лей. Взгляните на мушку на дуле его винтовки и сравните ее с винтовками других систем! Нет никакого сравнения, а для ружей, имеющих дальность 1000 ярдов, это — огромное преимущество.

Во-вторых, и это самое главное: калибр винтовки Витворта равен 0,451 дюйма в наименьшей части канала (то, что мы называем внутренним кругом). Винтовка Энфильд имеет калибр — 0,577 дюйма; швейцарская стрелковая винтовка, о которой мы много раз упоминали, как о ружье, дающем самую отлогую траекторию, имеет калибр 0,413 дюйма. Теперь посмотрите на разницу в формах пули. Расширяющаяся пуля Витворта в 530 гран почти на три восьмых дюйма длиннее пули Энфильд, имеющей тот же вес; в то время как первая в три с половиной раза длиннее своего диаметра, вторая едва только вдвое длиннее своего диаметра. Очевидно, что при одинаковом весе и при одинаковом заряде та пуля будет легче преодолевать сопротивление воздуха, т. е. давать более отлогую траекторию, которая тоньше и длиннее, чем та, которая короче и толще. Затем заряд пороха у винтовки Энфильд весит 68 гран; у Витворта употребляется заряд в 60, 70 и 80 гран, но нам говорили хорошие стрелки, которые пользовались этой винтовкой, что для того, чтобы заставить пулю достаточно расшириться и дать хороший результат на большую дистанцию, требуется 80 гран. Итак, мы имеем заряд у Витворта на одну шестую больше, чем у Энфильд, и этот заряд должен бы действовать лучше (даже при одинаковом весе), так как он воспламеняется в более ограниченном пространстве и действует на значительно меньшую поверхность пули.

Здесь, следовательно, мы имеем другой пример огромного преимущества малого калибра, дающего длинную, тонкую, остроконечную пулю. Любой из моих читателей, кто внимательно следил за нашим исследованием преимуществ различных систем винтовок, должен был давно прийти к выводу, что форма пули имеет более важное значение, чем система, по которой сконструирована сама пуля или винтовка; и для того, чтобы иметь портативную солдатскую пулю лучшей формы, мы должны иметь *маленький калибр* ствола. Этот урок вновь дает нам винтовка Витворта.

Отсюда мы также можем сделать вывод, что при малом калибре длинный, тяжелый, острый конец пули оказывает достаточно сопротивления, чтобы позволить полой части ее должным образом расшириться без помощи втулки. Пуля Витворта имеет лишь маленькое углубление в своем основании, не имея втулки. Она должна расширяться, по крайней мере, в три раза более других расширяющихся пуль; и все же

при 80 гранах пороха (которые ружье выдерживает без большой отдачи) она вполне удовлетворительно идет по нарезам.

Мы сильно сомневаемся, чтобы винтовка Витворта стала когда-либо военным оружием; напротив, мы думаем, что шестиугольный ствол скоро совсем выйдет из употребления. Если бы волонтеры, которые убедились на практике в превосходстве винтовки Витворта над нынешней винтовкой Энфильд, предложили бы вооружить их первой, то они, конечно, ударились бы в крайность. Мы думаем, что будет крайне несправедливо сравнивать эти два вида оружия. Винтовка Витворта является оружием роскоши, изготовление которой стоит, по крайней мере, вдвое дороже винтовки Энфильд. В своем настоящем виде она представляет собою слишком деликатное оружие для того, чтобы дать его в руки каждому солдату; а между тем, удалите, например, ее тонкую мушку и замените ее другой, приспособленной для более грубого употребления, и меткость ружья при стрельбе на дальнее расстояние значительно уменьшится. Чтобы вооружить и армию, и волонтеров винтовками Витворта, нужно сделать одно из двух: или калибр ручного оружия, принятого в качестве официального образца, должен остаться таким же, как в настоящее время, и тогда винтовка Витворта с калибром Энфильд дала бы гораздо худшие результаты, чем современная винтовка Витворта; или калибр должен быть уменьшен, скажем, до размеров нынешнего ружья Витворта, — и тогда очень вероятно, что винтовка Энфильд с уменьшенным калибром, на изготовление которого было бы истрачено столько же, сколько и на винтовку Витворта, дала бы такие же хорошие, если не лучшие, результаты.

VIII

В заключение перечислим вкратце различные системы винтовок, находящиеся ныне в употреблении в европейских армиях, и те принципы, которые мы можем считать установленными для этого оружия.

Различные системы винтовок следующие:

1. Система забойного заряжания, при которой плотно пригнанная пуля, обернутая в пластырь, загоняется с дула сильными ударами шомпола. Это самый старый способ направления пули по нарезам. В настоящее время для военного оружия он почти нигде не применяется; наиболее важным и заслуживающим внимания исключением является новая швейцарская стрелковая винтовка, имеющая очень маленький калибр и длинную остроконечную пулю и дающая из всех существующих ныне ружей самую отлогую траекторию. Вин-

товка эта предназначена не для вооружения всей массы пехоты, а лишь для вооружения отборных частей, и требует тщательного заряжания для того, чтобы получились благоприятные результаты, которые и отличают ее от всех известных ружей.

2. Система оплющивания свободно входящей в ствол пули о какое-нибудь препятствие на дне казенной части (край суживающейся камеры — Дельвинь — или стержень, ввинченный в середину камеры, — Тувенен), чтобы таким образом вогнуть ее в нарезы. Этот способ, одно время принятый повсеместно, теперь более или менее вытесняется другими системами. Между прочим, заметим, что для него требуется довольно большой калибр ружья, так как иначе камера будет очень узкой.

3. Система расширения свободно пригнутой продолговатой пули, полый со стороны своего основания. Пороховые газы, образующиеся при воспламенении заряда, входят в его углубление, расширяют его в стороны, пригоняют пулю плотно к каналу ствола и заставляют ее идти по нарезам. Эта система в настоящее время находит себе повсеместное применение и способна на дальнейшие крупные улучшения, как недавно показали прекрасные результаты, достигнутые г. Витвортом со своей винтовкой, с тех пор как он ввел в нее принцип расширения.

4. Система компрессирования пули, при которой достигается тот же самый результат посредством снабжения пули глубокими кругообразными желобками, которые позволяют силе пороховых газов, при одновременном сопротивлении веса тяжелой передней части пули, сжать ее по длине и, таким образом, придать необходимое увеличение ее в диаметре. Этот способ, хотя и менее безопасный, чем принцип расширения, дал прекрасные результаты при малых калибрах, как это уже было доказано в Швейцарии и Австрии, но все же компрессирующаяся пуля, если ею стреляют из вышеупомянутой швейцарской стрелковой винтовки, не дает тех хороших результатов, которые получаются при стрельбе плотно пригнутой и обернутой в пластырь пуль из того же самого ружья.

5. Система заряжания с казенной части, сама по себе имеющая преимущества над всеми остальными системами ружей в самом способе заряжания и стрельбы, в то же самое время дает наибольшую вероятность того, что пуля должным образом пойдет по нарезам, так как камера и сама пуля делаются несколько большего размера, чем остальная часть ствола, и, таким образом, пуля не может иначе войти в канал ствола, как будучи вдавлена в нарезы. Этой системе суждено, видимо, постепенно вытеснить все остальные.

Мы не принимаем в расчет системы механической пригонки пули г. Витворта, так как эта система более не применяется, по крайней мере, поскольку это касается ручного стрелкового оружия, и, таким образом, мы будем иметь дело только с вышеупомянутыми системами.

Если классифицировать различные системы согласно их достоинствам, то мы бы сказали, что заряжающееся с казны игольчатое ружье выше всех; следующей за ним идет система расширяющихся пуль; затем уже система компрессирующихся пуль. Первые же две системы можно считать вышедшими из употребления, потому что, если зарядание посредством вколачивания пули, как в Швейцарии, дает пока лучшие результаты при том же калибре, чем зарядание компрессирующимися пулями, мы все же совсем не склонны приписывать *самой системе* подобные результаты без предварительного тщательного изучения ее, да к тому же обернутая пластырем пуля швейцарской стрелковой винтовки признана непригодной для всей массы пехоты.

В то же время мы уже видели, что с введением продолговатой пули сама система, по которой конструировались ружье или пуля, являлась вопросом лишь второстепенной важности в отношении дальности полета, отлогости траектории и меткости ружья. Пока пули были круглые, система нарезов представлялась гораздо более важной, потому что тогда все пули встречали сопротивление воздуха почти при равных условиях; влияние более сильных нарезов, более глубоких или многочисленных желобков и т. д. было сравнительно гораздо более существенным, чем теперь. Но с введением продолговатой пули появляется новый элемент. Пуля может быть сделана длиннее или короче, причем эти пределы довольно обширны, и теперь весь вопрос сводится к тому, какая форма пули является наиболее выгодной. По теоретическим выкладкам ясно, что та же самая масса свинца, выбрасываемая с той же начальной скоростью, лучше сохранит эту скорость в том случае, если ее форма длинна и тонка, чем если она коротка и толста, предполагая, конечно, что имеется налицо приданное пуле каналом ствола винтообразное вращение, которое предохранит ее от кувыркания. Сопротивление воздуха является задерживающей силой; оно постепенно уменьшает начальную скорость, приданную пуле силою пороховых газов, и, таким образом, дает все более увеличивающуюся силу тяжести, так оказать, большую задержку пули. Начальная скорость зависит от заряда и, в известной мере, от конструкции оружия; это последнее обстоятельство мы можем считать точно определенным; сила тяжести тоже установлена и является известной данной величиной; таким образом,

остается изменяемой лишь форма пули, которую надо лучше приспособить для полета, чтобы воздух оказывал ей наименьшее сопротивление, а для уменьшения сопротивления атмосферы, как мы уже говорили, длинная и тонкая пуля является гораздо более пригодной, чем короткая и толстая того же веса.

Наконец, максимальный вес пули военного ружья является также величиной известной. Солдат должен быть в состоянии носить на себе, по крайней мере, шестьдесят патронов, не считая самого оружия, при полном обмундировании. Таким образом, чтобы изготовить свинцовую пулю лучшей формы данного веса (скажем, в 530 гран), нужно увеличить ее длину и уменьшить толщину; другими словами, калибр канала ствола винтовки должен быть уменьшен. До известной степени это допустимо для всех систем без исключения. Посмотрите на пулю Энфильд в 530 гран и на пулю Витворта того же веса; одного взгляда достаточно, чтобы понять, почему пуля Витворта имеет гораздо более отлогую траекторию (т. е. лучше сохраняет свою начальную скорость) и потому легко попадает в цель на тысячу ярдов, тогда как на попадание пуль Энфильд на той же дистанции рассчитывать нельзя. А между тем, обе эти пули принадлежат к системе расширяющихся пуль, причем устройство пули Витворта является не лучшим образцом из всех пуль, приспособленных для расширения. Или посмотрите на швейцарскую стрелковую винтовку со стволом еще меньшего калибра, чем у ружья Витворта, и все же дающую еще лучшие результаты и еще более отлогую траекторию, независимо от того, забивается ли в него пластывером обертнутая пуля при помощи шомпола, или она проходит совершенно свободно и компрессируется силой пороховых газов. Или возьмите прусское игольчатое ружье; уменьшив диаметр и увеличив длину пули и введя ее в широкое дуло при помощи кружка или пыжа, при том же самом прицеле, при котором раньше стреляли на 600 ярдов, теперь можно стрелять на 900 ярдов. Таким образом, мы с достаточной уверенностью можем установить тот факт, что вообще эффективность огня винтовки, по какой бы системе она ни была сконструирована, является обратно пропорциональной диаметру канала ствола. Чем меньше калибр ствола, тем лучше винтовка, и наоборот.

Этими замечаниями мы заканчиваем тему, которая, может быть, показалась многим из наших читателей довольно сухой. Все же она является очень важной. Ни один сознательный солдат не должен быть в неведении относительно того, по каким принципам сконструировано его оружие и как оно должно действовать. Предполагается, что все, что мы попытались из-

ложить здесь, известно унтер-офицерам большинства континентальных армий; и конечно, огромное большинство волонтеров, представляющих «мозг страны» («the intelligence of the country»), должно хорошо знать свое огнестрельное оружие как таковое!

Написано Ф. Энгельсом на английском языке в конце октября 1860 — январе 1861 г.

Впервые напечатано в «Volunteer Journal for Lancashire and Cheshire», 3 и 17 ноября, 8, 15 и 29 декабря 1860 г. и 5, 12 и 19 января 1861 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XII, ч. II.

РОТНОЕ УЧЕНИЕ

В предпоследнем номере нашего журнала мы обратили особое внимание волонтеров на замечания полковника Мак-Мердо о ротном учении*. Теперь мы вновь возвращаемся к этому вопросу, полагая, что настало время, когда важность ротного учения должна быть в полной мере оценена каждым стрелком в стране.

На-днях нам представился случай быть свидетелями батальонного учения одной волонтерской части, которая, в общем, стоит безусловно выше среднего уровня среди войск этого округа в отношении числа обучающихся, хорошего выполнения учения, внимательного отношения к своим обязанностям со стороны офицеров и, следовательно, по боеспособности в целом. К нашему большому удивлению, мы нашли очень незначительный прогресс по сравнению с тем, что мы видели в этой же части каких-нибудь шесть месяцев тому назад. Батальонные перестроения производились несколько лучше, чем в конце прошлого сезона, но ружейные приемы и взводные перестроения производились крайне неряшливо. Даже в приеме держать ружье «на плечо» каждый выглядел так, точно он не сознавал, что должен действовать совместно с 400 человек, находящимися от него справа, слева и сзади. При изготовке и прицеливании каждая винтовка, казалось, гордилась тем, что принимала определенное положение независимо от своих целей; а совершенно спокойное пренебрежение к «раз-два!» или «раз-два-три!», которыми должно характеризоваться выполнение всякой команды, было, казалось, обычным явлением.

В одном углу казарменного двора, на котором это происходило, нам случайно удалось увидеть взвод линейного полка, построенный для учения под командой сержанта. Мы полагаем, что это была отстающая группа батальона новобранцев, построенная для добавочного учения. Но какая разница! Люди

* Имеется в виду статья Энгельса «Брайтон и Вимблдон» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XII, ч. II). *Ред.*

стояли, как статуи, ни один сустав не двигался, пока не подавалась команда, и тогда двигались только те органы, которые должны были выполнять команду, — остальные части тела оставались совершенно неподвижными. Когда команда доходила до их слуха, каждое ружье двигалось одновременно с другими, каждое движение, на которое расчленялось выполнение команды, было совершенно отчетливым и производилось всеми в одно и то же время! Действительно, весь взвод двигался как один человек. Джентльменам, которые так любят хвастать тем, что волонтеры могут выполнять все так же хорошо, как и линейные войска, не мешало бы немного познакомиться с линейными войсками; тогда они ооро увидели бы, что между самыми лучшими волонтерами и наиболее плохо обученным линейным полком до сих пор существует огромная разница.

Но какая польза, — могут сказать, — для волонтеров в таком совершенстве строевого обучения? Они не предназначены для этого, от них нельзя этого и ожидать, да оно от них и не потребуется. Несомненно, все это совершенно правильно. Самая попытка заставить волонтеров соперничать с линейными войсками в совершенстве строевого обучения привела бы к развалу этого движения. Но волонтеры должны быть обученными, и притом так, чтобы общее одновременное действие стало совершенно механическим, совершенно естественным для них, так, чтобы все их движения и действия происходили совершенно устойчиво, одновременно и с некоторой долей военной выправки. По всем этим пунктам линейные войска останутся образцом, по которому волонтеры должны будут равняться, а ротное строевое учение должно стать тем средством, благодаря которому только и может быть достигнут требуемый эффект.

Возьмем обучение ружейным приемам и взводное учение. Что все винтовки в батальоне на всякую поданную команду должны двигаться одновременно и согласно команды, это не есть дело простой внешности. Мы должны предположить, что все волонтерские части сделали теперь такие успехи, что солдаты могут проделать это упражнение, не задевая один другого и не сталкиваясь своими винтовками. Но даже независимо от этого просто неряшливый способ выполнения различных движений имеет несомненно большое влияние на обучаемый батальон. Зачем любому из этих солдат быть особенно внимательным к команде, если он видит ошибки, совершаемые справа и слева, и если винтовки ходят вразброд вверх и вниз еще долго после того, как он уже выполнил команду? Какое доверие может иметь солдат на левом фланге к своим товарищам на правом, перед лицом неприятеля, если он не

будет знать, что они будут заряжать винтовки, делать на изготовку и прицеливаться вместе с ним по одной команде и снова будут готовы совместно с ним открыть стрельбу или броситься в атаку? Больше того, всякий опытный солдат вам скажет, что привычка к такому одновременному действию — уверенность офицерской команды, сопровождаемой двумя или тремя краткими отчетливыми звуками, которые указывают, что каждый солдат действует одновременно, как и его товарищи, — имеет очень большое моральное влияние на батальон. Это внедряет в сознание солдата тот факт, что они действительно составляют как бы одно тело; что они целиком находятся в руках командира, который может применить их силу в самый короткий срок и с наибольшим результатом.

С другой стороны, возьмем движения больших или малых войсковых частей. До тех пор, пока каждый солдат не будет обучен так твердо, что всякое движение, выполнение которого от него может потребоваться, будет производиться им почти механически по отдаваемой команде, батальон никогда не будет уверенно продвигаться. Солдат, который все еще должен порыться в памяти или в уме, чтобы понять, чего требует от него поданная команда, принесет батальону больше вреда, чем пользы. Это случится с солдатом, который в силу привычки или каких-нибудь иных причин склонен думать, что за некоторыми движениями обязательно следуют другие; часто он будет получать команду, совершенно отличную от той, которой он ожидал, и тогда он, весьма вероятно, будет путаться. И вот эти недочеты могут быть преодолены только систематическим ротным обучением. Там офицер сможет заставить свою небольшую часть в какие-нибудь четверть часа выполнить столько различных движений и построений, сможет до такой степени разнообразить порядок перехода от одного к другому, что солдаты, никогда не знающие, что последует дальше, быстро научатся быть внимательными и совершенно механически будут отвечать на команду. В батальоне все движения будут вообще гораздо более медленными и в целом, следовательно, менее поучительны для солдат, хотя более поучительны для офицеров; но общепризнанным фактом является то, что солдаты, достигшие совершенства в ротном учении, за очень короткое время под командой хороших офицеров прекрасно изучат батальонные движения. Чем больше солдаты будут тренироваться в ротных перестроениях под руководством знающего, расторопного инструктора, тем устойчивее они будут впоследствии в батальоне. И нет необходимости указывать, как важна в батальоне полная устойчивость: залп может быть дан до некоторой степени беспорядочно и все же иметь результат; но батальон, пришедший в замешательство

при построении каре, развертывании, захождении плечом в колонне и т. д., может во всякое время безнадежно растеряться перед активным и знающим неприятелем.

Затем важен вопрос о дистанциях. Бесспорным является тот факт, что ни один волонтер — офицер или солдат — не имеет навыков в определении дистанции на-глаз. При марше колоннами с полной дистанцией или с дистанцией в одну четверть, при развертывании на каждом батальонном учении обнаруживается, как трудно офицерам сохранять правильную дистанцию. При построении колонны из каре солдаты центральных отделений почти всегда теряют свою дистанцию; они отступают слишком далеко или слишком близко, и, следовательно, захождение получается очень неправильное. Офицеры могут научиться сохранять дистанции только в батальоне, хотя и ротные движения во взводах и отделениях будут иметь тенденцию к их усоввершенствованию; но солдаты, чтобы научиться, как нужно построить колонну из каре (маневр громаднейшей важности на виду у неприятеля), должны практиковать это в своих ротах.

Нужно рассмотреть еще другой вопрос: это — вопрос военной выправки солдат. Мы имеем в виду не только прямое, гордое и все же свободное положение каждого солдата в отдельности под ружьем, но и то быстрое одновременное действие при ротных и батальонных перестроениях, которое так же необходимо всякой воинской части при движении, как и действующему винтовками батальону во время остановки. Волонтеры, кажется, бывают вполне удовлетворены, если им удастся как-нибудь встать на предназначенные им места приблизительно в требуемое время, включая обычно несколько секунд на передышку. Несомненно, что этот пункт является главным, и в первый год существования волонтерских частей всякий был бы совершенно удовлетворен этим. Но для каждого движения имеется определенный, установленный способ выполнения, требуемый уставами, причем предполагается, что этот способ есть тот, при котором нужная цель может быть достигнута в кратчайшее время с максимальной выгодой для всех участников и, следовательно, в полнейшем порядке. Вывод отсюда тот, что всякое отклонение от предписанного способа неизбежно связано с некоторым нарушением дисциплины и отсутствием последовательности, что не только создает для зрителя впечатление неряшливости, но и предполагает определенную потерю времени и заставляет солдат думать, что отдельные параграфы уставов — это пустой вздор. Дайте какому-нибудь солдату посмотреть на волонтерскую часть, когда она двигается сдвоенными шеренгами от центра и фронта, строится по-ротно или производит какое-либо другое

перестроение, и он сразу увидит, до каких небрежных привычек мы дошли. Но такие ошибки, которые могут быть терпимы в старом линейном полку, который имеет хороший фундамент солидного обучения и который можно заставить снова пройти то же учение и освободиться от своих развязных манер, значительно более опасны в волонтерской части, где этот солидный фундамент детального обучения неизбежно отсутствует. Их неряшливые привычки, которые могут быть терпимы вначале, когда солдаты *должны* спешно пройти весь элементарный курс, будут возрастать и умножаться, если не будут остановлены регулярным, неукротимым и точным ротным учением. Устранить совершенно такие привычки будет невозможно, но во всяком случае они могут и должны быть остановлены так, чтобы не получить дальнейшего распространения. Что касается индивидуальной выправки солдат, то она, мы полагаем, будет постепенно улучшаться, хотя мы очень сильно сомневаемся, исчезнет ли когда-нибудь эта свойственная волонтерам волнистость фронта при шаге на месте, которая замечается на всех волонтерских учениях. Мы имеем в виду определенную привычку двигать верхней частью тела при шаге на месте, присущую, кажется, всем волонтерам, которых мы наблюдали. Правая нога поднимается не раньше, чем поднимается правое плечо и опустится левое; вместе с левой ногой движется вверх и левое плечо, и таким образом весь фронт волнуется взад и вперед, подобно зрелому хлебному полю под напором яростного ветра, что мало похоже на отряд стойких солдат, готовых встретить врага.

Мы думаем, что достаточно сказали для того, чтобы привлечь внимание к этому вопросу. Каждый волонтер, который принимает волонтерское движение близко к сердцу, согласится с нами в том, что касается необходимости регулярного и четкого ротного учения; так как на волонтерскую армию, позвольте нам это повторить, неизбежно не обращалось должного внимания во время ее первоначального воспитания, то требуется много внимания и большая работа, чтобы до некоторой степени восполнить этот недостаток.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке в апреле 1861 г.

Впервые напечатано в «Volunteer Journal for Lancashire and Cheshire», 20 апреля 1861 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XII, ч. II.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
В США
1861—1865 гг.

УРОКИ АМЕРИКАНСКОЙ ВОЙНЫ¹⁸⁰

Когда несколько недель тому назад мы обратили внимание на процесс чистки, ставший необходимым в американской волонтерской армии, мы были лишены возможности полностью исчерпать ценные уроки, которые постоянно дает данная война волонтерам по эту сторону Атлантического океана. Мы просим поэтому позволения снова вернуться к этому вопросу.

Способ ведения войны, происходящей в настоящее время в Америке, действительно не имеет прецедентов. От Миссури до Чизапикской бухты миллион солдат, разделенных почти поровну на два враждебных лагеря, стоят друг против друга вот уже около шести месяцев, не предпринимая никаких решительных действий. В Миссури эти две армии продвигаются, отступают, дерутся и снова по очереди продвигаются и отступают без всякого видимого результата; даже теперь, после семи месяцев маршей и контр-маршей, которые должны были страшно опустошить страну, ход событий, кажется, так же далек от какого бы то ни было разрешения, как и раньше. В Кентукки, после длительного периода кажущегося бездействия, в действительности же подготовки, становится, повидимому, неизбежным подобное же положение вещей; в Западной Виргинии происходят непрерывные второстепенные сражения без всякого видимого результата, а у Потомака, где сосредоточены крупнейшие силы обеих сторон почти на виду одна у другой, ни одна из сторон не стремится к наступлению, доказывая этим, что при данном положении дел даже победа была бы вообще бесполезна. И до тех пор, пока обстоятельства, не имеющие отношения к данному положению вещей, не внесут серьезного изменения, эта безрезультатная система войны, возможно, продлится еще целые месяцы.

Как мы должны расценивать все это?

И на той и на другой стороне у американцев имеются почти исключительно волонтеры. Маленькое ядро прежней регулярной армии Соединенных Штатов либо растворилось,

либо слишком слабо, чтобы переварить огромную массу необученных рекрутов, собранных в процессе военных действий. Для придания всем этим людям вида солдат нет даже достаточного числа унтер-офицеров. Следовательно, обучение должно идти очень медленно, и действительно, нельзя даже предсказать, как долго продлится это обучение, пока высококачественный людской материал, собранный на обоих берегах Потомака, не станет пригодным, чтобы его двинуть крупными массами и дать или принять сражение соединенными силами.

Но даже если солдаты смогли бы пройти свое обучение в относительно короткое время, то нет достаточного количества офицеров для руководства ими. Не говоря о ротных офицерах, которые по необходимости не могут быть взяты из штатского населения, нехватает офицеров в качестве командиров батальонов, даже если каждый лейтенант и прапорщик регулярной армии будут назначены на эти должности. Значительное число штатских полковников поэтому неизбежно; и ни один человек, кто знает наших собственных волонтеров, не сочтет ни Мак-Клеллана, ни Борегара слишком робкими, если они уклоняются начать решительные действия или сложные стратегические маневры с этими шестимесечными штатскими полковниками в качестве исполнителей их приказаний.

Предположим, однако, что это затруднение было в общем преодолено; что штатские полковники, вместе со своими мундирами, приобрели и знания, опыт, такт, требуемые при исполнении их обязанностей, — по крайней мере, поскольку это касается пехоты. Но как будет обстоять дело с кавалерией? Обучение кавалерийского полка требует большего времени и большего опыта от обучающихся офицеров, чем придание отчетливой формы пехотному полку. Предположим, что все люди придут в свои части с достаточным знанием искусства верховой езды, т. е., что они могут крепко сидеть на своей лошади, управлять ею и знать, как ухаживать за нею и кормить ее, — все же и это едва ли сократит время, необходимое для обучения. Военная верховая езда, управление вашей лошадью, благодаря которому вы заставляете ее преодолевать все движения, необходимые при перестроениях кавалерии, — это совсем иное, чем верховая езда, в которой обычно практикуются штатские. Наполеоновская кавалерия, которую сэр Вильям Непир (*«History of the Peninsular War»* [*«История войны на Пиренейском полуострове»*]) считал лучшей по сравнению с английской кавалерией того времени, состояла, как это общеизвестно, из самых плохих всадников, которые когда-либо украшали седло, а многие из наших лучших признанных наездников, вступая в волонтерские кавалерийские части, находили, что им еще многому нужно учиться. Нам нет поэтому

надобности выражать изумление при обнаружении того факта, что американцы испытывают острый недостаток в кавалерии и что то небольшое, что они имеют, состоит из чего-то вроде казаков или индийских иррегулярных кавалерийских частей (gangers), неспособных на атаку в сомкнутом строю.

В отношении артиллерии дело должно обстоять еще хуже; точно так же и с инженерными войсками. Оба эти рода войск являются высоко техническими видами оружия и требуют длительного и тщательного обучения как офицерского, так и унтер-офицерского состава, а также, конечно, большего обучения и солдат, чем в пехоте. Артиллерия, кроме того, является более сложным родом войск, чем даже кавалерия; вам нужны пушки, лошади, обьеженные для этого рода передвижения, и две категории обученных солдат — канониры и ездовые (gunners and drivers); вам нужно, кроме того, большое количество повозок со снарядами и большие лаборатории для боевых припасов, литейные заводы, мастерские и т. д.; и все это должно быть оборудовано сложными машинами. Утверждают, что федералисты* имеют на фронте 600 орудий, но как они будут обслуживаться, мы легко можем себе представить, зная, что сформировать в шесть месяцев из ничего 100 полных, хорошо снабженных и хорошо обслуживаемых батареях совершенно невозможно.

Но предположим снова, что все эти трудности были преодолены и что боевая часть двух враждебных американских группировок находится в прекрасных условиях для своей работы, — смогли бы они двигаться даже в этом случае? Конечно, нет. Армия должна питаться, а большая армия в такой сравнительно слабо населенной местности, как Виргиния, Кентукки и Миссури, должна питаться главным образом со складов. Снабжение ее боевыми припасами должно пополняться; за ней должны следовать оружейные мастера, шорники, столяры и другие мастера для поддержания ее боевых принадлежностей в должном порядке. Все эти необходимые условия отсутствуют в Америке; они должны быть организованы почти из ничего, и у нас нет никаких данных утверждать, что даже в настоящее время интендантство и транспорт обеих армий вышли из младенческого состояния.

Америка, как Север, так и Юг, федеральная и конфедератская, не имела, вообще говоря, военной организации. Линейная армия по своей численности совершенно не подходила

* *Федералистами* или *унионистами* (приверженцами Союза) в период гражданской войны называли сторонников северных штатов, в противоположность *конфедератам* или *сецессионистам* (раскольников) — сторонникам конфедерации рабовладельческих южных штатов. *Ред.*

для борьбы против серьезного неприятеля; милиционная армия почти отсутствовала. Прежние войны Союза никогда не подвергали испытанию военную силу страны; Англия между 1812 и 1814 гг. не могла выделить много войск, а Мексика защищалась главным образом простой толпой¹³¹. Благодаря географическому положению Америки у нее в действительности не было врагов, которые могли бы где-нибудь напасть на нее в самом худшем случае большими силами, чем 30 или 40 тысяч солдат регулярной армии, и огромные пространства страны скоро оказались бы для армии такой численности более страшным препятствием, чем любые войска, которые Америка могла бы выставить против них; между тем, ее армия была достаточна, чтобы образовать ядро для 100 000 волонтеров и обучить их в надлежащее время. Но когда гражданская война потребовала больше миллиона людей, то вся система рухнула, и все надо было начинать сначала. Результаты налицо. Две огромных, громоздких человеческих массы, одна опасаясь другой, боясь победы почти так же, как и поражения, стоят друг против друга, пытаясь путем огромных издержек создать что-то наподобие регулярной организации. Огромная трата денег, как бы она ни была страшна, совершенно неизбежна благодаря полному отсутствию того организационного основания, на котором могло бы быть построено новое здание. При незнании и неопытности, царящих в каждом ведомстве, могло ли быть иначе? С другой стороны, польза от этих издержек, в смысле продуктивности и организации, исключительно мала; но и в этом отношении разве могло бы быть иначе?

Британские волонтеры должны быть благодарны своей судьбе, что они с самого начала нашли многочисленную, хорошо дисциплинированную и опытную армию, которая взяла их под свое покровительство. Учитывая предрассудки, свойственные всем профессиям, эта армия хорошо приняла их и хорошо с ними обращалась. Нужно надеяться, что ни волонтеры, ни публика никогда не подумают, что новая служба когда-нибудь заменит в какой бы то ни было степени старую. Если такие люди имеются, то мимолетный взгляд на состояние двух американских волонтерских армий должен доказать им их собственное невежество и глупость. Никакая армия, заново организованная из штатских людей, никогда не сможет существовать в действительном состоянии до тех пор, пока она не будет обучена и поддержана огромными интеллектуальными и материальными ресурсами, которые имеются в распоряжении соответственно сильной регулярной армии, и главным образом — той организацией, которая образует основную силу регулярной армии. Предположите, что Англии угрожает втор-

жение, и сравните то, что в этом случае произошло бы, с тем, что не могло не произойти в Америке. В Англии военное министерство с помощью немногих лишних чиновников, которых легко можно найти среди опытных военных людей, приступило бы к выполнению всей той дополнительной работы, которую потребовала бы армия в 300 000 волонтеров; достаточно взять запасных офицеров, поручить три или четыре батальона волонтеров их особому наблюдению, и при некотором усилии каждый батальон сможет быть обеспечен одним линейным офицером в качестве адъютанта и одним — в качестве полковника. Кавалерия, конечно, не могла бы быть создана методом импровизации, но решительная реорганизация волонтерской артиллерии — с офицерами и ездовыми из королевской артиллерии — помогла бы укомплектовать много полевых батарей. Гражданские инженеры страны ждут только удобного случая, чтобы обучиться военной стороне своей профессии, что сразу превратило бы их в первоклассных офицеров инженерных войск. Интендантство и транспортная служба организованы и быстро оказались бы в состоянии удовлетворять потребности 400 000 человек с той же легкостью, как и потребности 100 000. Ничто не было бы дезорганизовано, ничто не было бы нарушено; всюду была бы помощь и поддержка волонтерам, которым нигде не нужно было бы бродить ощупью в потемках; и — исключая некоторые из тех промахов, без которых Англия не сможет обойтись, вступая впервые в войну, — мы не видим причины, почему бы через шесть недель все это не работало довольно гладко.

Теперь взгляните на Америку, и вы поймете, какую ценность представляет регулярная армия в деле создания армии волонтеров.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке в конце ноября 1861 г.

Впервые напечатано в «*Volunteer Journal for Lancashire and Cheshire*», 6 декабря 1861 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XII, ч. II.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В АМЕРИКЕ

I

С какой бы точки зрения ни рассматривать гражданскую войну в Америке, она является зрелищем, не имеющим равного в летописях военной истории. Огромное протяжение спорной территории; широко растянутый фронт операционных линий; громадные массы неприятельских армий, при создании которых едва ли можно было опереться на какую-нибудь ранее существовавшую организационную базу; баснословные расходы на содержание этих армий; способ руководства ими и общие тактические и стратегические принципы ведения войны — все это совершенно ново для европейского наблюдателя.

Сецессионистский заговор, организованный задолго до его взрыва, пользовавшийся покровительством и поддержкой правительства Бьюкенена, дал Югу преимущество, с помощью которого он только и мог надеяться на достижение своей цели. Находясь под угрозой со стороны своего рабского населения и сильных унионистских элементов среди самих белых, имел на две трети меньше свободных жителей, чем Север, но зато более агрессивный благодаря множеству авантюристических бездельников, находящихся на его территории, Юг мог рассчитывать на успех только в случае быстрого, смелого, почти дерзкого наступления. Если бы южанам удалось занять Сен-Луи, Цинциннати, Вашингтон, Балтимору и, быть может, Филадельфию, то они могли бы рассчитывать на панику, во время которой дипломатия и подкуп обеспечили бы независимость всех рабовладельческих штатов. В случае же неудачи этой первой атаки, по крайней мере в решающих пунктах, их положение с каждым днем неизбежно должно было бы ухудшаться при одновременном усилении Севера. Это обстоятельство было правильно учтено лицами, истинно по-бонапартовски организовавшими сецессионистский заговор. Они открыли кампанию соответствующим образом. Их авантюристские банды ринулись на Миссури и Теннесси, в то время как более регулярные войска в это же время напали на Восточную Вир-

гнию, готовя смелый удар против Вашингтона. Неудача этого удара означала проигрыш всей кампании южан с военной точки зрения.

Север выступил на арену военных действий неохотно, вяло, как этого и следовало ожидать при его более высоком промышленном и торговом развитии. Социальная машина здесь несравненно сложнее, чем на Юге, и потребовалось гораздо больше времени, чтобы направить ее движение по этому необычному пути. Вербовка добровольцев сроком на три месяца была большой, но, быть может, неизбежной ошибкой. Политика Севера заключалась в том, что на первых порах ограничиваться обороной на всех решающих пунктах, организовывать свои силы, тренировать их посредством мелких операций, не втягиваясь в решительные бои, с тем, чтобы потом, когда организация будет достаточно укреплена, а армия более или менее очищена от предательских элементов, перейти в энергичное неустанное наступление и прежде всего отвоевать Кентукки, Теннесси, Виргинию и Северную Каролину. Превращение граждан в солдат должно было потребовать на Севере больше времени, чем на Юге. Но, раз добившись этого превращения, можно было рассчитывать на индивидуальное превосходство северянина.

В общем и целом, за вычетом ошибок, проистекавших скорее из политических, чем из военных источников, Север действовал в согласии с вышеупомянутыми принципами. Малая война в Миссури и Западной Виргинии, охраняя унионистское население, приучала в то же время войска к полевой службе и к огню, не подвергая их опасности серьезных поражений. Позор под Буль-Реном¹³² был до известной степени результатом прежней ошибки вербовать добровольцев на три месяца. Было нелепо бросить необученных рекрутов в лобовую атаку против сильной позиции, в неудобной местности, при наличии лишь незначительно уступающего по численности неприятеля. Паника, которая в решительную минуту овладела унионистской армией — причины этой паники до сих пор еще не выяснены, — не могла удивить людей, хоть сколько-нибудь знакомых с историей народных войн. Подобные вещи случались очень часто с французскими войсками в 1792—1795 гг., что, однако, не мешало тем же войскам одержать победы под Жемаппом и Флерюсом, Монтенотте, Кастильоне и Риволи¹³³. Плоские шутки европейской печати по поводу паники под Буль-Реном можно извинить только одним — предшествующим бахвальством части северо-американской прессы.

Шестимесячная передышка, последовавшая за поражением под Манассасом, была лучше использована Севером, чем Югом. Северные войска не только получили более значитель-

ные пополнения, чем южные,— их офицерам были даны более правильные инструкции; дисциплина и обучение войск не наталкивались у них на такие препятствия, как у южан. Предатели и негодные элементы, втершиеся в армию, были постепенно удалены, и период булль-ренской паники отошел в прошлое. К армиям обоих противников нельзя, конечно, прилагать мерку больших европейских армий или хотя бы даже прежней регулярной армии Соединенных Штатов. Наполеон мог в свое время обучить батальон свежих рекрутов в течение первого месяца в лагерях, чтобы на второй месяц отправить его в поход, а в третий — пустить в бой, но ведь каждый такой батальон получал достаточное количество опытных офицеров и унтер-офицеров, каждая рота — несколько старых солдат, а в день боя молодые рекруты соединялись в общие бригады с ветеранами и, так сказать, обрамлялись ими. Все эти условия в Америке отсутствуют. Без значительного военного опыта, привнесенного в Америку в результате европейских революционных волнений 1848—1849 гг., организация унионистской армии потребовала бы гораздо большего времени¹³⁴. Очень небольшое число убитых и раненых сравнительно с общим количеством участвующих в бою людей (обыкновенно один на двадцать) доказывает, что в большинстве сражений, даже в последних боях в Кентукки и Теннесси, применялось, главным образом, огнестрельное оружие на достаточно значительном расстоянии и что случайные штыковые атаки либо быстро прерывались огнем противника, либо обращали противника в бегство, прежде чем дело доходило до рукопашной. Между тем, благодаря успешному продвижению Бьюэля и Галлека через Кентукки в Теннесси, началась новая кампания при более благоприятных предзнаменованиях.

Взяв обратно Миссури и Западную Виргинию, Союз открыл поход продвижением в Кентукки. Здесь сецессионисты имели три сильных позиции: Колумбус на Миссисипи — на левом фланге, Боулинг-Грин — в центре и Милль-Спринг на реке Кемберленд — справа. Их фронт тянулся на 300 миль с запада на восток. Растянутость этой линии отнимала у трех корпусов возможность поддерживать друг друга и позволяла унионистским войскам нападать на каждый из них в отдельности с превосходящими силами. Главная ошибка в расположении сил сецессионистов заключалась в том, что они пытались занимать все позиции. Один единственный укрепленный сильный центральный лагерь, выбранный в качестве места для будущего решающего боя и занятый главной массой войск, был бы несравненно выгоднее для обороны Кентукки. Он или привлек бы к себе главные силы унионистов, или поставил бы их в опасное положение, если бы они попытались

двигаться вперед, не считаясь с такой сильной концентрацией исприятельских войск.

При данных обстоятельствах унионисты решили атаковать три названных лагеря по порядку, выбить из них неприятеля и затем принудить его к бою в открытой местности. Этот план, соответствовавший всем правилам военного искусства, был выполнен быстро и энергично. К середине января унионистский корпус, приблизительно в 15 000 человек, двинулся на Милль-Спринг, где стояло 20 000 сецессионистов. Унионисты маневрировали таким образом, что противник решил, что перед ним лишь слабый разведывательный отряд. Генерал Цолликофер попался на эту удочку, вышел из своего укрепленного лагеря и атаковал унионистов. Он тотчас же убедился, что имеет дело с превосходящим его неприятелем. Он пал, а его войска потерпели такое же полное поражение, как унионисты под Булль-Реном. Но на этот раз победа была использована совершенно иначе. Победители жестоко преследовали разбитую армию по пятам, покуда она не добралась до своего лагеря в Милль-Спринге, разбитая, деморализованная, без полевой артиллерии и обоза. Этот лагерь был расположен на северном берегу реки Кемберленд, так что в случае нового поражения войска не имели бы другого пути к отступлению, кроме переправы через реку на немногих пароходах и лодках. Вообще мы видим, что почти все свои лагеря сецессионисты разбивали на *неприятельском* берегу реки. Такое расположение, когда в тылу есть мост, не только формально правильно, но и весьма практично. Лагерь служит в таком случае предмостным укреплением, и стоящие в нем войска могут быть при желании брошены на оба берега реки, чем обеспечивается полное господство над последней. Но зато нахождение лагеря на неприятельской стороне реки без моста в тылу отрезывает в случае неудачного боя путь к отступлению и вынуждает войска к капитуляции или же обрекает их на бойню или гибель в воде, как это случилось с унионистами при Болл-Блеффе на неприятельском берегу Потомака, куда завело их предательство генерала Стона.

Добравшись до своего лагеря в Милль-Спринге, разбитые сецессионисты тотчас же поняли, что либо надо отбить атаку противника на их укрепления, либо в скором времени придется капитулировать. После утреннего урока они потеряли доверие к своим силам. И когда унионисты двинулись на следующий день в атаку, они увидели, что неприятель использовал ночь, чтобы переправиться через реку, оставив позади лагерь, обоз, артиллерию и все припасы. Таким образом, крайний правый фланг сецессионистской линии был отодвинут к Теннесси, а восточный Кентукки, где масса населения на-

строена враждебно к рабовладельческой партии, снова перешел в руки унионистов.

К этому же времени — около середины января — начались приготовления к вытеснению сецессионистов из Колумбуса и Боулинг-Грина. Была снаряжена сильная флотилия из мортирных лодок и броненосных канонерок, и всюду разглашалось, что она должна сопровождать многочисленную армию, идущую вдоль Миссисипи из Каиро в Мемфис и Новый Орлеан. Однако, все демонстрации на Миссисипи были только ложным маневром. В решающую минуту канонерки были переправлены на Огайо, а оттуда на Теннесси, по которому они поднялись до форта Генри. Этот пункт, вместе с фортом Доннельсон на реке Кемберленд, составлял вторую оборонительную линию сецессионистов в Теннесси. Позиция была выбрана удачно, ибо, в случае отступления за Кемберленд, эта река прикрывала бы их фронт, левым флангом которого является Теннесси, узкая же полоса земли между обеими реками была достаточно защищена обоими вышеназванными фортами. Однако, быстрым ударом унионистов вторая линия была прорвана раньше, чем подверглись нападению левый фланг и центр первой линии.

В первую неделю февраля канонерки унионистов появились перед фортом Генри, который после короткой бомбардировки сдался. Гарнизон ускользнул в форт Доннельсон, ибо сухопутных сил экспедиционного отряда было недостаточно для окружения сдавшихся. После этого канонерки вернулись вниз по Теннесси, поднялись по Огайо, а оттуда направились вверх по Кемберленду к форту Доннельсон. Одна только канонерка смело поплыла вверх по Теннесси, через самый центр штата Теннесси, миновала штат Миссисипи и дошла до Флоренса на севере Алабамы, где ряд болот и мелей (известных под названием *Mussle-shoals*) мешает дальнейшему плаванию. То обстоятельство, что одинокая канонерка могла проделать этот длинный, не менее чем в 150 миль, путь и затем вернуться обратно, ни разу не подвергшись нападению, доказывает, что вдоль реки преобладают унионистские настроения и что унионистские войска выиграют очень много, если им удастся проникнуть так далеко.

Речная экспедиция на Кемберленде комбинировала свои движения с движением сухопутных сил, которыми командовали генералы Галлек и Грант. Сецессионисты в Боулинг-Грине были обмануты передвижениями унионистов. Они продолжали спокойно сидеть в своем лагере, между тем как через неделю после падения форта Генри форт Доннельсон уже был обложен со стороны суши 40-тысячным отрядом унионистов, а с реки ему угрожала сильная флотилия канонерок.

Подобно лагерю в Милль-Спринге и форту Генри, форт Доннельсон тоже упирался тылом в реку, без моста на случай отступления. Это была самая сильная из всех позиций, какая до сих пор атаковалась унионистами. Укрепления этого форта были возведены весьма тщательно, а в нем самом было достаточно простора для размещения его 20-тысячного гарнизона. В первый день атаки канонерки заставили замолчать огонь батарей, направленных на реку, и обстреляли внутренние части укреплений, в то время как сухопутные войска оттеснили неприятельские форпосты и принудили основную массу сецессионистов искать спасения около своей собственной крепостной артиллерии. На второй день канонерки, сильно пострадавшие накануне, действовали, повидимому, слабо. Зато сухопутным войскам пришлось выдержать продолжительный и местами очень горячий бой с отрядом гарнизона, пытавшимся прорвать правый фланг неприятеля, чтобы обеспечить себе линию отступления на Нешвилль. Однако, энергичный натиск унионистского правого фланга на левый фланг сецессионистов и значительные подкрепления, полученные левым флангом унионистов, решили исход сражения в пользу наступавших. Ряд внешних укреплений был взят штурмом. Гарнизон, загнанный за внутреннюю крепостную линию, без шансов на отступление и явно неспособный оказать на следующее утро сопротивление новому натиску, сдался на другой же день без всяких условий.

II

С падением форта *Доннельсон* артиллерия, обоз, военные припасы противника оказались в руках унионистов; 13 000 сецессионистов сдались в день взятия форта, еще 1000 человек — на следующий день, и как только передовые части победителя появились у Кларквилля, города, лежащего выше по течению Кемберленда, он тотчас же раскрыл им свои ворота. Здесь тоже оказалось большое количество провианта, припасенного в свое время для сецессионистов.

Во взятии форта *Доннельсон* загадочным является лишь одно обстоятельство: бегство генерала Флойда с 5000 человек на второй день бомбардировки. Группа бежавших была слишком многочисленна, чтобы ускользнуть ночью на пароходах. При известных мерах предосторожности со стороны нападавших она не могла бы уйти.

Спустя семь дней после капитуляции форта *Доннельсон* федералисты заняли Нешвилль. Расстояние между двумя этими пунктами составляет около 100 английских миль, и переход по 15 миль в день, по отвратительным дорогам, в самое

неблагоприятное время года, делает честь унионистским войскам. Узнав о падении форта Доннелльсон, сецессионисты очистили Боулинг-Грин; неделю спустя они ушли из Колумбуса, отступив на 45 миль к югу, на один из островов Миссисипи. Таким образом, штат Кентукки целиком отвоеван унионистами. В Теннесси же сецессионисты смогут удержаться только в том случае, если они дадут и выиграют большое сражение. С этой целью они действительно уже как будто сосредоточили 65 000 человек. Ничто, однако, не мешает унионистам противопоставить им еще более крупную силу.

Руководство кентуккской кампанией от Сомерсета до Нешвилля заслуживает величайшей похвалы. Обратное завоевание столь обширной области, переход от Огайо до Кемберленда в течение одного лишь месяца свидетельствуют об энергии, решительности и быстроте, редко достигавшихся регулярными армиями в Европе. Сравните, например, медленное продвижение союзников от Мадженты до Сольферино в 1859 г., — без преследования отступающего противника, без всяких попыток отрезать отступающих или обойти и окружить целые войсковые части неприятельской армии.

Галлек и Грант в особенности представляют прекрасные образцы решительного военного командования. Нисколько не считаясь ни с Колумбусом, ни с Боулинг-Грином, они концентрируют свои силы против решающих пунктов, форта Генри и форта Доннелльсон, быстро и энергично овладевают ими и этим ставят в безвыходное положение Колумбус и Боулинг-Грин. Затем они тотчас же идут на Кларквилль и Нешвилль, не дав времени отступающим сецессионистам занять новые позиции в Северном Теннесси. Во время этого стремительного преследования сецессионистский корпус в Колумбусе оставался совершенно отрезанным от центра и правого фланга своей армии. Английские газеты несправедливо критиковали эту операцию. Если бы даже атака на форт Доннелльсон окончилась неудачей, сецессионисты у Боулинг-Грина, угрожаемые генералом Бьюэлем, все равно не могли бы выделить такое количество людей, которое позволило бы гарнизону преследовать потерпевших неудачу унионистов или угрожать их отступлению. Что же касается Колумбуса, то он удален настолько, что никак не мог бы помешать движениям Гранта. В самом деле, после того как унионисты очистили от сецессионистов Миссури, Колумбус потерял для них всякое значение. Войска, составлявшие его гарнизон, должны были в самом спешном порядке отступить к Мемфису или Арканзасу, чтобы избежать опасности бесславной сдачи.

В результате очищения Миссури и отвоевания Кентукки театр военных действий сузился настолько, что различные

армии получили возможность по всей операционной линии до известной степени действовать совместно и добиваться определенных результатов. Другими словами, война только теперь начинает принимать *стратегический* характер, и географическое положение страны приобретает новый интерес. Задача северных генералов заключается теперь в том, чтобы отыскать ахиллесову пятую хлопковых штатов.

До самого взятия Нешвилля между кентуккской армией и армией на Потомаке не могло быть никакого стратегического единства. Они были слишком далеки друг от друга. Они занимали один и тот же фронт, но их операционные линии были совершенно различны. Лишь после победоносного наступления в Теннесси движения кентуккской армии приобрели значение для всего театра военных действий.

Инспирируемые Мак-Клелланом американские газеты очень носятся с теорией «удавного» («Апасонда») окружения. Согласно этой теории, огромная линия армий должна окружить мятежников, все более и более стягивать свои звенья и в конце концов задушить противника. Это — чистое ребячество. Это — возрождение изобретенной в Австрии около 1770 г. так называемой «*кордонной системы*», которая с таким большим упрямством и всегда так неудачно применялась в 1792—1797 гг. против французов. Под Жемаппом, Флёрюсом и особенно при Монтенотте, Миллезимо, Дего, Кастильоне и Риволи этой системе был положен конец. Французы рассекали «удава» пополам, ударяя в одном пункте, где они сосредоточивали превосходящие силы. Затем отдельные части «удава» разрубались по очереди.

В густо населенных и более или менее централизованных государствах всегда имеется центр, занятие которого неприятелем должно сломить возможность дальнейшего сопротивления нации. Блестящий пример — Париж. Но в рабовладельческих штатах нет такого центра. Они заселены редко, в них мало крупных городов, а те, какие есть, лежат на побережье. Спрашивается: существует ли у них все-таки военный центр тяжести, с потерей которого был бы сломлен оппозитный хребет их сопротивления, или же они, подобно России в 1812 г., не могут быть завоеваны без занятия каждой отдельной деревни и отдельной местности, — словом, без занятия всей периферии?

Бросим взгляд на географический облик отложившейся территории с ее длинной береговой полосой вдоль Атлантического океана и такой же длинной полосой вдоль Мексиканского залива. Пока конфедераты держали в своих руках Кентукки и Теннесси, занятая ими территория составляла большую компактную массу. Потеря двух этих штатов вгоняет

в их территорию огромный клин, отделяющий штаты у северного Атлантического океана от штатов у Мексиканского залива. Прямая дорога из Виргинии и обеих Каролин в Техас, Луизиану, Миссисипи и отчасти даже в Алабаму ведет через Теннесси, который занят теперь унионистами. *Единственная* дорога, которая после полного завоевания Теннесси унионистам будет связывать обе группы рабовладельческих штатов, лежит через Джорджию. Это доказывает, что *Джорджия служит ключом к сецессионистской территории*. С потерей Джорджии Конфедерация оказалась бы разрезанной на две части, лишенные всякой взаимной связи. Обратное же завоевание Джорджии сецессионистами было бы едва ли возможно, потому что унионистские боевые силы сосредоточились бы в одном центральном пункте, в то время как их противники, разделенные на два лагеря, не смогли бы предоставить достаточно сил для общего наступления.

Потребовалось ли бы для подобной операции завоевание всей Джорджии, включая побережье Флориды? Совсем нет. В стране, где сообщение, особенно между отдаленными пунктами, в гораздо большей мере зависит от железных дорог, чем от шоссе, достаточно захватить железные дороги. Самая южная железнодорожная линия между штатами у Мексиканского залива и атлантическим побережьем проходит через Мекон и Гордон при Милледжвиле.

Занятие этих обоих пунктов разрезало бы сецессионистскую территорию на две части и дало бы унионистам возможность разбить их по очереди. Из вышеизложенного также следует, что ни одна из южных республик не жизнеспособна без обладания Теннесси. Без Теннесси жизненный нерв Джорджии оказался бы на расстоянии всего лишь восьми- или десятидневного перехода от границы; Север все время держал бы тогда кулак над самой головой Юга, и при малейшем нажиме Юг должен был бы отступить, либо снова начать бороться за свое существование в таких условиях, когда одно единственное поражение отняло бы у него всякие виды на успех.

Из изложенного следует:

Потомак *не* является важнейшей позицией на театре военных действий. Взятие Ричмонда и дальнейшее наступление потомакской армии к югу, — затрудненное многочисленными реками, которые пересекают путь, — могло бы произвести огромное моральное впечатление. С чисто военной точки зрения это *ничего* не решило бы.

Решение исхода кампании принадлежит кентуккской армии, находящейся ныне в Теннесси. С одной стороны, эта армия ближе всего к решающим пунктам, с другой — она занимает территорию, без которой сецессионистская сторона не

жизнеспособна. А потому эту армию следовало бы усилить за счет всех остальных, жертвуя для этой цели всеми мелкими операциями. Ближайшими объектами для ее действий были бы Чаттануга и Дольтон в верхнем Теннесси, эти важнейшие железнодорожные центры на всем юге. После их занятия связь между восточными и западными сецессионистскими штатами ограничилась бы коммуникационными линиями Джорджии. Дальнейшая задача заключалась бы в том, чтобы, захватив Атланту и Джорджию, отрезать другую железнодорожную линию и, наконец, захватив Мекон и Гордон, уничтожить последнюю связь между обеими группами.

Если же вместо этого будет принят план «удавного» окружения, то, несмотря на все успехи в отдельных пунктах, даже на Потомаке, война затянется до бесконечности, открывая в то же время широкий простор финансовым затруднениям и дипломатическим интригам.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом на немецком языке в марте 1862 г.

Впервые напечатано в газете «Die Presse», 26 и 27 марта 1862 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XII, ч. II.

ПОЛОЖЕНИЕ НА АМЕРИКАНСКОМ ТЕАТРЕ ВОЙНЫ

Как выясняется из только что полученных подробных сообщений, взятие Нового Орлеана является прямо небывалым, блестящим подвигом флота. Флот унионистов состоял из одних деревянных судов: у них было всего около шести военных судов, вооруженных пушками от 14 до 25 каждое, с многочисленной вспомогательной эскадрой канонерок и мортирных лодок. Этот флот имел перед собой два форта, преграждавших проход в Миссисипи. В сфере действия 100 орудий этих фортов река была преграждена мощной цепью, за которой были нагромождены торпеды, зажигательные плоты и другие орудия разрушения. Чтобы пройти между фортами, нужно было преодолеть эти первые препятствия. Но за фортами имелась еще вторая грозная линия обороны из броненосных канонерок, в числе которых были «Манассас», железный таран, и «Луизиана», мощная пловучая батарея. После того как в течение первых шести дней унионисты без всякого результата обстреливали оба форта, целиком господствующие над рекой, они решили пробиться сквозь их огонь, тремя дивизионами форсировать железный барьер, подняться вверх по течению и ввязаться в бой с «железнобокими» («iron-sided»). Эта отважная попытка удалась. А как только флотилия появилась перед Новым Орлеаном, победа, естественно, была решена.

После этого Борегару нечего уже было защищать в Коринфе. Его позиция там имела смысл только до тех пор, пока она прикрывала Миссисипи и Луизиану, в особенности же Новый Орлеан. Теперь его стратегическое положение таково, что в результате проигранного сражения ему ничего не оставалось бы, как разбить свою армию на мелкие партизанские отряды, ибо без большого города с сосредоточенными в нем

железнодорожными линиями и средствами снабжения в тылу своей армии он не сможет долее удержать под своей командой массы.

Мак-Клееллан неопровержимо доказал, что он — военная бездарность, случайно вознесенная на высокий и ответственный пост, и что в военных операциях он стремится не к тому, чтобы разгромить врага, а чтобы избежать лишь собственного разгрома и, таким образом, не выпустить из рук свою узурпированную власть. Он ведет себя, как старые, так называемые «маневрирующие генералы», которые оправдывали свой страх перед всяким решительным тактическим шагом тем, что они-де путем стратегического обхода вынуждают врага к сдаче своих позиций. Конфедераты всегда ускользают от него, потому что он никогда не ударяет по ним в решительную минуту. Так, он дал им спокойно отступить из Манассаса в Ричмонд, хотя об их готовящемся отступлении сообщалось за десять дней до того даже в нью-йоркских газетах (например, в «*Tribune*»). Затем он разделил свою армию и стратегически обошел противника с флангов, укрепившись с одним корпусом перед Иорктауном. Крепостная война всегда является поводом для проволочек и уклонения от боя. Как только он сосредоточил силы, численно превосходящие конфедератов, он позволил им отойти от Иорктауна к Вильямсбургу и дальше, так и не принудив их к бою. Ни одна война не велась столь жалким образом. И если арьергардный бой при отступлении от Вильямсбурга не закончился для унионистских войск вторым Булль-Реном, а привел к поражению сепаратистского арьергарда, то Мак-Клееллан совершенно не повинен в этом результате.

Сделав переход приблизительно в 12 миль (английских), под 24-часовым проливным дождем и по самым грязным дорогам, 8000 унионистских солдат подошли, под командой генерала *Гейнцельмана* (немец по происхождению, но уроженец Пенсильвании), к Вильямсбургу и натолкнулись там лишь на слабые пикеты противника. Последний, однако, убедившись в малочисленности подошедшего отряда, стал высылать подкрепления из Вильямсбурга, из числа отборных войск, и постепенно довел свои силы до 25 000 человек. К 9 часам утра бой принял серьезный характер; в половине первого генерал Гейнцельман заметил, что шансы склоняются в пользу противника. Он стал посылать одного ординарца за другим к генералу Кирни, который находился в 8 милях позади него, но мог двигаться лишь крайне медленно по совершенно «разжиженной» дороге. Гейнцельман оставался целый час без подкрепления, и 7-й и 8-й джерсейские полки, расстрелявшие весь свой запас пороха, уже начали удирать в лес в обе сто-

роны от главной дороги. Тогда Гейнцельман приказал полковнику Менилло занять с пенсильванским кавалерийским эскадроном обе опушки леса, пригрозив дезертирам, что они будут расстреляны. Это заставило солдат снова стать в ряды.

Помимо этого, порядок был восстановлен примером одного из массачузетских полков, который тоже расстрелял свой порох, но, примкнув штыки к ружьям, спокойно поджидал врага. Наконец, издали показался авангард генерала Кирни, под командой бригадира *Берри* (из штата Мэн). Армия Гейнцельмана встретила спасителей бурными криками «ура»; Гейнцельман приказал полковым музыкантам играть «Yankee Doodle» * и расположил прибывший отряд Берри на фронте своих утомленных войск на участке почти в полмили длиной. После предварительного огневого боя бригада Берри бросилась в стремительную штыковую атаку и прогнала неприятеля с поля битвы в его траншеи, из которых самая большая, переходя несколько раз из рук в руки, осталась за унионистами. Таким образом равновесие было восстановлено. Прибытие Берри спасло унионистов. В 4 часа, с прибытием бригад Джемсона и Бирни, победа унионистов была решена. В 9 часов вечера начался отход конфедератов из Вильямсбурга, продолжавшийся и на следующий день — по направлению к Ричмонду — под энергичным преследованием кавалерии Гейнцельмана. Уже в 6—7 часов утра, на другой день после боя, Гейнцельман занял Вильямсбург частями генерала Джемсона. Арьергард бежавшего врага ушел из города с противоположного конца всего за полчаса до того. Выигранное Гейнцельманом сражение было в полном смысле слова пехотным сражением. Артиллерия в нем почти не участвовала. Ружейный огонь и штыковая атака решили дело. Если бы вашингтонский конгресс захотел выразить благодарность, то, конечно, ее следовало бы адресовать генералу Гейнцельману, спасшему янки от второго Булль-Рена, а не Мак-Клеллану, который, по своему обыкновению, уклонился от «тактического решения» и в третий раз дал уйти численно более слабому противнику.

Армия конфедератов в Виргинии находится в более благоприятных условиях, чем армия Борегара, — во-первых, потому, что она имеет своим противником не Галлека, а Мак-Клеллана, а затем потому, что линию отхода пересекают многочисленные реки, сбегające с гор в море. Но чтобы не дать этой армии от бездействия превратиться в банды, ее генералы рано или поздно будут вынуждены принять решающий бой —

* Национальный гимн США. *Ред.*

совершенно так же, как русские были вынуждены драться под Смоленском и Бородином ¹⁸⁵ *против* воли генералов, правильно оценивавших положение. Как ни бездарно общее командование Мак-Клеллана, но постоянные отступления с потерей артиллерии, снарядов и других военных припасов, а также с рядом мелких неудачных арьергардных стычек, крайне деморализовали армию конфедератов, что даст себя знать в день решающего боя. Итак, мы приходим к следующему выводу.

Если Борегар или Джефферсон Дэвис потерпят поражение в решающем бою, армии их разложатся и превратятся в банды. Если же одна из них одержит решающую победу — что совершенно невероятно, — разложение их армий будет в лучшем случае только отсрочено. Они не в состоянии извлечь ни малейшей длительной пользы даже из победы. Они не могут продвинуться и на 20 английских миль вперед, не застряв на месте и вновь не очутившись перед необходимостью выжидать повторного наступления противника.

Остается еще взвесить шансы партизанской войны. И тут приходится отметить тот крайне удивительный факт, что именно в этой войне против рабовладельцев население принимало весьма слабое участие или, вернее, не принимало никакого участия. В 1813 г. коммуникационные линии французов то и дело прерывались и разрушались Коломбом, Люцовым, Чернышевым и двадцатью другими партизанскими и казачьими командирами. В 1812 г. в России население совершенно исчезло с пути французских войск; в 1814 г. французские крестьяне вооружались и убивали патрули и оставших солдат союзников; здесь мы не видим решительно ничего. Покорно мирятся с *исходом крупных боев* и утешают себя тем, что «*victrix causa diis placuit, sed victa Catoni*» [«боги были за победителей, но Катон за побежденных»]. Хвастливые речи о войне до конца рассеиваются, как дым. Правда, едва ли можно сомневаться, что «white trash» («белая дрянь», как сами плантаторы называют «белых бедняков») попытает свои силы в партизанской войне и налетах. Но эта попытка очень быстро превратит имущих плантаторов в *унионистов*. Они даже призовут на помощь войска янки. Разговоры о том, что на Миссисипи сжигались большие количества хлопка и т. д., основаны исключительно на свидетельстве двух жителей Кентукки, будто бы приехавших в Луизвилл, — но приехавших, конечно, не по Миссисипи. Пожар в Новом Орлеане не трудно было организовать. Фанатизм новоорлеанских купцов объясняется тем, что они вынуждены были взять массу государственных облигаций конфедератского правительства за наличные деньги. Пожар Нового Орлеана найдет

подражателей и в других городах, и, вероятно, еще что-нибудь будет сожжено, но все эти театральные эффекты смогут только до последней крайности обострить раздор между плантаторами и «белой дрянью», и тогда — *Finis Secessiae!* [Конец сецессии!].

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом на немецком языке около 25 мая 1862 г.

Впервые напечатано в газете «Die Presse», 30 мая 1862 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. т. XII, ч. II.

АВСТРО-ПРУССКАЯ ВОЙНА 1866 г.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ В ГЕРМАНИИ¹³⁶

I

Эти заметки имеют единственную цель дать исключительно с точки зрения военной совершенно беспристрастное объяснение текущим военным событиям, а также, по мере возможности, выяснить их вероятное влияние на предстоящие операции.

Местность, где должны быть нанесены первые решительные удары, — граница Саксонии и Богемии. Война в Италии вряд ли может привести к каким-либо решающим результатам, пока не будет взят четырехугольник*, а взятие его будет, пожалуй, довольно продолжительной операцией. Возможно, что в Западной Германии произойдет немало военных столкновений, но, принимая во внимание численность оперирующих там войск, результаты этих столкновений будут иметь лишь второстепенное значение по сравнению с событиями на границе Богемии. Поэтому мы обратим пока наше исключительное внимание на этот район.

Чтобы судить о силе сражающихся армий, достаточно для практических целей принять в расчет только пехоту, имея в виду, однако, что численность австрийской конницы относится к численности прусской, как 3 к 2. Соотношение артиллерии в обеих армиях приблизительно такое же, как и пехоты, примерно три орудия на 1000 человек.

Прусская пехота состоит из 253 линейных батальонов, 83½ запасных батальонов и 116 батальонов ландвера (первого призыва, в возрасте от 27 до 32 лет). Запасные батальоны и ландвер составляют гарнизоны крепостей; помимо того, они предназначены для военных действий против мелких немецких государств, в то время как линейные войска сосредоточены в Саксонии и вокруг нее для борьбы против северной австрийской армии. Если вычесть, примерно, 15 батальонов, занимающих Шлезвиг-Гольштейнию, и еще 15 батальонов, со-

* Имеется в виду четырехугольник крепостей — Пескьера, Верона, Мантуя, Леньяго. *Ред.*

ставляющих гарнизоны Раштадта, Майнца и Франкфурта, которые теперь сосредоточены в Вецларе, то для главной армии остается около 220 батальонов. С конницей, артиллерией и теми частями ландвера, которые могут быть выведены из соседних крепостей, в этой армии окажется около 300 000 человек, сформированных в девять армейских корпусов.

Северная австрийская армия насчитывает семь армейских корпусов, причем каждый австрийский корпус значительно сильнее прусского. В настоящее время мы очень мало знаем об их составе и организации, но у нас есть все основания предполагать, что они образуют армию в 320 000—350 000 человек. Следовательно, численное превосходство, повидимому, обеспечено за австрийцами.

Главкомандующим прусской армии будет король, т. е. плацпарадный герой, обладающий в лучшем случае посредственными способностями и слабым, но не лишенным упрямства характером. Он будет окружен, во-первых, генеральным штабом армии, во главе которого стоит генерал Мольтке — превосходный командир; во-вторых, «собственным военным кабинетом», состоящим из его фаворитов, и, в-третьих, высшими офицерскими чинами, которых ему заблагорассудится зачислить в свою свиту без определенных назначений. Более удачной системы, могущей обеспечить поражение армии самой организацией главного штаба, нельзя было придумать. Разумеется, здесь с самого начала возникает соперничество между штабом армии и королевским кабинетом, причем каждый из них будет бороться за свое влияние, будет придумывать и защищать свои собственные излюбленные планы операций. Одно это почти исключает возможность какого-либо единства цели и последовательности в действиях. Затем начнут созывать бесконечные военные советы, неизбежные при подобных обстоятельствах, которые в девяти случаях из десяти будут заканчиваться принятием каких-либо полумер, т. е. прибегнут к самому худшему способу действий во время войны. В таких случаях приказы, отданные сегодня, обычно противоречат вчерашним, а когда возникают осложнения или положение становится угрожающим, то не отдается вообще никаких приказов, и дело идет самотеком. «*Ordre, contr-ordre, désordre*» [приказ, контрприказ, беспорядок], говорил Наполеон. Никто не ответственен, так как безответственный король принимает всю ответственность на себя, и потому без прямого указания никто ничего не делает. Кампания 1806 г. проводилась подобным же образом отцом нынешнего короля, результатом чего были поражения при Иене и Ауэрштедте и разгром всей прусской армии в течение трех недель; нет оснований полагать, что нынешний король окажется более

энергичным, чем его отец; и если в графе Бисмарке он нашел человека, которому он мог безусловно довериться в области политического руководства, то в армии не было достаточно авторитетного человека, который смог бы таким же образом взять на себя всю тяжесть руководства военными операциями.

Австрийская армия находится под единоличным командованием генерала Бенедекка, опытного командира, который, по крайней мере, знает, чего он хочет. Превосходство верховного командования решительно на стороне австрийцев.

Прусские войска разделены на две «армии»; первая, под командованием принца Фридриха-Карла, состоит из 1-го, 2-го, 3-го, 4-го, 7-го и 8-го корпусов; вторая, под командованием кронпринца, — из 5-го и 6-го корпусов. Гвардия, образующая главный резерв, будет, вероятно, присоединена к первой армии. Такое разделение не только нарушает единство командования, но и очень часто побуждает эти две армии двигаться по различным операционным направлениям, согласовывать свои передвижения, устанавливать пункты соединения в сфере действий неприятеля, другими словами — оно способствует разъединению прусских войск, тогда как им следовало бы, по мере возможности, держаться вместе. Пруссаки в 1806 г. и австрийцы в 1859 г. при весьма сходных обстоятельствах придерживались такого же способа действий и были разбиты. Что же касается обоих командующих, то кронпринц, как воин, — величина неизвестная, а принц Фридрих-Карл безусловно не обнаружил во время датской войны способностей крупного командира.

Австрийская армия не имеет таких подразделений; командиры армейских корпусов подчинены непосредственно генералу Бенедекку. Следовательно, и в отношении организации армии австрийцы превосходят своих противников.

Прусские солдаты, особенно резервисты и ландвер, которых пришлось призвать для пополнения некомплекта (а их было значительное число), идут на войну против своего желания; австрийцы, наоборот, уже давно желали войны с Пруссией и с нетерпением ждут приказа о выступлении. Они, следовательно, имеют также преимущество и в отношении *морального состояния* войск.

В течение 50 лет Пруссия не вела больших войн; ее армия, в общем, — армия мирного времени, в которой господствуют педантизм и формализм, свойственные всем армиям мирного времени. Не подлежит сомнению, что в последнее время, особенно с 1859 г., сделано много для того, чтобы избавиться от этих свойств; но привычки, сложившиеся в течение 40 лет, не так легко искореняются, и можно встретить еще много без-

дарных педантов, в особенности на важнейших постах, т. е. среди командного состава действующей армии. Австрийцы же в настоящее время основательно излечились от этого недуга, благодаря войне 1859 г., и наилучшим образом использовали свой опыт, купленный столь дорогой ценой. Не подлежит сомнению, что в отношении организации деталей, военной сноровки и опытности австрийцы точно так же превосходят пруссаков.

Глубокая сомкнутая колонна является нормальным боевым порядком, кроме русских, только в прусских войсках. Представьте себе все восемь рот английского батальона в колонне на сокращенных дистанциях, причем фронт образуется не одной, а двумя ротами, так что каждые четыре шеренги двух рот образуют колонну, и вы получите «прусскую штурмовую колонну». Лучшей мишени для нарезного огнестрельного оружия, чем эта, нельзя себе представить, а так как нарезные пушки могут вести по ней огонь с дистанций в 2000 ярдов, то при таком построении колонна будет почти совершенно не в состоянии подойти к неприятелю. Большой вопрос, окажется ли этот батальон боеспособным после того, как хоть один снаряд взорвется среди этой массы.

Австрийцы приняли в своей армии французскую сильно разомкнутую колонну, которую вряд ли даже можно назвать колонной, — это скорее две или три шеренги, следующие друг за другом на расстоянии в 20—30 ярдов; такая колонна вряд ли понесет больше потерь от действия артиллерийского огня, чем развернутая линия. Преимущество тактического построения также оказывается на стороне австрийцев.

Всеим этим преимуществам пруссаки могут противопоставить только два момента. Их интендантство, несомненно, лучше, поэтому и питание их войск будет лучшим. Австрийское интендантство — подобно всей австрийской администрации — притон взяточничества и казнокрадства и вряд ли лучше русского. Мы уже теперь слышим, что войска питаются плохо и нерегулярно; на поле сражения и в крепостях будет еще хуже, и, таким образом, австрийская администрация может оказаться более опасным врагом для крепостей четырехугольника, чем итальянская артиллерия.

Вторым преимуществом пруссаков является их лучшее вооружение. Хотя их нарезная артиллерия значительно лучше австрийской, но это преимущество в открытом поле не будет играть большой роли. Дальнобойность, траектория и меткость прусских и австрийских ружей приблизительно равны, но у пруссаков ружья заряжаются с казенной части, поэтому они могут из своих рядов вести непрерывный меткий огонь, стреляя не меньше четырех раз в минуту. Огромное превос-

ходство этого оружия было доказано в датской войне¹³⁷, и нет никакого сомнения в том, что австрийцы испытают на себе его действие в гораздо большей степени. Если они, как говорят, в соответствии с указаниями Бенедека сразу перейдут к штыковой атаке, не тратя много времени на ведение огня, то они понесут огромные потери. В датской войне потери пруссаков никогда не превышали четверти, а иногда составляли всего лишь одну десятую датских потерь; и, как недавно совершенно правильно отметил один из военных корреспондентов газеты «Times», датчане почти всюду терпели поражение от гораздо меньших сил противника.

Все же, несмотря на игольчатое ружье, преимущество не на стороне пруссаков; и если они не будут разбиты в первом же большом бою благодаря превосходству командования, организации, боевому построению и *моральному состоянию* австрийцев и, наконец, что не менее важно, благодаря собственным командирам, то они тогда должны определенно обладать совершенно иным мужеством, чем то, которого можно было бы ожидать от армии, находившейся на мирном положении в течение 50 лет.

II

Публика начинает проявлять нетерпение по поводу явного бездействия двух больших армий на границе Богемии. Но это промедление объясняется многими причинами. Австрийцы и пруссаки отлично сознают важность предстоящего столкновения, могущего решить исход всей кампании. И те и другие спешат отправить на фронт всех, кого они только в состоянии мобилизовать; австрийцы посылают часть новых формирований (четвертые и пятые батальоны пехотных полков), пруссаки — части ландвера, предназначавшиеся вначале лишь для гарнизонной службы.

В то же время и с той и с другой стороны делаются, по видимому, попытки создать при помощи маневра выгодное положение по отношению к своему противнику и начать кампанию при наиболее благоприятных для себя стратегических условиях. Чтобы понять это, нам придется взглянуть на карту и изучить район расположения обеих армий.

Допустим, что Берлин и Вена представляют собой естественные пункты для отступления обеих армий, и поэтому австрийцы будут стремиться овладеть Берлином, а пруссаки — Веной; в этом случае имеются три пути, по которым и те и другие могут действовать. Большая армия требует значительной территории, за счет ресурсов которой она должна существовать во время похода; вместе с тем необходимость

быстрого продвижения вынуждает такую армию совершать марш несколькими колоннами по соответствующему количеству параллельных дорог; поэтому линия ее фронта растянется и может колебаться в пределах, скажем, от 16 до 60 миль в зависимости от близости неприятеля и расстояния между дорогами.

Первым путем могла бы служить дорога, идущая по левому берегу Эльбы и Молдавы, через Лейпциг и Прагу. Ясно, что на этом пути каждой из воюющих сторон пришлось бы дважды переправляться через реку, причем второй раз на виду у противника. Если предположить, что та или другая армия, продвигаясь по этой дороге, попытается обойти фланг противника, последний, совершая марш по более прямой и, следовательно, более короткой дороге, имел бы возможность опередить обходящую армию еще на линии реки, и, если бы ему удалось отбросить ее, он мог бы двинуться прямо на столицу неприятеля. Этот путь одинаково невыгоден для обеих сторон, и поэтому его можно оставить без рассмотрения.

Второй путь проходит по правому берегу Эльбы между рекой и горной цепью Судетов, отделяющей Силезию от Богемии и Моравии. Эта дорога почти совпадает с прямой линией от Берлина к Вене; в той ее части, которая в настоящее время находится между двумя армиями, проходит железнодорожная линия от Лобау на Пардубицы. Эта железная дорога пересекает ту часть Богемии, границей которой с юга и запада служит Эльба, а с северо-востока — горы. В ней много хороших дорог, и, если бы обе армии двинулись друг другу навстречу, столкновение произошло бы именно здесь.

Третий путь проходит через Бреславль и далее через Судетскую цепь. Эта горная цепь, достигающая незначительной высоты у моравской границы, где она пересекается несколькими хорошими дорогами, становится более высокой и крутой у Исполиновых гор, образующих границу Богемии. Здесь проходит очень мало дорог; на протяжении 40 миль между Траутенау и Райхенбергом вся северо-восточная часть хребта не пересекается ни одной военной дорогой. Единственная существующая там дорога, ведущая от Гиршберга в долину Изера, обрывается на австрийской границе. Отсюда следует, что вся эта преграда длиной 40 миль непроходима, по крайней мере, для большой армии с ее бесчисленными обозами и что при наступлении на Бреславль или через Бреславль необходимо пересечь горы к юго-западу от Исполиновых гор.

В каком же положении в отношении своих коммуникаций окажутся та и другая армии при столкновении на этом пути? Пруссак, наступая из Бреславля на юг, обнажают свои коммуникации с Берлином. Если бы австрийцы имели абсо-

лютную уверенность в победе, они могли бы дать возможность пруссакам продвинуться до укрепленного лагеря Ольмюц, который задержал бы их движение, в то время как они сами могли бы двинуться на Берлин, рассчитывая путем решительной победы восстановить временно прерванные коммуникации; либо же они могли бы встретить разрозненные прусские колонны при спуске их с гор и, в случае успеха, отбросить их назад к Глогау и к Познани, благодаря чему Берлин и большая часть прусских провинций очутились бы в их власти. Поэтому наступление через Бреславль было бы для пруссаков целесообразным лишь при условии их значительного численного превосходства.

Австрийцы находятся в совершенно ином положении. У них то преимущество, что большая часть их монархии расположена к юго-востоку от Бреславля, т. е. на *прямом продолжении* линии, идущей от Берлина к Бреславлю. Укрепив северный берег Дуная близ Вены настолько, чтобы столица была защищена на случай внезапного нападения, они могут временно и даже на более или менее продолжительный срок пожертвовать прямым сообщением с Веной и доставлять людей и припасы из Венгрии. Таким образом, они с одинаковой безопасностью могут действовать и в направлении Лобау и в направлении Бреславля, к северу или к югу от гор; они имеют гораздо большую свободу маневрирования, чем их противник.

Но есть и еще причины, которые заставляют пруссаков быть осторожными. Расстояние от северной границы Богемии до Берлина — приблизительно половина расстояния до Вены; следовательно, положение Берлина гораздо более опасно. Вена защищена Дунаем, за которым может укрыться разбитая армия, а также укреплениями, воздвигнутыми к северу от этой реки, и укрепленным лагерем Ольмюц, мимо которого пруссаки не смогли бы безнаказанно пройти незамеченными, если бы после поражения главные силы австрийской армии заняли там позицию. Берлин не имеет никакой защиты, кроме полевой армии. При таких обстоятельствах, а также при наличии тех условий, которые подробно изложены в нашей первой статье, пруссакам придется, повидимому, только обороняться.

Те же обстоятельства, а также настоятельная политическая необходимость почти вынуждают Австрию начать наступление. Одна единственная победа может обеспечить ей огромный успех, в то время как поражение не сломит силы ее сопротивления.

Стратегический план кампании в своих основных чертах, по необходимости, чрезвычайно прост. Кто бы ни начал первым наступление, он окажется перед выбором: либо демон-

страция к *северо-западу* от Исполиновых гор и действительное наступление к юго-востоку от них, либо *наоборот*. Преграда в 40 миль имеет решающее значение на театре военных действий, и армии должны тяготеть к ней. Мы еще услышим о битвах у обоих конечных пунктов этой преграды, и через несколько дней после этого выяснится направление действительного наступления, а возможно, и судьба первой кампании. Все же мы склонны думать, что для таких двух малоподвижных армий, противостоящих друг другу, самая прямая дорога является в то же время самой безопасной, что трудности и опасности продвижения столь многочисленных войск отдельными колоннами по различным дорогам через трудно проходимую гористую местность почти наверняка направят обе воюющие армии на дорогу, идущую из Лобау в Пардубицы.

До настоящего времени произошли следующие передвижения. В первую неделю июня пруссаки сосредоточили свою саксонскую армию вдоль саксонской границы от Цейца до Герлица и свою силезскую армию от Гиршберга до Нейссе. К 10 июня эти армии приблизились друг к другу, имея правое крыло на Эльбе близ Торгау, а крайнее левое — близ Вальденбурга. Затем с 12-го по 16-е силезская армия, состоящая теперь из 1-го, 5-го и 6-го корпусов и гвардии, снова растянулась на восток, на этот раз до Ратибора, т. е. до крайнего юго-восточного угла Силезии. Это похоже на демонстрацию, в особенности выдвижение вперед гвардии, которая обычно действует вместе с главными силами. Если же это нечто большее, чем демонстрация, и если не принято мер для того, чтобы по первому требованию и в кратчайший срок перебросить обратно к Герлицу эти четыре корпуса, то группировка более 120 000 человек в отдаленном углу есть явная ошибка, — они могут быть лишены всякой возможности отступления и, несомненно, могут потерять всякую связь с остальной армией.

Об австрийцах, за исключением того, что они были сосредоточены вокруг Ольмюца, нам известно немного. Корреспондент газеты «Times», находящийся в их лагере, сообщает, что 6-й корпус, численностью в 40 000 человек, 19-го прибыл из Вейскирхена в Ольмюц; что свидетельствует об их продвижении на запад. Он добавляет, что 21-го главная квартира должна была быть переведена в Трубау, на границу между Моравией и Богемией. Это перемещение указывало бы на продвижение в том же направлении, если бы сообщение весьма не походило на *«утку»*, посланную в Лондон с тем, чтобы затем по телеграфу ее передали в прусскую главную квартиру с целью ввести ее в заблуждение. Генерал, столь тщательно соблюдающий военную тайну, как Бенедек, и проявляющий такую, как он, антипатию к газетным корреспондентам, вряд

ли станет 19-го сообщать им, где будет находиться его главная квартира 21-го, если только он не имеет для этого особых оснований.

Прежде чем закончить, мы дадим обзор операций, имевших место в северо-западной Германии. Пруссакимели там больше войск, чем было известно вначале. Они располагали 15-ю батальонами в Гольштейнии, 12-ю в Миндене и 18-ю в Вецларе. Быстрыми концентрическими передвижениями, во время которых войска обнаружили совершенно неожиданную способность выполнять форсированные переходы, они в два дня заняли всю страну к северу от линии, проходящей от Кобленца к Эйзенаху, и все пути сообщения между восточными и западными областями королевства. Гессенские войска численностью около 7000 человек ухитрились ускользнуть, но для 10 000 или 12 000 ганноверцев путь отступления по прямой линии на Франкфурт был отрезан, и уже 17-го остальные части 7-го прусского армейского корпуса в составе 12 батальонов, совместно с двумя кобургскими батальонами, прибыли в Эйзенах с Эльбы. Таким образом, ганноверцы, повидимому, окружены со всех сторон и могут спастись лишь в том случае, если пруссаки проявят неимоверную глупость. Как только их судьба будет решена, армия, состоящая из 50 прусских батальонов, освободится и сможет выступить против союзной армии, которую принц Александр Дармштадтский формирует во Франкфурте и которая будет состоять приблизительно из 23 000 юртембержцев, 10 000 дармштадтцев, 6000 нассаусцев, 13 000 баденцев (только еще мобилизуемых), 7000 гессенцев и 12 000 австрийцев, находящихся уже в пути из Зальцбурга, — в общем, около 65 000 человек, которые, возможно, будут еще усилены 10 000—20 000 баварцев. Сообщают, что около 60 000 этих войск уже сосредоточено во Франкфурте и что принц Александр решил перейти в наступление, вновь заняв 22-го числа Гессен. Но это не имеет никакого значения. Пруссакиме выступят против него, пока как следует не сосредоточат своих сил, а затем, располагая 70 000 человек всех родов войск и превосходством в вооружении, они смогут быстро расправиться с этой пестрой армией.

III

Первое крупное сражение произошло не в Богемии, а в Италии, и четырехугольник вновь послужил уроком стратегии для итальянцев. Сила сопротивления этой знаменитой позиции, равно как и всех укрепленных позиций, имеющих то или иное значение, заключается не столько в высокой обороноспособности ее четырех крепостей, сколько

в том, что эти крепости так расположены на местности, отличающейся большим военным преимуществом, что нападающая сторона почти всегда приходит к необходимости и часто бывает вынуждена делить свои силы и наступать в двух различных направлениях, в то время как обороняющаяся армия может сосредоточить все свои силы против одной из наступающих групп, разбить ее благодаря своему численному превосходству и затем обратиться против другой. Эту ошибку пришлось совершить и итальянской армии. В то время как король с одиннадцатью дивизиями стоял у Минчио, Чиаальдини с пятью дивизиями стоял в низовьях По, близ Понте Лагоскуро и Полесселы. Итальянская дивизия насчитывает 17 батальонов по 700 человек в каждом. Следовательно, Виктор-Эммануил имел, включая конницу и артиллерию, по крайней мере 120—125 тысяч человек, Чиаальдини же — приблизительно половину этого количества. В то время как 23-го король переправился через Минчио, Чиаальдини должен был перейти По в его нижнем течении и действовать в тылу у австрийцев. Но об этом передвижении до настоящего времени не поступало еще никаких достоверных сведений. Во всяком случае те 60 000 человек Чиаальдини, которые могли и, вероятно, повернули бы ход сражения при Кустоце в прошлое воскресенье, до сих пор еще не достигли такого выгодного положения, чтобы возместить потери крупного сражения.

Озеро Гарда расположено между двумя отрогами Альп, образующими к югу от него две группы холмов, между которыми Минчио пробивает себе путь к мантуанским лагунам. Обе эти группы холмов образуют сильные военные позиции; с их южных склонов открывается вид на Ломбардскую равнину, над которой они господствуют на расстоянии пушечного выстрела. В военной истории они хорошо известны. Расположенная между Пескьерой и Лонато западная группа служила ареной сражений при Кастильоне и Лонато в 1797 г. и при Сольферино в 1859 г. За овладение восточной группой, расположенной между Пескьерой и Вероной, в 1848 г. шла борьба в течение трех дней; сражение в прошлое воскресенье снова произошло за овладение этой же группой.

Спускаясь к Минчио, восточная группа холмов с одной стороны переходит в равнину у Валледжио, с другой — в виде длинной дуги, обращенной к юго-востоку, — она спускается к реке Адидже и простирается до Буссоленго. В направлении с севера на юг она разделена на две почти равные части глубоким ущельем, по которому протекает речка Тионе. Таким образом, продвигающиеся от Минчио войска должны сначала переправиться через реку и вслед за этим тотчас же

встретить новое препятствие на своем пути, а именно это ущелье. На краю склона у равнины, к востоку от ущелья, расположены следующие деревни: на южном конце Кустоцца, далее к северу следуют Сомма Кампанья, Сона и Санта Джустина. Железная дорога из Пескьеры в Верону пересекает холмы у Сомма Кампанья, а шоссейная дорога — холмы у Соны.

В 1848 г. пьемонтцы, взяв Пескьеру, блокировали Мантую и, занимая своими центральными частями восточные холмы, растянули линию своего расположения от Мантуи до Риволи на озере Гарда. 23 июля Радецкий двинулся вперед от Вероны с семью бригадами и, прорвав в центре чрезмерно растянутую линию расположения противника, сам занял эти холмы. 24-го и 25-го пьемонтцы вновь сделали попытку захватить эту позицию, но 25-го они были разбиты наголову и тотчас же отступили через Милан за реку Тичино. Это первое сражение при Кустоцце решило исход кампании 1848 года.

О происшедшем в прошлое воскресенье сражении имеются довольно противоречивые телеграммы главной итальянской квартиры; однако, с помощью телеграмм другой стороны мы можем составить себе довольно ясное представление о ходе сражения. Виктор-Эммануил предназначал свой 1-й корпус (генерал Дурандо, 4 дивизии, или 68 батальонов) для занятия позиции между Пескьерой и Вероной с тем, чтобы иметь возможность прикрыть осаду Пескьеры. Этой позицией, несомненно, должны были быть Сона и Сомма Кампанья. 2-й корпус (генерал Куккиари, 3 дивизии, или 51 батальон) и 3-й корпус (генерал Делла Рокка, с такими же силами) должны были одновременно переправиться через Минчио для прикрытия операций 1-го корпуса. 1-й корпус, переправившись, должно быть, вблизи или южнее Салионго, тотчас же двинулся по направлению к холмам. 2-й корпус, переправившись, повидимому, у Валледжио и 3-й — у Гоито, двинулись вперед по равнине. Все это происходило в субботу 23-го. Австрийская бригада Пульца, которая несла сторожевую службу у Минчио, медленно отступала к Вероне. В воскресенье, в годовщину Сольферино, вся австрийская армия выступила из Вероны навстречу противнику. Она успела, повидимому, занять высоты Соны и Сомма Кампанья, а также восточный край тионского ущелья еще до прибытия итальянцев. После этого борьба должна была развернуться, главным образом, за овладение переходом через ущелье. Два корпуса, наступавшие на равнине у южного края, очевидно, действовали совместно с 1-м итальянским корпусом, занимавшим холмы, благодаря чему Кустоцца перешла в их руки. Итальянцы, действовавшие на равнине, постепенно все более и

более продвигались по направлению к Вероне с целью атаковать фланг и тыл австрийцев; австрийцы же, должно быть, направляли войска для отражения этой атаки. Таким образом, линии фронта обеих армий, из которых одна первоначально была развернута на восток, а другая на запад, повернулись на четверть окружности, и австрийцы оказались лицом к югу, а итальянцы к северу. Но так как холмы отходят от Кустоццы к северо-востоку, то фланговое движение второго и третьего итальянских корпусов не могло оказать непосредственного влияния на положение их 1-го корпуса, занимавшего эти холмы, ибо они не могли продвинуться достаточно далеко вперед, не подвергая опасности флангирующие войска. Таким образом, австрийцы противопоставили, повидимому, 2-му и 3-му корпусам войска, достаточные лишь для отражения первого натиска, в то время как все силы, находившиеся в их распоряжении, они бросили против 1-го корпуса и разгромили его благодаря своему численному превосходству. Успех был полный. 1-й корпус после ожесточенного боя был отброшен, и австрийцы взяли приступом Кустоццу. Благодаря этому итальянское правое крыло, которое продвинулось к востоку и к северо-востоку за Кустоццу, повидимому, подверглось серьезной опасности, вследствие чего произошел новый бой за эту же деревню, во время которого, очевидно, была восстановлена прерванная связь и приостановлено наступление австрийцев со стороны Кустоццы. Однако, деревня осталась в их руках, и в ту же ночь итальянцам пришлось переправиться обратно за Минчио.

Мы даем этот беглый обзор сражения не в качестве исторического исследования, для которого недостает еще очень многих подробностей, а лишь как попытку, — с картой в руках, — с точки зрения военной согласовать между собой различные телеграммы, относящиеся к этим событиям, и мы уверены, что, если бы телеграммы были хоть сколько-нибудь точны и полны, наше изложение не особенно отличалось бы от общей картины сражения.

Австрийцы потеряли около 600 человек пленными, итальянцы — около 2000 человек и несколько орудий. Это показывает, что сражение было для итальянцев не катастрофой, а только поражением. Силы сторон, должно быть, были приблизительно равны, хотя весьма вероятно, что австрийцы имели под огнем меньше войск, чем их противник. Итальянцы имеют все основания быть довольными тем, что австрийцы не сбросили их в Минчио; 1-й корпус, расположенный между этой рекой и ущельем на полосе земли шириной от двух до четырех миль, перед лицом превосходных сил противника оказался в крайне тяжелом положении. Было несомненной

ошибкой посылать главные силы на равнину, пренебрегая командующими высотами, имеющими решающее значение. Но величайшей ошибкой, как мы уже отметили выше, было то, что армию разделили, оставили Чиальдини с 60 000 человек в низовьях По и начали наступление лишь с оставшимися силами. Чиальдини мог помочь одержать победу при Вероне, а затем вернуться к низовьям По и переправиться через реку с гораздо большей легкостью, если такой комбинированный маневр подлежал выполнению во что бы то ни стало. А пока он стоит на том же месте, что и в первый день, и, быть может, ему придется встретиться с еще более сильным противником. Итальянцы теперь, должно быть, убедились, что они имеют дело с весьма неподатливым противником. В битве при Сольферино Бенедек с 26 000 австрийцев в течение целого дня отражал в два раза более многочисленную пьемонтскую армию, пока не получил приказа отступить, потому что французы нанесли поражение другому корпусу. Пьемонтская армия была тогда значительно лучше нынешней итальянской армии; она была лучше обучена, более однородна и имела лучший командный состав. Нынешняя итальянская армия сформирована лишь недавно и потому страдает всеми свойственными подобной армии недостатками, тогда как австрийская армия настоящего времени значительно превосходит армию 1859 года. Национальный энтузиазм имеет огромное значение для борьбы, но без дисциплины и организованности, с помощью только энтузиазма никто не может выиграть сражения. Даже гарибальдийская «тысяча» была не просто толпой энтузиастов, — это были люди, прошедшие военную муштру, научившиеся в 1859 г. повиноваться приказам и выдерживать огонь. Надо надеяться, что штаб итальянской армии в своих собственных интересах воздержится от опрометчивых выступлений против армии, хотя численно и более слабой, но по существу своему более сильной, которая к тому же занимает одну из сильнейших позиций в Европе.

IV

Представьте себе, что молодого прусского прапорщика или корнета, сдающего экзамен на чин лейтенанта, спросили бы, какой план вторжения прусской армии в Богемию был бы самым безопасным? Предположим, что наш молодой офицер ответил бы: «Самый лучший способ состоял бы в том, чтобы разделить войска на две приблизительно равные части и послать одну из них в обход на восток от Исполиновых гор, а другую на запад, с тем чтобы они соединились у Гичина». Что сказал бы на это экзаменующий офицер? Он заявил бы

молодому человеку, что этот план грешит против двух основных законов стратегии: во-первых, никогда не разделять своих войск таким образом, чтобы они не были в состоянии оказать друг другу поддержку, а, наоборот, держать их очень близко друг к другу; и, во-вторых, в случае продвижения по разным дорогам соединение различных колонн нужно производить в пункте, лежащем вне досягаемости противника; что поэтому предложенный план является наихудшим из всех возможных; что его можно было бы принять во внимание лишь в том случае, если бы Богемия была совершенно свободна от неприятельских войск, и что, следовательно, офицер, предлагающий подобный план, не заслуживает даже чина лейтенанта.

Однако, именно этот план принят мудрым и ученым штабом прусской армии. Это почти невероятно, но это так. Ошибка, за которую итальянцы должны были поплатиться при Кустоцце, была снова повторена пруссаками и притом в условиях, которые делали ее в десять раз худшей. Итальянцы, по крайней мере, знали, что, имея десять дивизий, они численно превосходили противника. Пруссаким должны были знать, что все их девять корпусов, вместе взятых, по численности в лучшем случае едва сравнялись бы с восемью корпусами Бенедекка и что, разделив свои войска, они обрекали обе армии почти наверняка на последовательный разгром превосходными силами противника. Если бы не тот факт, что главнокомандующим является король Вильгельм, то было бы совершенно непонятно, как подобный план мог обсуждаться, а тем более мог быть принят группой столь, несомненно, знающих свое дело офицеров, из которых состоит прусский штаб. Однако никто никак не мог ожидать, что так быстро и с такой силой скажутся роковые последствия того факта, что высшее командование находится в руках королей и принцев. Пруссаким в настоящее время ведут в Богемии борьбу не на жизнь, а на смерть. Если австрийцам удалось бы помешать обеим прусским армиям соединиться в Гичине или около него, если каждая из них, потерпев поражение, вынуждена будет отступить из Богемии и, отступая, еще более удалиться от другой армии, то тогда можно будет сказать, что кампания по существу закончена. Тогда Бенедек может оставить без всякого внимания армию кронпринца, пока последняя будет отступать на Бреславль, и всеми своими силами преследовать армию принца Фридриха-Карла, которая едва ли сможет избежать полного уничтожения.

Вопрос состоит в том, удастся ли помешать этому соединению? До настоящего времени у нас нет сведений о событиях, имевших место позднее, чем в пятницу вечером 29-го. Пруссаким, выбитые 28-го генералом Эдельсгеймом из Гичина (на-

звание этого пункта в Богемии произносится Ичин), утверждают, что они 29-го снова атаковали город, и это является последней информацией, которой мы располагаем. Соединение в то время еще не произошло; по крайней мере, четыре австрийских корпуса, а также части саксонского армейского корпуса сражались тогда против пяти или шести прусских корпусов.

Когда различные колонны армии кронпринца спустились по богемскому склону холмов в долину, они были встречены австрийцами, занявшими удобные пункты там, где долина расширялась; это давало им возможность противопоставить прусским колоннам более широкий фронт и попытаться помешать их развертыванию; пруссаки тем временем могли выслать свои отряды там, где это было возможно, через боковые долины для нападения на фланг и тыл противника. Так всегда происходит в горной войне, и этим объясняется большое число пленных, которых всегда берут при таких обстоятельствах. С другой стороны, армии принца Фридриха-Карла и Герварта фон-Биттенфельда, повидимому, прошли через горные проходы, не встречая почти никакого сопротивления; первые столкновения произошли по линии реки Изер, т. е. почти на полпути от исходных пунктов обеих армий. Бесплезно было бы пытаться распутать и согласовать крайне противоречивые и часто совершенно недостоверные телеграммы, полученные за последние три-четыре дня.

Результаты сражения не могли не быть весьма изменчивыми; по мере того как подходили свежие силы, победа склонялась то на одну, то на другую сторону. Однако, вплоть до пятницы общие результаты, повидимому, складывались пока в пользу пруссаков. Если бы они удержались в Гичине, то не подлежит сомнению, что соединение состоялось бы в субботу или в воскресенье, и тогда величайшая для них опасность миновала бы. Окончательный бой за возможность соединения велся бы, по всей вероятности, с обеих сторон сосредоточенными массами войск и должен был бы, по крайней мере, на некоторое время решить судьбу кампании. Если бы пруссаки оказались победителями, они сразу избавились бы от всех ими же самими созданных затруднений, хотя они могли добиться тех же или даже более значительных преимуществ, не подвергая себя таким ненужным опасностям.

Бой, повидимому, был очень напряженным. Первой австрийской бригадой, вступившей в бой с пруссаками, была «черно-желтая» бригада, которая в Шлезвиге атаковала Кенигсберг близ Оберселка за день до эвакуации Данневи́рка. Она называется черно-желтой по цвету петлиц, воротников и обшлагов двух образующих ее полков и всегда считалась одной из лучших бригад. Однако, она была разбита благодаря

игольчатому ружью, причем более 500 человек одного из ее полков (Мартини) было взято в плен после того, как она пять раз подряд тщетно атаковала прусские линии. В последующем бою были захвачены знамена 3-го батальона Дейчместерского полка. Этот полк, комплектуемый исключительно в Вене, считается лучшим во всей армии. Таким образом, самые лучшие войска уже были введены в бой. Пруссаки, хотя и давно не видавшие сражений, дрались, очевидно, блестяще. Когда война действительно была объявлена, настроение армии совершенно изменилось, главным образом, благодаря изгнанию целой своры монархов из северо-западной Германии. Верно это или нет — мы в данном случае лишь констатируем факт, — но это внушило войскам мысль, что на этот раз они призваны для борьбы за объединение Германии, и недовольные и угрюмые до сих пор люди из запаса и ландвера перешли австрийскую границу с громкими и радостными криками. Они сражались так хорошо, главным образом, благодаря этому; но большую долю всех их успехов мы должны в то же время приписать их ружьям, заряжающимся с казенной части; и если они когда-либо выберутся из затруднений, так опрометчиво созданных их генералами, они должны благодарить за это игольчатое ружье. Сообщения об огромном его превосходстве над ружьем, заряжающимся с дула, и на этот раз единогласны. Один взятый в плен унтер-офицер из полка Мартини заявил корреспонденту «Kölnische Zeitung»: «Мы, конечно, сделали все, чего можно было ожидать от храбрых солдат, но никто не может устоять против такого частого огня». Если австрийцы окажутся побежденными, то винить в этом придется не столько генерала Бенедика или генерала Рамминга, сколько генерала «шомпола» (General Ramrod).

На северо-западе одались ганноверцы, трезво учтя свое положение, создавшееся благодаря решительному наступлению против них войск, находившихся под командованием генерала Флиса и являющихся авангардом войск генерала Мантейфеля. Благодаря этому 59 прусских батальонов освобождаются для операций против союзных войск. Действительно, настала пора сделать это, прежде чем Бавария закончила все свои вооружения, так как в противном случае для подчинения юго-западной Германии потребовалось бы значительно больше войск. Бавария, как известно, всегда действует медленно и опаздывает с военными приготовлениями, но, закончив их, она может выставить от 60 000 до 80 000 хороших солдат. Быть может, скоро мы услышим о быстром сосредоточении пруссаков на Майне и об активных действиях против принца Александра Гессен-Дармштадтского и его армии.

V

Кампания, начатая пруссаками исключительной стратегической ошибкой, продолжалась с такой стремительной тактической энергией, что в течение восьми дней она была доведена ими до победного конца.

В последней статье мы говорили, что прусский план вторжения в Богемию двумя армиями, разделенными друг от друга Исполиновыми горами, мог быть оправдан лишь в том случае, если бы в Богемии не было неприятельских войск. Очевидно, таинственный план генерала Бенедекка заключался, главным образом, в том, чтобы создать именно такое положение. Повидимому, в северо-западной части Богемии, где, как мы с самого начала рассчитывали, должны были разыграться решительные бои, оказалось всего два австрийских армейских корпуса — 1-й (Клам Галласа) и 6-й (Рамминга). Если это делалось для того, чтобы завлечь пруссаков в ловушку, то кончилось оно тем, что Бенедек сам попал в нее. Во всяком случае, продвижение пруссаков по двум направлениям, между которыми на протяжении 40—50 миль лежит непроходимая местность, к пункту соединения, находящемуся на расстоянии двух полных переходов от исходных пунктов, и притом внутри неприятельского фронта, — такое продвижение при всех условиях остается чрезвычайно опасным маневром, за которым могло бы последовать полное поражение, если бы не странная медлительность Бенедекка, неожиданный натиск прусских войск и их заряжающиеся с казенной части винтовки.

Наступление принца Фридриха-Карла с тремя корпусами (3-м, 4-м и 2-м — последний был в резерве) шло через Рейхенберг, к северу от трудно проходимых гор, с южной стороны которых наступал генерал Герварт с полутора корпусами (8-м и одной дивизией 7-го корпуса). В то же время кронпринц с 1-м, 5-м и 6-м корпусами и гвардией находился в горах у Глаца. Таким образом, армия была разделена на три колонны — одна численностью в 45 000 человек справа, другая в 90 000 человек в центре и третья в 120 000 человек слева, причём ни одна из этих колонн не могла оказать поддержки другой, по крайней мере, в течение нескольких дней. Здесь для генерала, стоявшего во главе, по крайней мере, такого же количества людей, более, чем когда-либо, представлялся удобный случай разгромить своего противника по частям. Но, повидимому, в этом направлении ничего не было сделано. 26-го принц Фридрих-Карл имел у Турнау первое серьезное столкновение с бригадой 1-го корпуса, благодаря которому он установил связь с Гервартом; 27-го последний занял Мюнхенгретц, в то время как первая колонна армии

кронпринца — 5-й корпус — продвинулась за Наход и разгромила 6-й австрийский корпус (Рамминга); 28-го — единственный несколько неудачный для пруссаков день — авангард принца Фридриха-Карла занял Гичин, но был выбит оттуда конницей генерала Эдельсгейма; одновременно 1-й корпус армии кронпринца, понеся некоторые потери, был остановлен у Траутенау 10-м австрийским корпусом Габленца; он получил свободу действий только благодаря продвижению гвардии к Эйпелю по дороге, проходившей между 1-м и 5-м прусскими корпусами. 29-го принц Фридрих-Карл атаковал Гичин, и армия кронпринца целиком разгромила 6-й, 8-й и 10-й австрийские корпуса. 30-го новая попытка Бенедека захватить Гичин силами 1-го корпуса и саксонской армии была блестяще отбита, после чего произошло соединение обеих прусских армий. Потери австрийцев составляют, по меньшей мере, полтора корпуса, тогда как прусские потери были равны менее чем одной четверти этого количества.

Таким образом, мы видим, что 27-го австрийцы располагали только двумя армейскими корпусами численностью около 33 000 человек в каждом; 28-го — тремя, 29-го — четырьмя, и если прусская телеграмма соответствует действительности, частью 5-го (4-й корпус); саксонский армейский корпус мог прибыть на помощь только 30-го. Таким образом, в продолжение всего этого периода два, если не три, корпуса отсутствовали на театре военных действий, тогда как пруссаки сосредоточили все свои силы в Богемии. До вечера 29-го общая численность австрийских войск на театре военных действий вряд ли превышала численность каждой из обеих прусских армий, а так как австрийские части вводились в бой постепенно и подкрепления прибывали лишь после поражения войск, вступивших уже в бой, то результат оказался роковым.

Сообщают, что 3-й армейский корпус (эрцгерцога Эрнеста), сражавшийся при Кустоце, немедленно после этого боя был отправлен по железной дороге на север; в некоторых сообщениях упоминается, что он вошел в состав сил Бенедека. Этот корпус, после присоединения которого вся армия, включая и саксонцев, состояла бы из девяти корпусов, не мог подойти вовремя, чтобы принять участие в сражениях, происходивших в последних числах июня.

Каковы бы ни были ошибки прусского оперативного плана, они были исправлены пруссаками быстротой и энергичными действиями. Операции каждой из обеих армий были безошибочны. Их удары были короткими, сильными и решительными; они обеспечили им полный успех. После соединения обеих армий их энергия не ослабела; они продолжали двигаться вперед, и уже 3-го вся прусская армия встретилась с соединен-

ными силами Бенедек и нанесла им последний сокрушительный удар¹³⁸.

Бряд ли можно предполагать, что Бенедек добровольно принял это сражение. Не подлежит сомнению, что быстрое преследование пруссаков заставило его задержаться со всей своей армией на сильной позиции для того, чтобы перегруппировать свои силы и отправить на день раньше обоз отступающей армии; он не ожидал атаки значительными силами днем и рассчитывал, что ему удастся уйти ночью. Ни один человек в его положении, при наличии совершенно разбитых четырех корпусов и после таких тяжелых потерь, не мог бы стремиться к немедленному решительному бою, если бы существовала возможность для безопасного отступления. Но пруссаки, по видимому, заставили его принять бой, в результате чего последовало полное поражение австрийцев, и, если не будет заключено перемирие, последние попытаются при чрезвычайно неблагоприятных условиях добраться до Ольмюца или Вены, так как малейшее движение пруссаков в обход их правого фланга отрешет большое количество частей от прямого пути и оттеснит их к холмам Глаца, где они будут взяты в плен. Десять дней тому назад «Северная армия» — одна из лучших армий в Европе — перестала существовать.

Не подлежит сомнению, что скорострельное игольчатое ружье сыграло в этом деле большую роль. Сомнительно, могло ли бы без этого оружия произойти соединение двух прусских армий, и несомненно, что этот огромный и быстрый успех не был бы достигнут без такого перевеса огня, так как австрийская армия обычно менее подвержена панике, чем большая часть европейских армий. Но были и другие обстоятельства, содействовавшие успеху. Мы уже упомянули о превосходном положении и решительных действиях обеих прусских армий со времени их вступления в Богемию. Мы можем добавить, что в этой кампании пруссаки отказались от системы колонн и строили свои войска преимущественно развернутыми линиями, так что можно было использовать каждое ружье и предохранить людей от действия артиллерийского огня. Мы должны признать, что передвижения как во время марша, так и при подходе к противнику выполнялись в таком порядке и с такой точностью, которых никто не мог ожидать от армии и командования, покрытых ржавчиной пятидесятилетнего мира. И, наконец, весь мир должен изумляться стремительности, проявленной этими молодыми войсками во всех без исключения сражениях. Легко сказать, что это сделали новые винтовки, но они ведь действовали не сами по себе, нужны были отважные сердца и сильные руки, чтобы действовать ими. Прусские войска очень часто сражались против

численно превосходных сил противника и почти всегда были наступающей стороной; поэтому австрийцы могли выбирать позицию. Однако, при наступлении на сильные позиции и на города с забаррикадированными улицами преимущества новых винтовок почти исчезают; тогда начинают действовать штыки, и на их долю выпадала немалая работа. Кроме того, кавалерия действовала с той же стремительностью; единственным оружием кавалерийской атаки оставались холодное оружие и быстрота коней. Французские «утки» относительно прусской кавалерии, будто она сперва осыпала противника градом пуль из карабинов (заряжающихся с казенной части или иным образом), а затем бросалась на него с саблями; могли возникнуть лишь у того, чья кавалерия весьма часто прибегала к такой уловке и бывала всегда наказана за это тем, что подвергалась разгрому превосходными силами стремительно наступающего противника. Не подлежит сомнению, что прусская армия за одну неделю завоевала себе такое высокое положение, какого она никогда еще не занимала; и можно быть уверенным теперь в том, что она в состоянии бороться с любым противником. Мы не знаем ни одной кампании, где был бы достигнут столь блестящий успех в такой короткий срок, без сколько-нибудь значительных поражений, за исключением сражения у Иены, в котором была уничтожена вся прусская армия того времени, и сражения при Ватерлоо, если не учитывать поражения под Линьей¹³⁹.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке между 19 июня и 5 июля 1866 г.

Впервые напечатано в газете «Manchester Guardian», 20, 25 и 28 июня, 3 и 6 июля 1866 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIII, ч. I.

ФРАНКО-ПРУССКАЯ ВОЙНА
1870—1871 гг.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ — I

Едва успели раздаться выстрелы, как первый этап войны уже миновал, закончившись для французского императора неудачей. Достаточно беглого обзора политической и военной обстановки, чтобы это стало очевидным.

В настоящее время ясно для всех, что Луи-Наполеон надеялся изолировать Северо-германский союз¹⁴⁰ от южных государств и использовать недовольство, имеющееся в областях, недавно присоединенных к Пруссии. Стремительный натиск на Рейн всеми силами, какие только возможно было бы собрать, переправа через эту реку где-либо между Гермерсгеймом и Майнцем и наступление в направлении на Франкфурт и Вюрцбург давали возможность достигнуть этого. Французы могли бы тогда завладеть коммуникациями между севером и югом и принудить Пруссию с величайшей поспешностью стянуть к Майну все наличные войска, независимо от степени их боевой готовности. Весь ход мобилизации в Пруссии был бы нарушен, и все шансы были бы на стороне вторгшихся французов, которые могли бы наносить пруссакам поражение по частям, по мере того как те прибывали из разных мест страны. Не только политические, но и военные соображения говорили за успех подобной операции. Французская кадровая система допускает гораздо более быстрое сосредоточение армии в 120 000—150 000 человек, чем прусская система ландвера. Состав французской армии мирного времени отличается от состава военного времени только числом людей, находящихся в отпуску, и отсутствием депо [запасных частей], которые формируются накануне выступления в поход. Прусская же армия мирного времени включает в себе менее одной трети состава военного времени; более того, не только рядовые, но и офицеры остальных двух третей в мирное время являются штатскими. Мобилизация такой огромной массы людей требует времени; кроме того, это сложный процесс, который был бы нарушен и превращен в полный хаос внезапным вторжением неприятельской армии. Вот почему император так

поспешил с войной. Если бы в его расчеты не входило подобное внезапное вторжение, резкий тон Грамона и поспешное объявление войны были бы лишены смысла.

Но внезапный сильный взрыв национального чувства у немцев расстроил все подобные планы: Луи-Наполеон очутился лицом к лицу не с королем Вильгельмом «Аннександером» *, а с немецкой нацией. А в таком случае нечего было и думать о стремительном движении через Рейн даже с армией в 120 000—150 000 человек. Захватить врасплох не удалось, и поэтому пришлось вести регулярную кампанию всеми наличными силами. Гвардия, парижская и лионская армии и армейский корпус в Шалонском лагере, которых вполне хватило бы для первоначальной цели, теперь оказались едва достаточными, чтобы образовать только ядро огромной армии, которая требуется для вторжения. Итак, наступил второй этап войны — этап подготовки большой кампании, и с этого дня шансы императора на безусловный успех начали падать.

Сравним теперь силы, которые имеются наготове для взаимного истребления; чтобы упростить сравнение, возьмем только пехоту. Пехота — это род войск, который решает сражение; а незначительная разница в силах кавалерии и артиллерии, включая митральезы ¹⁴¹ и другие орудия, своим действием творящие чудеса, не будет иметь большого значения ни для одной из сторон.

Франция имеет 376 батальонов пехоты (38 батальонов гвардии, 20 егерских, 300 линейных, 9 зуавов, 9 тюркосов и пр.); в мирное время в батальоне восемь рот. В военное время каждый из 300 линейных батальонов оставляет в тылу для формирования депо [запасной части] две роты и выступает в составе только шести рот. В данном случае четыре из шести запасных рот каждого линейного полка (в составе трех батальонов) предназначаются для развертывания четвертого батальона, комплектуемого отпускными и резервистами. Остальные две роты, повидимому, должны играть роль депо и могут впоследствии образовать пятые батальоны. Но потребуется, конечно, некоторое время, по крайней мере недель шесть, прежде чем эти четвертые батальоны будут настолько организованы, чтобы быть готовыми для полевых операций; в настоящее время их, так же как и мобильную гвардию, можно считать только гарнизонными войсками. Таким образом, для первых решительных боев Франция располагает лишь вышеупомянутыми 376 батальонами.

Из них, судя по имеющимся у нас сведениям, в Рейнскую армию, состоящую из шести армейских корпусов, от 1-го до

* Игра слов: «Annexander» означает — «Завоеватель». *Ред.*

6-го, и гвардии, входят 299 батальонов. Включая 7-й корпус (генерала Монтобана), предназначенный, повидимому, для отправки в Балтику, мы получим цифру в 340 батальонов, следовательно только 36 батальонов остаются для охраны Алжира, колоний и внутри самой Франции. Отсюда следует, что Франция сосредоточила против Германии все свои наличные боевые силы и что она не сможет увеличить их новыми боеспособными частями раньше начала сентября.

Теперь обратимся к другой стороне. Северо-германская армия состоит из тринадцати армейских корпусов и насчитывает 368 батальонов пехоты, или, в среднем, по двадцати восьми батальонов на корпус. В каждом батальоне в мирное время около 540 и в военное время около 1000 человек. По получении приказа о мобилизации каждый полк в три батальона выделяет несколько офицеров для формирования четвертого батальона. Резервисты призываются немедленно. Это люди, прослужившие от двух до трех лет в полку и остающиеся военнообязанными до 27-летнего возраста. Их более чем достаточно, чтобы пополнить три полевых батальона и снабдить хорошими кадрами четвертый батальон, который комплектуется из ландвера. Таким образом, полевые батальоны могут быть готовы к выступлению через несколько дней, а четвертые батальоны через 4—5 недель. Одновременно на каждый линейный полк формируется полк ландвера двух-батальонного состава из людей в возрасте от 28 до 36 лет, и, как только эти два батальона готовы, приступают к формированию третьих батальонов ландвера. Для всего этого, включая мобилизацию кавалерии и артиллерии, потребуется ровно тринадцать дней, а так как первый день мобилизации был назначен на 16 июля, то все уже готово или должно быть готово к сегодняшнему дню. В настоящий момент Северная Германия располагает, вероятно, 358 линейными батальонами для полевых операций и 198 батальонами ландвера в гарнизонах. Эти войска, безусловно, могут быть усилены не позднее второй половины августа 114 четвертыми линейными батальонами и 93 третьими батальонами ландвера. Во всех этих частях вряд ли найдется хотя бы один человек, не отбывавший установленного срока службы в армии. К ним следует добавить войска Гессен-Дармштадта, Бадена, Вюртемберга и Баварии, всего 104 линейных батальона; но так как система ландвера в этих государствах еще не успела получить полного развития, то там может оказаться не больше 70 или 80 батальонов, годных к полевой службе.

Ландвер предназначается преимущественно для несения гарнизонной службы, но в войне 1866 г. значительная часть его была отправлена в качестве резервной армии для поле-

вых операций. Не подлежит сомнению, что то же будет сделано и на этот раз.

Из тринадцати корпусов северо-германской армии десять находятся в настоящее время на Рейне, составляя в общем 280 батальонов; кроме того, около 70 батальонов южно-германских войск, а всего 350 батальонов. Для береговой службы или в резерве остается три армейских корпуса, или 84 батальона. Для обороны побережья вполне достаточно одного корпуса вместе с ландвером. Остальные два корпуса, насколько нам известно, пожалуй, также находятся на пути к Рейну. Эти войска к 20 августа могут быть усилены, по крайней мере, сотней четвертых батальонов и 40—50 батальонами ландвера, личный состав которых превосходит [по боевой подготовке] французские четвертые батальоны и мобильную гвардию, сформированные преимущественно из почти необученных людей. Франция, таким образом, располагает не больше чем 550 000 обученных солдат, тогда как одна Северная Германия имеет их 950 000. И в этом преимущество Германии. Оно будет все более и более сказываться по мере отсрочки решительного сражения, пока не достигнет своего кульминационного пункта к концу сентября.

При таких обстоятельствах нас не должно удивлять сообщение из Берлина о том, что германское командование надеется предохранить немецкую территорию от бедствий войны; другими словами — немцы сами перейдут в наступление, если в ближайшее время не будут атакованы. Другой вопрос, как это наступление будет проводиться, если только его не опередит Луи-Наполеон.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке
27 июля 1870 г.

Впервые напечатано в «Pall Mall Gazette»,
29 июля 1870 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения,
т. XIII, ч. II.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ — III

План кампании пруссаков начинает, наконец, выясняться. Следует учесть, что, хотя на правом берегу Рейна происходили большие переброски войск с востока на запад и юго-запад, однако о сосредоточении их в непосредственной близости к угрожаемой границе было очень мало слышно. Крепости получили сильные подкрепления от ближайших частей. У Саарбрюкена 500 человек 40-го пехотного полка и три эскадрона 7-го уланского полка (оба 8-го корпуса) имели перестрелки с неприятелем; баварские егеря и баденские драгуны выставили линию передовых постов до Рейна. Но в непосредственном тылу этого заслона, образованного из нескольких подвижных частей, повидимому, не было расположено большого количества войск. Ни одно сообщение не упоминало об участии артиллерии в этих стычках. В Трире совершенно не было войск. С другой стороны, мы слышали о наличии большого количества войск на бельгийской границе: о 30 000 кавалерии около Кёльна (где вся местность на левом берегу Рейна, почти до Аахена, изобилует фуражом), а также о 70 000 человек перед Майнцем. Все это казалось странным и производило впечатление почти преступного разбрасывания войск в противоположность компактному сосредоточению французов на расстоянии всего нескольких часов марша от границы. И вдруг из разных мест одно за другим проникают сведения, которые, повидимому, раскрывают тайну.

Корреспондент «Temps», рискнувший пробраться до самого Трира, был очевидцем прохождения через этот город 25-го и 26-го [июля] массы войск всех родов оружия в направлении на линию р. Саар. Приблизительно в это же время слабый гарнизон Саарбрюкена получил значительные подкрепления, вероятно, из Кобленца, где расположен штаб 8-го корпуса. Войска, следующие через Трир, входят, вероятно, в состав другого корпуса, прибывшего с севера через Эйфель. Наконец, из частного источника мы узнали, что 7-й армейский корпус 27-го [июля] был на марше через Трир из Аахена по направлению к границе.

Итак, мы видим, что, по крайней мере, три армейских корпуса, или около 100 000 человек, выдвинуты на линию Саара. Два из них, 7-й и 8-й, входят в состав Северной армии генерала Штейнмеца (7-й, 8-й, 9-й и 10-й корпуса). Можно с полной уверенностью предположить, что вся эта армия в настоящее время сосредоточена между Саарбургом и Саарбрюкеном. Если 30 000 человек конницы (или около этого) действительно находились в окрестностях Кёльна, то они должны были пройти через Эйфель и Мозель по направлению к Саару. Вся эта группировка войск как бы указывает, что главный удар немцев будет нанесен их правым флангом между Мецем и Саарлуи, в направлении долины верхнего Нида. Если конница резерва действительно *уже* прошла в указанном направлении, то это предположение превращается в уверенность.

Этот план предполагает сосредоточение всей германской армии между Богезами и Мозелем. Центральная армия (принца Фридриха-Карла, в составе 2-го, 3-го, 4-го и 12-го корпусов) должна была бы занять позицию, примыкающую к левому флангу Штейнмеца, либо сосредоточиться у него в тылу в качестве резерва. Южная армия (кронпринца, в составе 5-го корпуса, гвардии и южно-германских войск) образовала бы левое крыло, примерно, в районе Цвейбрюкена. Где находятся сейчас все эти войска и как они были доставлены на свои позиции, нам неизвестно. Мы знаем только, что 3-й армейский корпус начал продвижение на юг через Кёльн по железной дороге по *левому* берегу Рейна. Но мы можем предположить, что та же рука, которая начертала план быстрого сосредоточения от 100 000 до 150 000 человек на Сааре из отдаленных и, повидимому, различных пунктов, укажет пути подобного же сосредоточения для остальных частей армии.

Это, несомненно, смелый план, и шансов на его успешное выполнение не меньше, чем у всякого другого плана, который мог бы быть предложен. Он предполагает такое сражение, в котором немецкое левое крыло, от Цвейбрюкена и почти до Саарлуи, ведет исключительно оборонительный бой, в то время как правое крыло, продвигаясь от Саарлуи и западнее этого пункта и поддержанное сильными резервами, атакует неприятеля всеми своими силами и фланговым движением всей резервной кавалерии прерывает его сообщения с Мецем. Если этот план удастся и немцы выиграют первое большое сражение, французская армия рискует оказаться не только отрезанной от своей ближайшей базы — Меца и Мозеля, но и быть отброшенной на такую позицию, которая позволит немцам очутиться между ней и Парижем.

В таком положении, при полной безопасности сообщений с Кобленцем и Кёльном, немцам не страшен даже риск поражения, так как для них поражение не имело бы таких губительных последствий, как для французов. Но все же это смелый план. Отвести разбитую армию, в особенности правое ее крыло, невредимо через дефиле Мозеля и его притоков было бы чрезвычайно трудно. При этом, несомненно, пришлось бы потерять большое количество солдат пленными и значительную часть артиллерии, а перегруппировка армии под прикрытием рейнских крепостей заняла бы много времени. Вообще было бы безумием принять подобный план, если бы у генерала Мольтке не было полной уверенности в том, что в его распоряжении имеются настолько подавляющие силы, что победа почти несомненна, и если бы он, кроме того, не знал, что французы не в состоянии напасть на его войска в то время, когда они еще только стягивают свои силы к месту, выбранному для первого сражения. Так ли это на самом деле, мы узнаем, вероятно, очень скоро, может быть, даже завтра.

А пока следует иметь в виду, что никогда нельзя быть твердо уверенным, что эти стратегические планы могут полностью дать весь тот эффект, которого от них ожидают. Всегда могут встретиться препятствия: части войск не прибывают точно в тот момент, когда они нужны; неприятель совершает непредвиденные передвижения или, оказывается, предпринял неожиданные меры предосторожности; и, наконец, ожесточенные, упорные бои или здравый смысл какого-либо генерала зачастую спасает разбитую армию от самого худшего из возможных последствий поражения, т. е. от потери коммуникаций со своей базой.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке
31 июля 1870 г.

Впервые напечатано в «Pall Mall Gazette»,
2 августа 1870 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения,
т. XIII, ч. II.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ — IV

28 июля император прибыл в Мец и на следующее утро принял командование Рейнской армией. Согласно наполеоновским традициям, эта дата должна быть отмечена началом активных операций; но прошла уже неделя, и мы еще не слышали, чтобы Рейнская армия в целом начала свое продвижение. 30-го небольшому прусскому отряду у Саарбрюкена удалось оттеснить французскую разведку. 2 августа 2-я дивизия (генерал Батайль) 2-го армейского корпуса (генерал Фроссар) заняла высоты к югу от Саарбрюкена и артиллерийским огнем выбила немцев из города, не делая, однако, попытки форсировать реку и атаковать господствующие над городом высоты северного берега. Таким образом, во время этой атаки линия Саара не была форсирована. С тех пор дальнейших сведений о продвижении французов не поступало, и пока преимущества, достигнутые ими в бою 2 августа, равны почти нулю.

Теперь едва ли можно сомневаться в том, что император, отправившись из Парижа в Мец, намеревался немедленно перейти границу. Если бы он так поступил, ему удалось бы весьма основательно расстроить мероприятия противника. 29 и 30 июля немецкие армии далеко еще не были сосредоточены. Южно-германские войска походным порядком и по железной дороге еще только стягивались к рейнским мостам. Прусская резервная конница проходила бесконечными колоннами через Кобленц и Эренбрейтштейн, направляясь к югу. 7-й корпус находился между Аахеном и Триром, вдалеке от каких-либо железных дорог. 10-й корпус только выступал из Ганновера, а гвардия отправлялась из Берлина по железной дороге. Решительное наступление в этот момент привело бы французов к передовым фортам Майнца и обеспечило бы им значительные преимущества над отступающими колоннами немцев; это, может быть, даже дало бы им возможность навести мост через Рейн и прикрыть его предмостным укреплением на правом берегу. Во всяком случае, война была бы перенесена на территорию противника, что оказало бы отличное моральное воздействие на французские войска.

Почему же в таком случае подобное наступление не состоялось? По той простой причине, что если французские солдаты и были готовы, то не было готово их интендантство. Нам нет нужды пользоваться какими-либо слухами, идущими со стороны немцев; мы имеем свидетельство капитана Жан-нере, старого французского офицера, ныне военного корреспондента «Temps» при действующей армии. Он определенно указывает, что снабжение армии для кампании началось только 1 августа; в войсках было мало походных фляг, котелков и другого походного снаряжения, мясо было гнилое, а хлеб нередко заплесневелый. Пожалуй, можно сказать, что армия Второй империи понесла поражение пока только от самой же Второй империи. При таком режиме (*régime*), при котором его сторонникам щедро платят всеми средствами издавна установившейся системы взяточничества, нельзя было ожидать, что эта система не коснется интендантства в армии. Настоящая война, по признанию г-на Руэра, была подготовлена давно; но заготовке запасов, в особенности снаряжения, повидимому, уделялось наименьшее внимание; и вот как раз теперь, в самый критический период кампании, беспорядок, царивший именно в этой области, вызвал задержку в действиях почти на неделю.

Эта недельная задержка создала огромное преимущество в пользу немцев. Она дала им время перебросить свои войска на фронт и сосредоточить их на намеченных позициях. Как известно нашим читателям, мы исходим из предположения, что все немецкие силы сосредоточены в настоящее время на левом берегу Рейна, в общем занимая позицию против французской армии. Этот взгляд подтверждается всеми официальными и частными сообщениями, полученными со вторника, когда мы полностью снабдили «Times» самыми подробными сведениями по данному вопросу, которые эта газета сегодня утром выдает за свои собственные. Три армии (Штейнмеца, принца Фридриха-Карла и кронпринца) составляют в общей сложности 13 армейских корпусов, или, по крайней мере, от 430 000 до 450 000 человек. Противостоящие им силы, при самом благоприятном подсчете, составляют не больше 330 000—350 000 обученных солдат. Если их больше, то излишек должен состоять из необученных и недавно сформированных батальонов. Но германские войска далеко не представляют собой всех сил Германии. Среди одних только полевых войск имеется три армейских корпуса (1-й, 6-й и 11-й), которые не включены в этот подсчет. Где они могут находиться, нам неизвестно. Мы знаем только, что они выступили из своих гарнизонов, и мы обнаружили полки 11-го корпуса на левом берегу Рейна и в баварском Пфальце. Мы также достоверно знаем, что в Ганновере, Бремене и в их окрестностях в на-

стоящее время нет других войск кроме ландвера. Это приводит к заключению, что, по крайней мере, большая часть этих трех корпусов была также отправлена на фронт, а в таком случае численный перевес немцев увеличивается еще приблизительно на 40 000—60 000 человек. Мы не были бы удивлены, если бы даже несколько дивизий ландвера было отправлено на фронт на р. Саар; в настоящее время в ландвере имеется 210 000 вполне подготовленных бойцов ландвера, а в четвертых и других линейных батальонах 180 000 человек почти готовых, часть которых может быть использована для первого решительного удара. Не следует думать, что эти люди существуют в известной степени только на бумаге. Мобилизация 1866 г. служит доказательством того, что они действительно существуют, а нынешняя мобилизация снова доказала, что обученных людей, готовых к выступлению, больше чем требуется. Эти цифры кажутся невероятными; но даже и они не исчерпывают военной мощи Германии.

Таким образом, в конце этой недели император окажется лицом к лицу с численно превосходными силами противника. И если на прошлой неделе он хотел, но не мог двинуться вперед, то теперь он не имеет ни возможности, ни желания наступать. А что он не находится в неведении относительно сил противника, на это имеется намек в парижском сообщении, согласно которому 250 000 пруссаков сосредоточены между Саарлуи и Нейнкирхеном. О том, что происходит между Нейнкирхеном и Кайзерслаутерном, парижское сообщение ничего не говорит. Поэтому возможно, что бездействие французской армии, вплоть до четверга, отчасти вызвано изменением плана кампании и что вместо наступления французы намерены оставаться в оборонительном положении, чтобы использовать преимущества чрезвычайно возросшей силы огня, которую винтовки, заряжающиеся с казны, и нарезная артиллерия дают армии, ожидающей атаки на укрепленной позиции. Но принятие такого решения будет большим разочарованием для французов с самого начала кампании. Пожертвовать половиной Лотарингии и Эльзаса без единого сражения — дело серьезное для императора. К тому же мы сомневаемся, чтобы для такой большой армии можно было найти близко к границе лучшую позицию, чем окрестности Меца.

В случае такого движения французов немцы применили бы свой изложенный нами выше план действий. Они могли бы попытаться вовлечь своего противника в большое сражение, раньше чем он достигнет Меца, и продвинуться вперед между Саарлуи и Мецем. Во всяком случае, они попытаются обойти с фланга французскую укрепленную позицию и прервать ее сообщения с тылом.

Армия в 300 000 человек требует большого количества продовольствия и не может допустить, чтобы пути подвоза были прерваны даже на несколько дней. При этих условиях она будет вынуждена покинуть позицию и принять бой в открытом поле, а тогда она потеряет выгоды обороны. Во всяком случае, мы можем быть уверены, что в ближайшее время произойдут серьезные события. Три четверти миллиона людей не могут долго оставлять сосредоточенными на территории 50 квадратных миль. Невозможность прокормить такую массу людей заставит ту или другую сторону сдвинуться с места.

В заключение повторяем, что мы исходим из предположения, что как французы, так и немцы бросили на фронт все наличные силы для участия в первом большом сражении. И мы продолжаем придерживаться того мнения, что немцы будут иметь в таком случае значительный численный перевес, достаточный, чтобы обеспечить им победу, если только с их стороны не будет допущено крупных ошибок. В этом предположении нас убеждают все получаемые официальные и частные сообщения. Ясно, однако, что все это не дает оснований для абсолютной уверенности. Нам приходится делать заключение на основании данных, которые могут оказаться ложными. Мы не знаем, какое положение может создаться даже в тот момент, когда мы пишем эти строки; невозможно также предсказать, какие ошибки сделает или, наоборот, какую силу гения проявит командование обеих сторон.

Последние наши замечания сегодня будут относиться к атаке немцами линии Вейссенбурга в Эльзасе¹⁴². Со стороны немцев принимали участие в наступлении части 5-го и 11-го прусских корпусов, а также 2-го баварского корпуса. Здесь мы имеем прямое подтверждение того, что не только 11-й корпус, но и все главные силы кронпринца находятся в Пфальце. Полк, упомянутый в сообщении как полк «королевских гвардейских гренадеров», является либо 7-м, либо 2-м западно-прусским гренадерским полком, входящим, как и 50-й полк, в состав 5-го корпуса. Прусская система всегда состоит в том, чтобы сначала полностью ввести в бой один армейский корпус, а затем уже подтянуть части другого корпуса. В данном случае в бой, который с успехом мог бы выполнить один корпус, были введены три корпуса пруссаков и баварцев. Повидимому, присутствие трех корпусов, угрожающих Эльзасу, должно было произвести впечатление на французов. Кроме того, наступление вверх по долине Рейна было бы задержано у Страсбурга, а фланговое движение через Вогезы нашло бы проходы блокированными Бичем, Пфальцбургом и Птит Пьером — небольшими крепостями, которые вполне могут остановить движение по большим дорогам. Мы думаем, что в то

время как три или четыре бригады этих трех германских корпусов атаковали Вейссенбург, главные силы этих корпусов могли бы двинуться через Ландау и Пирмазенс к Цвейбрюкену. Если бы упомянутые бригады добились успеха, то несколько дивизий Мак-Магона двинулись бы в противоположном направлении к Рейну. Там они оказались бы совершенно безвредными, так как всякое вторжение по равнине со стороны Пфальца было бы задержано у Ландау и Гермерсгейма.

Этот бой у Вейссенбурга происходил, очевидно, при таком численном превосходстве, которое почти наверняка обеспечивало успех. Моральное влияние этого первого за время войны серьезного столкновения должно быть безусловно велико, особенно если принять во внимание, что атака укрепленной позиции всегда считалась трудной операцией. Тот факт, что немцы, несмотря на наличие у французов нарезных орудий, митральез и ружей Шаспо, штыками выбили их из укрепленных линий, окажет свое влияние на обе армии. Это, несомненно, первый случай, когда штык действовал с успехом против заряжающейся с казны винтовки, и в этом отношении сражение останется памятным.

По той же причине это сражение расстроит планы Наполеона. Это такого рода известие, которое нельзя передать французской армии даже в весьма смягченной форме, если оно не сопровождается сообщениями об успехах в других пунктах. Его нельзя к тому же сохранить в тайне дольше, чем в течение двенадцати часов. Мы можем поэтому ожидать, что император двинет свои колонны в поисках этого успеха, и было бы удивительно, если бы мы вскоре не получили сообщений о французских победах. Но в то же время, вероятно, двинутся и немцы, и головные части неприятельских колонн войдут в соприкосновение в нескольких пунктах. Сегодня или самое позднее завтра нужно ожидать первого генерального сражения.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке
5 августа 1870 г.

Впервые напечатано в «Pall Mall Gazette»,
6 августа 1870 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения,
т. XIII, ч. II.

ПРУССКИЕ ПОБЕДЫ

Быстрота действий Третьей германской армии проливает все больше и больше света на планы Мольтке. Сосредоточение этой армии в Пфальце должно было произойти по дорогам через мосты Маннгейма и Гермерсгейма и, вероятно, также по расположенным между ними военным понтонным мостам. Прежде чем двинуться по дорогам через Гардт к западу от Ландау и Нейштадта, войска, сосредоточенные в Рейнской долине, были использованы для наступления против правого фланга французов. Такое наступление превосходными силами, имея Ландау близко в тылу, было совершенно безопасным и могло привести к большим результатам. Если бы при этом удалось оттянуть в Рейнскую долину значительную часть французских войск от их главных сил, разбить их и оттеснить вверх по долине по направлению к Страсбургу, то эти силы были бы устранены от участия в генеральном сражении, тогда как Третья германская армия, находясь гораздо ближе к главным силам французов, сохранила бы возможность принять в нем участие. Во всяком случае, наступление на правый фланг французов могло бы ввести последних в заблуждение, если бы главный удар немцев, как мы все еще полагаем, вопреки противоположному мнению многочисленных военных и невоенных любителей потолковать о новостях, был бы направлен на левый фланг французов.

Внезапная и успешная атака на Вейссенбург показывает, что немцы имели такие сведения о расположении французов, которые побудили их произвести этот маневр. В погоне за реваншем французы опрометчиво бросились в ловушку. Маршал Мак-Магон немедленно стал стягивать свои корпуса к Вейссенбургу; для завершения этого маневра, как сообщают, ему требовалось два дня. Но кронпринц не намеревался предоставить ему это время. Он тотчас использовал свое преимущество и в субботу атаковал французов около Вёрта на р. Зауэр¹⁴³, приблизительно в пятнадцати милях к юго-западу от Вейссенбурга. У Мак-Магона, по его собственному описанию, была

сильная позиция. Тем не менее приблизительно к пяти часам пополудни он был выбит из нее и, по предположению кронпринца, со всеми частями отступил к Бичу. Таким путем он мог бы спасти положение, т. е. он не был бы отброшен эксцентрически к Страсбургу и сохранил бы связь с главными силами армии. Однако из позднейших французских телеграмм известно, что на самом деле он отступил к Нанси и что его штаб находится теперь в Саверне*.

Два французских корпуса, высланные навстречу наступающим немцам, состояли из семи пехотных дивизий, из которых, по нашему предположению, по крайней мере, пять участвовали в бою. Возможно, что и все они постепенно подошли к полю сражения, но восстановить равновесие они были уже не в состоянии, подобно тому как не удалось это сделать австрийским бригадам, появлявшимся последовательно одна за другой на поле сражения при Мадженте. Во всяком случае, мы можем с уверенностью сказать, что здесь подверглось разгрому от одной пятой до одной четверти всех французских сил. Германские войска состояли, вероятно, из тех же частей, авангард которых одержал победу при Вейссенбурге, а именно из 2-го баварского, 5-го и 11-го северо-германских корпусов. Из них 5-й корпус состоит из двух познанских, пяти силезских и одного вестфальского полков, а 11-й корпус — из одного померанского, четырех гессенкаассельских и нассауских и трех тюрингенских полков; таким образом, в сражении участвовали войска из самых различных областей Германии.

В этих военных действиях больше всего нас поражает стратегическая и тактическая роль каждой из армий. Их роли как раз противоположны тому, чего можно было бы ожидать, согласно установившейся традиции. Немцы наступают, французы обороняются. Немцы действуют стремительно и большими массами, которыми они легко маневрируют; французы же сами признают, что после двухнедельного сосредоточения их войска были еще так разбросаны, что потребовалось два дня для сбора двух армейских корпусов. В результате они были разбиты по частям. Судя по тому, как французы передвигают свои войска, их можно принять за австрийцев. Чем это объяснить? Просто неизбежными последствиями режима Второй империи. Удара, полученного под Вейссенбургом, оказалось достаточно, чтобы привести в возбуждение весь Париж, а также, без сомнения, лишить армию хладнокровия. Необходим был реванш: немедленно же посылают Мак-Магона с двумя корпусами, чтобы добиться этого реванша; шаг безусловно ошибочный, но все равно его приходилось сделать, и он был сде-

* На немецких картах Цаберн. *Ред.*

лан — с известным уже нам результатом. Если маршал Мак-Магон не сможет получить такого подкрепления, чтобы снова встретиться с кронпринцем, последний, пройдя каких-нибудь пятнадцать миль на юг, сможет захватить железную дорогу Страсбург — Нанси и двинуться к Нанси, охватывая этим движением любую оборонительную линию, которую французы могли бы надеяться удержать перед Мецем. Нет сомнения, что именно страх перед таким охватом заставляет французов оставить Саарскую область. И кронпринц, предоставив своему авангарду преследовать Мак-Магона, может немедленно двинуться вправо через холмы, к Пирмазенсу и Цвейбрюкену, чтобы соединиться с левым флангом армии принца Фридриха-Карла. Последний находился все это время где-то между Майнцем и Саарбрюкеном, тогда как французы настойчиво утверждали, что он находится у Трира. Как скажется на действиях кронпринца поражение корпуса генерала Фроссара у Форбаха¹⁴⁴, за которым, повидимому, последовало вчерашнее продвижение пруссаков к Сент-Авольду, мы пока определить не можем.

Если Второй империи безусловно нужна была победа после Вейсенбурга, то теперь, после Вёрта и Форбаха, победа ей необходима еще в большей степени. Если Вейсенбурга было достаточно, чтобы расстроить прежние планы в отношении действий правого крыла, то бои, происходившие в субботу, неизбежно опрокинули все мероприятия, выработанные для армии в целом. Французская армия лишилась всякой инициативы. Ее действия диктуются не столько военными соображениями, сколько политической необходимостью. Если армия в 300 000 человек, стоящая почти на виду у противника, должна в своих действиях руководствоваться не тем, что творится в неприятельском лагере, а тем, что происходит или может происходить в Париже, то она уже наполовину разбита. Никто, конечно, не может точно предсказать исхода генерального сражения, которое неизбежно предстоит, если оно уже не происходит; но можно сказать с уверенностью, что если Наполеон III будет еще в течение недели применять подобную стратегию, образцы которой он дал, начиная с четверга, то одного этого будет достаточно, чтобы уничтожить самую лучшую и самую большую армию в мире.

Телеграммы императора Наполеона только усугубляют впечатление, которое производят прусские отчеты об этих сражениях. В субботу в полночь он сообщал только голые факты: «Маршал Мак-Магон проиграл сражение. Генерал Фроссар был вынужден отступить» Три часа спустя были получены известия, что его связь с маршалом Мак-Магоном прервана. В воскресенье в 6 часов утра серьезность поражения генерала

Фроссара была, по существу, засвидетельствована признанием, что это поражение было нанесено значительно западнее Саарбрюкена, у самого Форбаха. Невозможность немедленно задержать дальнейшее продвижение пруссаков была признана следующим извещением: «Войска, оказавшиеся разъединенными, стягиваются к Мецу». Следующую телеграмму трудно понять: «Отступление произойдет в полном порядке». Чье же отступление? Не маршала Мак-Магона, так как связь с ним все еще остается прерванной. Не генерала Фроссара, потому что далее император сообщает: «От генерала Фроссара нет никаких известий». И если в 8 час. 25 мин. утра император мог говорить только в будущем времени о предстоящем отступлении войск, местонахождение коих ему еще не было известно, то какую ценность может иметь телеграмма, отправленная восемью часами ранее, в которой он говорит в настоящем времени: «Отступление происходит в полном порядке». Все эти позднейшие сообщения были в том же духе, как и первое: «Tout peut se rétablir» [«Все поправимо»]. Победы пруссаков были слишком значительны, чтобы можно было прибегнуть к тактике, которую император, естественно, хотел применить. Он не мог рискнуть скрыть истину в надежде сгладить впечатление одновременным сообщением о позднейшем сражении с иным результатом. Пощадить гордость французского народа, скрыв от него, что две французских армии потерпели поражение, было уже невозможно, и поэтому ему оставалось только рассчитывать на то страстное желание вернуть утраченное, которое в прежние времена при подобных бедствиях рождалось в сердцах французов. В частных телеграммах императрице и министрам, несомненно, была намечена линия их публичных выступлений или, что даже более вероятно, из Меца им доставляли подлинный текст соответствующих воззваний. Из всего этого мы делаем вывод, что, каково бы ни было настроение французского народа, власти, начиная с императора, находятся в подавленном состоянии, что само по себе чрезвычайно знаменательно. Объявление осадного положения в Париже неопровержимо указывает на то, что может последовать за новой победой пруссаков, а министерское воззвание заканчивается следующими словами: «Будем же храбро сражаться, и Франция будет спасена». Спасена! Французы могут, пожалуй, спросить себя: спасена — от чего? От вторжения, предпринятого пруссаками для того, чтобы предотвратить французское вторжение в Германию? Если бы пруссаки были разбиты и подобный призыв раздался из Берлина, его значение было бы ясно, так как каждая новая победа французского оружия означала бы новую аннексию Францией германской территории. Но если прусское правительство будет достаточно

благоразумно, то поражение французов будет означать только, что попытка помешать Пруссии беспрепятственно продолжать свою германскую политику потерпела неудачу, и мы с трудом можем поверить, что всеобщее ополчение, будто бы обсуждаемое французскими министрами, действительно позволит возобновить наступательную войну.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке
7 августа 1870 г.
Впервые напечатано в «Pall Mall Gazette»,
8 августа 1870 г.
К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения,
т. XIII, ч. II.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ — VI

Теперь уже не остается никакого сомнения в том, что едва ли когда-нибудь война велась с таким крайним пренебрежением к обычным правилам благоразумия, как наполеоновская «военная прогулка в Берлин». Война за Рейн была последним и самым сильным козырем Наполеона; но в то же время ее неудача означала падение Второй империи. Это хорошо поняли в Германии. Постоянное ожидание войны с Францией было одним из главных соображений, заставивших очень многих немцев примириться с переменами, происшедшими в 1866 году. Если Германия была, с одной стороны, расчленена, то с другой, она была усилена; военная организация Северной Германии давала значительно большую гарантию безопасности, чем военная организация более крупной, но вялой старой Конфедерации *. Эта новая военная организация была рассчитана на то, чтобы в одиннадцать дней поставить под ружье 552 000 человек линейных войск и 205 000 ландвера, сформированных в батальоны, эскадроны и батареи, а через две или три недели — еще 187 000 человек запасных войск (Ersatztruppen), вполне готовых для действий на фронте. Это не было тайной. Весь план разделения этой армии на различные корпуса, с перечислением округов, из которых каждый батальон и т. п. должен был пополняться, опубликовывался неоднократно. Более того, мобилизация 1866 г. показала, что эта организация существует не только на бумаге. Каждый человек, подлежащий призыву, был должным образом взят на учет; было также хорошо известно, что в управлении каждого командира округа ландвера призывные ордера на каждого человека были уже заготовлены и оставалось только проставить в них дату. Но для французского императора эти огромные силы существовали только на бумаге. Все силы, собранные им к началу кампании, состояли самое большее из 360 000 человек Рейнской армии и от 30 000 до 40 000 человек, предна-

* Имеется в виду Германский союз (1815—1866 гг.), состоявший из 38 германских государств. *Ред.*

значенных для балтийской экспедиции, всего около 400 000 человек. При таком численном несоответствии и продолжительном времени, которое требуется для приведения новых французских формирований (четвертых батальонов) в боевую готовность, его единственной надеждой на успех было внезапное нападение в то время, когда немцы были еще в разгаре своей мобилизации. Мы видели, как эта возможность ускользнула и что был упущен также и второй шанс на успех, т. е. наступление на Рейн; а теперь укажем еще на другую ошибку.

Расположение французской армии ко времени объявления войны было превосходно. Это, очевидно, являлось неотъемлемой частью тщательно продуманного плана кампании. Три корпуса в Тионвиле, Сент-Авольде и Биче — в первой линии, непосредственно у самой границы; два корпуса в Меце и Страсбурге — во второй линии; два корпуса в резерве, около Нанси, и восьмой корпус в Бельфоре. Пользуясь железными дорогами, можно было все эти войска в течение нескольких дней сосредоточить для наступления либо из Лотарингии через Саар, либо из Эльзаса через Рейн и нанести удар, смотря по обстоятельствам, в северном или в восточном направлении. Но это расположение армии было пригодно только для наступления. Для обороны оно абсолютно не годилось. Первое условие расположения армии для обороны таково: передовые части должны быть на таком расстоянии от главных сил, чтобы можно было своевременно получить сведения о наступлении противника и успеть сосредоточить войска до его появления. Предположим, что потребуется суточный переход для подхода ваших фланговых частей к центру; в таком случае ваш авангард должен находиться по крайней мере на расстоянии суточного перехода впереди вашего центра. А в данном случае три корпуса — Ладмиро, Фроссара и де Файн, а затем так же часть корпуса Мак-Магона были расположены непосредственно у самой границы, и к тому же они были растянуты в линию от Вейссенбурга до Зирка по меньшей мере на девяносто миль. Чтобы подтянуть фланговые части к центру, потребовалось бы целых два дня, и тем не менее тогда, когда стало известно, что немцы находятся в нескольких милях впереди, не было сделано никаких шагов, чтобы сократить длину фронта или выдвинуть авангарды на такое расстояние, которое обеспечило бы своевременное получение сведений о готовящемся наступлении. Что же удивительного в том, что несколько корпусов было разбито по частям?

Затем ошибкой было помещение одной дивизии Мак-Магона к востоку от Вогезов, у Вейссенбурга, — на позиции, соблазнительной для атаки противника, располагающего превос-

ходными силами. Поражение Дуэ повлекло дальнейшую ошибку Мак-Магона, который попытался возобновить бои восточнее Вогезов и таким путем еще более отдалил правый фланг от центра, оставив неприкрытыми свои коммуникации с ним. В то время как правый фланг (корпус Мак-Магона и по меньшей мере части корпусов Файи и Канробера) был разбит при Вёрте, центр (Фроссар и две дивизии Базена, как это теперь выяснилось) потерпел жестокое поражение перед Саарбрюкеном. Остальные войска находились слишком далеко, чтобы притти на помощь. Ладмиро все еще был близ Бузонвиля, остаток сил Базена и гвардия находились около Булэ, главные силы Канробера очутились у Нанси, часть войск де Файи совершенно потерялась, а Феликс Дуэ, как мы узнаем теперь, 1 августа находился у Альткирха, в самой южной части Эльзаса, почти в 120 милях от поля сражения при Вёрте, имея, вероятно, в своем распоряжении недостаточные средства железнодорожного транспорта. Все мероприятия обнаруживают только колебания, нерешительность, шатания, — и это происходит в самый решительный момент кампании.

А какое представление давалось солдатам об их противнике? Правда, император в последний момент сказал своим солдатам, что им придется встретиться с «одной из лучших армий Европы»; но какое значение могли иметь эти слова после того, как французской армии годами внушалось презрительное отношение к пруссакам. Лучше всего это показывает свидетельство капитана Жаннеро в «Temps», на которого мы уже ссылались и который только три года тому назад ушел из армии. Он был взят в плен пруссаками при своем «боевом крещении» и провел среди них два дня, в продолжение которых он видел большую часть их восьмого армейского корпуса. Он был поражен, увидев, насколько его представления о них отличались от действительного положения вещей. Вот первое впечатление, какое у него получилось, когда его доставили в их лагерь:

Как только мы очутились в лесу, все оказалось коренным образом изменившимся. Под деревьями находились сторожевые посты, батальоны были расположены вдоль дорог; и пусть никто не пытается обманывать общественное мнение способом, недостойным нашей страны и нашего настоящего положения: с первых же шагов мне бросились в глаза черты, характерные для превосходной армии (*une belle et bonne armée*), а также и для нации, мощно организованной для войны. В чем заключались эти отличительные черты? Во всем. Поведение солдат, подчинение их малейших движений воле начальников при наличии гораздо более строгой дисциплины, чем у нас, веселость одних, серьезный и решительный вид других, патриотизм, который проявляло большинство из них, полное и неизменное усердие офицеров и кроме того, в чем мы можем позавидовать им, моральное достоинство унтер-офицеров — вот что поразило меня сразу и что у меня постоянно перед глазами с тех пор, как я провел два дня

среди этой армии и в этой стране, где таблички с номерами местных батальонов ландвера, установленные на определенных расстояниях, напоминали о том, на какое напряжение всех сил способны здесь в момент опасности и честолюбивых замыслов.

У немцев все было совершенно иначе, чем у французов. Они должным образом учитывали, конечно, боевые качества французов. Сосредоточение германских войск было произведено быстро, но осмотрительно. Все годные к военной службе были отправлены на фронт; и теперь, когда первый северо-германский армейский корпус присоединился в Саарбрюкене к армии принца Фридриха-Карла, несомненно, что вся пехота, вся конница, вся артиллерия этой армии в 550 000 человек уже доставлены на фронт, где к ним должны присоединиться южно-германские войска. И результаты такого огромного численного превосходства еще более усилились благодаря превосходству военного командования.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке
10 августа 1870 г.

Впервые напечатано в «Pall Mall Gazette»,
11 августа 1870 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения,
т. XIII, ч. II.

КРИЗИС ВОЙНЫ

Император покинул армию, но с ней остался его злой гений — тот злой гений, который торопил его поспешно объявить войну, а когда это было сделано, оказался неспособным заставить его на что-нибудь решиться. Армия должна была быть готова к походу самое позднее к 20 июля. Настало 20 июля, но ничего еще не было сделано. 29-го Наполеон III принял в Меце верховное командование; тогда было еще время для почти беспрепятственного наступления до самого Рейна; однако армия не двинулась. Казалось даже, колебание зашло так далеко, что император не мог решить: наступать ли ему вообще или же занять оборонительную позицию. Головные части германских колонн стягивались уже со всех сторон к Пфальцу, и каждый день можно было ожидать их наступления. Несмотря на это, французы оставались у границы на своих позициях, предназначенных для наступления, которое так никогда и не состоялось, на позициях, совершенно непригодных для обороны, вскоре ставшей для них единственным выходом. Нерешительность, длившаяся с 29 июля по 5 августа, была характерна для всей кампании. Французская армия, расположенная у самой границы, не имела передовых частей на должном расстоянии от главных сил, и исправить эту погрешность можно было лишь двояким способом: либо выдвинуть передовые части вперед на неприятельскую территорию, либо оставить их на занимаемых пограничных позициях, а главными силами занять более сосредоточенное положение с отходом назад на расстояние суточного перехода. Но первый план привел бы к столкновениям с противником в условиях, совершенно не зависящих от императора, тогда как второй упирался в политическую невозможность отступления еще до первого сражения. Таким образом, колебания продолжались, и ровно ничего не было сделано; как будто рассчитывали, что и противник заразится нерешительностью и тоже воздержится от наступления. Но противник наступал. Как раз именно за день до прибытия всех его частей на фронт, 4 августа, им было

решено использовать выгоды ошибочного расположения позиций французов. Бой при Вейссенбурге оттянул все части корпусов Мак-Магона и де Файи еще дальше от центра французского расположения, а 6 августа, когда немцы были уже вполне готовы, их Третья армия нанесла поражение шести дивизиям Мак-Магона у Вёрта, отбросив их вместе с двумя оставшимися дивизиями де Файи через Саверн к Люневиллю. В то же время передовые части Первой и Второй германских армий разбили войска Фроссара и часть войск Базена у Шпихерна, отбросив весь центр и часть левого крыла французов назад к Мецу. Таким образом, вся Лотарингия оказалась между двумя отступающими французскими армиями; и в этот широкий прорыв устремилась германская конница, а за нею и пехота, чтобы возможно лучше использовать достигнутый успех. Кронпринца порицали за то, что он не преследовал разбитую армию Мак-Магона до Саверна и далее. Но после Вёрта преследование велось совершенно правильно. Как только разбитые войска были отброшены на юг настолько, что присоединение их к остальной французской армии могло быть достигнуто лишь кружным путем, преследующие, направляясь прямо к Нанси, все время двигались между обеими армиями. Такой способ преследования (тот же, что у Наполеона после Иены) является, как показали теперь результаты, по крайней мере, таким же действенным, как и непосредственное движение за быстро отступающим противником. То, что еще уцелело от этих восьми дивизий, было либо отрезано от главных сил, либо присоединилось к ним в состоянии полного расстройтва.

Таковы последствия нерешительности, ознаменовавшей начало кампании. После этого можно было бы, конечно, ожидать, что подобная ошибка больше не повторится. Император передал верховное командование маршалу Базену, а маршал Базен должен был бы знать, что, будет ли он действовать или не будет, неприятель все равно не даст ему долго стоять на одном месте.

Расстояние от Форбаха до Меца несколько меньше 50 миль. Большинству корпусов нужно было пройти менее чем 30 миль. В течение трех дней все они могли бы беспрепятственно дойти до Меца и воспользоваться его защитой, а на четвертый день мог бы начаться их отход к Вердену и Шалону, ибо не могло быть более никаких сомнений в необходимости такого отхода. Восемь дивизий маршала Мак-Магона и оставшиеся две дивизии генерала Дуэ (более чем одна треть всей армии) не могли, повидимому, соединиться с Базеном в другом более близком пункте, чем Шалон. Базен располагал двенадцатью дивизиями, включая императорскую гвардию; таким образом, даже после присоединения к нему трех дивизий Канробера

численность его армии, вместе с конницей и артиллерией, не могла превышать 180 000 человек, — силы совершенно недостаточные для встречи с противником на поле сражения. Поэтому если он не был намерен предоставить всю Францию вторгнувшемуся противнику и позволить запереть себя в таком месте, где голод быстро принудил бы его сдаться, либо дать бой на условиях, диктуемых противником, то, казалось бы, у него не должно было быть ни минуты сомнения относительно необходимости немедленного отхода от Меца. И все-таки он не трогается с места. 11 августа германская конница находится уже в Люневиле, а он все еще не подает и признаков движения. 12-го конница переходит Мозель, производит реквизиции в Нанси, разрушает железную дорогу между Мецем и Фруаром и появляется в Понт-а-Муссоне. 13 августа германская пехота занимает Понт-а-Муссон, и с этого момента немцы становятся хозяевами обоих берегов Мозеля. Наконец, в воскресенье, 14-го, Базен начинает перебрасывать свои войска на левый берег реки. Завязывается бой у Панжа, в результате которого отход, несомненно, снова задержался; можно полагать, что фактический отход к Шалону начался в понедельник отправкой тяжелых обозов и артиллерии. Но в этот же день германская конница перешла Маас у Коммерси и находилась у Виньёля на расстоянии 10 миль от линии отхода французов. Мы не можем сказать, сколько войск ушло в понедельник и рано утром во вторник, но, повидимому, следует считать несомненным, что главные силы были все еще позади, когда 3-й германский корпус и резервная кавалерия атаковали движущиеся колонны близ Марс-ля-Тура во вторник, 16 августа, около 9 часов утра. Результат известен: отход Базена был полностью остановлен; его собственные телеграммы от 17-го показывают, что самое большее, чего он добился, — это лишь удержания позиции, в то время как его единственным желанием было оставить ее позади себя.

В среду, 18 августа, обе армии имели, повидимому, передышку, но в четверг все надежды, которые Базен мог еще питать на благополучное отступление, окончательно рухнули. В это утро пруссаки атаковали его, и после девятичасового боя «французская армия была полностью разгромлена, отрезана от коммуникаций с Парижем и отброшена назад к Мецу». В тот же вечер или на следующий день Рейнская армия вынуждена была вернуться в крепость, которую она оставила в начале недели. Запертую там армию немцы легко смогут отрезать от всякого снабжения, тем более что местность уже совершенно опустошена продолжительным пребыванием войск, а блокирующая армия, несомненно, сама заберет для себя все, что только можно достать. Таким образом, голод должен скоро

принудить Базена к выступлению; трудно только сказать, в каком направлении. Движение на запад будет наверняка задержано подавляющими силами противника, движение на север крайне опасно, движение на юго-восток могло бы отчасти иметь успех, но оно совершенно не дало бы немедленных результатов. Даже если бы ему удалось с расстроенной армией достигнуть Бельфора или Безансона, он не мог бы оказать сколько-нибудь заметного влияния на судьбу кампании. Таково положение, к которому привела французскую армию нерешительность во втором периоде кампании. Несомненно, правительству в Париже все это точно известно. Доказательством этого служит отозвание мобилей из Шалона в Париж. С того момента, как главные силы Базена оказались отрезанными, положение Шалона, который был не чем иным, как только местом сбора войск, утратило все свое значение. Ближайшим пунктом сбора всех сил теперь является Париж, и туда отныне все они должны двигаться. Однако нет таких сил, которые могли бы противостоять Третьей германской армии, продвигающейся, вероятно, в настоящее время к столице. Французы скоро на опыте убедятся, насколько укрепления Парижа оправдают произведенные затраты.

Хотя угроза такой заключительной катастрофы была очевидна уже в течение нескольких дней, все же трудно представить себе, что она в самом деле произошла. Действительность превзошла все ожидания. Две недели тому назад англичане строили предположения о возможных последствиях, какие имел бы выигрыш французской армией первого крупного сражения. Угроза, которой они больше всего опасались, состояла в том, что Наполеон III мог превратить свой первоначальный успех в повод для поспешного заключения мира за счет Бельгии. Но в этом отношении они быстро успокоились. Сражения при Вёрте и Форбахе показали, что французскому оружию нечего рассчитывать на какие-либо театральные эффекты. Этот факт, обнаруживший, что Германии нечего было опасаться Франции, казалось, обещал быстрое окончание войны. Полагали, что скоро должно было наступить время, когда французы признают, что попытка противодействия объединению Германии под главенством Пруссии не удалась, что, следовательно, вести войну им незачем и что вряд ли немцы станут продолжать опасную и сомнительную войну после того, как они уже добились требуемого признания. В течение первых пяти дней этой недели все положение вещей снова изменилось. Военная мощь Франции, повидимому, полностью разрушена, и, как кажется, теперь честолюбию немцев нет других пределов, кроме весьма сомнительной немецкой умеренности. Мы не можем пока еще оценить политических результатов этой

огромной катастрофы. Мы можем только удивляться ее размерам и неожиданности и восхищаться тем, как ее перенесли французские войска. Тот факт что после четырех дней почти непрерывных боев, при самых, какие только возможны, неблагоприятных условиях, они смогли на пятый день в течение девяти часов оказывать сопротивление наступлению противника, численно значительно превосходившего их, делает величайшую честь их мужеству и стойкости. Никогда еще, даже во времена самых победоносных кампаний, французская армия не покрывала себя более заслуженной славой, чем при ее катастрофическом отступлении от Меца.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке
19 августа 1870 г.

Впервые напечатано в «Pall Mall Gazette»,
20 августа 1870 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения,
т. XIII, ч. II.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ — XI

Хотя мы еще не знаем всех подробностей о трех кровопролитных сражениях, происшедших на прошлой неделе вокруг Меца, но мы в достаточной мере осведомлены, чтобы дать теперь ясный отчет о том, что произошло в действительности.

Сражение, имевшее место в воскресенье, 14 августа, было начато немцами с целью задержать отступление французов к Вердену. В воскресенье после полудня было замечено, что остатки корпуса Фроссара перешли через Мозель в направлении к Лонгвилю; признаки движения наблюдались также среди войск, расположенных лагерем к востоку от Меца. 1-й (восточно-прусский) и 7-й (вестфальский и ганноверский) армейские корпуса получили приказ наступать. Они преследовали французов до тех пор, пока сами не очутились в зоне обстрела фортов; но французы, предвидя такое движение, заранее сосредоточили крупные силы на укрепленных позициях в долине Мозеля и в узком овраге, по которому с востока на запад протекает ручей, впадающий в реку к северу от Меца. Эта масса войск внезапно обрушилась на правый фланг немцев, которые уже несли потери от огня фортов, и, как говорят, отбросила их в беспорядке назад. После этого французы, вероятно, снова отошли, так как известно, что немцы удержали за собой ту часть поля сражения, которая находится вне досягаемости огня фортов, и что на свои прежние бивуаки они возвратились лишь после рассвета. Мы знаем об этом как из частных писем лиц, участвовавших в бою, так и из помещенного в понедельник в «Manchester Guardian» письма корреспондента из Меца, который посетил поле сражения в понедельник утром и нашел его занятым пруссаками, оказывавшими помощь оставшимся там раненым французам. Обе стороны в известном смысле могут считать, что они достигли целей, поставленных ими в этом бою: французы завлекли немцев в засаду и нанесли им жестокие потери, немцы же задержали отход французов до тех пор, пока принц Фридрих-Карл не достиг той линии, по которой должно было произойти это отступление. Со стороны немцев участвовало в бою два корпуса, или

четыре дивизии, со стороны французов — корпуса Декана, Ладмиро и часть гвардии, т. е. свыше семи дивизий. Таким образом, в этом бою французы имели большое численное превосходство. Считают также, что позиция французов была значительно усилена стрелковыми гнездами и окопами, из которых они стреляли с большим хладнокровием, чем обычно.

До вторника 16 августа отступление Рейнской армии к Вердену в основном еще не было начато. К этому времени головы колонн принца Фридриха-Карла — 3-й армейский корпус (бранденбургский) — как раз достигли окрестностей Марс-ля-Тура. Они тотчас же атаковали французов и на шесть часов парализовали французскую армию. Поддержанные затем 10-м армейским корпусом (ганноверским и вестфальским) и частями 8-го (рейнского) и 9-го (шлезвиг-голыштинского и мекленбургского) корпусов, они не только удержали свою позицию, но отбросили неприятеля назад, захватили два знамени, семь пушек и более двух тысяч пленных. Действовавшие против них силы состояли из корпусов Декана, Ладмиро, Фроссара и, по крайней мере, части корпуса Канробера (они прибыли в Мец из Шалона в течение последних дней, пока железная дорога на Фруар была еще открыта) и гвардии, в общей сложности от 14 до 15 дивизий. Таким образом, 8 германских дивизий опять имели против себя численно превосходные силы, даже если в этом бою участвовали не все войска Базена, что весьма вероятно. Это следует иметь в виду, так как французские сообщения продолжают объяснять все неудачи постоянным численным превосходством противника. Что отступление французов было действительно остановлено, видно из того факта, что они сами говорят об арьергардных боях, имевших место 17-го у Гравелота, больше чем в 5 милях позади их позиций, которые они занимали 16-го. В то же самое время тот факт, что во вторник немцы могли ввести в бой только четыре корпуса, доказывает, что успех, достигнутый ими, был неполным. Капитан Жаннеро, 17-го прибывший из Брие в Конфлан, нашел здесь два кавалерийских полка французской гвардии, совершенно расстроенных и обращавшихся в бегство при одном только крике «пруссаки идут!». Это доказывает, что если даже 16-го вечером дорога через Этен не была занята немцами, то все же они были в такой близости, что всякое отступление по ней без нового боя становилось невозможным. Но Базен, повидимому, оставил всякую мысль об отступлении, укрепившись на очень сильной позиции близ Гравелота, и там выжидал атаки немцев, которая последовала 18-го.

Плато, по которому пролегает дорога из Марс-ля-Тура через Гравелот на Мец, пересечено рядом глубоких оврагов,

образованных ручьями, протекающими с севера на юг к Мо-зюлю. Один из этих оврагов находится непосредственно впереди Гравелота (западнее от него), два других идут параллельно позади первого. Каждый из них образует сильную оборонительную позицию, которая была еще более усилена земляными укреплениями, а также баррикадами и бойницами во дворах ферм и в деревнях, расположенных в пунктах, важных в тактическом отношении. Встретить противника на этой сильно укрепленной позиции, дать ему разбиться о нее, отбросить его назад мощным контрнаступлением и, таким образом, очистить дорогу на Верден — такова была, очевидно, единственная надежда, оставшаяся у Базена. Но атака была произведена такими силами и с такой энергией, что противник овладевал одной позицией за другой, и Рейнская армия была отброшена назад к самым орудиям Меца. Против четырнадцати или пятнадцати французских дивизий действовали двенадцать немецких дивизий и еще четыре оставались в резерве. Количество войск, введенных в бой с обеих сторон, было почти равное с некоторым численным превосходством на стороне немцев, так как четыре или шесть их корпусов были почти нетронутыми; но это незначительное численное превосходство ни в какой мере не могло уравновесить силу французских позиций.

Французское общественное мнение все еще не решается признать всей серьезности положения, создавшегося для Базена и его армии, сходного с положением, в которое генерал Бонапарт поставил Вурмзера в Мантуе в 1796 г. и Мака при Ульме в 1805 г.¹⁴⁵ Чтобы блестящая Рейнская армия, надежда и сила Франции, после двухнедельной кампании была поставлена перед выбором: либо попытаться в самых гибельных условиях прорваться сквозь неприятельский фронт, либо капитулировать, — это превосходит возможность того, во что французы могут заставить себя поверить. Они ищут всевозможных объяснений. Одна из их теорий гласит, что Базен, так сказать, жертвует собой с целью дать Мак-Магону и Парижу выиграть время. Пока Базен удерживает две из трех германских армий у Меца, Париж может организовать свою оборону, а Мак-Магон будет иметь время для создания новой армии. Базен, следовательно, остается в Меце не потому, что у него нет другого выхода, а потому, что этого требуют интересы Франции. Но, спрашивается, где же составные части новой армии Мак-Магона? Его собственный корпус, насчитывающий теперь самое большее 15 000 человек; остатки войск де Файи, расстроенные и разбросанные продолжительным и кружным отступлением, — говорят, что он прибыл в Витри-ле-Франсуа только с 7000 или 8000 человек; — быть может одна из дивизий Канробера; две дивизии корпуса Феликса Дуэ,

о местонахождении которых никто, повидимому, не знает, — а всего приблизительно 40 000 человек, включая морскую пехоту, входившую в состав намечавшейся балтийской экспедиции. В это число входят все батальоны и эскадроны, оставшиеся у Франции от ее прежней армии, находившейся вне Меца. К ним могут присоединиться четвертые батальоны. Кажется, они прибывают теперь в Париж в довольно большом количестве, но пополненные в значительной степени рекрутами. Общая численность этих войск может достигнуть, примерно, от 130 000 до 150 000 человек; но по качеству эту новую армию нельзя сравнить со старой Рейнской армией. Прежние полки в ней сильно деморализованы. Новые батальоны сформированы наспех, имеют в своем составе много рекрутов и не могут быть пополнены таким офицерским составом, как в старой армии. Удельный вес конницы и артиллерии, повидимому, очень небольшой; основная масса конницы находится в Меце, а запасы, необходимые для формирования новых батарей, упряжь и т. д. в ряде случаев, повидимому, существуют только на бумаге. Жаннеро приводит один из таких примеров в воскресном номере «Temps». Что же касается мобильной гвардии, то после обратной переброски из Шалона в Сен-Мор, близ Парижа, она, кажется, совершенно рассеялась вследствие недостатка продовольствия. И для того чтобы выиграть время для создания подобных сил, Франция должна принести в жертву всю свою лучшую армию. И, действительно, эта армия принесена в жертву, если правда, что она заперта в Меце. Если Базен преднамеренно поставил свою армию в ее нынешнее положение, то он совершил ошибку, по сравнению с которой все прежние ошибки, допущенные во время этой войны, — ничто. Что касается слухов об отступлении Базена от Меца и о соединении его с Мак-Магоном в Монмеди, пущенных вчера газетой «Standard», то сегодня утром в военном обзоре той же газеты имеется достаточное опровержение. Если даже некоторым отрядам из войск Базена и удалось ускользнуть на север после или во время последних боев около Марс-ля-Тура, то основная масса его армии все еще заперта в Меце.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке
23 августа 1870 г.

Впервые напечатано в «Pall Mall Gazette»,
24 августа 1870 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения,
т. XIII, ч. II.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ — XII

Два последних события войны таковы: кронпринц продвигается за Шалон, а Мак-Магон отвел всю свою армию из Реймса, но куда — в точности неизвестно. Согласно французским сообщениям, Мак-Магон находит, что война разворачивается слишком медленно; чтобы ускорить ее исход, он, как говорят, выступил из Реймса на выручку Базена. Это, действительно, ускорило бы ход событий, вплоть до заключительного кризиса.

В среду в нашей статье* мы определили численность войск Мак-Магона от 130 000 до 150 000 человек, предположив, что к нему присоединились все войска из Парижа. Мы оказались правы в предположении, что в Шалоне у него были остатки его собственных частей и войск де Файи и что там же были две дивизии корпуса Дуэ, прибывшие туда, как теперь известно, кружным железнодорожным путем через Париж, а также морская пехота и другие части балтийского корпуса. Но теперь мы узнаем, что в фортах вокруг Парижа все еще находятся линейные войска, что часть войск Мак-Магона и Фроссара, преимущественно конница, вернулась в Париж для переформирования и что в лагере у Мак-Магона осталось только около 80 000 человек регулярных войск. Поэтому мы можем сократить наш подсчет на целых 25 000 человек и установить максимальную численность войск Мак-Магона в 110 000—120 000 человек, третья часть которых состоит из необученных новобранцев. И с этой-то армией он, как говорят, выступил к Мецу выручать Базена.

В настоящее время ближайшим и непосредственным противником Мак-Магона является армия кронпринца. 24 августа ее передовые части занимали бывший Шалонский лагерь, о чем нам сообщили по телеграфу из Бар-ле-Дюка. Из этого мы можем заключить, что тогда в этом городе находился штаб. Ближайший путь Мак-Магона к Мецу лежит через Верден. От

* Речь идет о предыдущей статье «Заметки о войне — XI». *Ред.*

Реймса до Вердена полных 70 миль почти прямой проселочной дороги; по большой проезжей дороге через Сен-Менэу больше 80 миль, последняя, кроме того, проходит через Шалонский лагерь, т. е. через расположение немцев. Расстояние от Бар-ле-Дюка до Вердена меньше 40 миль.

Таким образом, армия кронпринца не только может ударить по флангу Мак-Магона во время марша, если он использует одну из упомянутых дорог на Верден, но она может перейти Маас и присоединиться к остальным двум германским армиям между Верденом и Мецем еще задолго до того, как Мак-Магон успеет выйти из Вердена на правый берег Мааса. Если бы даже кронпринц продвинулся до Витри-ле-Франсуа или если бы ему потребовался лишний день для сосредоточения своих растянутых по фронту войск, все равно ничего не изменилось бы, настолько велика разница расстояний в его пользу.

При таких условиях можно сомневаться, чтобы Мак-Магон воспользовался одной из указанных дорог; не захочет ли он сразу уйти из непосредственной сферы действия армии кронпринца и не выберет ли он дорогу из Реймса через Вузье, Гран Пре и Варенн на Верден или через Вузье до Стенэ, где он перейдет Маас и затем направится к юго-востоку на Мец. Но это обеспечило бы для него лишь кратковременное преимущество, удвоив шансы окончательного поражения. Оба эти пути еще более кружные и дали бы кронпринцу еще больше времени для соединения своих сил с силами, находящимися у Меца, с целью противопоставить как Мак-Магону, так и Базену подавляющее численное превосходство.

Итак, какой бы путь ни избрал Мак-Магон, чтобы выйти к Мецу, он не может избежать кронпринца, который, кроме того, не может быть лишен возможности выбора атаковать противника либо одними только своими силами, либо соединившись с другими германскими армиями. Отсюда ясно, что движение Мак-Магона на помощь Базену было бы крупной ошибкой, пока он окончательно не избавился от кронпринца. Для него кратчайший, скорейший и вернейший путь в Мец лежит напрямик через Третью германскую армию. Если бы он двинулся прямо на нее, атаковал бы ее там, где встретит, нанес бы ей поражение и преследовал бы ее в течение нескольких дней в юго-восточном направлении, вклинившись со своей победоносной армией между нею и двумя другими германскими армиями (таким же способом, как ему это однажды показал кронпринц), тогда, но не раньше, он имел бы шансы достигнуть Меца и освободить Базена. Но мы можем быть уверены, что, если бы он чувствовал себя достаточно сильным для этого, он сделал бы это сразу. Таким образом, от-

ход из Реймса принимает иной характер. Это не столько движение в помощь Базену против Штейнмеца и Фридриха-Карла, сколько попытка Мак-Магона избавиться от кронпринца. И с этой точки зрения ничего хуже нельзя было сделать. В результате все прямые сообщения с Парижем передаются во власть противника; отвлекаются все наличные силы Франции от центра к периферии и преднамеренно размещаются на гораздо большем расстоянии от центра, чем расстояние, отделяющее противника от центра в данный момент. Можно было оправдать такое движение, если бы оно предпринималось при значительном превосходстве сил; но в данном случае оно было предпринято с безнадежно малыми силами, с перспективой почти верного поражения. К чему же приведет это поражение? Где бы оно ни случилось, оно отбросит остатки разбитой армии еще дальше от Парижа, к северной границе, где они могут быть оттеснены на нейтральную территорию или принуждены к капитуляции. Если Мак-Магон в самом деле предпринял движение в указанном направлении, то он преднамеренно ставит свою армию в такое же точно положение, в какое Наполеон в 1806 г. поставил прусскую армию при Иене фланговым движением вокруг южного края Тюрингенского леса. Для численно и морально более слабой армии умышленно создается такое положение, при котором единственным путем отступления при поражении будет узкая полоса местности, ведущая к нейтральной территории или к морю. Наполеон принудил пруссаков к капитуляции тем, что он достиг Штеттина раньше их. Войскам Мак-Магона придется, быть может, сдать ее на той узкой полосе французской территории, которая врывается в Бельгию между Мезьером и Шарлемон — Живе¹⁴⁶. В самом лучшем случае они могут спастись отступлением в северные крепости — Валансьен, Лилль и т. д., — где при любых обстоятельствах будут обезврежены. И тогда Франция окажется во власти завоевателя.

Весь план кажется настолько безумным, что его можно объяснить только политической необходимостью. Это более похоже на акт отчаяния (*coup de désespoir*), чем на что-либо другое. Получается впечатление, что пытаются что-то сделать, идти на какой-то риск, прежде чем дать Парижу возможность полностью осознать действительное положение вещей. Это план не стратега, а «алжирца», привыкшего сражаться против иррегулярных войск, план не солдата, а политического и военного авантюриста, какие господствовали во Франции в течение последних девятнадцати лет. Этому вполне соответствуют слова, приписываемые Мак-Магону, якобы высказанные им в оправдание такого решения: «Что сказали бы», если бы он не пошел на помощь Базену? Да, но «что сказали бы», если

бы он поставил себя в худшее положение, чем это сделал сам Базен? Вот Вторая империя во всей своей красе. Сохранить видимость, скрыть поражение — вот что требуется больше всего. Наполеон все поставил на одну карту и проиграл ее; а теперь Мак-Магон, когда его шансы на выигрыш составляют один против десяти, снова собирается играть «*va banque*». Чем скорее Франция избавится от таких людей, тем лучше для нее. В этом ее единственная надежда.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке
25 августа 1870 г.

Впервые напечатано в «*Pall Mall Gazette*»,
26 августа 1870 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения,
т. XIII, ч. II.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ — XV

26 августа, когда вся печать без единого исключения была настолько занята рассуждениями об огромном значении «решительного» марша кронпринца на Париж, что у нее не оставалось времени для Мак-Магона, мы осмелились указывать, что действительно важный в настоящее время маневр — это тот, который Мак-Магон предпринял, как сообщают, для освобождения Меца. Мы говорили, что в случае поражения «войскам Мак-Магона придется, быть может, сдать на той узкой полосе французской территории, которая врезывается в Бельгию между Мезьером и Шарлемон — Живе».

То, что мы тогда предполагали, теперь почти совершилось. У Мак-Магона имеются: 1-й (его собственный), 5-й (прежде де Файи, теперь Вимпфена), 7-й (Дуэ) и 13-й (Лебрена) корпуса, а также войска, которые до 29 августа можно было выделить из Парижа, включая даже мятежных мобилей из Сен-Мора; кроме того, конница из корпуса Канробера, оставленная в Шалоне. Вся армия составит, быть может, 150 000 человек, из которых вряд ли половина состоит из старых войск; остальное — четвертые батальоны и мобили почти в равных количествах. Говорят, что эта армия хорошо снабжена артиллерией, но большая часть последней состоит, вероятно, из вновь сформированных батарей; известно также, что конница в ней очень слаба. Даже если бы эта армия была численно сильнее, чем мы ее считаем, то этот излишек должен состоять из солдат новых призывов и не увеличит ее мощи, которая вряд ли равна силе армии в 100 000 хороших солдат.

Мак-Магон выступил из Реймса на Ретель и к Маасу вечером 22-го, но 13-й корпус был отправлен из Парижа только 28-го и 29-го; а так как прямой железнодорожный путь в Ретель через Реймс находился в это время под угрозой неприятеля, то эти войска пришлось послать кружным путем по Северной французской железной дороге, через Сен-Кантен, Авен и Ирсон. Переброска войск не могла быть закончена раньше 30-го или 31-го, когда уже началось серьезное сражение, так

что войска, которых ожидал Мак-Магон, вовсе не оказались в нужный момент на месте, ибо, пока Мак-Магон терял время между Ретелем, Мезьером и Стенэ, немцы подходили со всех сторон. 27 августа бригада его передовой конницы потерпела поражение у Бюзанси; 28-го Вузье — важный узел дорог в Аргоннах — оказался в руках немцев; два их эскадрона атаковали селение Вризи и захватили его; там была пехота, которая принуждена была сдаться, — подвиг, кстати сказать, имеющий только один пример в прошлом: это захват в 1831 г. польской конницей Дембе Вельке, занятого русской пехотой и конницей. 29-го никаких сообщений о боях из достоверных источников не поступало, но 30-го (во вторник) немцы, сосредоточив достаточные силы, атаковали Мак-Магона и нанесли ему поражение. Немецкие донесения говорят о бое близ Бомона и о столкновениях около Нуара (по дороге от Стенэ к Бюзанси), а бельгийские сообщения упоминают о боях на правом берегу Мааса, между Музоном и Кариньяном¹⁴⁷. Оба сообщения можно легко согласовать, и если предположить, что бельгийские телеграммы в основном правильны, то Четвертая немецкая армия (4-й, 12-й и гвардейский корпуса) имела, повидимому, на левом берегу Мозеля 4-й и 12-й корпуса, где к ним присоединился 1-й баварский корпус, первая часть Третьей армии, идущей с юга. В Бомоне они встретили главные силы Мак-Магона, двигавшиеся, очевидно, по направлению Мезьер — Стенэ; они атаковали их, причем часть войск, вероятно баварцы, атаковала и охватила правый фланг, отеснив французов от прямого пути отступления к Маасу у Музона, где трудности и промедление во время перехода через мост послужили причиной их огромных потерь пленными, артиллерией и провиантом. Пока все это происходило, авангард 12-го германского корпуса, посланный, повидимому, в другом направлении, встретил 5-й французский корпус (Вимпфена), направлявшийся, по всей вероятности, во фланг немцам по дороге Ле Шен Попюле, долиной Бар и через Бюзанси. Схватка произошла в Нуаре, примерно в 7 милях южнее Бомона, и оказалась успешной для немцев, т. е. им удалось остановить фланговое движение Вимпфена во время боя при Бомоне. Третья часть сил Мак-Магона, по бельгийским сообщениям, двигалась, вероятно, по правому берегу Мааса, где она, по слухам, в предыдущую ночь расположилась лагерем у Во, между Кариньяном и Музоном, но этот корпус был также атакован немцами (вероятно гвардией), совершенно разбит и потерял, как утверждают, 4 митральезы.

Эти три боя, вместе взятые (если считать бельгийские сведения в основном верными), означают полное поражение Мак-Магона, которое мы неоднократно предсказывали. Четыре гер-

манских корпуса, противостоящих ему, в настоящее время насчитывают около 100 000 человек, но сомнительно, чтобы они все участвовали в бою. Войска Мак-Магона, как мы уже сказали, имели приблизительно такое же количество хороших солдат. Сопrotивление их было совершенно не похоже на сопротивление старой Рейнской армии; это видно из замечания в официальной немецкой телеграмме, что «наши потери незначительны», а также из количества захваченных пленных. Однако еще слишком рано пытаться критиковать тактические распоряжения Мак-Магона как в период подготовки, так и во время этого боя, ввиду того что нам о них почти ничего неизвестно, но его стратегия заслуживает самого строгого осуждения. Он отказался от всех представлявшихся ему возможностей спасения. Его расположение между Ретелем и Мезьером давало ему возможность вести бой таким образом, чтобы обеспечить отход в Лан и Суассон и таким путем снова достигнуть Парижа или Западной Франции. Вместо этого он сражался так, как будто единственным путем отхода для него был Мезьер и как будто Бельгия принадлежала ему. Говорят, что он находится в Седане; победители-немцы тем временем займут всю линию левого берега Мааса не только перед этой крепостью, но также у Мезьера, откуда их левый фланг в один из ближайших дней протянется до бельгийской границы у Рокруа, а тогда Мак-Магон будет заперт на той узкой полосе территории, на которую мы указывали шесть дней тому назад.

Раз он оказался там, ему остается весьма небольшой выбор. Его окружают четыре крепости — Седан, Мезьер, Рокруа и Шарлемон; но на 12 квадратных милях территории, имея против себя подавляющие силы, а в тылу нейтральную страну, он не может воспользоваться этим четырехугольником, его заставят сдаться голодом или выйдут оттуда, и он будет вынужден сдаться или пруссакам или бельгийцам. Но для Мак-Магона открыт еще один путь. Мы только что сказали, что он действовал так, будто Бельгия принадлежала ему. А что если он в самом деле так думал? Что если вся тайна, лежащая в основе этой необъяснимой стратегии, состояла в твердом решении воспользоваться бельгийской территорией, как если бы она принадлежала Франции? Из Шарлемона имеется прямая дорога по бельгийской территории через Филиппвиль к французской границе у Мобежа. Эта дорога составляет лишь половину расстояния от Мезьера до Мобежа по французской территории. Что если Мак-Магон намеревался в крайнем случае воспользоваться этой дорогой для отступления? Он может рассчитывать, что бельгийцы не в состоянии будут оказать действительного сопротивления такой сильной армии, как

у него; а если немцы, что весьма вероятно, последуют за Мак-Магоном на бельгийскую территорию, в случае если бельгийцы не смогут остановить его, тогда возникнут новые политические осложнения, которые могут улучшить, но не ухудшить нынешнее положение Франции. Кроме того, если Мак-Магону удастся заманить хотя бы один германский патруль на бельгийскую территорию, то тем самым будет установлено нарушение нейтралитета, а это даст оправдание для его последующих нарушений прав Бельгии¹⁴⁸. Такие мысли могли притти в голову этому старому алжирцу: они соответствуют африканским способам ведения войны, и, пожалуй, только ими можно оправдать проводимую им стратегию. Но даже и эта возможность может быть у него отнята: если кронпринц будет действовать со свойственной ему быстротой, он сможет достигнуть Монтерме и слияния рек Семуа и Мааса раньше Мак-Магона, и тогда Мак-Магон окажется запертым между р. Семуа и Седаном на таком приблизительно пространстве, какое требуется для расположения его войск лагерем, и он будет лишен всякой возможности кратчайшим путем пересечь нейтральную территорию.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке
1 сентября 1870 г.

Впервые напечатано в «Pall Mall Gazette»,
2 сентября 1870 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения,
т. XIII, ч. II.

ФРАНЦУЗСКИЕ ПОРАЖЕНИЯ

Большая армия, поставленная в безвыходное положение, не сдастся сразу. Прежде всего понадобилось три сражения, чтобы войска Базена поняли, что они действительно заперты в Меце, а затем потребовался отчаянный 36-часовой бой в течение дня и ночи, в минувшие среду и четверг, чтобы убедить их (если все же это их убедило), что у них нет никакого выхода из ловушки, в которую их поймали пруссаки¹⁴⁹. Оказалось недостаточно и боя, происходившего во вторник, чтобы заставить Мак-Магона сдаться. Понадобилось еще одно сражение в четверг, — повидимому, самое большое и кровопролитное из всех, — и ранение самого Мак-Магона, чтобы он понял свое действительное положение. Первое донесение о бое близ Бомона и Кариньяна оказалось в основном правильным, за исключением только того, что путь отступления французских корпусов, сражавшихся при Бомоне, идущий по левому берегу Мааса на Седан, еще не был окончательно отрезан. Некоторая часть этих войск, повидимому, отошла по левому берегу к Седану — по крайней мере, в четверг на том же самом берегу снова произошел бой. Затем возникает некоторое сомнение относительно даты боя при Нуаре, который, по мнению штаба в Берлине, произошел в понедельник. Эта дата, конечно, позволяет лучше согласовать германские телеграммы, а если это так, то обходное движение, приписываемое французскому 5-му корпусу, не имело места.

Результат боя, происходившего во вторник, оказался для участвовавших в нем французских корпусов катастрофическим. Свыше 20 пушек, 11 митральез и 7000 пленных — это результаты, почти равные результатам сражения при Вёрте, но достигнутые гораздо легче и с гораздо меньшими жертвами. На обоих берегах Мааса французы были отброшены назад непосредственно к окрестностям Седана. На левом берегу после боя их расположение, повидимому, ограничивается: на западе — рекой Бар и Арденнским каналом, которые протекают по одной и той же долине и впадают в Маас у Виллер, между Седаном и Мезьером; на востоке — оврагом и ручьем, теку-

шим из Рокура и впадающим в Маас у Ремийи. Обеспечив себе, таким образом, оба фланга, главные французские силы, вероятно, заняли промежуточное плато, приготовившись встретить наступление с любой стороны. На правом берегу Мааса французы после боя, во вторник, должно быть перешли реку Шьер, впадающую в Маас у Ремийи в четырех милях от Седана. В этой местности находятся три оврага, идущие параллельно с севера на юг от бельгийской границы: первый и второй по направлению к р. Шьер, третий, самый большой из них, проходящий непосредственно перед Седаном, — к Маасу. У второго оврага, близ верховья его, расположена деревня Сернэ; у третьего, там, где его пересекает дорога, идущая на Буйон, в Бельгию, находится Живонн; и ниже, где дорога в Стенэ и Монмеди пересекает овраг, расположен Базейль. Эти три оврага во время боя, в четверг, должны были явиться последовательно оборонительными линиями для французов, которые, естественно, с наибольшим упорством удерживали последнюю и самую сильную из них. Эта часть поля сражения несколько напоминает поле сражения у Гравелота, но, в то время как там овраги могли быть, и действительно были, обойдены через плато, где они берут свое начало, здесь близость бельгийской границы делала попытку их обхода очень рискованной и почти вынуждала к прямому фронтальному наступлению.

В то время как французы укреплялись на этой позиции и стягивали к себе те войска, которые во вторник не принимали участия в бою (среди них, вероятно, был 12-й корпус, включая мобилей из Парижа), у немцев был один день для сосредоточения их армии; и когда в четверг они повели наступление, то имели в этом пункте всю Четвертую армию (гвардия, 4-й и 12-й корпуса) и три корпуса (5-й, 11-й и один баварский) Третьей армии — силы морально, если не численно, превосходившие силы Мак-Магона. Сражение началось в половине восьмого утра, и в четверть пятого, когда прусский король послал телеграмму, оно еще продолжалось, причем немцы успешно наступали со всех сторон. По бельгийским сообщениям, деревни Базейль, Ремийи, Виллер и Сернэ были в огне, а часовня Живонн была в руках немцев. Это указывает, что обе деревни на левом берегу Мааса, на которые в случае отступления опирались бы оба фланга французов, либо были взяты, либо сделаны непригодными для обороны; тем временем первая и вторая линии обороны на правом берегу были захвачены немцами, а третью, между Базейль и Живонн, французы с минуты на минуту готовы были оставить. Не может быть сомнения в том, что при такой обстановке немцы с наступлением ночи окажутся победителями, а французы бу-

дут отброшены назад к Седану. Это, действительно, подтверждается телеграммами из Бельгии, сообщающими, что Мак-Магон был совершенно окружен и что тысячи французских войск переходят границу и разоружаются.

При таких обстоятельствах Мак-Магону оставалось лишь одно из двух: либо капитуляция, либо прорыв через бельгийскую территорию. Разбитая армия, запертая в Седане и вокруг него, т. е. на участке в лучшем случае не большем, чем требуется для расположения лагерем, не может удержаться; и даже если бы она была в состоянии поддерживать сообщение с Мезьером, который находится приблизительно в 10 милях к западу, то она все же была бы окружена на очень ограниченной полосе территории и не способна устоять. Таким образом, Мак-Магон, не будучи в состоянии пробиться через расположение противника, должен либо перейти на бельгийскую территорию, либо сдаться. Случилось так, что Мак-Магон, обессиленный от раи, был избавлен от мучительного решения. Объявить о сдаче французской армии выпало на долю генерала де Вимпфена. Если допустить, что армия Мак-Магона могла получить сведения о решительном отпоре, оказанном Базену при его попытках вырваться из Меца, то эти сведения не могли не ускорить капитуляцию под Седаном. Немцы предвидели намерение Базена и были готовы дать ему отпор во всех пунктах. Не только Штейнмец, но и принц Фридрих-Карл (это видно из упоминания о 1-м и 9-м корпусах) были настороже, а надежная сеть окопов еще более усилила барьер, окружающий Мец.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке
2 сентября 1870 г.

Впервые напечатано в «Pall Mall Gazette»,
3 сентября 1870 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения,
т. XIII, ч. II.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ— XVI

Капитуляция Седана ¹⁵⁰ решает судьбу последней действующей французской армии. Она решает в то же время судьбу Меца и армии Базена; об освобождении этой армии теперь не может быть и речи; ей также придется капитулировать, быть может, на этой неделе, во всяком случае не позже следующей недели.

Остается еще огромный укрепленный лагерь — Париж, последняя надежда Франции. Укрепления Парижа представляют из себя самый большой комплекс фортификационных сооружений, когда-либо построенных, но они еще ни разу не подвергались испытанию, и поэтому мнения об их значении не только расходятся, но даже совершенно противоречивы. Рассмотрим действительные факты, относящиеся к этому вопросу, и тогда мы будем иметь прочную основу для наших выводов.

Монталамбер, французский кавалерийский офицер и в то же время выдающийся военный инженер, а быть может, не имеющий себе равного гений, первый предложил и разработал во второй половине XVIII столетия план окружения крепостей отдельными фортами на таких расстояниях, чтобы форты могли защитить крепость от бомбардировки. До него внешние укрепления — цитадели, люнеты и т. д. — были в большей или меньшей степени связаны с крепостной оградой или валом данной крепости, находясь от них едва ли дальше, чем подошва гласиса. Он предложил создать большие и достаточно сильные форты, способные самостоятельно выдерживать отдельную осаду и отстоящие от крепостных валов города на расстоянии от шестисот до тысячи двухсот ярдов и даже более. Во Франции к этой новой теории в течение многих лет относились с презрением, между тем как в Германии, где после 1815 г. нужно было укрепить линию Рейна, она нашла ревностных последователей. Кёльн, Кобленц, Майнц и позже Ульм, Раштадт и Гермерсгейм были окружены отдельными фортами. При этом в планы Монталамбера были внесены небольшие изменения Астером и другими, и, таким образом, возникла новая система фортификации, известная под

названием немецкой школы. Постепенно и французы стали замечать пользу отдельных фортов, и во время работ по укреплению Парижа сразу стало ясно, что бесполезно окружать город огромным поясом крепостных валов, если не прикрыть его отдельными фортами, иначе брешь, проделанная в одном месте крепостного вала, повлекла бы за собой падение всей крепости.

Современные способы ведения войны показали на многих примерах ценность подобных укрепленных лагерей, окруженных поясом отдельных фортов, с главной крепостью в качестве их ядра. Мантуя по своему положению была укрепленным лагерем, таким же лагерем в 1807 г. в большей или меньшей степени был Данциг, и это были единственные крепости, которые задержали Наполеона I. В 1813 г. Данциг снова был в состоянии оказать продолжительное сопротивление благодаря своим отдельным фортам, которые преимущественно состояли из полевых укреплений. Вся кампания Радецкого в 1849 г. в Ломбардии зависела от укрепленного лагеря Вероны, который сам был ядром знаменитого четырехугольника крепостей. Точно так же ход всей Крымской войны зависел от судьбы укрепленного лагеря Севастополя, который держался так долго только потому, что союзники были не в состоянии обложить его со всех сторон и лишить осажденных возможности получать припасы и подкрепления.

На примере Севастополя мы лучше всего можем иллюстрировать нашу мысль, так как размеры его укрепленной площади были больше, чем во всех предыдущих случаях. Но укрепленная площадь Парижа еще гораздо больше, чем Севастополя. Линия его фортов имеет протяжение около 24 миль. Возрастает ли пропорционально сила крепости?

Укрепления сами по себе являются образцовыми. Они чрезвычайно просты: крепостная ограда, составленная из бастионов, даже без единого рavelина перед куртинами; форты по большей части четырехугольные или пятиугольные с бастионами, без каких бы то ни было ravelинов или других внешних укреплений; местами устроены горнверки или кронверки для прикрытия внешних возвышенных участков. Эти укрепления приспособлены не столько для пассивной, сколько для активной обороны. Предполагается, что парижский гарнизон выйдет в поле, использует форты в качестве опорных пунктов для своих флангов и постоянными вылазками в большом масштабе сделает невозможной правильную осаду любой группы из двух или трех фортов. Таким образом, форты защищают гарнизон города от чрезмерно близкого подхода неприятеля, гарнизон же должен защищать форты от осадных батарей; он должен постоянно разрушать работу осаждающих. Добавим, что расстояние фортов от крепостных валов исключает воз-

возможность успешной бомбардировки города, пока не будут взяты, по крайней мере, два-три форта. Еще нужно добавить, что расположение города при слиянии Сены и Марны, вследствие чрезвычайной извилистости русла обеих рек и значительной цепи холмов на наиболее опасной северо-восточной стороне, представляет большие естественные преимущества, которые были наилучшим образом использованы при планировании крепостных сооружений.

Если указанные условия могут быть выполнены и двухмиллионное население будет регулярно получать продовольствие, то Париж, несомненно, явится исключительно сильной крепостью. Обеспечить жителей продовольствием — не особенно трудное дело, если взяться за него во-время и проводить его систематически. Весьма сомнительно, было ли это сделано в данном случае. То, что сделано прежним правительством, имеет характер судорожной и даже бессмысленной работы. Накопление запасов живого скота без фуража для него было явной нелепостью. Можно предполагать, что если немцы будут действовать со своей обычной решительностью, то они найдут Париж недостаточно обеспеченным продовольствием для продолжительной осады.

Но что можно сказать о главном условии — об активной обороне, при которой гарнизон выходит из крепости для нападения на неприятеля, вместо того чтобы поражать противника из-за крепостных валов? Чтобы полностью использовать силу своих укреплений и не дать неприятелю возможности воспользоваться слабой стороной крепости — отсутствием прикрывающих внешних укреплений у главных рвов, — Париж должен иметь среди своих защитников регулярную армию. Такова и была основная идея тех, кто разработал план этих укреплений. Они полагали, что разбитая французская армия, раз только ее неспособность удерживаться на поле сражения была установлена, должна отступать к Парижу и участвовать в обороне столицы либо непосредственно в качестве гарнизона, достаточно сильного, чтобы помешать постоянными атаками правильной осаде и даже полному обложению крепости, либо же косвенно, с тем чтобы, заняв позицию за Луарой, пополнить там свои силы и затем, как только представится удобный случай, произвести нападение на слабые пункты осаждающей стороны, которые неизбежно окажутся при такой растянутой линии обложения.

Однако все поведение французского командования в этой войне способствовало тому, чтобы лишить Париж этого единственно существенного условия его обороны. Из всей французской армии сохранились лишь войска, оставшиеся в Париже, и корпус генерала Винуа (12-й, первоначально Трошю),

всего быть может 50 000 человек войска, состоящего главным образом, если не полностью, из четвертых батальонов и мобильной гвардии. К ним можно добавить, пожалуй, еще 20 000 — 30 000 человек четвертых батальонов и неопределенное количество мобилей из провинций, необученных новобранцев, совершенно непригодных для полевых операций. У Седана мы видели, как ничтожна боевая ценность подобных войск. Несомненно, что они будут более надежными при наличии фортов, к которым они могли бы отойти, а несколько недель обучения, дисциплины и боев, конечно, повысили бы их боеспособность. Но активная защита такой большой крепости, как Париж, требует маневрирования большими силами в открытом поле, правильных боев на известном расстоянии впереди прикрывающих фортов и попыток прорваться через линию обложения или воспрепятствовать ее замыканию. Однако, для того чтобы атаковать более сильного противника, — а для этого требуются быстрота и натиск, и войска должны быть превосходно вымуштрованы для этой цели, — нынешний гарнизон Парижа вряд ли окажется пригодным.

Мы предполагаем, что соединенные Третья и Четвертая германские армии численностью в 180 000 человек появятся у Парижа в течение следующей недели, окружат его летучими отрядами конницы, разрушат железнодорожные пути, а тем самым и все шансы на планомерно развернутое снабжение и подготовят полное обложение, которое будет установлено с прибытием Первой и Второй армий после падения Меца. При этом у немцев останется достаточное количество войск для отправки за Луару, чтобы очистить эту область и помешать всякой попытке создания новой французской армии. Если Париж не сдастся, тогда начнется правильная осада, которая при отсутствии активной обороны может закончиться сравнительно быстро. Таков был бы нормальный ход вещей, если принять во внимание только военные соображения; но положение достигло теперь такого развития, что оно может быть совершенно изменено политическими событиями, предсказывать которые здесь не входит в нашу задачу.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке
6 сентября 1870 г.
Впервые напечатано в «Pall Mall Gazette»,
7 сентября 1870 г.
К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения,
т. XIII, ч. II.

РАСЦВЕТ И УПАДОК АРМИЙ

Когда Луи-Наполеон, опираясь на голоса крестьян и на штыки их сыновей, солдат армий, основал империю, «которая означала мир», эта армия не занимала особо выдающегося положения в Европе, разве только по традиции. С 1815 г. наступил мир — мир, нарушенный для некоторых армий событиями 1848 и 1849 гг. Австрийцы провели удачную кампанию в Италии и неудачную кампанию в Венгрии; ни Россия в Венгрии, ни Пруссия в Южной Германии не стяжали лавров, достойных упоминания; Россия вела непрерывную войну на Кавказе, а Франция в Алжире. Но с 1815 г. не было случая, чтобы крупные армии встречались друг с другом на поле сражения. Луи-Филипп оставил после себя французскую армию далеко не в блестящем состоянии; правда, к алжирским войскам, особенно к излюбленным им частям, созданным в известной мере для африканских войн, — пешие стрелки, зуавы, тюркосы, африканские конные стрелки — относились с большим вниманием, но главная масса пехоты, кавалерия и материальная часть во Франции были в полном пренебрежении. Состояние армии не улучшилось в период республики. Но появилась империя, которая означала мир и — «*si vis pacem, para bellum*» (если хочешь мира, готовься к войне) — армия для нее сразу стала предметом особого внимания. В то время Франция обладала значительным количеством сравнительно молодых офицеров, занимавших высокие посты в Африке, когда там еще происходили серьезные бои. Французские алжирские специальные войска, несомненно, не имели равных себе в Европе. У Франции среди множества наемных заместителей призывников было гораздо больше, чем у какой-либо другой континентальной державы, профессиональных солдат-служак, настоящих, побывавших в боях ветеранов. Надо было только поднять, насколько возможно, основную массу войск до уровня специальных частей. Это и было в значительной степени достигнуто. «Гимнастический шаг» («беглый» шаг у англичан), до того времени применявшийся только в этих

специальных частях, сделан был обязательным для всей пехоты, и, таким образом, была достигнута быстрота маневрирования, до того времени неизвестная в армиях. Кавалерия была снабжена, по мере возможности, лучшими лошадьми; материальная часть всей армии была проверена и пополнена. И, наконец, началась Крымская война. Организация французской армии обнаружила большие преимущества по сравнению с английской; благодаря численному соотношению союзных армий большая часть славы — какова бы она ни была, — естественно, выпала на долю французов; самый характер войны, в которой центральное место занимала осада крупной крепости, показал в наилучшем свете свойственный французам математический талант, примененный их военными инженерами. В итоге Крымская война снова подняла французскую армию до уровня первой армии в Европе.

Затем наступило время винтовки и нарезной пушки. Несравненное превосходство огня нарезного ружья над огнем гладкоствольного ружья привело к упразднению последнего, а в некоторых случаях к общей переделке его в нарезное. Пруссия заменила свои старые ружья винтовками меньше чем в год; Англия постепенно вооружила всю пехоту винтовками Энфильда, а Австрия превосходными мелкокалиберными винтовками (Лоренца). Одна лишь Франция сохранила старые гладкоствольные ружья, а винтовки попрежнему предназначались только для специальных частей. В то время как основная масса ее артиллерии сохраняла короткоствольные 12-фунтовые орудия, — это любимое изобретение императора, уступавшее, однако, в мощности старой артиллерии ввиду меньшего веса заряда, — было сформировано некоторое число батарей из 4-фунтовых нарезных пушек, которые держали в готовности на случай войны. Их конструкция была несовершенна, так как, с тех пор как в XV веке стали делать огнестрельное оружие, это были первые нарезные орудия; но их действие значительно превосходило действие любой из существовавших тогда гладкоствольных полевых пушек.

Таково было положение, когда вспыхнула итальянская война. Австрийская армия привыкла действовать спустя рукава; крепкий нажим редко ей удавался; в сущности это была многочисленная армия и больше ничего. В числе ее командиров имелись несколько из наилучших и очень много из самых худших генералов того времени. Большая часть последних была выдвинута на высокие командные посты благодаря придворным влияниям. Промахи австрийских генералов, более сильное честолюбие французского солдата дали французской армии довольно нелегко доставшуюся победу. Маджента не дала никаких трофеев; Сольферино дало лишь немного;

а в силу политических событий занавес опустился, прежде чем выступила на сцену настоящая трудность войны — борьба за четырехугольник крепостей.

После этой кампании французская армия считалась образцовой в Европе. Если после Крымской войны «beau idéal» [«идеалом»] пехотинца стали французские пешие стрелки, то теперь это восхищение было распространено на всю французскую армию в целом. Ее учреждения изучались; ее лагеря стали инструкторскими школами для офицеров всех наций. Почти вся Европа непоколебимо уверовала в непобедимость французской армии. Тем временем Франция переделала в нарезные все свои старые гладкоствольные ружья и вооружила всю свою артиллерию нарезными пушками.

Однако та же кампания, которая выдвинула французскую армию на первое место в Европе, дала толчок стремлениям, в результате которых у нее появился сначала соперник, а затем и победитель. С 1815 по 1850 г. прусская армия пережила такой же процесс ослабления от бездействия, как и все остальные европейские войска; но эта «ржавчина» мирного времени в Пруссии повредила ее боевой механизм больше, чем где бы то ни было. По прусской системе того времени в каждой бригаде был объединен один линейный полк и один полк ландвера; таким образом, в случае мобилизации половину полевых войск приходилось формировать заново. Материальная часть линейных войск и ландвера сделалась крайне недостаточной; среди ответственных лиц наблюдались частые случаи мелких хищений. В общем, когда в 1851 г. конфликт с Австрией принудил Пруссию произвести мобилизацию, вся система провалилась самым жалким образом, и Пруссии пришлось пройти сквозь «Кавдинские ущелья»¹⁵¹. Ценой больших расходов вся материальная часть была немедленно заменена, вся организация армии была пересмотрена, но это коснулось только одних деталей. Когда в 1859 г. итальянская война вызвала новую мобилизацию, материальная часть была уже в лучшем состоянии, хотя и тогда еще не в полном комплекте; а ландвер, настроение которого было превосходным на случай национальной войны, оказался совершенно недисциплинированным для военной демонстрации, которая могла привести к войне с той или иной из воюющих стран. Было решено произвести реорганизацию армии.

Эта реорганизация, которая была проведена за спиной парламента, сохраняла все тридцать два пехотных полка ландвера под ружьем, пополняя постепенно их ряды увеличенным набором рекрутов, и, наконец, переформировала их в линейные полки, число которых возросло с 40 до 72. Артиллерия была соответственно увеличена, кавалерия тоже, но в гораздо

меньшей степени. Это увеличение армии было приблизительно пропорционально приросту населения Пруссии с 1815 по 1860 г., которое возросло с $10\frac{1}{2}$ до $18\frac{1}{2}$ миллионов человек. Несмотря на оппозицию второй палаты, эта реорганизация фактически осталась в силе. Помимо этого армия сделалась более боеспособной во всех отношениях. Это была первая армия, в которой вся пехота была вооружена винтовками. Заменяющаяся с казны игольчатая винтовка, которой до тех пор была вооружена только небольшая часть пехоты, была теперь введена во всех ее частях, причем был заготовлен запас этих винтовок. Опыты с нарезными орудиями, которые велись в течение нескольких лет, были закончены, и принятые образцы постепенно заменили гладкоствольные пушки. Чрезмерная плацпарадная муштра, унаследованная от чопорного старого Фридриха-Вильгельма III, все больше и больше уступала место лучшей системе подготовки, при которой, главным образом, практиковались служба сторожевого охранения и действия в стрелковых цепях, причем образцами в обоих случаях служили, в первую очередь, французские алжирские войска. Для отдельно действующих батальонов ротная колонна была принята как главное боевое построение. Большое внимание было уделено стрельбе по мишеням, и были достигнуты превосходные результаты. Кавалерия также была значительно улучшена. В течение многих лет серьезное внимание было обращено на коневодство, особенно в Восточной Пруссии — в стране крупных конных заводов — было ввезено много чистокровных арабских производителей, и результаты оказались превосходными. Лошадь Восточной Пруссии, уступающая по росту и быстроте английской кавалерийской лошади, значительно превосходит ее как военная лошадь и в пять раз более вынослива в походной обстановке. Специальное обучение офицеров, которое в течение долгого времени находилось в большом пренебрежении, было снова поднято до требуемого высокого уровня, и в целом вся прусская армия совершенно изменилась. Датской войны было достаточно, чтобы показать всем, кто был в состоянии понять, что дело обстояло именно так; но люди не хотели понимать этого. Тогда раздался громовой удар 1866 г., и не понимать это стало уже больше невозможно. Вслед за этим прусская система была принята северо-германской армией и в основных чертах также армиями Южной Германии; результаты показали, как легко было ввести эту новую систему. Затем наступил 1870 год.

Но в 1870 г. французская армия была уже не та, что в 1859 г. Хищения, спекуляция, всеобщие злоупотребления общественным положением ради личных интересов — все то,

что составляло основу системы Второй империи, охватило и армию. Если Осман и его шайка нажили миллионы на огромной парижской афере, если весь департамент общественных работ, если каждый договор, заключаемый правительством, каждая гражданская должность открыто и бесстыдно превращались в средство ограбления народа, как могла армия одна оставаться добродетельной, армия, которой Луи-Наполеон был обязан всем, армия, управляемая людьми, которые точно так же любили богатство, как и более удачливые штатские придворные прихлебатели? А когда стало известно, что правительство, получая откупные деньги от граждан, подлежащих призыву на военную службу, не тратит их на наем заместителей, — факт безусловно известный каждому строевому офицеру; когда начались расхищения всякого рода казенных средств с целью составить фонды, секретно выплачиваемые военным министерством императору; когда в силу этого высшие должности в армии должны были оставаться за теми, кто был посвящен в эту тайну и кого поэтому нельзя было смещать, что бы они ни делали и как бы они ни пренебрегали своими обязанностями, — тогда деморализация распространилась и на строевых офицеров. Мы далеки от утверждения, что хищения общественного достояния были обычным явлением среди них; но презрение к своим начальникам, манкирование службой и упадок дисциплины были неизбежными последствиями. Если бы начальники внушали уважение, разве офицеры осмеливались бы, как это обычно делалось, ездить во время похода в каретах? Вся система прогнила насквозь; атмосфера коррупции, в которой жила Вторая империя, захватила, наконец, и главную опору этой империи — армию; и в час испытания эта армия не могла противопоставить противнику ничего кроме славных традиций и врожденной храбрости солдат, а этого одного недостаточно для того, чтобы армия продолжала оставаться первоклассной.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке
9 сентября 1870 г.

Впервые напечатано в «Pall Mall Gazette»,
10 сентября 1870 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения,
т. XIII, ч. II.

КАК РАЗБИТЬ ПРУССАКОВ

После итальянской войны 1859 г., когда военная мощь Франции достигла своего зенита, принц Фридрих-Карл Прусский, тот самый, который теперь осаждает армию Базена в Меце, написал брошюру «Как разбить французов». В настоящее время, когда огромные военные силы Германии, организованные по прусской системе, сметают все на своем пути, люди начинают задавать себе вопрос: кто же в будущем и каким образом разобьет пруссаков. И когда война, в начале которой Германия только оборонялась против французского шовинизма, как видно, превращается постепенно, но верно, в войну в интересах нового германского шовинизма, этим вопросом стоит заняться.

«Провидение всегда на стороне больших батальонов», — таков был излюбленный способ Наполеона I объяснять, как выигрываются и проигрываются сражения. И Пруссия действовала по этому принципу. Она позаботилась обзавестись «большими батальонами». Когда в 1807 г. Наполеон запретил ей содержать армию численностью свыше 40 000 человек, она стала распускать своих рекрутов после шестимесячного обучения и на их место призывать новых людей; и в 1813 г. она оказалась в состоянии выставить на фронт армию в 250 000 солдат при населении в четыре с половиной миллиона. Впоследствии тот же самый принцип краткосрочной действительной службы и длительного пребывания в запасе был более полно разработан и, кроме того, приведен в соответствие с потребностями абсолютной монархии. Людей оставляли на действительной военной службе от двух до трех лет не только для того, чтобы хорошо обучить их военному делу, но также для того, чтобы вымуштровать их и приучить к безусловному повиновению¹⁵².

В этом-то и заключается слабое место прусской системы. Она должна примирить две различные и, в конце концов, совершенно несовместимые задачи. С одной стороны, она претендует на то, чтобы каждого физически здорового мужчину

сделать солдатом; иметь постоянную армию, единственная цель которой — быть школой, где граждане учатся владеть оружием, и одновременно быть тем ядром, вокруг которого они сплачиваются в случае нападения извне. С этой стороны, эта система чисто оборонительная. Но, с другой стороны, эта самая армия должна быть вооруженной поддержкой, главной опорой квази-абсолютистского правительства; для этой цели школа военного обучения граждан должна быть превращена в школу абсолютного повиновения начальству, в школу монархических чувств. Этого можно достигнуть только продолжительным сроком службы. Вот тут и становится очевидной несовместимость этих двух задач. Оборонительная внешняя политика требует обучения большого количества людей в короткий срок, чтобы располагать многочисленным резервом на случай нападения извне; внутренняя же политика требует подготовки ограниченного числа людей в течение более продолжительного времени, чтобы иметь надежную армию в случае внутреннего восстания. Квази-абсолютная монархия избрала средний путь. Она оставляла людей целых три года на действительной службе и ограничивала число призываемых сообразно своим финансовым средствам. Хваленая всеобщая воинская обязанность на деле не существует. Она превращена в рекрутский набор, отличающийся от набора в других странах лишь большей строгостью. Этот набор стоит больше денег, требует больше людей, оставляет их в запасе армии на значительно больший период, чем где бы то ни было. В то же самое время то, что первоначально представляло собою народ, вооруженный для собственной обороны, теперь превратилось в послушную армию, готовую для нападения, в орудие олигархической политики правительства.

В 1861 г. население Пруссии несколько превышало 18 миллионов человек, и ежегодно 227 000 молодых людей по достижении ими двадцатилетнего возраста подлежали призыву на военную службу. Добрая половина из них была физически годна для службы, если не сразу, то, по крайней мере, спустя один-два года. Но вместо 114 000 рекрутов в ряды армии ежегодно принималось не больше 63 000; таким образом, почти половина физически пригодного мужского населения освобождалась от военной подготовки. Всякий, побывавший в Пруссии во время войны, должен был быть поражен огромным количеством крепких, сильных парней в возрасте от 20 до 32 лет, которые преспокойно оставались дома. То состояние «временного отсутствия признаков жизни», которое специальные корреспонденты заметили в Пруссии во время войны, существует только в их собственном воображении.

С 1866 г. число ежегодно призываемых в Северо-германском союзе не превышало 93 000 человек при населении в 30 000 000. Если бы произвести полный отбор всех физически здоровых молодых мужчин, то, даже после самого строгого медицинского осмотра, было бы отобрано по меньшей мере 170 000. С одной стороны, интересы характера династического, с другой — интересы характера финансового обусловили это ограничение числа призываемых. Армия оставалась послушным орудием для целей абсолютизма внутри страны и для войн за границей в интересах правящей олигархии; но далеко не все силы нации, которые можно было использовать для обороны, были организованы.

Эта система все же содержит в себе огромное преимущество перед устарелой кадровой системой других больших континентальных армий. По сравнению с ними Пруссия призывала вдвое больше солдат при таком же количестве населения. И она сумела подготовить из них хороших солдат своей системой, которая истощала ее ресурсы и с которой народ никогда не примирился бы, если бы не вечная угроза рейнской границе со стороны Луи-Наполеона и не стремление к объединению Германии, для чего, как это инстинктивно чувствовалось, эта армия была необходимым орудием. Но как только Рейн и объединение Германии будут обеспечены, эта военная система должна стать невыносимой.

Здесь мы находим ответ на вопрос, «Как разбить пруссаков». Если бы нация с таким же количеством населения, столь же опособная, храбрая и цивилизованная, провела на деле то, что в Пруссии сделано только на бумаге, превратила бы каждого физически здорового гражданина в солдата; если бы эта нация ограничила срок действительной службы в мирное время тем, что действительно необходимо для обучения; если бы она сохранила штатную организацию военного времени тем же путем, как это в последнее время сделала Пруссия, — тогда, говорим мы, эта нация приобрела бы такое же огромное преимущество над опруссаченной Германией, какое опруссаченная Германия имела над Францией в этой войне. По мнению первоклассных прусских авторитетов (включая и генерала фон Роона, военного министра) двухгодичного срока службы вполне достаточно для превращения деревенского парня в хорошего солдата. С разрешения педантичных офицеров его величества мы склонны даже сказать, что для подготовки массы призываемых достаточно было бы восемнадцати месяцев, т. е. двух летних и одного зимнего периода. Но фактическая продолжительность службы — вопрос второстепенный. Пруссак, как мы видели, достигал великолепных результатов после шестимесячной службы, притом

с людьми, которые только что перестали быть крепостными. Главное состоит в том, чтобы действительно провести в жизнь принцип всеобщей воинской обязанности.

И если война будет продолжаться до ее печального конца, за который ратуют теперь немецкие филистеры, т. е. до расчленения Франции, то мы можем быть уверены, что французы примут этот принцип. До сих пор они были воинственной, но не военной нацией. Они ненавидели службу в своей армии, основанной на кадровой системе с продолжительным пребыванием в войсковых частях и небольшим количеством обученных резервов. Они очень охотно будут служить в армии с коротким сроком действительной службы и долгосрочным пребыванием в резерве, они сделают даже больше, если это даст им возможность смыть позор и восстановить целостность Франции. И тогда «большие батальоны» будут на стороне Франции, а производимое ими действие будет таким же, как и в нынешней войне, если только Германия не примет той же системы. Но тут будет разница вот в чем: подобно тому как прусская система ландвера была прогрессивной по сравнению с французской кадровой системой, так как она сократила срок службы и увеличила количество людей, способных защищать свою страну, так точно и эта новая система действительно всеобщей воинской обязанности будет шагом вперед по сравнению с прусской системой. Во время войны вооруженные силы колоссально увеличатся, но армии мирного времени станут меньше; каждый гражданин страны будет лично, а не через заместителя, участвовать в бою при разрешении конфликтов своих правителей; оборона станет сильнее, а наступление делается более трудным делом, и самое увеличение армии в конечном счете приведет к сокращению расходов и превратится в гарантию мира ¹⁶⁸.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке
16 сентября 1870 г.

Впервые напечатано в «Pall Mall Gazette»,
17 сентября 1870 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения.
т. XIII, ч. II.

САРАГОССА — ПАРИЖ

Для правильного представления о такой огромной операции, как осада и оборона Парижа, следует заглянуть в военную историю, чтобы найти там какую-нибудь из прежних осад крупного масштаба, которая послужила бы, хотя бы до некоторой степени, примером того, чему, возможно, мы будем свидетелями. Таким примером мог бы послужить Севастополь, если бы оборона Парижа происходила в нормальных условиях, т. е. если бы налицо была полевая армия, могущая прийти на помощь Парижу или усилить его гарнизон, как это было в Севастополе. Но Париж обороняется при совершенно ненормальных условиях: у него нет ни гарнизона, способного вести активную оборону и бой вне укреплений, ни серьезной надежды на помощь извне. Таким образом, самая большая осада в истории — осада Севастополя, уступающая по своим размерам только той, начало которой мы скоро увидим, — не дает правильного представления о том, что будет происходить у Парижа; и только в более поздних стадиях осады и преимущественно путем сопоставления можно будет прибегнуть к сравнению с ходом Крымской войны.

Осады времен американской войны также не дают подходящих примеров. Они происходили в такой период борьбы, когда не только Южная армия, но вслед за ней и войска Севера уже утратили характерные черты необученного ополчения и приобрели характер регулярных войск. При всех этих осадах велась чрезвычайно активная оборона. У Висксбурга, как и у Ричмонда, предварительно происходили длительные бои за обладание территорией, на которой только и можно было расположить осадные батареи, и всегда, за исключением последней осады Грантом Ричмонда, делались попытки оказать помощь осажденным¹⁸⁴. Но здесь, в Париже, мы имеем гарнизон из только что набранных рекрутов, слабо поддержанный разбросанными вне города такими же рекрутами, против которых действует регулярная армия, применяющая все средства современной войны. Чтобы найти подходящий пример,

мы должны вернуться к той последней войне, в которой вооруженный народ должен был сражаться против регулярной армии и действительно сражался в большом масштабе, т. е. к войне на Пиренейском полуострове. Здесь мы находим замечательный пример, который, как увидим, подходит во многих отношениях, это — Сарагосса¹⁵⁵.

Сарагосса имела лишь одну треть диаметра и одну девятую поверхности Парижа, но ее укрепления, хотя и возведенные наспех и без отдельных фортов, были по своей общей оборонительной силе похожи на укрепления Парижа. Город был занят гарнизоном в 25 000 испанских солдат, нашедших здесь убежище после поражения у Тудела, среди них было не больше 10 000 солдат линейных частей, остальные новобранцы; кроме того, там находились вооруженные крестьяне и местные жители, увеличившие гарнизон до 40 000 человек. В городе имелось 160 орудий. Вне города, в соседних провинциях, было собрано до 30 000 человек для оказания ему помощи. С другой стороны, французский маршал Сюше имел не более 26 000 человек для окружения крепости по обеим сторонам реки Эбро и кроме того 9000 человек, прикрывавших осаду в Калатауде. Таким образом, численное соотношение сил было почти таким же, как и соотношение армий, находящихся теперь в Париже и под Парижем: осажденных почти вдвое больше, чем осаждающих. Однако сарагоссцы, так же как и теперь парижане, не в состоянии были выйти и встретить осаждающих в открытом поле. Испанцы, находившиеся вне осажденного города, также ни разу не смогли серьезно помешать осаде.

Обложение города было закончено 19 октября 1808 г., первая параллель могла быть заложена уже 29-го на расстоянии всего 350 ярдов от главного крепостного вала. 2 января 1809 г. была открыта вторая параллель на расстоянии 100 ярдов от укрепления; 11-го были уже пробиты бреши, и весь атакованный фронт был взят штурмом. Но в данном случае там, где сопротивление обыкновенной крепости с гарнизоном, состоящим из регулярных войск, было бы прекращено, — сопротивление народной обороны только начиналось. Та часть крепостного вала, которую штурмовали французы, была отрезана от остального города вновь возведенными оборонительными укреплениями. Земляные укрепления под прикрытием артиллерии были воздвигнуты поперек всех улиц, ведущих к валу, а также и на определенном расстоянии в тылу. Дома, построенные в массивном стиле зданий жаркой полосы южной Европы, с чрезвычайно толстыми стенами, в которых были проделаны бойницы, служили укреплениями для пехоты. Французы вели непрерывный обстрел, но так как у них было

мало тяжелых мортир, то их действия против города не имели решающих последствий. Однако бомбардировка продолжалась беспрерывно в течение сорока одного дня. Чтобы принудить город к сдаче, чтобы занять один дом за другим, французам пришлось прибегнуть к самому медленному способу, а именно к закладке мин. Наконец, после того как третья часть городских зданий была разрушена, а остальные стали непригодными для жилья, Сарагосса 20 февраля сдалась. Из 100 000 человек, находившихся в городе в начале осады, погибло 54 000.

Эта оборона является в своем роде классической и вполне заслуживает известности, которую она приобрела. Но все же город сопротивлялся в общей сложности только 63 дня. Обложение потребовало 10 дней, осада крепости — 14 дней, осада внутренних укреплений и борьба за овладение домами — 39 дней. Число жертв ни в какой мере не соответствует продолжительности обороны и достигнутым положительным результатам. Если бы Сарагосса оборонялась 20 000 хороших предприимчивых, все время производящих вылазки солдат, то Сюше со своими силами не мог бы продолжать осаду, и крепость могла бы оставаться в руках испанцев до окончания австрийской войны 1809 г.

Мы, конечно, не думаем, что Париж окажется второй Сарагоссой. Парижские дома, как бы прочны они ни были, нельзя сравнивать по массивности с домами испанского города; у нас нет также никаких оснований предполагать, что парижское население проявит фанатизм испанцев 1809 г. или что половина жителей терпеливо согласится погибнуть в бою или от болезней. Однако эта фаза борьбы, которая началась в Сарагоссе после штурма крепостного вала, на улицах, в домах и монастырях города, до известной степени может повториться в укрепленных деревнях и на земляных укреплениях между фортами Парижа и поясом укреплений. Как мы уже сказали вчера, в нашей XXIV статье из серии заметок о войне*, в этом лежит центр тяжести обороны. Там молодые мобили могут встретить своего наступающего противника почти в равных условиях, заставив его действовать более систематически, чем это представлял себе берлинский штаб. Ведь он еще недавно надеялся принудить город к сдаче через 12 или 14 дней после открытия огня осадных батарей. Борьба с обороняющимися потребует такого сильного огня мортир и пушек со стороны наступающих, что даже частичная бомбардировка города, по крайней мере, в крупном масштабе, может в тече-

* См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIII, ч. II, стр. 146—150. *Ред.*

ние некоторого времени оказаться невозможной. Деревни, лежащие вне пояса укреплений, в каком бы пункте между германским фронтом наступления и французским фронтом обороны они ни находились, придется во всяком случае принести в жертву. Если, пожертвовав ими, можно уберечь город, то это тем лучше для обороны.

Мы не можем даже приблизительно сказать, как долго продолжится оборона местности вне пояса укреплений. Это будет зависеть от прочности этих самых укреплений, от состояния духа защитников, а также от способа атаки. Если сопротивление станет серьезным, немцы, чтобы сберечь свои войска, будут рассчитывать, главным образом, на огонь своей артиллерии. Как бы то ни было, принимая во внимание страшную силу артиллерийского огня, который они будут в состоянии сосредоточить в любом пункте, им едва ли потребуется больше двух-трех недель, чтобы дойти до пояса укреплений. Разрушить и взять его будет делом нескольких дней. Но даже и тогда для обороняющихся не будет абсолютной необходимости отказываться от сопротивления; впрочем, лучше отложить рассмотрение этих возможностей до того времени, когда осуществление их станет более вероятным. До той поры мы позволим себе также умолчать о достоинствах и недостатках баррикад г. Рошфора. В общем мы полагаем, что если новые укрепления между фортами и крепостной оградой помогут оказать действительно серьезное сопротивление, то нападение ограничится, насколько это будет возможно (в значительной мере в зависимости от энергии обороняющихся), навесным и настильным артиллерийским огнем, а также попыткой взять Париж измором.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке
21 октября 1870 г.

Впервые напечатано в «Pall Mall Gazette»,
22 октября 1870 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения,
т. XIII, ч. II.

ПАДЕНИЕ МЁЦА

Нынешняя война — это война капитуляций, каждой из которых как будто суждено по своим размерам превзойти предшествующую. Сначала 84 000 человек сложили свое оружие в Седане, событие, равного которому или даже приближающегося к нему не отмечено ни в одной из прежних войн, даже в войнах Австрии. Теперь произошла капитуляция 170 000 человек вместе с крепостью Меца, превосходящая Седан настолько же, насколько Седан превзошел все предыдущие капитуляции. Будет ли Мец в свою очередь превзойден Парижем? Если война будет продолжаться, то в этом не приходится сомневаться.

Три коренные ошибки, которые привели Наполеона от 2 августа к 2 сентября, от Саарбрюкена к Седану, и которые фактически лишили Францию всех ее армий, заключались, во-первых, в принятии атаки неприятеля на такой позиции, которая позволила победоносным немцам вклиниться между разбросанными корпусами французской армии и, таким образом, разделить ее на две отдельные части, причем ни одна из них не могла ни соединиться с другой, ни даже согласовать с ней свои действия; во-вторых, в задержке армии Базена в Меце, вследствие чего она была безнадежно заперта в этой крепости; и в-третьих, в движении на выручку Базена с такими силами и по такому пути, что этот маневр прямо приглашал неприятеля взять в плен всю эту двигавшуюся на помощь армию. Результаты первой ошибки бросались в глаза в продолжение всей кампании; результаты третьей — окончательно сказались в Седане; результаты второй мы только что наблюдали в Меце. Вся эта «Рейнская армия», которой Наполеон сулил перспективу трудной кампании в стране, полную крепостей, находится теперь в тех же крепостях или по дороге к ним, но уже в качестве военнопленных, а Франция не только вероятно, но и действительно лишена почти всех своих регулярных войск.

Потери в людском составе и в сданной вместе с Мецем материальной части должны быть огромны и являются доста-

точно тяжелым ударом. Но это не самый тяжелый удар. Самое худшее для Франции состоит в том, что вместе с этими людьми и материальной частью она лишилась той военной организации, в которой она нуждается больше, чем в чем-либо другом. Люди имеются в избытке, даже обученных в возрасте от 25 до 35 лет должно быть не менее 300 000. Материальная часть может быть восстановлена из складов и фабрик внутри страны и закупками за границей. При подобных обстоятельствах полезно любое заряжающееся с казны оружие независимо от его образца или от пригодности боевых припасов одного образца для других образцов. Все годное было бы уместным, и при надлежащем использовании телеграфа и пароходов в распоряжении правительства могло бы оказаться больше оружия и патронов, чем можно было бы использовать. Даже полевая артиллерия могла бы быть доставлена в течение этого времени. Но более всего необходима крепкая организация, могущая из этих вооруженных людей создать армию. Эта организация олицетворяется в офицерах и унтер-офицерах регулярной армии и прекращает свое существование с их потерей. Число французских офицеров, выбывших из строя вследствие потерь в бою и капитуляций, в настоящее время не может быть менее 10 000—12 000 человек, потери же среди унтер-офицерского состава приблизительно в три раза больше. После того как такое количество организующих сил сразу выбыло из состава национальной обороны, становится чрезвычайно трудным делом превращать массы людей в роты и батальоны солдат. Кто видел народные ополчения на учении или в бою,—будь то баденские волыные отряды (Freischaaren), американские добровольцы времен гражданской войны, сражавшиеся у Буль-Рена, французские мобили или британские волонтеры,—тот сразу поймет, что главная причина беспомощности и неустойчивости этих войск лежит в том, что офицеры не знают своих обязанностей; а кто в данном случае может во Франции научить их своим обязанностям? Небольшого числа старых офицеров запаса, состоящих на половинном жалованье или признанных негодными к службе по состоянию здоровья, недостаточно для этой цели; они не могут быть вездесущими; обучение же должно быть не только теоретическим, но и практическим; оно должно быть не только на словах, но и сопровождаться действием и примером. Небольшое число молодых офицеров или только что произведенных унтер-офицеров в батальонах может очень быстро освоиться со своей работой, постоянно видя пример старых офицеров. Но что делать, если почти все офицеры молодые и если нет даже достаточного количества старых унтер-офицеров для производства в офицеры? Те самые люди, кото-

рые почти при каждом столкновении оказывались непригодными для действия в составе больших масс в открытом бою, скоро научились бы сражаться, если бы возможно было включить их в старые батальоны Базена; даже если бы у них была только возможность состоять под командованием его офицеров и унтер-офицеров. И этой окончательной потерей почти последнего следа своей военной организации для данной кампании Франция больше всего обязана капитуляции Меца.

Возможность составить себе определенное мнение о поведении обороны явится только тогда, когда мы услышим, что скажут в свое оправдание сами оборонявшиеся. Но если действительно окажется, что сдалось 170 000 человек, способных носить оружие, тогда надо сделать вывод, что оборона не была на должной высоте. Никогда, начиная с конца августа, армия осаждающих не достигала двойного численного превосходства над силами осаждаемых. Численность ее колебалась между 200 000 и 230 000 человек, растянутых по окружности протажением даже для передовых войск не менее 27 миль; это означает, что окружность, занятая главными силами, простиралась от 36 до 40 миль. Эта окружность была разделена на две части р. Мозель, которую можно перейти только по мостам, находящимся на некотором расстоянии в тылу от первой линии. Если армия в 170 000 человек ни на одном пункте этой окружности не могла сосредоточить превосходных сил и прорваться, прежде чем смогут прибыть достаточные подкрепления, то мы должны сделать вывод, что либо мероприятия осаждающих войск были выше всякой похвалы, либо не было сделано надлежащих попыток пробиться сквозь их фронт. Мы, вероятно, узнаем, что в данном случае, как и во всей этой войне, политические соображения парализовали военные действия.

Если мир теперь не будет заключен, последствия этого нового бедствия будут чувствоваться скоро во всей Франции. Мы предполагаем, что две дивизии ландвера останутся в Меце в качестве гарнизона. Второй корпус находится уже на пути к Парижу, что вовсе не значит, что его предполагают использовать для осады столицы. Но если допустить, что это произойдет, то останется 6 корпусов или, по крайней мере, 130 000—140 000 человек, которых Мольтке может направить куда угодно. Коммуникации с Германией поддерживались без особого участия войск принца Фридриха-Карла; для этой цели он или вовсе не выделит людей или выделит незначительное количество. Остальными можно располагать для вторжения на запад и юг Франции. Не будет необходимости держать их всех вместе. Они, вероятно, будут разделены на две или три части, которые вместе с корпусами фон-дер Танна составят не

меньше 150 000 человек и получают приказ продвинуться в те области Франции, которые до сих пор не были оккупированы немцами. Один корпус весьма вероятно займет богатые провинции Нормандии и Мэна (Le Maine) вплоть до Луары, имея центром Ле Ман (Le Mans), где сходятся пять железных дорог. Другой корпус двинется в направлении Бордо, очистив предварительно линию Луары от Тура до Невера, и займет или разрушит арсеналы и военные заводы Буржа. Этот корпус может направляться от Меца через Шомон и Ожсерр, где местность еще не опустошена реквизициями. Третий корпус может двинуться прямо на юг, чтобы установить прямую связь с генералом Вердером. Так как центральная Франция почти совершенно лишена крепостей, заслуживающих этого названия, то здесь нельзя встретить противодействия за исключением непродолжительного сопротивления новобранцев и более пассивного, но более упорного сопротивления населения. Предпримет ли Мольтке осаду каких-либо новых крепостей, используя сразу освободившиеся войска, или даже попытается овладеть укрепленным морским портом, например Шербургом, покажет будущее; теперь ему больше незачем брать крепости, за исключением Пфальцбурга и Бельфора, преграждающих главные железнодорожные линии, и, конечно,— Парижа.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке
28 октября 1870 г.

Впервые напечатано в «Pall Mall Gazette»,
29 октября 1870 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения,
т. XIII, ч. II.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ—XXVI

Не может быть больше никакого сомнения в том, что армия, сдавшаяся в Меце, действительно насчитывала 173 000 человек, из которых 140 000 были способны носить оружие и свыше 30 000 человек было больных и раненых. «Daily News» в телеграмме из Берлина сообщает нам, повидимому, исчерпывающие подробности относительно состава этих войск: 67 пехотных полков, 13 стрелковых батальонов, 18 четвертых и запасных батальонов, 36 кавалерийских полков, а именно: 10 кирасирских, 1 конвойный, 11 драгунских, 2 уланских, 3 гусарских, 6 конно-егерских и 3 африканских конных егерей, кроме того 6 запасных эскадронов. Надо полагать, что это сообщение исходит из прусского штаба в Берлине и содержит общую сводку состава французских сил в Меце, сделанную либо на основании предварительных и коовенных данных, либо по французским спискам, переданным победителям при сдаче. Последнее кажется нам более вероятным. Мы знаем, что в Меце были следующие части пехоты: гвардия (8 полков = 30 батальонам и 1 батальон стрелков), 2-й корпус (Фроссара, 3 дивизии), 3-й (Декана, прежде Базена, 4 дивизии), 4-й (Ладмиро, 3 дивизии), 6-й (Канробера, 3 дивизии) и одна дивизия 5-го корпуса (де Файи) — всего 14 пехотных дивизий, из которых каждая имела в своем составе один стрелковый батальон и четыре полка, или двенадцать линейных батальонов, за исключением двух дивизий Канробера, в которых стрелков не было. Это составляет 12 батальонов стрелков и 168 линейных батальонов, а считая и гвардию, 13 батальонов стрелков и 198 — линейной пехоты, вместе же с 18 запасными батальонами — всего 229 батальонов, т. е. несколько превышает цифру 221, указанную в качестве общей численности в «Daily News». Кроме того, в этом перечне указано лишь 64 полка пехоты, в то время как указываемая нами газета дает цифру 67. Мы должны заключить, что три недостающих полка составляли гарнизон Меца и по этой причине не фигурируют в списках «Рейнской армии». Что же касается разницы в количестве

батальонов, то ее легко объяснить. Потери во многих полках во время сражений в августе и вылазок в сентябре и октябре, а также вследствие болезней, очевидно, были таковы, что три батальона переформировывались в два, а, быть может, даже в один.

Что такая сила, которая была равна армии Наполеона под Лейпцигом, могла быть вообще принуждена к сдаче — это факт, неслыханный в истории войн и почти невероятный даже теперь, после того как это случилось. Однако этот факт становится еще более непостижимым, если мы сравним силы этой армии с силами победителей. 18 августа Базен был отброшен с высот Гравелота под прикрытие фортов Меца; несколько дней спустя обложение крепости было закончено. Но из армии, сражавшейся у Гравелота, было выделено 3 корпуса, или 75 батальонов, под командованием кронпринца саксонского; сделано это было не позднее 24 августа, так как три дня спустя их конница разбила конных егерей Мак-Магона у Бюзанси. У Меца оставалось 7 корпусов, или 175 батальонов, и 12 батальонов ландвера, всего 187 батальонов для обложения армии, состоящей не менее чем из 221 батальона! В это время Базен должен был иметь в своем распоряжении 160 000 бойцов, если не больше. Пруссак, конечно, приняли все меры для пополнения потерь в последних сражениях свежими силами из своих резервных частей; но трудно предполагать, что их батальоны снова были доведены до полного состава в 1000 человек. Если даже допустить, что это имело место, то за исключением ландвера, батальоны которого формируются лишь в составе 500—600 человек, это дает пруссакам не больше 182 000 человек или вместе с кавалерией и артиллерией около 240 000 человек, т. е. лишь в полтора раза больше армии, запертой в Меце. Эти 240 000 человек были растянуты на фронте длиной в 27 миль, причем имелась непроходимая вброд река, разделявшая их на две отдельные части. При таких обстоятельствах нельзя сомневаться, что Базен, если бы он сделал действительную попытку прорваться с массой своих войск через кольцо блокады, смог бы это выполнить, если не предполагать, конечно, что французы после Гравелота утратили свою прежнюю солдатскую доблесть, а для этого предположения нет никаких оснований.

Для автора этих заметок представляется совершенно несомненным, что после провозглашения республики Базен по политическим соображениям воздерживался от того, чтобы прорваться из Меца. Несомненно также, что каждый день отсрочки уменьшал возможность успешного выполнения им этой операции; хотя, повидимому, сами пруссаки теперь полагают, что, если бы они очутились в таком положении, они смогли бы разрешить эту задачу. Но что остается необъясни-

мым, так это бездейтельность или по меньшей мере нерешительность Базена в течение последних дней августа и в первых числах сентября. 31 августа он сделал попытку наступать в северо-восточном направлении и продолжал ее всю ночь и следующее утро; однако трех прусских дивизий оказалось достаточно, чтобы отбросить его назад под прикрытие фортов. Попытка, вероятно, была чрезвычайно слабой, если принять во внимание огромную силу, с которой он мог ее произвести. Генерал, имеющий под своим командованием 16 дивизий превосходной пехоты, отброшен тремя неприятельскими дивизиями. Это уже совсем никуда не годится!

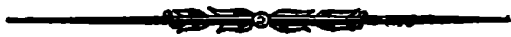
Что касается политических мотивов, которые, как говорят, обусловили бездействие Базена после революции 4 сентября, а также тех политических интриг, в которых он при потворстве неприятеля участвовал в продолжение последнего периода осады, то они полностью соответствовали интересам Второй империи, которую в той или иной форме намеревались восстановить. Это показывает, до какой степени Вторая империя потеряла всякое понимание характера французов, если генерал, командовавший единственной регулярной армией, находившейся тогда в распоряжении Франции, мог думать о восстановлении павшей династии при поддержке вторгшегося в его страну врага.

Предыдущая военная карьера Базена была отнюдь не блестящей. Его мексиканская экспедиция¹⁵⁶ только доказала, что он больше заботился о наградах, чем о славе или репутации своей страны. Его назначение главнокомандующим Рейнской армией произошло вследствие случайных обстоятельств: он получил это назначение не потому, что оказался наиболее подходящим, а потому, что он был наименее неподходящим из числа возможных кандидатов; решающими были какие угодно соображения, только не чисто военные. Базен будет увековечен как человек, совершивший самый позорный акт в военной истории Франции, помешавший 160 000 французов прорваться через блокировавшую их армию, в данных условиях значительно уступавшую им по силе, и сдавший их в качестве военнопленных, когда больше нечего было есть.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке
3 ноября 1870 г.

Впервые напечатано в «Pall Mall Gazette»,
4 ноября 1870 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения,
т. XIII, ч. II.

АПОЛОГИЯ ИМПЕРАТОРА

Подобно другим великим людям в несчастье, Луи-Наполеон сознает, повидимому, что он обязан объяснить народу причины, которые привели его, в значительной мере против его воли, от Саарбрюкена к Седану; и в результате мы получили сейчас то, что следует считать его объяснением. Так как нет оснований ни внешних, ни внутренних заподозрить подложность этого документа, даже напротив, то мы в данный момент будем считать его подлинным. В самом деле, мы почти обязаны поступить так из простой любезности, так как если существовал когда-либо документ, подтверждающий как в целом, так и в деталях точку зрения «Pall Mall Gazette»¹⁶⁷ на данную войну, то это и есть это самое императорское самооправдание.

Луи-Наполеон сообщает нам, что он был прекрасно осведомлен о большом численном превосходстве немцев, что он надеялся противодействовать этому быстрому вторжением в Южную Германию для того, чтобы принудить эту область оставаться нейтральной и первым успехом обеспечить себе союз с Австрией и Италией. Для этой цели 150 000 человек должны были быть сосредоточены в Меце, 100 000 — в Страсбурге и 50 000 — в Шалоне. С первыми двумя быстро сосредоточенными армиями предполагалось перейти Рейн около Карлсруэ, в то же время 50 000 человек продвинуть из Шалона к Мецу для противодействия возможному враждебному движению против флангов и тыла наступающих армий. Но этот план рухнул, как только император прибыл в Мец. Он нашел там лишь 100 000 человек, в Страсбурге было только 40 000 человек, в то время как резервы Канробера были где угодно, но только не в Шалоне, где они должны были находиться. Войска не были обеспечены для похода предметами первой необходимости: ранцами, походными палатками, походными кухнями и котелками. Кроме того, о местонахождении неприятеля ничего не было известно. Действительно, смелое и быстрое наступление с самого начала превратилось в очень скромную оборону.

Едва ли во всем этом найдется что-нибудь новое для читателей «Pall Mall Gazette». В наших «Заметках о войне» вышеприведенный план нападения был уже изложен как наиболее рациональный для французов, причем были приведены и причины, по которым от него пришлось отказаться. Но существует один факт, бывший ближайшей причиной первых поражений, который император не объясняет: зачем он оставил несколько своих корпусов в ложном положении вблизи границы якобы для наступления, когда намерение наступать давно уже было оставлено? Что касается его цифр, то мы подвергнем их последовательному критическому разбору.

Причины провала французского военного управления император находит в «недостатках нашей военной организации за последние 50 лет ее существования». Но ведь известно, что эта организация подвергалась испытанию не впервые. Она довольно хорошо отвечала своему назначению во время Крымской войны. Она дала блестящие результаты в начале итальянской войны, когда в Англии, так же как и в Германии, французская военная организация считалась самой образцовой организацией армии. Несомненно, что даже и в то время в ней был обнаружен ряд недостатков. Однако есть разница между тем, что было тогда и что есть теперь: тогда она действовала, теперь же отказывается служить. Но император не желает разъяснять причину этой перемены, хотя как раз об этом и нужно было говорить, так как именно в ней заключается самое слабое место Второй империи, которая затормозила работу этой организации всеми способами подкупа и взяточничества.

Когда отступающая армия достигла Меца, «ее наличные силы после прибытия маршала Канробера с двумя дивизиями и резервом были доведены до 140 000 человек». Это утверждение при сравнении с численностью войск, недавно сложивших оружие в Меце, заставляет нас более внимательно рассмотреть цифровые данные императора. Страсбургскую армию предполагалось сформировать из корпусов Мак-Магона, де Файи и Дуэ, всего из десяти дивизий численностью в 100 000 человек; но теперь говорят, что она не превышала 40 000 человек. Оставляя совершенно в стороне три дивизии корпуса Дуэ, хотя одна из них пришла на помощь Мак-Магону во время или после боя у Вёрта, это дало бы нам менее 6000 человек на дивизию (13 батальонов) или только 430 человек на батальон, даже если мы будем считать, что в это число не входит ни один кавалерист или артиллерист. И вот при всем доверии, которое мы склонны оказать Второй империи, когда дело идет о взяточничестве и казнокрадстве, мы не можем заставить себя поверить, чтобы через двадцать дней

после призыва запасных и уволенных в отпуск в армии оказалось 90 батальонов, численность которых в среднем составляла бы 430 человек вместо 900. Что касается армии Меца, то она имела в гвардии и в десяти линейных дивизиях 161 батальон; а если принять, что 100 000 человек, указанных в брошюре, состояло только из пехоты, причем ничего не оставалось для конницы или артиллерии, то и это все же составит не больше 620 человек на батальон — цифра, несомненно, ниже действительной. Еще более удивительно то, что, отступив к Мецу, эта армия после прибытия двух дивизий Канробера и резервов увеличилась до 140 000 человек. Новые пополнения состояли, таким образом, из 40 000 человек. И вот, так как «резервы», пришедшие в Мец после Шпихерна, могли состоять только из конницы и артиллерии, ибо гвардия прибыла туда гораздо раньше, то численность их не могла превышать 20 000 человек. Следовательно, 20 000 остается для двух дивизий Канробера, что для 25 батальонов составляет по 800 человек на батальон, т. е. батальоны Канробера, наименее укомплектованные из всех, при таком расчете оказываются гораздо сильнее тех, которые уже были сосредоточены и подготовлены много раньше. Но если армия Меца до сражений 14, 16 и 18 августа насчитывала только 140 000 человек, то как же случилось, что после потерь, составлявших за эти три дня, конечно, не меньше 50 000 человек, после потерь от последующих вылазок и вследствие смертности от болезней Базен все же смог сдать пруссакам 173 000 пленных? Мы занялись этими цифрами только для того, чтобы показать, как они противоречат друг другу и всем известным фактам кампании. Их можно сразу отбросить как совершенно неверные.

Кроме организации армии, существовали и другие обстоятельства, мешавшие орлиному полету императора навстречу победе. Это были, во-первых, «плохая погода», затем «затруднения с обозами» и, наконец, «абсолютная постоянная неосведомленность относительно расположения и сил вражеских армий». В самом деле, это три очень досадных обстоятельства. Но плохая погода была одинакова для обеих сторон, потому что при всех благочестивых ссылок на провидение король Вильгельм ни разу не упомянул о том, что солнце сияло над германскими позициями, в то время как французов поливало дождем. И разве у немцев тоже не было затруднений с обозами. Что же касается неведения о местонахождении неприятеля, то существует письмо Наполеона I к его брату Жозефу, сетовавшему в Испании на такую же трудность; это письмо не является лестным для генералов, изливающих подобные жалобы. В письме указывается, что если генералы не знают местонахождения неприятеля, то

это их собственная вина и овидетельствует лишь о том, что они не знают своего дела. При чтении подобных оправданий такого скверного командования иногда возникает сомнение, действительно ли для взрослых людей написана эта брошюра.

Описание роли, которую сыграл сам Луи-Наполеон, не очень понравится его друзьям. После сражений при Вёрте и Шпихерне он «решил немедленно отвести армию назад к Шалонскому лагерю». Но этот план, хотя он сперва и был одобрен советом министров, два дня спустя рассматривался как «могущий произвести неблагоприятное впечатление на общественное мнение» и был оставлен императором по получении письма в этом смысле от г. Э. Оливье (!). Он ведет армию на левый берег Мозеля, а затем, «не предвидя генерального сражения и рассчитывая только на отдельные столкновения», покидает ее и уезжает в Шалон. Тотчас же после его отъезда произошли бои 16 и 18 августа, в результате которых Базен со своей армией оказался запертым в Меце. Тем временем императрица и кабинет превысили свою власть и за спиной императора созвали Палату, а с созывом этого чрезвычайно авторитетного законодательного корпуса аркадских простачков судьба империи была решена. Оппозиция, состоявшая, как известно, из двадцати пяти членов, стала всемогущей и «парализовала патриотизм большинства и успешную работу правительства», которое, как все мы помним, было правительством не сладкоречивого Оливье, а грубого Паликао¹⁶⁸.

«С этого момента министры, казалось, боялись произносить имя императора; и сам он, покинувший армию и отказавшийся от командования лишь для того, чтобы снова взять в свои руки бразды правления, вскоре обнаружил, что доиграть до конца принадлежащую ему роль было бы для него невозможно». В самом деле, ему дали понять, что он в сущности низложен, что он стал ненужным. Многие люди с некоторым самолюбием при таких обстоятельствах отреклись бы от престола. Но не тут-то было; его нерешительность, мягко выражаясь, продолжается; он следует за армией Мак-Магона, являясь просто помехой, пользы от него никакой, а, напротив, вредить он может. Правительство в Париже настаивает на том, чтобы Мак-Магон шел на выручку Базену. Мак-Магон отказывается, так как это было бы равносильно движению его армии на верную гибель; Паликао настаивает. «Что же касается императора, он не противился ничему. В его планы не входило сопротивление указаниям правительства и императрицы-регентши, которая проявила столько ума и энергии в условиях величайших затруднений». Мы удивляемся покорности этого человека, в течение двадцати лет

утверждавшего, что подчинение его индивидуальной воле было единственным путем спасения для Франции, а теперь, когда «из Парижа навязывают план кампании, противоречащий самым элементарным правилам военного искусства», уже не оказывающего никакого противодействия потому, что в его намерения якобы никогда не входило сопротивление указаниям императрицы-регентши, которая и т. д. и т. д.!!

Описание состояния армии, с которой был предпринят этот роковой поход, является во всех деталях точным подтверждением нашей оценки, данной в свое время. В нем есть лишь одна смягчающая подробность. Корпус де Файи во время своего отступления форсированным маршем умудрился растерять без боя «почти весь свой обоз»; но корпус, повидимому, не оценил всего преимущества этого обстоятельства.

Армия направилась в Реймс 21 августа. 23-го она дошла до реки Сюитт у Бетенивиля, на прямой дороге к Вердену и Мецу. Но затруднения в снабжении заставили Мак-Магона немедленно вернуться к линии железной дороги; в результате 24-го было предпринято движение влево и достигнут Ретель. Весь день 25-го прошел здесь в распределении продовольствия войскам. 26-го штаб переходит в Туртерон, на двенадцать миль дальше к востоку; 27-го в Ле Шен-Пополе — еще на шесть миль. Здесь Мак-Магон, узнав, что восемь немецких армейских корпусов собираются окружить его, отдал приказ снова отступить к западу; но ночью из Парижа пришли настойчивые приказы направиться к Мецу. «Не подлежит сомнению, что император мог бы отменить этот приказ, но он решил не сопротивляться решению регентства». Этот добродетельный отказ от власти принудил Мак-Магона повиноваться; таким образом, 28-го он достиг Стонн в 6 милях далее к востоку. Однако «эти приказы и контрприказы привели к задержке продвижения». В то же время «прусская армия двигалась форсированным маршем, тогда как мы, обремененные обозом (опять!), с утомленными войсками употребили шесть дней, чтобы пройти 25 лье». Затем наступили бои 30, 31 августа и 1 сентября, и произошла катастрофа, описанная очень полно, но без каких бы то ни было новых подробностей. А затем идет мораль, которую можно извлечь из этого: «Конечно, борьба была неравной, но она продолжалась бы дольше с меньшими неудачами для нашей армии, если бы военные операции не подчинялись все время политическим соображениям».

Падение Второй империи и всего, что с нею связано, не вызвало сожаления ни в ком, — вот ее судьба. Сострадание, т. е. самое малое, что выпадает обычно на долю потерпевших большое несчастье, ни в какой мере на нее не распространяется. Даже об *«honneur au courage malheureux»* нельзя

теперь сказать по-французски без некоторой доли иронии; даже и в этой «чести побежденных героев» Второй империи тоже отказано. Мы сомневаемся, извлечет ли Наполеон при данных обстоятельствах большую пользу из документа, согласно которому его выдающаяся стратегическая интуиция каждый раз превращается в ничто из-за бессмысленных приказов, продиктованных политическими соображениями правительства в Париже, в то время как его власть отменить эти бессмысленные приказы в свою очередь превращается в ничто вследствие его безграничного почтения к регентству императрицы. Лучшее, что может быть сказано об этой на редкость жалкой брошюре, это то, что она признает, как плохо приходится на войне в тех случаях, когда «военные операции все время подчинены политическим соображениям».

Написано Ф. Энгельсом на английском языке
4 ноября 1870 г.
Впервые напечатано в «Pall Mall Gazette»,
5 ноября 1870 г.
К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения,
т. XIII, ч. II.

БОН ВО ФРАНЦИИ

В течение первых шести недель войны, когда победы немцев быстро следовали одна за другой, когда способность вторгшегося противника к захвату еще не была целиком использована и когда на поле битвы все еще были французские армии, которые могли оказать ему сопротивление, борьба, вообще говоря, оставалась борьбой армий. Население захваченных районов принимало в боях лишь незначительное участие. Правда, с дюжину эльзасских крестьян были преданы военному суду и расстреляны за участие в боях или за изувечение раненых; но трагедии, подобные той, которая произошла в Базейле, были редким исключением. Это лучше всего доказывается тем огромным впечатлением, которое она произвела, и той страстной полемикой, которая велась в печати относительно того, насколько действия немцев в этой деревне заслуживали оправдания или осуждения. Если бы стоило снова начинать эту полемику, мы могли бы на основании показаний безупречных свидетелей доказать, что жители Базейля действительно напали на баварских раненых, мучили их и бросали в пламя домов, зажженных снарядами; и в результате этого генерал фон-дер Танн отдал бессмысленный и варварский приказ уничтожить все село — бессмысленный и варварский, главным образом, потому, что по этому приказу следовало поджечь дома, в которых сотнями лежали его же собственные раненые. Но как бы то ни было, Базейль был разрушен в пылу боя и в борьбе, которая больше, чем всякая другая, способна привести в возбуждение, — а именно, в схватках, которые велись в домах и на улице, — когда надо действовать немедленно после получения донесений, немедленно принимать решения и когда нет времени проверять показания и выслушивать мнение сторон.

В течение последних шести недель в характере этой войны произошла замечательная перемена. Исчезли французские регулярные армии; борьба ведется рекрутами, которые уже в силу своей неопытности являются в большей или меньшей степени иррегулярными войсками. Они легко терпят пораже-

ние каждый раз, когда они в массе пытаются выйти на открытую местность, но, сражаясь под прикрытием забаррикадированных городов и деревень, в домах которых устроены бойницы, они могут оказывать серьезное сопротивление. Такого рода бои, внезапные ночные нападения и другие партизанские действия находят поощрение в воззваниях и распоряжениях правительства, которое также предписывает населению районов, где действуют партизаны, оказывать им всяческое содействие. Если бы противник располагал силами, достаточными для того, чтобы занять всю страну, это сопротивление было бы легко сломлено. Но до сдачи Меца таких сил у него не было. Силы нападающего были израсходованы еще до того, как он дошел до Амьена, Руана, Ле Мана, Блуа, Тура и Буржа, с одной стороны, и Безансона и Лиона — с другой. То, что силы противника истощились так быстро, объясняется в значительной степени все усиливающимся сопротивлением окружающей среды. Неизбежные «четыре улана» теперь уже не могут врываться в деревню или город, расположенные далеко от их линии фронта, и добиваться абсолютного подчинения своим приказам без риска быть захваченными или убитыми. Для сопровождения реквизиционных отрядов нужны внушительные силы, а отдельным ротам или эскадрам, когда они расквартированы в деревне, приходится чрезвычайно остерегаться внезапных ночных нападений, так же как и нападений из засад во время похода. Вокруг германских позиций находится полоса оспариваемой территории, и именно тут народное сопротивление чувствуется сильнее всего. Для того чтобы подавить это народное сопротивление, немцы прибегают к способу войны, который является столь же устарелым, сколь и варварским. Они взяли за правило, что каждый город или деревня, где один или несколько жителей принимают участие в обороне, стреляют по их войскам или вообще помогают французам, должны быть сожжены, что каждый человек, захваченный с оружием в руках и не являющийся, по их понятиям, солдатом регулярной армии, должен быть расстрелян на месте; и всюду, где есть основание предполагать, что сколько-нибудь значительная часть населения города повинна в подобного рода проступках, все физически годные мужчины должны быть немедленно истреблены. Эта система безжалостно проводится уже в течение шести недель и действует с полной силой и сейчас. Вы не можете открыть немецкой газеты без того, чтобы не наткнуться на полдюжину сообщений о подобного рода военных экзекуциях, которые производятся как нечто вполне естественное, как обычные меры военного правосудия, предпринимаемые с благодетельной строгостью «честными солдатами»

по отношению к «подлым убийцам и разбойникам». Нет никакого беспорядка, никаких грабежей, ни насилий над женщинами, никаких нарушений приказов. Ничего подобного. Все делается систематически и по приказу: окружают обреченную деревню, выводят жителей, захватывают продовольствие и поджигают дома, а настоящие или подозреваемые виновники предстают перед военным полевым судом, где их без всяких проволочек наверняка ожидает полдюжины пуль. В Абли, деревне, насчитывающей 900 жителей и расположенной на пути в Шартр, эскадрон 16-го (Шлезвиг-гольштинского) гусарского полка подвергся ночью внезапному нападению французских партизан и потерял половину своих людей; в наказание за такую дерзость вся кавалерийская бригада двинулась на Абли и сожгла деревню; два различных сообщения, — оба исходящие от участников драмы, — утверждают, что из числа жителей были отобраны все здоровые мужчины, и все они без исключения были расстреляны или зарублены. Но это только один из очень многих фактов. Один баварский офицер в окрестностях Орлеана пишет, что его отряд в течение двенадцати дней сжег пять деревень; можно без преувеличения сказать, что всюду, где в центре Франции проходят летучие немецкие отряды, их путь слишком часто отмечен огнем и кровью.

Сейчас, в 1870 г., вряд ли достаточно заявления, что это законный способ ведения войны и что вмешательство гражданского населения или людей, официально не признанных солдатами, равносильно разбою и может быть подавлено огнем и мечом. Все это могло применяться во времена Людовика XIV и Фридриха II, когда борьба велась только между армиями, но, начиная с американской войны за независимость вплоть до гражданской войны в Америке, участие населения в войне стало — как в Европе, так и в Америке — не исключением, а правилом. Всяду, где народ допускал свое порабощение только потому, что его армии не были способны оказать сопротивление, к нему относились с всеобщим презрением, как к нации трусов; и всюду, где народ энергично вел партизанскую борьбу, там противник очень быстро убеждался в том, что руководствоваться старинным кодексом крови и огня невозможно. Англичане в Америке, французы при Наполеоне в Испании, австрийцы в 1848 г. в Италии и Венгрии были очень скоро вынуждены, опасаясь репрессий по отношению к своим военнопленным, считаться с народным сопротивлением, как с совершенно законным явлением. Даже пруссаки в 1849 г. в Бадене или папа после Ментаны¹⁵⁹ не решались без разбора расстреливать военнопленных, несмотря на то, что последние были партизанами и «бунтовщиками». Существует

только два современных примера безжалостного применения этого устарелого закона «искоренения» — подавление англичанами мятежа сипаев в Индии и методы, применявшиеся Базином и его французскими войсками в Мексике.

Из всех армий мира возобновление такого образа действий наименее всего подобает прусской. В 1806 г. Пруссия была разгромлена только потому, что во всей стране не было и следа этого духа национального сопротивления. Для оживления его после 1807 г. реорганизаторы управления и армии сделали все, что было в их власти. Испания в это время показала славный пример того, как народ может сопротивляться вторгшейся армии. Все военные руководители Пруссии указывали своим согражданам на этот пример, как на пример, достойный подражания. Шарнгорст, Гнейзенау, Клаузевиц — все были одного мнения на этот счет; Гнейзенау даже отправился сам в Испанию, чтобы сражаться против Наполеона. Вся новая военная система, введенная тогда в Пруссии, была попыткой организовать народное сопротивление противнику, по крайней мере, в такой степени, в какой это было возможно при абсолютной монархии. Не только все физически годные мужчины должны были пройти военное обучение в армии, а потом служить в ландвере до сорока лет, но и юноши в возрасте от семнадцати до двадцати лет и мужчины от сорока до шестидесяти лет должны были войти в состав ландштурма, или *levée en masse* [всенародного ополчения], чтобы поднимать восстания в тылу и на флангах противника, мешать его движениям, перехватывать предметы снабжения и курьеров, пользоваться всяким оружием, которое можно было достать, без разбора применять все имеющиеся под рукой средства для того, чтобы тревожить противника, — «чем эффективнее эти средства, тем лучше», — а самое главное — «не носить никакой формы, чтобы ландштурмисты могли в любой момент снова принять вид частных граждан и не быть заподозренными противником». Все это «Положение о ландштурме», — как назывался изданный о нем в 1813 г. закон, автором которого был не кто иной, как Шарнгорст, организатор прусской армии, — было составлено в духе непримиримого народного сопротивления, для которого допустимы все средства, и чем более они эффективны, тем лучше. Но все это применялось тогда пруссаками против французов, а если этими же методами французы действуют против пруссаков, то это уже совсем другое дело. То, что в одном случае считалось патриотизмом, в другом оказывается подлым убийством и разбоем.

Дело в том, что теперешнее прусское правительство стыдится этого старого полуреволюционного «Положения о ланд-

штурме» и своим поведением во Франции старается заставить забыть о нем. Но каждый акт необузданной жестокости, совершаемый им во Франции, все больше и больше будет напоминать нам об этом «Положении»; а оправдание подобного позорного способа ведения войны только доказывает, что если со времени Иены прусская армия неизмеримо выросла, то само прусское правительство быстро создает такое же положение вещей, которое сделало возможной Иену.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке
10 ноября 1870 г.

Впервые напечатано в «Pall Mall Gazette»,
11 ноября 1870 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения,
т. XIII, ч. II.

ВОЕННАЯ ОБСТАНОВКА ВО ФРАНЦИИ

Вчера мы обратили внимание на тот факт, что со времени капитуляции Седана перспективы Франции значительно улучшились и что даже падение Меца и освобождение тем самым до 150 000 немецких солдат в настоящее время не являются таким сокрушительным бедствием, каким оно казалось вначале. Если сегодня мы возвращаемся к тому же вопросу, то делаем это для того, чтобы некоторыми деталями военного характера еще лучше доказать правильность этого взгляда.

Расположение германских армий к 24 ноября, насколько это можно установить, было нижеследующим:

Обложение Парижа: Третья армия (2-й, 5-й, 6-й и 2-й баварские корпуса, 21-я, вюртембергская и гвардейская дивизии ландвера) и Четвертая армия (4-й, 12-й и гвардейский корпус); всего семнадцать дивизий.

Обсервационная армия, прикрывающая обложение: с севера, Первая армия (1-й и 8-й корпуса); с запада и юго-запада, армия герцога Мекленбургского (17-я и 22-я дивизии и 1-й баварский корпус); с юга, Вторая армия (3-й, 9-й и 10-й корпуса и дивизия ландвера, часть которой потерпела поражение от Риччотти Гарибальди у Шатийона); всего пятнадцать дивизий.

Со специальным назначением: на юго-востоке Франции, 14-й корпус (Вердера, состоящий из 2½ дивизий) и 15-й корпус; в Меце и у Тионвиля, 7-й корпус; на линии связи, по крайней мере 1½ дивизии ландвера; всего не меньше восьми дивизий.

Из этих сорока пехотных дивизий первые семнадцать в настоящее время целиком заняты у Парижа; по неподвижности последних восьми дивизий можно судить о том, что они с трудом справляются с стоящей перед ними задачей. Для боевых действий остается еще пятнадцать дивизий, составляющих три обсервационные армии и представляющих собой вместе с конницей и артиллерией силу численностью не свыше 200 000 бойцов.

Таким образом, до 9 ноября казалось, что не существовало серьезных препятствий, чтобы помешать этой массе людей наводнить большую часть центральной и даже Южной Франции. Но с тех пор положение вещей значительно изменилось. Не так важен факт, что фон-дер Танн был разбит и вынужден отступить¹⁶⁰ или что д'Орель показал свое умение хорошо командовать своими войсками, что внушило нам значительно большее уважение к Луарской армии, чем мы, признаться, питали к ней раньше; важны, главным образом, энергичные меры, принятые Мольтке против ожидаемого похода Луарской армии на Париж, что выставило эту армию в совершенно ином свете. Мольтке не только счел необходимым держать наготове против нее, даже с риском фактически снять обложение Парижа, большую часть блокирующих сил с южной стороны города, но сразу изменил направление движения двух армий, идущих от Меца, с тем чтобы стянуть их ближе к Парижу и сосредоточить все немецкие войска вокруг этого города; теперь же мы узнаем, кроме того, что были приняты меры для окружения осадного парка оборонительными укреплениями. Каково бы ни было мнение других лиц, но Мольтке, очевидно, считает Луарскую армию не просто сбродом вооруженных людей, а настоящей серьезной и грозной армией.

Прежняя неосведомленность относительно характера этой армии в значительной степени была результатом сообщений английских корреспондентов, находящихся в Туре. Среди них, повидимому, нет ни одного военного человека, способного подметить характерные черты, которыми армия отличается от толпы вооруженных людей. Ежедневно получались самые противоречивые сведения относительно дисциплины, успехов в обучении, численности, вооружения, снаряжения, артиллерии, транспорта, — короче говоря, все те существенные сведения, на основании которых можно было составить себе мнение о Луарской армии. Все мы знаем об огромных трудностях при формировании этой новой армии: недостаток офицеров, вооружения, лошадей, всякого рода материальной части и в особенности недостаток времени. Сообщения, поступавшие к нам, касались, главным образом, этих трудностей, и в результате Луарская армия вообще недооценивалась людьми, которые не позволяют своим симпатиям влиять на их суждения.

Теперь те же самые корреспонденты единодушно расхваливают эту армию. Говорят, что она располагает лучшими офицерами и более дисциплинирована, чем армия, погибшая при Седане и Меце. Несомненно, до известной степени это так. Дух этой армии, повидимому, значительно лучше, чем когда-либо был дух бонапартистских армий; чувствуется решимость выполнить свой долг перед страной, действовать согласованно,

повиноваться приказам, данным на этот счет. Затем, эта армия вновь научилась некоторым очень важным вещам, которые армия Луи-Наполеона совершенно забыла: сторожевой службе, искусству прикрывать фланги и тыл от неожиданных нападений, производить разведку неприятеля, застигнуть врасплох его отряды, добывая сведения и захватывая пленных. Корреспондент «Times» при герцоге Мекленбургском приводит доказательства этому. Теперь именно пруссаки не могут узнать местонахождения своего врага и должны действовать наугад; прежде было как раз наоборот. Армия, которая научилась этому, научилась очень многому. Все же мы не должны забывать, что Луарская армия, так же как и ее сестры — Западная и Северная армии, все еще должна доказать свою храбрость в крупном сражении против равной по численности армии. Но в общем она подает большие надежды, и существуют обстоятельства, создающие уверенность, что даже крупное поражение не нанесет ей такого серьезного вреда, какой обыкновенно оно наносит большинству молодых армий.

Факт таков, что зверства и жестокости пруссаков вместо подавления народного сопротивления удвоили его энергию, и настолько, что пруссаки, кажется, сами поняли свою ошибку; теперь мы почти не слышим о сжигании деревень и избиении крестьян. Но жестокое обращение уже оказало свое действие, и партизанская война с каждым днем принимает все большие размеры. Когда мы читаем в «Times» сообщение о продвижении герцога Мекленбургского к Ле Ману, где неприятеля не видно, где никакие регулярные войска не оказывают сопротивления, где лишь на фланги нападают конница и партизаны, когда нет никаких сведений о местонахождении французских войск, а прусские войска держатся скупенно большими отрядами, то мы невольно вспоминаем походы наполеоновских маршалов в Испании или войск Базена в Мексике. А раз пробудился этот дух народного сопротивления, то даже армии в 200 000 человек не так много значат при оккупации враждебной страны. Они быстро достигают предела, за которым их отряды оказываются слабее сил обороняющихся; от энергии народного сопротивления целиком зависит, как скоро будет достигнута эта линия. Таким образом, даже разбитая армия находит вскоре безопасное от преследований неприятеля место, если только народ этой страны восстанет, а именно это и может произойти теперь во Франции. И если население районов, оккупированных неприятелем, восстанет или же только коммуникационные линии неприятеля будут постоянно прерываться, то грань, за которой вторжение становится бессильным, еще более приблизится.

Нас, например, не удивит, что наступление герцога Мекленбургского, если только он не получит сильной поддержки от принца Фридриха-Карла, окажется уже теперь зашедшим слишком далеко вперед.

В настоящее время все, конечно, зависит от Парижа. Если Париж выдержит еще месяц (а сообщения о состоянии запасов продовольствия внутри города вовсе не исключают этой возможности), то Франция сможет создать действующую армию достаточно большую, чтобы с помощью народного сопротивления снять обложение успешным нападением на коммуникации пруссаков. Механизм организации армии, повидимому, работает во Франции в настоящее время достаточно хорошо. Людей больше чем нужно; благодаря ресурсам современной промышленности и скорости современных средств сообщения вооружение появляется в неожиданно больших размерах; из одной Америки прибыло 400 000 винтовок; артиллерия изготавливается во Франции с быстротой, до сих пор совершенно неизвестной; находят даже офицеров или как-то готовят их. В общем усилия, сделанные Францией после Седана для реорганизации своей национальной обороны, беспрецедентны в истории и для обеспечения успеха нуждаются только в одном — во времени. Если Париж продержится хотя бы еще один месяц, то это будет сильно содействовать успеху. А если Париж не будет обеспечен продовольствием на такой период времени, Трошю может попытаться прорваться через линию обложения с теми из своих войск, которые окажутся пригодными для этого; и слишком смелым было бы теперь сказать, что он не может иметь успеха. А если он достигнет успеха, то для поддержания порядка в Париже немцам все-таки еще потребуется гарнизон, по крайней мере, из трех прусских армейских корпусов, так что Трошю освободил бы большее количество французов, чем сдача Парижа освободила бы немцев. То, что могли сделать французы, защищая Париж, того никогда не смогли бы сделать немцы, взяв эту крепость и обороняя ее от французов. Понадобилось бы столько же людей для подавления народного сопротивления внутри города, сколько для занятия крепостных валов и отражения нападений извне. Таким образом, падение Парижа может, но не обязательно должно, повлечь за собой падение Франции.

Теперь самое неподходящее время для высказывания предположений о вероятности того или другого хода войны. Нам приблизительно известен лишь один факт — численность прусских армий. О другом, о численности и действительной боеспособности французских сил, мы знаем слишком мало. И более того, теперь действуют моральные факторы, не поддающиеся никаким вычислениям, о которых мы можем только сказать,

что все они благоприятны для Франции и неблагоприятны для Германии. Кажется бесспорным одно: борющиеся силы уравниваются как раз теперь больше чем когда бы то ни было после Седана, и сравнительно небольшое усиление французов обученными войсками могло бы установить равновесие окончательно.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке
25 ноября 1870 г.

Впервые напечатано в «Pall Mall Gazette»,
26 ноября 1870 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения,
т. XIII, ч. II.

ШАНСЫ ВОЙНЫ

Последнее поражение французской Луарской армии и отступление Дюкро за Марну (предполагая, что это отступление имело такой решающий характер, как сообщалось в субботу *) окончательно определяют судьбу первой комбинированной операции, предпринятой для освобождения Парижа ¹⁶¹. Она совершенно не удалась, и публика снова начинает спрашивать, не доказывает ли эта новая серия неудач неспособность французов к дальнейшему успешному сопротивлению, не лучше ли сразу прекратить игру, сдать Париж и подписать уступку Эльзаса и Лотарингии.

Дело в том, что люди потеряли всякое представление о том, что значит настоящая война. Крымская, итальянская и австро-прусская войны — все они были просто обычными войнами, войнами правительств, которые заключали мир, как только их военный механизм разрушался или изнашивался. Настоящей войны, войны, в которой участвует сама нация, мы не видели в центре Европы уже в течение нескольких поколений. Мы видели ее на Кавказе, в Алжире, где борьба продолжалась свыше двадцати лет почти непрерывно; мы могли бы видеть ее в Турции, если бы турки получили от своих союзников разрешение защищаться своими собственными доморощенными способами. Но факт таков, что наши условности дают право действительной самообороны одним лишь варварам; мы рассчитываем, что цивилизованные государства будут сражаться соответственно этикету и что подлинная нация не будет повинна в такой неучтивости, как продолжение борьбы после того, как официальная нация вынуждена была сдаться.

И вот в данный момент французы совершают такую неучтивость. К досаде пруссаков, считающих себя самыми лучшими знатоками военного этикета, французы действительно

* См. «Заметки о войне — XXX». К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIII, ч. II, стр. 198—201. *Ред.*

продолжают сражаться в течение трех месяцев после того, как официальная французская армия изгнана с поля сражения; они даже сделали то, чего их официальная армия во время этой войны никогда не могла сделать. Они добились одного крупного успеха и множества мелких; они захватывали у неприятеля орудия, обозы и пленных. Правда, они только что понесли ряд тяжелых поражений; но эти поражения ничто в сравнении с теми, которые испытывала их официальная армия при всяком столкновении с тем же противником. Правда, их первая попытка прорвать блокаду Парижа посредством одновременного наступления изнутри и извне потерпела полную неудачу, но разве отсюда непременно следует, что у них не осталось шансов для второй попытки?

Обе французские армии, как Парижская, так и Луарская, по свидетельству самих же немцев, сражались хорошо. Правда, они были разбиты силами, численно меньшими, но этого и следовало ожидать от молодых, только что организованных войск, противопоставленных ветеранам. Их тактические движения под огнем, по словам корреспондента «Daily News», который знает, о чем он пишет, были быстры и уверенны; если им недоставало четкости, то это общий недостаток многих победоносных французских армий. Одно не подлежит сомнению: эти армии доказали, что они подлинные армии, к которым их противники должны будут относиться с должным уважением. Несомненно, что они составлены из самых разнообразных элементов. Имеются линейные батальоны с различным количеством старых солдат; есть мобили различной боевой ценности, от обученных и вооруженных батальонов, хорошо укомплектованных офицерами, до батальонов необученных рекрутов, не имеющих еще элементарной строевой подготовки и не знающих ружейных приемов; есть партизаны всех сортов: хорошие, плохие и посредственные, большинство из них, вероятно, принадлежит к последней категории. Но во всяком случае имеется ядро хороших боевых батальонов, вокруг которых могут группироваться остальные; если они в течение месяца будут участвовать в различных боях, избегая при этом крупных поражений, то из всех них выработаются отличные солдаты. При лучшей стратегии они и теперь могли бы иметь успех, а единственная стратегия, которая требуется в данный момент, заключается в отсрочке решительного сражения, что, как нам кажется, может быть достигнуто.

Но войска, сосредоточенные в Ле Мане и близ Луары, еще далеко не представляют собою всей вооруженной силы Франции. Имеется еще, по крайней мере, 200 000—300 000 человек, из которых сейчас формируются отряды в более отдаленных

пунктах тыла. Каждый день их боеспособность все увеличивается. На протяжении, по крайней мере, некоторого времени каждый день должен давать фронту непрерывно возрастающее количество свежих солдат. За ними уже стоит множество людей, готовых занять их места. Оружие и боевые припасы прибывают ежедневно в больших количествах; при наличии современных орудийных и сталелитейных заводов, при наличии телеграфа и пароходов, господствуя на море, недостатка в этом нечего опасаться. В течение месячного срока произойдет также огромная перемена в боеспособности этих людей; а если бы им было предоставлено два месяца, они представляли бы из себя армию, способную сильно нарушить спокойствие Мольке.

За этими более или менее регулярными силами стоит многочисленное народное ополчение, масса народа, доведенная пруссаками до оборонительной войны, которая, по словам отца короля Вильгельма, освящает всякие средства. Когда «Фриц» двигался от Меца к Реймсу, от Реймса к Седану, а оттуда к Парижу, о восстании народа не говорилось ни слова. Поражения императорских армий воспринимались со своеобразным равнодушием; двадцать лет императорского режима приучили народные массы к тупому и пассивному подчинению официальному руководству. Кое-где встречались крестьяне, участвовавшие в действительных боях, как в Базейле, но они были исключением. Однако едва только пруссаки расположились вокруг Парижа и подвергли окружающие местности опустошающей системе реквизиций, проводимых без всякого снисхождения, едва лишь они приступили к расстрелам партизан и к сожжению деревень, оказавших помощь партизанам, как только они отвергли мирные предложения французов и заявили о своем намерении вести завоевательную войну, все это изменилось. Повсюду вокруг них вспыхнула партизанская война, вызванная их собственными жестокостями, и теперь стоит лишь им вступить в новый департамент, как повсюду поднимается народное ополчение. Кто читает в немецких газетах отчеты о продвижении армий герцога Мекленбургского и принца Фридриха-Карла, тот сразу заметит, какое исключительное влияние на их движение имело это неуловимое, то исчезающее, то снова возникающее, но всегда грозное восстание народа. Даже многочисленная конница, которой французам почти нечего противопоставить, в значительной мере обезврежена этой всеобщей активной и пассивной враждебностью населения.

Рассмотрим теперь положение пруссаков. Из семнадцати дивизий, расположенных у Парижа, они, конечно, не могут выделить ни одной, пока Трошю может в любой день повто-

рить свои массовые вылазки. Для четырех дивизий Мантейфеля в Нормандии и Пикардии на некоторое время будет еще столько дела, что они едва смогут с ним справиться; к тому же их могут оттуда и отозвать. Две с половиной дивизии Вердера могут продвинуться за Дижон разве только набегам, и так будет продолжаться до тех пор, пока Бельфор не будет вынужден к сдаче. Невозможно выслать ни одного солдата из частей войск, назначенных охранять длинную и узкую коммуникационную линию: железную дорогу Нанси — Париж. У 7-го корпуса достаточно дел, так как он должен снабдить гарнизонами крепости Лотарингии и вести осаду Лонгви и Монмеди. Для полевых операций против большей части центральной и Южной Франции остается 11 пехотных дивизий Фридриха-Карла и герцога Мекленбургского, наверное, не больше 150 000 человек, включая конницу.

У пруссаков, таким образом, действуют около двадцати шести дивизий для оккупации Эльзаса и Лотарингии, для обеспечения двух длинных коммуникационных линий до Парижа и Дижона и для обложения Парижа, и все же непосредственно они владеют, быть может, даже меньше чем одной восьмой частью, а косвенно, наверное, не больше чем одной четвертью Франции. Для остальной части страны у них остается 15 дивизий, из которых 4 находятся под командованием Мантейфеля. Как глубоко они окажутся в состоянии проникнуть в страну, всецело зависит от той энергии народного сопротивления, которую они могут встретить. Но ввиду того, что все их коммуникации идут через Версаль — ибо поход Фридриха-Карла не открыл новой линии через Труа — и проходят в самой середине восстановленной страны, этим войскам придется распылять свои силы на широком фронте, оставлять в тылу отряды для охраны дорог и для того, чтобы удерживать в подчинении население; в результате они быстро достигнут такого предела, когда силы их настолько уменьшатся, что окажутся в равновесии с противостоящими им силами французов, и тогда шансы снова окажутся благоприятными для французов; или же эти немецкие армии должны будут действовать большими подвижными колоннами,двигающимися по всей стране вдоль и поперек, но не оккупируя ее окончательно. В таком случае регулярные французские войска могут, отступая перед ними в течение некоторого времени, найти затем достаточно удобных моментов для нападения на их фланги и тыл.

Несколько летучих отрядов, какие, например, посылал в 1813 г. Блюхер в обход французских флангов, были бы весьма полезны, если бы они служили для разрушения коммуникационной линии немцев. Эта линия уязвима почти на

всем своим протяжением от Парижа до Нанси. Несколько отрядов, каждый в составе одного или двух эскадронов конницы и некоторого количества отличных стрелков, нападая на эту линию, разрушая рельсовые пути, тоннели и мосты, нападая на поезда и т. д., заставили бы отозвать немецкую конницу с фронта, где она особенно опасна. Хотя, конечно, французы не обладают настоящей «гусарской лихостью».

Все это мы говорим в предположении, что Париж продолжает держаться. До сих пор, за исключением голода, нет ничего такого, что могло бы заставить Париж сдаться. Но помещенное во вчерашнем номере «Daily News» сообщение от корреспондента, находящегося в этом городе, если оно верно, рассеивает много опасений. Там еще имеется 25 000 лошадей, помимо принадлежащих Парижской армии, которые, при весе в 500 килограммов каждая, дали бы $6\frac{1}{4}$ килограмма, или 14 фунтов, мяса на каждого жителя, или около $\frac{1}{4}$ фунта мяса в день в продолжение двух месяцев. Учитывая это, а также хлеб и вино *ad libitum* [сколько угодно], значительное количество солонины и других съестных припасов, Париж может отлично продержаться до начала февраля. А это дало бы Франции два месяца, имеющие для нее теперь больше значения, чем два года в мирное время. При более или менее разумном и энергичном руководстве, как в центре, так и на местах, Франция, таким образом, была бы в состоянии к этому времени освободить Париж и оправиться.

А если Париж падет? — у нас еще будет достаточно времени для рассмотрения этой возможности, когда она станет более вероятной. Как бы то ни было, Франция сумела обойтись без Парижа в течение более двух месяцев и может продолжать сражаться без него. Конечно, падение Парижа способно деморализовать французов и подорвать дух сопротивления, но такое же влияние могут оказать и в настоящее время известия о неудачах последних семи дней. Ни то, ни другое не должно обязательно иметь таких последствий. Если французы укрепят несколько хороших маневренных позиций, как Невер, что у слияния Луары и Алье, если они возведут форты вокруг Лиона, чтобы сделать его столь же сильным, как Париж, то война может вестись даже после падения Парижа; но теперь еще не время говорить об этом.

Таким образом, мы имеем смелость заявить, что, если дух сопротивления в народе не ослабнет, позиция французов, даже после последних поражений, еще очень сильна. Владея морем для подвоза оружия, имея достаточное количество людей, которых можно превратить в солдат, проделав в течение трех месяцев — первых и самых трудных трех месяцев — организационную работу, имея шансы получить еще один месяц, если

не два, передышки, притом в такое время, когда пруссаки проявляют уже признаки истощения, — сдаваться при таких условиях было бы явным предательством. А кто знает, какие случайности могут произойти, какие дальнейшие осложнения могут возникнуть в Европе за это время? Во что бы то ни стало французам следует продолжать борьбу.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке
7 декабря 1870 г.

Впервые напечатано в «Pall Mall Gazette»,
8 декабря 1870 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения,
т. XIII, ч. II.

ПРУССКИЕ ПАРТИЗАНЫ

За последнее время сообщения о поджогах пруссаками французских деревень почти совершенно исчезли из печати. Мы стали надеяться, что прусские власти поняли свою ошибку и прекратили подобный способ действий в интересах своих же собственных войск. Но мы ошиблись. Газеты снова пестрят сообщениями о расстреле пленных и разрушении деревень. Берлинский «*Börsen Courier*» сообщает из Версаля от 20 ноября:

«Вчера прибыли первые раненые и пленные после боя у Дрё, происходившего 17-го. Расправа с партизанами была короткой и должна была послужить хорошим примером: они были поставлены в ряд и один за другим получили пулю в лоб. По армии был опубликован общий приказ, категорически запрещающий брать их в плен и предлагающий расстреливать их на месте военно-полевым судом, где бы они ни показывались. По отношению к этим гнусным, подлым разбойникам и негодям подобный способ действия сделался абсолютной необходимостью».

Далее, венская «*Tagespresse*» от того же числа сообщает, что «в лесу Вильнев на прошлой неделе вы могли бы увидеть четырех партизан, повешенных за то, что они стреляли в наших уланов».

Официальное сообщение из Версаля, помеченное 26 ноября, констатирует, что все сельское население вокруг Орлеана, подстрекаемое к борьбе священниками, получившими от епископа Дюпанлу приказ проповедывать крестовый поход, начало вести партизанскую борьбу против немцев. Они стреляют по разездам; крестьяне, делающие вид, что работают в поле, убивают офицеров, везущих приказы. В отмщение за эти убийства все невоенные, имеющие при себе оружие, немедленно расстреливаются. Немало священников ожидает теперь суда — семьдесят семь человек.

Это только несколько примеров, число их может быть увеличено до бесконечности; таким образом, у пруссаков имеется, повидимому, твердое намерение продолжать эти зверства

до конца войны. Ввиду этого может быть полезно еще раз обратить их внимание на некоторые факты из новейшей истории Пруссии.

Нынешний король Пруссии* отлично может припомнить времена глубочайшего унижения своей страны, сражение при Иене, продолжительное бегство к Одеру, постепенную капитуляцию почти всех прусских войск, отступление остальных за Вислу, полное крушение всей военной и политической системы страны. И тогда под прикрытием одной из померанских береговых крепостей инициатива и патриотизм частных лиц положили начало новому активному сопротивлению неприятелю. Простой драгунский корнет Шилль приступил к формированию в Кольберге добровольческого отряда (по-французски — вольных стрелков), с которым он, при поддержке населения, нападал внезапно на разъезды, отряды, полевые посты, захватывал казенные деньги, продовольственные, военные материалы, взял в плен французского генерала Виктора, готовял всеобщее восстание в тылу французов и на их коммуникационных линиях и вообще проделывал все то, что теперь ставится в вину французским партизанам, которых пруссаки наделяют кличкой разбойников и негодяев, награждая безоружных пленных «пулей в лоб». Отец нынешнего прусского короля** вполне одобрял действия Шилля и повысил его в чине. Хорошо известно, что тот же самый Шилль в 1809 г., когда Пруссия находилась в состоянии мира, а Австрия воевала с Францией, повел свой полк для действия против Наполеона на свой собственный риск, совсем на манер Гарибальди; он был убит при Штральзунде, а его солдаты были взяты в плен. Согласно прусским военным законам, Наполеон имел полное право расстрелять всех, но расстрелял в Везеле всего одиннадцать офицеров. На могилах этих одиннадцати партизан отец нынешнего прусского короля, вопреки своей воле, под давлением общественного мнения в армии и вне ее, должен был воздвигнуть в их честь памятник.

Как только в Пруссии фактически стали создаваться отряды партизан, пруссаки, как это и подобает народу мыслителей, приступили к систематизации этого дела и выработке его теории. Теоретиком партизан, великим философом в этой области был не кто иной, как Антон Нейдгарт фон-Гнейзенау, бывший некоторое время фельдмаршалом на службе его величества прусского короля. Гнейзенау оборонял Кольберг в 1807 г.; под его командованием находилась некоторая часть партизан Шилля; сильную поддержку в обороне ему оказы-

* Вильгельм I. *Ред.*

** Фридрих-Вильгельм III. *Ред.*

вали местные жители, которые даже не могли претендовать на звание национальной, мобильной или местной гвардии и которые поэтому, согласно новейшим прусским понятиям, заслуживали «расстрела на месте». Но огромные ресурсы, которые завоеванная страна черпает из энергичного народного сопротивления, произвели на Гнейзенау столь сильное впечатление, что он в течение ряда лет изучал вопрос о наилучшей организации этого сопротивления. Партизанская война в Испании, восстания русских крестьян по пути отступления французов из Москвы дали ему новые примеры, и в 1813 г. он смог приступить к проведению своей теории на практике.

Уже в августе 1811 г. Гнейзенау составил план подготовки народного восстания. Предполагалось организовать милицию без какой-либо военной формы, кроме военной фуражки (по-французски кепи) и чернобелого пояса и, быть может, военной шинели; короче говоря, это была почти такая же форма, какую имеют современные французские партизаны. «При появлении превосходных сил неприятеля оружие, кепи и пояса должны быть спрятаны, и милиционеры превращаются в простых жителей страны». Это как раз то, что в настоящее время пруссаки считают преступлением и за что наказывают пулей или веревкой. Эти милиционные войска должны тревожить неприятеля, прерывать его сообщения, захватывать или уничтожать его обозы с продовольствием, избегать серьезного боя и уходить в леса или болота при появлении массы регулярных войск. «Духовенство всех наименований должно получить приказ проповедывать восстание, как только начнется война, рисовать самыми мрачными красками картину угнетения, чинимого французами, напоминать народу о евреях во времена Маккавеев и призывать его следовать их примеру... Каждый священник должен привести к присяге своих прихожан, чтобы они не сдавали неприятелю ни продовольствия, ни оружия и т. п., пока их не принудят к этому силой», т. е. фактически немецкие священники должны были проповедывать такой же крестовый поход, какой приказал своим священникам проповедывать епископ орлеанский, за что немало французских священников ждут теперь суда.

Всякий, кто возьмет второй том книги профессора Пертца «Жизнь Гнейзенау», увидит на первой странице второго тома выдержку из вышеприведенного отрывка в виде факсимиле Гнейзенау. Против него на полях имеется сделанное рукою короля Фридриха-Вильгельма примечание: «Как только один из священников будет расстрелян, все это кончится». Очевидно, король не особенно верил в героизм своего духовенства. Но это не помешало ему специально санкционировать планы Гнейзенау; это не помешало также тому, что спустя

несколько лет, когда те самые люди, которые изгнали французов, были арестованы и подвергались преследованиям как «демагоги», один из просвещенных охотников за демагогами того времени, в чьи руки попал оригинал этого документа, возбудил дело против неизвестного автора, обвиняя его в подстрекательстве народа к расстрелу духовенства!

Вплоть до 1813 г. Гнейзенау неутомимо готовил не только регулярную армию, но и народное восстание как средство для свержения французского ига. Когда, наконец, война началась, то она сразу же начала сопровождаться восстаниями, сопротивлением крестьян и выступлениями партизан. В местности между Везером и Эльбой вооруженное восстание началось в апреле; немного позднее вспыхнуло народное восстание возле Магдебурга; сам Гнейзенау написал друзьям во Франконию письмо, опубликованное Пертцем, с призывом поднять восстание вдоль коммуникационной линии неприятеля. Тогда, наконец, появилось и официальное признание этой народной войны — закон о ландштурме от 21 апреля 1813 г. (опубликованный лишь в июле), согласно которому каждый физически здоровый мужчина, не находящийся в рядах линейных войск или ландвера, призывается вступить в свой батальон ландштурма, чтобы подготовиться к священной борьбе самообороны, в которой оправдываются все средства. Ландштурм должен тревожить неприятеля как во время его продвижения вперед, так и во время его отступления, постоянно держать его в тревоге, нападать на его обозы с боевыми припасами и продовольствием, на его курьеров, рекрутов и госпитали, внезапно нападать на него по ночам, уничтожать отступающих солдат и небольшие отряды, парализовать неприятеля и добиваться того, чтобы все его движения были неуверенными; а с другой стороны, ландштурм обязан помогать прусской армии, конвоировать перевозки денег, продовольствия, боевых припасов, пленных и т. д. Закон этот действительно может быть назван настоящим справочником партизана, и так как он составлен недюжинным стратегом, то в настоящее время он применим во Франции так же, как в свое время в Германии.

К счастью для Наполеона I, этот закон проводился крайне слабо. Король был напуган работой своих собственных рук. Позволить самому народу вести борьбу помимо королевских приказов было совсем не в прусском духе. Поэтому формирование ландштурма было приостановлено впредь до момента, когда король потребует этого, но король такого требования никогда не предъявлял. Гнейзенау злился, но в конце концов начал обходиться без ландштурма. Если бы он теперь был жив, имея за собой весь опыт Пруссии, то он, вероятно, во

французских партизанах увидел бы если не полное, то приблизительное осуществление своего прекрасного идеала народного сопротивления. Ибо Гнейзенау был человеком, и притом гениальным человеком.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке
8 декабря 1870 г.

Впервые напечатано в «Pall Mall Gazette»,
9 декабря 1870 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения,
т. XIII, ч. II.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ — XXXI

В Луарской кампании, повидимому, наступило временное затишье, которое дает нам возможность сопоставить сообщения и даты и создать из этих беспорядочных и противоречивых материалов настолько ясное повествование о действительных событиях, насколько это, при данных обстоятельствах, возможно.

Луарская армия начала свое существование в качестве отдельного соединения 15 ноября, когда д'Орель де Паладин, командовавший до тех пор 15-м и 16-м корпусами, был назначен командующим новым соединением, которое было сформировано под этим названием. Какие еще войска входили в то время в это соединение, мы сказать не можем; эта армия фактически непрерывно получала подкрепления, по крайней мере, вплоть до конца ноября, когда она номинально состояла из следующих корпусов: 15-го (Пальер), 16-го (Шанзи), 17-го (Сони), 18-го (Бурбаки), 19-го (Барраль, по прусским сведениям) и 20-го (Круза). Из них 19-й никогда не упоминался ни во французских, ни в прусских сообщениях, и поэтому мы не можем предполагать, что он принимал участие в боях. Кроме этих корпусов, под Ле Маном и в соседнем лагере Конли находились 21-й армейский корпус (Жорес) и армия Бретани, которая после отставки Кератри была передана Жоресу. Мы можем добавить, что на севере под командой генерала Федерба находится 22-й корпус; базой его операций является город Лилль. Мы не включили сюда кавалерийский корпус генерала Мишеля, приданный Луарской армии, хотя этот отряд конницы и считается очень многочисленным, однако, ввиду того что сформирован он недавно и состав его необучен, его нельзя рассматривать иначе как добровольческую или любительскую конницу.

Эта армия состояла из чрезвычайно разнородных элементов, — начиная от старых солдат, вновь призванных в ряды войск, до неопытных рекрутов и добровольцев, питающих отвращение ко всякой дисциплине: от крепких батальонов, как,

например, папские зуавы, до банд, которые были батальонами только по названию. Хотя некоторая дисциплина и была установлена, армия в целом все еще сохраняла отпечаток той огромной поспешности, с которой производилось ее формирование. «Если бы этой армии было дано еще четыре недели для подготовки, она была бы грозным противником», — говорили немецкие офицеры после знакомства с ней на поле битвы. За вычетом всех тех неопытных рекрутов, которые служат только помехой, мы можем установить, что в пяти корпусах д'Ореля (не считая 19-го) было приблизительно от 120 000 до 130 000 человек, заслуживающих названия бойцов. Войска под Ле Маном могли дать еще около 40 000.

Против них стоит армия принца Фридриха-Карла, в которую входят также и войска под командой великого герцога Мекленбургского; от капитана Хозье мы теперь знаем, что все они вместе составляли, пожалуй, меньше чем 90 000 человек. Но благодаря военному опыту своей организации и испытанному руководству командиров эти 90 000 вполне могли вступать в бой с двойным числом таких войск, какие действовали против них. Таким образом, шансы были почти равные, а то, что это было так, делает большую честь французскому народу, который из ничего в течение трех месяцев создал эту новую армию.

Кампания началась со стороны французов атакой на фон-дер Танна под Кульмье и взятием обратно Орлеана 9 ноября. Затем мы видим движение герцога Мекленбургского на помощь фон-дер Танну и маневры д'Ореля в направлении на Дрё, что заставило герцога Мекленбургского стянуть сюда все свои войска и предпринять марш на Ле Ман. Во время этого марша французские иррегулярные войска тревожили немцев так энергично, как никогда в эту войну. Население оказывало самое решительное сопротивление, партизаны непрерывно тревожили фланги противника; но регулярные войска ограничивались демонстрациями и не принимали боя. Письма немецких корреспондентов при армии герцога Мекленбургского, их ярость и возмущение этими проклятыми французами, которые упорно применяют в войне способы, наиболее удобные для себя и наименее удобные для противника, являются лучшим доказательством того, что эта короткая кампания в окрестностях Ле Мана была прекрасно проведена оборонявшимися. Французы заставили герцога Мекленбургского, как в какой-то охоте на диких гусей, гнаться за невидимой армией до тех пор, пока он оказался на расстоянии приблизительно в двадцать пять миль от Ле Мана. Зайдя так далеко, он не решился идти дальше и повернул на юг. Очевидно, первоначальный план состоял в том, чтобы нанести сокруши-

тельный удар Ле Манской армии, затем повернуть к югу на Блуа и обойти левый фланг Луарской армии, в то время как Фридрих-Карл, как раз тогда подходивший, атаковал бы ее с фронта и тыла. Но этот план, как и многие другие, составленные впоследствии, не удался. Предоставив герцога Мекленбургского своей судьбе, д'Орель двинулся против Фридриха-Карла и 24 ноября атаковал под Ладонем и Мезьером 10-й прусский корпус, а 28-го под Бон-ля-Роланд крупную прусскую часть. Очевидно, здесь д'Орель плохо использовал свои войска. Несмотря на то, что это была его первая попытка прорваться сквозь прусскую армию и силой проложить себе путь на Париж, только небольшая часть его войск была в готовности. Единственно, что ему удалось сделать, — это внушить противнику уважение к своим войскам. Он отошел на укрепленные позиции перед Орлеаном, где сосредоточил все свои силы. Он расположил их справа налево следующим порядком: 18-й корпус — на крайнем правом фланге, затем 20-й и 15-й, все они находились к востоку от железной дороги Париж — Орлеан; к западу от нес — 16-й и на крайнем левом фланге — 17-й. Если бы эти войска были сосредоточены во-время, вряд ли можно было бы сомневаться в том, что они разбили бы армию Фридриха-Карла, которая тогда насчитывала менее 50 000 человек¹⁶². Но к тому времени, когда д'Орель основательно укрепился на своих позициях, герцог Мекленбургский снова двинулся на юг и присоединился к правому крылу армии своего кузена, который получил теперь верховное командование. Таким образом, 40 000 бойцов герцога Мекленбургского приняли участие в наступлении против д'Ореля, в то время как французская Ле Манская армия, удовлетворившись славой, что она «отбила» противника, спокойно оставалась на своих местах, в каких-нибудь 60 милях от пункта, где решались судьбы кампании.

После этого совершенно неожиданно пришло известие о вылазке Трошю 30 ноября. Надо было сделать новые усилия, чтобы поддержать его. 1 декабря д'Орель начал общее наступление на пруссаков, но было слишком поздно. В то время как немцы встретили его всеми своими войсками, его 18-й корпус, на крайнем правом фланге, был, повидимому, послан по неверному направлению и не принял участия в боевых действиях. Таким образом, д'Орель сражался, имея только четыре корпуса, а это значит, что число его фактических бойцов, вероятно, лишь немного превышало число бойцов противника. Он был разбит и, кажется, счел себя побежденным даже раньше того, чем это произошло в действительности. Этим и объясняется нерешительность, которую он проявил, когда, отдав вечером 3 декабря приказ об отступлении через Луару,

он на следующее утро отменил его и решил оборонять Орлеан. Результат был обычный: «ordre, contre-ordre, désordre» (приказ, отмена приказа, беспорядок). Так как прусское наступление сосредоточивалось против его левого фланга и центра, то оба его правофланговые корпуса, очевидно, вследствие полученных ими противоречивых приказов, потеряли путь отступления на Орлеан и должны были переправиться через реку у Жаржо (20-й корпус) и еще восточнее, у Сюлли (18-й корпус). Небольшая часть последнего была, повидимому, отброшена еще более на восток, так как 7 декабря она была обнаружена под Невуа, вблизи Жиен, 3-м прусским корпусом, который отсюда преследовал ее в направлении на Бриар, все время по правому берегу реки. Орлеан попал в руки немцев вечером 4 декабря, причем преследование французов было организовано немедленно. В то время, как 3-й корпус должен был идти по правому берегу Верхней Луары, 10-й был послан на Вьерзон, а войска герцога Мекленбургского по правому берегу на Блуа. Не дойдя до этого пункта, последние были встречены под Божанси, по крайней мере, частью Ле Манской армии, которая, наконец, соединилась теперь с войсками Шанзи и оказала упорное и отчасти успешное сопротивление. Но оно вскоре было сломлено, так как 9-й прусский корпус шел по левому берегу реки на Блуа, где он отрезал бы Шанзи отступление на Тур. Это обходное движение достигло своей цели. Шанзи ушел от опасности, и Блуа попал в руки противника. Наступившая оттепель и сильные дожди размыли дороги, и это приостановило дальнейшее преследование.

Принц Фридрих-Карл телеграфировал в главную квартиру, что вся Луарская армия рассеяна в разных направлениях, ее центр прорван и как армия она перестала существовать. Все это звучит превосходно, но далеко не соответствует действительности. Даже согласно немецким отчетам, не может быть никакого сомнения в том, что взятые под Орлеаном 77 орудий почти все были морскими орудиями, оставленными в укреплениях. Возможно, что 10 000,— а включая раненых и 14 000,— было взято в плен и большинство из них было в значительной степени деморализовано; но состояние баварцев, которые 5 декабря, также деморализованные, без оружия и ранцев, толпами шли по дороге от Артенэ на Шартр, было немногим лучше. Во время преследования, 5-го и после, не было захвачено никаких трофеев; если армия разбита, то не может быть, чтобы такая активная и многочисленная кавалерия, как прусская, не приводила в плен солдат этой армии целыми толпами. Тут, мягко выражаясь, кроется какая-то необычная неточность. Оттепель — не оправдание: она наступила около 9-го, и, таким образом, для активного преследования имелось

четыре или же пять дней, когда замерзшие дороги и поля были в прекрасном состоянии. Наступление пруссаков остановлено не столько оттепелю, сколько сознанием, что силы их войск, насчитывавших 90 000 человек, доведенных до 60 000, вследствие потерь и из-за того, что приходилось оставлять войска для несения гарнизонной службы, почти истощены. Они почти дошли до предела, за которым преследовать даже разбитого противника становится неосторожностью. Набеги крупного масштаба в южном направлении возможны, но дальнейшее занятие территории вряд ли будет иметь место. Луарская армия, разделенная теперь на две армии, — одна под командой Бурбаки, а другая Шанзи, — будет иметь достаточно времени и пространства для реорганизации и пополнения своего состава вновь сформированными батальонами. Из-за своего разделения она перестала существовать как армия; но эта первая французская армия в данной кампании, которая вела себя не бесславно. О двух армиях, пришедших ей на смену, мы, вероятно, еще услышим.

А между тем Пруссия обнаруживает признаки истощения. Призывают ландвер до 40 лет и старше, хотя по закону эти люди после 32 лет свободны от военной службы. Обученные резервы страны истощены. В январе во Францию будут посланы новобранцы из Северной Германии, их будет приблизительно 90 000. Это все вместе взятое, быть *может*, и составит те 150 000 человек, о которых мы так много слышим, но пока их еще нет; а когда они действительно придут, их появление существенно изменит характер армии. Истощение сил, вызванное данной кампанией, ужасно и возрастает с каждым днем. Это доказывается как меланхолическим тоном писем из армии, так и списками потерь. Судя по этим спискам, главные потери причиняются не крупными боями, а мелкими стычками, во время которых погибает один, два, пять человек. Волны народной войны с течением времени разрушают по частям самую крупную армию и, что особенно важно, без какой-либо видимой убыли противной стороны. Пока Париж держится, положение французов улучшается с каждым днем, и нетерпение, с которым в Версале ждут сдачи Парижа, является лучшим доказательством того, что этот город может еще оказаться опасным для осаждающих его.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке
16 декабря 1870 г.

Впервые напечатано в «Pall Mall Gazette»,
17 декабря 1870 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения,
т. XIII, ч. II.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ – XXXIII

С рождества началась действительная осада Парижа. До этого времени происходило лишь обложение этой гигантской крепости. Правда, были построены батареи для тяжелых осадных орудий и собран осадный парк, но ни одного орудия не было поставлено на позицию, не было проделано ни одной амбразуры, не было произведено ни одного выстрела. Все эти приготовления были выполнены с южной и юго-западной сторон. С других сторон были также сооружены брустверы, но они, очевидно, предназначались лишь для оборонительных действий против вылазок и для прикрытия пехоты и полевой артиллерии осаждающих. Эти укрепления устраивались, разумеется, на большей дистанции от парижских фортов, чем должны были находиться осадные батареи; между ними и фортами проходила широкая полоса никем не занятого пространства, которым можно было пользоваться для вылазок. Когда большая вылазка Трошю 30 ноября была отбита, он все еще продолжал оставаться хозяином некоторой части этого пространства с восточной стороны Парижа, в особенности изолированного плато Аврон, перед фортом Рони. С какого числа Трошю начал укреплять это плато, мы точно не знаем, но 17 декабря мы встречаем упоминание о том, что как Монт Аврон, так и высоты Варенн (в петле, образованной Марной) были уже укреплены и вооружены тяжелыми орудиями.

За исключением нескольких передовых редутов с южной стороны близ Витри в Вильжюиф, которые, повидимому, не имеют большого значения, мы имеем здесь первую в крупном масштабе попытку обороняющихся расширить свои позиции контр-апрошами. Здесь мы должны, естественно, прибегнуть к сравнению с Севастополем. Спустя больше четырех месяцев после начала осадных работ, к концу февраля 1855 г., когда союзники ужасно страдали от холода, Тотлебен начал возведение передовых укреплений на значительном для того времени расстоянии впереди своих линий. 23 февраля он построил Селенгинский редут в 1100 ярдах от главного крепостного вала, и в тот же самый день атака нового укрепления союзниками

потерпела неудачу; 1 марта был закончен другой редут (Волынский), еще более выдвинутый вперед, в 1450 ярдах от крепостного вала. Эти два укрепления были названы союзниками «Белыми укреплениями». 12 марта в 800 ярдах от вала был закончен Камчатский люнет, названный союзниками «Зеленый курган» [*Mamelon vert*], и впереди всех этих укреплений были вырыты земляные окопы для стрелков. Атака 22 марта была отбита, и все укрепления, а вместе с ними и укрепления правее кургана, а именно «Каменоломня», были закончены; все редуты были соединены прикрытыми путями. Тщетно в течение всего апреля и мая союзники делали попытки вернуть территорию, на которой были расположены эти укрепления. Они должны были продвигаться к ним лишь с помощью систематически устраиваемых осадных апрошей, и только 7 июня, когда прибыли значительные подкрепления, они смогли взять эти укрепления штурмом. Таким образом, падение Севастополя было задержано этими выдвинутыми вперед полевыми укреплениями на целых три месяца, хотя они подвергались обстрелу самых мощных морских орудий того времени.

По сравнению с этим историческим примером оборона Монт Аврона выглядит очень жалкой. 17 декабря, после того как французы имели свыше двух недель для постройки своих укреплений, батареи были закончены. Тем временем осаждающие послали за осадной артиллерией, состоявшей, главным образом, из старых орудий, уже применявшихся в предыдущих осадах. 22-го было закончено сооружение осадных батарей против Монт Аврона, но никаких боевых действий не предпринималось до тех пор, пока не миновала всякая опасность массовой вылазки французов и пока позиции Парижской армии вокруг Дранси не были очищены 26-го. 27 декабря немецкие батареи открыли огонь, продолжавшийся 28-го и 29-го. Огонь французских укреплений скоро замолк, а 29-го укрепления были покинуты, так как, по официальным французским сообщениям, в них не было блиндажей для укрытия гарнизона.

Это, несомненно, жалкая оборона и еще более жалко ее оправдание. Главный недостаток кроется, очевидно, в конструкции укреплений. Из всех описаний можно заключить, что на Монт Авроне не было ни одного крытого редута, а были только батареи, открытые с тыла, даже не имевшие действительного прикрытия с флангов. Кроме того, эти батареи были, очевидно, обращены только в одну сторону, к югу или к юго-востоку; между тем как тут же рядом, к северо-востоку, расположены высоты Рэнси и Монфермейль — самые удобные из всех пунктов для батарей против Аврона. Осаждающие воспользовались этим, чтобы окружить Аврон полукругом батарей, которые скоро заставили смолкнуть его огонь

и вытеснили его гарнизон. Но почему же не было укрытия для гарнизона? Мороз — это только половина оправдания, ибо французы имели достаточно времени, и то, что русские сумели сделать зимой в Крыму на скалистой почве, должно было быть возможным также и в декабре этого года у Парижа. Артиллерия, применявшаяся у Аврона, была, конечно, значительно более эффективной, чем артиллерия союзников под Севастополем; но это была та же артиллерия, которая применялась против редутов Дюппеля, тоже полевых укреплений, а они продержались три недели¹⁶³. Существует предположение, что пехотный гарнизон бежал, оставив артиллерию без защиты. Это возможно, но это не оправдывает инженеров, строивших укрепления. Инженерный штаб в Париже должно быть очень скверно организован, если судить по этому образчику его работы.

Быстрое разрушение Монт Аврона возбудило аппетит осаждающих к еще большим успехам подобного рода. Они открыли огонь по восточным фортам, в особенности по Нуази, Рони и Ножан. После двухдневной бомбардировки все эти форты почти замолкли. Что еще было предпринято против них помимо этого, мы не знаем. Также ничего не говорится об огне укреплений, построенных в промежутках между этими фортами. Но мы можем быть уверены, что осаждающие приложат все усилия, чтобы продвинуть вперед свои апроши, хотя бы и примитивного типа, против этих фортов и тем обеспечить за собой прочное положение на Монт Авроне. Нас не удивило бы, если бы они, несмотря на погоду, достигли в этом отношении большего, чем французы.

Но каково влияние всех этих событий на ход осады? Несомненно, что, если эти три форта попадут в руки пруссаков, это будет значительным успехом и позволит им придвинуть свои батареи на расстояние в 3000—4000 ярдов от крепостной ограды. Впрочем, нет никакого основания ожидать, чтобы они так быстро сдались. Все эти форты имеют блиндажи для своих гарнизонов; осаждающие же до сих пор еще не получили нарезных мортир, которые у них вообще имеются в ничтожном количестве. Эти мортиры представляют собой единственный вид артиллерии, могущей в очень короткий срок разрушить непроницаемые для бомб блиндажи; старые мортиры слишком ненадежны по меткости, чтобы дать быстрый результат, а 24-фунтовым орудиям (со снарядом весом 64 фунта) не может быть придан достаточно большой угол возвышения, чтобы обеспечить навесный огонь. Если кажется, что огонь этих фортов замолк, то это свидетельствует лишь о том, что орудия были поставлены за прикрытия, чтобы держать их наготове в случае штурма. Прусские батареи могут

разрушить брустверы валов, но это не будет означать, что пробита брешь. Для того чтобы пробить перекидным огнем хорошо прикрытую каменную кладку эскарпов, им придется расположить батареи не дальше 1000 ярдов от фортов, а это может быть сделано только посредством правильных параллелей и апрошей. «Ускоренный» процесс осады, о котором пруссаки так много говорят, заключается лишь в том, чтобы привести к молчанию неприятельскую артиллерию с больших дистанций с целью приготовить апроши с меньшим риском и потерей времени; за этим следует сильнейшая бомбардировка и пробивание брешей в валу перекидным огнем. Если все эти меры не принудят французов к сдаче, — а в отношении парижских фортов трудно понять, как это могло бы заставить их сдаться, — то не остается ничего другого, кроме как двигаться сапой обычным путем до гласиса, а затем решиться на штурм. Штурм Дюппеля был предпринят после того, как апроши были доведены приблизительно до 250 ярдов от разрушенных укреплений, а у Страсбурга сапы пришлось подводить совершенно старомодным способом до гребня гласиса и за него.

Учитывая все это, мы должны еще и еще раз возвратиться к точке зрения, так часто защищавшейся на этих столбцах, что оборону Парижа следует вести активно, а не только пассивно. Если когда-либо был удобный момент для вылазок, так это именно теперь. В данный момент речь идет не о прорыве неприятельской линии, а лишь о том, чтобы принять местный бой, который осаждающие навязывают осажденным. Что почти при всех обстоятельствах можно добиться того, чтобы огонь осаждающих превосходил в любом избранном пункте огонь осажденных, это старая и бесспорная истина; и если осажденные не возмещают этого присущего им недостатка своей активностью, смелостью и энергией в вылазках, они теряют лучшие свои шансы. Говорят, что войска, находящиеся в Париже, пали духом; однако для этого нет никаких причин. Войска могли потерять доверие к своим начальникам, но это совсем другое дело; если Трошю будет продолжать бездействовать, то они имеют для этого полное основание.

Мы считаем нужным в нескольких словах указать на замысловатую гипотезу некоторых лиц, будто Трошю после падения Парижа намерен отойти со своими войсками на укрепленный полуостров Мон Валерьен, как в цитадель. Эта глубокомысленная догадка была состряпана какими-то сверхумными штабными прихлебателями в Версале и основана, главным образом, на том факте, что между Парижем и указанным полуостровом происходит оживленное движение повозок взад и вперед. Надо быть действительно необыкновенно умным ге-

нералом, чтобы избрать для постройки своей цитадели низкий наносный полуостров, окруженный со всех сторон командующими высотами, с которых можно видеть расположенные на полуострове войска, как на ладони, и, следовательно, можно их обстреливать с удобных позиций. Но с тех пор как существует прусский штаб, он всегда страдал от входивших в его состав людей, отличавшихся сверхчеловеческою прозорливостью. Им постоянно кажется, что неприятель будет всегда проделывать самые невероятные вещи. Согласно немецкой поговорке, «они слышат, как трава растет». Всякий, кто изучал прусскую военную литературу, должен был наталкиваться на людей такого сорта, но удивительно лишь одно, что находятся еще люди, которые им верят.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке
5 января 1871 г.
Впервые напечатано в «Pall Mall Gazette»,
6 января 1871 г.
К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения,
т. XIII, ч. II.

ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ — XXXVIII

Война опять вступает в один из критических периодов, который может оказаться на этот раз последним. С того момента, как мы узнали, что в Париже правительством установлена норма выдачи хлеба, не может быть больше никакого сомнения в том, что это начало конца. Как скоро последует за этим предложение о капитуляции — это второстепенный вопрос. Мы предполагаем, таким образом, что осажденной армии силой в 500 000 вооруженных людей предстоит сдать 220 000 осаждающих на любых условиях, какие осаждающим заблагорассудится предложить. Окажется ли возможным осуществить это без новой борьбы, видно будет впоследствии, во всяком случае, никакая борьба не может существенно изменить положения вещей. Продержится ли Париж еще две недели, удастся ли части этих 500 000 вооруженных людей проложить себе путь через линию обложения, это не окажет большого влияния на дальнейший ход войны.

Мы считаем генерала Трошю главным виновником такого результата осады. Он оказался безусловно неспособным сформировать армию из того бесспорно превосходного материала, который был в его распоряжении. У него было почти пять месяцев для того, чтобы из своих людей сделать солдат; но оказалось, что теперь они сражаются не лучше, чем в начале осады. Заключительная вылазка из Валерьяна была проведена с гораздо меньшей стремительностью, чем предыдущая вылазка через Марну; в ней, повидимому, очень много театральной эффектности и очень мало ярости отчаяния. Этого нельзя оправдывать тем, что войска были непригодны для атаки укреплений, защищаемых немецкими ветеранами. А почему они были непригодны? Пять месяцев — достаточный срок, чтобы превратить людей, которыми командовал Трошю, в очень приличных солдат, причем трудно представить себе обстановку, более соответствующую этой цели, чем осада большого укрепленного лагеря. Несомненно, после ноябрьских и декабрьских вылазок люди потеряли мужество; но произошло ли это потому, что они сознали превосходство противника над собой, или же потому, что они совершенно перестали верить в мнимую решимость Трошю сражаться до по-

следней крайности? Все сообщения из Парижа единогласно приписывают недостаток успехов отсутствию доверия у солдат к высшему командованию. И это правильно. Мы не должны забывать, что Трошю орлеанист и как таковой боится, как огня, Ля Виллета, Бельвиля и других «революционных» кварталов Парижа. Он боится их больше, чем пруссаков. Это не просто наше предположение или вывод. Мы знаем это из источника, не вызывающего никаких сомнений: из письма, посланного из Парижа членом правительства, в котором говорится, что от Трошю со всех сторон требовали энергичного наступления, но последний неизменно от этого отказывался, говоря, что подобный образ действий мог бы передать Париж в руки «демагогов».

Падение Парижа, таким образом, является теперь почти несомненным. Тотчас же после Сен-Кантена, Ле Мана и Эрикура ¹⁶⁴ это будет тяжелым ударом для французской нации, и моральное действие его при таких обстоятельствах будет очень велико. Более того, события, надвигающиеся на юго-востоке, могут придать этому удару морально сокрушающую силу. Бурбаки, повидимому, задерживаются в окрестностях Бельфора слишком долго, и это наводит на мысль, что он совершенно не понимает своего положения. 24-й корпус под командой Брессоля еще 24-го находился в Бламоне, приблизительно в двенадцати милях южнее Монбельяра, у самой швейцарской границы; даже допуская, что это был лишь арьергард Бурбаки, все-таки нельзя рассчитывать на то, что два другие его корпуса были бы далеко оттуда. В то же самое время мы узнаем, что прусские отряды уже 21-го прервали у Доль железную дорогу между Безансоном и Дижоном; что с тех пор они заняли Сен-Ви, другую станцию на этой же линии ближе к Безансону; что они ограничили путь отступления Бурбаки к Лиону узкой полосой между рекой Ду (Doubs) и швейцарской границей, местностью, прорезанной параллельно идущими продольными горными цепями и долинами, где сравнительно небольшие силы могут найти достаточно позиций, чтобы быть в состоянии остановить отступление такой армии, какой показала себя армия Бурбаки. Мы полагаем, что эти отряды на Ду представляют собою 13-ю дивизию 7-го корпуса Цастрова, быть может, части 2-го корпуса Франзецкого, который 23-го появился у Дижона. 60-й полк, составляющий вместе с 21-м 8-ю бригаду (или 4-ю бригаду 2-го корпуса), был отброшен Гарибальди у этого города и потерял свое знамя. Так как Гарибальди располагает не больше чем 15 000 человек, то он не будет в состоянии удержать город против численно превосходящих сил, которые тем временем, вероятно, уже успеют подойти. Он будет

отброшен назад, и наступление пруссаков будет продолжаться к реке Ду и далее. Если Бурбаки не использует в этот промежуток времени с наибольшим эффектом ноши своих солдат, то он рискует быть загнанным со всей своей армией либо в крепость Безансон, чтобы еще раз повторить Мец, либо в какой-нибудь угол Юры, примыкающий к швейцарской территории, и будет принужден сложить оружие по эту или по другую сторону границы. В случае же, если он сумеет ускользнуть с большей частью своих войск, то ему почти наверное придется пожертвовать значительным числом оставших, обозом и, быть может, артиллерией.

После трехдневного боя у Эрикура Бурбаки не следовало оставаться ни одного дня дольше в своем опасном положении вблизи границы, поскольку прусские подкрепления продвигались по направлению к его коммуникациям. Его попытки освободить Бельфор не удались; всякие шансы дальнейшего наступательного движения в этом направлении исчезли; положение его с каждым днем становилось все опаснее, и ничто, кроме быстрого отступления, не могло бы спасти его. По всем данным, он также пренебрег этим, и если его неосторожность приведет ко второму Седану, это нанесет жестокий моральный удар французскому народу.

Мы говорим моральный, так как материальным он может и не быть. Хотя Германия, конечно, не настолько истощена, как уверяет Гамбетта, но все же она как раз в данный момент действует абсолютно и относительно гораздо большими силами, чем будет в состоянии действовать в ближайшие месяцы. Через некоторое время немецкие силы должны уменьшиться, между тем как французским ничто не мешает снова возрастать даже и после сдачи парижского гарнизона и армии Бурбаки, если бы дело дошло до этого. Пруссак, очевидно, сами оставили всякую надежду на возможность завоевать и оккупировать всю Францию; и до тех пор, пока сплошной массив территории на юге остается свободным и пока пассивное, а при случае и активное (например, взрыв моста на Мозеле, близ Туля) сопротивление на севере еще имеет место, мы не видим причин, могущих заставить Францию сдаться, если только она не слишком утомлена войной.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке
25 января 1871 г.

Впервые напечатано в «Pall Mall Gazette»,
26 января 1871 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения,
т. XIII, ч. II.

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ ВО ФРАНЦИИ С ВОЕННОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Если ряд неудач французской армии, которыми отмечена январская кампания — поражения Федерба и Шанзи, падение Парижа, поражение Бурбаки и его сдача швейцарцам, — если все эти потрясающие события, происшедшие в течение короткого трехнедельного периода, сломили, — как это можно определенно считать, — дух сопротивления во Франции, то нет ничего невероятного в том, что немцы своими непомерными требованиями могут теперь снова пробудить этот дух. Если стране грозит полное разорение в результате заключения мира в такой же мере, как и в результате продолжения войны, тогда к чему вообще заключать мир? Имущие классы, городская буржуазия, крупные землевладельцы и часть крестьян-собственников составляли до сих пор партию мира; можно было ожидать, что они изберут в Национальное собрание депутатов, стоящих за мир; но если неприятель настаивает на таких неслыханных требованиях, то клич к войне не на жизнь, а на смерть может раздаться так же и из их рядов, как и из рядов рабочих крупных городов. Во всяком случае не следует пренебрегать возможными шансами на возобновление войны после 19 февраля; в особенности ввиду того, что сами немцы, если верить сегодняшнему номеру «Daily News», не настолько удовлетворены перспективой дальнейшего хода дел, чтобы воздержаться от серьезных приготовлений к возобновлению военных действий. Поэтому разберем еще раз вопрос о военном положении.

Двадцать семь департаментов Франции, занятых в настоящее время пруссаками, составляют площадь 15 800 000 гектаров с населением (исключая еще несдавшиеся крепости) почти 12 500 000 человек. Площадь всей Франции составляет 54 240 000 гектаров, а ее население 37 382 000 человек. Отсюда, округляя цифры, следует, что 38 500 000 гектаров с населением 25 000 000 человек остались еще незавоеванными — целых две трети населения и значительно больше двух третей территории. Париж и Мец, сопротивление которых так долго задер-

живало дальнейшее продвижение неприятеля, правда, пали. Внутри незавоеванной страны, кроме Лиона, нет ни одного укрепленного пункта, могущего играть такую роль, какую играли эти две крепости. Почти 700 000 французов (не считая парижской Национальной гвардии) превратилось в военнопленных или интернировано в Швейцарии. Но существуют и другие обстоятельства, могущие возместить этот недостаток даже в том случае, если бы трехнедельное перемирие не было использовано для устройства новых пунктов, окруженных временными укреплениями; хотя для этой цели времени было вполне достаточно.

Большая часть незавоеванной Франции лежит южнее линии Нант — Безансон; она образует сплошной массив, прикрытый с трех сторон морем или нейтральными границами, и только северная пограничная линия ее открыта для неприятельского наступления. Здесь — сила национального сопротивления; здесь должны быть найдены люди и средства для продолжения войны, если она возобновится. Для завоевания и оккупации этого огромного прямоугольника размерами 450 на 250 миль, при отчаянном сопротивлении как регулярных, так и иррегулярных сил населения, нынешних войск пруссаков было бы недостаточно. Сдача Парижа, при оставлении четырех корпусов в качестве гарнизона этой столицы, освобождает девять дивизий; сдача Бурбаки освобождает шесть линейных дивизий Мантейфеля, т. е. всего 15 дивизий, или 150 000—170 000 солдат, для полевых операций, в дополнении к четырем дивизиям Гебена и восьми дивизиям Фридриха-Карла. Но у Гебена руки достаточно связаны на севере, а Фридрих-Карл своей остановкой в Туре и Ле Мане показал, что его наступательные силы полностью исчерпаны; таким образом, для завоевания юга остаются только упомянутые пятнадцать дивизий; а в течение нескольких ближайших месяцев дальнейшие подкрепления прибыть не могут.

Этим пятнадцати дивизиям французы должны будут вначале противопоставить, главным образом, новые формирования. Возле Невера и Буржа находились 15-й и 25-й корпуса; там же в окрестностях должен был находиться 19-й корпус, о котором мы ничего не слышали с начала декабря. Затем существует еще 24-й корпус, спасшийся при крушении Бурбаки, и войска Гарибальди, недавно увеличенные до 50 000 человек, хотя нам неизвестно, какими частями и из каких пунктов. В общем это составляет тринадцать или четырнадцать дивизий, может быть, даже шестнадцать, но количественно и качественно совершенно недостаточных, чтобы задержать продвижение новых армий, которые, наверное, будут посланы против них, если срок перемирия истечет, а мир не будет заключен.

Но три недели перемирия не только дадут этим французским дивизиям время, чтобы сплотиться; они дадут возможность более или менее необученным рекрутам, находящимся теперь в учебных лагерях, число которых по подсчету Гамбетты доходит до 250 000 человек, превратиться, по крайней мере лучшим из их батальонов, в боеспособные части, которые будут в состоянии встретить неприятеля. Таким образом, в случае возобновления войны французы оказались бы в состоянии отразить всякое серьезное вторжение на юг, если и не на пограничной линии Луары или далеко к северу от Лиона, то все же в таких пунктах, где присутствие врага не сможет существенно ослабить силу их сопротивления.

Несомненно, что перемирие дает массу времени для того, чтобы восстановить снабжение, дисциплину и моральное состояние армий Федерба и Шанзи, так же как и всех других частей в Шербурге, Гавре и т. д. Вопрос только в том, будет ли время использовано надлежащим образом. В то время как силы французов, таким образом, значительно возрастут как количественно, так и качественно, немцы едва ли получат какое-нибудь подкрепление. В этом отношении перемирие окажется выгодным для французов.

Но кроме сплошного массива Южной Франции, незавоеванными остаются два полуострова — Бретань с Брестом и Котантен с Шербургом — и сверх того два северных департамента с их крепостями. Гавр также представляет незавоеванный, хорошо укрепленный пункт на побережье. Каждая из этих четырех областей имеет, по крайней мере, одно хорошо укрепленное убежище на побережье для отступающей армии; так что флот, которому в настоящее время абсолютно нечего делать, может поддерживать сообщение между ними и югом и перевозить по мере надобности войска из одного пункта в другой и таким способом сразу сделать разбитую армию способной возобновить наступление с превосходными силами. Таким образом, пока эти четыре северных и западных округа остаются в известной мере неприступными, они создают такое же число слабых мест на флангах пруссаков. Линия, где французам угрожает действительная опасность, тянется от Анжера до Безансона; для немцев она, кроме того, тянется от Анжера через Ле Ман, Руан и Амьен к бельгийской границе. Если только французы проявят достаточно здравого смысла, то на этой линии немцы не смогут добиться решающих результатов, но зато преимущества, приобретенные тут французами, при известных условиях могут стать действительно решающими.

Таково стратегическое положение. Выгодно используя свой флот, французы могут перебрасывать войска на запад и на

север, с тем чтобы принудить немцев держать в этой местности значительно превосходящие силы и ослабить войска, посланные для завоевания юга, воспрепятствовать чему было бы главной задачей французов. Сосредоточивая свои армии в большей степени, чем это делалось до сих пор, и, с другой стороны, высылая большее число мелких партизанских отрядов, французы могут добиться лучших результатов при тех же силах. Оказывается, что в Шербурге и Гавре было значительно больше войск, чем требовалось для обороны; а хорошо выполненное разрушение моста в Фонтенуа около Туля, в центре области, занятой противником, показывает, что может быть достигнуто смелыми партизанами. Если война вообще возобновится после 19 февраля, она должна быть в действительности войной на истребление, войной, подобной испанской войне против Наполеона, войной, в которой противнику никакими расстрелами и поджогами не удастся сломить дух сопротивления ¹⁶³.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке
около 7 февраля 1871 г.

Впервые напечатано в «Pall Mall Gazette»,
8 февраля 1871 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения,
том XIII, ч. II.

СТАТЬИ
ПО ВОЕННЫМ ВОПРОСАМ
(70-е — 90-е годы)

БАКУНИСТЫ ЗА РАБОТОЙ

ЗАПИСКИ О ВОССТАНИИ В ИСПАНИИ ЛЕТОМ 1873 г.

Предварительное замечание*

Чтобы облегчить понимание нижеследующих записок, приведем несколько хронологических данных.

9 февраля 1873 г. королю Амадео надоела его испанская корона; он — первый забастовавший король — отрекся от престола. 12-го была провозглашена республика; вслед за тем в баскских провинциях вспыхнуло новое карлистское восстание.

10 апреля было избрано учредительное собрание, которое открылось в начале июня и провозгласило 8 июня федеративную республику. 11-го образовалось новое министерство, с Пи-и-Маргаллем во главе. Одновременно была избрана комиссия для выработки проекта новой конституции, причём, однако, в эту комиссию не были допущены крайние республиканцы, так называемые непримиримые. И вот, когда 3 июля провозглашена была эта новая конституция, непримиримые нашли, что она идет недостаточно далеко по линии раздробления Испании на «независимые кантоны». Ввиду этого непримиримые немедленно подняли восстания в провинциях; в Севилье, Кордове, Гранаде, Малаге, Кадиксе, Алькое, Мурсии, Картагене, Валенсии и других местах они с 5 по 11 июля повсюду одержали верх и учредили в каждом из этих городов независимое кантональное правительство. 18 июля Пи-и-Маргалль подал в отставку и был сменен Сальмероном, который тотчас же послал войска против повстанцев. После слабого сопротивления повстанцы были побеждены в несколько дней; уже 26 июля, вследствие падения Кадикса, по всей Андалузии была восстановлена власть правительства; почти

* Это «Предварительное замечание», как и подзаголовок статьи, добавлены Энгельсом в 1894 г. при переиздании статьи в сборнике «Internationales aus dem Volksstaat» (Статьи на международные темы из газеты «Volksstaat»). *Ред.*

одновременно были покорены Муроня и Валенсия; только Валенсия проявила в борьбе некоторую энергию.

Держалась одна лишь Картагена. Этот крупнейший военный порт Испании, попавший вместе с флотом в руки повстанцев, со стороны суши был защищен, кроме крепостного вала, еще 13-ю отдельными фортами, и взять его поэтому было нелегко. А так как правительство остерегалось разрушить место стоянки своего собственного флота, то «суверенный кантон Картагена» продолжал существовать вплоть до 11 января 1874 г., когда он, наконец, сдался, так как в самом деле он решительно ни на что другое не был способен.

Во всем этом позорном восстании нас занимают здесь лишь еще более позорные деяния бакунистских анархистов; лишь они описаны здесь более или менее подробно, в назидание современникам.

I

Только что опубликованный доклад гаагской комиссии о тайном Альянсе Михаила Бакунина* раскрыл перед рабочим миром тайные происки, мошеннические проделки и пустозвонство, посредством которых стремились поставить пролетарское движение на службу раздутому честолюбию и эгоистическим целям нескольких непризнанных гениев. Вместе с тем в Испании эти спесивые хвастуны дали нам возможность познакомиться также и с их практической революционной деятельностью. Посмотрим же, как осуществляют они свои ультрареволюционные фразы об анархии и автономии, об уничтожении всякой власти, в особенности государственной, о немедленном и полном освобождении пролетариата. Теперь, наконец, мы можем это сделать, так как, помимо газетных сообщений о событиях в Испании, мы располагаем теперь и докладом Новой мадридской федерации Интернационала¹⁶⁶, представленным Женевскому конгрессу**.

Как известно, в Испании при расколе Интернационала получили перевес члены тайного Альянса; значительное большинство испанских рабочих шло за ними. И вот, когда в феврале 1873 г. была провозглашена республика, испанские альян-

* L'Alliance de la Démocratie Socialiste, London, 1873. Немецкое издание вышло под заглавием «Ein Komplott gegen die Internationale» («Заговор против Интернационала»). [Примечание Энгельса.] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих». Сочинения, т. XIII, ч. II. *Ред.*

** Речь идет о конгрессе, созванном представителями I Интернационала, главным образом в Швейцарии, в сентябре 1873 г.; конгресс имел чисто местное значение. *Ред.*

систы оказались в очень затруднительном положении. Испания в промышленном отношении настолько отсталая страна, что там еще не может быть и речи о *немедленном* полном освобождении рабочего класса. Прежде чем дело дойдет до этого, Испания должна еще пройти различные предварительные ступени развития и преодолеть целый ряд препятствий. Республика и давала возможность в кратчайший срок пробежать эти предварительные ступени и быстро устранить эти препятствия. Но воспользоваться этой возможностью можно было только путем *действенного политического* вмешательства испанского рабочего класса. Рабочая масса чувствовала это; везде добивалась она того, чтобы принять участие в событиях, использовать представляющуюся возможность действовать, а не оставлять, как до сих пор, имущим классам свободное поле для их деятельности и их интриг. Правительство назначило выборы в учредительные кортесы; какую позицию должен был занять Интернационал? Вожди бакунистов были в величайшем затруднении. Дальнейшая политическая бездеятельность становилась со дня на день все более смешной и невозможной; рабочие хотели «видеть дело». С другой стороны, альянсисты много лет проповедывали, что не следует принимать участия ни в какой революции, которая не имеет целью немедленное полное освобождение рабочего класса, что предпринять какое-либо политическое действие значило бы тем самым признать государство, этот источник всякого зла, и что именно поэтому принять участие в каких-либо выборах — преступление, заслуживающее смертной казни. Как вышли они из этого тупика, поясняет нам вышеупомянутый мадридский доклад:

«Те самые люди, которые отвергли гаагскую резолюцию о политической деятельности рабочего класса и попирали ногами устав Интернационала, вызвав этим раскол, внутреннюю борьбу и дезорганизацию в рядах испанского Интернационала; те самые люди, которые имели бесстыдство изображать нас в глазах рабочих честолюбивыми карьеристами, люди, которые под предлогом завоевания господства рабочим классом стремились захватить господство для самих себя; эти самые люди, называющие себя автономистами, анархистами-революционерами и т. п., на этот раз с жаром бросились делать политику, но — самую худшую, буржуазную политику. Они работали не для того, чтобы доставить политическую власть рабочему классу, — напротив, к этой идее они питают отвращение, — а для того, чтобы помочь притти к власти одному из слоев буржуазии, состоящему из авантюристов, честолюбцев и карьеристов и называющему себя «непримиримыми» (intransigente) республиканцами.

«Уже накануне общих выборов в Учредительное собрание рабочие Барселоны, Алькоя и других мест потребовали разъяснения, какой политики следует держаться рабочим как в парламентской, так и во всякой другой борьбе. С этой целью было устроено два больших собрания: одно в Барселоне, другое в Алькое; в обоих случаях альянсисты всеми силами противились тому, чтобы была твердо установлена политическая линия,

которой должен был бы держаться Интернационал (*nota bene*: их Интернационал). Таким образом, было решено, что *Интернационалу, как ассоциации, вовсе не следует заниматься политической деятельностью, но что члены Интернационала, каждый за свой страх, могут действовать, как им угодно, и примыкать ко всякой партии, к какой им заблагорассудится*, — в силу их пресловутой автономности! Каков же был результат применения такого нелепого учения? — Таков, что огромная масса членов Интернационала, включая анархистов, приняла участие в выборах без программы, без знамени, не имея собственных кандидатов, и, таким образом, способствовала тому, что избраны были почти исключительно буржуазные республиканцы. В палату вошло только два или три рабочих — люди, которые абсолютно никого не представляют, которые ни единого разу не возвысили голоса в защиту интересов нашего класса и которые преспокойно голосуют за все реакционные предложения, вносимые большинством палаты».

Вот что получается из бакунистского «воздержания от политики». В спокойные времена, когда пролетариат наперед знает, что, в лучшем случае, он проведет в парламент лишь нескольких представителей и что возможность достичь парламентского большинства совершенно исключена для него, — в такое время кой-где удается убедить рабочих, что великое революционное дело — сидеть во время выборов дома и вообще нападать не на то государство, в котором живешь и которое тебя угнетает, а на государство как таковое, на государство вообще, которое нигде не существует и которое, стало быть, не может и защищаться. Это в самом деле великолепный способ разыгрывать из себя революционеров для тех людей, у которых душа легко уходит в пятки; а до какой степени вожди испанских альянсистов относятся к людям такого сорта, подробно доказывает вышеупомянутая брошюра об Альянсе.

Но как только сами события выдвигают пролетариат на первый план, воздержание становится явной нелепостью, а деятельное вмешательство рабочего класса — неустранимой необходимостью. Так и было в Испании. Отречение Амадео оттеснило от власти радикальных монархистов и лишило их возможности снова притти к власти в ближайшем будущем; еще менее вероятно было это в тот момент для альфонсистов; карлисты же, как почти всегда, предпочитали избирательной борьбе гражданскую войну. Все эти партии, по испанскому обычаю, воздержались от выборов; в выборах приняли участие только расколовшиеся на два крыла федералисты-республиканцы и рабочая масса. При огромном обаянии, которым в то время еще пользовалось имя Интернационала среди испанских рабочих, при наличии еще в то время, по крайней мере на практике, превосходной организации его испанского ответвления, — было несомненно, что в фабричных районах Каталонии, в Валенсии, в городах Андалузии и т. д. всякая

выдвинутая и поддержанная Интернационалом кандидатура прошла бы блестяще и что в кортесах безусловно образовалось бы меньшинство, достаточно сильное для того, чтобы при каждом голосовании определять исход дела между тем и другим крылом республиканцев. Рабочие чувствовали это; они чувствовали, что теперь настало время пустить в ход свою тогда еще могущественную организацию. Но господа вожди бакунистской школы так долго проповедывали евангелие безусловного воздержания, что не могли сразу переменить курс; и вот они придумали тот жалкий выход, что Интернационал как целое воздержался, а его членам, каждому в отдельности, было предоставлено голосовать *по своему усмотрению*. Следствием этого объявления политического банкротства было то, что рабочие, как всегда в подобных случаях, голосовали за людей, выступавших наиболее радикально, — за непримиримых, — а тем самым в большей или меньшей степени брали на себя ответственность за дальнейшие шаги своих избранников и оказывались втянутыми в их действия.

II

Альянсисты никак не могли упорствовать на своем, оставаясь в том омешном положении, в которое они себя поставили своею ловкой избирательной политикой, — иначе наступил бы конец их прежнему господству над испанским Интернационалом. Им приходилось действовать, хотя бы только для виду. Спасением для них должна была стать *всеобщая стачка*.

В бакунистской программе всеобщая стачка служит тем рычагом, при помощи которого совершается социальная революция. В одно прекрасное утро все рабочие всех отраслей промышленности какой-либо страны или даже всего мира прекращают работу и этим вынуждают господствующие классы, самое большее через месяц, либо принести повинную, либо же напасть на рабочих, а тогда последние имеют право защищаться и, пользуясь таким поводом, опрокинуть все старое общество. Проект этот — отнюдь не новый; французские, а за ними бельгийские социалисты после 1848 г. вдоволь поездили на этом парадном коне, который, впрочем, по происхождению — английской породы. Во время быстрого и бурного развития чартизма¹⁶⁷, последовавшего вслед за кризисом 1837 г., среди английских рабочих уже в 1839 г. проповедывался «священный месяц», прекращение работы в национальном масштабе (см. *Энгельс*. Положение рабочего класса в Англии, 2-е издание, стр. 234 *), и это встретило такой отклик, что

* См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. второе, т. 2, стр. 455.

фабричные рабочие северной Англии в июле 1842 г. попытались осуществить это дело. Большую роль играла всеобщая стачка и на женевском конгрессе альянсистов, происходившем 1 сентября 1873 г., но здесь всеми было признано, что для этого необходима совершенная организация рабочего класса и наполненная касса. А тут-то и вся закорючка! С одной стороны, правительства, в особенности когда их ободряют политическим воздержанием, никогда не допустят, чтобы организация или касса рабочих достигли такого уровня. А с другой стороны, политические события и злоупотребления господствующих классов своей властью приведут к освобождению рабочих гораздо раньше, чем пролетариат успеет создать эту идеальную организацию и этот колоссальный запасный фонд. А если бы он обладал ими, ему незачем было бы идти окольным путем всеобщей стачки, чтобы достигнуть цели.

Для всякого, кто сколько-нибудь знает тайные пружины Альянса, не может подлежать сомнению, что предложение прибегнуть к этому испытанному средству исходило от швейцарского центра. Как бы то ни было, испанские вожаки нашли в этом выход, открывавший им возможность хоть что-нибудь делать, не ввязываясь прямо в «политику», и пошли на это с радостью. Повсюду стали проповедывать о чудодейственных свойствах всеобщей стачки; стали готовиться к тому, чтобы начать ее в Барселоне и в Алькое.

Между тем, политические отношения все более и более приближались к кризису. Старые краснобаи из федералистов-республиканцев, Кастиляр и компания, испугались движения, которое переросло их; они вынуждены были уступить власть Пи-и-Маргаллю, который попытался войти в соглашение с непримиримыми. Среди официальных республиканцев Пи был единственным социалистом, единственным человеком, сознававшим, что республике необходимо опираться на рабочих. Он представил тотчас же и программу мероприятий социального характера, которые можно было немедленно осуществить и которые должны были не только принести непосредственную выгоду рабочим, но последствия которых побуждали бы рабочих к дальнейшим шагам и, таким образом, должны были по крайней мере привести в движение социальную революцию. Но бакунистские члены Интернационала, которые обязаны отвергать даже самые революционные мероприятия, раз они исходят от «государства», предпочитали поддерживать самых сумасбродных шарлатанов среди непримиримых, но только не министра. Переговоры Пи с непримиримыми затянулись; непримиримые стали проявлять нетерпение, а самые горячие из них принялись в Андалузии за проведение кантонального

восстания. Тут пришлось приступить к делу и вождям Альянса, если только они не хотели тащиться на буксире у непримиримых буржуа. И вот было приказано начать всеобщую забастовку.

В Барселоне было тогда расклеено, между прочим, такое объявление:

«Рабочие! Мы устраиваем всеобщую забастовку, чтобы выразить глубокое негодование, которое мы испытываем при виде того, как правительство использует войска для усмирения наших трудящихся братьев, пренебрегая, однако, войной против карлистов» и т. д.

Рабочих Барселоны, крупнейшего фабричного города Испании, история которого знает больше баррикадных боев, чем история какого бы то ни было другого города в мире, призывали, таким образом, выступить против вооруженной силы правительства не с оружием, находившимся у них в руках, а... со всеобщей стачкой, т. е. с мероприятием, затрагивающим непосредственно лишь отдельных буржуа, но не их общего представителя — государственную власть! В спокойное, мирное время барселонские рабочие могли еще выслушивать буйные фразы смирных людей вроде Алерини, Фарга-Пелисера и Виньяса; но когда пришло время действовать, когда Алерини, Фарга-Пелисер и Виньяс сначала выпустили свою знаменитую избирательную программу, затем стали беспрестанно призывать к спокойствию и, наконец, вместо того, чтобы призвать к оружию, объявили всеобщую забастовку, — тогда рабочие стали прямо-таки презирать их. Самый слабенький непримиримый проявлял все же больше энергии, чем самый деятельный альянсист. Альянс и одураченный им испанский Интернационал утратили всякое влияние, и когда эти господа провозгласили всеобщую стачку, якобы с целью парализовать таким путем правительство, рабочие попросту высмеяли их. Но деятельность лжеинтернационала привела все же к тому, что удержала Барселону от участия в кантональном восстании; а Барселона была единственным городом, присоединение которого к движению могло оказать рабочему элементу, везде игравшему в нем видную роль, сильную поддержку, а вместе с тем и надежду овладеть в конце концов всем движением. Кроме того, с присоединением Барселоны победа была бы почти обеспечена. Но Барселона и пальцем не пошевелила; барселонские рабочие, раскусившие непримиримых, обманутые альянсистами, остались в бездействии и обеспечили тем самым окончательную победу мадридского правительства. Все это не помешало, однако, альянсистам Алерини и Бруссу (подробности о них — в докладе об Альянсе) заявить в своей газете «Solidarité révolutionnaire»;

«Революционное движение распространяется по всему полуострову с быстротою молнии... в Барселоне еще ничего не произошло, но на площадях, в общественных местах — перманентная революция!»

Но то была революция альянсистов, которая состоит в том, что быт в бубны и литавры, и которая именно поэтому «перманентно» стоит на одном «месте».

В то же самое время вспыхнула всеобщая стачка в Алькое. Алькой — молодой фабричный город, насчитывающий теперь около 30 000 жителей, в котором Интернационал, в бакунистской форме, появился лишь год тому назад и очень быстро распространился. Рабочие этого города, до тех пор совершенно чуждые движению, охотно воспринимали социализм в любой форме, подобно тому, как это повторяется то здесь, то там в отсталых местечках Германии, где Всеобщий германский рабочий союз¹⁶⁸ внезапно приобретает много свежее испеченных приверженцев. Алькой был избран поэтому местопребыванием бакунистской испанской Федеральной комиссии. С деятельностью этой самой Федеральной комиссии мы здесь и ознакомимся.

7 июля рабочее собрание постановляет объявить всеобщую стачку и на следующий день отправляет депутацию к алькальду (городскому голове) с требованием в 24 часа созвать фабрикантов и предъявить им требования рабочих. Алькальд Альборс, буржуазный республиканец, задерживает рабочих, вызывает войска из Аликанте, а фабрикантам дает совет не уступать, а забаррикадироваться в своих домах. Сам же он будет на своем посту. После совещания с фабрикантами, — мы следуем здесь официальному отчету Федеральной комиссии альянсистов, датированному 14 июля 1873 г., — он, пообещавший вначале рабочим сохранять нейтралитет, выпускает прокламацию, в которой он «оскорбляет рабочих и клеветает на них, становится на сторону фабрикантов и таким образом уничтожает право и свободу стачечников, провоцируя их на борьбу». Как могут благочестивые пожелания городского головы уничтожать право и свободу стачечников, остается во всяком случае неясным. Как бы то ни было, но руководимые Альянсом рабочие объявляют через комиссию городской думе, что если она не намерена сохранять обещанный нейтралитет по отношению к стачке, то, во избежание конфликта, лучше бы ей сложить свои полномочия. Комиссия не была принята, и, когда она покидала ратушу, полицейские открыли огонь по безоружному народу, мирно стоявшему на площади. Так, по альянсистскому отчету, началась борьба. Народ вооружился, завязалось сражение, длившееся будто бы «двадцать часов». С одной стороны — рабочие, число которых «Solidarité révolutionnaire» определяет в 5000, с другой сто-

роны — 32 жандарма в ратуше да еще несколько вооруженных человек в четырех или пяти домах на рынке; дома эти — по доброму прусскому примеру — были сожжены народом. Наконец, у жандармов вышли боевые припасы, и они вынуждены были сдаться.

«Не пришлось бы оплакивать так много жертв, — повествует отчет альянсистой комиссии, — если бы алькальд Альборс не обманул народа: он сделал вид, что сдается, а затем малодушно приказал убить тех, кто, полагаясь на его слово, проникли в ратушу; и сам этот алькальд не был бы убит населением, пришедшим в справедливое негодование, если бы он не выстрелил в упор из револьвера в людей, арестовывавших его».

Каковы же были жертвы этой борьбы?

«Хотя мы и не имеем возможности точно подсчитать число убитых и раненых (со стороны народа), мы все же можем сказать, что их *не менее десяти*. Со стороны нападавших насчитывается не менее *пятнадцати* убитых и раненых».

Это было первое уличное сражение, выдержанное Альянсом. В течение двадцати часов дрались против 32 жандармов и нескольких вооруженных буржуа, и после того, как те расстреляли все свои патроны, одолели их, потеряв всего навсего *десять человек*. Видимо, Альянс вдолбил своим последователям изречение Фальстафа¹⁰⁰ о том, что «осторожность — наилучшее доказательство храбрости».

Разумеется, все сообщения буржуазных газет о всякого рода ужасах, о бесцельно сожженных фабриках, о массовых расстрелах жандармов, о людях, облитых керосином и подожженных, — чистейшие выдумки. Победившие рабочие, даже тогда, когда ими руководят альянсисты, девиз которых: «Бей, круши!», — всегда обходятся даже чересчур великодушно со своими побежденными противниками, а последние приписывают им все те позорные деяния, которые *сами они* никогда не преминут учинить в случае победы.

Итак, победа была одержана.

«В Алькое, — ликует «Solidarité révolutionnaire», — наши друзья, в числе 6000 человек, стали господами положения».

Как же воспользовались эти «господа» своим «положением»?

Об этом не говорит нам ни слова ни отчет Альянса, ни альянсистская газета; мы вынуждены обратиться к обычным газетным сообщениям. Из них мы узнаем, что в Алькое был тотчас учрежден «комитет общественного спасения», т. е. революционное правительство. Правда, на своем конгрессе в Сент-Имье, в Швейцарии, 15 сентября 1872 г., альянсисты постановили, что «всякая организация политической, так называемой временной или революционной власти может быть только но-

вым обманом и была бы столь же опасна для пролетариата, как и все существующие ныне правительства». Члены заседающей в Алькое испанской Федеральной комиссии также употребили все усилия к тому, чтобы эта резолюция была принята и конгрессом испанского Интернационала. И вот, несмотря на все это, мы обнаруживаем, что Северино Альбаррасин, член этой комиссии, а по некоторым сведениям и Франциско Томас, ее секретарь, были членами этой временной и революционной правительственной власти — алькойского комитета общественного спасения!

Что же делал этот комитет общественного спасения? Какие принял он меры к тому, чтобы осуществить «немедленное полное освобождение рабочих»? Комитет запретил всем мужчинам выезжать из города, между тем как женщинам это было разрешено, если только они... имели *паспорта*! Противники всякой власти вводят снова паспорта! Во всем остальном — полнейшая бестолковщина, бездеятельность и беспомощность.

Между тем из Аликанте приближался с войсками генерал Беларде. У правительства было достаточно причин желать покончить с местными восстаниями в провинциях без всякого шума. А у «господ положения» в Алькое было достаточно причин желать выбраться из положения, в котором они не знали, что делать. Так что роль депутата Сервера, служившего посредником, была легка. Комитет общественного спасения сложил свои полномочия, войска 12 июля вступили в город без всякого сопротивления, и единственным обещанием, которое за это было дано комитету общественного спасения, была... всеобщая амнистия. Альянсистские «господа положения» еще раз благополучно вышли из тупика. Этим и кончилась авантюра в Алькое.

В Сан-Лукар-де-Баррамеда, около Кадикса, рассказывает нам отчет Альянса, «алькальд закрывает помещение Интернационала и вызывает гнев рабочих своими угрозами и своими непрерывными посягательствами на личные права граждан. Комиссия требует от министра соблюдения права и открытия произвольно закрытого помещения. Г-н Пи соглашается на это в принципе... но отказывается исполнить это на деле. Рабочие убеждаются, что правительство намерено систематически подвергать опале их ассоциацию; они смещают всех местных представителей власти и назначают на их место новых, которые вновь открывают помещение ассоциации».

«В Сан-Лукаре... народ является господином положения!» — торжествует «Solidarité révolutionnaire». Альянсисты, которые и здесь, вопреки своим анархистским воззрениям, образовали революционное правительство, не знали, что де-

вать со своей властью. Они тратили время на пустые споры и бумажные резолюции; а когда генерал Павиа, взяв Севилью и Кадикс, послал 5 августа в Сан-Лукар несколько рот из бригады Сориа, — то он... не встретил никакого сопротивления.

Таковы геройские подвиги, совершенные Альянсом там, где у него не было никаких соперников.

III

Вслед за уличной битвой в Алькое поднялись в Андалузии непримиримые. Пи-и-Маргалль был еще у власти и вел все время переговоры с вождями этой партии, желая образовать из них министерство; зачем же было начинать восстание, когда переговоры еще не кончились неудачей? Причина этой поспешности до сих пор не совсем понятна; но одно несомненно: господа непримиримые стремились прежде всего как можно скорее практически осуществить федеративную республику, чтобы овладеть властью и тем множеством правительственных постов, которые должны были быть учреждены в отдельных кантонах. Кортесы в Мадриде слишком долго тянули с раздроблением Испании; стало быть, надо было взяться самим за дело и провозгласить повсюду самостоятельность кантонов. Прежнее поведение (бакунистского) Интернационала, впутавшегося со времени выборов в дела непримиримых, позволяло рассчитывать на его содействие: ведь он только что насильно овладел Алькоем и вступил, следовательно, в открытую борьбу с правительством! К тому же бакунисты долгие годы проповедывали, что всякое революционное действие сверху вниз пагубно, что все нужно организовывать и проводить в жизнь снизу вверх. И вот теперь представлялся случай осуществить снизу вверх знаменитый принцип автономии, по крайней мере в отдельных городах! Иначе и быть не могло: бакунистские рабочие попались на удочку и стали таскать каштаны из огня для непримиримых, чтобы потом получить в награду от этих союзников, как всегда, пинки сапогом и ружейные пули.

Какова же была роль членов бакунистского Интернационала во всем этом движении? Они помогли придать ему характер федералистской раздробленности, они осуществили, насколько это было возможно, свой идеал анархии. Те самые бакунисты, которые в Кордове, за несколько месяцев до того, объявили учреждение революционных правительств изменой и надувательством рабочих, заседали теперь во всех революционных правительствах городов Андалузии, — но везде в меньшинстве, так что непримиримые могли делать, что им угодно. В то время как эти последние держали в своих ру-

ках политическое и военное руководство, — от рабочих отделялись пышными фразами или резолюциями о мнимосоциальных реформах самого нелепого и бессмысленного рода, которые вдобавок оставались лишь на бумаге. Когда же бакунистские вожди требовали действительных уступок, они встречали бесцеремонный отказ. Перед корреспондентами английских газет «непримиримые» вожди движения сочли наиболее важным указать, что у них нет ничего общего с этими так называемыми интернационалистами и что они не несут за них никакой ответственности; вместе с тем они заявили, что держат под строжайшим полицейским надзором как главарей Интернационала, так и всех эмигрантов Парижской коммуны. Наконец, в Севилье, как мы увидим дальше, во время сражения с правительственными войсками непримиримые стреляли также и в своих бакунистских союзников.

Так вышло, что в несколько дней вся Андалузия оказалась в руках вооруженных непримиримых. Севилья, Малага, Гранада, Кадикс и т. д. перешли в их руки почти без сопротивления. Каждый город объявил себя суверенным кантоном и учредил революционный правительственный комитет (хунту). За ними последовали Мурсиа, Картагена, Валенсия. В Саламанке была произведена подобная же попытка, но более мирного характера. Таким образом, большинство крупных городов Испании было во власти повстанцев; исключение составляли лишь столица, Мадрид, город роскоши, почти никогда не выступающий решительно, а также Барселона. Если бы поднялась Барселона, — окончательный успех был бы почти обеспечен, а вместе с тем была бы обеспечена мощная поддержка рабочим элементам движения. Но, как мы видели, непримиримые были в Барселоне достаточно бессильны, а члены бакунистского Интернационала, пользовавшиеся там в то время еще очень большим влиянием, воспользовались всеобщей стачкой как предлогом для того, чтобы *уклониться* от восстания. Таким образом, на этот раз Барселона не оказалась на своем посту.

Тем не менее это восстание, хотя и безмозгло начатое, имело еще большие шансы на победу, если бы им руководили хоть сколько-нибудь разумно, хотя бы лишь на манер испанских военных мятежей, когда поднимается гарнизон одного города, идет в ближайший город, увлекает за собою заранее уже обработанный гарнизон этого города и, вырастая, как лавина, устремляется на столицу, покуда удачное сражение или переход на их сторону высланных против них войск не решает победы. Такой метод был на этот раз особенно подходящим. Повстанцы повсюду были уже давно организованы в добровольческие батальоны; правда, дисциплина у них была

скверная, но, наверное, не хуже, чем у остатков старой, большей частью разложившейся испанской армии. Единственным надежным войском правительства были жандармы (*guardias civiles*), но они были рассеяны по всей стране. Прежде всего следовало помешать сосредоточению жандармских отрядов, а этого можно было достичь только действуя наступательно и рискуя выйти в открытое поле; большой опасности в этом не было, так как войска, которые правительство могло противопоставить добровольцам, были так же недисциплинированы, как и сами добровольцы. А если желали победить, — другого средства не было.

Так нет же. Федерализм непримиримых и их бакунистского охвостья в том-то и заключался, что каждый город действовал на собственный страх, объявив самым важным делом не совместные действия с другими городами, а отделение от других городов, и исключив тем самым всякую возможность всеобщего наступления. То, что во время крестьянской войны в Германии и во время немецких восстаний в мае 1849 г. было неизбежным злом, — а именно раздробленность и разрозненность революционных сил, позволявшая одним и тем же правительственным войскам подавлять одно восстание за другим, — то было здесь провозглашено принципом наивысшей революционной мудрости. Бакунин мог быть удовлетворен. Уже в сентябре 1870 г. (*«Lettres à un Français»* [*«Письма к французцу»*]) он заявил, что единственное средство изгнать путем революционной войны пруссаков из Франции заключается в том, чтобы уничтожить всякое централизованное руководство и предоставить каждому городу, каждой деревне, каждой общине вести войну на собственный риск. Стоит только противопоставить единообразно управляемому прусскому войску освобожденные от оков революционные страсти, — и победа обеспечена. Перед лицом предоставленного, наконец, снова самому себе всеобщего рассудка французского народа единичному рассудку Мольтке пришлось бы, конечно, стухеяться. Французы не хотели тогда понять этого; но в Испании Бакунин одержал блестящий успех, как мы уже видели и еще увидим в дальнейшем¹⁷⁰.

Между тем это скоропалительное, без всякого повода начатое восстание лишило Пи-и-Маргалля возможности продолжать дальше переговоры с непримиримыми. Он вынужден был уйти; взамен него пришли к власти чистые республиканцы кастеляровского пошиба, ничем не прикрытые буржуа, первой задачей которых было — доконать рабочее движение, которое они раньше использовали, но которое теперь стало им только помехой. Сколотили одну дивизию, под командой генерала Павиа, против Андалузии и другую, под командой

Кампоса, — против Валенсии и Картагены. Ядро их составляли собранные со всей Испании жандармы, сплошь старые солдаты, среди которых дисциплина еще не была поколеблена. Как при атаках версальских войск против Парижа, жандармы и здесь должны были придать устойчивость деморализованным линейным войскам и идти везде во главе атакующих колонн; в обоих отношениях они и выполнили по мере сил свою задачу. Кроме жандармов, в эти дивизии было включено еще несколько сборных линейных полков, так что каждая из них насчитывала приблизительно по 3000 человек. Это было все, что правительство могло выставить против инсургентов.

Генерал Павиа выступил в поход около 20 июля. 24-го отряд жандармов и линейных войск, под командой Риполя, занял Кордову. 29-го Павиа атаковал забаррикадированную Севилью, которая была взята 30 или 31 июля (по телеграммам это число трудно установить). Он оставил здесь летучий отряд для усмирения окрестностей и двинулся на Кадикс, защитники которого отстаивали, да и то весьма слабо, лишь подступы к городу, но затем, 4 августа, без всякого сопротивления позволили себя обезоружить. В последующие дни Павиа обезоружил, тоже без всякого сопротивления, Сан-Лукар де Баррамеду, Сэн-Рок, Тарифу, Алжесирас и много других мелких городов, каждый из которых сформировался в суверенный кантон. Одновременно он послал отряды против Малаги и Гранады, сдавшихся без сопротивления, первая 3-го, а вторая 8 августа, так что к 10 августа, менее чем через две недели и почти без борьбы, была покорена вся Андалузия.

26 июля Мартинец Кампос начал наступление против Валенсии. Здесь восстание было поднято рабочими. При расколе испанского Интернационала перевес в Валенсии оказался на стороне членов настоящего Интернационала, и новый испанский Федеральный совет был перенесен в этот город. Вскоре после провозглашения республики, когда впереди предстояли революционные бои, бакунистские рабочие Валенсии, не доверяя прикрытому ультрареволюционными фразами отлыниванию барселонских вожakov, предложили членам настоящего Интернационала свое содействие во всех местных движениях. Когда вспыхнуло кантональное движение, те и другие, используя непримиримых, немедленно напали на войска и прогнали их. Каков был состав валенсийской хунты, — осталось неизвестным; но из сообщений корреспондентов английских газет видно, что в ней, как и в рядах валенсийских добровольцев, решительно преобладали рабочие. Те же самые корреспонденты отзывались о валенсийских повстанцах с уважением, какого они отнюдь не выказывали по отношению к другим восставшим, состоявшим преимущественно из непри-

миримых; они восхваляли мужественную дисциплину валенсийцев, царящий в городе порядок и предсказывали продолжительное сопротивление и упорную борьбу. Они не ошиблись. Валенсия, ничем не защищенный город, выдерживала атаки дивизии Кампоса с 26 июля до 8 августа, т. е. дольше, чем вся Андалузия, вместе взятая.

В провинции Мурсиа главный город того же наименования был занят без сопротивления; после падения Валенсии Кампос двинулся на Картагену, одну из сильнейших крепостей Испании, защищенную со стороны суши сплошным валом и выдвинутыми вперед фортами на господствующих над городом высотах. 3000 человек правительственных войск без всякой осадной артиллерии, были, конечно, при своих легких полевых орудиях бессильны против тяжелой артиллерии фортов и должны были ограничиться осадой города с суши; но такая осада имела мало значения, пока картагенцы господствовали над морем при помощи военного флота, захваченного ими в гавани. Повстанцы, занятые в то время, когда в Валенсии и Андалузии шла борьба, только собою, стали подумывать о внешнем мире лишь после подавления остальных восстаний, когда у них самих вышли деньги и съестные припасы. Только тогда была сделана попытка двинуться против Мадрида, лежащего по крайней мере на расстоянии 60 немецких миль, т. е. более чем вдвое дальше, нежели, например, Валенсия и Гранада! Недалеко от Картагены экспедицию постиг печальный конец. Осада отрезала всякую возможность повторять дальнейшие сухопутные вылазки; поэтому ухватились за вылазки при помощи флота. Но что это были за вылазки! О том, чтобы снова поднять с помощью картагенских военных судов восстание в только что покоренных приморских городах, не могло быть и речи. Поэтому флот суверенного кантона Картагены ограничился тем, что стал угрожать бомбардировкой другим, — по картагенской теории тоже суверенным, — приморским городам, от Валенсии до Малаги, а в случае необходимости и в самом деле бомбардировал их, если они не доставляли на борт требуемых съестных припасов и военной контрибуции звонкой монетой. Пока эти города, в качестве суверенных кантонов, воевали против правительства, в Картагене держались принципа: «каждый за себя». Когда же они были побеждены, был провозглашен принцип «все за Картагену!» Так понимали картагенские непримиримые и их бакунистские сообщники федерализм самостоятельных кантонов.

Чтобы усилить ряды борцов за свободу, правительство Картагены выпустило на волю около 1800 каторжников, заключенных в городской каторжной тюрьме, — самых отъявленных разбойников и убийц Испании. Что это такое революцион-

ное мероприятие было ему подсказано бакунистами,— не подлежит уже ни малейшему сомнению после разоблачений доклада об «Альянсе». Там показано, как мечтает Бакунин о «разнуздании всех дурных страстей», выставляя русского разбойника в качестве образца для всех истинных революционеров. Но что русскому здорово, то испанцу смерть. Когда картагенское правительство разнуздало «дурные страсти» 1800 головорезов, сидевших под замком, и тем самым довело до крайней степени деморализацию в рядах своих войск,— оно действовало, стало быть, вполне в духе Бакунина. А когда испанское правительство, вместо того, чтобы разрушать до основания свои собственные крепостные сооружения, ожидало падения Картагены от внутренних беспорядков среди ее защитников,— оно придерживалось вполне правильной политики.

IV

Послушаем теперь, что говорит обо всем этом движении доклад «Новой мадридской федерации».

«Во второе воскресенье августа месяца в Валенсии должен был состояться конгресс, которому предстояло, между прочим, решить и вопрос о том, какую позицию следует занять испанской интернациональной Федерации в связи с важными политическими событиями, происшедшими в Испании, начиная с 11 февраля, дня провозглашения республики. Но беспорядочное (*descabellada*,— буквально: растрепанное) кантональное восстание, которое потерпело столь плачевное поражение и в котором члены Интернационала почти во всех восставших провинциях принимали самое горячее участие, не только парализовало деятельность Федерального совета, рассеяв большинство его членов, но почти совершенно дезорганизовало и местные федерации и, что всего хуже, навлекло на членов этих федераций всю ту ненависть и все те преследования, которые бывают следствием всякого постыдно начатого и потерпевшего поражение народного восстания...

«Когда вспыхнуло кантональное восстание, когда организовались хунты, т. е. правительства кантонов,— тогда эти люди (бакунисты), так яростно выступавшие против политической власти, обвинявшие нас в авторитаризме, эти люди поспешили вступить в кантональные правительства. В значительных городах, как Севилья, Кадикс, Сан-Лукар-де-Баррамеда, Гранада и Валенсия, в кантональных хунтах заседали многие из членов Интернационала, называвшие себя анти-авторитаристами, заседали, не имея никакой другой программы кроме автономии провинции или кантона. Это официально подтверждается опубликованными этими хунтами прокламациями и другими документами, под которыми красуются имена известных интернационалистов этого сорта.

«Такое вопиющее противоречие между теорией и практикой, между пропагандой и делом, не имело бы большого значения, если бы в результате получилась хоть какая-нибудь польза для нашей ассоциации, хоть какой-нибудь прогресс в организации наших сил, хоть некоторое приближение к достижению нашей главной цели—освобождения рабочего класса. Но случилось как раз обратное, да иначе и быть не могло. Не было главного условия—действительного сотрудничества испанского пролетариата, сотрудничества, которого так легко было достичь, действуя от

имени Интернационала. Не было единодушия среди местных федераций; движение было предоставлено индивидуальной или местной инициативе, без всякого руководства (кроме разве того, которое мог навязать ему таинственный Альянс, а этот Альянс, к стыду нашему, все еще господствует над испанским Интернационалом), без всякой программы, кроме программы наших природных врагов, буржуазных республиканцев. И вот кантональное движение было подавлено самым позорным образом, почти без сопротивления, но, погибая, оно увлекло с собою престиж и организацию Интернационала в Испании. Какое бы ни произошло бесчинство, преступление, насилие, — республиканцы сваливают его теперь на интернационалистов; мы имеем достоверные сведения даже о том, что в Севилье, во время сражения, непримиримые стреляли в своих союзников, членов (бакунистского) Интернационала. Реакция, ловко пользуясь нашими глупостями, натравила на нас республиканцев и клеветает на нас перед широкими темными массами; того, чего ей не удалось достичь во времена Сагасты, ей удастся, повидимому, достичь теперь: опорочить имя «Интернационал» в широких массах испанских рабочих.

«В Барселоне множество рабочих секций отделилось от Интернационала, решительно протестуя против господ из газеты «La Federacion» (главный орган бакунистов) и их необъяснимого поведения. В Хересе, Пуэрто-де-Санта-Мария и в других местах федерации приняли решение о своем роспуске. В Лояа (провинция Гранада) население изгнало несколько живших там членов Интернационала. В Мадриде, где пользуются еще наибольшей свободой, старая (бакунистская) федерация не подает ни малейших признаков жизни, а наша вынуждена бездействовать и молчать, чтобы не расплачиваться за чужие грехи. В городах севера мы лишены всякой возможности действовать из-за карлистской войны, принимающей с каждым днем все более ожесточенный характер. Наконец, в Валенсии, где правительство после пятнадцатидневной борьбы осталось победителем, члены Интернационала, не успевшие бежать, вынуждены были скрыться, а Федеральный совет совершенно распался».

Вот что сообщает мадридский доклад. Легко видеть, что он ни в чем не расходится с вышеприведенным историческим очерком.

Каков же результат всего нашего исследования?

1) Как только бакунисты оказались перед лицом серьезной революционной ситуации, они вынуждены были выбросить за борт всю свою прежнюю программу. Прежде всего они пожертвовали своим учением о необходимости политического воздержания и, в особенности, воздержания от участия в выборах. Затем подверглась той же участи анархия, уничтожение государства; вместо того, чтобы уничтожить государство, они пытались, напротив, создать множество новых, мелких государств. Затем они отбросили тот принцип, что рабочие не должны принимать участия ни в какой революции, которая не имеет целью немедленное полное освобождение пролетариата, и приняли участие в заведомо чисто буржуазном движении. Наконец, они грубо нарушили свой только что провозглашенный догмат, что участие в революционном правительстве было бы только новым надувательством и новой изменой рабочему классу, преспокойно вступив в правительственные комитеты отдельных городов, и притом почти везде в качестве

бессильного меньшинства, политически эксплуатируемого буржуазным большинством.

2) Это отречение от проповедывавшихся до тех пор принципов выразилось, однако, в самой трусливой, самой лживой форме и под давлением нечистой совести, так что ни сами бакунисты, ни руководимые ими массы, вступая в движение, не имели никакой программы или вообще не знали, чего они хотят. Каков же был естественный результат этого? — Тот, что бакунисты либо препятствовали всякому движению, как в Барселоне, либо вовлекались в разрозненные, лишенные плана, нелепые восстания, как в Алькое и в Сан-Лукар-де-Баррамеда; либо же руководство восстанием попадало в руки «непримиримых» буржуа, как это было в большинстве восстаний. Таким образом, как только дошло до дела, ультра-революционный визг бакунистов превратился или в отлынивание, или в заведомо безнадежные восстания, или же в присоединение к буржуазной партии, которая постыднейшим образом политически эксплуатировала рабочих и вдобавок награждала их пинками сапога.

3) От так называемых принципов анархии, свободной федерации независимых групп и т. п. не остается ничего, кроме безмерного и бессмысленного раздробления средств революционной борьбы, позволившего правительству с помощью горсти солдат покорять почти без сопротивления один город за другим.

4) Все это привело не только к тому, что хорошо организованный и многолюдный испанский Интернационал, — как ложный, так и действительный, — полетел в пропасть вслед за непримиримыми и ныне фактически не существует, но вдобавок еще к тому, что на него же возводится множество вымышленных бесчинств, без которых филистеры всех стран не могут даже и представить себе рабочего восстания. А вследствие этого может быть на целые годы стала невозможной новая международная организация испанского пролетариата.

5) Одним словом, бакунисты в Испании дали нам непревзойденный пример того, как *не* следует делать революцию.

Написано Ф. Энгельсом на немецком языке
осенью 1873 г.

Впервые напечатано в газете «Der Volksstaat»,
31 октября, 2 и 5 ноября 1873 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV.

НЕРАЗГОВОРЧИВЫЙ ШТАБНОЙ КРИКУН МОЛЬТКЕ И ЕГО НЕДАВНИЙ ЛЕЙПЦИГСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ

Ура-патриотизм какого-то откормленного лейпцигского буржуа был, повидимому, неприятно задет тем фактом, что французы до Меца не несли никаких потерь в орудиях, а немцы, напротив, такие потери понесли. Охваченный пушечной лихорадкой, он просит разъяснений у пресловутого полубога Мольтке, который в ответ помещает в «*Leipziger Tageblatt*» одно из своих забавных оракульских изречений, смысл которого таков, что хотя некоторыми французскими генералами во время процесса Базена¹⁷¹ и были сообщены неточные данные о захвате пушек той и другой стороной, но нужно все же допустить, что в то время как немцам удалось 16 августа взять у французов всего одну пушку, последние захватили 18-го два немецких орудия. Этим было сказано достаточно. Но неразговорчивому Мольтке нужно еще прочесть лекцию, без этого никак не обойтись. Итак, он рассказывает благоговящим олухам, что, согласно «современной тактике», артиллерия должна сражаться в самых первых рядах; потому-то немцы и потеряли две пушки. Из его слов следует, что если бы французы воздали должное этой его «современной тактике», то, по всей вероятности, они потеряли бы гораздо больше пушек и тем заслужили бы его похвалу; ведь, по его словам, австрийцы, у которых артиллерия поддерживала пехоту на самой передовой линии боя, «почетнейшим образом» лишились 160 пушек. Австрийская артиллерия, как сам он изрекает, маневрировала так потому, что австрийская пехота по своему вооружению уступала немецкой. Ну, а так как французские шасспо превосходили прусские игольчатые ружья, то это и послужило основанием для *немецкой* артиллерии делать из нужды добродетель так же, как делала это австрийская артиллерия при Кёниггреце; но у французской артиллерии отнюдь не было нужды *бесцельно* позволять себя расстреливать артиллерии противника, превосходящей ее своей нарезной конструкцией и подвижностью. Для Мольтке, конечно, должно

представлять большое неудобство то обстоятельство, что за три дня, 14, 16 и 18 августа 1870 г., было убито и ранено 40 000 немцев, несмотря на то, что французской артиллерией командовали на его взгляд до такой степени неразумно, что он и теперь еще заявляет: «Является ли при этих условиях факт отсутствия потерь или потеря одного лишь орудия особым доказательством искусности французской артиллерии или ее стойкости в бою, — вопрос этот можно оставить открытым».

Но не подумайте, хотя вас и могло бы побудить к этому неслогоохотливое письмо Мольтке, что французская артиллерия действовала в те дни не вполне надлежащим образом, хотя бы даже по сравнению с немецкой артиллерией. Галантно выражаясь словами Мольтке, — «не вполне соответствует действительности», когда утверждают, как храбро делает он сам, что французская артиллерия «большей частью была легко устранимым противником». Кто хочет знать об этом более точно, пусть прочтет книгу «Die deutsche Artillerie in den Schlachten bei Metz» [«Немецкая артиллерия в битвах при Меце»] Гоффбауера, капитана и командира батареи 1-го восточно-прусского артиллерийского полка, преподавателя объединенной артиллерийской и инженерной школы. Берлин 1872, Миттлер и сын». Книга, стало быть, официозная! Мольтке знает, что кто ставит такие глупые вопросы, как наш лейпцигский буржуа, тот подобных книг не читает или не понимает, а все те, которые прочтут эту книгу с пониманием дела, будут, по расчету Мольтке, «держат язык за зубами».

Разглагольствования Мольтке о «новом» способе употребления артиллерии не стоят и бумаги, на которой они написаны. Не только потери артиллеристами и лошадьми, но и расходы боевых припасов бывают при этом так огромны, что в короткий срок невозможно доукомплектование ни людьми, ни лошадьми, ни снарядами. Вдобавок, в результате «новой тактики» Мольтке немецкая артиллерия во славу науки расстреливает гораздо чаще, чем это желательно, своих собственных соотечественников. Так случилось 14, 16 и 18 августа 1870 года. «Новая тактика» привела к такой научно-запутанной артиллерийской пальбе, что пришлось посылать контр-приказы, просьбы прекратить это предательское безумие — огонь по немецким войскам (см. у Гоффбауера).

Впрочем, действия немецкой артиллерии в те дни носили, как говорит сам капитан Гоффбауер, кавалер ордена железного креста *первой* степени и безусловный поклонник своего начальства, «импровизированный характер». Мольтке спешит назвать это выполнением «требований современной тактики», которая «предписывает, чтобы артиллерия не смела бояться (это стиль Мольтке) включаться в самые передовые линии

сражающихся войск или же, при защите от атаки врага, держаться до последнего момента и защищать другие роды оружия». Но такие требования предъявлялись к артиллерии уже задолго до Мольтке. О «современной тактике» артиллерии ничего нельзя установить точно. До 1815 г. об этом не было написано ничего заслуживающего внимания, а с 1815 г. прусская артиллерия стала загнивать от бездействия, а ее офицеры только тем и занимались, что грызлись друг с другом. С 1866 г. пруссаки *полагали*, что они овладели пушечной премудростью, так как случайно они оказались владельцами лучшей пушки, чем некоторые их соседи. Во время французской войны они стали лишь нащупывать для своей артиллерии тактику, которая, как это ясно самым простым людям, должна изменяться вместе с каждым заметным усовершенствованием орудий.

Одно лишь человеколюбие может побудить заняться осмеянием и посрамлением столь же наивных, сколь старчески-претенциозных оракульских изречений Мольтке и его лакеев, изречений, с которыми они дерзают выступать в книгах, газетах, речах и письмах.

Написано Ф. Энгельсом на немецком языке
13 марта 1874 г.

Впервые напечатано в газете «Der Volksstaat»,
25 марта 1874 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV.

ОФИЦИОЗНЫЙ ВОЙ О ВОЙНЕ

Рептильная пресса Германской империи вновь получила приказ трубить в военные трубы. Безбожная, вырождающаяся Франция ни за что не желает оставить в покое богобоязненную Германию, так пышно расцветающую под господством биржевой спекуляции, грюндерства и краха. Франция вооружается в огромнейших размерах, и та крайняя поспешность, с какой производятся эти вооружения, является лучшим доказательством того, что она намерена по возможности уже в будущем году напасть на невинную миролюбивую империю Бисмарка, которая, как известно, никогда и водички не замутит, которая непрерывно разоружается и о которой только враждебная империи пресса распространяет клевету, будто она законом о местном ополчении только что превратила два миллиона граждан в солдат запаса.

Рептильная пресса находится в затруднительном положении. В то время как в угоду министерству иностранных дел она должна изображать империю ягненком неслыханной кротости, — в интересах военного министерства ей приходится дать понять немецкому буржуа, что за взимаемые с него тяжелые налоги кое-что делается, что намеченные вооружения и в самом деле осуществляются, что строятся крепости, что готовятся кадры и разработаны планы мобилизации массы «отпускников», что боевая готовность армии повышается с каждым днем. И так как сообщения на этот счет являются доподлинными и сверх того исходят от компетентных людей, то у нас есть полная возможность составить суждение об этом воинственном кваканьи газетных жаб.

Предлогом для всей этой шумихи является новый французский закон о кадрах. Сравним же установления, созданные им во Франции, — пока еще только на бумаге, — с установлениями, существующими в Германии на деле, причем ограничимся, ради краткости, главным образом одним, решающим родом оружия — пехотой.

В целом бросается в глаза, что новый французский закон представляет собой значительно ухудшенное издание прусского.

Французская строевая пехота должна состоять из 144 строевых полков, 4 полков зуавов и 3 четырехбатальонных полков тюркосов, 30 батальонов егерей, 4 иностранных и 5 дисциплинарных батальонов, итого — из 643 батальонов, тогда как в немецких строевых частях всего лишь 468 батальонов. Но это превосходство французских строевых войск — одна лишь видимость.

Во-первых, хотя французский батальон, как и прусский, состоит из четырех рот, но в каждой роте — лишь четыре офицера вместо пяти, да и из этих четырех один — офицер запаса, разновидность, которой во Франции до сих пор *еще вообще не существует*. Во Франции до сих пор на 35—40 человек приходился один офицер, и при устаревшем и громоздком французском строевом уставе это действительно необходимо, тогда как в Пруссии совершенно достаточно одного офицера на 50 человек. Но это уж представляет собою максимум, так что комиссия Национального собрания, обсуждавшая этот закон, единогласно пришла к заключению, что численность роты можно установить *самое большее* в 200 человек. Французская рота, таким образом, численно на 25% слабее прусской, а так как офицера запаса в ней налицо нет и много лет еще не будет, то и в организационном отношении она значительно уступает прусской. Но так как теперь благодаря ружью, заряжающемуся с казенной части, рота превратилась в тактическую единицу боя, а бой ротными колоннами и опирающийся на роту стрелковый бой требует *сильных* рот, — Национальное собрание причинило здесь французской армии наибольший ущерб, какой только могло причинить.

Во французском строю насчитывается, таким образом, в боевой готовности

606 строевых батальонов по 800 человек . .	484 800 человек
Зуавов, тюркосов, иностранного легиона,	
дисциплинарных батальонов	46 000 „

Итого . . 530 800 человек

Однако из этого числа отходят для Алжира по крайней мере 40 000 человек, которые смогут быть использованы лишь тогда, когда появятся новые формирования для их замены. Таким образом, к открытию военных действий остается 490 800 пехотинцев. 468 батальонов немецкой пехоты, насчитывающих каждый по 1050 человек в полной боевой готовности, составляют всего по официальным данным 490 480 человек, почти ровно столько же, сколько и во французском строю.

До сих пор, таким образом, мы видим численное равенство при лучшей и более сильной организации на стороне Германии. Теперь мы подходим к различию.

Со стороны Франции упомянутые 643 слабых батальона образуют вообще всю пехоту, которая организована в военном отношении. Конечно, 318 рот строевого запаса и егерей в общем составляют еще добавочно 249 480 человек резерва (включая сюда также по 50 или 40 офицеров и унтер-офицеров на роту), но тут до сих пор имеются лишь рядовые, да и то большей частью совершенно необученные, а из обученных — прошедшие в большинстве лишь шестимесячную службу. Из состава офицеров и унтер-офицеров имеется налицо самое большое — *одна четверть*. Пока эти 318 рот запаса превратятся в 318 годных к действию батальонов, — весь исход кампании может оказаться уже решенным, а те из них, которые пойдут на линию огня, качественно не будут превосходить мобильную гвардию 1870 года. Остается еще территориальная армия, которая включает в себя людей от 30 до 40 лет и которая еще *должна* быть организована в 144 полка по 3 батальона, стало быть, 432 батальона. Все это существует лишь на бумаге. Чтобы действительно создать такую организацию, необходимо иметь 10 000 офицеров и 20 000 унтер-офицеров, из которых нет пока почти буквально ни одного человека. И откуда взяться этим офицерам? В Пруссии понадобилось чуть ли не два поколения, пока из одногодичных вольноопределяющихся вышли пригодные офицеры запаса и ополчения; еще в сороковых годах почти во всех полках их рассматривали как зло и соответствующим образом обращались с ними. А во Франции, где подобный институт противоречит всем традициям революционного равенства, где офицеры презирают одногодичников, а солдаты их ненавидят, с ними действительно ничего не сделаешь. Но другого источника для подготовки офицеров запаса не существует.

Что касается унтер-офицеров и рядовых, то победители при Садовой 1866 г. хвастались, как известно, тем, что давнишнее существование в Пруссии системы ополчения дает им преимущество в 20 лет по сравнению со всякой другой страной, которая примет такую же систему; сравняться с Пруссией удастся только тогда, когда самые старые призывные возрасты будут состоять из служивших людей. Теперь об этом, повидимому, забыли, так же, как и о том, что во Франции служит в самом деле лишь половина ежегодного контингента, другая же половина получает отпуск после шестимесячной службы (при современном педантичном уставе срок совершенно недостаточный), так что запас и ополчение во Франции, по сравнению с Пруссией, состоит, таким образом, по большей части из рекрутов. И после этого делают вид, что боятся нынешней французской территориальной армии, которая представляет собою такое же необученное пушечное мясо, как та

армия, которая в 1870 и 1871 гг. на Луаре и под Ле Маном не могла удержаться против вдвое слабейших, но дисциплинированных немецких частей!

Но это еще не все. В Пруссии после горького опыта научились, наконец, производить мобилизацию. Через 11 дней вся армия готова к бою, а пехота гораздо раньше. Но для этого понадобилось, чтобы все было устроено простейшим образом и, в частности, чтобы каждый отпускник был уже заранее приписан к той части, в которую он должен будет войти. Основую такой системы является то, что каждый полк имеет для набора свой постоянный округ, в пределах которого в первую очередь и комплектуется соответственный полк ополчения. Новый французский закон, наоборот, приписывает рекрутов и запасных к тому полку, который в момент мобилизации окажется в данном округе. Это установлено как дань традиции, укоренившейся с наполеоновских времен, согласно которой отдельные полки, сменяя друг друга, стоят в качестве гарнизона по всем частям Франции и должны по возможности рекрутироваться по всей Франции. Если от последнего пришлось отказаться, то тем решительнее настаивали на первом, сделав тем самым невозможной ту постоянную органическую связь между командованием полками и окружным командованием ополчения, которая обеспечивает в Пруссии быстроту мобилизации.

Если это бессмысленное изменение, причиняющее специальным родам оружия еще больше затруднений, чем пехоте, должно затянуть мобилизацию этой последней хотя бы *только* на три дня, то пред лицом активного противника они окажутся тремя важнейшими днями всего похода.

Итак, что же обозначают все эти мощные французские вооружения? Численно равную немецкой, но хуже организованную строевую пехоту, которая, чтобы прийти в состояние боевой готовности, должна сверх того включить в себя известное число рядовых, прошедших лишь шестимесячный срок службы; запас первой очереди, в котором преобладают рядовые, прослужившие лишь шесть месяцев и для которого есть налицо в лучшем случае четверть потребного количества офицеров и унтер-офицеров; запас второй очереди из рядовых, большей частью вовсе не служивших, и без всякого офицерского состава; и для обеих категорий запаса, собственно говоря, полное отсутствие твердых кадров. К тому же — обеспеченная перспектива, что недостаток офицеров при существующих установлениях *никогда* не сможет быть пополнен, так что обе категории запаса в случае войны окажутся не более дееспособными, чем батальоны, наспех сформированные осенью и зимой 1870 года.

А теперь взглянем на кроткую, как ягненок, Германскую империю, которая как будто бы совсем не имеет зубов и уж во всяком случае не оскаливает их. Мы уже указали на 468 батальонов строевой пехоты в состоянии боевой готовности, всего — 490 480 человек. Но к этому присоединяются еще следующие новые формирования.

С начала 1872 г. для каждого батальона установлено дополнительно 36 рекрутов, что дает круглым числом 17 000 человек в год. Далее, по истечении двухлетнего срока службы стали увольнять в отпуск добрую четверть рядового состава, а взамен их устанавливать соответственный новый набор рекрутов, что дает круглым числом 28 000 человек. Таким образом, всего ежегодно набирается и обучается на 45 000 человек больше, чем прежде; это дает до конца 1875 г., за три года, 135 000 человек, кроме того еще 12 000 одногодичных вольноопределяющихся (по 4000 в год); итого 147 000 человек, т. е. как раз столько, чтобы для каждого из 148 полков образовать четвертый батальон. Для этой цели с того же времени при всех строевых полках уже «организационно подготовлены» сверхкомплектные запасные роты, т. е. уже установлены строевые и запасные офицеры и унтер-офицеры, которые должны войти в эти батальоны. Эти четвертые батальоны могут, таким образом, выступить в поход самое позднее через 2—3 дня после первых трех, усилив армию на 148 батальонов по 1050 человек, т. е. на 155 400 человек. Но эти цифры далеко еще не выражают того прироста в мощности, который получает тем самым действующая армия. Кто видел в 1866 г. прусские четвертые батальоны, тот знает, что они состояли преимущественно из сильных, отлично сложенных людей 24—27-летнего возраста, образуя ядро армии.

Наряду с формированием четвертых батальонов, не говоря уже о егерских запасных ротах, идет своим чередом организация резервных батальонов в числе 148. Они формируются из сверхкомплектных отставных резервистов и из не проходивших службы рядовых из резервов запаса. Эти силы по официальным данным исчислялись в 1871 г. в 188 690 человек. Это надо, однако, понимать таким образом, что установленные еще в мирное время кадры офицеров и унтер-офицеров в состоянии обучить только такое количество рядовых, так как одни резервы запаса, в первую очередь которых входит теперь ежегодно около 45 000 человек, дают для семи призывных возрастов гораздо больше указанного количества людей. Резервные батальоны являются именно тем резервуаром, из которого батальоны, участвующие в военных действиях и ослабленные потерями, а еще больше — изнурением, получают необходимые более или менее обученные подкрепле-

ния, которые в свою очередь пополняются затем из резервов запаса.

Одновременно со строевыми и запасными войсками производится мобилизация ополчения (Landwehr). Кадры ополченцев, также установленные уже в мирное время, охватывают 287 батальонов (число которых должно быть доведено до 301). В обеих последних войнах численность батальонов ополчения была доведена лишь до 800 человек; если мы примем за основу даже эту низкую общую численность, то и тогда Германская империя выставит пехоту ополчения в 229 600 человек организованных войск, причем остается еще для дальнейшего использования ежегодно увеличивающееся число сверхкомплектных.

Но это еще не все; вызвано вновь к жизни еще и ополчение второй очереди (Landsturm). По официальным данным, уже в конце 1874 г. военная сила германской пехоты была увеличена на 234 батальона ополчения второй очереди (по 800 человек = 187 200 человек), не считая егерских рот; а это может лишь означать, что кадры для этих батальонов, по крайней мере необходимый их минимум, установлены. Но ополчение второй очереди этим далеко еще не исчерпывается, так как, согласно торжественному заявлению Фойгт-Ретца в рейхстаге, оно обнимает собою «пять процентов населения, два миллиона людей».

Как же обстоит дело с соотношением сил?

Франция располагает строевой пехотой, включая и войска, отбывающие службу в Алжире, в количестве 530 800 людей, и это — вся ее организованная пехота. Если мы причислим сюда еще и весь запас первой очереди, поскольку он обладает хоть *какой-нибудь* видимостью организации, — 254 600 человек (288 запасных рот по 800 человек, 30 запасных егерских рот по 540 человек и 8000 сверхкомплектных дисциплинарников), — то в итоге у нас получается всего 785 400 человек в строю.

Германская империя выступает через одиннадцать дней после приказа о мобилизации со строевой пехотой в	490 480 человек
Спустя два-три дня выступают дальнейшие 148 батальонов	155 400 „
Спустя еще четырнадцать дней выступают 287 батальонов ополчения по 800 человек каждый	299 600 „
И спустя еще четырнадцать дней выступают 234 батальона ополчения второй очереди по 800 человек каждый	187 200 „

Итого пехоты . . . 1 062 680 человек,

которые уже в мирное время получили вполне законченную организацию, которые заранее обеспечены всем необходимым

и имеют за собой в тылу 148 резервных батальонов в составе (см. выше) 188 690 человек для пополнения понесенного в бою урона. В целом — организованная масса пехоты в 1 251 370 человек.

Могут подумать, что мы преувеличиваем. — Ни в коем случае. Мы указываем даже меньше, чем есть в действительности, оставляя без внимания различные мелкие факторы, которые, однако, в совокупности дают весьма почтенную сумму. Приведем доказательство.

«Kölnische Zeitung» от 27 декабря 1874 г. содержит исходящее от военного министерства «Военное сообщение», из которого мы узнаем следующее. В конце 1873 г. приведенная в боевую готовность германская армия насчитывала

1 361 400 человек, из которых пехота составляла	994 900 человек
В 1874 г. к этому прибавились четвертые батальоны	155 400 "
и 234 батальона ополчения второй очереди	187 200 "

Итого пехоты . . . 1 337 500 человек,

стало быть, почти на 100 000 человек больше, чем в нашем расчете. Та же статья подсчитывает общую численность войск всех родов оружия в 1 723 148 человек, в том числе 39 948 офицеров; а французы в противовес располагают в лучшем случае 950 000 человек заранее организованных войск, в том числе 785 000 пехоты!

Что касается качества этих войск, то, — предполагая у обеих наций в среднем одинаковые военные способности, — качество французской армии наверное не повысилось со времени последней войны. Правительство сделало все, чтобы деморализовать войска, особенно тем, что разместило их в лагерных бараках, где зимою солдат не мог ни обучаться, ни заниматься чем-либо другим и был, так сказать, предназначен исключительно для распивания абсента. Нехватает унтер-офицеров, состав рот слаб, кавалерийские полки далеко не располагают достаточным количеством лошадей. «Nord-deutsche Allgemeine Zeitung» еще 14 января подчеркивала это; тогда она еще проповедывала мир!

Но новое военное законодательство предоставляет в распоряжение французского военного министра: 704 714 человек в строю, 510 294 человека в резервах, 582 523 человека территориальной армии и 625 633 человека в ее резервах, итого 2 423 164 человека, которые в случае необходимости могут быть доведены до 2 600 000 человек! Правда, генерал Леваль, тщательно изучив относящиеся сюда документы, заявляет, что должен снизить эту сумму до 2 377 000 человек. Но и этого количества вполне достаточно, чтобы привести в состояние

бешенства даже наилучшего военного министра. Что ему делать, скажите на милость, с этой массой людей, почти на две трети необученных? Откуда взять офицеров и унтер-офицеров, без которых он не может этих людей обучать, не говоря уж о том, чтобы их организовать?

В Германии дело обстоит совершенно иначе. Численность приведенной в боевую готовность армии уже в обоснованиях имперского военного закона принимается равной 1 500 000 человек. Сюда присоединяется, однако, в результате самого этого закона, пять призывных возрастов резервов запаса, которые обязаны отбывать военную службу от 27-ми до полных 31 года,— 45 000 человек ежегодно,— итого, стало быть, около 200 000 человек. По меньшей мере 200 000 человек сверхкомплектных, помимо приведенных в боевую готовность, были уже заранее занесены в списки. И сюда прибавляется еще ополчение второй очереди численностью в добрых два миллиона человек, так что германский военный министр имеет в своем распоряжении 3 900 000, если не *четыре миллиона людей*, причем армия, как утверждает упомянутый официоз, «даже при призыве 1 800 000 человек и *выше*, будет, за исключением включенных в резервную армию рекрутов, состоять сплошь из уже служивших и в военном отношении вполне подготовленных солдат, что во Франции, включая и резервы территориальной армии, могло бы быть достигнуто *лишь через двадцать лет*».

Мы видим, что истинной представительницей милитаризма является не Франция, а Германская империя прусской нации. Четыре миллиона солдат, десять процентов населения! Одно только замечание: нам может пойти на пользу, если вся эта система будет доведена до крайних своих пределов. Система эта может быть окончательно сломлена не извне, не какой-нибудь другой победоносной военной державой, а только изнутри, вследствие своих собственных неизбежных последствий. И чем больше ее будут раздувать сверх всякой меры, тем скорее должна она рухнуть. Четыре миллиона солдат! Социал-демократия будет тоже благодарна Бисмарку, если он увеличит это число до пяти или шести миллионов, а затем при первой возможности начнет призывать и девиц.

Написано Ф. Энгельсом на немецком языке
в апреле 1875 г.

Впервые напечатано в газете «Der Volksstaat»
23 апреля 1875 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV,

ИЗ ВВЕДЕНИЯ К БРОШЮРЕ БОРКГЕЙМА „НА ПАМЯТЬ УРА-ПАТРИОТАМ 1806—1807 гг.“

...«Ура-патриоты» появились в «Volksstaat» непосредственно после франко-прусской войны и вскоре после этого — отдельным оттиском. Они оказались прекрасно действующим противоядием против сверхпатриотического опьянения победой, в котором пребывала и еще продолжает пребывать официальная и буржуазная Германия. В самом деле, не было лучшего отрезвляющего средства, чем напоминание о том времени, когда поднятая теперь до небес Пруссия была с величайшим позором сокрушена нападением тех самых французов, которых она теперь презирует как побежденных. И это средство должно было действовать тем сильнее, что рассказ об этих роковых фактах оказалось возможным позаимствовать из книги, в которой прусский генерал, бывший директор военной школы, изобразил эту позорную эпоху по официальным прусским документам — и, следует признать, вполне объективно и без прикрас. Большой армии, как и всякой другой крупной общественной организации, после большого поражения лучше всего уйти в себя и покаяться в своих прежних грехах. В таком положении были пруссаки после Иены, и даже после 1850 г. За этот период они, правда, не понесли больших поражений, но все же с очевидностью выяснилось — и для них самих, и для всего мира — их полное военное ничтожество в целом ряде небольших походов в Данию и в Южную Германию, а также и во время первой большой мобилизации 1850 г., когда им удалось избежать подлинного поражения только ценою политического позора Ольмюца и Варшавы¹⁷². Они были вынуждены подвергнуть свое прошлое беспощадной критике, чтобы научиться исправлять свои ошибки. Их военная литература, которая в лице Клаузевица создала звезду первой величины, очень сильно снизила с тех пор свой уровень и снова подняла его только благодаря необходимости проверки своих сил. Одним из плодов этой самопроверки была

книга Гепфнера *, из которой Боркгейм заимствовал материал для своей брошюры.

И теперь еще необходимо постоянно напоминать об этой эпохе высокомерия и поражений, королевской бездарности, тупой хитрости прусских дипломатов, запутавшихся в своем собственном двоедушии, хвастовства офицеров-дворян, проявлявших самое малодушное предательство, напоминать об эпохе полного крушения государственного строя, совершенно чуждого народу, основанного на лжи и обмане. Немецкие обыватели (к которым принадлежат также дворяне и князья) теперь проявляют при случае еще больше чванства и шовинизма, чем проявляли в то время; дипломатия ведет себя значительно более нагло, но еще сохранила прежнее двоедушие; офицеры-дворяне естественными и искусственными путями значительно выросли численно, чтобы снова занять прежнее господствующее положение в армии, а государство становится все более и более чуждым интересам широких народных масс и превращается в консорциум аграриев, биржевиков и крупных промышленников для эксплуатации народа. Конечно, если дело снова дойдет до войны, то прусско-германская армия уже по одному тому, что она служит образцом организации для всех других, будет иметь значительные преимущества перед своими противниками и союзниками. Но уже никогда больше она не будет иметь тех преимуществ, какие имела в последние две войны. Например, единство высшего командования, имевшее место тогда благодаря особым счастливым обстоятельствам, и соответствующее безусловное повиновение низшего командного состава едва ли снова повторятся в таком виде. Господствующее в настоящий момент кумовство в деловых отношениях между аграрным и военным дворянством — до императорских адъютантов включительно — и биржевыми маклерами легко может сделаться роковым для снабжения армий на театре военных действий. Германия будет иметь союзников, но Германия изменит своим союзникам, и союзники изменят Германии при первом удобном случае. И, наконец, для Пруссии-Германии невозможна уже теперь никакая иная война, кроме всемирной войны. И это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы. От восьми до десяти миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени дочиста, как никогда еще не объедали тучи саранчи. Опустошение, причиненное Тридцатилетней войной, сжатое на протяжении трех-четырёх лет и рас-

* H ö p f n e r, Ed. Der Krieg von 1806 und 1807 (Война 1806—1807 гг.), Bd. 1—4. Berlin, 1855. *Ред.*

пространенное на весь континент, голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите; все это кончается всеобщим банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости,— крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым и не находится никого, чтобы поднимать эти короны; абсолютная невозможность предусмотреть, как это все кончится и кто выйдет победителем из борьбы; только один результат абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса.

Такова перспектива, если доведенная до крайности система взаимной конкуренции в военных вооружениях принесет, наконец, свои неизбежные плоды. Вот куда, господа короли и государственные мужи, привела ваша мудрость старую Европу. И если вам ничего больше не остается, как открыть последний великий военный танец, то мы не заплачем. Пусть война даже отбросит, может быть, нас на время на задний план, пусть отнимет у нас некоторые уже завоеванные позиции. Но если вы разнуздаете силы, с которыми вам потом уже не под силу будет справиться, то, как бы там дела ни пошли, в конце трагедии вы будете развалиной, и победа пролетариата будет либо уже завоевана, либо все-ж-таки неизбежна ¹⁷³.

Написано Ф. Энгельсом на немецком языке
15 декабря 1887 г.

Впервые напечатано в брошюре Сигизмунда Боркгейма «Zur Erinnerung für die deutschen Mordspatrioten 1806—1807», Геттинген — Цюрих, 1888 г.

«Маркс и Энгельс против реакции в Германии», 1944 г.

К 20-Й ГОДОВЩИНЕ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

(письмо в редакцию газеты «Le Socialiste»)

Гражданки и граждане!

Ровно двадцать лет назад рабочий Париж поднялся, как один человек, против преступного посягательства буржуа и деревенщины [des ruraux] *, руководимых Тьером. Эти враги пролетариата дрожали от страха, видя парижских рабочих, вооружившихся и организовавшихся для защиты своих прав. Тьер попытался похитить у них оружие, которое они с такой славой использовали против чужеземного вторжения и которое они впоследствии с еще большей славой обратили против натиска версальских наемников. Чтобы сломить восставший Париж, деревенщина и буржуазия молили о помощи пруссаков и эту помощь получили. После героической борьбы Париж был раздавлен превосходными силами противника и обезоружен.

У парижских рабочих вот уж двадцать лет нет оружия. Так обстоит дело повсюду; во всех крупных цивилизованных странах пролетариат лишен средств материальной защиты. Всей массой вооруженной силы располагают повсюду враги и эксплуататоры рабочего класса.

Но к чему это привело?

К тому, что теперь, когда каждый здоровый мужчина проходит через ряды армии, эта армия начинает все больше отражать настроения и мысли народа; эта армия, великое орудие угнетения, становится с каждым днем все менее надежной. Руководители всех великих держав уже предвидят со страхом тот день, когда находящиеся под ружьем солдаты откажутся убивать своих братьев и отцов. Мы видели это в Париже, когда тонкинец ** осмелился притязать на пост

* Имеются в виду землевладельцы-монархисты и другие реакционные элементы провинции, преобладавшие в Национальном собрании 1871 г. — «собрании деревенщины» или «помещичьей палаты», как его называли. *Ред.*

** Жюль Ферри — премьер-министр Франции (1880—1881, 1883—1885), организатор захватнической колониальной войны в Тонкине (Индо-Китай). *Ред.*

президента Французской республики; мы видим это сейчас в Берлине, где преемник Бисмарка * требует у рейхстага средств, чтобы укрепить повиновение в армии при помощи унтер-офицеров, купленных за деньги, потому что среди унтер-офицеров появилось слишком много социалистов!

Если происходит нечто подобное, если уже и в армии занимается заря, значит конец старого мира уже не за горами.

Пусть же свершится неизбежное! Пусть буржуазия, пришедшая в упадок, откажется от власти или умрет, и — да здравствует пролетариат! Да здравствует международная социальная революция!

Написано Ф. Энгельсом на французском языке
17 марта 1891 г.

Впервые напечатано в газете «Le Socialiste»
25 марта 1891 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения,
т. XVI, ч. II.

* Германский канцлер Каприви. *Ред.*

**ИЗ ВВЕДЕНИЯ К РАБОТЕ К. МАРКСА
„КЛАССОВАЯ БОРЬБА ВО ФРАНЦИИ
с 1848 по 1850 г.“**

...Ибо и здесь условия борьбы существенно изменялись. Восстание старого типа, уличная борьба с баррикадами, до 1848 г. игравшая повсюду решающую роль, в значительной степени устарела.

Не будем создавать себе на этот счет иллюзий: действительная победа восстания над войсками в уличной борьбе, такая победа, какая бывает в битве между двумя армиями, составляет величайшую редкость. Но инсургенты и рассчитывали на такую победу столь же редко. Для них все дело было в том, чтобы поколебать дух войск моральным воздействием, которое в борьбе между армиями двух воюющих стран не играет никакой роли или во всяком случае играет гораздо меньшую роль. Если это удастся, то войска отказываются стрелять, или же командиры теряют голову, и восстание побеждает. Если же это не удастся, то на стороне войск, даже при меньшей их численности, сказываются преимущества лучшего вооружения и обучения, единого руководства, планомерного применения боевых сил и дисциплины. Наибольшее, чего может достичь восстание в чисто тактическом смысле, это — правильное сооружение и защита какой-нибудь отдельной баррикады. Взаимная поддержка, размещение и применение резервов, — словом, согласование и соподчинение действий отдельных отрядов, необходимые даже для защиты какого-нибудь одного городского района, не говоря уже о защите целого большого города, достижимы лишь в очень слабой степени, а большей частью и вовсе недостижимы; сосредоточение боевых сил в одном решающем пункте отпадает здесь само собой. Поэтому преобладающей формой борьбы является пассивная защита; если наступление кое-где и производится, то лишь в виде исключения, для случайных вылазок и фланговых атак; как правило же, наступление ограничивается лишь занятием позиций, оставленных отступающими войсками. К тому

же войска располагают артиллерией и хорошо снаряженными и обученными инженерными частями, а у инсургентов эти средства борьбы почти всегда совершенно отсутствуют. Неудивительно поэтому, что даже те баррикадные бои, в которых был проявлен величайший героизм,— в Париже в июне 1848 г., в Вене в октябре 1848 г., в Дрездене в мае 1849 г.,—оканчивались поражением восстания, как только руководители наступающих войск, отбросив всякие политические соображения, начинали действовать, исходя из чисто военной точки зрения, и могли положиться на своих солдат.

Многочисленные успехи инсургентов до 1848 г. объясняются очень разнообразными причинами. В Париже в июле 1830 г. и в феврале 1848 г., а также в большинстве испанских уличных боев между инсургентами и войсками стояла Национальная гвардия, которая либо прямо переходила на сторону восставших, либо же своим вялым и нерешительным поведением вызывала колебания также и в войсках и которая вдобавок доставляла восставшим оружие. Там, где эта Национальная гвардия с самого начала выступала против восстания, как в Париже в июне 1848 г., восстание терпело поражение. В Берлине в 1848 г. народ победил отчасти потому, что ночью и утром 19 марта к нему присоединилось много свежих боевых сил, отчасти вследствие утомления и плохого снабжения войск, отчасти, наконец, вследствие парализующих их действия приказов. Во всех случаях восставшие одерживали верх потому, что войска отказывались стрелять, что у командиров пропадала решительность или же у них были связаны руки.

Итак, даже в классическую эпоху уличных боев баррикада действовала более морально, чем материально. Она была средством подорвать стойкость войск. Если ей удавалось продержаться до тех пор, пока эта цель бывала достигнута,— победа была одержана; не удавалась,— борьба кончалась поражением. Вот тот главный пункт, который следует иметь в виду также при исследовании шансов возможных в будущем уличных боев.

Уже в 1849 г. шансы эти были довольно плохи. Буржуазия повсюду перешла на сторону правительств; представители «просвещения и собственности» приветствовали и угощали войска, выступавшие против восстаний. Баррикада утратила свое обаяние: солдаты видели за ней уже не «народ», а мятежников, бунтовщиков, грабителей, сторонников дележа, отбросы общества; офицеры с течением времени освоились с тактикой уличной борьбы: они уже не шли напрямик и без прикрытия на импровизированный бруствер, а обходили его

через сады, дворы и дома. И это при некоторой ловкости удавалось теперь в девяти случаях из десяти.

Но с тех пор произошло много еще и других изменений, и все в пользу войск. Если сильно выросли большие города, то еще больше возросла численность армий. Население Парижа и Берлина не увеличилось с 1848 г. в четыре раза, а гарнизоны их увеличились более чем вчетверо. Благодаря железным дорогам численность этих гарнизонов в 24 часа может быть увеличена более чем вдвое, а в 48 часов доведена до размеров огромных армий. Эта чрезвычайно усилившаяся армия несравненно лучше вооружена. В 1848 г. — гладкоствольное ударное ружье, заряжаемое с дула; теперь — мелкокалиберное магазинное ружье, заряжаемое с казенной части, ружье, которое стреляет в четыре раза дальше, в десять раз более метко и в десять раз быстрее, чем старое. Прежде — артиллерия с относительно слабо действующими ядрами и картечью; теперь — разрывные гранаты, из которых достаточно одной, чтобы разрушить наилучшую баррикаду. Прежде — кирка сапера для проламывания брандмауеров; теперь — динамитный патрон.

Наоборот, на стороне инсургентов все условия ухудшились. Восстание, которому сочувствовали бы все слои народа, вряд ли повторится; в классовой борьбе средние слои никогда, надо полагать, не сплотятся все без исключения вокруг пролетариата так, чтобы поддерживающая буржуазию реакционная партия почти растаяла. «Народ», таким образом, всегда окажется разделенным, а, следовательно, не будет того могучего рычага, который оказался столь действенным в 1848 году. Если на стороне восставших окажется больше лиц, прошедших военную службу, то зато вооружить их будет труднее. Охотничьи и любительские ружья из оружейных магазинов, даже в том случае, если их по распоряжению полиции не приведут заранее в негодность, вынуд ту или иную часть замка, далеко не могут даже при бое на близком расстоянии сравниться с солдатской винтовкой. До 1848 г. можно было самому изготовить из пороха и свинца необходимый заряд, теперь же для каждого ружья требуются особые патроны, похожие друг на друга лишь в том отношении, что все они представляют собой сложный продукт крупной промышленности и, следовательно, не могут быть немедленно изготовлены, так что большая часть ружей остается бесполезной, если нет подходящих специально к ним боевых патронов. Наконец, длинные, прямые, широкие улицы во вновь выстроенных после 1848 г. кварталах больших городов как бы нарочно приспособлены для действия новых орудий и винтовок. Сумасшедшим был бы тот революционер, который сам избрал бы для барри-

кадной борьбы новые рабочие кварталы в северной и восточной частях Берлина.

Значит ли это, что в будущем уличная борьба не будет уже играть никакой роли? Нисколько. Это значит только, что условия с 1848 г. стали гораздо менее благоприятными для бойцов из гражданского населения, гораздо более благоприятными для войск. Будущая уличная борьба может, таким образом, привести к победе лишь в том случае, если это невыгодное соотношение будет уравновешено другими моментами. Поэтому уличная борьба будет происходить реже в начале большой революции, чем в дальнейшем ее ходе, и ее надо будет предпринимать с более значительными силами. А силы эти так же, как и в течение всей великой французской революции, как и 4 сентября и 31 октября в Париже *, предпочтут, конечно, открытое наступление пассивной баррикадной тактике **.

Понятно ли теперь читателю, почему господствующие власти хотят заманить нас непременно туда, где стреляет ружье и рубит сабля? Почему нас теперь упрекают в трусости за то, что мы не желаем немедленно и без оглядки выходить на улицу, где, как мы наперед знаем, нас ожидает поражение? Почему нас так настойчиво упрасивают согласиться, наконец, сыграть роль пушечного мяса?

Эти господа совершенно напрасно расточают свои просьбы и свои вызовы. Мы не настолько глупы. С таким же успехом они могли бы потребовать в ближайшую войну от своего врага, чтобы он выстроил свои войска в линию, как во времена старого Фрица ***, или в колонны из целых дивизий, как в дни Ваграма и Ватерлоо, и притом с кремневыми ружьями в руках. Если изменились условия для войны между народами, то не меньше изменились они и для классовой борьбы. Прошло время внезапных нападений, революций, совершаемых немногочисленным сознательным меньшинством, стоящим во главе бессознательных масс. Там, где дело идет о полном преобразовании общественного строя, массы сами должны принимать в этом участие, сами должны понимать, за что идет борьба, за что они проливают кровь и жертвуют жизнью. Этому научила нас история последних пятидесяти лет. Но для

* Имеется в виду 4 сентября 1870 г., когда было свергнуто правительство Луя Бонапарта и провозглашена республика, и 31 октября того же года — неудачная попытка бланкистов поднять восстание против правительства «национальной обороны». *Ред.*

** По настоянию руководителей германской социал-демократии этот абзац был опущен при опубликовании «Введения» в 1895 г.; восстанавливается по рукописи Ф. Энгельса. *Ред.*

*** Прусского короля Фридриха II. *Ред.*

того чтобы массы поняли, что́ нужно делать, необходима длительная, настойчивая работа, и именно эту работу мы и ведем теперь, ведем с таким успехом, который приводит в отчаяние наших противников...

Написано Ф. Энгельсом на немецком языке
6 марта 1895 г.

Впервые напечатано (с сокращениями) в журнале «Die Neue Zeit», 1894—1895. В. 1, Н. 10.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, 1955 г., т. I.

ИЗ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДСТВА
Ф. ЭНГЕЛЬСА

ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЙНЫ СВЯЩЕННОГО СОЮЗА ПРОТИВ ФРАНЦИИ В 1852 г.¹⁷⁴

Я исхожу из того, что любая победоносная революция в Париже в 1852 г. безусловно вызовет немедленную войну Священного союза против Франции.

Война эта будет совсем иной, чем война 1792—1794 гг.¹⁷⁵, и события той эпохи отнюдь не могут служить основанием для проведения параллели.

I

Чудеса, совершенные Конвентом в деле военного разгрома коалиции, при более близком рассмотрении заметно бледнеют; становится понятным и даже во многих случаях представляется оправданным презрение Наполеона к четырнадцати армиям Конвента. Наполеон имел обыкновение говорить, что главную роль сыграли промахи самой коалиции — и это безусловно верно. Даже на острове Св. Елены он продолжал считать Карно посредственным умом.

В августе 1792 г. во Францию вторглись 90 000 пруссаков и австрийцев. Прусский король* намеревался идти прямо на Париж, герцог Брауншвейгский и австрийские генералы не соглашались. Единство командования отсутствовало; то медлили, то быстро двигались вперед, планы все время менялись. Пройдя через теснины Аргоннской возвышенности, Дюмурье преградил неприятелю дорогу при Вальми и Сен-Менеуле. Союзники могли обойти его и оставить его спокойно стоять на месте, после чего он вынужден был бы двигаться за ними следом по направлению к Парижу и при сколько-нибудь правильном образе действий не был бы опасен даже с тылу. Но они также могли бы не подвергать себя риску и разбить его, что было не трудно, так как в их распоряжении войск было больше и притом, как признают сами французы, лучших по

* Фридрих-Вильгельм II. *Ред.*

качеству. Вместо этого они ограничились смехотворной канонадой у Вальми, где во время боя, даже в момент самой атаки колоннами, союзные генералы несколько раз переходили от более решительной тактики к более робкой и наоборот. Обе атаки носили жалкий характер по количеству войск, по силе, по энергии, в чем вина ложилась отнюдь не на солдат, а на колебания командования. Это были скорее демонстрации, чем атаки. Решительный натиск по всей линии несомненно опрокинул бы французских волонтеров и деморализованные линейные полки. После боя союзники снова остались в нерешительности стоять на месте, пока среди солдат не начались заболевания¹⁷⁶.

В военных действиях при Жемапе Дюмуре одержал победу благодаря тому, что он тут впервые полуинстинктивно противопоставил австрийской системе кордонов и бесконечно длинных фронтов (от Остенде до Мааса) концентрацию крупных масс¹⁷⁷. Но уже следующей весной он сам впал в ту же ошибку — в результате своей фантастической идеи завоевания Голландии, — в то время как австрийцы наступали концентрированно. Результатом этого было сражение при Неервиндене и потеря Бельгии¹⁷⁸. При Неервиндене и особенно в более мелких стычках этой кампании выяснилось, что французские волонтеры, эти столь превозносимые герои, когда они не находились непрерывно на глазах у Дюмуре, дрались отнюдь не лучше, чем южно-германское «народное ополчение» 1849 года.

Затем еще изменил Дюмуре, восстала Вандея¹⁷⁹, армия была расчленена, утратила свой боевой дух, и если бы 130 000 австрийцев и англичан двинулись решительно на Париж, революция была бы раздавлена и Париж — завоеван, точно так же как это могло бы произойти и годом раньше, если бы не наделали таких глупостей. Вместо этого почтенные господа обложили крепости и устремили все свои силы на то, чтобы педантично, с огромной тратой стратегических усилий выигрывать по мелочам одно за другим незначительные преимущества, на что они ухлопали полных шесть месяцев.

То, что осталось во французской армии после измены Лафайета, насчитывало приблизительно 120 000 человек, а волонтеров 1792 г. было около 60 000 человек. В марте 1793 г. был произведен набор в 300 000 человек. В августе, к моменту объявления всеобщего набора [*levée en masse*], французская армия должна была, таким образом, насчитывать по меньшей мере 300 000—350 000 человек. Всеобщий набор добавил к этому около 700 000 человек. Если принять во внимание всякого рода отсев, французы в начале 1794 г. выставили против коалиции примерно 750 000 человек, т. е. значительно больше, чем сама коалиция выставила против Франции.

С апреля по октябрь 1793 г. французов повсюду били, но удары эти не имели решающих результатов вследствие системы затяжек, практиковавшейся коалицией. Начиная с октября, кампания велась с переменным успехом, на зиму она была прервана, а весной 1794 г. войска, призванные по всеобщему набору, вышли на боевую линию и полностью вступили в действие; в результате — победы на всех направлениях в мае, пока, наконец, в июне победа при Флёрюсе не решила судьбу революции¹⁸⁰.

Конвент, — а до него министерство 10 августа¹⁸¹, — имели, таким образом, достаточно времени для военных приготовлений. С 10 августа 1792 г. по март 1793 г. ничего, однако, не было сделано; волонтеров едва можно принимать в расчет. В марте 1793 г. был произведен набор 300 000 человек; с этого момента и до марта следующего года Конвент имел в своем распоряжении вполне достаточно времени и полную свободу для военных приготовлений — целый год, а из него 10 месяцев после падения жирондистов, когда ничто не ограничивало свободу действий революционной партии. В стране с 25 миллионами жителей, располагающей нормальным контингентом боеспособного населения, т. е. 1 миллионом солдат, для создания действующей армии в 750 000 (3% населения) против внешнего врага, при всей новизне этого дела для тогдашнего времени, не требовалось никакого колдовства, если можно было располагать годичным сроком.

Все внутренние восстания, за исключением Вандеи, я считаю в военном отношении не имеющими абсолютно никакого значения. За исключением лионского и тулонского, они были ликвидированы без единого выстрела в течение шести недель. Лион был взят солдатами всеобщего набора, а Тулон — ловким нападением и решительным штурмом Наполеона, а также благодаря ошибкам оборонявшихся¹⁸².

В числе 750 000 человек, выступивших в 1794 г. против коалиции, было по меньшей мере 100 000 старых солдат времен монархии и 150 000 других солдат, частью из волонтеров, частью из набранных при первом 300-тысячном наборе, успевших уже провести в непрерывных сражениях одни — 18, а другие — 12 месяцев и, следовательно, уже привыкших к войне. Кроме того, из 500 000 новобранцев половина, по крайней мере, уже успела принять участие в сражениях в сентябре, октябре и ноябре 1793 г., а самые молодые должны были уже находиться под ружьем не меньше трех месяцев, прежде чем они были направлены в бой. В своем труде об испанском походе Наполеон исчисляет время, требуемое для обучения — *école de bataillon* [батальонная школа] — в 3—4 недели. Если не считать младшего и среднего офицерского состава, который в то

время был в общем и целом гораздо лучше у союзников, французская армия 1794 г., благодаря времени, имевшемуся в ее распоряжении для организации, и благодаря свойственной союзникам системе безрезультатных боев,— системе, которая деморализует испытанную, приспособленную преимущественно для наступления армию, но дисциплинирует и закаляет армию противника, если она молодая и придерживается обороны,— эта французская армия 1794 г. представляла собой вовсе не шумную, неотесанную толпу добровольцев, воодушевленных идеей «умереть за республику», но a very fair army [вполне приличную армию], несомненно равную неприятельской. Французские генералы 1794 г. несомненно стояли значительно выше неприятельских, хотя и они наделали немало ошибок; но гильотина обеспечивала единство командования и согласованность операций, если не считать немногих исключений, когда представители Конвента делали глупости по собственной инициативе. *Le noble Saint-Just en fit plusieurs* [Благородный Сен-Жюст сделал несколько таких ошибок].

Несколько замечаний о тактике действий большими массами.

1) Неоформленная идея о ней впервые возникла в результате удачного маневра при Жемапе, который был произведен скорее по инстинкту, чем по сознательному военному расчету. Ее появление было обусловлено плохим состоянием французской армии, которая нуждалась в численном превосходстве, чтобы хоть сколько-нибудь почувствовать уверенность в собственных военных силах; масса должна была заменить отсутствующую дисциплину. Участие Карно во введении этой тактики отнюдь не ясно.

2) Эта тактика массовых действий оставалась совершенно неразработанной,— например, в 1794 г. при Туркуэне¹⁸³ и Флёрюсе она не была применена (французы, в том числе и сам Карно, наделали грубейших ошибок),— до тех пор пока, наконец, Наполеон в 1796 г. своим шестидневным пьемонтским походом¹⁸⁴ и фактическим уничтожением *en détail* [по частям] превосходящих сил противника не раскрыл людям смысл тех действий, которые они до этого совершали, не отдавая себе в них ясного отчета.

3) Что касается самого Карно, то этот парень вызывает во мне все бóльшие сомнения; я, понятно, не могу составить себе окончательного суждения, не располагая его депешами к генералам. Но, судя по имеющимся материалам, главная его заслуга, повидимому, заключалась лишь в беспредельном невежестве и беспредельной неспособности его предшественников Паша и Бушота, а также в полном незнакомстве всего остального состава Комитета общественного спасения¹⁸⁵ с военным

делом. Dans le royaume des aveugles, le borgne est roi [В царстве слепых и кривой — царь]. Карно, старый офицер инженерных войск, бывший сам представителем Конвента при Северной армии, знал, в каких материалах нуждается крепость, армия и, в частности, чего не хватает французам. Кроме того, он, естественно, имел известное представление и о том, каким образом можно мобилизовать военные ресурсы такой страны, как Франция; а так как при революционном всеобщем наборе, когда и без того многое делается попусту, несколько более или менее непроизводительная трата ресурсов не имеет значения, лишь бы только достигалась при этом главная цель — быстрая мобилизация этих ресурсов, то нет надобности объявлять Карно выдающимся гением, чтобы объяснить достигнутые им результаты. Особенно заставляет меня сомневаться в том, что Карно *roug sa part* [со своей стороны] действительно изобрел, как ему приписывают, методы ведения войны большими массами, именно то, что его самые широкие планы на 1793—1794 гг. были построены как раз на противоположном методе ведения войны: он *дробил* французские армии, вместо того чтобы их концентрировать, и проводил операции на флангах противника таким образом, что заставлял его *самого концентрировать свои силы*. Не вполне соответствует репутации гения и дальнейшая карьера Карно — неприступная добродетель во время Консульства и т. д., хваленая защита им Антверпена (оборона крепости является, в общем, именно тем поручением, при выполнении которого посредственный, методичный, но наделенный известной выдержкой офицер может отличиться; к тому же осада Антверпена в 1814 г. не продолжалась и трех месяцев¹⁸⁶); наконец, его попытка навязать Наполеону методы 1793 года в 1815 г., когда ему противостояла централизованная армия коалиции в 1 200 000 солдат, действовавшая по совсем другой военной системе; и вообще его филистерские замашки — все это не говорит в пользу гениальности Карно. А затем, где это видно, чтобы честный человек умудрился как он удержаться несмотря на термидор, фрюктидор, брюмер¹⁸⁷ и т. д.

Summa summarum [Общий итог]. Конвент был спасен только и исключительно благодаря тому, что силы коалиции *не были централизованы*, вследствие чего в его распоряжении оказался целый год для военных приготовлений. Он был спасен так же, как спасся старый Фриц* в Семилетнюю войну; так же спасся и Веллингтон в 1809 г. в Испании, хотя французы и по количеству, и по качеству своих войск по крайней мере втрое превосходили всех своих противников, вместе взя-

* Прусский король Фридрих II. *Ред.*

тых, и только тем парализовали свою колоссальную силу, что маршалы, в отсутствие Наполеона, всячески подставляли друг другу ножку.

II

В настоящее время коалиция давно освободилась от глупых промахов, допущенных в 1793 году; она великолепно централизовала свои силы, что, впрочем, было сделано уже в 1813 году. Русская кампания 1812 г. поставила Россию в центре войны всего Священного союза на континенте. Русские войска составляли основное ядро, вокруг которого лишь позднее сгруппировались пруссаки, австрийцы и остальные. Они оставались основной массой вплоть до вступления в Париж. Александр был фактически главнокомандующим всех армий (вернее, русский генеральный штаб, стоявший за спиной Александра). Но с 1848 г. Священный союз покоится на еще более прочном основании. Развертывание контрреволюции в 1849—1851 гг. поставило континент, за исключением Франции, в такое же отношение к России, в каком находились Рейнский союз и Италия к Наполеону¹⁹⁸. Это — чистейшая вассальная зависимость. Николай — *id est* [то есть] Паскевич — неизбежный диктатор Священного союза *en cas de guerre* [в случае войны], точно так же, как Нессельроде уже является им *en temps de paix* [в мирное время].

Далее, что касается современного военного искусства, то оно было полностью разработано Наполеоном. До наступления известных обстоятельств, о которых речь пойдет ниже, полководцам не остается ничего иного, как следовать примеру Наполеона в той мере, в какой это позволяют условия. Но современное военное искусство распространено по всему миру. В Пруссии его вдальбливают — по крайней мере, в той его части, которую можно вдолбить, — каждому младшему лейтенанту еще до сдачи им экзамена на портупей-юнкера. Что же касается австрийцев, то венгерская кампания дала им возможность распознать, а затем устранить своих плохих, специфически австрийских генералов — всяких Виндишгрецов, Вельденов, Гёцов и других старых баб. Другое дело, — так как мы пишем уже не во время «*Neue Rheinische Zeitung*»¹⁹⁹, то можем отказаться от всяких иллюзий, — обе кампании Радецкого в Италии; первую он провел великолепно, а вторую прямо-таки мастерски²⁰⁰. Чьей помощью он при этом пользовался, не имеет значения; достаточно того, что у старика хватило *bon sens* [здорового смысла] усвоить чужие гениальные идеи. Оборонительную позицию 1848 г. между четырьмя крепостями — Пескьерой, Мантуей, Леньяго и Вероной — с прекрасным при-

крытием всех четырех сторон четырехугольника и оборону Радецким этой позиции среди восставшей страны вплоть до того момента, когда он получил помощь, следовало бы признать образцом военного искусства, если бы его задача не была очень облегчена отвратительным руководством со стороны итальянских генералов, их постоянными колебаниями, отсутствием среди них единства, интригами Карла-Альберта и поддержкой реакционных аристократов и попов внутри неприятельского лагеря. Не следует также забывать и того, что он находился в самой плодородной стране мира и поэтому был свободен от всяких забот о снабжении своей армии продовольствием.

Кампания 1849 г. является *совершенно беспримерной для австрийцев*. Пьемонтцы, вместо того чтобы концентрированными силами преградить дорогу на Турин у Новары и Мортары (линия в три мили длины), что было бы лучше всего, или наступать с этой линии двумя или тремя колоннами на Милан, заняли позицию от Сесто до Пиаченцы — линию в 20 миль длиной, следовательно, при 70 000 бойцов, только по 3500 человек на немецкую милю, причем один фланг отстоял от другого на 3—4 добрых дневных перехода. Это было жалкое концентрическое наступление против Милана, причем повсюду их силы были недостаточны. Радецкий, видя, что итальянцы применяют старую австрийскую систему 1792 г., повел свои операции против них в точности так, как это сделал бы Наполеон. Пьемонтский фронт был разрезан на две части рекой По, что составляло грубейшую ошибку. Радецкий прорывает фронт у самого По, отрезает таким образом две южные дивизии от трех северных, вбивая между ними клин в 60 000 человек; затем быстро бросает все свои силы на три северные дивизии (сосредоточившие едва 35 000 человек), отбрасывает их в Альпы и отрезает друг от друга и от Турина оба корпуса пьемонтской армии. Этот маневр, который закончил кампанию в три дня и был почти буквально скопирован с маневра Наполеона в 1809 г. у Абенсберга и Экмюля,¹⁰¹ — гениальнейшего из всех наполеоновских маневров, — во всяком случае доказывает, что австрийцы уже отнюдь не придерживаются своего старого обычая парадировать «медленным шагом вперед»¹⁰¹. В этом маневре решающее значение имела как раз быстрота движения. Предательство аристократов и Раморино облегчило дело, особенно тем, что доставило точные сведения о расположении и планах итальянцев. Такое же значение имело гнусное поведение при Новаре Савойской бригады, которая не сражалась, а занималась грабежом. Но с военной точки зрения нелепое расположение пьемонтцев и маневр Радецкого сами по себе вполне достаточны, чтобы объяснить

успех. Оба эти факта должны были при любых обстоятельствах привести к этому результату.

Наконец, русские, по самой природе своей армии, вынуждены придерживаться военной системы, весьма близкой к современной. Их армия в главной своей части состоит из больших масс полуварварской и поэтому тяжелой на подъем пехоты и многочисленной, полуварварской, легкой иррегулярной кавалерии (казаков). В решающих сражениях, в крупных боях русские никогда не действовали иначе, как крупными массами. Суворов понимал необходимость этого уже при штурмах Измаила и Очакова¹⁰². Отсутствие подвижности у этой армии отчасти возмещается иррегулярной кавалерией, которая маневрирует вокруг нее во все стороны и маскирует таким образом все ее движения. Но как раз эта массовость и неповоротливость русской армии и делают ее весьма пригодной для того, чтобы образовать собой ядро и главную опору, становой хребет коалиционной армии, операции которой всегда являются несколько замедленными по сравнению с действиями армии национальной. Эту роль русские великолепно выполнили в 1813 и 1814 гг., и трудно назвать за эти годы диспозицию сражения, в которой не бросалась бы в глаза густота русских колонн, значительно превосходивших своей глубиной и плотностью все другие войска.

Со времени 1812 г. французов едва ли можно еще рассматривать как преимущественных носителей наполеоновских традиций. Эти традиции перешли в большей или меньшей степени ко всем крупным европейским армиям. В каждой из них эти традиции произвели целую революцию главным образом уже в последние годы Империи. В каждой из них наполеоновская система применяется в стратегии и тактике в той мере, в какой она совместима с характером данной армии. Нивелирующее влияние буржуазной эпохи проявилось и здесь; старые национальные особенности находятся в процессе исчезновения также и в армиях: таким образом французская, австрийская и прусская армии, а в значительной степени даже и английская, представляют собой машины, более или менее одинаково приспособленные для наполеоновских маневров. Этим отнюдь не исключаются весьма различные их качества в прочих отношениях, например в рукопашном бою и т. п. Но из всех европейских армий (крупных) только русская армия, полуварварская, способна к самостоятельной тактике и стратегии, потому что лишь она одна еще не созрела для вполне развитой современной системы ведения войны.

Что касается французов, то в результате малой войны, которую они вели в Алжире, они даже прервали нить наполеоновской традиции большой войны. Еще надо доказать, компен-

сируется ли отрицательное влияние этой разбойнической войны на дисциплину преимуществами, связанными с приобретением навыков к войне, приучает ли она людей к походной жизни или, наоборот, изматывает их силы, переутомляя их, и, наконец, не лишает ли она и генералов того *coup d'oeil* [глазомера], который нужен для большой войны? Во всяком случае французская кавалерия, несомненно, в той или иной мере портится в Алжире. Она отучается от удара сомкнутым строем, который составлял ее силу, и приучается к системе действий враспыленную, в которой ее всегда будут превосходить казаки, венгры и поляки. Из генералов Удино оскандалился у стен Рима, и только Кавеньяк отличился в июньских боях; но все это отнюдь еще не *grandes épreuves* [большие испытания].

Таким образом в целом шансы, в смысле превосходства в стратегии и тактике, по меньшей мере такие же на стороне коалиции, как и на стороне революции.

III

Но не создаст ли новая революция, которая приведет к господству совершенно новый класс, подобно первой революции, новые боевые средства и новую систему ведения войны, по сравнению с которой нынешняя, наполеоновская, окажется такой же устаревшей и бессильной, какой оказалась система времен Семилетней войны перед системой времен первой революции?

Современная система ведения войны является необходимым продуктом французской революции. Ее предпосылкой является социальная и политическая эмансипация *буржуазии и парцельного крестьянства*. Буржуазия дает деньги, парцельные крестьяне ставят солдат; эмансипация обоих классов от феодальных и цеховых пут является необходимым условием для возникновения нынешних колоссальных армий; связанный же с этой ступенью общественного развития уровень богатства и культуры точно так же является необходимым условием для обеспечения современных армий необходимым количеством оружия, боевых припасов, продовольствия и т. д., для создания нужных кадров образованных офицеров и для умственного развития самих солдат.

Я беру современную военную систему, полностью разработанную Наполеоном. Ее двумя осями являются: массовые масштабы применения средств наступления — живая сила, кони и орудия — и подвижность этих наступательных средств. Подвижность является необходимым следствием массовости. Современные армии не могут, подобно небольшому войску

периода Семилетней войны, в продолжение месяцев маршировать назад и вперед на территории в каких-нибудь 20 миль. Они не в состоянии возить за собой все необходимое количество продовольствия в походных магазинах. Они вынуждены нападать на занимаемую ими местность, подобно туче саранчи, производя фуражировку во всех направлениях в пределах досягаемости своей кавалерии, и вынуждены уходить, когда все съедено. Магазинные запасы удовлетворяют своему назначению, если содержат не больше, чем может потребоваться в непредвиденных случаях. Они все время опустошаются и снова пополняются, они должны следовать за быстрыми передвижениями армии и поэтому лишь в редких случаях могут иметь достаточно запасов для покрытия потребностей армии хотя бы в течение одного месяца. Поэтому современная военная система не может применяться в течение длительного срока в бедной, полуварварской, слабо населенной стране. Вследствие этого французы потерпели крушение, медленное в Испании и быстрое в России. Но, в свою очередь, и испанцы были разорены французским нашествием: их страна была в сильнейшей степени истощена. Россия же не может применять своей собственной тяжеловесной системы ведения войны большими массами в течение долгого времени,— даже в Польше. На ее же собственной территории, пока она лишена железных дорог, эта система и вовсе неприменима. Оборонительная кампания России на Днепре или на Двине разорила бы страну.

С этой подвижностью армии также связан известный уровень развития солдата, который во многих случаях должен уметь сам себе помочь. Сюда относится более значительное развитие патрульной, фуражировочной и аванпостной службы и т. д.; большая активность, требуемая от каждого солдата; частое повторение случаев, когда солдату приходится действовать в одиночку и основываться на своем собственном разумении; наконец, большое значение, которое приобрели стрелковые бои, результаты которых зависят от умственного развития, *сюр д'oeil* и энергии каждого отдельного солдата,— все это предполагает со стороны унтер-офицеров и солдат более высокий культурный уровень, чем был в армии старого Фрица. Варварская или полуварварская нация не обладает, однако, таким культурным уровнем в массах, чтобы можно было, с одной стороны, дисциплинировать и механически обучить 500 000—600 000 человек, без всякого отбора призванных под ружье, и, с другой стороны, развить или сохранить у них этот самый *сюр д'oeil* для малой войны. У варваров есть от природы этот разбойничий *сюр д'oeil*. Пример — казаки; зато они в такой же мере непригодны для несения регулярной военной

службы, в какой русские пехотинцы-крепостные, наоборот, непригодны для настоящего стрелкового боя.

Этот всеобщий средний культурный уровень, предполагаемый современной военной системой у каждого солдата, имеется лишь в самых передовых странах: в Англии, где солдат, хотя бы он был по происхождению самым неотесанным крестьянином, проходит цивилизующую школу городов; во Франции, где армия составляется из эмансипированных парцельных крестьян и тертой городской черни (*templaçants* *); в Северной Германии, в которой феодализм также либо совершенно уничтожен, либо принял более или менее буржуазные формы и в которой значительная часть контингента армии поставляется городами; и наконец, судя по последним войнам, такой уровень имеется, повидимому, хотя бы в известной части австрийской армии — в той, которая рекрутируется в наименее феодальных областях. Всюду, за исключением Англии, основой армии является парцельное хозяйство, и армия является тем более приспособленной для современной военной системы, чем в большей степени парцельный крестьянин по своему положению приближается к свободному собственнику.

Однако не только подвижность отдельного солдата, но и подвижность самих масс армии предполагает уровень цивилизации, соответствующий буржуазной эпохе. Неповоротливость дореволюционных армий является точным отражением феодального строя; громадное количество обозных повозок с офицерским имуществом уже само по себе затрудняло всякое движение. Армии двигались вперед так же медленно, как и вся жизнь. Нарождавшаяся бюрократия абсолютных монархий внесла в дело заведывания материальной частью некоторый порядок, но в то же время ее связи с *haute finance* [крупными финансистами] привели к хищениям *en gros* [в большом масштабе]. Если бюрократия чем-нибудь и была полезна для армий, то вред, который она им приносила, прививая им дух схематизма и педантизма, был вдвое больше. Сошлемся на высочайшее свидетельство самого старого Фрица. Россия еще и по сей час страдает от всех этих недостатков. Русская армия, повсюду обираемая и надуваемая, форменно голодает, и солдаты во время похода мрут, как мухи. Лишь буржуазное государство удовлетворительно снабжает продовольствием свои войска и может поэтому рассчитывать на достаточную подвижность своей армии.

Таким образом, подвижность является во всех отношениях качеством, свойственным именно буржуазным армиям. Однако

* Заместители, которых нанимали представители имущих классов, желавшие освободиться от воинской повинности. *Ред.*

она является не только необходимым дополнением массового характера армий, но даже часто может заменить последний (например, пьемонтская кампания Наполеона в 1796 г.).

Но массовый характер, в свою очередь, так же является специфической особенностью современной цивилизованной армии, как и ее подвижность.

При всех разнообразных методах комплектования армии — рекрутском наборе, прусском ландвере, швейцарской милиции, всеобщем наборе, — как показывает опыт последних 60 лет, ни в одной народной войне, при режиме буржуазии и свободного парцельного крестьянства, не было призвано под знамена более 7% населения, следовательно, в военных действиях могло участвовать примерно 5%. Во Франции осенью 1793 г., принимая численность населения в 25 миллионов, по этому расчету должно было быть всего 1 750 000 солдат, в том числе 1 250 000 действительных бойцов. Последние находились тогда на границах, под Тулоном и в Вандее, — считая здесь обе борющиеся стороны, — так что 1 250 000 вполне были налицо. В Пруссии, насчитывающей сейчас 16 000 000 жителей, 7% и 5% составили бы соответственно 1 120 000 и 800 000 человек. Между тем вся совокупность прусских военных сил, считая и линейные войска, и ландвер, составляет едва 600 000 человек. Этот пример показывает, как много даже 5% составляют для нации.

Eh bien [Так вот]. Если Франция и Пруссия могут сравнительно легко призвать к оружию 5% населения, а в случае необходимости даже 7%, то Австрия, при крайнем напряжении, может выставить лишь 5%, а Россия едва 3%. Для Австрии, принимая ее население в 35 000 000, 5% составили бы 1 750 000 человек. В 1849 г. Австрия, при напряжении всех своих сил, ввела в действие около 550 000 человек. Венгры, силы которых в нотах Кошута были преувеличены вдвое, имели, вероятно, 350 000 человек. Примем во внимание еще 50 000 ломбардцев, которые либо уклонились от набора, либо воевали в рядах пьемонтской армии, и мы получим в сумме 950 000 человек, т. е. неполных $2\frac{2}{3}\%$ всего населения. При этом еще хорватские пограничные области, находившиеся в особых условиях, поставили по меньшей мере 15% *своего* населения. Россия, по самому скромному подсчету, имеет 72 миллиона жителей и должна была бы, при норме в 5%, выставить армию в 3 600 000 человек. Между тем ей никогда не удавалось собрать более 1 500 000, считая регулярные и иррегулярные войска; из этого числа на своей собственной территории она могла располагать действующей армией максимум в 1 000 000 человек. Иными словами, вся совокупность ее военных сил ни разу не превысила $2\frac{1}{12}\%$, а действующая армия —

17/18, или 1,39%. Это объясняется весьма просто: редким населением на огромных пространствах, недостатком средств сообщения и ничтожными размерами национального производства.

Массовость средств нападения,— так же как и подвижность,— является необходимым результатом более высокой ступени цивилизации; в частности, современное соотношение численности вооруженных сил и населения несовместимо ни с одной из стадий общественного развития, предшествующих эмансипации буржуазии.

Итак, современный способ ведения войны предполагает эмансипацию буржуазии и крестьянства, он является *военным выражением* этой эмансипации.

Эмансипация пролетариата, в свою очередь, будет иметь свое особое выражение в военном деле и создаст свой особый, новый военный метод. Cela est clair [Это ясно]. Можно уже сейчас до известной степени предвидеть, в чем будут заключаться материальные основы этой новой системы ведения войны.

Но в такой же точно мере, как простое завоевание политической власти современным неопределившимся и отчасти плетущимся в хвосте других классов французским и германским пролетариатом само по себе было бы еще весьма далеко от действительной эмансипации рабочего класса, которая заключается в уничтожении всех классовых противоречий, точно так же и способ ведения войны, который первоначально должна будет применить ожидаемая революция, будет весьма далек от того способа, который будет применять действительно освободившийся пролетариат.

Действительное освобождение пролетариата, полное устранение всех классовых различий и полное обобществление [vollständige Konzentrierung] всех средств производства во Франции и в Германии предполагают, во-первых, участие Англии в этом процессе, а во-вторых, по крайней мере удвоение средств производства, имеющихся сейчас в Германии и Франции. Новый способ ведения войны как раз и предполагает наличие этого.

Выдающиеся нововведения Наполеона в военной науке не могут быть преодолены посредством чуда; новая военная наука будет в такой же мере необходимым продуктом новых общественных отношений, в какой военная наука, созданная революцией и Наполеоном, явилась неизбежным результатом новых отношений, порожденных революцией. И точно так же, как пролетарская революция в промышленности будет заключаться отнюдь не в упразднении паровых машин, а в увеличении их числа,— так и в военном деле речь пойдет не об

уменьшении массовости армий и их подвижности, а, наоборот, о поднятии того и другого на более высокую ступень.

Предпосылкой наполеоновского способа ведения войны явились выросшие производительные силы; предпосылкой каждого нового усовершенствования в системе ведения войны также будут новые производительные силы. Железные дороги и электрический телеграф уже сейчас дадут талантливому генералу или военному министру повод для совершенно новых комбинаций в европейской войне. Постепенный рост производительных сил, а вместе с ним и населения, в свою очередь, открывает возможность собирать более значительные воинские массы. Если во Франции население вместо 25 миллионов составляет 36 миллионов, то 5% этого числа составит уже не 1 250 000, а 1 800 000 человек. В обоих отношениях могущество цивилизованных стран по сравнению с варварскими относительно возросло. Только первые располагают разветвленной сетью железных дорог, и население их растет вдвое более быстрым темпом, чем, скажем, в России.— Все эти соображения доказывают, кстати сказать, что подчинение Западной Европы России становится с каждым днем все менее возможным и что на *длительный срок* такое подчинение просто невозможно.

Сила нового способа ведения войны, возникающего с уничтожением классов, не может, однако, сводиться к тому, что подлежащие мобилизации 5% с ростом населения будут составлять все более значительную массу. Она должна состоять в том, что станет возможно призвать к оружию уже не 5 или 7%, а 12—16% всего населения, т. е. от половины до двух третей взрослого мужского населения,— примерно, всех здоровых мужчин от 18 до 30 или даже до 40 лет. Но если Россия не сможет поднять своих военных сил с 2—3% до 5% без полной революции во всей своей внутренней социальной и политической организации и в особенности в своем производстве, то, в свою очередь, и Германия с Францией не смогут увеличить находящегося в их распоряжении контингента с 5% до 12% без того, чтобы революционизировать свое производство, которое должно быть более чем удвоено. Лишь тогда, когда средняя производительность труда каждого даст вдвое больше, чем теперь, благодаря применению машин и т. п., можно будет высвободить из производства вдвое больше рабочей силы, да и то лишь на короткое время; ведь ни одна страна никогда не могла долго держать под ружьем 5% своего населения.

Если соответствующие условия будут налицо, если национальное производство будет в достаточной мере поднято и централизовано, если — что безусловно необходимо — будут уни-

чтожены классы (прусский вольноопределяющийся сроком на один год, если только он не унтер-офицер или офицер ландвера, в силу своего аристократического общественного положения, никогда не сможет быть хорошим солдатом рядом с крестьянином и мастеровым), то пределы возможного набора будут определяться исключительно численностью населения, способного носить оружие; т. е., в случае крайней нужды, можно будет в самое короткое время вооружить 15—20% населения и иметь в действующей армии 12—15%. Но наличие таких колоссальных масс предполагает, в свою очередь, и значительно большую подвижность, чем та, которой обладают современные армии. Без разветвленной сети железных дорог такие массы не смогут ни сосредоточиваться, ни снабжаться продовольствием и боевыми припасами, ни передвигаться с места на место. Без электрического телеграфа совершенно невозможно будет управлять ими. А так как при таких массах стратег и тактик (командующий на поле сражения) не могут быть соединены в одном лице, то здесь начнется разделение труда. Стратегические операции — координация действий различных войсковых соединений — должны будут направляться из одного центрального пункта при помощи телеграфных линий; руководство тактическими операциями будут осуществлять отдельные генералы. Ясно, что при таких условиях война сможет и должна будет приходить к развязке в еще более короткий срок, чем это имело место у Наполеона. Это потребует вследствие огромных издержек и станет неизбежным потому, что всякий удар, наносимый такими массами, по необходимости будет иметь решающее значение.

По своей массе и стратегической подвижности эти армии будут обладать, следовательно, неслыханно страшной силой. Тактическая подвижность (при несении патрульной службы, в стрелковых цепях, на поле сражения) у таких солдат также будет стоять на гораздо более высокой ступени. По силе, ловкости, интеллигентности они превзойдут всех тех солдат, которых может дать современное общество. Однако, все это сможет быть осуществлено, к сожалению, лишь через много лет; к тому времени подобные массовые войны уже вообще не смогут иметь места, вследствие отсутствия равного противника. В первый же период пролетарской революции для всего этого будут отсутствовать основные предпосылки; тем паче в 1852 году.

Процент населения, приходящийся сейчас во Франции на долю пролетариата, едва ли удвоился по сравнению с 1789 годом. Пролетариат был тогда — по крайней мере между 1792 и 1794 годом — не менее распропагандирован и *in tension* [в напряженном состоянии], чем это будет иметь место в бли-

жайшее время. Уже тогда было ясно, что во время революционных войн, сопровождаемых жестокими внутренними потрясениями, *масса пролетариата должна быть использована внутри страны*. То же самое будет иметь место и теперь и, вероятно, даже в большей степени, чем когда-либо, так как шансы для немедленного возникновения гражданских войн, по мере продвижения коалиции, возрастают. Поэтому пролетариат сможет направить лишь незначительный контингент в действующую армию. Главным источником для пополнения последней останутся городские низы и крестьяне. Иными словами, революция вынуждена будет вести войну теми средствами и теми методами, какими она вообще ведется в наше время.

Лишь доктринер может задаваться вопросом, нельзя ли при этих средствах, т. е. при действующей армии в 4—5% населения, изыскать новые комбинации и изобрести новые сокрушающие методы использования этих сил. Как производительность ткацкого станка не может быть увеличена вчетверо без замены его движущей силы — силы руки — силой пара, без изобретения нового орудия производства, имеющего лишь весьма мало общего со старым ручным станком, так и в военном искусстве нельзя старыми средствами достигнуть новых результатов. Только создание новых, более мощных средств делает возможным достижение новых, более грандиозных результатов. Каждый великий полководец, создавший новую эпоху в военной истории применением новых комбинаций, является либо изобретателем новых материальных средств, либо первый находит правильный способ применения новых средств, изобретенных до него. В промежутке времени между Тюренном и старым Фрицем произошла революция в пехотном деле, вытеснение пики штыком и фитильного запала кремневым замком; историческая заслуга старого Фрица в военной науке заключалась в том, что он, в общем оставаясь в пределах тогдашнего способа ведения войны, преобразовал и усовершенствовал старую тактику, применительно к новым видам оружия. Точно также историческая заслуга Наполеона заключается в том, что он нашел единственно правильное тактическое и стратегическое применение колоссальных вооруженных масс, появление которых стало возможно лишь благодаря революции, и эту стратегию и тактику довел до такой степени совершенства, что современные генералы, в общем и целом, не только не в состоянии превзойти его, но в своих самых блестящих и удачных операциях лишь пытаются подражать ему.

Summa summarum. Революция будет воевать современными военными средствами и при помощи современного военного искусства против современных же военных средств и

современного военного искусства. Шансы на наличие военных талантов будут у коалиции по меньшей мере так же велики, как и у Франции: *ce seront alors les gros bataillons qui l'emporteront* [преимущества тогда будут на стороне больших батальонов].

IV

Посмотрим теперь, какие батальоны смогут быть включены в действующую армию и как они смогут быть применены.

1) *Россия*. Русская армия мирного времени состоит номинально из 1 100 000 солдат, фактически же примерно — из 750 000. Начиная с 1848 г. русское правительство неуклонно стремилось к тому, чтобы довести фактическую численность военного времени до 1 500 000 человек. Николай и Паскевич, по мере возможности, всюду лично контролировали положение. Следовательно, можно считать, что Россия в настоящее время довела свою армию по меньшей мере до полного мирного состава в 1 100 000 человек; из этого числа следует исключить самое большее:

для Кавказа	100 000 чел.
„ собственно России	150 000 „
„ польских губерний	150 000 „
больных, отрядов особого назначения и т. п.	150 000 „
Всего	550 000 чел.

Остаются 550 000 человек, которые могут быть употреблены для военных действий вне страны. Это немногим больше, чем то, что Россия фактически послала за границу в 1813 году.

2) *Пруссия*. Великолепная армия военного времени, в случае призыва под знамена ландвера первой и второй очереди, сверхочередных и вообще всего, что можно призвать, состояла бы, по меньшей мере, из 650 000 человек. Но в данный момент правительство смогло бы мобилизовать максимум 550 000 человек. Будем считать только 500 000 человек. Из этого числа придется выделить для гарнизонов и т. п. лишь немногим больше численности ландвера второй очереди (150 000 человек); ведь постепенные призывы сверхочередных и контингента будущего года, — о чем позаботится Николай, — а также непрерывное прохождение русских войск обеспечат достаточные резервы на случай любой попытки поднять восстание внутри страны. Кроме того, прусские войска будут иметь меньший процент больных, так как они будут сосредоточиваться в собственной стране и им придется совершить меньший переход, чем русским, чтобы дойти до Рейна. Однако, так же, как и относи-

тельно русских, я сбрасываю половину и считаю свободной лишь другую половину, т. е. 250 000 человек.

3) *Австрия*. Стоят под ружьем и находятся в отпуску, но могут вернуться в армию так же быстро, как ландвер в Пруссии, по меньшей мере 600 000 человек. Здесь я также сбрасываю половину, так как, по крайней мере, для двух третей монархиидвигающиеся вслед за австрийцами русские войска впредь до образования новых резервов будут служить резервами внутри страны и будут парализовать очаги восстания. Для действий против неприятеля остаются свободными 300 000 человек.

4) *Германский союз* *. Так как эти господа живут у самого Рейна и вся коалиционная армия будет проходить через их земли, то они почти совсем не нуждаются в гарнизонах против местного населения; тем более, что после первых же успехов коалиции в борьбе с Францией резервные армии расположатся поперек всей Германии, с севера на юг. Поэтому Германский союз выставит, по крайней мере, 120 000 человек.

5) Войска итальянских правительств, датчан, бельгийцев, голландцев, шведов и пр. я принимаю пока в расчет в количестве 80 000 человек.

Итак, вся совокупность коалиционных войск составляет по приведенному расчету 1 300 000 человек, либо уже стоящих сейчас под ружьем, либо могущих быть призванными немедленно. Все эти данные намеренно преуменьшены. Скидка на одних больных так велика, что уже только из выздоровевших и т. п. можно было бы через два месяца после начала операций составить вторую армию в 350 000 человек вблизи французской границы. Но численность этой второй армии неизбежно окажется еще значительно больше, так как в настоящее время ни одно правительство не бывает настолько неразумным, чтобы начать войну, не производя одновременно с отправкой действующей армии возможно более широкие новые наборы, которые посылаются вслед за первой армией.

Войска первой армии (1 300 000 человек) могут быть полностью сосредоточены в течение, примерно, двух месяцев, если действовать по следующему плану. Пруссак и австрийцы могут вполне мобилизовать вышеупомянутые контингенты за два месяца, в этом не может быть сомнения после ноябрьской мобилизации прошлого года; что же касается русских войск, то тремя конечными пунктами сосредоточения будут в первую очередь Берлин, Бреславль и Краков или Вена (см. ниже). От Петербурга до Берлина приблизительно 45 дневных перегово-

* Имеются в виду средние и мелкие германские государства, входившие, наряду с Пруссией и Австрией, в Германский союз (1815—1866 гг.). Ред.

дов, от Берлина до Рейна — 16, всего 61 переход, считая по 5 германских миль * в день. От Москвы до Бреславля 48 переходов, от Бреславля до Майнца — 20, всего 68 переходов. От Киева до Вены — 40, от Вены до Базеля — 22, всего 62 перехода. Если присчитать к этому дневки, без которых русские войска, а особенно при вышеуказанных интенсивных переходах, ни в коем случае не смогут обойтись, то ясно, что и войска, расположенные в Москве, Петербурге и Киеве, вполне смогут уже быть на Рейне через *три* месяца; даже исходя из предположения, что войска передвигаются исключительно пешком, не пользуясь железными дорогами и подводами. Однако эти средства передвижения могут быть пущены в ход в Германии почти повсюду, в России и Польше во всяком случае местами; использование этих средств сократило бы переброску войск, в общем, безусловно на 15—20 дней. Но главные массы русских войск уже сейчас сконцентрированы в польских губерниях, а так как политическая обстановка делает вероятным возникновение кризиса, туда будет направлено еще большее количество вооруженных сил. Таким образом, исходными пунктами движения русских будут не Петербург, Москва и Киев, а Рига, Вильно, Минск, Дубно и Каменец, благодаря чему расстояние сократится приблизительно на 60 миль, т. е. на 12 дневных переходов и четыре дневки. При этом значительная часть пехоты, — особенно расположенная в более отдаленных местах расквартирования, — сможет в течение каждого третьего дня (дня отдыха) быть перевезена по крайней мере на 5 миль; таким образом, для этой части армии и дни отдыха могут быть причислены к дням марша. Материальная часть артиллерии, боевые припасы и продовольствие смогут при этих условиях свободно следовать по железной дороге. Артиллерийские запряжки и прислуга смогут передвигаться походным порядком или ехать и, таким образом, прибыть на место во всяком случае скорее, чем прежним способом.

Из всего сказанного для меня следует вывод, что ничто не воспрепятствует сосредоточению коалиционной армии на Рейне, через два месяца после взрыва революции, в следующем порядке:

Первая армия

1. Первая линия на Рейне и в Пьемонте:-		
Пруссаки, австрийцы и др.	750 000	} 1 050 000
Русские	300 000	
2. Вторая линия, резервы, на расстоянии		
10 переходов — русские	250 000	
Всего		1 300 000
(как указано выше)		

* Германская, или географическая, миля равна 7 км 420 м. *Ред.*

Вторая армия

1. Резервы второстепенных членов коалиции, концентрирующиеся прусские, австрийские и др. части	200 000	} 350 000
2. Русские резервы, находящиеся в пути, на расстоянии 20 переходов	150 000	

Общая численность обеих армий 1 650 000

В сущности говоря, при современных условиях потребуется не больше пяти-шести недель, чтобы перебросить к Рейну 300 000 русских, и за то же время пруссаки, австрийцы и второстепенные союзники смогут придвинуть к Рейну вышеуказанные контингенты; но, принимая в расчет непредвиденные препятствия, которые возникают при всякой коалиции, я беру полных два месяца. Расположение союзных войск в момент высадки Наполеона после Эльбы, в смысле их переброски во Францию, было едва ли столь же благоприятно, как нынешнее; тем не менее, русские были уже на Рейне, когда Наполеон сражался с англичанами и пруссаками при Ватерлоо.

Спрашивается, какие же ресурсы может противопоставить коалиции *Франция*?

1) Линейные войска составляют приблизительно 450 000 человек, из них 50 000 в Алжире, без которых там не обойтись; из остальных 400 000 человек следует сбросить больных, необходимый минимум для гарнизона крепостей, небольшие отряды в ненадежных пунктах внутри страны; в лучшем случае можно располагать 250 000 человек.

2) Излюбленное средство нынешних «красных» — снова призвать под ружье отслуживших срок солдат — может быть с успехом применено в качестве принудительной меры самое большее по отношению к шести возрастам, т. е. от 27 до 32 лет. Каждый возраст должен по набору давать 80 000 человек. Потери от алжирской войны и тамошнего климата, обычная смертность за 12 лет, отсея лиц, ставших неспособными к военной службе, эмигрантов, наконец, тех, кому тем или иным способом удастся уклониться от возвращения в строй в такой момент, когда административный аппарат и без того приходит в расстройство, — все это сократит общее количество вернувшихся в армию бывших рекрутов этих шести возрастов с 480 000 до 300 000 в лучшем случае. Из этого числа, в свою очередь, следует вычесть 150 000 человек на пополнение крепостных гарнизонов, которое будет производиться преимущественно за счет этого класса, как состоящего из более пожилых и, в большинстве случаев, женатых людей. Остающиеся, таким образом, 150 000 человек при сколько-нибудь умелых мероприятиях легко могут быть мобилизованы в два месяца.

3) Народное ополчение, добровольцы, волонтеры, *levée en masse* и как бы еще ни называлось это второстепенное пушечное мясо. Из этой группы, за исключением примерно 10 000 *gardes mobiles* [мобильной гвардии], которые еще должны быть собраны, все владеют оружием не лучше любого немецкого гражданского ополченца. Правда, французы обучаются этому ремеслу быстрее, но два месяца все же очень короткий срок. Если Наполеону удавалось заставить своих рекрутов пройти батальонную школу в четыре недели, то это было возможно лишь благодаря отличнейшим кадрам; между тем первым следствием ближайшей революции будет дезорганизация самих линейных кадров. К тому же наши французские революционеры, как известно, весьма привержены к традициям, они, несомненно, прежде всего начнут кричать: *Levée en masse! Deux millions d'hommes aux frontières!* [Всеобщий набор! Два миллиона солдат на границу!] Два миллиона солдат — это было бы прекрасно, если бы снова можно было ожидать со стороны коалиции таких промахов, какие были совершены ею *anno* [в году] 1792—1793, и если бы было достаточно времени, чтобы постепенно обучить 2 000 000 человек. Но об этом не может быть и речи. Наоборот, следует ожидать, что в течение двух месяцев на границе окажется 1 000 000 неприятельских солдат, готовых к боевым действиям, и задача будет заключаться в том, чтобы выступить против этого миллиона с шансами на успех.

Если французы снова будут слепо копировать традиции 1793 г., то они предпримут эксперимент с 2 000 000, а это значит, что они размахнутся настолько широко, что реальный результат, при краткости срока, будет равен нулю. Обучение и формирование 1 500 000 человек в восемь недель при отсутствии кадров на практике сведется к бессмысленному расходованию всех ресурсов и к тому, что армия не будет усилена хотя бы даже одним пригодным батальоном.

Другое дело, если у них будет порядочный военный министр, сколько-нибудь знакомый с революционными войнами и методами быстрого формирования армии, и если на его пути не будут стоять глупые препятствия, проистекающие от невежества и стремления к популярности. Такой человек будет держаться в пределах возможного и сможет сделать многое. Тогда придется исходить примерно из следующего плана.

Вооруженные силы состоят, прежде всего, из двух составных частей: 1) пролетарской гвардии в городах, крестьянской гвардии в сельских местностях — в той мере, в какой последние благонадежны, — для несения внутренней службы и 2) регулярной армии — против вторжения.

Крепости обслуживаются пролетарской и крестьянской гвардией. Из армии для этого выделяются лишь самые необходимые подразделения. Для защиты Парижа, Страсбурга, Лиона, Меца, Лилля, Валансьенна — важнейших крепостей, являющихся в то же время крупными городами, понадобятся помимо их собственной гвардии и небольших крестьянских отрядов из окрестностей лишь немного линейных войск. Свободный от внутренней службы контингент пролетарской гвардии, поскольку он состоит из незанятых рабочих, должен быть сосредоточен в учебном лагере и обучаться под руководством не годных к полевой службе старых офицеров и унтер-офицеров для пополнения убыли в рядах действующей армии. Этот лагерь может быть устроен вблизи Орлеана — он тогда одновременно будет служить угрозой против легитимистских округов.

Количество линейных войск, находящихся на французской территории, должно быть утроено, т. е. доведено с 400 000 до 1 100 000 человек. Достигнуть этого можно следующим образом. Каждый батальон превращается в полк, происходящее при этом неизбежное повышение по службе офицеров и унтер-офицеров внушит им не меньшее уважение к революции, чем гильотина и военный суд. Неизбежное расширение кадров должно при этом происходить по возможности постепенно. Необходимо будет привлечь на свою сторону возможно большее количество офицеров. Последнее весьма важно при невозможности создать как по волшебству новых офицеров в двухмесячный срок. Кроме того, у среднего и низшего командного состава французской армии имеется еще достаточно национального чувства для того, чтобы эта категория офицеров под влиянием некоторого продвижения по службе, энергичного руководства со стороны военного ведомства и при известных шансах на военный успех могла оказаться вполне пригодной на первое время; особенно если будет проведено несколько примерных наказаний бунтовщиков и дезертиров. Из воспитанников военных училищ и служащих *Ponts et chaussées* [Управления по строительству шоссейных дорог и мостов] получают прекрасные офицеры артиллерийских и инженерных войск; а после нескольких сражений начнут обнаруживаться столь часто встречающиеся у французов военные таланты среди нижних чинов, уже пригодные для командования ротой после первого боя. Что же касается солдат, то необходимое количество составит

из линейных войск 400 000
„ вновь призванных запасных . . 300 000

Остается добрать и обучить 500 000, итого 1 200 000 человек, а если считать 100 000 больных, — 1 100 000 человек.

Из этого числа может быть использовано для боевых действий:

из линейных	250 000
„ запасных	150 000
„ новобранцев	400 000
	800 000

Будущее покажет, что можно предпринять с такой армией. Обучить в течение двух месяцев в качестве пополнения для линейной армии 400 000—500 000 новобранцев, которые будут влиты в одни полки и батальоны с солдатами регулярной армии и с возвращенными в строй бывшими солдатами, не такое уж трудное дело, если взяться за него немедленно, *le lendemain de la révolution* [на следующий день после революции]. Все эти подкрепления пойдут на усиление пехоты и артиллерии: за 2 месяца можно обучить пехотинца и даже канонира, способного к элементарному обслуживанию орудия, но отнюдь не кавалериста. Поэтому численное увеличение кавалерии будет весьма невелико.

Весь этот план мобилизации обязательно предполагает наличие хорошего военного министра, такого, который умеет правильно оценить политическую обстановку, обладает знаниями в области стратегии, тактики и в деталях использования отдельных родов оружия, а также достаточной степенью энергии, быстроты и *decisiveness* [решительности]; необходимо также, чтобы ослы, которые будут состоять в правительстве вместе с ним, предоставили ему полную свободу действий. Но где же возьмет «красная» партия во Франции такого человека? Все шансы говорят, напротив, за то, что мы увидим обычную картину: какой-нибудь невежда, который, в качестве *bon démocrate* [хорошего демократа], сам себя считает и признается другими подходящим для любого поста, попытается разыграть Карно, декретирует всеобщий набор, разрушит решительно все; весьма скоро его предприимчивость исчерпается, тогда он предоставит все дело рутине второстепенных чиновников старого режима и неприятельские армии будут подпущены к стенам Парижа. Для того же, чтобы в наше время справиться с европейской коалицией, недостаточно быть Пашем, Бушотом и даже Карно, а надо быть равным Наполеону, либо же иметь исключительно глупых врагов перед собой или исключительно много удачи.

Не надо забывать, что при всех сделанных выше подсчетах военных сил коалиции все время принимались во внимание минимальные числа для общего количества войск и, наоборот, максимальные для всяких скидок; таким образом, при сколь угодно удовлетворительном руководстве численный состав

войск, находящихся в распоряжении неприятеля, окажется большим, а время необходимое для его сосредоточения, меньшим, чем здесь указано. Для Франции же мои предположения построены по обратному принципу: я принял максимальный срок, находящийся в распоряжении французов, максимальную цифру для контингента, который они смогут сформировать, и сделал минимальные скидки; таким образом, общее количество войск в распоряжении революции подсчитано мной в самых больших цифрах, какие только возможны. Иными словами, все эти исчисления дают картину *самого благоприятного случая* для революции, если не считать непредвиденных обстоятельств и возможности грубых промахов со стороны коалиции.

К тому же в вышеизложенных предположениях я исходил из того, что революция и вторжение неприятеля не вызовут немедленной вспышки гражданской войны внутри страны. В настоящее время, т. е. через 60 лет после последней гражданской войны во Франции, невозможно сказать с уверенностью, окажется ли легитимистский фанатизм способным на нечто большее, чем на эфемерное восстание. Ясно все же, что по мере продвижения коалиции вперед будут возрастать шансы восстаний, подобных лионскому и тулонскому в 1793 г. и др., будут возрастать шансы на временный союз всех политически побежденных классов и партий. Но допустим и в этом отношении наиболее благоприятную комбинацию для революции, при которой революционная — пролетарская и крестьянская — гвардия окажется в состоянии успешно провести разоружение восставших департаментов и классов.

О благоприятствующих революции шансах, которые появились бы благодаря возможным восстаниям в Германии, Италии и т. д., мы скажем ниже.

V

Теперь перейдем к самим боевым действиям.

Если на карте поставить одну ножку циркуля на Париж и провести окружность радиусом, равным расстоянию от Парижа до Страсбурга, то она пересечет на юге французскую границу между Греноблем и Шамбери у Пон-де-Бовуазена, пойдет вдоль границы к северу через Женеву, Юрский хребет, Базель, Страсбург и Хагенау, затем будет следовать по течению Рейна до его устья, отдаляясь от него в отдельных местах, но не более как на два дневных перехода. Если бы Рейн был границей Франции, то на всем протяжении этой границы, начиная от того пункта, где она уже не прикрывается Альпами, и до самого Северного моря, Париж был бы примерно на одинако-

вом расстоянии от любой ее точки. Военная система Франции, имеющая центром Париж, вполне соответствовала бы тогда географическим условиям. При этом предположении получалась бы простая дуга от Шамбери до Роттердама, на которой все точки единственной открытой границы Франции, притом ближайшей к ее столице, были бы расположены от Парижа на одинаковом расстоянии, составляющем примерно 70 немецких миль, или 14 переходов. В то же время эта граница была бы защищена широкой рекой. В этом заключается реальная военная основа того утверждения, что Рейн является естественной границей Франции.

Но та же своеобразная конфигурация течения Рейна также делает его исходной точкой для всех концентрических операций, направленных против Парижа, ибо для того, чтобы несколько различных армий могли одновременно достигнуть Парижа и одновременно угрожать ему с разных сторон, они должны выступить одновременно из равно отстоящих от Парижа пунктов. Несмотря на то, что концентрические операции представляют опасность, если пункты концентрации лежат в сфере воздействия неприятельских армий, а тем более, совпадают с операционной базой последнего, операции всякой коалиционной контрреволюционной армии против Франции по необходимости должны иметь концентрический характер. Причины следующие: 1) взятие Парижа означает завоевание всей Франции; 2) ни один пункт границы, лежащий в сфере операций французских армий, не может быть оставлен открытым, ибо, в противном случае, французы могли бы вызвать восстание на территории коалиции, послав свои отряды в тыл неприятельской армии; 3) для снабжения тех людских масс, которые всякая коалиция вынуждена бросить против Франции, требуются многочисленные операционные линии.

Граница, защищать которую придется обеим армиям, простирается от Шамбери до Роттердама. Испанскую границу можно пока не принимать во внимание. Итальянская граница от Вара до Изера прикрыта Альпами и, кроме того, идет в направлении, удаляющемся от Парижа, составляя касательную к вышеупомянутой дуге. Эту границу следует принять во внимание только в том случае: 1) если укрепленные перевалы Савойских Альп, особенно Монсени, будут в руках французов; 2) если будет намерение произвести диверсию на побережье, для чего должны иметься особые основания; 3) если французские армии, обеспечив безопасность границы во всех других направлениях, захотят перейти здесь в наступление по примеру Наполеона в 1796 году. Во всех других возможных случаях этот участок границы находится далеко в стороне.

Итак, активные операции как для коалиции, так и для

Франции ограничиваются линией, идущей от Шамбери или реки Изера до Северного моря, и той территорией, которая расположена между этой линией и Парижем. Как раз эта часть Франции представляет собой местность, как бы специально созданную для обороны, и расположение гор и рек здесь отличается самым благоприятным с военной точки зрения характером.

От Роны до Мозеля граница прикрыта длинной, лишь с трудом и в немногих пунктах проходимой цепью гор — Юрой; к ней примыкают Вогезы, продолжение которых составляют Хохвальд и Идарвальд; обе горные цепи тянутся параллельно границе, а Вогезы, кроме того, прикрыты Рейном. Между Мозелем и Маасом дорогу на Париж преграждают Арденны, по ту сторону Мааса — Аргонны. Открытой остается лишь область от Самбры до моря, но тут положение всякой продвигающейся армии с каждым шагом вперед становится все опаснее, так как она рискует, при сколько-нибудь умелых операциях со стороны сильной французской армии, быть отрезанной от Бельгии и сброшенной в море. К тому же вся линия от Роны до Северного моря усеяна крепостями, из которых некоторые, как, например, Страсбург, господствуют над целыми провинциями.

От того места, где сходятся Юра и Вогезы, тянется в юго-западном направлении, вплоть до Оверни, цепь гор, образующая водораздел между Северным морем и океаном, с одной стороны, и Средиземным морем — с другой. От нее на юг течет Сона, а на север, параллельно друг другу, Мозель, Маас, Марна, Сена и Йонна. Вдоль каждой из этих рек, отделяя ее долину от долины соседней реки, а также между Йонной и Луарой, тянутся, образуя разветвления, длинные горные хребты, прорезанные лишь немногими дорогами. Вся эта горная страна, правда, в большей своей части проходима для всех родов войск, но весьма неплодородна, и большая армия не может здесь задерживаться в течение долгого времени.

Преодолев эту горную местность, а также столь же неплодородные возвышенности Шампани, лежащие между бассейном Мааса и бассейном Сены, неприятельская армия вступает в бассейн реки Сены. Здесь-то и сказываются в полной мере необычайные военные преимущества местоположения Парижа.

Бассейн Сены, от ее верховьев вплоть до устья Уазы, образуется из целого ряда почти параллельно расположенных рек с дугообразным течением, направленным к северо-западу, — Йонны, Сены, Марны, Уазы и Эна; каждая из этих рек имеет притоки, текущие в том же направлении. Все эти дугообразные долины соединяются на небольшом друг от друга расстоянии, а в центре этих соединительных точек лежит Париж.

Главные пути к Парижу от всех сухопутных границ между Средиземным морем и Шельдой идут вдоль этих речных долин и вместе с ними концентрически соединяются под Парижем. Армия, защищающая Париж, может поэтому всегда сосредотачиваться в более короткое время и перебрасываться от одного угрожаемого пункта к другому легче, чем нападающая армия, так как из двух концентрических кругов — внутренний имеет меньшую периферию. Блестящее использование этого преимущества, неустанное передвижение по периферии внутреннего круга позволило Наполеону во время его замечательной кампании 1814 г. в течение двух месяцев связывать в бассейне Сены при помощи горсти солдат все военные силы коалиции.

Написано Ф. Энгельсом на немецком языке
в апреле 1851 г.

Впервые напечатано в журнале «Die Neue Zeit»
4 и 11 декабря 1914 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд.
второе, т. 7.

О ПРУССКОЙ АРМИИ*

Прусская армия — голодная испокон веков. Гепфнер о периоде 1788—1806 годов.— Истощение казны при Фридрихе-Вильгельме III. Мошенничества (1 и 9 артиллерийские [полки] — поставка шинелей, 1842 г.). Старый хлам в цейхгаузах. Фридрих-Вильгельм III способен даже проявить миролюбие — из-за необходимости в случае войны созывать всякий раз *сословия*. 1 поворотный пункт — 1848 г., Вальдерзее и игольчатое ружье. 2 поворотный пункт — мобилизация 1852 г. ** и, наконец, итальянская война, реорганизация армии, отказ от рутины. С 1864 г. серьезная самокритика и деловой подход. Тем не менее — полное непонимание характера организации прусской армии.— Трагикомический конфликт: прусское государство *вынуждено* вести политические войны во имя интересов, которые далеки от народа, которые никогда не могут вызвать национального воодушевления, а нуждается оно в армии, которая годится только для национальной обороны и непосредственно связанного с этой обороной наступления (1814 и 1870 гг.).— В этом конфликте прусское государство и прусская армия потерпят крах, и это произойдет, вероятно, в войне с Россией,— в войне, которая может длиться четыре года и доставит Пруссии только недуги и простреленные кости.

Написано Ф. Энгельсом на немецком языке в 1874 г.

Впервые напечатано на русском языке в сборнике «Маркс и Энгельс против реакции в Германии», 1944 г.

Архив Маркса и Энгельса, т. X, 1948 г.

* Фрагмент из рукописи Энгельса «Заметки о Германии». Ред.

** Повидимому, описка в дате: имеется в виду мобилизация прусской армии в 1850 г. Ред.

ЗАМЕЧАНИЕ К СТРАНИЦЕ „ИСТОРИИ КОММУНЫ“*

ПЕРЕМИРИЕ г. ТЬЕРА от 30 октября 1870 г.¹⁹³

Нужна была вся тупость и все лицемерие людей 4 сентября, чтобы назвать весть об этом перемирии «доброй вестью». Весть действительно добрая... для пруссаков.

Капитуляция Меца только что вернула свободу действий 6 корпусам прусской армии = 120 000 человек. Надо было быть Трошю и Жюлем Фавром, чтобы не видеть, что после неминуемого прибытия этой новой армии в центр Франции станет почти невозможной всякая попытка освободить Париж, не видеть, что это был момент не для заключения перемирий, а для того, чтобы сделать наивысшее военное усилие. На это оставалось всего лишь пятнадцать дней; но это были пятнадцать драгоценнейших дней, это был критический период войны.

Положение было таково.

Чтобы осуществить блокаду Парижа, немцы должны были пустить в ход все войска, за исключением 3 дивизий пехоты. У них не было *никакого резерва*, так как эти 3 дивизии, заняв Орлеан и Шалон, потеряли значение резерва, ибо их задерживала Луарская армия. На западе, на севере, на востоке была одна лишь кавалерия; она производила наблюдение и объезд по обширной территории, но не была в состоянии удержать ее против пехоты.

К концу октября линия немцев, окружавшая Париж, была уже очень хорошо укреплена со стороны города; но всякое нападение извне должно было застичь пруссаков врасплох и в открытом поле. Достаточно было бы появления 50 000 человек, хотя бы даже таких молодых войск, какими располагала тогда Франция, чтобы прорвать блокаду и восстановить сношения Парижа со страной. Но мы видели, что действовать надо было быстро, а произошло вот что.

* См. Lissagarey, Histoire de la Commune de 1871. (Лиссагаре, История Коммуны 1871 г.). Bruxelles, 1876. *Ред.*

Парижское правительство согласилось на перемирие, которое, несмотря на краткосрочность, дало передышку немецким войскам, истощенным работами и ночными действиями в связи с блокадой (30 октября).

Со своей стороны, д'Орель де-Паладин сосредоточивает свою армию 2 ноября в Вьерзоне с намерением идти на Божанси, перейти там Луару и проникнуть между пруссаками (17-я дивизия), занимающими Шатодэн, и баварцами, захватившими Орлеан. Переход от Вьерзона до Божанси — приблизительно 45 километров длины, и его вполне можно было сделать в два дня. Но, если можно верить немецкому источнику («*Militarische Gedanken und Betrachtungen*» etc. [«Военные размышления и соображения» и т. д.]), Гамбетта имел наивность полагать, что армия в 40 000 человек может двигаться по железной дороге с такой же быстротой, как простой частный пассажир. И вот он приказывает генералу, вместо перехода, перевести свою армию по железной дороге из Вьерзона в Тур, а оттуда в Божанси. Генерал протестует; Гамбетта настаивает. Вместо *двухдневного* перехода и вместо 45 километров Луарская армия совершает путешествие по железной дороге в 180 километров, которое заняло у нее *пять дней* и которое вдобавок не могло остаться скрытым от глаз неприятеля. Только 7-го она была вновь сконцентрирована в Божанси и готова к действию. Но было потеряно три драгоценных дня, а неприятель был предупрежден о происшедшем передвижении.

И какие дни! 3 ноября был наиболее критический день: прусская кавалерия, целая бригада, была вынуждена под натиском десяти многочисленных отрядов добровольцев покинуть Мант и отступить в Вер. С другой стороны, значительные французские силы всех видов оружия были замечены при переходе из Курвиля по направлению к Шартру. Если бы Луарская армия, вместо того, чтобы кататься в вагонах, произвела 4-го атаку, что она вполне могла бы сделать; если бы она продвинулась, — а это было ей легко выполнить, — между баварцами и 17-й прусской дивизией; если бы она использовала свое огромное численное превосходство для того, чтобы бить их порознь, одних за другими, а затем двинуться на Париж, — то почти с уверенностью можно сказать, что Париж был бы освобожден.

Даже Мольтке был далек от того, чтобы не видеть опасности; поэтому он и решил в случае необходимости действовать так, как действовал Наполеон при Мантве: снять блокаду, пожертвовать осадным артиллерийским парком, формировавшимся в Вилькублей, сконцентрировать свою армию для действий в открытом поле и возобновить блокаду лишь после победы, т. е. после прихода армии из Меца. Багаж версаль-

ской главной квартиры был уже на повозках; все было готово к отъезду, оставалось только запрягать лошадей (по словам очевидца, швейцарского полковника, д'Эрлаха).

Если бы пруссаки были вынуждены снять блокаду Парижа, это могло бы привести к давлению со стороны Европы и к почетному миру. Во всяком случае, этот факт должен был бы оказать огромное моральное воздействие сначала на Европу, затем в особенности на Францию и, наконец, в противоположном смысле, на немцев. А материальные последствия этого факта! Париж имел бы по меньшей мере пятнадцать-двадцать дней для того, чтобы запастись продовольствием по всем железным дорогам, идущим с юга и с запада, что было бы равносильно продлению защиты на один или на два месяца. Столько же времени было бы выиграно для организации провинциальных армий, которых уж больше не приходилось бы бросать против неприятеля недисциплинированными, необученными, без обмундирования, почти без оружия. Чтобы вернуть Франции шансы на успех, нужно было только выиграть время; случай добиться этого представился 3 и 4 ноября; мы видели, как случай этот был упущен.

Проследим, однако, за событиями. Париж не предпринял даже вылазки. В течение недели военные силы, приближавшиеся к Парижу с запада, не сделали никакой попытки к нападению. Это не удивительно. Силы эти должны были быть довольно слабы; декрет Гамбетты, возлагавший на г-на де-Кератри организацию Западной армии, датирован 22 октября!

Оставалась Луарская армия, вступившая в строй 7 ноября у Божанси. Только 9-го д'Орель атакует баварцев в Кульмье; как только последние увидели, что отступление 27-й прусской дивизии, шедшей к ним со стороны Шартра, неизбежно, — они отступили в Тур, где на следующий день, 10 ноября, к ним присоединилась эта дивизия. Д'Орель больше не шевельнулся. Между тем, три корпуса армии из Меца, 60 000 человек, форсированным маршем приближались с Сены. Две других прусских дивизии (3-я и 4-я), отправленных из Меца по железной дороге, уже прибыли к Парижу. Теперь Мольтке получил возможность направить 17-ю прусскую дивизию в Тур, куда она прибыла 12-го. Четыре немецких дивизии, около 35 000 человек, оказались таким образом в строю против Луарской армии, которая с тех пор перестала вызывать у них беспокойство.

Однако 14 ноября значительные силы французов двинулись из Дрё (Dreux) на Гудан*, в двух переходах от Версаля. Мольтке, который в этом направлении располагал пока

* В рукописи Энгельса написано вместо Houdan — Houblon. *Ред.*

только кавалерией, не был в состоянии произвести достаточно энергичные разведки, чтобы вскрыть, какие силы скрывались за этим авангардом. В этот день он снова собирался покинуть Версаль и снять блокаду (Блам).

Но на этот раз решили дело уже не дни, а только часы. Первый из корпусов армии из Меца (IX-й) в тот же день прибыл в Фонтенебло, III-й должен был быть между 16-м и 18-м в Немуре, а X-й — 19-го в Жуаньи на Ионне. 17-ю дивизию Мольтке направил в Рамбуйе, 22-ю — в Шартр, баварцев — в Оно (Ампеаух), т. е. между Луарской армией, которой он предоставил свободный путь в Париж, и войсками, угрожавшими Версалию с запада. На этот раз собственная бездеятельность спасла д'Ореля. Если бы он двинулся в прорыв, образовавшийся перед ним, он был бы раздавлен между двумя немецкими армиями, готовыми броситься на его фланги. 19 ноября три корпуса II прусской армии со своими резервами на Ионне заняли Фонтенебло и Немур. 20 ноября I армия, под начальством Мантейфеля, была сконцентрирована на линии Уазы от Компьена до Нуайона; армия из Меца защищала с севера и с юга блокаду Парижа. Упущена была последняя возможность снять эту блокаду, упущена благодаря Трошю, Гамбетте, д'Орелю, взаимные ошибки которых, можно сказать, подкрепляли одна другую чуть ли не с хваленой точностью прусских батальонов.

Написано Ф. Энгельсом на французском языке
в январе 1877 г.

Впервые напечатано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XV,
1933 г.

ТАКТИКА ПЕХОТЫ И ЕЕ МАТЕРИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ. 1700—1870 гг.*

В XIV веке порох и огнестрельное оружие стали известны в Западной и Центральной Европе, и любой школьник знает теперь, что этот чисто технический прогресс революционизировал все военное дело. Эта революция совершалась, однако, очень медленно. Первое огнестрельное оружие было очень примитивно, в особенности карабины. И хотя уже довольно рано было изобретено множество отдельных усовершенствований — нарезной ствол, ружье, заряжающееся с казенной части, колесцовый замок и т. д., — тем не менее прошло более 300 лет, пока было создано, к концу XVII века, ружье, годное для вооружения всей пехоты.

В XVI и XVII веках пехота состояла частью из пехотинцев, вооруженных пиками, частью из стрелков. Первоначально назначение пикенеров заключалось в том, что они в решающий момент битвы шли в атаку с холодным оружием, защитой же служил огонь стрелков. Поэтому пикенеры сражались сомкнутыми массами, подобно древнегреческой фаланге; стрелки же строились по 8—10 человек в глубину, потому что при таком именно количестве они, пока один заряжал ружье, успевали друг за другом производить выстрелы. Кто был готов к стрельбе, выбегал вперед, стрелял и затем уходил на последнее место в ряду, чтобы вновь зарядить свое ружье.

Постепенное усовершенствование огнестрельного оружия изменило это соотношение. Фитильное ружье так быстро заряжалось, что для поддержания непрерывного огня требовалось уже только 5 человек. Таким образом, рота стрелков могла состоять только из 5 шеренг. Теперь, следовательно, можно было с прежним количеством мушкетеров занимать фронт, почти вдвое более длинный, чем раньше. Ввиду того, что ружейный огонь оказывал особенно опустошающее действие на

* Настоящий отрывок является вариантом III главы второго отдела «Анти-Дюринга»: «Теория насилия (продолжение)». *Ред.*

большие, сплошные массы, пикенеры строились теперь также в шесть или восемь рядов, и таким образом боевой порядок приближался все более и более к линейному строю, при котором исход битвы решался ружейным огнем, а пикенеры имели своим назначением уже не нападение, а прикрытие стрелков от кавалерии. К концу этого периода боевой строй состоял из двух отрядов и одной резервной части. Каждый отряд выстраивался в виде линии, состоявшей в большинстве случаев из шести шеренг. Артиллерия и конница размещались частью в промежутках между батальонами, частью на флангах. При этом в каждом пехотном батальоне самое большее одна треть состояла из пикенеров и, по меньшей мере, две трети — из мушкетеров.

В конце XVII века появилось, наконец, кремневое ружье со штыком, заряжающееся готовыми патронами. Тем самым пика была окончательно вытеснена из вооружения пехоты. Теперь требовалось меньше времени, чтобы зарядить ружье, более быстрый огонь сам себе служил защитой, штык, в случае необходимости, заменял пику. Вследствие этого можно было сократить глубину боевой линии с шести до четырех, затем до трех и кое-где, наконец, до двух человек; таким образом при одинаковом количестве людей линия все больше удлинялась, все большее количество ружей вступало одновременно в действие. Но вместе с тем эти длинные и тонкие линии становились и все более неповоротливыми. Они могли двигаться в боевом порядке только на ровной местности, где не встречалось препятствий, — да и то очень медленно, делая 70—75 шагов в минуту. Но как раз на равнине эти линии давали кавалерии противника возможность успешного нападения, особенно на флангах. Отчасти для того, чтобы защищать эти фланги, отчасти же для усиления передовой линии огня всю кавалерию ставили на флангах, так что действительная боевая линия в собственном смысле слова состояла из одной только пехоты с ее легкими батальонными пушками. Чрезвычайно неуклюжие, тяжелые орудия стояли на флангах и за все время битвы могли менять свое положение не больше одного раза. Пехотинцы выстраивались в два отряда, фланги которых прикрывались пехотой, построенной углом, так что все это построение составляло один очень длинный, пустой внутри четырехугольник. Эта масса, совершенно беспомощная в тех случаях, когда она не могла двигаться как одно целое, разделялась только на три части — на центр и два фланга. Все движение частей заключалось в том, чтобы — с целью обхода противника — выдвигать фланг, численно превосходявший вражеский, в то время как другой фланг задерживался как угроза, чтобы помешать врагу произвести такую же перемену

фронта. Изменение боевого строя в ходе самого сражения требовало так много времени и давало противнику возможность заметить столько слабых мест, что подобные попытки почти всегда были равносильны поражению. Первоначальное построение должно было, таким образом, сохраняться во все время сражения, и как только пехота вступала в бой, исход битвы решался одним сокрушительным ударом. Весь этот способ ведения боя, чрезвычайно усовершенствованный Фридрихом II, представлял собой неизбежное следствие совместного действия двух материальных факторов. Одним из этих факторов был людской состав княжеского наемного войска, которое отчасти составлялось даже из враждебных, насильно зачисленных в армию военнопленных,— оно было хорошо вымуштровано, но ненадежно, и только палка держала его в повиновении. Вторым фактором являлось вооружение — неуклюжее, тяжелые пушки и гладкоствольное, быстро, но плохо стрелявшее кремневое ружье со штыком.

Этот способ ведения боя применялся до тех пор, пока оба противника находились в одинаковом положении в отношении людского состава и вооружения. Поэтому каждой из сторон было выгодно держаться установленных правил. Когда же в Америке разразилась война за независимость, против этих наемных, хорошо вымуштрованных солдат выступили вдруг отряды повстанцев, которые, правда, не умели маршировать, но зато отлично стреляли, в большинстве случаев располагали хорошо стреляющими ружьями и, сражаясь за свое кровное дело, не дезертировали. Эти повстанцы не доставляли англичанам удовольствия — медленным шагом протанцовать с ними в открытой местности знакомый боевой менуэт по всем правилам военного этикета. Они привлекали противника в густые леса, где его длинные маршевые колонны были беззащитны против огня рассеянных, невидимых стрелков. Рассыпаясь мелкими подвижными отрядами, они пользовались каждым естественным прикрытием, чтобы нанести врагу удары. При этом, благодаря своей большой подвижности, они оставались всегда недостижимыми для неповоротливого вражеского войска. Таким образом, боевой огонь рассыпанных стрелков, который уже при введении ружья играл некоторую роль, показал теперь, — в известных случаях, а именно в мелких схватках, — свое превосходство над линейным строем.

Если солдаты европейских наемных войск не были пригодны для партизанской войны, то еще менее пригодно было для этого их вооружение. Правда, при стрельбе не надо было уже упирать ружье в грудь, как это делали прежде мушкетеры со своими мушкетами, снабженными фитильными замками: ружья прикладывались к плечу, как и теперь. Все же

о прицеливании не могло быть и речи, так как при совершенно прямом прикладе, представлявшем собой продолжение ствола, глаз не мог свободно скользить вдоль ствола. Только в 1777 г. изогнутый приклад охотничьего ружья был принят во Франции и для пехотного ружья, и благодаря этому стал возможен сильный стрелковый огонь. Вторым, заслуживающим внимания усовершенствованием были построенные в середине XVIII века Грибовалем более легкие, но тем не менее прочные лафеты для орудий: они-то и придали артиллерии большую подвижность, которая впоследствии стала для нее обязательным требованием.

Французской революции выпало на долю использовать на поле битвы оба эти технические усовершенствования. Когда на нее напала коалиционная Европа, революция предоставила в распоряжение правительства всех боеспособных членов нации. Но последняя не имела времени на то, чтобы в учебных маневрах овладеть линейной тактикой в достаточной степени и быть в состоянии противопоставить старой, опытной прусской и австрийской пехоте такой же боевой строй. С другой стороны, во Франции не было не только американских девственных лесов, но и практически безграничных просторов для отступления. Нужно было разбить врага между границей и Парижем, нужно было, следовательно, защищать определенную местность, а этого можно было достигнуть в конечном счете только в открытом массовом бою. Нужно было, следовательно, наряду с отрядами стрелков найти еще другую форму, при которой плохо обученные французские массы могли бы, с некоторой надеждой на успех, выступить против постоянных армий Европы. Эта форма была найдена в сомкнутой колонне, которая, правда, применялась уже в известных случаях, хотя чаще всего только на плац-параде. Колонну легче было держать в порядке, чем линейный строй. Даже в тех случаях, когда колонна расстраивалась, она все же, как сплоченное целое, оказывала по крайней мере пассивное сопротивление; ею легче было управлять, она больше поддавалась руководству командующего и могла быстрее передвигаться. Быстрота марша возросла до ста и больше шагов в минуту. Но наиболее важный результат состоял в следующем: применение колонны как исключительно массовой формы ведения боя сделало возможным подразделить неуклюжее, однообразное целое линейного боевого строя на отдельные части, получившие известную самостоятельность, способные приспособлять общую инструкцию к данным обстоятельствам. Каждая из этих частей могла составляться из всех трех родов оружия, колонна отличалась достаточной гибкостью, чтобы допускать использование частей армии в любой возможной комбинации; она допускала строго запрещенное еще Фридри-

хом II использование деревень и усадеб, которые с этого времени становятся главными опорными пунктами в каждом сражении; она могла применяться в любой местности. Колонна могла, наконец, противопоставить линейной тактике, где все сразу ставится на карту, такой способ ведения боя, при котором действиями отрядов стрелков и постепенным введением войска для затягивания сражения утомляли линию противника и в такой мере истощали ее, что она в конце концов не могла выдержать натиска свежих боевых сил, находившихся в резерве. И так как линейный строй во всех пунктах обладал одинаковой силой сопротивления, то сражающийся в колоннах противник мог отвлечь внимание части линии ложной атакой, пуская в ход слабые силы и концентрируя тем временем свои главные силы для атаки на решающем пункте позиции. Огневые действия проводились теперь преимущественно рассыпными отрядами стрелков, в то время как колонны предназначались для штыковой атаки. Здесь установилось, таким образом, отношение, аналогичное тому, какое существовало между отрядами стрелков и массой пикенеров в начале XVI века, с той только разницей, что колонны нового типа могли в любой момент рассыпаться на стрелковые цепи, а последние в свою очередь — опять соединяться в колонны.

Новый способ ведения боя, доведенный Наполеоном до высшей степени совершенства, настолько превосходил старый, что этот последний потерпел крушение окончательно и безвозвратно, — после того как при Иене неуклюжие, медленно двигавшиеся прусские линии, большей частью совершенно непригодные для рассыпного боя, буквально растаяли под огнем французских стрелковых отрядов, на который они могли отвечать только пальбой отдельных взводов. Но если линейный боевой порядок сошел со сцены, то этого ни в коем случае нельзя сказать о линии, как боевом построении. Через несколько лет после того, как пруссаки так оскандалились со своими боевыми линиями, Веллингтон повел своих англичан, построенных в линии, против французских колонн и, как правило, их разбивал. Но Веллингтон перенял у французов как раз всю их тактику, с тем только исключением, что он свою сомкнутую пехоту выстраивал в сражениях не колоннами, а линиями. При этом он получил то преимущество, что мог одновременно использовать для огневых действий все ружья, а для атаки — все штыки. Этот боевой порядок англичане применяли в сражениях до последнего времени, что как при нападении (Альбугера), так и при обороне (Инкерман) давало им преимущество над численно значительно превосходившим их противником. Бюжо, которому пришлось столкнуться с этими английскими линиями, предпочитал их колоннам до последнего времени.

При всем этом ружья пехоты были из рук вон плохи — настолько плохи, что из такого ружья на расстоянии ста шагов только редко можно было попасть в отдельного человека, а на расстоянии трехсот шагов — столь же редко в целый батальон. Поэтому, когда французы пришли в Алжир, длинные ружья бедуинов наносили им тяжелые потери с таких расстояний, которые для французских ружей были недоступны. Здесь могло помочь только нарезное ружье. Но именно во Франции всегда противились введению нарезного ружья, даже в исключительных случаях, потому что оно медленно заряжалось и быстро засорялось. Теперь, однако, когда явилась потребность в легко заряжаемом ружье, она сейчас же получила удовлетворение. После предварительных работ Дельвиня появилась винтовка Тувенена и расширяющиеся пули Минье; эти усовершенствования сделали нарезное ружье в отношении заряжаемости равноценным гладкоствольному, так что с тех пор вся пехота могла быть вооружена дальнобойными и хорошо стреляющими нарезными ружьями. Но прежде чем нарезное ружье, заряжавшееся с дула, привело к созданию соответствующей тактики, оно было уже вытеснено новейшим огнестрельным оружием, — ружьем, заряжающимся с казенной части, вместе с которым все больше совершенствовались боевые качества нарезных пушек.

Вооружение всей нации, введенное революцией, испытало в скором времени значительные ограничения. Для службы в постоянной армии набирали путем жеребьевки только часть всех военнообязанных молодых людей, а из определенной части остальных граждан — то большей, то меньшей — формировали в лучшем случае необученную национальную гвардию. Или же там, где действительно строго проводился принцип всеобщей воинской повинности, создавали самое большее милиционную армию, находившуюся под знаменами всего каких-нибудь несколько недель, — как это было в Швейцарии. Финансовые соображения заставляли выбирать между рекрутским набором и милиционной армией. Только одна единственная страна в Европе, и притом одна из самых бедных, попыталась совместить всеобщую воинскую повинность с существованием постоянной армии. Это была Пруссия. И хотя обязательная для всех служба в постоянном войске нигде строго не проводилась, — также из неумолимых финансовых соображений, — все же система прусского ландвера предоставляла в распоряжение правительства такое значительное количество людей, обученных и организованных в готовые кадры, что Пруссия имела определенный перевес над всякой другой страной с таким же количеством населения.

Во франко-прусской войне 1870 г. система рекрутского на-

бора была побеждена прусской системой ландвера. Но в этой войне обе стороны были также впервые вооружены ружьями, заряжающимися с казенной части, — в то время как регламентированные формы, в которых передвигались и сражались армии, в основном оставались такими же, как во времена старого кремневого ружья. В лучшем случае отряды стрелков стали несколько более густыми. В остальном же французы все еще оражались в прежних батальонных колоннах, а порой строились также линиями, тогда как немцы по крайней мере сделали попытку найти в ротной колонне боевую форму, более подходящую к новому вооружению. Так было в первых сражениях. Когда же при штурме Сен-Прива (18 августа) три бригады прусской гвардии попробовали серьезно применить эту ротную колонну, то обнаружилась сокрушительная сила винтовки, заряжающейся с казенной части. В пяти полках, принимавших наибольшее участие в этом сражении (15 000 человек), пали в бою почти все офицеры (176) и 5114 рядовых, следовательно, погибло больше трети состава. Вся гвардейская пехота, которая вступила в сражение, составляя силу в 28 160 человек, потеряла в тот день 8230 человек, в том числе 30% офицеров. С тех пор ротная колонна была окончательно осуждена, так же как и применение батальонной колонны или линейного строя; всякая попытка подставлять впредь под неприятельский ружейный огонь какие-либо сомкнутые отряды была оставлена; бой со стороны немцев велся теми густыми стрелковыми цепями, на которые уже и прежде колонны обыкновенно сами рассыпались под градом неприятельских пуль, несмотря на то, что высший командный состав боролся с этим как с нарушением порядка. Солдат опять-таки оказался умнее офицера; именно он, солдат, инстинктивно нашел единственную боевую форму, которая оправдывала себя до сих пор под огнем ружей, заряжаемых с казенной части, и с успехом отстоял ее вопреки противодействию начальства. Точно так же в сфере действия губительного ружейного огня только *перебежка* находила себе применение.

Написано Ф. Энгельсом на немецком языке в 1877 г.

Впервые напечатано в Marx — Engels Gesamtausgabe (MEGA) в 1935 г., специальный том, содержащий «Анти-Дюринг» и «Диалектику природы» Ф. Энгельса.

Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», 1953 г.

ИЗ ПИСЕМ
К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

ЭНГЕЛЬС — ЖЕННИ МАРКС

Беве, кантон Во, 25 июля 1849 г.

Дорогая госпожа Маркс!

И Вы и Маркс, вероятно, удивляетесь, что я так долго не подавал о себе вестей. Вот причины этого. В тот самый день, когда я написал Марксу (из Кайзерслаутерна), пришло известие, что Гомбург занят пруссаками и, таким образом, сообщение с Парижем прервано. Отослать письмо было уже нельзя, и я отправился к Виллиху. В Кайзерслаутерне я держался в стороне от всякого участия в так называемой революции, но когда явились пруссаки, я не смог противиться соблазну принять участие в войне. Единственным офицером, который чего-либо стоил, был Виллих,— я пошел к нему и сделался его адъютантом. Я участвовал в четырех боях, из которых два — особенно при Раштатте — были довольно серьезны. Я убедился, что хваленое мужество в атаке — самое заурядное качество, которое может иметь человек. Свист пуль — сущие пустяки, и, хотя мне пришлось наблюдать немало трусости, я за всю кампанию не видел и дюжины людей, которые держали бы себя трусливо в бою. Зато сколько «храброй глупости»! Так или иначе, я счастливо миновал опасности, и в конце концов хорошо, что один из сотрудников «Новой Рейнской газеты» принимал участие в боях, потому что вся демократическая сволочь была в Бадене и в Пфальце и теперь хвастается подвигами, которых она не совершала. Опять поднялся бы крик, что господа из «Новой Рейнской газеты» чересчур трусливы, чтобы сражаться. Но из всех господ демократов никто не сражался, кроме меня и Кинкеля. Последний записался в наш полк стрелком и отделался довольно дешево. В первом же бою, в котором ему пришлось участвовать, он был легко ранен в голову и попал в плен.

После того как наш отряд прикрыл отступление баденской армии, мы перешли в Швейцарию на сутки позже всех осталь-

ных и вчера прибыли сюда, в Веве. Во время кампании и пока мы шли по Швейцарии, у меня не было никакой возможности написать ни строчки. Зато теперь я спешу подать весть о себе и скорее написать Вам, тем более, что где-то в Бадене я слышал, что Маркс арестован в Париже. Мы совсем не имели газет и ничего не могли узнать, так что я так и не смог проверить, правда это или нет. Вы представляете себе, как я встревожен; я очень прошу Вас как можно скорее успокоить меня, поставив меня в известность о судьбе Маркса. Я не слышал, чтобы слух об аресте Маркса подтвердился, а потому все еще надеюсь, что это неправда. Зато Дронке и Шаппер сидят, в этом я почти не сомневаюсь. Итак, если Маркс еще на свободе, перешлите ему это письмо и попросите его немедленно мне ответить. Если в Париже он не чувствует себя в безопасности, то здесь, в кантоне Во, он мог бы жить вполне спокойно. Само правительство называет себя красным и сторонником непрерывной революции. То же самое в Женеве. Там находится Шили из Трира, который был одним из командиров в Майнцском отряде.

Как только я получу из дому немного денег, я направлюсь, вероятно, в Лозанну или в Женеву и там решу, как дальше быть. Наш отряд, который храбро сражался, надоел мне, и делать мне здесь нечего. Виллих в бою храбр, хладнокровен, ловок, он быстро и правильно ориентируется в обстановке, но вне сражения — это более или менее скучный резонер и «истинный социалист». Бóльшая часть людей из отряда, с которыми можно было поговорить, разбрелась.

Если бы только у меня была уверенность, что Маркс на свободе! Я часто думал о том, что под прусскими пулями я подвергался гораздо меньшей опасности, чем наши в Германии и, в особенности, Маркс в Париже. Избавьте же меня скорее от этой неизвестности ¹⁹⁴.

Ваш Энгельс

2

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

Манчестер, 3 апреля 1851 г.

...О венгерской кампании — или, еще лучше, если бы можно было, о всех вообще кампаниях 1848—50 гг. — я бы очень охотно написал, если бы только можно было раздобыть источники. «Новая Рейнская газета» могла бы мне послужить лишь для сравнения с австрийскими бюллетенями, а ты ведь знаешь, как они неполны. Я во всяком случае должен был бы иметь об одной только этой кампании от десяти до двенадцати книг, и даже тогда у меня нехватило бы еще главного: кошу-

товского «Közlöny» («Moniteur» [«Вестника»]). Ни в одной области нельзя так легко оскандальиться, как в военной истории, если попытаться рассуждать, не имея всех данных о силах, снабжении продовольствием и амуницией и т. д. Все это хорошо для газеты, так как все газеты одинаково плохо осведомлены, и там дело сводится к тому, чтобы на основании немногих имеющихся в распоряжении данных сделать правильные выводы. Но для того чтобы иметь возможность во всех решающих случаях сказать *post festum* [задним числом]: «тут следовало поступить так-то и так-то, а тут поступлено правильно, хотя результат как будто говорит обратное», — для этого, полагаю я, материалы о венгерской войне еще в недостаточной степени опубликованы. Например, кто доставит мне данные о составе австрийской и венгерской армий и различных корпусов накануне каждой битвы и каждого серьезного передвижения? Для этого нужно, чтобы были изданы мемуары Кошута и Гергея и чтобы имелись в подлиннике предложенные Дембинским планы сражений и кампаний. Тем не менее, и на основании уже существующего материала можно кое-что объяснить и составить довольно интересную статью. ...

...Впрочем, нет никакого сомнения, что если в течение ближайшего года во Франции выпыхнет революция, то Священный союз, *по крайней мере*, дойдет до стен Парижа. И при замечательных познаниях и редкой энергии наших французских революционеров еще большой вопрос, снабжены ли даже парижские форты и крепостные валы оружием и провиантом. Но лишь только будут взяты два форта, например Сен-Дени и ближайший к востоку, то Париж и революция погибнут до наступления новых событий. Я это тебе вскоре как-нибудь подробно изложу с военной точки зрения и укажу вместе с тем ту единственную меру, которая может быть предпринята против того, чтобы хоть ослабить вторжение: это — оккупация французами бельгийских крепостей и захват рейнских крепостей путем очень сомнительного повстанческого *coup de main* [выступления].

Следующий анекдот для характеристики прусских рыцарей шагистики и для объяснения позднейшего поражения при Иене и т. д. тебе, наверное, понравится. С внешней стороны дерзкие, но по существу безусловно верные удары Наполеона в кампании при Маренго привели генерала Бюлова, из школы старого Фрица *, отца или дядю позднейшего Бюлова 1813 г., к следующему убеждению: 1) необходимо установить военную систему, базирующуюся на абсурде, т. е. противника «сбивают с толку» путем все новых сумасшедших выходов, и 2) вместо

* Прусского короля Фридриха II. *Ред.*

штыков дают пехоте копья, как во время Тридцатилетней войны! Чтобы разбить Наполеона, надо отменить порох, что ты скажешь на это?..

3

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

Манчестер, 11 апреля 1851 г.

Дорогой Маркс!

Я полагал, что сегодня вечером покончу, наконец, с моим великолепным стратегическим очерком *. Но отчасти вследствие задержек, отчасти вследствие необходимости порыться в справочниках относительно деталей, отчасти потому, что работа эта выходит более обширной, чем я предполагал, — я только с трудом закончу ее сегодня поздно вечером. Впрочем, она совершенно не подходит для печати: она годится только для частной информации и является некоторого рода упражнением для себя самого.

Я начинаю также постепенно уяснять себе личность Веллингтона. Своенравный, настойчивый, упрямый англичанин, полный здравого смысла, обладающий в высшей мере свойственным его нации талантом использования ресурсов, медлительный в обсуждении, осторожный, несмотря на свое колоссальное счастье никогда не рассчитывающий на счастливую случайность, он был бы гением, если бы «здравый смысл» был бы способен возвыситься до уровня гениальности. Все его дела образцовы, но ни одно не является мастерским **. Такой генерал, как он, как бы создан для английской армии, где каждый солдат, каждый офицер является маленьким Веллингтоном в своей собственной сфере. И он знает свою армию, ее упорную выдержку в обороне, которую каждый англичанин приносит с собой с боксинга и которая делает ее способной, после восьмичасовой напряженной обороны, которая сломала бы всякую другую армию, производить еще импозантные атаки, в которых недостающая живость возмещается однообразием и постоянством. Обороны при Ватерлоо до того момента, пока не прибыли пруссаки, не выдержала бы ни одна армия, не имея у себя ядра в 35 000 англичан.

Впрочем, во время испанской войны Веллингтон лучше уразумел сущность наполеоновского военного искусства, чем те нации, которым Наполеон прописал на спине превосход-

* Речь идет о работе Энгельса «Возможности и перспективы войны Священного Союза против Франции в 1852 г.» (см. настоящее издание стр. 623—649). *Ред.*

** В подлиннике непереводаемая игра слов «musterhaft» — образцовый, «meisterhaft» — мастерский. *Ред.*

ство этого военного искусства. В то время как австрийцы совершенно растерялись, а пруссаки, которые потеряли рассудок и решительно ничего не поняли во всей этой тактике, объявили тождественными идиотизм и гениальность, Веллингтон сумел держать себя очень ловко и оберечь себя от тех ошибок, которые совершали австрийцы и пруссаки. Он не подражал наполеоновским маневрам, но он чрезвычайно затруднял французам возможность применять к нему свои маневры. Он не совершал ни одной ошибки, если его не вынуждали к этому политические соображения; зато я не обнаружил даже самого незначительного момента, в котором он проявил бы хоть искру гениальности. Сам Непир открывает у него такие моменты, когда он мог нанести гениальные удары решающего значения, а он и не подумал об этом. Поскольку я мог в этом убедиться, он ни разу не сумел использовать таких обстоятельств. Он велик в своем роде, а именно настолько велик, насколько можно быть великим, не переставая быть посредственностью. Он обладает всеми качествами солдата; они все равномерны и замечательно гармонически развиты; но именно эта-то гармония и мешает каждому отдельному из этих качеств достигнуть истинно гениального развития. Каков солдат, таков и политик. Его политический закадычный друг Пиль является в некотором роде его копией. Оба они представляют торизм, у которого достаточно «здравого смысла», чтобы, при полном сохранении приличия, сдавать одну позицию за другой и растворяться в буржуазии. Это отступление к Торрес-Ведрас¹⁹⁵. Таков Веллингтон.

Твой Ф. Э.

4

ЭНГЕЛЬС — И. ВЕЙДЕМЕЙЕРУ

Манчестер, 19 июня 1851 г.

...С тех пор, как я переселился в Манчестер, я начал зубрить военные науки, по которым здесь нашелся довольно порядочный материал, — по крайней мере для начала. Огромное значение, которое получит военное дело в ближайшем движении, мои старые наклонности, мои венгерские военные корреспонденции в газете*, наконец, мои доблестные похождения в Бадене — все это побудило меня работать в этом направлении, и я хочу достигнуть того, чтобы я мог высказывать известные теоретические суждения и не очень осрамиться при этом. Имеющийся здесь материал относительно наполеоновских и отчасти революционных войн предполагает знание мно-

* Имеется в виду «Новая Рейнская газета». Ред.

жества деталей, которых я не знаю или знаю очень поверхностно и относительно которых либо совсем не удастся получить разъяснений, либо получаешь лишь очень поверхностные; при этом приходится отыскивать их с большим трудом. Самообразование вообще чепуха, и если не приняться за дело систематически, то не достигнешь никаких серьезных результатов. Чтобы тебе было понятнее, что мне, собственно, нужно, я напому тебе, что, — не говоря, конечно, о моем повышении в чине в баденских войсках, — я не пошел дальше королевско-прусского бомбардира ландвера, поэтому для понимания деталей военных кампаний мне нехватает промежуточного звена, даваемого в Пруссии экзаменом на офицерский чин, и притом в различных родах оружия. Конечно, дело идет не о деталях муштры и т. д., которые мне совершенно не нужны, так как моя слепота, как я теперь окончательно убедился, делает меня неспособным к активной службе. Дело идет об общем ознакомлении с элементарными знаниями, необходимыми в различных отраслях военного дела. Детали нужны постольку, поскольку они необходимы для понимания и правильной оценки военно-исторических фактов. Так, например, нужна элементарная тактика, теория укреплений в более или менее историческом разрезе, охватывающая различные системы укреплений, начиная с системы Вобана и кончая современными системами отдельных фортов, знание полевых укреплений и иных вопросов, относящихся к инженерному делу, как, например, различные виды мостов и т. п., наконец, всеобщая история военной науки и тех ее изменений, которые были вызваны развитием и усовершенствованием оружия и методов его применения. Затем необходимо основательное знакомство с артиллерией, так как я многое забыл, а многого и совсем не знаю; требуются и некоторые другие сведения, которые сейчас мне не приходят в голову, но которые тебе, конечно, известны.

Укажи мне, пожалуйста, источники по всем этим элементарным вопросам, так, чтобы я мог их немедленно достать. Всего нужнее мне такие книги, из которых я, с одной стороны, мог бы составить себе представление о современном общем положении отдельных отраслей военного дела, а с другой стороны, о различиях между разными современными армиями; так, например, я хотел бы знать о различных конструкциях полевых лафетов и т. п., о различном делении и организации дивизий, армейских корпусов и т. п. Особенно мне хотелось бы получить всевозможную информацию об организации армий, о снабжении, о лазаретах и о необходимом для любой армии снаряжении.

Ты видишь теперь приблизительно, что именно мне нужно

и какие книги ты должен мне указать. Мне кажется, что как раз по части таких руководств в немецкой военной литературе есть более подходящие сочинения, чем во французской или английской. Само собой разумеется, что мне важно знание практических, в действительности существующих вещей, а не систем или выдумок непризнанных гениев. Что касается артиллерии, то лучше всего, пожалуй, взять руководство Бема...

...Знаешь ли ты книгу г. Жомини, которую так превозносят французы? * Я знаю ее только со слов Тьера, который, как известно, бессовестно списывал с него. Этот маленький Тьер — один из самых бесстыдных лжецов, какие только существуют, и нет ни одного сражения, где оказались бы верными приводимые им цифры **. Так как Жомини впоследствии перебежал к русским, то он конечно имел основания для того, чтобы изображать подвиги французской доблести в менее сверхчеловеческих масштабах, чем это делает Тьер, у которого один француз всегда побеждает двух неприятелей...

5

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

Манчестер, 26 сентября 1851 г.

Дорогой Маркс!

Что касается теховской военной истории ***, то она и с военной точки зрения чрезвычайно плоска и местами прямо неверна. Оставляя в стороне глубокие истины, что на насилие надо отвечать насилием, и нелепые открытия, что революция может победить лишь тогда, когда она является всеобщей (т. е. если понимать буквально, — когда она не встречает никакого сопротивления, а по смыслу, — когда она является буржуазной революцией); оставляя в стороне благонамеренный замысел подавить фатальную «внутреннюю политику», т. е. подлинную революцию, при помощи какого-нибудь, до сих пор еще не найденного несмотря на Кавеньяка и Виллиха,

* Повидимому, имеется в виду книга Jomini Henri Vie politique et militaire de Napoléon (Политическая и военная жизнь Наполеона), Bruxelles, 1829. *Ред.*

** Речь идет о книге Тьера «История консульства и империи во Франции». *Ред.*

*** «Очерки грядущей войны» — статья лейтенанта Техова, начальника штаба баденской революционной армии в 1849 г.; опубликована в «New-Yorker Staatszeitung» в августе 1851 г. *Ред.*

военного диктатора; иными словами, оставляя в стороне эту весьма знаменательную политическую формулировку взглядов подобных господ на революцию,— с военной точки зрения нужно заметить следующее:

1) Железная дисциплина, которая одна может обеспечить победу, является как раз обратной стороной «откладывания внутренней политики» и военной диктатуры. Откуда может взяться эта дисциплина? Должны же были эти господа извлечь какие-то уроки в Бадене и Пфальце. Ведь несомненный факт, что дезорганизация армий и полное разрушение дисциплины были одновременно условием и результатом всех происходивших до сих пор победоносных революций. Франции понадобилось время с 1789 до 1792 г., чтобы заново организовать только одну армию Дюмуре, численностью приблизительно в 60 000—80 000 человек, но и эта армия вновь распалась, и во Франции не было, можно сказать, никакой организованной армии до конца 1793 года. Венгрии потребовалось время с марта 1848 г. до середины 1849 г., прежде чем она получила правильно организованную армию. А кто установил дисциплину в армии во время первой французской революции? Отшодь не генералы, которые начинают пользоваться влиянием и авторитетом у импровизированных армий лишь после нескольких побед революции, а террор, проводившийся во внутренней политике гражданской властью...

6

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

Манчестер, 7 мая 1852 г.

...Я получил, наконец, свои военно-научные вещи из Германии. То, что я прочел из них до сих пор, не больно важно. Столь прославленный господин Густав фон Гофштеттер* кажется мне до сих пор не Наполеоном, но лишь недурным батальонным командиром или пригодным для небольшого сражения. Но я еще не прочел его книги до конца. Зато превосходная вещь — это брошюра о новых фортификациях прусского капитана инженерных войск Кюнцеля** — изложение более историческое и материалистическое, чем все, что я читал до сих пор о военных делах. — Что же касается Виллизена,

* Речь идет о книге Hoffstetter G. Tagebuch aus Italien 1849 (Итальянский дневник 1849), Zürich, 1851. *Ред.*

** Kuntzel H. Die taktischen Elemente der neuen Fortificationen (Тактические элементы новых систем фортификации), Potsdam, 1851. *Ред.*

то можно сказать, что при Идштедте¹⁹⁶ не датчане победили шлезвиг-голыштинцев, но обыкновенная тактика здравого человеческого смысла одержала победу над гегелевскою спекуляцией. Собственно говоря, книга Виллизена * должна была бы называться: *Философия* большой войны. Отсюда ты видишь, что в книге больше философствования, чем военной науки, что вещи, большею частью сами по себе понятные, конструируются а priori с пространною и глубокою основательностью, а в промежутках попадают рассуждения о простоте и сложности и тому подобных противоположностях. Что можно сказать о такой военной науке, которая начинает с понятия об искусстве вообще, а затем устанавливает, что и поваренное искусство есть искусство, распространяется подробно об отношении между искусством и наукой и, наконец, резюмирует все правила, отношения и возможности и т. д. военного искусства в одном абсолютном положении, что более сильный всегда должен побить более слабого. Кое-где встречаются недурные замечания и правильные выводы из основных принципов; было бы очень плохо, если бы этого не было. До его практических выводов я еще не дошел; но не в пользу Виллизена говорит тот факт, что величайшие успехи Наполеона были достигнуты каждый раз пренебрежением к основным принципам Виллизена; конечно, правоверный гегельянец сможет очень хорошо объяснить себе это таким образом, что принципы ни в малейшей степени не страдают...

7

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

Лондон, 2 июня 1853 г.

...По вопросу об образовании восточных городов нет ничего более блестящего, наглядного и яркого, чем книга старого Франсуа Бернае (он девять лет был врачом у Аурангзеба): «Путешествия, содержащие описание владений Великого Могола и т. д.». Он также очень хорошо описывает состояние военного дела, организацию снабжения продовольствием этих громадных армий и т. д. Он говорит об этом между прочим: «Главное ядро составляет кавалерия, пехота не так многочисленна, как говорят, если не смешивать с настоящими воинами всех тех слуг и торговцев, которые сле-

* Речь идет о книге Willisen W. Theorie des grossen Krieges, angewendet auf den russisch-polnischen Feldzug von 1831 (Теория большой войны в применении к русско-польской кампании 1831), Berlin, 1840. *Ред.*

дуют за армией. Если же считать всех, то, пожалуй, правильно насчитывать двести и триста тысяч в одной только армии, движущейся за государем; иногда в ней бывает и больше людей, например, в тех случаях, когда рассчитывают, что государь надолго покидает столицу. Все это, однако, не удивит того, кому знакомо невероятное множество палаток, кухонь, одежды, всякого скарба и часто даже женщин, а следовательно, и слонов, верблюдов, быков, лошадей, носильщиков, поставщиков фуража и продовольствия, торговцев всякого сорта и слуг, которые тянутся за этими армиями; все это не покажется странным тем, кто знаком с положением и овоеобразным управлением страны, кому известно, что *государь является единственным собственником всех земель* в государстве, откуда неизбежно вытекает, что целые *столицы*, как Дели или Агра, живут почти исключительно за счет войска и поэтому вынуждены следовать за государем, когда тот отправляется на некоторое время в поход. Города эти отнюдь не похожи на Париж, *в сущности говоря, это военные лагеря*, только несколько более благоустроенные и удобнее расположенные, чем лагеря, разбитые в открытом поле».

По поводу похода Великого Могола в Кашмир с армией в 400 000 человек и т. д. он говорит следующее: «Трудно понять, как может пропитаться в походе такая огромная армия, такое громадное количество людей и животных. Чтобы понять это, достаточно представить себе, что индийцы, как оно и есть на самом деле, очень умеренны и непритязательны в пище и что из всей этой огромной массы всадников едва ли десятая или даже двадцатая часть ест в походе мясо. Они довольствуются своим кичери — смесью вареного риса с овощами, политого топленным маслом. Далее надо иметь в виду, что верблюды очень выносливы в работе и легко переносят голод и жажду; им надо немного пищи и едят они все, что угодно. На стоянках погонщики верблюдов пускают их пастись поблизости, и они едят там все, что найдут. Кроме того, купцы, которые содержат лавки в Дели, обязаны содержать их также и в походе, точно так же и мелкие торговцы и т. д... Наконец, что касается фуража, то все эти бедняки разбредаются по окружающим деревням, чтобы купить там что-нибудь и заработать на этом. Самое обычное и основное их занятие состоит в том, что они чем-то вроде скребка собирают чахлую траву с целых полей, обмывают или отряхивают ее и приносят затем на продажу в армию...»

Бернье совершенно правильно разглядел, что в основе всех восточных порядков (он имеет в виду Турцию, Персию, Индостан) лежит *отсутствие частной собственности на землю*. Вот настоящий ключ даже к восточному небу...

8

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

Манчестер, 6 июня 1853 г.

...Отсутствие земельной собственности действительно является ключом к пониманию всего Востока. В этом основа всей политической и религиозной истории. Но почему восточные народы не пришли к собственности на землю, даже к феодальной собственности? Мне кажется, что это объясняется главным образом климатом и характером почвы, в особенности же великой полосой пустынь, которая тянется от Сахары через Аравию, Персию, Индию и Татарию вплоть до самых высоких азиатских горных массивов. Первое условие земледелия здесь — это искусственное орошение, а оно является делом либо общин, либо провинций, либо центрального правительства. Правительства на Востоке всегда имели только три ведомства: финансы (грабеж внутри страны), война (грабеж внутри страны и грабеж чужих стран) и общественные работы (забота о воспроизводстве). Британское правительство в Индии организовало № 1 и № 2, придав им более филистерский вид, а № 3 совсем забросило, в результате чего индийское земледелие гибнет. Свободная конкуренция там совершенно оскандалилась. Плодородие земли достигалось искусственным способом, и оно немедленно исчезало, когда оросительная система приходила в упадок; этим объясняется тот непонятный иначе факт, что целые области, прежде прекрасно обработанные, теперь заброшены и пустыни (Пальмира, Петра, развалины в Йемене и ряд местностей в Египте, Персии и Индостане). Этим объясняется и тот факт, что достаточно бывало одной опустошительной войны, чтобы обезлюдить страну и уничтожить ее цивилизацию на сотни лет...

9

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

Манчестер, 9 мая 1854 г.

...«Поход шлезвиг-гольштинской армии и флота в 1850 году» А. Лютгена, экс-майора *, — первая разумная и исчерпывающая книга об эпизоде с Виллизеном. Она вполне подтверждает те мысли, которые у меня возникли при предварительном изучении этой истории. Первоначальный план господина Виллизена.

* Lütgen, A. Feldzug der Schleswig-Hollsteinischen Armee und Marine im Jahre 1850, Kiel, 1850. *Ред.*

был очень хорош, только уж чересчур широк; так хорош, что даже искаженная и запоздалая попытка вернуться к нему заставила датчан подумать об отступлении. Между тем датчане располагали 36 000 человек против 26 000 и уже ввели в действие почти все свои войска, у шлезвиг-гольштинцев же добрая пятая часть войск была еще не тронута. Но когда господин Виллизен очутился действительно лицом к лицу с врагом, он потерял голову под влиянием поступавших к нему противоречивых сообщений и еще более путанных предложений. В ночь перед битвой * он отсылает свои собственные резервы против воображаемого врага влево, в пункт, где они были совершенно вне поля битвы, и в то же время отменяет отданный приказ о наступлении, на который были рассчитаны все диспозиции. Отсюда — концентрация резервов слева, где не было никакого врага, обнажение центра, на который было произведено главное нападение, полная сумятица на правом крыле, которое должно было произвести главную контратаку. Всего этого достаточно для объяснения результата, и все же он победил бы, если бы не считал уже к 8 часам утра, все потерянным. Даже еще в 11 часов он мог выиграть битву, но его испуг при известии, что два датских батальона появились в тылу левого крыла (двух эскадронов и четырех пушек было достаточно, чтобы разбить их), напомнил «совершавшему стратегический обход со всеми силами» тезис о том, что «обходящий сам подвергается обходу», и тогда он решил вырваться во что бы то ни стало. Теоретику противостоял старый, поседевший в командовании — хотя большею частью в мирном — ограниченный генерал-фронтовик **, ответственный не перед бессильным мещански-умеренным штатгальтерством, а перед настоящим королем и министерством, и уже по одному этому он обнаружил больше стойкости. Благодаря этому он выиграл битву; успех, с которым слабые шлезвиг-гольштинские отряды бились против вдвое и втрое превосходивших их датских (даже по официальным датским сообщениям), достаточно доказывает, что 26 000 шлезвиг-гольштинцев было вполне под силу справиться с 36 000 датчан. Парни дрались *превосходно*, несмотря на множество рекрутов, бывших в их рядах, и несмотря на сумятицу, которую Виллизен произвел во всей армии еще за две недели до начала кампании своими распоряжениями, и, особенно, несмотря на неполноту кадров. Эта армия с удовольствием побила бы вдвое больше пруссаков...

* Речь идет о сражении при Идштедте 24—25 июля 1850 г. (см. настоящее издание, стр. 672—673). *Ред.*

** Датский генерал Крог. *Ред.*

10

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

Лондон, 17 октября 1854 г.

...Из следующих цитат, взятых из парижского архива иностранных дел в Париже и касающихся Семилетней войны, видно, как английские министры умеют снюхиваться с врагами даже во время кампании и по вопросам, касающимся кампании. 24 июля 1761 года французский помпадуровский маршал Субиз дал объединенным англичанам, пруссакам, ганноверцам и т. д. напасть на себя врасплох в Вильгельмстальском лагере и прогнать себя за Фульду. Лорд Бьют (Bute), первый министр Георга III, хотел мира по *парламентским и династическим* соображениям, но ввиду воинственного и симпатизирующего Фридриху II настроения народа не мог предложить мира, пока французы непрерывно давали бить себя и отступали вместо того, чтобы идти вперед. Шуазель, как ты знаешь, был тогда французским министром иностранных дел. И вот, в *подлинных* сообщениях из упомянутого «Архива» мы находим буквально следующее: «После дела 24 июня *английские министры* писали Шуазелю: *Вы даете бить себя, и мы не можем заключить мир, не смеем предложить его парламенту.* Г. Шуазель в отчаянии, что переговоры, таким образом, прерываются, побуждает короля написать г. Субизу: «Кузен, тотчас по получении настоящего письма перейдите реку Фульду и атакуйте неприятеля, не считаясь с вашими планами, и каковы бы ни были результаты, вы за них отвечать не будете. Молю бога и пр.» Г. Шуазель писал: «Письмо короля, г. маршал, слишком определенно, чтобы мне надо было что-либо прибавлять к нему. Но я должен сказать Вам, что если бы даже королевская армия была уничтожена до последнего человека и пришлось набрать новую, это не испугало бы его величество». Тут, стало быть, английское министерство прямо требует, чтобы союзное, им субсидируемое и частью из англичан состоящее войско было *побито* французами...

11

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

Остров Уайт, Райд, 22 сентября 1857 г.

...Блюхер. Во время Пфальцской кампании 1794 года¹⁹⁷ отличился в качестве генерала на передовых позициях и командира легкой кавалерии. Лучшим доказательством

тому служит опубликованный его дневник, который и по сей-час считается классическим произведением, несмотря на плохой немецкий язык, которым он написан. Он непрерывно держал французов в тревоге и снабжал главную квартиру самыми точными сведениями о передвижениях врага, все время делал внезапные нападения и налеты, и большею частью с успехом. В 1806 году у Ауэрштедта его кавалерийская атака не удалась, его совет повторить ее, собрав все силы, был отвергнут (*это — по памяти*). Его отступление к Любеку и оборона его до конца составляют один из немногих славных эпизодов в этой истории, хотя его стратегические маневры во время ее имели часто гусарский характер; то, что он в итоге был захвачен в плен, нельзя поставить ему в вину, так как он был отрезан, как и вся прусская армия, и к тому же ему пришлось делать самый дальний обход вокруг арьергарда. За время до 1813 года Шарнгорст и «Союз добродетели» (Гнейзенау, как известно, был одним из его вождей и потому до конца жизни оставался для короля подозрительным)¹⁰⁸ возвели его в герои как единственно возможного и подходящего для них полководца, наподобие того, как это сделали с Геккером Блинд и компания, и они удачно выбрали этого человека. Он был, как говорит Мюффлинг*, образец солдата; он питал глубокую национальную ненависть к Наполеону и французам, ему были свойственны плебейские наклонности, манеры и способ выражаться. Он говорил на простом диалекте; обладал огромным талантом склонять на свою сторону рядового человека, а в качестве военного — проявлял безумную храбрость, проникательность на поле битвы, быстроту решений и достаточно ума, чтобы в более простых случаях *самому* находить правильный выход, а в более сложных — полагаться на Гнейзенау и Мюффлинга. В стратегии он ничего не понимал.

Для Европы не было тайной, что князь Блюхер, которому в 1815 году было больше 70 лет, решительно не понимал, как следует руководить войной, или, во всяком случае, он понимал так мало, что когда ему представляли на одобрение план, хотя бы касающийся второстепенных мероприятий, он не был в состоянии составить себе о нем ясного представления и решить, хорош ли он или плох.

Он не умел даже читать карты, и в этом отношении его стратегическое невежество разделяла добрая половина наполеоновских маршалов. Для этого у него был Гнейзенау, к ко-

* Повидимому, имеется в виду книга Müffling Karl. Geschichte des Feldzugs unter Wellington und Blücher, im Jahre 1815. (История кампании 1815 г. под предводительством Веллингтона и Блюхера), Stuttgart, Gotta, 1817. *Ред.*

торому он питал неограниченное доверие. Кампания 1813 и 1814 гг. приняла бы без Блюхера совсем другой оборот; ни один из тогдашних генералов не мог бы совершить того, что сделал он: победой и основательным преследованием (Кацбах¹⁹⁹) создать из самых строптивых элементов (Ланжерон и Иорк открыто бунтовали против него) сплоченную армию, которая была способна ко всему и с которой он мог рискнуть предпринять на свою ответственность поход на Вартенбург и Заале, что с военной точки зрения было весьма сомнительно, но политически необходимо из-за Бернадотта; этим походом он бросил на произвол судьбы все свои коммуникационные линии и заставил даже гнилую большую армию (которую он спас в Силезии после битвы при Дрездене своим преследованием французов до Бауцена, благодаря чему Наполеон вынужден был выступить против него) рискнуть дать бой при Лейпциге²⁰⁰. Тогда вообще поступали несколько партизански, и Блюхер заключил с тремя четвертями северной армии (Бюлов, Тауэнцин, Винцингероде) договор, по которому они, в случае невыступления Бернадотта, присоединятся на собственный риск к Блюхеру. После битвы при Лейпциге один только Блюхер сделал кое-что для преследования, — хотя это и было еще далеко не все, что было необходимо, — но ему мешало присутствие августейших особ. В 1814 году стратегические промахи, за которые пришлось так дорого заплатить в районе Монмирайля²⁰¹, нужно отнести за счет Гнейзенау и Мюффлинга, решение же идти во что бы то ни стало на Париж, определившее исход кампании, составляет заслугу Блюхера; в 1815 году очень большой заслугой Блюхера был поход на Ватерлоо после битвы при Линьи, — в этом отношении он почти единственный в своем роде: ни один генерал, кроме Блюхера, не мог бы заставить своих солдат сделать такие усилия; — сейчас же вслед за этим образцовое преследование по направлению к Парижу, которое оставляет позади себя классический пример — преследование от Иены до Штеттина. Что Блюхер мог импонировать и выдающимся генералам, доказывают его отношения с Ланжероном (образованный французский эмигрант, командовавший большою армиею против турок) и Иорком, которые вначале были его противниками, а потом не только подчинились ему, но целиком перешли на его сторону и стали его лучшими помощниками. По существу Блюхер был кавалерийским генералом; это была его специальность и здесь он был превосходен, потому что это — чисто тактическая область, не требующая стратегических познаний. От своих войск он требовал очень многого, и они охотно выполняли его требования, и я не думаю, чтобы какой-либо другой генерал в девятнадцатом веке, кроме Напо-

леона и в последнее время Радецкого, был бы в состоянии добиться от войск столь многого, как Блюхер. Надо еще отметить, что он никогда и нигде не терял головы и смелости, был так же упорен в обороне, как энергичен в нападении, и способен к быстрым решениям в затруднительных положениях. Наконец, в войне 1813—1815 года, которая была наполовину повстанческой войной, он был вполне на своем месте, ему хорошо помогал его штаб, и в таких условиях он был очень опасным противником...

12

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

Лондон, 25 сентября 1857 г.

...Твоя «Армия» * очень хороша, только размеры ее поразили меня, ибо я знаю, как вредно для тебя так много работать. Если бы я знал, что ты станешь работать до поздней ночи, я лучше послал бы к чорту всю эту затею.

История *армии* всего нагляднее подтверждает правильность нашего воззрения на связь производительных сил и общественных отношений. Вообще армия важна для экономического развития. Например, заработная плата впервые развилась вполне в армии у древних. Равным образом у римлян *peculium castrense* [лагерное имущество] явилось первой правовой формой, в которой стали признавать движимую собственность не отцов семейства. Точно так же цеховой порядок возник впервые в корпорациях *fabri* [ремесленников при войске]. Здесь же впервые встречается в крупных размерах и применение машин. Даже особая ценность металлов и употребление их в качестве денег, повидимому, основывалось первоначально на их военном значении, как только миновал гриммовский каменный век. И разделение труда *внутри* одной отрасли промышленности было впервые проведено также в армиях. Тут, далее, в сжатом, выпуклом виде — вся история буржуазных обществ. Если у тебя когда-нибудь будет время, ты должен разработать вопрос с этой точки зрения.

Единственные пункты, упущенные, по моему мнению, в твоём изложении, следующие: 1) Первое появление настоящего наемного войска в крупных размерах и сразу у карфагян (я просмотрю для нашего собственного употребления сочинения о карфагенском войске одного берлинца, о котором

* Статья Энгельса «Армия», напечатанная в «Новой Американской Энциклопедии». См. стр. 135—178 настоящего издания. *Ред.*

я узнал лишь недавно). 2) Развитие военного дела в Италии в XV и в начале XVI века. Именно здесь выработались тактические хитрости. Кстати, у Макиавелли в его истории Флоренции имеется очень забавное описание того, как сражались кондотьеры. Я сделаю выписку для тебя. Впрочем, если я приеду к тебе в Брайтон (когда?), я лучше привезу с собой том Макиавелли. Его история Флоренции — это шедевр. Наконец, 3) азиатская военная система в том виде, как она впервые появляется у персов; впоследствии она встречается в самых различных видоизменениях у монголов, турок и т. д. ...

13

МАРКС — Ф. ЛАССАЛЮ

Лондон, 4 февраля 1859 г.

...Относительно войны: здесь все думают, что война в Италии неизбежна. Несомненно одно: г. Эммануилу теперь не до шуток, а г. Бонапарту было не до шуток. Поведение последнего определяют следующие обстоятельства: 1) *Страх перед итальянскими кинжалами.* Со времени смерти Орсини он непрерывно вел тайком нечестную игру с карбонариями, причем роль посредника играл Плон-Плон, муж «Клотильды». 2) *Чрезвычайно стесненное финансовое положение.* Действительно, продолжать кормить французскую армию «в мирные времена» становится невозможным, а Ломбардия — лакомый кусок. К тому же, в случае войны стали бы возможными и «военные займы». Всякий же другой заем теперь «невозможен». 3) За последние два года Бонапарт с каждым днем все более и более терял авторитет в глазах всех партий во Франции, а его дипломатия также представляла собою ряд сплошных неудач. Поэтому для восстановления престижа необходимо, чтобы что-то произошло. Даже в деревнях сильно ворчат из-за разорительно-низких цен на хлеб, и г. Бонапарт тщетно пытался искусственно вздуть цены на пшеницу своими декретами о хлебных складах. 4) Россия подталкивает тюрингского выскочку. С помощью панславистского движения в Богемии, Моравии, Галиции, Южной, Северной и Восточной Венгрии, Иллирии и т. д. и войны в Италии Россия почти наверняка сломала бы сопротивление все еще оказываемое ей Австрией. (Россия со страхом ждет аграрной революции внутри страны, и внешняя война, не говоря уже о всяких дипломатических целях, была бы, пожалуй, желательна для правительства в качестве громоотвода.) 5) Г-н Плон-Плон, сын бывшего вестфальского короля, и его клика (во главе

которой стоит Жиранден и весьма пестрый сброд венгерских, польских и итальянских псевдореволюционеров) делает все, чтобы довести дело до развязки. 6) Война с Австрией в Италии — это единственная война, в которой Англия, не имея возможности выступить прямо за папу и т. п. и *против* так называемой свободы, останется нейтральной, по крайней мере вначале. Россия же держала бы Пруссию под угрозой, если бы эта последняя — чего я, однако, не думаю — пожелала вмешаться уже в начале борьбы.

С другой стороны, г. Луи Бонапарт несомненно смертельно боится настоящей, серьезной войны: 1) человек этот всегда полон сомнений и, подобно всем игрокам, отнюдь не отличается решительностью. Он постоянно подползал к Рубикону, но людям, стоявшим сзади него, всегда приходилось его туда сталкивать. Под Булонью, под Страсбургом, в декабре 1851 г. его каждый раз *вынуждали* отнестись, наконец, серьезно к своим планам²⁰². 2) Чрезвычайная холодность, с которой был принят во Франции его проект, конечно, не придает ему бодрости. Массы относятся к нему безразлично, но зато крупные финансисты, промышленники, торговцы, партия попов, наконец, высший генералитет (например, Пелисье и Канробер) оказывают ему прямое и серьезное сопротивление. Да и на самом деле военные перспективы не блестящи, даже если принимать за чистую монету хвостовство «*Constitutionnel*» [«Конституционалистской газеты»]. Если Франция наберет в общей сложности 700 000 человек, то по самому щедрому расчету способными к военной службе из них будут 580 000. Отсюда надо отнять: 50 000 для Алжира; 49 000 — жандармов и т. п.; 100 000 (минимум) для охраны городов (Париж и т. д.) и крепостей во Франции; по меньшей мере 181 000 нужно выделить в качестве наблюдательной армии на швейцарской, германской и бельгийской границах. Остается 200 000. Если даже прибавить сюда небольшую пьемонтскую армию, то это отнюдь не составит подавляющей силы по отношению к австрийцам, занимающим сильные позиции на Минчио и Адидже.

Как бы то ни было, если Бонапарт теперь отступит, то в глазах массы французской армии он окончательно погиб, и это соображение может заставить его в конце концов все же выступить.

Ты думаешь, повидимому, что такая война вызовет восстание в Венгрии. Я в этом сильно сомневаюсь. Австрия, конечно, выставит на галицийско-венгерской границе наблюдательный корпус против России и тем самым одновременно будет держать под ударом Венгрию. Венгерские полки (поскольку они не распределены среди своих врагов — чехов, сербов, словен-

цев и т. д., а в большинстве случаев это так) будут размещены в германских провинциях.

Война, конечно, приведет к серьезным и в конце концов к революционным последствиям. Но вначале она окажет поддержку бонапартизму во Франции, ослабит внутреннее движение в Англии и России, пробудит самые мелочные страсти по вопросу о национальностях в Германии и т. д. Поэтому прежде всего она окажет, по моему мнению, во всех отношениях контрреволюционное действие...

14

МАРКС — Ф. ЛАССАЛЮ

Лондон, 25 февраля 1859 г.

...Энгельс собирается опубликовать — сначала анонимно — небольшую брошюру под заглавием «По и Рейн» *.

Основное содержание: военное, т. е. военно-научное, доказательство следующих положений: все доводы, приводимые в пользу того, что австрийцы должны владеть линией Минчио, чтобы защищать *Германию*, можно привести и в пользу того, что Франция должна иметь границы Рейн, чтобы защищать самое себя. Далее, что хотя *Австрия* сильно заинтересована в линии Минчио, но Германия, как единая держава, — несколько, и что Италия в военном отношении до тех пор будет находиться под господством Германии, пока вся Швейцария не станет французской. Брошюра направлена главным образом против стратегов из аугсбургской «Allgemeine Zeitung»²⁰³, а вообще говоря, написана, конечно, в национальном духе против г. Бонапарта.

Я могу поручиться всей своей «критической силой суждения» за то, что издание этой брошюры, почти не требующее никаких затрат, так как брошюра занимает всего несколько листов, окажется в данный момент прямо-таки издательской *спекуляцией* (в подлинном смысле этого слова **).

После своего участия в баденской кампании Энгельс сделал изучение военных вопросов своей специальностью. Кроме того, как ты знаешь, пишет он чрезвычайно убедительно.

Но издатель должен сохранить в тайне имя автора, пока

* См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XI, ч. II. Ряд основных мыслей брошюры был изложен Энгельсом также в статье «Как Австрия держит в своих руках Италию» (см. настоящее издание, стр. 309—316). *Ред.*

** Ироническое сопоставление со «спекуляцией» в философско-гегельянском смысле слова (т. е. с «умозрительными построениями» и т. п.). *Ред.*

сам «автор» его не раскроет. Ты можешь быть уверен, что в авторстве будут подозревать крупнейших военных писателей Пруссии...

15

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

Лондон, 27 февраля 1861 г.

...По вечерам я читал для отдыха Аппиана о гражданских войнах в Риме, в греческом оригинале. Очень ценная книга. Он — родом египтянин. Шлоссер говорит, что у него «нет души», вероятно потому, что он старается докопаться до материальной основы этих гражданских войн. Спартак в его изображении является самым великолепным парнем во всей античной истории. Великий полководец (не чета Гарибальди), благородный характер, истинный представитель античного пролетариата. Помпей же — настоящая дрянь; он незаслуженно прославился благодаря тому, что присвоил себе сначала успехи Лукулла (против Митридата), затем успехи Сертория (в Испании) и т. п., наконец, в качестве «юного наперсника» Суллы и т. д. Как полководец, он — римский Одион Барро. Как только ему пришлось показать в борьбе против Цезаря, чего он стоит, обнаружилось его ничтожество. Цезарь совершал крупнейшие военные ошибки, намеренно нелепые, чтобы сбить с толку противостоящего ему филистера. Любый заурядный римский полководец, какой-нибудь Красс, шесть раз разбил бы Цезаря во время Эпирской войны²⁰⁴. Но с Помпеем можно было себе все позволить. Мне кажется, что Шекспир, когда писал комедию «Бесплодные усилия любви», имел уже некоторое представление о том, чем Помпей был на деле.

Привет.

Твой К. М.

16

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

Манчестер, 12 июня 1861 г.

Дорогой Мавр!

К сожалению, я не собирал газет об американской войне; кроме того, многих пунктов нельзя разыскать на карте. Суть в следующем.

Юг втайне уже в течение ряда лет готовился к войне, в особенности же со времени возбуждения, возникшего в связи с президентскими выборами; в последний же момент получил еще массу оружия и денег благодаря предательству министров Бьюкенена. Поэтому Север был до 4 марта парализо-

ван. До самого падения Сомтера Линкольн ничего не сделал²⁰⁵, да и ничего другого сделать не мог, как несколько сильнее сконцентрировать и привести в порядок свои немногочисленные линейные войска (всего 18 000 человек, раздробленных на мелкие отряды, действующие против индейцев на Западе). Наконец, после нападения на Сомтер, Север пришел в достаточно сильное возбуждение, чтобы заставить умолкнуть всякую оппозицию и сделать таким образом возможными энергичные военные действия. Было призвано 75 000, но записалось, насколько можно судить, в десять раз больше желающих, так что теперь мобилизовано до 100 000 человек, хотя они еще далеко не сконцентрированы. Со дня на день ожидается новый призыв Линкольна, и он потребует меньше времени, так как теперь уже все лучше приготовлено. Этих 75 000 человек, или, точнее, той их части, которая находится вблизи Вашингтона, на Огайо против Кентукки, и в Сен-Луи (Миссури), т. е. не считая резервов в Огайо и Пенсильвании, было до сих пор достаточно, чтобы установить равновесие между силами Севера и Юга на линии Потомака и даже, чтобы позволить Северу предпринимать наступления на короткие расстояния.

Ближайшей целью как южан, так и северян является Вашингтон. Наступление южан на него было до сих пор слишком слабым; после Ричмонда их главные силы, очевидно, оказались недостаточными для своевременного нанесения решительного удара. Единственное, что им удалось сделать, это — послать подвижную колонну в Гарперс-Ферри, на Потомаке, выше Вашингтона. Эта позиция чрезвычайно подходящая для наступления на Север (в Мэриленд и Пенсильванию). Она лежит при впадении Шенандоа, — довольно большой реки, — в Потомак, тактически очень сильна и совершенно господствует над обеими реками. Там расположен и «Союзный» цейхгауз, устроенный там, повидимому не без определенного намерения, правительством, предвидевшим и поощрявшим будущий раскол. Занятие Гарперс-Ферри прерывает господство союзных (федеральных) войск над линией Потомака в весьма чувствительном пункте и дает войскам южан, в случае, если бы они проникли на эту линию в большом количестве, возможность сразу установить свое полное господство над обоими берегами.

От того, удалось ли бы северянам удержать Вашингтон, зависела судьба Мэриленда и Делавара; отрезанные от юга, занятые союзными войсками, они сейчас же попали в руки Союза. Второй успех северян.

Занятие вновь Миссури немцами из Сен-Луи было третьим успехом, и притом огромной важности, ибо занятие Сен-Луи

отрезывает Миссисипи. В какой мере нейтралитет Кентукки окажется благоприятным для Севера или для Юга, это будет зависеть от условий и дальнейшего хода событий. Во всяком случае, этот нейтралитет ограничивает театр военных действий областью; лежащей к западу.

Результат: итак, Югу, несмотря на все его приготовления, удалось достигнуть только того, что Север, после подготовки всего в один месяц, отнял у него столицу и три рабовладельческих штата, причем четвертый рабовладельческий штат не решается отпасть; что на Потомаке наступление южан приостановилось, и Северу удалось перекинуться через эту реку, не встречая до сих пор никакого сопротивления. На каждого нового солдата, выставленного южанами, северяне выставят трех или четырех. Отколовшиеся штаты имеют население всего приблизительно в $7\frac{1}{2}$ млн., в том числе около 3 млн. рабов. Миллион белых безусловно необходимо скинуть для охраны рабов, так что для военных целей остается всего масса населения меньше чем в $2\frac{1}{2}$ млн. Если из них будет мобилизовано 10%, — максимальная цифра для оборонительной войны, — то это даст самое большее 250 000 человек. Но столько, наверное, не наберется. Швейцария, располагающая приблизительно таким же населением, — немного больше 2 млн. — имеет 160 000 человек милиции *на бумаге*. Зато Север, считая одни только свободные штаты, имеет 20 млн. населения, которые все пригодны для военных целей, за исключением, быть может, Калифорнии, Уты и крайних западных областей. Примем 17. млн. военно-годного населения и возьмем не 10%, а только третью часть этого, т. е. приблизительно $3\frac{1}{2}$ %, в качестве материала, пригодного для наступательной войны, и мы получим тогда на стороне Севера 500 000 человек, что совершенно достаточно для того, чтобы раздавить Юг, даже при крайнем напряжении всех сил последнего. Что же касается качественного соотношения тех и других солдат, то нет никакого сомнения, что северяне физически и морально значительно превосходят южан. В драчливом удалстве южан имеется значительная примесь трусливой страсти к убийству. Все они ходят обвешенные оружием, но лишь для того, чтобы в случае драки успеть убить своего противника еще до того, как он ожидает нападения...

17

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

Манчестер, 3 июля 1861 г.

Дорогой Мавр!

Твои вопросы о положении дел в Виргинии легче поставить, чем разрешить. В опасности ли еще Вашингтон? Непо-

средственно — нет, иначе южане не очистили бы такую большую территорию; но ведь мы не знаем, каково соотношение борющихся сил. Если первая главная атака северян будет отбита, то трудно сказать, что произойдет, ибо неизвестно, где им удастся снова задержаться. Впрочем три шанса против одного, что Потомак в этом случае окажется достаточным препятствием.

Позиция у Манассас-Джонкшен обусловлена необходимостью для южан поддерживать сообщение с северо-западной Виргинией при помощи железной дороги на Париж и Страсбург. Если Манассас-Джонкшен будет потеряна, то их ближайшей железнодорожной связью с западной Виргинией (по ту сторону гор) окажется линия, идущая от Ричмонда через Гордонсвилль в Стаунтон, — на 80 миль южнее прежней. Они теряют тогда возможность в первую очередь непосредственно позади фронта быстро перебрасывать свои резервы с запада на восток etc., смотря по надобности, а затем их войска, находящиеся в западной Виргинии, могут быть отрезаны или оттеснены далеко в сторону. Таково значение (стратегическое) этой позиции; имеет ли она также и какое-либо тактическое значение я не могу решить, ибо карты не дают оснований для решения. Вообще же война в западной Виргинии будет в ближайшее время концентрироваться вокруг железнодорожных узлов.

История при Биг-Бетеле не имеет никакого значения²⁰⁶; в тактическом отношении она ужасно плохо проведена. Попытка предпринять ночную атаку при помощи подобного рода добровольцев, да еще в отдельных колоннах, неминуемо должна была закончиться замешательством, взаимной перестрелкой и бегством.

Зато на Севере, поскольку можно судить, делаются следующие две ошибки: 1) не пускаются в ход массы вновь образованных и совершенно готовых корпусов; их держат на расстоянии 400—500 миль от поля сражения, в то время как они были бы прямо неоценимы на Потомаке; 2) славный старик Скотт повидимому вновь носится с какими-то колоссальными планами обхода, которые приведут лишь к колоссальному дроблению сил; но приведет ли это к поражениям, трудно решить, имея в виду беспорядок, царящий у южан, и незнание с их героями...

18

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

Манчестер, 30 июля 1862 г.

...Дела в Америке идут плохо. Главная вина после всего ложится на Стэнтона, потому что он после взятия Теннесси²⁰⁷

из чистого хвастовства приостановил дальнейший набор рекрутов, т. е. осудил армию на постоянное ослабление как раз в тот момент, когда ей больше всего нужны были подкрепления для быстрого, решительного наступления. При непрерывном приливе рекрутов война, если и не была бы уже теперь выиграна окончательно, то конечный успех был бы вне всякого сомнения. Когда были постоянные победы, тогда и рекруты шли хорошо. Этот шаг был тем нелепее, что южане поставили под ружье всех мужчин от 18 до 35 лет, т. е. поставили все на карту. Вот эти-то мобилизованные и дают теперь конфедератам повсюду перевес и обеспечивают им инициативу. Они задержали Галлека, вытеснили Кертиса из Арканзаса, побили Мак-Клеллана и подали, под начальством Джексона, в долине Шенандоа сигнал к образованию партизанских отрядов, которые доходят теперь уже до Огайо. Трудно было поступить глупее, чем Стэнтон.

Затем, когда Стэнтон увидел, что ему никак не удалить Мак-Клеллана от командования потомакской армией, он совершил другую глупость: чтобы ослабить его, он дал особые командные права Фремонту, Бэнксу и Мак-Доуэлю и таким образом *ради смещения Мак-Клеллана раздробил силы*. Следствием было то, что не только был разбит Мак-Клеллан, но и общественное мнение всю вину за поражение возлагает не на Мак-Клеллана, а на Стэнтона. Поделом ему.

Все это не имело бы никакого значения и даже было бы полезно, если бы войне, наконец, был придан революционный характер. Но этого-то как раз и нет. Поражения не подхлестывают янки, а расслабляют их. Если уж дело дошло до того, что рекрутов надо завлекать обещанием взять их только *на девять месяцев*, то это обозначает лишь следующее: мы уже дошли до конца, и нам нужна лишь показная армия как демонстративное средство во время мирных переговоров. Эти 300 000 добровольцев были пробным камнем, и Север, отказываясь их дать, этим заявляет, что ему, в конце концов, на всю эту историю наплевать. К тому же, что за трусость в Конгрессе и в правительстве! Бояться всеобщего рекрутского набора, решительных финансовых мер, нападений на рабство — словом, всего, что как раз крайне необходимо; дают всему итти как попало, и если та или иная мнимая мера проходит, наконец, через Конгресс, то доблестный Линкольн обставляет ее еще такой кучей оговорок, что от нее уже ровно ничего не остается. Эта дряблость, это свойство съезжиться, как лопнувший свиной пузырь, под гнетом поражений, уничтоживших самую лучшую и многочисленную армию и фактически обнаживших Вашингтон, это полное отсутствие эластичности в массах народа, — это служит для меня доказательством, что все

кончено. Эти несколько массовых митингов и т. д. ничего не говорят; они неспособны поднять даже до той степени возбуждения, которая бывает при президентских выборах.

К тому же полное отсутствие талантов. Один генерал глупее другого. Нет ни одного, который был бы способен к малейшей инициативе или к самостоятельным решениям. Вот уже три месяца, как инициатива опять совершенно в руках противника. Затем финансовые мероприятия, одно безумнее другого. Беспомощность и трусливость повсюду, кроме разве простых солдат. Таковы же и политики — так же абсурдны и растеряны. А народ еще беспомощнее, чем если бы он 3000 лет провалялся под скипетром австрийской короны.

Южане же, — незачем закрывать глаза на факты, — относятся к этому делу необычайно серьезно. Это доказывает уже одно то, что мы не получаем хлопка. Вторым доказательством является партизанская война в пограничных штатах. Тот факт, что земледельческий народ, в такой мере отрезанный от всего мира, в состоянии выдержать подобную войну и после тяжких поражений и потерь ресурсами, людьми и территориями оказаться снова победителем, грозя наступлением до самого севера, — это, по-моему, решает все дело. К тому же они превосходно дерутся, и все, что оставалось еще, помимо гор, от сочувствия союзу, будет теперь, при вторичном занятии Кентукки и Теннесси, безусловно потеряно.

Если они захватят Миссури, то в их руки попадут и территории, — и тогда дела Севера плохи.

Словом, если Север немедленно не станет действовать революционно, то его непоправимо побьют, и поделом. Кажется, что это так и будет...

19

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

Лондон, 7 августа 1862 г.

...С твоими взглядами на американскую гражданскую войну я не совсем согласен. Я не думаю, что все пропало. Во главе северян с самого начала стояли представители пограничных рабовладельческих штатов, которые и выдвинули на первое место Мак-Клеллана, этого старого приверженца Брекинриджа. Юг же с самого начала действовал единодушно. Север сам превратил рабство в военную силу Юга, вместо того чтобы повернуть его против последнего. Юг сваливает весь производительный труд на плечи рабов, и это дало ему возможность беспрепятственно бросить все свои боевые силы на фронт. У него имелось единое военное командование,

а у Севера нет. Из всех операций кентуккийской армии после захвата Теннесси ясно, что никакого стратегического плана у северян не было. По моему мнению, вся эта история скоро примет иной оборот. Север, наконец, начнет вести войну всерьез и прибегнет к революционным средствам, устранив от руководства людей из пограничных рабовладельческих штатов. Даже один только полк, составленный из негров, окажет поразительное действие на нервы южан.

Трудность получить 300 000 человек кажется мне чисто политической. Северо-запад и Новая Англия стремятся заставить и заставят правительство отказаться от своего прежнего дипломатического способа ведения войны; они вырабатывают теперь условия, на которых будут выставлены эти 300 000 человек. Если Линкольн не уступит (а он уступит), то произойдет революция.

Что касается недостатка в военных талантах, то практиковавшийся до сих пор способ выбора генералов, исключительно по дипломатическим и партийным соображениям, вряд ли особенно способствовал выдвижению талантов. Все же генерал Поп кажется мне энергичным человеком.

Что касается финансовых мероприятий, то они неискусны, как и следовало ожидать в стране, где до сих пор (для всего государства в целом) никаких налогов, в сущности, не существовало, но все же они далеко не так бессмысленны, как мероприятия Питта и К°. Теперешнее обесценение денег объясняется, на мой взгляд, не экономическими, а чисто политическими причинами — недоверием. С изменением политики это, стало быть, изменится.

Короче говоря, я считаю, что подобные войны надо вести революционно, янки же до сих пор пытались вести ее конституционно.

Привет.

Твой К. М.

20

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

Лондон, 10 сентября 1862 г.

...Что касается янки, то я попрежнему убежден, что, в конце концов победит Север; конечно, гражданская война может пройти еще через различные эпизоды, может быть и через перемирия, и может затянуться надолго. Юг может заключить или заключит мир только под условием, что он получит пограничные рабовладельческие штаты. Тогда к нему перешла бы и Калифорния, а за ней последовал бы и весь Северо-запад, так что вся федерация, за исключением Ново-английских шта-

тов, снова образовала бы одно государство, но на сей раз уже под признанным верховенством рабовладельцев. Это означало бы реконструкцию Соединенных Штатов на основе, предлагаемой Югом. А это невозможно, и этого не случится.

С своей стороны, и Север может пойти на мир только в том случае, если конфедерация будет ограничена пределами старых рабовладельческих штатов, замкнутых между Миссисипи и Атлантическим океаном. Но в этом случае конфедерация очень скоро бы тихо скончалась. Перемирия же etc. на основе *status quo* означали бы самое большее временные паузы в ведении войны.

Способ, которым Север ведет войну, таков именно, какого и следовало ожидать от *буржуазной* республики, в которой так долго и суверенно царил обман. Юг, олигархия, гораздо больше подходит для таких вещей, и именно такая олигархия, в которой весь производительный труд лежит на неграх, а 4 млн. белой сволочи являются профессиональными флибустьерами. Несмотря на все это, я готов поручиться головой, что они будут разбиты, несмотря ни на каких Джексонов-«каменные стены». Возможно, конечно, что перед этим дело дойдет еще до своего рода революции на Севере.

Виллих — бригадный генерал, а теперь, как рассказал Капп в Кельне, и Стеффен собирается на войну.

Мне кажется, что твой взгляд немножечко слишком сильно определяется чисто военным взглядом на вещи.

Что касается моей экономической ерунды, то не хочу тебя во время твоего путешествия «отягощать балластом».

Привет.

Твой К. М.

21

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

Лондон, 29 октября 1862 г.

....Что касается Америки, то я полагаю, что Мэрилендская кампания имела решающее значение, поскольку она показала, что даже в этой наиболее «южно» настроенной части пограничных штатов сторонников конфедератов очень немного²⁰⁸. А ведь вся борьба ведется из-за пограничных штатов. В чьих руках они будут, тот и будет господствовать над союзом. Что Линкольн издал свой многообещающий акт об эмансипации* как раз в тот момент, когда конфедераты продвигались вперед в Кентукки, свидетельствует в то же время, что перестали счи-

* Имеется в виду декларация правительства Линкольна о предстоящей отмене рабства негров на территории мятежных южных штатов с 1 января 1863 г. и другие соответствующие документы. *Ред.*

таться с лойяльными рабовладельцами в пограничных штатах. Эмиграция рабовладельцев со всем их черным имуществом из Миссури, Кентукки, Теннесси на юг уже и сейчас огромная, и если борьба затянется еще на долгое время,— в чем нет сомнения,— то Юг потеряет там всякую опору. Он начал борьбу из-за «территорий». Война же оказалась средством для уничтожения его мощи в пограничных штатах, связь которых с Югом и без того ослаблялась с каждым днем благодаря тому, что выращивание рабов и внутренняя торговля рабами не находили себе больше рынка. Таким образом, по моему мнению, для Юга дело идет только об обороне. А между тем единственная возможность успеха была для него связана с наступлением. Если подтвердится известие, что Гукер получает активное командование потомакской армией, Мак-Клеллан «удаляется» на теоретический пост верховного главнокомандующего, а Галлеку дается командование на Западе, то это будет означать, что и война в Виргинии принимает более энергичный характер. А кроме того, самое удобное для конфедератов время года уже прошло.

С моральной стороны крах мэрилендского похода безусловно имел гигантское значение.

Что же касается финансовой стороны, то Соединенные Штаты знают со времени войны за независимость, а мы знаем из австрийского опыта, как долго можно держаться при помощи обесцененных бумажных денег...

...Ярость, с которой южане встретили линкольнские акты, свидетельствует о важности последних. Все эти акты имеют вид расчетливо составленных и снабженных массой оговорок условий, посылаемых одним адвокатом другому, представителю противной стороны. Но это не лишает их исторического значения и очень забавляет меня, когда я сравниваю их с теми драпировками, которыми французы обвешивают самые незначительные вещи.

Я так же, как и все, вижу все отвратительное в формах движения янки, но я нахожу это естественным ввиду «буржуазного» характера этой демократии. Тем не менее, происходящие там события носят мировой характер, и во всей истории нет ничего более отвратительного, чем отношение англичан к ним...

22

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

Манчестер, 5 ноября 1862 г.

...Что касается Америки, то я также того мнения, что конфедераты получили в Мэриленде неожиданный моральный удар огромного значения. Я точно так же убежден, что окон-

чательный захват пограничных штатов решит судьбу войны. Но у меня нет никакой уверенности, что дело произойдет в такой классической форме, как ты, повидимому, думаешь. Несмотря на весь крик, поднятый янки, нет никаких симптомов, которые бы доказывали, что они рассматривают это дело действительно как вопрос национального существования. Напротив того, избирательные победы демократов показывают скорее, что партия людей, которым война надоела, все увеличивается. Если бы было хоть одно доказательство, хоть один симптом, что массы на Севере начинают действовать в том же духе, как французы в 1792—1793 гг., то все было бы прекрасно. Но единственная революция, которую можно ожидать, будет скорее всего демократическая контр-революция и худой мир, который поделит также и пограничные штаты. Что этим дело еще не будет закончено, согласен. Но пока что должен сознаться, что никак не могу проникнуться одушевлением за народ, который в таком колоссальном вопросе дает себя все время побивать одной четверти своего собственного населения и который в результате восемнадцати месяцев войны обогатился лишь открытием, что все его генералы — ослы, а все гражданские чиновники — мошенники и предатели. Нет, дело все-таки должно идти иначе, даже в буржуазной республике, если только она окончательно не погрязла в болоте. С тем, что ты говоришь по поводу подлого отношения англичан к этому делу, я совершенно согласен...

23

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

Манчестер, 4 сентября 1864 г.

...Что ты думаешь об американских делах? Ли мастерски использовал свой укрепленный лагерь у Ричмонда²⁰⁰; ничего удивительного, это уже третья кампания, вращающаяся вокруг этого места. Он удерживает относительно незначительными силами большие массы Гранта и употребляет большую часть своих солдат для наступления в Западной Виргинии и для угрозы Вашингтону и Пенсильвании. Вот великолепный образец для пруссаков, которые могли бы на нем изучить вплоть до деталей, как нужно вести поход, опираясь на укрепленный лагерь в Кобленце, но они, конечно, слишком высокомерны, чтобы чему-нибудь учиться у этих импровизированных генералов. Грант, — лейтенант, шесть лет тому назад уволенный из армии за пьянство, а затем спившийся инженер в Сен-Луи, — обладает ясным сознанием цели и большим презрением к жизни своего пушечного мяса; у него, кажется, много

данных для небольшой стратегии (т. е. для движений, рассчитанных на короткий срок), но я напрасно ищу признаков того, что у него имеется достаточный кругозор, чтобы охватить всю кампанию в целом. Кампания против Ричмонда, кажется, начинает терпеть неудачу; нетерпение, с которым Грант производит нападения то в одном, то в другом месте, но ни в одном месте не может продвинуться вперед прочно при помощи сапы и мин,— плохой признак. Инженерное дело, повидимому, вообще плохо поставлено у янки; кроме теоретических познаний, для этого нужны также традиции и практика, которую не так легко заменить импровизацией.— Сомнительно, справится ли Шерман с Атлантой, однако я полагаю, что у него больше шансов²¹⁰. Партизанские и кавалерийские набеги у него в тылу вряд ли сильно ему повредят. Падение Атланты было бы тяжелым ударом для Юга, вместе с ней тотчас же пал бы и Ром, а там находятся их пушечные заводы и т. д.; к тому же они потеряли бы железнодорожную линию между Атлантой и Южной Каролиной. Фаррагут все тот же. Этот-то знает, чего он хочет. Но падет ли и сам Мобиль, весьма сомнительно. Город этот очень сильно укреплен и, насколько мне известно, может быть занят лишь со стороны суши, так как глубоко сидящие корабли не могут подойти достаточно близко к берегу. Но какая глупость раздроблять наступающие на побережье силы; хотят непременно и Чарльстон, и Мобиль взять в одно и то же время, вместо того, чтобы брать эти города один за другим, но зато каждый раз всеми силами.

Разговорам о мире, которые теперь так широко распространяются, я не придаю большого значения. Не верю даже тем прямым переговорам, которые Линкольн будто бы ведет. Я считаю все это избирательным маневром. Пока что переизбрание Линкольна мне кажется более или менее обеспеченным...

24

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

Лондон, 7 сентября 1864 г.

...Что касается Америки, то, говоря откровенно, я считаю настоящий момент весьма критическим. Если это кончится большим поражением Гранта или большой победой Шермана, то это еще хорошо. Опасен непрерывный ряд маленьких неудач, как раз теперь во время выборов. Я вполне с тобой согласен, что пока переизбрание Линкольна совершенно обеспечено, *все еще 100 против 1*. Но выборный период в этой классической стране демократического мошенничества полон случайностей,

которые совершенно неожиданно могут перевернуть весь «разум событий» (выражение, которое великий Уркарт считает столь же нелепым, как выражение «справедливость локомотива»): Юг, кажется, очень нуждается в перемирии, чтобы спастись от полного истощения. Он первый дал этот лозунг не только в своих северных органах, но и непосредственно в ричмондских газетах, хотя теперь, когда этот лозунг нашел отклик в Нью-Йорке, «Richmond Examiner» приписывает его, издеваясь, янки. Весьма характерно, что мистер Дэвис решил рассматривать негритянских солдат как «военнопленных» — последний официальный приказ его военного министра.

Линкольн располагает большими средствами для проведения выборов. (Мирное предложение с его стороны является, конечно, простым маневром.) Выбор кандидата враждебной партии повел бы, вероятно, к подлинной *революции*. Но при всем этом нельзя упускать из виду, что в ближайшие восемь недель, в течение которых дело должно разрешиться в первую очередь, многое зависит от военных случайностей. Это, несомненно, самый критический момент с начала войны. Если этот момент благополучно минет, то старик Линкольн может и дальше совершать ошибки сколько его душевненько угодно. Впрочем, старик совсем не умеет «делать» генералов. Министров он уже лучше выбирает. Но газеты конфедератов столь же ожесточенно нападают на своих министров, как янки на вашингтонских. Если Линкольн на этот раз пройдет, — что весьма вероятно, — то на основе гораздо более радикальной платформы и при совершенно изменившихся обстоятельствах. Поэтому, следуя своей манере юриста, старик решит тогда, что более радикальные средства не противоречат его совести...

25

ЭНГЕЛЬС — И. ВЕЙДЕМЕЙЕРУ

Манчестер, 24 ноября 1864 г.

...Здесь в Европе сейчас скучные времена. Подавление польского восстания было последним значительным событием; за свое содействие в этом деле Бисмарк получил от царя разрешение отнять у датчан Шлезвиг-Гольштинию. Пройдет много времени, прежде чем Польша снова сможет подняться, — даже при посторонней помощи, — а, между тем, Польша нам совершенно необходима. Виною всему подлость немецких либеральных мещан. Если бы эти скоты обнаружили в прусской палате больше понимания и мужества, то все могло бы пойти хорошо. Австрия готова была в любой момент выступить в защиту Польши. Помешала этому только пози-

ция Пруссии и измена г. Бонапарта, который, разумеется, только при том условии намеревался сдержать обещания, данные полякам, если бы он мог действовать *наверняка*, т. е. если бы его поддерживали Пруссия и Австрия.

Происходящая у вас война является одним из грандиознейших событий, которые только приходится переживать. Несмотря на множество глупостей, совершаемых северными армиями (их достаточно и у южан), волна наступления медленно, но верно катится вперед, и в 1865 г., несомненно, наступит момент, когда *организованное* сопротивление Юга сразу рухнет, и война примет форму бандитизма, как это было с карлистской войной в Испании и недавно в Неаполе ²¹¹. Такой народной войны с обеих сторон не было еще ни разу с тех пор, как существуют крупные государства; несомненно, что исход ее определит будущее всей Америки на сотни лет вперед. Как только будет взорвано рабство,— это величайшее препятствие, сковывающее политическое и социальное развитие Соединенных Штатов,— в стране наступит такой подъем, который в кратчайший срок обеспечит ей совершенно иное место в мировой истории, и армия и флот, созданные во время войны, быстро найдут тогда себе применение.

Вполне понятно, почему Северу с трудом удалось создать себе армию и генералов. Олигархия Юга заранее подчинила своему руководству немногочисленные военные силы страны, она поставляла офицеров и к тому же завладела арсеналами. У Севера не оказалось никаких воинских кадров, кроме милиции, между тем как Юг готовился в течение ряда лет. Юг с самого начала располагал населением, привыкшим к верховой езде и приспособленным для легкой кавалерии, между тем как Север в этом отношении отставал. Север усвоил себе введенный Югом метод раздачи постов сторонникам определенной партии; Юг, охваченный революцией и находящийся под властью военной диктатуры, мог с этим не считаться. Отсюда все промахи. Я не отрицаю, что Ли — лучше всех генералов Севера и что его последние операции вокруг укрепленного ричмондского лагеря представляют собой образцы высокого мастерства, которые многому могли бы научить прославленного принца Фридриха-Карла прусского. Но решительные атаки Гранта и Шермана в конце концов сделали бесполезной всю эту стратегию. Ясно, что Грант приносит в жертву огромное количество людей,— но может ли он поступать иначе? Я не имею никакого представления о степени дисциплинированности вашей армии, о ее стойкости в бою, о ее способности и готовности выносить тяготы войны и особенно о ее *моральном состоянии*, т. е. о том, чего можно от нее требовать, не рискуя ее деморализовать. Все это нужно

знать, прежде чем позволить себе составить то или иное суждение, особенно, если находишься по другую сторону океана, не располагаешь достаточными сведениями и не имеешь сколько-нибудь порядочных карт. Но мне кажется несомненным одно, что армия, которой сейчас руководит Шерман,—самая лучшая из ваших армий и настолько же превосходит армию Гуда, насколько армия Ли превосходит армию Гранта.

Ваш военный устав и элементарная тактика заимствованы, как я слышал, целиком у французов,—следовательно, основной строевой формой является, повидимому, колонна с дистанциями между взводами. Какая у вас теперь полевая артиллерия? Если ты можешь сообщить мне данные по этим вопросам, я буду тебе очень благодарен...

26

ЭНГЕЛЬС — СВОЕМУ БРАТУ РУДОЛЬФУ

Манчестер, 10 января 1865 г.

Дорогой Рудольф!

Мое мнение об американской войне таково: силы Юга постепенно истощаются и ему неоткуда пополнять свои армии. Север же не использовал еще и половины своих ресурсов. Юг вынужден ограничиваться обороной, так что время даже таких контрнаступлений, какие, например, предпринимал Лонгстрит в долине Шенандоа, теперь уже прошло. Гуд попытался провести еще одну такую операцию, но этим сразу же обнаружил свое бессилие и решил судьбу всего похода. Север во всех отношениях превосходит своих южных противников и кроме того располагает еще 40-тысячной армией Шермана, которая имеет возможность двигаться куда ей угодно, повсюду разрушая силы, связи, вспомогательные средства и запасы Юга на его собственной территории. Чарльстон должен будет пасть через 4, самое большее — через 6 недель после того, как Шерман окружит его с суши. У Юга осталась только одна армия — та, которая находится в Ричмонде. В этом году ей наверняка будет нанесено решительное поражение, и тем самым будет положен конец защите Юга *армиями*. Затем, вероятно, последует партизанская война, бандитизм и т. п., и будет продолжаться до следующего года.

Если Юг вооружит своих негров,—это будет тем лучше для Севера, но южане поостерегутся это сделать. Разве что в самый последний момент. Ведь негры не настолько глупы, чтобы давать себя убивать ради той самой плетки, которой их же хлещут.

Конечно, будут еще моменты, когда положение Юга будет немного лучше, чем сейчас, но так бывало очень часто, и этим меня с толку не собьешь...

27

ЭНГЕЛЬС — И. ВЕЙДЕМЕЙЕРУ

Манчестер, 10 марта 1865 г.

...Большое спасибо за подробный ответ на мои вопросы. Благодаря отвратительной военной информации здешних газет я потерял нить всех «комбинированных» операций; экспедиция на Рэд Ривер осталась для меня совершенно непонятной, да и движение Шермана из Виксбурга на восток я не мог объяснить себе, так как о южном корпусе, двигавшемся из Нью-Орлеана, здесь никогда не писалось. Эти комбинированные операции с районом для соединения войск не только в сфере влияния противника, но даже в его тылу показывают, насколько примитивны стратегические представления совершенно неопытного в военном деле народа. Тем не менее, если бы во время войны с Данией благородный Врангель и принц Фридрих-Карл не располагали силами, вдвое превосходившими силы противника, они допускали бы точно такие же операции. Бой при Миссунде и две непонятных «демонстрации» (употребляю это слово, чтобы хоть как-нибудь назвать вещь, не имеющую названия) против Дюппеля перед атакой были, пожалуй, еще большим ребячеством²¹².

Что касается поведения Гранта под Ричмондом, то я пытаюсь объяснить его иначе. Я вполне разделяю твое мнение, что *стратегически* правильно было атаковать Ричмонд *с запада*. Но мне кажется — насколько можно судить, не имея точных сведений и на таком расстоянии, — что Грант предпочел восточное направление по двум соображениям:

1) Потому что здесь он мог легче обеспечить себя продовольствием. В западном направлении он мог использовать только путь на Фредериксбург и на Теннесси (оба эти пути вели через местности, истощенные войной), между тем как в восточном направлении перед ним были открыты дороги как на Фредериксбург, так и в районы Йорка и реки Джемс. Учитывая трудность снабжения крупных армий, сыгравшую в войне такую важную роль, я не могу с уверенностью осудить действия Гранта, не взвесив всех этих обстоятельств. Ты упрекаешь Гранта в том, что он повернулся спиной к *морю*, но если господствуешь на море и располагаешь надежными пунктами для посадки войск (Монроэ и Норфольк), то это является

преимуществом. Сравни походы Веллингтона в Испании и Крымский поход, во время которого союзники, победившие при Альме, положительно *бежали*, чтобы только обеспечить себе морское прикрытие с тыла к югу от Севастополя. Совершенно ясно, что обладание долиной Шенандоа было лучшей гарантией безопасности Вашингтона.

2) Но возникает вопрос, *действительно* ли Грант (а также и Линкольн) стремился вполне обезопасить Вашингтон? Мне кажется, наоборот, что при шаткости союзной конституции и при довольно безразличном отношении к войне в некоторых областях Севера Линкольн, в сущности, никогда не задавался серьезно целью прогнать конфедератов из Ричмонда, а, наоборот, хотел удержать их на таких позициях, чтобы они в известной степени угрожали Вашингтону, Пенсильвании и даже Нью-Йорку. В противном случае ему не удалось бы получить ни рекрутов, ни денег для того, чтобы довести войну до конца. Что Гранту за последние месяцы очень хотелось завладеть Ричмондом,— этому я охотно верю, но для этого ему не хватало сил. Силы его определяют в 70—90 тысяч человек, а силы Ли — от 50 до 70 тысяч. Если это соотношение приблизительно верно, то при том стратегически заведомо неправильном наступлении, которое им проведено, он добился максимум возможного, отняв у Ли всякую возможность вести активную оборону и окружив Ричмонд по крайней мере с трех сторон. Я не думаю, чтобы Ли, после того как он в течение двух лет выделялся среди всех остальных северных и южных генералов как раз своим умением блестяще проводить контрнаступление, отказался бы теперь от этого способа ведения войны, если бы он не был *вынужден* к этому. С другой стороны, Север необычайно выиграл от того, что ему удалось задержать лучшую армию Юга,— из-за ребяческого понятия о чести — у Ричмонда, т. е. в одном углу южной области, до тех пор, пока, благодаря завоеванию долины Миссисипи и походу Шермана, вся прилегающая территория не оказалась отрезанной и в военном отношении дезорганизованной для южан и пока все имеющиеся у Союза войска не получили возможности двинуться на Ричмонд, чтобы решительным ударом завершить все дело. Это, повидимому, сейчас и происходит.

Последние известия, полученные из Нью-Йорка, относятся к 25 февраля. В них есть сообщения о взятии Чарльстона и Вильминтона и о походе Шермана из Колумбии на Винсборо. Шерман является, повидимому, единственным человеком на Севере, который умеет добиваться победы с помощью ног своих солдат. Под его начальством есть, должно быть, великолепные ребята. Я с нетерпением жду развития событий. Если Ли правильно оценивает свое отчаянное положение, то ему не

остается ничего иного, как сняться с лагеря и идти на юг. Но куда? Для него *открыта* только дорога на Лайонсбург и Теннесси; но слишком рискованно вступать в узкую горную долину с одной железнодорожной линией, имея с фронта укрепленные Ноксвилль и Чаттануга. Кроме того, это, по всей вероятности, означало бы просто пожертвовать войсками Борегара, Харди и остальными отрядами конфедератов, стоящими в Северной Каролине, и подставить свой фланг Шерману. Или начать продвижение из Петербурга, опрокинуть левый фланг Гранта и двинуться прямо на юг против Шермана? Это рискованный, но более выгодный шаг, — единственный способ собрать вокруг себя остатки бегущей армии, задержать Гранта разрушением железной дороги и мостов и с превосходными силами напасть на Шермана. Если Шерман примет бой, имея против себя всю южную армию, то он несомненно будет разбит, а если он отступит к побережью, то он откроет Ли дорогу на Аугусту, где тот сможет дать первый отдых своей армии. Но в таком случае Шерман и Грант несомненно соединятся, и Ли опять придется иметь дело с превосходящими его силами и на этот раз сражаться почти в открытом поле, так как я не думаю, чтобы конфедераты смогли еще раз сосредоточить в каком-нибудь пункте внутри страны достаточное количество средств крепостной обороны, чтобы организовать новый Ричмонд. Но даже если бы они это сделали, они из одной ловушки попались бы в другую. Остается еще вторжение в области Севера. Джефферсон Дэвис вполне способен на это, но если бы это произошло, то все было бы кончено в две недели.

Но Ли может также послать только часть своих сил на юг, чтобы вместе с Борегаром и другими задержать Шермана. Это кажется мне наиболее вероятным исходом. В таком случае Шерман, по всей вероятности, их как следует «отлупит» (*wird sie «verhauen»*), как говорят в Южной Германии, и после этого Ли ничего уже больше не сможет сделать. Но если бы даже Шерман был разбит, то Ли получил бы только один месяц отсрочки и движущиеся со всех сторон с побережья войска, — не говоря уже о возможных победах Гранта над ослабленной ричмондской армией, — опять поставили бы его вскоре в такое же скверное положение, как и раньше. Как бы то ни было — дело идет к концу. Я с величайшим нетерпением жду каждого парохода, — ведь ошеломляющие известия сыплются, как из рога изобилия. Стратегические рассуждения здешних весьма многочисленных сторонников южан чрезвычайно комичны: все их можно свести к изречению польско-пфальцского генерала Шнайде, который при каждом бегстве говорил: «Мы поступаем совершенно так же, как Кошут».

Я очень благодарен тебе за твои сведения об американских вооруженных силах,— только они и дали мне ясную картину по ряду вопросов происходящей там войны. Пушки «Наполеон» я знаю давно; англичане *уже отказались от них* (они представляют собой легкие, гладкостенные 12-фунтовые орудия с зарядом в $\frac{1}{4}$ веса снаряда), когда Луи Бонапарт снова изобрел их. Прусских гаубиц вы можете приобрести сколько угодно, так как все они теперь сняты с вооружения и заменены нарезными 4-фунтовыми и 6-фунтовыми орудиями (которые стреляют 13- и 9-фунтовыми гранатами). Меня несколько не удивляет, что угол возвышения ваших гаубиц составляет всего 5°,— ведь у старых французских длинных гаубиц (до 1856 г.) угол возвышения был не больше, а английские, если не ошибаюсь, лишь немногим превосходили их в этом отношении. Навесная стрельба из гаубиц уже с давних пор применяется только у немцев, но значительная неточность попадания, особенно по дальности, создала ей дурную славу...

28

ЭНГЕЛЬС — МАРКОВ

Манчестер, 15 июля 1865 г.

...Политика м-ра Джонсона мне тоже все меньше нравится²¹³. Все резче выступает ненависть к неграм, а в отношении старых лордов Юга он проявляет полное бессилие. Если дело пойдет так дальше, то через шесть месяцев в вашингтонском Конгрессе будут заседать все прежние мошенники-сецессионисты. Без избирательного права для цветных тут не обойтись, а разрешение этого вопроса Джонсон предоставляет побежденным, рабовладельцам. Это слишком нелепо. Все же нужно полагать, что события разовьются иначе, чем это представляют себе господа бароны. Они в большинстве разорены и должны будут продавать землю переселенцам и спекулянтам с Севера. Те тотчас же появятся там и многое изменят. Я думаю, что опустившиеся белые станут постепенно вымирать. С этой расой ничего больше не поделаешь; те, что уцелеют после двух поколений, сольются с переселенцами в совершенно новую расу. Негры, вероятно, станут мелкими squatters [арендаторами], как на Ямайке. Таким образом, в конце концов олигархия все же погибнет, но этот процесс, который теперь мог бы быть закончен одним ударом, в данном случае станет затяжным...

29

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

Манчестер, 1 декабря 1865 г.

...Каждая следующая почта приносит известия о все более диких гнусностях на Ямайке *. Письма английских офицеров об их геройских подвигах против безоружных негров великолепны. Дух английской армии сказался здесь, наконец, хоть раз без всяких стеснений. «Солдат это забавляет». Даже «Manchester Guardian» вынужден на этот раз выступить против официальных властей Ямайки...

30

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

Манчестер, 2 апреля 1866 г.

...Что ты скажешь о Бисмарке? Теперь как будто кажется, что он толкает к войне и тем дает Луи Бонапарту наилучшую возможность получить без всякого труда кусок левого берега Рейна и благодаря этому упрочить свое положение на всю жизнь. Хотя каждый, кто виновен в этой войне,— если до нее дойдет дело,— заслуживает быть повешенным, и я с полным беспристрастием желаю распространения этого также на австрийцев, но все-таки мое первое желание — чтобы пруссаков здорово вздули. В этом случае мыслимы следующие возможности: 1) австрийцы в двухнедельный срок диктуют мир в Берлине; этим предотвращается прямое вмешательство заграницы и одновременно делается невозможным теперешний режим в Берлине, начинается другое движение, которое с самого начала отрицает специфически прусский дух; или же 2) в Берлине происходит переворот до прихода австрийцев, и тогда тоже начинается движение.

С точки зрения военной я полагаю, что обе армии приблизительно одинаковы по своей численности, и сражения будут очень кровопролитными. Но, конечно, Бенедек лучший генерал, чем принц Фридрих-Карл, и если Франц-Иосиф не будет помогать Бенедеку или если Фридрих-Карл не будет иметь способных и влиятельных штабных офицеров, то, как я полагаю, пруссаки будут побиты. Уже одно самохвальство после Дюпеля указывает на Иену.

Если первое сражение кончится решительным поражением пруссаков, ничто не помешает австрийцам двинуться на Бер-

* Имеется в виду кровавое подавление английскими властями восстания негров на Ямайке в 1865 г. *Ред.*

лин. Если же победит Пруссия, у нее после этого нехватит сил предпринять наступление на Вену через Дунай, а тем более через Пешт. Если их предоставить самим себе, то Австрия может принудить к миру Пруссию, но Пруссия Австрию — нет. Поэтому каждый успех Пруссии будет поощрять Бонапарта к вмешательству. Вообще же обе эти немецкие собаки, наверное, уже и теперь стараются перегнуть друг друга, предлагая наперебой третьему французскому псу германские области.

Твой Ф. Э.

31

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

Лондон, 7 июня 1866 г.

...Итак, война все-таки будет, если не случится какое-нибудь чудо. Пруссаки раскאותся в своем хвастовстве, и во всяком случае идиллии в Германии наступил конец. Прудоновская клика среди парижских студентов («*Comptier Français*») проповедует мир, объявляет войну устаревшей, национальности — бессмыслицей, нападает на Бисмарка и Гарибальди и т. д. Как полемика с шовинизмом эта тактика полезна и объяснима. Но когда верующие в Прудона (к ним принадлежат также мои здешние добрые друзья Лафарг и Лонге) думают, что вся Европа может и должна сидеть тихо и смирно на своей задней, пока господа во Франции отменят «нищету и невежество», под власть которых они тем более подпадают, чем сильнее кричат о «социальной науке», — то они смешны... ²¹⁴

32

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

Манчестер, 4 июля 1866 г.

...Что скажешь ты о пруссаках? Они с невероятною энергиею использовали первые успехи, и, не будь этой стремительности, Бенедек, вероятно, спокойно отступил бы к Ольмюцу; но, как известно, он вчера был вынужден принять сражение, и после всего происшедшего в результате нельзя было сомневаться. Еще не случалось, чтобы такое решительное сражение было закончено в восемь часов; при других обстоятельствах оно продолжалось бы два дня. Но игольчатое ружье — страшное оружие, и к тому же эти молодцы, действительно, дерутся со смелостью, которой я никогда не видел в таком мирном войске. Трудность положения штурмующих уравнивается превосходством их вооружения, и в этом

отношении пруссаки, повидимому, тоже сделали очень много. Бенедек со своим глубоким «планом» оказывается на поверку не только «ослом», но и колпаком. Как хорошо мог бы он, при достаточных силах, захватить этих молодцов в горах!

Во всяком случае, Бисмарк попытается теперь осуществить свою германскую империю, а в последнюю войдет и Богемия, которую он собирается отнять у австрийцев; этим он хочет восстановить связь между Силезией и Баварией. В договоре с Италией он выговорил себе австрийскую территорию, равноценную Венеции.

Берлин ведет себя опять с обычною подлостью и в конце концов на вчерашних выборах выбрал одних только министров. Что скажут теперь наши прогрессистские верблюды! ²¹⁵

Недурна комедия на Северо-Западе, а теперь она скоро будет недурна и на Юге.

Единственная гарантия против предательства, устроенного Бисмарком и Бонапартом, это совершенно неожиданный размер успехов. Теперь ему трудно будет сделать большие уступки, и бельгийцам придется, вероятно, кое-что вытерпеть...

33

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

Лондон, 7 июля 1866 г.

...На-ряду с большим поражением пруссаков, которое, быть может (уж эти берлинцы!), повело бы к революции, ничто не могло быть лучше, чем их безмерная победа. Бонапартовскую политику содействия «созданию» Пруссии Тьер разоблачил с таким успехом (ибо на-ряду с англичанами француз, собственно говоря, *ненавидит* только пруссаков), что Бустрапа * вынужден был изменить октроированную французам конституцию и по приказу «отменить» дебаты по поводу Адреса. (При сем прилагаю речь Ж. Фавра о Мексике и плохие шуточки Глэ-Бизуэна, дабы ты видел, каково было положение Бустрапы до начала войны.) Господин Бонапарт рассчитывал, что в борьбе между пруссаками и австрийцами чашка весов будет склоняться то на одну сторону, то на другую, так что в конце концов он сможет выступить между ними, утомленными, в роли Юпитера Скапена ²¹⁶. Успех пруссаков подвергнет его режим во Франции смертельной опасности (это его второй крупный просчет со времени американской гражданской войны), если ему не удастся диктовать условия мира. С другой стороны, тот же успех (мы ведь уже не живем в 1815 году) не даст прусской династии возможности поставить другие

* Сатирическое прозвище Луи-Наполеона. *Ред.*

условия, чем такие, которые Австрия должна будет отвергнуть, не говоря уже о невозможности для красавца-Вильгельма, этого второго Александра Великого, уступить Франции германские области...

...Разумеется, Бонапарт сейчас не хочет войны, пока он не ввел игольчатое ружье или другое оружие равной силы. Один прусский эмигрант-офицер (Вильке) уверяет, что какой-то *американец* предложил здесь военному министерству ружье, которое по абсолютной простоте конструкции, незначительной нагреваемости, меньшей потребности в чистке и дешевизне настолько же превосходит игольчатое ружье, насколько последнее превосходит «Old Bess» *. Наша теория об определении *организации труда средствами производства* нигде, кажется, так блестяще не подтверждается, как в «человекоубойной промышленности». Право, стоило бы, чтобы ты написал об этом что-нибудь (у меня для этого нехватает знаний), что можно было бы за твоей подписью внести в мою книгу ** в виде приложения. Подумай об этом, но если это делать, то надо делать для первого тома, где я эту тему исследую подробно. Ты понимаешь, как приятно было бы мне, если бы и в моем главном труде (до сих пор я писал только мелочи) ты фигурировал непосредственно в качестве соавтора, а не только цитировался!..

34

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

Манчестер, 16 января 1868 г.

...Прусский отчет посылаю тебе со специальным разъяснением. В сущности, нужно только рассмотреть помещенный там набросок расположения на 28 июля вечером, чтобы убедиться, что Бенедек сосредоточил на пространстве двух квадратных миль шесть корпусов (не считая кавалерии), которым со стороны кронпринца противостояли лишь 5-й корпус и одна бригада 6-го корпуса. Если бы Бенедек 29-го напал на Штейнмеца (5-й корпус), то последний был бы отброшен через горы к 6-му корпусу, и 30-го Бенедек мог бы, по крайней мере, с четырьмя корпусами вполне спокойно атаковать и отбросить гвардию и 1-й корпус, после чего осторожный Фридрих-Карл не решился бы действовать чересчур бойко. У Фридриха-Карла было пять корпусов, а против себя он имел бы, по меньшей мере, шесть; приказ к отступлению последовал бы несомненно, если бы отдельные три колонны кронпринца были разбиты, а вместе с тем и вся кампания приняла бы совершенно иной

* «Старая Бесс» — гладкоствольное ружье старого образца. *Ред.*

** Речь идет о «Капитале». *Ред.*

характер. Что австрийцы, в конце концов, при некоторой осторожности пруссаков, все-таки были бы побиты, это ясно уже из численного соотношения сил. Но прусские каналы были бы вынуждены выбросить за борт свою паршивую систему, и победителем были бы не реорганизация и Бисмарк, а народ.

Ключере (который и в Лондоне разыгрывал из себя фения²¹⁷) со своим планом милиции еще более нелеп, чем немцы. Американская война, где милиция была у обеих сторон, доказывает только, что милиционная система требует совершенно неслыханных жертв деньгами и людьми именно потому, что организация существует только на бумаге. Каково пришлось бы янки, если бы вместо южной милиции они имели против себя постоянное войско в несколько сот тысяч людей? Прежде чем Север успел бы сорганизоваться, они были бы уже в Нью-Йорке и Бостоне и продиктовали бы с помощью демократов мир, а потом Запад мог бы играть в сецессию. Хорош молодец, когда он говорит, что самое главное, это — хорошие офицеры и доверие людей к офицерам, — обе вещи при милиционной системе совершенно недостижимые! Что публике всегда импонирует в милиционной системе, так это большая масса людей, которая появляется сразу, и сравнительная легкость обучения людей, особенно перед лицом врага. Но в последнем нет ничего нового: старый Наполеон тоже умел формировать в полки и вести на врага рекрутов-трехмесячников, но для этого нужны хорошие кадры, а для них, в свою очередь, нечто иное, чем швейцарско-американская милиционная система. У янки и к концу войны кадры были еще очень неудовлетворительны. Со времени введения оружия, заряжающегося с казенной части, дело чистой милиции окончательно проиграно. Это не значит, что любая рациональная военная организация не помещается где-то посередине между прусскою и швейцарскою системой — но где? Это зависит в каждом отдельном случае от обстоятельств. Только коммунистически устроенное и воспитанное общество может достаточно приблизиться к милиционной системе, да и то лишь приблизительно...²¹⁸

35

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ.

Манчестер, 27 сентября 1869 г.

...Торговля Ирландии колоссально возросла за последние четырнадцать лет. Дублинскую гавань не узнать. На Кинстоунской набережной я слышал разговоры на разных языках: на итальянском, сербском, французском и датском, а также на норвежском. Поистине не мало «итальянцев» в Корке, как

говорится в комедии. Но сама страна производит впечатление совершенно безлюдной, и тотчас же приходит в голову мысль, что здесь слишком мало людей. Военное положение также повсюду бросается в глаза. Солдаты королевского Ирландского полка * разъезжают повсюду кучками с арканами, а местами и с револьверами сбоку и с полицейскими дубинками в руках; в Дублине через город проезжала запряженная батарея, чего я никогда не видал в Англии, а солдаты везде и повсюду...

36

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

Манчестер, 16 декабря 1869 г.

...Одновременно я читаю грантовский «Поход против Ричмонда» Кэннона **. Грант — упрямый осел, так мало доверял самому себе и своей армии, что, имея перед собою вдвое слабейшего Ли, он никогда не решался на самый простой фланговый маневр раньше, чем не ослаблял Ли многодневными фронтальными атаками, оставляя его на первоначальной позиции. Он опирался на простой арифметический расчет: если он будет терять трех человек, в то время как Ли теряет одного, то у Ли все же скорее не останется людей, чем у него. Такой кровавой бойни, как тогда, нигде не бывало. Стрельба по целым дням в лесах выводила из строя массу народа, лесистая местность очень затрудняла обходы, и это единственное извинение Гранта...

37

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

Манчестер, 15 августа 1870 г.

...Мне кажется, что дело обстоит следующим образом: Германия втянута Баденгэ *** в войну за ее национальное существование. Если она окажется побежденной Баденгэ, то бонапартизм укрепитя на многие годы, а Германии на многие годы,— может быть, на целые поколения,— конец. О самостоятельном немецком рабочем движении в таком случае не будет

* Имеется в виду специальное полицейское формирование в Ирландии. *Ред.*

** Cannon J. History of Grant's Campaign for the capture of Richmond (1864—1865), with an outline of the previous course of the American Civil war (История кампании Гранта с целью овладения Ричмондом (1864—1865) с кратким описанием предшествующего хода американской гражданской войны), London, 1869 г. *Ред.*

*** Прозвище. Луи-Наполеона. *Ред.*

и речи, борьба за восстановление национального бытия будет поглощать все силы, и в лучшем случае германские рабочие будут тащиться на буксире французских. Если Германия победит, то с французским бонапартизмом будет во всяком случае покончено, вечные раздоры из-за создания германского единства, наконец, прекратятся, германские рабочие смогут организоваться в совершенно ином национальном масштабе, чем до сих пор, а французские, какое бы там ни создалось правительство, будут несомненно иметь более свободное поле деятельности, чем при бонапартизме. Вся масса немецкого народа всех классов поняла, что в первую очередь дело идет именно о национальном существовании, и потому сразу заявила о поддержке. Мне представляется невозможным, чтобы при таких обстоятельствах какая-либо немецкая политическая партия проповедывала на манер Вильгельма* полную обструкцию и выдвигала всякого рода побочные соображения взамен главного...

...Я думаю, что наши могут:

1) примкнуть к национальному движению,— как оно сильно, ты видишь из письма Кугельмана,— постольку и до тех пор, пока оно ограничивается защитой Германии (это не исключает при известных обстоятельствах наступления вплоть до заключения мира);

2) подчеркивать при этом разницу между национально-германскими и династически-прусскими интересами;

3) противодействовать всякой аннексии Эльзаса и Лотарингии — у Бисмарка проглядывает намерение присоединить их к Баварии и Бадену;

4) как только в Париже у кормила правления окажется республиканское, нешовинистическое правительство,— добиваться почетного мира с ним;

5) постоянно подчеркивать единство интересов немецких и французских рабочих, которые не одобряли войны и не воюют друг с другом;

6) *Россия* — как в воззвании Интернационала**.

Забавно утверждение Вильгельма, что так как Бисмарк бывший сообщник Баденгэ, то правильная точка зрения — сохранять нейтралитет. Если бы таково было в Германии общее мнение, то скоро мы снова получили бы Рейнский союз²¹⁹, и благородный Вильгельм увидел бы, какую роль ему пришлось бы играть в нем и что стало бы с рабочим движением.

* Вильгельма Либкнехта. *Ред.*

** Имеется в виду первое Воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне от 23 июля 1870 г. (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, 1955, т. I). *Ред.*

Народ, получающий постоянно пинки и удары, — это, конечно, и есть настоящий народ, призванный совершить социальную революцию, и притом в излюбленных Вильгельмом бесчисленных мелких государствах.

Как мило, что этот бедняга пытается призвать меня к ответу за то, что «якобы» было напечатано в «*Elberfelder Zeitung*». Бедное животное!

Развал во Франции, видимо, ужасный. Все разорено, все продано, все расхищено. Шасспо плохи и оказываются негодными в бою, их уже больше нехватает, приходится разыскивать старые кремневые ружья. Тем не менее революционному правительству, если оно появится *скоро*, не следует отчаиваться. Но оно должно предоставить Париж его участи и продолжать войну, опираясь на юг. Возможно, что тогда оно сумеет продержаться до тех пор, пока не будет закуплено оружие и организованы новые войска, при помощи которых враг постепенно будет вновь оттеснен к границе. Собственно говоря, это было бы настоящим концом войны, пусть бы обе страны доказали друг другу свою непобедимость. Но если это скоро не произойдет, то комедии конец...

38

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

Рамсгет, 17 августа 1870 г.

...Притязания на Эльзас-Лотарингию преобладают, повидимому, в двух кругах — среди прусской камарильи и среди южно-германских квасных патриотов. Это было бы величайшим несчастьем — как для Европы, так в особенности для Германии. Ты, вероятно, заметил, что большинство русских газет говорит уже о необходимости европейского дипломатического вмешательства для сохранения европейского равновесия.

Кугельман смешивает оборонительную войну с оборонительными военными операциями. Значит, если какой-нибудь негодяй нападет на меня на улице, то я могу лишь парировать его удары, но не смею побить его, потому что превращусь тогда в *нападающего*! У всех этих людей в каждом слове проглядывает недостаток диалектики...

...А я оказался целиком прав в отношении Бонапарта, говоря о «похоронном звоне по Второй империи», которая «кончится тем же, чем началась: жалкой пародией»! * Можно ли себе представить лучшую пародию на поход Наполеона

* Из первого Воззвания Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне. *Ред.*

1814 года? Полагаю, мы оба являемся единственными людьми, которые с самого начала раскусили все *ничтожество* Бустрапы и видели в нем простого шарлатана; мы ни разу не позволили ввести себя в заблуждение его временными успехами.

Кстати. Буржуазная Лига мира послала Генеральному Совету Интернационала 20 фунтов для напечатания Воззвания на французском и немецком языках.

Привет.

Твой К. М.

39

МАРКС — КОМИТЕТУ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ .

Лондон, 1 сентября 1870 г.

Военная камарилья, профессура, бюргерство и трактирные политики утверждают, что это [захват Пруссией Эльзаса и Лотарингии] — средство навсегда оградить Германию от войны с Францией. Наоборот, это — вернейший способ превратить эту войну в европейскую *институцию*. Это — действительно наилучшее средство увековечить в обновленной Германии военный деспотизм как необходимое условие господства над *западной Польшей* — Эльзасом и Лотарингией. Это — безошибочный способ превратить будущий мир в простое перемирие до тех пор, пока Франция не окрепнет настолько, чтобы потребовать отнятую у нее территорию обратно. Это — безошибочное средство разорить Германию и Францию путем взаимного саморазрушения.

Негодяи и глупцы, которые изобрели такие гарантии вечного мира, должны были бы знать из прусской истории, на примере жестких условий, поставленных Наполеоном при заключении Тильзитского мира ²²⁰, что подобные насильственные меры для усмирения жизнеспособного народа приводят к прямо противоположным результатам. А что представляет из себя Франция, даже после потери Эльзаса и Лотарингии, по сравнению с Пруссией после Тильзитского мира!

Если французский шовинизм, пока держался *старый государственный порядок*, находил известное материальное оправдание в том, что с 1815 г. столица Франции — Париж, а тем самым и сама Франция оказывалась, после немногих проигранных сражений, беззащитной, то какую богатую пищу получит этот шовинизм, как только граница пройдет на востоке — у Вогезов, а на севере — у Меца?

Что лотарингцы и эльзасцы благословляют *германское правительство*, — этого не смеет утверждать даже и... тевтон. Теперь

провозглашается принцип пангерманизма и «надежных» границ; к хорошим же результатам для Германии и Европы приведет это на востоке!

Тот, кто не совсем еще оглушен теперешней шумихой или *не заинтересован* в том, чтобы оглушать германский народ, должен понять, что война 1870 г. так же неизбежно чревата войной между Россией и Германией, как война 1866 г. была чревата войной 1870 года.

Я говорю *неизбежно, непременно*, если,— что мало вероятно,— до того времени не вспыхнет *революция в России*.

Если этот маловероятный случай не произойдет, то войну между Германией и Россией уже сейчас надо рассматривать как совершившийся факт.

Будет ли эта война вредна или полезна,— целиком зависит от нынешнего поведения немцев-победителей.

Если они захватят Эльзас-Лотарингию, то Франция *вместе с Россией* будет воевать против Германии. Нет надобности указывать на губительные последствия подобной войны.

Если же они заключат с Францией почетный мир, то эта война освободит Европу от московитской диктатуры, растворит Пруссию в Германии, создаст возможность мирного развития на западе континента и, наконец, поможет прорваться социальной революции в России, элементы которой нуждаются для своего развития только в таком внешнем толчке, — стало быть, такая война будет полезна и для русского народа.

Но я опасаясь, что негодяи и глупцы будут беспрепятственно продолжать свою безумную игру, если весь германский рабочий класс не поднимет своего голоса.

...Нынешняя война открывает новую всемирно-историческую эпоху тем, что Германия, даже при условии исключения немецкой Австрии, доказала свою способность, *независимо от заграницы*, идти своей собственной дорогой. То, что Германия первоначально обретает свое *единство в прусской казарме*, является наказанием, ею вполне заслуженным. Но результат, хотя и *таким способом*, все же достигнут. Вздорные мелочи, как, например, конфликт между северогерманскими национал-либералами и южно-германской Народной партией, впредь не будут становиться понапрасну поперек дороги. Отношения развернутся в большом масштабе и упростятся. И если тогда германский рабочий класс не сыграет выпавшей на его долю исторической роли, то это — его вина. *Нынешняя война перенесла центр тяжести континентального рабочего движения из Франции в Германию.* Тем самым на германский рабочий класс ложится большая ответственность.

40

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

Манчестер, 4 сентября 1870 г.

Да что мне, просить Христа ради
Пушу и детей и жену!
Иная на сердце забота:
В плену император, в плену! *

Мировая история — величайшая поэтесса, она сумела пародировать самого Гейне. В плену император, в плену! И при этом еще в плену у «вонючих пруссаков», а бедный Вильгельм стоит тут же и уверяет в сотый раз, что он, право же, не виноват во всех этих историях и что все это божья воля! Вильгельм смахивает при этом на школьника: Кто создал вселенную?— Я, господин учитель, я это сделал, но, право, я больше не буду!

И вот появляется жалкий Жюль Фавр и предлагает, чтобы Паликао, Трошо и несколько простаков составили правительство. Такой сволочной компании еще свет не видал. Но все-таки надо ожидать, что когда это станет известно в Париже, то что-нибудь да произойдет. Не могу представить себе, чтобы этот поток новостей, который сегодня или завтра обрушится на публику, не произвел никакого впечатления. Может быть, это приведет к созданию левого правительства, которое, после некоторой видимости сопротивления, заключит мир.

Война подходит к концу. Армии во Франции больше нет. Как только Базен капитулирует,— что, наверное, случится на этой неделе,— одна половина немецкой армии направится к Парижу, другая перейдет Луару и очистит страну от всех скоплений вооруженных людей...

...В надувательстве с Эльзасом, наряду с древне-тевтонскими моментами, выдвигаются главным образом стратегические соображения: желание получить в качестве защитной линии Вогезы и немецкую Лотарингию. (Граница языков: если ты от Донона или Ширмека в Вогезах проведешь прямую линию на час пути восточнее Лонгви, где сходятся бельгийско-люксембургская и французская границы, то это почти точно; от Донона вдоль Вогезов к швейцарской границе.) Дело в том, что Вогезы севернее Донона не так высоки и круты, как южные. Полагать, что Франция будет «скована» благодаря тому, что у нее отнимут эту узкую полосу, в которой живет около 1 1/4 миллиона жителей, могут только ослы из «Staatsanzeiger» и Брасс и К^о. Вопли филистера о «гарантиях» вообще бессмысленны, но они имеют успех, потому что это выгодно придворным кругам...

* Из стихотворения Генриха Гейне «Два гренадера». Ред.

МАРКС — Э.-С. БИЗЛИ

Лондон, 16 сентября 1870 г.

...Худшие ожидания двух Манифестов Генерального совета Интернационала * уже сбылись.

Пруссия, объявив, что она ведет войну с Луи Бонапартом, а не с французским народом, воюет теперь с французским народом и заключает мир с Бонапартом. Она выдала секрет. Она объявила о своем намерении восстановить «в Тюильри» его или его семью. Подлый «Times» делает сегодня вид, что считает это лишь сплетнями. Он знает или должен был бы знать, что это было напечатано в берлинском «Staatsanzeiger» (пруссский «Moniteur»). Из полуофициальных прусских газет, таких, как «Кельнская газета», я вижу, что этот старый осел, король Вильгельм, верный традициям своей гогенцоллернской династии, уже припадает к стопам царя и умоляет его быть столь великодушным и послать его, своего слугу, против тупок! В последнее время реакция уже воцарилась в Германии. В качестве первого шага, как я уже Вам писал, наши брауншвейгские товарищи ** были арестованы и отправлены пешим этапом к восточной границе в кандалах, как простые уголовные. Но это только один факт из сотен.

После первой войны за независимость Германии против Наполеона I дикая и жестокая охота правительства на так называемых демагогов (*die demagogischen Untersuchungen* [следствия о демагогах]) продолжалась в течение целых 20 лет! Но тогда преследования начались только после окончания войны. Теперь они начинаются до заключения мира.

Тогда их преследования были направлены против ничтожных идеалистов и пустых юношей (студентов университетов) из среды буржуазии, бюрократии и аристократии. Теперь они направлены против рабочего класса.

Что касается меня, я в восторге от всех этих преступлений прусского правительства. Они расшевелият Германию. Вам следовало бы, по-моему, сделать теперь следующее: первый Манифест Генерального совета о войне опубликован полностью только в «Pall Mall», но выдержки из него и даже передовые статьи о нем появились во многих других газетах. На этот раз, хотя Манифест *** был разослан во все лондонские

* См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, 1955, т. I, стр. 445—457. *Ред.*

** Члены Брауншвейгского (Центрального) комитета Социал-демократической рабочей партии Германии. *Ред.*

*** Речь идет о втором Воззвании Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне от 9 сентября 1870 г. *Ред.*

газеты, ни одна не обратила на него ни малейшего внимания, за исключением «Pall Mall», которая дает очень краткие выдержки из него...

...На континенте, где публика уже привыкла к тому, что к манифестам Интернационала относятся серьезно и что они полностью воспроизводятся то одной, то другой газетой,— даже в Москве и Петербурге, даже во французских газетах под властью Бонапарта, даже теперь в Берлине,— нас неоднократно упрекали в том, что мы не желаем использовать «свободной» лондонской прессы. Они, конечно, не имеют никакого представления и даже не поверят крайней продажности этого подлого предприятия [concern], которое Вильям Коббет уже давно заклеил как «продажное, бесчестное и безграмотное».

Я думаю, что Вы оказали бы величайшую из возможных услуг Интернационалу,— и я позаботился бы о том, чтобы Ваша статья была перепечатана в наших газетах в Испании, Италии, Швейцарии, Бельгии, Голландии, Дании, Венгрии, Германии, Франции и Соединенных Штатах,— если бы Вы поместили в «Fortnightly Review» что-нибудь об Интернационале, о Манифестах Генерального совета о войне и о том обращении, которому мы подвергаемся со стороны этой образцовой прессы, этой «свободной» английской прессы! Эти господа в действительности в большем рабстве у прусской полиции, чем берлинские газеты...

42

МАРКС — Л. КУГЕЛЬМАНУ

Лондон, 13 декабря 1870 г.

...Повидимому, не только Бонапарт, его генералы и его армия захвачены в плен Германией, но вместе с ним и весь империализм со всеми его пороками акклиматизирован в стране дубов и лип.

Что касается немецких буржуа, то меня несколько не удивляет их опьянение завоеваниями. Во-первых, захват — это жизненный принцип всякой буржуазии, а захват чужих провинций всегда будет «захватом». Кроме того, немецкий буржуа так долго и покорно сносил всяческие пинки ногой от своих отцов отечества и особенно от Гогенцоллернов, что для него должно быть настоящим наслаждением, если этих пинков отведает для разнообразия и чужестранец.

Во всяком случае, эта война освободила нас от «буржуазных республиканцев». Она нанесла этой шайке окончательный и ужасный удар. И этот результат имеет большое значение.

Война дала нашим профессорам прекраснейший повод осрамить себя перед всем светом как холопствующих педантов. Условия, которые являются следствием этой войны, будут представлять из себя лучший материал для пропаганды наших принципов.

Здесь, в Англии, в начале войны настроение общества было ультра-прусским, теперь его сменило прямо противоположное. В кафе-шантанах, например, немецких певцов с их «Стражей на Рейне» освистывают, тогда как французским певцам, исполняющим «Марсельезу», подпевают хором. Кроме решительной симпатии народной массы к республике и досады «респектабельных» по поводу ныне очевидного союза Пруссии и России,— по поводу наглого тона прусской дипломатии со времени военных успехов,— кроме этого, всеобщее негодование вызвал способ ведения войны: система реквизиций, сжигание деревень, расстреливание партизан, взятие заложников и тому подобные повторения Тридцатилетней войны. Конечно, англичане поступали точно так же в Индии, на Ямайке и т. д., но французы — не индусы, не китайцы и не негры, а пруссаки — не «рожденные небом англичане!». Это чисто гогенцоллернская идея, будто народ совершает преступление, продолжая защищаться сам, когда все его постоянное войско уничтожено. В самом деле, прусская народная война против Наполеона I была настоящим бельмом на глазу у бравого Фридриха-Вильгельма III, как в этом можно убедиться из исторического труда профессора Пертца о Гнейзенау, который в своих законах о ландштурме возвел партизанскую войну в систему. Фридрих-Вильгельм III негодовал на то, что народ воевал самостоятельно и независимо от высочайших распоряжений.

Впрочем, еще посмотрим. Война во Франции может принять еще очень «неожиданное» направление. Противодействие, оказанное Луарской армией, «не входило в расчеты», и теперешнее разбрасывание немецких военных сил направо и налево, которое должно было терроризировать население, имеет на деле лишь тот результат, что вызывает повсюду к жизни оборонительную силу и ослабляет силу наступательную. Даже угроза бомбардировать Париж представляет из себя не что иное, как простую уловку. Серьезного впечатления на Париж она, судя по всем правилам теории вероятности, произвести не может. Разрушат несколько внешних укреплений, пробьют брешь, какой будет толк от этого, если число осажденных больше числа осаждающих? А если осажденные производят исключительно успешные вылазки, заставляя противника защищаться за окопами, то что выйдет, когда роли переменятся?

Единственным верным средством является принудить Париж к сдаче голодом. Но если такая осада затянется настолько,

что даст возможность образованию армий и развитию народной войны в провинциях, то и она не достигнет цели и лишь перенесет центр тяжести в другое место. Кроме того, даже и после капитуляции Парижа, который нельзя занять и удержать в повиновении какой-нибудь горстью людей, большая часть вторгнувшихся во Францию войск будет оторвана от военных действий.

Но как бы ни окончилась война, она обучила французский пролетариат владеть оружием, а это является лучшей гарантией будущего...

43

МАРКС — Л. КУГЕЛЬМАНУ

Лондон, 4 февраля 1871 г.

...Ты знаешь мой взгляд на героев буржуазии. Но г. Жюль Фавр (стяжавший себе дурную славу еще со времен временного правительства и Кавеньяка) и К^о превзошли, однако, все мои ожидания. Во-первых, они дали возможность этому «солдафону» и «военному кретину», как Бланки верно охарактеризовал Трошю, осуществить его «план». А план этот состоял просто в том, чтобы протянуть *пассивное сопротивление* Парижа до крайности, т. е. до момента, когда голод заставит сдаться, наступательную же борьбу ограничить, напротив, притворными маневрами, «платоническими вылазками». Я высказываю здесь не «предположение». Я знаю содержание одного письма, которое сам Жюль Фавр писал Гамбетте и где он жалуется, что он и другие члены той части правительства, которая находится в Париже, тщетно побуждали Трошю к серьезным наступательным действиям. Трошю отвечал постоянно, что тогда возьмет верх *парижская демагогия*. Гамбетта ответил ему: «Вы изрекли приговор самому себе». Трошю считал гораздо более важным держать в подчинении красных в Париже при помощи своей бретонской лейб-гвардии, которая оказывала ему те же услуги, что корсиканцы — Луи Бонапарту, чем побеждать пруссаков. Вот в чем настоящий секрет поражений не только в Париже, но и везде во Франции. Повсюду буржуазия — в согласии с большинством местных властей — действовала по этому же самому принципу.

Раз уже план Трошю был доведен до своего кульминационного пункта, — до того, что парижанам предстояло или сдаться, или умереть с голоду, — Жюль Фавр и К^о должны были просто последовать примеру коменданта крепости Туля. Этот комендант не капитулировал. Он просто заявил прусса-

кам, что из-за недостатка в съестных припасах он вынужден прекратить оборону и открыть ворота крепости. Пусть, дескать, осаждающие делают теперь, что угодно.

Но Жюль Фавр не довольствуется тем, что подписывает формальную капитуляцию. Объявляя себя самого, своих сотоварищей по правительству и Париж *военнопленными* прусского короля, он имеет наглость *выступать от имени всей Франции*. Что знал он о положении Франции, за исключением Парижа? Абсолютно ничего, кроме того, что ему соблаговолил сообщить Бисмарк.

Более того. Эти *господа, пленники прусского короля*, идут дальше и заявляют, что часть французского правительства, оставшаяся на свободе в Бордо, лишилась своих полномочий и имеет право действовать лишь в *согласии* с ними, *военнопленными прусского короля*. Но так как они сами, как военнопленные, *могут* действовать лишь по приказу победителя, то они тем самым провозгласили прусского короля *de facto* *высшей властью* во Франции.

Даже Луи Бонапарт, когда он сдался и был взят в плен при Седане, был менее бесстыден. На предложения Бисмарка он ответил, что не может вести переговоры, потому что, сделавшись прусским пленным, он потерял всякую власть во Франции.

В крайнем случае Жюль Фавр мог принять перемирие для всей Франции *условно*, т. е. если оно будет санкционировано правительством в Бордо, которое притом одно имело право и имело возможность обсудить отдельные статьи этого договора о перемирии с Пруссией. Правительство в Бордо во всяком случае не позволило бы Пруссии исключить из договора о перемирии *восточную* часть театра военных действий. Оно не позволило бы Пруссии округлить границу своей оккупационной линии таким выгодным для нее образом!

Бисмарк, обнаглев вследствие того, что его военнопленные узурпировали не принадлежащие им права и, будучи пленниками, продолжают разыгрывать роль французского правительства, — вмешивается уже без стеснения во внутренние французские дела. Он *протестует* — о благородный! — против декрета Гамбетты о всеобщих выборах в Национальное собрание, потому что этот декрет нарушает, дескать, свободу выборов! В самом деле! Гамбетта должен бы был ответить протестом против осадного положения в Германии и других германских порядков, уничтожающих свободу выборов в рейхстаг.

Я надеюсь, что Бисмарк будет настаивать на своих условиях мира! 400 миллионов фунтов стерлингов военной контрибуции — половина английского государственного долга! Это поймут даже французские буржуа! Может быть, они поймут,

наконец, что в худшем случае они *могут только выиграть* от продолжения войны.

Толпа, и знатная и простая, судит по внешности, по лицевой стороне, по непосредственному успеху. Так, она прославляла Луи Бонапарта на весь свет в течение 20 лет. Я же всегда, даже во время его апогея, разоблачал его как *посредственную каналью*. Таков же мой взгляд и на юнкера Бисмарка...

44

МАРКС — Л. КУГЕЛЬМАНУ

Лондон, 12 апреля 1871 г.

...Если ты заглянешь в последнюю главу моего «18-го брюмера» *, ты увидишь, что следующей попыткой французской революции я объявляю: не передать из одних рук в другие бюрократически-военную машину, как бывало до сих пор, а *сломать* ее, и именно таково предварительное условие всякой действительной народной революции на континенте. Как раз в этом и состоит попытка наших геройских парижских товарищей. Какая гибкость, какая историческая инициатива, какая способность самопожертвования у этих парижан! После шестимесячного голодания и разорения, вызванного гораздо более внутренней изменой, чем внешним врагом, они восстают под прусскими штыками, как будто войны между Францией и Германией и не было, как будто бы враг не стоял еще у ворот Парижа! История не знает еще примера подобного героизма! Если они окажутся побежденными, виной будет не что иное, как их «великодушие». Надо было сейчас же идти на Версаль, как только Винуа, а вслед за ним и реакционная часть парижской национальной гвардии бежали из Парижа. Момент был упущен из-за совестливости. Не хотели *начинать гражданской войны*, как будто бы чудовищный выродок Тьер не начал ее уже своей попыткой обезоружить Париж! Вторая ошибка: Центральный комитет ²²¹ слишком рано сложил свои полномочия, чтобы уступить место Коммуне. Опять-таки благодаря «честности», доведенной до мнительности! Как бы там ни было, теперешнее парижское восстание,— если оно даже и будет подавлено волками, свиньями и подлыми псами старого общества,— является славнейшим подвигом нашей партии со времени июньского восстания. Пусть сравнят с этими парижанами, готовыми штурмовать небо, холопов германско-прусской священной римской империи с ее допотопными маскарадами, отдающими запахом казармы, церкви, юнкерства, а больше всего филистерства...

* См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. второе, т. 8. Ред.

45

МАРКС — Л. КУТЕЛЬМАНУ

Лондон, 17 апреля 1871 г.

...Творить мировую историю было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо благоприятных шансов. С другой стороны, история имела бы очень мистический характер, если бы «случайности» не играли никакой роли. Эти случайности входят, конечно, сами составной частью в общий ход развития, уравниваясь с другими случайностями. Но ускорение и замедление в сильной степени зависят от этих «случайностей», среди которых фигурирует также и такой «случай», как характер людей, стоящих вначале во главе движения.

Решающий неблагоприятный «случай» на этот раз следует искать никоим образом не в общих условиях французского общества, а в присутствии во Франции пруссаков, стоящих у самого Парижа. Парижане знали это очень хорошо. Это знали и буржуазные версальские каналы. Потому-то они и поставили перед парижанами альтернативу: либо принять вызов к борьбе, либо сдать без борьбы. Деморализация рабочего класса в последнем случае была бы гораздо большим несчастьем, чем гибель какого угодно числа «вожаков». Борьба рабочего класса с классом капиталистов и государством, представляющим его интересы, вступила благодаря Парижской Коммуне в новую фазу. Как бы ни кончилось дело непосредственно на этот раз, новый исходный пункт всемирно-исторической важности все-таки завоеван..

46

МАРКС — Э.-С. БИЗЛИ

Лондон, 12 июня 1871 г.

...Если бы Коммуна послушалась моих предостережений! Я советовал ее членам укрепить северную сторону высот Монмартра — прусскую сторону, и у них было еще время это сделать; я предсказывал им, что иначе они окажутся в ловушке; я разоблачил им Пиа, Груссе и Везинье; я требовал, чтобы они немедленно прислали в Лондон все бумаги, компрометирующие членов [правительства] национальной обороны, чтобы таким образом до известной степени сдерживать неистовства врагов Коммуны, — тогда план версальцев был бы отчасти расстроен...

МАРКС — А. ГЮБЕРУ

Лондон, 10 августа 1871 г.

...Версальский прокурор составил смехотворный обвинительный акт против *Интернационала*. Может быть, было бы полезно в интересах защиты сообщить г. Биго следующие факты:

1) Препровождаемые при сем под № 1 два Воззвания *Генерального Совета* о франко-прусской войне. В своем первом Воззвании от 23 июля 1870 г. *Генеральный Совет* заявляет, что война была начата не французским народом, а империей и что по существу Бисмарк был так же виновен, как и Бонапарт. В то же время *Генеральный Совет* обращается к немецким рабочим с призывом не позволять прусскому правительству превратить оборонительную войну в войну завоевательную.

2) Второе Воззвание от 9 сентября 1870 г. (5 дней спустя после провозглашения республики) представляет собой весьма энергичное разоблачение завоевательных планов прусского правительства. Это призыв к немецким и английским рабочим стать на сторону *Французской республики*.

Действительно, в Германии рабочие, принадлежавшие к *Международному Товариществу*, оказали такое сильное сопротивление политике Бисмарка, что он приказал противозаконно лишить свободы и заключить в прусские крепости главных немецких представителей *Интернационала*, предъявив им ложное обвинение в «заговоре» с неприятелем.

В Лондоне, по призыву Совета, английские рабочие организовали большие митинги с целью принудить свое правительство признать Французскую республику и всеми силами сопротивляться расчленению Франции.

3) И далее: неужели французское правительство не знает о поддержке, которую *Интернационал* оказал Франции во время войны? Напротив. Консул Жюль Фавра в Вене, г. Лефевр, имел даже нескромность опубликовать — от имени французского правительства — благодарственное письмо гг. Либкнехту и Бебелю, двум представителям *Интернационала* в германском рейхстаге. В этом письме он говорит, между прочим (я перевожу его с немецкого перевода письма Лефевра): «Вы, господа, и *ваша партия* (т. е. *Интернационал*) одни остаетесь верны старой немецкой традиции, т. е. духу гуманности и т. д.»

И что же! Это письмо фигурирует на процессе о государственной измене, который саксонское правительство, под дав-

лением Бисмарка, вынуждено было начать против Либкнехта и Бебеля и который продолжается еще и в данный момент. Оно послужило Бисмарку предлогом арестовать Бебеля после отсрочки сессии германского рейхстага.

В тот самый момент, когда гнусные газеты доносили на меня Тьеру как на агента Бисмарка, Бисмарк заключил в тюрьму моих друзей по обвинению в государственной измене против Германии и дал приказ арестовать меня в случае моего появления в Германии.

4) За несколько времени до перемирия «добряк» *Жюль Фавр*, — как об этом сообщил *Генеральный Совет* в письме, помещенном в «*Times*» от 12 июня, копия которого приложена здесь (№ 2), — просил нас через своего личного секретаря, д-ра Рейтлингера, организовать в Лондоне общественные демонстрации в пользу «правительства обороны». Рейтлингер, как сообщает *Генеральный Совет* в своем письме в «*Times*», добавил, что не следует говорить о «*республике*», но только о «*Франции*». *Генеральный Совет* отказал в своем содействии демонстрациям *подобного рода*. Но все это доказывает, что само французское правительство считало *Интернационал* союзником Французской республики против прусского завоевателя. И действительно, он был единственным союзником Франции во время войны.

Братский привет.

К. М.

48

МАРКС И ЭНГЕЛЬС — ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СЛАВЯНСКОГО МИТИНГА, СОЗВАННОГО 21 МАРТА 1881 г. В ЧЕСТЬ ГОДОВЩИНЫ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

Гражданин!

С большим сожалением мы вынуждены сообщить Вам, что лишены возможности присутствовать на вашем митинге.

Когда Парижская Коммуна пала после свирепой бойни, устроенной защитниками «порядка», победители никак не предполагали, что не пройдет и десяти лет, как в далеком Петербурге произойдет событие, которое в конце концов должно будет неизбежно привести, хотя бы и после длительной и жестокой борьбы, к созданию Российской Коммуны.

Они никак не думали, что король Пруссии, который своей осадой Парижа заставил правящую буржуазию вооружить народ и тем самым подготовил создание Коммуны, — что этот король десять лет спустя сам окажется посаженным в свои

столице социалистами и сможет удержать свой трон, только объявив на осадном положении свою собственную столицу Берлин.

С другой стороны, континентальные правительства, которые после падения Коммуны своими преследованиями принудили Международное Товарищество Рабочих отказаться от своей формальной, внешней организации и которые считали, что смогут сокрушить великое международное рабочее движение декретами и исключительными законами,— эти правительства никак не предполагали, что через десять лет это международное рабочее движение, более мощное, чем когда-либо, охватит рабочий класс не только Европы, но и Америки, и что общая борьба за общие интересы против общего врага объединит рабочих в новый и более широкий, стихийно возникающий Интернационал, все больше и больше перерастающий все внешние формы организации.

Итак, Коммуна, которую державы старого мира считали стертой с лица земли,— жива! Она стала сильнее, чем когда бы то ни было, и мы можем вместе с вами воскликнуть: Да здравствует Коммуна!

49

ЭНГЕЛЬС — К. КАУТСКОМУ

Лондон, 12 сентября 1882 г.

...Вы спрашиваете меня, что думают английские рабочие о колониальной политике. То же самое, что они думают о политике вообще: то же самое, что думают о ней буржуа. Ведь здесь нет рабочей партии, есть только консервативная и либерально-радикальная, а рабочие преспокойно пользуются вместе с ними колониальной монополией Англии и ее монополией на мировом рынке. По моему мнению, собственно колонии, т. е. земли, занятые европейским населением, Канада, Кап, Австралия, все станут самостоятельными; напротив, только подчиненные земли, занятые туземцами, Индия, Алжир, голландские, португальские, испанские владения, пролетариату придется на время перенять и как можно быстрее привести к самостоятельности. Как именно развернется этот процесс, сказать трудно. Индия, может быть, сделает революцию, даже вероятно, и, так как освобождающийся пролетариат не может вести колониальных войн, то с этим придется помириться, причем, разумеется, дело не обойдется без всяческого разрушения. Но подобные вещи неотделимы от всех революций. То же самое может разыграться и в других еще местах, например, в Алжире и в Египте, и для нас это

было бы, несомненно, самое лучшее. У нас будет довольно работы у себя дома. Раз только будет реорганизована Европа и Северная Америка, это даст такую колоссальную силу и такой пример, что полудивилизованные страны сами собой потянутся за ними; об этом позаботятся одни уже экономические потребности. Какие социальные и политические фазы придется тогда проделать этим странам, пока они дойдут тоже до социалистической организации, об этом, я думаю, мы могли бы выставить лишь довольно праздные гипотезы. Одно лишь несомненно: победоносный пролетариат не может никакому чужому народу навязывать никакого осчастливления, не подорывая этим своей собственной победы. Разумеется, этим не исключаются никоим образом оборонительные войны различного рода...²²²

50

ЭНГЕЛЬС — А. БЕБЕЛЮ

Лондон, 28 октября 1885 г.

...О французах, по-моему, ты судишь не вполне справедливо. Масса в Париже «социалистична» в смысле более или менее нейтрального среднего социализма, который постепенно дистиллировался из Прудона, Луи Блана, Пьера Леру и т. д. Единственный их опыт, связанный с коммунизмом, это «Утопия» Кабэ; опыт этот закончился образцовой американской колонией, т. е. бегством из Франции, грызней и полубанкротством в Америке. Все, что выходит за пределы этого, они получают из Германии, и немудрено, что Франция,— страна, где с 1789 по 1850 г. политические идеи не только каждый раз впервые получали острую формулировку, но и переводились на язык практики,— немножко упрямится, не желая подписать свою отставку от руководящей роли в области революционной теории, в особенности после славной Коммуны, и к тому же в пользу Германии, которую парижские рабочие фактически победили в 1870 г., так как немецкая армия не осмелилась занять Париж; это — факт, кстати сказать, неслыханный во всей военной истории. А вдобавок подумай: откуда было французским рабочим притти к более правильным взглядам? Ведь даже французское издание «Капитала» для них — книга за семью печатями, и не только для них, но и для образованных слоев. Единственное, что они знают, это мое «Развитие социализма»*, и оно действительно произвело ошелом-

* Имеется в виду работа Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке», см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, 1955, т. 2.

ляющее впечатление. Ни один из вождей не знает немецкого языка. Я не считаю Вайяна, так как у него, как у бланкиста, совсем иная тактика, чем у нас. Г-жа Лафарг взялась, наконец, за перевод «Манифеста»* на хороший французский язык. Знакомство с теорией оставляет желать лучшего даже у вождей, и если бы ты знал Париж, ты бы понял, как там легко жить и агитировать, но как трудно работать всерьез. Итак, откуда у французских рабочих могли бы взяться правильные взгляды?

И еще одно — относительно выборов. У нас легко голосовать за социал-демократа, потому что мы единственная настоящая оппозиционная партия и потому что рейхстаг не имеет ведь никакого значения — так что избирателю, в конце концов, безразлично, голосовать ли за того или за другого и вообще за кого бы то ни было из породы «мы ведь все равно собаки». Впрочем, центр еще представляет собой партию с самостоятельной политикой. Но во Франции — совсем другое дело. Там палата — решающая сила в стране, и там не бросают на ветер свой избирательный бюллетень. Надо также помнить и то, что там гамбеттисты против монархистов, радикалы против гамбеттистов, это каждый раз — новый шаг вперед. Это подтверждается и на практике. В Германии с 1870 г. процветает юнкерская реакция, и все идет назад. У французов же теперь лучшие в мире школы, обязательное обучение, и, в то время как Бисмарк не может справиться с попами, во Франции они совершенно вытеснены из школ. Наша германская армия, если не считать прироста социал-демократических элементов, — еще более подлое орудие реакции, чем когда бы то ни было. Во Франции всеобщая воинская повинность чрезвычайно приблизила армию к народу, и именно армия в первую очередь делает невозможной монархию (ср. 1878 г.)...

51

ЭНГЕЛЬС — А. БЕБЕЛЮ

Лондон, 8 октября 1886 г.

Дорогой Бебель!

Пишу тебе сегодня в связи с моими беседами со стариком Иоганном-Филиппом Беккером, который пробыл у меня тут десять дней и теперь, вероятно, вернулся через Париж (где он неожиданно застал свою дочь в гробу!) в Женеву. Меня очень порадовала встреча с этим богатырем, хотя и состарившимся

* См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. второе, т. 4). Французский перевод, на который ссылается Энгельс, был опубликован в 1886 г. *Ред.*

физически, но все еще веселым и готовым к борьбе. Это герой нашей рейнско-франкской саги, как она воплощена в «Песне о Нибелунгах», — ни дать, ни взять воскресший скрипач Фелькер²²³.

Я давно уже предлагал ему написать свои воспоминания, и, по его словам, ты и другие тоже поощряли его к этому, да и сам он не прочь, — он даже не раз принимался за работу, но попытки опубликовать их отрывками не встретили подлинного сочувствия (так было в «Neue Welt», куда он несколько лет тому назад послал ряд чудесных вещей, но их признали недостаточно «новеллистическими», как ему сообщил через Моттелера Либкнехт)...

...Я считаю, что эту работу необходимо проделать, иначе Беккер унесет с собой в могилу множество ценнейшего исторического материала или же, в лучшем случае, эти материалы будут припрятаны или использованы нашими врагами и полуврагами, вульгарными демократами и т. п. Притом старик играл ведь очень значительную политическую и военную роль. В кампании 1849 г. он был единственным командиром, действительно вышедшим из народа, и своей доморощенной стратегией и тактикой, усвоенной в швейцарской армии, сделал больше, чем всякие там баденские и прусские офицеры, и при этом он все время придерживался правильной политической линии. Он вообще прирожденный народный полководец, обладающий изумительным присутствием духа и редкостным искусством руководить молодыми бойцами...

52

ЭНГЕЛЬС — Ф.-А. ЗОРГЕ

Лондон, 7 января 1868 г.

...Будем надеяться, что военная гроза пронесется мимо — ведь и без того все складывается настолько хорошо и в таком соответствии с нашими желаниями, что мы отлично можем обойтись без нарушения нормального хода вещей всеобщей войной, да еще войной таких грандиозных размеров, каких свет не видал. Впрочем, в конце концов и это обернулось бы в нашу пользу. Политика Бисмарка толпами гонит к нам рабочие и мелкобуржуазные массы; убожество с такой помпой возведенной социальной реформы оказывает чрезвычайно сильное воздействие, но эта реформа попросту предлог для репрессивных мер против рабочих (путткамеровский указ о стачках, предложение снова ввести рабочие книжки, обкрадывание профессиональных касс и касс взаимопомощи). Новый закон против социалистов мало повредит, статья о вы-

сылке на этот раз едва ли пройдет, а если и пройдет, то долговечность ее под вопросом. Ведь если бы старик Вильгельм скоро протянул ноги,— а это было бы нам всего больше на руку,— после этого кронпринц пришел бы к власти тоже на какие-нибудь полгода, то, вероятно, все пришло бы в расстройство. Бисмарк так усердно поработал над тем, чтобы совершенно устранить кронпринца и добиться регентства *молодого* Вильгельма, нахального гвардейского подпоручика, что в этом случае он был бы, вероятно, отстранен и политику его сменил бы кратковременный, полный иллюзий, либеральный режим. Этого было бы достаточно, чтобы разрушить веру филистера в незыблемость бисмарковского режима; и если бы даже после этого, при молодом олухе, Бисмарк снова вернулся бы к власти, то филистер все-таки перестал бы в него веровать; да и молодой олух — это все же не то, что старик. Ведь современные лже-Бонапарты ничто, если нет веры в них и в их непобедимость. И если бы после всего этого мальчишка и его ментор Бисмарк обнаглели и пустили в ход меры, еще более гнусные, чем теперь, то дело быстро дошло бы до критического пункта.

Война, напротив, отбросила бы нас на годы назад. Шовинизм затопил бы все, так как это была бы борьба за существование. Германия выставила бы около 5 миллионов солдат, или 10% населения, другие — около 4—5%, Россия — относительно меньше. Но всего на полях сражений было бы 10—15 миллионов людей. Хотел бы я видеть, как их прокормят; опустошение было бы такое же, как и в Тридцатилетнюю войну. И дело не кончилось бы быстро, несмотря на громадные военные силы. Ибо на северо-западной и юго-восточной границах Франция защищена очень широкой линией крепостей, а новые укрепления Парижа образцовы. Стало быть, это затянулось бы надолго, да и Россию тоже нельзя взять штурмом. Значит, если бы даже все пошло по желанию Бисмарка, то к нации были бы предъявлены такие требования, как никогда прежде, и вполне возможно, что оттяжка действительной войны и частичные неудачи вызвали бы переворот внутри страны. Если же немцы с самого начала были бы побиты или вынуждены к длительной обороне, тогда бы переворот произошел наверняка. Если же война была бы доведена до конца без внутренних потрясений, то наступило бы такое истощение, какого Европа не видела уже 200 лет. Победительницей оказалась бы по всей линии американская промышленность и поставила бы нас всех перед выбором: либо вернуться назад к земледелию только для *собственного потребления* (так как всякое другое было бы невозможно из-за американского хлеба), либо — социальный переворот. Вот

почему я думаю, что доводить дело до крайности, итти дальше мнимой войны не собираются. Но стоит только раздаться первому выстрелу, как вожжи выпадут из рук и лошади понесут...

53

ЭНГЕЛЬС — В. АДЛЕРУ

Лондон, 4 декабря 1889 г.

Дорогой Адлер,

Книгу Авенеля о Клоотсе * я предложил тебе *обработать* из следующих соображений:

По моему мнению (и по мнению Маркса), книга эта дает первое, основанное на изучении архивных материалов, правильное изображение специально *критического периода французской революции*, а именно — времени от 10 августа по 9 термидора ²²⁴.

Парижская коммуна и Клоотс были сторонниками войны для пропаганды революции, считая ее единственным средством спасения, тогда как Комитет общественного спасения *дипломатничал*, боялся европейской коалиции, искал мира посредством *раскола* коалиции. Дантон хотел мира с Англией, т. е. с Фоксом и с английской оппозицией, которая надеялась в результате выборов притти к власти. Робеспьер интриговал в Базеле с Австрией и Пруссией и хотел сговориться с *ними*. Оба они совместно боролись против коммуны, чтобы прежде всего свергнуть людей, которые хотели войны для пропаганды, распространения республиканского строя во всей Европе. Им удалось победить, коммуна (Эбер, Клоотс и др.) была обезглавлена. Но с этого момента стал невозможен мир между теми, кто хотел мира с одной лишь Англией, и теми, кто хотел заключить мир с одними лишь немецкими державами. Английские выборы прошли благоприятно для Питта; Фокс был на годы устранен от власти, это подорвало положение Дантона; Робеспьер победил и обезглавил его. Но — и этот пункт Авенель *недостаточно* подчеркнул — в то время террор достиг безумных размеров, он был необходим, чтобы помочь Робеспьеру при наличных внутренних условиях удержать власть в своих руках, однако террор стал совершенно излишним после победы при Флёрюсе, 24 июня 1794 года. Эта победа не только освободила границы, но передала Франции Бельгию и косвенным образом левый берег Рейна; Робеспьер стал тогда также лишним и пал 24 июля.

На всю французскую революцию огромное влияние ока-

* Avenel G. Anacharsis Cloots, l'orateur du genre humain [Анахарсис Клоотс, оратор человечества], Paris, 1865.

зывала война против коалиции, каждое биение ее пульса зависело от этой войны; проникает коалиционная армия во Францию — это вызывает преобладание блуждающего нерва, сильнее бьется сердце, наступает революционный кризис; армия коалиции должна отступать — получает преобладание симпатический нерв, сердце бьется медленнее, реакционные элементы снова выступают на первый план, плебеев — предтечу будущего пролетариата, энергия которых только и спасала революцию, — вразумляют и умирляют.

Трагично то, что партия войны беспощадной, войны за освобождение народов оказалась права, и республика победила всю Европу, но только уже после того, как сама эта партия давно была обезглавлена; и вместо войны, ведущейся для пропаганды, наступил Базельский мир и буржуазная оргия Директории²²⁵.

Книгу нужно совершенно переработать и сократить — декламацию надо выбросить, факты дополнить и изложить ясно по обыкновенным историческим книгам. Клоотс при этом может отступить совсем на задний план; из «Революционных понедельников» * можно вставить самое важное; таким образом, может получиться такая книга о революции, какой до сих пор еще не было.

Объяснение тому, как битва при Флёрюсе положила конец господству террора, дано в 1842 г. в «Рейнской Газете»²²⁶ (первой) К.-Ф. Кеппенем в его превосходной критике «Истории французской революции» Г. Лео...

54

ЭНГЕЛЬС — Ф. МЕРИНГУ

Лондон, 14 июля 1893 г.

...При изучении немецкой истории, которая представляет собой одно сплошное убожество, я всегда считал, что лишь сравнение с соответствующими эпохами истории Франции дает правильный масштаб, ибо там происходит как раз противоположное тому, что у нас. Там — образование национального государства из *disjecta membra* [разбросанных членов] феодального государства, у нас — в это время как раз период самого глубокого упадка. Там — редкостная объективная логика во всем ходе процесса, у нас — все более и более безнадежный развал. Там — в период средневековья чужеземное вторжение представлено английским завоевателем, который

* Сборник статей Авенеля о французской буржуазной революции конца XVIII в. *Ред.*

вмешивается в пользу провансальской национальности против северофранцузской. Войны с англичанами * представляют собой своего рода Тридцатилетнюю войну, но там эти войны оканчиваются изгнанием иностранных интервентов и покорением юга севером. Затем следует борьба центральной власти против опирающегося на свои иностранные владения бургундского вассала, роль которого соответствует роли Бранденбурга — Пруссии, но эта борьба оканчивается победой центральной власти и завершает образование национального государства. У нас как раз в этот момент национальное государство разваливается окончательно (если только «немецкое королевство» в пределах Священной римской империи²²⁷ можно назвать национальным государством) и начинается в больших масштабах разграбление немецких земель. Это для немцев в высшей степени постыдное сравнение, но оно тем более поучительно, и с тех пор как наши рабочие снова поставили Германию в первые ряды исторического движения, мы можем несколько легче проглотить позор прошлого...

55

ЭНГЕЛЬС — Ф.-А. ЗОРГЕ

Лондон, 10 ноября 1894 г.

...Война в Китае нанесла старому Китаю смертельный удар²²⁸. Замкнутость стала невозможной, внедрение железных дорог, паровых машин, электричества и крупной промышленности сделалось необходимостью, хотя бы в целях военной обороны. Но вместе с тем происходит распад и старинной экономической системы мелкой крестьянской культуры, при которой каждая семья сама вырабатывала для себя продукты промышленности, а следовательно, и всей старинной общественной системы, допускавшей сравнительно большую густоту населения. Миллионы окажутся выбитыми из колен и будут принуждены эмигрировать, эти миллионы найдут дорогу и в Европу и хлынут туда массами. Но китайская конкуренция как у нас, так и у вас быстро приведет к крайнему обострению, коль скоро станет массовой, и, таким образом, завоевание капитализмом Китая одновременно даст толчок к низвержению капитализма в Европе и Америке...

* Имеется в виду Столетняя война между Англией и Францией, продолжавшаяся с некоторыми перерывами с 1337 по 1453 г. *Ред.*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Под таким заголовком в настоящем издании публикуются три главы второго отдела книги Ф. Энгельса «Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом», или «Анти-Дюринг» (впервые опубликована в виде серии статей в 1877—1878 гг., отдельной книгой в 1878 г.). Эти три главы содержат критику «теории насилия» немецкого мелкобуржуазного вульгарного философа-эклектика Дюринга и изложение — в противовес теории Дюринга — важнейших положений исторического материализма.

Энгельс с позиций диалектического и исторического материализма раскрывает здесь связь между экономикой и политикой, показывая определяющую роль экономики, а также активное обратное воздействие политической надстройки на экономический базис. Энгельс вскрывает зависимость армии и флота от экономических условий и дает анализ материальных основ развития вооруженных сил и военной тактики.

Приведенный Энгельсом очерк развития военного дела от средних веков до 70-х годов XIX в. представляет собой глубокое обобщение истории войн, суммирование важнейших результатов, достигнутых в то время марксистской наукой в этой области.

В настоящем Сборнике этот обобщающий очерк предпослан другим военным произведениям Ф. Энгельса. — 3.

² Имеется в виду революционно-освободительная война за независимость 13 североамериканских колоний Англии, продолжавшаяся с 1775 по 1783 год. Основной причиной войны было стремление складывавшейся американской буржуазной нации к самостоятельности и к уничтожению тех преград для развития капитализма, которые создавала колониальная зависимость от Англии. В первые годы войны перевес был на стороне англичан, однако в октябре 1777 г. американские войска, одержав победу при Саратоге, добились перелома в ходе военных действий. Благоприятным фактором для североамериканских колоний явились противоречия между Англией и рядом европейских держав. В войну против Англии в 1778 г. вступила Франция, в 1779 г. — Испания, позднее — Голландия. Большую помощь североамериканским колониям оказала политика России, которая провозгласила в 1780 г. принцип вооруженной защиты нейтральных торговых судов, направляющихся в порты воюющих с Англией стран, и заключила договоры о поддержке вооруженного нейтралитета с Голландией, Данией, Швецией, Пруссией, Австрией и другими государствами. 19 октября 1781 г. главные силы англичан капитулировали при Йорктауне, и Англия вскоре должна была подписать мирный договор (окончательно в Версале в сентябре 1783 г.), признав независимость своих бывших колоний, которые образовали новое государство — Соединенные Штаты Америки.

В войне за независимость решающую роль сыграли широкие слои американских фермеров, рабочих, городской мелкой буржуазии. Они со-

ставляли главную массу американской милиции, в начале войны плохо обученной и слабо организованной, но значительно превосходившей по моральному духу и по тактике наемную армию Англии (в состав последней входило большое число наемников, набранных в немецких княжествах). Плоды победы достались, однако, американским плантаторам и крупной буржуазии, установившим в США режим беспощадной эксплуатации трудящихся и сохранившим рабство негров в южных штатах.— 12.

³ Французская буржуазная революция конца XVIII в. привела к конфликту между революционной Францией и феодально-абсолютистскими государствами Европы. Злейшим врагом французской революции явилась также английская аристократия и крупная буржуазия. В 1791 г. при поддержке Англии и царской России была образована контрреволюционная коалиция из Пруссии и Австрии, которые весной 1792 г. вступили в войну с Францией. В 1793 г. к коалиции открыто присоединились Англия, Голландия, Испания, Неаполь, Сардиния и ряд мелких германских и итальянских государств. Вторжение армий коалиции во Францию сопровождалось заговорами и мятежами против Французской республики внутри страны. Война против интервентов и внутренней контрреволюции вызвала огромный патриотический и революционный подъем среди народных масс Франции. 23 августа 1793 г. декретом Национального конвента был введен всеобщий набор, чем было положено начало созданию буржуазной системы массовых вооруженных сил. Революционные армии, значительная часть которых состояла из добровольцев, воодушевленные идеей защиты отечества, сумели в течение 1793—1794 гг. нанести ряд жестоких ударов врагу, перенеся на ряде участков фронта войну на вражескую территорию.

С падением революционного правительства якобинцев летом 1794 г. и переходом власти в руки крупной буржуазии войны Французской республики, которые до этого времени носили характер справедливых, освободительных войн, стали превращаться в захватнические войны, ведущиеся с целью порабощения других народов Европы. Это особенно стало обнаруживаться после контрреволюционного переворота генерала Наполеона Бонапарта в 1799 г. Прогрессивные изменения в организации вооруженных сил, в стратегии и тактике, осуществленные в годы революции, были использованы Наполеоном и поставлены им на службу завоевательной политике французской крупной буржуазии.— 13.

⁴ Это суждение касается перспектив развития военного дела в ближайшие после франко-прусской войны годы и не должно быть истолковано как отрицание возможности появления в дальнейшем новых средств вооруженной борьбы. В 80-х и 90-х годах XIX в. Энгельс ясно видел угрозу возникновения новых войн, гораздо более крупных, чем франко-прусская война, еще до того, как всемирная пролетарская революция покоячит с милитаризмом. В связи с этим он указывал на тенденцию к дальнейшему развитию военной техники, хотя и не мог, разумеется, полностью предусмотреть масштабы этого развития в эпоху империализма. В 1893 г. в работе «Может ли Европа разоружиться?» Энгельс писал следующее: «Какой странный контраст: наши высшие военные круги как раз в своей специальности большей частью страшно консервативны, а между тем едва ли найдется сейчас другая столь же революционная область, как военное дело. Шести- или семифунтовая гладкоствольная гаубица, которой я в свое время орудовал на Купферграбене, и нынешние нарезные орудия, заряжающиеся с казенной части; тогдашнее крупнокалиберное гладкоствольное ружье и нынешнее пятимиллиметровое магазинное ружье отделены друг от друга как будто столетиями; и это далеко еще не предел, ежедневно техника беспощадно выбрасывает вон то, что было только что введено в употребление. Она устраняет теперь даже романтический пороховой дым и тем самым придает сражению совершенно иной характер и

иное течение, которые абсолютно невозможно заранее рассчитать. И с подобными не поддающимися учету величинами нам придется все более и более считаться в условиях этого непрерывного революционизирования технической основы военного дела» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 343—344).— 15.

⁵ В 1872 г. в России был спущен на воду броненосец «Петр Великий», построенный по проекту адмирала А. А. Попова и обладавший первоклассными мореходными качествами и мощной броней. Создание такого броненосца является примером высокого искусства русских кораблестроителей. Однако в силу экономической отсталости царской России достижения русской науки и техники в этой области, как и во многих других, были реализованы крайне слабо.— 17.

⁶ *Тридцатилетняя война* 1618—1648 гг. началась восстанием в Чехии против гнета австрийских Габсбургов. Это восстание послужило сигналом для охватившей всю Европу борьбы между лагерем феодально-католической реакции (папа, испанские и австрийские Габсбурги, католические князья в Германии) и протестантскими странами (Чехия, Дания, Швеция, буржуазная Голландия, ряд немецких государств, принявших реформацию, и т. д.), которых поддерживали французские короли — соперники Габсбургов. Германия сделалась главной ареной этой борьбы, став вскоре объектом военного грабежа и захватнических притязаний участников войны. Война, носившая на первой стадии характер сопротивления реакционным силам феодально-абсолютистской Европы, превратилась, особенно с 1635 г., в ряд вторжений в Германию соперничавших друг с другом иноземных завоевателей.

В первый, чешский, период войны (1618—1624 гг.) борьба шла между восставшими чехами, поддержанными некоторыми протестантскими князьями, и императорско-католическим лагерем, закончившись поражением чехов и усилением реакции во всей Германии. В 1625 г. при содействии Франции против испанских и австрийских Габсбургов был заключен договор между Англией, Голландией и Данией. С началом второго, датского, периода войны (1625—1629 гг.) Тридцатилетняя война стала общеевропейской. Датские войска, однако, были разбиты императорско-католическими армиями, возглавляемыми Валленштейном и Тилли. В 1630 г. в войну включилась Швеция, стремившаяся под флагом защиты протестантских князей утвердиться на южном побережье Балтийского моря. Шведский период войны (1630—1634 гг.) начался рядом побед армии шведского короля Густава-Адольфа над армиями Тилли и Валленштейна, но в 1634 г. шведы были разбиты объединенными силами императора и Испании. В 1635 г. на стороне Швеции и протестантских князей открыто выступила Франция. Затяжной франко-шведский период войны окончился лишь в 1648 г. заключением Вестфальского мира, закрепившего политическую раздробленность Германии.— 29.

⁷ *Четыре июньских дня* — 23—26 июня 1848 г., в течение которых Париж был ареной мощного восстания пролетариата — крупнейшей классовой схватки между буржуазией и рабочими в период революции 1848 года. «...Первая великая гражданская война между пролетариатом и буржуазией», — так характеризовал значение июньского восстания В. И. Ленин (Сочинения, т. 29, стр. 283). Восстание было вызвано недовольством французских рабочих режимом буржуазной республики, провозглашенной в феврале 1848 г., а также их протестом против непрерывных посягательств буржуазии на те небольшие завоевания, которых пролетариат добился во время свержения монархии. Непосредственным поводом к вооруженному восстанию было закрытие буржуазным временным правительством учрежденных в марте 1848 г. национальных мастерских, в результате чего десятки тысяч рабочих остались без хлеба. Против восставших рабочих объединились все буржуазные партии, выступившие под лозунгом «защиты порядка». Генерал Кавеньяк, наделенный Учредитель-

ным собранием диктаторской властью, бросил против повстанцев линейные войска, буржуазную национальную гвардию и так называемую мобильную гвардию, сформированную в конце февраля 1848 г. из люмпен-пролетариата. Главными причинами поражения рабочих было отсутствие у них ясного классового сознания и последовательно революционной партии, оторванность парижского пролетариата от рабочих других центров, отсутствие союза с крестьянством.— 33.

⁸ «*Neue Rheinische Zeitung*» («Новая Рейнская газета») — наиболее последовательный революционно-демократический орган печати в Германии в период буржуазно-демократической революции 1848—1849 г., представлявший в общедемократическом движении интересы рабочего класса. Выходила ежедневно с 1 июня 1848 г. по 19 мая 1849 г. в Кёльне. Главным редактором был К. Маркс, в состав редакции входил Ф. Энгельс. Газета играла роль центра сплочения лучших пролетарских и демократических сил вокруг последовательной революционной программы, главным пунктом которой была борьба за единую демократическую германскую республику. «*Neue Rheinische Zeitung*» решительно выступила в защиту участников июньского пролетарского восстания в Париже и, отстаивая принципы пролетарского интернационализма, поддерживала национально-освободительную борьбу польского, венгерского, итальянского и других народов.— 35.

⁹ Ф. Энгельс имеет в виду активное участие генерала Кавеньяка в захватнических войнах, которые французские колонизаторы начинали с 1830 г. вели в Алжире с целью покорения этой страны. Вторжение французов в Алжир вызвало длительное и упорное сопротивление арабского населения, поднимавшего против захватчиков одно восстание за другим. С французской стороны война велась с исключительной жестокостью. Целые области подвергались опустошению, селения сжигались, пленным арабам отрезали уши, арабских женщин и детей продавали с аукциона. Палач июньского восстания парижских рабочих Кавеньяк, отправленный в Алжир в начале 30-х годов в чине капитана, сделал там крупную карьеру, став в 1847 г. губернатором одной из провинций. После февральской буржуазной революции 1848 года он был назначен губернатором всего Алжира и получил чин дивизионного генерала.— 36.

¹⁰ 13 вандемьера по республиканскому календарю (4 октября) 1795 г. против буржуазного правительства Французской республики дворянско-монархическими заговорщиками был поднят мятеж. Защита Национального конвента, который после падения в 1794 г. революционного правительства якобинцев играл роль главного политического оплота пришедшей к власти крупной буржуазии, была поручена генералу Наполеону Бонапарту. Подавляя мятеж, Бонапарт в широких масштабах применил артиллерию, рассеявшую отряды мятежников.— 37.

¹¹ Статья Ф. Энгельса писалась непосредственно вслед за событиями в Париже, и у него, разумеется, в тот момент не могло быть точных сведений о судьбе Керсози, которому посчастливилось избежать расстрела. Керсози — автор военного плана июньского восстания — в дальнейшем принимал участие в революционном движении во Франции и в борьбе за объединение Италии.— 40.

¹² *Лаццарони* — презрительная кличка деклассированных люмпен-пролетарских элементов в королевстве обеих Сицилий (или Неаполитанском королевстве), которые неоднократно использовались реакционно-монархическими кругами в борьбе против демократического и либерального движения. В данном случае имеется в виду участие лаццарони в подавлении народного восстания в Неаполе 15 мая 1848 г., направленного против контрреволюционных посягательств короля Фердинанда II и его клики на конституцию.— 45.

¹³ Имеются в виду две буржуазные революции во Франции: в июле 1830 года и в феврале 1848 года. Июльская революция привела к падению реставрированной в 1815 г. монархии Бурбонов, опиравшейся на

крупных землевладельцев. В результате ее был установлен режим буржуазной конституционной монархии (так называемой Июльской монархии) во главе с династией Орлеанов, опорой которых была финансовая буржуазия. В результате февральской революции 1848 года Июльская монархия была заменена буржуазной республикой (так называемой II-й республикой), в которой доступ к власти был открыт представителям всех слоев буржуазии.— 46.

¹⁴ 6 октября 1848 г. в Вене вспыхнуло народное восстание, вызванное попыткой контрреволюционной монархической клики, поддержанной крупной буржуазией, ликвидировать все завоевания мартовской буржуазной революции 1848 года в Австрии и восстановить абсолютистский режим. Поводом к революционному выступлению в Вене послужил императорский указ об отправке войск венского гарнизона в карательный поход против Венгрии, поднявшей знамя борьбы за свободу и независимость. Восставшие венские рабочие, ремесленники, торговцы, студенческий Академический легион, национальная гвардия сумели воспрепятствовать карательному походу и заставили бежать из города императора и его двор. Власть в Вене перешла к повстанцам. Однако, пользуясь отсутствием единства в лагере восставших (что было обусловлено неоднородностью его классового состава), нерешительностью мелкобуржуазных руководителей восстания и слабостью движения в поддержку Вены — из-за предательства буржуазии германских государств, — императорская клика сумела сконцентрировать значительные вооруженные силы вокруг Вены. После ожесточенных боев, продолжавшихся с 24 октября по 1 ноября 1848 г., Вена была взята и восстание потоплено в крови. Октябрьское восстание в Вене явилось кульминационным пунктом в развитии буржуазно-демократической революции в Австрии и Германии.— 47.

¹⁵ Накануне английской буржуазной революции XVII в. один из вождей буржуазии и обуржуазившегося «нового» дворянства Джон Гемпден отказался платить налоги, не утвержденные парламентом. Вызванный этим отказом процесс Гемпдена в 1637 г. способствовал росту оппозиции абсолютизму со стороны широких слоев английского общества.

Прологом к войне за независимость североамериканских колоний Англии (о ней см. примечание 2, стр. 730—731) послужили протесты американцев против произвольных налогов и пошлин, вводимых английским правительством в колониях, отказ платить гербовый сбор, бойкот английских товаров и т. д.— 48.

¹⁶ Общегерманское Национальное собрание открылось 18 мая 1848 г. во Франкфурте-на-Майне. Главной целью его созыва была ликвидация политической раздробленности Германии и выработка общегерманской конституции. Однако собрание не сделалось подлинным органом революционного объединения страны. Из-за трусости и колебаний либерального большинства Собрания, нерешительности и непоследовательности мелкобуржуазных левых элементов Франкфуртское собрание превратилось в простой дискуссионный клуб, отвлекавший массы парламентской болтовней от революционной борьбы. Собрание не имело реальной власти, отказавшись от формирования общегерманских вооруженных сил. Правительства германских государств мало считались как с Собранием, так и с созданным им центральным правительством, во главе которого был поставлен контрреволюционер — австрийский эрцгерцог Иоганн, объявленный общегерманским «имперским регентом». Франкфуртское собрание проявило крайнюю слабость в момент наступления контрреволюционных сил, ограничиваясь жалкой ролью посредника, посылкой делегатов (например, к австрийскому императору в Ольмюц во время подавления октябрьского восстания в Вене) с целью добиться соглашения с монархическими кругами. Лишь отдельные представители левого меньшинства принимали участие в революционных боях. Франкфуртское собрание прекратило свое существование летом 1849 г.— 50.

¹⁷ В конце марта 1849 г. Национальное собрание во Франкфурте-на-Майне закончило выработку общегерманской имперской конституции. Конституция, сохранившая многие черты партикуляризма в государственном строе Германии и монархическую форму правления (во главе Германии должен был стоять «император германцев»), явилась, однако, шагом к объединению страны. Имперская корона была предложена прусскому королю, но последний отклонил ее и отказался признать конституцию. Его примеру последовали другие немецкие монархи. В разгаре конфликта между Франкфуртским собранием и монархическо-контрреволюционным лагерем вспыхнули народные восстания в Саксонии, Рейнской области, Бадене и Пфальце. Восставшие действовали под лозунгом защиты имперской конституции, придав борьбе за ее принятие революционный характер вопреки желанию большинства членов Франкфуртского собрания. Борьба за имперскую конституцию, закончившаяся поражением повстанцев, была последним этапом буржуазно-демократической революции 1848—1849 гг. в Германии.— 51.

¹⁸ Развиваемые в этом месте Ф. Энгельсом взгляды являются краеугольными положениями марксизма по вопросу о тактике революционной партии во время вооруженного восстания. Эти положения были преданы забвению оппортунистами. Основатель и вождь Коммунистической партии Советского Союза В. И. Ленин, отстаивая революционное учение Маркса и Энгельса от ополнения и искажения его оппортунистическими «теоретиками» II Интернационала, восстановил в силе плодотворные идеи марксизма об отношении к вооруженному восстанию как к искусству. В своих работах, посвященных вооруженному восстанию, — «Уроки московского восстания» (1906 г.), «Марксизм и восстание» (сентябрь 1917 г.), «Советы постороннего» (октябрь 1917 г.) и др. — гениальный стратег революции В. И. Ленин дал образец дальнейшего творческого развития этих идей на основе всестороннего учета новых условий вооруженной борьбы в эпоху империализма и обобщения опыта российского и международного революционного движения, особенно богатейшего опыта революционных боев русского пролетариата и крестьянства в 1905—1907 и 1917 годах. Руководствуясь учением марксизма-ленинизма, Коммунистическая партия, возглавлявшая в октябре 1917 г. восстание пролетариата и крестьянской бедноты против власти помещиков и капиталистов, показала выдающийся пример использования и претворения в жизнь классических правил марксизма-ленинизма о вооруженном восстании и обеспечила победу Великой Октябрьской социалистической революции.— 54.

¹⁹ Публикуемые в Сборнике статьи Ф. Энгельса о Крымской войне охватывают ее второй этап — непосредственную борьбу России с Англией, Францией, Сардинией и Турцией. На первом этапе война велась между Турцией и Россией на Балканском и кавказском театрах военных действий.

Крымская война (1853—1856 гг.) возникла в результате столкновения захватнических стремлений на Ближнем Востоке и Балканах Англии и Франции, с одной стороны, и русского царизма — с другой. Правящие круги Англии и Франции стремились вытеснить Россию с берегов Черного моря, отторгнуть от нее Кавказ и Крым, ослабить позиции России на Балтике и Дальнем Востоке, подчинить себе полностью Турцию. Русский царизм старался обеспечить выгодный для русских помещиков и купцов режим черноморских проливов и упрочить свое влияние среди славянского населения балканских провинций Турции. В феврале 1853 г. Николай I направил в Константинополь миссию Меншикова для того, чтобы добиться признания своих притязаний. Однако Меншиков не получил удовлетворительного ответа и объявил о разрыве русско-турецких отношений. В феврале 1853 г. Англия и Франция заключили секретное соглашение о совместных действиях против России, а в мае направили свои эскадры к Дарданеллам. В свою очередь Николай I, рассчитывая оказать давление на Турцию, 14 июня при-

казал русским войскам вступить в Молдавию и Валахию. Но подстрекаемая Англией и Францией Турция не пошла на уступки. 27 сентября султан потребовал очищения «дунайских княжеств», а 4 октября 1853 г. объявил России войну. Первые же сражения обнаружили военную слабость Турции. 18 (30) ноября 1853 г. эскадра Черноморского флота под командованием П. С. Нахимова уничтожила турецкий флот в Синопской бухте. Это сорвало расчеты англичан и французов на ведение войны с Россией чужими руками; их ставка на Турцию оказалась битой. В декабре 1853 г., не объявляя войны России (она была объявлена только 15—16 марта 1854 г.), английское и французское правительства направили свои флоты в Черное море, начав также сосредоточение сухопутных сил в Варне для высадки в Крыму. Опираясь на огромный перевес в военноморских силах (в англо-французском флоте более половины судов составляли паровые корабли с винтовыми двигателями, в то время как русский Черноморский флот имел всего лишь несколько пароходов-фрегатов), семидесятитысячная англо-французско-турецкая армия высадилась 2—5 (14—17) сентября 1854 г. в Евпатории и двинулась к Севастополю. Первое крупное сражение произошло 8 (20) сентября на реке Альме (описано Ф. Энгельсом в статье «Кампания в Крыму»). В нем впервые было применено в широких масштабах нарезное оружие, обладавшее по сравнению с гладкоствольным, которым в основном была вооружена русская армия, большей дальностью. Несмотря на перевес сил у союзников, потери, которые они понесли от многочисленных контратак русских, были настолько велики, что они не противодействовали отходу русской армии к Бахчисараю, в результате чего для их войск возникла реальная угроза флангового удара. Однако главнокомандующий Меншиков не использовал благоприятной обстановки для нанесения этого удара во время движения англо-французской армии к Севастополю. Только благодаря решительности и энергии русских флотоводцев В. А. Корнилова, П. С. Нахимова и В. И. Истомина, а также патриотизму моряков и жителей города удалось подготовить к обороне незащищенный ранее с суши Севастополь. Героическая 349-дневная оборона Севастополя сорвала расчеты врага на быстрый успех в Крыму, приковала его главные силы и тем способствовала провалу захватнических планов англо-французов на Балтийском, Белом морях и Тихом океане.— 63.

²⁰ 13 (25) октября 1854 г. русские войска нанесли серьезный фланговый удар англо-турецким войскам у *Балаклавы*. Русские части под командой генерала Липранди выбили турок из редутов у деревни Кадикой и отразили контратаку крупных сил союзников. Свыше 70% английской кавалерии было выведено из строя. Однако русское главное командование не обеспечило развитие этого тактического успеха.— 63.

²¹ Ф. Энгельс не имел доступа к источникам, освещающим действия русской армии более объективно, чем это делала западноевропейская пресса. Этим объясняется наличие в статье неточного суждения о русской пехоте и казачьих частях. Военные события в Крыму и особенно оборона Севастополя показали, что русские солдаты успешно действовали как в сомкнутом строю, так и мелкими группами и подразделениями.— 64.

²² Сражение при *Цорндорфе* между прусской и русской армиями 14 (25) августа 1758 г. было одним из крупных сражений Семилетней войны (1756—1763 гг.). Война была вызвана захватническими стремлениями европейских феодально-абсолютистских держав, особенно Пруссии, и колониальным соперничеством Франции и Англии. Последняя выступала в союзе с Пруссией против коалиции Австрии, Франции и России, к которым присоединились Швеция и Саксония. В течение 1756—1757 гг. войска прусского короля Фридриха II нанесли жестокие поражения австрийцам и французам, однако вступление в 1757 г. русских войск в Восточную Пруссию и их дальнейшее продвижение уничтожило все ре-

зультаты прусских побед. Летом 1758 г. Фридрих II с численно превосходящими русскую армию силами дал русским сражение у деревни Цорндорф (неподалеку от Кюстрина). Многочисленные атаки прусских войск разбились о стойкость русской армии, нанесшей врагу своими контратаками и действиями артиллерии серьезные потери. Сражение при Цорндорфе и особенно победы русской армии в Пруссии в следующих 1759 и 1760 гг. высоко подняли военный авторитет России и, ослабив Пруссию, сорвали обширные завоевательные планы Фридриха II.

В сражении при *Прейсиш-Эйлау* (Восточная Пруссия), происходившем 26—27 января (7—8 февраля) 1807 г., русская армия, пришедшая на помощь разбитым Наполеоном в кампании 1806 г. пруссакам, встретилась с французской армией. Русские войска, по признанию самого врага, проявили исключительную стойкость, рассеяв в ходе кровопролитного сражения (потери каждой стороны достигали 25 тысяч) целый французский корпус и нанеся урон другим частям противника. Русские успешно использовали кавалерию (действовала тремя тактическими группами) и артиллерию; значительное влияние на ход сражения оказали тактические резервы, созданные русским командованием. В результате сражения движение французской армии было приостановлено и ее попытка отрезать русскую армию от русской границы сорвалась.

Сражение у села *Бородино* (в 110 км от Москвы) — величайшее сражение Отечественной войны 1812 г., происшедшее 26 августа (7 сентября) 1812 г. между русской армией и армией Наполеона. Бородинское сражение было первым генеральным сражением, проигранным Наполеоном. Его исход подготовил поворот в ходе войны в пользу русской армии и поражение наполеоновской армии, несмотря на вынужденное, но целесообразное в тех условиях оставление русской армией после сражения Москвы. Французская армия понесла в этом сражении огромные, невосполнимые потери (58 тысяч солдат и 47 генералов, в то время как русские потеряли убитыми и ранеными 44 тысячи солдат и 23 генерала), ее моральный дух был надломлен. В то же время Бородинское сражение показало нарастающую силу сопротивления русской армии и народа вторгшемуся врагу, высокие моральные и боевые качества русских войск, способность их к стойкой обороне и ответному удару, умение сочетать огневой и рукопашный бой и маневрировать в ходе боя. Бородинское сражение продемонстрировало выдающиеся черты полководческого искусства гениального русского полководца М. И. Кутузова. — 65.

²³ *«Трибуна»*, или *«Нью-Йоркская ежедневная трибуна»* (*«New-York Daily Tribune»*) — американская буржуазная газета, выходившая с 1841 г. по 1924 г. До начала 60-х годов XIX в. отражала взгляды демократически настроенных кругов буржуазии северных штатов, выступавших против олигархии рабовладельцев-плантаторов. С 1851 г. по март 1862 г. газета печатала статьи и корреспонденции Маркса и Энгельса. В 60-е годы газета стала утрачивать свой демократический характер и вскоре превратилась в рупор реакционной и агрессивной буржуазии. — 66.

²⁴ Помимо черноморского и кавказского театра, боевые действия в период Крымской войны развернулись на Балтике и Дальнем Востоке. На Балтийском море англо-французы поставили своей целью уничтожение Кронштадта и прорыв к Петербургу. В июле 1854 г. английское командование решило начать осаду Бомарзунда — недостроенной русской крепости на Аландских островах. Для овладения крепостью, имевшей двухтысячный гарнизон с 112 орудиями, соединенному англо-французскому флоту потребовалось около месяца. По крепости было выпущено 120 000 снарядов, был высажен одиннадцатитысячный десант, и только ценой крупных потерь Бомарзунд был взят. Этот тактический успех не оказал, однако, серьезного влияния на ход боевых действий на Балтике, которые в целом оказались безрезультатными для англо-французских военно-морских сил. — 68.

²⁵ Ф. Энгельс имеет в виду участие в 1808—1813 гг. Веллингтона в качестве командующего английскими экспедиционными войсками в Португалии и Испании в войне против французских войск Наполеона I. В ноябре 1807 г. французы, стремившиеся завладеть Пиренейским полуостровом и включить его в свою систему континентальной блокады Англии, вторглись в Португалию, а в 1808 г. Наполеон наводнил своими войсками Испанию, посадив на испанский престол своего брата Жозефа. Испанский народ ответил на это войной за независимость. Французские войска оказались в Испании в чрезвычайно трудном положении, что дало англичанам возможность закрепиться в Португалии и вести в общем успешные военные действия на Пиренейском полуострове. Разгром основных сил Наполеона в 1812 г. в России и усилившееся освободительное движение испанского народа явились решающими факторами, определившими поражение французских войск в 1813 г. и на испанском театре и успешный для англичан исход Пиренейской войны. Говори здесь о влиянии на нее случайных и второстепенных обстоятельств (вроде родственных связей Веллингтона в английском министерстве), Ф. Энгельс отнюдь не придает им какое-либо решающее значение и приводит их лишь как иллюстрацию к своей характеристике порочной системы британского военного управления. Как видно из письма Энгельса Марксу от 11 апреля 1851 г. (см. настоящий Сборник, ст. 668—669), Энгельс, всегда выступавший против идеалистического преувеличения роли полководцев, как и вообще роли личности в истории, давал весьма сдержанную оценку полководческому искусству Веллингтона, разоблачая созданную английской буржуазной шовинистической историографией легенду о якобы исключительной гениальности этого полководца.— 73.

²⁶ 18 брюмера (9 ноября) 1799 г. Наполеон Бонапарт и его сторонники произвели государственный переворот, завершивший процесс буржуазной контрреволюции во Франции, который начался со свержения революционного правительства якобинцев в 1794 г. В результате переворота была установлена диктатура Бонапарта, задушившего революционное движение и оставившего из завоеваний французской буржуазной революции лишь те, которые были выгодны крупной буржуазии. Свою диктаторскую власть Бонапарт, провозглашенный первым консулом, стремился закрепить успехом в войне с образованной еще в 1798 г. антифранцузской коалицией из Англии, Австрии, России, Испании, Неаполя и Турции. 14 июня 1800 г. в Ломбардии (северная Италия) армия Наполеона разбила австрийские войска генерала Меласа у *Маренго*. Эта победа, а также успешные действия против австрийцев другой французской армии, вторгшейся в Швабию и Баварию, привели к развалу враждебной Наполеону коалиции (русский император Павел I, сочувственно отнесшийся к контрреволюционному перевороту 18 брюмера и возмущенный вероломными действиями по отношению к России английских и австрийских союзников, фактически вышел из нее уже осенью 1800 г.). Позиции Наполеона в самой Франции были упрочены, и в 1804 г. он был объявлен императором французов.

Говоря о «втором издании 18 брюмера», Энгельс имеет в виду контрреволюционный государственный переворот 2 декабря 1851 г., в результате которого во Франции 2 декабря 1852 г. был установлен бонапартистский режим II-й империи во главе с Наполеоном III.— 77.

²⁷ В районе *Асперна* (селение в 8 км восточнее Вены) и Эслинга 21—22 мая 1809 г. произошло одно из крупных сражений австро-французской войны 1809 года. Война была вызвана стремлением французской крупной буржуазии превратить Австрийскую империю во второстепенное и зависимое государство и укрепить свое господствующее положение в Центральной Европе. В начале кампании австрийская армия вынуждена была отступить к Вене и, оставив ее, перейти на левый берег Дуная. Ее боеспособность, однако, была сохранена, и в сражении при Асперне она

нанесла французам поражение (потери французов составляли 37 тысяч, австрийцев — 20 тысяч). Чтобы спасти свои войска от разгрома, Наполеон должен был отвести их обратно на правый берег Дуная. В действиях австрийской армии сказался рост среди народов Европы национально-освободительного движения против наполеоновского гнета. Однако австрийское командование (эрцгерцог Карл) не использовало результата успехов при Асперне. Выиграв время и сосредоточив силы, Наполеон 5—6 июля одержал победу над австрийцами при Ваграме. Далеко не исчерпав возможностей для сопротивления, австрийский двор заключил 14 октября 1809 г. с Наполеоном Шёнбруннский мир, по которому Австрия теряла часть территории и вынуждена была присоединиться к континентальной блокаде. — 78.

²⁸ Разгром наполеоновской армии в России в 1812 г. сыграл решающую роль в падении империи Наполеона. Героическое сопротивление русской армии и русского народа нашествию войск Наполеона, умелые маневры и контрнаступление русских войск, приведшие к уничтожению огромной французской армии и к изгнанию захватчиков из пределов России, — все это не только нанесло огромные материальные потери наполеоновской империи, но и подорвало до основания ее военный престиж. Покоренные Наполеоном народы увидели в героической борьбе русских вдохновляющий пример мужественной защиты своей родины от иноземного захватчика. Было рассеяно представление о непобедимости наполеоновской армии. Кампания 1812 г. показала, что мудрая стратегия великого русского полководца М. И. Кутузова и тактика русской армии превосходят стратегию и тактику французской армии, которые имели много пороков (авантюризм, недооценка сил противника и т. д.). Как указывал И. В. Сталин, «наш гениальный полководец Кутузов... загубил Наполеона и его армию при помощи хорошо подготовленного контрнаступления» (журнал «Большевик» № 3, 1947 г., стр. 8). — 78.

²⁹ *Лейпцигское сражение* — решающее сражение кампании 1813 г. в войне государств Европы (России, Австрии, Пруссии, Швеции) против наполеоновской Франции. Со стороны Франции в сражении участвовали французские, польские, голландские, бельгийские, итальянские войска. Несмотря на отдельные успехи, одержанные наполеоновскими войсками весной и летом 1813 г., они все теснее окружались армиями союзников. В генеральном четырехдневном сражении у Лейпцига 4—7 (16—19) октября 1813 г. армия Наполеона была разбита и едва сумела вырваться из окружения, потеряв 60 тысяч убитыми и пленными. Потери союзников были также чрезвычайно велики. Выдающуюся роль в победоносном исходе сражения сыграли русские войска, согласованные действия которых опровергли замыслы Наполеона, пытавшегося разбить союзников по частям. Победа под Лейпцигом привела к освобождению Германии и Голландии от французского господства. — 78.

³⁰ Речь идет о совещании дипломатических представителей России, Австрии, Франции, Англии и Турции в марте 1855 г. в Вене. Предметом переговоров были предварительные условия заключения мира между державами, ведущими Крымскую войну. Переговоры были сорваны вследствие агрессивной позиции Англии и Франции, которые стремились не к миру, а к продолжению войны и предъявляли России крайне жесткие требования. В конце марта 1855 г. Венская конференция была прервана, а в июне 1855 г. окончательно объявлена закрытой. — 80.

³¹ Героическая оборона Севастополя отличалась активным характером. Опираясь на созданную русскими солдатами и матросами с участием гражданского населения мощную систему эшелонированной обороны (состояла из трех линий), защитники Севастополя выдержали шесть многодневных бомбардировок англо-французов и отбили ряд приступов. При этом севастопольцы постоянно применяли активные формы борьбы с противником (вылазки, особенно ночью; смелая контрминная борьба и под-

рыв минных галерей противника; сооружение впереди бастионов новых полевых укреплений и т. д.). В боях с англо-французами русские солдаты стихийно отказывались от устаревших тактических форм и стали применять вместо колонн новые боевые порядки (рассыпной строй). Защитникам Севастополя принадлежит также приоритет в создании стрелковых окопов, в применении системы траншей при оборудовании позиционной обороны. Важную роль в период Севастопольской обороны сыграла русская артиллерия. Она явилась главной огневой силой в обороне города. Умело сочетая артиллерийский огонь с использованием траншей, героические защитники Севастополя открыли новый этап в развитии военного и военно-морского искусства — они положили начало позиционным методам ведения войны. Организуя взаимодействие между сухопутными и морскими силами, защитники Севастополя показали поучительный пример обороны приморской крепости с суши и с моря в условиях решающего превосходства противника в вооружении и живой силе. — 82.

³² Взятие крепости Карса 16 (28) ноября 1855 г. завершало ряд успешных действий русских войск против турецкой армии на кавказском театре в период Крымской войны. Попытки турок вторгнуться в Грузию в июле 1854 г. и в Армению в августе 1854 г. закончились провалом. Русские войска овладели Баязетом и в июле 1855 г. обложили Карс, превращенный турками при помощи англичан в укрепленный плацдарм для вторжения в Закавказье. В помощь осажденному турецкому гарнизону в районе современного Сухуми была высажена 90-тысячная турецкая армия Омера-пашы, действия которой против русских оказались, однако, безуспешными. Осенью 1855 г. Карс пал. Его взятие явилось последним крупным событием Крымской войны. Истощение сил, бесперспективность дальнейших военных действий, внутренние трения в лагере союзников — все эти причины заставили французов и англичан согласиться на мирные переговоры, которые велись в Париже в феврале — марте 1856 г. Русская дипломатия сумела на Парижском конгрессе использовать противоречия между Францией и Англией и значительно ослабить их требования к России. Тем не менее по Парижскому миру Россия лишилась устьев Дуная, права держать в Черном море военно-морские силы (этот пункт был аннулирован уже в 1870 г.) и должна была возвратить Турции Карс. Поражение царской России было обусловлено ее крепостническим строем, ее экономической и технической отсталостью. — 86.

³³ *Варна, Браилов, Силистрия* — места боевых действий русской армии против турецких войск во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Эта война, развязыванию которой способствовали завоевательные стремления русского царизма (борьба за установление гегемонии на Балканах), сыграла в то же время роль крупного фактора в деле освобождения румын, сербов и греков от турецкого ига и в осуществлении русским народом его освободительной миссии по отношению к народам Балканского полуострова. Благодаря победам русских войск было также продвинуто вперед освобождение южных грузинских земель и начато освобождение Армении от власти турецких захватчиков. Во время кампании 1828—1829 гг. на Балканах главным препятствием для продвижения русской армии служили хорошо укрепленные и вооруженные турками (с помощью западноевропейских держав) крепости Браилов в Румынии (на левом берегу Дуная), Варна в Болгарии (на побережье Черного моря), Силистрия в Болгарии (на правом берегу Дуная) и другие. Осада Браилова началась в конце апреля 1828 г., а уже 6 (18) июня гарнизон крепости капитулировал. Варна была блокирована с суши и с моря в июле 1828 г. и, несмотря на то, что осаждавшие ее русские войска подверглись атакам тридцатитысячного турецкого корпуса, посланного на выручку крепости, была принуждена к сдаче 29 сентября (11 октября) 1828 г. Военные действия в районе Силистрии начали развешиваться с июня 1828 г., однако осенью 1828 г. были прерваны рус-

ским командованием из-за недостатка снарядов. В мае 1829 г. русские войска снова осадили крепость. 30 мая (11 июня) 1829 г. в этом районе, у деревни Кулевче, была наголову разгромлена турецкая полевая армия, а 18 (30) июня крепость сдалась. Последовавшие за этим героический переход русской армии через Балканы, занятие Адрианополя и выход на подступы к Константинополю заставили турецкое правительство поспешить с заключением Адрианопольского мира. Россия получила по нему устье Дуная и ряд территорий в Закавказье. Турция должна была признать автономию Греции и расширить автономию Молдавии, Валахии и Сербии.— 87.

³⁴ Имеется в виду конфликт между Пруссией и Швейцарской республикой из-за кантона Невшатель (или Нейенбург) в конце 1856— начале 1857 г. Прусские Гогенцоллерны еще в начале XVIII в. с помощью интриг добились провозглашения их князьями Невшателскими. Однако в 1815 г. княжество вошло в Швейцарский союз на правах самоуправляющегося кантона, а в 1848 г. в нем была введена республиканская конституция. В сентябре 1856 г. монархистские элементы, поддерживаемые прусским королем Фридрихом-Вильгельмом IV, пытались произвести в Невшателе государственный переворот. Арест их республиканскими властями вызвал угрозу вторжения со стороны Пруссии, начавшей военные приготовления. 16 января 1857 г. швейцарское правительство освободило заговорщиков-монархистов, однако конфликт был окончательно улажен только в мае 1857 г. при посредничестве Наполеона III. Фридрих-Вильгельм IV должен был отказаться от династических притязаний на Невшатель.— 95.

³⁵ Перечисленные сражения относятся к периоду победоносных освободительных войн швейцарского народа против австрийских феодалов (XIV в.) и Бургундского герцогства (вторая половина XV в.). В битве при *Моргартене* 15 ноября 1315 г. швейцарская пехота, состоявшая из свободных крестьян, наголову разбила рыцарское войско австрийского герцога Леопольда Габсбурга, преградив рыцарям путь в узком проходе у горы Моргартен и напав на них с флангов. Это была первая решительная победа швейцарцев, восставших против власти Габсбургов. При *Земпахе* (швейцарский кантон Люцерн) 9 июня 1386 г. швейцарцы разгромили спешенных австрийских рыцарей и обратили их в бегство. У *Грансона* (кантон Ваадт) швейцарские пехотинцы, вооруженные длинными пиками и алебардами, 2 марта 1476 г. отбросили рыцарскую конницу бургундского герцога Карла Смелого, пытавшегося захватить земли Швейцарского союза. 22 июня 1476 г. швейцарцы снова нанесли поражение войскам Карла Смелого при *Муртене* (город в кантоне Фрейбург). Эти победы швейцарцев подрывали мощь феодального Бургундского герцогства и способствовали его окончательному распаду в 1477 г. под натиском союзных французских, швейцарских, лотарингских и немецких сил.— 95.

³⁶ Знаменитый швейцарский поход русской армии под командованием А. В. Суворова явился образцом мужества и героизма русских солдат, примером блестящего полководческого искусства великого русского полководца. После победоносной кампании в северной Италии весной и летом 1799 г., во время которой русские войска под командованием Суворова очистили северную Италию от французов, армия Суворова была по настоянию австрийского правительства, обеспокоенного блестящими успехами своего союзника России и втайне надеявшегося на поражение русских, направлена в Швейцарию. Целью похода было соединение с русским корпусом Римского-Корсакова, фактически брошенного австрийцами в Швейцарии на произвол судьбы. После героического перехода с боями через Сен-Готард и прорыва от Люцернского озера в Муттенскую долину через горный хребет Росшток армия Суворова, оставшаяся без пушек и снарядов, оказалась в окружении четверо превосходивших ее сил

неприятеля, незадолго до этого разбившего корпус Корсакова. Однако благодаря исключительному героизму русских войск и умелым маневрам Суворова французы были отброшены и русская армия, совершив еще один блестящий переход через горный проход Паникс, вышла из Швейцарии в долину верхнего Рейна. В это время был расторгнут военный союз с Австрией и войска Суворова были отозваны в Россию.

Ф. Энгельс исключительно высоко оценивал этот поход русских войск, являвшийся классическим образцом боевых действий в условиях высокогорного театра ведения войны. В работе «По и Рейн» (1859 г.) Энгельс писал об этом походе 1799 г. следующее: «В сентябре того же года последовал поход Суворова, в котором, по образному и сильному выражению этого старика-солдата, «русский штык прорвался сквозь Альпы» (*Ruskij štyk prognal čres Alpow*). Большую часть своей артиллерии он послал через Шплуген, обходную колесную награвил по Валь-Бленно на Лукманир (пешеходная тропа на высоте 5948 футов) и оттуда через Сиксмадун (около 6500 футов) в долину верхней Рейссы, в то же время сам он перешел через Сен-Готард по едва проходимой тогда колесной дороге (высота 6594 фута). 24—26 сентября он штурмом захватил заграждения у Чортова моста; но по прибытии в Альтдорф он увидел перед собой озеро, а вокруг себя французов; тогда ему не оставалось ничего другого, как подняться по Шехенской долине, через Кинцигкульм, в долину реки Муотты. Прибыв туда, после того как он оставил всю артиллерию и обозы в долине Рейссы, он снова увидел перед собой превосходные силы французов, в то время как Лекурб продолжал следовать по его пятам. Тогда Суворов перешел через Прагель в долину реки Клон, чтобы этим путем достичь Рейнской равнины. В Нефельском дефиле он вновь натолкнулся на непреодолимое сопротивление неприятеля, и ему не оставалось ничего другого, как по тропе через проход Паникс, лежащий на высоте 8000 футов, добраться до долины верхнего Рейна и восстановить свои сообщения с Шплугеном. Переход начался 6 октября, а 10-го его главная квартира была уже в Иланце. Этот переход был самым выдающимся из всех современных альпийских переходов» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XI, ч. II, стр. 13).— 97.

³⁷ В кампании 1796—1797 гг. генерал Бонапарт, поставленный во главе армии, предназначенной для вторжения в северную Италию, нанес решительное поражение союзным австрийским и пьемонтским (сардинским) войскам. В апреле 1796 г. войска Бонапарта нанесли несколько ударов австрийцам и затем, разбив пьемонтскую армию, вынудили сардинского короля заключить перемирие. После этого все силы были брошены Бонапартом против австрийцев. В мае 1796 г. французы взяли Милан и заставили австрийцев отступить из Ломбардии. Дальнейший ход войны осенью 1796 и весной 1797 г. привел к проигрышу австрийцами ряда новых сражений, к сдаче ими сильнейшей крепости Мантуи и к продвижению армии Бонапарта через Юлийские Альпы на Вену. Австрийское правительство вынуждено было начать мирные переговоры и подписать продиктованный ему Бонапартом Кампоформийский мир. Победы армии Бонапарта в Италии побудили французское буржуазное правительство (Директорию) послать его в 1798 г. в экспедицию для завоевания Египта. Однако осенью 1798 г. против Франции образовалась новая коалиция из Англии, Австрии, России и других государств. Разгром войсками А. В. Суворова французских армий в северной Италии свел на нет все успехи Бонапарта в кампании 1796—1797 гг. Бросив армию в Египте, Бонапарт вернулся во Францию и, воспользовавшись напряженностью внутренней и внешней обстановки, вместе со своими сообщниками произвел государственный переворот, свергнув Директорию. За этим последовала его новая кампания, уже в качестве первого консула, против австрийцев в северной Италии (о ней см. примечание 26, стр. 738).— 97.

³⁸ Речь идет о восстании тироляских крестьян под руководством

Андреаса Гофера и освободительной войне их против наполеоновских войск в 1809 г., а также о партизанской борьбе испанского народа против французских захватчиков в 1808—1813 гг. (см. примечание 25, стр. 738), важнейшими очагами которой служили горные районы Пиренеев. Война в Тироле, который был в 1805 г. насильственно отторгнут Наполеоном от Австрии и присоединен к его вассалу Баварии, привела в августе—октябре 1809 г. к успеху повстанцев, однако поражение австрийцев в австро-французской войне 1809 г. заставило австрийский двор вновь признать фактический французский протекторат над Тиролем. Попытка Гофера снова поднять восстание против французов потерпела неудачу. Попав в плен, он был расстрелян. Тироль был возвращен Австрии в 1814 г., после падения Наполеона.— 100.

³⁹ Карлистское восстание в Испании было поднято в 1833 г. реакционными абсолютистскими элементами католического духовенства, помещиков и офицеров армии, группировавшимися вокруг претендента на испанский престол дона Карлоса. Карлисты пытались свергнуть власть регентши Марии-Христины, правившей от имени своей малолетней дочери королевы Изабеллы, и отменить реформы, проведенные в интересах буржуазии и либеральных помещиков. Опорой реакционеров-карлистов были феодальные элементы экономически отсталых районов Испании, особенно горных областей—Басконии и Наварры. В 1839 г. значительная часть карлистов капитулировала, а в 1840 г. их мятеж был окончательно ликвидирован.

Война горцев Северного Кавказа против царской России, начавшаяся в конце 20-х годов XIX в., была вызвана колонизаторской политикой царизма и гнетом поддерживаемых царским правительством местных феодалов. Освободительное в целом движение горцев отличалось в то же время, в силу отсталости и патриархального характера общественного строя горских народов, некоторыми реакционными чертами. Во главе движения стояли, как правило, приверженцы мюридизма—наиболее фанатического и воинственного из течений ислама. Опираясь на мусульманское духовенство, используя недовольство горцев, мюриды сумели собрать против царских войск значительные силы. В 30-х годах им удалось создать в Дагестане и Чечне свою религиозную военно-государственную организацию во главе с Шамилем. Движением, возглавляемым Шамилем, пытались воспользоваться в захватнических целях Турция и Англия, стремившиеся отторгнуть Кавказ от России (присоединение к России, несмотря на масилы царизма, имело глубоко прогрессивные последствия для народов Кавказа). Борьба против Шамиля, укрепившегося в горных крепостях, представляла серьезные трудности и затянулась на несколько десятилетий. Однако в ходе этой войны русские войска, несмотря на упорное сопротивление горцев, неоднократно показывали образцы успешных действий в горной местности (приведенное ниже Ф. Энгельсом мнение о непригодности русских войск к ведению горной войны основано на неточных источниках). В 1839 г. русские войска взяли главное укрепление Шамиля Ахульго; они отбили все его попытки вторгнуться из Чечни и Дагестана в другие районы Кавказа, в частности в Грузию (во время Крымской войны). По окончании Крымской войны русские войска стали наносить силам Шамиля одно поражение за другим и в августе 1859 г. овладели их последним убежищем—укреплением Гуниб. Поражению Шамиля способствовало образование из мюридов новой феодальной знати, угнетавшей крестьян, которые стали отходить от Шамиля.— 100.

⁴⁰ Имеется в виду захватническая война Англии против Китая в 1839—1842 гг. Предлогом для нападения на Китай английских колонизаторов послужили меры, принятые китайским правительством против контрабандного ввоза опиума англичанами. Отсюда название: «1-я опиумная война». Пользуясь слабостью правившей в Китае феодальной

маньчжурской династии и военно-технической отсталостью Китая, колонизаторы блокировали китайские порты и приморские города. В 1842 г. военно-морские силы англичан начали вторжение во внутренние области Китая, захватив 19 июня 1842 г. Шанхай и устье Янцзы и двинувшись вверх по реке. В августе 1842 г. английские военные суда подошли к Нанкину. Богдыханское правительство вынуждено было подписать кабальный Нанкинский договор, согласившись открыть англичанам для беспешинной торговли пять портов, предоставить им льготы и привилегии в Китае и уплатить огромную контрибуцию. Захватническая экспедиция английских колонизаторов послужила сигналом для превращения Китая в объект колониальной экспансии буржуазии и других европейских стран, а также США.— 102.

⁴¹ В октябре 1856 г. английские колонизаторы вновь начали военные действия против Китая. Поводом к ним был арест китайскими властями китайского контрабандистского судна, шедшего под английским флагом. Последним обстоятельством английские колониальные власти воспользовались как предлогом для предъявления Китаю наглых требований, подкрепленных варварской бомбардировкой Кантона. Весной 1857 г., когда Ф. Энгельс писал свою статью, из Англии в Китай была направлена военная эскадра с десантом, однако национальное восстание в Индии заставило англичан высадить там эти войска. Операции против Китая были временно прекращены, но осенью 1857 г. английские колонизаторы, к которым присоединились и французские, возобновили эту грабительскую («2-ю опиумную») войну. Взятие Кантона и появление весной 1858 г. англо-французского флота на подступах к Тяньцзиню заставило богдыхана подписать неравноправный Тяньцзинский мирный договор, который вскоре же был вероломно нарушен самими же англо-французами, навязавшими в 1860 г. Китаю после новой войны («3-я опиумная война») еще более тяжелые условия мира (Пекинский договор, превративший Китай фактически в полуколониальную страну).— 104.

⁴² В 1851 г. в Китае развернулось широкое антифеодальное крестьянское освободительное движение, вошедшее в историю под названием восстания тайпинов («Тайпин тянь-го» или «Небесное царство великого благоденствия» — так называли повстанцы основанное ими государство). Начавшись на юге, в провинции Гуанси, восстание распространилось затем на центральные районы и охватило почти все области нижнего и среднего течения Янцзы. В 1853 г. армия повстанцев завладела Нанкином, превращенным в столицу государства тайпинов. Нанкин стал резиденцией «царя небесного» («тянь-ваня»), формально считавшегося главой тайпинского государства, но фактически не имевшего в этом государстве, организованном на демократических началах, сколько-нибудь значительной власти. Однако к моменту написания данной статьи Энгельсом в крестьянском государстве тайпинов усилился процесс выделения эксплуататорской верхушки, ослаблявший силу движения. Восстание тайпинов было с исключительной жестокостью подавлено в 1864 г. войсками англо-франко-американских интервентов и карательной армией маньчжурской династии.— 104.

⁴³ Речь идет о войне Англии с Ираном в 1856—1857 гг. Поводом к ней была попытка правителей Ирана захватить часть афганской территории (Герат), использованная англичанами для вооруженного вмешательства с целью закабаления как Ирана, так и Афганистана под предлогом «защиты» последнего. Осенью 1856 г. английские войска начали военные действия, захватив вскоре порт Бендер-Бушир в Персидском заливе, а в марте 1857 г. они заняли другой иранский город — Мохаммеру. Однако начавшееся в Индии восстание против английского господства побудило английское правительство поспешить с заключением мира с Ираном (март 1857 г.) и эвакуировать свои войска, не осуществив полностью своих колонизаторских планов.— 106.

⁴⁴ Русско-турецкая война 1806—1812 гг. была развязана господ-

ствующими классами Турции, подстрекаемыми агентами наполеоновской Франции. Однако, заключив с Россией в 1807 г. мир, Наполеон вынужден был формально прекратить помощь Турции, которая и до этого терпела поражения от русских войск, занявших Молдавию и Валахию. В 1811 г. командующим Молдавской армией был назначен М. И. Кутузов, проявивший себя на этом посту как выдающийся стратег и искуснейший дипломат. Кутузов стремился вывести Турцию из войны до начала готовившегося нашествия Наполеона на Россию. Предпринятые им с этой целью боевые действия привели к окружению и разгрому сорокатысячной турецкой армии на берегах Дуная в районе Слободзеи. Турция вынуждена была заключить в мае 1812 г. Бухарестский мир, по которому к России переходила Бессарабия. Расчеты Наполеона на использование турецкой армии при вторжении в Россию были сорваны. Во время русско-турецкой войны Россия оказала братскую помощь сербскому народу, восставшему в 1804 г. против турецкого господства, и добилась признания турками автономии Сербии. О русско-турецкой войне 1828—1829 гг. см. примечание 33, стр. 740—741.— 107.

⁴⁵ Это указание содержит неточность, источником которой является неправильное освещение западноевропейской прессой хода военных действий во время Крымской войны. При *Ольтенице* (город в Румынии) в начальной стадии Крымской войны (балканский театр) 23 октября (4 ноября) 1853 г. произошло сражение между турецкими частями, переправившимися на левый берег Дуная, и атаковавшим их отрядом русских войск. Атака оказалась безрезультатной главным образом из-за беспомощности и нерешительности командования (Данненберг), оставившего атакующих без необходимого резерва и в решающий момент отдавшего приказ об отступлении. Однако и турецкие части вскоре сами должны были вернуться на правый берег Дуная. При *Четати* (деревня в Румынии) 25 декабря 1853 г. (6 января 1854 г.) атака значительных турецких сил (до 18 тысяч) была отражена небольшим отрядом русских войск, который, отступив сначала на другой оборонительный рубеж, сумел на нем закрепиться, несмотря на яростный натиск турок и большие потери, понесенные при отступлении. Получив затем подкрепление, отряд сам перешел в наступление и заставил противника отойти. Еще менее успешными были для турецкой армии действия против русских войск на кавказском театре войны, в частности в районе *Карса* и на сухумском участке в районе реки *Ингура* (об этом см. статью Ф. Энгельса «Война в Азии», стр. 86—91 настоящего Сборника).— 107.

⁴⁶ Вооруженное нападение на Китай западноевропейская буржуазия выдавала за войну «защитников цивилизации» против «варваров», а партизанские действия китайского народа против захватчиков лицемерно и лживо изображала как проявление якобы присущей «варварам» жестокости. На деле, как отмечал Ф. Энгельс в своих статьях «Новая экспедиция англичан в Китай», «Персия и Китай» (в последней Энгельс употребляет слово «варвары» — в противовес буржуазным писателям, высокомерно называвшим так всех азиатов, — либо в ироническом смысле, либо для характеристики феодальной отсталости стран Азии и реакционных правящих кругов этих стран), подлинными варварами явились английские и другие западноевропейские колонизаторы. Учиненные ими во время войн в Китае зверства по отношению к мирному населению, массовые грабежи и насилия, уничтожение памятников древнейшей китайской культуры и цивилизации вошли в историю как постыдные образцы буржуазного вандализма и необузданной жестокости.— 110.

⁴⁷ В мае 1857 г. в Индии вспыхнуло мощное национальное восстание против английского господства, вызванное ростом недовольства широких слоев индийского народа хозяйничаньем английских колонизаторов. Недовольство распространилось и на сипайские воинские части (сипай — индийский солдат, служивший в английской армии в Индии). Раскварти-

рованные в Бенгалии сипайские полки подняли восстание и завладели старинной столицей Индии Дели. К восставшим примкнули крестьяне и ремесленники, а также часть местных феодалов, чьи владения были конфискованы англичанами. В июне 1857 г. восстание охватило почти всю северную Индию и многие ее центральные районы. Основными очагами восстания стали области в районе среднего течения Джамны и Ганга: Агра и Ауд. Столица Ауда Лакнау почти целиком перешла в руки повстанцев, английский гарнизон удерживал лишь некоторые опорные пункты. Однако в рядах восставших отсутствовало единство. Между главарями, — как правило, представителями местных феодалов — и массой восставших не было согласия. Сипаи были лишены единого военного командования и придерживались преимущественно пассивно-оборонительной тактики. Английским властям, сумевшим использовать слабости повстанцев, удалось помешать концентрации их сил. Колонизаторы приняли меры к тому, чтобы привлечь на свою сторону местную знать, эксплуататорские слои индийского народа — помещиков, ростовщиков, торговцев, — использовать кастовую, религиозную и племенную рознь для подавления восстания. 20 сентября 1857 г. английские войска взяли Дели, а 14 марта 1858 г. они завладели Лакнау (описано в статьях Ф. Энгельса «Восстание в Индии» и «Взятие Лакнау»). После падения главных центров восстания были подавлены отдельные партизанские отряды повстанцев (окончательно лишь в начале 1859 г.). Расправа с повстанцами отличалась исключительной жестокостью.

Несмотря на поражение повстанцев, восстание нанесло серьезный удар английскому владычеству в Индии. — 112.

⁴⁸ *Инкерманское сражение* (около Севастополя) между русской армией и англо-французскими войсками произошло 24 октября (5 ноября) 1854 г. в связи с попыткой русского командования предупредить штурм Севастополя внезапным нападением на союзников и заставить их снять осаду крепости. Несмотря на героическую вылазку из Севастополя в помощь атакующим русским войскам, несмотря на тяжелые потери, понесенные союзниками, особенно английской армией, которую спасли от разгрома и бегства лишь подоспевшие французские части, сражение было проиграно русскими. Русское командование (Мемшиков, Даниенберг) не обеспечило согласованные действия частей и своевременное введение в бой резервов. Однако и для союзников сражение имело тяжелые последствия. Они вынуждены были отказаться от немедленного штурма Севастополя и перейти к длительной и изнурительной для них осаде. — 112.

⁴⁹ Имеются в виду два крупных военных события периода Пиренейской войны (о ней см. примечание 25, стр. 738): осада и взятие 6 апреля 1812 г. англо-португальской армией под командованием Веллингтона крепости *Бадахос* (западная Испания), а также осада и взятие англо-испанопортугальскими войсками под тем же командованием города и крепости *Сан-Себастьян* (главный город Баскской провинции), французский гарнизон которой окончательно сложил оружие 9 сентября 1813 г. Штурм обеих крепостей сопровождался эксцессами со стороны английской наемной армии по отношению к пленным и населению. — 121.

⁵⁰ После того как одним из главных очагов восстания в Индии стал Ауд, насильственно превращенный англичанами еще в 1856 г. из вассального королевства в непосредственное английское владение, генерал-губернатор Индии Каннинг издал прокламацию о конфискации земель всех аудских помещиков, замешанных в восстании. Однако эта мера была вскоре признана нецелесообразной самими английскими колонизаторами, которые предпочли прибегнуть к более гибкой политике, стараясь привлечь на свою сторону предательские элементы местной знати. — 122.

⁵¹ Упомянут ряд сражений во время первой англо-сикхской войны 1845—1846 гг. Сикхи («сикх» — буквально «ученик») — первоначально название приверженцев особой религиозной секты среди жителей северо-

западной области Индии (Пенджаб). В XVIII в. под знаменем сикхизма развернулось крестьянское движение против индийских феодалов и афганских завоевателей, которое привело к образованию во второй половине XVIII в. государства сикхов в Пенджабе. Власть в этом государстве вскоре перешла в руки выделившейся среди сикхов феодальной знати. В 1845 г. английские колонизаторы спровоцировали военный конфликт с сикхами. В конце 1845 г. шестидесятитысячная армия сикхов перешла границу и обосновалась лагерем у *Фирузпура* на подвластной англичанам территории. Встретившись с английскими войсками 18 декабря 1845 г. у *Мудки* (деревня неподалеку от Фирузпура), она потерпела поражение и должна была отступить к своему лагерю. 21 декабря 1845 г. английская армия атаковала лагерь сикхов, но понесла тяжелые потери, однако 22 декабря сикхи, не ожидавшие новой атаки, были разбиты. 28 января 1846 г. произошло упорное сражение при *Аливале*, окончившееся новым поражением сикхов. В феврале английские войска захватили их столицу Лахор. Государство сикхов было превращено в вассальное княжество. В 1848 г. сикхи подняли восстание, но в результате второй англо-сикхской войны были в 1849 г. окончательно покорены. Английские колонизаторы, которые пользовались предательскими услугами сикхской знати во время войн с самими сикхами, использовали ее и для подавления национального восстания в Индии в 1857—1859 гг.—123.

⁵² Статья «Армия» принадлежит к серии военных работ, написанных Ф. Энгельсом по просьбе К. Маркса для «Новой американской энциклопедии». К. Маркс был приглашен участвовать в написании статей для этого издания в апреле 1857 г. редактором «Нью-Йоркской Трибуны» Ч. Дана, одним из инициаторов выпуска энциклопедии.—135.

⁵³ Перечислены крупные сражения во время греко-персидских войн (500—449 гг. до н. э.). Войны со стороны греков, особенно в первый период, носили характер освободительной борьбы против персидских завоевателей, поработивших греческие города в Малой Азии и пытавшихся захватить Балканский полуостров. Однако в ходе войн обнаружились также и завоевательные тенденции со стороны главных рабовладельческих государств древней Греции — Афин и Спарты.

На *Марафонской долине* афинское войско под командованием Мильтиада разбито в 490 г. до н. э. армией персов, высадившуюся на побережье Аттики. Марафонское сражение, образец удачного отражения десанта, выявило наступательную силу греческой фаланги, тактическое и моральное превосходство греков. В 480 г. до н. э. персы предприняли новое вторжение в центральную Грецию из Фракии и Фессалии. Отряд греческих войск во главе со спартанским царем Леонидом преградил путь персидской армии в *Фермопильском ущелье*. Вследствие предательства одного фессалийца персам удалось найти обходный путь и зайти отряду Леонида в тыл. Горстка греков вступила в бой с целым персидским войском. Героическая гибель этого отряда явилась для греков вдохновляющим примером стойкости и мужества защитников родины. Персидская армия прорвалась в Аттику, захватила и разрушила Афины, однако флот персов был разбит афинским флотом у острова Саламин, что побудило персидского царя отвести свои войска в Фессалию. В 479 г. до н. э. персидский полководец Мардоний вновь напал на Аттику, но был разбит объединенным войском афинян и спартанцев под командованием Павсания и Аристиды при *Платее* (Беотия). В том же году греческий флот нанес поражение у мыса *Микале* (малоазийское побережье) остаткам разбитых у Саламина морских сил персов, а высаженный греками в этом месте десант опрокинул персидские войска. После этих побед война с Балканского полуострова была перенесена на острова Эгейского моря и в Малую Азию. В 449 г. до н. э. был заключен мир, по которому персидский царь должен был признать независимость греков.—138.

⁵⁴ *Сражение при Гранике* (река в Малой Азии) — первое крупное

сражение между македонской и персидской армиями во время завоевательного похода Александра Македонского на восток. Сражение произошло в 334 г. до н. э. и закончилось победой македонской армии, открывшей ей путь к овладению Малой Азией и к дальнейшему вторжению в Сирию.— 138.

⁵⁵ *Пелопоннесская война* (431—404 гг. до н. э.) — война между двумя наиболее крупными политическими объединениями древней Греции: Афинским морским союзом и Пелопоннесским союзом во главе со Спартой. Война была вызвана сталкивавшимися стремлениями Афин и Спарты к гегемонии в Греции, торговым соперничеством между греческими государствами, политическими противоречиями между афинской рабовладельческой демократией и олигархической, аристократической Спартой. Война сопровождалась острой классовой борьбой между рабами и рабовладельцами, а также между различными социальными слоями свободных. Внутренний кризис рабовладельческого Афинского государства и рост недовольства среди союзников Афин их великодержавной политикой привели в конечном счете к победе Спарты. Афинский морской союз распался еще в последние годы войны. Сами Афины по условиям мира 404 г. до н. э. должны были выдать почти весь свой флот и признать главенство Спарты, установившей в ряде греческих государств, в том числе на короткий срок и в Афинах, олигархический строй.— 140.

⁵⁶ При *Левктрах* фиванская армия под командованием Эпаминонда разбила в 371 г. до н. э. спартанские войска. Сражению предшествовали следующие события: в 379 г. до н. э. в Фивах произошел демократический переворот, спартанский гарнизон, поддерживавший свергнувших олигархов, был удален из города, к Фивам примкнули другие города Беотии. Желая восстановить свою гегемонию, Спарта послала в Беотию войска, которые и были разгромлены фиванцами в сражении при Левктрах. В этом сражении Эпаминонд впервые в истории войны успешно применил так называемый «косой боевой порядок», неравномерно распределив боевые силы по фронту и создав на левом фланге мощный ударный кулак. Поражение спартанцев подорвало могущество Спарты и положило начало распаду возглавляемого ею Пелопоннесского союза.— 143.

⁵⁷ После сражения при Левктрах борьба между Фивами и Спартой продолжалась. Эпаминонд во главе фиванского войска несколько раз совершал походы на Пелопоннесский полуостров, оказывая помощь отложившимся от Спарты городам. В 362 г. до н. э. произошло генеральное сражение между спартанцами и фиванцами при *Мантинее*. Эпаминонд применил тот же боевой порядок, что и в сражении при Левктрах, и широко использовал характерную для его полководческого искусства тактику взаимодействия конницы и пехоты, наращивания силы удара, ослабления врага действиями вспомогательных отрядов, после чего в бой вступили основные ударные группы. Спартанцы потерпели поражение, но тяжелые потери, понесенные армией Эпаминонда, и гибель самого полководца помешали фиванцам довести сражение до полного разгрома врага. Ослабив Спарту, Фивы не сумели удержать и своей гегемонии в Греции.— 143.

⁵⁸ В 440 г. до н. э. население острова Самос (северо-восточная часть Эгейского моря), входившего в Афинский морской союз, подняло восстание против Афин. Это восстание было характерным проявлением недовольства союзников деспотической властью Афин внутри союза, тяжелыми военными повинностями и податями, которыми облагали их Афины. Восстание было подавлено Афинами при помощи специальной военно-морской экспедиции во главе с Периклом. Осада города Самос афинянами продолжалась 8 месяцев.— 144.

⁵⁹ *Сражение при Арбелах* — крупнейшее сражение во время завоевательного восточного похода Александра Македонского. Произошло в 331 г. до н. э. западнее древнеассирийского города Арбелы, у деревни Гавгамелы. Овладев в течение 334—332 гг. до н. э. восточным побережьем

Средиземного моря и Египтом, Александр Македонский весной 331 г. до н. э. двинулся из Египта во внутренние области Персидской монархии. Решающее сражение при Арбелах завершилось разгромом персидской армии. Царь Дарий III бежал и вскоре был убит. Персы использовали в сражении слонов и боевые колесницы, атака которых, однако, не привела к успеху. Победа македонцев была достигнута благодаря умелому взаимодействию их тяжелой кавалерии и пехоты. В 330 г. завоевание Персидского царства армией Александра Македонского было завершено.— 146.

⁶⁰ *Ахейская лига* (или *Ахейский союз*) — союз ряда городов Пелопоннесского полуострова. Был основан в 280 г. до н. э. для борьбы с Македонией, а также с целью подавления угрожавшего рабовладельцам движения рабов и городской бедноты. Союз располагал значительными военными силами и добился независимости от Македонской монархии. В середине II века до н. э. города, входившие в Ахейский союз, сделались объектом завоевательной политики Рима, нанесшего в 146 г. до н. э. поражение Ахейскому союзу и установившего свою власть на Пелопоннесе.— 147.

⁶¹ *Первая гражданская война* в древнем Риме — вооруженная борьба за власть между различными группами рабовладельцев в 88—82 гг. до н. э. Происходила в обстановке острых социальных конфликтов как между рабовладельцами и рабами, так и между рабовладельческой знатью и демократическими слоями свободного населения. Во главе враждующих группировок стояли Луций Корнелий Сулла, ставленник знати, и Гай Марий, опиравшийся на торгово-розовощицкие круги и заигрывавший также с городским и сельским плебсом. Гражданская война закончилась поражением маррианцев и установлением диктатуры Суллы.— 149.

⁶² *Союзническая война* — война в 90—80 гг. до н. э. между древним Римом и восставшими против его господства италийскими племенами, связанными с Римом так называемыми «союзническими отношениями» (одна из форм подчинения рабовладельческой Римской республикой покоренных ею племен и народностей). Недовольные своим неравноправным положением по сравнению с римскими гражданами, вымогательствами римских чиновников, притеснениями римской знати, италийские «союзники» отложились от Рима и образовали свою конфедерацию. Однако римлянам, действовавшим по принципу «разделяй и властвуй», удалось в ходе войны отколоть от конфедерации отдельные города и племена и нанести в конечном счете ей поражение. Тем не менее римская рабовладельческая олигархия вынуждена была предоставить «союзникам» право римских граждан.— 151.

⁶³ *Завоевательным походом германских феодалов в Италию* было положено начало в 961 г. королем Оттоном I, коронованным в 962 г. в Риме императорской короной. За экспедицией Оттона I последовал целый ряд вторжений в Италию его преемников, особенно в X—XIII веках. Походы в Италию германских императоров (или, как они именовались, императоров Священной римской империи) с целью грабежа итальянских городов и захвата земель продолжались вплоть до XVI века, несмотря на упадок императорской власти и усиление феодальной раздробленности в самой Германии.

Крестовые походы — военно-колонизационное движение на Восток европейских крупных феодалов, рыцарства, торговых итальянских городов под религиозным знаменем освобождения христианских святынь в Иерусалиме и других «святых местах» от власти мусульман. Идеологом и вдохновителем крестовых походов была католическая церковь и папство, стремившееся к мировому господству. В походах участвовали и крестьяне, искавшие в них избавление от гнета феодалов. В истории известны восемь крестовых походов: 1096—1099, 1147—1149, 1189—1192, 1202—1204, 1217—1221, 1228—1229, 1248—1254, 1270 годов. Объектом завоевательных устрем-

дений крестоносцев были не только мусульманские государства в Сирии, Палестине, Египте, Тунисе, но и христианская Византийская империя, столица которой Константинополь была захвачена и разграблена крестоносцами во время 4-го крестового похода (1202—1204 гг.). Однако завоевания крестоносцев на востоке оказались непрочными, и захваченные ими владения вскоре вновь перешли в руки мусульман.— 155.

⁶⁴ Упомянуты наиболее крупные сражения во время Столетней войны между английскими и французскими феодалами, продолжавшейся с перерывами с 1337 до 1453 г. Война была вызвана захватническими стремлениями феодальной знати обеих стран, в частности династическими притязаниями английских королей на французскую корону. В то же время одной из причин войны было противодействие англичан попыткам французских феодалов захватить торгово-промышленные города Фландрии — главной потребительницы английской шерсти. Во всех трех сражениях — при *Креси* в 1346 г., *Пуатье* в 1356 г. и *Азинкуре* в 1415 г. — англичане одержали победу над французами главным образом благодаря искусству стрелков из лука, намеренных из свободных крестьян и составлявших ядро английской пехоты. Французские рыцари, не умевшие сражаться в строю, не выдерживали борьбы с этими дисциплинированными и стойкими войсками. Английские феодалы и их свита воспользовались победами для грабежа и захвата французских земель. Война со стороны Англии превратилась в серию грабительских набегов на Францию, доставлявших англичанам богатую добычу и выкуп за взятых в плен французских рыцарей (во время битвы при Пуатье в плен к англичанам попал сам французский король). Однако одновременно росло и сопротивление английским захватчикам со стороны французских народных масс, выразительницей настроения которых явилась знаменитая крестьянка-патриотка Жанна д'Арк (1410—1431). На борьбу против иноземных захватчиков поднялись широкие массы народа, добившиеся к концу Столетней войны почти полного изгнания англичан из Франции.— 155.

⁶⁵ При *Мариньяно* 13—14 сентября 1515 г. произошло одно из крупнейших сражений периода итальянских войн 1494—1559 гг. — захватнических войн Франции и Испании в Италии, сопровождавшихся острым соперничеством и вооруженной борьбой между французскими и испанскими претендентами на господство над Апеннинским полуостровом. Итальянские войны начались со вторжения войск французского короля Карла VIII в Италию в 1494 году. В 1495 г. французы были изгнаны коалицией итальянских государей, поддержанных испанским королем и германским императором. В 1499 г. французы вновь пытались завоевать Италию, но Испания, Англия, Венеция, Швейцария и римский папа образовали в 1511 г. против них «Священную Лигу», и они должны были очистить итальянскую территорию. Однако в 1515 г. армия французского короля Франциска I перешла через Альпы и в сражении при Мариньяно нанесла поражение швейцарским наемникам герцога Миланского. В этом сражении французы широко применили артиллерию. Милан и северная Италия вновь оказались в руках у французских феодалов. Воспользовавшись этим, в Италию вторгся со своим войском король Испании Карл I (он же германский император или император Священной римской империи германской нации Карл V). Последующая борьба между испанцами и французами завершилась вытеснением последних из Италии, попавшей под испанское владычество.— 159.

⁶⁶ Сражение при *Павии* произошло 24 февраля 1525 г. между войсками французского короля Франциска I и армией Карла V (германского императора и испанского короля). Французы потерпели жестокое поражение. Король Франциск I попал в плен и в 1526 г. должен был подписать в Мадриде мирный договор, отказавшись в пользу Карла V от всех французских завоеваний в Италии (окончательно Франция отказалась от притязаний на Италию в 1559 г. по миру в Като-Камбрези). В сражении

при Павии крупную роль сыграла испанская пехота и немецкие наемники — ландскнехты, состоявшие на службе у Карла V. Это сражение явилось также ярким примером успешного применения огнестрельного оружия против рыцарской конницы. — 159.

⁶⁷ Имеется в виду нидерландская буржуазная революция 1566—1609 гг., сочетавшая в себе борьбу буржуазии и народных масс против феодализма с национально-освободительной войной против абсолютистской Испании, которая в XVI в. подчинила Нидерланды (современные Бельгия и Голландия). Оплотом революции были наиболее развитые в экономическом отношении северные провинции Нидерландов — Голландия и Зеландия. Эти провинции стали ядром образовавшейся в ходе борьбы буржуазной Голландской республики (республики Соединенных провинций). Республика Соединенных провинций провозгласила свою независимость от Испании, в то время как южные провинции Нидерландов, в которых имело влияние местное контрреволюционное дворянство, остались под испанским владычеством. В войне с Испанией буржуазная Голландия добилась победы. В 1609 г. испанцы, потерпев ряд поражений от войск голландского полководца Морица Нассауского, вынуждены были заключить перемирие и признать независимость республики. В 1621 г. военные действия возобновились, переплетаясь с Тридцатилетней войной в Европе (1618—1648 гг.). Вестфальский мир 1648 г. окончательно закрепил независимость Голландии. — 159.

⁶⁸ О Тридцатилетней войне см. примечание 6, стр. 732. — 161.

⁶⁹ Имеются в виду три крупных сражения шведского периода Тридцатилетней войны (о ней см. примечание 6, стр. 732). Первое из них — *сражение при Лейпциге* произошло 17 сентября 1631 г.; в нем шведские войска под командованием Густава-Адольфа разбили армию полководца Католической лиги и императорских войск Тилли. После этой победы шведы вскоре вступили в Баварию и нанесли поражение войскам Тилли 15 апреля 1632 г. *на реке Лех*. Появление шведской армии в юго-западной Германии заставило императорско-католический лагерь принять чрезвычайные меры к набору новых войск. Императорский военачальник Валленштейн с большими силами вторгся в занятую шведами Саксонию. 16 ноября 1632 г. при *Люцене* произошло сражение, в котором войска Валленштейна были разбиты и отступили, однако и шведы понесли большие потери (был убит и сам Густав-Адольф). Успехам шведов в этой кампании содействовала начатая в 1632 г. Россией война за освобождение Смоленска против союзника императора — шляхетско-католической Польши. Во всех указанных сражениях сказались и преимущества шведской армии, ядро которой составляли лично свободные крестьяне, а также военные реформы Густава-Адольфа, в частности введение им полковой артиллерии (в России полковая артиллерия была введена еще при Иване Грозном, задолго до Густава-Адольфа) и применение прогрессивного для того времени линейного боевого порядка. — 162.

⁷⁰ Вследствие недостаточной разработанности в XIX в. истории русской армии Энгельс, не имея возможности пользоваться непосредственно русскими источниками, должен был, в отдельных случаях, брать фактический материал у иностранных историков, допускавших нередко ошибочное, а иногда и преднамеренно извращенное изложение исторического материала. Так, некоторые иностранные историки (напр. Рюстов) ошибочно утверждали, что русская пехота в начале XVIII в. была вооружена пиками. В действительности уже в конце XVII в. московское правительство приняло меры к перевооружению русской пехоты ударным кремневым ружьем с багинетом, который вскоре был заменен штыком. Уже в 1697—1698 гг. русская армия получила 30—40 тыс. фузей с багинетами. В 1711 г. годовое производство фузей со штыками достигло 40 000, что полностью удовлетворяло нужды молодой регулярной армии.

Крупнейшую роль в развитии русской армии как в области усовер-

шенствования ее вооружения, так и в целом в строительстве вооруженных сил, в выработке стратегии и тактики сыграли прогрессивные военные реформы периода царствования Петра I. В результате этих реформ русское военное искусство в начале XVIII в. достигло высокого уровня и опередило военное искусство ряда западноевропейских государств. Русская армия начала XVIII в. являлась национально однородной по своему составу регулярной армией, комплектовавшейся на основе рекрутской системы, которая, хотя она и опиралась на крепостнические отношения, была сравнительно более прогрессивной формой комплектования, чем практиковавшаяся в то время во многих государствах наемно-вербовочная система. В ходе Северной войны (1700—1721 гг.) регулярная русская армия и флот выступили носителями новых наступательных форм стратегии и тактики. В русской армии, например, четко наметился отход от равномерного распределения сил по фронту — от этого основного принципа линейной тактики. Творческий характер тактики, создание корпуса резерва, мобильных отрядов — корволантов, — все это явилось принципиально новым в развитии тактических форм борьбы в XVIII в. Система воспитания и обучения русской регулярной армии более высока, чем в наемных армиях, подняла значение солдата и роль морального фактора в войне. Была создана военно-промышленная база для армии и флота — артиллерийские, оружейные, пороховые заводы. Военные реформы в России конца XVII и начала XVIII в. были тесно связаны с прогрессивными экономическими и политическими преобразованиями, имевшими целью укрепить русское централизованное дворянское государство и преодолеть отсталость страны. — 162.

⁷¹ При Мольвице (Силезия) армия прусского короля Фридриха II 10 апреля 1741 г. выиграла сражение с австрийцами во время войны за австрийское наследство (1740—1748). Война была вызвана притязаниями ряда европейских феодальных государств, в первую очередь военно-крепостнической Пруссии, на владения австрийских Габсбургов, доставшиеся после смерти императора Карла VI его дочери Марии-Терезии ввиду отсутствия прямых наследников по мужской линии. Претенденты на австрийское наследство отказались признать права Марии-Терезии. В 1740 г. прусский король Фридрих II, не объявляя войны, захватил тогдашнюю провинцию Австрии Силезию, исконную польскую землю. Союзниками Фридриха II были Бавария, Франция и ряд других государств; Англия, стремившаяся ослабить своего главного торгового и колониального соперника — Францию, выступила на стороне Австрии. Фридрих II в этой войне неоднократно изменял своим союзникам, заключая сепаратный мир с Австрией (в 1742 и в 1745 г.). Заключение в 1746 г. русско-австрийского союза укрепило позиции Австрии и ускорило окончание войны. За Пруссию была сохранена захваченная ею Силезия, однако императорская корона была оставлена в руках Марии-Терезии. — 164.

⁷² Характеристику роли крупных полководцев в развитии военной науки и военного искусства Ф. Энгельс дает также в своей работе «Возможности и перспективы войны Священного союза против Франции в 1852 г.» (см. настоящее издание, стр. 638). — 167.

⁷³ О Семилетней войне см. примечание 22, стр. 736—737. — 169.

⁷⁴ Численность армии Наполеона в первый период Отечественной войны 1812 г. определяется, согласно новым исследованиям советских военных историков, в 678 000 человек. Артиллерийский парк французской армии накануне вторжения в Россию насчитывал 1372 орудия. Одной из слабых сторон этой армии была разнородность и разношерстность ее национального состава. — 178.

⁷⁶ После смерти Александра Македонского в 323 г. до н. э. его империя была поделена между так называемыми диадохами — военачальниками, принимавшими участие в его походах. На месте империи Александра возникло несколько соперничавших эллинистических рабовладельческих государств. Одним из них была монархия Селевкидов — династия,

ведущей свое происхождение от сподвижника Александра Селевка Никатора (Победителя). Монархия Селевкидов, охватывавшая Сирию, Палестину, Месопотамию, Армению, была непрочным конгломератом племен и народов. Во II веке до н. э. она пришла в упадок, истощенная постоянными войнами и восстаниями рабов, и стала объектом римского завоевания. В 63 г. до н. э. остатки бывшего государства Селевкидов были превращены в римскую провинцию.— 183.

⁷⁶ *Самнитские войны* — войны между древними римлянами и самнитами — одной из групп италийских племен, населявших горную область в средних Апенниннах. Причиной войн была борьба за господство над средней Италией. О первой Самнитской войне (343—341 гг. до н. э.), закончившейся победой Рима, сохранилось мало достоверных сведений. Во время второй Самнитской войны (327—304 гг. до н. э.) римляне, потерпев сначала ряд серьезных поражений от самнитов, должны были произвести реорганизацию своей армии и внести изменения в тактику, что способствовало их конечной победе. В результате третьей Самнитской войны (298—290 гг. до н. э.) римляне нанесли окончательное поражение самнитам и союзным им племенам (этрусскам и др.) и установили свою гегемонию в средней Италии. Победа над самнитами явилась важной вехой в укреплении римского рабовладельческого государства и объединения италийских племен под властью Рима.— 184.

⁷⁷ *Пунические войны* — три войны между сильнейшими рабовладельческими государствами древности: Римом и Карфагеном. Карфаген — первоначально колония в Северной Африке, основанная жителями передний Азии финикийцами (или пунами), — к концу IV в. до н. э. превратился в мощное государство, охватывающее побережье северо-западной Африки, юг Испании, Сардинию, Корсику, Балеарские острова, почти всю Сицилию. Интересы римских рабовладельцев после подчинения Римом южной Италии столкнулись с интересами рабовладельческой олигархии Карфагена. Ближайшей ареной борьбы стал остров Сицилия — основной театр военных действий первой Пунической войны (264—241 гг. до н. э.). В ходе войны римляне построили сильный флот, одержавший ряд побед над карфагенским флотом. В результате Карфаген должен был уступить Риму господство над Сицилией и прилегающими островами. По окончании войны карфагенские полководцы расширили владения Карфагена в Испании и превратили их в плацдарм для наступательных действий против Рима. С началом второй Пунической войны (218—201 гг. до н. э.) карфагенский полководец Ганнибал во главе наемной армии вторгся из Испании в Италию и нанес римлянам ряд тяжелых поражений, не славив, однако, их сопротивления. Успешные действия римлян в Испании и Сицилии, а также высадка римских войск в 204 г. до н. э. в Африке заставили карфагенский сенат отозвать Ганнибала из Италии. В 202 г. до н. э. войска Ганнибала были разбиты римлянами при Заме, и Карфаген должен был согласиться на тяжелые условия мира, лишившись флота и всех владений, кроме африканских. Третья Пуническая война (149—146 гг. до н. э.) была вызвана стремлением римских рабовладельцев окончательно покончить с Карфагеном как торговым соперником. Она завершилась ликвидацией карфагенского государства и сожжением самого города Карфагена. Пунические войны открыли собой полосу захватнических войн древнего Рима.— 184.

⁷⁸ Указание Ф. Энгельса об упадке пехоты в период средневековья относится преимущественно к странам Западной Европы. В русских землях пехота продолжала играть важную роль в течение всех средних веков. Одной из главных причин этого было активное участие широких народных масс, из которых главным образом комплектовалась пехота, в освободительной борьбе Руси против татаро-монголов, немецких, шведских, литовских и других захватчиков.— 189.

⁷⁹ При *Лаупене* (неподалеку от Берна) швейцарская пехота, укре-

пившаяся в горном ущелье, нанесла 21 июня 1339 г. поражение рыцарскому войску австрийских, эльзасских и савойских феодалов и обратила рыцарей в паническое бегство. Эта победа имела крупное значение в борьбе швейцарцев за свою независимость.— 190.

⁸⁰ При *Мальплаке* (селение в Бельгии) 11 сентября 1709 г. произошло сражение между французской армией маршала Виллара и союзными австро-англо-голландскими войсками под командованием австрийского полководца Евгения Савойского и английского генерала Мальборо. В результате сражения французская армия должна была отступить, не деблокировав осажденную союзниками крепость Монс, но потери последних значительно превысили потери французов.

Сражение при Мальплаке было одним из крупнейших сражений в войне за испанское наследство (1701—1714 гг.), вызванной борьбой западноевропейских государств за раздел европейских и колониальных владений пришедшей в упадок феодальной Испании. Французский король Людовик XIV стремился к полному присоединению Испанской монархии к Франции, добившись вступления на испанский престол своего внука Филиппа Бурбона. Против Франции и Испании образовалась коалиция из австрийских Габсбургов, также претендовавших на испанскую корону, Англии, которая стремилась захватить испанские колонии, Голландии, Португалии, Савойского герцога. Война привела к истощению Франции. Серьезный удар политике Людовика XIV нанесли победы русских над его союзниками — шведами во время Северной войны (1700—1721 гг.). По Утрехтскому (1713 г.) и Раштаттскому (1714 г.) договорам французы должны были отказаться от планов соединения французской и испанской монархии, хотя испанская корона и сохранялась за Филиппом Бурбоном; испанские владения в Италии и Нидерландах были переданы Габсбургам, Англия получила Гибралтар, ряд французских колоний в Северной Америке и право ввозить негров-рабов в испанские колонии для продажи.— 197.

⁸¹ При *Иене* и *Ауэрштедте* 14 октября 1806 г. прусские войска были разбиты войсками Наполеона во время войны между наполеоновской Францией и прусско-англо-русско-шведской коалицией. В этот день фактически произошло два одновременных сражения, во время которых войска Наполеона разгромили под Иеной часть прусской армии под командованием Гогенлоэ (пруссакки потеряли 27 тысяч человек и 200 орудий), а войска маршала Даву при Ауэрштедте нанесли поражение главным прусским силам под командованием герцога Брауншвейгского (пруссакки потеряли — 18 тысяч человек и 57 орудий). Поражение прусской армии было обусловлено кризисом феодально-крепостнической Пруссии, несостоятельностью устаревшей фридриховской линейной тактики, бездарностью прусского командования, не сумевшего воспользоваться ошибкой Наполеона, который направил против главных сил пруссаков меньшую часть своих войск. После Иены французы почти беспрепятственно оккупировали значительную часть прусской территории, встретив, однако, упорное сопротивление в Восточной Пруссии со стороны подоспевших на помощь союзнику русских войск. Кампания завершилась заключением 7 июля 1807 г. Тильзитского мира, по которому Пруссия была фактически низведена до положения вассала наполеоновской Франции.— 199.

⁸² При *Лексингтоне* и *Конкорде* (штат Массачусетс) американские повстанцы, сражаясь в рассыпном строю, 19 апреля 1775 г. заставили отступить английские войска, посланные из Бостона для захвата склада оружия восставших. Этот бой послужил сигналом для начала войны за независимость североамериканских колоний Англии (о ней см. примечание 2, стр. 730—731).— 200.

⁸³ *Булонский лагерь* — плацдарм для вторжения в Англию, созданный Наполеоном в течение 1801—1805 гг. К августу 1805 г. в районе Булони было сосредоточено свыше 2300 десантных судов и около 150 тысяч войск. Однако попытка Наполеона активными действиями на море осла-

бить английский флот и отвлечь его главные силы от района предполагаемой высадки десанта потерпели неудачу. Образование в 1805 г. антифранцузской коалиции из Англии, Австрии, России, Швеции и Неаполя заставило Наполеона отказаться от высадки десанта в Англии и перебросить войска в Центральную Европу.— 202.

⁸⁴ О войне наполеоновской Франции с Австрией в 1809 г. см. примечание 27, стр. 738—739.— 202.

⁸⁵ Сражение при *Трехби* во время второй Пунической войны произошло в декабре 218 г. до н. э. Появление перешедшей в 218 г. через Альпы армии карфагенского полководца Ганнибала в северной Италии было неожиданным для римлян. Против Ганнибала выступили две консульские армии. Войска Ганнибала разбили передовые отряды одной из них на реке Тичино и заставили отступить ее к реке Трехби. Здесь они нанесли полное поражение соединившимся армиям римлян. Дорога для карфагенской армии в центральную Италию была открыта. Разгром армией Ганнибала нового римского войска при Тразименском озере в следующем 217 г. позволил карфагенскому полководцу пробиться на Адриатическое побережье и установить связь с Карфагеном.— 209.

⁸⁶ *Сражение при Каннах* в августе 216 г. до н. э. (в Апулии, у реки Ауфид) — крупнейшее сражение второй Пунической войны, одно из самых знаменитых сражений древности, в котором карфагенский полководец Ганнибал добился окружения и уничтожения численно превосходивших карфагенскую армию римских войск. Победа при Каннах явилась вершиной тактических успехов Ганнибала во время боевых действий карфагенских войск в Италии. Однако конечного стратегического результата, решающего судьбу войны, Ганнибалу не удалось достигнуть. Сопrotивление римлян, несмотря на огромные потери при Каннах и угрозу, создавшуюся для самого города Рима, не было сломлено. Большую роль в дальнейшей борьбе сыграло то обстоятельство, что армия Рима состояла из свободных римских граждан, в то время как карфагенские войска вербовались из разнородных наемников. Расчет Ганнибала на отпадение италийских племен от Рима оправдался лишь на короткий срок. Италийцы, испытав на деле карфагенское владычество, стали снова переходить на сторону Рима. Эти обстоятельства способствовали в конечном счете победе Рима.— 210.

⁸⁷ При *Новаре* (северная Италия) 6 июня 1513 г. швейцарская пехота, находящаяся на службе у миланского герцога, разбила французское рыцарское войско короля Людовика XII. В результате этого сражения потерпел провал один из неоднократно повторявшихся завоевательных походов французских феодалов в Италию во время итальянских войн 1494—1559 гг. (об этих войнах см. примечание 65, стр. 750). Поход этот был начат весной 1513 г., а летом этого же года французы должны были отступить через Альпы во Францию. Следующая завоевательная экспедиция была предпринята в 1515 году.— 213.

⁸⁸ *Сражение при Марстон-Муре и Нэзби* — два крупных сражения во время первой гражданской войны (1642—1646 гг.) в период английской буржуазной революции. Война была развязана дворянами-роялистами, не желавшими подчиниться постановлению Долгого парламента и стремившимися восстановить абсолютную власть короля Карла I. В первый период войны парламентская армия, во главе которой стояли сторонники соглашения с королем, терпела неудачи. Однако в ходе войны в рядах армии все больше усиливалось влияние более решительных представителей «нового», обуржуазившегося дворянства и буржуазии во главе с Кромвелем, требовавших реорганизации парламентских вооруженных сил и включения в них революционно-демократических элементов из крестьянства и городских ремесленников. Кромвель набравал из крестьян и ремесленников отряд кавалерии, отличавшийся высокими боевыми качествами, дисциплиной и сознанием революционного долга. В сражении при *Марстон-Муре* (селение северо-западнее Йорка) 2 июля 1644 г. сокруши-

тельные атаки конницы Кромвеля, ядро которой составлял упомянутый отряд «железнобоких» (так прозвали солдат этого отряда), сначала на кавалерию, а потом на пехоту врага привели к победе парламентской армии. После этого сражения была осуществлена предлагаемая Кромвелем реорганизация парламентских войск. 14 июня 1645 г. армия «нового образца» разгромила королевские силы при *Нэзби* (центральная Англия), захватив 5 тысяч пленных, всю артиллерию и снаряжение противника. Эта победа решила исход первой гражданской войны в пользу парламента. Дальнейшие боевые действия свелись к осаде и занятию крепостей, находившихся в руках у роялистов.— 215.

⁸⁹ *Первая Силезская война* — часть общеевропейской войны за австрийское наследство (см. примечание 71, стр. 752), охватывающая военные действия между австрийской армией и войсками прусского короля Фридриха II с момента вторжения его в Силезию в 1740 г. до заключения им первого сепаратного мира с Австрией в 1742 году.— 215.

⁹⁰ *В сражении при Гогенфридберге* (селение в Силезии) прусские войска под командованием Фридриха II 4 июня 1745 г. одержали победу над австро-саксонскими войсками. Это было одним из сражений так называемой второй Силезской войны, которая, как и первая, явилась частью войны за австрийское наследство и охватывала военные действия Пруссии против Австрии и ее союзника Саксонии с момента возобновления войны Фридрихом II в августе 1744 г. до заключения нового сепаратного мира в 1745 году.— 216.

⁹¹ См. примечание 22, стр. 736—737.— 216.

⁹² Перечислен ряд сражений периода войны за австрийское наследство (1740—1748 гг.) и Семилетней войны (1756—1763 гг.). Под *Штригау* (Силезия) 4 июня 1745 г. произошло упомянутое выше сражение при Гогенфридберге между прусскими и австро-саксонскими войсками, вошедшее в историю также под именем Штригауского сражения. При *Кессельдорфе* (Саксония, 8 км от Дрездена) прусская армия 15 декабря 1745 г. разбила саксонские войска, что дало пруссакам возможность занять Дрезден и добиться заключения с Австрией и Саксонией сепаратного мира. В сражении при *Россбахе* (пруссский округ Мерзебург) армия Фридриха II нанесла 5 ноября 1757 г. поражение объединенным силам французов и враждебных Пруссии немецких государств. В сражении при *Лейтене* (Силезия) войска Фридриха II 5 декабря 1757 г. разбили австрийскую армию под командованием герцога Лотарингского. Во всех этих сражениях крупную роль сыграла атака прусской конницы на фланги противника.— 216.

⁹³ *Сражение при Вюрцбурге* (Бавария) между французской Самбро-маасской армией под командованием генерала Журдана и австрийскими войсками эрцгерцога Карла произошло 2—3 сентября 1796 г. во время войны Франции против антифранцузской коалиции европейских государств, образовавшейся еще в годы французской буржуазной революции. Сражение закончилось поражением французов, однако успехи французских войск под командованием Бонапарта на итальянском театре войны (кампания в Италии 1796—1797 гг.) свели на нет последствия этой победы для австрийцев.— 217.

⁹⁴ *Кампания 1805 г.* охватила военные действия между наполеоновской Францией и так называемой 3-й коалицией, состоявшей из Англии — главного торгового и колониального соперника Франции — и ряда европейских государств (России, Австрии, Швеции, Неаполя), чьи интересы пришли в столкновение с притязаниями французской буржуазии на торговое и промышленное преобладание на всем европейском континенте. Несмотря на поражение французского флота при Трафальгаре 21 октября 1805 г., кампания была успешно начата Наполеоном. В октябре 1805 г. значительная часть австрийских сил под командованием генерала Мака была принуждена к капитуляции. Эта капитуляция при Ульме поставила в тяжелое положение союзные австрийцам русские войска под командованием

М. И. Кутузова, предпринявшие отступление с боями, в ходе которых русскими был нанесен ряд частичных поражений французской армии. Кутузов стремился вывести русскую армию из-под удара, уклониться от генерального сражения до соединения со всеми оставшимися силами австрийцев, а затем, измотав противника активными арьергардными боями, перейти в контрнаступление. Но по настоянию австрийского и русского императоров он должен был преждевременно вступить 2 декабря 1805 г. в сражение при Аустерлице, выигранное Наполеоном. После этого поражения Австрия заключила с Францией Пресбургский мир. Россия и Англия продолжали борьбу. В 1806 г. образовалась новая, 4-я, коалиция из России, Англии, Пруссии и Швеции. Военные действия французов против этой коалиции продолжались до лета 1807 г. (*кампания 1806—1807 гг.*). Во время этой кампании Пруссия подверглась полному разгрому, но наполеоновская армия встретила упорное противодействие русских войск. Однако неблагоприятный для русской армии исход сражения при Фридрихсланде 14 июня 1807 г., а также уклонение Англии от выполнения своих союзнических обязательств побудили Александра I заключить 7 июля 1807 г. с Наполеоном I Тильзитский мир.

Успехи наполеоновской армии в кампаниях 1805 и 1806—1807 гг. объясняются в первую очередь утверждением новых, буржуазных производственных отношений во Франции, в то время как в большинстве враждебных ей государств еще господствовал отсталый феодально-крепостнический строй, накладывавший свою печать на военную организацию и армию этих государств.— 217.

⁹⁵ *Кампании 1813, 1814 и 1815 гг.* представляют собой завершающую вооруженную борьбу между наполеоновской Францией и коалицией европейских государств (6-я коалиция), окончившуюся падением империи Наполеона.

В Отечественной войне 1812 г. Россия подорвала мощь наполеоновской империи. Появление в 1813 г. в центральной Европе русской армии послужило сигналом к выступлению европейских народов против наполеоновского гнета. Россия, Пруссия, Англия, Швеция вновь заключили союз против Франции. К союзникам позднее примкнула Австрия. В течение кампании 1813 г. Германия была очищена от французских войск, и военные действия были перенесены на территорию Франции. В борьбе против наполеоновской Франции народы Европы защищали свою независимость, но возглавлявшие антинаполеоновскую коалицию европейские монархи и реакционные министры стремились использовать победы над Наполеоном для утверждения господства дворян-землевладельцев и восстановления на французском престоле династии Бурбонов. Массы французского народа готовы были оказать сопротивление Бурбонам, дворянским-эмигрантам, внешнему врагу, но Наполеон и его клика, поддерживавшие в течение 14 лет режим контрреволюционной диктатуры во Франции, были глубоко враждебны народу и не пожелали опереться на народное сопротивление. В марте 1814 г. союзники вступили в Париж, а в апреле 1814 г. Наполеон отрекся от престола и был отправлен на остров Эльбу. Однако, воспользовавшись начавшимся развалом коалиции и недовольством широких слоев во Франции режимом Бурбонов, Наполеон с помощью своих сторонников в марте 1815 г. сумел временно восстановить свою власть. Восстановление империи, продержавшейся на этот раз всего 100 дней, заставило противников Наполеона вновь объединиться. После поражения при Ватерлоо в Бельгии Наполеон должен был 22 июня 1815 г. вторично отречься от престола и в качестве пленника был отправлен на остров св. Елены.— 218.

⁹⁶ При *Люцене* (Саксония) 20 апреля (2 мая) 1813 г. произошло сражение между армией Наполеона I и союзными русско-прускими войсками под командованием генерала русской армии П. Х. Витгенштейна. Сражение не принесло решающего успеха ни одной из сторон.— 219.

⁹⁷ В сражении при Ватерлоо (селение в Бельгии, в 20 км к югу от Брюсселя) — армия Наполеона была 18 июня 1815 г. разбита англо-голландскими войсками под командованием Веллингтона и прусской армией под командованием Блюхера. После восстановления в марте 1815 г. власти Наполеона во Франции антинаполеоновская коалиция сосредоточила против французских войск сразу несколько армий. Стремясь разбить их по частям, наполеоновская армия двинулась в Бельгию — к месту расположения англо-голландских и прусских войск. 16 июня французы атаковали прусскую армию при Линьи и оттеснили ее. Наполеон поручил маршалу Груши организовать ее преследование, перейдя со своими главными силами 18 июня в атаку на позиции, занимаемые войсками Веллингтона. Однако Наполеону не удалось добиться эффективного взаимодействия пехоты, кавалерии и артиллерии, и атаки вражеских позиций не имели успеха. В то же время армия Блюхера сумела уйти от преследования и соединиться в решающий момент с англо-голландскими войсками. Перейдя в контратаку, союзники опрокинули ряды французов. Поражение при Ватерлоо оказалось роковым для Наполеона и привело к окончательному падению его империи. — 219.

⁹⁸ См. примечание 20, стр. 736.— 224.

⁹⁹ Имеется в виду сражение на Каталаунских полях (451 г.), близ современного Шалона, между народами Европы (римляне, галлы, германцы) и гуннами — кочевниками-завоевателями тюркско-монгольского происхождения. В этом сражении войска римского полководца Аэция разбили гуннов, сражавшихся под предводительством Атилы. Однако начавшиеся раздоры между римлянами и германцами помешали Аэцию осуществить полный разгром гуннских орд. Тем не менее это сражение сыграло крупную роль в избавлении европейских народов от нашествия и владычества гуннов. Вскоре после этого сражения созданное под властью гуннов объединение племен распалось. — 226.

¹⁰⁰ См. примечание 29, стр. 739.— 228.

¹⁰¹ Сражение при Ваграме произошло во время австро-французской войны 1809 г. (см. примечание 27, стр. 738—739), так же как и упомянутое несколькими строками выше сражение при Экмюле (Бавария), в котором французская армия 22 апреля 1809 г. разбила австрийские войска. При Ваграме (село в 18 км к северо-востоку от Вены) 5—6 июля разыгралось главное сражение этой кампании. В сражении с обеих сторон принимали участие большие войсковые массы (170 тысяч наполеоновских войск против 111 тысяч австрийцев) и в крупных масштабах применялась артиллерия (584 орудия у французов, 452 — у австрийцев). В ходе сражения Наполеоном была создана тридцатитысячная колонна — «таран» для прорыва центра противника, но она встретила упорное огневое сопротивление и понесла большие потери. В конце сражения австрийский командующий эрцгерцог Карл дал приказ об отходе, так как у него не хватило резервов для подкрепления центра, однако австрийцы отступали в полном порядке, сохранив боеспособность. Не принеся решающих военных результатов, победа при Ваграме имела выгодные для Наполеона политические последствия. После нее колеблющийся и малодушный венский двор пошел на заключение тяжелого для австрийской монархии Шёнбруннского мира. — 229.

¹⁰² При Линьи (Бельгия) 16 июня 1815 г. произошло сражение между армией Наполеона и прусскими войсками маршала Блюхера, непосредственно предшествовавшие битве при Ватерлоо. Пруссаки потерпели поражение, однако расчеты Наполеона на то, что путем преследования их удастся изолировать от англо-голландских войск, занимавших позиции у Ватерлоо, не оправдались. Прусские войска сумели вовремя соединиться со своими союзниками и тем решили исход сражения при Ватерлоо. — 231.

¹⁰³ В период гладкоствольной артиллерии калибр выражался весом

ядер. Такое обозначение применялось и для нарезных орудий, стрелявших не сферическими, а продолговатыми снарядами. При этом калибр данного орудия определялся не весом продолговатого снаряда, как правило, более тяжелого, а весом сферического чугунного ядра такого же диаметра.— 234.

¹⁰⁴ В период, когда Ф. Энгельс писал свои работы, история артиллерийского дела в России была мало известна в Западной Европе. Первые упоминания о боевом использовании артиллерии на Руси относятся к 1382 г., когда жители Москвы отбивались от татаро-монгольского войска «огненным боем». Необходимость вести постоянную и напряженную борьбу с внешними врагами заставляла Московское государство уделять большое внимание развитию артиллерии. Вначале артиллерия использовалась в основном при осаде и обороне крепостей, в XVI в. артиллерия начинает широко применяться в полевых сражениях (Ливонская война). В конце XIV и в XV в. в Москве были выстроены пороховые и пушечные мастерские («пушечная изба»), а в конце XV в. создается «пушечный двор», который становится центром артиллерийского производства на Руси. Общее руководство артиллерией было сосредоточено в Пушкарском приказе. В войнах XVI в. русская артиллерия заслужила славу одной из многочисленных и лучших артиллерий в мире. Русские мастера-артиллеристы (А. Чохов и др.) дали наиболее совершенные для того времени образцы артиллерийских систем (железная пищаль, заряжаемая с казенной части, нарезная пищаль конца XVI в., орудия с клиновым затвором). В этот период отливались и многоствольные орудия, что увеличивало скорострельность артиллерии. В начале XVII в. Онисимом Михайловым был составлен «Устав ратных, пушечных и других дел», в котором на основе как иностранных сочинений, так и русского опыта излагались теоретические и практические принципы боевого применения артиллерии. Дальнейший период в развитии русской артиллерии связан с созданием регулярной армии и ее регулярной артиллерии, что относится к концу XVII и началу XVIII в.— 235.

¹⁰⁵ *Сражение при Форново* (северная Италия) 7 июля 1495 г. между французской армией короля Карла VIII, возвращавшейся из южной Италии, и войсками северо-итальянских феодалов явилось одним из крупных сражений периода завоевательных итальянских войн французской монархии конца XV — начала XVI века. Итальянское командование стремилось у Форново отрезать французам путь во Францию, окружить их и уничтожить. Пользуясь разобщенностью их сил (авангард, состоявший из тяжеловооруженных рыцарей и швейцарских наемников, двигался в отдалении от главных сил и арьергарда), итальянцы решили атаковать вражескую армию с разных сторон. Но этот план не был приведен в исполнение вследствие отсутствия взаимодействия между наступающими войсками. Все атаки итальянцев были отражены, и они были рассеяны; крупную роль в отражении атак сыграла французская артиллерия. Однако, несмотря на эту победу, французам пришлось очистить Италию.— 236.

¹⁰⁶ В *сражении при Грейфенгагене* шведская армия Густава Адольфа, незадолго до этого высадившаяся в Померании (с этой высадки началось участие Швеции в Тридцатилетней войне), в декабре 1630 г. разбила имперские войска (т. е. войска австрийских Габсбургов) и завладела крепостью Грейфенгаген на реке Одер. В марте 1631 г. шведы осадили *Франкфурт-на-Одере* и 3 апреля взяли город штурмом. В обоих сражениях успех шведов был достигнут в результате взаимодействия шведской пехоты и артиллерии, а также военной флотилии шведов, двигавшейся по Одере.— 240.

¹⁰⁷ Задолго до реформ Фридриха II конная артиллерия была введена в русской армии Петром I. Этим Петр I опередил Западную Европу более чем на 50 лет. В результате военных преобразований в период царствования Петра I коренным образом была улучшена и русская артилле-

рия, получившая четкое организационное устройство (деление на полковую, полевую, осадную и крепостную артиллерию). При Петре I были упорядочены калибры, введены различные технические усовершенствования, зарядные ящики для перевозки снарядов, холщовые картузы, в которых помещали заряды и снаряды. В период Северной войны (1700—1721 гг.) русская артиллерия превзошла шведскую. Дальнейший значительный прогресс в развитии артиллерийского дела в России был достигнут в середине XVIII в. Большую роль в этом сыграла деятельность генерал-фельдцейхмейстера П. И. Шувалова, значительно усовершенствовавшего технику и организацию русской артиллерии. Шувалов ввел новые орудия — «единороги», изобретенные Мартыновым и Даниловым, — стрелявшие различными видами снарядов. Вслед за Россией орудия этого типа были приняты и в армиях других стран (Франции и т. д.). — 242.

¹⁰⁸ В *сражении при Кунерсдорфе* (селение в провинции Бранденбург) русская армия под командованием П. С. Салтыкова I (12 августа 1759 г. нанесла решительное поражение войскам прусского короля Фридриха II. Сражение при Кунерсдорфе произошло во время Семилетней войны (см. примечание 22, стр. 736—737) в критический для Пруссии момент наступления русской армии на Берлин. В ходе сражения русские войска отбили атаки прусских пехотных линий, а также считавшейся лучшей в Европе конницы Зейдлица и, перейдя в контратаку, опрокинули прусские части. В сражении проявилось отличное качество русской артиллерии («единороги»), стойкость и упорство пехоты, высокий боевой порыв конницы, которая сражалась под командованием П. А. Румянцева на самых ответственных участках в полном взаимодействии с другими родами войск. Это сражение показало, что русская армия по своей организации, дисциплине, системе обучения превосходит считавшуюся образцовой в то время армию Фридриха II. Последствия поражения были крайне тяжелы для Пруссии. Сам Фридрих II, едва избежав плена, был близок к самоубийству. В 1760 г. русские на время взяли Берлин. От катастрофы Пруссии спасли противоречия между Россией и ее союзниками: Австрией и Францией, а также вступление на русский престол пруссофила Петра III, гольштинского герцога, поспешившего предложить Фридриху II союз. Петр III, проводивший политику, чуждую интересам России, был свергнут с престола. Екатерина II отвергла союз с Пруссией, но и не возобновила военных действий против нее. — 242.

¹⁰⁹ *Сражение у Фридланда* (Восточная Пруссия) 14 июня 1807 г. между русскими войсками и армией Наполеона явилось завершающим сражением в кампании 1806—1807 гг. Пятидесятитысячная русская армия под командованием Беннигсена занимала открытую позицию западнее Фридланда, имея в тылу реку Алле. Французы с утра насчитывали только 12 тысяч человек, но в течение дня силы французской армии возросли до 85 тысяч человек. Однако возможность нанесения удара противнику до прибытия всех его корпусов была упущена Беннигсеном. Наполеон решил использовать ошибку Беннигсена и ударом по левому крылу русской армии разбить ее и отрезать русские войска от переправ на реке Алле. Несмотря на превосходство сил противника, русские войска под командованием Багратиона сумели отбить атаки огнем артиллерии и контратаками конницы и в сложных условиях переправиться на восточный берег реки Алле. Выиграв это сражение, Наполеон не достиг, однако, в нем осуществления своего главного замысла: окружения и уничтожения русских войск. — 244.

¹¹⁰ *Сражение при Пирмазенсе* (Западная Германия) между одной из армий Французской республики (Мозельская армия) и прусскими войсками произошло в сентябре 1793 г., в период напряженной борьбы революционной Франции против наступающих почти на всех фронтах армий антифранцузской коалиции. Движение Мозельской армии к Пирмазенсу было предпринято с целью сорвать предпринятое войсками коалиции на-

ступление к реке Саар. В сражении под Пирмазенсом французы потерпели поражение и вынуждены были отступить. Однако их противник, отличавшийся медлительностью и неповоротливостью, не сумел использовать плоды победы. — 245.

¹¹¹ *Лагерь в Бунцельвице* — крепость полевого типа в Силезии, созданная по приказу прусского короля Фридриха II в августе 1761 г. во время Семилетней войны после тяжелых поражений, нанесенных его войскам русской армией. Этот укрепленный лагерь Фридрих II, не сумевший воспрепятствовать соединению русских и австрийских войск и опасавшийся окружения, решил превратить в главный опорный пункт обороны. Однако недостаток продовольствия заставил пруссаков покинуть лагерь еще до начала атаки его союзными русскими и австрийскими войсками.

Линия укрепления у *Торрес-Ведрас* (в Португалии, между рекой Тахо и атлантическим побережьем) была сооружена по приказу Веллингтона во время войны между англо-португальско-испанскими войсками и французской армией. Эта линия сыграла важную роль в военных действиях англо-португальской армии против войск французского маршала Массена, наступавших летом — осенью 1810 г. на Лиссабон. На пути продвижения французов по инициативе Веллингтона был создан ряд укрепленных позиций, сдававшихся врагу только после упорного сопротивления. Когда французы подошли к линии Торрес-Ведрас (три ряда редутов с многочисленными укреплениями, вооруженными 383 орудиями), у них не оказалось достаточных сил для атаки этих укреплений. Не получив подкреплений от Наполеона, который в это время готовился к завоевательному походу в Россию, Массена в марте 1811 г. должен был начать отступление к испанской границе.

Французские укрепления перед *Вейссенбургом* (или Виссенбургом, в Эльзасе) были сооружены еще в начале XVIII в. и в середине XVIII в. усовершенствованы Кормонтэнем. Во время войны Французской республики против армий коалиции эти укрепления несколько раз переходили из рук в руки, пока в конце декабря 1793 г. реорганизованная после поражения при Пирмазенсе Мозельская армия во главе с генералом Гошем окончательно не овладела этими укреплениями, выбив оттуда австрийцев.

Об австрийских укреплениях перед *Вероной* и их роли в кампании 1848 г. см. статью Ф. Энгельса «Как Австрия держит в своих руках Италию» (настоящий Сборник, стр. 309—316). — 281.

¹¹² Во время национально-освободительной войны венгров против Австрии в 1848—1849 гг. укрепленный лагерь у крепости *Коморн* (Комаром) оказал большое влияние на действия венгерской армии, дав ей возможность дважды, 20 и 29 июня 1849 г., выдержать бой с численно превосходившими ее австрийскими войсками. Как в первом, так и во втором сражении венгерские войска, выйдя из укрепленного лагеря, стремительно атаковали австрийцев, вынудив их на ряде участков начать отступление. Ввиду преимущества в живой силе у австрийцев в обоих случаях венгры, нанеся эти удары, организованно отходили обратно в крепость. Во время отступления венгерской армии 6 июля 1849 г. в Коморне был оставлен один корпус. Оборона этой крепости венгерским гарнизоном продолжалась до 27 сентября. — 282.

¹¹³ В период раннего средневековья мореплавание получило развитие не только у германских и скандинавских народностей, но и у восточных славян — предков современного русского, украинского и белорусского народов. Еще в VI—VIII вв. дружины славян предпринимали смелые плавания по Черному, Средиземному и Балтийскому морям. Во времена Киевского государства велась оживленная речная и морская торговля с Византией; военные флотилии киевских князей не раз появлялись у стен Константинополя. Славянская ладья, отличавшаяся высокими мореходными качествами, была приспособлена для плавания и военных действий и на реках и на морях и обладала большой маневренностью. После рас-

пада Киевского государства главным центром русского мореплавания была Новгородская Русь. В XVI в. при Иване IV была сделана попытка создать постоянный флот. В XVII в. на построенных в России парусных и гребных судах русские мореходы прокладывали новые водные пути на широком пространстве от Белого моря до Тихого океана. Огромные успехи в развитии мореплавания, в создании и усовершенствовании военно-морского флота были достигнуты в конце XVII — начале XVIII в. — в период царствования Петра I. — 284.

¹¹⁴ В русском флоте задолго до изобретения Пексаном бомбического орудия применялся вид пушки, приспособленной для стрельбы картечью, ядрами, разрывными бомбами и зажигательными снарядами. Впервые такие орудия — «единороги» 36-фунтового калибра, изобретенные Мартыновым и Даниловым, — были введены на вооружение кораблей в 1767 г. Они обладали высокими тактическими и техническими свойствами и большой разрушительной силой. — 288.

¹¹⁵ *Сражение при Колине* (город в Чехии) между австрийскими и прусскими войсками произошло 18 июня 1757 г. во время Семилетней войны. В этом сражении австрийские войска под командованием Дауна огнем пехоты и артиллерии отбили натиск пруссаков и обратили их в бегство. Прусская армия Фридриха II потерпела поражение. — 298.

¹¹⁶ *Война 1812—1814 гг.* между Англией и США была вызвана попыткой правящих классов Англии превратить экономические и политические связи США с наполеоновской Францией и подчинить Соединенные Штаты своему влиянию. В борьбе против Англии американские вооруженные силы и молодой флот пользовались поддержкой народных масс, увидевших в действиях англичан угрозу восстановления колониальной зависимости США от Англии. Однако в ходе войны американские плантаторы-рабовладельцы и крупная буржуазия обнаружили стремления к территориальной экспансии. Военные действия в 1812 г. велись с перевесом на стороне англичан, но в 1813 г. американцы добились очищения от английских войск штата Мичиган (граничит с Канадой) и нанесли поражение английской флотилии на озере Эри. В 1814 г. Англия прибегла к морской блокаде всего атлантического побережья США и предприняла высадку десантов. Английские войска взяли в августе 1814 г. Вашингтон. Однако истощение в войнах против Наполеона заставило англичан искать мира, заключенного в декабре 1814 г. на основе признания неприкосновенности довоенных границ. — 303.

¹¹⁷ *В сражениях при Фонтенуа* (Бельгия) во время войны за австрийское наследство (1740—1748 гг.) французская армия под командованием Морица Саксонского 11 мая 1745 г. разбила союзные англо-ганноверские и голландские войска.

При *Чипеуа* (на границе между Канадой и США) 5 июля 1814 г. произошло сражение между английским и американским отрядами во время англо-американской войны 1812—1814 гг.; сражение было выиграно американцами. — 304.

¹¹⁸ Перечислены сражения начальной стадии итальянской кампании французской армии под командованием Бонапарта в 1796—1797 гг. (о ней см. примечание 37, стр. 742). Начав 5 апреля 1796 г. наступление из Ниццы через горные проходы в долину реки По, армия Бонапарта нанесла 12 апреля поражение группе австрийских войск при *Монтенотте*. Другая группа австрийцев, действовавшая в составе союзной им пьемонтской армии, была разбита войсками Бонапарта 14 апреля при *Миллезимо*, а 15 апреля французы разгромили при *Дего* посланный в помощь этой группе австрийский отряд (иногда обозначается как второе сражение при Дего, так как сражение при Миллезимо также произошло в районе Дего). Вбив клин между австрийской и пьемонтской армиями, французские войска всеми силами обрушились на пьемонтцев, нанеся им ряд поражений (решающее в сражении при *Мондови* 22 апреля 1796 г.) и заставив их беспо-

рядочно отступить к Турину. Король Пьемонта был вынужден заключить сепаратный мир. Во всех этих сражениях французы использовали медлительность и рассредоточенность австро-пьемонтских войск, разбитых на отдельные группы в соответствии с устаревшей тактикой кордонов (расположение войск небольшими группами на широком театре). Тактика Бонапарта, наоборот, характеризовалась сосредоточением сил на решающих участках, стремительностью ударов, расчетом на разгром врага по частям.— 309.

¹¹⁹ После выхода из войны Пьемонта Бонапарт обратил свои силы против австрийцев, нанеся им 10 мая 1796 г. поражение при Лоди. Через четыре дня после этого французы заняли столицу Ломбардии Милан. Однако дальнейшее продвижение французских войск было задержано сопротивлением крепости *Мантуя*, представлявшей собой сильнейший опорный пункт австрийцев в северной Италии. Вынужденный предпринять длительную осаду Мантуи (продолжалась в общей сложности 9 месяцев), Бонапарт в то же время частью своих сил предпринял активные действия против пытавшихся деблокировать крепость австрийских войск. В конце июля 1796 г. в связи с наступлением австрийской армии под командованием Вурмзера войска Бонапарта должны были временно снять осаду Мантуи, возобновив ее после разгрома армии Вурмзера при *Кастильоне* 5 августа 1796 г. Вторичное наступление Вурмзера кончилось новым поражением. Австрийский генерал с остатками своих войск едва сумел пробиться в осажденную крепость, где был заперт вместе с ее гарнизоном. 15—17 ноября 1796 г. французская армия в кровопролитном сражении при *Арколе* нанесла поражение новой австрийской армии, посланной на выручку Мантуи, и 14—15 января 1797 г. выиграла у австрийцев сражение при *Риволи*. 2 февраля 1797 г. Мантуя должна была сдаться, что окончательно решило исход кампании в пользу французов.— 309.

¹²⁰ 10 марта 1807 г. наполеоновскими войсками после разгрома прусской армии осенью 1806 г. при Иене и Ауэрштедте и стремительного продвижения к Висле была начата осада крепости Данциг (Гданьск). Под Данцигом французы встретили упорное сопротивление со стороны гарнизона крепости, состоявшего из прусских войск и союзного русского отряда. Действия гарнизона были поддержаны неоднократными попытками другого русского отряда прорвать блокаду с внешней стороны. Однако ввиду значительного численного перевеса французов эти попытки не увенчались успехом. 27 мая гарнизон крепости сдался на почетных условиях.— 309.

¹²¹ Перечислены крупные сражения в истории войн, театром которых была северная Италия.

О сражениях при *Мариньяно* и *Павии* см. примечания 65 и 66, стр. 750—751.

О сражениях при *Арколе* и *Риволи* см. выше примечание 119.

В сражении при *Нови* 4 (15) августа 1799 г. русские и австрийские войска под командованием А. В. Суворова наголову разбили французскую армию генерала Жубера. Победой при Нови завершилась итальянская кампания, в которой русские войска одержали победу над лучшими французскими армиями. Италия была очищена от французов в значительно более короткий срок, чем она была завоевана Бонапартом в 1796—1797 гг.

О сражении при *Маренго* см. примечание 26, стр. 738.

При *Кустоцце* 23—25 июля 1848 г. контрреволюционная австрийская армия под командованием фельдмаршала Радецкого нанесла тяжелое поражение пьемонтским войскам во время войны Италии за независимость. Начало этой войны было положено мартовской буржуазной революцией в итальянских государствах, в том числе в подвластной Австрии Ломбардо-Венецианской области. Поражение при Кустоцце и последующее взятие войсками Радецкого Милана заставили правительство Пьемонта заключить в начале августа 1848 г. с австрийцами перемирие.

После возобновления военных действий в марте 1849 г. пьемонтская армия, вновь вступившая в Ломбардию, потерпела поражение в сражении при *Новаре* 23 марта 1849 года. Власть австрийцев в Ломбардии была восстановлена.— 309.

¹²² Война Франции и Пьемонта против Австрии, на неизбежность которой указывает здесь Ф. Энгельс, началась 27 апреля 1859 г. Она была вызвана стремлением итальянской буржуазии и либеральных помещиков к объединению Италии сверху, под властью королей Пьемонта (Савойская династия). На пути объединения Италии стояла Австрия, в борьбе с которой итальянские либералы старались опереться не на народные массы, а на поддержку Наполеона III, преследовавшего под маской помощи итальянцам династические и захватнические цели. Франция Наполеона III была, как и Австрийская империя, врагом национального объединения Италии, и истинным намерением французского императора являлась замена австрийской гегемонии в Италии французской. Тем не менее начало войны и первые победы франко-пьемонтской армии были восприняты итальянским народом как сигнал к выступлению против австрийского гнета. Испугавшись подъема национально-освободительного движения и перспективы объединения Италии революционным путем, Наполеон III в июле 1859 г. секретно заключил с австрийцами прелиминарный Виллафранкский мирный договор, сохранивший раздробленность Италии и оставлявший Венецианскую область в руках Австрии (Ломбардия, Тоскана, Парма и Модена позднее были переданы Пьемонту, зато к Франции перешли Савойя и Ницца). Однако, вопреки двуличной игре Наполеона и предательской уступчивости пьемонтского правительства, война 1859 г. дала толчок для развернувшейся вскоре в Италии народной борьбы за революционное объединение страны.— 317.

¹²³ *Сражения у Абенсберга и Экмюля*— этапы пятидневного сражения в районе Регенсбурга (Бавария) 19—23 апреля 1809 г. между наполеоновской армией (170 тыс.) и австрийскими войсками (180 тыс.) во время австро-французской войны 1809 года. Регенсбургское сражение окончилось поражением и отходом австрийской армии, сохранившей, однако, несмотря на потерю трети своего состава, боеспособность. Успех французов был достигнут благодаря умелой переброске главных сил Наполеоном в решающий момент боевых действий.— 321.

¹²⁴ Народный герой Италии Гарибальди был главным вдохновителем и организатором обороны Римской республики, провозглашенной 9 февраля 1849 года. Борьба этой республики против внешних и внутренних врагов развернулась на заключительном этапе итальянской буржуазной революции, после поражения итапо-пьемонтских войск при Новаре весной 1849 года. Контрреволюционные силы к этому времени подавили революционное движение в большинстве итальянских государств. Единственными оплотами революции оставались Римская республика в центре и Венецианская республика на севере. 24 апреля 1849 г. французские интервенты высадились в Чивита-Веккии и начали наступление на Рим с целью восстановления власти папы. С севера в Романью вторглись австрийские войска, с юга— контрреволюционная неаполитанская армия короля Фердинанда II. Однако интервенты встретили мужественное сопротивление народных масс Римской республики. Первое наступление французов было отбито, австрийцы были задержаны у города Анконы, а неаполитанские войска были обращены в бегство добровольцами Гарибальди. В ходе борьбы Гарибальди выдвигал смелые планы сочетания обороны с наступательными партизанскими действиями на территории других итальянских государств, рассчитывая разжечь общенациональную народно-освободительную войну. Однако возглавлявшие Римскую республику буржуазные демократы Мадзини, Саффи, Армеллини, проявив колебания и нерешительность, воспрепятствовали осуществлению этих планов. Гарибальди был назначен главнокомандующим лишь в начале июня 1849 г.,

когда кольцо врагов вновь стянулось вокруг Рима. 2 июля, признав дальнейшую борьбу в Риме безнадежной, Гарибальди с 4000 добровольцев выступил в поход на помощь Венецианской республике, отбивавшейся от австрийских войск. В этом героическом походе через территорию, занятую австрийцами, Гарибальди показал себя выдающимся революционным генералом, способным, опираясь на поддержку масс, маневрировать в трудных условиях войны в тылу врага. 31 июля остатки отряда Гарибальди достигли нейтральной республики Сан-Марино (вблизи Адриатического моря), однако в осажденную Венецию, которая вскоре должна была капитулировать, отряду Гарибальди пробиться не удалось. — 328.

¹²⁵ На Сент-Джемской улице (Сент-Джемс-стрит) в Лондоне в 1846—1848 гг. проживал принц Луи-Наполеон, будущий император Наполеон III. Попав в Лондон после бегства из крепости Гам, куда он был заключен за попытку произвести бонапартистский переворот во Франции в 1840 г., Луи-Наполеон вел там весьма разгульный образ жизни, общаясь со всевозможными проходными и посещая увеселительные и зрелищные заведения дешевого пошиба. *Амфитеатр Эстли* — цирк в Лондоне с открытой ареной. — 337.

¹²⁶ Описанный Ф. Энгельсом поход в 1860 г. итальянских патриотов во главе с Гарибальди в Сицилию и южную Италию (в походе участвовали и добровольцы из других стран, в том числе известный русский ученый и общественный деятель Л. И. Мечников) явился важнейшим этапом в развертывании народной борьбы за объединение Италии революционным путем. В этой кампании особенно ярко проявились дарования Гарибальди как революционного полководца-демократа. Сицилия — арена частых крестьянских восстаний и непрерывавшейся партизанской войны против гнета неаполитанских Бурбонов — была избрана гарибальдийцами как отправной пункт для военных действий с целью освобождения юга Италии. Овладев в мае 1860 г. Сицилией, гарибальдийцы в августе 1860 г. высадились в Калабрию, а 7 сентября войска Гарибальди уже вступили в Неаполь. Однако как политик Гарибальди оказался менее дальновидным и решительным, чем как генерал. Поддавшись нажиму и интригам монархической клики Пьемонта (Сардинского королевства) и вступив в союз с пьемонтским правительством, — во имя ошибочно в данном случае понятых интересов объединения страны, — Гарибальди и другие руководители гарибальдийского движения вместо провозглашения республики допустили присоединение южной Италии к Пьемонту. Пьемонтские либералы поспешили после этого разоружить героическую армию Гарибальди, а самого его отправить в почетную ссылку. Дальнейшие попытки Гарибальди освободить Римскую область от власти папы и французских оккупантов, находившихся там с 1849 г., встретили прямое военное противодействие Сардинской монархии. Объединение Италии было завершено лишь в 1870 г. занятием Рима итальянскими войсками. Таким образом, революционным движением масс, приведшим к объединению страны, воспользовалась клика помещиков и буржуа, навязавшая Италии монархический режим во главе с контрреволюционной Савойской династией. — 351.

¹²⁷ Имеются в виду действия отряда Гарибальди против неаполитанской армии в период обороны Римской республики весной 1849 г. Отбив 30 апреля атаку французских интервентов и заставив их отступить от Рима, отряд добровольцев во главе с Гарибальди был направлен правительством республики против действовавшей на юге неаполитанской армии. У Палестрины гарибальдийцы 6—7 мая разбили пятитысячный авангард этой армии, ликвидировав угрозу нападения ее на Рим. Смелыми маневрами и стремительными атаками в районе Веллетри войска Гарибальди 17—20 мая обратили неаполитанскую армию в бегство и отбросили ее к границе. После этой победы Гарибальди был отозван правительством республики в Рим, которому снова угрожали французы. — 352.

¹²⁸ В русской артиллерии образцы нарезных орудий появляются

в XVII в. В первой половине XVIII в. русским ученым-артиллеристом Лейтманом был разрешен вопрос о боевом использовании нарезного оружия. Лейтман написал книгу о свойствах нарезных стволов, в которой исследовал вопрос о полете пули, получившей при выстреле вращательное движение.— 376.

¹²⁹ Работа «История винтовки» была написана Ф. Энгельсом для буржуазного «Журнала для волонтеров Ланкашира и Чешира» в конце 1860 — начале 1861 г. и первоначально печаталась в этом журнале в виде серии статей; в 1861 г. она была включена Энгельсом в специальный сборник «Статьи для волонтеров». В работе обобщена история развития важнейшей отрасли оружейной техники в странах Западной Европы. Материалы о русской военной технике были в то время мало известны на Западе. Между тем в этой области русские изобретатели-оружейники предвосхитили многое из того, что потом получило распространение в западных странах. В России, например, в 1654 г. мастером Т. Вяткиным был изготовлен образец кремневой винтовки. Сохранились и другие образцы нарезного оружия. Идея заряджания оружия с казенной части также была известна в России еще в XVI и XVII веках. В 60-х годах XVIII в. русский оружейник И. Лялин изготовил ружье, заряжающееся с казенной части патроном с металлической гильзой. Отсталость царской России и ее крепостнический строй служили препятствием внедрению изобретений и усовершенствований, сделанных талантливыми русскими оружейниками.— 388.

¹³⁰ Гражданская война между северными штатами США и поднявшими мятеж рабовладельческими южными штатами продолжалась с апреля 1861 по июнь 1865 г. Подлинной причиной войны была, как указывал К. Маркс, борьба двух социальных систем: утвердившейся в северных штатах капиталистической системы наемного труда и господствовавшей на юге системы рабства, которая в условиях Северной Америки являлась пережитком феодально-крепостнического способа производства. Со стороны северных штатов война носила прогрессивный и — благодаря активному участию в ней рабочих, фермеров, негров-рабов — революционный характер. Однако крупная буржуазия Севера длительное время препятствовала применению революционных методов борьбы, затягивала решение вопроса об освобождении негров. Только под давлением масс и под влиянием неудач на фронте против мятежников были приняты более энергичные меры. 1 января 1863 г. был проведен акт об освобождении без земли негров-рабов, принадлежавших плантаторам — участникам мятежа. Более прогрессивный общественный строй, значительный перевес в экономических и людских ресурсах и превосходство в отношении морального духа армии предопределили победу северных штатов, что расчистило путь для бурного развития капитализма в США. Вместе с тем положение трудящихся, особенно формально объявленных свободными негров, после войны оставалось крайне тяжелым. Усилился гнет крупного капитала, акционерных обществ, банков. Негритянское и другое население Юга беспощадно эксплуатировалось бывшими рабовладельцами и подвергалось варварской расовой дискриминации.

Гражданская война дала толчок развитию военной техники и новых средств вооруженной борьбы. Во время этой войны были применены бронированные суда, широкое использование для военных целей получил железнодорожный транспорт, телеграфная связь.— 425.

¹³¹ Речь идет об англо-американской войне 1812—1814 гг. (см. примечание 116, стр. 762) и войне между США и Мексикой в 1846—1848 гг. Война с Мексикой была вызвана аннексией Соединенными Штатами в 1846 г. принадлежавшего Мексике Техаса и захватившими притязаниями американских плантаторов-рабовладельцев и крупной буржуазии на другие мексиканские области. В результате этой войны США, воспользовавшись экономической отсталостью и военной слабостью Мексики,

а также распрями внутри господствовавшей клики мексиканских помещиков, чиновников, высшего духовенства, захватили почти половину мексиканской территории, в том числе весь Техас, Северную Калифорнию, Новую Мексику и другие земли. Захватническая война с Мексикой была одним из проявлений колониальной экспансии США.— 428.

¹³² На реке *Булль-Рен* в районе Манассаса (в 30 км от Вашингтона) 21 июля 1861 г. произошло одно из первых крупных сражений гражданской войны в США. В этом сражении тридцатитысячная армия южан нанесла поражение войскам Севера. В военном отношении сражение выявило серьезные недостатки в организации и тактике обеих армий, особенно армий северян.— 431.

¹³³ При *Жемапе* (город в Бельгии) 6 ноября 1792 г. французская революционная армия под командованием Дюмурея нанесла поражение австрийским войскам генерала Клерфе. В сражении выявились не только моральное, но и тактическое превосходство французской армии, полунистинно-противопоставившей австрийской тактике растянутых фронтов (так называемая тактика кордонов) тактику удара концентрированными крупными силами. Победа при Жемапе привела к временному занятию французскими войсками Бельгии, которая, однако, вскоре была потеряна в результате последующих военных неудач, а также измены Дюмурея и других предательских элементов. Положение на фронтах изменилось в пользу Французской республики лишь к осени 1793 г., а весной — летом 1794 г. были одержаны решающие победы над врагом. Среди них особо важное значение имело победоносное сражение при *Флёрюсе* (близ города Шарлеруа), в котором революционные войска под командованием Журдана 26 июня 1794 г. наголову разбили силы антифранцузской коалиции под командованием герцога Кобургского, нанеся тем самым тяжелый удар контрреволюционному блоку европейских государств (Англии, Австрии, Пруссии и др.). Безопасность северных границ Французской республики была обеспечена, и революционной армии открывался путь в глубь австрийских Нидерландов и в Голландию. В сражении при Флёрюсе особенно проявилось тактическое преимущество и высокий моральный дух новой революционной армии, защищавшей завоевания буржуазной революции. Большую роль в обеспечении победы сыграла энергичная организаторская и политико-воспитательная деятельность в армии комиссаров Конвента — якобинцев. В сражении при Флёрюсе французская армия успешно применила и некоторые технические новшества: усовершенствованные в артиллерии, привязные аэростаты для наблюдения и разведки с воздуха.

О сражениях при *Монтенотте*, *Кастильоне* и *Риволи* см. примечания 118 и 119, стр. 762—763.— 431.

¹³⁴ В организации вооруженных сил северных штатов и в военных действиях против армии южан-рабовладельцев видную роль сыграли революционные эмигранты из европейских стран, принимавшие участие в событиях революции 1848—1849 гг. и вынужденные после ее поражения переселиться в Америку. Некоторые из этих эмигрантов занимали офицерские и генеральские посты в армии северян (например, друг и соратник Маркса и Энгельса И. Вейдемейер был полковником, участник баденского восстания 1849 г. А. Виллих — бригадным генералом и т. д.). Военские части северян, сформированные из рабочих-эмигрантов, добровольно вступавших в армию, отличались высокими боевыми качествами.— 432.

¹³⁵ *Сражение под Смоленском* 4—5 (16—17) августа 1812 г. во время Отечественной войны русского народа, отражавшего нашествие наполеоновской армии, носило оборонительный характер со стороны русской армии. Это сражение явилось примером использования русскими войсками населенного пункта с целью истощения и обескровливания наступающего противника и сохранения своих главных сил для дальнейшей борьбы с интервентами. Наполеоновская армия, понеся большие потери, не су-

мела добиться поставленной перед ней цели — разгромить русскую армию; последняя, не приняв генерального сражения, продолжала дальнейший отход на восток.

О *Бородинском сражении* см. примечание 22, стр. 737.— 443.

¹³⁶ Серия статей «Заметки о войне в Германии» писалась Ф. Энгельсом по мере получения информации о ходе войны между Австрией и Пруссией (июнь — июль 1866 г.). В этой войне Пруссия одержала победу над своим соперником Австрией и тем самым устранила важнейшее препятствие на пути к объединению Германии под своей гегемонией. На стороне Австрии в войне участвовал ряд германских государств (Ганновер, Саксония, Бавария и др.), сопротивление которых было, однако, быстро сломлено Пруссией. Союзником Пруссии выступила Италия, которая, несмотря на военные неудачи на суше (при Кустоцце 24 июня 1866 г.) и на море (при острове Лиссе 20 июля), сумела вернуть Венецианскую область в результате победы Пруссии над Австрией на главном театре войны (в Чехии). В ходе военных действий прусским командованием были сделаны серьезные упущения (плохая организация управления и связи между развернутыми на широком фронте армиями, слабое использование артиллерии, непонимание необходимости изменений в тактике боя в связи с широким применением нарезного оружия). Однако австрийское командование и армия оказались еще слабее, что привело к быстрому проигрышу Австрией войны.

В первых статьях этой серии Энгельс высказал неоправдавшееся предположение о возможной военной победе австрийцев, отказавшись от него, как только сведения о ходе военных операций позволили ему составить более точные представления о подлинном соотношении сил. Следует учесть при этом, что свой предварительный прогноз Энгельс строил, исходя из интересов объединения Германии революционным путем и считая, что военный разгром юнкерско-милитаристской Пруссии может вызвать революцию в Германии, результатом которой будет крах контрреволюционного монархического режима как в Пруссии, так и в Австрии, и создание германской республики. Однако победа Пруссии в австро-прусской войне предопределила объединение Германии сверху, антиреволюционным путем.— 447.

¹³⁷ *Датская война* — война Пруссии и Австрии против Дании в 1864 г., являвшаяся подготовительным этапом в объединении Германии под гегемонией контрреволюционной Пруссии. Целью юнкерского правительства Бисмарка в этой войне было присоединение к Пруссии подвластных датской короне герцогств Шлезвига и Гольштейна, усиление влияния Пруссии в Германии, приведение в покорность, с помощью военных побед, либеральной оппозиции. Участие Австрии в войне было необходимо Бисмарку для маскировки своих планов отстранения ее в будущем от решения германских дел. С своей стороны, Австрия сама поспешила принять участие в войне, опасаясь, что Пруссия одна воспользуется плодами победы. Военные действия продолжались, с перерывами, с 1 февраля по 16 июля 1864 г. и закончились, несмотря на упорное в ряде случаев сопротивление датской армии и успехи датчан на море, полным поражением Дании. Шлезвиг и Гольштейн были объявлены совместным владением Австрии и Пруссии; в первом герцогстве вводилось прусское, во втором — австрийское управление. Устанавливая эту сложную систему, Бисмарк преднамеренно создавал повод для будущего конфликта с Австрией, разгром которой, по его расчетам, должен был, помимо других выгодных для Пруссии последствий, обеспечить переход в ее руки обоих герцогств (как это и произошло в действительности в результате австро-прусской войны 1866 г.). В войне с Данией прусская армия впервые применила игольчатое ружье.— 451.

¹³⁸ Ф. Энгельс имеет в виду решающее сражение австро-прусской войны, произошедшее 3 июля у города Кёниггрец (правильное чешское

название — Градец-Кралове), неподалеку от деревни Садова. В историю это сражение вошло под двумя названиями: как сражение при Кёниггреце и как сражение при Садовой.— 465.

¹³⁰ О сражении при Иене см. примечание 81, стр. 754.

О сражениях при Ватерлоо и Линьи см. примечания 97 и 102, стр. 758.— 466.

¹⁴⁰ *Северогерманский союз* — объединенное германское государство, основанное в августе 1866 г., после победы Пруссии в австро-прусской войне, взамен распавшегося Германского союза 1815 г., который был лишь слабой и непрочной формой связи между германскими государствами. В 1867 г. была принята конституция Северогерманского союза. В Союз вошло 22 германских государства, вне Союза оставались Бавария, Баден, Вюртемберг и Гессен-Дармштадт. Господствующее положение в Союзе занимала Пруссия. Прусский король был объявлен президентом Союза и главнокомандующим союзными вооруженными силами. Образование Северогерманского союза явилось важным этапом в объединении Германии под главенством Пруссии. Это объединение было завершено в 1871 г., когда после побед, одержанных в ходе франко-прусской войны, правящие классы Пруссии провозгласили 18 января 1871 г. в Версале основание Германской империи, в состав которой вошли и южногерманские государства.— 469.

¹⁴¹ *Митральеза* — многоствольное скорострельное оружие, установленное на тяжелом лафете. Первые образцы митральезы состояли из десяти ружейных стволов на артиллерийском лафете. После франко-прусской войны митральезы были сняты с вооружения, но затем принципы, примененные в устройстве этого оружия, были использованы при создании пулемета.— 470.

¹⁴² У *Вейсенбурга* (Эльзас) 4 августа 1870 г. французская дивизия Дуэ (входившая в состав 1-го корпуса Мак-Магона) была атакована тремя корпусами прусской армии. Во время кровопролитных атак вейсенбургских укрепленных позиций пруссаки потеряли 1551 человек убитыми и ранеными. Бои у Вейсенбурга выявили возросшую мощь полевых фортификационных укреплений. В то же время боевые действия показали, что французское командование не сумело своевременно провести мобилизацию и обеспечить правильное развертывание своих армий, что в значительной степени предопределило успех пруссаков в период пограничных боев начальной стадии франко-прусской войны.— 479.

¹⁴³ *Сражение при Вёрте* 6 августа 1870 г.— крупное встречное сражение первого периода франко-прусской войны 1870—1871 гг., окончившееся поражением французского корпуса Мак-Магона. Сражение было начато по инициативе частных начальников и характеризовалось разрозненностью действий, отсутствием общего руководства, неспособностью прусского командования организовать решительное преследование. Сражение при Вёрте подтвердило необходимость отказа от обычного в то время боевого порядка пехоты — колонн, которые в условиях применения скорострельного нарезного оружия несли огромные потери.— 481.

¹⁴⁴ Неподалеку от *Форбаха* (Лотарингия, в 9 км от Саарбрюкена) прусские войска 6 августа 1870 г. нанесли поражение французскому корпусу генерала Фроссара; 7 августа они взяли город Форбах. В исторической литературе это сражение чаще обозначается как сражение у Шлихерна.— 483.

¹⁴⁵ Об осаде *Мантуи* см. примечание 119, стр. 763.

О капитуляции при *Ульме* см. примечание 94, стр. 756—757.— 497.

¹⁴⁶ На основе глубокого анализа военной обстановки Ф. Энгельс не только заранее предсказал здесь вероятность происшедшей 7—8 дней спустя капитуляции армии Мак-Магона, но и довольно точно определил место, где она должна была произойти. События у Седана разыгрались всего в 20 км от указанной Энгельсом местности.— 501.

¹⁴⁷ Имеется в виду сражение у Бомона (город близ реки Маас, к юго-востоку от Седана) 30 августа 1870 г. между войсками Мак-Магона, двигавшимися на выручку осажденного Меца, и частями 3-й и 4-й прусских армий, двигавшихся наперерез армии Мак-Магона. Несмотря на упорное сопротивление, французы были разбиты и должны были отступить к Седану. Это сражение непосредственно предшествовало капитуляции при Седане.— 504.

¹⁴⁸ Еще в своей брошюре «По и Рейн» (1859 г.) Ф. Энгельс предвидел возможность нарушения нейтралитета Бельгии во время крупных военных столкновений европейских капиталистических государств; он указывал: «...историческая практика должна еще доказать, что этот нейтралитет при любой европейской войне есть нечто большее, чем клочок бумаги...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XI, ч. II, стр. 42). Во время франко-прусской войны дело не дошло до использования воюющими сторонами бельгийской территории для военных действий, но последующий ход истории подтвердил правоту предвидения Энгельса. В 1914 г. империалистическая Германия, поправ международные договоры, обошла с бельгийским нейтралитетом, как с «клочком бумаги». В 1940 г. гитлеровская Германия вновь грубо нарушила нейтралитет Бельгии и оккупировала ее территорию.— 506.

¹⁴⁹ Говоря о трех сражениях в районе Меца, Ф. Энгельс имеет в виду сражение при Коломбе — Нуйльн (вошло в историю также под именем сражения при Борни) 14 августа 1870 г., при Марс-ля-Туре 16 августа 1870 г. и при Гравелоте (известно также как сражение при Сен-Прива) 18 августа 1870 г., в результате которых армии Базена был отрезан путь отступления на запад и она была заперта в Меце. Все три сражения описаны Энгельсом в предыдущих статьях серии «Заметки о войне» (см. стр. 490—498). Под «отчаянным 36-часовым боем» подразумевается сражение в районе Меца, происшедшее 31 августа — 1 сентября 1870 г. и представлявшее собой попытку армии Базена прорваться из Меца по направлению к Тионвилю. Однако эта попытка не увенчалась успехом.— 507.

¹⁵⁰ Поражение при Седане и другие крупные поражения французской армии явились прямым результатом кризиса и разложения бонапартистского режима. Известие о седанской катастрофе вызвало 4 сентября 1870 г. народное восстание в Париже. II-я империя пала. Однако возглавившие так называемое правительство «национальной обороны» монархист Трошю, буржуазные дельцы Жюль Фавр, Жюль Ферри и другие разделяли смертельный страх французской буржуазии перед массами и ее готовность на капитуляцию перед внешним врагом ради подавления революционного пролетарского движения. Правительство «национальной обороны» повело себя как правительство национальной измены, вступив за спиной у народа в переговоры с врагом. Тем не менее крах II-й империи и установление республики внесли коренное изменение в характер войны, начатой бонапартистской кликой с целью помешать объединению Германии. Война приобрела характер защиты французским народом национальной независимости и территориальной целостности Франции, на которую посягали прусские юнкеры и германские капиталисты. Последние не менее бонапартистского правительства были виновны в развязывании войны и уже на ее первом этапе, когда она со стороны Германии в целом была оборонительной, проявили стремление к аннексии Эльзаса и Лотарингии. Захватнические поползновения прусской правящей клики и германских шовинистов, опьяненных военными победами, еще больше усилились после Седана. Бисмарк отверг французские предложения о мире, предъявив Франции грабительские требования. Прусские войска вели себя как наглые завоеватели, притеснявшие мирное население и зверски расправлявшиеся с партизанами (фран-тирерами). Со стороны Пруссии война стала носить открыто захватнический, явно агрессивный характер.

Возглавляемое Марксом и Энгельсом Международное Товарищество Рабочих (I Интернационал) — в том числе и его представители в Германии, вожди немецкого рабочего класса А. Бебель и В. Либкнехт — решительно выступило против захватнических действий прусской правящей клики и выдвинуло требование немедленного заключения почетного мира с Французской республикой. Задачей французских патриотов Маркс и Энгельс считали организацию широкого народного сопротивления прусским захватчикам. Позиция, занятая во время войны I Интернационалом, сыграла крупную роль в деле воспитания французских и немецких рабочих в духе пролетарского интернационализма. — 510.

¹⁵¹ Ф. Энгельс имеет в виду капитуляцию Пруссии во время австро-прусского конфликта 1850 г., вызванного попыткой Пруссии осуществить объединение Германии под своим главенством. С этой целью по инициативе Пруссии был создан союз 26-ти германских государств, так называемая «Германская уния». Однако притязания Пруссии встретили энергичное противодействие со стороны Австрии и России. Русский император Николай I, вызвав в Варшаву министра-президента Пруссии и австрийского канцлера для улаживания конфликта, дал понять представителю Пруссии, что в случае войны Россия окажет помощь Австрии. Прусские правящие круги вынуждены были временно отказаться от своих планов. При посредстве русского посланника в Австрии в ноябре 1850 г. в Ольмюце (чешский город Оломоуц) было подписано австро-прусское соглашение, по которому Пруссия признала незыблемость установленных в 1815 г. в Германии порядков, обеспечивавших перевес влиянию Австрии. «Германская уния» вскоре была ликвидирована. Проведенная в Пруссии во время конфликта мобилизация (длилась до 1851 г.) выявила неудовлетворительное состояние прусской армии.

Энгельс иронически сравнивает это дипломатическое поражение Пруссии с поражением римлян в Кавдинском ущелье в 321 г. до н. э. во время второй Самнитской войны. По преданию, после сражения самниты заставили сдавшиеся римские легионы в знак позора пройти под ярмом. — 516.

¹⁵² Ф. Энгельс неоднократно с возмущением отзывался о палочной дисциплине и казарменной муштре, господствовавших в прусской армии, а позднее насаждавшихся правящими классами Германии в армии агрессивной Германской империи. Так, касаясь зверского обращения с нижними чинами и других подобных «традиций» реакционного пруссачества в этой армии, Энгельс писал в 1893 г. следующее: «Это зверское обращение с солдатом — неизменный спутник казарменного режима и парадной муштровки; то и другое всегда широко разворачивается в прусской армии, когда она становится на некоторый период армией мирного времени, а от пруссаков это переходит затем и к саксонцам, баварцам и т. д. Это — наследие доброго «старо-прусского» времени, когда солдат был либо завербованным бродягой, либо сыном крепостного и поэтому должен был безропотно сносить от своих офицеров-юнкеров всякое насилие и оскорбление. И именно опустившееся, обнищавшее и паразитическое дворянство, которого не мало к востоку от Эльбы, и сейчас еще является поставщиком злейших мучителей солдат, и в этом отношении с ним могут сравниться только спесивые буржуазные сынки, которые любят корчить из себя юнкеров» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 355). — 519.

¹⁵³ Решительный противник милитаризма и гонки вооружений, Ф. Энгельс видел в социалистической революции единственное средство полного избавления человечества от истребительных войн, порождаемых капиталистическим эксплуататорским строем. При этом он, однако, отнюдь не считал бесперспективной борьбу против милитаризма и в рамках капиталистической системы, признавая возможность путем энергичной агитации, массовых действий и давления на капиталистические правитель-

ства со стороны рабочего класса и его союзников ослабления угрозы войны и достижения более или менее прочных гарантий длительного мира. В одной из своих работ 1893 г., названной им «Может ли Европа разоружиться?», Энгельс давал положительный ответ на этот вопрос. Он выдвинул вполне приемлемую в тех исторических условиях программу разоружения, которая предусматривала сокращение постоянных армий и сроков военной службы, а также переход к более прогрессивным формам военного обучения населения, рассчитанным на увеличение числа граждан, пригодных для мобилизации в случае необходимости защиты страны от агрессора, и, наоборот, — на максимальное сокращение контингентов, способных играть роль орудия агрессии. Борьбу за предотвращение захватнических войн Маркс и Энгельс постоянно считали важнейшей задачей международного рабочего движения. — 522.

¹⁵⁴ Имеются в виду военные действия армии северных штатов в период гражданской войны в США (1861—1865 гг.) с целью овладения двумя важнейшими опорными пунктами южных рабовладельцев: *Виксбургом* (на левом берегу реки Миссисипи) и *Ричмондом* (столица южной конфедерации). Учитывая военное значение Виксбурга, южане усовершенствовали его укрепления, возвели береговые батареи, установили полевую артиллерию. Армия северных штатов в течение 1862—1863 гг. неоднократно пыталась овладеть Виксбургом. 1 июля 1863 г. после ожесточенной бомбардировки северяне захватили один из южных редутов. 3 июля гарнизон крепости сдался. В ходе действий северяне организовали взаимодействие сухопутных войск и крупной флотилии, в составе которой имелись броненосные корабли. Овладение Виксбургом значительно усилило стратегические позиции армии северных штатов в бассейне реки Миссисипи.

Первая попытка овладеть Ричмондом была предпринята в апреле 1862 г. армией северян под командованием Мак-Клеелана. Однако войска северян были разбиты в сражениях на подступах к Ричмонду 26 июня и 2 июля 1862 г. и вынуждены были в беспорядке отступить. Армия южан под командованием Ли предприняла обходный маневр с целью окружения Вашингтона. Положение спасли добровольческие полки, которые решительными ударами остановили наступление противника.

Вторично наступление на Ричмонд было организовано во время общего наступления всех армий северян, начатого в мае 1864 года. Однако перед Ричмондом армии северян встретили серьезное препятствие в виде сильно укрепленного лагеря южан, приковавшего к себе значительное число войск. С целью отвлечения сил северных штатов от Ричмонда Ли в конце июня 1864 г. предпринял наступление на Вашингтон, но был разбит 19 сентября у Винчестера. Развивая наступление, армии северян стали повсеместно теснить войска южных штатов, и 3 апреля 1865 г. войска генерала Гранта взяли Ричмонд. — 523.

¹⁵⁵ Речь идет о героической обороне Сарагоссы в период национально-освободительной борьбы испанского народа против наполеоновских войск. В июне 1808 г. после неудачной попытки захватить Сарагоссу французские захватчики приступили к ее осаде, которая, однако, не увенчалась успехом. Положение Сарагоссы ухудшилось после того, как в декабре 1808 г. французские войска захватили Мадрид, а 20 декабря значительно более крупными силами начали вторую осаду Сарагоссы (ниже описывается Энгельсом). 20 февраля 1809 г. Сарагосса пала. Двухмесячная оборона Сарагоссы, имевшей весьма слабые укрепления, показала высокий моральный дух народных масс, боровшихся за национальную независимость своей страны. — 524.

¹⁵⁶ *Мексиканская экспедиция* (1862—1867) — вооруженная интервенция Франции при активном участии Англии и Испании в Мексику с целью свержения прогрессивного правительства Б. Хуареса и превращения Мексиканской республики в колонию европейских держав. В наме-

рения интервентов входило также использование Мексики в качестве плацдарма для вмешательства в гражданскую войну в США на стороне рабовладельческих штатов. Вскоре же после начала интервенции обнаружился острый противоречия между ее участниками, в результате чего Англия и Испания отозвали свои войска. Французские интервенты продолжали захватнические действия и, заняв в 1863 г. столицу Мексики Мехико, провозгласили Мексику «империей» во главе со ставленником Наполеона III австрийским эрцгерцогом Максимилианом. Однако в результате героической освободительной войны мексиканского народа французские захватчики потерпели позорное поражение и вынуждены были в 1867 г. вывести свои войска. Максимилиан, попав в плен, был расстрелян республиканцами.

Базен был одним из организаторов мексиканской экспедиции; с 1863 г. он занимал пост главнокомандующего экспедиционными силами.— 533.

¹⁵⁷ «Pall Mall Gazette» («Газета Пэл-Мэлл»; Пэл-Мэлл — название улицы в Лондоне, известной множеством клубов) — вечерняя английская газета консервативного направления; выходила в Лондоне с 1865 по 1927 гг. (с 1921 г. под несколько измененным названием). Несмотря на аристократический характер газеты, К. Маркс считал возможным поддерживать некоторое время деловые отношения с ее редакцией, так как, по его словам, это была «единственная не продажная газета в Лондоне» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIV, стр. 371). Во время франко-прусской войны в «Pall Mall Gazette» печаталась серия статей Ф. Энгельса «Заметки о войне», привлекая к себе внимание широких кругов читателей глубиной анализа военных действий и точностью научных прогнозов.— 534.

¹⁵⁸ В январе 1870 г. Наполеон III, вынужденный в связи с ростом недовольства режимом II-й империи заигрывать с либеральными кругами, образовал «либеральное министерство» во главе с бывшим лидером республиканской оппозиции Эмилем Оливье. Однако после первых поражений во франко-прусской войне «либеральное министерство» было 9 августа 1870 г. заменено военным кабинетом. Премьер-министром и военным министром был назначен ярый бонапартист генерал Монтобан (граф Паликао).— 537.

¹⁵⁹ Ф. Энгельс имеет в виду подавление прусскими контрреволюционными войсками восстания в Бадене и Пфальце в мае—июле 1849 г. (см. об этом статьи Энгельса из серии «Революция и контрреволюция в Германии» в настоящем Сборнике; стр. 51—59), а также поражение добровольческих отрядов Гарибальди у Ментаны (населенный пункт в Римской области) 3 ноября 1867 г. во время боя с войсками папы и французских интервентов. В результате этого поражения потерпела неудачу предпринятая Гарибальди осенью 1867 г. попытка освобождения Римской области. Неудача Гарибальди объясняется значительным численным перевесом и лучшим вооружением войск противника (французы применили против гарибальдийцев новый тип нарезного оружия — ружья Шасспо, заряжающиеся с казенной части), а также вероломным поведением по отношению к Гарибальди итальянского королевского правительства, пославшего в репашающий момент против него войска. По приказу короля Виктора-Эммануила Гарибальди после Ментаны был арестован и отправлен в ссылку на остров Капрсеру. В Римской области правительство папы Пия IX еще больше усилило режим реакции и террора.— 542.

¹⁶⁰ Речь идет о поражении при *Кульмье*, нанесенном 9 ноября 1870 г. частями только что сформированной Луарской армии французов авангарду прусских войск, наступавших от Парижа в центральную Францию и занявших 11 октября Орлеан. В результате удара французов баварский корпус генерала фон-дер Танна, составлявший этот авангард, вынужден был очистить Орлеан и приостановить наступление. Однако эта победа,

свидетельствовавшая о патриотическом воодушевлении в рядах французских новобранцев, не была должным образом использована капитулянтски настроенным французским командованием. Более подробно об этом сражении см. ниже «Заметки о войне — XXXI» (стр. 561—565 настоящего Сборника). — 546.

¹⁶¹ Речь идет о действиях Луарской и Парижской армий с целью снятия блокады Парижа в конце ноября — начале декабря 1870 г. Во время этих действий части Луарской армии потерпели 28 ноября поражение при Бон-ла-Роланде, а 2 декабря были разбиты при Луаньи-Пупри, после чего должны были отступить на юг. Войска принца Фридриха-Карла 4 декабря вновь взяли Орлеан, вбив клин между правым и левым флангами Луарской армии. Последняя разделилась на две армии под командованием Бурбаки и Шанзи. Одновременно с неудачными действиями Луарской армии 30 ноября и 2 декабря были предприняты под командованием Дюкро безуспешные вылазки из Парижа и боевые действия на Марне частей Парижской армии. Официально целью этих действий провозглашалось соединение с Луарской армией и дальнейшая совместная борьба за освобождение Парижа. Однако стоявшие во главе парижского гарнизона генералы — Трошю и др. — сознательно стремились к провалу вылазок, рассчитывая, что бесплодные потери подорвут волю пролетарских защитников Парижа к сопротивлению и создадут благоприятную обстановку для капитуляции перед пруссаками, в которой реакционные круги видели средство устранить угрозу революции. — 550.

¹⁶² В последующие годы, когда были опубликованы подробные материалы о войне, Ф. Энгельс еще больше убедился в том, что французское командование упустило возможность освободить от блокады Париж в конце октября и в ноябре 1870 г. и нанести в этом районе серьезный удар пруссакам, не успевшим в тот момент еще сосредоточить здесь достаточно крупные силы. Резкая критика действия французских генералов-монархистов и контрреволюционных буржуазных политиков, в руки которых после 4 сентября перешло руководство делом обороны Франции, дана в этой связи в рукописи Энгельса «Замечание к странице «Истории Коммуны» (см. настоящий Сборник, стр. 651—654). — 563.

¹⁶³ Имеются в виду действия прусских войск весной 1864 г. против сооруженной датчанами линии полевых укреплений восточнее деревни Дюппель (Шлезвиг), прикрывавших переправу на остров Альсен. 18 апреля 1864 г. прусские войска овладели дюппельскими редутами, вынудив датчан отступить на Альсен, что обусловило благоприятный для Пруссии исход датской войны 1864 года. Взятие Дюппельских укреплений продемонстрировало возросшую роль артиллерии в осадных действиях. — 568.

¹⁶⁴ Перечислены сражения заключительной стадии франко-прусской войны 1870—1871 гг. В семидневном сражении (с 6 по 13 января 1871 г.) в районе *Ле Мана* (или *Ле Манса*) 2-я Луарская армия под командованием Шанзи потерпела поражение от прусских войск принца Фридриха-Карла и великого герцога Мекленбургского и вынуждена была оставить *Ле Ман*. Последствием этого поражения было занятие пруссаками Алансона (17 января) и Тура (19 января). В этих боях значительная часть армии Шанзи была полностью дезорганизована, но и наступавшие прусские войска, понеся тяжелый урон, особенно в офицерском составе, были обескровлены. У *Сен-Кантена* (у реки Соммы, к северу от Парижа) прусские войска под командованием Гёбена нанесли 19 января 1871 г. поражение французской армии генерала Федерба (так называемой Северной армии). Французы понесли большие потери, в том числе 9 000 пленными, однако расчеты Гёбена на полное окружение и ликвидацию французских сил не оправдались. У *Эрикура* (восточная Франция) 15—17 января 1871 г. произошло сражение между французской армией под командованием Бурбаки (1-я Луарская армия), наступавшей в район Вогезов (восточная

Франция) с целью освобождения занятых и осажденных немцами эльзасских крепостей и перерыва немецких коммуникаций, и сравнительно малочисленными немецкими войсками генерала Вердера, которые действовали в этом районе. Атаки французов были отбиты, и они вынуждены были начать отступление, в ходе которого армия Бурбаки была прижата подоспевшими прусско-немецкими войсками к швейцарской границе. 1 февраля 1871 г., перейдя границу, эта армия в составе 80 тысяч человек была интернирована швейцарскими властями.— 572.

¹⁶⁵ Несмотря на то, что средства сопротивления Франции были далеко еще не исчерпаны, контрреволюционная французская буржуазия, совершая предательство национальных интересов, поспешила принять унизительные условия мира, с тем чтобы обрушить все силы против охваченного революционным брожением французского пролетариата, особенно против рабочих Парижа. Избранный 17 февраля 1871 г. реакционным большинством Национального собрания в Бордо главой правительства Тьер в тот же день возобновил переговоры о мире, до истечения срока заключенного 28 января перемирия (срок кончался 19 февраля). 26 февраля preliminaryные условия мира были подписаны. Однако пролетарская революция 18 марта 1871 г. в Париже и провозглашение Парижской Коммуны помешали привести их в исполнение. Реакционные прусские юнкеры немедленно пришли на помощь своему бывшему военному противнику — французской буржуазии, возглавляемой кровавым палачом Тьером. Бисмарк приказал освободить и направить в распоряжение Тьера часть французских военнопленных, прусские войска не пропускали в Париж продовольствие. Переговоры о заключении мира были возобновлены во Франкфурте-на-Майне незадолго до падения Коммуны. По Франкфуртскому миру, подписанному 10 мая 1871 г., от Франции были отторгнуты Эльзас и Лотарингия, она должна была уплатить контрибуцию в 5 миллиардов франков и содержать оккупационные войска, вывод которых был обусловлен выплатой контрибуции. Этот мир, ограбивший Францию, делал неизбежным, как предвидели Маркс и Энгельс, новое военное столкновение между Францией и Германией.— 577.

¹⁶⁶ *Новая мадридская федерация* — местная организация I Интернационала в Испании, основанная в июне 1872 г. сторонниками Генерального Совета в противовес бакунинской Мадридской федерации и испанскому Федеральному совету, в которых преобладающим влиянием пользовались члены руководимого Бакуниным Альянса социалистической демократии. Новая федерация проводила революционно-пролетарскую линию и была опорой Маркса и Энгельса в их борьбе с мелкобуржуазной анархистской сектой бакунистов, помогая разоблачать раскольнические и дезорганизаторские действия бакунистов в Испании.— 582.

¹⁶⁷ *Чартизм* — массовое революционное движение английского рабочего класса под знаменем борьбы за осуществление демократической Народной хартии (по-английски «charter» — «хартия», отсюда и название движения), центральным пунктом которой было введение всеобщего избирательного права. Путем проведения в жизнь Хартии чартисты рассчитывали покончить с нуждой и страданиями рабочего класса. Возникнув в середине 30-х годов XIX в., движение чартистов достигало особого подъема в 1839, 1842 и 1847—1848 гг. После поражения революции 1848 г. чартистское движение пошло на убыль.— 585.

¹⁶⁸ *Всеобщий германский рабочий союз* — организация немецких рабочих и ремесленников, основанная в 1863 году. Создание Союза явилось шагом вперед в развитии самостоятельного рабочего движения в Германии, но главы Союза — мелкобуржуазный социалист Лассаль и его последователи — придали деятельности Союза оппортунистический характер. Лассальянцы ограничивали его задачи мирными парламентскими и реформистскими целями, отрицали роль крестьянства как союзника проле-

тариата, поддерживали политику объединения Германии сверху, под гегемонией контрреволюционной Пруссии. Всеобщий рабочий союз был использован лассальянцами для борьбы против I Интернационала и основанной в 1869 г. в Германии марксистской Социал-демократической рабочей партии (так называемых эйзенахцев). Стремление рабочих к единству и недовольство рядовых членов лассальянского Союза политикой его руководителей заставили последних пойти в 1875 г. на слияние обеих организаций в единую рабочую партию. Однако вследствие примиренчества вождей эйзенахцев программа, принятая на объединительном съезде в Готе, изобиловала грубыми оппортунистическими ошибками лассальянского толка.— 588.

¹⁶⁹ *Фальстаф* — персонаж произведений великого английского драматурга В. Шекспира: исторической драмы «Генрих IV» и комедии «Виндзорские проказницы»; классический образ хвастливого труса, гуляки и балагура.— 589.

¹⁷⁰ Критика Ф. Энгельсом действий бакунистов во время революции в Испании и высказанные им в связи с этим идеи были всесторонне использованы В. И. Лениным в период русской буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. Опираясь на эти идеи, творчески их развивая и обогащая, В. И. Ленин выдвинул и обосновал важнейшие тактические положения партии нового типа: о вооруженном восстании как искусстве, о необходимости централизованного руководства вооруженной борьбой, о сочетании революционных действий «снизу», со стороны составших масс с революционными действиями «сверху», со стороны организованной революционной власти, о временном революционном правительстве и участии в нем представителей партии пролетариата. В. И. Ленин подверг уничтожающей критике оппортунистическую, хвостистскую тактику меньшевиков, показав, что во многих вопросах меньшевики целиком восприняли анархистско-оппортунистические принципы бакунистов, несостоятельность которых блестяще показал еще Энгельс. Характеризуя взгляды Энгельса на восстание, развиваемые им применительно к испанскому восстанию летом 1873 г., Ленин писал следующее: «Несмотря на то, что восстание было поднято мелкобуржуазными республиканцами; несмотря на то, что для пролетариата не стоял вопрос ни о социалистическом перевороте, ни об элементарно-необходимой политической свободе;— несмотря на это, Энгельс страшно высоко ценил активнейшее участие рабочих в борьбе за республику, Энгельс требовал от вождей пролетариата, чтобы они всю свою деятельность подчинили необходимости победы в начавшейся борьбе; Энгельс входил при этом и сам, как один из вождей пролетариата, даже в детали военной организации, Энгельс не пренебрегал, раз это нужно было для победы, и устаревшими способами борьбы военных бунтов, Энгельс во главу угла ставил наступательный образ действий и централизацию революционных сил» (Сочинения, т. 8, стр. 445—446).— 593.

¹⁷¹ Маршал Базен был в 1872 г. отдан под суд по обвинению в изменнических действиях во время обороны и сдачи Меца и приговорен в декабре 1873 г. к смертной казни. Однако президент Французской республики Мак-Магон заменил смертный приговор заключением на острове Св. Маргариты (Средиземное море), откуда в 1874 г. Базен бежал, найдя вскоре убежище в монархистской Испании.— 599.

¹⁷² См. примечание 151, стр. 771.— 610.

¹⁷³ Этот прогноз Ф. Энгельса В. И. Ленин в статье «Пророческие слова» (июнь 1918 г.) характеризовал как гениальное пророчество, основанное на ясном и точном научном классовом анализе. «Кое-что из того, что предсказал Энгельс,— писал Ленин,— вышло иначе: еще бы не измениться миру и капитализму за тридцать лет бешено быстрого империалистского развития. Но удивительнее всего, что столь многое, предсказанное Энгельсом, идет, «как по писаному» (Сочинения, т. 27, стр. 456). Осо-

бенно высоко ценил В. И. Ленин в этих высказываниях Энгельса о будущей войне его оптимистическую непоколебимую веру в конечную победу рабочего класса и торжество социализма. Маловерию, унынию и отчаянию людей, привыкших лакействовать перед буржуазней и давших себя запугать ей, Ленин противопоставлял научное предвидение Энгельса, предсказывавшего, что развязанная мировой буржуазней война при всех разрушениях и неисчислимых жертвах, которые она принесет человечеству, может лишь ускорить крах эксплуататорского строя.— 612.

¹⁷⁴ Настоящая рукопись представляет собой незаконченное произведение Ф. Энгельса, над которым он работал в апреле 1851 г., предназначая его не для печати, а для частной информации Маркса. Работа была предпринята Энгельсом для того, чтобы уяснить с военной точки зрения шансы на победу пролетарской партии и революционного пролетариата, в случае если бы новый подъем революционного движения во Французской республике привел ее к вооруженному столкновению с объединенными силами европейской дворянско-монархической контрреволюции. Энгельс при этом называл вероятную коалицию монархических государств «Священным союзом», имея в виду, что ее главными участниками будут Россия, Австрия и Пруссия, составлявшие ядро Священного союза 1815 г.— контрреволюционного объединения европейских монархов, созданного с целью подавления революционного и национально-освободительного движения (этот союз распался еще в конце 20-х годов, но после революций 1830 и 1848 гг. делались попытки его возобновления). В письме Марксу от 3 апреля 1851 г. Энгельс обещал составить изложение предполагаемых военных событий возможной войны Священного союза против революционной Франции, а в письме от 11 апреля сообщал Марксу, что его «стратегический очерк» вскоре будет закончен (см. настоящее издание, стр. 667—668). И тем не менее Энгельс не завершил своей работы, отчасти в силу занятости другими делами, отчасти потому, что ход событий в самой Франции, шедшей навстречу бонапартистскому перевороту, сделал маловероятной перспективу близкой революции в этой стране и ее столкновения с коалицией контрреволюционных государств. Рукопись Энгельса была опубликована только в 1914 году. Несмотря на свою незавершенность, она содержит глубочайшие военно-теоретические обобщения и представляет весьма большой научный и политический интерес.— 623.

¹⁷⁵ Под войной 1792—1794 гг. Энгельс имеет в виду войну революционной Франции в период французской буржуазной революции конца XVIII в. против коалиции феодально-абсолютистских государств Европы, в которой активную роль играла также буржуазно-аристократическая Англия. Об этом см. примечание 3, стр. 731.— 623.

¹⁷⁶ Описанное Энгельсом сражение при *Вальми* (населенный пункт в северо-восточной Франции, в департаменте Марны) 20 сентября 1792 г. между прусско-австрийскими войсками под командованием герцога Брауншвейгского и французскими войсками под командованием Дюмурея и Келлермана сыграло крупную роль в ходе войны революционной Франции с контрреволюционной коалицией. Благодаря победе французов в этом сражении была ликвидирована угроза захвата Парижа интервентами, создавшаяся после взятия войсками герцога Брауншвейгского восточных французских крепостей Лонгви (23 августа 1792 г.) и Вердена (2 сентября 1792 г.). Через 10 дней после поражения пруссаки и австрийцы вынуждены были начать отступление и вскоре очистили Верден и Лонгви; 5 октября 1792 г. войска интервентов были отброшены за французскую границу. Победа при Вальми имела огромное морально-политическое значение. Это была первая победа, одержанная молодыми, плохо обученными, но воодушевленными идеей защиты революционного отечества республиканскими войсками, доказавшими свою способность противостоять вымуштрованным армиям феодально-абсолютистских государств.

С точки зрения истории военного искусства, сражение при Вальми представляет интерес как образец сражения, в котором значительная часть действий обеих сторон свелась к артиллерийской дуэли.— 624.

¹⁷⁷ О сражении при Жемапе см. примечание 133, стр. 767.— 624.

¹⁷⁸ После победы при Жемапе 6 ноября 1792 г. и занятия французами Бельгии Дюмуре не использовал выгодной обстановки для преследования и окончательного разгрома разбитого врага на территории Голландии. Он предпринял действия в Голландии лишь тогда, когда австрийскому командующему герцогу Кобургскому удалось стянуть значительные силы. Потерпев ряд поражений в Голландии, армия Дюмуре была 18 марта 1793 г. разбита войсками герцога Кобургского при *Неервиндене* (Бельгия). Результатом этих неудач была потеря Бельгии; над северными границами Франции вновь нависла угроза вторжения интервентов. В предательских действиях Дюмуре, связанного с антиреволюционными кругами французской крупной буржуазии, проявилось недовольство части генералитета и высшего офицерства армии усилением влияния революционных, якобинских элементов. После поражения при *Неервиндене* Дюмуре открыто изменил республике и бежал в лагерь врага.— 624.

¹⁷⁹ Контрреволюционный мятеж против Французской республики в департаменте *Вандея* (запад Франции) вспыхнул в марте 1793 г. Главную массу мятежников составляла забитая и отсталая часть местного крестьянства, жившего в полупатриархальных условиях. Подстрекаемые контрреволюционными священниками и дворянами-роялистами, недовольные набором в армию, новыми налогами, мятежные крестьяне стали создавать вооруженные отряды, действовавшие партизанскими методами против республиканских войск. Во главе многих отрядов стояли дворяне, руководившие всем движением. Мятеж распространился на соседние области: Бретань и Нормандию. Население, сохранившее верность республике, подверглось кровавому террору. Активную помощь вандейцам и другим мятежникам оказывало английское правительство, снабжавшее их оружием и наводнившее западную Францию своей агентурой. Борьба республиканских сил с вандейцами затянулась на многие месяцы и лишь в октябре 1793 г. главные отряды мятежников были разгромлены. Окончательно мятеж был ликвидирован в Вандее только в марте 1795 г., а в Бретани в 1796 г.— 624.

¹⁸⁰ О сражении при *Флёрюсе* см. примечание 133, стр. 767.— 625.

¹⁸¹ 10 августа 1792 г. в результате народного восстания в Париже во Франции была свергнута монархия и установлена республика (окончательно была провозглашена 22 сентября 1792 г.). Это событие явилось важнейшей вехой в развитии французской буржуазной революции. Падение монархии привело ко временному сосредоточению всей власти в руках Законодательного собрания, преобладающее влияние в котором принадлежало жирондистам — представителям тех кругов крупной торгово-промышленной буржуазии, которые не были заинтересованы в дальнейшем углублении революции. Исполнительная власть была вручена Временному исполнительному совету из шести министров. Большинство постов в Совете досталось жирондистам, в порядке уступки революционным элементам в его состав был введен правый якобинец Дантон. Говоря о министерстве 10 августа, Энгельс имел в виду этот Временный исполнительный совет. 20 сентября 1792 г. Законодательное собрание вынуждено было уступить место Национальному конвенту, избранному на основе широкого избирательного права (в голосовании могли участвовать все мужчины, достигшие 21 года, кроме домашней прислуги). Конвент явился высшим представительным органом власти в период всего последующего развития революции. Через свои комитеты и комиссии, через своих комиссаров он осуществлял руководство всеми общественно-политическими делами в стране. До конца мая — начала июня 1793 г. преобла-

дающей силой в Конвенте были жирондисты, со 2 июня 1793 г. политическое преобладание перешло к революционной партии якобинцев.— 625.

¹⁸² Имеется в виду ликвидация двух крупных очагов контрреволюционных восстаний в южной Франции во время высшего подъема французской буржуазной революции — в период революционной диктатуры якобинцев. Антиякобинский мятеж в Лионе был поднят крупной буржуазией города в конце мая 1793 г., в момент, когда в Париже якобинцы одержали победу над жирондистами. Лионское восстание произошло одновременно с мятежами во многих других департаментах и провинциальных городах южной и западной Франции, организованных жирондистами, которые стремились противопоставить провинцию революционной столице. Этими восстаниями широко воспользовались открыто контрреволюционные, роялистские элементы, нахлынувшие в мятежные города. Мятеж в Лионе был подавлен 9 октября 1793 г. республиканскими войсками, осадившими и взявшими Лион. В Тулоне восстание против якобинского муниципалитета было поднято еще раньше, 12 мая 1793 г. Воспользовавшись тулонским мятежом и присоединением к мятежникам ряда высших офицеров французского флота, в августе 1793 г. Англия и Испания, воевавшие против Франции, ввели в Тулонский порт свои военно-морские силы. Однако после штурма и взятия 19 декабря 1793 г. главных фортов Тулона республиканскими войсками интервенты вынуждены были эвакуировать Тулон. При осаде и взятии Тулона отличился Наполеон Бонапарт, руководивший в качестве артиллерийского офицера бомбардировкой тулонских фортов.— 625.

¹⁸³ При *Туркуэне* (северная Франция) французские войска под командованием Моро, Вандама и Макдональда нанесли 18 мая 1794 г. серьезное поражение союзной англо-австрийской армии герцога Кобургского. Эта победа открыла французам путь в глубь Бельгии по прибрежной полосе и подготовила их дальнейшие успехи на этом театре военных действий в кампании 1794 г.— 626.

¹⁸⁴ Имеется в виду начальная стадия итальянской кампании французской армии под командованием Бонапарта против союзных австро-пьемонтских войск. Решающие сражения на этой стадии военных действий, приведшие к выходу Пьемонта из войны, произошли между 12 и 22 апреля 1796 г. (о них см. примечание 118, стр. 762—763).— 626.

¹⁸⁵ *Комитет общественного спасения* был учрежден Национальным конвентом 6 апреля 1793 г. с целью проведения более эффективных мер для организации отпора врагам Французской республики. Комитет имел широкие полномочия в области внутренней и внешней политики, сосредоточив также в своих руках руководство военными действиями. Временный исполнительный совет (министры) был поставлен под контроль Комитета, а в дальнейшем вообще заменен подчиненными Комитету исполнительными комиссиями. В июле 1793 г. в результате укрепления революционных сил состав Комитета общественного спасения обновился: в него вошли представители более революционных течений среди якобинского блока. Во главе Комитета стали Робеспьер и его ближайшие соратники, под руководством которых Комитет играл роль — вплоть до переворота 9 термидора (27 июля) 1794 г. — подлинно революционного правительства Франции. Карно был введен в состав Комитета общественного спасения 14 августа 1793 г., ведая в нем личным составом и передвижением армий.— 626.

¹⁸⁶ Имеется в виду оборона бельгийской крепости и порта Антверпен (расположен в устье реки Шельды) французскими войсками во время кампании 1814 г., в период, когда военные действия европейских государств против наполеоновской Франции были перенесены на территорию Франции и соседних с ней стран. Карно, которому в январе 1814 г. была поручена организация обороны крепости, довольно успешно справился со своей задачей. Крепость выдержала несколько бомбардировок

и регулярную осаду со стороны войск антинаполеоновской коалиции и была сдана (5 мая 1814 г.) лишь после капитуляции главных наполеоновских сил во Франции.— 627.

¹⁸⁷ 9—10 *термидора* (27—28 июля) 1794 г. произошел контрреволюционный государственный переворот, приведший к падению якобинской диктатуры и казни вождей якобинцев (Робеспьера и других). В результате переворота было установлено господство крупной буржуазии. В подготовке и проведении переворота деятельное участие принимали элементы, связанные с выросшей в годы революции спекулятивной «новой» буржуазией, представители враждебных якобинцам течений (жирондисты и др.) и оппозиционных Робеспьеру и его единомышленникам группировок в самом Комитете общественного спасения (к последним примыкал и Карно) и Конвенте. После переворота Карно продолжал фактически возглавлять вооруженные силы Франции.

¹⁸⁸ *фрюктидора* (4 сентября) 1797 г. в результате острой борьбы внутри правящей буржуазной верхушки Французской республики было произведено — неконституционным путем — изменение состава высших правительственных учреждений (Директории, Совета старейшин и т. д.), из которых были удалены монархистские элементы, готовившие государственный переворот. Карно, скомпрометированный своей близостью к роялистским заговорщикам, бежал из Франции.

¹⁸⁹ *брюмера* (9 ноября) 1799 г. Наполеон Бонапарт и его сторонники произвели государственный переворот, завершивший процесс буржуазной контрреволюции во Франции (см. об этом примечание 26, стр. 738). Вернувшись после переворота во Францию, Карно в 1800 г. был назначен военным министром, но вскоре ушел в отставку. Несмотря на известную оппозицию стремлениям Бонапарта к усилению личной власти (Карно высказывался против провозглашения Бонапарта пожизненным консулом и позднее, в 1804 г., — против объявления его императором), он занимал в наполеоновской Франции высшие государственные посты.— 627.

¹⁹⁰ *Рейнский союз* — объединение западногерманских государств, образованное Наполеоном в 1806 г. после победы над Австрией и официального упразднения Германской империи (так называемой Священной римской империи германской нации). Союз находился под протекторатом наполеоновской Франции, входившие в него государства играли роль ее вассалов. Рейнский союз распался в 1813 г. после поражений, нанесенных наполеоновским армиям союзными силами России, Австрии, Пруссии.— 628.

¹⁹¹ О «*Neue Rheinische Zeitung*» («Новой Рейнской газете») — см. примечание 8, стр. 733.— 628.

¹⁹² Более подробно кампании австрийской армии под командованием Радецкого в период войны Италии против австрийского господства в 1848—1849 гг. проанализированы Энгельсом в статье «Как Австрия держит в своих руках Италию» (см. настоящий Сборник, стр. 309—316). Справочный материал см. в примечании 121, стр. 763—764.— 628.

¹⁹³ О сражениях у Абенсберга и Экмюля см. примечание 123, стр. 764.— 629.

¹⁹⁴ *Штурм Очакова и Измаила* — крупнейшие военные события периода русско-турецкой войны 1787—1791 гг. Война была вызвана стремлением султанской Турции, подстрекаемой правящими английскими и прусскими кругами, вернуть под свою власть Крым, который был присоединен к России в 1783 г., а также Грузию, перешедшую под русский протекторат. С другой стороны, царская Россия, не довольствуясь приобретением в результате русско-турецкой войны 1768—1774 гг. выхода к Черному морю у устья Днепра, стремилась отобрать у Турции все захваченные последней владения в Северном Причерноморье. Вслед за Турцией войну России объявила в 1788 г. Швеция, принужденная, однако, в результате крупных поражений заключить в 1790 г. мир. Союз-

ником России против Турции была Австрия. К числу крупнейших операций относится осада и взятие русскими войсками в 1788 г. крепости Очаков, расположенной на северном берегу Днепровско-Бугского лимана и являвшейся одним из опорных пунктов турок и базой их флота. Осада крепости была начата в июле 1788 г., но затянулась вследствие нерешительности и пассивности командующего Екатеринославской армией Г. А. Потемкина. А. В. Суворов, участвовавший в осаде, был отстранен командующим из-за разногласий с ним по поводу способа ведения осады. Несмотря на ошибки командования, 6 (17) декабря крепость была взята штурмом. Овладению Очаковом способствовали успешные боевые действия русского Черноморского флота под руководством Ф. Ф. Ушакова. Решающий удар Турции был нанесен взятием русской армией крепости Измаил в 1790 г., расположенной на одном из рукавов устья Дуная. С помощью французских и немецких инженеров Измаил был превращен турками в мощное укрепление, имевшее 260 орудий и считавшееся в Западной Европе неприступным. Гарнизон крепости составляла 35-тысячная армия. Осада крепости велась безуспешно до тех пор, пока во главе осаждавших ее войск не был поставлен А. В. Суворов. Великий русский полководец, располагавший численно меньшими силами, чем их было у осажденных (под командованием Суворова находилось около 30 тысяч человек), сумел за 8 дней подготовить войска к штурму, который был блестяще осуществлен 11 (22) декабря 1790 г. и окончился занятием крепости. При этом штурмовавшие Измаил русские войска понесли значительно меньше потерь, чем турки (последние потеряли 26 тысяч убитыми и 9 тысяч пленными, потери русских составили 2037 убитых и 2433 раненых). Овладение Измаилом в корне изменило стратегическую обстановку в пользу России, и Турция в 1791 г. должна была заключить Ясский мирный договор, признав Крым и все Северное Причерноморье, от Кубани до Днестра, владениями России.— 630.

¹⁹³ Имеются в виду переговоры о перемирии в Версале между представителем правительства «национальной обороны» Тьером (в то время не входил в правительство, но фактически играл роль его негласного руководителя) и Бисмарком, начатые 28 октября 1870 года, в момент получения известий о сдаче Меца. 30 октября о переговорах стало известно в Париже. Парижские массы с возмущением отнеслись к предстоящему заключению предательского перемирия, которое буржуазное правительство изображало как величайшее благо для Франции. Известие о переговорах Тьера дало толчок к революционному выступлению парижских рабочих, сделавших 31 октября первую, окончившуюся неудачей, попытку провозглашения Коммуны. Капитулянтски настроенной французской буржуазии, однако, не удалось в то время осуществить свои планы сговора с внешним врагом. Целиком используя бездеятельность во время переговоров французского командования, Бисмарк, после того как время было выиграно, проявил крайнюю неуступчивость и сорвал переговоры.— 651.

¹⁹⁴ Опасения Ф. Энгельса за судьбу К. Маркса в Париже, куда Маркс прибыл из юго-западной Германии в начале июня 1849 г., надеясь на новый подъем революции во Франции, имели серьезные основания. После неудачного выступления французских демократов 13 июня 1849 г. французское правительство издало декрет о высылке Маркса в нездоровый, болотистый департамент Морбиган, пребывание в котором грозило его здоровью и жизни. Эта замаскированная попытка убийства заставила Маркса в августе 1849 г. переселиться в Лондон, куда в ноябре 1849 г. прибыл Энгельс, перебравшийся в Англию из Швейцарии через Гению.— 666.

¹⁹⁵ Характеризуя Веллингтона как консервативно-аристократического деятеля, делавшего после упорного сопротивления некоторые необходимые уступки буржуазии, Ф. Энгельс сравнивает его политическую тактику с его военной тактикой в период отступления английской армии под

командованием Веллингтона к укрепленным позициям у Торрес-Ведрас (Португалия) в 1810 г. (об этом см. примечание 111, стр. 761).— 669.

¹⁹⁶ В сражении при Идштедте (населенный пункт в Шлезвиге) 24—25 июля 1850 г. датская армия разбила шлезвиг-гольштинские войска под командованием генерала Виллизена. Сражение произошло на последнем этапе войны за освобождение Шлезвига и Гольштинии (Гольштейна) от датского господства, начатой в 1848 г. В войне участвовала Пруссия, стремившаяся под флагом помощи Шлезвигу и Гольштейну присоединить их к своей территории, а также другие государства Германского союза. В начале июля 1850 г. эти государства под нажимом Англии, Франции и России заключили мир с Данией. Временное правительство Шлезвига и Гольштейна пыталось самостоятельно продолжать борьбу, но после нескольких поражений (в том числе и при Идштедте) вынуждено было в августе 1850 г. прекратить сопротивление.— 673.

¹⁹⁷ Имеется в виду участие прусской армии в кампании коалиционных сил против Французской республики в 1794 г. Прусские войска действовали на территории Пфальца, в районе к югу от реки Мозель и к западу от Рейна, откуда они были вытеснены французами в 1793 г. Частичные успехи прусской армии в начале кампании (май 1794 г.) не привели, однако, к стратегическому результату. Поражение же союзных австро-английских армий в Бельгии, а также австрийских войск на Рейне заставило прусское командование осенью 1794 г. отвести свои войска, теснимые французами, на правый берег Рейна. В апреле 1795 г. Пруссия заключила с Францией сепаратный мир, выйдя из первой анти-французской коалиции.— 677.

¹⁹⁸ «Союз добродетели» («Тугендбунд») — политическое общество, созданное в Пруссии в 1808 г., после поражения в войне с наполеоновской Францией и заключения Тильзитского мира. В обществе преобладали либеральные дворяне, хотя в состав его входили и представители других сословий. Активную роль в нем играли некоторые видные деятели прусской армии (Гнейзенау и другие). Целью общества была пропаганда освободительной войны против Наполеона и поддержка умеренных либеральных реформ в Пруссии. По требованию Наполеона в конце 1809 г. «Союз добродетели» был запрещен прусским королем Фридрихом-Вильгельмом III, который и сам чрезвычайно опасался его деятельности. Однако тайно Союз продолжал существовать вплоть до окончания войн с Наполеоном.— 678.

¹⁹⁹ На реке *Кацбах* (польское название Качава) в Силезии одна из армий антинаполеоновской коалиции под командованием Блюхера (Силезская армия) нанесла 14 (26) августа 1813 г. поражение войскам наполеоновского маршала Макдональда. В состав Силезской армии входили два русских корпуса под командованием Ланжерона и Сакена и прусский корпус под командованием Йорка.— 679.

²⁰⁰ 14—15 (26—27) августа 1813 г. произошло сражение в районе *Дрездена* (Саксония) между союзными австро-руско-прусскими войсками (Богемской армией) под командованием австрийского фельдмаршала Шварценберга и армией Наполеона. Сражение было проиграно союзниками в значительной мере из-за того, что австрийский фельдмаршал не принял предложения русского командующего Барклая де Толли о нанесении контрудара по левому флангу наполеоновской армии. Во время отступления, проходившего в чрезвычайно трудных условиях, Богемская армия была спасена от гибели успешными действиями русского 15-тысячного арьергарда, прикрывавшего ее отход и разбившего французов у Кульма. Большую роль в изменении обстановки в пользу союзников сыграли также успешные действия Силезской армии под командованием Блюхера, состоявшей из русских и прусских войск. Выиграв упомянутое выше сражение на Кацбахе, эта армия преследовала французов из Силезии до

Бауцена (Саксония), а затем совершила фланговый марш по направлению к Вартенбургу. Действия Силезской армии заставили активизироваться и Северную армию союзников под командованием бывшего наполеоновского маршала шведского регента Бернадота, который после Дрезденского сражения готов был изменить союзникам и стал заигрывать с Наполеоном. К октябрю 1813 г. все три союзные армии, перейдя в наступление, нанесли наполеоновским силам решающее поражение в генеральном сражении под *Лейпцигом* (о нем см. примечание 29, стр. 739).— 679.

²⁰¹ Сражение при *Монмирае* (Шампань) между союзными прусско-русскими войсками под командованием Блюхера и армией Наполеона произошло 31 января 1814 г., во время первого наступления войск антинаполеоновской коалиции на Париж. Сражение было выиграно французской армией, воспользовавшейся распылением сил союзников и несогласованностью в действиях командиров прусских и русских корпусов. Первое наступление союзников на Париж не увенчалось успехом, но в результате второго наступления в феврале—марте 1814 г. сопротивление наполеоновских войск было сломлено и Париж был взят.— 679.

²⁰² Под *Страсбургом* в октябре 1836 г. сообщники Луи Бонапарта совершили авантюристическую попытку свергнуть Июльскую монархию и провозгласить Луи Бонапарта императором. За эту попытку Луи Бонапарт был выслан из Франции, однако в августе 1840 г. он вновь повторил бонапартистскую авантюру, высадившись с небольшой группой своих приверженцев около Булони. На этот раз Луи Бонапарт был заключен в крепость, откуда бежал в 1846 году.

2—4 декабря 1851 г. сторонники Луи Бонапарта, избранного в декабре 1848 г. президентом Французской республики, совершили государственный переворот, приведший к установлению во Франции 2 декабря 1852 г. контрреволюционного бонапартистского режима II-й империи.— 682.

²⁰³ «*Allgemeine Zeitung*» («Всеобщая газета») — немецкая ежедневная реакционная газета; была основана в 1798 г., с 1810 по 1882 г. выходила в Аугсбурге. Газета являлась одним из пропагандистов расистско-шовинистических и пангерманистских идей. Так, накануне итальянской войны 1859 г. она развивала план создания «великой среднеевропейской державы» под гегемонией немцев, призванных, якобы, по самой своей «природе» владычествовать над другими нациями: итальянцами, венграми, славянами, бельгийцами, голландцами и т. д. В работе «По и Рейн» Ф. Энгельс жестоко высмеял эти бредовые реакционные фантазии и завоевательный зуд их авторов (См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XI, ч. II).— 683.

²⁰⁴ *Эпирская война* — решающий этап во второй гражданской войне в древнем Риме (49—45 гг. до н. э.). Война велась между двумя группировками рабовладельцев. Во главе одной из них стоял Помпей, во главе другой — Цезарь. Оба стремились к установлению своего единовластного правления. В конце 49 г. до н. э. главным театром военных действий сделался Эпир (западная часть Балканского полуострова). В июне 48 г. до н. э. в сражении при Фарсале войска Цезаря разбили армию Помпея, который бежал в Египет и вскоре был убит. Его сыновья и сторонники, утвердившиеся в северной Африке и в Испании, были разбиты войсками Цезаря в течение 47—45 гг. до н. э. В результате этой гражданской войны Римская республика была фактически ликвидирована и установилась империя во главе с Цезарем.— 684.

²⁰⁵ 11 апреля 1861 г. вооруженные силы южных рабовладельческих штатов, которые незадолго до этого объявили о своем отделении и образовали особую конфедерацию, внезапно напали на форт Сомтер (или Самтер), расположенный у входа в порт Чарльстон (столица штата Южная Каролина). Нападение южан на этот форт и захват его ими положило начало гражданской войне в США (1861—1865 гг.), первый период

которой обнаружил крайнюю неподготовленность в военном отношении северных штатов.— 685.

²⁰⁶ У деревни *Биг-Бетель* (штат Виргиния) 10 июня 1861 г., в начальный период гражданской войны в США, произошло сражение между войсками южной конфедерации и отрядом войск северных штатов, пытавшимся овладеть передовыми позициями южан. Атака этого отряда полевых укреплений южан была отбита, и он отступил, понеся значительные потери.— 687.

²⁰⁷ Имеется в виду наступление армий северян под командованием генералов Гранта и Бьюэля (общее руководство операциями осуществлял генерал Галлек) в феврале—апреле 1862 г. в районе центральных штатов. В результате этого наступления северяне овладели штатом Кентукки и важнейшими стратегическими пунктами в штате Теннесси. Однако эти победы не были должным образом использованы, а последующие поражения северян на главном (мэрилендском) направлении свели на нет успехи армий Гранта и Бьюэля на западе.— 687.

²⁰⁸ Речь идет о контрнаступлении армии южан под командованием генерала Ли, предпринятом осенью 1862 г. после провала наступления северян на Ричмонд и разгрома на этом фронте войск генерала Мак-Клеллана в конце июня—начале июля 1862 года. Целью Ли был захват Вашингтона и овладение штатом Мэриленд, а также рядом других так называемых «пограничных штатов» (граничащих с территорией южной конфедерации). Нанеся в конце 1862 г. и весной 1863 г. тяжелые поражения северянам на вашингтонском и балтиморском направлениях (Балтимора—крупнейший город Мэриленда), Ли, однако, не достиг поставленной им цели. Население Мэриленда, за исключением кучки плантаторов и некоторых крупных буржуа, враждебно встречало армию южных рабовладельцев. Упорной оказалась оборона подступов к важнейшим центрам северян, активную роль в которой играли добровольческие части из фермеров и рабочих. Летом 1863 г. военная обстановка на этом фронте изменилась в пользу северян.— 691.

²⁰⁹ См. примечание 154, стр. 772.— 693.

²¹⁰ В 1864 г. генерал Шерман во главе одной из армий северных штатов предпринял рейд в Георгию (Джорджию) по направлению к опорному пункту южан—Атланте и далее к морю с целью расчленения южных штатов на две части. Наступление армии Шермана развивалось с большим успехом. Уже 2 сентября Шерман занял Атланту (4 сентября, когда Ф. Энгельс писал свое письмо, известия об этом еще не дошли до Манчестера), а 21 декабря порт Саванну. Закрепившись на побережье Атлантического океана, армия Шермана начала наступление с юга на Ричмонд. В это же время со стороны Вашингтона наступала армия под командованием генерала Гранта. Однако лишь к весне 1865 г. было завершено окружение Ричмонда, который пал 3 апреля 1865 года. Через 6 дней основные вооруженные силы южан капитулировали. Наступление армии Шермана, сыгравшее крупную роль в разгроме южных рабовладельцев, было поддержано военно-морскими силами северных штатов.— 694.

²¹¹ Ф. Энгельс имеет в виду войну реакционных мятежников-карлистов против испанского правительства в 1833—1840 гг. (см. примечание 39, стр. 743). Война сопровождалась грабежами и насилиями вооруженных банд мятежников. Во время победоносного освободительного похода войск Гарибальди в 1860 г. из Сицилии в Неаполь армия Неаполитанского королевства также распалась под ударами гарибальдийцев на разрозненные банды.— 696.

²¹² В период войны Пруссии и Австрии против Дании в 1864 г. союзная австро-прусская армия (80 000 человек) атаковала в начале февраля 1864 г. датчан (32 000 человек), занимавших укрепленные позиции у населенного пункта *Миссунде* (Шлезвиг). Отсутствие правильных

сведений о силах противника, неумелое использование артиллерии и нерешительность командования первоначально привели к срыву наступательных действий австро-прусской армии, однако позднее датские войска — ввиду перевеса сил противника — должны были отступить.

Об операциях прусских войск при взятии *Дюпелльских укреплений* см. примечание 163, стр. 774.— 698.

²¹³ После убийства 14 апреля 1865 г. президента А. Линкольна во главе правительства США стал бывший вице-президент Джонсон — ставленник крупной буржуазии, стремившейся к союзу с разгромленными в гражданской войне плантаторами Юга. Джонсон провел в мае 1865 г. частичную амнистию мятежников-южан и добивался принятия их представителей на равных правах в конгресс. Поощряемые такой политикой, бывшие рабовладельцы стали вводить «черные кодексы», прибегать к террору против негров. Под давлением масс и по настоянию левого крыла республиканской партии конгресс должен был, вопреки Джонсону, ввести военное положение на юге и принять ряд мер против бывших рабовладельцев (так называемая «реконструкция Юга»). Однако эта «реконструкция» вскоре была широко использована в целях наживы наводнившими южные штаты спекулятивными капиталистическими элементами, быстро нашедшими общий язык с плантаторами. Неграм, освобожденным без земли, и белым беднякам была навязана кабальная форма аренды, являвшаяся экономическим пережитком рабства. Для негритянского населения, формально объявленного равноправным, но фактически бесправным и жестоко эксплуатируемого, был установлен террористический режим, поддерживаемый посредством «суда Линча», бандитских организаций типа Ку-клукс-клан и других форм расовой дискриминации.— 701.

²¹⁴ Критические высказывания К. Маркса против проповедуемого прудонистами национального нигилизма и его мысль о необходимости для пролетариата активного участия в прогрессивных национальных войнах были полностью учтены и развиты дальше в новых исторических условиях В. И. Лениным при разработке им марксистского учения по национально-колониальному вопросу. В частности, данное письмо Маркса В. И. Ленин использовал в своей работе «О праве наций на самоопределение» (1914 г.) в полемике с Р. Люксембург, которая допускала полумещевистские ошибки в национальном вопросе, отрицая возможность национальных и национально-освободительных войн в эпоху империализма. Исходя из отправных идей Маркса и Энгельса по национальному вопросу, опираясь на глубокий анализ экономических и политических особенностей эпохи империализма, В. И. Ленин выдвинул положение о национально-освободительных войнах как одном из типов справедливых войн, раскрыл значение освободительной борьбы трудящихся колоний и угнетенных стран как могучего резерва пролетарской революции.— 703.

²¹⁵ Прусская военщина и придворная клика готовы были использовать победу в австро-прусской войне для территориальных захватов за счет Австрии. Однако более дальновидные прусские политики, в частности Бисмарк, решили сравнительно мягкими условиями мира купить нейтралитет Австрии в будущей войне с Францией, сулившей, в случае победы, прусским юнкерам и немецкой буржуазии большие выгоды. Пруссия, как писал впоследствии Энгельс, «...отказывалась от колбасы ради ветчины» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 479). Поэтому при заключении Пражского мира (август 1866 г.) Бисмарк не потребовал от Австрии территориальных уступок и довольствовался небольшой контрибуцией.

Победа в войне сблизила немецкую буржуазию с юнкерским правительством Бисмарка. Это отразилось на упомянутых Ф. Энгельсом выборах в прусский ландтаг, на которых либеральная оппозиция (партия *прогрессистов*, основанная в 1861 г.) потерпела поражение. Среди самих

прогрессистов произошел раскол: правое крыло их образовало партию национал-либералов, чья политика отражала капитуляцию буржуазии перед Бисмарком, после того как он осуществил ее программу объединения Германии сверху.— 704.

²¹⁶ *Скапен* — главный персонаж комедии великого французского драматурга Мольера «Проделки Скапена», образ ловкого и находчивого слуги, умело пользующегося обстоятельствами.— 704.

²¹⁷ *Фениахи* называли себя (по имени древнеирландских воинов) члены основанного в 1858 г. «Ирландского революционного братства» — организации ирландских мелкобуржуазных революционеров-республиканцев, боровшихся за независимость Ирландии. Деятельность фениев отражала стихийный протест народных масс Ирландии против колониального гнета и сгона с земель ирландских крестьян английскими лендлордами. Однако заговорщическая тактика фениев привела к концу 60-х годов к превращению их в узкую секту.— 706.

²¹⁸ Ф. Энгельс предполагал, что одновременная победа социализма в главных странах позволит отказаться от постоянных кадровых армий и перейти к системе всеобщего вооруженного ополчения (милиции). В новую историческую эпоху, в эпоху империализма и пролетарских революций, вопрос об организации вооруженных сил социалистического государства и судьбах постоянных армий при социализме должен был решаться по-другому. И он был решен В. И. Лениным, Коммунистической партией на основе ленинского вывода о возможности победы социалистической революции в эпоху империализма в одной, отдельно взятой, стране и о невозможности одновременной победы такой революции во всех странах, а также на основе тех коренных изменений, которые произошли в самих условиях ведения войн. Опыт истории показал, что в условиях войн машинного периода, когда на полях сражений выступают многомиллионные армии, вооруженные сложнейшей машинной техникой, в условиях существования двух социальных систем — лагеря капитализма и лагеря социализма, — когда угроза военной опасности со стороны капиталистического лагеря не снимается, — только кадровые, постоянные вооруженные силы способны успешно решать задачи по осуществлению защиты интересов социалистического государства.— 706.

²¹⁹ О *Рейнском союзе* см. примечание 188, стр. 780.— 708.

²²⁰ Тильзитский мир был заключен наполеоновской Францией с Россией и Пруссией 7 июля 1807 г., завершив военную кампанию 1806—1807 гг. Условия этого мира были крайне тяжелыми и унижительными для Пруссии. Помимо утраты значительной части территории (в том числе всех владений к западу от Эльбы), Пруссия фактически оставалась оккупированной страной, так как вывод французских войск был поставлен в зависимость от выплаты контрибуции в 100 млн. франков. Россия, по условиям мира, не несла никаких территориальных потерь и даже приобретала незначительную территорию на западе. Однако, как и Пруссия, она должна была присоединиться к континентальной блокаде (запрещение всякой торговли с Англией). Русский император Александр I заключил с Наполеоном военный союз, оказавшийся, ввиду новых завоевательных притязаний Наполеона в отношении России, весьма недолговечным.— 710.

²²¹ Имеется в виду Центральный комитет Национальной гвардии Парижа. Формирование Национальной гвардии для обороны Парижа началось еще в августе 1870 г. После падения II-й империи в ряды Национальной гвардии вступили широкие слои парижского пролетариата. Состав большинства батальонов стал пролетарским. Буржуазные власти пытались обезоружить и обезглавить пролетарское большинство Национальной гвардии. Ответом парижских масс было укрепление своей военной организации. В середине февраля — начале марта 1871 г. были

сформированы Центральный комитет, советы легионов, батальонные комитеты. 18 марта 1871 г. Центральный комитет возглавил пролетарское восстание в Париже и до выборов Парижской Коммуны, которой он 28 марта передал свои полномочия, выполнял функции главного органа революционной пролетарской власти. Проявив энергию в борьбе против контрреволюционных сил в самом Париже, Центральный комитет допустил, однако, ряд серьезных военных и политических ошибок. Так, Центральный комитет отказался от немедленного наступления на Версаль, куда укрылось бежавшее из Парижа правительство Тьера, проявил поспешность с выборами в Коммуну вместо предварительного проведения необходимых мероприятий по укреплению революционной власти, не провел конфискации банка, имущества контрреволюционеров и т. д. Ошибки Центрального комитета, как и Коммуны, объясняются прежде всего отсутствием у парижских рабочих подлинно пролетарской, марксистской партии.

Опыт Парижской Коммуны показал, что восставший пролетариат, овладев государственной властью, должен создать вооруженные силы, стоящие на уровне современных достижений в области военного дела, и применять наступательную стратегию и тактику.— 718.

²²² Предвидя, что будущим социалистическим государствам придется в ходе социалистической революции (победу которой Энгельс считал возможной лишь одновременно в основных странах) вести оборонительные войны и отражать нападения капиталистических стран, Ф. Энгельс предугадал некоторые характерные особенности армий этих государств. Еще в 1845 г. в своих «Эльберфельдских речах» Энгельс указывал, что социалистическому обществу и его вооруженным силам будут совершенно чужды захватнические стремления и что в случае навязанной войны член такого общества будет защищать «действительное отечество, действительный очаг...» Он, отмечал Энгельс, «... будет бороться с воодушевлением, со стойкостью, с храбростью, перед которыми должна разлететься, как солома, механическая выучка современной армии» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. второе, т. 2, стр. 539). Ряд важных мыслей о будущих социалистических армиях Энгельс высказал в работе «Возможности и перспективы войны Священного союза против Франции в 1852 г.» (см. настоящее издание стр. 623—649).— 723.

²²³ *Фелькер* — один из героев германской средневековой эпической поэмы «Песнь о Нибелунгах», образ могучего воина и одновременно музыканта.— 725.

²²⁴ Народное восстание в Париже 10 августа 1792 г., приведшее к свержению монархии, положило начало новому периоду в развитии французской буржуазной революции, заполненному борьбой между жирондистами — выразителями интересов крупной буржуазии, и якобинцами — представителями блока революционного крыла буржуазии и народных масс. Народное восстание 31 мая — 2 июня 1793 г. привело к победе якобинцев, в период правления которых революция достигла своего высшего подъема. Однако внутри якобинского блока шла борьба между различными группировками, отражавшая борьбу между различными социальными слоями, участвовавшими в революции. Правые якобинцы — дантониисты (представители «новой» буржуазии, выросшей в ходе революции) выступали против робеспьеристов — представителей мелкобуржуазных слоев. С другой стороны, против Робеспьера и его группы повели борьбу также и левые якобинцы, более тесно связанные с народными массами. Оплотом левых якобинцев была Парижская Коммуна — орган парижского самоуправления. К ним примыкали упомянутые Энгельсом деятели Эбер и Клоотс. В этой внутренней борьбе победу одержали сторонники Робеспьера. Однако *девятого термидора* по республиканскому календарю (27 июля) 1794 г. правительство Робеспьера пало в результате контрреволюционного государственного переворота.— 727.

²²⁵ *Базельский мир* — сепаратный мир, заключенный в 1795 г. между Францией и участниками первой антифранцузской коалиции Пруссией и Испанией. Заключение этого мира явилось результатом побед французской революционной армии над силами коалиции и умелого использования французской дипломатией противоречий в лагере противника, в частности соперничества между Пруссией и Австрией.

Директория — центральный орган исполнительной власти во Франции с октября 1795 г. (после введения конституции 1795 г.) по ноябрь 1799 года. Поддерживаемый Директорией режим отличался кровавым террором против демократических элементов, безудержной спекуляцией и обогащением буржуазии за счет народных масс, крайним падением нравов и морали среди правящей буржуазной верхушки. — 728.

²²⁶ *«Рейнская газета»* («*Rheinische Zeitung*») — ежедневная газета, выходившая в Кёльне с 1 января 1842 по 31 марта 1843 года. Была основана представителями буржуазной оппозиции. С апреля 1842 г. сотрудником газеты стал Маркс, сделавшийся с октября того же года одним из ее редакторов. При редакторстве Маркса газета приобрела революционно-демократическое направление. В марте 1843 г. она была закрыта прусским правительством. — 728.

²²⁷ *Священная римская империя* (позднее к этому обозначению были добавлены слова: «германской нации») — основанная в 962 г. средневековая империя, охватывавшая Германию и часть Италии. В состав империи впоследствии входили также некоторые французские земли, Чехия и Венгрия. Империя являлась непрочным государственным объединением, распадавшимся на отдельные феодальные княжества и владения. С XIII в. распад империи усилился, и, начиная с XVI века, власть императора фактически распространялась лишь на наследственные земли императорской династии. Формально империя прекратила свое существование в 1806 г., когда после поражения в войне с Францией Габсбурги вынуждены были отказаться от титула императоров Священной римской империи, заменив его титулом императоров австрийских. — 729.

²²⁸ *Захватническая война Японии против Китая* началась внезапным нападением японских вооруженных сил 25 июля 1894 г. на китайские войска (война была объявлена лишь 1 августа). Японские милитаристы развязали эту войну, опираясь на дипломатическую поддержку Англии и США, которые стремились использовать Японию как орудие против своих соперников на Дальнем Востоке. 17 апреля 1895 г., после ряда поражений китайских войск и флота, китайское правительство вынуждено было подписать кабальный Симоносекский мирный договор, по которому к японским захватчикам переходили китайские острова Тайвань и Пэн-хуледао (Пескадорские), в завуалированной форме провозглашался японский протекторат над Кореей, Китай должен был уплатить огромную контрибуцию и открыть для Японии ряд портов. Благодаря вмешательству России, Франции и Германии Япония отказалась от некоторых статей договора, в частности от передачи ей Ляодунского полуострова.

Японо-китайская война открыла собой полосу интенсивной борьбы империалистических держав за колониальное закабаление и раздел Китая. Вместе с тем она дала толчок для усиления революционно-освободительного движения китайского народа против иностранных захватчиков и феодально-абсолютистского режима, являвшегося одной из главных причин отсталости и военной слабости Китая. — 729.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абд-эль-Мумен (1094—1163) — первый халиф из династии Альмогадов, правивший в северо-западной Африке и южной Испании.— 234.

Август (63 до н. э.— 14 н. э.) — римский император.— 153.

Авенель, Жорж (1828—1876) — французский историк и публицист, мелкобуржуазный демократ.— 727, 728.

Агезилай (442—358 до н. э.) — спартанский царь и полководец.— 143.

Адамс, Юлиус Уокер (р. 1812) — американский офицер и военный изобретатель.— 406.

Адлер, Виктор (1852—1918) — австрийский социалист, впоследствии один из лидеров реформистского крыла социал-демократии.— 727.

Александр Македонский (356—323 до н. э.) — царь Македонии, крупнейший полководец и государственный деятель древности.— 138, 145, 146, 147, 156, 182, 183, 189, 206, 207, 208, 210, 213, 233, 302, 705.

Александр I (1777—1825) — русский император (1801—1825).— 628.

Александр II (1818—1881) — русский император (1855—1881).— 80, 214.

Алерии — испанский анархист.— 587.

Аллеманди, Микеле-Наполеоне (1807—1858) — итальянский генерал, участник национально-

освободительной войны 1848—1849 гг.— 328.

Альба, Фернандо Альварес де Толедо (1507—1582) — испанский государственный деятель и полководец, наместник Нидерландов (1567—1573); свирепо подавлял восстание Нидерландов против испанского господства.— 160, 266.

Альбаррасин, Северино — испанский анархист; член бакунистского Альянса, в 1873 г. стоял во главе восстания в Алькое (Испания).— 590.

Альборс — глава городского управления в Алькое (Испания), буржуазный республиканец.— 588, 589.

Альгизи да-Корпи, Галассо (ум. ок. 1573 г.) — итальянский архитектор, автор работы по фортификации.— 266.

Амадео I (1845—1890) — испанский король (1870—1873).— 581, 584.

Андерсон, Роберт (ум. в 1696 г.) — английский математик; занимался также артиллерийской наукой.— 242.

Аппиан (кон. I в.— 70-е гг. II в.) — древнеримский историк.— 684.

Армстронг, Вильям Джордж (1810—1900) — английский инженер и владелец оружейных заводов, военный изобретатель.— 384, 385, 386, 387.

Астер, Эрнст Людвиг (1778—1855) — прусский генерал и военный инженер, автор ряда работ по фортификации.— 510.

Аурангзеб (1618—1707) — император Индии (1659—1707) из династии Великих Моголов.— 673.
Ауэрсвальд, Рудольф (1795—1866) — прусский государственный деятель, либерал, министр-президент и министр иностранных дел в июне—сентябре 1848 г.— 47.

Б

Базен, Франсуа Ашиль (1811—1888) — французский маршал, бонапартист, участник Крымской войны 1853—1856 гг., итальянской войны 1859 г., колониальной авантюры Франции в Мексике 1862—1867 гг. и франко-прусской войны 1870—1871 гг.— 326, 488, 491, 492, 493, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 507, 509, 510, 519, 527, 529, 531, 532, 533, 536, 537, 543, 547, 599, 712.

Бакунин, Михаил Александрович (1814—1876) — один из идеологов анархизма, враг марксизма; вел ожесточенную борьбу против Генерального Совета I Интернационала, руководимого Марксом; на Гаагском конгрессе I Интернационала (1872 г.) был исключен из его рядов.— 58, 582, 593, 596.

Барагэ д'Илье, Ашиль, граф (1795—1878) — французский маршал и государственный деятель; бонапартист, участник итальянской войны 1859 г.— 323, 324, 326, 327, 331, 334, 338, 345.

Барраль — французский генерал, участник франко-прусской войны 1870—1871 гг.— 561.

Барро, Одилон (1791—1873) — французский политический деятель, во время революции 1848—1849 гг. один из руководителей контрреволюционного монархического блока — «партии порядка», премьер-министр (декабрь 1848 — октябрь 1849) — 684.

Бассерман, Фридрих Даниэль (1811—1855) — баденский политический деятель, умеренный либерал, депутат франкфурт-

ского Национального собрания в 1848—1849 гг.— 50.

Батайль, Анри Жюль (1815—1882) — французский генерал, участник франко-прусской войны 1870—1871 гг.— 476.

Бebel, Август (1840—1913) — один из основателей и виднейших деятелей германской социал-демократической партии.— 720, 721, 723, 724.

Бebutov, Василий Осипович, князь (1791—1858) — русский генерал; командовал во время Крымской войны 1853—1856 гг. корпусом на Кавказе.— 91.

Бек, Христиан Даниэль (1757—1832) — немецкий филолог; занимался изучением античной литературы и истории.— 141.

Беккер, Иоганн Филипп (1809—1886) — немецкий рабочий, участник революции 1848—1849 гг. в Германии, деятель международного рабочего движения, член I Интернационала, друг Маркса и Энгельса.— 724, 725.

Белидор, Бернар Форэ (1693—1761) — французский генерал инженерных войск, автор ряда трудов по вопросу о применении математики в артиллерийском и военно-инженерном деле.— 242.

Бенедек, Людвиг Август (1804—1881) — австрийский генерал; участник итальянской войны 1859 г., главнокомандующий австрийской армией во время австро-прусской войны 1866 г.— 337, 338, 343, 344, 345, 449, 451, 454, 459, 460, 462, 463, 464, 465, 702, 703, 705.

Бернадот, Жан Батист Жюль (1763 — 1844) — французский маршал, с 1810 г. наследник шведского престола и фактический правитель Швеции, король Швеции и Норвегии (1818—1844); с 1813 г. принимал к антинаполеоновской коалиции.— 679.

Бернер — брауншвейгский офицер (XIX в.); занимался вопросами военной техники.— 390.

Бернулли — семья швейцарских ученых, занимавшихся проблемами математики и механики (XVII—XVIII вв.).— 242.

- Бернье, Франсуа** (1625—1688) — французский врач, путешественник и философ. — 673, 674.
- Берэ, Жорж** (1803—1859) — французский генерал, участник итальянской войны 1859 г. — 324.
- Биго, Леон** — французский адвокат, защитник обвиняемых коммунаров, членов I Интернационала. — 720.
- Бизли, Эдуард Спенсер** (1831—1915) — английский историк, буржуазный радикал, принимал активное участие в демократическом движении 60-х годов. — 719.
- Бизо, Мишель-Брис** (1795—1855) — французский генерал, участник Крымской войны 1853—1856 гг. — 81.
- Биксио, Нино** (1821—1873) — итальянский генерал, участник экспедиции Гарибальди в Сицилию и Калабрию в 1860 г. — 362, 366.
- Бирингоччо, Ваноччи** (1480—1540) — выдающийся итальянский инженер и пиротехник — 237.
- Бирни, Дэвид Белл** (1825—1864) — американский генерал, участник гражданской войны в США (1861—1865) на стороне северных штатов. — 442.
- Бисмарк, Отто фон** (1815—1898) — прусский государственный деятель, крайний монархист; первый канцлер Германской империи (1871—1890). — 449, 602, 609, 614, 695, 702, 703, 704, 706, 708, 717, 718, 720, 721, 724, 725, 726.
- Блан, Луи** (1811—1882) — французский мелкобуржуазный социалист. — 723.
- Бланки, Луи Огюст** (1805—1881) — французский революционер, коммунист-утопист, организатор ряда тайных политических обществ и заговоров, участник парижских восстаний и революций на протяжении 1830—1870 гг. — 716.
- Бланшар** — французский офицер, участник итальянской войны 1859 г. — 324.
- Блинд, Карл** (1826—1907) — немецкий журналист, мелкобуржуазный демократ, участник революционного движения в Бадене в 1848—1849 гг., в 50-х годах один из лидеров немецкой мелкобуржуазной эмиграции в Лондоне; позднее национал-либерал. — 678.
- Блондель, Франсуа** (1617—1686) — французский архитектор и инженер, автор работы по фортификации. — 242.
- Блюхер, Гебгард Лебрехт**, князь Вальштадский (1742—1819) — прусский фельдмаршал, участник войн против Наполеона I. — 219, 553, 677, 678, 679, 680.
- Боденштадт, Фридрих** (1819—1892) — немецкий писатель, автор описаний Кавказа и Малой Азии. — 90.
- Бонапарт** — см. Наполеон III.
- Бонапарт, Жером** (младший). — см. Наполеон, принц.
- Бонапарт, Жозеф** (1768—1844) — старший брат Наполеона I, король Неаполитанский (1806—1808) и Испанский (1808—1813). — 536.
- Борегар, Пьер Густав** (1818—1893) — американский генерал, главнокомандующий вооруженными силами южных рабовладельческих штатов (1861—1862) во время гражданской войны в США. — 426, 440, 442, 443, 700.
- Боркгейм, Сигизмунд Людвиг** (1826—1886) — немецкий демократ, публицист, участник революции 1848—1849 гг. в Германии, позднее эмигрант в Швейцарии и Англии. — 610, 611.
- Боске, Пьер Франсуа Жозеф** (1810—1861) — французский генерал, позже маршал Франции, участник Крымской войны 1853—1856 гг. — 65.
- Боско** — неаполитанский генерал; участвовал в военных действиях контрреволюционных войск против итальянского национально-освободительного движения XIX в. — 356, 364.
- Брауншвейгский, Карл-Вильгельм Фердинанд**, герцог (1735—1806) — командующий австро-прусской армией, действовавшей против революционной Франции

- в конце XVIII в.; командующий прусской армией в кампании 1806 г.— 623.
- Брекиридж, Джон Кебл** (1821—1875) — американский реакционный политический деятель; кандидат рабовладельцев на президентских выборах 1860 г., во время гражданской войны в США 1861—1865 гг. — генерал армии южан. — 689.
- Брентано, Лоренц** (1813—1891) — баденский политический деятель, либерал; во время революции 1848—1849 гг. в Германии был членом франкфуртского Национального собрания, в мае 1849 г. — главой баденского временного правительства. — 58, 59.
- Бриганти** — неаполитанский генерал; участвовал в военных действиях контрреволюционных войск против итальянского национально-освободительного движения XIX в. — 363, 367.
- Брусс, Поль** (1854—1912) — французский мелкобуржуазный социалист; в 70-х годах — анархист; в 80-х годах возглавлял реформистское оппортунистическое крыло французской Рабочей партии. — 587.
- Буггенгаген** — немецкий военный инженер первой половины XVIII в. — 275.
- Бурбаки, Шарль** (1816—1897) — французский генерал, участник Крымской войны 1853—1856 гг., итальянской войны 1859 г. и франко-прусской войны 1870—1871 гг. — 561, 565, 572, 573, 574, 575.
- Бурбоны** — династия французских королей (1589—1792 и 1814—1815, 1815—1830). — 361.
- Буска, Габрио** (ок. 1540 — ок. 1604) — итальянский военный инженер. — 266.
- Бусмар, Анри Жан Батист** (1749—1807) — французский военный инженер, автор ряда работ по фортификации. — 273.
- Бушот, Жан Батист Ноэль** (1754—1840) — французский офицер, деятель французской буржуазной революции конца XVIII в., якобинец, в 1793—1794 гг. военный министр. — 626, 645.
- Бэкон, Роджер** (ок. 1214—1294) — английский средневековый философ и ученый. — 234.
- Бюжо-де-ла-Пиконри, Тома Робер**, герцог Ислынский (1784—1849) — маршал Франции, генерал-губернатор Алжира (1840—1847). — 659.
- Бюлов, Фридрих Вильгельм**, граф фон-Денкевиц (1755—1816) — прусский фельдмаршал; участник войн с революционной Францией, позже с империей Наполеона I. — 667, 679.
- Бюро, братья: Гаспар** (ум. 1469) и **Жан** (ум. 1463) — французские оружейники. — 236.
- Быюкенен, Джеймс** (1791—1868) — президент США (1857—1860), реакционер; проводил политику в интересах рабовладельцев южных штатов. — 430, 684.
- Бютт, Джон Стюарт**, граф (1713—1792) — английский реакционный государственный деятель, торь, премьер-министр (1761—1763). — 677.
- Бюзаль, дон Карлос** (1818—1898) — американский генерал, участник гражданской войны в США 1861—1865 гг. на стороне северян. — 432, 436.

В

- Вайян, Жан Батист Филибер** (1790—1872) — французский маршал, военный министр (1854—1859). — 76.
- Вайян, Эдуар Мари** (1840—1915) — французский врач и политический деятель, бланкист, член I Интернационала, участник Парижской Коммуны, впоследствии член Социалистической партии Франции, с наступлением империалистической эпохи занял реформистские позиции. — 724.
- Валленштейн, Альбрехт фон** (1583—1634) — германский имперский полководец периода Тридцатилетней войны. — 162.
- Вальдерзее, Фридрих**, граф (1795—1864) — прусский генерал и военный писатель, в 1854—1858 — военный министр Пруссии. — 650.
- Вальер, Жан Флоран** (1667—

- 1759) — французский артиллерийский генерал, инициатор реорганизации французской артиллерии.— 243.
- Варендорф* — шведский военный изобретатель (XIX в.).— 379.
- Вега, Георг*, барон (1756—1802) — австрийский артиллерийский генерал, математик и морской инженер.— 243.
- Вегетий* — древнеримский писатель конца IV в. н. э.; оставил ряд трудов по военному делу.— 154.
- Везинье, Пьер* (1826—1902) — французский мелкобуржуазный публицист, участник Парижской Коммуны.— 719.
- Вейдемейер, Иосиф* (1818—1866) — немецкий пролетарский революционер, член Союза коммунистов, выдающийся деятель рабочего движения в США, участвовал в гражданской войне в США на стороне северян, близкий друг Маркса и Энгельса.— 695, 698.
- Веларде-и-Гонзалес, Клемент* (1827—1886) — испанский генерал, участник подавления восстания в Испании в 1873 г.— 590.
- Велизарий* (VI в. н. э.) — византийский полководец.— 188.
- Веллингтон, Артур*, герцог (1769—1852) — английский фельдмаршал и реакционный государственный деятель, торг; в 1808—1813 гг. командовал английскими войсками в Португалии и Испании; в 1815 г. командовал объединенными войсками антинаполеоновской коалиции; в 1828—1830 гг. — премьер-министр.— 73, 231, 627, 659, 668, 669, 699.
- Вельден, Франц Людвиг* (1782—1853) — австрийский генерал; в 1848 г. участник похода против революционной Италии; после подавления октябрьского восстания 1848 г. комендант Вены; в апреле — мае 1849 г. главнокомандующий австрийскими войсками, подавлявшими революцию в Венгрии.— 628.
- Вердер, Август* (1808—1887) — прусский генерал, участник франко-прусской войны 1870—1871 гг.— 530, 545, 553.
- Вецлар, Густав* (1813—1881) — австрийский генерал, участник итальянской войны 1859 г.— 332.
- Виале* — неаполитанский генерал; участвовал в военных действиях контрреволюционных войск против итальянского национально-освободительного движения XIX в.— 363, 367.
- Виктор-Эммануил II* (1820—1878) — король Сардинии и Пьемонта (1849—1861), король Италии (1861—1878).— 327, 328, 360, 456, 457, 681.
- Виктор, Клод Перрен* (1766—1841) — французский генерал, позже маршал, участник наполеоновских войн.— 557.
- Виллизен, Вильгельм* (1790—1879) — прусский генерал и военный писатель.— 672, 673, 675, 676.
- Виллих, Август* (1810—1878) — прусский офицер, участник революции 1848—1849 гг. в Германии, член Союза коммунистов, глава мелкобуржуазной раскольнической фракции в Союзе, выступавшей против Маркса после революции 1848 г.; участвовал в гражданской войне в США 1861—1865 гг. на стороне северян.— 665, 666, 671, 691.
- Вильгельм* — см. Либкнехт, Вильгельм.
- Вильгельм I* (1797—1888) — прусский король (1861—1888) и германский император (1871—1888).— 53, 448, 449, 460, 470, 508, 536, 557, 705, 713, 721, 726.
- Вильгельм II* (1859—1941) — германский император (1888—1918).— 726.
- Вильд* — швейцарский инженер и военный изобретатель (XIX в.).— 390.
- Вилькинсон* — английский оружейный мастер и изобретатель (XIX в.).— 203, 400.
- Вильсон, Томас Фурнесс* — английский генерал, участник подавления национально-освободительного восстания в Индии в 1857—1859 гг.— 113, 117.
- Вильямс, Вильям* (1800—1883) — английский генерал, британский

- комиссар при турецкой армии на Кавказе во время Крымской войны.— 87, 89, 90.
- Вимпфен, Эммануэль Феликс** (1811—1884) — французский генерал участник австро-итальянской войны 1859 г., франко-прусской войны 1870—1871 гг.— 340, 503, 504, 509.
- Виндишгрец, Альфред**, князь (1787—1862) — австрийский фельдмаршал; в 1848 г. руководил подавлением восстаний в Праге и Вене; в 1848—1849 гг. стоял во главе австрийской армии, подавлявшей революцию в Венгрии.— 628.
- Винуа, Жозеф** (1800—1880) — французский генерал, реакционер; участник австро-итальянской войны 1859 г., франко-прусской войны 1870—1871 гг.; в 1871 г. командовал вооруженными силами версальцев, один из палачей Парижской Коммуны.— 326, 332, 333, 334, 512, 718.
- Винцингероде, Фердинанд**, барон (1770—1818) — генерал австрийской, гессенской и русской (с 1797 г.) службы, участник войн против Наполеона I.— 679.
- Виньяс, Гарсиа** — испанский анархист, член бакунинского Альянса в Барселоне.— 587.
- Витворт, Джозеф** (1803—1887) — английский инженер и военный изобретатель.— 384, 385, 386, 387, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416.
- Вобан, Себастьян** (1633—1707) — французский маршал, военный инженер и экономист.— 67, 260, 267, 268, 270, 271, 272, 277, 279, 280, 670.
- Вольф, Вильгельм** (1809—1864) — немецкий пролетарский революционер, член Союза коммунистов, участник революции 1848—1849 гг. в Германии, член редакции «Новой Рейнской Газеты». Близкий друг и соратник Маркса и Энгельса.— 55.
- Вольф, Фридрих Вениамин** (1766—1845) — немецкий ученый-математик, химик и физик.— 242.
- Врангель, Фридрих Генрих Эрнст** (1784—1877) — прусский фельдмаршал, реакционер, участник контрреволюционного, переворота в Берлине и разгона прусского Учредительного собрания в 1848 г.— 48, 49, 698.
- Вурмзер, Дагобер** (1724—1797) — австрийский фельдмаршал, участник войн против революционной Франции.— 497.

Г

- Габленц, Людвиг** (1814—1874) — австрийский генерал, участник австро-прусской войны 1866 г.— 464.
- Газдрубал** — карфагенский полководец III в. до н. э.— 210, 211.
- Галилей, Галилео** (1564—1642) — великий итальянский ученый, физик и астроном.— 242.
- Галлек, Генри Уэджер** (1815—1872) — американский генерал, главнокомандующий войсками северных штатов (1862—1864) во время гражданской войны в США.— 432, 434, 436, 442, 688, 692.
- Гамбетта, Леон** (1838—1882) — французский политический деятель, примыкал к умеренному крылу буржуазных республиканцев; министр внутренних дел правительства «национальной обороны» во время франко-прусской войны 1870—1871 гг.— 573, 576, 652, 653, 654, 716, 717.
- Гамилькар Барка** (ум. 229 г. до н. э.) — карфагенский полководец, отец Ганнибала, участник первой Пунической войны (264—241 до н. э.).— 208.
- Ганзман, Давид** (1790—1864) — прусский политический деятель, один из лидеров рейнской либеральной буржуазии, министр финансов в марте — сентябре 1848 г.— 47, 48.
- Ганнибал** (ок. 247—183 до н. э.) — выдающийся карфагенский полководец.— 147, 208, 209, 210, 302.
- Гарибальди, Джузеппе** (1807—1882) — итальянский революционер-демократ, выдающийся полководец, вождь национального-освободительного движения в период борьбы за воссоединение Италии.— 327, 328, 329, 339, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365,

- 366, 367, 368, 557, 572, 575, 684, 703.
- Гарибальди, Риччиотти* (1847—1924) — сын Джузеппе Гарибальди; принимал участие вместе с отцом в итальянском национально-освободительном движении; участвовал во франко-прусской войне 1870—1871 гг. на стороне Французской республики.— 545.
- Гартман, Георг* (1489—1564) — немецкий механик, занимался разработкой вопросов, связанных с артиллерийским делом.— 237.
- Гартунг, Эрнст* (1808—1879) — австрийский генерал, участник итальянской войны 1859 г.— 332.
- Гебен, Август* (1816—1880) — прусский генерал, участник франко-прусской войны 1870—1871 гг.— 575.
- Геер, Кристоф* (ум. 1701) — немецкий математик и военный инженер.— 269.
- Гейдеман* — немецкий военный инженер (XVII в.).— 269.
- Гейне, Генрих* (1797—1856) — великий немецкий революционный поэт.— 712.
- Гейнцельман, Самюэль Петер* (1805—1880) — американский генерал, участник гражданской войны в США 1861—1865 гг. на стороне северных штатов.— 441, 442.
- Геккер, Фридрих Карл* (1811—1881) — баденский республиканец, мелкобуржуазный демократ, один из руководителей баденского восстания в апреле 1848 г.; эмигрировал в США, участник гражданской войны на стороне северян.— 678.
- Гемпден, Джон* (1594—1643) — видный деятель английской буржуазной революции середины XVII в.; вождь парламентской оппозиции королевскому правительству.— 48.
- Генрих IV* (1553—1610) — король Франции (1589—1610), первый король из династии Бурбонов.— 160, 161.
- Генрих VII* (1457—1509) — английский король (1485—1509).— 285.
- Генрих VIII* (1491—1547) — английский король (1509—1547).— 285.
- Генрих LXXII Рейсс-Лобенштейн* (1797—1853) — глава одного из карликовых германских княжеств.— 21.
- Георг III* (1738—1820) — английский король (1760—1820).— 677.
- Генфнер, Эдуард* (1797—1858) — прусский генерал, военный писатель.— 611, 650.
- Герберт, Сидни* (1810—1861) — английский политический деятель, в 1859 г. военный министр в правительстве Пальмерстона.— 385.
- Герборт, Иоганн Актон* (первая половина XVIII в.) — вюртембергский майор, военный инженер.— 275.
- Герварт фон Биттенфельд, Карл Эберхард* (1796—1884) — прусский фельдмаршал, участник австро-прусской войны 1866 г.— 461, 463.
- Гергей Артур* (1818—1916) — военный деятель венгерской революции 1848—1849 гг.; в апреле — июне 1849 г. главнокомандующий венгерской армией; опирался на реакционное офицерство и контрреволюционную часть буржуазии, саботировал революционную войну.— 667.
- Геродот* (ок. 484 — ок. 425 до н. э.) — древнегреческий историк.— 138.
- Гесс, Генрих* (1788—1870) — австрийский фельдмаршал; реакционер, во время итальянской войны 1859 г. командовал австрийскими войсками.— 312, 340, 348.
- Гессен-Дармштадтский, Александр*, принц (1823—1888) — австрийский фельдмаршал, участник итальянской войны 1859 г. и австро-прусской войны 1866 г.— 326, 333, 455, 462.
- Гёц, Христиан* (1783—1849) — австрийский генерал; в 1848—1849 гг. принимал участие в подавлении революции в Италии и Венгрии.— 628.
- Глэ-Бизуэн, Александр* (1800—1899) — французский политический деятель, буржуазный республиканец, член правитель-

- ства «национальной обороны» во время франко-прусской войны 1870—1871 гг.—704.
- Гнейзенау, Август Вильгельм Антон*, граф Нейдгарт (1760—1831) — прусский фельдмаршал и политический деятель, монархист, сторонник умеренных реформ, участник войн с наполеоновской Францией.—543, 557, 558, 559, 560, 678, 679, 715.
- Гогенцоллерны* — династия бранденбургских курфюрстов (1415—1701); прусских королей (1701—1918) и германских императоров (1871—1918).—714.
- Гоьер, Иоганн Готфрид* (1767—1848) — прусский генерал инженерных войск, автор ряда работ по вопросам артиллерии и фортификации.—243.
- Гомер* — легендарный древнегреческий поэт, которому приписывается создание поэм «Илиада» и «Одиссея».—139.
- Гонсальво де Кордова, Фернандец* (1443 — ум. ок. 1515) — испанский полководец.—191.
- Гордон, Франц*, барон — австрийский генерал, участник итальянской войны 1859 г.—331, 333, 334.
- Гоффбауэр, Эрнст* (1836—1905) — прусский артиллерийский генерал и военный писатель, автор ряда работ по артиллерии.—600.
- Гофштеттер, Густав фон* (1818—1874) — немецкий офицер и военный писатель.—672.
- Грахх, Марк* — византийский писатель (IX в.).—234.
- Грамон, Антуан-Ижекор-Альфред* (1819—1880) — французский государственный деятель, министр иностранных дел (май — август 1870 г.).—470.
- Грант, Улисс Симпсон* (1822—1885) — американский генерал и политический деятель, главнокомандующий вооруженными силами северян (1864—1865) во время гражданской войны в США, президент США (1869—1877).—434, 436, 523, 693, 694, 696, 697, 698, 699, 700, 707.
- Грибоваль, Жан Батист* (1715—1789) — французский артиллерийский генерал; сыграл крупную роль в реорганизации французской артиллерии.—13, 169, 240, 243, 244, 246, 658.
- Груссе, Паскаль* (1845—1909) — французский журналист, мелкобуржуазный радикал, участник Парижской Коммуны 1871 г.—719.
- Гуд, Джон Белл* (1831—1879) — американский генерал, участник гражданской войны в США 1861—1865 гг. на стороне южных рабовладельческих штатов.—697.
- Гукер, Джозеф* (1814—1879) — американский генерал, участник гражданской войны в США 1861—1865 гг. на стороне северных штатов.—692.
- Густав II, Адольф* (1594—1632) — король Швеции (1611—1632).—161, 162, 163, 194, 195, 199, 214, 239, 240.
- Гюбер, Адольф* — французский эмигрант в Лондоне, член I Интернационала, участник Парижской Коммуны.—720.

Д

- Дальгрен, Джон* (1809—1870) — американский морской деятель, внес ряд усовершенствований в морскую артиллерию.—251.
- Данем, Леонар Адольф Мари Деода* (1807—1848) — французский генерал, реакционер, начальник мобильной гвардии, участвовал в подавлении июньского восстания 1848 г.—36.
- Дантон, Жорж Жак* (1759—1794) — один из крупнейших деятелей французской буржуазной революции конца XVIII в.; лидер правого крыла якобинцев.—54, 727.
- Дарий I Гистасп* (550—486 до н. э.) — древнеперсидский царь и полководец.—137, 258.
- Дэвис, Джефферсон* (1808—1889) — американский политический деятель, реакционер, президент конфедерации южных рабовладельческих штатов (1861—1865).—443, 695, 700.
- Дебли, Роберт*, герцог Нортумберлендский (1573—1649) — английский морской деятель, автор

- ряда работ по вопросам навигации и торговли.— 286.
- Декан, Клод Теодор* (1811—1870) — французский генерал, участник Крымской войны 1853—1856 гг., итальянской войны 1859 г., франко-прусской войны 1870—1871 гг.— 496, 531.
- Делла Рокка* — см. Мороццо Делла Рокка, Эрико.
- Дельвинь, Анри Густав* (ок. 1798—1876) — французский офицер и военный изобретатель.— 169, 203, 392, 393, 394, 395, 396, 414, 660.
- Дембинский Генрик* (1791—1864) — польский генерал, деятель национально-освободительного движения, участник восстания 1830—1831 гг.; один из руководителей революционной армии в Венгрии в период революции 1848—1849 гг.— 667.
- Денн* — участник похода Гарибальди 1860 г.— 358.
- Дефлот, Поль Луи* (1817—1860) — французский политический деятель, фурьерист, участник итальянского национально-освободительного движения и похода Гарибальди 1860 г.— 363, 367.
- Дендас, Джеймс Уитли* (1785—1862) — английский адмирал, главнокомандующий английским флотом (1854—1856) во время Крымской войны.— 67, 68.
- Джэксон, Томас Джонатан* (1824—1863) — американский генерал, участник гражданской войны в США 1861—1865 гг. на стороне южных рабовладельческих штатов.— 688, 691.
- Джемсон, Чарлз Девис* (1827—1862) — американский генерал, участник гражданской войны в США 1861—1865 гг. на стороне северных штатов.— 442.
- Джонс, Гарри Дэвид* (1791—1866) — английский генерал, участник Крымской войны 1853—1856 гг.— 80.
- Джонсон, Эндрью* (1808—1875) — президент США (1865—1869); проводил политику примирения с реакционными плантаторами южных штатов.— 701.
- Диллих, Вильгельм* (ок. 1570—80—1655) — немецкий военный писатель.— 270.
- Дин* — американский военный изобретатель (XIX в.) — 406.
- Дрейзе, Иованн Николаус* (1787—1867) — немецкий военный изобретатель.— 203, 406, 408.
- Дронко, Эрнст* (1822—1891) — немецкий публицист, член Союза коммунистов, один из редакторов «Новой Рейнской Газеты»; после поражения революции 1848—1849 гг. эмигрировал в Англию.— 666.
- Дуглас, Говард* (1776—1861) — английский генерал, автор ряда работ по морской артиллерии и фортификации.— 383, 386.
- Дурандо, Джованни* (1804—1869) — итальянский генерал, участник национально-освободительной войны Италии 1848 г., итальянской войны 1859 г. и войны против Австрии 1866 г.— 457.
- Дуз, Феликс* (1817—1879) — французский генерал, бонапартист.— 488, 491, 497, 499, 503, 535.
- Дювивье, Франсиад Флёрюс* (1794—1848) — французский генерал и военный писатель, участвовал в подавлении июньского восстания парижских рабочих в 1848 г.— 38, 45.
- Дюкро, Огюст* (1817—1882) — французский генерал, участник франко-прусской войны 1870—1871 гг.— 550.
- Дюмурье, Шарль Франсуа* (1739—1823) — французский генерал и политический деятель периода французской буржуазной революции конца XVIII в.; изменил революционной Франции и перешел на сторону ее врагов.— 623, 624, 672.
- Дюпанлу, Феликс Антуан* (1802—1878) — епископ Орлеанский.— 556.
- Дюпюи-Делом, Станислав Шарль Анри Лоран* (1816—1885) — французский морской инженер, сконструировал ряд военных судов для французского флота.— 290.

Дюрер, Альбрехт (1471—1528) — немецкий живописец и гравер; занимался вопросами фортификации.— 260, 266, 274.

Дюринг, Евгений (1833—1921) — немецкий мелкобуржуазный вульгарный философ-эклектик, представитель реакционного мешанского «уравнительного» социализма.— 3, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 11, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 27, 28, 29.

Дюрфельд — австрийский генерал, участник итальянской войны 1859 г.— 332.

Дюлаф, Франц (1798—1868) — австрийский фельдмаршал и государственный деятель; участник итальянской кампании 1848—1849 гг., в 1849 г. военный министр, в 1859 г. главнокомандующий австрийской армией в Италии, после поражения при Мадженте был снят с поста главнокомандующего.— 323, 331, 332, 333, 335, 340, 349.

Е

Евгений Савойский (1663—1736) — австрийский полководец и дипломат.— 96.

Елизавета I (1533—1603) — английская королева (1558—1603).— 155.

Ж

Жанен, Антуан (1775—1861) — французский генерал, участник итальянской войны 1859 г.— 332.

Жаннере, Клод Шарль (р. 1832) — французский офицер и журналист, военный корреспондент газеты «Temps» во время франко-прусской войны 1870—1871 гг.— 477, 488, 496, 498.

Жиранден, Эмиль де (1806—1881) — французский буржуазный публицист и политический деятель.— 682.

Жозеф — см. Бонапарт, Жозеф.

Жомини, Апри (1779—1869) — генерал французской, позднее — русской службы, швейцарец родом; военный историк; фальсифицировал историю кампании 1812 г. и разгрома русской армии армии Наполеона I.— 671.

Жорес, Констан Бенжамен (1823—1889) — французский адмирал, участник франко-прусской войны 1870—1871 гг.— 561.

Жуанвиль, Франсуа Фердинанд Филипп Мари, принц Орлеанский (1818—1900) — третий сын Луи Филиппа: вице-адмирал и пэр Франции; занимался вопросами реконструкции военных судов.— 289.

З

Зейдлиц, Фридрих Вильгельм (1721—1773) — прусский генерал; занимался реорганизацией прусской армии.— 164, 215, 216, 218, 232.

Зигель, Франц (1824—1902) — немецкий демократ, главнокомандующий революционными войсками в Бадене в 1849 г.— 59.

Зорге, Фридрих-Альберт (1828—1906) — немецкий марксист, участник революции 1848—1849 гг., деятель I Интернационала и рабочего движения в Америке; друг Маркса и Энгельса.— 725, 729.

И

Иоганн — эрцгерцог австрийский, в 1848—1849 гг. имперский регент Германии.— 54.

Иорк, Давид Людвиг — прусский фельдмаршал, участник войны против Наполеона I.— 679.

Ификрат (ок. 419 — ок. 353 до н. э.) — афинский полководец.— 140, 143, 181, 182.

К

Кабот, Джон (ок. 1450—1498) — английский мореплаватель XV в., родом из Венеции.— 284.

Кабэ, Этьенн (1788—1856) — французский коммунист-утопист, автор «Путешествия в Икарию»; пытался основать в Америке коммунистические колонии.— 723.

Кавалли, Джованни (1808—1879) — итальянский офицер и военный изобретатель.— 378, 379.

- Кавеньяк, Луи Эжен** (1802—1857) — французский генерал, отличавшийся жестокостью в колониальных войнах в Африке, в июне 1848 г. потопил в крови восстание парижского пролетариата.— 36, 37, 38, 39, 40, 42, 43, 44, 631, 671, 716.
- Камори** — французский генерал; участник итальянской войны 1859 г.— 332.
- Кампгаузен, Лудольф** (1803—1890) — один из лидеров рейнской либеральной буржуазии; министр-президент Пруссии в марте — июне 1848 г.— 47.
- Кампос, Мартинец** — см. Мартинец де Кампос, Арсенио.
- Каннинг, Стратфорд, виконт Стратфорд де Редклифф** (1786—1880) — английский дипломат, посланник в Константинополе (1841—1858), один из вдохновителей агрессивной политики Англии на Ближнем Востоке.— 91.
- Каннинг, Чарльз Джон** (1812—1862) — английский политический деятель, генерал-губернатор Индии (с 1855), организатор подавления национально-освободительного движения в Индии (восстания сипаев) в 1857—1859 гг.— 122.
- Канробер, Франсуа** (1809—1895) — французский маршал, бонапартист, главнокомандующий французскими войсками во время Крымской войны 1853—1856 гг. (с осени 1854 до весны 1855 г.), участник итальянской 1859 г. и франко-прусской 1870—1871 гг. войны.— 76, 81, 83, 85, 331, 332, 333, 345, 488, 491, 496, 497, 503, 531, 534, 535, 536, 682.
- Капп, Фридрих** (1824—1884) — немецкий буржуазный политический деятель и историк, участник революции 1848—1849 гг. в Германии.— 691.
- Каприви, Лео** (1831—1899) — германский реакционный политический деятель, канцлер Германской империи в 1890—1894 гг.— 614.
- Карл-Альберт** (1798—1849) — ко-
- роль Пьемонта (1831—1849).— 629.
- Карл Мартелл** (ок. 688—741) — майордом, фактический правитель Франкского королевства (с 715 г.).— 211.
- Карл V Габсбург** (1500—1558) — император Священной римской империи германской нации (1519—1555), король Испании (1516—1556).— 237, 266.
- Карл VII** (1403—1461) — французский король (1422—1461).— 157, 236.
- Карл VIII** (1470—1498) — французский король (1483—1498).— 158, 159, 236, 237.
- Карл XII** (1682—1718) — король Швеции (1697—1718).— 163, 215.
- Карл** (1771—1847) — эрцгерцог австрийский, главнокомандующий австрийской армией в войнах с наполеоновской Францией.— 99.
- Карно, Лазар Никола** (1753—1823) — французский математик и физик, политический и военный деятель, буржуазный республиканец; в период французской буржуазной революции конца XVIII в. примыкал к якобинцам; в 1794 г. участвовал в контрреволюционном перевороте 9 термидора.— 623, 626, 627, 645.
- Кастеллар, Эмилио** (1832—1899) — испанский политический деятель и историк, умеренный республиканец, впоследствии монархист; в 1873—1874 г. президент кортесов и премьер-министр.— 586.
- Кастриотто, Джакомо** — итальянский архитектор XVI в.; занимался вопросами фортификации.— 266, 272.
- Катон, Марк Порций Утический** (95—46 до н. э.) — государственный деятель древнего Рима.— 443.
- Каутский, Карл** (1854—1938) — один из теоретиков немецкой социал-демократии и II Интернационала; ренегат и фальсификатор марксизма, ярый враг Советского Союза.— 722.
- Кемпбелл, Колин, барон Клайд** (1792 — 1863) — английский фельдмаршал, организатор подавления национально-освободи-

- тельного восстания в Индии в 1857—1859 гг.—118, 120, 121, 122, 125, 127.
- Кеппен, Карл Фридрих** (1808—1863) — немецкий радикальный публицист и историк, левогельянец.— 728.
- Кератри, Эмиль**, граф (1832—1905) — французский политический деятель, участник франко-прусской войны 1870—1871 гг., после революции 4 сентября 1870 г. префект полиции в Париже.— 561, 653.
- Кергон** — английский путешественник по Кавказу.— 90.
- Керсози, Ноахим Рене Теофиль** (1798—1874) — французский офицер, революционер, в 30-е годы член тайного Общества прав человека, автор военного плана июньского восстания 1848 г. в Париже.— 33, 34, 40.
- Кертис, Самюэль** (1807—1866) — американский генерал, участник гражданской войны в США 1861—1865 гг. на стороне северных штатов.— 688.
- Кеткарт, Джордж** (1794—1854) — английский генерал, участник Крымской войны 1853—1856 гг.— 65.
- Кинкель, Готфрид** (1815—1882) — немецкий поэт, мелкобуржуазный демократ, участник баденского восстания 1849 г.; в годы реакции жил в Англии и выступал против Маркса.— 665.
- Кирни, Филипп** (1815—1862) — американский генерал, участник гражданской войны в США на стороне северных штатов.— 441, 442.
- Клам-Галлас, Эдуард** (1805—1891) — австрийский генерал, участник итальянской кампании 1848—1849 гг., итальянской войны 1859 г., австро-прусской войны 1866 г.— 330, 343, 463.
- Клаузевиц, Карл** (1780—1831) — прусский генерал, военный теоретик и философ-идеалист.— 543, 610.
- Клеомен III** (255—219 до н. э.) — спартанский царь и полководец.— 142.
- Клерфе, Карл**, граф (1733—1798) — австрийский фельдмаршал, участник Семилетней войны, австро-турецких войн и войн против Французской республики 1792—1794 гг.— 303.
- Клоотс, Анахарсис** (1755—1794) — деятель французской буржуазной революции конца XVIII в.; был близок к левым якобинцам (эбертистам); по происхождению — прусский барон.— 727, 728.
- Клюзере, Густав Поль** (1823—1900) — французский офицер, член I Интернационала, начальник штаба обороны Парижской Коммуны 1871 г.; после падения Коммуны — эмигрант, примыкал к бакунистам.— 706.
- Кмети, Георг** (1810—1865) — венгерский генерал; участник венгерской революции 1848—1849 гг., после подавления которой перешел на службу в турецкую армию.— 89.
- Коббет, Вильям** (1762—1835) — английский публицист и политический деятель; видный представитель мелкобуржуазного радикализма, боролся за демократизацию английского политического строя.— 714.
- Козени, Энрико** (1820—1898) — итальянский генерал, участник похода Гарибальди 1860 г.— 362, 363, 367.
- Колладо, Луи** — испанский ученый и военный инженер (XVI в.).— 237.
- Коломб, Фридрих Август** (1775—1854) — прусский генерал, участник партизанского движения против армии Наполеона и военных кампаний 1813—1814 гг. против наполеоновской Франции.— 443.
- Колумб, Христофор** (1451—1506) — знаменитый испанский мореплаватель, генуэзец по происхождению.— 284.
- Кольт, Самюэль** (1814—1862) — американский инженер и военный изобретатель.— 406.
- Конде, Хосе Антонио** (1765—1820) — испанский историк, востоковед.— 234.
- Кормонтэнь Людовик** (1696—1752) — французский генерал, автор ряда работ по вопросам

- фортификации.— 267, 268, 272, 273, 274, 280.
- Корсаков* — см. Римский-Корсаков.
- Кортес, Фернандо* (1485—1547) — испанский конкистадор, завоеватель Мексики.— 258.
- Котце* (правильнее Готце), *Фридрих* (1739—1799) — австрийский фельдмаршал, участник войны против Франции.— 97.
- Кошут, Лайош* (1802—1894) — вождь венгерского национально-освободительного движения и виднейший деятель революции 1848—1849 гг. в Венгрии.— 634, 667, 700.
- Красс, Марк Лициний* (ок. 115—53 до н. э.) — древнеримский государственный деятель и полководец.— 684.
- Крог, Гергардт-Кристофор* (1785—1860) — датский генерал, главнокомандующий датской армией во время войны в Шлезвиг-Гольштейне в 1848—1850 гг.— 676.
- Кромвель, Оливер* (1599—1658) — виднейший деятель английской буржуазной революции XVII века и полководец, вождь буржуазии и «нового дворянства», глава английской республики (1649—1653), лорд-протектор Англии (1653—1658).— 215.
- Кронпринц* — см. Фридрих-Вильгельм.
- Круз* (1813—1879) — французский генерал, участник франко-прусской войны 1870—1871 гг.— 561.
- Ксенофонт* (ок. 430—ок. 355 до н. э.) — древнегреческий историк.— 142.
- Ксеркс* (ум. в 465 до н. э.) — древнеперсидский царь.— 136, 139.
- Ктезиас* (вторая половина V в.— начало IV в. до н. э.) — древнегреческий историк и врач.— 233.
- Кугельман, Людвиг* (1830—1902) — немецкий врач, участник революции 1848—1849 гг., член I Интернационала, друг Маркса и Энгельса.— 708, 709, 714, 716, 718, 719.
- Кузорн, Менно* (1641—1704) — голландский генерал и военный инженер.— 273, 274.
- Кук, Джеймс* (1728—1779) — английский мореплаватель.— 258.
- Куккиари, Доменико* (1806—1900) — итальянский генерал, участник итальянской войны 1859 г. и австро-итальянской войны 1866 г.— 457.

Л

- Ладмиро, Луи Рене Поль* (1808—1898) — французский генерал и государственный деятель, участник итальянской войны 1859 г. и франко-прусской войны 1870—1871 гг.; один из палачей Парижской Коммуны 1871 г.— 334, 487, 488, 496, 531.
- Ладрэ-де-ла-Шарьер, Жюль Мари* (1806—1870) — французский генерал, участник итальянской войны 1859 г.— 334.
- Лайонс, Эдмунд*, барон (1790—1858) — английский адмирал, участник Крымской войны 1853—1856 гг.— 68.
- Ламарк, Максимилиан* (1770—1832) — французский генерал и либеральный политический деятель; его похороны были использованы буржуазными и мелкобуржуазными республиканцами для выступления 5—6 июня 1832 г. против Июльской монархии.— 34.
- Лажорисьер, Кристоф Луи Леон* (1806—1865) — французский генерал и политический деятель, буржуазный республиканец, в 1848 г. военный министр, принимал участие в подавлении июньского восстания парижского пролетариата в 1848 г.— 37, 38, 40, 360.
- Лажотруж, Жозе Эдуард* (1804—1883) — французский генерал, участник Крымской войны 1853—1856 гг., итальянской войны 1859 г. и франко-прусской войны 1870—1871 гг.— 332.
- Ланди* — неаполитанский генерал; участвовал в военных действиях контрреволюционных войск против итальянского национально-освободительного движения XIX в.— 352, 353.

- Ландсберг** (1670—1746) — саксонский военный инженер, автор труда по фортификации.— 275.
- Ланжерон, Арнольдт, граф** (1763—1831) — генерал русской службы; в 1790 г. эмигрировал из Франции и участвовал в войнах против Франции в 1792—1793, 1805—1809, 1812—1814 гг.; позднее губернатор Крыма и генерал-губернатор Новороссии.— 679.
- Ларошжаклен, Анри Огюст Жорж** (1805—1867) — французский монархист-легитимист, член Учредительного и Законодательного собраний (1848—1851), при Наполеоне III — сенатор.— 42.
- Ларош-Эмон, Антуан Шарль Этьен Поль, маркиз** (1772—1849) — французский генерал и военный писатель.— 221.
- Лассаль, Фердинанд** (1825—1864) — немецкий адвокат и публицист, примкнувший к рабочему движению; один из основателей Всеобщего германского рабочего союза, положил начало оппортунистическому направлению в германской социал-демократии.— 681, 683.
- Лафайет, Мари Жозеф Поль** (1757—1834) — французский генерал, один из вождей крупной буржуазии в период французской буржуазной революции конца XVIII в.— 624.
- Лафарг, Лаура** (1845—1911) — вторая дочь Карла Маркса, деятельница рабочего движения.— 724.
- Лафарг, Поль** (1842—1911) — французский социалист, зять Маркса, один из руководителей революционного направления во французском рабочем движении, один из основателей французской Рабочей партии.— 703.
- Лебрен, Бартеlemi Луи Жозе** (1809—1889) — французский генерал, участник Крымской войны 1853—1856 гг., итальянской войны 1859 г. и франко-прусской войны 1870—1871 гг.— 503.
- Леваль, Жюль Луи** (1823—1908) — французский генерал и военный писатель, в 1885 г. военный министр в правительстве Ж. Ферри.— 608.
- Лейф, Эрикссон** — скандинавский мореплаватель конца X и начала XI в.— 284.
- Лекурб, Клод Жак** (1760—1815) — французский генерал, участник наполеоновских войн.— 98.
- Лео, Генрих** (1799—1878) — немецкий реакционный историк.— 728.
- Леопольд I** (1676—1747) — князь Ангальт-Дессауский.— 53, 197.
- Леру, Пьер** (1797—1871) — французский социалист-утопист.— 723.
- Ли, Роберт Эдуард** (1807—1870) — американский генерал, главнокомандующий войсками южных рабовладельческих штатов (1862—1865) во время гражданской войны в США.— 693, 696, 697, 699, 700, 707.
- Либих, Юстус** (1803—1873) — немецкий химик.— 109.
- Либкнехт, Вильгельм** (1826—1900) — один из основателей и виднейших деятелей германской социал-демократической партии.— 708, 709, 720, 721, 725.
- Лиллиа** — австрийский генерал, участник итальянской войны 1859 г.— 331, 333, 334, 335.
- Линкольн, Авраам** (1809—1865) — прогрессивный американский государственный деятель, президент США (1861—1865), республиканец.— 685, 688, 690, 691, 694, 695, 699.
- Липранди, Павел Петрович** (1796—1864) — русский генерал, участник русско-турецкой войны 1828—1829 гг. и Крымской войны 1853—1856 гг.— 63, 70.
- Лиссагарэ, Проспер Оливье** (1838—1901) — французский журналист, участник Парижской Коммуны.— 651.
- Лихтенштейн, Эдуард Франц Людвиг** (1809—1864) — австрийский фельдмаршал, участник итальянской войны 1859 г.— 330.
- Лонге, Шарль** (1833—1903) — французский социалист, зять Маркса, член I Интернационала; впоследствии перешел в лагерь радикалов.— 703.

Лонгстрит, Джемс (1821—1904) — американский генерал, участник гражданской войны в США 1861—1865 гг. на стороне южных рабовладельческих штатов.— 697.

Лоренц, Иосиф (1814—1879) — австрийский артиллерийский офицер и военный изобретатель.— 203, 400, 402, 515.

Лоуренс, Джон Лэрд Мэр, барон (1811—1879) — чиновник английского колониального управления, губернатор Пенджаба (1853—1857), генерал-губернатор Индии (1863—1869).— 129.

Луи-Наполеон — см. Наполеон III.
Луи-Филипп (1773—1850) — французский король (1830—1848).— 45, 514.

Лукулл, Люций Луциний (ок. 106—56 до н. э.) — древнеримский полководец.— 684.

Людовик XII (1462—1515) — французский король (1498—1515).— 237.

Людовик XIV (1638—1715) — французский король (1643—1715).— 240, 272, 542.

Людовик XV (1710—1774) — французский король (1715—1774).— 169.

Люцов, Адольф Вильгельм, барон (1782—1834) — прусский офицер, один из организаторов партизанского движения в Пруссии против Наполеона I.— 443.

М

Маго (правильнее Магон) (III в. до н. э.) — карфагенский полководец, брат Ганнибала.— 210.

Маджи, Джироламо (ок. 1523—1572) — итальянский ученый, писатель и военный изобретатель, автор работ по вопросам фортификации.— 266.

Мак, Карл (1752—1828) — австрийский фельдмаршал, участник войн с наполеоновской Францией.— 497.

Макдональд, Жак Этьен Жозеф Александр, герцог Тарентский (1765 — 1840) — французский маршал, участник наполеоновских войн.— 97, 257.

Мак-Доуэлл, Ирвин (1818—1885) — американский генерал, 51*

участник гражданской войны США на стороне северных штатов.— 688.

Макиавелли, Никколо (1469—1527) — итальянский политический деятель и писатель, идеолог буржуазии.— 159, 236, 681.

Маккавеи — руководители восстания Иудеи против Селевкидов; во II в. до н. э. основатели династии иудейских царей (142—37 до н. э.).— 558.

Мак-Клееллан, Джордж Бринтен (1826 — 1885) — американский генерал, главнокомандующий армией северян (1861—1862) во время гражданской войны в США; сторонник компромисса с рабовладельцами юга.— 426, 437, 441, 442, 443, 688, 689, 692.

Мак-Магон, Мари Эдм Патрис Морис (1808—1893) — французский маршал, бонапартист, участник всех войн Второй империи, один из палачей Парижской Коммуны; президент Французской республики (1873—1879).— 331, 332, 333, 338, 345, 480, 481, 482, 483, 484, 487, 488, 491, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 532, 535, 537, 538.

Мак-Мердо, Вильям Монтегю Скотт (1819—1894) — английский генерал, участник Крымской войны 1853—1856 гг.— 418.

Мальборо, Джон, герцог (1650—1722) — английский полководец и государственный деятель, виг; командовал английскими войсками против Франции во время войны за испанское наследство 1701—1713 гг.— 96.

Мантейфель, Отто Теодор (1805—1882) — прусский государственный деятель, реакционер, министр внутренних дел (1848—1850), министр-президент (1850—1858).— 48.

Мантейфель, Эдвин, барон (1809—1885) — прусский фельдмаршал, участник австро-прусской войны 1866 г. и франко-прусской войны 1870—1871 гг., наместник Эльзаса и Лотарингии с 1879 г.— 462, 553, 575, 654.

Марий Гай (ок. 156—86 до н. э.) — древнеримский полководец и

- государственный деятель.— 146, 149, 184, 186.
- Марки, Франческо** (1504—1577) — итальянский военный инженер (XVI в.).— 266.
- Маркс, Женни** (1814—1881) — жена Карла Маркса.— 665.
- Маролюа, Самюэль** — французский математик и архитектор XVII в., автор труда «Фортификация или военная архитектура» (1615).— 269.
- Мартемпрэ, Эдмон Шарль** (1808—1883) — французский генерал, участник Крымской войны 1853—1856 гг., итальянской войны 1859 г.— 333, 334.
- Мартинес Кампос, Арсенио** (1831—1900) — испанский генерал и контрреволюционный государственный деятель.— 594, 595.
- Массена, Андре**, герцог Ривольи-ский (1758—1817) — французский генерал, с 1804 г. маршал, участник наполеоновских войн.— 97.
- Маурер, Георг Людвиг** (1790—1872) — немецкий буржуазный историк, исследователь общественного строя древней и средневековой Германии.— 20.
- Медичи, Джакомо**, маркиз дель Вачелло (1817—1882) — итальянский генерал, участник сицилийской экспедиции Гарибальди 1860 г.— 356, 362, 367.
- Мекленбургский герцог** — см. Фридрих-Франц.
- Мелас, Михаэль**, барон (1729—1806) — австрийский генерал, участник Семилетней войны и войн против французской буржуазной республики конца XVIII в. и наполеоновской Франции.— 315.
- Мелендес** — неаполитанский генерал; участвовал в военных действиях контрреволюционных войск против итальянского национально-освободительного движения XIX в.— 363, 367.
- Мелвилль, Роберт** (1723—1809) — английский артиллерийский генерал и изобретатель.— 286.
- Мельдер** — голландский архитектор второй половины XVII в.— 269.
- Мемнон (Родосский)** (ум. в 333 г. до н. э.) — предводитель греческих наемников в персидской армии.— 139.
- Меншиков, Александр Сергеевич**, князь (1787—1869) — русский генерал, главнокомандующий русскими войсками в Крыму (с 1853 г. до 1855 г.) во время Крымской войны 1853—1856 гг.— 63, 64, 65, 66, 70.
- Меринг, Франц** (1846—1919) — выдающийся деятель германского рабочего движения, литературный критик и историк, один из руководителей левого крыла германской социал-демократии; сыграл видную роль в основании Коммунистической партии Германии.— 728.
- Мерославский, Людвик** (1814—1878) — польский политический и военный деятель, участник польского восстания 1830—1831 гг.; во время баденско-пфальцского восстания 1849 г. командовал революционной армией; в 50-х годах был связан с бонапартистскими кругами; во время польского восстания 1863 г. был провозглашен повстанцами диктатором; после поражения восстания эмигрировал во Францию.— 59.
- Метелл** (II—I вв. до н. э.) — древнеримский государственный деятель и полководец.— 149.
- Милитиад (VI в. до н. э.—ум. в 489 г. до н. э.)** — афинский государственный деятель и полководец, известен своей победой над персами при Марафоне в 490 г. до н. э.— 140.
- Минье, Клод Этьен** (1814—1879) — французский офицер и военный изобретатель.— 68, 169, 170, 203, 255, 374, 395, 396, 397, 398, 399, 411, 660.
- Миссори, Джузеппе** (1829—1911) — итальянский офицер, участник похода Гарибальди 1860 г.— 362, 366.
- Митридат VI**, Евпатор (132—63 до н. э.) — царь Понта (114—63 до н. э.); вел длительную войну с Римом.— 684.
- Мишель** — французский генерал, во время франко-прусской вой-

ны 1870—1871 гг. командовал кавалерийским корпусом.— 561.
Моден — французский военный инженер и архитектор XVII века.— 265.

Мольке, Гельмут Карл Бернгарт, граф (1800—1891) — прусский фельдмаршал и военный писатель, консерватор; руководил действиями прусской армии во время австро-прусской войны 1866 г. и франко-прусской войны 1870—1871 гг.— 448, 475, 481, 529, 530, 546, 552, 593, 599, 600, 601, 652, 653, 654.

Монталамбер, Марк Рене, маркиз (1714—1800) — французский генерал и военный инженер.— 275, 276, 277, 278, 510.

Монтобан, Шарль, граф Паликао (1796—1878) — французский генерал, бонапартист; в 1860 г. руководил военной экспедицией против Китая, в 1870 г. военный министр.— 471, 537, 712.

Мориц Нассауский — см. Нассауский герцог, Мориц.

Мориц Оранский — см. Нассауский герцог, Мориц.

Морла, Томас (1752—1820) — испанский генерал, государственный деятель и военный писатель.— 243.

Мороццо Делла Рокка, Энрико (1807—1897) — итальянский генерал, участник итальянской войны 1859 г. и войны против Австрии 1866 г.— 457.

Моттелер, Юлиус (1838—1908) — германский социал-демократ.— 725.

Мюрат, Иохим (1767—1815) — французский маршал, король Неаполитанский (1808—1815).— 218, 228, 229.

Мюффлинг (1775—1851) — прусский фельдмаршал и военный писатель, участник войн против Наполеона.— 678, 679.

Н

Нана Саиб (р. 1825) — один из вождей восстания против английского господства в Индии 1857—1859 гг.— 125.

Наполеон, принц (1822—1891) — двоюродный брат Наполеона III,

известный в 50-е гг. под именем Жером Бонапарт (младший) и под прозвищем Плон-Плон; в период Крымской войны — дивизионный генерал.— 76, 343, 681.

Наполеон I Бонапарт (1769—1821) — французский император (1804—1814 и 1815).— 13, 37, 59, 77, 78, 79, 96, 97, 98, 166, 168, 170, 175, 201, 202, 203, 217, 218, 219, 227, 228, 229, 230, 244, 245, 254, 256, 257, 277, 288, 298, 301, 302, 303, 309, 314, 317, 321, 334, 337, 340, 347, 348, 349, 350, 358, 376, 426, 432, 448, 491, 497, 501, 511, 519, 532, 536, 542, 543, 557, 559, 577, 623, 625, 626, 627, 628, 629, 631, 634, 635, 637, 638, 642, 643, 645, 647, 649, 652, 659, 667, 668, 673, 678, 679, 706, 709, 710, 713, 715.

Наполеон III (1808—1873) — французский император (1852—1870).— 76, 77, 78, 80, 83, 122, 170, 247, 248, 310, 328, 329, 330, 331, 335, 337, 342, 347, 348, 349, 350, 377, 469, 470, 472, 478, 480, 483, 486, 490, 491, 493, 514, 518, 521, 527, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 547, 618, 681, 682, 683, 696, 701, 702, 703, 704, 705, 707, 708, 709, 712, 713, 714, 716, 717, 718, 720.

Нарсес — византийский полководец VI века.— 211.

Нассауский, Мориц, герцог, принц Оранский (1567—1625) — штатгальтер Нидерландов, военный организатор и полководец в период борьбы Нидерландов за независимость.— 159, 160, 214, 241.

Ней, Мишель (1769—1815) — французский маршал.— 231, 244.

Нейбауэр — немецкий военный инженер (XVII в.).— 269.

Нейдендорф — прусский офицер и военный изобретатель (XIX в.).— 398.

Непир, Вильям Френсис Патрик (1785—1860) — английский генерал и военный историк.— 219, 426, 669.

Нессельроде, Карл Васильевич, граф (1780—1862) — государственный деятель и дипломат царской России; в 1816—

- 1856 г. министр иностранных дел.— 628.
- Несслер* — французский офицер и военный изобретатель (XIX в.).— 398.
- Николай I* (1796—1855) — русский император (1825—1855).— 160, 214, 347, 628, 639.
- Низль, Адольф* (1802—1869) — французский маршал и военный инженер; участник Крымской войны 1853—1856 гг. и итальянской войны 1859 г., военный министр (1866—1869).— 77, 80, 331, 332, 333, 334, 345.
- Нугент, Лаваль* (1777—1862) — австрийский фельдмаршал, участник итальянского похода 1848—1849 гг.— 312.
- Ньютон, Исаак* (1642—1727) — выдающийся английский математик и физик.— 242.

О

- Оливье, Эмиль* (1825—1913) — французский политический деятель, лидер умеренных республиканцев в период Второй империи; в январе — августе 1870 г. премьер-министр.— 537.
- Омер-паша* (1806—1871) — командующий турецкой армией в период Крымской войны 1853—1856 гг.— 83, 84, 85, 89, 90, 91.
- Орлеанский герцог* — см. Фердинанд.
- Орель де-Паладин, Луи де* (1804—1877) — французский генерал, монархист, участник франко-прусской войны 1870—1871 гг.— 546, 561, 562, 563, 652, 653, 654.
- Орсини, Феличе* (1819—1858) — итальянский революционер, буржуазный демократ, был казнен за покушение на Наполеона III.— 681.
- Осман, Жорж Эжен* (1809—1891) — французский политический деятель, бонапартист префект департамента Сены во время Второй империи.— 518.

П

- Павиа, Родригес* (1827—1895) — испанский генерал, усмиритель восстания 1873 г. в Испании.— 591, 593, 594.
- Паган, Блэз-франсуа* (1604—1665) — французский военный инженер, известен своей работой в области фортификации.— 267, 268, 270, 271.
- Паликао* — см. Монтобан.
- Пальер* — французский генерал, участник франко-прусской войны 1870—1871 гг.— 561.
- Пальмерстон, Генри Джон* (1784—1865) — английский государственный деятель, лидер наиболее реакционных элементов партии вигов, министр иностранных дел (1830—1841 и 1846—1851), внутренних дел (1852—1855) и премьер-министр (1855—1858 и 1859—1865).— 83, 122.
- Папачино д'Антони* — итальянский математик и физик, занимался вопросами военной техники (XVIII в.).— 242.
- Параве, Шарль Ипполит де* (1787—1871) — французский востоковед и военный инженер.— 233.
- Паскевич, Иван Федорович* (1782—1856) — русский фельдмаршал, командовал русскими войсками при подавлении польского восстания 1830—1831 гг.; в 1849 г. командовал русской армией, подавлявшей революцию в Венгрии.— 628, 639.
- Пачотто, Франческо* (1521—1591) — итальянский архитектор и военный инженер.— 266.
- Паш, Жан Николá* (1746—1823) — деятель французской буржуазной революции конца XVIII в., якобинец, с октября 1792 по январь 1793 г. — военный министр; с февраля 1793 по май 1794 г. мэр Парижа.— 626, 645.
- Пексан, Анри Жозе* (1783—1854) — французский генерал и военный инженер, участник наполеоновских кампаний.— 251, 288.
- Пелисье, Жан Жак* (1794—1864) — французский маршал, бонапартист, участник Крымской войны; в 1855 г. — главнокомандующий французскими войсками в Крыму.— 682.
- Перикл* (ок. 493—429 до н. э.) —

- афинский государственный деятель периода наивысшего расцвета афинской рабовладельческой демократии.— 140, 144.
- Перро, Бенжамен-Пьер** (1791—1865) — французский генерал, участник подавления июньского восстания парижского пролетариата в 1848 г., командовал национальной гвардией в 1849 г.— 39, 40.
- Пертц, Георг Генрих** (1795—1876) — немецкий буржуазный историк.— 558, 559, 715.
- Пи-и-Маргаль, Франциско** (1824—1901) — испанский политический деятель, лидер буржуазных республиканцев-федералистов; в 1873 г. глава правительства.— 581, 586, 590, 591, 593.
- Пиа, Феликс** (1810—1889) — французский журналист и литератор, мелкобуржуазный радикал.— 719.
- Пикар** — французский генерал, участник итальянской войны 1859 г.— 332.
- Пиль, Роберт** (1788—1850) — английский государственный деятель, умеренный консерватор, сторонник свободы торговли, премьер-министр (1841—1846).— 669.
- Пирр** (319—272 до н. э.) — царь Эпира, крупный полководец древности.— 150.
- Питт, Вильям, граф Чатам** (1759—1806) — английский государственный деятель, лидер партии торн; премьер-министр (1783—1801 и 1804—1806); один из главных организаторов войны против революционной Франции конца XVIII в.— 690, 727.
- Пленкс, Вильгельм** (1828—1871) — немецкий офицер, военный писатель и изобретатель.— 398.
- Плиний Старший** (23—79) — древнеримский писатель.— 21.
- Плон-Плон** — см. Наполеон, принц.
- Подевиль, Филипп**, барон (1809—1885) — баварский офицер, военный изобретатель.— 399.
- Полибий** (конец III в.— ок. 130 до н. э.) — древнегреческий историк.— 184.
- Помпей, Гней** (106—48 до н. э.) — древнеримский полководец и государственный деятель.— 684.
- Поп, Джон** (1822—1892) — американский генерал, участник гражданской войны США на стороне северных штатов.— 690.
- Поттингер, Генри** (1789—1856) — английский офицер и колониальный чиновник, один из организаторов военной экспедиции против Китая во время так называемой «первой опиумной войны» 1840—1842 гг., впоследствии занимал посты губернатора Гонконга и Мадрасса.— 103.
- Прелá, Жозеф** (р. 1819) — швейцарский оружейный мастер и изобретатель.— 397.
- Прудон, Пьер Жозеф** (1809—1865) — французский публицист и социолог, идеолог мелкой буржуазии, один из родоначальников анархизма.— 703, 723.
- Псамметих I** (664—610 до н. э.) — египетский фараон и полководец, основатель Саисской династии.— 136.
- Птоломей** (ум. в 283 до н. э.) — македонский военачальник, участник походов Александра Македонского, позднее — царь Египта.— 138, 207.
- Пульц, Людвиг**, барон (1822—1881) — австрийский генерал, участник итальянской войны 1859 г. и австро-прусской войны 1866 г.— 457.

Р

- Раглан, Джеймс Генри**, барон (1788—1855) — английский генерал, в 1853—1855 гг. главнокомандующий английской армией во время Крымской войны.— 66, 68, 76, 85.
- Радецкий, Иозеф Венцель**, граф (1766—1858) — австрийский фельдмаршал, с 1831 г. главнокомандующий австрийскими войсками в Италии; жестоко подавил национально-освободительное движение в Италии в 1848—1849 гг.— 312, 313, 335, 336, 457, 511, 628, 629, 680.
- Рамзес II** (1317—1251 до н. э.) — египетский фараон и полководец.— 135.

- Рамминг, Вильгельм** (1815—1876) — австрийский генерал, с 1859 г. — фельдмаршал-лейтенант, начальник генерального штаба австрийской армии во время итальянского похода 1849 г., участник итальянской войны 1859 г. и австро-прусской войны 1866 г. — 332, 462, 463, 464.
- Раморино, Джироламо** (1792—1849) — итальянский генерал, командовал пьемонтской армией во время революции 1848—1849 гг. в Италии, своей предательской тактикой содействовал победе контрреволюционных австрийских войск. — 629.
- Распаль, Франсуа Венсан** (1794—1878) — французский врач и естествоиспытатель, публицист, левый республиканец и демократ, участник революций 1830 и 1848 гг. во Франции; впоследствии левый радикал. — 33.
- Редер** — австрийский генерал, участник итальянской войны 1859 г. — 338.
- Редклифф** — см. Канинг, Стратфорд.
- Рейхенбах, Георг** (1772—1826) — баварский офицер и изобретатель. — 378.
- Рейшах, Зигмунд** (1809—1878) — австрийский фельдмаршал-лейтенант, участник войны в Италии 1848—1849 гг. и итальянской войны 1859 г. — 330, 331, 332, 333.
- Рено** — французский генерал, участник итальянской войны 1859 г. — 332, 333, 345.
- Рер** (ум. в 1859) — австрийский генерал, участник итальянской войны 1859 г. — 338.
- Римплер, Георг** (1836—1883) — немецкий военный инженер, усовершенствовал постройку крепостных бастионов; оставил ряд работ по фортификации. — 274, 275.
- Римский-Корсаков, Александр Михайлович** (1753—1840) — русский генерал, участник русско-турецких войн конца XVIII в., а также войн с Францией. — 97.
- Риполь** — испанский офицер, участник подавления восстания 1873 г. в Испании. — 594.
- Робертс, Генри Джи** (1800—1860) — английский генерал-майор, участник подавления национально-освободительного восстания в Индии в 1857—1859 гг. — 128, 129.
- Робеспьер, Максимилиан** (1758—1794) — выдающийся деятель французской буржуазной революции конца XVIII в., вождь якобинцев, глава революционного правительства (1793—1794). — 727.
- Робиус** — английский военный инженер (XVIII в.). — 242.
- Розетти** — итальянский писатель по вопросам фортификации (XVII в.). — 266.
- Роон, Альбрехт**, граф (1803—1879) — прусский фельдмаршал в 1859—1873 гг., военный и морской министр (с 1861 г.). — 521.
- Рошфор, Анри**, маркиз (1831—1913) — французский публицист и политический деятель, один из лидеров мелкобуржуазных республиканцев во Франции; член «правительства Национальной обороны» в 1870 г. — 526.
- Рувруа, Вильгельм Генрих** (1799—1882) — немецкий генерал и военный писатель. — 243.
- Руперт, принц** (1619—1682) — английский генерал, во время английской буржуазной революции XVII в. командовал конницей в контрреволюционной армии короля Карла I. — 214, 215.
- Руэр, Эжен** (1814—1884) — французский государственный деятель, бонапартист, министр внутренних дел в 1863—1870 гг. — 477.

С

- Сагаста, Праксидес Матео** (1825—1903) — испанский государственный деятель, монархист, глава либеральной партии; министр внутренних дел в консервативно-либеральном правительстве 1871 г.; затем премьер-министр. — 597.

- Саллюстий Крисп, Гай* (86—35 до н. э.) — римский историк и политический деятель. — 149.
- Сальмерон-и-Алонзо, Николас* (1838—1908) — испанский государственный деятель, буржуазный республиканец, в 1873 г. — глава правительства. — 581.
- Сан-Микеле, Микеле* (ок. 1484—1559) — итальянский инженер и архитектор. — 263, 266.
- Северино* — см. Альбаррасин, Северино.
- Селевкиды* (312—63 до н. э.) — династия, правившая обширным государством в Сирии, Месопотамии и Малой Азии, образовавшимся после распада империи Александра Македонского. — 183.
- Сенар, Антуан Мари* (1800—1885) — французский адвокат и политический деятель, в 1848 г. председатель Учредительного собрания, министр внутренних дел; принимал активное участие в подавлении июньского восстания парижских рабочих. — 42.
- Сен-Реми, Пьер* (1650—1716) — французский генерал, автор работы по артиллерийскому делу. — 241.
- Сент-Арно, Арно Жак* (1798—1854) — французский маршал, бонапартист, военный министр (1851—1854), главнокомандующий французскими войсками (до осени 1854) во время Крымской войны 1853—1856 гг. — 66, 76.
- Сен-Жюст, Луи Антуан* (1767—1794) — видный деятель французской буржуазной революции конца XVIII в., один из вождей якобинцев. — 626.
- Сеочо* — участник похода Гарибальди 1860 г. — 357.
- Септимий Север, Луций* — римский император (193—211). — 154.
- Сервера, Рафаэль* (1828—1908) — испанский врач, в 1870 г. сотрудник буржуазно-республиканской газеты «La Republica Federal». — 590.
- Серторий, Квинт* (I в. до н. э.) — древнеримский полководец, возглавлял испанские племена, восставшие против власти Рима. — 684.
- Синг Маун* — король провинции Ауд в Индии; во время народно-освободительного движения в Индии в 1857—1859 гг. выступал как агент колонизаторов. — 127, 129.
- Синг Маун* — вождь повстанцев в Гвалиоре во время народно-освободительного движения в Индии в 1857—1859 гг. — 129.
- Синг Оммар* — вождь повстанцев в провинции Ауд во время народно-освободительного движения в Индии в 1857—1859 гг. — 128.
- Скотт, Винфильд* (1786—1866) — американский генерал, участник гражданской войны в США на стороне северных штатов. — 687.
- Сонназ, Гектор* (1790—1867) — итальянский генерал, участник итальянской войны 1859 г. — 326.
- Спартак* — вождь всенационального восстания рабов в 74—71 гг. до н. э. — 684.
- Спекль* (правильнее Спеклин), Даниэль (1536—1589) — немецкий военный инженер, занимался вопросами фортификации. — 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275.
- Спирман* — английский офицер-артиллерист, ввел ряд усовершенствований в артиллерию английской армии (XIX в.). — 245, 247.
- Стадион, Филипп* (1799—1868) — австрийский генерал, участник итальянских войн 1848—1849 гг. в 1859 г. — 323, 326, 343.
- Стон, Чарлз Помрой* (1824—1887) — американский генерал, участник гражданской войны в США 1861—1865 гг. на стороне северных штатов; был арестован за предательские связи с рабовладельцами южных штатов. — 433.
- Струэнзе, Карл Густав* (1735—1804) — немецкий государственный деятель, автор ряда работ по военным вопросам. — 243.
- Стэнтон, Эдвин* (1814—1869) — американский буржуазный го-

- сударственный деятель, возглавлял военное ведомство северных штатов во время гражданской войны в США.— 687, 688.
- Субиз, Шарль* (1715—1787) — французский маршал, участник Семилетней войны (1756—1763).— 677.
- Суворов, Александр Васильевич* (1730—1800) — великий русский полководец.— 97, 98, 630.
- Сулла, Луций Корнелий* (138—78 до н. э.) — древнеримский полководец и государственный деятель.— 684.
- Сципион, Публий Корнелий* (ум. 211 до н. э.) — древнеримский полководец и государственный деятель.— 209.
- Сюше, Луи Габриэль*, герцог д'Альбюфера (1770—1826) — французский маршал, участник наполеоновских войн.— 524, 525.
- Т**
- Тажизье, Франсуа Лоран Альфонс* (р. 1809) — французский полковник, военный изобретатель.— 379, 380, 395.
- Танн, Людвиг*, фон-дер (1815—1881) — немецкий генерал, участник франко-прусской войны 1870—1871 гг.— 529, 540, 546, 562.
- Тарталья, Николо* (ок. 1500—1557) — итальянский математик, занимавшийся также вопросами артиллерии и фортификации.— 237, 264, 266.
- Тауэнцин, Богуслав Фридрих Эммануил* (1760—1824) — прусский генерал, участник войн против Наполеона I.— 679.
- Темистий* — римский оратор и писатель IV в.— 233.
- Темпельгоф, Георг Фридрих* (1737—1807) — прусский артиллерийский генерал.— 243.
- Техов, Густав Адольф* (1813—1893) — прусский офицер, мелкобуржуазный демократ, участник революции 1848—1849 гг., начальник генерального штаба пфальцской революционной армии. После поражения баденско-пфальцского восстания эмигрировал за границу.— 671.
- Тилли, Иоганн Церклас*, граф (1559—1632) — австрийский генерал, участник Тридцатилетней войны.— 162.
- Тилмергауз, Шарль Фредерик* (1800—1865) — бельгийский военный писатель и изобретатель.— 398.
- Тимофей* — древнегреческий полководец первой половины IV в. до н. э.— 143.
- Торичелли, Еванджелиста* (1608—1647) — итальянский физик и математик, ученик Галилея.— 242.
- Торстenson, Леннарт* (1603—1651) — крупный шведский военный деятель и генерал.— 240.
- Тотleben, Эдуард Иванович*, граф (1818—1884) — русский генерал и военный инженер; руководил оборонительными инженерными работами в Севастополе во время Крымской войны 1853—1856 гг.— 112, 566.
- Траян, Марк Ульпий* (58—117) — римский император и полководец.— 154, 187.
- Трейль-де-Болье, Антуан Гектор* (р. 1809) — французский артиллерийский генерал.— 380.
- Трота* — прусский офицер, занимался разработкой вопросов тактики пехоты (XIX в.).— 203.
- Троши, Луи Жюль* (1815—1896) — французский генерал, участник итальянской войны 1859 г.; во время франко-прусской войны 1870—1871 гг. командовал армией, оборонявшей Париж, глава правительства «национальной обороны» (1870—1871), один из кровавых палачей Парижской Коммуны.— 332, 333, 345, 512, 548, 552, 563, 566, 569, 571, 572, 651, 654, 712, 716.
- Тувенен, Луи Этьен* (1791—1882) — французский полковник и военный изобретатель.— 169, 393, 394, 395, 396, 414, 660.
- Тюрени, Анри де ла Тур д'Овернь*, виконт (1611—1675) — выдающийся французский полководец.— 638.

Тюрр, Стефан (1825—1908) — венгерский политический деятель и инженер, участник сицилийской и неаполитанской экспедиций Гарибальди 1860 г.—362.

Тьер, Адольф (1797—1877) — французский реакционный политический деятель; монархист, палач Парижской Коммуны, президент Французской республики (1871—1873).— 613, 651, 671, 704, 718, 721.

У

Удино, Николай Шарль Виктор (1791—1863) — французский генерал, орлеанист; в 1849 г. командовал войсками, посланными против Римской республики.— 631.

Уилькинсон, Джон Гарднер (1797—1875) — английский ученый, автор ряда трудов о древнем Египте.— 136.

Уркарт, Дэвид (1805—1877) — английский буржуазный дипломат и публицист.— 695.

Урбан, Карл (1802—1877) — австрийский генерал, участник итальянской войны 1859 г.— 327, 329.

Уфано — испанский мастер артиллерийского дела (конец XVI в.).— 237.

Уэлсли, Ричард (1760—1842) — английский государственный деятель, генерал-губернатор Индии (1797—1805), министр иностранных дел (1809—1812).— 73.

Ф

Фаар, Жюль (1809—1880) — французский государственный деятель, буржуазный республиканец, министр иностранных дел в правительстве «национальной обороны» (1870—1871), участник кровавого подавления Парижской Коммуны.— 651, 704, 712, 716, 717, 720, 721.

Фийи, Пьер Луи Шарль де (1810—1892) — французский генерал, бонапартист, участник франко-прусской войны 1870—1871 гг.— 487, 488, 491, 497, 499, 503, 531, 535, 538.

Фарга-Пелисер, Рафаэль — деятель испанского рабочего дви-

жения, член I Интернационала, анархист.— 587.

Федерб, Луи (1818—1889) — французский генерал, участник колониальной войны в Африке и франко-прусской войны 1870—1871 гг.— 561, 574, 576.

Фердинанд (1810—1842) — герцог Орлеанский — старший сын короля Луи-Филиппа, принимал участие в реорганизации французской армии.— 377.

Фердинанд II (1810—1859) — король обеих Сицилий (1830—1859), жестоко подавил революционное движение 1848—1849 гг., подвергнув варварской бомбардировке города Палермо и Мессину, за что получил прозвище «король-бомба».— 45, 360.

Фердинанд IV (1285—1312) — король Кастилии и Леона (1295—1312).— 234.

Ферри, Жюль (1832—1893) — французский политический деятель, буржуазный республиканец, премьер-министр. (1880—1881, 1883—1885).— 613.

Филипп Македонский (379—336 до н. э.) — царь Македонии.— 144, 146, 206.

Филипп V Македонский (ум. в 179 до н. э.) — царь Македонии (220—179 до н. э.).— 151.

Филострат — древнегреческий философ и писатель (III в. до н. э.).— 233.

Фламинин, Тит Квинций (III—II в. до н. э.) — древнеримский полководец; в 197 г. до н. э. одержал победу в Фессалии над войсками македонского царя Филиппа V.— 151.

Флис — прусский генерал, участник австро-прусской войны 1866 г.— 462.

Флойд, Джон Бьюкенен (1805—1863) — американский политический деятель, участник гражданской войны в США 1861—1865 гг. на стороне южных рабовладельческих штатов.— 435.

Флорес — неаполитанский генерал.— 361.

Флориани — итальянский военный инженер (конец XVI — начало XVII в.).— 266, 271.

- Фогт, Карл** (1817—1895) — немецкий буржуазный демократ, во время революции 1848—1849 гг. член Франкфуртского Национального собрания, позднее — ярый враг рабочего движения, бонапартист и агент Наполеона III. — 54, 337.
- Фойгт-Ретц, Юлиус** — прусский генерал, участник франко-прусской войны 1870—1871 гг. — 607.
- Фокс, Чарлз Джеймс** (1749—1806) — английский политический деятель, лидер вигов и глава парламентской оппозиции. — 727.
- Форэ, Эли Фредерик** (1804—1872) — французский маршал, бонапартист, активный участник переворота 2 декабря 1851 г., итальянской войны 1859 г., участвовал в Крымской войне 1853—1856 гг. — 82, 323, 324, 326.
- Франзецкий, Эдуард** (1807—1890) — прусский генерал, участник австро-прусской войны 1866 г. и франко-прусской войны 1870—1871 гг. — 572.
- Франц** — немецкий инженер XVI в., под руководством которого были построены укрепления Антверпена. — 266.
- Франц-Иосиф** (1830—1916) — австрийский император (1848—1916). — 340, 342, 343, 345, 349, 702.
- Франциск I** (1494—1547) — французский король (1515—1547). — 159, 192, 237.
- Франциско, Томас** — испанский анархист, участник восстания 1873 г. — 590.
- Фрейтаг, Адам** — нидерландский военный инженер первой половины XVII в., занимался вопросами фортификации. — 269.
- Фремон, Джон Чарлз** (1813—1890) — американский политический деятель, генерал, участник гражданской войны в США 1861—1865 гг. на стороне северных штатов. — 688.
- Фридрих II** (1712—1786) — прусский король (1740—1786). — 12, 96, 164, 166, 167, 169, 198, 199, 208, 215, 216, 217, 218, 219, 224, 230, 242, 281, 298, 303, 409, 542, 618, 627, 632, 633, 638, 657, 658, 667, 677.
- Фридрих-Август II** (1797—1854) — король Саксонии (1836—1854). — 52.
- Фридрих-Вильгельм** (1831—1888) — прусский кронпринц, участник австро-прусской войны 1866 г. и франко-прусской войны 1870—1871 гг., прусский король и германский император под именем Фридриха III (с 9.III.1888 по 15.VI.1888). — 449, 460, 461, 464, 474, 477, 481, 483, 491, 499, 500, 501, 503, 506, 532.
- Фридрих-Вильгельм I** (1688—1740) — прусский король (1713—1740). — 164, 215.
- Фридрих-Вильгельм II** (1744—1797) — прусский король (1786—1797). — 623.
- Фридрих-Вильгельм III** (1770—1840) — прусский король (1797—1840). — 517, 567, 558, 559, 650, 715.
- Фридрих-Вильгельм IV** (1795—1861) — прусский король (1840—1861). — 28, 50, 373, 448, 449, 552, 557.
- Фридрих-Карл** (1828—1885) — принц Прусский, фельдмаршал, участник австро-прусской войны 1866 г., франко-прусской войны 1870—1871 гг. — 409, 449, 460, 461, 463, 464, 474, 477, 483, 489, 495, 496, 501, 509, 519, 529, 548, 552, 553, 562, 563, 564, 575, 696, 698, 702, 705.
- Фридрих-Франц II** (1823—1883) — герцог Мекленбургский. — 545, 547, 548, 552, 553, 562, 563, 564.
- Фроссар, Шарль** (1807—1875) — французский генерал, участник франко-прусской войны 1870—1871 гг. — 476, 483, 484, 487, 488, 491, 495, 496, 499, 531.
- Фрундсберг, Георг** (1473—1528) — командир немецких ландскнехтов, участвовал в итальянских войнах XV и начала XVI вв. и в подавлении Крестьянской войны в Германии 1525 г. — 159.
- Фультон, Роберт** (1765—1815) — американский инженер, сконструировал пароход. — 288.

X

Хабриас (Хабрий) (IV в. до н. э.) — афинский полководец. — 143.

Хазед — индийский поэт (начало XIII в.).— 234.

Харди, Вильям Джозеф (1817—1873) — американский генерал, участник гражданской войны в США 1861—1865 гг. на стороне рабовладельческих южных штатов.— 700.

Хевлок, Генри (1795—1857) — английский генерал, участвовал в подавлении национально-освободительного восстания в Индии 1857—1859 гг.— 113.

Христина (1806—1878) — испанская королева (1833—1840).— 100.

Ц

Цезарь, Гай Юлий (100—44 до н. э.) — римский государственный деятель и полководец, основатель Римской империи.— 95, 151, 152, 153, 187, 209, 211, 302, 684.

Цобель, Томас Фридрих (1799—1869) — австрийский генерал, участник итальянской войны 1859 г.— 330, 343.

Цолликофер, Феликс-Кирк (1812—1862) — американский генерал, участник гражданской войны в США 1861—1865 гг. на стороне рабовладельческих южных штатов.— 433.

Ч

Чернышев, Александр Иванович, князь (1786—1857) — русский государственный деятель, дипломат и генерал, участник войны с Наполеоном I, военный министр (1832—1852).— 443.

Чизальдини, Энрико (1813—1892) — итальянский генерал, участник Крымской войны 1853—1856 гг., итальянской войны 1859 г. и войны против Австрии 1866 г.— 456, 459.

Ш

Шанзи, Альфред (1823—1883) — французский генерал, участник итальянской войны 1859 г. и франко-прусской войны 1870—1871 гг.— 561, 564, 565, 574, 576.

Шанпер, Карл (1812—1870) — деятель немецкого и международного рабочего движения, член Союза коммунистов; после революции 1848—1849 гг. вместе с Виллихом выступал против Маркса во главе мелкобуржуазной фракции «левых»; впоследствии признал свои ошибки, был членом I Интернационала.— 666.

Шарнгорст, Гергард Иоганн Давид (1755—1813) — прусский генерал и военный писатель; провел военную реформу в Пруссии после разгрома ее армии Наполеоном I под Иеной и Ауэрштедтом.— 243, 543, 678.

Шаспо, Антуан Альфонс (1833—1886) — француз, рабочий; изобретатель винтовки, названной по его имени.— 480.

Шафготтше — австрийский фельд-маршал, участник итальянской войны 1859 г.— 343.

Шварценберг — австрийский генерал, участник итальянской войны 1859 г.— 343.

Шейтер — немецкий военный архитектор (XVII в.).— 269.

Шекспир, Вильям (1564—1616) — великий английский поэт и драматург.— 684.

Шерман, Вильям (1820—1891) — американский генерал, участник гражданской войны в США 1861—1865 гг. на стороне северных штатов; с 1866 г. командующий вооруженными силами США.— 694, 696, 697, 698, 699, 700.

Шили, Виктор (1810—1875) — адвокат из Трира, участник баденского восстания 1849 г., член I Интернационала, друг Маркса и Энгельса.— 666.

Шиль, Фердинанд (1776—1809) — прусский офицер, организатор партизанского отряда, действовавшего против французской армии в 1807—1809 гг.— 557.

Шлик, Франц, граф (1789—1862) — австрийский кавалерийский генерал, участвовал в подавлении революции в Венгрии в 1848—1849 гг. и в итальянской войне 1859 г.— 340.

Шлоссер, Фридрих Кристоф (1776—1861) — немецкий прогрессивный буржуазный историк.— 684.

Шнайде, Франц (1790—1850) — участник польского восстания в 1830 г., в 1849 г. генерал революционной баденско-пфальцской армии.— 700.

Шонгальс, Карл фон (1788—1857) — австрийский фельдмаршал и военный писатель.— 312.

Штейнмец, Карл (1796—1877) — прусский фельдмаршал, участник франко-прусской войны 1870—1871 гг.— 474, 477, 501, 509, 705.

Шуазель, Этьен Франсуа (1719—1785) — французский государственный деятель, министр иностранных дел (1758—1761).— 677.

Э

Эбер — итальянский генерал, участник неаполитанской экспедиции Гарибальди 1860 г.— 362.

Эбер, Жак Рене (1757—1794) — видный политический деятель периода французской буржуазной революции конца XVIII в.; представитель левого крыла якобинцев.— 727.

Эд, герцог Аквитанский (688—735) — предводитель франков в войнах против арабов, сподвижник Карла Мартелла.— 211.

Эдельсгейм, Дюлай Леопольд Вильгельм, барон (1826—1898) — австрийский генерал, участник австро-прусской войны 1866 г.— 460, 464.

Эдуард (1330—1376) — принц Уэльский, по прозвищу «Черный принц»; английский военачальник во время Столетней войны.— 189.

Эйлер, Леонард (1707—1783) — математик, астроном и физик, занимался вопросами военной техники; большую часть своей жизни провел в России.— 242.

Элиан — древнеримский писатель конца II и начала III в. н. э.— 233.

Элленборо, Эдуард, Лоо, барон (1750—1818) — английский юрист.— 122.

Эммануил — см. Виктор-Эммануил.

Энфильд — оружейная фирма в Англии.— 170, 255, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 408, 410, 411, 412, 413, 416, 515.

Эпимионид — древнегреческий полководец IV в. до н. э.— 143, 182, 198, 302, 303.

Эрлон (Друз д'Эрлон), Жан Батист (1765—1844) — французский маршал, участник наполеоновских войн.— 229.

Эрнест (1824—1899) — эрцгерцог австрийский, участник австро-прусской войны 1866 г.— 464.

Эррар, Жан (1554—1610) — французский математик и военный инженер, занимался вопросами фортификации.— 270.

Эспинас, Шарль Мари Эспри (1815—1859) — французский генерал и государственный деятель, бонапартист, участник Крымской войны 1853—1856 гг. и итальянской войны 1859 г.— 332.

Ю

Югурта (ум. в 104 г. до н. э.) — царь Нумидии, вел борьбу с Римом.— 149.

Юстиниан (483—565) — император Восточной римской (Византийской) империи.— 211.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

А

Аахен (Ахен) — город в западной Германии, в области Северный Рейн — Вестфалия. — 473, 476.

Аббате-Грассо — населенный пункт в северной Италии. — 330, 331, 337, 338.

Абснсберг — населенный пункт в южной Германии (Бавария). — 321, 629.

Абли — населенный пункт в центральной Франции. — 542.

Авеллино — город в южной Италии (Кампанья). — 361.

Авен (Авен-ля-Сек) — селение в северной Франции. — 503.

Аврон — плоскогорье в окрестностях Парижа. — 566, 567, 568.

Австралия. — 21, 722.

Австрия — 52, 53, 78, 95, 171, 173, 203, 215, 219, 220, 223, 276, 309, 311, 312, 320, 321, 322, 347, 348, 373, 374, 375, 392, 414, 437, 453, 515, 516, 527, 534, 557, 634, 640, 681, 682, 683, 695, 696, 703, 705, 711, 727.

Агра — город в северной Индии, на р. Джамна. — 674.

Адда — река в северной Италии, один из левых притоков р. По. — 321, 328, 349.

Адидже — река в северной Италии. — 311, 312, 314, 315, 317, 318, 321, 456, 682.

Адриатическое море. — 310.

Азинкур — населенный пункт в северо-западной Франции; место сражения французских и английских войск 25 октября 1415 г. во время Столетней войны. — 155, 303.

Азола — населенный пункт в северной Италии. — 343.

Акарнания — область в средней Греции, на побережье Ионического моря. — 140.

Акви (Аквиля) — город в северо-западной Италии. — 318.

Алабама — один из юго-восточных штатов США. — 434, 438.

Алжесирас (Альхесирас) — город и порт в южной Испании. — 594.

Алжир — страна в северной Африке, французская колония. — 36, 80, 99, 169, 177, 202, 221, 234, 313, 371, 377, 471, 514, 550, 603, 607, 630, 631, 642, 660, 682, 722.

Александровский форт (в Севастополе). — 67.

Алессандрия — крепость в северной Италии, у слияния рек Танао и Бормида. — 318, 319, 320, 321, 349.

Алива — город в северной Индии. — 123.

Аликанте — портовый город в юго-восточной Испании. — 235, 588, 590.

Алла-Фиумаре — Торре-дель-Кавалло — укрепление в южной Италии. — 367.

Аллахабад — город в северо-восточной Индии, на реке Ганг. — 128.

Альбугера (Альбукерке) — населенный пункт в провинции Бадахос (западная Испания); место сражения между англо-испано-португальской армией и французскими войсками 16 мая 1811 г. — 659.

Алье — река в центральной Франции, левый приток Луары. — 554.

Альмамо — город на западе острова Сицилия. — 353.

- Алькой** — город в юго-восточной Испании.— 581, 586, 588, 589, 590, 591, 598.
- Альма** — река в Крыму; место сражения русских войск с соединенными войсками французов, англичан и турок 8 (20) сентября 1854 г., во время Крымской войны.— 65, 66, 68, 699.
- Альпы** — горная система Западной Европы.— 96, 98, 147, 315, 317, 321, 335, 348, 352, 456, 629, 646, 647.
- Альпы Приморские** — горная цепь на границе Италии и Франции.— 96, 309, 349.
- Альпы Савойские** — горная цепь в пределах французских областей Савойя и Дофинэ.— 647.
- Альпы Юлийские** — горная цепь на границе Италии и Югославии.— 97, 349.
- Альпы Тирольские** — горная цепь в западной Австрии.— 310, 315.
- Альткирх** — населенный пункт в восточной Франции (Эльзас).— 488.
- Аму-Дарья** — река в Средней Азии.— 131, 147.
- Амур** — река в Восточной Азии.— 111.
- Амой (Сямынь)** — портовый город на юго-восточном побережье Китая.— 102.
- Амьен** — город в северной Франции, на реке Сомме.— 541, 576.
- Андалузия** — область в южной Испании.— 581, 584, 586, 591, 592, 593, 594, 595.
- Англия** — 8, 9, 17, 22, 64, 67, 72, 74, 84, 106, 112, 123, 130, 155, 170, 171, 173, 198, 203, 214, 220, 221, 224, 242, 247, 276, 284, 285, 286, 288, 290, 295, 371, 376, 384, 390, 396, 428, 429, 515, 535, 633, 683, 707, 715, 722, 727, 729.
- Анжер** — город в западной Франции.— 576.
- Антверпен** — город в Бельгии.— 266, 627.
- Апельсинный залив (Гольфо-дель-ви-Аранчи)** — залив на северо-восточном побережье острова Сардиния.— 360.
- Апеннины** — горный хребет, заполняющий большую часть поверхности Апеннинского полуострова (Италия).— 317, 321, 323.
- Апулия** — область в южной Италии.— 361.
- Аравия**.— 205, 675.
- Аракс** — река Армянского нагорья.— 89.
- Арбелы** — город в древней Ассирии; место сражения Александра Македонского с персидскими войсками в 331 г. до н. э.— 146, 147, 156, 207, 210.
- Аргонны** — возвышенность на востоке Франции.— 504, 623, 648.
- Ардаган** — город в северо-восточной Турции, древнее грузинское поселение.— 90.
- Арденский канал** — канал в северной Франции, соединяющий реки Сену и Маас.— 507.
- Арденны** — лесистая возвышенность в южной Бельгии, на северо-востоке Франции и в Люксембурге.— 648.
- Аркадия** — гористая область в центре полуострова Пелопоннес (Греция).— 143.
- Арканзас** — один из южных штатов США.— 436, 688.
- Арколе** — селение в северной Италии; место сражения между французскими и австрийскими войсками 15—17 ноября 1796 г.— 309, 348, 349.
- Армения**.— 87, 89, 90.
- Артенэ** — населенный пункт в центральной Франции.— 564.
- Асперн** — город в Австрии, восточнее Вены, на левом берегу Дуная, в районе которого 21—22 мая 1809 г. произошло сражение между французскими войсками Наполеона и австрийскими войсками.— 78, 303.
- Аспромонте** — горная цепь на юго-западе Италии (в Калабрии).— 362, 365.
- Атланта** — город в штате Джорджия (США).— 439, 694.
- Атлантический океан**.— 284, 425, 438, 691.
- Аттика** — область в средней Греции, на побережье Эгейского моря.— 140.
- Ауд** — область в северной Индии.— 120, 122, 124, 127, 128, 129, 130.

Аугуста — город в штате Джорджия (США).— 700.

Аулетта — город в южной Италии.— 361.

Аустерлиц — город в Моравии (Чехословакия); место сражения русско-австрийских союзных войск с французской армией 20 ноября (2 декабря) 1805 г.— 340, 375.

Ауфид — древнее название реки **Офанто** (южная Италия).— 210.

Ауэрштедт — населенный пункт в юго-восточной Германии (Саксония); место сражения между французскими и прусскими войсками 14 октября 1806 г.— 199, 448, 678.

Афганистан.— 129.

Афины — древнегреческое государство с центром в городе Афины.— 78, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 180, 181.

Африка.— 153, 205, 206, 234, 283, 514.

Ахалцых (Ахалцихе) — крепость и город в Грузии.— 86.

Б

Бавария (Германия).— 52, 329, 374, 398, 399, 403, 462, 471, 704, 708.

Баварский Пфальц — область в западной Германии, в XIX в. принадлежала Баварии.— 55.

Бадахос — город и крепость в юго-западной Испании; место сражения между английскими и французскими войсками в 1812 г.— 121.

Баден (юго-западная Германия).— 53, 55, 58, 374, 391, 399, 471, 542, 665, 666, 669, 672, 708.

База — город в Испании.— 235.

Базель — город в северо-западной Швейцарии.— 268, 641, 646, 727.

Базейль — населенный пункт в западной Франции.— 508, 540, 552.

Базиликата — провинция в южной Италии.— 361.

Балаклава — город и бухта в Крыму; место сражения между русскими войсками и англо-турецкими силами 13 (25) октября 1854 г. во время Крымской войны.— 63, 66, 76, 113, 224, 227.

52 ф. Энгельс

Балтийское море.— 77, 78, 471.

Балтимора — город в штате Мэриленд (США).— 430.

Баньера — населенный пункт на юге Италии (Калабрия).— 367.

Бар — река в восточной Франции.— 504, 507.

Бар ле-Дюк — населенный пункт в восточной Франции, близ Вердена.— 499, 500.

Барелли — город в северной Индии на реке Рамганга, притоке Ганга.— 125.

Барселона — город в северо-восточной Испании (Каталония).— 586, 587, 592, 597, 598.

Бассано — город в северной Италии.— 315.

Батум (Батуми) — город и один из крупнейших портов на Черноморском побережье Кавказа.— 90, 91.

Бауцен — город в Саксонии.— 679.

Бахчисарай — город в Крыму.— 65, 66, 70.

Баязет — город в Турецкой Армении.— 86.

Безаксон — город в восточной Франции.— 493, 572, 573, 575, 576.

Бельбо — река в северной Италии.— 318.

Бельвилль — район Парижа.— 572.

Бельгия.— 170, 392, 397, 398, 493, 501, 503, 505, 506, 508, 509, 624, 648, 714, 727.

Бельджойозо — населенный пункт в северной Италии.— 337, 338.

Бельфор — город и крепость в восточной Франции.— 487, 493, 530, 553, 572, 573.

Бенгалия — область в северо-восточной Индии.— 126.

Беотия — область в средней Греции.— 140, 206.

Бергамо — город в северной Италии.— 328.

Берегардо — населенный пункт в северной Италии.— 331.

Берлин.— 47, 48, 49, 50, 51, 451, 452, 453, 472, 476, 484, 486, 507, 531, 614, 616, 617, 618, 640, 641, 702, 714, 722.

Бестаццо — населенный пункт в северной Италии.— 332.

Бетенивилль — населенный пункт в восточной Франции.— 538.

- Биг-Бетель** — населенный пункт в штате Виргиния (США); место сражения войск северных и южных штатов 10 июня 1861 г. во время гражданской войны в США в 1861—1865 гг.— 687.
- Бигеллы** — населенный пункт в северной Италии.— 318.
- Бинаско** — населенный пункт в северной Италии.— 332, 337, 338.
- Бирма** — 120, 258.
- Бич** — крепость в Эльзасе.— 479, 482, 487.
- Бламон** — населенный пункт восточной Франции.— 572.
- Блуа** — город в центральной части Франции, на реке Луара.— 541, 563, 564.
- Богемия** (Чехия).— 219, 329, 447, 451, 452, 453, 454, 455, 459, 460, 461, 463, 464, 465, 681, 704.
- Божанси** — город в центральной части Франции.— 564, 625, 652, 653.
- Болл-Блеф** — местность на реке Потомак в штате Виргиния (США); место сражения войск северных и южных штатов 21 октября 1861 г. во время гражданской войны в США.— 433.
- Бомарзунд** — крепость на Аландских островах в Балтийском море.— 68.
- Бомбей** — город в западной Индии.— 125.
- Бомон** — населенный пункт в северо-восточной Франции.— 504, 507.
- Бона** — город и порт в северо-восточной части Алжира.— 234.
- Бон-ля-Роланд** — город в центральной Франции.— 563.
- Боргофорт** — укрепленный населенный пункт в северной Италии.— 310.
- Бордо** — город в южной Франции.— 530, 717.
- Бормида** — река в северной Италии.— 317, 318.
- Бородино** — село в 12 км к западу от Можайска; место одного из крупнейших в истории сражений между русской армией и французскими войсками Наполеона 1 26 августа (7 сентября) 1812 года во время Отечественной войны 1812 г.— 65, 231, 244, 256, 298, 443.
- Бостон** — город на северо-востоке США.— 706.
- Ботлинг-Грин** — город в штате Кентукки (США).— 432, 434, 436.
- Браилов** — город в Румынии, на левом берегу Дуная.— 87.
- Брайтон** — город на юге Англии.— 681.
- Бранденбург** — город в восточной Германии.— 48.
- Брауншвейг** — город и область в северо-западной Германии.— 390.
- Бреда** — город в Голландии.— 269.
- Бремен** — город в северной Германии.— 477.
- Брента** — река в северной Италии.— 309, 314.
- Бреславль** (Вроцлав) — город в Силезии (Польша).— 452, 453, 460, 640, 641.
- Брест** — город и военно-морская база в северо-западной Франции на полуострове Бретань.— 576.
- Бретань** — область, занимающая одноименный полуостров и часть территории западной Франции.— 561, 576.
- Брешия** — город в северной Италии.— 328.
- Бриансон** — город и крепость в юго-восточной Франции.— 319.
- Бриар** — город в центральной Франции.— 564.
- Брие** — город и старинная крепость в северо-восточной Франции.— 496.
- Бронте** — город на острове Сицилия (Италия).— 362.
- Бузонвиль** — город в северо-восточной Франции.— 488.
- Буйон** — город в Бельгии.— 508.
- Буль-Рен** — река в США, правый приток р. Потомак; место сражений 21 июля 1861 г. и 29—30 августа 1862 г. между войсками северных и южных штатов (битвы при Манассасе) во время гражданской войны в Америке.— 431, 433, 441, 442, 528.
- Булонь** — город в северной Франции, на берегу Ла-Манша.— 202, 217, 288, 682.
- Буль** — населенный пункт в восточной Франции.— 488.

Бундельканд — область в северо-восточной Индии.— 122, 124, 129.
Бунцельвиц — населенный пункт в Силезии.— 281.

Бургундия — старинная провинция в центре восточной Франции, в средние века герцогство.— 95.

Бурж — город в центральной Франции.— 530, 541, 575.

Бушир (Абушер) — город и порт в южном Иране на Персидском заливе.— 106, 109.

Буссоленго — населенный пункт в северной Италии.— 456.

Буффалора — населенный пункт в северной Италии.— 331, 332.

Бюзанси — населенный пункт в восточной Франции, в 30 км к югу от Седана.— 504, 532.

В

Вавилон — древний город в Месопотамии.— 258.

Ваграм — населенный пункт в 18 км к северо-востоку от Вены; место сражения между французской и австрийской армиями 5—6 июля 1809 г.— 229, 244, 257, 375, 618.

Ваггейцель — замок и населенный пункт в западной Германии; место сражения между пфальцско-баденской повстанческой армией и прусскими войсками 21 июня 1849 г.— 59.

Вакарицца — населенный пункт в северной Италии.— 323, 329.

Валансьенн — город и крепость в северной Франции.— 501, 644.

Валенсия — город на юго-востоке Испании, на берегу Средиземного моря.— 581, 582, 584, 592, 594, 595, 596, 597.

Валерьян (Мон-Валерьян) — форт в окрестностях Парижа.— 571.

Валледжио — населенный пункт в северной Италии.— 344, 456, 457.

Вальденбург — город в восточной Германии (Саксония).— 454.

Вальми — населенный пункт во Франции (департамент Марны); место сражения между войсками революционной Франции и реакционными австро-прусскими 52*

войсками 20 сентября 1792 г.— 623, 624.

Вальтеллина — гористая область в северной Италии.— 328.

Вальшат — населенный пункт в Силезии; место сражения польских, чешских и немецких рыцарей с монгольским войском 9 апреля 1241 г.— 212.

Вандея — департамент на западе Франции.— 624, 625, 634.

Вар — департамент в юго-восточной Франции, у Средиземного моря.— 315, 319, 647.

Варезе — населенный пункт в северной Италии.— 327, 328, 329.

Варенн — населенный пункт в восточной Франции.— 500, 566.

Варна — крепость и порт в Болгарии, на Черном море.— 73, 74, 76, 87, 107.

Вартенбург — населенный пункт в восточной Германии (Саксония).— 679.

Варшава.— 610.

Ватерлоо — населенный пункт в Бельгии; место сражения Наполеона с англо-голландскими и прусскими войсками 18 июня 1815 г.— 219, 227, 229, 231, 301, 303, 466, 618, 642, 668, 679.

Вахау — населенный пункт в восточной Германии вблизи г. Лейпцига.— 228, 229.

Вашингтон.— 430, 685, 686, 688, 693, 699.

Веве — город в Швейцарии.— 665.

Вегхольм — город и крепость в Швеции.— 379.

Везель — город в западной Германии, на реке Рейн.— 557.

Везер — река в северо-западной части Германии.— 559.

Вейскирхен — город в Венгрии.— 454.

Вейссенбург — город в Эльзасе; место сражения между французскими и прусскими войсками 4 августа 1870 г. во время франко-прусской войны.— 281, 479, 480, 481, 482, 483, 487, 491.

Веллеция — город в центральной Италии.— 352.

Вена.— 47, 48, 51, 58, 78, 80, 97, 274, 314, 315, 451, 452, 453, 462, 465, 616, 640, 641, 703, 720.

Венгрия.— 58, 158, 192, 219, 453, 514, 542, 634, 672, 681, 682, 714.
Венеция — город в северо-восточной Италии.— 266, 704.
Венецианская область — область в северо-восточной Италии.— 313, 314, 315.
Вер — населенный пункт в северной Франции.— 652.
Верден — город и крепость на северо-востоке Франции.— 491, 495, 496, 497, 499, 500, 538.
Верона — город и крепость в северной Италии.— 263, 278, 281, 310, 311, 312, 313, 314, 339, 348, 447, 456, 457, 458, 459, 628.
Версаль — город во Франции, близ Парижа.— 553, 556, 565, 569, 653, 654, 718.
Вёрт — город в Эльзасе (восточная Франция); место сражения между французскими и немецкими войсками 6 августа 1870 г. во время франко-прусской войны.— 481, 483, 488, 491, 493, 507, 535, 537.
Вестфалия — область в западной Германии.— 52, 54.
Верчелли — город в северной Италии.— 318, 327, 335.
Вецлар — город в западной Германии (Рейнская область).— 448, 455.
Виа-Мала — ущелье в Альпах.— 98.
Византия — средневековое государство с центром в Константинополе.— 211.
Виксбург — город в штате Миссисипи на реке Миссисипи (США).— 523, 698.
Виллер — населенный пункт в северо-восточной Франции.— 507, 508.
Вильжюиф — один из пригородов Парижа.— 566.
Вильмингтон — город в штате Северная Каролина (США).— 699.
Вильнев — населенный пункт в юго-восточной Франции.— 556.
Вильнюс (Вильнюс).— 641.
Вильямсбург — населенный пункт в штате Нью-Йорк (США), составная часть города Бруклин.— 441, 442.
Винсборо — город в штате Южная Каролина (США).— 699.

Винуаджо — населенный пункт в северной Италии.— 327.
Виньёль — населенный пункт в северо-восточной Франции.— 492.
Виргиния, Виргиния Восточная — приатлантический штат США.— 430, 431, 438, 442, 686, 692.
Виргиния Западная — штат США.— 425, 427, 431, 432, 687, 693.
Висла — крупнейшая река Балтийского бассейна, протекает по территории Польши.— 557.
Витри — населенный пункт в окрестностях Парижа.— 566.
Витри-ле-Франсуа — город в восточной Франции.— 497, 500.
Виченца — город в северной Италии.— 312, 313.
Во — населенный пункт в северо-восточной Франции.— 504.
Во — кантон в Швейцарии.— 665, 666.
Вогезы — горы в северо-восточной Франции.— 474, 479, 487, 488, 648, 710, 712.
Вогера — город в северной Италии.— 323, 329.
Волынь — древнерусская территория в бассейне южных притоков Припяти и верховьев Зап. Буга.— 220.
Волынский редут (в Севастополе).— 567.
Вольта — населенный пункт в северной Италии.— 339, 340, 343.
Вризи — населенный пункт в северо-восточной Франции.— 504.
Вузь — населенный пункт в северо-восточной Франции.— 500, 504.
Вульвич — город в Англии.— 17.
Вюртемберг — область в западной Германии.— 52, 374, 391, 399, 471.
Вюрцбург — город в Западной Германии (Бавария).— 217, 469.
Вьерзон — населенный пункт в центральной Франции.— 564, 652.

Г

Гавер — город и порт в северо-западной Франции.— 576, 577.
Гагенау — см. Хагенау.
Гайнау — город в Силезии.— 219.
Галифакс — город в Англии.— 327.
Галлиполи — город и порт на побережье Дарданельского пролива (Галлипольский полуостров).— 73.

- Галлия** романская — см. Цизальпинская Галлия.
- Галиция** — б. провинция Австро-Венгрии, ныне часть Польской республики и западная часть Украинской ССР. — 681.
- Ганг** — крупнейшая река Индии. — 125.
- Ганновер** — область на северо-западе Германии. — 402, 476, 477.
- Гарда** — озеро в северной Италии. — 310, 328, 339, 343, 456, 457.
- Гардт** — северные отроги горной цепи Вогезов в западной Германии. — 481.
- Гарперс-Ферри** — город в штате Западная Виргиния (США). — 685.
- Гасконь** — область на юго-западе Франции. — 191.
- Гвалиор** — город в центральной Индии. — 128, 129.
- Гвидицолло** — населенный пункт в северной Италии. — 340, 343, 345.
- Гент** — город в Бельгии. — 235.
- Генуя** — город и порт в северной Италии. — 319, 320, 321, 360, 379.
- Генуэзское побережье**. — 351.
- Гераклейский Херсонес** — см. Херсонес.
- Герлиц** — город в восточной Германии. — 454.
- Германия**. — 17, 22, 28, 47, 51, 52, 53, 55, 56, 58, 157, 160, 163, 178, 219, 221, 236, 239, 243, 266, 276, 288, 311, 314, 315, 331, 348, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 378, 394, 403, 447, 455, 462, 471, 472, 477, 478, 482, 484, 486, 493, 510, 514, 517, 519, 521, 522, 534, 535, 549, 559, 565, 573, 588, 593, 602, 603, 606, 609, 610, 611, 633, 635, 636, 640, 641, 646, 672, 683, 700, 703, 707, 708, 709, 710, 711, 713, 714, 717, 718, 720, 721, 723, 724, 726, 729.
- Гермерсгейм** — город в западной Германии. — 469, 480, 481, 510.
- Генри форт** — укрепление в штате Теннесси (США). — 434, 435, 436.
- Гессен-Дармштадт** (юго-западная Германия). — 374, 399, 455, 471.
- Гессен-Гомбург** — (центральная Германия). — 665.
- Гибралтар** — пролив, соединяющий Средиземное море с Атлантическим океаном. — 234.
- Гиришберг** (Дакси) — город в северной Чехии. — 452, 454.
- Гичин** (Ичин) — город в северной Чехии. — 459, 460, 461, 464.
- Глац** — немецкое наименование польского города Бышница-Кладзка (Силезия). — 463, 465.
- Глоггау** — немецкое наименование польского города Глогув на реке Одер. — 453.
- Гогенфридберг** — населенный пункт в Силезии; место сражения между австрийскими и прусскими войсками 4 июня 1745 г. во время войны за австрийское наследство. — 216, 230.
- Гоито** — населенный пункт в северной Италии. — 340, 343, 344, 345, 457.
- Голландия**. — 241, 624, 714.
- Гольштиния** (Гольштейн) (северная Германия). — 447, 455, 695.
- Гомбург** — см. Гессен-Гомбург.
- Гонконг** — город и военно-морская база Великобритании на одноименном острове у побережья Южного Китая. — 102, 109, 111.
- Горакпур** — город в северо-восточной Индии. — 124, 125.
- Гордон** — город в штате Джорджия (США). — 438, 439.
- Гордонсвилль** — населенный пункт в штате Виргиния (США). — 687.
- Гохвальд** — см. Хохвальд.
- Гравелот** — населенный пункт в Лотарингии (северо-восточная Франция), близ крепости Мец; место сражения между прусскими и французскими войсками 18 августа 1870 г. (известно также как сражение при Сен-Прива). — 496, 497, 508, 532.
- Градиска** — город в северо-восточной Италии. — 315.
- Гран-Пре** — населенный пункт в северо-восточной Франции. — 500.
- Гранада** (Гренада) — город и область в южной Испании. — 581, 592, 594, 595, 596, 597.
- Граник** — древнее название небольшой реки Биги (или Чан Чай) в Малой Азии, на берегах которой в 334 г. до н. э. произошло сражение между пер-

сидской армией Дария III и армией Александра Македонского.— 138, 139, 147, 207.

Грансон — город в Швейцарии, в кантоне Во, где в 1476 г. произошло сражение между бургундской армией и швейцарцами.— 95.

Граубюнден — кантон в юго-восточной Швейцарии.— 97.

Греифенгаген — город на правом берегу р. Одер (современная Польша).— 240.

Гренобль — город на юго-востоке Франции.— 646.

Греция.— 266.

Греция, древняя.— 21, 22, 25, 139, 140, 141, 144, 145, 146, 154, 182, 206, 208, 259, 283.

Гуанчжоу — город в Восточном Китае, на левом берегу реки Янцзыцзян.— 104.

Гуандун — южная провинция Китая.— 110.

Гуанси — южная провинция Китая.— 110.

Гудан — населенный пункт в центральной Франции.— 653.

Гумри (Александрополь) — крепость на Кавказе, близ турецкой границы, ныне г. Ленинакан, Армянской ССР.— 87.

Д

Дальний Восток.— 156.

Данигков — город в Саксонии.— 218.

Дания.— 610, 698, 714.

Данневирк — линия укреплений в Шлезвиг-Гольштейнии, сооруженная датчанами в период войн против Пруссии.— 461.

Данциг (Гданьск) — город и порт на побережье Балтийского моря (Польша).— 273, 309, 511.

Дармштадт — город в западной Германии.— 398.

Даурские горы — горный хребет в восточном Забайкалье.— 111.

Двина (имеется в виду Западная Двина) — река в европейской части России.— 632.

Деве-Бойун — горная гряда в Закавказье, восточнее Эрзерума.— 89.

Дего — населенный пункт в северной Италии.— 309, 321, 348, 437.

Дезенцано — населенный пункт в северной Италии.— 344.

Делавар (Делавэр) — штат на северо-востоке США.— 685.

Дели — город на севере Индии.— 112, 113, 114, 121, 123, 124, 129, 130, 234, 674.

Дембе Вельке (Демблин) — город на реке Висла в Польше.— 504.

Дера-Измаил-Хан — город на северо-западе Индии.— 129.

Джемс — река на востоке США.— 693.

Джинестрелло — населенный пункт в северной Италии.— 324, 326.

Джорджия — штат США.— 438, 439.

Джайпур (Джайпур) — город в центральной Индии.— 128.

Дижон — город в центральной Франции.— 553, 572.

Диль — город в Англии.— 386.

Днепр — река в европейской части России.— 632.

Доаб — город в северо-восточной Индии.— 125.

Доль — город в восточной Франции.— 572.

Дольтон — город в штате Теннесси (США).— 439.

Доннельсон — форт на р. Кемберленд в штате Теннесси (США).— 434, 435, 436.

Дранси — населенный пункт в окрестностях Парижа.— 567.

Дрё — город в центральной Франции.— 556, 562, 653.

Дрезден — город в юго-восточной Германии; место сражения 14—15 (26—27) августа 1813 г. между австро-русско-прусской армией и наполеоновскими войсками.— 52, 55, 58, 616, 679.

Ду — река в юго-восточной Франции, у швейцарской границы.— 572, 573.

Дублин — столица Ирландии.— 707.

Дубно — город в Западной Украине (Ровенская обл., УССР).— 641.

Дунай — крупнейшая река Зап. Европы.— 97, 282, 453, 703.

Дюпель (Дюпель-Зондербург) — населенный пункт в Северной Германии (Шлезвиг).— 568, 569, 698, 702.

Е

- Евпатория* — город в Крыму.— 83, 84, 91.
Египет.— 135, 136, 153, 205, 208, 227, 675, 722.

Ж

- Жаржо* — населенный пункт в центральной Франции.— 564.
Желтое море.— 103.
Жемап — город в Бельгии; место сражения французской революционной армии с австрийскими войсками 6 ноября 1792 г.— 431, 437, 624, 626.
Женева — город в западной Швейцарии.— 319, 646, 666, 724.
Живе — крепость в северной Франции, у бельгийской границы.— 501, 503.
Живонн — населенный пункт на севере Франции в окрестностях Седана.— 508.
Жиен — город в центральной Франции.— 564.
Жуаньи — населенный пункт в центральной Франции.— 654.

З

- Заале* — река в северной Германии.— 679.
Зальцбург — город в Австрии.— 455.
Заммерд — город в центральной Германии.— 406.
Зауер — река в северо-восточной Франции.— 481.
Земмеринг — горный проход и хребет в восточных Альпах, в Австрии.— 349.
Земпах — населенный пункт в Швейцарии, близ которого произошло сражение между австрийской армией и швейцарцами 9 июня 1386 г.— 95.
Зирк — населенный пункт на границе Франции и Германии.— 487.

И

- Идарвальд* — горный хребет в южной Германии, продолжение Вогезов.— 648.
Идштедт — населенный пункт на севере Германии.— 673, 676.

- Иемен (Йемен)* — арабское государство.— 676.
Иена — город в Германии (Тюрингия); место сражения французской армии Наполеона с прусской армией 14 октября 1806 г.— 199, 375, 448, 466, 491, 501, 544, 557, 610, 659, 667, 679, 702.
Изер — река во Франции, левый приток Роны.— 452, 461, 647, 648.
Измаил — город и крепость на реке Дунай в 80 км от Черного моря. Во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг. была штурмом взята русскими войсками под командованием Суворова 11 (22) декабря 1790 г.— 630.
Иллирия — историческая область в западной части Балканского полуострова, охватывала значительную территорию современной Югославии и Венгрии.— 681.
Имажбарр — населенный пункт в северо-восточной Индии.— 119, 120.
Императорский, или Великий, канал в Восточном Китае.— 103.
Ингольштадт — крепость и город в южной Германии (Бавария).— 268.
Ингур — река в Грузии.— 107.
Инд — крупнейшая река в западной Индии.— 136, 182.
Индия.— 20, 21, 23, 24, 26, 72, 112, 113, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 130, 223, 233, 234, 284, 371, 543, 546, 675, 715, 722.
Индостан — полуостров.— 123, 129, 674, 675.
Инкерман — город в окрестностях Севастополя; место сражения между русской и англо-французской союзной армиями 24 октября (5 ноября) 1854 г. во время Крымской войны.— 81, 82, 112, 113, 170, 659.
Йонна — река в Северной Франции, левый приток Сены.— 648, 654.
Йорк — город в штате Пенсильвания (США).— 698.
Йорктаун — город на востоке США.— 441.
Ирландия.— 20, 706.
Ирсон — населенный пункт в северо-восточной Франции.— 503.
Исполиновы горы — самая высокая часть Судетских гор на

границе Чехословакии и Польши.— 452, 454, 459, 463.
Испания.— 28, 87, 153, 156, 178, 211, 213, 234, 238, 397, 543, 547, 558, 581, 582, 583, 584, 587, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 627, 632, 684, 696, 699, 714.
Италия.— 17, 21, 78, 144, 151, 153, 154, 155, 157, 158, 178, 186, 188, 191, 192, 208, 209, 211, 236, 263, 283, 309, 310, 311, 312, 315, 319, 321, 325, 347, 349, 356, 358, 360, 368, 447, 455, 514, 534, 542, 628, 646, 681, 682, 683, 704, 714.

К

Кавказ.— 91, 100, 371, 514, 550.
Кавриана — населенный пункт в северной Италии.— 339, 340, 343, 345.
Кадикс (Кадис) — город в южной Испании.— 581, 590, 591, 592, 594, 596.
Казале (Казале-Монферрато) — город в северной Италии.— 318, 319, 349.
Кайзерслаутерн — город в юго-западной Германии.— 478, 665.
Каиро (Кейро) — город в штате Кентукки (США).— 434.
Калабрия — область в южной Италии.— 356, 357, 360, 362, 365, 367.
Калатаюда (Калатаюд) — город в северо-восточной Испании.— 524.
Калатафими — населенный пункт в Сицилии; место победоносного сражения гарибальдийцев с неаполитанскими войсками 15 мая 1860 г.— 352, 353, 358.
Калафат — населенный пункт на реке Дунай в Румынии; один из главных участков дунайского театра военных действий (между русской и турецкой армиями) во время Крымской войны.— 83.
Калифорния — штат на тихоокеанском побережье США.— 686, 690.
Калькутта — крупнейший город и порт на востоке Индии.— 125, 128, 130.
Кампобассо — город в южной Италии.— 361, 362.
Канада.— 72, 722.
Кандия.— см. Крит.

Канны — древний город в южной Италии, на р. Ауфид (Офанто); место сражения римской армии с карфагенскими войсками Ганнибала в 216 г. до н. э. во время второй Пунической войны.— 210, 303.
Кантон — город и порт на реке Сицзян в Южном Китае.— 104, 110, 111.
Кап (Капленд) — область в южной Африке, английская колония.— 722.
Капуя — город в южной Италии.— 211.
Карантинная бухта (в Севастополе).— 81.
Карантинный форт (в Севастополе).— 67, 69.
Карбелетто — населенный пункт в северной Италии.— 333.
Кариньян — населенный пункт в северо-восточной Франции.— 504, 507.
Карлсруэ — город в южной Германии.— 534.
Карлетто-Пертикара — населенный пункт в южной Италии.— 361.
Каролина Северная и Южная — штаты США.— 431, 438, 694, 700.
Карс — город и крепость в северо-восточной Турции вблизи русско-турецкой границы.— 86, 87, 88, 89, 90, 91, 107.
Карс-чай — река в северо-восточной Турции, на которой стоит крепость Карс.— 89.
Картагена (Картахена) — город и порт в южной Испании, на берегу Средиземного моря.— 581, 582, 592, 594, 595, 596.
Карфаген — древний город и государство на северном побережье Африки.— 283.
Кастеджио — населенный пункт в северной Италии.— 323, 324, 326, 327.
Кассалино — населенный пункт в северной Италии.— 327.
Кастелетто — населенный пункт в северной Италии.— 331.
Кастендоло — населенный пункт в северной Италии.— 339.
Кастильоне — город в северной Италии.— 309, 338, 339, 340, 343, 344, 345, 348, 349, 431, 437, 456.

- Кастель-Гоффредо** — населенный пункт в северной Италии.— 338, 340, 343, 344.
- Каталония** — область в северо-восточной Испании.— 584.
- Кацбах** (Качава) — небольшая река в Силезии (Польша), место сражения 14 (26) августа 1813 г. между русско-прусскими войсками и войсками французского маршала Макдональда.— 679.
- Кача** — речка в Крыму.— 66.
- Кашимир** — область в северной Индии.— 674.
- Кёльн** — город на реке Рейн в западной Германии.— 276, 278, 473, 474, 475, 510, 691.
- Кемберленд** — город и река в штате Мэриленд (США).— 432, 433, 434, 435, 436.
- Кенигсберг** — город в северо-восточной Германии (Шлезвиг).— 461.
- Кенигсберг** — главный город Восточной Пруссии, в настоящее время Калининград, центр Калининградской области СССР.— 278.
- Кёниггрец** (Градец-Кралова) — город в Чехии; место сражения австрийских и прусских войск 3 июля 1866 г. во время австро-прусской войны.— 599.
- Кентукки** — один из центральных штатов США.— 425, 427, 431, 432, 433, 436, 437, 443, 685, 686, 689, 691, 692.
- Керчь** — город в Крыму, на берегу Керченского залива.— 91.
- Кессельдорф** — населенный пункт в юго-восточной Германии.— 216.
- Киев**.— 641.
- Киэзе** — река в северной Италии.— 321, 338, 339, 343, 344, 345.
- Кинбурн** — старая крепость на Кинбурнской косе между Днепровским и Бугским лиманами и Черным морем.— 91, 291.
- Китай**.— 72, 102, 103, 106, 109, 111, 233, 234, 296, 729.
- Кларксвилль** — город в штате Кентукки (США).— 435, 436.
- Кобленц** — город на реке Рейн в западной Германии.— 278, 455, 473, 475, 476, 510.
- Колин** — город в Чехии; место сражения между прусскими и австрийскими войсками 18 июня 1757 г. во время Семилетней войны.— 298.
- Колумбия** — город в штате Южная Каролина (США).— 699.
- Колумбус** — город и укрепленный пункт в штате Кентукки (США).— 432, 434, 436.
- Кольберг** (Колобжег) — город и крепость в Померании (современная Польша).— 557.
- Коль-де-Кадибон** — город в Швейцарии.— 96.
- Коль-ди Тенду** — населенный пункт в северной Италии.— 319.
- Кольмар** — город и крепость в Эльзасе.— 268.
- Коммерси** — город в северо-восточной Франции.— 492.
- Комо** — озеро в северной Италии.— 327, 328.
- Коморн** (Комаром) — крепость и город на Дунае, в Венгрии.— 282.
- Компьер** — город на реке Уаза к северу от Парижа.— 654.
- Конка-де-Аро** — долина близ Палермо (Сицилия).— 354.
- Конкорд** — город в штате Массачусетс (США); место сражения 19 апреля 1775 г. между североамериканцами и англичанами во время войны США за независимость.— 200.
- Конли** — населенный пункт в западной Франции.— 561.
- Константиновский форт** (в Севастополе).— 67, 68.
- Константинополь** (Стамбул).— 73, 75, 76, 78, 80, 85, 87, 90, 284.
- Конфлан** — населенный пункт в северо-восточной Франции.— 496.
- Корабельная бухта** (в Севастополе).— 81.
- Корбетто** — населенный пункт в северной Италии.— 330, 331, 333.
- Кордова** — город на реке Гвадалквивир в южной Испании.— 234, 581, 591, 594.
- Коринф** — город в Греции, на Коринфском перешейке.— 5.
- Коринф** — город в штате Миссисипи (США).— 440.
- Корк** — город в Ирландии.— 706.
- Корлеоне** — город на острове Сицилия (Италия).— 353, 354.

Корнеляно — населенный пункт в северной Италии.— 315.

Котантен — полуостров на северо-западе Франции.— 576.

Краков — город на юге Польши.— 640.

Кремона — город на реке По в северной Италии.— 337.

Креси — населенный пункт в Пикардии (Франция), близ которого 26 августа 1346 г. произошло сражение между французскими и английскими войсками во время Столетней войны.— 155, 303.

Крешентино — населенный пункт в северной Италии.— 318.

Крит — остров в Средиземном море.— 140, 266.

Кронштадт — город и морская крепость в Финском заливе Балтийского моря.— 276, 291.

Крым.— 63, 64, 65, 71, 74, 75, 76, 78, 80, 83, 85, 90, 170, 247, 568.

Кульме — населенный пункт в центральной Франции.— 562, 553.

Кунерсдорф — населенный пункт в провинции Бранденбург (Пруссия) в 6 км от Франкфурта-на-Одере; место победоносного сражения русской армии с прусскими войсками 1 (12) августа 1759 г. во время Семилетней войны.— 242, 298.

Курвиль — город в центральной Франции.— 652.

Кустоцца — населенный пункт в северной Италии; место сражения австрийских и пьемонтских войск 24 июля 1848 г. и австрийских войск с итальянской армией в июне 1866 г.— 309, 322, 456, 457, 458, 460, 464.

Кутаис (Кутанси) — город в Грузии.— 91.

Кюстрин (Костшин) — город и крепость на реке Одер (современная Польша).— 266.

Л

Ладон — населенный пункт в центральной Франции.— 563.

Лайонсбург — город в штате Джорджия (США).— 700.

Лакнау — город в северной Индии.— 118, 121, 122, 123, 124, 125, 130.

Ламбро — река в северной Италии.— 338.

Ла-Виллет — квартал в Париже.— 33, 572.

Лан — город в северной Франции.— 505.

Ландау — город и крепость в южной Германии (Бавария).— 272, 480, 481.

Ланья — река в южной Италии.— 361.

Лаупен — населенный пункт в Швейцарии; место сражения между швейцарцами и союзными савойскими войсками 21 июня 1339 г.— 190.

Лациум (Лацио) — в древности область в средней Италии к югу от устья Тибра с городом Рим в центре.— 210.

Ла-Фер — город и крепость в северо-восточной Франции.— 242.

Ла-Шапель — предместье Парижа.— 33.

Левктры — город в древней Греции; место сражения между фиванцами и спартанцами в 371 г. до н. э.— 143, 303.

Лейпциг — город в восточной Германии; место сражения шведской армии Густава-Адольфа с войсками германского императора 17 сентября 1631 г., а также — сражения союзных русско-австро-прусских войск с армией Наполеона 4—7 (16—19) октября 1813 г.— 78, 162, 228, 452, 532, 679.

Лейтен — населенный пункт в Силезии; место сражения между австрийскими и прусскими войсками 5 декабря 1757 г. во время Семилетней войны.— 216, 242, 298.

Лекко — см. Ада.

Лексингтон — населенный пункт в штате Массачусетс (США); место сражения 19 апреля 1775 г. между северо-американцами и англичанами во время войны США за независимость.— 200.

Леньяго — город и крепость в северной Италии.— 310, 311, 312, 314, 320, 339, 447, 628.

Ле-Ман — город в северо-западной Франции.— 530, 541, 547, 551, 561, 562, 572, 575, 576, 605.

Ле Шен-Пополе — населенный пункт в восточной Франции.— 504, 538.

Лех — река на юге Германии (Бавария), правый приток Дуная.— 162, 212.

Лидо — форт близ Венеции (Италия).— 266.

Лилль — город в северной Франции.— 501, 561, 644.

Линц — город в Австрии.— 276, 278.

Линьи — населенный пункт в Бельгии; место сражения армии Наполеона с прусскими войсками 16 июня 1815 г.— 231, 466, 679.

Лион — город в южной Франции.— 319, 541, 554, 572, 575, 576, 625, 644.

Лобау — город в юго-восточной Германии.— 452, 453, 454.

Лоди — город в северной Италии, юго-восточнее Милана; место сражения французских и австрийских войск 10 мая 1796 г.— 348, 349.

Лозанна — город в Швейцарии.— 666.

Лойа — город в южной Испании.— 597.

Ломбардия — область в северной Италии.— 309, 310, 320, 321, 328, 329, 456, 511, 681.

Лонато — населенный пункт в северной Италии, юго-западнее оз. Гарда.— 338, 339, 340, 343, 344, 349, 456.

Лонгви — город в северо-восточной Франции.— 553, 712.

Лонгвиль — населенный пункт в восточной Франции, близ крепости Мец.— 495.

Лондон.— 111, 454, 673, 677, 680, 681, 683, 684, 689, 691, 694, 703, 704, 706, 710, 714, 716, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724, 725, 727, 728, 729.

Лотарингия — область в восточной Франции.— 478, 487, 491, 550, 553, 708, 709, 710, 711, 712.

Луара — река во Франции.— 512, 513, 530, 551, 554, 563, 564, 576, 605, 648, 652, 712.

Луизиана — штат на юге США.— 438, 440.

Луизвилль — город в штате Кентукки (США).— 443.

Любек — город в Германии (Шлезвиг-Гольштейн).— 678.

Люневиль — город в северо-восточной Франции.— 491, 492.

Люцен (Лютцен) — небольшой город юго-западнее Лейпцига в восточной Германии (Саксония); место сражения шведской армии Густава-Адольфа с войсками германского императора 16 ноября 1632 г. во время Тридцатилетней войны и 20 апреля (2 мая) 1813 г.— между французскими и союзными русско-прусскими войсками.— 162, 219.

М

Маас — река в северной Франции и Бельгии.— 492, 500, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 624, 648.

Магдебург — город в восточной Германии.— 659.

Маджента — населенный пункт в северной Италии, западнее Милана; место сражения франко-пьемонтских войск с австрийской армией 4 июня 1859 г. во время войны Австрии с Францией и Пьемонтом.— 330, 331, 332, 333, 334, 335, 337, 338, 340, 342, 347, 349, 372, 375, 436, 482, 515.

Маджоре — озеро в северной Италии.— 327.

Мадрас — город в юго-восточной части Индии.— 125.

Мадрид — 591, 592, 595, 597.

Майн — река в западной Германии, правый приток Рейна.— 462, 469.

Майнц — город в западной Германии.— 448, 469, 473, 476, 483, 510, 641.

Македония — область в центральной части Балканского полуострова, в древности — государство; ныне составляет южную часть Югославии, северо-восточную часть Греции и юго-западную часть Болгарии.— 145, 182.

Малага — город и порт в южной Испании.— 581, 592, 594, 596.

Малахов курган (в Севастополе).— 80, 81, 82, 84.

Малая Азия.— 86, 153, 205.

Мальплаке — населенный пункт в Бельгии; место сражения 11 сен-

- тября 1709 г. между французскими и австро-англо-голландскими войсками во время войны за испанское наследство.— 197, 240.
- Мантиней** — город в древней Греции; место сражения между фиванцами и спартамцами в 362 г. до н. э.— 143, 303.
- Манассас** — город и ж.-д. узел в штате Виргиния (США), неподалеку от Вашингтона; 21 июля 1861 г. и 29—30 августа 1862 г. здесь, на реке Булль-Рен, происходили сражения между войсками южных и северных штатов во время гражданской войны в США в 1861—1865 гг.— 431, 441, 687.
- Мангейм** — город в юго-западной Германии, на реке Рейн.— 481.
- Мант** — город в северной Франции.— 652.
- Мантуя** — город и крепость в северной Италии.— 309, 310, 311, 312, 313, 314, 321, 339, 343, 348, 349, 447, 457, 497, 511, 628, 662.
- Манчжурия** — 111.
- Манчестер** — город в западной Англии.— 666, 668, 669, 671, 672, 675, 684, 686, 687, 692, 693, 695, 697, 698, 701, 702, 703, 705, 706, 707, 712.
- Марафон** — город в древней Греции к северу от Афин, близ которого в 490 г. до н. э. произошло сражение между афинским и персидским войском во время греко-персидской войны.— 138, 140, 302.
- Маренго** — населенный пункт в северной Италии; место сражения между австрийской и французской армиями 14 июня 1800 г.— 77, 309, 315, 318, 321, 348, 667.
- Мариньяно** — населенный пункт в северной Италии, близ которого 13—14 сентября 1515 г. произошло сражение между французскими войсками и швейцарской пехотой.— 159, 237, 309.
- Марна** — река во Франции, правый приток Сены.— 512, 550, 566, 571, 648.
- Марсала** — город и порт на западном побережье острова Сицилия.— 351, 352.
- Марс-ля-Тур** — населенный пункт в 22 км к западу от Меца; место сражения в августе 1870 г. между французскими и прусскими войсками во время франко-прусской войны.— 492, 496, 498.
- Марстон-Мур** — населенный пункт в Англии, к северо-западу от города Йорка; место сражения между парламентскими и королевскими войсками 2 июля 1644 г. во время гражданской войны в Англии.— 215.
- Маргос** — город на юге Испании.— 235.
- Марэ** — предместье Парижа.— 44.
- Медола** — населенный пункт в северной Италии.— 343.
- Мезьер** — город и крепость в северной Франции.— 273, 501, 503, 504, 505, 507, 509.
- Мезьер** — населенный пункт в центральной Франции.— 563.
- Мекка** — город на Аравийском полуострове.— 87.
- Мексика**.— 258, 428, 543, 547, 704.
- Мексиканский залив**.— 437, 438.
- Мекон** — город в штате Джорджия (США).— 438, 439.
- Мелаццо** (Милаццо) — город на северном побережье Сицилии.— 356, 357, 359, 362.
- Меленьяно** — населенный пункт в северной Италии.— 339.
- Мелита** — населенный пункт в южной Италии.— 362.
- Мемфис** — город в штате Теннесси (США).— 434, 436.
- Ментана** — населенный пункт в Римской области (Италия).— 542.
- Мерзебург** — город в восточной Германии.— 212.
- Мессина** — город и порт на восточном побережье острова Сицилия.— 356, 357, 358, 362, 367.
- Мессинский пролив** (Иль-Фаро) — пролив между Италией и Сицилией.— 360.
- Мец** — город и крепость в Лотарингии (восточная Франция).— 278, 474, 476, 478, 483, 484, 487, 490, 491, 492, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 503, 507, 509, 510, 513, 519, 527, 529, 530, 531, 532,

- 534, 535, 536, 537, 538, 541, 545, 546, 552, 573, 574, 599, 600, 644, 651, 652, 653, 654, 710.
- Микале** — мыс в юго-западной части Малой Азии (Эгейское море); место сражения между греками и персами в 479 г. до н. э. во время греко-персидской войны.— 138.
- Милан** — город в северной Италии.— 264, 312, 315, 321, 330, 331, 335, 337, 457, 629.
- Милледжвилл** — город в штате Джорджия.— 438.
- Миллезимо** — населенный пункт в северной Италии.— 303, 321, 348, 437.
- Милль-Спринг** — населенный пункт в штате Кентукки (США); место сражения между войсками северных и южных штатов 19 января 1862 г. во время гражданской войны в США.— 432, 433, 435.
- Мингрелия** — область в Грузии.— 91.
- Минден** — город в западной Германии.— 455.
- Минск**.— 641.
- Минчио** — река в северной Италии, левый приток реки По, вытекает из оз. Гарда.— 309, 310, 311, 312, 314, 315, 317, 318, 320, 321, 337, 339, 340, 342, 344, 345, 348, 456, 457, 458, 682, 683.
- Мисильмери** — населенный пункт на севере острова Сицилия.— 354.
- Миссисипи** — один из штатов США.— 434, 438, 440, 686.
- Миссисипи** — река в США.— 432, 434, 436, 440, 443, 691, 699.
- Миссунда** — населенный пункт в Шлезвиге (северная Германия).— 698.
- Миссури** — река и штат в США.— 425, 427, 430, 431, 432, 436, 685, 689, 692.
- Мобез** — город в северной Франции.— 505.
- Мобиль** — город и порт в штате Алабама (США).— 694.
- Мозель** — река, левый приток Рейна.— 7, 474, 475, 492, 495, 497, 504, 529, 537, 573, 648.
- Молдава** — немецкое название реки Влтава, левого притока Эльбы (Чехия).— 452.
- Молизе** — название одной из провинций Неаполитанского королевства; ныне область Абруцца и Молизе в Италии.— 361.
- Мольвиц** — населенный пункт в южной Силезии; место сражения между австрийскими и прусскими войсками 10 апреля 1741 г. во время войны за австрийское наследство.— 164, 215.
- Монбельяр** — город в восточной Франции, вблизи швейцарской границы.— 572.
- Мон-Валерьен** — форт в окрестностях Парижа.— 569.
- Мондови** — населенный пункт в северной Италии.— 309, 321.
- Мон-Женевр** — перевал в Альпах на границе Франции и Италии, ведущий из Бриансона в Турин.— 319.
- Монмартр** — предместье Парижа.— 33, 43, 44, 719.
- Монмеди** — город и крепость в северной Франции.— 498, 508, 553.
- Монмирай** — населенный пункт в северной Франции (Шампань).— 679.
- Монреале** — город на севере острова Сицилия.— 353.
- Монроэ** — город и порт на атлантическом побережье США.— 698.
- Монт Аврон** — форт в окрестностях Парижа.— 566, 568.
- Монтелло** — населенный пункт в северной Италии.— 323, 324, 325, 326, 327, 333, 348.
- Монтекьяни** — населенный пункт в северной Италии.— 340.
- Монтелеоне** — населенный пункт в южной Италии.— 363, 364, 367.
- Монтерме** — населенный пункт в северной Франции.— 506.
- Монте-ди-Пианто-Романо** — отрог горы Монте-Черраро на западе острова Сицилия.— 352.
- Мон-Сени** (Монсени) — перевал через западные Альпы из французской Савойи в северо-западную Италию.— 319, 320, 647.
- Монтенотто** — населенный пункт в северной Италии.— 309, 321, 348, 431, 437.
- Монте-Черраро** — гора на западе острова Сицилия между Марсало и Каталафими.— 352.
- Моравия**.— 452, 454, 681.

Моргартен — гора в Швейцарии в кантоне Цуг; место сражения между войсками австрийского герцога Леопольда и крестьянским ополчением восставших швейцарских кантонов 15 ноября 1315 г.— 95.

Мортора — населенный пункт в северной Италии.— 629.

Москва.— 558, 641, 714.

Мохаммера (Хоремшехр) — город и порт на реке Шатт-Эль-Араб, вблизи ее впадения в Персидский залив (Иран).— 107, 109.

Мохадия (Алжир).— 234.

Муджи — город в северной Индии.— 123.

Музон — населенный пункт в северо-восточной Франции.— 504.

Мукач (Мукачево) — город и крепость в Закарпатской Украине.— 58.

Мурсия — город и провинция в юго-восточной Испании.— 581, 582, 592, 595.

Муртен — город в Швейцарии, на озере Фрейбург; место сражения между бургундскими войсками герцога Карла Смелого и швейцарцами 22 июня 1476 г.— 95.

Мэн — штат США.— 442.

Мэн — область в западной Франции.— 530.

Мэриленд — штат США.— 685, 692.

Мюнхен — город в южной Германии (Бавария).— 376.

Мюнхенгрец — немецкое название города Мнихово Градище в Чехии, расположенного к северо-востоку от Праги.— 463.

Н

Навилльо, **Навилльо-Гранде** — канал в северной Италии, соединяющий левые притоки р. По — Тичино и Олону.— 330, 331.

Нанкин — город в Китае.— 102, 103, 104, 110, 111.

Нанси — город в северо-восточной Франции.— 482, 483, 487, 488, 491, 492, 553, 554.

Нант — город в западной Франции.— 575.

Наполи-ди-Романья — итальянское название города и порта Навплион в южной Греции.— 266.

Наход — город в северо-восточной Чехии.— 464.

Неаполь — город в юго-западной Италии.— 45, 171, 351, 352, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 364, 368, 696.

Неервинден — населенный пункт в Бельгии; место сражения между французскими войсками и войсками антифранцузской коалиции 18 марта 1793 г.— 624.

Невер — город в центральной Франции.— 530, 554, 575.

Невева — населенный пункт в центральной Франции.— 564.

Нейссе (Ниса-Лужицка) — река в Силезии.— 454.

Немур — город в центральной Франции.— 654.

Нейнкирхен — город в западной Германии.— 478.

Нейштадт — город в южной Германии.— 481.

Нешвилль — город в штате Теннесси (США).— 435, 436, 437,

Нибла — город в Испании.— 234.

Нид — река в Лотарингии.— 474.

Нидерланды.— 159, 191, 193, 213, 238, 266, 268.

Никотара — населенный пункт в южной Италии.— 362.

Нил — крупнейшая река Африки.— 135.

Ниневья — столица древнего государства Ассирии. Разрушена мидянами в 612 г. до н. э.— 258.

Ницца — город в южной Франции.— 319.

Новая Англия — область в северо-восточной части США.— 690.

Новара — город в северной Италии, западнее Милана; место сражения между швейцарскими наемниками и французскими войсками 6 июня 1513 г., а также между австрийскими и пьемонтскими войсками 23 марта 1849 г.— 213, 309, 318, 322, 331, 629.

Новая Зеландия.— 21, 258.

Нови — населенный пункт в северной Италии; место сражения между русско-австрийскими войсками под командованием Суворова и французской армией 4 (15) августа 1799 г.— 309, 318.

Новый Орлеан — город и порт в устье реки Миссисипи в штате Луизиана (США).— 434, 440, 443.

Ножан — форт в окрестностях Парижа.— 568.

Ноксвилль — город в штате Теннесси (США).— 700.

Норвегия.— 405.

Нормандия — область в северной Франции.— 530, 553.

Норфольк — город и морской порт на берегу Атлантического океана в штате Виргиния (США).— 698.

Нуази — форт в окрестностях Парижа.— 568.

Нуайон — город в центральной Франции.— 654.

Нуар — населенный пункт в северо-восточной Франции.— 504, 507.

Нэзби — город в центральной Англии, близ Нортгемптона; место сражения между парламентскими и королевскими войсками 14 июня 1645 г. во время гражданской войны в Англии.— 215.

Нюрнберг — город в южной Германии (Бавария).— 54, 376.

Нью-Йорк.— 695, 699, 706.

О

Оберселк — населенный пункт в северной Германии (Шлезвиг).— 461.

Овернь — историческая провинция в центральной Франции; включает департаменты Пюи-де-Дом и Канталь.— 648.

Огайо — река и штат в США.— 434, 436, 685, 688.

Одер — река, протекает на границе Германии и Польской республики.— 284, 557.

Оксерр — город в центральной Франции.— 530.

Окус — см. Аму-Дарья.

Ольмоуц (Оломоуц) — город в центральной части Чехословакии.— 50, 453, 454, 465, 610, 703.

Ольо — река в северной Италии, левый приток реки По.— 321.

Ольтеницы — город в юго-восточной Румынии.— 107.

Орби — река в северной Италии.— 318.

Орлеан — город в центральной Франции.— 542, 556, 562, 563, 564, 644, 651, 652.

Остенде — город в Бельгии и порт на Северном море.— 624.

Очаков — город и морской порт на Черном море. 6 (17) декабря 1788 г., во время русско-турецкой войны, был взят русскими войсками.— 630.

П

Павия — город в северной Италии; место сражения между французскими войсками и войсками германского императора Карла V 24 февраля 1525 г.— 159, 191, 309, 323, 332, 338.

Палермо — город на северном побережье острова Сицилия.— 351, 352, 353, 354, 357, 358, 360.

Палестро — населенный пункт в северной Италии.— 327.

Пальми — населенный пункт в южной Италии.— 362.

Пальмира — древний город в оазисе Сирийской пустыни; в I в. до н. э.—III в. н. э.—центр одноименного государства.— 675.

Панж — населенный пункт в Лотарингии.— 492.

Паори — небольшая крепость в центральной Индии, около Гвалиора.— 129.

Пардубицы — город в Чехии.— 452, 454.

Париж.— 13, 33, 34, 37, 40, 42, 43, 45, 46, 58, 277, 301, 363, 437, 474, 476, 482, 483, 484, 492, 493, 497, 498, 499, 501, 503, 505, 508, 510, 511, 512, 513, 523, 524, 525, 526, 527, 529, 530, 537, 538, 539, 545, 546, 548, 550, 551, 552, 553, 554, 563, 565, 566, 568, 569, 571, 572, 574, 575, 594, 613, 616, 617, 618, 623, 624, 628, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 651, 652, 653, 654, 658, 665, 666, 667, 677, 679, 682, 708, 709, 710, 712, 715, 716, 717, 718, 719, 721, 723, 724, 726.

Париж — город в штате Кентукки (США).— 687.

Парко — населенный пункт на севере острова Сицилия.— 353, 354.

Партенико — населенный пункт на севере острова Сицилия.— 353.

- Папская область* (в Италии).— 360.
- Пекин*.— 103, 104, 105, 110, 111, 130.
- Пенджаб*— область в западном Пакистане и северо-западной Индии.— 7, 123, 130.
- Пенсильвания*— штат США.— 441, 685, 693, 699.
- Персия* (Иран).— 24, 106, 108, 182, 205, 674, 675.
- Перуджия*— город в центральной Италии.— 157.
- Пескьера*— населенный пункт и крепость на юго-восточном берегу оз. Гарда в северной Италии.— 278, 310, 311, 312, 313, 314, 320, 339, 343, 447, 456, 457, 628.
- Петербург*— 640, 641, 714, 721.
- Петерсбург*.— город в штате Виргиния (США).— 700.
- Петра*— древний город в передней Азии, в 100 км от Аравийского залива.— 675.
- Пешт*— столица Венгрии, левобережная часть современного Будапешта.— 703.
- Пеццо*— прибрежный форт севернее Реджио на полуострове Калабрия в южной Италии.— 363.
- Пиана*— населенный пункт на севере острова Сицилия.— 354.
- Пикардия*— область на севере Франции.— 191, 553.
- Пиренейский полуостров*.— 524.
- Пирмазенс*— город в юго-западной Германии.— 245, 480, 483.
- Пистоя*— город в северной части Италии.— 157.
- Пиццо*— прибрежный населенный пункт вблизи Монтелеоне на п-ве Калабрия в южной Италии.— 363.
- Платея*— древний город в Греции (Беотия); место сражения между греками и персами в 479 г. до н. э.— 138, 140, 143, 302.
- Плацента*— город в древней Италии, позже Пьяченца.— 210.
- По*— река в северной Италии.— 97, 309, 310, 311, 315, 317, 318, 319, 323, 324, 332, 337, 349, 456, 459, 629.
- Познань*— город и область в западной Польше.— 278, 453.
- Полессела*— населенный пункт в северной Италии.— 456.
- Поликастро*— залив в южной Италии.— 357.
- Польша*.— 156, 158, 178, 212, 632, 641, 695, 710.
- Пон-де-Бовуазен*— населенный пункт на юге Франции.— 646.
- Понте Лагоскуро*— населенный пункт в северной Италии.— 456.
- Понт-а-Муссон*— населенный пункт в Лотарингии (восточная Франция).— 492.
- Портсмут*— город и порт в южной Англии.— 276, 379.
- Потомак*— река в США, впадающая в Атлантический океан.— 425, 426, 433, 437, 438, 439, 685, 686, 687.
- Потенца*— город в южной Италии.— 361.
- Поццоленго*— населенный пункт в северной Италии.— 343.
- Прага*.— 452.
- Прейсш-Эйлау*— см. Эйлау.
- Прованс*— область в юго-восточной Франции.— 319.
- Пруссия*.— 14, 47, 52, 53, 54, 55, 58, 171, 173, 174, 202, 203, 215, 220, 223, 235, 273, 276, 374, 375, 396, 397, 406, 408, 449, 469, 485, 493, 514, 515, 516, 517, 519, 520, 521, 543, 557, 559, 565, 603, 604, 610, 611, 628, 634, 639, 640, 650, 660, 670, 682, 684, 696, 703, 704, 710, 711, 713, 715, 717, 721, 727, 729.
- Птит-Пьер*— крепость в Эльзасе (восточная Франция).— 479.
- Пфальц*— земля в западной Германии, на левом берегу Рейна.— 52, 58, 477, 480, 481, 490, 665, 672.
- Пфальцбург*— крепость в Эльзасе (восточная Франция).— 479, 530.
- Пуатье*— город в западной Франции; место сражения между войсками франков под командой Карла Мартелла и арабами в 732 г. и между английскими и французскими войсками в 1356 г. во время Столетней войны.— 87, 155, 211, 303.
- Пукта-ди-Пеццо*— форт в южной Италии.— 367.
- Пуэрто-де-Санта-Мария*— город в южной Испании.— 597.

Пьемонт — область в северной Италии.— 309, 317, 318, 319, 320, 349, 378, 641.

Пьядена — населенный пункт в северной Италии.— 338.

Пьяченца — город в северной Италии.— 323, 324, 338, 629.

Пию-Гийом — небольшой город в южной Франции.— 235.

Р

Раджпутана — область в северо-западной Индии.— 128.

Рамбуйе — населенный пункт в центральной Франции.— 654.

Рагибор (Рацибуж) — город на реке Одер в Польше (Силезия).— 454.

Раштатт — город в юго-западной Германии (вблизи Карлсруэ); место сражения пфальцско-баденской повстанческой армии с прусскими войсками 29—30 июня 1849 г.— 59, 278, 448, 510, 665.

Реджио (Реджо-ди-Калабрия) — город в южной Италии.— 362, 363, 365, 366, 367.

Рейн — река в западной Европе.— 97, 153, 311, 315, 348, 375, 469, 470, 472, 473, 474, 476, 477, 479, 480, 486, 487, 490, 510, 521, 534, 639, 640, 641, 642, 646, 647, 648, 683, 702, 727.

Реймс — город в северной Франции.— 499, 500, 501, 503, 538, 552.

Рейсс — река в Швейцарии.— 98.

Рейнская Пруссия — Рейнская провинция Пруссии.— 52, 54, 55, 58.

Рейхенберг — немецкое название города Либерец в Чехии.— 452, 463.

Ремийи — населенный пункт в Лотарингии (восточная Франция), вблизи Седана.— 508.

Ретель — город в северо-восточной Франции.— 503, 504, 505, 538.

Риводи — город в северо-западной Италии.— 309, 348, 349, 431, 437, 457.

Рига.— 641.

Рим.— 78, 328, 349, 352, 354, 360, 631.

Рим, древний.— 5, 25, 147, 148, 153, 186, 283, 684.

Римини — город в северо-восточной Италии.— 237.

Рион (Риони) — река в Грузии.— 91.

Ричмонд — город в штате Виргиния (США).— 438, 441, 442, 523, 685, 687, 693, 694, 697, 698, 699, 700.

Робекко — населенный пункт в северной Италии.— 332, 333.

Рокруа — город и крепость в северной Франции.— 505.

Рокур — населенный пункт в Лотарингии (восточная Франция), близ Седана.— 508.

Ром — город в штате Джорджия (США).— 694.

Рона — река в южной Франции.— 319, 648

Рони — форт в окрестностях Парижа.— 566, 568.

Россбах — город в центральной Германии; место сражения между французскими и прусскими войсками 5 ноября 1757 г. во время Семилетней войны.— 216, 224.

Россия.— 26, 53, 77, 80, 100, 106, 130, 160, 171, 172, 173, 174, 178, 187, 203, 212, 219, 220, 246, 250, 340, 371, 397, 437, 443, 514, 628, 632, 633, 636, 639, 641, 650, 681, 682, 683, 708, 711, 715, 726.

Роттердам — город и порт в Голландии.— 647.

Рохилканд — область на северо-западе Индии.— 122, 124, 127, 129.

Руан — город в северной Франции.— 541, 576.

Рубикон — река в северо-восточной Италии, впадает в Адриатическое море.— 682.

Рэд Ривер — река в США, приток Миссисипи.— 698.

С

Саар — река, протекающая по восточной Франции и западной Германии, правый приток Мозеля.— 473, 474, 476, 478, 487.

Саарбрюкен — город в Саарской области в юго-западной Германии.— 473, 474, 476, 483, 484, 488, 489, 527, 534.

Саарбург — город в Саарской области в юго-западной Германии.— 474.

- Саарлуи** — город в юго-западной Германии.— 474, 478.
- Саарская область** — область в юго-западной Германии.— 483.
- Саверн (Цаберн)** — город в Эльзасе.— 482, 491.
- Савойя** — область в юго-восточной Франции, граничит с Италией.— 319.
- Садова** — населенный пункт в северо-восточной Чехии; место сражения между австрийскими и прусскими войсками 3 июля 1866 г. во время австро-прусской войны (известно также как сражение под Кёниггрецом).— 604.
- Саксония** — земля в восточной Германии.— 52, 54, 58, 329, 402, 447.
- Саламанка** — город в западной Испании.— 592.
- Салери** — населенный пункт в северо-западной части острова Сицилия.— 351, 352.
- Салерно** — город в южной Италии.— 357, 361.
- Салионго** — населенный пункт в северной Италии.— 457.
- Саличио** — населенный пункт в южной Италии.— 367.
- Самбра** — река в северо-восточной Франции и Бельгии.— 648.
- Самос** — остров в Эгейском море, у берегов Малой Азии.— 144.
- Сан-Кассиано** — населенный пункт в северной Италии.— 339, 343, 345.
- Сан-Лукар-де-Баррамеда** — город и порт в юго-западной Испании.— 590, 591, 594, 596, 598.
- Сан-Марино** — город и республика на северо-востоке Апеннинского полуострова (Италия).— 328.
- Сан-Мартино** — населенный пункт в северной Италии.— 330, 331, 343, 345.
- Сан-Рок** — населенный пункт в юго-западной Испании.— 594.
- Сан-Себастьян** — город в северной Испании.— 121.
- Санта Джустина** — населенный пункт в северной Италии.— 457.
- Санта-Лючия** — населенный пункт в северной Италии.— 312.
- Сантиа** — населенный пункт в северной Италии.— 318.
- Сарагосса** — город в северо-восточной Испании.— 234, 523, 524, 525.
- Саравак** — княжество в северо-западной части острова Борнео, находящееся под протекторатом Великобритании.— 109.
- Сардиния** — остров в Средиземном море, провинция Италии.— 198, 221, 318, 348, 349, 360, 362, 392.
- Сахара**.— 675.
- Свеаборг** — крепость вблизи Хельсинки в Финляндии.— 252, 291.
- Святой Елены остров** — скалистый остров в южной части Атлантического океана; с 1815 г. место ссылки Наполеона I.— 623.
- Севастополь** — город в Крыму, порт и крепость на Черном море, героически оборонялся русской армией в течение 11 месяцев в 1854—1855 гг. против войск коалиции Англии, Франции, Турции и Сардинии в период Крымской войны.— 63, 64, 65, 66, 67, 69, 76, 77, 80, 81, 83, 84, 85, 91, 112, 113, 117, 250, 276, 511, 523, 566, 567, 568, 699.
- Северное море**.— 284, 646, 648.
- Севилья** — город в юго-западной Испании.— 581, 591, 592, 594, 596.
- Сезия** — река в северной Италии, левый приток реки По.— 317, 318, 327.
- Селенгинский редут** (в Севастополе).— 566.
- Семеновское** (правильнее: Семеновская) — деревня, расположенная в районе Бородинского сражения 26 августа (7 сентября) 1812 г.— 244.
- Семуа** — река в южной Бельгии и северной Франции.— 506.
- Сена** — река в северной Франции.— 33, 34, 37, 39, 512, 648, 649, 653.
- Седан** — город в северо-восточной Франции, в районе которого 2 сентября 1870 г. произошло одно из крупнейших сражений франко-прусской войны.— 505, 506, 507, 508, 509, 510, 513, 527, 534, 545, 546, 548, 549, 552, 573, 717.

- Сент-Авольд* — населенный пункт в Лотарингии (восточная Франция).— 483, 487.
- Сент-Антуан* — предместье Парижа.— 33, 34, 38, 39, 40, 44, 45.
- Сен-Бернар* — горный перевал в Альпах.— 315.
- Сен-Готард* — горный перевал в Альпах.— 97.
- Сен-Жак* — предместье Парижа.— 33, 34, 36.
- Сен-Кантен* — город в северной Франции.— 503, 572.
- Сен-Ви* — населенный пункт в юго-восточной Франции.— 572.
- Сен-Дени* — предместье Парижа.— 33, 35, 37, 667.
- Сен-Луи* — город в штате Миссури (США).— 430, 685, 693.
- Сент-Имье* — город в Швейцарии.— 589.
- Сен-Марсо* — предместье Парижа.— 33.
- Сен-Мартен* — предместье Парижа.— 37, 38.
- Сен-Мор* — населенный пункт в окрестностях Парижа.— 498, 503.
- Сен-Мензу* — населенный пункт в восточной Франции.— 500, 623.
- Сен-Прива* — форт в окрестностях Меца (восточная Франция); место сражения между прусскими и французскими войсками 18 августа 1870 г. (известно также как сражение при Гравелоте).— 14, 661.
- Сернэ* — населенный пункт в северо-восточной Франции, в окрестностях Седана.— 508.
- Сесто* — см. Сесто-Календа.
- Сесто-Календа* — населенный пункт в северной Италии.— 318, 328, 629.
- Сетледж* — река в северной Индии.— 147.
- Сибирь*.— 130, 347.
- Силезия* — область в центральной Европе в бассейне реки Одер и верховья Вислы, населенная в древности славянами; в средние века принадлежала Польше, потом Чехии, в середине XVIII в. захвачена Пруссией. В настоящее время возвращена Польской республике.— 156, 212, 452, 454, 679, 704.
- Силистрия* — город и крепость в Болгарии.— 87.
- Симферополь* — город в Крыму.— 65.
- Сингапур* — город, порт и военноморская база Англии в южной части полуострова Малакка.— 109.
- Синдия* — область в северо-западной Индии.— 129.
- Сиракузы* — город на юго-восточном побережье острова Сицилия.— 141.
- Сирия*.— 153.
- Ситэ* — остров на р. Сена в Париже.— 33, 34, 35, 36, 38.
- Сицилия* — остров в Средиземном море, принадлежит Италии.— 283, 351, 352, 354, 356, 360.
- Скутари* — часть города Стамбул (Турция), расположенная на азиатском берегу Босфора.— 73, 74, 75.
- Смоленск* — один из древнейших русских городов; место героической обороны русских войск против армии Наполеона во время Отечественной войны 1812 г.— 443.
- Сольферино* — населенный пункт в северной Италии, в окрестностях которого 24 июня 1859 г. произошло сражение между австрийскими и франко-пьемонтскими войсками во время войны Австрии против Франции и Пьемонта.— 342, 343, 345, 347, 349, 372, 373, 375, 436, 456, 457, 459, 515.
- Сомерсет* — город в штате Кентукки (США).— 436.
- Сомма Кампанья* — населенный пункт в северной Италии, расположен в районе сражений под Кустоцей между австрийской и пьемонтской армиями в июле 1848 г. и в июне 1866 г.— 322, 457.
- Сомтер* (Самтер) — форт в штате Южная Каролина на атлантическом побережье (США).— 685.
- Сона* — река в восточной Франции.— 457, 648.
- Соутпорт* — город в северо-восточной Англии.— 386.
- Спарта* — город и государство древней Греции.— 138, 141, 142, 143, 180, 181.

Спартивенто — мыс и населенный пункт в южной Италии.— 362.
Средиземное море.— 136, 147, 208, 284, 310, 648, 649.
Стаунтон — город в штате Виргиния (США).— 687.
Страделла — населенный пункт в северной Италии.— 329.
Страсбург — город в штате Виргиния (США).— 687.
Страсбург — город в восточной Франции — столица Эльзаса.— 78, 266, 268, 479, 481, 482, 483, 487, 534, 569, 644, 646, 648, 682.
Стельвийский (Штильфский) горный проход в Альпах.— 319, 321, 328.
Стенэ — населенный пункт в северо-восточной Франции.— 500, 504, 508.
Сцилла — населенный пункт в южной Италии.— 359, 363, 365, 367.
Суассон — город в северной Франции.— 505.
Судеты — горная цепь в центральной Европе.— 452.
Сухум-Кале — см. Сухуми.
Сухуми — город и порт на Кавказском побережье Черного моря.— 90.
США.— 6, 15, 178, 200, 221, 224, 251, 295, 376, 406, 425, 427, 428, 429, 430, 432, 542, 657, 687, 691, 692, 694, 696, 714, 723.
Сыр-Дарья — река в Средней Азии.— 182.
Сюлли — город в центральной Франции.— 564.
Сюпп — река в северо-восточной Франции.— 538.

Т

Табаско — столица древней Мексики.— 258.
Таламона — населенный пункт в центральной Италии.— 351.
Тампл — предместье Парижа.— 33, 37, 38, 39, 40, 44.
Танаро — река в северо-западной Италии, правый приток реки По.— 318.
Таормина — город на северо-востоке острова Сицилия.— 361, 362.
Тарифа — город в южной Испании.— 594.

Теннесси — штат США.— 431, 432, 436, 437, 438, 687, 689, 690, 692, 698, 700.
Теннесси — река в штате Теннесси (США).— 430, 433, 434, 438, 439.
Термини — город на севере острова Сицилия.— 354.
Техас — штат США.— 438.
Тионе — небольшая река в северной Италии.— 456.
Тионвиль — город в северо-восточной Франции.— 487, 545.
Тироль — горная страна по северным и южным склонам Восточных Альп.— 97, 311, 312, 314, 315, 321, 329.
Тифлис (Тбилиси).— 88.
Тичино — река в северной Италии.— 209, 313, 327, 330, 331, 332, 334, 335, 457.
Торгау — город в восточной Германии (Саксония).— 454.
Торрес-Ведрас — город в Португалии.— 281, 669.
Тортонэ — город в северной Италии.— 321.
Тоскана — область в северо-западной Италии.— 351.
Трапани — город и порт на северо-западе острова Сицилия.— 352, 353.
Трапезунд — город и порт в северо-восточной части Малой Азии на берегу Черного моря.— 90, 91.
Траутенау — немецкое название города Трутнов в северо-восточной Чехии.— 452, 464.
Требия — река в северной Италии; место сражения римской армии с карфагенскими войсками Ганнибала в декабре 218 г. до н. э. во время второй Пунической войны.— 209.
Триест — город и крупный порт на побережье Адриатического моря.— 314, 315.
Трир — город в западной Германии.— 473, 476, 483, 666.
Труа — город в северо-восточной Франции.— 553.
Трубай — немецкое название города Тршебова, расположенного между Чехией и Моравией.— 454.
Тудела — город в северо-восточной Испании.— 524.
Тулон — город, порт и военноморская база в южной Франции.— 80, 319, 625, 634.

Туль — город и крепость в восточной Франции.— 573, 577, 716.
Тур — город в западной Франции.— 530, 541, 546, 564, 575, 652, 653.

Турбиго — населенный пункт в северной Италии.— 330, 331, 335.

Турин — город в северо-западной Италии.— 242, 266, 309, 318, 319, 326, 379, 629.

Турнау — немецкое название города Турнова в северной Чехии.— 463.

Туркуэн — населенный пункт в северной Франции; место сражения между французскими войсками и войсками антифранцузской коалиции 18 мая 1794 г.— 626.

Туртерон — населенный пункт в северо-восточной Франции.— 538.

Турция.— 86, 89, 91, 106, 108, 192, 550, 674.

Тюрингенский лес — гористая местность в средней Германии.— 501.

У

Уаза — река в северной Франции.— 648, 664.

Удейпур — город в западной Индии.— 128.

Украина.— 220.

Ульм — город в южной Германии; место сражения наполеоновских и австрийских войск 17 октября 1805 г.— 268, 278, 497, 510.

Усун — город и река в Южном Китае.— 103.

Ута (Юта) — один из западных штатов США.— 686.

Ф

Фаро — населенный пункт на севере острова Сицилия.— 362, 367.

Феодосия (Кафа) — город в Крыму.— 84, 85.

Фарсистан (Фарс) — область в Иране.— 137.

Фермопилы — горный проход между северной и средней Грецией; место сражения между греками и персами в 480 г. до н. э.— 138, 302.

Фессалия — область в северо-восточной Греции на побережье Эгейского моря.— 140, 151, 206.

Филадельфия — город в штате Пенсильвания (США).— 430.

Филиппвиль — город в южной Бельгии.— 505.

Финикия — древнее государство на восточном берегу Средиземного моря, занимавшее область по склонам Ливанских гор.— 283.

Фирузпур — город в северной Индии.— 123.

Фландрия — область в Бельгии.— 188.

Флёрюс — населенный пункт в южной Бельгии, место победоносного сражения французской революционной армии с австрийскими войсками 26 июня 1794 г.— 431, 437, 625, 626, 727, 728.

Флоренс — населенный пункт в штате Алабама (США).— 434.

Флоренция — город в северной Италии.— 681.

Флорида — штат на юго-востоке США.— 438.

Фоджа — город в южной Италии.— 361, 362.

Фонтенебло — город в центральной Франции.— 654.

Фонтенуа — населенный пункт в Бельгии; место сражения между французскими и союзными войсками Англии, Голландии и Австрии в мае 1745 г. во время войны за австрийское наследство.— 304, 577.

Форбах — город в Лотарингии (восточная Франция).— 483, 484, 491, 493.

Форново — город в северной Италии.— 236.

Франкфурт-на-Одере — город в восточной Германии.— 240.

Франкфурт (Франкфурт-на-Майне) — город в западной Германии.— 50, 51, 52, 54, 448, 455, 469.

Франкония — область в западной Германии.— 559.

Франция.— 8, 9, 13, 64, 67, 76, 77, 78, 80, 88, 141, 156, 157, 162, 163, 169, 171, 173, 176, 178, 189, 191, 196, 200, 203, 213, 215, 217, 221, 224, 236, 241, 242, 243, 247, 249, 266, 270, 275, 277, 278, 290, 315, 349, 371, 375, 379, 392, 396, 398, 470, 471, 472, 484, 486, 492, 493, 497, 498, 501, 502, 505, 506, 510, 514, 515, 516, 519, 521, 522, 527, 528, 529, 530, 533, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 551, 553, 554,

559, 565, 573, 574, 575, 576, 593, 602, 603, 604, 605, 607, 609, 613, 615, 623, 624, 627, 628, 633, 634, 635, 636, 637, 639, 640, 642, 645, 646, 647, 648, 651, 653, 658, 660, 667, 672, 681, 682, 683, 703, 704, 705, 709, 710, 711, 712, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 723, 724, 726, 727, 728, 729.

Фредериксбург — город в штате Виргиния (США).— 698.

Фридланд — город в бывшей Восточной Пруссии на р. Алле (Лова); ныне г. Правдинск Калининградской обл.; место сражения русских и наполеоновских войск 14 июня 1807 г.— 244.

Фруар — населенный пункт в восточной Франции.— 492, 496.

Фульда — город в западной Германии.— 677.

Х

Хагенау — крепость в Эльзасе.— 268, 646.

Херес — город в юго-западной Испании.— 597.

Херсонес — мыс на юго-западном побережье Крыма, близ Севастополя.— 75, 80, 85.

Хохвальд — горный хребет в Западной Германии, продолжение Вогезов.— 7, 648.

Ц

Цвейбрюкен — город в западной Германии.— 474, 480, 483.

Цейц (Цейтц) — город восточной Германии (Саксония), к югу от Лейпцига.— 454.

Цзунмин (Чунмин) — остров в устье реки Янцзы.— 103.

Цизальпинская Галлия — древнее наименование северных областей Италии (Ломбардия и южные склоны Альп).— 309.

Цинциннати — город в штате Огайо (США).— 430.

Цорндорф — населенный пункт, расположенный к северу от места впадения р. Варта в р. Одер; место сражения между прусской и русской армиями 14 (25) августа 1758 г. во время Семилетней войны.— 65, 216, 230.

Цюрих — город в Швейцарии.— 97.

Ч

Чарльстон — город и порт в штате Южная Каролина (США).— 694, 697, 699.

Чаттануга — город в штате Теннесси (США).— 439, 700.

Челенца — город в южной Италии.— 361, 362.

Черезана — населенный пункт в северной Италии.— 340.

Четати — населенный пункт в юго-западной Румынии, вблизи Дуная.— 107.

Черная — речка в Крыму; место сражения между русской армией и коалиционной армией Англии, Франции, Турции и Пьемонта 4 (16) августа 1855 г. во время Крымской войны.— 65, 83, 84, 85.

Чженьцзян — город и порт на реке Янцзы в Центральном Китае.— 103.

Чжушань — остров в Восточно-Китайском море, неподалеку от устья Янцзы.— 102, 103.

Чизапикская бухта — обширная бухта на атлантическом побережье США (штаты Виргиния и Мэриленд).— 425.

Чилеуа — населенный пункт в Канаде.— 304.

Ш

Шалон — город в восточной Франции на реке Сона.— 226, 470, 491, 492, 493, 496, 498, 499, 503, 534, 537, 651.

Шамбери — город на юге Франции.— 646, 647, 648.

Шампань — город и провинция на юге Франции.— 648.

Шанхай — крупнейший город и порт Китая.— 103, 110.

Шарлемон — город в северной Франции.— 501, 503, 505.

Шартр — город в центральной Франции.— 542, 564, 652, 653, 654.

Шатоэн — город в центральной Франции.— 652.

Шатийон — город в восточной Франции.— 545.

Шахджунж (Шахгандж) — город в северной Индии.— 127.

Швейцария.— 95, 96, 97, 144, 156, 171, 190, 202, 319, 321, 376, 390,

391, 397, 398, 402, 414, 415, 575, 589, 660, 665, 666, 686, 714.

Швеция.— 163, 378, 379, 405.

Шельда—река в северной Франции и Бельгии.— 649.

Шенандоа—река в США, приток Потомака.— 685, 688, 697, 699.

Шербург—город и порт в северной Франции.— 276, 530, 576, 577.

Шеффилд—город в северной Англии.— 17.

Шиер—река в северо-восточной Франции.— 508.

Шлезвиг—область в северной Германии.— 447, 461, 695.

Шлетштадт—крепость в Эльзасе.— 268.

Шомон—город в восточной Франции.— 530.

Шотландия.— 22, 286.

Шпихерн—населенный пункт в северо-восточной Франции.— 491, 536, 537.

Шплюген—горный проход в Альпах.— 328.

Штеттин (Шецин)—город на реке Одер (Польша).— 501, 679.

Штральзунд—город и порт на Балтийском море в северной Германии.— 557.

Штригау—немецкое название города Стшегом в Польше (Силезия).— 216.

Э

Эбро—река в Испании.— 524.

Эгина—остров в Эгинском (Сароническом) заливе на юго-востоке Греции.— 5.

Эйзенах—город в центральной Германии.— 455.

Эйлау или Прейсиш-Эйлау—город в бывшей Восточной Пруссии (ныне г. Багратионовск, Калининградской обл.), близ которого произошло сражение между войсками Наполеона и русской армией 26—27 января (7—8 февраля) 1807 г.— 65.

Эйпель—река в Венгрии; левый приток Дуная.— 464.

Эйфель—горная местность в западной Германии.— 473, 474.

Экмоль—населенный пункт в южной Германии (Бавария).— 229, 321, 629.

Эльба, или Лаба—одна из крупнейших рек в центральной Европе.— 21, 284, 452, 454, 455, 559, 642.

Эльба—остров, расположенный в Средиземном море, между Апеннинским полуостровом и островом Корсика.— 301.

Эльзас—область в восточной Франции.— 478, 479, 487, 488, 550, 553, 708, 709, 710, 711, 712.

Эльсвик—город в центральной Англии.— 17.

Эна—река в северной Франции (бассейн Сены).— 648.

Эренбрейтштейн—город в западной Германии.— 276, 476.

Эрикур—город в юго-восточной Франции.— 572, 573.

Эрзерум—город в Закавказье (Турецкая Армения).— 86, 89, 90.

Эсслинг—населенный пункт в Австрии, близ Асперна, в районе которого 21—22 мая 1809 г. произошло сражение между французской и австрийской армиями, известное как битва при Асперне.— 303.

Этен—населенный пункт в северо-восточной Франции.— 496.

Этолия—древнее название гористой местности в западной Греции.— 140.

Ю

Юлих—город в западной Германии.— 266.

Юра, *Юрский хребет*—горная цепь в центральной Европе, расположенная на территории южной Франции, Швейцарии и северной Италии.— 573, 646, 648.

Я

Янцзы—величайшая река Китая.— 102, 103, 104.

Яксарт—см. Сыр-Дарья.

Ямайка—остров в Карибском море из группы Больших Антильских.— 701, 702, 715.

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	Стр. III
Ф. Энгельс — великий знаток военного дела	V

Из книги „Анти-Дюринг“

Теория насилия	3
Теория насилия (Продолжение)	10
Теория насилия (Окончание)	18

Революции 1848—1849 гг.

Июньская революция (ход восстания в Париже)	33
25 июня	42
Статьи из серии „Революция и контрреволюция в Германии“ . . .	47
XIII. Прусское Учредительное собрание. Национальное собрание	—
XVII. Восстание	51
XVIII. Мелкая буржуазия	55

Крымская война 1853—1856 гг.

Кампания в Крыму	63
Военное дело в Англии	71
Критика французской системы ведения войны	76
Последние события в Крыму	80
О положении в Крыму	83
Война в Азии	86

Статьи по военным вопросам 1857—1858 гг.

Колониальные войны Англии. Восстание в Индии

* Горная война прежде и теперь	95
* Новая экспедиция англичан в Китай	102
Персия и Китай	106
* Восстание в Индии	112
* Взятие Лакнау	118
* Восстание в Индии	124
* Восстание в Индии	127

* Звездочкой впереди заглавия отмечены статьи, которые были озаглавлены редакцией Сочинений Маркса и Энгельса. *Ред.*

Стр.

Статьи из „Новой американской энциклопедии“

Армия	135
Пехота	179
Кавалерия	205
Артиллерия	233
Фортификация	258
Флот	283
Сражение	297
Атака	301

Итальянская война 1859 г. Кампания Гарибальди в Сицилии и южной Италии (1860 г.)

Как Австрия держит в своих руках Италию	309
Шансы успеха в предстоящей войне	317
Бой при Монтебелло	323
Стратегия войны	326
Глава из истории	330
Отступление австрийцев на Минчио	337
Правосудие истории	342
Итальянская война. Обзор прошлого. Статья III	347
Гарибальди в Сицилии	351
Гарибальдийское движение	356
Продвижение Гарибальди	360
Гарибальди в Калабрии	365

Статьи по военным вопросам 1860—1861 гг.

Военная реформа в Германии	371
О нарезной пушке	376
История винтовки	388
Ротное учение	418

Гражданская война в США в 1861—1865 гг.

Уроки американской войны	425
Гражданская война в Америке	430
Положение на американском театре войны	440

Австро-прусская война 1866 г.

Заметки о войне в Германии	447
--------------------------------------	-----

Франко-прусская война 1870—1871 гг.

Заметки о войне — I	469
Заметки о войне — III	473
Заметки о войне — IV	476
Прусские победы	481
Заметки о войне — VI	486
Кризис войны	490
Заметки о войне — XI	495
Заметки о войне — XII	499
Заметки о войне — XV	503
Французские поражения	507
Заметки о войне — XVI	510

	Стр.
Расцвет и упадок армий	514
Как разбить пруссаков	519
Сарагосса — Париж	523
Падение Меца	527
Заметки о войне — XXVI	531
Апология императора	534
Бои во Франции	540
Военная обстановка во Франции	545
Шансы войны	550
Прусские партизаны	556
Заметки о войне — XXXI	561
Заметки о войне — XXXIII	566
Заметки о войне — XXXVIII	571
Положение дел во Франции с военной точки зрения	574

Статьи по военным вопросам (70-е—90-е годы)

Бакуинисты за работой. Записки о восстании в Испании летом 1873 г.	581
Неразговорчивый штабной крикун Мольтке и его недавний лейпцигский корреспондент	599
Официозный вой о войне	602
Из введения к брошюре Боркгейма „На память ура-патриотам 1806—1807 гг.“	610
К 20-й годовщине Парижской Коммуны (письмо в редакцию газеты „Le Socialiste“)	613
Из введения к работе К. Маркса „Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.“	615

Из рукописного наследства Ф. Энгельса

* Возможности и перспективы войны Священного союза против Франции в 1852 г.	623
* О прусской армии	650
Замечание к странице „Истории Коммуны“. Перемирие г. Тьера от 30 октября 1870 г.	651
Тактика пехоты и ее материальные основы. 1700—1870 гг.	655

Из писем К. Маркса и Ф. Энгельса

1. Энгельс — Женни Маркс, 25 июля 1849 г.	665
2. Энгельс — Марксу, 3 апреля 1851 г.	666
3. Энгельс — Марксу, 11 апреля 1851 г.	668
4. Энгельс — И. Вейдемейеру, 19 июня 1851 г.	669
5. Энгельс — Марксу, 26 сентября 1851 г.	671
6. Энгельс — Марксу, 7 мая 1852 г.	672
7. Маркс — Энгельсу, 2 июня 1853 г.	673
8. Энгельс — Марксу, 6 июня 1853 г.	675
9. Энгельс — Марксу, 9 мая 1854 г.	—
10. Маркс — Энгельсу, 17 октября 1854 г.	677
11. Энгельс — Марксу, 22 сентября 1857 г.	—
12. Маркс — Энгельсу, 25 сентября 1857 г.	680
13. Маркс — Ф. Лассалю, 4 февраля 1859 г.	681
14. Маркс — Ф. Лассалю, 25 февраля 1859 г.	683
15. Маркс — Энгельсу, 27 февраля 1861 г.	684
16. Энгельс — Марксу, 12 июня 1861 г.	—
17. Энгельс — Марксу, 3 июля 1861 г.	686

	Стр.
18. Энгельс — Марксу, 30 июля 1862 г.	687
19. Маркс — Энгельсу, 7 августа 1862 г.	689
20. Маркс — Энгельсу, 10 сентября 1862 г.	690
21. Маркс — Энгельсу, 29 октября 1862 г.	691
22. Энгельс — Марксу, 5 ноября 1862 г.	692
23. Энгельс — Марксу, 4 сентября 1864 г.	693
24. Маркс — Энгельсу, 7 сентября 1864 г.	694
25. Энгельс — И. Вейдемейеру, 24 ноября 1864 г.	695
26. Энгельс — своему брату Рудольфу, 10 января 1865 г.	697
27. Энгельс — И. Вейдемейеру, 10 марта 1865 г.	698
28. Энгельс — Марксу, 15 июля 1865 г.	701
29. Энгельс — Марксу, 1 декабря 1865 г.	702
30. Энгельс — Марксу, 2 апреля 1866 г.	—
31. Маркс — Энгельсу, 7 июня 1866 г.	703
32. Энгельс — Марксу, 4 июля 1866 г.	—
33. Маркс — Энгельсу, 7 июля 1866 г.	704
34. Энгельс — Марксу, 16 января 1868 г.	705
35. Энгельс — Марксу, 27 сентября 1869 г.	706
36. Энгельс — Марксу, 16 декабря 1869 г.	707
37. Энгельс — Марксу, 15 августа 1870 г.	—
38. Маркс — Энгельсу, 17 августа 1870 г.	709
39. Маркс — Комитету Социал-демократической рабочей партии Германии, 1 сентября 1870 г.	710
40. Энгельс — Марксу, 4 сентября 1870 г.	712
41. Маркс — Э.-С. Бизли, 16 сентября 1870 г.	713
42. Маркс — Л. Кугельману, 13 декабря 1870 г.	714
43. Маркс — Л. Кугельману, 4 февраля 1871 г.	716
44. Маркс — Л. Кугельману, 12 апреля 1871 г.	718
45. Маркс — Л. Кугельману, 17 апреля 1871 г.	719
46. Маркс — Э.-С. Бизли, 12 июня 1871 г.	—
47. Маркс — А. Гюберу, 10 августа 1871 г.	720
48. Маркс и Энгельс — председателю Славянского митинга, со- званного 21 марта 1881 г. в честь годовщины Парижской Ком- муны	721
49. Энгельс — К. Каутскому, 12 сентября 1882 г.	722
50. Энгельс — А. Бебелю, 28 октября 1885 г.	723
51. Энгельс — А. Бебелю, 8 октября 1886 г.	724
52. Энгельс — Ф.-А. Зорге, 7 января 1888 г.	725
53. Энгельс — В. Адлеру, 4 декабря 1889 г.	727
54. Энгельс — Ф. Мерингу, 14 июля 1893 г.	728
55. Энгельс — Ф.-А. Зорге, 10 ноября 1894 г.	729
Примечания	730
Указатель имен	789
Указатель географических названий	815

Сборник составил Л. И. Гольман. В подготовке примечаний принимали участие В. Д. Верходубов, Л. И. Гольман, В. А. Дивин, Н. Т. Царев, П. П. Чернушков. Указатель имен составила Г. П. Худякова, указатель географических названий — Н. Г. Севрюгина.

Под наблюдением редактора *Аристова А. Д.*

Художник Кривинская Е. Я.

Технический редактор *Коновалова Е. К.*

Корректор *Цветкова Л. К.*

Сдано в набор 3.4.57

Г-35131

Подписано к печати 16.07.57

Ф-т бум. 60×92¹/₁₆ — 64³/₈ п. л. = 54,376 усл. п. л. + 1 вклейка — ¹/₈ п. л. = 0,125 усл. п. л.
52,933 уч.-изд. л.

Военное Издательство Министерства Обороны Союза ССР

Москва, Тверской бульвар, 18

Изд. № 1/9705.

Зак. № 1199

2-я типография имени К. Е. Ворошилова Управления Военного Издательства

Министерства Обороны Союза ССР

Ленинград — Центр-1, Дворцовая пл., 10

Цена 13 р. 70 к.